ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874. ИЗДАВАЕМЫЙ **9.**

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

Первыя шесть тетрадей Русскаго Архива 1874 г. съ гравированнымъ портретомъ князя Одоевскаго вышли особою книгою, которую можно получать по 4 р. съ пересылкою по 4 р. 50 к.)

МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.
1874.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1874
(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по 4 рубли, съ пересылкою по 4 р. 50 к.

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи — 3 р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

О доставленіи недосланныхъ денегъ Контора Русскаго Архива напоминаетъ тѣмъ лицамъ, которыя не сполна оплатили годовую подписку

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ПИСЬМА ПѢШЕХОДА ВАСИЛІЯ ГРИГОРЬЕВИЧА БАРСКАГО.

(1723—1746).

Въ настоящее время, Барскій почти совсѣмъ забытъ; но онъ ждетъ своего біографа: между ревнителями просвѣщенія первой половины прошлаго вѣка онъ долженъ занять свое мѣсто. Двадцать четыре года Барскій странствовалъ по чужимъ землямъ съ единственною цѣлью — учиться; онъ самъ говоритъ: *идѣже бо ученіе, тамо просвѣщеніе ума, а идѣже просвѣщеніе ума, тамо познаніе истины.* Отправляясь отъ этого убѣжденія, Барскій всю жизнь искалъ истины. Въ концѣ прошлаго вѣка, издано было его „Путешествіе“ и пріобрѣло обширный кругъ читателей, судя по числу изданій этой книги. При маломъ развитіи любви къ чтенію въ тогдашнемъ обществѣ, такое явленіе заслуживаетъ вниманія и объясненія. Кажется, что „Путешествіе“ Барскаго извѣстностію своею главнымъ образомъ обязано искренности разсказа, увлекавшаго читателей.

Кромѣ записокъ о своемъ паломничествѣ, Барскій оставилъ еще печатаемыя здѣсь письма къ роднымъ, обнимающія двадцать четыре года его странствій. Письма эти сохранились подлинниками въ библіотекѣ графа А. С. Уварова (№ 381), куда поступили съ другими рукописями отъ извѣстнаго собирателя И. Н. Царскаго.

Барскій родился въ 1701 году, въ Кіевѣ, гдѣ получилъ и школьное образованіе. О семъ послѣднемъ онъ говоритъ: „аще же и не силенъ въ наукѣ былъ, обаче прошелъ малыя школы даже до риторики и началъ философскихъ. Въ сіе же поученіе вступилъ я самъ, кромѣ (*) позволенія отца моего и кромѣ помощи домашняго учителя; отецъ бо мой былъ книженъ точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи; мужъ аще и благоговѣенъ, но нравомъ простъ, видя въ ученыхъ излишнее прѣніе, гордость, упрямство, славолюбіе, зависть и прочіе обыкновенные ихъ пороки и мня, яко отъ науки имъ сія бываютъ, а не отъ самовольнаго произволенія, тщился всячески воспятить мнѣ намѣреніе, но не возможе, помоществующей мнѣ матери. Многажды же и послѣ покушался развращать меня словесы своими и совѣтовалъ оставити малопотребную сію науку и въ церковномъ упражнятися пѣснопѣніи и чтеніи; но видя во мнѣ нѣякую къ сему непреоборимую естественную склонность и охоту, прочее оставилъ мя мирна.“

Двадцати двухъ лѣтъ Барскій отправился въ свое странствіе, а вернулся на родину сорокашестилѣтнимъ монахомъ и, проживъ здѣсь немного болѣе мѣсяца, умеръ 7 Октября 1747 года (*).

Александръ Лазаревскій.

(*) Т. е. *безъ. П. Б.*

(*) Замѣчательно, что путешествіе Барскаго, ознакомившее Русскихъ людей съ Турецкими землями, было издано по желанію и на издержки князя Потемкина (см. первое изданіе 1778 года), для котораго такъ называемый Греческій проэктъ не былъ политическою утопіею, а дѣломъ живымъ и общенароднымъ. *П. Б.*

1.

Мнѣ наймилшій родителю! Отческое на сына своего мню быти неблагословеніе, для безбытности вашей родительской милости, въ такъ далекую важилемся отъихати дорогу; но понеже сбытечная нужда и законъ измѣнила. Теперь теды, при такъ случной оказіи, сыновскій мой ку вашей родительской милости засилаю листъ, въ которомъ-то мира, здравія и всякихъ счастливихъ фортунныхъ вызичивши сукцессовъ, желаю, дабы всемогущій небесный Владыка сыновскихъ ради моихъ недостойнихъ молитовъ, аще не на большое, то поне на толикое, еликое пожелаете время, честное и благоугодное ваше родителей моихъ продолжилъ житіе; донелѣже Тойжде, по милости Своей къ роду христіанскому, горняго гражданства сосельника васъ, со всею Богомъ данною рода вашего отраслію, сотвори быти. Тутже прошу о прощеніи, жемъ безъ бытности вашей родительской милости отъихалъ; простѣте и благословѣте, а не клѣнѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божіимъ и вашимъ отческимъ, всякіе замыслы и поступки благополучніи были. Писалъ бымъ вамъ гдѣ буду, или гдѣ имѣю резидовати; але и самъ отнюдь не знаю; если буду на пѣвнимъ мѣстцу, въ той часъ опишуся. Теперъ теди извѣщаю, же, за провиденціею Божіею, естемъ здравъ и счастливемъ ихалъ ажъ до самаго Почаева. Не вѣдаю, какъ Господь Богъ далѣй позволитъ; только съ нуждою ми было, же не взялъ якой свити, альбо кобеняка, бо мъ кошулю нѣнащо зопсовавъ коло воза пораючися, и досихъ часъ не перемѣнювавъ и не буду, ажъ паки не стану на пѣвномъ мѣстцу. А другое сдалобися було и зослоти, и укриватися въ дорозѣ не было чимъ, бо байбарака жалую по росѣ мочити; досить того, же и такъ нѣнащо зомявся. Тутежъ извѣщаю, же иду до Львова, а пѣвнѣ не извѣщаю, гдѣ буду; Богъ вѣсть: може ище и далѣй пойду. А шнуря не продавъ, бо купецъ не трафился; хиба Богъ (дастъ) продати въ Львовѣ. Тутже прошу покорнѣ поклонитися отъ мене госпожѣ Цотусѣ, и панѣ сестрѣ Аѳанасіи, и всѣмъ домашнимъ, и всѣмъ кревнимъ, и всѣмъ знаемимъ моимъ: пану Яну Цедровскому, бывшему дидаскалу соборному Кіевскому, пану Андрею тераznѣйшому дидаскалу, пану Емеліяну благодѣтелеви моему, пану Левицкому и всѣмъ паномъ, зостаючимъ въ школѣ соборной. На остатку прошу о прощеніи, же такъ не жграбно писалъ, бо и перо, отъ слонечного упалу, засхло, и инкаустъ съ воцовою помѣшался водою, и руки догтемъ засмарованни не могли за досить учинити. Не пишу кождому особливѣ, бо и часу, и мѣстца, и всего до писаня не стае; когда буду на случномъ мѣстцу, тогда каждому особливѣ (буду?) кланятися, а теперъ первѣе Господу Богу, а потомъ вашимъ родительскимъ милостямъ поручаю себе и естемъ на завше, къ вашимъ родительскимъ милостямъ, найнижшій слуга и подножокъ, зичливій сынъ Василій Григоровичъ Барскій.

Съ Почаева, року 1723,
мѣсяца Августа 13 числа.

Не пишу о Демяновѣ; сами вѣдае(те), какъ его дозирать; не испрашую, чи заплачено, бо отвѣту не знатимете куда послать; какъ буду на пѣвномъ мѣстцу, въ той часъ и спрошу; а теперъ если съ дороги пріихалъ, а не заплатилъ, дайте ему сей маленькій въ листѣ картелюшъ. При семъ васъ всѣхъ Господу Богу поручаю *).

---

*) Письмо надписано: „моему велцѣ ласковому добродѣеви наймильшому родителеви, пану Григорію, мѣщанину Кіевскому всепокорственно да вручится.“

2.

Честнѣйшіе и зѣло мнѣ возлюбленніе родителіе, мосце пане Григорій, съ честною твоею супругою Маріею, радуйтеся о Господѣ.

Поневажъ, по волѣ Божественной, случилося мнѣ долго въ далекихъ сторонахъ замедлѣти, молю вашу отческую любовь, абисте не скорбѣли за мене, поневажъ не забавомъ, аще Богъ изволитъ, маю до васъ повернутися; только молѣте Бога о мнѣ грѣшномъ, якоже и азъ всегда, денно и нощно, молю всещедраго давца Бога, або вамъ даровалъ миръ, здравіе и благополучіе, и долголѣтное промѣшканіе, и да сподобитъ мя паки видѣти здравихъ васъ, наймильшихъ моихъ родителей, и очевидно пріяти отческое благословеніе. Многіе до васъ отъ Іерусалима, отъ Египта, отъ Патма, отъ Пора и отъ Сакиза послахъ листы; обаче не вѣмъ, аще дойшли до рукъ вашихъ. Для того теперъ, по Божію смотрѣнію, поневажъ случился до насъ въ Дамаскъ прійти единъ человѣкъ пѣвный съ Нѣжина, и снову имѣлъ намѣреніе тамъ въ наши сторони по(вернути)ся, посилаю сей мой до васъ, съ низкимъ поклономъ, листъ, въ которомъ даю вамъ извѣстку, же теперъ пребиваю въ славетномъ и великомъ городѣ Дамаску, въ престолѣ Антіохѣйскомъ, въ дворѣ святѣйшаго патріархи господина Силвестра, которій велику къ мнѣ показуетъ любовь и странолюбіе, и ни въ чемъ, слава Богу, неоскуденъ есмъ, и имаю намѣреніе въ дворѣ его забавитися рокъ единъ, съ умислу, чекаючи отъ васъ отвѣтнаго ко мнѣ писанія: не можетъ бо мое сердце мирное быти, ажъ пока не услышу о вашемъ здравіи и поведеніи. Для того теди чрезъ сегожъ листоподавца, альбо чрезъ иншаго, пѣвнѣйшаго, послѣте къ мнѣ въ Дамаскъ вашъ превожделѣнній листъ, поневажъ не изійду съ сего города, ажъ пока не получу отъ васъ писанія. Вашей родительской милости всякихъ благъ желатель, смиренный сынъ вашъ Василій Григоровичъ *).

Съ Дамаска града,
року 1733, Августа 1.

3.

Благороднѣйшіе и зѣло мнѣ превожделѣнніе по плоти родителіе, мосце пане Григорій съ честною твоею супругою Маріею, радуйтеся о Христѣ Іисусѣ.

Вашу родительскую старость умними устнами вседушно цѣлующи и съ поклоненіемъ до земли отческаго благословенія просящи, молю всемогущаго Бога, да сохранитъ, поддержитъ и утвердитъ вашу честность въ здравіи, благополучіи и душеполезномъ спасеніи на лѣтъ множество. Аще хощете и о мнѣ увѣдати, благодатію Божіею есмъ живъ и здравъ, и ни въ чемъ неоскуденъ, ниже прискорбенъ; сія точію печаль частѣ на сердце мое нападаетъ, яко отнелѣже разлучихся отъ васъ, никогдаже извѣститися не могохъ о вашемъ здравіи и поведеніи. Аще бо азъ различними временами отъ различныхъ и далекихъ мѣстъ, многая множицею, къ вамъ послахъ писанія, обаче не чаю, дабы дошли до честнѣйшихъ вашихъ рукъ, понеже даже доселѣ никаковаго никогда же отъ васъ не воспріяхъ отвѣта. Вины же не свѣмъ, или ради моего непостоянства на единомъ мѣстѣ, или далечайшаго между нами разстоянія, или скуднаго обрѣтенія листоподавца, Богъ вѣсть. Нынѣ же извѣстно буди вамъ, возлюбленнимъ моимъ родителемъ, яко пребиваю до вре-

*) Письмо надписано: „Благородному его милости пану Григорію Іоанновичу, крамаровѣ Печерскому, жительствующему въ градѣ Кіевѣ, на Подолѣ, на ринку, при соборной церквѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, здравственно отдати.“ Подобныя же надписи и на другихъ письмахъ.

мени въ престолѣ Антіохійстѣмъ, въ пресловутомъ и великоименитомъ градѣ Дамаску, во дворѣ святѣйшаго патріарха и господина киръ Силвестра, иже великую ко мнѣ показуетъ любовь и страполюбіе; и учуся въ его училищи погреческу. Хощу же, аще Богъ изволитъ, здѣ замедлѣти цѣлый годъ, наченши отъ сего мѣсяца Августа даже до грядущаго лѣта и ожидаю нарочно отъ васъ писанія извѣстительнаго о вашемъ здравіи и о вашихъ домашнихъ, чрезъ сегожъ листоподавца господина Спандонѣя, иже есть рожденецъ Цариградскій, мужъ благороденъ и благоразуменъ, намѣстникъ же и совѣтникъ патріархи Антіохійскаго, къ тому же и купецъ знаменитый, иже отходитъ нынѣ въ Москву, ради купленія товаровъ и паки въ грядущее лѣто къ намъ имать возвратитися. Извольте убо его пріяти въ домъ и почтити честно, понеже мой есть зѣло любезній другъ, и безъ сумнѣнія вѣрую, яко и мой къ вамъ донесетъ листъ (аще Богъ изволитъ) и вашъ къ мнѣ паки принесетъ, точію изволите къ мнѣ писати. Богъ же мя да сподобитъ паки васъ здравихъ видѣти; и не тужите о мнѣ, яко толь великое замедлихъ время, ибо помощію Божіею имамъ скоро къ вамъ возвратитися; еще бо единъ толи, оли два года умислихъ замедлити, ради совершеннѣйшаго изученія Еллиногреческаго діалекту. Послѣди же вседушно хощу, аще Богъ изволитъ, въ отчество мое возвратитися и потѣшити вашу родительскую старость моимъ пришествіемъ. Привѣтствуйте возлюбленнаго брата моего Ивана, которій самъ, своею рукою написанный, нехай пошлетъ листъ къ мнѣ, да увѣдаю о немъ, какъ поводится, что изучился и въ каковомъ дѣлѣ пребиваетъ. Всечестной госпожѣ Евфросиніи, съ всечестною инокинею Аѳанасіею, и превелебнѣйшому въ Богу отцу Касѣяну и всѣмъ моимъ по плоти сродникомъ нижайшій поклонъ препосилаю; еще же всѣхъ друговъ моихъ и сверсниковъ, отъ Лацѣнскихъ школъ, извольте привѣтствовати и аще возлюбится имъ къ мнѣ послати писаніе, да предадутъ въ руцѣ сему жъ листоподавцу; зѣло бо вѣренъ есть и мой великій пріятель. Іустинъ Леннѣцкій не вѣмъ гдѣ обрѣтается, съ которымъ я выихалъ вкупѣ до Полщи, и если онъ въ Кіевѣ, поздравляйте его отъ мене. И тое нехай вамъ будетъ вѣдомо, же я всю свою одежу и книжки, що взялъ съ собою съ Кіева, зоставилъ въ Львовѣ, на передмѣстю, въ единомъ монастырѣ Русскомъ, святаго Іоанна Богослова, предавши все въ руки тогда бывшему игумену Пахомію Гучинскому; а теперъ не знаю, чи хоронятся тіи вещи, поневажъ не сподѣвавеся я такъ много забавитися въ далекихъ сторонахъ, и если би кто отъ знаемихъ имѣлъ ихати отъ Кіева до Львова, просѣте его, аби довѣдался о рѣчахъ онѣхъ. Если бы ихъ моглы ви ошукати до себе, добре бисти учинили, же би я потомъ, поворочаючися къ вамъ съ Турецкихъ сторонъ, не накладалъ дороги въ Полщу. О чесомъ всемъ мнѣ извольте извѣстити. Богъ же паки да сподобитъ лицемъ къ лицу видѣтися и возрадоватися. Васъ честнѣйшихъ и любезнѣйшихъ моихъ родителей всякихъ благъ желатель и смиренный сынъ вашъ Василій Григоровичъ.

Съ Дамаска.
1733, Августа перваго числа.

4.

Честнѣйшіе и паче всего міра любезнѣйшіе родители.

Многомятежное время (отнелиже получихъ вожделѣнное ваше посланіе и къ вамъ отписахъ съ Кипра острова), не остави мя даже до нынѣ привѣтстви-

тельный мой листъ паки къ вамъ послати. Нынѣ же, милосердному Богу миръ міровѣ своему даровавшему, паки должное мое къ вашей честности предпосилаю рукописаніе, а въ немъ нижайшое, съ лобизаніемъ десницъ ихъ честныхъ, поклоненіе, молящи неизреченную Вседержителя благостиню, да посѣтитъ и утвердитъ съ висоти щедротъ Своихъ вашу пречестную старость, соблюдающи и покрывающи въ мирѣ, здравіи, благополучіи, долгоденствіи и душеполезномъ спасеніи и да сподобитъ насъ, по маломъ времени, видѣтися лицемъ къ лицу, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ. Нынѣ же помошію Божіею, за вашими родительскими молитвами, обрѣтаюся здравъ, въ островѣ Патмѣ, идѣ же обрѣтается святая пещера, въ нейже святый Іоаннъ Богословъ написа божественное Евангеліе и Откровеніе, яко же пишутъ древнія книги Греческія кожаныя. Сей островъ окруженіемъ не великъ есть, ибо единъ градецъ точію на себѣ имѣетъ, обаче именемъ знаменитъ и прослутъ въ всей Турецкой землѣ, понеже въ немъ обрѣтается монастиръ изряденъ, созданъ въ имя св. Іоанна Богослова, отъ древняго царя Греческаго Алексѣя Комнина. При предреченной же пещерѣ обрѣтается новосозданное училище Греческое, въ немъ же предаются ученія грамматическая и философская; въ семъ и азъ пользуюся уже два лѣта, кормящися отъ монастиря и безмолствующи, ради стуженія времени. И еще имѣю намѣреніе потрудитися нѣкое лѣто и вящше, донелѣже совершенно наши примирятся съ невѣрными. Послѣди же, аще Богъ изволитъ, всеедушно потщуся возвратитися въ отчество. Молю убо вашу родительскую любовь не печаловати о мнѣ недостойномъ и не стужайте всуе ваше при старости здравіе, ибо имамъ возрастъ, разумъ и изволеніе къ исправленію благихъ дѣлъ и чаю на милосердіе Божіе, яко аще будете молытствовати о мнѣ грѣшномъ, узрите мя воскорѣ съ великою радостію; ибо множайшую мнѣ пользу, паче тисящъ злата и сребра, сотвори странствованіе, и мню, яко Божіе о мнѣ бысть промышленіе. Островъ убо сей отстоитъ отъ Цариграда плованіемъ пять или шесть днїй, на Бѣломъ морѣ, на пути къ Іерусалиму пловущимъ. Аще убо изволите ко мнѣ послати листи, посилайте чрезъ онаго купца, пріятеля моего, господина Спандонѣя, чрезъ его же и первіи ваши до мене послали листы, аще случится прійти въ ваши страны; аще же ни, то чрезъ иныхъ купцовъ, къ емужъ въ Цариградъ въ домъ его, или въ дворъ нашего посла, идѣже при послѣ обрѣтается нѣкій словесный мужъ въ Латинскомъ ученіи, іеромонахъ съ Кіева, съ Святой Софіи, отецъ Констатій [1]), или како нибудь могутъ вамъ совѣтъ дати Греки, жители Кіевскіе, или купцы приходящіи. Мню бо, яко въ нынѣшное время безъ всякаго прикосновенія могутъ удобно листи прохождати. Слышахомъ, яко въ Кіевѣ, самодержавной императрицы повелѣніемъ, создася новое училище, и учитель зѣло искусный въ Греческой мудрости обрѣтается. Аще убо есть истинна, или ни, молю прилѣжно извѣстити мнѣ о немъ подробну, какъ ему имя и проименованіе, каковаго рода, каковаго сана, гдѣ изучился, каковой силы въ ученіи, каково ученіе или грамматическое точію, или философское, и на коемъ мѣстѣ сооружено есть училище. Возлюбленнаго и единоутробнаго моего брата Іоанна привѣтствую все-

---

1) Константинъ Неаполитанскій, который былъ постояннымъ, начиная съ 1740 года, коммиссіонеромъ Барскаго при посылкѣ послѣднимъ писемъ на родину; это видно изъ пяти писемъ Неаполитанскаго къ Барскому, сохранившихся въ той же рукописи, впрочемъ, не заключающихъ въ себѣ ничего особеннаго.

усердно и совѣтую паки из. . . . [1]) Привѣтствую вседушно обще всѣхъ, госпожу Евфросинію, и госпожу Аѳанасію, и возлюбленныхъ моихъ сестеръ, и благодарствую за присланніи дары; такожде всѣхъ сродниковъ и пріятелей по имени, и молю, да сохранитъ Господь всѣхъ здравыхъ, даже до моего возвращенія, и да сподобитъ насъ всѣхъ зрѣтися лицемъ къ лицу и, по многолѣтной печали, радоватися. А при семъ васъ Господу Богу вручаю и прошу о молитвѣ святыя. Вашей родительской милости сущій и смиренный сынъ Василій Григоровичъ.

Съ острова Патма.
1740, Августа послѣдняго числа.

5.

Честный и зѣло возлюбленный, единоутробный брате Іоаннъ. Желаю тебѣ отъ всевидящаго Творца всякихъ благъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, здраваго же и благополучнаго другъ съ другомъ совокупленія, по нашему вожделѣнію. Аще и плачевное возвѣщеніе пріяхъ отъ честнаго твоего посланія о преставленіи любезнѣйшаго нашего родителя, обаче радостію, юже имамъ о благомъ твоемъ предуспѣяніи, далече прогоняю всякую мнѣ наносимую печаль: ибо уже познахъ тя мужа совершенна возрастомъ суща, благоразумна же и благонравна. И похваляю твое еже къ мнѣ почитаніе и смиренномудріе. Сего ради, понеже Божіимъ смотрѣніемъ удостоился еси быти наслѣдникъ отческой, тщися достойно званіе свое совершати съ прилѣжаніемъ о попеченіи дому и о вдовствующей при старости родителькѣ нашей и, аки мужественъ сій, утѣшай всячески немощъ женскую благоувѣтливимы глаголы, съ должнимъ почитаніемъ, говѣніемъ же и крайнимъ послушаніемъ, поминающи Божіе приказаніе: чти отца твоего и матеръ твою, и долголѣтенъ будеши на земли блазѣ. Не ревнуй нравомъ женскимъ, плачущи и болѣзнующи о медлѣніи возвращенія моего, да не къ тому стужаеши и горлицы плачевной матери утробу, но дерзай мужественно, образъ себя показуя къ прогнанію всякой скорби. Се посилаю тебѣ и иное купно посланіе Еллиногреческимъ грамматическимъ языкомъ, по художеству и силѣ ученія моего, отъ мене сложенное, къ словеснѣйшему и премудрому оному учителю, отцу Симону Тодорскому. Потщися убо самъ, своими рукамы, сіе ему подати, съ подобающимъ отъ мене поклоненіемъ, и моли его прилѣжно, да на сіе отпишетъ мнѣ отвѣтъ тимжде Еллиногреческимъ, по силѣ мудрости его, діалектомъ, а не инымъ. И да вѣси, возлюбленій брате, яко листъ онаго учителя больше васъ иматъ пользовати о возвращеніи моемъ къ вамъ, нежели слезное ваше къ мнѣ моленіе: будетъ бо мнѣ, аки магнитъ влекущій мя вскорѣ къ отчеству. Аще убо получу еже желаю, получите и вы, Богу изволяющу, еже желаете; аще же ни, то отъ Патма не двигнуся. Еще же паки молю, разсмотри, елико мощно совершенно о немъ и напиши мнѣ вся подробну, въ коликихъ лѣтѣхъ возраста своего обрѣтается, въ коихъ странахъ изучися опыхъ различнихъ языковъ, или прежде своею волею отъиде въ чуждй страны къ поученію, или повелѣніемъ царскимъ, како и откуду пріиде въ Кіевъ, въ кое время начатъ учити, колико иматъ учениковъ, какова ему честь и мзда полагается, въ коемъ монастирѣ пострижеся. Въ коликихъ лѣтѣхъ возраста умре нашъ отецъ и въ коликихъ нынѣ обрѣтается мати и твоя младость? Кто въ насъ нынѣ царемъ есть и какъ ему имя, да поминаемъ его? Что промышляешъ о

[1]) Точками обозначены буквы, за ветхостію изгладившіяся.

себѣ, и прочая елика хощеши извѣсти мнѣ. А при семъ желаю тебѣ, купно съ матеріею и съ всѣми сродниками, здравствовати, долгоденствовати и радоватися о Христѣ Іисусѣ. Съ Патма, 1741, Апрѣля 21. Единоутробный по плоти братъ твой Василій.

6.

Единоутробный и зѣло мнѣ любимый брате Іоаннъ. Поклонъ нижайшій съ всякимъ говѣніемъ и усердіемъ творю честнѣйшей и любезнѣйшей моей матерѣ; твоему же честному братолюбію и всѣмъ моимъ вождelѣннымъ сродникомъ усердственное привѣтствіе, съ желаніемъ всякихъ благъ, душевнихъ же и тѣлеснихъ. Листъ твой драгій, особно отъ твоего лица, писанъ лѣта мимошедшаго Августа 1 числа, пріяхъ азъ года настоящаго въ недѣлю сырную, въ самій день запустный, въ немъ же прещеніемъ и моленіемъ и всякимъ образомъ понуждаешъ мя къ возвращенію въ отчество. Похваляю убо твое благоразуміе и еже къ мнѣ говѣніе. Обаче почто сице трудишися, подвизая мя? Вѣру ми имы, брате, яко не меньшое желаніе имамъ азъ видѣти васъ, яко же и вы мене. Но медленіе мое не ино есть въ Патмѣ, точію ожиданіе отвѣта отъ отца Симона Тодорскаго на листъ мой Греческій, его же прежде зимы послахъ къ нему, купно пишущи къ вамъ. Сице вамъ предписахъ и паки пишу, яко аще не получу отвѣта отъ онаго учителя, то отъ Патма не двигнуся. Се уже году сего три листы ваши получихъ, единъ мѣсяця Іаннуарія писанъ, а другій Февруарія, подобный первому, и се уже третій Августа 1; но отнюдь о семъ мнѣ не извѣщаете, или дойде до рукъ вашихъ, или ни предреченный мой листъ Греческій. Аще убо вручилъ еси ему, то потщися всячески отъ руки его прислати мнѣ отвѣтъ; тимъ же діалектомъ Еллинногреческимъ, молы его, да будетъ сложенъ, (нужда бо мнѣ въ семъ нѣкая тайная заключается, въ художествѣ его сиричь познать силу), а не инымъ. Аще же, испитавши совершенно, извѣстишися, яко сицево посланіе отнюдь не явися ни къ вамъ, ни къ нему, то во скорѣ о семъ изъяви, да вторицею къ нему напишу. Еще мнѣ пишешъ особливѣ, на малой хартіи, хотяй увѣдати, аще инокъ есмъ или мірскій. Что ти польза будетъ, аще извѣстишися? Рци мнѣ по истиннѣ, брате, коего бы лучше хотѣлъ мя еси быти, мірскаго ли, или инока? И тогда ти исповѣмъ истину. Ушесамъ не вѣруй и словесамъ чуждимъ; аще Богъ изволитъ, узришъ мя и тогда познаешъ, кто есмъ, яко есмъ непотребній рабъ Господень и мній, нежели мя мниши быти. А при семъ васъ Господу Богу вручаю и молю Его благостиню, да совокупитъ насъ во скорѣ по общему желанію. Съ Патма 1742, Марта 12. Всяческихъ благъ желатель братъ твой Василій Григоровичъ.

7.

Прелюбезній и единоутробный мнѣ брате Іоаннъ. Честнѣйшей и дражайшей моей родительницѣ, съ лобызаніемъ ея десницы, нижайшій воздая поклонъ и всѣхъ по плоти сродниковъ моихъ привѣтствуя, желаю обще всѣмъ всяческихъ благъ душевныхъ же и тѣлесныхъ, отъ щедротъ и благодати вышняго Бога; тебѣ же паче всѣхъ таяжде и больша, аки единоутробну сущу, и благодарствую за премногую твою ко мнѣ любовь и смиренномудріе; прежде бо всѣхъ прежднихъ посланій сіе разсуднѣе написалъ еси и подробну вся описалъ еси: ибо о всѣхъ вещахъ, малихъ же и великихъ, вкратцѣ изъявилъ ми еси по желанію сердца моего, кромѣ всякаго стуженія. Ктому же и многожелателенъ листъ Греческій потщался еси послати мнѣ, въ

немже, аки въ прекрасномъ вертоградѣ, наситихся довольно различныхъ красованій и понуждаюся благоцвѣтливыми премудраго учителя отца Симона словеси желаніе ваше исполнити. Когда же се имать быти, се на Божіе возлагаемъ смотрѣніе; елико бо медлѣю, толико съ бо́льшимъ гостинцемъ имамъ къ вамъ пріити. Радуюся же паче всего о благоразсудіи твоемъ, вижду бо яко елико лѣтми возраста твоего умножаешися, толико и силою разума богатѣешъ. Молю убо всемогущаго Творца, да вся благопоспѣшно устроитъ о тебѣ же и о тѣхъ же, иже при тебѣ и о мнѣ. Еще молю и всячески совѣтую ти, да почитаеши елико мощно съ подобающимъ говѣніемъ и послушаніемъ, даже до крове, честную старость матери нашей, да получиши отъ сея благословеніе въ долготу дній. Вѣси бо, яко писано есть въ заповѣдѣхъ господнихъ: чти отца твоего и матеръ твою, и долголѣтенъ будеши на земли блазѣ. Въ всемъ убо буди послушливъ, кромѣ аще тя понуждаетъ къ женитвѣ, не слушай; на се бо ускоряти не полезно есть. Еще же еси и младъ, якоже познахъ отъ числа лѣтъ твоихъ; совершенный возрастъ мужу тридесятъ лѣтъ. Ожидай убо моего пришествія, и лучше то будетъ сотворити предъ очима моими, еже Богъ тя наставитъ, и не прилично тебѣ совѣта моего преслушати, почитающему мя въ мѣсто отца. Живи же въ чистотѣ и цѣломудріи елико мощно, ибо юность многими сѣтмы уловляема бываетъ; сего ради блюстися ти нужда есть, да чистими очесы и непорочнымъ сердцемъ можеши взирати къ Богу вишнему. Блаженніи бо, рече святое Евангеліе, чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. А при семъ Господу Богу тя вручаю, съ честнѣйшею матерію нашею и съ всѣмъ сродствомъ. Братъ твой Василій, желатель ти всякихъ благъ.

Съ Патма. 1742, Мая 17.

8.

Возлюбленній мнѣ и единоутробный брате Іоаннъ. Здравія тѣлеснаго и душевнаго спасенія превозлюбленной моей родительницѣ и твоей честности, такожде и всѣмъ сродникомъ нашимъ, всеусердно желаю. Извѣщаю же тебѣ, яко Божіимъ изволеніемъ и високоблагороднаго нашего резидента Россійскаго господина Алексѣя Андрѣевича (*), отъ Патма приплихъ въ Константинополь лѣта настоящаго въ четири дны предъ Рождествомъ Христовимъ, którій особливѣ мнѣ къ Патму писа, призивающи къ себѣ, и нынѣ обрѣтаюся при немъ въ любвѣ и чести, и трапезѣ съ нимъ купно на всякъ день пріобщаюся. На каковый же мя конецъ призва, еще мнѣ ничтоже не рече, ниже азъ вамъ что о семъ извѣствую, понеже еще аки гость есмъ. Прочее можемъ отъ нынѣ часто между собою писати листы и извѣщатися чрезъ куріеровъ или купцовъ, какъ Богъ что о насъ устроитъ; мое бо есть намѣреніе сего лѣта къ вамъ возвратитися, аще точію препятія мнѣ насильнаго не будетъ. Сіе донося, есмъ навсегда всякихъ благъ желатель, моей прелюбезной родительки синъ, а вашъ единоутробный братъ Василій. Съ Цариграда. 1744, Іаннуарія 11.

9.

Прелюбезнѣйшая и паче всего міра дражайшая мнѣ родителько, цѣлую съ подобающимъ говѣніемъ ваши престарѣліи честніи руцѣ, желая вамъ всякаго благополучія и вожделѣннаго съ мною лицезрѣнія, наипаче душевнаго спасенія. Листъ вашъ матерный, писанъ чрезъ нѣкоего Павла Кувѣчинскаго, теолога, лѣта настоящаго Мая 15, получихъ съ здравіемъ и радостію въ Перѣ Константинопольской, въ дворцѣ Россійскомъ, Іюнія

(*) Вѣшнякова.

1. Первѣе убо благодарю Бога, яко еще въ живыхъ обрѣтаетеся и молю Тогожъ Самого, да васъ сохранитъ даже и до моего возвращенія. Второе радуюся, о женитвѣ возлюбленнаго моего брата Іоанна, тако и отсутствуяй аки бы и присутствуяй, и желаю ему купно съ честною его супругою счастливаго, долговременнаго и богоугоднаго прежитія. Третье, за немалое себѣ причитаю благополучіе, яко въ дворѣ вашемъ на кватерѣ живетъ ученый человѣкъ. Идѣ же бо ученіе, тамо просвѣщеніе ума, а идѣже просвѣщеніе ума, тамо познаніе истинны, а идѣже познаніе истинны, тамо мудрость Божія, а идѣже мудрость Божія, тамо добродѣтель, а идѣже добродѣтель, тамо и вся благодать Духа святаго. Четвертое, извѣстно вамъ да будетъ, а не скорбно, яко имѣхъ намѣреніе всячески прибыти въ Кіевъ настоящаго лѣта; но Божіимъ смотрѣніемъ, мню на большую мнѣ пользу и честь, его високоблагородіе господинъ резидентъ, нѣкихъ ради своихъ потребъ, удержа мя на презимованіе а въ прійдущую весну обѣщася отпустити, его же преслушати и не возможно, и не прилично есть: ибо есть мой господинъ и благодѣтель. Прочее о мнѣ уже больше не печалствуйте, но Бога молѣте, и Той вся устроитъ по желанію вашему. Его милость пана Павла Кувѣчинскаго, писавшаго вашъ листъ въ небытности брата моего, любезно и пріятельско привѣтствую и благодарствую за безмѣрное его ко мнѣ смиреніе и чрезъ звичай писанную покорность, которою вызнаю лучшаго мене быти и не имѣти отъ мене никаковаго требованія, обаче ползуюся отъ великой его ко мнѣ склонности. Сіи два листи Греческіи отъ меня писанніи молю вручити тщательно съ нижайшимъ поклоненіемъ: единъ отцу Симону Тодорскому, а другій его намѣстнику отцу Лащевскому и отвѣти отъ нихъ пріявши извольте мнѣ прислати. Сія извѣщая, есмъ вашей родительской пречестной старости покорный сынъ Василій, всякихъ благъ желающій.

Съ Константинополя
1744, мѣсяця Іюня.

10.

Честная и дражайшая моя родителько съ прелюбезнымъ твоимъ сыномъ и моимъ единоутробнымъ братомъ и съ всѣмы ближнимы и далекимы сродниками, всѣмъ вамъ здравія, благополучія, долгоденствія и душевнаго спасенія усердно желая, извѣщаю, яко многыхъ ради случившихся препятій не могохъ намѣренію моему остатися въ Константинополѣ для исполненія моей нужды. Для того и не хотя отдалихся оттуду и пріѣхалъ съ всею моею тяготою въ землю Мултянскую, Богу нѣчто лучше о мнѣ же и о васъ предзрѣвшу, да небезпутно труди странствія моего совершенство пріймутъ. И обрѣтаюся нынѣ въ Букурештахъ, управляя и окончевая мои дѣла, донелѣже мимо идетъ зима; и лѣта сего, аще Богъ изволитъ, прибуду къ вамъ кромѣ препятія. Уже бо и листъ нарочно прислалъ къ мнѣ всечестнѣйшій и мудрѣйшій въ учителѣхъ господинъ отецъ префектъ школъ Кіевоподольскихъ Варлаамъ Лащевскій, въ которомъ именами и соизволеніемъ преосвященныхъ архіпастировъ Псковскаго киръ Симона и Кіевскаго киръ Рафаила благословеніе и благоволеніе ихъ мнѣ предпосилающи, совѣтуетъ и поощряетъ всячески скоро прибыти въ отчество ради поученія Еллинскаго діалекта. Которыхъ такъ знаменитыхъ персонъ совѣта абіе послушати нельзя было для благословной и нуждной зѣло причины, но впреди преслушати не прилично. Вину же малаго моего и уже послѣдняго и не безполезнаго медленія, аще хощете, можете увѣдати съ отвѣта, который не давно

писахъ къ отцу префекту Октоврія 1. Прочее молю природную и естественную вашу любовъ больше къ тому о мнѣ не пектися и скорбію не стужати себѣ и мнѣ и Богу, точію Ему молытися да вся о мнѣ благая устроитъ и къ благому концу приведетъ. Вамъ земныхъ и небесныхъ благъ желатель смиренный монахъ Василій Плака.

Съ Букурештъ, лѣта 1746 Октоврія последняго дня.

11.

Честный и возлюбленній мнѣ брате Іоаннъ Григорьевичь. Паки тебѣ здравствовати, долгоденствовати и благополучествовати желаю. И молю твою любовь, да извѣстишы мнѣ совершенно о Греческомъ поученіи, какъ нынѣ состоится по отъиздѣ учителя отца Симона Тодорскаго есть ли кто на его мѣстѣ поучаяй Греческаго граматическаго художества, или ни. Аще убо есть, то извѣсти мнѣ, кто есть и колико число учениковъ при себѣ имѣетъ и аще книги Грческіи обрѣтаются въ братствѣ или ни, и аще книги которіи привезъ отецъ Симонъ, оставилъ въ Коллегіи, или взялъ съ собою. Вся мнѣ подробну извѣсти, да вѣмъ, которихъ мнѣ надобно книгъ, да привезу съ собою. Аще бы резидентъ мѣлъ мене задержати на многое время, то извѣщу вамъ при второй оказіи и тогда чрезъ инстанцію архіерея Кіевскаго можемъ свободиться, можетъ же быти що и не задержитъ. Но о семъ еще азъ неизвѣстенъ; токмо имѣйте добрую надежду въ Бозѣ, и Онъ вся устроитъ. Еще же вивѣдай о тихъ, которіи поучаются погреческу, каковую именно себѣ употребляютъ грамматику, чи самую Греческую, чи вкупѣ съ Латинскимъ, и котораго она автора, то есть, какъ ему имя, которій оную сконпоновалъ или выдалъ, да разсмотрю, аще здѣ суть таковіи и аще суть полѣзнѣйшіи отъ иныхъ. Василій Рубановъ, къ которому ти послалъ особливое писаніе, поздравляетъ тя пріятельско и благодарствуетъ за твою къ нему любовь.

Тогожде мѣсяця Братъ твой Василій *).

Нооборотѣ замѣчено: „мѣсяцъ и годъ неизвѣстенъ, а поминаетъ въ семъ Василія Рубанова: въ 1744 году изъ Царяграда, уповательно въ мѣсяцѣ Іюнѣ". Рубанъ, о которомъ здѣсь упоминается, не долженъ быть смѣшиваемъ съ издателемъ *Путешествія* Барскаго. См. томъ 2, стр. 86, шестое изданіе).

ПИСЬМА ПРОШЛАГО ВѢКА.

А. Къ графу П. А. Румянцову-Задунайскому.

I.

Отъ сына его графа Николая Петровича, изъ Санктпетербурга, 13-го Августа 1789 года.

Милостивый государь батюшка.

Наконецъ, по восмилѣтнемъ почти отсутствіи [1]), нахожусь я въ отечествѣ, и сія эпоха жизни моей тѣмъ для меня лестнѣе, что предстоитъ случай мнѣ самолично вамъ, милостивый государь батюшка, свидѣтельствовать свое сыновнее почтеніе, что всепокорно прошу мнѣ позволить, указавъ время и мѣсто, когда и гдѣ вамъ угодно позволить мнѣ предъ вами предстать. Сдѣлайте милость, не отриньте таковое прошеніе и вѣрьте, что въ таковомъ лестномъ для меня свиданіи я верхъ счастія своего поставляю.

Яко сынъ вашъ, долженъ вамъ донесть, что принятъ былъ Императрицею милостиво, которая вчерась, невзначай посѣтивъ здѣшнихъ хозяиновъ [2]) на дачѣ ихъ, гдѣ я живу, не-

---

[1]) Во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ графъ Н. П. Румянцовъ былъ въ то время чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ.

[2]) Нарышкиныхъ, на дачѣ ихъ *Красной мызѣ*, находившейся на четвертой верстѣ отъ Петербурга по Петергофской дорогѣ.

однократно рѣчь свою ко мнѣ обращать изволила.

По малому свиданію съ ихъ императорскими высочествами судить долженъ, что они всѣ прежнія ихъ ко мнѣ милости сохранить изволили; но они живутъ то въ Павловскомъ, то въ Гатчинѣ, а худое состояніе моего здоровья уже года съ три тому назадъ нудитъ меня къ жизни уединенной и къ исканію всякаго покою предпочтительно иной выгодѣ и дѣламъ.

Городъ во время отсутствія моего перемѣнился весь, и я вижу, что не однѣ стѣны домовъ градскихъ видъ другой для меня имѣютъ. Съ огорченіемъ всѣ свои потери разсчитаю; нѣтъ уже здѣсь, кого оставилъ; оплакивать долженъ бабушку [3]), графиню Прасковью Александровну [4]), фельдмаршала Голицына, [5]) супругу его, и много иныхъ сродниковъ. У Двора и среди града многихъ также не засталъ, и людей вижу новыхъ. А съ кѣмъ и въ честномъ знакомствѣ былъ, то восмилѣтняя отлучка такъ связи наши ослабила, что могъ себя чужестраннымъ среди отечества почесть. Долженъ ту только справедливость Аннѣ Никитишнѣ [6]) отдать, что милости ея ко мнѣ и дружество еще новое приращеніе приняли.

Брата Михаила Петровича [7]) я нашелъ въ крайнемъ ослабленіи здравія, а по рѣчамъ сродниковъ нашихъ сюда прибылъ онъ еще въ худщемъ состояніи.

Князь Димитрій Михайловичъ [8]) поручилъ мнѣ сто одинъ червонныхъ имперскихъ для препровожденія къ вамъ, сказывая, что о сихъ деньгахъ съ вами въ письмѣ объяснился, и что вы увѣдомлены о семъ ихъ къ вамъ переводѣ. Я ихъ сегодня вручу Петру Васильевичу Завадовскому, дабы, если возможно, дошли они до рукъ вашихъ при семъ письмѣ; а если нѣтъ, чтобы могъ онъ, храня сіи деньги у себя, воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, который предстанетъ.

Позвольте, милостивый государь батюшка, окончить письмо тѣмъ же прошеніемъ, каковымъ началъ я: никакого счастія не равняю съ счастіемъ быть вашимъ сыномъ, пользоваться родительскою вашею милостію и хранить при всякомъ случаѣ поступокъ и правилы наипреданнѣйшаго сына.

Пребываю со всеглубочайшимъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь батюшка, всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга и сынъ, Николай графъ Румянцовъ.

Я, милостивый государь батюшка, осмѣлился вамъ нѣкоторыя бездѣлицы привезть изъ Нѣмецкой земли и стараться буду случай найтить ихъ къ вамъ препроводить, прося покорно принять оныя, яко родитель милостивый ко мнѣ.

---

[3]) Мать Задунайскаго, графиню Марью Андреевну, урожденную графиню Матвѣеву (род. 4 Апрѣля 1698, ум. 4 Мая 1788 г.)

[4]) Брюсъ (род. 7 Окт. 1729, ум. 7 Апрѣля 1786), родную свою тетку по отцѣ.

[5]) Александра Михайловича (род. 17 Ноября 1718, ум. 11 Октября 1783 г.), родная сестра котораго, Екатерина Михайловна, была матерью графа Николая Петровича; женатъ былъ на кн. Дарьѣ Алексѣевнѣ Гагариной.

[6]) Нарышкиной (1730—1820), урожденной Румянцевой, супругѣ оберъ-шенка Александра Александровича, владѣтельницѣ *Красной мызы*.

[7]) Служилъ въ военной службѣ, въ 1774 г. былъ генералъ-маіоромъ.

[8]) Братъ фельдмаршала Александра Михайловича, чрезвычайный посолъ въ Вѣнѣ (род. 15 Мая 1721, ум. 19 Сентября 1793 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ, основатель Голицынской больницы.

II.

Отъ сестры его, княгини Дарьи Александровны Трубецкой, изъ Санктпетербурга, 29-го Августа 1789 года.

Милостивой мой государь, батюшка братецъ, графъ Петръ Александровичъ.

Всеусердно желаю, чтобы мое письмо нашло васъ, милова отца, въ добромъ здоровьи, чего я всегда умоляю всевышняго Творца, которое столь дорого для меня. Меня столь много огорчеваетъ, мой милостивой отецъ, что я теперь лишена столь долгое время вашихъ милостивыхъ писемъ. Я никаково извѣстія не имѣю о вашемъ миломъ дражайшемъ здоровіи. Сколь бы много была утѣшена, если бы вы, мой милостивый отецъ, ко мнѣ изволили отписать о своемъ миломъ здоровіи. Отрадою большою сочту я въ своей горестной, въ моей теперешней жизни, что вы отецъ, и матерь, и братъ, и милостивой мой попечитель. Одно мое утѣшеніе въ васъ, въ милостивомъ моемъ отцѣ, имѣю.

Я не могла навѣрно знать, въ Яссахъ ли изволите быть, или недалеко отъ него. Считала и то, что скоро намѣрены были, отецъ мой, выѣхать оттуда въ деревню свою Вишенки. Господи, утѣшь меня, чтобъ вы себя гораздо бы лучше изволили чувствовать въ своемъ здоровіи! А я, мой отецъ, все по прежнему чувствую наибольшую слабость въ нервахъ. Не имѣю я и аппетиту къ пищѣ, и сна порядочнаго мало я лишена. Богъ милосердіемъ своимъ подкрѣпляетъ меня въ горести моей и храмъ нашъ Знаменія Пресвятой Богородицы, въ которомъ почти вседневную молитву приносятъ за ваше дражайшее здоровье и за попеченіе ваше, отецъ мой, о святомъ храмѣ въ домѣ вашемъ; душевная отрада мнѣ святая церковь.

Теперь доложу вамъ, отцу моему, что графъ Николай Петровичъ пріѣхалъ и очень сталъ худъ, все нездоровъ былъ; онъ живетъ у сестры, у Анны Никитишны Нарышкиной. Болѣе мнѣ вамъ нечего донесть; а зять князь Алексѣй Степановичъ и сестра княгиня Татьяна Васильевна скоро ѣдутъ въ свою деревню; онъ былъ отпущенъ мѣсяца на три.

Впрочемъ, препоручаю я себя навсегда въ вашу неотмѣнную и особливую отеческую милость, и цалую милостивыя ваши руки, и пребуду съ моимъ всеусерднымъ, искреннимъ, со всепокорнымъ моимъ почитаніемъ къ вамъ, милостивому моему отцу— покровъ мой. Ваша всепокорная и вѣрная сестра и служница.

Дарья княгиня Трубецкая.

III.

Отъ Георга Арбути, изъ Вѣны, 20 Іюня 1790 года.

Votre excellence,

La misère où je me trouve depuis si longtems ne me permet pas de laisser votre excellence en repos, parceque je suis très persuadé que la dite excellence ne prend jamais la prière des délaissés en mauvaise part. Pardonnés moi donc la liberté que je prends d'incommoder si souvent votre excellence tant par mes lettres, que par mes prières réitérées. Je supplie donc très-humblement votre excellence de ne me pas abandonner, mais d'avoir la bonté d'intercéder pour moi auprès de son excellence monsieur le comte de Besborodko, afin que je me voie délivré d'une vie tout à fait pénible et pitoyable. Jettés un oeil de compassion sur un homme abandonné de tout le monde, qui ne

cessera jamais, comme il fait dans la plus grande misère, d'exalter vos bienfaits, vos libéralités, vos bontés, votre magnificence et même votre grandeur d'âme parmi tous les peuples de l'univers. C'est la grâce qui espère le très-humble et très-soumis Georges Arbuti.

Переводъ.

Бѣдственное положеніе, въ которомъ нахожусь я уже столь давно, заставляетъ меня постоянно безпокоить ваше сіятельство, ибо я увѣренъ, что вы никогда не отринете просьбы несчастныхъ. Простите же мнѣ, что я такъ часто осмѣливаюсь докучать вамъ своими письмами и просьбами. Убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство не оставить меня своимъ благосклоннымъ ходатайствомъ предъ его сіятельствомъ графомъ Безбородкой, чтобъ я могъ выйти изъ моего труднаго и печальнаго положенія. Бросьте сострадательный взглядъ на человѣка, всѣми оставленнаго, который всегда будетъ превозносить похвалами (что онъ и теперь дѣлаетъ, находясь въ крайней нуждѣ) ваши благодѣянія, щедроты, милости, великолѣпіе и величіе души—между всѣми народами міра. Этой милости ожидаетъ всепокорнѣйшій Георгъ Арбути.

IV.

Отъ Ивана Требинскаго [9]) изъ Константинополя, 18 Ноября 1790 года.

Милосердный патронъ и благодѣтель.

Горестная жизнь и проклятыхъ бусурмановъ содержаніе въ сей тюрьмѣ принсволиваетъ меня трудить ваше сіятельство по причинѣ неимѣнія никого другаго себѣ покровителя, кромѣ Бога и вашего сіятельства. О несчастномъ случаѣ взятія меня израненнаго бусурманами въ полонъ изъ рапорта моего, отсель отъ меня посланнаго 789 года Маія отъ 10-го числа, ваше сіятельство усмотрѣть соизволили.

Сіятельнѣйшій графъ! Всенижайше прошу явить милосердіе на стараго слугу вашего и повелѣть, что (бъ) недоброхоты мои не нападали на бѣдной, нынѣ сиротной домишокъ мой, и людей моихъ, равно и сына моего взять въ покровительство вашего сіятельства, который, какъ я здѣсь извѣстился, принужденъ былъ отъ службы просить увольненія, по причинѣ, что, будучи подъ Очаковымъ, просилъ онъ двоекратно поданными отъ его просьбами переводу въ армію вашего сіятельства, но на оба раза ему отказано, и гоненіе на него немалое стало. Сіе извѣстіе, что сынъ мой въ отставкѣ, не менѣе мнѣ печально горестной сей тюрьмы, въ которой мы содержимся.

Впрочемъ, при прославленіи имени вашего сіятельства, до конца жизни моей пребуду и съ дозволенія называюсь, и пр.

V.

Письмо Василья Бурнашева къ генералъ-маіору и кавалеру Степану Даниловичу Бурнашеву, изъ Константинополя отъ 17 (28) Ноября 1790 года.

Милостивой государь дядюшка Степанъ Даниловичъ.

На сихъ дняхъ имѣлъ я честь получить отъ г. Французскаго амсассадера, графа де-Шуазель-Гуфье, бзвѣщеніе о полученной имъ въ пиаьмѣ отъ его сіятельства графа Александри Васильевича обо мнѣ рекомендаціи [10]).

---

[9]) См. ниже его письмо къ Суворову.

[10]) См. ниже, благодарственное письмо его къ Суворову и письмо объ немъ Шуазеля къ послѣднему.

Я, получа сіе отъ его сіятельства не по заслугамъ моимъ, не иному чему приписываю, какъ ходатайству вашему, и за то не нахожу довольно силъ возблагодарить васъ, моего дражайшаго дядю и родителя, а только буду просить Всевышняго о ниспосланіи мнѣ тѣхъ щедротъ, дабы я лично могъ засвидѣтельствовать оную и заслугами моими показать, сколько я вамъ преданъ есмь и буду. Отъ меня требовано наскоро письма̀ къ его сіятельству, то и извините, что коротко пишу. О новостяхъ здѣшнихъ донесу вамъ вкратцѣ, что изъ флота осталось только 7 кораблей съ тремя фрегатами, да и тѣ всѣ починиваются, ибо всѣ члены у нихъ перещупаны, да и почти ни одинъ съ цѣлой мачтой не пришелъ сюда; а о взятіи по Дунаю крѣпостей, малой флотиліи, замка Суджукала близь Анапа и храбраго ихъ Баталъ-Паши весь Стамбулъ трясется, и ни о чемъ болѣе не слышно, какъ о истинномъ желаніи мира, и что на то всѣ ихъ мысли устремлены. Противной намъ стороны министерство [11]) здѣсь находится теперь въ крайномъ упадкѣ, а Французской отъ терпѣнія своего начинаетъ торжествовать, да и будетъ, ибо все вниманіе свое теперь обратили на него и какъ будто просятъ отъ него помилованія. Объ князѣ же нашемъ свѣтлѣйшемъ [12]) говорятъ какъ объ рѣдчайшемъ мужѣ, ниспосланномъ отъ Бога на истребленіе гордости Магометановъ.

Иванъ Осиповичъ Бирбрауеръ [13]), подъ именемъ Голландца, хотя и съ превеликимъ трудомъ, взятъ изъ полону ихъ министромъ и на Голландскомъ суднѣ отправленъ отсель въ Амстердамъ.

Я, извиняя себя со стороны притѣсненія крайнимъ ограниченіемъ, не могу болѣе къ вамъ писать, какъ только препоручая себя покровительству вашему и милостямъ, съ наиглубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностью къ вамъ и дражайшей фамиліи.

[11]) Англійское и Прусское.

[12]) Князѣ Потемкинѣ.

[13]) Въ письмѣ Шуазеля къ Суворову онъ называется Brenstein

Б. Письма къ графу А. В. Суворову-Рымникскому.

I.

Отъ лекаря Миллера, 16-го Октября 1789 года.

Изъ давнихъ лѣтъ отмѣнное ко мнѣ вашего сіятельства благопріятство и дружба и мое къ вамъ толикое почтеніе должны служить удостовѣреніемъ въ принимаемомъ мною участіи во всемъ, что̀ до васъ, милостивой мой государь, касается; слѣдовательно, всѣ милости, возведеніе васъ и фамиліи вашей на графскую степень [14]), а особливо послѣднее въ награду за столь славно оказанную услугу, въ которой новый опытъ дали какъ вашей неустрашимости, такъ и вашего искусства, доставили мнѣ случай принести искреннее поздравленіе, препоручить себя въ продолженіе тѣхъ для меня лестныхъ сентиментовъ, которыми столь давно пользуюсь, и увѣрить о отличномъ моемъ почтеніи, съ которымъ пребуду навсегда, и пр.

II.

Отъ Ивана Требинскаго, изъ Константинополя, 18 Ноября 1790 года.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый патронъ и благодѣтель.

Горестное наше здѣсь состояніе и

[14]) За побѣду при Рымникѣ, 11 Сентября 1789 года.

проклятыхъ бусурмановъ варварское содержаніе, о которомъ въ прошломъ году чрезъ маіора Гелфрейха вашему сіятельству письмомъ моимъ я доносилъ, въ которомъ было упомянуто въ короткости о несчастномъ случаѣ взятья меня въ полонъ, равно и по взятьѣ меня о ограбленіи экипажа моего беззаконно маіоромъ Соболевскимъ, и просилъ въ томъ письмѣ вашего сіятельства милосердной справедливости, о чемъ и нынѣ вторительно всенижайше прошу, равно и о приложенныхъ при семъ письмахъ къ его свѣтлости [15]) и къ его сіятельству графу Петру Александровичу [16]) приказать къ нему доставить, чѣмъ великую милость окажете старому слугѣ вашего сіятельства, который съ дозволенія называется и пр.

III.

Отъ Василья Бурнашева, изъ Константинополя, 18 (29) Ноября 1790 года.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Оказанная вашимъ сіятельствомъ патроническая милость рекомендаціею меня г. Французскому послу, графу де Шуазель-Гуфье превосходитъ мѣры моихъ заслугъ. Я, не имѣвъ соразмѣрнаго милостямъ вашимъ удовлетворенія, довольствуюсь изъявленіемъ свѣту тѣхъ чувствъ, коими преисполнено мое къ вамъ благодарное сердце.

Сіятельнѣйшій графъ! Коль скоро получено г-мъ посломъ ваше письмо, въ тотъ же день и писалъ онъ ко мнѣ въ выраженіяхъ наичувствительныхъ, поставляя меня причиною той чести, кою онъ чрезъ письмо отъ васъ получить удостоился, увѣряя при томъ всѣмъ тѣмъ, что̀ до его касаться будетъ, въ разсужденіи неоставленія, и что онъ за счастіе поставляетъ служить immortelle Catherine II чрезъ вспоможеніе ея несчастнымъ плѣннымъ подданнымъ.

Я, получа сіе, былъ въ печали моей оживотворенъ и какъ будто воскрешенъ, видя ваши ко мнѣ милости, не по заслугамъ мнѣ ниспосланныя, и что ваше человѣколюбивое сердце, внимая гласу человѣчества, вошло въ состраданіе бѣднаго плѣнника и оживило единымъ начертаніемъ полумертвое состояніе. За все сіе не нахожу я довольно силъ изъявить вашему сіятельству, яко милосердному моему патрону и благодѣтелю, наичувствительнѣйшую мою благодарность, какъ только повсемѣстно прославлять ваше имя и фамилію, и о продолженіи дражайшихъ для цѣлаго отечества нашего дней вашихъ молить Всевышняго, и по освобожденіи изъ сей жестокой тюрьмы съ Божескою помощію паки посвятить себя на службу вашему сіятельству, дабы я преданностію моею и заслугами хотя нѣсколько могъ бы удовлетворить милостямъ вашимъ и благоволенію и быть въ состояніи дѣйствительно стоить оныхъ. А между тѣмъ, и въ ожиданіи того, и препоручая себя въ высокое покровительство ваше, съ наиглубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію есмь и буду за честь поставлять называться всегда, и пр.

IV.

Отъ Шуазеля-Гуфье, изъ Константинополя, 1-го Декабря 1790 года.

Monsieur le comte,

Je ne reçois qu'en ce moment la lettre que votre excellence m'a fait l'honneur de m'adresser le 29 juillet, et je serois

[15]) Князю Потемкину.
[16]) Румянцову.

inconsolable des retards qu'elle a éprouvés, si je n'avois eu le bonheur de prévenir vos desirs et de rendre tous les bons offices qui ont dependu de moi à m-rs de Brenstein et de Bournachew.

Votre excellence aura su que le premier a été délivré sur la demande du prince stadhouder et qu'il s'est embarqué sur un cutter hollandois. J'ai eu la satisfaction de recevoir chés moi avant son départ ce estimable officier, de pourvoir à ses besoins, et de lui voir attacher aux foibles services que j'avois pu lui rendre un prix fort exagéré, et qui me met à mon tour envers lui dans le cas de la reconnoissance.

M. de Bournachew est toujours détenu à l'arsenal, monsieur le comte, et s'il existoit un moyen de le retirer de ce triste séjour, je m'empresserois de lui servir de caution et de lui offrir un logement chés moi; mais tous mes efforts ont été inutiles, et les préjugés des Turcs ne me permettent malheureusement pas d'exécuter tout ce que m'inspire intérêt sans bornes pour tous les sujets de votre auguste Souveraine.

Je prie votre excellence de croire que je redoublerai de soins et d'efforts pour adoucir la situation de m-r de Bournachew, puisqu'il est honoré des bontés de son illustre général, et je me trouve trop heureux, monsieur le comte, de pouvoir donner cette preuve de l'admiration que je vous ai vouée.

Je ne sais où cette lettre joindra votre excellence. Je crains bien pour les pauvres musulmans que ce ne soit beaucoup trop près d'ici, et je les entends répéter avec effroi le nom du vainqueur de Rimnick. Pardonnés moi, monsieur le comte, les voeux que je forme, pour qu'une prompte paix due à la générosité de Catherine II mette un terme à vos succès; ils accroitroient les malheurs à l'humanité sans pouvoir rien ajouter à votre gloire.

J'ai l'honneur d'être, etc.
Choiseul-Gouffier.

Переводъ.

Сейчасъ только я получилъ письмо, которымъ ваше сіятельство почтили меня отъ 29 Іюля. Меня сильно огорчило бы такое позднее его прибытіе, если бы я не имѣлъ счастія предупредить ваши желанія, сдѣлавъ для Бренштейна и Бурнашева все, что̀ только отъ меня зависѣло.

Ваше сіятельство вѣрно уже извѣстились, что первый былъ освобожденъ по требованію князя-штатгальтера и уѣхалъ на Голландскомъ куттерѣ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть этого достойнаго офицера у себя передъ его отъѣздомъ и снабдить его всѣмъ нужнымъ: онъ придалъ слишкомъ большую цѣну тѣмъ незначительнымъ услугамъ, которыя я могъ ему оказать, такъ что мнѣ остается, въ свою очередь, выразить ему свою признательность.

Бурнашевъ все еще содержится въ арсеналѣ, графъ. Если бы была какая-нибудь возможность освободить его изъ этого печальнаго жилища, я сейчасъ же взялъ бы его на-поруки и предложилъ бы ему помѣщеніе у себя; но всѣ мои хлопоты были напрасны. Вслѣдствіе предубѣжденія Турокъ, я не могу, къ несча̀стію, исполнить того, что̀ внушаетъ мнѣ безграничное участіе къ подданнымъ вашей августѣйшей Государыни.

Будьте увѣрены, ваше сіятельство, что я усугублю заботы и старанія объ улучшеніи положенія Бурнашева, имѣющаго честь пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ славнаго вождя, и почту себя счастливымъ, графъ,

если этимъ докажу свое глубокое уваженіе къ вамъ.

Не знаю, гдѣ это письмо застанетъ ваше сіятельство; боюсь за бѣдныхъ Мусульманъ, если слишкомъ близко отсюда. Я слышалъ, съ какимъ ужасомъ повторяютъ они имя Рымникскаго побѣдителя. Простите, графъ, если я выражу желаніе, чтобы скорый миръ, которымъ мы были бы обязаны великодушію Екатерины II, положилъ конецъ вашимъ успѣхамъ: они могутъ только умножить страданія человѣчества, ничего не прибавивъ къ вашей славѣ.

Имѣю честь быть и пр.

Шуазель-Гуфье.

V.

Отъ графа И. Г. Чернышева, 2-го Генваря 1791 года.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой.

Принести достодолжное поздравленіе за таковые великіе или, лучше сказать, неслыханные успѣхи, каково взятіе вашимъ сіятельствомъ и такимъ образомъ Измаила [17]), суть дѣло не моего ума, ни смысла объяснить, и такъ сокращу чистосердечнымъ и искреннимъ принесеніемъ онаго. Вамъ, милостивому моему государю, издавна извѣстна моя преданность, которая въ семъ случаѣ должна въ томъ удостовѣрить, а оказуемая благосклонность и милость къ сыну моему [18]) на вѣки меня благодарностію обязываетъ, котораго въ продолженіе оной рекомендовать осмѣлюсь. О, какъ бы себя почелъ счастливымъ, если бы, слѣдуя вашимъ стезямъ и приказаніямъ, сдѣлался тѣмъ оной достойнымъ!

Не сочтите, милостивой мой государь, чтобъ знатная ваша побѣда при Рымникѣ во мнѣ, какъ отмѣнно всегда ваше сіятельство почитающемъ, не произвела того дѣйствія, каковое сопряженные дружбою и привязанностію принимать должны. Копію съ тогдашняго моего посланнаго письма приложить честь имѣю, думая, что оное до рукъ вашихъ не дошло.

Повторяя просьбу о принятіи въ милость и протекцію сына моего, позвольте удостовѣрить о томъ отличномъ и искреннемъ почтеніи, съ которымъ навсегда, и пр.

VI.

Отъ него же, изъ Санктъ-Петербурга, 24-го Генваря 1791 года.

Изъ прилагаемаго здѣсь моего же письма, писаннаго по полученіи перваго извѣстія о взятіи Измаила (съ которымъ ко мнѣ не было ни отъ кого извѣстія) ваше сіятельство изволите увидѣть, что не укоснѣлъ принести искренняго и чистосердечнаго поздравленія за столь безъ примѣра славное пораженіе непріятеля и взятье города: ибо тутъ было и то, и другое.

А какъ тогда только узналъ отъ г-на полковника Зубова [19]), что сынъ мой находится при васъ, милостивый государь мой, не приминулъ симъ случаемъ воспользоваться и препоручить его въ милость и протекцію изъ давнихъ лѣтъ моего отмѣннаго благодѣтеля.

Нынѣ же, 21-го Генваря, чрезъ г.

[17]) 11 Декабря 1790 года, о чемъ въ Петербургѣ узнали 29 того же мѣсяца.

[18]) Сынъ графа И. Г. Чернышева, графъ Григорій Ивановичъ, въ качествѣ волонтера, принималъ участіе во взятіи Измаила (Рус. Арх. 1871 г. стр., 400—401.) Впослѣдствіи былъ оберъ-шенкомъ (ум. въ 1831 году).

[19]) Валеріана Александровича, привезшаго императрицѣ извѣстіе о взятіи Измаила.

полковника Боура [20]) получилъ то письмо отъ сына, которое писалъ ко мнѣ по взятьѣ Измаила, въ коемъ ваше сіятельство, мой искренній милостивецъ и другъ, приписать изволили.

Знавъ вашего сіятельства особливо на то время упражненія, судите сами, сколь мнѣ таковая приписка лестна. Оная доказала дѣяніями, что и тогда о мнѣ, какъ о душевно преданномъ, ваше сіятельство помнить изволили.

Но оказуемыя милости къ сыну моему суть такова существа, что какъ и возблагодарить не знаю. Похваляю его очень за чувствуемыя имъ къ вашему сіятельству любовь, почтеніе и благодарность, къ которой присоединить покорно прошу на вѣки благодѣяніями вашими одолженнаго и особливо великимъ почтеніемъ и благодарностію преисполненнаго, и пр.

VII.

Отъ фельдмаршала графа Ласси, изъ Вѣны, 24 Февраля нов. ст. 1791 года.

La lettre que votre excellence a êu la bonté de m'adresser en faveur du premier lieutenant baron d'Enzenberg m'est parvenue exactement. Je saisirai avec plaisir la première occasion d'être utile, à cet officier et de témoigner en même tems à v. e. le cas infini que je fais d'une recommandation de votre part.

Au reste je profite avec empressement de cette occasion, pour vous exprimer la part sensible et sincère que je prends à tous ces succès heureux, par lesquels v. e. a cimenté à jamais la gloire qu' elle s'est acquise il y a longtems.

Agréés, à côté de mes voeux les plus sincères, l'assurance de la considération distinguée, avec laquelle j'ai l' honneur d' être, etc.

Переводъ.

Рекомендательное письмо вашего сіятельства о премьеръ-лейтенантѣ Энценбергѣ дошло до меня исправно. Съ удовольствіемъ воспользуюсь первымъ случаемъ быть полезнымъ этому офицеру и въ тоже время засвидѣтельствовать глубокое уваженіе къ вашей рекомендаціи.

Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить вашему сіятельству теплое и искреннее участіе, принимаемое мною въ вашихъ успѣхахъ, которыена всегда утвердятъ за вашимъ сіятельствомъ славу, давно уже вами пріобрѣтенную.

Вмѣстѣ съ самыми сердечными пожеланіями, примите увѣреніе въ глубокомъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть, и пр.

VIII.

Отъ принца де-Линя, изъ Вѣны, 25-го Февраля нов. ст. 1791 года.

Cher camarade, comme général en chef, car vos vrais camarades sont depuis plus de 30 ans Alexandre et Charles XII.

J'ai autant de complimens de félicitation à vous faire que de remercimens de la lettre charmante, dont vous avés honoré mon Charles [21]), ainsi que de la bonté, avec laquelle vous l'avés employé à cet assaut, qui rehausse encore votre gloire, si cela est possible, et celle de notre brave et sublime empire de Russie. Vous faites honneur au nôtre sur le banc des comtes; il n' y en auroit pas tant, si chacun avoit dû faire la

[20]) Боуръ былъ адъютантомъ князя Потемкина.

[21]) Это былъ сынъ принца де-Линя, раненный при штурмѣ Измаила и убитый въ слѣдующемъ году въ войнѣ съ Французами.

centième partie de ce que vous avés fait, mais vous étiés déjà assis sur le banc du grand Condé, de Gustave Adolphe, d'Eugène.

Soyés sûr, mon cher comte, que vous n'avés jamais eû de plus grand admirateur que moi, et que j'ai deviné ce que vous avés fait, et devine encore votre entrée à Constantinople; si l'on me croyoit, je serois du voyage, et j'irois avec tant ou si peu de monde qu'on voudroit boire avec vous à la santé de Catherine la Grande dans les pleines [22]) de Sophie. Que le diable emporte la politique! Aimes-moi toujours un peu; outre le plaisir de l'amitié c'est un honneur et une patente de mérite d'avoir celle d'un homme tel que vous.

J' ai l'honneur d' être avec le plus tendre et le plus respectueux attachement, de votre excellence, и пр.

Переводъ.

Любезный товарищъ, какъ генералъ-аншефъ: ибо уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ ваши настоящіе товарищи—Александръ и Карлъ XII.

Сколько поздравленій, столько же и благодарностей щлю я вамъ за восхитительное письмо, которымъ вы почтили моего Карла, а равно и за оказанную вами ему милость дозволеніемъ участвовать въ штурмѣ, который еще болѣе, если только это возможно, возвышаетъ вашу славу и славу нашей доблестной и блистательной Россійской имперіи.

Вы дѣлаете честь нашей имперіи на скамьѣ графовъ, которыхъ было бъ поменьше, если бы каждому пришлось сдѣлать хоть сотую долю того, что̀ сдѣлали вы; но вы уже сидѣли на скамьѣ великаго Конде, Густава-Адольфа, Евгенія.

[22]) Не *les plaines* ли?

Будьте увѣрены, любезный графъ, что у васъ никогда не было бо̀льшаго почитателя, чѣмъ я. Я предсказалъ то, что̀ вы совершили, и предсказываю еще ваше вступленіе въ Константинополь. Если бы нашлись мнѣ вѣрующіе, то, какъ бы незначительно ни было число ихъ, я отправился бы въ ихъ обществѣ, чтобъ на равнинахъ Софіи выпить съ вами за здоровье Екатерины Великой. Чортъ побери политику! Прошу васъ хоть крошечку любить меня. Дружба такого человѣка, какъ вы, кромѣ удовольствія, приноситъ честь и есть патентъ достоинства.

Съ глубочайшею и почтительнѣйшею преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства, и пр.

(*Сообщено съ современныхъ списковъ М. Ѳ. Шугуровымъ*).

Еще автобіографическое показаніе П. А. Демидова (*).

1) Источникъ началу благороднаго Россійскаго дворянскаго достоинства въ фамиліи нашей составилъ дѣдъ мой родной, Никита Демидовичъ Демидовъ, который съ 1672-го года, чему протекло уже болѣе ста лѣтъ, будучи въ Тулѣ кузнецомъ, а потомъ ружейнымъ мастеромъ, трудолюбнымъ своимъ раченіемъ, Шведскими въ Тулѣ живущими тогда полонѣниками, завелъ и сдѣлалъ желѣзный заводъ; умноженіемъ же таковаго своего попечительнаго трудолюбія до того достигъ, что какъ желѣзо, яко нужный и недешевый по тогдашнему времени металъ, во общую пользу отечества и народа дешевыми цѣнами продавалъ, такъ и солдатскія ружья въ армію и въ артилерію по тому

(*) Сличи Р. Архивъ 1873, стр. 2244—2247.

же весьма дешевыми цѣнами отдавалъ. А за сіе его ревнительное усердіе былъ не токмо знаемъ въ Бозѣ почивающему премудрому Императору Петру Великому, но и пожалованъ отъ него въ 1702-мъ году, въ Сибири, желѣзными заводами. Какъ же тогда Сибирь была малолюдна населеніемъ, а живущіе въ окружности оной владѣльцы и народы были дики и звѣронравны, то дѣдъ мой, не щадя себя и своего имущества, лаская оныхъ, неусыпно прилагая усугубительные свои по Сибири труды во изыскаціи въ нѣдрахъ земли безплодно лежащихъ сокровенныхъ металловъ, чрезъ вызовъ и пріохочиваніе людей къ тѣмъ заводамъ на житье въ Сибирь изъ отдаленныхъ внутри Россіи жилищъ, собственными своими деньгами, до того переведеніемъ и населеніемъ приходящихъ умножилъ, а заводы желѣзные и мѣдные въ совершенство возвелъ, что напослѣдокъ не токмо желѣзо и мѣдь, но и всякіе металическіе военные припасы, даже пушки и мортиры, въ казенныя мѣста дешевыми цѣнами во множественномъ числѣ доставлялъ. Каковымъ трудолюбнымъ умноженіемъ людей и приведеніемъ въ совершенство заводовъ составилъ въ желѣзѣ и мѣди изобиліе не токмо на народныя надобности, но и на военныя, предохраняющія славу отечества, оружія. Всѣ же тѣ дѣда моего ревностные труды и приносимую пользу отечеству и народу премудрый Императоръ Петръ Великій не только зналъ, но и монаршею своею милостію къ дальнѣйшему оныхъ размноженію поощрялъ; за что въ 1709-мъ году имяннымъ указомъ, за подпискою дьяка Ивана Чепелева, даннымъ изъ бывшаго тогда Сибирскаго Приказа, въ Сибирь на Верхотурье стольнику и воеводѣ Богдану Даниловичу Глѣбову, и пожаловалъ того дѣда моего комисаромъ, съ препорученіемъ въ полное его вѣдомство всякою расправою и управою людей и Невьянскаго желѣзнаго завода.

2) Что̀ же принадлежитъ до отца моего Акинѳія Никитича, то онъ въ жизнь свою, послѣдуя трудолюбію отца своего, а моего дѣда, прилагая труды къ трудамъ и не щадя иждивенія, посылалъ въ разныя Россійской Имперіи мѣста для пріиску рудниковъ и заведенія заводовъ. А по таковому его трудолюбному попеченію и найдены въ Сибири золотыя, серебряныя и мѣдныя руды, близъ границъ диконравнаго по тогдашнему времени Контащинскаго владѣльца и его народа, съ коимъ, дабы не происходило опасности пріискателямъ, стараніемъ своимъ пріобрѣлъ дружбу и вспомоществованіе; а по сему и умножилъ водяные заводы, называемые Колывано-воскресенскіе, которые, въ послѣдующее по таковыхъ полезныхъ его трудахъ время, то есть въ 1736-мъ году, имяннымъ указомъ взяты въ казну, гдѣ и донынѣ плавятся помянутые металы, отъ коихъ корона съ того времени ежегодно получала и нынѣ получаетъ обогатительные его трудами знатнѣйшіе доходы; а съ таковымъ усердіемъ и жизнь въ 1745-мъ году кончилъ. Съ моей же стороны, по смерти отца моего, отъ доставшихся мнѣ по наслѣдству Сибирскихъ Невьянскихъ заводовъ, по 1769-й годъ, то есть по день ихъ мною продажи, трудами и попеченіемъ моимъ, доставлялъ я пользу отечеству и народу, снабженіемъ, таковую-жъ, какову и отецъ мой.

Отъ роду мнѣ нынѣ 75-ть лѣтъ. Въ супружествѣ имѣлъ я первую жену Тульскаго купца Антипа Пастухова дочь Матрену Антипову, которая

въ 1764-мъ году умерла; а вторую имѣю Татьяну Васильеву дочь, по отцѣ Семенову, которой отъ роду нынѣ 37 лѣтъ. Отъ обоихъ тѣхъ моихъ супружествъ имѣю живыхъ дѣтей пятерыхъ, а именно: отъ первой троихъ сыновей и дочь: Акакія 45-ти лѣтъ, Льва 40-ка лѣтъ, Аммоса 32-хъ лѣтъ, да овдовѣвшую дочь Анну 34-хъ лѣтъ, бывшую въ замужествѣ за Московскимъ купцомъ Земскимъ. Отъ второй жены дочь Настасью 17-ти лѣтъ, находящуюся въ замужествѣ за прапорщикомъ Маркою Ивановымъ сыномъ Хозиковымъ, которые всѣ пятеро, мужескъ полъ женаты, а дочери въ замужествѣ и живутъ со своими дѣтьми отдѣленными домами; а почему и одолжаются они каждый о себѣ и о своихъ семействахъ, по содержанію жалованной грамоты, подать увѣдомленія въ тѣ намѣстничества, гдѣ ихъ владѣніе имѣніемъ и жительство состоятъ.

Выписано изъ подлинной бумаги или «почтеннѣйшаго увѣдомленія», поданнаго Прокофіемъ Акинѳіевичемъ Демидовымъ, въ Лебедянскую Дворянскую Опеку, 7 Августа 1785 года для внесенія его съ семействомъ по Тамбовскому намѣстничеству въ дворянскую родословную книгу. Сообщено роднымъ правнукомъ Демидова, Николаемъ Николаевичемъ Хозиковымъ.

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

(ОПЫТЪ РАЗРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ)

Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, знаніе Россіи.

Карамзинъ.

ГЛАВА I-я.

Предки и родители.

Въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города Сосницы, Черниговской губерніи, при рѣчкѣ Домнѣ, лежитъ мѣстечко Стольное [1]), надъ которымъ возвышаются купола двухъ церквей и крыша барскаго дома, построеннаго извѣстнымъ архитекторомъ Гваренги—памятники богатства Безбородковъ.

Безбородки, какъ и многіе другіе у насъ на Руси, не богаты родовитостію. Происхожденіе ихъ прикрывается какими-то полубаснословными преданіями. Говорятъ, будто Безбородки происходятъ отъ Польской фамиліи Ксенжницкихъ, о которой не дошло до насъ почти никакихъ извѣстій [2]). Съ 1648, когда началась

[1]) Село Стольное, неизвѣстно въ которомъ году, переименовано въ мѣстечко. Село это, какъ увидимъ ниже, было пожаловано императрицею Анною отцу Безбородки, Андрею Яковлевичу; по наслѣдству послѣ него перешло оно къ графу И. А. Безбородкѣ, а отъ него къ графамъ Кушелевымъ. Въ настоящее время, оно принадлежитъ графинѣ Л. А. Мусиной-Пушкиной, урожденной графинѣ Кушелевой-Безбородкѣ.

[2]) Въ сочин. Korona Polska, przez X. Kaspra Niesieckiego. W drukarni Collegium Lwowskiego Societatis Jesu roku 1738, говорится (стр. 734), что фамиліи Książnicki (Ксенжницкій), подъ которою извѣстны были предки Безбородковъ герба Ostoja (Остоя) и Książenski (Ксенженскій), когда они находились въ Польшѣ, жили: Ксенжницкіе въ воевод-

война между Малороссіею и Польшею, встрѣчается имя Демьяна Ксенжницкаго, который владѣлъ помѣстьемъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Онъ служилъ въ Малороссійскомъ войскѣ и участвовалъ въ походахъ, послѣ которыхъ Малороссія освободилась отъ Польскаго владычества [3]). Существуетъ разсказъ [4]), что въ одной схваткѣ Демьяну Ксенжницкому отрубили подбородокъ, и съ тѣхъ поръ его стали прозывать «безбородымъ», а въ послѣдствіи времени прозвище это обратилось и на его потомковъ, что̀ совершенно въ духѣ Малороссіи, гдѣ постоянно даютъ прозвища другъ другу, заимствуя ихъ изъ случайныхъ обстоятельствъ ежедневной жизни. Извѣстно, что вообще въ Россіи (какъ впрочемъ и въ другихъ странахъ) существуетъ подобный обычай, и что многія фамиліи имѣютъ у насъ подобное происхожденіе, даже въ новое время. А что изстари, по крайней мѣрѣ отъ нравственныхъ качествъ происходили иныя родовыя прозванія, о томъ свидѣтельствуетъ и Карамзинъ [5]). Въ Малороссіи же еще недавно было въ употребленіи у простонародія слово «дрознить» вмѣсто называть по прозванію или фамиліи.

Демьянъ Ксенжницкій, усвоивъ себѣ прозвище «Безбородко», передалъ его и единственному своему сыну Ивану Демьяновичу, который наслѣдовалъ отцовское имѣніе въ Переяславскомъ уѣздѣ и прижилъ трехъ сыновей: Ивана, Демьяна и Андрея. Второй, Демьянъ, хотя и имѣлъ сыновей Василія и Даніила, но они умерли въ цвѣтущихъ лѣтахъ, не оставивъ потомства; у младшаго же Андрея была одна дочь Елена, которая вышла за мужъ за Васильца, и родъ ихъ прекратился.

У старшаго сына Ивана Ивановича родился сынъ Яковъ Ивановичь, который занималъ въ Переяславскомъ уѣздѣ должность значковаго товарища и былъ женатъ дважды. Первая его жена была Потаповичевыхъ, съ которою онъ прижилъ дочь Ольгу, вышедшую за мужъ за Жданова, и сына Андрея. Отъ второй жены, Агаѳьи, бывшей изъ фамиліи Гулакъ, дѣтей не было.

Безбородко, Андрей Яковлевичь, родился въ 1711 году 4 Іюля. Служебное поприще его подробно изложено во всеподданѣйшемъ докладѣ графа Румянцева-Задунайскаго, просившаго у императрицы Екатерины II «пожалованіемъ въ вѣчное и наслѣдственное его владѣніе нѣкотораго количества дворовъ изъ принадлежащихъ коронѣ въ Малой Россіи, и дачею ему Россійскаго чина» дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Ходатайство графа Румянцева относится къ 1775 году, т. е. ко времени, когда А. Я. Безбородко болѣе 13 лѣтъ находился въ отставкѣ и жилъ въ пожалованномъ ему селѣ Стольномъ.

ствѣ Серадзскомъ и въ Подгорьи, а о Ксенженскихъ упоминается въ книгахъ Остржетовскихъ, подъ 1595 и 1598 годами. Обѣ эти фамиліи отмѣчены у Несецкаго астерисками, что̀ у него служитъ знакомъ угасшихъ въ Польшѣ фамилій, и послѣдняя уже послѣ Брестской уніи.

[3]) Общій гербовникъ, I, № 29.

[4]) Опытъ обозр. жизни сановниковъ, управл. иностранн. дѣлами въ Россіи, II, 167.

[5]) Исторія Гос. Росс. изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 273, 274. Въ сочиненіяхъ Гавріила архіеп. Тверскаго и Кашинскаго (Москва, 1854 г. II, 37—39) есть разсказы о происхожденіи нѣкоторыхъ Малороссійскихъ фамилій.

[6]) Росс. Род. Кн. князя Долгорукова, II, 176.

Просьба графа Румянцева осталась неисполненною, но тѣмъ не менѣе докладъ его какъ нельзя лучше обрисовываетъ отношенія Безбородки къ правителямъ Малороссіи и раскрываетъ службу того, чей сынъ именовался впослѣдствіи «свѣтлѣйшимъ княземъ».

Безбородко (читаемъ въ докладѣ), „началъ служить съ прошедшаго 1730 года у дѣлъ бывшей Малороссійской Генеральной Канцеляріи и, по уваженію на исправность и прилежность его, отъ покойныхъ гетмана Апостола [7]) и бывшаго при немъ генерала Нарышкина [8]) опредѣленъ въ должность старшаго войсковаго канцеляриста, на коемъ лежало вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ главнаго тамошняго правительства. По смерти же упомянутаго гетмана и вступленіи въ управленіе генерала князя Шаховскаго [9]) съ товарищи, по удостоенію ихъ, въ 1734 году, Прав. Сенатомъ и въ старшіе канцеляристы произведенъ. Въ семъ чинѣ возложено на него было не одно токмо исправленіе дѣлъ публичныхъ, которыя и сами по себѣ, а особливо по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, весьма важны были и неусыпный трудъ съ собою сопрягали, да и тогда еще, когда по болѣзни бывшаго на то время генеральнаго писаря Турковскаго [10]) и сія должность на немъ же, Безбородкѣ, оставалася; по довѣренность главноуправлявшихъ въ Малой Россіи генераловъ: князя Шаховскаго, князя Барятинскаго [11]), отца моего, графа Александра Румянцева [12]),

[7]) Апостолъ, Даніилъ Павловичъ, Малороссійскій гетманъ и Александровскій кавалеръ, находился въ сватовствѣ съ Андреемъ Яковлевичемъ Безбородкою, дочь котораго Ульяна Андреевна была за мужемъ за сыномъ В. В. Кочубея, женатаго на дочери Апостола. На похоронахъ его знаменитѣйшимъ чинамъ на память были розданы кольца съ Латинскою надписью: родился 1658 г. 4 Декабря, скончался 4 Января 1734 г. (Записки Марковича I, 418).

[8]) Нарышкинъ, Семенъ Григорьевичъ, внучатный братъ царицы Наталіи, учился въ Берлинѣ, былъ генералъ-адъютантъ при Петрѣ Великомъ, которымъ сосланъ въ деревню какъ замѣшанный въ дѣлѣ царевича Алексѣя. Анна Іоанновна, произведя его въ ген.-аншефы, послала въ Малороссію наблюдать за дѣйствіями Апостола; сконч. онъ въ 1744 г. (А. Васильчиковъ, «Родъ Нарышкиныхъ», въ Русск. Архивѣ 1871, стр. 1501).

[9]) Шаховской, князь Алексѣй Ивановичъ, ген. аншефъ и Александровскій кавалеръ, по смерти гетмана Апостола, былъ назначенъ старшимъ изъ шести членовъ, которымъ поручена была въ управленіе Малороссія. Скончался онъ 27 Мая 1736 г., отъ горячки, въ селѣ Лопотковѣ, будучи полнымъ генераломъ (Росс. Род. Кн. кн. Долгорукова. I, 172. Записки Марковича, II, 2).

[10]) Генеральный писарь Турковскій пользовался особенною любовію кн. Шаховскаго, который нерѣдко у него пировалъ. Скончался Турковскій въ 1739 году; о немъ А. М. Лазаревскій въ статьѣ: «Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ» пишетъ: «Пользуясь милостію Турковскаго, Безбородко скоро сталъ самъ заправлять канцеляріею, а по смерти Турковскаго, будучи уже любимцемъ Румянцева, онъ безъ труда занялъ урядъ генеральнаго писаря, едва ли не важнѣйшій въ кругу генеральной старшины». (Р. Архивъ 1873, стр. 378).

[11]) Барятинскій, князь Иванъ Ѳеодоровичъ, въ 1736 г., по смерти князя Шаховскаго, назначенъ «въ Малой Россіи и въ слободскихъ полкахъ все правленіе имѣть». Скончался онъ 18 Февраля 1738 г. (Зап. Марковича II, 9, 38).

[12]) Румянцевъ, графъ Александръ Ивановичъ, отецъ Задунайскаго, въ 1738 г., по смерти князя Барятинскаго, былъ назначенъ (по ордеру графа Миниха, а впослѣдствіи подтверждено и указомъ изъ Кабинета), глав-

Кейта [13]), Леонтьева [14]) и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Неплюева [15]) къ нему столь далеко простиралася, что всѣ секретныя дѣла относительно тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ, равно и положенія тамошняго края, ему ввѣрены были. И онъ, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ важныхъ и знаменитыхъ на пользу службы коммиссіяхъ употребляемъ будучи, всемѣстно доказывалъ свое усердіе и добрую волю, къ которымъ по справедливости надлежащее благопризнаніе вышеписанныя особы воздали въ самыхъ своихъ донесеніяхъ къ высочайшему двору, особенно князь Барятинскій, отецъ мой и генералъ Кейтъ, о чемъ по дѣламъ бывшаго Кабинета совершенно извѣстно."

Рекомендація представителей Малороссійской власти для Безбородки была весьма полезна: ему, по ихъ ходатайству, пожалованы были деревни. Въ именномъ указѣ, данномъ на имя Сената, 27 Ноября 1736 г., говорилось, что деревни ему пожалованы „на пропитаніе», а именно села: Стольное, въ Столинской сотнѣ, Черниговскаго полку, Пшехдани и Богдани [16]) въ Гелмязовской сотнѣ, Переяславскаго полку, въ которыхъ по ревизіи 1735 г. числилось 64 двора „посполитыхъ людей." Въ 1740 г. гр. Румянцовъ просилъ о выдачѣ грамоты Безбородкѣ и въ представленіи своемъ рекомендовалъ его вѣрнымъ и ревностнымъ исполнителемъ его воли „какъ въ настоящихъ, такъ и секретныхъ дѣлахъ, поступкахъ и службахъ."

Въ началѣ слѣдующаго 1741 года, 20 Февраля, именнымъ указомъ императрицы Анны Іоанновны, даннымъ на имя генерала Кейта [17]) и „по выбору," какъ сказано въ докладѣ графа Румянцева, „всего общества Малорос-

---

нымъ начальникомъ Малороссіи; въ 1740 г. онъ былъ отправленъ въ Царьградъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ; на мѣсто же его былъ назначенъ генералъ Кейтъ. Румянцевъ скончался въ 1749 г. 4 Марта. (Зап. Марковича, II, 39, 40).

[13]) Кейтъ, Яковъ Вилимовичъ; въ 1740 г., возвратившись изъ Франціи, былъ опредѣленъ въ чинѣ ген.-аншефа и гвардіи полковника (Зап. Марковича II, 120) на мѣсто гр. А. И. Румянцева, о чемъ въ указѣ говорилось: «Мы всемилостивѣйше заблагоразсудили главную дирекцію и правленіе Малороссійскихъ дѣлъ, на мѣсто опредѣленнаго къ Турецкому двору посломъ генерала Румянцева, поручить генералу Кейту, который и надъ нашимъ войскомъ команду имѣетъ». Въ Малороссіи онъ пробылъ одинъ годъ и въ это короткое время, по отзыву историковъ Малороссіи Марковича и Рубана, «онъ сдѣлалъ дѣла болѣе, нежели его предшественники въ десять лѣтъ».

[14]) Леонтьевъ, Михаилъ Ивановичъ; началъ службу при Петрѣ В.; въ 1741 г. онъ былъ уже полнымъ генераломъ и Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ; ему повелѣно было принять правленіе Малороссіи до прибытія тайнаго совѣтника Неплюева, назначеннаго на мѣсто генерала Кейта, который указомъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ. Современники отзываются о немъ, что онъ былъ «угрюмый и сварливый солдатъ».

[15]) Неплюевъ, Иванъ Ивановичь, въ чинѣ тайнаго совѣтника, послѣ Леонтьева управлялъ Малороссіею. По свидѣтельству Марковича, на Украйнѣ его успѣли полюбить, но пробылъ онъ тамъ не больше 3-хъ мѣсяцевъ (Зап. Марковича II, 148, 151). Родился въ 1693 г. 5 Ноября, скончался 11 Ноября 1773 г. Записки его напечатаны въ Р. Архивѣ за 1871 годъ.

[16]) Села: Пшехдани и Богдани въ «Спискахъ населенныхъ мѣстностей Россійской Имперіи» Черниговской губерніи не показаны.

[17]) Именные высочайшіе указы, хранящіеся въ Архивѣ Прав. Сената, въ С.-Петербургѣ, кн. № 4, стр. 14.

сійскаго", Безбородко пожалованъ былъ „въ Малороссійскіе генеральные писаря [18]), въ которомъ чинѣ, цѣлые двадцать два года пребывая, несъ онъ все бремя управленія дѣлами главнаго въ Малороссіи правительства."

При церемоніи избранія послѣдняго гетмана графа Разумовскаго, Безбородко находился въ шествіи за гетманскою булавою вмѣстѣ съ другими чинами [19]). Нерѣдкія отлучки графа Разумовскаго въ Петербургъ, причемъ гетманъ обыкновенно вмѣстѣ съ другими важнѣйшими чинами поручалъ правленіе Малороссіи Безбородкѣ или бралъ его съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ и жилъ съ гетманомъ по нѣскольку мѣсяцевъ и возвращался въ Глуховъ на нѣсколько лишь дней и вновь уѣзжалъ въ столицу [20]), свидѣтельствуютъ, что гетманъ цѣнилъ его. Въ Февралѣ 1759 г. гр. Разумовскій, будучи въ Петербургѣ, ходатайствовалъ предъ Сенатомъ о награжденіи Безбородки чиномъ генеральнаго судьи. Представленіе графа Разумовскаго осталось неутвержденнымъ, и только въ 1762 г., 5 Марта, при Петрѣ III, Безбородко достигъ этого чина съ увольненіемъ въ отставку, „хотя онъ и не просилъ о томъ."

Находясь въ отставкѣ, Безбородко не чуждался дѣлъ своей родины. „Отличался онъ (писалъ Румянцевъ), рвеніемъ къ пользѣ службы и благонамѣренными сентиментами, особливо при бывшемъ выборѣ депутатовъ къ сочиненію проэкта новаго уложенія, гдѣ онъ, по отмѣнному у своей собратіи уваженію, бывъ выбранъ предводителемъ, внушеніями своими прямо руководствовалъ ихъ къ изъятію отъ себя всѣхъ предубѣжденій и къ познанію въ полной мѣрѣ милосерднаго промысла вашего императорскаго величества о совершеніи общаго и особеннаго благоденствія" [21]).

По другимъ источникамъ, служебное поприще А. Я. Безбородки представляется въ иномъ видѣ, менѣе блестящемъ. По словамъ автора „Очерковъ изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ" [22]), практическій умъ и въ особенности ловкость, съ которою Безбородко умѣлъ принаравливаться къ характеру каждаго изъ правителей, дали ему возможность забрать въ руки всю мѣстную администрацію Малороссіи. Пользуясь своимъ положеніемъ, Безбородко преслѣдовалъ будто бы преимущественно свои личныя выгоды и много способствовалъ окончательной деморализаціи низшей старшины, которая мѣста свои получала почти исключительно изъ его рукъ.

Исключительное положеніе Безбородки скоро было обнаружено, и онъ былъ уволенъ отъ должности генеральнаго писаря „по челобитью [23])

[18]) Зап. Марковича II, 131.

[19]) Исторія Малороссіи Марковича II, 638.

[20]) Зап. Марковича II, 311, 323, 325.

[21]) Копія съ этого доклада хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея, по описи, мною составленной № 1251; она писана рукою князя А. А. Безбородки, а быть можетъ и самый докладъ былъ имъ составленъ.

[22]) Статья А. М. Лазаревскаго, въ Р. Архивѣ 1873 г., стр. 378.

[23]) Во 2-й кн. XVIII в. напечатана „вѣдомость челобитень", поданная въ 1744 г. императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, по случаю наступленія торжества свадьбы наслѣдника Петра Θеодоровича съ принцессою Ангальтъ-Цербстскою. Въ вѣдомость эту внесено 60 пунктовъ, излагающихъ коротко содержаніе челобитень, между которыми, подъ № 40-мъ, записано слѣдующее: „Малороссійскій гене-

Яготинскаго сотника Купчинскаго, 5 Ноября 1742 года [24]).

Изъ бумагъ Малороссійской Коллегіи видно, что Безбородко „съ помощію своего помощника Холодовича [25]), полковые и сотничные уряды почти открыто держалъ на откупѣ.“ Сотникъ Яготинскій Купчинскій утверждалъ, что Безбородко, не довольствуясь наличными урядами, умножилъ число ихъ изобрѣтеніемъ небывалыхъ чиновъ „вакансовыхъ“ полковниковъ и сотниковъ. Самъ послѣднимъ, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ, выдавали универсалы на „вакансовыя“ должности, т. е. на право полученія перваго открывшагося мѣста.

Естественно, что оклеветанный Безбородко оправдывался, что самъ по себѣ онъ ничего не значилъ и все дѣлалъ, какъ приказывали ему правители и что они, а не онъ стали назначать, а не выбирать сотниковъ. Купчинскій ставилъ въ вину ему и то, что онъ назначалъ сотниками преимущественно своихъ канцеляристовъ, число которыхъ при немъ доходило до 200. Умноженіе это послѣдовало, по объясненію Купчинскаго, въ особенности отъ того, что Безбородко сталъ принимать въ канцелярію и людей „посполитой породы“, желавшихъ выбиться въ чиновники и будто бы потому хорошо платившихъ ему, за полученіе званія канцеляриста. Авторъ указанной выше статьи прибавляетъ, что дѣйствительно въ этотъ періодъ времени встрѣчается нѣсколько сотниковъ, вышедшихъ изъ мѣщанства и крестьянства, которые, посидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ Глуховскихъ канцеляріяхъ, могли добиваться и до сотничьихъ урядовъ. Назначаемые на сотничьи уряды канцеляристы иногда успѣвали заручаться при этомъ и выборомъ самой сотни; но такіе выборы были будто бы уже только формою, которую старались не обходить, можетъ быть, въ виду нареканій отъ людей, подобныхъ Купчинскому; въ сущности же, участіе сотнянъ при такихъ выборахъ было совершенно устраняемо и замѣнялось согласіемъ одной сотенной старшины, большею частію подкупленной.

Дознанія и слѣдствіе по доносу Купчинскаго производились въ теченіи почти десяти лѣтъ, и въ 1751 г. дѣло это было рѣшено въ пользу Безбородки. Говоря языкомъ Марковича, „Купчинскій по дѣлу съ Безбородкомъ, писаремъ генеральнымъ, обвиненъ, а Безбородко оправленъ старшиною генеральною и полковниками, и по прежнему ордеромъ гетманскимъ опредѣленъ въ генеральную канцелярію, а Купчинскій лишенъ сотничьяго чина чести [26]) и 100 ударовъ кіями взялъ».

ральный писарь Андрей Безбородко проситъ, чтобъ милостію его не оставить и, по напрасному доносителеву доношенію на него Переяславскаго сотника Яготинскаго Купчинскаго, отъ дѣлъ его не отрѣшать“.

[24]) Марковичь, въ Запискахъ своихъ (II, 184), подъ 2-мъ Декабремъ 1742 г. отмѣтилъ: „Писарь генеральный Безбородко и старшій канцеляристъ Холодовичь отрѣшены отъ дѣлъ Ноября 5, а по челобитью Купчинскаго велѣно слѣдовать генералу Бибикову, полковнику Риндеру и маіору Морозову“.

[25]) Холодовичь, Андрей, старшій канцеляристъ, не пользовался расположеніемъ своихъ земляковъ, но заслужилъ его у князя Шаховскаго, котораго и сопровождалъ въ 1734 г. въ Петербургъ. Безбородко былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. (Зап. Марковича I, 379, 394, 428; II, 243, 262).

[26]) Записки Марковича, II, 297 и 298.

Получивъ отставку и чинъ генеральнаго судьи [27]), въ 1762 г. Безбородко переѣхалъ въ одно изъ пожалованныхъ ему имѣній, село Стольное, гдѣ, окруженный своимъ семействомъ, роднею и друзьями, дожилъ до глубокой старости [28]), занимаясь хозяйствомъ.

Село Стольное, съ переѣздомъ въ него стариковъ Безбородковъ, оживилось и сдѣлалось какъ бы сборнымъ мѣстомъ многочисленной родни ихъ; туда съѣзжались на лѣто сыновья, дочери и внучата стариковъ [29]). Всѣ свадьбы [30]) справлялись здѣсь, и здѣсь же почти всѣ говѣли, что̀ видно изъ

---

[27]) Генеральный судья считался вторымъ чиномъ послѣ гетмана въ Малороссіи, слѣдовательно слова Гельбига объ А. Я. Безбородкѣ (Р. Архивъ 1865 г., стр. 381—384) несправедливы; онъ пишетъ: „намъ приходится оставить нерѣшеннымъ вопросъ этотъ, былъ ли Александръ Безбородко сыномъ незначительнаго дворянина на Украйнѣ, или, какъ говорятъ другіе, поселянина этой провинціи, торговавшаго тамошнимъ рогатымъ скотомъ“. Сомнѣнія его о происхожденіи Безбородковъ разсѣяны; остается сказать только о торговлѣ волами. Мысль эта явилась у А. Я. Безбородки въ то только время, когда сынъ его Александръ поселился въ столицѣ, т. е. въ 1776 г. и, какъ кажется, попытка эта далеко не удалась, что̀ можно заключить изъ двухъ писемъ А. А. Безбородки къ отцу. Въ письмѣ, отъ 19 Іюля 1776 г., онъ писалъ: „Быки по сіе время еще не бывали, и по объявленію Льва Васильевича г. Быковскаго не прежде ожидать ихъ (можно), какъ 10 Августа. Я не примину заранѣе съ оными счесться и дать знать, полезно ли продолжать сей промыселъ“. Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ Октябрѣ тогоже года, Безбородко сообщалъ: „Ничего точнаго сказать я не могу въ разсужденіи торгу волами въ С.П.-бургѣ; ибо, судя по тому, что отъ васъ даны изъ домашнихъ, то оные и въ самый нынѣ необычайный пригонъ и трудностью ихъ прокормленія цѣнены пара въ 30 и 32 рубли. А весною и далѣе 50 рублей могли бы простираться, но доставленные отъ г. Снуевскаго были такъ худы, что едва за всѣхъ могли взять четыреста двадцать рублевъ“.

[28]) Андрей Яковлевичь Безбородко скончался на 71 году жизни, 2 Марта 1780 г. и погребенъ въ Преображенской церкви, имъ перестроенной въ 1773 г. въ селѣ Стольномъ. На памятникѣ, „воздвигнутомъ въ память отцу сыномъ, графомъ Ильею Безбородко,“ находится, кромѣ приведенныхъ выше извѣстій, слѣдующая надпись: „служилъ отечеству въ царствованіе двухъ монарховъ, за труды и ревность взысканъ былъ щедротами ихъ. Анною Іоанновною жалованъ потомственно деревнями, а въ царствованіе Елизаветы Петровны достигъ до чину генеральнаго старшины.“ Доказательствомъ заботливости его о св. храмѣ служитъ письмо его къ епископу Черниговскому и Новгородъ-Сѣверскому Ѳеофилу Игнатовичу (Списки архіер. и архіер. каѳедръ Ю. В. Толстаго, стр. 17, № 127) о дозволеніи ему приступить къ перестройкѣ обвѣтшавшей церкви. Подлинное письмо А. Я. Безбородки обязательно доставлено мнѣ протоіереемъ А. І. Страдомскимъ.

[29]) Племянница Безбородки, Александра Павловна Милорадовичь, урожденная Кочубей, родная сестра Виктора Павловича (въ послѣдствіи князя) по смерти матери своей, Ульяны Андреевны, жила у бабушки своей, въ селѣ Стольномъ, гдѣ и происходила свадьба ея, 5 Сентября 1787 г. Она вела нѣчто въ родѣ дневника, въ который записывала, по ея мнѣнію, важныя семейныя событія, къ числу которыхъ отнесены ею дни прибытія въ село Стольное и выѣзды изъ него ея дяди А. А. Безбородки (Р. Архивъ 1871, приложеніе, стр. 131).

[30]) Въ бумагахъ Диканьскаго архива князя С. В. Кочубея хранится письмо Павла Васильевича Кочубея къ тестю его Андрею Яковлевичу Безбородкѣ, изъ котораго узнаемъ, что свадьба Татьяны Андреевны (Бакуринской) праздновалась въ Стольномъ, куда изъ Диканьки были посланы 8 человѣкъ „доморощенныхъ“ музыкантовъ.

исповѣдныхъ росписей и обыскныхъ книгъ мѣстной церкви. Кромѣ родныхъ, въ селѣ Стольномъ нерѣдко гостили и чужіе, товарищи сыновей и подруги дочерей Безбородковъ, о которыхъ въ одномъ изъ писемъ своихъ Безбородко писалъ къ отцу: „кои еще не отвыкли насъ очень различать отъ себя и которые всѣ изъ тѣхъ, что у насъ взросли или по крайней мѣрѣ долго жили.“

Состояніе А. Я. Безбородки было весьма достаточное, о чемъ можно заключить изъ Записокъ современника его, Марковича, считавшагося другомъ его; онъ записалъ нѣсколько характерическихъ чертъ о жизни и состояніи Глуховскаго общества прошлаго столѣтія. Дома Марковича и Безбородки были лучшими домами въ Глуховѣ. Когда къ графу А. И. Румянцеву, отцу Задунайскаго, жившему въ 1741 году въ Глуховѣ, пріѣхала дочь его, бывшая за мужемъ за Леонтьевымъ [31]), то дѣти ихъ были помѣщены у Безбородки [32]), а генералъ-летенантъ Салтыковъ [33]) живалъ у него по недѣлямъ. Постоянными сотоварищами Безбородки, или какъ называетъ ихъ Маркович, «кампанія наша» [34]), «древніе друзья», были: Скоропадскій [35]), братья Марковичи, изъ нихъ особенно былъ друженъ съ Безбородкою авторъ «Исторіи Малороссіи» и «Записокъ» Яковъ Андреевичь [36]), Гамалѣя [37]) и Кулябка [38]). Всѣ они были почти неразлучны и поочередно другъ у друга «частенько» игрывали въ карты [39]).

Андрей Яковлевичь Безбородко женатъ былъ на дочери генеральнаго судьи Забѣло [40]), Евдокіи Михайловнѣ, женщинѣ моложе его только пятью годами [41]), весьма смышленой, извѣстной на мѣстномъ языкѣ подъ именемъ «Безбородчихи» [42]) и славившейся гостепріимствомъ: къ ней гости «прежде обѣда заходили водковать».

Въ трехъ сочиненіяхъ мы находимъ разсказы о ней. Въ книгѣ, имѣющей заглавіе: Annexa do częsci pierwszey Relacyi i materyi o buntach na seymie 1790 roku uczynoney. W Warszawie,

[31]) Леонтьевъ, Николай Михайловичь, сынъ Михаила Ивановича (см. примѣчаніе 14), ген. аншефъ и Александр. кавалеръ. Женатъ онъ былъ на сестрѣ графа Румянцева-Задунайскаго, графинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Румянцевой. Росс. Род. Кн. Спб. 1873, стр. 74 и 211.

[32]) Зап. Марковича, 153.

[33]) Салтыковъ, Василій Өедоровичь, ген. аншефъ и Александр. кавалеръ. Росс. Род. Кн. кн. Долгорукова, 73.

[34]) Зап. Марковича, 11, 212.

[35]) Скоропадскій, Михаилъ Васильевичь, генеральный подскарбій. Скончался 3 Января 1758 г. (Записки Марковича II, 349).

[36]) Марковичь, Яковъ Андреевичь, генер. подскарбій, род. 7 Октября 1696 г., умеръ 9 Нояб. 1770 г. (Предисл. къ Запискамъ его, Александра Марковича I—VII).

[37]) Гамалѣя, Иванъ Андреевичь, въ 1762 г. былъ пожалованъ генеральнымъ судьею. (Зап. Марковича II, 126, 379, 402).

[38]) Кулябка, Иванъ Петровичь, Лубенскій полковникъ, женатый на племянницѣ Я. Марковича. (Зап. Марковича II, 351, 402).

[39]) Зап. Марковича II, 201, 206, 247, 248, 262.

[40]) Забѣло, Михаилъ Тарасьевичь, въ 1741 г. былъ уволенъ въ отставку, за болѣзнями, съ чиномъ генеральнаго судьи. (Зап. Марковича II, 132).

[41]) Евдокія Михайловна родилась въ городѣ Борзнѣ, 4 Августа 1716 г., скончалась въ 1803 г. Іюля 5 дня, какъ свидѣтельствуетъ надпись на памятникѣ, «воздвигнутомъ въ память матери сыномъ, графомъ Ильею Безбородко». Погребена она въ той же церкви, гдѣ и мужъ ея, въ селѣ Стольномъ.

[42]) Зап. Марковича II, 103.

w drukarni nowey S. K. Mci Piotra Zawadskiego, въ письмѣ извѣстнаго проповѣдника протоіерея Леванды къ преосвященному Виктору, епископу Переяславскому (Списки архіереевъ и архіер. каѳедръ Ю. В. Толстаго, стр. 19, № 150), отъ 12 Апрѣля 1788 г., гдѣ, между прочимъ, сказано: «Началомъ слуха о переводѣ вашемъ было то, что мать Александра Андреевича (Безбородки) желала этого и просила графа сына» (стр. 377—379). Это обстоятельство относится до Черниговской епархіи, на которую прочили, по слуху, сообщенному протоіереемъ Левандою, епископа Виктора; но какъ извѣстно, на Черниговскую каѳедру назначенъ былъ Елецкаго монастыря архимандритъ Іероѳей (Списки архіер. и архіерейскихъ каѳедръ Ю. В. Толстаго, стр. 20, № 158) съ 1762 по 1774 годъ управлявшій Домницкимъ монастыремъ, въ который А. Я. Безбородко и его жена много жертвовали и, какъ сосѣди, «водили знакомство съ нимъ». 6 Ноября 1788 года Безбородко писалъ къ своей матери слѣдующее: „Приложенное при семъ письмо къ новому нашему архіерею (Іероѳею) прошу приказать доставить. Когда я подносилъ докладъ Сѵнода ея императорскому величеству о кандидатахъ, то государыня весьма за благо приняла, что отецъ архимандритъ удостоенъ, отозвавшись о немъ съ похвалами и приказавъ его пожаловать тотчасъ въ сей санъ." Ѳеофанъ же Игнатовичь, епископъ Черниговскій, умершій 27 Сентября 1788 г. и на мѣсто котораго былъ назначенъ покровительствуемый матерью Безбородки, не пользовался расположеніемъ не только высшаго круга, но и самой государыни.

Добрынинъ (Р. Старина 1871, IV, 308), разсказывая о епископѣ Могилевскомъ Аѳанасіи Вольховскомъ (Списки архіер. и архіер. каѳедръ Ю. В. Толстаго, стр. 13, № 93), котораго онъ называетъ недостойнымъ и безграмотнымъ человѣкомъ, получившимъ будто бы важную въ то время Могилевскую каѳедру чрезъ мать Безбородки, пишетъ: „Тутъ рождается вопросъ: какъ это могло статься, чтобы въ царствованіе Екатерины великія былъ архіерей безграмотный? Вотъ какъ. Государыня императрица, будучи на 7-мъ десяткѣ лѣтъ и уже при истеченіи своего вѣка и царствованія, естественно не всегда уже видѣла все тамъ, гдѣ прежде умственный и вещественный ея глазъ досязалъ. А графъ Безбородко, будучи при ней и канцлеръ, и министръ, и правитель всѣхъ дѣлъ, хотя былъ достоинъ сихъ почестей и царскаго довѣрія, но онъ имѣлъ мать лѣтъ 80-ти (71 года) слишкомъ. Она не давала ему покоя своими изъ Малороссіи письмами, требуя, чтобы Александроневскій намѣстникъ архимандритъ Вольховскій непремѣнно былъ сдѣланъ архіереемъ, инако-же сыну проклятіе. Ну, кому же захочется быть проклятому отъ матери? Вотъ и вся сказка; по крайней мѣрѣ такъ говорили всѣ, ибо каждый любопытенъ былъ знать, почему на такую важную степень возведенъ человѣкъ неграмотный и посланъ въ такую губернію, гдѣ всякой ксіондзъ говоритъ Латинскимъ языкомъ (это повѣствованіе напоминаетъ мнѣ разсказъ Малоросса, который удивлялся, что въ Ригѣ маленькіе Нѣмчики понѣмецки говорятъ), а многіе и другими иностранными, не включая Россійскаго и Польскаго. Павелъ I, введя въ обычай жаловать орденами духовенство, пожаловалъ и Вольховскому Анненскую ленту; но, любя порядокъ, лишилъ

его чрезъ годъ мѣста и велѣлъ послать въ одинъ изъ Малороссійскихъ монастырей, помнится въ Лубенскій, гдѣ онъ и скончался.“ Всякій читатель усумнится въ справедливости разсказа Добрынина. Позволяемъ себѣ возстановить истину, не по слухамъ, а на основаніи документовъ.

Въ 1788 г. викарій Новгородской епархіи, епископъ Старорусскій Ѳеофилъ переведенъ былъ на каѳедру Тамбовскую. Свят. Сѵнодъ 7 Марта 1788 г. во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ нашелъ достойнымъ ходатайствовать предъ Государыней о назначеніи въ Старую Русу въ викарія первокласнаго Новгородскаго Юрьева монастыря архимандрита и Александро-невскаго намѣстника Аѳанасія.

Въ вѣдомости, представленной при докладѣ, біографическія извѣстія объ Аѳанасіѣ были изложены въ такихъ выраженіяхъ: „Первокласнаго Новгородскаго Юрьева монастыря архимандритъ и Александро-невскій намѣстникъ Аѳанасій, природою изъ Малороссіянъ, обучался въ Кіевской Академіи и другихъ семинаріяхъ Латинскому и Польскому языкамъ и философіи; по постриженіи въ монашество, въ 1769 г., проходилъ Черниговской епархіи въ монастыряхъ разныя начальственныя послушанія и трудился въ сказываніи проповѣдей; въ игумена произведенъ въ 1776 г., а въ архимандрита въ 1783 годахъ, и былъ настоятелемъ въ Новгородскихъ монастыряхъ Кириловѣ, Вяжицкомъ, а нынѣ находится въ Юрьевѣ, исправляя сверхъ того, съ 1781 г., въ здѣшнемъ Александро-невскомъ монастырѣ намѣстническую должность, также присутствовалъ въ консисторіяхъ Черниговской, Новгородской, а нынѣ С.-Петербургской; отъ роду ему 47 лѣтъ.“

Представленіе это было утверждено государыней 6 Мая 1788 г., о чемъ и объявлено было Св. Сѵноду именнымъ указомъ, а 14 Іюня совершено было нареченіе Аѳанасія.

Чрезъ 7 лѣтъ потомъ, 21 Февраля 1795 г., Св. Сѵнодъ получилъ рапортъ изъ Могилевской Духовной Консисторіи, въ которомъ говорилось, что «преосвященный Георгій, архіепископъ Могилевскій, Мстиславскій и Оршанскій, по долговременной болѣзни, сего Февраля 13 числа скончался». На другой же день рапортъ этотъ былъ доложенъ, и тогдашній оберъ-прокурорь Мусинъ-Пушкинъ «словесно» заявилъ въ присутствіи, «что при донесеніи имъ о семъ ея императорскому величеству, изволила ея величество высочайше указать ему объявить Св. Сѵноду, чтобы на сію архіерейскую вакансію избраны и представлены были отъ Сѵнода кандидаты безъ замедленія. А потому Св. Сѵнодъ и приступилъ тотчасъ же къ выбору кандидатовъ и «по довольномъ разсужденіи» нашелъ «достойными» Новгородской епархіи викарія, Старорусскаго епископа Аѳанасія Вольховскаго и архимандрита Донскаго монастыря Іоанникія.

Государыня утвердила докладъ Св. Сѵнода 5 Марта собственноручною подписью, написавъ противъ имени епископа Аѳанасія: «Сему».

Десять лѣтъ епископъ Аѳанасій управлялъ Могилевскою епархіею, а по восшествіи на престолъ Павла, новый монархъ пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго (а не Анны), знаки коего препровождены были къ нему при лестномъ рескриптѣ подписанномъ государемъ, въ Минскѣ, 11 Мая 1797 году.

Но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, когда Павелъ возвратился изъ путешествія

въ Гатчину, въ началѣ Іюня, полученъ былъ доносъ въ Сунодѣ отъ діакона Харкевича на преосвященн. Аѳанасія, сущность котораго какъ нельзя яснѣе выражается во всеподданнѣйшемъ рапортѣ оберъ-прокурора князя Хованскаго, отъ 24 Августа, на имя государя.

Доносъ Харкевича и представленіе князя Хованскаго имѣли весьма важное вліяніе на государя, и онъ подписалъ указъ на имя Св. Сунода, въ которомъ говорилось: «по прошенію епископа Могилевскаго и Полоцкаго Аѳанасія, увольняемъ его отъ управленія тою епархіею, повелѣвая Суноду назначить ему пребываніе въ Мгарскомъ Лубенскомъ монастырѣ, сходно съ его желаніемъ, но безъ управленія тѣмъ монастыремъ». При слушаніи этого указа, въ засѣданіи Св. Сунода, 28 Августа, тогдашній оберъ-прокуроръ, князь В. А. Хованскій, объявилъ: «Его императорское величество, уволивъ епископа Могилевскаго Аѳанасія отъ управленія епархіею, считать изволитъ, что симъ должно кончиться дѣло, касающееся до поведенія его, тѣмъ болѣе, что по причинѣ онаго ни пенсіи ему не положено, ниже данъ просимый имъ монастырь въ управленіе, а только велѣно ему тамъ имѣть пребываніе». Сунодъ, дѣлая распоряженіе по объявленнымъ ему высочайшимъ повелѣніямъ, въ тотъ же день, опредѣлилъ: «въ разсужденіи сана его», митрополиту Кіевскому Іероѳею «велѣть отвесть настоятельскія покои, перемѣстя архимандрита тамошняго въ другія приличныя ему келіи».

Неизвѣстна жизнь преосвященнаго Аѳанасія въ Лубенскомъ монастырѣ; но слѣдуетъ сказать, что жизнь безъ дѣла и жизнь подъ началомъ имѣла сильное вліяніе на его здоровье, которое съ каждымъ днемъ разрушалось, не смотря на новое доказательство вниманія къ нему императора Павла, который вспомнилъ о немъ и повелѣлъ производить ему пенсію по 1200 р. въ годъ. Недолго пользовался преосвященный Аѳанасій этою милостію монарха: болѣзнь его приняла печальный исходъ. «Онъ лишился ума», какъ доносилъ Св. Суноду епископъ Малороссійскій и Переяславскій, отъ 22 Августа 1800 г. Чрезъ полгода тотъ же епископъ донесъ Св. Суноду, что 1 Января 1801 году епископъ Аѳанасій скончался въ квартирѣ родственника своего священника Іоанна Симановскаго, въ Полтавѣ, а 3 Января, по «церковному чиноположенію тѣло его отпѣто въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ съ Полтавскимъ градскимъ духовенствомъ» и похоронено въ склепѣ того монастыря. Послѣ этого можно ли вѣрить показаніямъ Добрынина?

И такъ мать Безбородки не имѣла участія въ упомянутыхъ назначеніяхъ; да и въ дѣлахъ Св. Сунода не встрѣтилось намъ никакихъ слѣдовъ ходатайства Безбородки объ архимандритѣ Аѳанасіи.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь и объ ошибочномъ мнѣніи автора сочиненія: «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами» (Спб. 1837 г., ч. II, стр. 190), въ которомъ онъ сообщаетъ, что мать Безбородки однажды «за пышнымъ обѣденнымъ столомъ, въ многочисленномъ собраніи сановниковъ, пожелала своему сыну, при всеобщемъ питьѣ за его здоровье, почестей, богатствъ и большаго чина: «щобъ тоби, сыночку, ище буть бильшимъ паномъ». Сынъ нетерпѣливо спросилъ: «какимъ еще быть больше, матушка?» — «Тымъ самымъ, що ходытъ, та всихъ будитъ; ото мабудь великій панъ, бо вси іого слухаютъ». «Какъ матушка? Да это у насъ послѣдній человѣкъ,—это барабанщикъ».—

«Якъ же iого вси слухаютъ?» — «Отъ того, отвѣчалъ сынъ, что онъ всѣхъ безпокоитъ». Вымышленность этого разсказа очевидна. Мать Безбородки была, по времени, весьма образованной женщиной, если судить по тѣмъ письмамъ ея, которыя я имѣлъ случай видѣть [43].

Скончалась она въ глубокой старости, на 87 году жизни, осыпанная милостями, какъ увидимъ ниже, императора Павла, за заслуги старшаго своего сына «пестуна». Любовь матери къ нему была безпредѣльна. Разсказываютъ, что когда князь Безбородко умеръ, то домашніе не смѣли сказать ей о кончинѣ любимца ея, и она будто бы умерла, не зная о его смерти.

У Безбородковъ было большое семейство, но изъ доживших до возраста дѣтей ихъ извѣстны: три сына и три дочери. По времени рожденія они были—дочери: Анна и Ульяна, сыновья: Александръ и Яковъ, дочь Татьяна и сынъ Илья.

Старшему сыну этой семьи,—Александру Андреевичу Безбородкѣ, съ именемъ котораго слиты памятныя событія второй половины XVIII вѣка посвящается настоящій трудъ.

ГЛАВА II-я.

Рожденіе, дѣтство и воспитаніе.

Александръ Андреевичъ Безбородко родился въ городѣ Глуховѣ, 14 Марта 1747 г., о чемъ положительно свидѣтельствуетъ надпись на его памятникѣ, поставленномъ надъ его могилой «благодарнымъ братомъ», въ Александро-невской лаврѣ. Въ верхней части памятника, подъ бюстомъ князя, на мраморномъ столбѣ, выбито: «родился 1747 года, 14 Марта; скончался 1799 года, 6 Апрѣля». Въ верху же памятника, на мѣдной доскѣ, которая вбита въ стѣну, въ 1820 году, при построеніи Благовѣщенской церкви и на которой перечислены занимаемыя Безбородкою при жизни должности, сказано: «родился въ городѣ Глуховѣ Марта 17 дня, 1747 года». Ошибочность послѣдняго показанія опровергается замѣткою Н. А. Львова, который былъ близкимъ къ Безбородкѣ лицомъ и долго служилъ при немъ. Въ бумагахъ его, найденныхъ академикомъ Я. К. Гротомъ, сказано: «Безбородко родился 14 Марта 1747 года» [1]).

Метрической записи его мнѣ не удалось отыскать. Хотя записи уже и были введены во всѣ приходы, но какъ порядокъ отсылки ихъ въ консисторскіе архивы еще не былъ обязательнымъ, то многіе изъ нихъ пропадали и еще

[43]) Очевидно, что на мать Безбородки перенеслись преданія о Разумихѣ. *П. Б.*

[1]) Соч. Г. Р. Державина II, 208. Доказательствомъ, что князь Безбородко родился 14, а не 17 Марта можетъ отчасти служить то, что въ Домницкомъ монастырѣ, которому «благодѣтельствовало» все семейство Безбородковъ, и особенно Александръ и Илья Андреевичи, чтятся особенно дни 14 Марта и 16 Февраля (день рожденія Ильи Андреевича); посему и придѣлы соборной церкви, выстроенной въ 1806 г., одинъ освященъ въ честь св. мученика Александра-Пресвитера, память котораго празднуется 14 Марта, а другой—мученика Иліи Египтянина, празднуемаго 16 Февраля. Церковь построена въ честь святыхъ, имена которыхъ носили оба брата. Эти числа были и днями рожденія, и днями имянинъ ихъ. Тоже почти говоритъ и князь И. М. Долгоруковъ въ сочиненіи своемъ: „Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда. 1810,“ напеч. въ Чтеніяхъ (1869 г. кн. 2, стр. 121—124). Описывая имѣніе графа И. А. Безбородки, князь, между прочимъ, пишетъ: „въ селѣ Ильинскѣ выстроена каменная церковь, во имя Александра-Пресвитера и въ честь патрону князя Безбородки.“

чаще истреблялись пожарами. Послѣдняя участь, надо думать, постигла и метрики города Глухова, горѣвшаго дважды. Что же касается до исповѣдныхъ росписей, выписки изъ которыхъ доставлены архивомъ Черниговской консисторіи, то на нихъ въ точности положиться нельзя: какъ извѣстно, лѣта въ нихъ записывались и записываются теперь со словъ говѣющаго всегда почти невѣрно. Тѣмъ не менѣе находимъ нелишнимъ представить здѣсь, какъ доказательство неточности записей, что по исповѣднымъ росписямъ Березинской протопопіи села Стольнаго Преображенской церкви, за 1765 годъ, между военными подъ № 29-мъ значится: «Абшитованный судія генеральный Андрей Іаковлевъ сынъ Безбородко 59 лѣтъ, жена его Евдокія Михайловна 54 лѣтъ, дѣти ихъ: Александръ Андреевичь 20, Татіана 14, Илія 10». Если вѣрить «росписи», то Александръ Безбородко долженъ былъ родиться въ 1745 году [2]). Но какъ бы подтвержденіе достовѣрности исповѣдной росписи находимъ и у подскарбія генеральнаго, друга отца Безбородки, Якова Марковича, который въ дневныхъ Запискахъ своихъ, подъ 2-мъ Апрѣлемъ 1745 года, отмѣтилъ: «ѣздилъ я посѣщать больнаго Якова Черныша, а оттоль до Безбородка, гдѣ банкетъ былъ для крестинъ сына, и подпіяхомъ» [3]). Храповицкій же, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ Безбородки, съ которымъ служилъ по должности кабинетъ-секретаря Екатерины II-й 10 лѣтъ, въ Запискахъ своихъ, подъ 8 Мартомъ, пишетъ: «сего дня рожденіе графа Безбородко. Онъ родился 47 года».

Такимъ образомъ вопросъ о днѣ рожденія Безбородки остается неразрѣшеннымъ положительно, также какъ и вопросъ о его дѣтствѣ, о которомъ не нашлось никакихъ извѣстій. Объ этомъ раннемъ возрастѣ Безбородки можно только сказать общими фразами, бездоказательно, что мальчикъ росъ и здоровѣлъ, а въ скромной и уединенной жизни отца, находившагося подъ слѣдствіемъ въ своемъ имѣніи, селѣ Стольномъ, служилъ ему нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Литературныя извѣстія объ этомъ возрастѣ Безбородки на столько маловажны и, главнѣе всего, сомнительны, что трудно безусловно довѣрять имъ. Они свидѣтельствуютъ лишь о необыкновенно быстромъ развитіи умственныхъ способностей мальчика и о проявленіяхъ особенной любви его къ труду, которая въ послѣдсвіи развилась академическимъ воспитаніемъ и отличала его, въ продолженіи всей послѣдующей жизни, отъ другихъ людей. Какъ ни любопытно было бы познакомиться съ той средой, съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ онъ росъ и гдѣ прошли первые годы его жизни, и знать, что впервыя останавливало его пытливое воображеніе, но объ этой далекой отъ насъ жизни его имѣемъ еще меньше извѣстій, чѣмъ о жизни его родителей, очерченной со словъ Марковича, друга ихъ семейства. Нашлось одно несомнѣнное свидѣтельство изъ молодости Безбородки, что онъ очень часто гос-

[2]) По сообщеннымъ г. Иванишевымъ (котораго искренно благодарю за содѣйствіе настоящему труду) свѣдѣніямъ о метрическихъ книгахъ, хранящихся въ Черниговской Консисторіи, видно, что въ тамошнемъ архивѣ находятся метрическія книги только Глуховскаго уѣзда съ 1785 и Сосницкаго уѣзда съ 1780 года.

[3]) Зап. Марковича II, 219.

тилъ въ селѣ Диканькѣ [4]), у старшей своей сестры Ульяны Андреевны, бывшей замужемъ за П. В. Кочубеемъ [5]), которому онъ, 29 Августа 1784 года, писалъ: «Никогда забыть я не могу того времени, которое въ молодости моей препровождалъ я пріятно въ домѣ вашемъ, имѣвъ многія отъ васъ ласки». Въ послѣдствіи времени Безбородко принималъ самое живое участіе въ дѣтяхъ Кочубея и слѣдилъ за ними, какъ нѣжный отецъ.

Когда настало время садить мальчика за Букварь, отецъ, не занятый службой, обратилъ все вниманіе свое на воспитаніе сына. Слѣдуя древнему правилу воспитанія, онъ самъ началъ учить его Славянской грамотѣ, переходя отъ Букваря къ Часослову и наконецъ къ Псалтыри.

Начальное воспитаніе Малороссійской молодежи тогдашняго времени, главнѣйшимъ образомъ, состояло въ свободномъ «привольи» и въ ученіи Закону Божію; а разсказы о казачьихъ подвигахъ, какъ живая изустная исторія, питали въ юношахъ горячую лю-

---

[4]) Диканька, село Полтавской губерніи, любимое мѣсто генеральнаго судьи Василія Леонтьевича Кочубея, казненнаго по проискамъ Мазепы. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, построенъ теперь великолѣпный каменный домъ, окруженный благотворительными и воспитательными заведеніями для мѣстныхъ жителей. Радушіе высокихъ хозяевъ, роскошный садъ, вѣковые дубовые и березовые лѣса придаютъ особенную прелесть мѣстности и восхищаютъ посѣтителей. Въ Николаевской церкви села хранится окровавленная рубашка казненнаго Кочубея. Село принадлежитъ теперь князю С. В. Кочубею. См. о немъ Географ. Стат. Словарь П. Семенова, т. II, стр. 61 и Москвитятинъ 1852 г., т. VI, стр. 67—74.

[5]) Кочубей, Павелъ Васильевичь, внукъ знаменитаго Василія Леонтьевича. Служебная дѣятельность его разъясняется всеподданнѣйшимъ докладомъ Сената, въ которомъ она изложена такъ: «Вступилъ въ службу 14 Іюня 1757 г. бунчуковымъ товарищемъ и былъ у разныхъ должностей; въ 1759 г. находился съ другими чинами при разсмотрѣніи сочиненнаго съ трехъ Малороссійскихъ правъ книги статута; въ 1761 г. присутствовалъ въ генеральномъ судѣ; въ 1762 г. находился у привода къ присягѣ Полтавскаго полка всяка званія людей и въ Москвѣ при высочайшей коронаціи, въ числѣ прочихъ Малороссійскихъ старшинъ, депутатомъ; 1763 г. 10 Ноября произведенъ въ повѣтъ Полтавскій подкоморіемъ. Сверхъ того исправлялъ и другія должности: въ 1768 г. былъ у покупки на армію лошадей, быковъ и прочихъ надобностей; въ 1773 г. Ноября 1 пожалованъ въ надворные совѣтники и исправлялъ должность подкоморія и вслѣдъ за тѣмъ выбранъ Полтавскимъ предводителемъ. Въ 1780 г. 30 Января уволенъ отъ службы по прошенію за болѣзнями съ чиномъ коллежскаго совѣтника (имен. высоч. указы, хранящ. въ архивѣ Прав. Сената, кн. 1780 г. за Августъ). Въ 1781 г. Кочубей вновь вступилъ на службу и, получивъ чинъ статскаго совѣтника, скончался 22 Іюля 1786 г. Онъ и жена его погребены въ Троицкой церкви, въ с. Диканькѣ. Могилы ихъ, по желанію сына, извѣстнаго князя В. П. Кочубея, обнесены чугунной рѣшеткой, и надъ ними поставленъ образъ святыхъ, имена которыхъ они носили, съ неугасимою лампадою. Подъ образомъ прибита мѣдная доска; по обѣимъ сторонамъ герба, изображеннаго на ней, надписи: «Здѣсь почиваетъ прахъ статскаго совѣтника Павла Васильевича Кочубея. Родился Дек. 15-го 1738, скончался 22 Іюля 1786 г. Здѣсь почиваетъ прахъ Ульяны Андреевны Кочубей, урожд. Безбородко. Родилась Март. 14, 1742 г., скончалась Марта 24-го 1777 г.“ (См. Полтавскія епарх. вѣд. 1869 г. и брошюру: Описаніе церкви св. Николая въ с. Диканькѣ. Полтава, 1869 г., стр. 16). Князь П. Долгоруковъ въ «Росс. Родосл. Книгѣ» ч. II, стр. 176, невѣрно пишетъ, что Ульяна Андреевна была замужемъ за Павломъ Леонтьевичемъ Кочубеемъ.

бовь къ родному краю. Любовь къ народу и чувство народности (скажемъ, придерживаясь словъ Ѳ. В. Чижова, автора біографіи сенатора М. П. Миклашевскаго, родственника и сверстника Безбородки [6]), входили въ молодое поколѣніе не путемъ системы, не сознательнымъ невольнымъ уваженіемъ къ высотѣ значенія и духовной силѣ Русскаго человѣка, а прямымъ единствомъ быта съ нетронутымъ единствомъ вѣрованій и съ глубокою простотою благоговѣнія къ заповѣднымъ обычаямъ, даже въ самыхъ предразсудкахъ, какъ дани сердечнымъ увлеченіямъ народа. Сухая логическая разработка не разлагала еще тогда жизни народной на умную, способную выдержать строгій разборъ мысли, и на безсознательное подчиненіе себя преданіямъ старины. Тогда, лѣтъ сто тому назадъ, воспитаніе, ученіе и жизнь были неразъединенными. Простота и цѣльность жизни требовали простоты воспитанія; простота воспитанія не могла искажать простоты жизни. Благодаря этой простотѣ, молодое поколѣніе пріобрѣтало ту крѣпость силъ, которая теперь для насъ кажется баснословною; а благодаря крѣпости силъ, оно сохраняло и свободу ума, и самостоятельность взляда, неохотно подчинявшихся условнымъ понятіямъ и чужому образу мыслей. Тѣже мысли, какъ увидимъ ниже, высказалъ въ послѣдствіи и самъ Безбородко въ письмѣ къ отцу, по поводу изданной имъ «Лѣтописи Малыя Россіи».

Какъ скоро научилъ Безбородко своего сына хорошо читать, онъ преимущественно сталъ занимать его чтеніемъ Библіи. Говорятъ, что молодой Безбородко долженъ былъ три раза прочитать отцу всю Славянскую Библію отъ начала до конца [7]). Не выдавая этого факта за несомнѣнный, слѣдуетъ однако замѣтить, что изъ писемъ А. А. Безбородко видно дѣйствительное близкое знакомство его съ Библіею, такъ какъ нерѣдко и очень кстати онъ приводилъ тексты въ своихъ письмахъ [8]); но съ другой стороны не видать, чтобы онъ гдѣнибудь вспоминалъ самъ о такомъ особенно-тщательномъ изученіи Библіи, какъ напримѣръ писалъ онъ къ отцу (31 Марта 1778 гдоа) о полученныхъ отъ него наставленіяхъ въ отечественной исторіи.

Въ мальчикѣ, одаренномъ отъ природы чрезвычайною памятью, такое занятіе должно было несомнѣнно способствовать къ усвоенію богатствъ и силы церковнаго языка, давшихъ Безбородкѣ твердость и ясность выраженій, а равно и убѣдительность, которыя впослѣдствіи составляли отличительную черту его бойкаго пера. Само собою разумѣется, что домашнее воспитаніе далеко еще недостаточно было для юноши даровитаго, стоявшаго на широкомъ пути, открытомъ ему не только заслугами его отца, но и самымъ положеніемъ его родины, такъ какъ на Малороссію обращено было тогда особенное вниманіе правительства,

[6]) Миклашевскій, Михаилъ Павловичь, сенаторъ и тайный совѣтникъ, родился въ 1750 годахъ, скончался 2 Августа 1847 г., въ селѣ Пануровкѣ, Черниговской губ., Стародубскаго уѣзда (Русская Бесѣда, 1856 г., т. I). Онъ былъ женатъ на Анастасіи Яковлевнѣ Бакуринской, родной племянницѣ князя Безбородки, дочери родной сестры его Татьяны Андреевны.

[7]) Словарь Бантыша-Каменскаго, I, 103.

[8]) См. письма А. А. Безбородки къ Г. П. Милорадовичу и къ М. П. Миклашевскому.

чего конечно не могъ не видѣть отецъ, не могъ не чувствовать и самъ молодой Безбородко. Отсюда сознанie въ настоятельной потребности для Малороссіи инаго воспитанія, которое такъ благодѣтельно выразилось въ учрежденномъ имъ Лицеѣ.

Мѣстомъ для усовершенствованія своего сына Безбородко избралъ Кіевскую Академію, которая въ то время была средоточіемъ умственнаго образованія для Малороссіянъ и для многихъ Русскихъ; въ ней по большей части воспитывались дѣти достаточныхъ Малороссійскихъ фамилій. Въ которомъ году именно Безбородко былъ опредѣленъ воспитанникомъ въ Кіевскую Академію, рѣшить невозможно: пожаръ 1811 года истребилъ весь нижній городъ весь академическій архивъ, и самую обитель. По счастью, пламя не коснулось ея обширной библіотеки[9]), собранной въ теченіи 150 лѣтъ, тщаніемъ ректоровъ и пожертвованіями митрополитовъ Кіевскихъ. Уцѣлѣли въ архивѣ академическомъ два-три списка студентовъ 1763 г., но въ нихъ фамиліи Безбородки не встрѣчается. Между тѣмъ составители исторій этого знаменитаго училища утверждаютъ, что Безбородко съ успѣхомъ окончилъ въ немъ курсъ наукъ. Потерявъ всякую возможность провѣрить это сказаніе по документамъ, мы должны оставить вопросъ этотъ нерѣшеннымъ. Свидѣтельство объ этомъ Бантыша-Каменскаго, изъ «Словаря» [10]) котораго вѣроятно, заимствовали свои показанія преосвященный Макарій и г. Аскоченскій, составители исторій этого учрежденія, не подтвердилось документами, которыя разыскивались въ архивѣ Академіи обязательнымъ профессоромъ ея И. И. Малышевскимъ [11]). Можетъ быть, слѣдуетъ понимать слова Бантыша-Каменскаго не въ точномъ смыслѣ, что Безбородко именно былъ вполнѣ воспитанникомъ Академіи, а просто посѣщалъ только лекціи Академіи приватно, живя у какого нибудь профессора Академіи, что̀ становится весьма вѣроятнымъ, если припомнить вполнѣ обезпеченное состоянie его родителей.

[9]) Кіевъ и его святыня, изд. 3-е Кіевопечер. лавры, стр. 151 и 152.

[10]) Словарь достопамят. людей Русской Бантыша-Каменскаго I, 113.

[11]) Протоіерей Кіево-Софійск. собора П. Г. Лебединцевъ просилъ ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскаго помочь мнѣ розысканіями своими въ академическомъ архивѣ о воспитаніи Безбородки въ знаменитомъ училищѣ. Обязательный отвѣтъ профессора о. протоіерею считаю необходимымъ привесть здѣсь, какъ подтвержденie моихъ соображеній. Отъ 12 Декабря 1871 г. профессоръ писалъ: «Внимательно пересмотрѣвъ акты Кіевской Академіи, рукописные сборники, которые имѣются въ нашей библіотекѣ, въ 4-хъ толстыхъ томахъ, за время, когда можно бы предполагать пребываніе Безбородки въ Академіи, я ничего не отыскалъ. Есть особая связка Кіево-братскихъ актовъ; но тамъ бумаги относящіяся къ разнымъ Кіевскимъ монастырямъ, большею частью уже напечатанные въ Актахъ Западной Россіи. Удивительно, что въ собственныхъ памятникахъ Академіи не осталось слѣдовъ указаній, напоминающихъ о знаменитыхъ ея воспитанникахъ, въ родѣ Безбородки. Имена ихъ, какъ извѣстно, собраны изъ другихъ, стороннихъ источниковъ. Впрочемъ,такіе напр. источники, какъ Бантышъ-Каменскій, для біографіи Безбородки—источники, конечно, твердые. Еще повторяю, что очень жалѣю, что не могъ услужить вамъ и г. Григоровичу: какъ бы и самъ я воскликнулъ «еврика», если бы что либо нашелъ».

Въ періодъ времени съ 1755 по 1765 г. въ академіи преподавались: Богословіе, Философія, Риторика и Поэзія, Всеобщая и Естественная Исторіи, Географія, Математика; языки: Латинскій, Нѣмецкій, Еврейскій, Греческій и Французскій. Чтобы пріучить къ правильному размышленію и выраженію мыслей, заставляли воспитанниковъ писать церковныя поученія, которыя сказывались въ академической залѣ; также производились публичные диспуты. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что съ 60-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія уровень образованія въ Академіи началъ понижаться; причины тому скрывались и въ самыхъ наставникахъ, между которыми до 60-тыхъ годовъ встрѣчаются имена: Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, Георгія Конисскаго и другихъ. Около этого времени уже утвердился новооткрытый Московскій Университетъ съ новыми науками и съ новыми замѣчательными профессорами. Но тѣмъ не менѣе и изъ Академіи, какъ прежде, такъ и во время пребыванія въ ней Безбородки, выходили ея воспитанники на открывавшіяся новыя поприща, и имена ихъ стали памятными для соотечественниковъ, какъ видно изъ ея исторіи [12].

Въ такомъ состояніи была Академія, въ которую поступилъ Безбородко. Разсказываютъ, что товарищи его по Академіи дѣлали испытанія его твердой памяти: лишь только онъ засыпалъ, они будили его и спрашивали: когда случилось такое-то или другое происшествіе? И Безбородко въ просонкахъ отвѣчалъ имъ безъ ошибки. Или заставляли его читать имъ наизусть цѣлыя главы изъ Славянской Библіи [13]. И очень естественно, что усвоенныя такою свѣтлою памятью богатства и сила Славянскаго краснорѣчія, при изученіи древнихъ классиковъ въ Академіи, еще больше усовершенствовали его перо правильными и ясными сочетаніями мыслей [14]. Это было драгоцѣннѣйшее пріобрѣтеніе.

Въ 1765 году Безбородко оставилъ Академію.

Впослѣдствіи, когда Безбородко былъ высоко поставленъ въ государственной службѣ, онъ не забывалъ того мѣста, которое образовало его умъ, память и способности: милости, дарованныя Кіевской Академіи императрицей Екатериной II, свидѣтельствуютъ, что довѣренный и ближайшій сановникъ ея подавалъ свой сильный голосъ въ пользу роднаго училища.

---

[12]) Исторія Кіевской Академіи, сочин. іеромонаха (нынѣ архіеп. Литовскаго) Макарія Булгакова (Спб. 1843 г. стр. 104—178) рукопись которой хранится въ библіотекѣ Св. Сѵнода, подъ № 149. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею, соч. Аскоченскаго. Кіевъ 1856 г., стр. 220—276.

[13]) Лицей князя Безбородки. Изд. графа Г. А. Кушелева-Безбородки. Спб. 1859 г., 25 и 26.

[14]) Грибовскій, въ Запискахъ своихъ (М. 1864 г. стр. 10) пишетъ: «Конечно недовольно было одного Кіевскаго бурсацкаго ученія для успѣшнаго отправленія государственныхъ бумагъ». Но нельзя не согласиться, что бурсацкое образованіе дало ему возможность правильно писать порусски, что въ то время было очень важно, такъ какъ самъ же Грибовскій говоритъ, что „бывшіе при государынѣ вельможи, кромѣ князя Потемкина, не знали Русскаго правописанія“. Это уже одно ставило Безбородку выше многихъ.

ГЛАВА III-я.

Служба въ Малороссіи.

Въ Ноябрѣ 1764 г. былъ обнародованъ манифестъ объ уничтоженіи гетманства, «въ разсужденіи пространства многотрудныхъ дѣлъ Малороссійскихъ». Правителемъ Малороссіи назначенъ былъ графъ Румянцевъ, котораго отецъ нѣкогда правилъ тѣмъ краемъ. Екатерина уполномочила Румянцева представить ей докладъ о разныхъ мѣропріятіяхъ, необходимо-нужныхъ для края, гдѣ столько было своеобразнаго, унаслѣдованнаго отъ гетманщины. Для исполненія повелѣній государыни, потребовались новые дѣятели, готовые и способные раздѣлять труды его. Къ графу Румянцеву, какъ только что онъ поселился въ Глуховѣ, не замедлила явиться мѣстная аристократія, знакомая съ нимъ, какъ съ сыномъ прежняго правителя Малороссіи. Къ числу аристократіи, конечно, принадлежало и семейство генеральнаго судьи Безбородки, который пользовался особеннымъ расположеніемъ графа П. А. Румянцева и его отца. Старикъ Безбородко, представляясь графу, счелъ нужнымъ представить и старшаго своего сына, 18-ти лѣтняго юношу, только что окончившаго воспитаніе въ Кіевской Академіи. Судьба молодаго Безбородки была рѣшена. Онъ записанъ былъ въ бунчуковые товарищи. Этимъ чиномъ жаловались обыкновенно сыновья знатнѣйшихъ фамилій. Пожалованный считался въ оберъ-офицерскомъ званіи, соотвѣтственно нашему чину титулярнаго совѣтника, и находился въ военное время при гетманѣ, а въ мирное жилъ дома, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій; но Безбородко, съ опредѣленіемъ въ бунчуковые товарищи, былъ прикомандированъ къ канцеляріи графа Румянцева, гдѣ встрѣтился съ служившимъ уже при графѣ П. В. Завадовскимъ [1]), съ которымъ онъ былъ «друженъ», какъ съ сосѣдомъ по имѣніямъ ихъ родителей [2]) и къ

---

[1]) Завадовскій, Петръ Васильевичъ, впослѣдствіи графъ и первый министръ народнаго просвѣщенія. Родился онъ отъ брака бунчуковаго товарища Василія Завадовскаго съ дочерью подкоморья Михаила Ширая, въ деревнѣ Красновицахъ, Черниговской губерніи, въ 1738 г., умеръ 1812 г., 10 Января. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Іезуитскомъ училищѣ, въ Оршѣ, а впослѣдствіи въ Кіевской Академіи (Русс. Стар. 1872 г., т. V., 245 и 246. Дневникъ Храповицкаго, съ біогр. и указат., сост. Н. Барсуковымъ, стр. 499). Дальнѣйшія извѣстія о немъ будутъ изложены ниже

[2]) Гельбигъ въ сочиненіи своемъ „Russiche Günstlinge,“ изд. въ Тюбингенѣ въ 1809 г., пишетъ, что Безбородко и Завадовскій были опредѣлены „служителями“ въ домъ графа Разумовскаго, жившаго въ столицѣ, гдѣ преподавалось „имъ искусство писать и что Разумовскій отрекомендовалъ ихъ фельдмаршалу графу Румянцеву, который обѣщалъ опредѣлить ихъ на службу.“ М. Н. Лонгиновъ, въ примѣчаніи своемъ къ этому голословному показанію Гельбига, говоря о службѣ Завадовскаго и Безбородки и опровергая слова Гельбига, между прочимъ, разсказываетъ, что „оба они служили при Румянцевѣ въ первую Турецкую войну и по письменной, и по военной части и отличались не только въ канцеляріи его, но и на поляхъ битвы, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ Георгіевскіе кресты.“ Послѣднее указаніе автора интереснѣйшихъ замѣчаній на Записки Гельбига несправедливо: Безбородко, Александръ Андреевичъ, никогда не имѣлъ Георгіевскаго креста. Завадовскій же былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія IV класса, въ чинѣ полковника, 26 Ноября 1775 г. „за отличіе;“ а младшему брату Безбородки, графу Ильѣ Андреевичу, пожалованъ Георгіевскій крестъ III класса, 25 Марта 1795 года, въ чинѣ генералъ-маіора (Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 54—64 и „Въ память столѣтняго юбилея

которому до конца дней своихъ онъ былъ (какъ самъ выразился въ письмѣ къ нему, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины) «привязанъ» и «чистосердеченъ».

Графъ Румянцевъ вскорѣ замѣтилъ способности молодаго Безбородки, приблизилъ его къ себѣ и занималъ постоянною работою. Здѣсь, при гр. Румянцевѣ, Безбородко впервыя пріобрѣлъ навыкъ къ служебной дѣятельности и отчасти къ дѣловой перепискѣ. Замѣчательная проницательность графа, умѣвшаго съ перваго взляда распознавать способности человѣка и употреблять ихъ на пользу, обширныя и основательныя познанія его, какъ полководца и министра, и его лаконически-точныя донесенія государынѣ имѣли для молодаго Безбородки важное образовательное значеніе. Тутъ началъ онъ приготовляться къ тому высокому пути, который надлежало послѣ проходить ему. При остромъ умѣ и большихъ свѣдѣніяхъ, особенно поражала всѣхъ въ Безбородкѣ необъятность его памяти, про которую сохранилось такъ много разсказовъ. Къ этому періоду времени повѣствователи жизни Безбородки относятъ слѣдующій разсказъ: «Однажды въ обществѣ, гдѣ находился Безбородко, зашелъ разговоръ объ одномъ пожиломъ офицерѣ, не задолго до того назначенномъ въ какую-то незначительную крѣпость. Безбородко, разсказывая все ему извѣстное объ этомъ офицерѣ, тутъ же перечислилъ и всѣхъ прежде бывшихъ комендантовъ въ этой крѣпости, назвалъ ихъ по имени и чинамъ, опредѣливъ точный срокъ времени, сколько каждый изъ нихъ находился въ этой должности. Одинъ изъ присутствовавшихъ усумнился въ справедливости сказаннаго, записалъ слова разскащика и, справясь въ Военной Коллегіи, къ величайшему удивленію, убѣдился, что Безбородко не ошибся ни въ чемъ [3].» При такой счастливой памяти, Безбородкѣ не трудно было выказать свои способности передъ графомъ Румянцевымъ, которому, вѣроятно, было не безъизвѣстно (какъ разсказываетъ Гельбигъ), что Безбородко, «имѣя уже порядочные доходы, обращалъ часть ихъ и употреблялъ время, остававшееся свободнымъ отъ занятій, на то, чтобы до чрезвычайности умножить свои познанія по положенію внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ» [4]. Это обстоятельство, надо думать, было причиною, что графъ Румянцевъ, и безъ того уже питая къ молодому Безбородкѣ полную довѣренность, выразилъ ее вскорѣ еще и тѣмъ, что счелъ справедливымъ дать ему болѣе самостоятельное назначеніе опредѣленіемъ его судьею въ генеральный судъ.

Въ Сентябрѣ 1767 года, Малороссійскій генеральный судъ былъ преобразованъ. Вмѣсто засѣдавшихъ въ немъ, ежегодно выбираемыхъ отъ земства, 12-ти депутатовъ, учреждены были непремѣнные члены, отъ 3 до 5 человѣкъ, кромѣ первенствующихъ генеральныхъ судей. Въ чис-

---

императорскаго военнаго ордена Св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Сост. В. С. Степановымъ и Н. И. Григоровичемъ" Спб. 1869, стр. 10—29, №№ 78 и 280).

[3]) Опытъ обозр. жизни сановниковъ, управл. иностранными дѣлами въ Россіи, ч. II, 188, изъ котораго разсказъ этотъ перепечатанъ и въ изд. графа Кушелева-Безбородко: „Лицей князя Безбородко," стр. 28.

[4]) Р. Архивъ 1865 г. Случайные люди, изъ Гельбига въ переводѣ съ примѣч. М. Н. Лонгинова.

ло этихъ пяти новыхъ судей и былъ избранъ Безбородко [5]), съ содержаніемъ отъ Малороссійскаго денежнаго скарбу. Рѣшенія этого суда вносились, по апеляціямъ, въ Малороссійскую Коллегію, которая свои опредѣленія представляла на утвержденіе Прав. Сената, а не Иностранной Коллегіи, какъ это было до того времени. Въ этомъ новомъ званіи Безбородко пробылъ только годъ.

По случаю разрыва съ Турціей, онъ явился съ своимъ начальникомъ графомъ Румянцевымъ на войнѣ.

Императрица Екатерина II, возведя на Польскій престолъ Понятовскаго, приняла подъ свое покровительство диссидентовъ, т. е. православныхъ и протестантовъ, и для поддержанія ихъ отъ гоненій, коимъ они подвергались со временъ Сигизмунда III, ввела въ Польшу свое войско. Требованія Россіи, по видимому, были уважены, и 19 Ноября 1767 г. подписанъ былъ актъ терпимости, по которому сеймъ уступалъ диссидентамъ права̀ равныя съ правами католиковъ. Но въ 1768 году, въ Барѣ, образовалась конфедерація, которая силою оружія хотѣла уничтожить рѣшеніе сейма о диссидентахъ. Рускій отрядъ, преслѣдуя Барскихъ конфедератовъ, перешелъ границу и сжегъ Турецкое мѣстечко Балту, гдѣ укрылись конфедераты. Не смотря на предложенное Россіею удовлетвореніе, Турція, подстрекаемая Франціею, объявила Россіи войну. Императрица вооружила двѣ арміи. Первая находилась подъ начальствомъ князя Голицына, а вторая поручена графу Румянцеву, и составъ ея умноженъ былъ двумя Малороссійскими полками—Черниговскимъ и Нѣжинскимъ. Однимъ полкомъ командовалъ Петръ Милорадовичъ [6]), а другимъ Петръ Разумовскій [7]) и бунчуковый товарищъ Безбородко. Какое именно участіе въ дѣйствіяхъ этой кампаніи принималъ Безбородко, о томъ онъ самъ пишетъ въ прошеніи, поданномъ въ 1798 году императору Павлу, что онъ, «командуя сперва Малороссійскимъ Нѣжинскимъ полкомъ, а потомъ имѣя подъ начальствомъ Лубенскій, Миргородскій и Компанейскіе полки, находился въ походахъ противъ непріятеля на Бугѣ и между Бугомъ и Днѣстромъ. По назначеніи графа Румянцева къ предводительству первою арміею, переведенъ я туда и, будучи при немъ безотлучно, находился въ сраженіяхъ: 4 Іюня, не доходя рѣчки Ларги, 5-го при атакѣ Турками авангарда праваго крыла, 7-го въ баталіи при Ларгѣ, гдѣ я, по собственной моей охотѣ, былъ при передовыхъ корпусахъ, 21-го при славной Кагульской баталіи, 1773 года за Дунаемъ и 18 Іюня при штурмѣ наружнаго Силистрійскаго ретрашамента».

Но не одними воинскими подвигами ознаменовалъ себя Безбородко въ

[5]) Вотъ списокъ лицъ, опредѣленныхъ судьями: надворные совѣтники Григорій Фризрикевичь и Александръ Башиловъ; бунчуковые товарищи: земскій судья Сергѣй Дергунъ, Александръ Безбородко и Петръ Симоновскій (Краткая Лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 г., изд. Васильемъ Рубаномъ. Спб. 1777 г., 234—242).

[6]) Милорадовичь, Петръ Степановичь, род. въ Малороссіи, воспитывался въ Кіевской Академіи. Скончался онъ въ чинѣ генералъ-маіора, 18 Іюля 1783 г. (О родѣ дв. и гр. Милорадовича, Кіевъ 1871, 41).

[7]) О Разумовскомъ, Петрѣ, полковникѣ Нѣжинскаго полка, упом. въ сочин. О родѣ дворянъ и гр. Милорадовичей, Кіевъ 1871 г., 41. Ходатайство о немъ гр. Румянцева напеч. въ Архивѣ Военно-походной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго, ч. I, 179.

эту войну. Сражаясь въ строю, онъ вмѣстѣ дѣйствовалъ и какъ дипломатъ въ палаткѣ главнокомандующаго. Графъ Румянцевъ ввѣрилъ ему переписку и особенно «многія секретныя и публичныя дѣла и коммисіи».

Завадовскій, Безбородко и Простоквашинъ [8]), которые завѣдывали каждый одною изъ трехъ экспедицій походной канцеляріи графа Румянцева, пользовались расположеніемъ своего начальника, какъ ревностные служаки и способные люди. Сенаторъ П. С. Руничь разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, какъ онъ исполнилъ порученіе императрицы, которая велѣла ему передать фельдмаршалу «наединѣ, лично», подробности Пугачевскаго бунта. Румянцевъ пригласилъ Рунича въ свою спальню, въ которую, по его словамъ, «ниже дежурный его генералъ и никто не былъ приглашаемъ и не входилъ, кромѣ Завадовскаго, Безбородки и Простоквашина, когда по дѣламъ управленія военной канцеляріею нужны они были». «Первые два, прибавляетъ Руничь, извѣстны были рѣдкими и отличными своими дарованіями, кои открылъ въ нихъ великій умъ фельдмаршала Румянцева и кои впослѣдствіи времени заслугами и знаменитостію своихъ званій оправдали выборъ своего благодѣтеля».

Болѣзнь П. В. Завадовскаго если больше прибавила заботъ Безбородкѣ, то и больше приблизила его къ графу. Интересно письмо его къ отцу, отъ 26 Сентября 1772 г., изъ села Корнешти, въ которомъ онъ упоминаетъ о своихъ трудахъ. «Десять дней тому, какъ Евдокимъ Степановичъ и я, по повелѣнію его сіятельства, чрезъ письмо дежурнаго генерала, князя Василья Владиміровича Долгорукова, призваны въ Яссы, а съ 24-го переѣхали, при графѣ, въ село Корнешти, въ 8 верстахъ отъ Яссъ лежащее, гдѣ въ малой компаніи въ самыхъ худыхъ квартирахъ живемъ, а отъ дѣла, можно сказать, не отгребемся. Не дай Боже, чтобъ сбылося общее предсказаніе о пребываніи здѣсь графскомъ. Лучше въ Яссахъ, гдѣ иногда и чума по закоулкамъ проскакиваетъ. Петръ Васильевичь (Завадовскій) съ 31 Августа боленъ былъ гнилою горячкою, которая чуть было не лишила насъ сего любезнаго друга; но наконецъ, по 21-мъ пароксизмѣ и безпамятствѣ, началъ онъ подавать знаки къ выздоровленію. Всѣ дѣла его мнѣ поручены; къ скучному и невыгодному житію непріятности прибавляютъ. У насъ, и по разрывѣ конгресса, военныя дѣйствія не возобновляются. Перемиріе продолжено до 20 Октября: желать надобно, чтобъ скорѣе все вѣнчано было славнымъ и полезнымъ миромъ».

Желанія Безбородки какъ бы предзнаменовали заключеніе скораго мира, который былъ необходимъ для Россіи, переживавшей тяжкіе годы: моровая язва и Пугачевъ наводили ужасъ на отечество.

Открылись въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи переговоры о мирѣ, и на молодаго Безбородку, по особой довѣренности къ нему Румянцева, возложена новая забота о брилліантахъ и драгоцѣнныхъ вещахъ, назначенныхъ въ подарки Турецкимъ уполномоченнымъ. Объ этомъ порученіи Безбо-

[8]) Простоквашинъ, Евдокимъ Степановичь, въ чинѣ полковника, былъ правителемъ канцеляріи графа Румянцева. О немъ упом. Руничь въ своихъ Запискахъ (Русск. Старина, 1870 г., т. II, 361). Нѣсколько писемъ къ нему графа Румянцева напеч. въ Архивѣ военно-походной канцеляріи графа, II, стр. 157, 162 и 264.

родкѣ Румянцевъ писалъ [9]) и къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, посылая ему реестръ этимъ вещамъ [10]); а самъ Безбородко въ письмѣ, адресованномъ къ отцу, увѣдомлялъ его: «Я отправляюсь въ Диканьку, лишь только успѣю отдать бывшія въ вѣдомствѣ моемъ казенныя брилліантовыя и золотыя вещи и мягкую рухлядь, для подарковъ обыкновенныхъ по мирнымъ дѣламъ употребляемыя, такожъ привесть дѣла въ порядокъ и для графа изготовить всѣ надобныя справки». Въ этомъ же письмѣ къ отцу, Безбородко увѣдомлялъ его и о томъ, что графъ Румянцевъ, посылая императрицѣ султанскую ратификацію мира, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ числѣ другихъ, отличившихся въ эту войну, представлялъ императрицѣ и о немъ. Безбородко такъ передаетъ объ этомъ: «Онъ (то есть графъ Румянцевъ), дознавши усердіе наше, къ службѣ, явленное отмѣнными трудами въ дѣлахъ, съ самаго начала войны и присутствіемъ при немъ во всѣхъ походахъ и дѣйствіяхъ, и въ полномъ, съ своей стороны, признаніи къ онымъ, испрашиваетъ отъ всевысочайшихъ матернихъ щедротъ ея императорскаго величества воздаянія заслугамъ нашимъ». Изъ этого же письма видно, что всѣ награды за войну отложены были до празднованія торжества мира съ Турціею.

---

[9]) Вотъ содержаніе этого письма, писаннаго въ 1775 году: „Вслѣдствіе почтеннѣйшаго письма вашего отъ Августа, имѣю честь препроводить къ вашему высокопревосходительству два реэстра разнымъ посланнымъ на бывшіе въ Фокшанахъ и Бухарестѣ конгрессы вещамъ, кои при заключеніи мира въ Кайнарджѣ отъ г. тайнаго совѣтника и кавалера Обрѣскова приняты были г. полковникомъ Безбородко.“ (Архивъ Военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, III, 75—76).

[10]) Въ Военно-ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, въ бумагахъ канцеляріи графа Румянцева, хранится подробная вѣдомость драгоцѣннымъ вещамъ и вообще подаркамъ, которые были оцѣнены въ 24.105 р. Въ черновыхъ бумагахъ канцеляріи графа Румянцева, хранящихся въ томъ-же архивѣ, нашлись только три бумаги (отд. I, № 71) незначительнаго содержанія, написанныя рукою Безбородки и относящіяся до переговоровъ по заключенію Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Кромѣ того, въ „Архивѣ Военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго“ (стр. 119, 126, 154, 189 и 190) напечатано два письма Румянцева къ П. В. Завадовскому, въ которыхъ упоминается имя Безбородки и три письма графа къ Безбородкѣ. Въ письмѣ къ П. В. Завадовскому, 23 Дек. 1775 г., изъ Москвы, графъ Румянцевъ, поздравляя Завадовскаго съ пріѣздомъ „на мѣсто,“ пишетъ: „Между тѣмъ, присоединяя у сего письмо къ Александру Андреевичу, я убѣждаю васъ вашею дружбою и моею просьбою, чтобъ постарались найти утерянныя, сколь важныя, столь для меня и нужныя, бумаги. Если что̀ больше меня удивляетъ, то это самое, что при отъѣздѣ своемъ онъ мнѣ сказалъ, что дѣла всѣ секретныя отданы по описямъ г. Подлускому; а сей въ простотѣ душевной объявляетъ, что онъ съ приказанія его описывалъ то только, что̀ видѣлъ. Почему прошу я васъ сказать ему, чтобы онъ отписалъ ко мнѣ и, открывъ слѣдъ къ отысканію, указалъ, гдѣ мнѣ оныя и отъ кого требовать, и чтобъ я самымъ симъ его письмомъ могъ иногда замѣнить всю потерю.“ 4 Января слѣдующаго 1776 года, гр. Румянцевъ вновь писалъ Завадовскому: „Не знаю подлинно, что̀ мнѣ думать о Александрѣ Андреевичѣ; онъ ко мнѣ не пишетъ ни одного слова о дѣлахъ утерянныхъ. Въ особливое мнѣ одолженіе скажите ему, чтобы онъ пожаловалъ, меня увѣдомилъ, по первому письму, гдѣ мнѣ отыскивать имъ потерянныя бумаги, чтобъ иногда не страдали въ томъ люди, нимало непричастные и безвинные.“ Письма же къ Безбородкѣ заключаютъ въ себѣ просьбы объ исполненіи порученій графа.

Подписанный 10 Іюля 1774 года въ Русскомъ лагерѣ, въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи, мирный договоръ былъ важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи нашего отечества. Съ этого времени Турки перестали быть опасными для Россіи. Екатерина, довольная побѣдами Румянцева, готовилась торжественно отпраздновать миръ, въ слѣдующемъ 1775 году, въ Москвѣ, куда вызваны были и виновники торжества. Празднованіе этого мира имѣло великое вліяніе на судьбу Безбородки; оно приблизило его ко Двору Екатерины, почему и посвящаемъ этому событію особую главу.

Между тѣмъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіи десятилѣтней службы при графѣ Румянцевѣ, Безбородко былъ только награжденъ, за выслугу лѣтъ, чиномъ коллежскаго ассесора. Это заставило Безбородку прибѣгнуть къ покровительству Потемкина, къ которому онъ обратился съ двумя письмами, передъ подписаніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Знакомство Безбородки съ Потемкинымъ, вѣроятно, началось въ то время, когда послѣдній отличался въ войскахъ, сражавшихся подъ предводительствомъ Румянцева. Поздравляя Потемкина съ полученіемъ званія генералъ-адъютанта и чина лейбъ-гвардіи подполковника, Безбородко, 18 Марта 1774 г., просилъ его и о себѣ въ такихъ выраженіяхъ: «Трудно мнѣ, милостивый государь, извинить себя въ томъ безпокойствѣ, которое наношу я вамъ прошеніями о себѣ самомъ; но великодушіе ваше и милость ко мнѣ обнадеживаютъ меня прощеніемъ и снисходительствомъ. Въ надеждѣ на оныя, я, какъ самолично, такъ и на письмѣ чрезъ михаила Сергѣевича [11]), объяснялъ вамъ мои обстоятельства и просилъ благодѣтельнаго пособія въ поправленіи оныхъ. Я далѣе и больше отстаю не отъ сверстниковъ уже своихъ, но и отъ младшихъ и меньшихъ, съ коими бы могло нѣсколько поровнять меня удовлетвореніе фельдмаршальской обо мнѣ рекомендаціи о пожалованіи меня въ Малороссійскій Кіевскій полкъ съ чиномъ арміи полковника, что по линіи ни у кого не отъемлетъ, ниже съ другой стороны кому либо вредно быть можетъ. Дѣло сіе прежде было у Степана Θеодоровича [12]), а теперь не знаю, у него ли. На сихъ дняхъ по Сенату вышла о нѣкоторыхъ резолюція, но я и на службѣ, въ походѣ пребывая, остаюсь безъ оной. Усугубляю мою нижайшую просьбу, чтобъ ваше высокопревосходительство, по милостивому вашему обѣщанію, не отреклись пособіемъ и предстательствомъ вашимъ доставить мнѣ, по послѣдней обо мнѣ реляціи, въ 26 (день) Сентября отправленной, пожалованіе; а ежели на сіе непреодолимыя тутъ встрѣтятся препятствія, то и по крайней мѣрѣ приказать мнѣ дать знать, по чему бы я, оставя таковое исканіе, другое для себя принять могъ. Впрочемъ, милостивый государь, сколь ни ощутительно мнѣ быть должно лишеніе по сіе время выгодъ, коими я удостоенъ, но ежели я получу то вашимъ ходатайствомъ, надъ мѣру обрадованъ буду, что устроеніемъ благополучія моего обязанъ я буду моему

[11]) Потемкинъ, Михаилъ Сергѣевичь, родственникъ князя Таврическаго, впослѣдствіи ген. поручикъ и генералъ-кригсъ-комиссаръ.

[12]) Стрекаловъ, Степанъ Θеодоровичь, въ 1774 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ „правителемъ канцеляріи учрежденнаго при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Совѣта“, который организованъ былъ „для соображенія всѣхъ дѣлъ, относящихся къ веденію первой Турецкой войны.“

протектору и особливому благодѣтелю, къ которому по гробъ мой питая въ себѣ безпредѣльную преданность и глубочайшее высокопочтеніе, пребуду навсегда и пр.».

Въ другомъ письмѣ, отъ 8 Апрѣля того-же года, Безбородко писалъ Потемкину: «Милостивый отзывъ вашего высокопревосходительства обо мнѣ, каковъ я видѣлъ въ письмѣ графа Михаила Петровича Румянцева [13]) къ государю родителю его, оживотворилъ всѣ чувства мои и воскресилъ надежду во мнѣ достигнуть желаемаго, чрезъ посредство особливаго благодѣтеля и покровителя, какова дозналъ я въ особѣ вашей, почему и не осталося мнѣ, какъ только жребій мой ввѣрить вашему промыслу и отъ онаго несомнительно ожидать своего рѣшенія. При запечатаніи я услышалъ о таковомъ же милостивомъ вашемъ отзывѣ и чрезъ г-на полковника Волкова. Не въ силахъ я принесть мою благодарность моему покровителю, коего благодѣянія мнѣ оказываются безмѣрно».

Между тѣмъ фельдмаршалъ доносилъ въ трехъ реляціяхъ Екатеринѣ объ особенной храбрости Безбородки, и 22 Марта 1774 г. пожалованъ онъ отъ арміи полковникомъ въ Кіевскій Малороссійскій полкъ. На сколько принималъ участіе въ судьбѣ Безбородки Потемкинъ, документальныхъ свидѣтельствъ не имѣется; но все же должно сказать, что Безбородко всегда былъ друженъ «съ великолѣпнымъ княземъ Тавриды», какъ увидимъ ниже.

[13]) Румянцевъ, графъ Михаилъ Петровичь, старшій сынъ графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, умершій холостымъ въ 1806 году, въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника и въ званіи оберъ-шенка (Русс. Род. Кн. Спб. 1873 г., 73).

Изъ протоколовъ «Государственнаго Совѣта» видно, что въ засѣданіяхъ его, 11 Февраля 1772 года, читалась реляція графа Румянцева, отъ 27 Января «о пожалованіи бунчуковаго товарища Безбородко полковникомъ въ Кіевскій Малороссійскій полкъ» и 7 Октября 1773 г., при реляціи отъ 25 Сентября, фельдмаршалъ вновь ходатайствовалъ «о пожалованіи ассесора Безбородко полковникомъ» [14]). Реляція съ представленіемъ ратификаціи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира была, слѣдовательно, третья, въ которой фельдмаршалъ просилъ награды Безбородкѣ; а потому съ достовѣрностію можно сказать, что не эти два письма Безбородки къ Потемкину подѣйствовали къ ускоренію пожалованія его въ полковники, такъ какъ письма эти, писанныя одно 18-го Марта, а другое 8 Апрѣля, не могли быть получены Потемкинымъ ко дню подписанія императрицею указа о пожалованіи Безбородкѣ чина полковника.

Что касается до частной жизни Безбородки за все это время, то она, какъ и въ пребываніе его въ Малороссіи не раскрывается намъ въ ясномъ свѣтѣ. Въ матеріальномъ отношеніи, въ Турецкую кампанію, онъ конечно не былъ знакомъ съ тѣми лишеніями и бѣдствіями, которымъ обыкновенно подвергаются армейскіе офицеры. По письмамъ его къ отцу, относящимся къ этому періоду времени и писаннымъ изъ главной квартиры въ Яссахъ и изъ другихъ мѣстъ, видно, что онъ былъ снабжаемъ изъ благодатной Украйны всѣмъ необходимымъ и даже предметами роскоши. Относительно же подроб-

[14]) Архивъ Госуд. Совѣта. Спб. 1869 г. Т. I, 149 и 261.

ностей о своей жизни Безбородко, въ письмахъ своихъ къ отцу, говоритъ лаконически, «что живетъ благополучно и здорово», но за то заботливо относится къ интересамъ своего меньшаго брата и сестеръ. Меньшой братъ его, Илья Андреевичъ, былъ моложе его 9-ю годами; онъ родился 16 Февраля 1756 года. Ему только что минуло 15 лѣтъ, какъ Безбородко совѣтуетъ отцу отправить его въ дѣйствующую армію, на службу. По поводу этого, 8 Февраля 1771 года, онъ писалъ отцу: «Теперь осмѣливаюсь представить мои разсужденія касательно до Ильи Андреевича: лѣта его гораздо уже несовмѣстны съ житьемъ дома безъ службы, и вамъ время основать его жребій. Предстоящая кампанія подаетъ къ тому весьма благопріятный случай, ибо оная по всѣмъ видамъ не будетъ многотрудная. Отъ его склонности зависѣть будетъ военными или письменными трудами продолжать свою службу; и онъ конечно найдетъ способы къ произвожденіямъ, ибо кромѣ что сыщутся такіе добрые люди изъ господъ генераловъ и полковниковъ, которые къ его пользѣ пособствовать не отрекутся, самъ его сіятельство не откажется при случаѣ благопріятномъ оказать свое благоволеніе. Здѣсь есть тысячи способовъ удобныхъ въ меньшихъ чинахъ производиться далѣе, и многіе изъ оныхъ конечно для него не уклонятся, паче же, есть ли онъ, избравъ труды гражданскіе, почтится прилежностію и успѣхами своими пріобрѣтать къ себѣ уваженіе. Изъ числа таковыхъ средствъ я скажу только, что г. Забѣло, думаю, скоро по желанію его опредѣленъ будетъ въ Коллегію къ дѣламъ: такъ чинъ его безъ лишняго труда можетъ достаться Ильѣ Андреевичу. Не надобно безпокоиться о маломъ его въ чужестранныхъ языкахъ знаніи, ибо переводы у насъ надлежатъ людямъ, опредѣленнымъ отъ Иностранной Коллегіи; а онъ можетъ несть должность при моей экспедиціи или чьей либо другаго и навыкать къ дѣламъ. Лишнихъ приборовъ къ походу для него не надобно, ибо верховые лошади могутъ быть наши общіе, потому что мы оба въ наѣздникахъ не думаю чтобъ считались. Довольно сдѣлать одинъ мундиръ зеленый съ краснымъ, и сюртукъ такой же и прочее, что̀ до бѣлья принадлежитъ. Къ графу должно будетъ отозваться чрезъ письмо, съ нимъ посылаемое. Въ Коллегіи изволите выпросить пашпортъ для него просто въ армію, и ему кстати пріѣхать въ Апрѣлѣ съ первыми повозками. Я все сіе повергаю въ милостивое ваше уваженіе и стану ожидать отвѣта вашего». Слѣдствіемъ этого письма было отправленіе Ильи Андреевича въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ предоставленъ былъ попеченію старшаго брата, и вскорѣ опредѣленъ былъ въ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ адъютантомъ и отправился въ Львовъ, гдѣ полкъ этотъ въ то время квартировалъ. Безбородко и теперь не оставляетъ его своими заботами, что̀ и выразилъ такъ въ письмѣ отъ 18 Ноября 1771 года къ отцу: «Фельдмаршалъ рекомендовалъ его г-ну полковнику Ушакову, который обѣщалъ мнѣ всѣ способы употребить къ дальнѣйшему его производству. Я отдѣлилъ ему экипажъ небольшой (поелику въ городѣ такъ знатномъ ни въ чемъ нужды не будетъ), состоящій въ кибиткѣ новой и палубѣ на 6 лошадяхъ, да въ двухъ верховыхъ, одной моей здѣшней, Молдавской и одной изъ домаш-

нихъ гнѣдыхъ, способной и лучшей, каракула и жеребца. Изъ людей поѣдутъ Моргунъ, поваръ Ворона и еще одинъ человѣкъ изъ надежнѣйшихъ. Ему сдѣланъ здѣсь мундиръ новый и прочія офицерскія надобности, а для расходу дано сто рублей. Впрочемъ что до другихъ по требѣ касается, то, по прибытіи своемъ во Львовъ, можетъ онъ, смотря по тамошнимъ обстоятельствамъ, отозваться къ вамъ, милостивый государь батюшка, или ко мнѣ отписать».

Въ это же самое время въ семьѣ Безбородки возбудился другой вопросъ—о замужествѣ младшей дочери, Татьяны Андреевны. Безбородко подробно описываетъ отцу достоинства и недостатки желавшихъ ея руки. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дословно привести одно изъ писемъ его, потому что оно сохранилось только въ отрывкѣ, который помѣщаемъ, какъ свидѣтельство родственной его любви. «Помня приказаніе ваше, милостивый государь батюшка», — писалъ Безбородко 26 Сентября 1772 года— «о представленіи мнѣнія моего, елико касается до желаній объявленныхъ господами Лисаневичемъ [15]) и Лукашевичемъ [16]), осмѣливаюсь изъясниться. Весьма мало извѣстны мнѣ домашнія обстоятельства перваго, равно какъ и собственно его поведеніе, хотя мимоходомъ могъ я нѣсколько проникнуть простоту его; и такъ я для него самый ненадежный и невѣрный судья. Г. Лукашевичъ мнѣ гораздо знакомъ; онъ человѣкъ обходительный, лишь нѣсколько вѣтренъ, какъ многіе въ лѣта его бываютъ, не такъ простъ какъ первый, но надобно весьма коротко развѣ его спознать, что онъ не далѣе свѣтъ видитъ, какъ сколько онаго открываетъ обыкновенно не самое лучшее Малороссійское воспитаніе». Конецъ письма еще больше выясняетъ взглядъ Безбородки на людей, которымъ должна быть вручена судьба сестры его. «Я поищу способовъ, подъ рукою, преклонять его и узнать склонности; однако да не будетъ сіе помѣшательствомъ вамъ стараться съ своей стороны индѣ о пользѣ и благополучіи Т(атьяны) А(ндреевны). Тутъ, милостивый государь, дозвольте сказать, что собственная склонность и выборъ ея должны верховодствовать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ весьма жребій ея заключается. Лѣта совершенныя и добронравіе долженствуютъ быть предъ вами порукою, что желаніе ея не будетъ воспричинствовано отъ легкомыслія и суетности, но основано будетъ на благоразуміи». Заботы Безбородки объ участи сестры его, какъ извѣстно, окончились иначе: Татьяна Андреевна вышла замужъ за бунчуковаго товарища Я. Л. Бакуринскаго, который, благодаря попеченію Безбородки, впослѣдствіи времени занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ Малороссіи.

Къ этому же періоду жизни Безбородки относится одно обстоятельство, о которомъ умолчать мы не вправѣ, тѣмъ болѣе, что оно составляетъ до сихъ поръ больное мѣсто нашего общества, если такъ можно

---

[15]) Лисаневичъ, бунчуковый товарищъ и комисаръ повѣту Переяславскаго. Фамилія его упом. въ „Архивѣ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, ч. I, 257.

[16]) Лукашевичъ „есаулъ“, упом. подъ 1769 годомъ, въ „Архивѣ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, ч. I, 165.

выразиться: возможность ѣхать за границу. Въ Маѣ 1775 года, когда Безбородко собирался ѣхать въ Москву для празднованія «мирнаго торжества», старшая сестра его, бывшая за мужемъ за П. В. Кочубеемъ, должна была, по совѣту докторовъ, ѣхать за границу, чтобы продлить свою жизнь, дни которой были уже сосчитаны. Она просила брата сопутствовать ей, какъ человѣка, которому она довѣряла и цѣнила его «расторопность». Письма по этому случаю Безбородки къ отцу драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что показываютъ взглядъ его вообще на заграничныя путешествія и, что̀ особенно важно, практическую сторону его ума. «Въ сихъ дняхъ — писалъ онъ къ отцу—я получилъ письма отъ Ульяны Андреевны, Павла Васильевича и Ильи Андреевича, въ которыхъ увѣдомляютъ меня, что отъѣздъ Ульяны Андреевны не прежде послѣдуетъ, какъ около среднихъ чиселъ Мая и, какъ видно, не желаетъ она пути сего предпринимать съ Павломъ Васильевичемъ, а предлагаетъ мнѣ оный. И паки съ охотою выполнилъ бы я ея волю, естьли бы не встрѣчалися тутъ обстоятельства, которыя долженъ я предать на собственное ваше милостивое разсмотрѣніе. Я не говорю уже о томъ, что подобная поѣздка для меня болѣе убытка, нежели пользы приноситъ. Учиться уже ни лѣта, ни ослабѣвающая съ ними память не дозволяютъ, да и самое время, для путешествія сего предлежащее, не было бы къ тому достаточно. А здоровье, слава Богу, служитъ довольно по возрасту и сложенію, котораго въ прибавокъ тамъ искать не нужно; да и что будто оное путешествіями пріобрѣтается, большіе суть враки, кромѣ что больные, можетъ быть, удобнѣе исцѣляются по множеству искусныхъ врачей и изобилію всѣхъ потребныхъ къ лекарственнымъ составамъ, въ числѣ чего полагаю я и самыя воды. Все сіе нѣтъ ничего (sic). Я бы охотно пожертвовалъ безпокойствомъ и нѣкоторымъ убыткомъ въ угодность Ульянѣ Андреевнѣ, но вотъ что мѣшаетъ. Къ собственному сознанію вашему скажу здѣсь, что, по благополучномъ и славномъ всѣхъ дѣяній графа Петра Александровича окончаніи, его сіятельство, препровождая ко всемилостивѣйшей Государынѣ султанскую ратификацію мира и рекомендуя генераловъ, трудами и подвигами своими въ войнѣ сей отличившихся, рекомендовалъ при томъ Евдокима Степановича, Петра Васильевича, меня и чужестранную кореспонденцію ведущаго подполковника Вилда [17].... Изъ письма отъ Григорія Александровича Потемкина къ Петру Васильевичу Завадовскому видно, что разборъ и рѣшеніе всѣхъ сихъ рекомендацій отложены до дня мирнаго торжества, на 10 Іюля назначеннаго, который, по увѣренію многихъ тамошнихъ, просіяетъ изобильными государскими милостями. Вы сами, м. г. батюшка, признаете, что въ сихъ обстоятельствахъ, для достиженія пользы, нужно мнѣ быть въ Москвѣ: ибо въ запасъ нечего полагаться, чтобъ и за глаза тамъ хорошо помнили насъ. Слѣдственно мнѣ прежде того о пути съ Ульяною Андреевною и думать нельзя. Въ чинѣ моемъ безъ

---

[17]) Подполковникъ Вильдъ находился „при чужестранныхъ дѣлахъ" канцеляріи графа Румянцева. Въ "Архивѣ военно-походной канцеляріи" графа, упом. его имя на слѣд. стр. ч. II: 193, 317 и 327.

именнаго указа нельзя на долгое время и еще за границу отпускать, а представя о томъ и долго ждать резолюціи; а сверхъ того накладно, ежели отпускъ, считая при мѣстѣ и ранговыхъ деревняхъ сдѣланный, поставятъ въ награжденіе; и такъ сіе можетъ увесть лишь время, для Ульяны Андреевны надобное». Конецъ приведеннаго письма, въ числѣ сохранившихся писемъ Безбородки, затерянъ, а потому дальнѣйшія его мысли по поводу этого путешествія разъясняются послѣдующимъ его письмомъ къ отцу. Уклонившись провожать сестру за границу, Безбородко, чтобы своимъ отказомъ не лишить ея возможности поправить здоровье, озабочивается пріискать ей надежнаго провожатаго. Выборъ его палъ на двухъ хорошо извѣстныхъ семейству его медиковъ: штабъ-лекаря Греве и лекаря Друцкаго, которые могли быть наилучшими провожатыми для больной. Но старанія его не имѣли успѣха. Греве отказался на томъ основаніи, что, «живши здѣсь до глубокой старости, не намѣренъ кости свои заносить въ чужіе краи, а Друцкаго по движенію полковъ Московской дивизіи и выписывать неудобно». «Потому рѣшился», пишетъ Безбородко къ отцу 17 Іюня 1776 года, «отправить, по точному желанію Ульяны Андреевны, Илью Андреевича, для котораго и самое сіе путешествіе быть можетъ на пользу; и онъ уже имѣетъ для того полугодовое увольненіе и вскорѣ поѣдетъ въ Малороссію; въ дальнемъ же о его пользѣ здѣсь стараніи не будетъ сіе препятствіемъ, ибо все то и за глазами сдѣлать можно, что̀ въ присутствіи».

Не желая, чтобы въ посылкѣ брата за границу отецъ видѣлъ только намѣреніе самому избавиться отъ неудобнаго путешествія, Безбородко проситъ письмомъ, 1 Августа того же 1776 года, выдать брату 300 рублей изъ его суммъ и оправдывается передъ отцомъ въ такихъ выраженіяхъ: «Лишнее дѣло было бы увѣрять васъ, колько полезно ему сіе путешествіе. Не смотря, что онъ не имѣлъ способовъ успѣть въ наукахъ, онъ одаренъ столь хорошимъ и проницательнымъ разумомъ, что зрѣніе странъ и мѣстъ толь разумныхъ будетъ для него лучшею школою. Поведеніе его здѣсь было во все время благонравное, и потому не сомнѣваюсь я, что вы сіе намѣреніе за благо принять изволите». Въ Октябрѣ, Илья Андреевичъ былъ отправленъ къ сестрѣ, которая все медлила отъѣздомъ, и Безбородко, не получая увѣдомленія объ отъѣздѣ ея, въ томъ же мѣсяцѣ писалъ къ отцу: «Я еще и по сіе время не имѣю отвѣта отъ Ульяны Андреевны на письмо мое съ увѣдомленіемъ, что Илья Андреевичъ отправился нарочно для ея препровожденія, и какъ сіе послѣдовало единственно въ удовольствіе ея желанію, то и жаль будетъ, если сіе путешествіе будетъ понапрасну, то-есть, что не возметъ его съ собою, чего однакожъ я не надѣюся; а напротивъ того еще ласкаю себя, что Ульяна Андреевна, благополучно окончa свою поѣздку, не отречется къ крайнему моему обрадованію взять обратный путь свой чрезъ здѣшнюю столицу, въ чемъ, кажется, нѣтъ помѣшательства ни со стороны разстоянія, ниже со стороны выгодъ денежныхъ». Въ концѣ года, Безбородко, заботясь объ истекавшемъ отпускѣ брата, успокоивалъ отца на этотъ счетъ, увѣдомляя его двумя письмами, 3 Декабря 1776 года и 6 Февраля 1777 года, что «фельдмаршалъ, вспо-

мнивъ, что срокъ его пришелъ, и безъ моей просьбы представилъ въ Военную Коллегію объ отсрочкѣ по 1-е Сентября, а тамъ и паки возобновить обѣщалъ. Новый паспортъ доставлю я ему въ чужіе краи чрезъ Иностранную Коллегію».

Между тѣмъ Ульяна Андреевна Кочубей все медлила своей поѣздкой, что приводило въ немалое огорченіе брата, который 21 Марта 1777 года писалъ къ отцу: «Со всѣхъ мѣстъ я слышу о крайней слабости здоровья Ульяны Андреевны, которая напрасно отлагаетъ свое путешествіе, единое средство къ сохраненію ея здоровья. Всѣ тѣ, кои знаютъ ея болѣзнь, считаютъ полезнымъ для нея, по употребленіи леченія водъ, препроводить довольное время въ Италіи, которой теплый и благорастворенный воздухъ послужилъ не только къ облегченію, но и ко всецѣльному исцѣленію самыхъ сильныхъ чахотныхъ. Гдѣ идетъ дѣло о здоровьѣ или жизни, тамъ, кажется, можно пожертвовать всѣми другими уваженіями, а всего удобнѣе всякимъ ущербомъ достатка».

Заботы его о больной сестрѣ не достигли своей цѣли: черезъ три дни по отправленіи письма его, она скончалась, 24 Марта 1777 года и похоронена въ селѣ Диканькѣ въ Троицкой церкви.

ГЛАВА IV-я.

Опредѣленіе ко Двору Екатерины II-й.

Турецкая война заключилась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Графъ Румянцевъ, осыпанный милостями Императрицы, не забылъ и своихъ достойныхъ подчиненныхъ, дѣлившихъ съ нимъ труды—Завадовскаго и Безбородку.

Императрица, съ одной стороны имѣя нужду въ способныхъ и дѣловыхъ людяхъ, съ другой (какъ говоритъ Грибовскій) «замѣтивъ въ донесеніяхъ Румянцева болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ Семилѣтней войны Бестужева [1]) и Апраксина, просила фельдмаршала порекомендовать ей нѣсколькихъ человѣкъ, способныхъ къ занятію должности кабинетныхъ секретарей» [2]).

Изъ числа находившихся въ 1775 г. при Императрицѣ кабинетъ-секретарей, бывшихъ «у принятія челобитень» двое: тайный совѣтникъ Стрекаловъ и коллежскій совѣтникъ Козицкій [3]), получили другія назначенія. На ихъ мѣста и были опредѣлены Завадовскій и Безбородко [4]), которыхъ рекомендовалъ Императрицѣ графъ Румянцевъ [5]). По словамъ Гельбига, Завадовскій и Безбородко, «питая къ фельдмаршалу большую привязанность, не хотѣли разстаться съ нимъ, и только повелѣніе Императрицы и соображеніе, что они шли на встрѣ-

[1]) Очевидная ошибка Грибовскаго: Бестужевъ въ Семилѣтнюю войну не писалъ реляцій, а самъ получалъ ихъ, въ званіи великаго канцлера.

[2]) Записки Грибовскаго. М. 1847, стр. 67.

[3]) Козицкій сначала былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, а съ 1769 по 1775 г. состоялъ на службѣ „въ Кабинетѣ и при собственныхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ, у принятія челобитенъ". 10 Іюля 1775 г., онъ, по прошенію, уволенъ отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника (Прилож. къ III тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, ст. Пекарскаго „Матеріалы для исторіи журнал. и литерат. дѣятельности Екатерины II. Спб. 1863 г. № 6).

[4]) Росписи чиновныхъ особъ за 1774 и 1775 г.

[5]) Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву съ прим. М. Н. Лонгинова. Рус. Архивъ 1863 г., 2 изд., стр. 462.

чу своему счастью, могли ихъ побудить оставить его» [6]). Въ именномъ указѣ, данномъ Пр. Сенату 8 Декабря 1775 г., повелѣвалось «полковнику Александру Безбородкѣ быть при насъ у принятія челобитень» [7]), въ началѣ же слѣдующаго года, 16 Января, рескриптомъ, даннымъ на имя А. В. Олсуфьева, велѣно было производить Безбородкѣ «жалованье изъ Кабинета по 2000 рублей, а 26 Января того же 1776 г. Герольдмейстерская Контора Сената требовала отъ Государственной Военной Коллегіи, «чтобы благоволено было сообщить извѣстіе о службахъ и происхожденіи оной господъ полковниковъ, находящихся у принятія подаваемыхъ Ея Императорскому Величеству челобитень—Завадовскаго и Безбородки».

Въ дѣлахъ Военной Коллегіи нашлось извѣстіе о Завадовскомъ; что̀ касается Безбородки, то хотя Коллегія и писала къ шестерымъ начальникамъ повытій: «потребно извѣстіе, не извѣстно ли о службѣ находящагося нынѣ при Ея Императорскомъ Величествѣ у принятіи челобитень полковника Безбородка и, буде извѣстно, то при семъ обстоятельно прописать»; но начальники повытій единогласно засвидѣтельствовали, своими крючковатыми подписями, что у нихъ «нѣтъ свѣдѣній». Потому Коллегія, сообщая справку о Завадовскомъ, писала въ тоже время, «что о службѣ полковника Безбородки по Военной Коллегіи свѣдѣній нѣтъ».

Въ своихъ письмахъ къ отцу Безбородко ничего не говоритъ о своемъ представленіи къ Императрицѣ, а только пишетъ отъ 25 Января 1776 года, «что 20 Декабря отправился изъ Москвы при Ея Императорскомъ Величествѣ; мы прибыли въ Сарское Село съ 23 на 24 того мѣсяца ночью; а на 26 на вечеръ и сюда (въ Петербургъ) благополучно». Разсказызывая за тѣмъ о своей службѣ, Безбородко охарактеризовалъ ее въ такихъ выраженіяхъ въ томъ же письмѣ къ отцу: «Я и въ самомъ началѣ весьма доволенъ моимъ состояніемъ; ибо кромѣ почестей и выгодъ, съ должностью сею соединенныхъ и труда по оной, силамъ соразмѣрнаго, образъ особливо ласковыхъ и милостивыхъ поступковъ Государыни мѣсто сіе дѣлаетъ мнѣ пріятнымъ». Въ заключеніи письма онъ проситъ отца быть у графа Румянцева. «Графъ Петръ Александровичъ вскорѣ изволитъ быть въ Малороссію; я не сомнѣваюсь, — что вы изволите быть у него и принесть ему благодарность за добродѣянія, намъ явленныя».

Этимъ, такъ сказать, оффиціальнымъ донесеніемъ родителямъ ограничивается все, что̀ говоритъ Безбородко о своемъ поступленіи и первоначальной службѣ на должность кабинетъ-секретаря. Въ статьѣ же А. И. Ханенки: «Разсказы о старинѣ», находятся бо̀льшія подробности, относящіяся къ этому періоду жизни

---

[6]) Рус. Архивъ 1865 г., 824—828.

[7]) Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1776 г. 12 Янв. № 9.—Кастера въ сочиненіи своемъ: Histoire de Catherine II (Paris, t III, p. 90 и 91) говоритъ объ этомъ опредѣленіи въ такихъ выраженіяхъ: „Безбородко былъ сначала, вмѣстѣ съ Завадовскимъ, секретаремъ у фельдмаршала Румянцева. Также какъ и Завадовскій, онъ былъ назначенъ кабинетъ-секретаремъ императрицы, но не достигъ, подобно ему, званія фаворита. Онъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ внутрен. дѣлъ“, которое (прибавимъ отъ себя) при жизни Безбородки не существовало въ Россіи.

Безбородки. Тамъ разсказывается, что графъ Румянцевъ, отправляя бывшихъ своихъ секретарей — Завадовскаго и Безбородку на службу въ Петербургъ, и какъ бы предугадывая ихъ блестящую карьеру, вышелъ за ними на крыльцо и, прощаясь, сказалъ: не забывайте меня старика. По тѣмъ же разсказамъ, «Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ 30-ти лѣтъ, не зная никакого иностраннаго языка, кромѣ Латинскаго, но въ два года выучился пофранцузски, а потомъ понѣмецки и поитальянски. Пофранцузски онъ говорилъ и писалъ отлично, только чрезвычайно бѣгло» [8]).

Въ нѣсколько мѣсяцевъ жизни въ столицѣ, Безбородко естественно не могъ ознакомиться съ Петербургскимъ обществомъ и потому, иногда охотно, по просьбѣ своихъ товарищей, дежурилъ за нихъ въ праздничные дни. Однажды, на масляной, угодно было Государынѣ приказать пригласить къ завтраку, на блины, дежурныхъ кабинетъ-секретарей. Камеръ-лакей доложилъ, что никого изъ нихъ нѣтъ во дворцѣ.

— Какъ, спросила Императрица, неужели нѣтъ даже дежурнаго?

— Въ секретарской есть какой-то Безбородко, отвѣчалъ камеръ-лакей.

— Пригласи его; вѣдь онъ тоже кабинетъ-секретарь, сказала Императрица.

Въ разговорѣ съ Безбородкою Императрица коснулась какого-то закона; Безбородко прочелъ его наизусть, и когда Государыня, для повѣрки, приказала подать книгу, то, пока ее принесли, онъ сказалъ, на какой именно страницѣ напечатаны самыя слова [9]),

Этотъ случай имѣлъ большое вліяніе на судьбу Безбородки: онъ показалъ Екатеринѣ всю пользу и исключительность дарованій, отличавшихъ Безбородку отъ прочихъ царедворцевъ.

О необыкновенной памяти Безбородки свидѣтельствуетъ и его племянникъ, А. Я. Бакуринскій, жившій у него домашнимъ человѣкомъ. Онъ разсказываетъ, «что Безбородко часто посылалъ его въ свою огромную библіотеку, не справляясь съ каталогомъ, взять въ такомъ-то шкапу, на такой-то полкѣ извѣстную книгу, и никогда не ошибался» [10]). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что съ этого времени, т. е. съ 8 Декабря 1775 г., начинается настоящая дѣятельность Безбородки какъ на гражданскомъ, такъ и на политическомъ поприщѣ,— дѣятельность, давшая ему возможность, въ самое короткое время (какъ говоритъ сослуживецъ его по Государственному Совѣту, Вейдемейеръ) пріобрѣсть полную довѣренность Императрицы, «благодаря единственно своимъ необыкновеннымъ способно-

---

[8]) Товарищъ оберъ-прокурора Св. Сунода Ю. В. Толстой сообщилъ мнѣ экземпляръ записокъ А. М. Грибовскаго (М. 1847 г. стр. 74), на поляхъ котораго рукою А. И. Тургенева написано нѣсколько замѣчаній о Безбородкѣ, и между ними слѣдующее о знаніи имъ Французскаго языка: „Безбородко изучилъ Французскій языкъ превосходно, но говорилъ нехорошо и съ запинаніемъ; онъ поздно началъ изучать сей языкъ“. Что же касается до знанія Нѣмецкаго и Итальянскаго языковъ, то незначительныя фразы на нихъ встрѣчаются въ письмахъ его, — съ Нѣмецкими фразами,—адресованныя къ племяннику Гр. Петр. Милорадовичу, а съ Итальянскими— къ Николаю Александровичу Львову.

[9]) Русскій Архивъ 1868 г., 1076—1077, А. Ханенко: „Разсказы о старинѣ“.

[10]) Тамъ же, стр. 1077.

стямъ» [11]), и строгому исполненію обязанностей по должности кабинетъ-секретаря. Державинъ въ Запискахъ своихъ оставилъ знаменательный разсказъ о Завадовскомъ и Безбородкѣ и объ отношеніяхъ ихъ къ челобитчикамъ, искавшимъ у Екатерины или милости, или правосудія. Державинъ, въ 1776 г., желая подать просьбу Екатеринѣ объ освобожденіи имѣнія Маслова, по которому онъ былъ поручителемъ, обратился къ Завадовскому; «но онъ не только не вошелъ въ существо просьбы, не помогъ ему, но при самой подачѣ письма наговорилъ множество грубостей и выслалъ его отъ себя». Этотъ поступокъ Державинъ объяснилъ весьма просто «неожиданнымъ и непомѣрнымъ возвышеніемъ его фортуны». Въ другой разъ Державинъ не сталъ испытывать мягкосердечіе фаворита и обратился къ Безбородкѣ, прося его исходатайствовать ему награду за труды по усмиренію мятежника Пугачева, какъ были награждены его товарищи по службѣ. Безбородко отнесся къ просьбѣ Державина сочувственно и представилъ ее при своей запискѣ Государынѣ. Послѣдовалъ полный успѣхъ, о чемъ Державинъ въ Запискахъ своихъ отмѣтилъ: «По возвращеніи Дворовъ (изъ Москвы) въ Петербургъ, г. Безбородко объявилъ просителю, что воспослѣдовало на оное Ея Величества благоволеніе, и сказалъ бы онъ, какого награжденія желаетъ» [12]). Въ послѣдствіи времени, какъ увидимъ ниже, Безбородко былъ сильнымъ ходатаемъ и защитникомъ нашего поэта.

[11]) Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи. ч. I, стр. 183.

[12]) Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, VI, 534.

По словамъ же Гельбига, «никто изъ государственныхъ министровъ не могъ, даже въ труднѣйшихъ случаяхъ и по какой бы то ни было отрасли государственнаго управленія, представить Государынѣ такого яснаго доклада, какъ Безбородко. Однимъ изъ главнѣйшихъ его дарованій было искусство въ Русскомъ слогѣ. Когда Императрица давала ему приказаніе написать указъ, письмо или что либо подобное, то онъ уходилъ въ пріемную и, по разсчету самой большой краткости времени, возвращался и проносилъ сочиненіе, написанное съ такимъ изяществомъ [13]), что ничего не оставалось желать лучшаго.

Отзывъ другаго современника Безбородки, — человѣка вообще не отличавшагося снисходительностью, невольно подтверждаетъ слова Гельбига. «При острой памяти и нѣкоторомъ знаніи Латинскаго и Русскаго языковъ (пишетъ Грибовскій), Безбородкѣ не трудно было отличиться легкимъ сочиненіемъ указовъ тамъ, гдѣ бывшіе при Государынѣ вельможи, кромѣ князя Потемкина, не знали Русскаго правописанія [14]). Матерія для указовъ

[13]) Здѣсь разумѣется изящество выраженія. Нельзя того же сказать о внѣшней сторонѣ бумагъ, написанныхъ Безбородкою. Мнѣ случилось видѣть собственноручныя бумаги его, даже съ подписью Екатерины, написанныя и неразборчиво, и съ помарками и поправками, что̀ безъ сомнѣнія можно приписать и тому, что тогда не обращали вниманія на внѣшній видъ бумагъ, часто во времена позднѣйшія скрывавшій собою совершенную пустоту и нелѣпость содержанія.

[14]) Авторъ сочиненія „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I" (стр. 195) В. В. Андреевъ, разсказывая о Потемкинѣ, неизвѣстно почему исказилъ слова Грибовскаго и написалъ, что „онъ (Потемкинъ)

обыкновенно была обработываема въ Сенатѣ или другихъ департаментахъ основательно и съ присоединеніемъ приличныхъ къ оной законовъ и обстоятельствъ; стоило только сократить сіи записки и нѣсколько поглаже написать; часто надобно было одѣть только сіи записки въ указную форму. Конечно, недовольно было Кіевскаго и бурсацкаго ученія для успѣшнаго отправленія государственныхъ бумагъ: потребна была память и острота ума, коими Безбородко щедро былъ награжденъ и при помощи которыхъ въ скоромъ времени понялъ онъ хорошо весь кругъ государственнаго управленія» [15]). Въ столь же лестныхъ выраженіяхъ отзывается о Безбородкѣ и Французскій писатель Кастера. Онъ говоритъ, что «Безбородко былъ работящій человѣкъ и возвысился очень быстро. Его главнѣйшій талантъ заключался въ основательномъ знаніи Русскаго языка и въ умѣніи изящно выражаться на немъ» [16]).

Такимъ образомъ, современники князя Безбородки единогласно говорятъ, что онъ возвышался надъ прочими царедворцами и своими способностями, и своимъ умѣньемъ излагать государственныя бумаги. Вчитываясь въ бумаги, написанныя его рукою, невольно убѣждаешься, что складъ рѣчи Безбородки отличается необыкновеннымъ лаконизмомъ и выразительностію: она чужда всякой напыщенности, громкихъ фразъ и трудныхъ научныхъ терминовъ. Онъ писалъ какъ говорилъ, стараясь изложить мысль правильно и понятно. Безбородко легко усвоивалъ себѣ предметъ и, сроднясь съ нимъ, обработывалъ и возсоздавалъ его по своему, въ изящной, систематической и лаконической формѣ. Во всѣхъ трудахъ его, въ первые годы его дѣятельности при Екатеринѣ, было очень мало помарокъ и исправленій. Великая Императрица, какъ извѣстно, всегда умѣла замѣчать и поощрять своихъ подчиненныхъ, которые добросовѣстно и съ усердіемъ исполняли свои обязанности. Просвѣщенный умъ Безбородки, безошибочное сужденіе, рѣдкое присутствіе духа, знаніе языковъ, навыкъ къ работѣ и политическая проницательность, какъ говоритъ Гельбигъ, были безподобны на томъ поприщѣ, на которомъ онъ находился. Екатерина, знавшая въ подробностяхъ жизнь каждаго изъ приближенныхъ къ ней царедворцевъ, конечно, оцѣнила также и благородныя стороны въ характерѣ Безбородки: его доброту и благодарность, которую онъ питалъ къ Румянцеву и Потемкину за одолженія, оказанныя ему въ юности. Она видимо стала отличать его передъ другими секретарями и поручала ему большинство дѣлъ. Это доказываетъ и то обстоятельство, что когда въ началѣ 1778 г. заболѣлъ одинъ изъ многихъ кабинетъ-секретарей — Козминъ [17]), то обязан-

---

имѣлъ обыкновеніе не ставить въ письмѣ ни одного знака препинанія; но при всемъ этомъ онъ да Безбородко были, по замѣчанію Грибовскаго, единственными людьми при Екатеринѣ, которые могли правильно и хорошо излагать свои мысли порусски на бумагѣ". Въ Русскомъ Архивѣ за 1873 года мною напечатаны письма Потемкина къ Безбородкѣ дословно, изъ которыхъ нельзя заключить, чтобы Потемкинъ пренебрегалъ знаками препинанія.

[15]) Записки Грибовскаго 66—69.

[16]) Castera, Histoire de Catherine II. III, 239.

[17]) Козминъ, Сергѣй Матвѣевичъ, тайный совѣтникъ, съ 1774 до 1780 г. состоялъ

ности его возложены были на Безбородку, что̀ дало ему возможность еще чаще бывать у Государыни и выказать свои способности. Объ этомъ обстоятельствѣ узнаёмъ изъ письма его къ отцу, отъ 11 Февраля 1778 года. «Крайнее многодѣльство, усугубившееся по обстоятельствамъ, и особливо, что первый нашъ сотоварищъ Сергѣй Матвѣевичъ г. Козминъ, съ которымъ по отъѣздѣ Петра Васильевича (Завадовскаго) единственно почти дѣлилъ я трудъ, съ Октября боленъ.... къ чему присовокупить дворскія безпрерывныя забавы, продолжающіяся по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича; а у Двора служба такова, что долгъ велитъ и дѣло дѣлать, и во всѣхъ забавахъ казаться. Съ великимъ постомъ ожидаемъ отдохновенія».

Къ концу 1778 года положеніе Безбородки при Дворѣ упрочилось окончательно, и онъ видимо былъ доволенъ своимъ мѣстомъ, что̀ и выразилъ въ письмѣ къ отцу 30 Ноября 1778 г. «Не могу довольно нахвалиться пребываніемъ своимъ здѣсь. Ея Императорское Величество отъ дня дѣнь умножаетъ ко мнѣ свою повѣренность. Для собственнаго вашего знанія скажу, дабы не причли сего въ самохвальство, что меня вся публика и Дворъ видятъ яко перваго ея секретаря, потому что чрезъ мои руки идутъ дѣла сенатскія, Сѵнода, Иностранной Коллегіи, не выключая и самыхъ секретнѣйшихъ, адмиральтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ [18]); отзывами своими неоднократно всѣмъ знатнымъ и приближеннымъ изразить изволила свое отмѣнное ко мнѣ благоволеніе и уваженіе къ трудамъ моимъ. Хотя я нималаго сомнѣнія не имѣю, что и самаго существеннаго воздаянія отъ щедротъ ея ожидать долженъ, но и таковое милостивое въ разсужденіи меня обращеніе есть величайшимъ для меня одобреніемъ и утѣшеніемъ».

Тоже самое, хотя и короче, Безбородко писалъ объ этомъ времени гораздо позже императору Павлу Петровичу: «По прибытіи въ Москву для мирнаго торжества, угодно было блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государынѣ родительницѣ Вашей взять меня къ особѣ ея для принятія прошеній и исправленія прочихъ дѣлъ. Въ самое короткое время имѣлъ я счастіе пріобрѣсти высочайшую ея довѣренность до та-

„у принятіи челобитень", подаваемыхъ на Высочайшее имя и въ тоже время былъ членомъ Таможенной Канцеляріи. Въ 1778 г. онъ былъ уже Александровскимъ кавалеромъ. (Мѣсяцословы на 1774—1780 г.)

[18]) Собственныя дѣла Екатерины II поступили въ вѣдѣніе Безбородки, въ полномъ ихъ составѣ, въ 1782 году, что̀ видно изъ письма его, адресованнаго къ Ивану Ивановичу Кроку, которому 21 Іюня онъ писалъ: „Я имѣлъ честь представить всеподданнѣйше Ея Императорскому Величеству о дѣлахъ, въ особомъ вѣдѣніи вашемъ находившихся. Ея Величество указать соизволила всѣ оныя принять мнѣ отъ васъ, изъясняя при томъ, что относительно касающихся до Ангальтъ-Цербовскаго *(sic)* дома Ея Величество не сомнѣвается, что вы, государь мой, и по увольненіи васъ въ потребномъ случаѣ не отречетеся въ нихъ потрудиться, такъ какъ до сего къ высочайшей ея благоугодности вы трудилися, но что впрочемъ сіе не препятствуетъ отлучкѣ вашей изъ столицы, естьли вы въ томъ для поправленія своего здоровья, или для другихъ обстоятельствъ, надобность имѣть будете". (Дѣла Каб. Е. И. В., связ. 447, № ук. 267).

кой степени, что мнѣ поручены были собственныя ея бумаги, и вскорѣ на дѣлѣ учинился я первымъ ея секретаремъ, имѣя на себѣ большую часть важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ». Княгиня Дашкова въ Запискахъ своихъ обыкновенно называетъ Безбородку «первымъ секретаремъ Екатерины» [19]).

Всматриваясь въ труды Безбородки по должности кабинетъ-секретаря Екатерины II и сравнивая ихъ съ трудами другихъ кабинетъ-секретарей, убѣждаешься, что онъ былъ единственный исполнитель повелѣній великой Монархини. Въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, въ книгахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Именные высочайшіе указы», сохраняется множество указовъ и рескриптовъ, писанныхъ дословно Безбородкою и только подписанныхъ Екатериною. Смѣло можно заключать, что эти именно документы были написаны Безбородкою, такъ сказать, на лету, тотчасъ по полученіи приказаній Государыни, въ пріемной или секратарской комнатѣ, предъ кабинетомъ Екатерины, на томъ столикѣ за ширмами, гдѣ изготовлялись рѣшенія, управлявшія судьбою нашихъ дѣдовъ [20]). Само собой разумѣется, что Императрица не могла не цѣнить быстраго исполненія ея повелѣній, чего нельзя сказать о прежнемъ, ближайшемъ къ ней секретарѣ И. П. Елагинѣ, котораго она иногда величала «Перфильевичъ» и которому приходилось ей напоминать о дѣлахъ имъ забытыхъ, что̀ и вынуждало ее писать ему: «что тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ, да что никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочитъ, какъ ты» [21]).

Въ первые годы своей службы при Екатеринѣ, Безбородко былъ усерднымъ до педантизма, какъ увидимъ ниже, въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Здѣсь же замѣтимъ, что при такой близости къ Императрицѣ и въ такомъ обширномъ кругѣ занятій, какія возложены были на Безбородку, онъ, естественно, не могъ долго оставаться въ прежнемъ состояніи, не могъ не быть отличаемъ по своему офиціальному положенію. 1 Января 1779 г., спустя три года съ поступленія ко Двору, Безбородко былъ произведенъ изъ полковниковъ въ бригадиры [22]). Извѣщая объ этомъ сво-

---

[19]) Записки Е. Р. Дашковой. Лондонъ. 1859 г., стр. 185, 217.

[20]) Записки, 24—29.

[21]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. Спб. т. VII, 351.

[22]) Въ сочиненіи неизвѣстнаго автора: „Жизнь, свойства, военныя и политическія дѣянія императора Павла I, князя Потемкина и канцлера Безбородки“, на стр. 25, конечно, по ошибкѣ, сказано, что Безбородко произведенъ въ бригадиры въ 1798 году.

Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь и ошибки И. М. Снегирева, Терещенки, П. С. Лебедева и неизвѣстнаго автора примѣчаній къ письмамъ Гарновскаго, адресованнымъ на имя князя Потемкина.

Первый, въ сочиненіи своемъ: „Жизнь митрополита Московскаго Платона,“ на стр. 30 и 31, въ 1-й части, пишетъ: „Государыня, заботившаяся объ изданіи новаго уложенія для своего народа, поручила сочиненный ею въ 1766 году Наказъ для Коммисіи на сужденіе преосвященнымъ епископамъ: Псковскому—Иннокентію, Тверскому—Гавріилу и іеромонаху Платону, которые, по разсмотрѣніи сего безсмертнаго творенія, представили свои замѣчанія, чрезъ г. Безбородко, августѣйшей сочинительницѣ его, которая великодушно передала свои мысли о благѣ подданныхъ на чистосердечное ихъ сужденіе.“ А ниже, въ томъ же сочиненіи, въ статьѣ: „приложенія объяснительныя и дополнитель-

его отца, 3 Января того же 1779 г., онъ писалъ, что ему «не столько лестенъ чинъ, сколько чувствителенъ образъ милости монаршей, въ которомъ получилъ я оный: во первыхъ

ныя“, на стр. 116, 117 и 118, подъ литерою не *в*, (какъ авторъ выше означилъ) а подъ литерою *г*, помѣщено и самое письмо тѣхъ трехъ іерарховъ, адресованное не къ Безбородкѣ, а къ графу Никитѣ Ивановичу Панину. На основаніи изложеннаго очевидно, что и Терещенко, въ сочиненіи своемъ: „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи,“ на стр. 335, въ примѣчаніяхъ ко второй части, поправляя мнѣніе Снегирева, ошибочно пишетъ, что помянутыя особы представили Императрицѣ свои замѣчанія не чрезъ Безбородку, а чрезъ графа Разумовскаго.

Подобнаго же рода ошибка вкралась и въ статью П. С. Лебедева о Сумароковѣ, напечатанную въ Библіографическихъ Запискахъ (1858 г. т. I, стол. 420, 428—430); въ ней авторъ приводитъ письмо А. П. Сумарокова къ графу Безбородкѣ, въ которомъ разсказывается все, что вновь сдѣлано Сумароковымъ для Русскаго слова отъ 25 Января 1769 г.; а Безбородко въ началѣ 1769 г. служилъ еще бунчуковымъ товарищемъ въ канцеляріи графа Румянцева, и Сумароковъ едва ли даже и зналъ о его существованіи. Ясно, что это письмо адресовано къ иному вельможѣ и графу; оно начинается словами: „Сіятельный графъ, милостивый государь.“ Безбородко пожалованъ въ графы въ 1784 году, чрезъ 15 лѣтъ послѣ написанія письма. По замѣчанію М. Н. Лонгинова (Русскій Архивъ, 1871, стр. 1655) письмо это писано Сумароковымъ къ графу Г. Г. Орлову.

Наконецъ, авторъ примѣчаній къ письмамъ Гарновскаго (Записки Одесскаго Общ. 8, т. стр. 245) пишетъ: „Безбородко,—сотрудникъ Потемкина по коммиссіи, учрежденной въ 1764 г., о церковныхъ имѣніяхъ и объ упраздненіи нѣкоторыхъ православныхъ монастырей.“ Въ 1764 году, какъ было говорено, Безбородко сидѣлъ на скамьѣ въ Кіевской Академіи.

потому что Ея Величество, желая явить мнѣ знакъ своего благоволенія, для того и другихъ произвести соизволила, чтобъ исполнить то со мною безъ обиды ихъ; второе, что когда я вошелъ къ ней на другой день по утру въ мундирѣ новаго чина, то, поздравляя меня, сказала, что мои труды столь ей угодны, что она по справедливости обязана была сіе сдѣлать, что ей тѣмъ пріятнѣе, яко она слышитъ и отъ всей публики удовольствіе въ моемъ поведеніи, и желаетъ, чтобъ я продолжалъ то къ ея угодности. Сіе самое со многими подробностями говорила она въ вечеру новаго года, когда, по окончаніи бала, во внутреннихъ покояхъ были у Ея Величества графиня Брюсова, графъ Кирила Григорьевичь и другіе изъ самыхъ первыхъ. Впрочемъ чинъ сей принесъ мнѣ и ту еще пользу, что по множеству теперешнихъ ваканцій генераловъ-порутчиковъ и генералъ-маіоровъ, по намѣренію распредѣлить оныхъ для лучшей имъ же пользы къ мѣстамъ губернаторскимъ и тому подобнымъ, нельзя никакъ закоснѣть въономъ. Никто почти изъ дѣйствительныхъ полевыхъ бригадировъ не оставался болѣе двухъ лѣтъ безъ производенія, а часто только мѣсяца по три и по четыре, то есть отъ одного производенія къ другому. Сверхъ того и полезнѣе въ чины выходить при милости государской по старшинству, дабы они не могли ставлены быть на счетъ почтеннѣйшихъ *(sic)* награжденій».

Изъ числа 19-ти лицъ, произведенныхъ въ бригадиры, Безбородко въ спискѣ поставленъ 18-мъ, т. е. предпослѣднимъ [23]); тѣмъ не менѣе от-

[23]) Въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1779 г. 18 Января (№ 6, стр. 47) напечатанъ

зывъ о немъ Императрицы достаточно ясно говоритъ о томъ значеніи, какое успѣлъ онъ пріобрѣсти при Дворѣ въ 4-хъ лѣтнюю свою службу; а что оно было велико, подтверждается тѣмъ, что въ немъ стали заискивать и сами аристократы: графы Разумовскіе, Румянцевы и другіе. [24]) О Разумовскихъ въ одномъ изъ писемъ къ отцу, въ началѣ своего опредѣленія ко Двору, 14 Октября 1778 г., Безбородко выразился такъ: „вся его (графа Разумовскаго) родня ко мнѣ ласкаются." Что же касается до графа Румянцева-Задунайскаго, то Безбородко сохранилъ къ нему и ко всему его семейству самыя теплыя чувства. Въ свою очередь и бывшій его начальникъ радовался его возвышенію, и выражалъ то въ своихъ письмахъ къ нему: „Весьма радуюсь"—читаемъ въ одномъ изъ нихъ, относящемся къ этому времени—„о высочайшемъ къ вамъ благоволеніи, кое я вижу изъ оказываемой вамъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ довѣренности, и которую вы заслужили вашими трудами и способностію". Дошедшія до насъ письма Задунайскаго вполнѣ свидѣтельствуютъ, что они находились въ дружескихъ отношеніяхъ, и Румянцовъ нерѣдко просилъ у него помощи и наставленія въ дѣлахъ, которыя были лучше знакомы Безбородкѣ, какъ придворному человѣку, близко стоявшему къ Екатеринѣ. Извѣщая отца своего о смерти супруги Румянцева въ письмѣ отъ 31 Августа 1779 г., онъ отзывается, что для него потеря эта была чувствительна.

„На сихъ дняхъ" (пишетъ Безбородко) „получили мы извѣстіе о кончинѣ графини Катерины Михайловны Румянцевой [25]). Имѣвъ въ особѣ ея одного изъ лучшихъ пріятеля и дознавъ во многихъ случаяхъ на дѣлѣ ея одолженія, милости и искренность, всѣ мы въ томъ участвовавшіе наичувствительнѣйше были тронуты."

„именной списокъ новопожалованныхъ въ чинахъ армейскихъ, по указу Ея Величества, отъ 1 Января."

[24]) Любопытенъ отзывъ о немъ графа Николая Петровича Румянцева, въ письмѣ отъ 7 Августа 1779 г. изъ Кайнарджи, къ Петру Васильевичу Завадовскому: „Я вчерась твое письмо получилъ, пишетъ онъ, а дня съ четыре назадъ отъ Безбородки. Оба одинаковаго содержанія, лишь его пообстоятельнѣе. И такъ напрасно жалуешься на его флегму; къ тебѣ писалъ коротко, ко мнѣ долгое письмо прислалъ, наполненное увѣреніями государыниной милости и хорошаго мнѣнія обо мнѣ".

Заключая письмо свое сѣтованіемъ, „что батюшка по сю пору еще никакой причины утѣшаться не имѣетъ" (у графа П. А. Румянцева-Задунайскаго было три сына: Михаилъ-военный, Николай и Сергѣй дипломаты), онъ прибавляетъ: „Я ѣду послѣ завтра и покажу ему письмо отъ Безбородки; естьли онъ не отречется просьбу мою своею усилить, такъ скоро въ военномъ мундирѣ буду." (Русск. Архивъ 1867 г., стр. 1263—1265).

[25]) Графиня Екатерина Михайловна, дочь генералъ-фельдмаршала князя Голицына, род. 25 Сентября 1725 г., замужъ вышла въ 1748 г. Въ статсъ-дамы пожалована 15 Августа 1773 г., въ день крещенія первой супруги Павла Петровича, великой княгини Наталіи Алексѣевны, и назначена къ ней гофмейстериною. Въ память славнаго мира, заключеннаго ея мужемъ съ Турціею, 12 Іюля 1776 г. возложенъ на нее орденъ св. Екатерины. По кончинѣ великой княгини, графиня отпущена была въ Москву, гдѣ скончалась 22 Августа 1779 г. 55 лѣтъ отъ роду и погребена въ Донскомъ монастырѣ. Карабановъ, близко знакомый съ семействомъ графа Румянцева, говоритъ, что графиня была женщина весьма почтенная. (Р. Старина, 1870 г. т. II, 496).

Кстати мы должны упомянуть здѣсь и о супругѣ Семена Кириловича Нарышкина, оберъ-егермейстера и Андреевскаго кавалера, перваго щеголя Екатерининскаго времени, Марьи Павловнѣ Нарышкиной, которая была расположена къ Безбородкѣ, „по собственной благосклонности,“ какъ онъ выразился въ письмѣ къ отцу, и которая заботилась объ устройствѣ его холостой жизни, когда онъ только что поселился въ Петербургѣ.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ со времени производства его въ бригадирскій чинъ, какъ ему пожалованы были „за ревностную службу“ деревни.

«Илья Андреевичъ (писалъ Безбородко 8 Мая 1779 г. къ родителямъ) доставитъ вамъ манифестъ о благополучномъ рожденіи втораго великаго князя Константина Павловича, и списокъ пожалованій 5 Мая, то-есть въ день святаго крещенія Его Императорскаго Высочества. День сей наибольше великолѣпенъ былъ многими милостями, въ оный изліянными. Я сдѣланъ также ихъ участникомъ всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ мнѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе Полоцкой губерніи, Усвятскаго староства частей Будницкой и Веречинской, въ коихъ по ревизіи показано душъ мужескаго полу, кромѣ Жидовъ, тысяча двѣсти двадцать двѣ. Все, что я о сихъ деревняхъ знаю, состоитъ только въ томъ, что они изъ оставшихся казенныхъ, кромѣ дворцовыхъ, почитаются лучшими, что по вѣдомости показано довольно въ нихъ лѣсу, что лежатъ они отъ Двины рѣки не болѣе 40 верстъ, а отсюда чрезъ Великія Луки болѣе 500 верстъ и что лучшее въ добромъ ихъ состояніи свидѣтельство есть, что князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій пожалованныя ему въ мирное торжество 2000 душъ взялъ въ семъ же староствѣ. Милость государская тѣмъ мнѣ ощутительнѣе, что она мнѣ оказана прямо, собственнымъ подвигомъ Ея Императорскаго Величества, безъ моихъ происковъ и усиленныхъ стараній, и я не прежде о томъ узналъ, какъ за два дня изъ собственныхъ устъ ея повелѣніемъ выбрать въ Бѣлой Россіи 1200 душъ. Не смѣлъ я отягощать таковымъ выборомъ въ Малой Россіи; надлежало бы тутъ обидѣть кого либо изъ собратіи своей, вопреки сему священнѣйшему правилу, чтобъ никому того не дѣлать, чего себѣ не желаешь. Своихъ же урядовыхъ я для того не полагалъ въ число, что тутъ и выигрыша было бы не много, ибо они перемѣнили бы только натуру, а доходы все тѣже остались бы. Владѣть ими можно спокойно, покуда прилично мнѣ остаться въ чинѣ военномъ; ибо не только бригадиръ, но и генералъ-маіоръ можетъ быть подобнаго полку полковникомъ; а ежели какая-либо реформа случится, то я не думалъ бы, чтобъ встрѣтилася трудность въ полномъ тѣхъ маетностей присвоеніи».

Первые годы, проведенные при Дворѣ Екатерины, не увлекали Безбородки, и онъ не очень предавался столичнымъ развлеченіямъ. Къ этому времени принадлежатъ труды его по составленію Лѣтописи Малороссіи, любовь къ которой успѣлъ укоренить въ немъ его отецъ. Плодомъ его занятій было изданіе вмѣстѣ съ В. Г. Рубаномъ [26]), въ 1777 году

---

[26]) Рубанъ, Василій Григорьевичъ, родился въ 1739 г., сконч. въ 1795 г., былъ членомъ Россійской Академіи.

Лѣтописи Малой Россіи [27]). Рубанъ, уроженецъ Малороссіи и воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, занимая должность переводчика Военной Коллегіи въ Петербургѣ, въ 1776 году сблизился съ Безбородкою. Общая любовь къ родинѣ соединила ихъ для изданія историческаго труда о Малороссіи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, 1 Августа 1776 г., Безбородко писалъ къ отцу, прося его: «съ вѣрнымъ случаемъ постараться переслать книгу, въ коей статьи гетманскія вписаны; конституцій двѣ книги, старую и новѣйшую, исторіи Малороссійскія, рукописныя, одну въ четверть, другую въ листъ; еще купить самой чистой печати Статутъ и, коли можно, порядокъ правъ Магдебургскихъ, въ чемъ отъ дому господъ Енковъ (sic) пособить могутъ: ибо сіи всѣ книги здѣсь тѣмъ нужнѣе, что находятся люди, кои вознамѣрилися издать исторію Малороссійскую и напечатать переводъ Статута».

Люди, «кои вознамѣрились» принести отечественной исторіи посильную дань, выясняются другимъ письмомъ Безбородки къ отцу, отъ 31 Марта 1778 года; тутъ онъ пишетъ: «Имѣя честь представить вамъ при семъ Краткую Лѣтопись Малыя Россіи по 1775 г., съ описаніемъ географическимъ, изъявленіемъ ея правленія и другими нужными свѣдѣніями, изданную г. надворнымъ совѣтникомъ Рубаномъ, приношу я дань справедливо принадлежащую вамъ, яко во многихъ случаяхъ прямую любовь къ тому краю, любезной отчизнѣ нашей, доказавшему и котораго всегда усердныя простиралися старанія, чтобъ дѣла и обстоятельства, славу и честь предковъ нашихъ ознаменяющія, извлечены были изъ забвенія. Изъ предисловія вы, милостивый государь батюшка, усмотрѣть изволите, что къ изданію сея книги поострилъ я г. Рубана не одними совѣтами, но и въ разсужденіи послѣднихъ временъ и самыми достовѣрными извѣстіями, отъ меня ему сообщенными. Сожалѣть только надобно, что онъ поспѣшилъ нѣсколько печатаніемъ предъидущихъ листковъ, въ которыхъ многія противу подлинности ошибки изъять, да и въ разсужденіи различныхъ нужныхъ умолчанныхъ обстоятельствъ, распространиться я не преминулъ бы. Малое сіе сочиненіе служитъ теперь руководствомъ къ намѣреваемому нами изданію полной Малороссійской исторіи, въ которой, конечно, всѣ погрѣшности Лѣтописи исправлены будутъ, коль только успѣемъ собрать всѣ потребныя намъ извѣстія. Упражняясь въ свободное отъ другихъ дѣлъ время симъ пріятнымъ для меня трудомъ, я благословлю ваши милостивыя родительскія въ юности попеченія о приведеніи меня въ точное и подробное познаніе состоянія земли, гдѣ я родился и всѣхъ въ оной случившихся событій. Велико и совершенно будетъ мое удовольствіе, когда я преуспѣю въ семъ предлежащемъ трудѣ, и особливо когда исполненіе онаго будетъ послѣдуемо многими другими случаями, кои мнѣ

[27]) Заглавіе изданію дано такое: „Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія, съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ; такожъ землеописанія, съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и др. нужныхъ. Издана Василіемъ Григорьевичемъ Рубаномъ. Спб. 1777 года.“

предстали бы на изъявленіе моего нелицемѣрнаго къ согражданамъ моимъ усердія».

Въ такихъ выраженіяхъ Безбородко очертилъ свою дѣятельность по изданію въ свѣтъ литературнаго своего труда, о чемъ, съ своей стороны, и прямой издатель «Лѣтописи» Василій Григорьевичъ Рубанъ, въ предисловіи своемъ къ книгѣ, говоритъ, подробно указывая, что̀ принадлежитъ перу юнаго автора-воина.

Въ составъ изданія, по словамъ Рубана, вошли «лѣтописи съ 1506 по 1734 г.». Они «ведены были генеральными Малороссійскими писарями, бывшими при гетманахъ, начиная отъ Богдана Хмельницкаго даже до смерти Даніила Апостола». Получены же были эти лѣтописи Рубаномъ отъ моего прадѣда, преосвященнаго Георгія Конисскаго. «Съ того времени, т. е. съ 1734 по 1776 г.,—продолжаетъ Рубанъ,—дополнены, и изъявленіе настоящаго тамо образа правленія, какъ и списокъ гетманамъ, генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ, сочинены нынѣшнимъ Кіевскимъ г. полковникомъ, находящимся при Ея Императорскомъ Величествѣ у принятія челобитень, Александромъ Андреевичемъ Безбородькомъ, мужемъ, въ знаніи отечественной исторіи извѣданнымъ и способностію къ дѣеписанію одареннымъ достаточно».

Не разбирая въ подробностяхъ этого труда Безбородки, нельзя не отдать справедливости добросовѣстному выполненію его; но что̀ всего важнѣе, это то, что онъ знакомитъ читателя съ тогдашнимъ судебно-административнымъ управленіемъ Малороссіи, о которой такъ мало и даже почти ничего не было извѣстно Русской читающей публикѣ.

Къ этому же времени принадлежитъ и другой историческій трудъ его, посвященный отечественной исторіи. Трудъ этотъ можетъ быть озаглавленъ: «Хронологическая таблица замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II». Въ письмѣ къ князю А. А. Вяземскому 1 Февраля 1779 года, Безбородко писалъ: «Для сдѣланія исправной таблицы хронологической разныхъ установленій и знаменитѣйшихъ событій во время нынѣшняго благополучнаго царствованія, Ея Императорское Величество высочайше указать мнѣ соизволила просить пособія у вашего сіятельства сообщеніемъ мнѣ реестра публичныхъ имянныхъ ея указовъ. Я былъ милостиво отъ вашего сіятельства обнадеженъ доставленіемъ онаго; а потому, равно какъ и имѣя подтвержденіе поспѣшить стараться исполненіемъ сего мнѣ порученнаго дѣла, осмѣливаюся просить всепокорно ваше сіятельство приказать прислать мнѣ помянутый реестръ, хотя по частямъ, годами, дабы я могъ между тѣмъ трудъ свой продолжать» [28]).

Какая постигла судьба этотъ трудъ и былъ ли онъ оконченъ, я не доискался.

Н. Григоровичъ.

---

[28]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связ. № 447, № ук. 12.

И. В. Кирѣевскій о Баратынскомъ.

На стр. 396-й послѣдняго изданія сочиненій Баратынскаго (Москва, 1869 года) въ матеріалахъ для его біографіи, приведено о немъ нѣсколько строкъ, про которыя сказано, что они найдены въ бумагахъ супруги его Настасьи Львовны, написанныя ея рукою. Строки эти принадлежатъ другу Баратынскаго, Ивану Васильевичу Кирѣевскому и взяты изъ статьи его о Баратынскомъ, которая была напечатана Д. А. Валуевымъ въ Библіотекѣ для Воспитанія 1845 года (ч. 3-я), вмѣсто предисловія къ избраннымъ стихотвореніямъ Баратынскаго. Библіотека для Воспитанія, которую въ 1844 году началъ издавать покойный Валуевъ и продолжалъ П. Г. Редкинъ, и въ которой принимали участіе Грановскій, Кирѣевскій, Хомяковъ, Языковъ, нынѣ мало кому извѣстна, и ее трудно найти въ продажѣ. Статья Кирѣевскаго, подписанная буквами И. К., не вошла въ собраніе его сочиненій. Приводимъ вполнѣ. *Николай Елагинъ.*

Баратынскій родился въ 1800 году *), т. е. въ одинъ годъ съ Пушкинымъ; оба были ровесники вѣку. Отъ природы получилъ онъ необыкновенныя способности: сердце глубоко-чувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви къ прекрасному, умъ свѣтлый, обширный и вмѣстѣ тонкій, такъ сказать, до микроскопической проницательности, и особенно внимательный къ предметамъ возвышеннымъ и поэтическимъ, къ вопросамъ глубокомысленнымъ, къ движеніямъ внутренней жизни, къ тѣмъ мыслямъ, которыя согрѣваютъ сердце, проясняя разумъ, — къ тѣмъ музыкальнымъ мыслямъ, въ которыхъ голосъ сердца и голосъ разума сливаются созвучно въ одно задумчивое размышленіе. Въ первомъ дѣтствѣ получилъ онъ самое тщательное воспитаніе; оно много помогло впослѣдствіи развитію его необыкновенно-утонченнаго вкуса. Но молодость его была несчастлива. Въ далекой Финляндіи, посреди дикой и мрачной природы, въ разлукѣ съ родными и близкими ему людьми, съ неодолимою тоскою по родинѣ, вдали отъ тѣхъ, кто могъ бы понять его и утѣшить сочувствіемъ, печально и одиноко провелъ онъ лучшіе годы своей юности. Это обстоятельство вѣроятно содѣйствовало къ тому, что его самыя свѣтлыя мысли, и даже въ самое счастливое время его жизни, остались навсегда проникнуты тихою, но неотразимою грустію. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и отъ природы уже былъ склоненъ къ этому направленію мысли, которое очень часто замѣчается въ людяхъ, соединяющихъ глубокій умъ съ глубокою чувствительностію. Оно происходитъ вѣроятно оттого, что такіе люди смотрятъ на жизнь не шутя, разумѣютъ ея высокую тайну, понимаютъ важность своего назначенія, и вмѣстѣ неотступно чувствуютъ бѣдность земнаго бытія. Оттого они даже въ кругу забавъ и шумныхъ удовольствій часто кажутся печальными; оттого самое чувство радости для нихъ бываетъ соединено съ непреодолимою задумчивостію и скорѣе похоже на грусть, чѣмъ на веселость обыкновенныхъ людей.

Но между тѣмъ изъ Финляндіи Баратынскій могъ иногда пріѣзжать въ Петербургъ, гдѣ въ то время только явился первый выпускъ учениковъ Царскосельскаго Лицея,—юношей, почти дѣтей, связанныхъ узами благородной дружбы, основанной на одинаковомъ воспитаніи, на общей имъ внушенной любви къ великому, къ прекрасному, къ просвѣщенію, къ наукамъ, къ искусству,—дружбы, особенно-крѣпкой внутреннимъ согласіемъ ихъ нравственныхъ понятій. Въ числѣ ихъ были молодой

*) Въ селѣ Мара, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда; 29-го Іюня. *И. К.*

Это показаніе не совсѣмъ точно: Евгеній Абрам. Баратынскій родился 19 Февраля 1800 г. въ селѣ Вяхлѣ (въ Марѣ протекло его дѣтство), Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, и не былъ вполнѣ ровесникомъ Пушкину, родившемуся 26 Мая 1799 года. *П. Б.*

Пушкинъ, Дельвигъ и весьма многіе юноши, богатые талантами, или замѣчательные умомъ, или сильные характеромъ, различные способностями, но всѣ проникнутые нетерпѣливою жаждою дѣятельности, живымъ стремленіемъ къ значительнымъ цѣлямъ жизни. Впослѣдствіи не всѣ развились одинаково; различныя обстоятельства развели ихъ въ различныя стороны; нѣкоторые могли остановиться въ своемъ развитіи; иные, можетъ быть, могли уклониться отъ перваго направленія, впасть на нѣкоторое время въ крайность или заблужденіе; другіе счастливо совершили поприще свое: но въ то время ихъ общее дружеское сочувствіе пробудило въ каждомъ изъ нихъ всѣ лучшія способности души, такъ что изъ ихъ значительнаго круга, или отъ живаго соприкосновенія съ ними, вышли почти всѣ замѣчательные люди того времени. Съ ними сошелся и Баратынскій, и въ ихъ живительномъ обществѣ загорѣлась въ душѣ его первая искра его поэтическаго таланта, уже приготовленнаго его прежнею жизнію. Такъ въ хорошемъ, равно какъ и въ дурномъ, сочувствіе окружающихъ насъ людей вызываетъ изъ сердца тѣ стремленія, которыя безъ того, можетъ быть, никогда не родились бы на свѣтъ. Общее мнѣніе скоро соединило имя Баратынскаго съ именами Пушкина и Дельвига, въ тоже время какъ внутреннее сродство сердечныхъ пристрастій связало ихъ самою искреннею дружбою, цѣло - сохранившеюся до конца жизни всѣхъ трехъ.

Баратынскій скончался въ прошедшемъ году, въ Италіи, которую онъ особенно любилъ въ своихъ далекихъ мечтаніяхъ,— въ кругу своего семейства, гдѣ онъ нашелъ то душевное счастіе, которое было главнѣйшею потребностію его любящаго сердца. «Сладко проходитъ здѣсь жизнь наша» — писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Неаполя къ своему брату *).

Стихи Баратынскаго отличаются тѣми же качествами, какія составляли особенность его поэтической личности: утонченность наружной отдѣлки всегда скрываетъ въ нихъ сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тѣмъ сколько ни замѣчательно ихъ поэтическое достоинство, однако они еще не вполнѣ выказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, — Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни. Но для другихъ, чтобы понять всю красоту его созданій, надобно прежде вдуматься въ совокупный смыслъ его отдѣльныхъ стихотвореній, вслушаться въ общую гармонію его задумчивой поэзіи.

И. К.

---

*) Т. е. къ свояку своему Н. В. Путятѣ, женатому на сестрѣ супруги Баратынскаго. Письмо это помѣщено въ собраніи его сочиненій, на стр. 457 и 458. *П. Б.*

Записочка Филарета, митрополита Московскаго, къ Московскому почтъ-директору Александру Яковлевичу Булгакову.

†

Съ благодарностію за удовлетвореніе любопытству, возвращаю вашему превосходительству два листа Французскаго журнала.

Кто хотя нѣсколько знаетъ Исторію начала Уніи въ Россіи: тотъ легко увидитъ въ манифестѣ Папы, что непогрѣшительный грѣшитъ противъ истины какъ сказка; и потому и незнающій можетъ догадаться о клеветѣ на современныя событія. Жаль, что Европа охотно довѣряетъ клеветамъ на Россію, такъ какъ потерявшіе добродѣтель охотно вѣрятъ клеветѣ на добрыхъ.

Божіе благословеніе вамъ призываю.
Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Филаретъ м. Московскій.

Окт. 21. 1842.

(Съ собственноручнаго подлинника, сообщено Петромъ Сергѣевичемъ Киселевымъ).

Письмо Василія Степановича Попова къ Николаю Ивановичу Новикову.

Милостивый государь мой
Николай Ивановичъ!

Свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу [1]), для полезнаго въ новопріобрѣтенныхъ провинціяхъ употребленія, нужно свѣдѣніе о всѣхъ родахъ Татарскихъ [2]), въ Россійскомъ дворянствѣ находящихся. Весьма пріятно будетъ его свѣтлости, если вы примете трудъ изчислить сіи роды, упомянувъ тутъ людей заслугами прославившихся и таковое изчисленіе къ его свѣтлости доставите. Я писалъ уже къ вамъ о семъ и теперь повторяю покорнѣйшую просьбу о скорѣйшемъ удовлетвореніи желанію его свѣтлости, будучи увѣренъ, что къ сему дѣлу никто болѣе васъ не можетъ имѣть ни способовъ, ни способностей.

Василій Поповъ.
1 Іюля 1787 года
№ 1522.

(Сообщено Н. Ѳ. Дубровинымъ, нашедшимъ это письмо въ Архивѣ Главнаго Штаба).

---

[1]) Потемкину.
[2]) Новиковъ именно въ этомъ году издалъ Родословную книгу, составленную Миллеромъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛОРЕРА (*).

(СЛУЖБА НА КАВКАЗѢ).

Весною заговорили о новой большой экспедиціи на восточномъ берегу. Говорили, что Раевскій намѣренъ занять еще одно мѣсто на берегу, воздвигнуть тамъ фортъ, потомъ идти въ горы и покорить непокорныхъ Натухайцевъ.

Въ ожиданіи новыхъ трудовъ, я мирно жилъ въ Тамани, а съ наступленіемъ весны предался своимъ любимымъ прогулкамъ по окрестностямъ.

Я, какъ новый Колумбъ, открылъ невдалекѣ отъ Тамани два большіе кургана, насыпанные по преданію Суворовымъ, при покореніи этихъ странъ у Турокъ. Въ верстѣ отъ Фанагоріи обрѣлъ я фонтанъ, выкопанный Турками-же; вода холодная, прозрачная, вкусная, и ею снабжается лазаретъ, посылающій свои бочки ежедневно за живительной влагой. Я часто отдыхалъ въ этомъ мѣстѣ, въ тѣни трехъ старыхъ деревъ, и мечту мою ничто не нарушало въ степи, меня окружавшей.

Войска стали мало по малу собираться къ предстоящей экспедиціи, и въ мирномъ уголкѣ моемъ стали пошевеливаться. Смотритель госпиталя сталъ выдавать чаще чистое бѣлье, повара лучше готовили пищу, медики аккуратнѣе обѣгали палаты свои, и всѣ ждали пріѣзда начальника и желали показать товаръ лицомъ. Мой Иванъ Ивановичъ Ромбергъ все долѣе и долѣе оставался въ своей аптекѣ и даже сталъ опаздывать къ обѣду, что̀ очень огорчало его жену, заботившуюся только о своемъ хозяйствѣ.

Мнѣ хотѣлось узнать, скоро-ли прибудетъ нашъ полкъ, и я однажды отправился къ коменданту въ Тамань, какъ въ мѣсто, гдѣ сосредоточиваются всѣ новости. У пристани я нашелъ много военнаго народа, казацкихъ офицеровъ и самого Дорошенка; а подойдя ближе, увидалъ генерала Завадовскаго, начальника Черноморской линіи. Такъ какъ я былъ съ нимъ знакомъ, то подошелъ къ нему съ вопросомъ, куда онъ отправляется въ такую бурную погоду?—Ѣду въ Керчь, къ Раевскому, отвѣчалъ онъ мнѣ громко и, наклонившись къ уху моему, прибавилъ. *Ему везé.*—О! подумалъ я, и въ этомъ скромномъ уголкѣ земнаго шара есть куртизаны, и Завадовскій, съ опасностію жизни, пускается въ Керчь, чтобъ почтительнѣйше засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе Раевскому, потому только, что *ему везé.*—Завадовскій не былъ дурнымъ человѣкомъ, но не получилъ никакого образованія и былъ далекъ какихъ нибудь новыхъ системъ войны. Онъ велъ ее обыкновенно на старый ладъ, методически, чтобъ отбить стада горцевъ и раздѣлить добычу между своими казачками. Какъ истый Малороссъ, онъ былъ хитеръ и тонокъ и обыкновенно прикидывался простакомъ, приговаривая: „мы люди бидны, мы люди темны.“ Разсказываютъ про него, что когда Государь Николай Павловичъ былъ въ Ставрополѣ, и весь генералитетъ ждалъ его выхода, Завадовскій толкался между этими сановниками и всѣмъ разсказывалъ, что пропала его головушка, ежели Царю взду-

---

(*) См. 1-ю книгу Р. Архива сего года, стр. 361.

мается прокатиться по Черноморью; что дорóгъ, мостовъ и гатей въ ней не чинили и не поддерживали со дня переселенія туда казаковъ, и проч. Вскорѣ Государь вышелъ и, обратившись къ Завадовскому, сказалъ ему: „Ты не сер„дись на меня, ежели въ этотъ разъ я „не могу быть у тебя на линіи“. Тогда Завадовскій закрылъ глаза и съумѣлъ выжать нѣсколько слезинокъ, тронутый такимъ отказомъ обожаемаго Монарха; а едва оставилъ залу, не стѣсняясь, громко радовался этой немилости и крестился, и отмаливался, что отдѣлался отъ опаснаго ревизора.

Наконецъ и для меня насталъ радостный денекъ. Въ одно утро, сидя въ моей крошечной землянкѣ, я услыхалъ знакомые голоса моихъ любезныхъ товарищей и чрезъ нѣсколько секундъ обнималъ уже Нарышкина, Одоевскаго, Назимова, Лихарева и Игельстрома. Всѣ они посланы были на правый флангъ для экспедиціи и только что пришли съ отрядомъ. Разговорамъ, распросамъ не было конца; мы шутили, смѣялись, радовались какъ дѣти. Богъ привелъ товарищей Читы и Петровскаго Завода раздѣлить со мною труды Кавказской войны.

Отдохнувъ немного, мы всѣмъ обществомъ пошли въ Тамань, отыскивать удобныхъ квартиръ; вскорѣ обрѣли, чтò намъ было нужно, искупили посуды, и все пошло своимъ порядкомъ. Въ одно утро выстрѣлъ съ купеческаго корабля на рейдѣ возвѣстилъ о приближеніи къ Тамани важнаго лица, и мы пошли къ берегу. Отъ Керчи шелъ пароходъ и везъ Раевскаго съ его штабомъ, съ женою и большимъ причтомъ шляпокъ. Весь этотъ людъ на лодочкахъ перебрался на берегъ, гдѣ и занялъ отведенныя ему помѣщенія. Жена Раевскаго, урожденная Бороздина пріѣхала изъ Керчи проводить мужа и, само собою разумѣется, раздѣляла съ нимъ дань уваженія и почестей, оказываемыхъ любимому начальнику.

Всю ночь эту провелъ я безъ сна, дѣлая свои приготовленія, снаряжаясь въ экспедицію. На другой день мы выступили на сборный пунктъ, гдѣ собирались въ прошломъ году; но мнѣ было не такъ грустно, потому что многіе товарищи на этотъ разъ были со мною. Также, какъ прошлый годъ, съ флота прислали за нами большое количество лодокъ, и я попалъ съ моимъ взводомъ на корабль Силистрію, къ большому сожалѣнію моему, что не снова къ другу моему Мессеру, на корабль Память Евстафія. Я очутился въ тѣснотѣ и хотя между болѣе или менѣе знакомыми моряками, но все не то, чтò на палубѣ у Мессера.

Войска продолжали разсаживаться, а я вышелъ на палубу. Адмиралъ Лазаревъ ходилъ съ подзорной трубой взадъ и впередъ, по обыкновенной привычкѣ старыхъ моряковъ. Увидавъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ и весьма ласково освѣдомился, зачѣмъ я не у Мессера на кораблѣ, и прибавилъ, что здѣсь квартира Раевскаго, съ цѣлымъ штабомъ, и что мнѣ будетъ и тѣсно, и непокойно. Я прикажу перевезти васъ къ Мессеру, кончилъ онъ, и призвавъ мичмана, передалъ ему приказаніе; гичка была спущена, я мигомъ собралъ свои пожитки, и мы поплыли къ „Памяти Евстафія,“ гдѣ, замѣтивъ, что отъ адмиральскаго корабля спустили гичку, ожидали важнаго посланнаго до тѣхъ поръ, пока не узнали меня и свою ошибку. Также радушно, какъ и въ прошломъ году, былъ я принятъ цѣлымъ экипажемъ, и на другой день мы весело плыли на всѣхъ парусахъ, въ виду береговъ Кавказа. На этотъ разъ Раевскій вносилъ Русское оружіе въ землю Убыховъ, племя самое воинственное, и по всему замѣтно было, что намъ не дешево достанется это святое мѣсто, какъ сами горцы его называютъ.

Рано утромъ съ адмиральскаго корабля выстрѣлъ возвѣстилъ намъ, что пора готовиться къ десанту. Войска на лодкахъ стали высаживаться на берегъ, подъ прикрытіемъ своихъ кораблей, которые, надъ нашими головами, посылали со всѣхъ своихъ бортовъ кучи ядеръ, такъ что только грохотало эхо, и лѣсъ на прибрежьи съ трескомъ валился, какъ скошеная трава. Раевскій также однимъ изъ первыхъ выпрыгнулъ на твердую землю; я былъ недалеко отъ него, хотя съ ружьемъ и незаряженнымъ, по обыкновенію, будучи увѣренъ, что никогда не попаду въ Черкеса.

Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ вслѣдъ за стрѣлками, какъ изъ лѣсу показалась масса конныхъ Убыховъ, тысячъ до трехъ, и съ страшнымъ гикомъ кинулась на насъ съ поднятыми шашками. Мнѣ кажется, что я никогда не забуду страшнаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ этой неожиданной атакой. Два предводителя горцевъ, верхами на бѣлыхъ коняхъ, отважно неслись впереди толпы. Минута была критическая; но генералъ Кошутинъ, командовавшій нашей колонной, не дремалъ. Перекрестившись, въ штыки повелъ онъ батальонъ на встрѣчу отчаяннаго непріятеля; а три конныя легкія орудія, прикрывавшія нашу колонну и находившіяся не подалеку ея съ Раевскимъ, картечью умѣрили пылъ атаки. Я видѣлъ, какъ свита Раевскаго засуетилась, заколебалась; но самъ онъ прехладнокровно курилъ трубку и пускалъ спокойно дымокъ. Навагинцы поддержали смертоносный огонь нашихъ пушекъ штыками и батальнымъ огнемъ, и непріятель былъ отбитъ и преслѣдуемъ моряками. Уходящему или, лучше сказать, бѣгущему непріятелю не удалось совершить спокойно своего отступленія. Навагинцы зашли имъ въ тылъ и приняли въ штыки; рѣзня началась славная, и горцевъ рубили и кололи на пропалую.

У насъ все было кончено. Раевскій сѣлъ верхомъ и поздравилъ колонны съ побѣдой. Но на правомъ нашемъ флангѣ трещала еще страшная пальба и безпокоила меня за Нарышкина, который тамъ находился. Я пошелъ по направленію выстрѣловъ и дорогой встрѣчалъ многихъ раненыхъ. Кого несли, кого вели, кто брелъ, опираясь на ружье. Я вступилъ уже на линію огня, и Черкескія пули стали свистать частенько около меня... Попавшійся мнѣ знакомый офицеръ указалъ мнѣ, гдѣ отыскать Нарышкина, котораго я и нашелъ наконецъ съ Загорѣцкимъ у дерева. Послѣдній заряжалъ ружье Нарышкину, а у Михаила Михаиловича, сдѣлавшаго болѣе 70 выстрѣловъ, усы и все лицо были черны отъ пороху и дыму... Между тѣмъ и на правомъ флангѣ наши преслѣдовали горцевъ, и отдаляющаяся перестрѣлка показала намъ, что дѣлу конецъ. „Слава Богу, что мы всѣ живы и невредимы; пойдемъ въ лагерь,“ сказалъ Нарышкинъ, и мы поплелись во свояси. По дорогѣ встрѣтили мы вѣрнаго повара Нарышкина, который, искренно выразивъ своему барину всю свою радость при видѣ его невредимымъ, объявилъ намъ, что самоваръ готовъ у самаго моря. Вскорѣ мы дошли до мѣста отдохновенія и, разлегшись на коврахъ и подушкахъ, отвели душу душистымъ Русскимъ напиткомъ. Возвращающіеся отряды вступали въ лагерь, и возлѣ насъ образовался кружокъ недавнихъ дѣйствователей. Разсказамъ эпизодовъ боя не было конца. Мы, какъ и всегда, остались побѣдителями; однако недешево стоила намъ эта побѣда. У насъ было много раненыхъ; между прочими изъ моряковъ былъ раненъ въ животъ лейтенантъ Фридрихсъ. Пушкинъ вскорѣ оживилъ нашу бесѣду своими веселыми замѣчаніями и шутками, а недалеко отъ насъ лежали

бѣдные мученики, наши раненые, и доктора суетились возлѣ нихъ.

Человѣкъ дѣлается эгоистомъ на войнѣ.... и плоть человѣческая заглушаетъ въ немъ человѣчныя, мягкія чувства! Многія жертвы, уснувшія сномъ непробуднымъ, лежали покрытыя шинелями и ждали вѣчной могилы своей. Одного солдата, раненнаго пулей въ животъ на вылетъ, два товарища водили подъ руки, а онъ несчастный стоналъ отъ боли.... Докторъ сказалъ мнѣ, что онъ умретъ, какъ скоро рвота начнется; и дѣйствительно смерть быстро охватывала несчастнаго. Онъ сталъ жалобно прощаться съ товарищами и просилъ отдать крестъ и образокъ, бывшіе у него на груди, въ церковь и вскорѣ въ самомъ дѣлѣ скончался.

Почти всѣ раненые жалобно просили пить, и я исполнялъ ихъ желаніе, подавая имъ изъ манерки воду съ уксусомъ. Я не могъ долго вынести этого печальнаго зрѣлища и вскорѣ ушелъ.

Бивакъ нашъ очень красиво расположился на небольшой долинѣ, въ рѣдкомъ вѣковомъ лѣсу. Кругомъ насъ высятся уступами горы, все выше и выше, и вѣнчаются снѣговымъ хребтомъ.

Неугомонные горцы поставили пушки, у насъ съ разбитыхъ судовъ заграбленныя, въ неприступныхъ мѣстахъ, и постоянно стрѣляли по лагерю и палаткамъ, по выбору. Зеленая походная церковь наша служила имъ хорошею мишенью и, предполагая ее шатромъ „паши Раевскаго", они преимущественно осыпали ее снарядами. Но болѣе всѣхъ страдалъ въ этомъ случаѣ бѣдный священникъ съ дьячкомъ, которыхъ палатка была поставлена возлѣ церкви. Всякое непріятельское ядро, не попавши въ храмъ Божій, непремѣнно ложилось возлѣ обиталища скромнаго пастыря, и онъ, съ своимъ прислужникомъ, поднявъ рясы, искалъ спасенія въ болѣе отдаленномъ мѣстѣ. Бывало утромъ, лежа въ своей палаткѣ, мнѣ по одному шествію уходящаго пастыря можно было догадаться, что горцы начали свое бомбардированіе и шальнымъ ядромъ заставили его сняться съ позиціи. Но бывали и въ лагерѣ нашемъ случаи неожиданной быстрой смерти, и незванныя ядра мѣшали солдатикамъ заниматься своими дѣлами въ палаткахъ. Разъ я шелъ къ Нарышкину, какъ вдругъ встрѣчаю его повара, блѣднаго, разстроеннаго, потеряннаго.... „Что съ тобою?" спросилъ я его.—„Помилуйте! Ядро попало въ супъ къ барину", отвѣчалъ онъ мнѣ.—„Ставь новую кострюлю, любезнѣйшій, сказалъ я ему, смѣючись: авось другое не попадетъ!" И такихъ анекдотовъ было множество. Наконецъ стрѣльба эта всѣмъ намъ страшно надоѣла, и Раевскій приказалъ нашимъ огромнаго калибра чугуннымъ пушкамъ заставить молчать горцевъ. Орудія наши гремѣли цѣлый день, разрыли порядочно гору, занимаемую горцами, но не прекратили ихъ огня, и онъ, ослабѣвая, прекратился у нихъ тогда только, когда, кажется, не достало пороху или снарядовъ. Нарышкинъ стоялъ въ одной палаткѣ съ Загорѣцкимъ, а такъ какъ у Одоевскаго былъ собственый шатеръ, то онъ и предложилъ мнѣ поселиться съ нимъ, на что я съ удовольствіемъ, конечно, согласился, любя его искренно и пріобрѣтая въ немъ пріятнаго собесѣдника. Онъ отлично былъ образованъ, зналъ отлично нашъ отечественный языкъ, и послѣ всякаго дѣла Раевскій, диктовавшій всегда самъ реляціи, присылалъ ихъ къ Одоевскому, для просмотра и поправокъ. Отрядная молодежь наша постоянно, какъ эхо, вторила громкой диктовкѣ Раевскаго, раздававшейся по всему лагерю.

Ко всѣмъ пріятностямъ собесѣдничества у Одоевскаго присоединялся отличный поваръ, и мы съ нимъ согласились дать обѣдъ. Для этой цѣли накупили у

маркитанта всего необходимаго вдоволь и составили пригласительный список. Приглашенных набралось до 20 человѣкъ, и въ Ивановъ день, 24 Іюня, въ трехъ соединенныхъ палаткахъ, съ разнокалиберными приборами, занятыми у званныхъ же, всѣ мы собрались. Капитанъ Масловичъ былъ имянинникъ, и мы пили радушно его здоровье и веселились на славу. Послѣ обѣда, Пушкина, знавшаго наизусть всѣ стихи своего брата и отлично читавшаго вообще, мы заставили декламировать, и онъ прочелъ намъ Цыганъ.

Кто-то предложилъ обществу купаться въ морѣ, а потомъ пить жженку, и шумная компанія отправилась погрузиться въ волны Понта Евксинскаго, а я остался распоряжаться жженкой и пуншемъ. Мы вообще препріятно провели этотъ день; но, во время нашего обѣда, дерзкіе горцы, какъ будто нарочно, при первой раскупоренной бутылкѣ шампанскаго, грянули по лагерю изъ своихъ пушекъ. Одоевскій нашелся и, выпивая шипучаго за здоровье Масловича, увѣрялъ, что это въ честь его гремятъ заздравные тосты. Поздно вечеромъ разошлись наши гости.

На другой день горцы, собравшись въ огромныя толпы, атаковали нашъ лагерь. Храбрый Ольшевскій, съ 2 батальонами, первый пошелъ прямо въ гору. Отрядъ порученъ былъ полковнику Данзасу, недавно присланному изъ Петербурга, за участіе въ дуэли А. С. Пушкина, у котораго онъ былъ секундантомъ. Отбитые горцы засѣли въ окружающихъ насъ лѣсахъ и упорно защищались на этотъ разъ: съ 10 часовъ утра до 3 ночи бѣглый огонь не прекращался, и скоро Данзасъ прислалъ просить подкрѣпленія изнемогшимъ отъ усталости людямъ. Назначили двѣ роты Тенгинцевъ, подъ начальствомъ Масловича. Мы отправились на выручку къ товарищамъ. По дорогѣ встрѣтили много раненыхъ, но особенно было жалко видѣть двухъ братьвъ юнкеровъ, раненыхъ страшно въ ротъ и, что странно, одинаковымъ образомъ... Наши стрѣлки смѣнили усталыхъ бойцевъ, не имѣвшихъ времени проглотить куска хлѣба, почти полсутокъ. Къ счастью, къ вечеру горцы мало по малу стали отступать; мы конечно за ними и оттѣснили ихъ въ горы. Поздно вечеромъ мы возвратились въ лагерь, и Данзасъ, лежа безпечно на коврѣ, игралъ въ карты и отпускалъ каламбуры, по прежнему.

Подобной храбрости и хладнокровія, какими обладалъ Данзасъ, мнѣ не случалось встрѣчать въ людяхъ, не смотря на мою долговременную военную службу.... Бывало, съ своей подвязанной рукой, стоитъ онъ на возвышеніи, открытый граду пуль, которыя, какъ шмели, жужжатъ и прыгаютъ возлѣ него, а онъ говоритъ остроты и сыплетъ каламбуры. Ему кто-то замѣтилъ, что напрасно стоять на самомъ опасномъ мѣстѣ, а онъ отвѣчалъ: „Я самъ это вижу, но лѣнь сойти." По мнѣ онъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ хорошій столъ и большую часть времени лежалъ въ постели; всѣ его любили и звали между нами *Maréchal de Soubise*. Вотъ еще одинъ оригинальный поступокъ его. Когда еще онъ былъ поручикомъ въ саперахъ, его откомандировали въ Бендеры, отъ которыхъ онъ недалеко стоялъ съ своимъ батальономъ. Вмѣсто Бендеръ, онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ явился къ генералъ-губернатору князя Голицыну, и на вопросъ, куда онъ ѣдетъ изъ Москвы, Данзасъ отвѣчалъ: „Я ѣду чрезъ Москву въ Бендеры и прошу ваше сіятельство позволить мнѣ ѣхать чрезъ Петербургъ." Конечно князь не согласился и смѣясь совѣтовалъ ему лучше ѣхать чрезъ Москву только, такъ какъ путь этотъ будетъ короче. Во время Персидской войны,

не помню подъ какою крѣпостью, генералъ Паскевичъ пожелалъ узнать ширину рва, и Данзасъ тотчасъ-же принялся исполнять буквально приказаніе начальства. Само собою разумѣется, что на смѣльчака посыпались пули; но напрасно Паскевичъ громко отмѣнялъ свое приказаніе: Данзасъ опустился въ ровъ, медленно шагами измѣрилъ его и принесъ генералу записку съ точнымъ отчетомъ.

Постройка форта скоро будетъ окончена; но покамѣстъ придется терпѣть отъ несноснаго жара. Весь лагерь бѣгаетъ освѣжаться по нѣскольку разъ въ день въ море. Страшныя грозы нимало не утоляютъ палящаго жара. Молнія часто падаетъ въ котловину, въ которой расположенъ нашъ лагерь, и тогда ощущается запахъ фосфора. Часовой, стоявшій въ 20 шагахъ отъ моей палатки, забывъ опустить штыкъ во время грозы, былъ убитъ.

Раевскій прислалъ сказать намъ, что такъ какъ экспедиція кончилась, то мы можемъ ѣхать въ Тамань и Керчь. Заболѣвшій было горячкою, но оправившійся, хотя и слабый, Нарышкинъ и я чрезвычайно обрадовались этому позволенію и спѣшили имъ воспользоваться. Одоевскій, получившій недѣли двѣ тому назадъ горестное извѣстіе о кончинѣ своего отца, совершенно измѣнился и душевно и физически. Не стало слышно его звонкаго смѣха; онъ грустилъ не на шутку, по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ палатки и рѣшительно отказался ѣхать съ нами въ Керчь. Въ день нашего отъѣзда онъ проводилъ насъ на берегъ и на наши просьбы ѣхать съ нами упорствовалъ до послѣдней минуты.—„Je reste ici comme victime expiatoire“ *), были его послѣднія слова на берегу. Чтобъ отсрочить хоть нѣсколько горестную минуту разлуки, Одоевскій сѣлъ съ нами въ лодку и пожелалъ довезти насъ до парохода. Тамъ онъ сдѣлался веселѣе, шутилъ и смѣялся. „Вѣдь еще успѣютъ перевезти твои вещи; ѣдемъ вмѣстѣ,“ уговаривалъ я его.—„Нѣтъ, любезный другъ: я остаюсь!“ Лодка съ Одоевскимъ отвалила отъ парохода, я долго слѣдилъ за его бѣлой фуражкой, мы махали фуражками, и платками, и пароходъ нашъ, пыхтя и шумя колесами, скоро повернулъ за мысъ, и мы разстались съ нашимъ добрымъ, милымъ товарищемъ. Думалъ-ли я, что это было послѣднее съ нимъ свиданіе въ здѣшнемъ мірѣ!

На другой день мы были въ Тамани и наняли съ Нарышкинымъ, въ двухъ верстахъ отъ станицы, хорошенькую и покойную квартирку съ садомъ, у казачьяго офицера. Въ саду много фруктовыхъ деревьевъ, отягченныхъ плодами; онъ весь раздѣленъ на участки и принадлежитъ разнымъ владѣльцамъ, которые и живутъ съ доходовъ отъ плодовъ. У самого окна нашей квартиры стоитъ огромное персиковое дерево, желтое почти отъ плодовъ, его покрывающихъ. Часто, лежа на коврахъ подъ нимъ, намъ стоило открывать только рты, и персики сами валились на насъ. Чтобъ не отнимать доходовъ у бѣднаго владѣльца, мы купили это дерево за 10 руб. ассигн. и тогда уже смѣло пользовались имъ. И мы, и люди наши, и всѣ знакомые Тамани, какъ-то Нейдгартъ, Дорошенко, Ромбергъ и проч. ѣли вдоволь, и дерево казалось неистощимымъ.

Я блаженствовалъ въ этомъ far niente, но Нарышкинъ началъ скучать по своей женѣ, которая жила на Кавказской линіи въ Прочномъ-Окопѣ. Скоро и весь отрядъ вернулся изъ экспедиціи, и товарищи принесли намъ горестное извѣстіе о смерти Одоевскаго, котораго мы такъ недавно оставили. Кавказская лихорадка, чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего прощанія на берегу моря, сразила его....

*) Я остаюсь здѣсь какъ искупительная жертва.

Болѣзнь не уступила всѣмъ стараніямъ медиковъ. Раевскій, съ перваго дня его болѣзни, предложилъ товарищамъ больнаго перенести его въ одну изъ комнатъ въ новоустроенномъ фортѣ, и добрые люди на своихъ рукахъ это сдѣлали. Ему два раза пускали кровь, но надежды къ спасенію не было.—Весь отрядъ и даже солдаты приходили справляться о его положеніи; а когда онъ скончался, то всѣ штабъ и оберъ-офицеры отряда пришли въ полной формѣ отдать ему послѣдній долгъ съ почестями, и даже солдаты нарядились въ мундиры. Говорятъ, что, когда Одоевскій лежалъ уже на столѣ, на лицѣ его вдругъ выступилъ потъ.... Всѣ возъимѣли еще лучъ надежды, но скоро и онъ отлетѣлъ! До могилы его несли офицеры. За новопостроеннымъ фортомъ, у самаго обрыва Чернаго моря, одинокая могила съ большимъ крестомъ; но и этотъ вещественный знакъ памяти недолго стоялъ надъ прахомъ того, кого всѣ любили. Горцы сняли этотъ символъ христіанскій.

И вкругъ твоей могилы неизвѣстной
Всё, чемъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно.
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ её объемлетъ.
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разказамъ волнъ кочующихъ внимая;
А море Черное шумитъ неумолкая!...

Скоро Нарышкинъ уѣхалъ къ женѣ въ Прочный-Окопъ. Я не въ силахъ былъ вынести одиночества и перебрался въ Фанагорію, въ мою лачужку, поближе къ старымъ знакомымъ. Осень наступала быстро, и скука становилась нестерпимою. Въ одно утро, вовсе неожиданно, навѣстилъ меня докторъ Мееръ изъ Керчи и объявилъ, что назначенъ главнымъ докторомъ Восточнаго берега и что онъ ѣдетъ теперь въ Анапу къ Раевскому, который собирается предпринять экспедицію въ горы, къ Шапсугамъ, чтобы наказать ихъ за частые грабежи у нашихъ новыхъ поселенцевъ близь Анапы. Попробую и я сдѣлать этотъ сухопутный походъ: пойду воевать „*à ma manière*“, съ бѣдными горцами, которые и мнѣ ничего не сдѣлали и противъ которыхъ и я ничего не имѣю. Вздумано, сдѣлано! Я нанялъ себѣ казачью повозочку и съ своимъ Антономъ послѣдовалъ за Мееромъ, ѣхавшимъ въ тарантасѣ.

Раннимъ утромъ, безъ конвоя, отправились мы въ путь и скоро достигли казачьяго поста Кубани, которая отдѣляетъ насъ отъ непріязненнаго берега. Тутъ же и переправа на жиденькомъ плоту. Рѣка Кубань такъ быстра при своемъ впаденіи въ море, что плоту необходимо подниматься вверхъ противъ теченія почти съ версту, и тогда пускаться въ перерѣзъ, чтобъ пристать къ противоположному берегу. Мы съ докторомъ счастливо совершили свою переправу, потомъ ѣхали песчаной дорогой еще нѣсколько верстъ, и наконецъ набрели на бѣдную деревушку, почти зарытую въ зыбучемъ песку, съ песчанымъ валомъ и ротою солдатъ для защиты своей. Дѣло подходило къ вечеру, и мы должны были ночевать въ этомъ негостепріимномъ мѣстѣ. Докторъ и еще одинъ штабъ-офицеръ улеглись въ тарантасѣ, а я едва упросилъ хозяйку очистить мнѣ уголокъ своей хаты, загроможденной огромными тыквами, и хоть не на розахъ, а уснулъ: усталость свое возметъ.

Рано утромъ, по барабанному бою, собрались мы у квартиры начальника оказіи. Караванъ нашъ былъ великъ и разнообразенъ. Крестьяне-поселенцы, съ женами, съ дѣтьми, отправляющіеся въ Анапу за покупками, Татары, мирные Черкесы, все это составляло цѣлую толпу, подъ прикрытіемъ 150 рядовыхъ и 30 казаковъ. Мы выступили, соблюдая обычный порядокъ, и подвигались медленно.

На Кавказѣ нельзя никому ни отстать, ни выдвинуться въ сторону, и предосторожности строго соблюдаются. Чуть сломалось что нибудь у кого бы то ни было, весь караванъ останавливается и не прежде двигается, какъ когда все приведено въ порядокъ. Правый флангъ нашего небольшаго подвижнаго отряда упирался въ море, лѣвый шелъ по небольшимъ песчанымъ возвышенностямъ, изъ за которыхъ стали показываться горцы, сначала конные, а потомъ и пѣшіе, и набралось ихъ нѣсколько десятковъ.

Я шутилъ надъ докторомъ Мееромъ, предрекая ему неизбѣжный плѣнъ; но на всякій случай мы намѣревались обратить его экипажъ въ крѣпость и недешево продать свою свободу. Къ большой радости нашей, мы достигли каменной передовой башни, устроенной для сигналовъ. На верхней платформѣ стоитъ постоянно заряженная пушка, и 6 казаковъ зорко слѣдятъ за окрестностью. Незавидное мѣстечко, и не желалъ бы я тутъ жить! Съ высоты башни открылись намъ Турецкій минаретъ и Анапа, цѣль нашего путешествія. Крѣпость Анапа довольно обширна и окружена глубокимъ рвомъ. Ее трудно взять, однако князь Меньшиковъ взялъ ее въ 1828 году. Впрочемъ и графъ Гудовичъ бралъ ее однажды. По крайней мѣрѣ противъ горцевъ и Азіатскихъ народовъ вообще она представляетъ оплотъ совершенно надежный.

Въ Анапѣ я посѣтилъ на досугѣ коменданта Бринкена, который вообще очень жаловалъ всѣхъ насъ, сосланныхъ по дѣлу 1825 года. Раевскаго и отрядъ мы не застали въ крѣпости и на другой день только настигли ихъ въ лагерѣ, верстъ за 6 отъ города. Я съ радостью обнялъ моего ротнаго командира Масловича и поступилъ въ ряды. На другой день отрядъ поднялся въ горы и проходилъ мимо Раевскаго, лежавшаго на буркѣ и здоровавшагося съ людьми. И я, въ боевой аммуниціи, прошелъ на своемъ мѣстѣ и отвѣчалъ Русскимъ: „здравія желаю" на Французкое привѣтствіе Раевскаго ко мнѣ. Мѣста, Шапсугами обитаемыя, мнѣ болѣе понравились, нежели прибрежье Чернаго моря. Тамъ природа громадна, дико-грандіозна; черныя скалы упираются въ вѣчно-бушующее море; вершины горъ подпираютъ облака и покрыты дѣвственными снѣгами: здѣсь небольшія возвышенія, молодой лѣсъ, рощицы и полянки, а кое-гдѣ и воздѣланная земля, копны сѣна. Изрѣдка попадаются, въ зелени садовъ, сакли горцевъ, обмазанныя глиной, выбѣленныя, напоминающія вамъ Малороссію. Но война имѣетъ свои права, и отрядъ нашъ, безъ церемоніи, забиралъ для своего употребленія запасы непріятельскіе, а мирные Черкесы, молча, хотя и угрюмо, посматривали на незваныхъ гостей, какъ дѣлали безотвѣтные Нѣмцы въ 1814 году въ Германіи, при подобномъ же нашествіи союзныхъ полчищъ.

Мы шли густою колонною, съ стрѣлками по бокамъ. Къ вечеру мы пришли на возвышенную плоскость и остановились, чтобъ строить новый фортъ. Такъ какъ на дворѣ былъ Сентябрь мѣсяцъ, то ночью порядочно морозило. Въ отрядѣ свирѣпствовали лихорадки, благодаря арбузамъ и дынямъ, которые раскупались и потреблялись въ огромномъ количествѣ отъ промышленниковъ, подвозившихъ ихъ изъ Анапы. Самъ Раевскій заболѣлъ, но не оставлялъ отряда, не смотря на совѣты доктора Меера, настаивавшаго, чтобъ онъ ѣхалъ въ Анапу.

И Октябрь мѣсяцъ не заставилъ себя долго ждать. Мы зябли и дрожали отъ холода, а *Фортъ Раевскій* (это имя дано ему въ честь строителя) росъ и росъ себѣ понемногу. Какая-то унылость, апатія всѣхъ насъ обуяла, и

мы жаждали хоть-бы перестрѣлки, а то и ея не было. Не слышно въ лагерѣ ни музыки, ни пѣсельниковъ; не видно картежной игры и попоекъ. И только Данзасъ, всегда веселый, иногда васъ разсмѣшитъ.

Недавно онъ намъ разсказывалъ, что сдѣлалъ открытіе въ своемъ батальонѣ, и теперь будто-бы убѣжденъ, что солдаты его умѣютъ говорить каламбуры не хуже какого нибудь салоннаго камеръ-юнкера.—„Я подошелъ, говорилъ онъ, ночью къ огоньку, у котораго усѣлись солдатики, незамѣченнымъ, и вдругъ слышу, какъ одинъ изъ нихъ спрашиваетъ: „Отчего это нашего полковника зовутъ Данзасъ? — Вѣстимо, отвѣчалъ другой, отъ чего: родился онъ на Дону, и приходится съ родни генералу Зассу; ну вотъ и вышло Донъзассъ.“ Солдатикъ-краснобай получилъ цѣлковой отъ виновника этой шутки.

Но какъ всему есть свой конецъ, то и мы дождались обратнаго во-свояси похода. Полковникъ Бринкенъ командовалъ колонною. Едва двинулась голова колонны, какъ Шапсуги начали свое преслѣдованіе, и надоѣдали, и нападали на насъ страшно; но пушечные выстрѣлы ихъ удерживали, и мы, отступая шагъ за шагомъ, наконецъ избавились преслѣдованія. При захожденіи солнца мы уже были въ Анапѣ. Раевскій отпустилъ гвардейцевъ въ Петербургъ; 6-ти мѣсячная экспедиція кончена. На площади собрались и остающіеся, и отъѣзжающіе. Шумъ, суета; друзья и знакомые прощаются, и хлопаютъ бутылки шампанскаго. Молодежь ѣдетъ въ Керчь, а тамъ въ Петербургъ. И я, добывъ себѣ коня, пустился въ Фанагорію, въ мою скромную землянку.

Такъ я кончилъ мою четвертую экспедицію. Неужели это не послѣдняя? Хотя я уже и былъ произведенъ за одну экспедицію въ унтеръ-офицеры, но и за послѣднюю былъ представленъ къ наградѣ на всемилостивѣйшее воззрѣніе. А Богъ знаетъ, каково-то оно будетъ! Я зажилъ прежнею тихою, однообразною жизнію, проводя свое время съ книгою и изрѣдка удѣляя часъ-другой моимъ прежнимъ друзьямъ Ромбергу и старушкѣ Нейдгардтъ, которая съ моимъ возвращеніемъ думала имѣть во мнѣ лишняго защитника противъ горцевъ. Мнѣ не довелось оказать ей подобной услуги, тѣмъ не менѣе очень легко могло осуществиться это предполагаемое нападеніе горцевъ, ибо вотъ что случилось на моей памяти.

Въ саду, гдѣ я жилъ съ Нарышкинымъ и гдѣ мы объѣдались персиками, жила, въ сосѣдствѣ съ нами, вдова казачьяго офицера съ молоденькою дочерью. Я часто видѣлъ ихъ, на парѣ воловъ отправляющихся на хуторъ, имъ принадлежащій и расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ. Возвращеніе ихъ оттуда сопровождалось обыкновенно грузами арбузовъ, дынь, тыквъ, которые попадали къ намъ и продавались на базарѣ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, семейство не возвратилось, и мы всѣ узнали, что ночью горцы напали на хуторъ, сожгли его и взяли въ плѣнъ и старуху, и дочь, и работника. Вскорѣ старуха, не знаю какимъ случаемъ, возвратилась, но одна, безъ дочери; она проводила все свое время, прогуливаясь по саду въ какомъ-то самозабвеніи и голосила страшнымъ образомъ. Черезъ мѣсяцъ, стараніями Черноморцевъ, дочь выкупили или выкрали, и я опять ее видѣлъ въ своемъ саду, веселую, какъ бы ни въ чемъ не бывало; она наивно разсказала мнѣ свое романтическое происшествіе, а мѣсяцевъ черезъ 8 родила, — не хочу грѣшить — горца или Русскаго! Старуха, продавъ почти все свое достояніе для выкупа дочери, не долго пережила это несчастіе и умерла съ горя.

Мрачный Ноябрь мѣсяцъ наступилъ, и я почти безвыходно сижу въ своей лачужкѣ. Однажды утромъ слышу знакомый голосъ, освѣдомляющійся обо мнѣ и чрезъ нѣсколько минутъ обнимаю моего добраго товарища *князя Валерьяна Михайловича Голицына*, который наконецъ получилъ свою отставку и ѣдетъ, счастливецъ, къ матери и къ братьямъ. Какъ истый Москвичъ, послѣ первыхъ дружескихъ объятій, онъ потребовалъ чайку. Я послалъ сказать Ромбергу, что буду у него обѣдать съ товарищемъ, угостилъ покуда пріятеля самоваромъ; а онъ мнѣ успѣлъ передать всѣ затрудненія, которыя ему дѣлали при полученіи отставки. И меня, стало-быть, ждетъ подобная же участь! Заботою Голицына въ настоящее время было какъ бы переправить въ Керчь свою карету. Я взялся похлопотать объ этомъ и, пригласивъ къ себѣ Дорошенку, просилъ его помощи и содѣйствія. Онъ обѣщалъ достать большую шаланду, но требовалъ терпѣнія и согласія князя выждать болѣе благопріятной погоды. Волею и неволею надо было согласиться, но не на долго: ибо на другой же день все было исполнено, и карету до Тамани перевезли на волахъ, а тамъ поставили на большую лодку съ 6-ью человѣками гребцевъ. На берегу я простился съ этимъ милымъ человѣкомъ и весело возвратился къ себѣ въ лачужку, радуясь, что и еще одинъ изъ нашихъ свободенъ и, послѣ 17-ти лѣтъ несчастной ссылки, возвращается на родину.

Въ 1859 году, въ Москвѣ, я навѣщалъ князя Голицына, уже женатаго на княжнѣ Ухтомской, и познакомился съ его дѣтьми, сыномъ и дочерью. Домъ ихъ, какъ и большей части Русскихъ баръ, былъ открытъ и гостепріименъ, и мы часто проводили вечера наши въ воспоминаніяхъ о Кавказѣ. Въ князѣ Валерьянѣ Михайловичѣ много было страннаго, и при всемъ его либерализмѣ, онъ былъ аристократъ до мозга костей, какъ говорятъ Французы; онъ очень часто говаривалъ про домъ Р—ыхъ, „que ce sont des parvenus“ *), и очень часто чванился своимъ гербомъ, помѣщая его всюду, гдѣ можно и не можно: на набалдашникѣ своей трости, на экипажѣ, на ливреѣ, на серебрѣ и на каждой вещи въ домѣ.

Черезъ мѣсяцъ я имѣлъ удовольствіе переправить на родину въ Россію другаго товарища-изгнанника,—*Цебрикова*; но этотъ пріѣхалъ ко мнѣ и возвращался въ отечество на перекладной, съ однимъ желтымъ чемоданомъ и небольшимъ погребцомъ! Цебриковъ не былъ членомъ Общества, случайно очутился на площади и, встрѣтивъ морской экипажъ, шедшій туда, сказалъ будто-бы: „стройтесь въ каре противъ кавалеріи“, хотя онъ утверждалъ передъ Слѣдственной Коммиссіей, что онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: „куда вы, карбонары, идете“, знамени никакого не бралъ и къ Финляндскому полку присоединиться не могъ, потому что полкъ этотъ остановился на Исакіевскомъ мосту и до площади не дошелъ. По слѣдственному дѣлу Цебриковъ отправленъ былъ въ гарнизонъ, въ Оренбургъ, солдатомъ. Вскорѣ изъ Оренбурга его перевели на Кавказъ, и онъ попалъ въ самый разгаръ Турецкой кампаніи, гдѣ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ. Храбрость его была замѣчена, и онъ получилъ Георгіевскій крестъ, бывши рядовымъ солдатомъ; наконецъ былъ онъ произведенъ въ офицеры и теперь только вышелъ въ отставку. Онъ страшно постарѣлъ, и голова его покрылась ранними сѣдинами. Онъ явился ко мнѣ въ форменномъ сюртукѣ и желтыхъ нанковыхъ панталонахъ, свидѣтельствовавшихъ о скудости кар-

*) Что они выскочки.

мана; однако онъ былъ веселъ и много разсказывалъ про прошлое, но безъ желчи. Вотъ одинъ куріозный случай, бывшій съ нимъ.

При самомъ разжалованіи изъ гвардейскихъ поручиковъ, Цебриковъ попалъ въ Оренбургскій гарнизонъ (какъ я уже говорилъ) къ необразованному и неделикатному маіору (какими обыкновенно бываютъ командующіе гарнизонными батальонами), который сталъ съ нимъ обращаться, какъ съ простымъ рядовымъ, и скорѣ поставилъ его на часы у своего дома. Цебриковъ былъ тогда молодъ и хорошъ собою. На бѣду, маіорша была шаловлива; ей приглянулся красавецъ часовой, и она, чрезъ окно, стала обращать на него слишкомъ большое вниманіе, присылала ему сласти, дѣлала глазки, наконецъ кинула записочку и завела съ нимъ, однимъ словомъ, игру опасную. Можетъ-быть, все это дѣлалось изъ одного участія къ положенію несчастнаго разжалованнаго; но во всякомъ случаѣ любезничаніе это не могло понравиться ревнивому маіору. Не знаю, какъ онъ узналъ или догадался о продѣлкахъ своей возлюбленной супруги, однако кончилось тѣмъ, что въ одно утро смѣнили съ часовъ Донъ-Жуана въ солдатской шинели и повлекли на расправу. Разъяренный маіоръ хотѣлъ, подъ эгидою своего служебнаго мѣста, вымѣстить розгами на Цебриковѣ свое супружеское несчастіе; но смѣлый любовникъ тотчасъ обезоружилъ пѣхотнаго Отелло, напомнивъ ему, что онъ государственный преступникъ, и что одинъ Государь можетъ его наказать, а что ежели г. маіоръ считаетъ его виновнымъ въ новомъ какомъ-либо преступленіи, то онъ долженъ донести о томъ по командѣ! Сконфуженный и глупый начальникъ, не желая дѣлать гласнымъ свое домашнее несчастіе, смягчился и запретилъ только впредь ставить Цебрикова къ себѣ на часы. За то бѣднаго стали посылать къ какимъ-то солянымъ магазинамъ за городомъ, и зимою часто доставалось ему чуть-чуть не замерзать, по безпечности или умышленной неисправности ефрейторовъ. Къ счастью, Цебрикова взяли на Кавказъ, гдѣ новое начальство съумѣло найти въ немъ и добрую, честную душу, и блистательную храбрость. И его я скромно проводилъ до Тамани и до пристани! Отчаливая отъ береговъ Кавказа, Цебриковъ стоялъ въ лодкѣ, и я заставилъ его повторить громко слова Наполеона I-го: „Adieu, France!“ „Прощайте берега Кавказа“! Съ напутственнымъ благословеніемъ и крестомъ моимъ поѣхалъ онъ на родину.

Около того же времени, въ одно утро явился ко мнѣ молодой человѣкъ, въ сюртукѣ нашего Тенгинскаго полка, рекомендуя себя поручикомъ *Лермонтовымъ*, переведеннымъ изъ лейбъ-гусарскаго полка. Онъ привезъ мнѣ изъ Петербурга, отъ племянницы моей *Александры Осиповны Смирновой*, письмо и книжку „*Imitation de Jesus Christ*“. Я тогда еще ничего не зналъ про Лермонтова, да и онъ въ то время не печаталъ, кажется, ничего замѣчательнаго, и „*Герой нашего времени*“, какъ и другія его сочиненія, вышли позже. Съ перваго шага нашего знакомства, Лермонтовъ мнѣ не понравился. Я былъ всегда счастливъ тѣмъ, что сталкивался съ людьми симпатичными, теплыми, умѣвшими во всѣхъ фазисахъ своей жизни сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствіе ко всему высокому, прекрасному; а изъ разговора съ Лермонтовымъ онъ показался мнѣ холоднымъ, желчнымъ, раздражительнымъ и ненавистникомъ человѣческаго рода вообще, а я долженъ былъ показаться ему мягкимъ добрякомъ, ежели онъ замѣтилъ мое душевное спокойствіе и забвеніе

всѣхъ золъ, мною претерпѣнныхъ. До сихъ поръ не могу себѣ отдать отчета, почему мнѣ съ нимъ было какъ-то неловко, и мы разстались вѣжливо, но холодно. Онъ ѣхалъ въ штабъ полка явиться къ начальству и весною собирался на воды въ Пятигорскъ. Это второй разъ, что онъ ссылается на Кавказъ; въ первый, за какіе-то вольные стихи, написанные имъ на смерть Пушкина, а теперь, кажется, за дуэль (впрочемъ не состоявшуюся) съ сыномъ Французскаго посла въ Петербургѣ, Барантомъ.

Приближались праздники Рождества Христова. Въ цѣлой православной Россіи, въ особенности же на моей родинѣ въ Малороссіи, праздники эти справляются съ большою торжественностію, и весь людъ, кто имѣетъ малѣйшія средства, послѣ долгаго поста тѣшитъ себя излишествомъ и изысканностію яствъ. Мнѣ приходилось плохо на этотъ разъ, по случаю давней неприсылки денегъ изъ дому, и я готовился встрѣтить праздники съ полтинникомъ къ карманѣ.

Человѣкъ мой, Антонъ, сходилъ въ Тамань и вернулся довольно чистымъ, незамараннымъ. Солнышко весело играло на голубой лазури; стало-быть, и мнѣ можно вылѣзть изъ моей конурки и прогуляться. Только что намѣревался я привести свои планы въ исполненіе, какъ вдругъ, вовсе неожиданно, на порогѣ моей избушки появляется какая-то ветхая старушенка, которой я прежде никогда не видалъ. „Что тебѣ надобно, голубушка?“ сказалъ я ей, надѣвая фуражку.—„Да, пане,“ отвѣчала она мнѣ: „живу не далече, на хуторку, и часто видаю пана, какъ онъ ходитъ и бродитъ, грустный, по нашимъ полямъ. Добрый человѣкъ, подумала я, панъ, и пришла до васъ.... Тамъ за курганами, въ землянкѣ, живетъ офицеръ съ женой и четырьмя дѣтьми.... Завтра великій праздникъ; всѣ добрые люди будутъ разговляться, а имъ хлѣба не на что купить.... Дѣти валяются по полу и просятъ ѣсть, а взять не откуда; помогите имъ, пане!!..“ Малороссійское нарѣчіе старухи меня тронуло, и я подалъ ей свой послѣдній полтинникъ, сказавъ: „Спасибо за то, что указала мнѣ возможность сдѣлать доброе дѣло.... — А какъ мнѣ отыскать это бѣдное семейство?“— „А вотъ за третьимъ курганомъ, самымъ большимъ, отойдя съ версту, увидите копну бурьяну, а тутъ же и землянка ихъ!“—„Сейчасъ иду, добрая старушка,“ отвѣчалъ я и пустился въ розыски. Вышедъ отъ себя, я вспомнилъ, что помощь моя бѣдному семейству не будетъ велика, ежели принесу ему одно соболѣзнованіе безъ вещественнаго, а такъ какъ у меня самого не было ни копѣйки, то я и задумалъ обратиться за деньгами къ первому мнѣ попавшемуся доброму и достаточному человѣку. Благодѣтельному Промыслу угодно было для добраго дѣла послать мнѣ коменданта Дорошенку, который снабдилъ меня 25 рублями, и я полетѣлъ къ несчастному семейству.

Дойдя, по разсказамъ старухи, до большаго кургана, я вдали увидѣлъ копну сѣна или бурьяну и искалъ глазами признака жилища... Хоть бы труба какая-нибудь выказывалась на ровной, безграничной степи! Да какъ быть и трубѣ въ мѣстахъ, гдѣ хлѣбовъ не пекутъ, и не ставятъ горшка щей въ печь... Я бы не отыскалъ пріюта несчастія и нужды, ежели бы не залаяла какая-то жалкая, тощая собаченка. Я пошелъ по направленію этого хриплаго лая и вскорѣ увидѣлъ яму, изъ которой выползъ человѣкъ большаго роста, въ рубахѣ и большихъ сапогахъ, на подобіе тѣхъ, какіе употребляются всѣми Кавказцами въ экспедиціяхъ, и тотчасъ же скрылся. Когда я былъ уже не вдалекѣ отъ

лачужки, то онъ снова показался, но въ старомъ военномъ артиллерійскомъ сюртукѣ, съ медалями на груди.... За нимъ слѣдовали два хорошенькіе, но грязные и почти нагіе мальчика. Я догадался, что это предметъ моей прогулки, но не зналъ, какъ начать съ нимъ разговоръ и не затронуть его самолюбія.

Я спросилъ, что̀ заставило его поселиться въ такомъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ онъ служилъ, давно-ли въ отставкѣ и проч. и услышалъ грустную, но обыкновенную у насъ на Руси повѣсть, которую и передаю здѣсь вкратцѣ. Бѣдный старикъ изъ нижнихъ чиновъ дослужился въ гарнизонной артиллеріи до офицерскаго званія и въ преклонныхъ лѣтахъ вышелъ въ отставку. Продавъ небольшое имущество свое, намѣревался онъ поселиться гдѣ нибудь возлѣ Тамани и доживать свой вѣкъ. Не получая достаточной пенсіи, онъ истратилъ доро̀гою все свое наличное богатство на лѣченіе жены и, прибывъ въ Керчь, уже не имѣлъ средствъ нанять себѣ квартиры; но какъ было лѣто, то и поселился, на первый случай, въ заброшенной и никѣмъ необитаемой землянкѣ, которую кое-какъ поправилъ своими руками, промаялся лѣто и осень, а теперь, съ женою и четырьмя дѣтьми, уже не можетъ выйти изъ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Въ концѣ этого разсказа вышла изъ норы женщина, довольно еще красивая, въ оборванномъ какомъ-то капотѣ, съ ребенкомъ на рукахъ; другой держался за ея одежду. Разсказъ старика, при всей его правдоподобности, показался мнѣ обыкновенною неразчетливостью необразованнаго и неразвитаго человѣка, который неудачами и несчастіемъ доведенъ былъ до нищеты, и я тотчасъ же предложилъ ему принесенные 25 рублей. Онъ взялъ ихъ съ нѣкотораго рода гордостію, а жена его, со слезами на глазахъ, чуть не цѣловала мнѣ рукъ.

Я былъ счастливъ, что принесъ радость и покой на нѣкоторое время добрымъ людямъ и вскорѣ, обласкавъ дѣтей, ушелъ домой. На другой день бѣдная мать приходила ко мнѣ со всѣми ребятишками благодарить еще разъ за помощь, имъ оказанную, а я напоилъ ихъ чаемъ, накормилъ до сыта булками и приказалъ сказать мужу, что надѣюсь помочь бо̀льшимъ чѣмъ-нибудь, при посредствѣ супруги градоначальника Керчи, которая ежегодно постомъ устраиваетъ концерты въ пользу бѣдныхъ и, вѣроятно, не откажетъ мнѣ, на этотъ разъ, удѣлить небольшую сумму и для нихъ. Впослѣдствіи мнѣ въ самомъ дѣлѣ удалось чрезъ любезную Херхеулидзеву доставить этому бѣдному семейству 175 руб., и я унесъ съ собою неизчислимыя благословенія его.

Вскорѣ, поощренному удачею одного добраго дѣла, мнѣ удалось и другое. Я частенько заходилъ къ доброй старушкѣ Нейдгартъ и, не смотря на ея акуратность, чистоту, чопорность, замѣчалъ, что средства ея должны быть очень ограничены. Однажды въ разговорѣ я какъ-то спросилъ ее, какой пенсіонъ получаетъ она по мужѣ? „Никакого, мой любезнѣйшій Николай Ивановичъ! Мужъ мой былъ подъ судомъ и умеръ хотя неоправданнымъ, но невиннымъ, это я знаю; но судъ этого не принимаетъ во вниманіе, и по закону я лишена пенсіона“.—„Но вы мнѣ говорили, почтеннѣйшая Анна Ивановна, что и вы и супругъ вашъ были когда-то знакомы въ Кіевѣ въ домѣ корпуснаго командира Раевскаго?“ — „Да! Мужъ мой командовалъ тогда батареею, а я была молода; но это давно.... Да и къ чему это вамъ вздумалось расшевеливать мое счастливое прошлое?“ —„А потому, милая Анна Ивановна, что я на этомъ

обстоятельствѣ разсчитываю возвращеніе вашего пенсіона. Вотъ въ чемъ дѣло: нынѣшній начальникъ нашъ—сынъ корпуснаго командира, который зналъ и любилъ вашего мужа. Я съ нимъ хорошо знакомъ; хотите, я напишу вамъ письмо къ нему, изображу ваше стѣсненное положеніе, затрону его доброе сердце, прибавлю немного поэзіи, и авось намъ удастся что-нибудь сдѣлать для васъ. Начальникъ штаба Филипсонъ меня любитъ и, готовый всегда на добрыя дѣла, вѣроятно мнѣ не откажетъ и представитъ ваше прошеніе къ командующему войсками. Попытка не шутка, а спросъ не бѣда." Старуха согласилась, я написалъ письмо отъ нея и отъ себя къ Филипсону и отправилъ въ Керчь. Черезъ нѣсколько дней получаю отвѣтъ отъ Филипсона съ извѣщеніемъ, что генералъ Раевскій милостиво принялъ и прочиталъ письмо, дѣйствительно припомнилъ, что въ юности своей видывалъ въ домѣ своего отца полковника Нейдгарта, и велѣлъ представить прошеніе въ Тифлисъ. И я, и старушка радовались такому блистательному обороту дѣла, а старуха начала уже разсчитывать, сколько она можетъ получить.— Мѣсяца черезъ два - три, добрая Анна Ивановна офиціяльной бумагой извѣщена была, что ей велѣно ежегодно выдавать по 300 рублей ассигнаціями изъ Ѳеодоссійскаго казначейства. Счастливая женщина, взявъ меня за голову обѣими руками, со слезами на глазахъ цѣловала, какъ своего благодѣтеля, а вечеромъ употчивала сухарями своего печенія! Впослѣдствіи я докончилъ это доброе дѣло тѣмъ, что, по просьбѣ Анны Ивановны, которой затруднительно было въ самомъ дѣлѣ лично получать свои деньги изъ Ѳеодосіи, перевелъ ассигновку въ Керченское уѣздное казначейство, гдѣ она и довольствовалась ими впредь.

Послѣ праздника Рождества Христова, 28 Декабря, сижу я по обыкновенію, сижу одинешенекъ въ моей хижинѣ. Снѣгъ и дождь однообразно колотятъ въ мои окошечки; Азовское море однообразно и уныло шумитъ, плещется и разбивается у подошвы кручи, на которой лѣпится моя избушка. Уголъ землянки сталъ сыпаться, и дождевая вода неумолимо стала показываться въ моемъ скромномъ жилищѣ, какъ бы для того, чтобъ насильно выгнать меня изъ него. Едва кончилъ я свой утренній чай, какъ входитъ ко мнѣ казакъ, обыкновенно занимавшійся перевозкой почты и казенныхъ пакетовъ въ Керчь и обратно, и подаетъ мнѣ пакетъ. Такъ какъ я часто получалъ письма со всѣхъ концевъ Россіи, то и на сей разъ не слишкомъ торопился распечатывать и читать его, а сначала спросилъ козака, какъ онъ рѣшается въ такую страшную погоду, съ большимъ рискомъ, переправляться въ Керчь или изъ Керчи?—„На этотъ разъ приказано было, ваше благородіе, доставить вамъ непремѣнно это письмо", сказалъ онъ мнѣ, и особенно весело посмотрѣлъ на меня. Не знаю, отъ чего, но у меня крѣпко забилось сердце, и я поспѣшилъ сорвать печать. „Поздравляю васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, съ всемилостивѣйшимъ производствомъ въ прапорщики. Полученъ приказъ!" Вотъ строки, начертанныя дружескою рукою (письмо отъ генеральнаго штаба поручика Зальстета), которыя я прочелъ. И такъ я еще однимъ шагомъ приблизился къ свободѣ!

Послѣ первыхъ минутъ восторга, весьма понятнаго для всякаго, мнѣ сдѣлалось грустно. Воспоминанія роились въ моей головѣ, и я мысленно прослѣдилъ всю свою протекшую жизнь. 36 лѣтъ тому назадъ, этотъ самый чинъ получилъ я въ гвардіи. Тогда для меня онъ былъ высочайшею наградою и осча-

стливилъ меня и возрадовалъ до-нельзя. Теперь онъ падаетъ на меня также, какъ и въ первый разъ, служа мнѣ улучшеніемъ въ моемъ положеніи; но мнѣ уже 55 лѣтъ, и ощущенія уже не тѣ. Тогда была надежда на будущность; теперь сожалѣніе о прошедшемъ! Бѣдный чинъ прапорщика, не тѣмъ встрѣтилъ ты меня, милый товарищъ, чѣмъ оставилъ. Мы разстались, когда я былъ молодъ, полонъ силъ и здоровья, а встрѣтилъ ты меня печальнымъ старикомъ.

Первымъ дѣломъ моимъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ сомозабвенія, было поблагодарить казака за торопливость его доставить мнѣ это пріятное извѣстіе; потомъ я раздѣлилъ свою радость съ Антономъ моимъ и тотчасъ же послалъ увѣдомить объ этомъ важномъ происшествіи друзей моихъ: Ромберга, Нейдгартъ и прочихъ. Послѣдняя, по словамъ моего возвратившагося посланца, какъ услыхала про мое счастіе, бросилась на колѣни предъ образами своими и принесла Всевышнему Подателю всѣхъ благъ теплыя благодаренія.

Вскорѣ радостная вѣсть обѣжала всю Фанагорію и Тамань, и всѣ мои знакомые прибѣгали поздравить меня, обнимали, цѣловали, и я такъ усталъ, что долженъ былъ лечь въ кровать. И такъ, послѣ 12 лѣтней каторги, 5 лѣтняго поселенія въ Сибири и 6 лѣтней службы рядовымъ на Кавказѣ, наконецъ-то выползъ я изъ этой бездны! Богъ поможетъ, и можетъ быть я буду наконецъ наслаждаться свободой, за которую пострадалъ, которую люблю и которой такъ мало пользовался.

На другой день я ничѣмъ больше не могъ возблагодарить моихъ Таманскихъ и Фанагорійскихъ пріятелей за постоянно мнѣ оказываемое въ продолженіи многихъ лѣтъ истинное вниманіе, какъ пригласить ихъ на вечеръ. На счетъ будущихъ благъ, я запасся всѣмъ необходимымъ для пріема на холостой дружескій вечеръ, освѣтилъ свою келью и въ 6 часовъ принималъ своихъ дорогихъ гостей: Дорошенку, Ромберга, госпитальныхъ медиковъ, смотрителя, коммисара и проч. Хотя было очень тѣсно, но за то было очень весело, и друзья пили единодушно за здоровье новаго прапорщика Русской арміи.

Меня тянуло въ Керчь. Къ счастью, пришелъ тендеръ *Часовой* и отвезъ меня къ Крымскимъ берегамъ. Не стану описывать, какъ обрадовались мнѣ въ семействѣ добраго Херхеулидзева. Счастіе мое было бы полнѣе, ежелибъ монаршее благоволеніе осѣнило и еще кого-нибудь изъ моихъ Сибирскихъ товарищей. Но благодатный солнечный лучъ озарилъ меня одного, и мнѣ чего-то не доставало до полнаго блаженства. Человѣкъ такъ уже устроенъ, что счастіе его неполно, если онъ не раздѣлитъ его съ кѣмъ-нибудь близкимъ.... А гдѣ они близкіе?... И чувство счастія смѣняется грустью... Меня утѣшали тѣмъ, что царскія милости выдутъ и другимъ, но въ позднѣйшихъ приказахъ. Дай-то Богъ!

Въ Керчи я сшилъ себѣ сюртукъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка и когда посмотрѣлся въ зеркало, то нашелъ себя очень смѣшнымъ! Солдатская шинель мнѣ какъ-то была болѣе къ лицу. На другой день я ходилъ являться и благодарить Раевскаго, который меня очень ласково принялъ и оставилъ у себя обѣдать, не боясь уже быть скомпрометированнымъ.

Такъ кончился длинный періодъ моихъ разнообразныхъ страданій... Были минуты славныя, было много поэзіи, но было больше горя, тревогъ, лишеній, и часто, очень часто душа изнемогала. Покровительство Всеблагаго Провидѣнія поддержало меня, и я благодарю Господа Бога моего!

Почти всю зиму провелъ я въ Керчи, въ домѣ у Херхеулидзевыхъ; весною ѣздилъ я въ Тамань навѣщать моихъ тамошнихъ друзей и пріятелей, а въ Маѣ испросилъ себѣ увольненіе на Кавказскія, минеральныя воды, для излеченія недуговъ.

Дорогой въ Пятигорскъ я заѣзжалъ въ село Ивановское, въ штабъ полка, потомъ, чрезъ Екатеринодаръ, проѣхалъ къ друзьямъ Нарышкинымъ, въ Прочный-Окопъ и провелъ у нихъ нѣсколько счастливыхъ часовъ.

Нарышкины обзавелись своимъ домикомъ, и я засталъ друзей своихъ здоровыми и счастливыми. Елизавета Петровна грустить иногда о томъ, что часто должна разлучаться съ мужемъ, который не пропускаетъ ни одной экспедиціи и былъ на восточномъ берегу и съ Зассомъ въ горахъ. Въ одной изъ послѣднихъ экспедицій онъ чуть не утонулъ въ Кубани, переправляясь верхомъ. Лошадь его, сбитая быстрыми волнами, едва-едва успѣла его вынести на берегъ. Въ дѣлѣ Зассъ былъ раненъ пулею, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Нарышкина. Само собою разумѣется, что подобныя опасности, которыми бываетъ окруженъ всякій на Кавказѣ, не могли внушить спокойствія любящей его женѣ.....

Генералъ Зассъ, командовавшій правымъ флангомъ нашей линіи, былъ въ то время грозой горцевъ, и такъ какъ онъ жилъ въ крѣпости Прочно-окопской, въ трехъ верстахъ отъ станицы, то и Нарышкины и я часто съ нимъ видѣлись. Съ перваго моего знакомства съ Зассомъ, меня поразила его рыцарская физіономія. Онъ высокъ ростомъ, имѣетъ свѣтлоголубые глаза и огромные висячіе усы. Въ домѣ его постоянно преобладаетъ какая-то таинственность, и я часто мысленно воображалъ себя въ какомъ-нибудь Ливонскомъ замкѣ, въ сообществѣ Тевтонскаго рыцаря XV-го вѣка. Часто случалось, что при гостяхъ его таинственно вызываютъ, шепчутъ ему на ухо.... Бывало, адъютантъ молча войдетъ къ комнату, наклонится къ Зассу, отрывисто произнесетъ какое нибудь слово и исчезнетъ, на краткое киваніе головой таинственнаго начальника. Въ его комнатахъ постоянно и во всѣхъ углахъ встрѣчаешь людей, съ загадочными лицами.... Можетъ быть, во всемъ этомъ и крылось что нибудь въ самомъ дѣлѣ важное, а можетъ-быть Зассъ нарочно окружалъ себя тайной, чтобъ сохранить къ себѣ поболѣе уваженія и страха,—два чувства, сильно дѣйствующія на толпу.

Однажды мы были у генерала, и онъ былъ какъ-то особенно съ нами любезенъ, но вдругъ исчезъ. Прождавъ его довольно долго, мы освѣдомились о хозяинѣ и узнали, что онъ ушелъ за Кубань, узнавши, что горцы въ сборѣ. Въ разговорѣ съ Зассомъ я замѣтилъ ему, что мнѣ не нравится его система войны, и онъ мнѣ тогда-же отвѣчалъ: „Россія хочетъ покорить Кавказъ, во что бы то ни стало. Съ народами, нашими непріятелями, чѣмъ взять, какъ не страхомъ и грозой?... Тутъ не годится филантропія, и А. П. Ермоловъ, вѣшая безпощадно, грабя и сожигая аулы, только этимъ и успѣвалъ болѣе нашего. Еще до сихъ поръ имя его съ трепетомъ произносится въ горахъ, и имъ пугаютъ маленькихъ дѣтей“.

Въ поддержаніе проповѣдуемой Зассомъ идеи страха, на нарочно насыпанномъ курганѣ у Прочнаго-Окопа, при Зассѣ, постоянно на пикахъ торчали Черкесскія головы, и бороды ихъ развѣвались по вѣтру! Грустно было смотрѣть на это отвратительное зрѣлище. Разъ Зассъ пригласилъ къ себѣ Нарышкину, и она согласилась съ условіемъ, что непріятельскія головы будутъ

сняты. Зассъ исполнилъ ея желаніе, и мы всѣ были у него въ гостяхъ. Войдя однажды въ кабинетъ генерала, я былъ пораженъ какимъ-то нестерпимымъ, отвратительнымъ запахомъ, а Зассъ, смѣючись, вывелъ насъ изъ недоразумѣнія, сказавъ, что люди его вѣроятно поставили подъ кровать ящикъ съ головами и, въ самомъ дѣлѣ, вытащилъ предъ нами огромный сундукъ съ нѣсколькими головами, которыя страшно смотрѣли на насъ своими стеклянными глазами. — „Зачѣмъ онѣ здѣсь у васъ?", возразилъ я.—„Я ихъ вывариваю, очищаю и разсылаю по разнымъ анатомическимъ кабинетамъ и друзьямъ моимъ, профессорамъ въ Берлинъ". Мнѣ показался страннымъ генералъ Звсс, и я невольно сравнилъ его съ Анапскимъ комендантомъ Ротомъ, который придерживается совершенно противной системы: старается привязать къ себѣ горцевъ ласковымъ, человѣческимъ обращеніемъ и соблазняетъ ихъ выгодами и барышами торговли, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ указать дикарямъ выгоду сближенія съ болѣе образованнымъ народомъ—Русскими. М. С. Воронцовъ, вполнѣ Европейскій человѣкъ и даже Англоманъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ придерживался, въ свое управленіе Кавказскимъ краемъ, той-же системы. Въ то время, по крайней мѣрѣ, Зассъ не достигъ своей цѣли, и горцы такъ его ненавидѣли, или лучше сказать боялись, что присылали депутатовъ къ Роту съ наивною просьбой помочь имъ пушками и казаками и идти вмѣстѣ съ нимъ противъ Засса....

Про Засса разсказываютъ много анекдотовъ, изъ коихъ половина конечно выдумки; но во всѣхъ въ нихъ проглядываетъ какое-то таинственное и необъяснимое нравственное вліяніе, котораго и добивался Зассъ. Онъ разными шарлатанствами успѣлъ увѣрить дикихъ сыновъ Кавказа, что самъ знается съ шайтаномъ и можетъ узнавать ихъ сокровеннѣйшія мысли. Часто дурачилъ онъ у себя въ Прочномъ-Окопѣ грубыхъ горцевъ съ помощью новѣйшихъ открытій науки и не пренебрегалъ ни электрическою машиною, ни вольтовымъ столбомъ, ни духовымъ пистолетомъ, ни галванизмомъ. Вотъ еще одна шутка его, которая могла стоить жизни человѣку, съ которымъ была съиграна. У него проживалъ въ домѣ старинный другъ его, маіоръ въ отставкѣ, Курляндецъ по рожденію, М. Однажды маіору надоѣла вѣчная суета и тревога въ домѣ и на дворѣ друга, постоянные пріѣзды лазутчиковъ, гонцевъ, князей и всего военнаго казачьяго сброда. Вѣчное движеніе, шумъ, гамъ гончихъ и борзыхъ сборъ, и вся суета эта, рѣшили наконецъ маіора удалиться въ Ставрополь и разстаться съ своимъ другомъ. Приближались святки, и маіоръ получилъ приглашеніе отъ Засса пріѣхать къ нему погостить и отпраздновать Мартына Лютера жаренымъ гусемъ съ яблоками и черносливомъ. Маіоръ мигомъ собрался и пустился въ Прочный-Окопъ. Не доѣзжая до станицы, на экипажъ мирнаго, стараго маіора нападаетъ партія Черкесъ; завязываютъ ему глаза и ротъ, берутъ въ плѣнъ и связаннаго мчатъ въ горы. Плѣнникъ, окруженный толпою горцевъ, громко говорящихъ на своемъ варварскомъ нарѣчіи, предался горькому жребію и былъ ни живъ, ни мертвъ. Наконецъ, онъ чувствуетъ, что его вводятъ въ домъ, чувствуетъ, что находится подлѣ огня, который его нѣсколько согрѣваетъ..... а шумъ и споръ между похитителями продолжаются. Вѣроятно, думаетъ старикъ, они дѣлятъ меня и спорятъ о правѣ владѣть мною. Но вдругъ снимаютъ съ него повязку, и удивленному, пораженному маіору представляется ка-

бинетъ Засса и самъ, довольный, смѣющійся генералъ и много казаковъ, совершенно схожихъ съ непріятелями, которыхъ одежду и вооруженіе издавна, какъ извѣстно, они себѣ усвоили. Маіоръ разсердился за злую шутку, плевался, бранился самыми отборными словами и едва было не разсорился со своимъ другомъ, который только и умилостивилъ разгнѣваннаго потомка Ливонскихъ рыцарей увѣреніемъ, что ежелибъ, чего Боже сохрани, подобная бѣда разразилась надъ маіоромъ въ самомъ дѣлѣ, то дружба заставила бы непремѣнно освободить его изъ плѣна. Вкусно приготовленный гусь помирилъ друзей, Однако маіоръ прохваралъ съ недѣлю, отъ душевной-ли тревоги или отъ несваренія желудка,—неизвѣстно.

Черезъ недѣлю собрался я въ Пятигорскъ на воды, чтобъ укрѣпить хотя нѣсколько разстроенное здоровье мое, послѣ ряда трудныхъ экспедицій и житья въ сырой землянкѣ. Товарищъ мой, Михаилъ Александровичъ Назимовъ, мнѣ сопутствовалъ, и мы въ двухъ повозкахъ отправились.

Назимовъ служилъ въ гвардейскомъ конно-піонерномъ эскадронѣ, котораго шефомъ былъ великій князь Николай Павловичъ. Великій князь зналъ его всегда за отличнаго офицера и очень уважалъ и любилъ. Когда дѣло наше было открыто, Назимовъ былъ взятъ и приведенъ въ кабинетъ къ Императору, который сталъ конечно упрекать его за участіе въ заговорѣ. Назимовъ отвѣчалъ рѣзко, что конечно не могло понравиться Государю. Назимова судили какъ прочихъ и сослали на поселеніе въ Сибирь. Немного людей встрѣчалъ я съ такими качествами, талантами и прекраснымъ сердцемъ, всегда готовымъ къ добру, какимъ былъ Михаилъ Александровичъ. Онъ дѣлалъ добро на дѣлѣ, а не на словахъ и былъ въ полномъ смыслѣ филантропомъ, готовымъ ежеминутно жертвовать собою для другихъ. Всѣ деньги, которыя присылались ему изъ дому, онъ раздавалъ нуждающему товарищу и неимущимъ. Прибавьте къ этому, что онъ обладалъ многостороннимъ образованіемъ, читалъ много съ пользою и постоянно встрѣчалъ васъ съ привѣтливою улыбкой, которая очаровывала съ перваго же раза; а черные блестящіе глаза такъ и говорили: не нуженъ-ли я, не могу-ли быть тебѣ полезнымъ? Наши судьи сослали Назимова въ такую глушь, что фельдъегерь, везшій его туда, чуть было не потерялся. Принуждены были воротиться въ Иркутскъ, и тогда только Назимова поселили въ Витимѣ, въ мѣстѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ живутъ люди. Спустя нѣкоторое время, онъ опять переведенъ былъ въ Курганъ, гдѣ мы жили съ нимъ вмѣстѣ пять лѣтъ и были отправлены солдатами на Кавказъ. Въ настоящую минуту Назимовъ въ отставкѣ, женатъ и счастливо живетъ добродѣтельнымъ философомъ въ своей деревушкѣ. Какъ отрадно было бы мнѣ пожать еще однажды въ этой жизни руку твою, благородный товарищъ!

Безъ приключеній прибыли мы въ Ставрополь, и я остановился на квартирѣ у молодаго Вревскаго (впослѣдствіи генерала, убитаго въ сраженіи при Черной, въ Крыму, подлѣ корпуснаго командира Реада). Въ Ставрополѣ я нашелъ моего стараго пріятеля и однополчанина Хомутова, котораго и поспѣшилъ навѣстить. Онъ занимался въ своемъ саду, и я послалъ о себѣ доложить ему. Мнѣ всегда было странно и какъ-то неловко встрѣчаться съ старыми товарищами молодости, ушедшими далеко по службѣ. Помнишь, бывало, всѣ продѣлки юности, шалости, безцеремонное

обращеніе, и вдругъ видишь заслуженнаго человѣка, какое-нибудь превосходительство! Хорошо еще, что многіе изъ нихъ остались, съ своими заслугами, тѣми-же добрыми людьми, какими были въ молодости. Но покуда въ этомъ увѣришься (говорю я), мнѣ всегда было какъ-то неловко. Я сомнѣвался и въ Хомутовѣ; но добрѣйшій Иванъ Петровичъ встрѣтилъ меня по старому, бросился обнимать, и я радовался, что нашелъ въ немъ прежняго штабсъ-капитана. Онъ былъ чрезвычайно предупредителенъ, оставилъ меня у себя обѣдать, и мы весело провели время въ сладкихъ воспоминаніяхъ. За обѣдомъ, съ бокалами шампанскаго, мы оба пожалѣли о своей прошедшей молодости и пожелали другъ другу возможнаго для каждаго изъ насъ, различнаго счастія, при стихахъ Пушкина, которые продекламировалъ Хомутовъ:

Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши? Мальчикъ, лей!
Теперь не кстати воздержанье.
Какъ дикій Скиѳъ хочу я пить
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

Мы сговорились свидѣться въ Пятигорскѣ и разстались. Входя въ ворота гостинницы вѣчнаго Найтаки, я увидѣлъ нѣсколько дорожныхъ экипажей и тутъ же встрѣтилъ гвардейскаго гусарскаго молодаго офицера. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда, распросивъ о проѣзжающихъ, я узналъ, что это семейство генерала Арнольди, отправляющееся на Кавказскія минеральныя воды. Молодой человѣкъ былъ сыномъ славнаго генерала Арнольди, женатаго (во второмъ бракѣ) на моей родной сестрѣ, и приходился мнѣ племянникомъ. Я тотчасъ же направился къ нему и назвалъ себя; мы обнялись и тутъ, можно сказать, познакомились, ибо я оставилъ его осьмилѣтнимъ мальчикомъ, при моей ссылкѣ въ 1826 году.

Не стану описывать радости моей при свиданіи съ первыми родными, съ которыми я сошелся послѣ долгой моей ссылки и изгнанія: каждый пойметъ мои чувства! Иванъ Карловичъ Арнольди, изъ Курляндскихъ дворянъ, выходцевъ Итальянскихъ, получилъ воспитаніе во 2-мъ Шляхетномъ Корпусѣ, при извѣстномъ Мелиссино, произведенъ въ офицеры въ 1799 году въ артиллерію. Изъ 74 учениковъ, представленныхъ на экзаменѣ императору Павлу, четверо юношей, и въ томъ числѣ два брата Арнольди, получили первый офицерскій чинъ. Своими познаніями, ловкостью, исполнительностью, молодой человѣкъ съумѣлъ отличиться и былъ взятъ, вскорѣ по выпускѣ, въ адъютанты къ тогдашнему инспектору всей артиллеріи, г. Богданову, и впослѣдствіи былъ постоянно отличаемъ нашими артиллерійскими знаменитостями: Меллеромъ-Закомельскимъ и графомъ Кутайсовымъ, у котораго Арнольди сдѣлался вмѣстѣ адъютантомъ и другомъ, и состоялъ въ этой должности до 1811 года, то есть, до принятія конной батареи № 13-го, которой начальникомъ онъ былъ назначенъ, состоя въ арміи Чичагова, въ Турціи и находясь въ авангардѣ Чаплица, при соединеніи этой арміи къ войскамъ, тѣснившимъ Наполеона. Иванъ Карловичъ, подъ Березиной, въ первый разъ вступилъ въ бой съ Наполеономъ. На долю его выпало счастье трое сутокъ простоять противъ пробивающагося Наполеона и не уступить ни пяди земли. Батарея Арнольди въ нѣсколько часовъ была уничтожена отчаяннымъ непріятелемъ. А. П. Ермоловъ, сдѣланный въ то время начальникомъ штаба и бывшій другомъ Арнольди, уговаривалъ его отойти съ остатками батареи, для исправленія, въ арьергадъ; но пылкій капитанъ потре-

бовалъ подкрѣпленія орудіями чужихъ батарей и, укомплектовавшись гусарами, продолжалъ стойко держаться трое сутокъ. Постепенно 6 батарей нашихъ было уничтожено непріятелемъ на этомъ мѣстѣ, и 3 лошади убиты подъ самимъ молодымъ и храбрымъ начальникомъ; но онъ достойно исполнилъ свою обязанность! До самаго Нѣмана, при преслѣдованіи, 28 лѣтнему капитану пришлось сидѣть, какъ говорится, на пятахъ бѣгущаго непріятеля. За границей, Арнольди состоялъ во многихъ отрядахъ и, какъ отличнѣйшій, попалъ наконецъ къ принцу Шведскому Бернадоту. Денневицкая сумасшедшая выходка молодаго артиллериста передана военною исторіей, какъ примѣръ отваги и находчивости начальника и твердой вѣры подчиненныхъ въ команду любимаго вождя: Арнольди, въ глазахъ принца и огромной блестящей свиты его, съ прислугой конно - артиллерійской своей батареи, съумѣлъ вырвать 2 непріятельскія пушши изъ рядовъ 3 колоннъ Французскихъ гренадеровъ и получилъ за это дѣло три ордена отъ трехъ монарховъ: Св. Георгія, „Pour le mérite" и Шведскій „за достоинство" украсили грудь молодого героя. Принцъ Бернадотъ снималъ обыкновенно свою шляпу, въ знакъ особеннаго уваженія въ 13-й батареѣ. Подъ Лейпцигомъ, въ этой бойнѣ народовъ, у Арнольди оторвало лѣвую ногу, и Государь присылалъ ему своего доктора Вилье. Онъ лечился въ Таухѣ. Раною этою онъ лишенъ былъ счастія командовать своею батареею и съ нею участвовать во всѣхъ славныхъ дѣлахъ 13 и 14 годовъ, до взятія Парижа, гдѣ на высотахъ Монмартра она еще гремѣла. По выздоровленіи, Арнольди, произведенный въ полковники, снова привелъ свою батарею въ Россію и былъ назначенъ начальникомъ гвардейской конной артиллеріи. Государь Александръ Павловичъ благоволилъ во всю свою жизнь къ лихому артиллеристу и много давалъ ему важныхъ порученій по артиллерійскимъ дѣламъ. Въ 1825 году Арнольди случилось лично представлять своему императору отчетъ по слѣдствію надъ Луганскимъ линейнымъ заводомъ и вскорѣ потомъ командовать погребальнымъ кортежемъ боготворимаго государя! Со смертью императора, генералъ Арнольди много потерялъ. Наушники, ласкатели, куртизаны, окружили новаго царя, а старые, прямые, честные слуги, особенно такіе, которые владѣли столько безпощаднымъ языкомъ, какъ Арнольди, потеряли всю цѣну. Арнольди состоялъ долго при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, тогдашнемъ генералъ-фельдцейхмейстерѣ. Онъ выпросился въ Турецкую кампанію, гдѣ былъ сдѣланъ начальникомъ артиллеріи, вмѣсто г. Левенштерна, и отличился особенною находчивостью въ единственномъ полевомъ сраженіи этой войны, подъ Кулевчей; а въ 30 годахъ былъ назначенъ начальникомъ конно-артиллерійскаго резерва, который самъ формировалъ. Наконецъ, въ 1842 году, онъ былъ сдѣланъ начальникомъ всей нашей конной артиллереи, при инспекторѣ резервной кавалеріи графѣ Никитинѣ, и жилъ въ Кременчугѣ, уважаемый подчиненными и нелюбимый старшими начальниками и вообще бездарностью. Въ 1852 году, по разстроенному здоровью, послѣ 50 лѣтняго служенія на конно-артиллерійскомъ сѣдлѣ, 180-ми сраженій и стычекъ, маститый старецъ назначенъ былъ сенаторомъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ въ 1861 году. Арнольди былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, сознавая свое превосходство надъ другими, во всю свою жизнь не могутъ никому подчиниться. Языкъ его былъ рѣзокъ; онъ ставилъ правду выше всего и удачно уничтожалъ мелкое ничтожество.

Я былъ очень радъ встрѣтиться на Кавказѣ съ моимъ племянникомъ Александромъ Арнольди, служившимъ тогда въ гвардейскихъ гусарахъ и провожавшимъ въ ту пору родныхъ своихъ на минеральныя воды.

Какъ и отецъ, правдивый, прямой, пылкій, племянникъ мой не даромъ носилъ прозвище рыцаря. Охотникъ до всего изящнаго, онъ привезъ съ собою живописца Шведе, чтобы перенести на полотно красоты Кавказа, столь роскошнаго и богатаго красотами природы.

Пробывъ съ родными сутки, я уѣхалъ въ Пятигорскъ, куда и семейство Арнольди должно было вскорѣ за мной послѣдовать.

На половинѣ дорогѣ отъ Ставрополя къ Георгіевску, отъ котораго Пятигорскъ лежитъ въ 110 верстахъ въ сторону, на горизонтѣ высится Кавказскій хребетъ съ ясно-очертаннымъ Эльборусомъ. Исполинскія, вѣчноувѣнчанныя снѣгомъ горы эти, среди знойныхъ долинъ, поразили меня. При захожденіи солнца я пріѣхалъ въ Пятигорскъ. За нѣсколько верстъ отъ городка вы чувствуете, что приближаетесь къ водамъ, потому что воздухъ пропитанъ сѣрой.

Первою заботою моею было найти себѣ помѣщеніе поуютнѣе и подешевле, и я вскорѣ нашелъ себѣ квартиру по вкусу въ такъ называемой Солдатской Слободкѣ, у отставнаго унтеръ-офицера, за 50 рублей на весь курсъ. Квартира моя состояла изъ двухъ чистенькихъ горенекъ и нравилась мнѣ въ особенности тѣмъ, что стояла у подошвы обрыва, а окнами выходила на обширную зеленую равнину, замыкавшуюся Эльборусомъ, который, при захожденіи солнца, покрывается обыкновенно розовымъ блескомъ. Устроившись немного, я началъ пріискивать себѣ доктора, чтобы, посовѣтовавшись съ нимъ, начать пить какія-нибудь воды. По рекомендаціи моего товарища, вскорѣ явился ко мнѣ молодой человѣкъ, докторъ, по имени Барклай де Толли. Я тогда же сказалъ моему эскулапу: „Если вы такой же искусникъ воскрешать человѣчество, какимъ былъ вашъ однофамилецъ уничтожать его, то я поздравляю васъ и напередъ твердо увѣренъ, что вылечусь“. Къ сожалѣнію, мой докторъ не оправдалъ себя впослѣдствіи и, вѣроятно, не понявъ моей болѣзни, какъ бы ощупью безпрестанно заставлялъ меня пробовать разныя воды. Наконецъ опыты эти мнѣ надоѣли, и я съ нимъ простился.

На третій день моего пребыванія въ Пятигорскѣ, я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Ко мнѣ приходили Александръ Арнольди и артистъ Шведе любоваться видомъ и изъ моихъ оконъ положили его на полотно. Шведе, впослѣдствіи, снялъ съ меня портретъ масляными красками.

Мнѣ сказали, что полковникъ Фрейтагъ, командиръ Куринскаго полка, жестоко раненный въ шею, привезенъ изъ экспедиціи и желаетъ со мною видѣться. Я поспѣшилъ исполнить его желаніе, и онъ объявилъ мнѣ печальную вѣсть о томъ, что товарищъ мой по Сибири, Лихаревъ, убитъ въ послѣднемъ дѣлѣ. Послѣ него остались нѣкоторыя бумаги, на разныхъ языкахъ, и портретъ красивой женщины, превосходной работы, который Фрейтагъ, зная мою дружбу съ покойнымъ, хотѣлъ мнѣ передать. Я узналъ портретъ жены его, рисованный Изабе въ Парижѣ. Я посовѣтовалъ полковнику отправить всѣ эти драгоцѣнности къ роднымъ покойнаго и далъ адресъ. Лихаревъ былъ выпущенъ изъ школы колоновожатыхъ, основанной Муравьевымъ, въ генеральный штабъ и, при арестованіи его, какъ члена общества, состоялъ при графѣ Виттѣ. Онъ отлично зналъ четыре языка, говорилъ и писалъ на нихъ одинаково свободно.

Доброта души его была несравненна. Онъ всегда готовъ былъ не только дѣлиться, но отдавать свое послѣднее. Къ сожалѣнію, онъ страстно любилъ карточную игру и вообще разсѣянную жизнь. Въ послѣднемъ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ убитъ, онъ былъ въ стрѣлкахъ съ Лермонтовымъ, тогда высланнымъ изъ гвардіи. Сраженіе приходило къ концу; оба пріятеля шли рука объ руку, и часто, въ жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля мѣтка, и винтовка рѣдко даетъ промахи. Въ одну изъ такихъ остановокъ, вражеская пуля поразила Лихарева въ спину на вылетъ, и онъ упалъ навзничь; ожесточенная толпа горцевъ изрубила трупъ такъ скоро, что солдаты не поспѣли на выручку останковъ товарища-солдата! Гдѣ кости Сибирскаго товарища моего? Подобною смертью погибъ безслѣдно и Александръ Бестужевъ.

Я очень былъ радъ познакомиться съ храбрымъ, славнымъ Фрейтагомъ, и мы, въ частыхъ бесѣдахъ нашихъ, вспоминали про бѣднаго Лихарева. Фрейтагъ послѣ этого не долго оставался на Кавказѣ; вскорѣ выздоровѣвъ, онъ произведенъ былъ въ генералы и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ къ Паскевичу въ Варшаву.

Кто не знаетъ Пятигорска изъ разсказовъ, описаній и проч.? Я не берусь его описывать и чувствую, что перо мое слабо для воспроизведенія всѣхъ красотъ природы. Скажу только, что въ то время съѣзды на Кавказскія воды были многочисленны, со всѣхъ концевъ Россіи. Кого, бывало, не встрѣтишь на водахъ? „Какая смѣсь племенъ, одеждъ и состояній!“ Со всѣхъ концевъ Россіи собираются больные къ источникамъ, въ надеждѣ, и большею частью справедливой, исцѣленія. Тутъ же толпятся и здоровые, пріѣхавшіе развлечься и поиграть въ картишки. Съ восходомъ солнца, толпы стоятъ у цѣлительныхъ источниковъ, съ своими стаканами. Дамы, съ граціознымъ движеніемъ, опускаютъ на бѣленькомъ снурочкѣ свой стаканъ въ колодезь; казакъ, съ нагайкой черезъ плечо, обыкновенною его принадлежностью, бросаетъ свой стаканъ въ теплую, вонючую воду и, потомъ, залпомъ выпивъ какую-нибудь десятую порцію, морщится и не можетъ удержаться, чтобъ громко не сказать: „чортъ возьми, какая гадость!“ Легко-больные не строго исполняютъ предписанія своихъ докторовъ держать діету, и я слышалъ, какъ одинъ изъ такихъ звалъ своего товарища на обѣдъ, хвастаясь ему, что получилъ изъ колоніи двухъ славныхъ поросятъ и велѣлъ ихъ изжарить къ обѣду.

Гвардейскіе офицеры, послѣ экспедиціи, нахлынули въ Пятигорскъ, и общество еще болѣе оживилось. Молодежъ эта здорова, сильна, весела, какъ подобаетъ молодежи; водъ не пьетъ, конечно, и широко пользуется свободой послѣ трудной экспедиціи. Они бываютъ также у источниковъ, но безъ стакановъ; ихъ замѣняютъ лорнеты, хлыстики... Вездѣ, въ виноградныхъ аллеяхъ, можно ихъ встрѣтить, увивающихся и любезничающихъ съ дамами.

У Лермонтова я познакомился со многими изъ нихъ и съ удовольствіемъ вспоминаю теперь имена ихъ. Алексѣй Столыпинъ (Монго), товарищъ Лермонтова по школѣ и полку въ гвардіи; Глѣбовъ, конно-гвардеецъ, съ подвязанной рукой, тяжело раненый въ ключицу; Тиранъ, лейбъ-гусаръ; А. Васильчиковъ, чиновникъ при Ганѣ, присланнаго для ревизіи Кавказскаго края, сынъ моего бывшаго корпуснаго командира въ гвардіи; Сергѣй Трубецкой, Манзей и другіе. Вся эта молодежъ чрезвычайно любила Декабристовъ вообще, и мы легко сошлись съ ними на короткую ногу.

Часто любовались они моею палкою изъ виноградной лозы, которая меня никогда не оставляла и съ которой я таскался по трущобамъ Кавказа, въ цѣпи застрѣльщиковъ. Мой вѣрный Антонъ, отличный стрѣлокъ, какъ я уже сказалъ, за меня отстрѣливался. Въ одномъ дѣлѣ онъ, въ моихъ глазахъ, положилъ двухъ горцевъ, и мы послѣ ходили на нихъ смотрѣть. Я просилъ своего полковаго командира наградить моего тѣлохранителя Георгіевскимъ крестомъ, изъ числа присылаемыхъ въ роты; но какъ я оставилъ въ то время отрядъ, то не знаю, получилъ ли мой Антонъ тотъ крестикъ, за который Кавказскій солдатъ дѣлаетъ часто чудеса молодечества и отваги.... Товарищъ мой по Сибири, Игельстромъ, все пребываніе свое на Кавказѣ провелъ въ этой охотѣ за людьми въ цѣпи. Въ бѣломъ кителѣ, съ двухствольнымъ ружьемъ, вѣчно, бывало, таскается онъ по кустамъ, отыскивая своихъ жертвъ. Въ одномъ дѣлѣ и ему удалось положить на мѣстѣ двухъ горцевъ. Генералъ Раевскій, дѣлая представленіе объ отличившихся, велѣлъ написать въ донесеніи своемъ, что рядовой саперной роты такой-то убилъ пятерыхъ горцевъ. Лишь только Игельстромъ узналъ объ этомъ, то отправился къ генералу и объяснилъ ему невѣрность слуховъ, дошедшихъ до него, и что онъ, застрѣливъ только двухъ, не беретъ на себя того, чего не сдѣлалъ. Тогда Раевскій, засмѣявшись, сказалъ ему: „пожалуйста, подари мнѣ этихъ троихъ въ счетъ будущаго....“ Донесеніе пошло, и Игельстромъ произведенъ былъ въ офицеры.

Левъ Пушкинъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ въ большихъ эполетахъ. Онъ произведенъ въ маіоры, а все тотъ-же! Прибѣжитъ на минуту въ попыхахъ, вѣчно чѣмъ-то озабоченъ; ужъ такая натура! Онъ свелъ меня съ Дмитревскимъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Тифлиса, чтобы съ нами, Декабристами, познакомиться. Дмитревскій былъ поэтъ; онъ въ то время былъ влюбленъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ-то прекрасныхъ карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говаривалъ обыкновенно: „послѣ твоихъ стиховъ, разлюбишь по неволѣ черныя и голубыя очи и полюбишь каріе глаза.“

Дмитревскому везло, какъ говорится, и по службѣ; онъ назначенъ вице-губернаторомъ Кавказской области; но, къ сожалѣнію, онъ не долго пользовался этими благами жизни и скоро скончался. Я былъ съ нимъ нѣкоторое время въ переапискѣ и теперь еще храню автографъ Карихъ Глазъ.

Гвардейская молодежъ жила разгульно въ Пятигорскѣ, и Лермонтовъ былъ душею общества и производилъ сильное впечатлѣніе на женскій полъ. Стали давать танцовальные вечера; устроивали пикники, кавалькады, прогулки въ горы; но для меня они были слишкомъ шумны, и я не пользовался ими часто. Въ это же время пріѣхалъ изъ Тифлиса командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка полковникъ Сергѣй Дмитріевичъ Безобразовъ, одинъ изъ красивѣйшихъ мущинъ своего времени, и много прибавилъ къ веселью блестящей молодежи. Я зналъ его еще въ Варшавѣ, когда онъ былъ адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. Въ то время его смѣло можно было назвать Аполлономъ Бельведерскимъ, а при его любезности, ловкости, умѣньи танцовать, въ особенности мазурку, не мудрено было ему сводить всѣхъ Полекъ съ ума. Въ 1841 году я нашелъ Безобразова уже не тѣмъ, и время взяло свое, хотя еще оставило слѣды прежней красоты.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ молодежъ задумала дать балъ Пятигорской публикѣ, которая, сама разумѣется, болѣе или менѣе,

между собою знакома. Составилась подписка, и затѣя приняла громадные размѣры. Вся молодежъ дружно помогала устройству праздника, который 8 Іюля и былъ данъ на одной изъ площадокъ аллеи, у огромнаго грота, великолѣпно украшеннаго природой и искусствомъ. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красивый узелъ и прикрывъ круглымъ зеркаломъ; стѣны обтянули Персидскими коврами; повѣсили искусно импровизированныя люстры, изъ простыхъ обручей и веревокъ, обвитыхъ, чрезвычайно красиво, великолѣпными живыми цвѣтами и вьющеюся зеленью; снаружи грота, на огромныхъ деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, на которой собирались танцовать,—развѣсили, какъ говорятъ, болѣе 2500 разноцвѣтныхъ фонарей... Хоръ военной музыки помѣстили на площадкѣ, надъ гротомъ и, во время антрактовъ между танцами, мотивы музыкальныхъ знаменитостей нѣжили слухъ очарованныхъ гостей. Бальная музыка стояла въ аллеѣ; красное сукно, длинной лентой, стлалось до палатки, назначенной служить уборною для дамъ. Она также убрана была шалями и снабжена заботливыми учредителями всѣмъ необходимымъ для самой взыскательной и избалованной красавицы. Уголокъ этотъ былъ такъ мило отдѣланъ, что дамы бѣгали туда для того только, чтобъ полюбоваться имъ. Роскошный буфетъ не былъ также забытъ. Природа, какъ бы согласившись съ общимъ настроеніемъ и желаніемъ людей, выказалась въ самомъ благопріятномъ видѣ. Въ этотъ вечеръ небо было чистаго темносиняго цвѣта и усѣяно безчисленными серебрянными звѣздами. Ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ. Къ 8 часамъ приглашенные по билетамъ собрались, и танцы быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Неприглашенные, не переходя за черту импровизированной танцовальной залы, окружали густыми рядами кружащихся и веселившихся счастливцевъ.

Лермонтовъ необыкновенно много танцовалъ, да и все общество было какъ-то особенно настроено къ веселью. Послѣ одного бѣшенаго тура вальса, Лермонтовъ, весь запыхавшійся отъ усталости, подошелъ ко мнѣ и тихо спросилъ: „Видите-ли вы даму Дмитревскаго?... Это его каріе глаза?... Не правда-ли, какъ она хороша!“ Я тогда сталъ пристальнѣе ее разглядывать и, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ ее красавицей. Она была въ бѣломъ платьѣ, какой-то изумительной бѣлизны и свѣжести.... Густые каштановые волосы ея были гладко причесаны, и изъ за уха только спускались красивыми локонами на ея плечи; единственная нитка крупнаго жемчугу красиво расположилась на лебединой шеѣ этой молодой женщины, какъ бы для того, чтобъ на ея природной красотѣ сосредоточить все вниманіе наблюдателя. Но главное, что̀ поразило бы всякаго, это были большіе каріе глаза, осѣненные длинными рѣсницами и темными, хорошо очерченными бровями. Красавица, какъ бы не зная, что глаза ея прелестны, иногда прищуривалась, а, обращаясь къ своему кавалеру, вслѣдъ за симъ скромнымъ движеніемъ, обдавала его такимъ огнемъ, что въ состояніи была бы увлечь и вѣроятно увлекала не одного поклонника. Я не любопытствовалъ узнать, кто она, боясь разочароваться тою обстановкою, которою она можетъ быть окружена. Я не хотѣлъ знать даже, замужемъ-ли она, опасаясь, что мнѣ назовутъ и укажутъ какого-нибудь уродливаго мужа, Грузина, Армянина или казачьяго генерала. На другой день бала она уѣхала изъ Пятигорска, а счастливый Дмитревскій полетѣлъ за ней...

Балъ продолжался до поздней ночи, или лучше сказать, до самаго утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а скоро и всѣ стали расходиться; я говорю расходиться, а не разъѣзжаться, потому что экипажей въ Пятигорскѣ нѣтъ, да и участницы бала жили всѣ не далеко, по бульвару. Съ вершины грота я видѣлъ, какъ усталыя группы спускались на бульваръ и бѣлыми пятнами пестрили отблескъ едва замѣтной утренней зари. Молодежъ также разошлась; фонари стали гаснуть, шумъ умолкъ: „и тихо край земли свѣтлѣетъ, и вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ, и всходитъ постепенно день“, а я все еще сидѣлъ, погруженный въ мои мечты, устремивъ взоры мои на величественный Машукъ, у подошвы котораго тогда находился. Медленными шагами добрелъ я до своего жилища и, хотя вся долина спала еще въ синемъ туманѣ, но Эльборусъ горѣлъ уже розовымъ отливомъ. При полномъ разсвѣтѣ я легъ спать. Кто думалъ тогда, кто могъ предвидѣть, что черезъ недѣлю послѣ такого веселаго вечера, настанутъ для многихъ или, лучше сказать, для всѣхъ насъ, участниковъ, горесть и сожалѣніе!

Въ одно утро я собирался идти къ минеральному источнику, какъ къ окну моему подъѣхалъ какой-то всадникъ и постучалъ въ стекло нагайкой. Обернувшись, я узналъ Лермонтова и просилъ его слѣзть и войти, что̀ онъ и сдѣлалъ. Мы поговорили съ нимъ нѣсколько минутъ и потомъ разстались; я и не предчувствовалъ, что вижу его въ послѣдній разъ... Дуель его съ Мартыновымъ уже была рѣшена, и 15 Іюля онъ былъ убитъ.

Я еще не зналъ о смерти его, когда встрѣтился съ однимъ товарищемъ Сибирской ссылки, Вегелинымъ, который, обратившись ко мнѣ, вдругъ сказалъ: „знаешь-ли ты, что Лермонтовъ убитъ!“ Ежели бы громъ упалъ къ моимъ ногамъ, я бы и тогда, думаю, былъ менѣе пораженъ, чѣмъ на этотъ разъ. Когда? Кѣмъ? могъ я только воскликнуть. Мы оба съ Вегелинымъ пошли на квартиру покойника, и тутъ я увидѣлъ Михаила Юрьевича на столѣ, уже въ чистой рубашкѣ и обращеннаго головой къ окну. Человѣкъ его обмахивалъ мухъ съ лица покойника, а живописецъ Шведе снималъ портретъ съ него масляными красками. Дамы, знакомыя и незнакомыя, и весь любопытный людъ тѣснись въ небольшой комнатѣ, а первыя являлись и украшали безжизненное чело поэта цвѣтами...

Полный грустныхъ думъ, я вышелъ на бульваръ....

Во всѣхъ углахъ, на всѣхъ аллеяхъ, только и было разговоровъ, что о происшествіи... Я замѣтилъ, что прежде въ Пятигорскѣ не было ни одного жандармскаго офицера; но тутъ, Богъ знаетъ откуда, ихъ появилось множество, и на каждой лавочкѣ отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру. Глѣбова, какъ военнаго, посадили на гауптвахту. Васильчикова и Мартынова въ острогъ; слѣдствіе и судъ начались. Вскорѣ пріѣхалъ начальникъ штаба Трескинъ и велѣлъ всей здоровой молодежи изъ военныхъ отправиться по полкамъ. Пятигорскъ опустѣлъ.

На другой день были похороны, при стеченіи всего Пятигорска. Представители всѣхъ полковъ, въ которыхъ Лермонтовъ, волею и неволею, служилъ въ продолженіи короткой жизни, явились почтить послѣднею почестью поэта и товарища. Полковникъ Безобразовъ былъ представителемъ отъ Нижегородскаго драгунскаго полка, я отъ Тенгинскаго пѣхотнаго; Тиранъ отъ лейбъ-гусарскаго и А. И. Арнольди—отъ Гродненскаго-гусарскаго. На плечахъ нашихъ

вынесли мы гробъ изъ дому и донесли до уединенной могилы кладбища, на покатости Машука. По закону, священникъ отказывался было сопровождать останки поэта, но сдался, и похороны совершены были со всѣми обрядами христіанскими и воинскими. Печально опустили мы гробъ въ могилу, бросили со слезою на глазахъ горсть земли, и все было кончено. Черезъ годъ, тѣло Лермонтова, по просьбѣ бабки его, перевезено было въ родовое имѣніе его, Пензенской губерніи.

На другой день я переѣхалъ въ Желѣзноводскъ, гдѣ находилась половина семейства Арнольди. Желѣзноводскъ, по моему, еще лучше Пятигорска, хотя не такъ обстроенъ и не имѣетъ тѣхъ удобствъ для матеріальной жизни. Онъ весь лежитъ въ горахъ, покрытыхъ тѣнистымъ вѣковымъ лѣсомъ. Извиваясь, красивыя дорожки приведутъ васъ непремѣнно къ какому-нибудь цѣлительному ключу, бьющему изъ ребръ отвѣсныхъ горъ. Сюда долженъ удалиться человѣкъ, который ищетъ уединенія.... Здѣсь только, бесѣдуя съ прекраснo-разнообразною природою, можетъ онъ обрѣсти тишину душевную. А въ созерцательной жизни, живя съ природою рука объ руку, и человѣкъ-то дѣлается лучше...

Я забылъ сказать, что, по дорогѣ отъ Пятигорска къ Желѣзноводску, красиво разбросалась и существуетъ давно уже колонія Шотландцевъ, отъ чего называется *Шотландкою*; чистые, на Нѣмецкій манеръ, домики имѣютъ садики и огороды, и вся постройка тонетъ въ зелени садовъ. Зажиточные колонисты часто отдаютъ свои домики подъ пикники, устраиваемые наѣзжающими сюда семействами изъ Пятигорска. Подобныхъ розъ-центифолій, какія я рвалъ въ Шотландкѣ, мнѣ не случалось видѣть нигдѣ. Однажды одному Польскому семейству вздумалось устроить небольшую прогулку. Пригласили меня и моихъ двухъ Сибирскихъ товарищей, и я отправился заранѣе позаботиться о нѣкоторыхъ приготовленіяхъ. Столъ накрыли въ саду, между кустами розъ, которыя краснымъ ковромъ устилали лужайку; на столѣ красовался огромный букетъ тѣхъ же цвѣтовъ. Къ обѣду подали кислое молоко, спаржу, жареныхъ цыплятъ, яйца, пиво, шампанское и черешни. Мы дружески, весело, отобѣдали и послѣ осматривали колонію. Жители живутъ въ довольствѣ и покоѣ, но лѣтъ десять тому назадъ подвергались набѣгамъ горцевъ.

Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, медики минеральныхъ водъ предписываютъ своимъ паціентамъ, послѣ сѣрныхъ ваннъ, желѣзныя. Я испыталъ на себѣ благотворное дѣйствіе ихъ, и послѣ 10 ваннъ уже почувствовалъ какую-то необыкновенную силу. Всѣ нервы ваши укрѣпляются, расположеніе духа мѣняется къ лучшему; ноги несутъ васъ въ горы легко и свободно. Вы шагаете и не чувствуете усталости! Да, Желѣзноводскъ и меня видимо оживилъ.

Однажды явился ко мнѣ казакъ съ извѣстіемъ, что губернаторъ Хомутовъ пріѣхалъ и проситъ меня въ Пятигорскъ. Я собрался и пріѣхалъ. При выѣздѣ изъ Желѣзноводска, урядникъ останавливаетъ моихъ лошадей. „Чтò это значитъ?“ спросилъ я его.—„При захожденіи солнца, не велѣно никого выпускать“.—„Но помилуй, солнце еще высоко“.—„Никакъ нельзя, ваше благородіе!“—„Вотъ тебѣ любезный, двугривенный, пусти меня; я успѣю засвѣтло переѣхать благополучно въ Пятигорскъ“. „Извольте ѣхать, ваше благородіе, солнце и впрямъ еще не сѣло“, сказалъ мнѣ соблазненный часовой, и я поѣхалъ...

На другой день я прошатался съ Хомутовымъ и племянницей его по Пяти-

горску, а вечеръ провелъ на бульварѣ, въ толпѣ гуляющихъ, при звукѣ полковой музыки, которая особенно часто тѣшитъ публику любимымъ Аврора-вальсомъ.

Въ это пребываніе мое въ Пятигорскѣ я зашелъ однимъ утромъ къ губернатору Хомутову и засталъ его окруженнаго колонистами. Его превосходительство что-то очень горячился, кричалъ и шумѣлъ. Я сталъ прислушиваться, въ чемъ дѣло. Колонисты жаловались на несправедливости чиновниковъ, на становаго, говорили, что ихъ притѣсняютъ, раззоряютъ, требуютъ незаконно какихъ-то денегъ за землю, и пòдать собираютъ по нѣскольку разъ въ годъ. Губернаторъ, наконецъ, прогналъ ихъ, и сердитый вошелъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ нѣмымъ слушателемъ. „Какъ мнѣ надоѣли своими жалобами эти Нѣмцы!“ обратился онъ ко мнѣ. „А какое рѣшеніе далъ ты имъ?“ спросилъ я.—„Да прогналъ ихъ, вотъ и все!“—„Напрасно. Я думаю, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, что твоя святая обязанность хладнокровно выслушивать всякія просьбы. За что-же ты получаешь чины, кресты, жалованье, почести? За что тебя встрѣчали у въѣзда комендантъ и полиціймейстеръ? Не забудь любезный, что бѣдные люди ожидали тебя цѣлый годъ, думая найти въ тебѣ начальника справедливаго, и вотъ какъ ты ихъ разочаровываешь! Не хорошо, не хорошо... Я говорю съ тобой, какъ съ моимъ старымъ товарищемъ и желаю оправдать тебя... Пошли за ними, вели воротить ихъ, выслушай и разбери ихъ жалобы“. Хомутовъ, ходившій большими шагами по комнатѣ, вдругъ подошелъ ко мнѣ и пожалъ мнѣ руку, а вслѣдъ за тѣмъ послалъ за колонистами-просителями, выслушалъ ихъ хладнокровно и приказалъ чиновнику своему разобрать все дѣло. Счастливые колонисты кланялись ему въ поясъ и разошлись; а мы, довольные каждый собою, весело провели утро за чайнымъ столикомъ.

Весь выздоравливающій Пятигорскъ переѣхалъ въ Кисловодскъ, чтобъ погрузиться въ богатырь-воду *Нарзанъ*. Это послѣднее, очищающее и укрѣпляющее средство, это вѣнецъ леченія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Здѣсь выздоравливающимъ разрѣшаютъ уже все ѣсть и пить. Это самый холодный источникъ, и въ немъ не бываетъ никогда болѣе 9° тепла; но что̀ дѣлаетъ его невыносимымъ, это газы, которыми онъ изобилуетъ, покрывающіе обыкновенно тѣло купающагося мелкими пузырьками, подобно искрамъ пѣнящагося шампанскаго. Мнѣ докторъ не позволилъ купаться въ Нарзанѣ, но я отправился туда только изъ любопытства и сопутствовалъ Хомутову.

Не доходя до ваннъ еще, мы услышали ужасные крики и визгъ, какъ будто бы горцы налетѣли для похищенія Сабинокъ. Это были голоса купающихся дамъ. Да и не мудрено, что нѣжныя творенія эти не съ такимъ терпѣніемъ выносятъ страшныя ощущенія холодной кусающейся воды, когда и рѣдкій мущина можетъ просидѣть въ бассейнѣ не болѣе пяти минутъ, а обыкновенно ограничиваетъ свое купанье тѣмъ, что, погруженный по горло, пройдетъ только бассейнъ во всю его ширину, которая не болѣе 2 или 3 саженъ. Одинъ Левъ Пушкинъ высиживалъ тамъ $1/4$ часа, и еще съ бутылкой шампанскаго въ рукахъ, которую и выпивалъ тамъ. Но подобныя шутки могутъ кончиться мгновеннымъ ударомъ, т. е. апоплексіей. Княгиня Гагарина, рожденная Бороздина, послѣ бала, взяла холодную ванну Нарзана и тутъ же умерла отъ удара. Разсказывали про одного чудака генерала, впрочемъ здороваго человѣка, который, изъ любопытства, въ Пятигорскѣ

погружался въ Александровскій источникъ (теперь изсякшій), въ воду имѣвшую 41 градусъ тепла, гдѣ яйцо сваривалось въ смятку въ нѣсколько минутъ, а въ Кисловодскѣ въ цѣльный Нарзанъ, при 9 градусахъ тепла. Послѣ этого опыта генералъ здоровымъ уѣхалъ въ Россію.

По возвращеніи моемъ въ Пятигорскъ, я сталъ подумывать объ отъѣздѣ своемъ въ обратный путь. Августъ былъ на исходѣ. Я проводилъ моихъ родныхъ въ Россію. Добрый племянникъ мой, Александръ Арнольди, спѣшилъ на службу въ Петербургъ. Когда-то мы съ нимъ увидимся? Я обнялъ его родственно и радовался, что нашелъ въ немъ благородную душу и славнаго, по отзывамъ товарищей-гвардейцевъ, фронтоваго офицера.

Въ одинъ день, я еще въ послѣдній разъ прошелся по Пятигорскому бульвару. Аллеи и скамейки были пусты, и только изрѣдка попадались неизлечившіеся хромые и калѣки. Лошади мои были готовы, и я отправился въ Ставрополь.

Тамъ я нашелъ моего пріятеля Вревскаго, о которомъ говорилъ выше. Новая встрѣча моя съ нимъ утвердила меня въ намѣреніи подать въ отставку. Такъ какъ Вревскій, служа при военномъ министрѣ, завѣдывалъ отдѣленіемъ, въ которомъ производились подобныя дѣла и могъ быть мнѣ полезенъ, я откровенно сообщилъ ему мое намѣреніе, и онъ обѣщалъ свое содѣйствіе, предупреждая только, чтобъ прошеніе и всѣ документы, требуемые положеніемъ, были вѣрны, точны, безошибочны.

Полный надеждъ въ скоромъ времени оставить Кавказъ и службу, я пріѣхалъ въ Прочный-Окопъ, къ друзьямъ своимъ Нарышкинымъ. М. М. только что возвратился изъ экспедиціи и былъ представленъ въ офицеры, на всемилостивѣйшее воззрѣніе, которое, какъ я послѣ узналъ, и на этотъ разъ не оказалось благопріятнымъ.

Въ штабѣ полка я отыскалъ отличнаго мастера-художника писать прошенія объ отставкѣ. Долго занимались мы этимъ дѣломъ и, наконецъ, какъ казалось, уладили его; у меня какъ гора свалилась съ плечъ! Полковая канцелярія отправила мою отставку въ Тифлисъ, на утвержденіе корпуснаго командира; потомъ ее пошлютъ въ Петербургъ, къ военному министру Чернышеву, и тамъ представятъ и Царю, на всемилостивѣйшее воззрѣніе. Господи, сколько хлопотъ и писанія о бѣдномъ армейскомъ прапорщикѣ! Но не забудьте при этомъ, что въ формулярѣ этого прапорщика, въ графѣ происхожденія, значилось: „изъ государственныхъ преступниковъ".

Оставалось терпѣливо ждать окончанія задуманнаго мною дѣла, и я поѣхалъ въ свою Фанагорію, къ друзьямъ моимъ: Дорошенкѣ, Ромбергу съ женою и къ почтенной старушкѣ Нейдгартъ. На этотъ разъ я остановился не въ прежней своей лачужкѣ, а у Ромберга, однакожъ навѣстилъ свою прежнюю хозяйку, и въ комнаткѣ, въ которой я провелъ четыре скучныя зимы, нашелъ я груды тыквъ, арбузовъ, кочны капусты: она служила складочнымъ мѣстомъ.

На другой день я сдѣлалъ свою послѣднюю прогулку къ курганамъ и у Турецкаго фонтана напился изъ ключа холодной воды. Потомъ пришелъ знакомый уже читателямъ тендеръ Часовой, съ лейтенантомъ Десятымъ, и я собрался въ Керчь. Ромбергу нужно было съѣздить въ Керчь, и онъ меня провожалъ. До этого мы зашли къ коменданту, и тутъ я былъ обрадованъ, узнавъ, что княгиня Херхеулидзева прислала моему бѣдному отставному артиллеристу 175 рублей; бѣднякъ, говорятъ, вѣрить

не хотѣлъ своему благополучію! Сегодня-же поблагодарю милую княгиню за такое щедрое приношеніе на пользу неимущихъ, мною рекомендованныхъ.

И такъ мы втроемъ благополучно достигли Керчи, и я вечеромъ былъ уже у Херхеулидзевыхъ и благодарилъ княгиню за добро, которое она сдѣлала. Во всю мою жизнь я находилъ болѣе людей симпатичныхъ и готовыхъ на добро, чѣмъ черствыхъ и равнодушныхъ. Пушкинъ гдѣ-то сказалъ: „сколько высокихъ душъ зналъ я, сколько знаю доселѣ! Онѣ мирятъ человѣка съ человѣчествомъ, какъ миритъ природа человѣчество съ его судьбою“. Повѣрьте, если не всѣ добро дѣлаютъ, то всѣ добро сознаютъ, а это не бездѣлица. Эта истина служила къ утѣшенію моему, въ продолженіе всей моей жизни. Я рѣшился перезимовать въ Керчи, по неотступной просьбѣ милыхъ хозяевъ. Музыка, книги, кругъ избранныхъ друзей, чего мнѣ искать лучшаго,—останусь.

Вскорѣ я получилъ увѣдомленіе, что отставка моя, просмотрѣнная въ Тифлисѣ, пошла въ Петербургъ. Слава Богу! Главное сдѣлано, стало-быть. Однако и въ это время я сильно безпокоился о счастливомъ окончаніи дѣла, получивъ письмо генерала Арнольди изъ Петербурга, въ которомъ онъ писалъ, что, принимая во мнѣ родственное участіе, говорилъ обо мнѣ съ Дупельтомъ (тогда весьма значущимъ человѣкомъ) и спрашивалъ его, есть ли надежда получить отставку такому-то; на что генералъ отвѣчалъ, чтобы я не смѣлъ и думать объ увольненіи изъ службы ранѣе шести лѣтъ. Подобный совѣтъ или предостереженіе не могли, конечно, подѣйствовать на меня благотворно.... Мнѣ оставалось рапортоваться больнымъ и ждать въ Керчи развязки, чтобъ избавиться отъ трудной, по моимъ лѣтамъ, Кавказской службы, гдѣ прапорщикамъ, даже и 48-ми лѣтнимъ, ежедневно выпадаютъ случаи ходить, съ оказіями, за камышемъ, за дровами, за провіантомъ. И такъ, уповая на свою счастливую звѣзду, я проводилъ время свое въ Керчи, въ мечтахъ о минутѣ, которая позволитъ мнѣ сбросить съ себя тяжелое и неестественное положеніе, въ которомъ я находился. Кому не мила свобода? Меня же тянуло, послѣ 20-лѣтняго отсутствія, на родину; мнѣ хотѣлось еще разъ въ этой жизни обнять брата, сестеръ, родныхъ, близкихъ моему сердцу.

Я говорилъ уже въ своихъ запискахъ о существѣ, которое, вліяніемъ своимъ, облегчило уже однажды судьбу мою въ то время, когда я, по ея просьбѣ, однимъ изъ первыхъ, вырвался изъ Сибири и переведенъ былъ рядовымъ на Кавказъ. Это была моя племянница А. О. Россетъ, нѣкогда фрейлина императрицы, а въ минуту, когда я пишу эти строки, въ замужествѣ за Н. М. Смирновымъ. Къ ней-то написалъ я письмо и просилъ ея ходатайства объ увольненіи меня изъ службы.

Сижу я однажды у себя въ комнатѣ, въ квартирѣ Херхеулидзева, грустный и задумчивый.... Вѣтеръ страшно свистѣлъ въ окнахъ; густой туманъ лежалъ надъ всею Керчью, и проливной дождь затоплялъ окрестность. Вдругъ мнѣ подаютъ письмо.... Почеркъ руки моей племянницы.... Я сорвалъ печать; у меня сильно забилось сердце. Маленькая записочка выпала изъ конверта: „Спѣшу поздравить А. О. Смирнову. Сегодня подписана Государемъ отставка дядюшки вашего Н. И. Лорера, по болѣзни. Клейнмихель.“ — Онъ былъ тогда дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба. Конечно я не далъ себѣ времени читать письма моей племянницы; бѣгу, кричу: „Князь, княгиня, я свободенъ.... я счастливъ!“ Чудакъ-князь, обнимая меня, поздравлялъ, приговаривая: „Поздравляю, но

не радуюсь до тѣхъ поръ, пока не увижу имени твоего въ приказахъ.“ Но вотъ принесли Инвалидъ, и я, въ безчисленномъ множествѣ производствъ, наградъ, перемѣщеній, отставокъ, прочелъ и свою фамилію, и невѣрный Ѳома могъ смѣло дать волю своимъ восторгамъ. Скоро весь городъ узналъ о моемъ счастіи, и всѣ спѣшили меня поздравить. Даже дѣти Керченскаго института, куда я часто ходилъ, бывъ знакомъ съ ихъ начальницей г-жею Тѣлесницкой и которымъ часто нашивалъ конфеты, приняли участіе въ моей радости. Бѣдненькія, онѣ воображали, что я съ ними останусь и буду по прежнему лакомить ихъ.

Князь далъ обѣдъ по случаю моей отставки, и друзья пили тостъ за мою новую жизнь.... Въ Фанагоріи также откликнулась моя радость: и тамъ радовались за меня добрые знакомые и друзья.

Я далъ знать о своей свободѣ всѣмъ роднымъ моимъ въ Россіи и собирался вскорѣ и самъ на родину ; но, признаюсь, послѣ минутныхъ восторговъ, я скучалъ по своей хижинѣ въ Фанагоріи, по своимъ курганамъ съ фонтанами, по уединенію.... Странно созданъ человѣкъ! Онъ вѣчно чего нибудь желаетъ.... Тогда были надежды; теперь они стали дѣйствительностью, и я вступилъ въ общую колею.

Я сталъ дожидаться изъ Тифлиса своихъ документовъ, и между тѣмъ въ одинъ день получилъ приглашеніе на похороны моего храбраго полковаго командира Кошутина.... Сколько разъ странствовали мы съ нимъ по горамъ Кавказа.... Сколько разъ видалъ я его съ шашкою на голо впереди своихъ колоннъ, и смерть его щадила; а вдругъ онъ умеръ спокойно, на своей постелѣ, въ своей деревушкѣ, въ 12 верстахъ отъ Керчи. Сниму же и я свою военную форму на его могилѣ, подумалъ я: въ послѣдній разъ одѣлся въ военные доспѣхи и поѣхалъ на похороны. Послѣ панихиды въ домѣ, родные и корпусъ офицеровъ полка, которымъ командовалъ полковникъ, понесли своего отца-командира на бѣдное сельское кладбище, на вѣчный покой....

Такъ мы оба вышли въ отставку, такъ оба вмѣстѣ исключены были изъ списковъ Тенгинскаго полка!

Наконецъ я получилъ свои бумаги въ Керчи, и сталъ ожидать весны, чтобъ ѣхать на родину, къ брату, котораго не видалъ болѣе 20 лѣтъ.... Я оставилъ его бодрымъ, свѣжимъ; теперь, вѣроятно, обниму старика; да и во мнѣ онъ конечно найдетъ большую перемѣну.

На третьей недѣлѣ великаго поста, отслуживъ благодарственный молебенъ Творцу Всеблагому, пожавъ руки друзьямъ, которые постоянно ласкали и лелѣяли меня, я, изъ дома князя Херхеулидзева, выѣхалъ въ г. Херсонъ, 1842 года Апрѣля 17 числа.

Отставка моя оригинальна тѣмъ, что, по исчисленіи моихъ подвиговъ на Кавказѣ, какъ рядоваго, начальство не помѣстило моей военной службы до ссылки въ Сибирь, и въ графѣ о происхожденіи прописало: изъ государственныхъ преступниковъ, и запретило въѣздъ въ обѣ столицы, подчинивъ меня надзору мѣстной полиціи. И тутъ еще неполное прощеніе, неполная свобода...

Наконецъ я на родинѣ, въ Херсонѣ! Я явился къ гражданскому губернатору Владиміру Ивановичу Пестелю, котораго зналъ еще въ кавалергардскомъ полку. Онъ былъ роднымъ братомъ покойнаго Павла Ивановича, моего друга, котораго казнили, и сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ въ тотъ самый день, когда брата его казнили. Пестель принялъ меня ласково, съ участіемъ, и объявилъ мнѣ, что я буду подъ надзоромъ земской полиціи и, въ случаѣ желанія моего, обѣщалъ давать мнѣ на переѣзды письмен-

ное разрѣшеніе. Странное стеченіе обстоятельствъ! Я кончилъ свою службу, до ссылки въ Сибирь, подъ начальствомъ одного Пестеля и, послѣ 20 лѣтъ разныхъ мытарствъ, попадаю опять подъ завѣдываніе другаго брата Пестеля. Такимъ образомъ и на своемъ родномъ пепелищѣ я не нашелъ той свободы, о которой мечталъ такъ дѣтски всю мою жизнь....

Меня много обрадовало и утѣшило свиданіе съ роднымъ братомъ, который нарочно пріѣхалъ по этому случаю изъ своей деревни мнѣ на встрѣчу. Съ какимъ восторгомъ мы обнялись, и какъ онъ прижалъ къ груди своей брата-изгнанника,—легко можно себѣ вообразить. Мнѣ позволили удалиться въ деревню къ брату, и я уѣхалъ съ нимъ въ свое родное гнѣздо. Изъ сельца нашего сдѣлалась деревня, и все измѣнилось.... Что̀ оставилъ я молодымъ, состарѣлось; кусты нашего сада разрослись въ огромныя деревья; а многихъ стариковъ слугъ я не засталъ уже въ живыхъ! Невѣстка моя также состарѣлась, а изъ шести мною оставленныхъ сестеръ я нашелъ въ живыхъ одну.... На могилѣ моей матери, похороненной у насъ въ саду, я плакалъ о потерянныхъ счастливыхъ дняхъ своей юности.

Я съѣздилъ въ Одессу, чтобъ одѣться въ гражданское платье. Графъ М. С. Воронцовъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ. Графъ меня зналъ лично въ Варшавѣ, когда мы возвращались изъ за границы, въ 1815 году, и я почелъ своимъ долгомъ представиться ему. Адъютантъ его, Суворовъ представилъ меня графу въ его кабинетѣ. Внимательный, ласковый старикъ спросилъ меня, чѣмъ можетъ быть мнѣ полезнымъ и требовалъ, чтобы я всегда лично къ нему обращался съ моими просьбами. Графъ былъ типъ вельможи и обладалъ Европейскимъ образованіемъ, какимъ въ то время немногіе изъ нашихъ сановниковъ отличались. Онъ истинно любилъ Россію, а южный край и Одессу, свое созданіе,—въ особенности. Веллингтонъ о немъ справедливо отнесся, назвавъ звѣздою Россіи. Но вмѣшательство правительства много мѣшало Воронцову въ осуществленіи его благихъ предначертаній и намѣреній, равно какъ и Дюку-де-Ришелье, первому основателю благоденствія южнаго края, который говаривалъ даже: „Пусть правительство забудетъ этотъ край на 25 лѣтъ только, и я ручаюсь, что онъ сдѣлается цвѣтущимъ краемъ, а Одесса перещеголяетъ Марсель въ коммерческомъ отношеніи“.. Графъ Ланжеронъ замѣнилъ Дюка-де-Ришелье, и все еще кое-какъ дѣла шли своимъ чередомъ; но тутъ Аракчеевъ уже видимо сталъ портить будущую судьбу южнаго края. Не постигая нуждъ края, онъ, какъ извѣстно, завелъ военныя поселенія, которыя впослѣдствіи умертвили всѣ жизненныя силы народа. Но я не стану описывать историческихъ ошибокъ того времени.... Кто ихъ не знаетъ, кто ихъ не видитъ!... Они не касаются моей жизни.

Съ моимъ возвращеніемъ, моя служебная и гражданская дѣятельность кончилась. Я поселился мирнымъ поселенцемъ въ родительскомъ домѣ сельца Водянаго. Благодаря Бога, пользуюсь на 70 году полнымъ здоровьемъ и обладаю еще всѣмъ, чѣмъ былъ надѣленъ. Всѣ мои прошлыя невзгоды не навели на сердце мое черствой коры, и я еще горячо сочувствую всему теплому, прекрасному.

Таварищи моего изгнанія, послѣ коронаціи Государя Александра Николаевича, всѣ уже, подобно мнѣ, на свободѣ, и изъ Декабристовъ теперь нѣтъ ни одного въ Сибири и на Кавказѣ. Они живутъ тихо, по своимъ уголкамъ. Но многіе изъ нихъ положили свои головы

на Кавказѣ, многіе умерли своею смертью и въ Сибири.

—

Я хотѣлъ было поставить точку, любезный читатель, но не могу окончить своихъ записокъ, не передавъ потомству, не назвавъ тѣхъ вѣрныхъ слугъ, которые не оставляли своихъ господъ и въ дни ихъ тяжкихъ испытаній и несчастій.

Правительство не позволяло женамъ преступниковъ брать съ собой крѣпостныхъ своихъ слугъ, но эти послѣдніе добровольно послѣдовали за своими господами.

Графиня Анна Ивановна Коновницына, не желая лишить свою дочь *) прислуги, къ которой она привыкла, собрала всю свою дворню и вызывала охотниковъ на добровольное изгнаніе, обѣщая каждому, послѣдующему за дочерью, волю послѣ пятилѣтняго служенія, какъ имъ самимъ, такъ и семействамъ ихъ. Охотниковъ нашлось много; но выборъ палъ на сестру съ братомъ. 20 лѣтняя Анисья послѣдовала за Нарышкиной и усердно, вѣрно исполнила свою обязанность. Поведеніемъ своимъ она заслужила уваженіе самаго Лепарскаго, который обыкновенно при встрѣчѣ съ нею здоровался, снимая свою фуражку. Всѣ власти, имѣвшія какое либо вліяніе на ея господъ, Анисья ненавидѣла и выражала свою антипатію къ нимъ тѣмъ, что обыкновенно отворачивалась отъ нихъ. Въ послѣдствіи она сдѣлалась, можно сказать, другомъ своихъ господъ и умѣла всегда утѣшить и успокоить ихъ. Послѣ пяти лѣтъ службы, и Анисья, и братъ ея, по обѣщанію, получили свободу отъ своихъ господъ; но вѣрные слуги остались при своихъ благодѣтеляхъ и только просили дозволенія съѣздить въ Россію, чтобъ повидаться съ престарѣлыми родными своими. Конечно Нарышкины поспѣшили исполнить желаніе этихъ добрыхъ людей, снабдили ихъ деньгами и всѣмъ нужнымъ и благословили въ дальнюю дорогу. Бѣдная женщина въ пути своемъ подвергалась, въ каждомъ городѣ, строгому осмотру, и правительство опасалось, чтобы подобнымъ путемъ сосланные не вошли въ сношенія съ Россіею. Мужественная Анисья выдержала всѣ эти обиды и по прошествіи пяти мѣсяцевъ снова была въ Сибири, готовая къ услугамъ своихъ добрыхъ господъ. Она пренаивно разсказывала, что однажды, въ Петербургѣ, встрѣтивъ Государя, совсѣмъ было рѣшилась упасть къ ногамъ Монарха и просить прощенія своимъ господамъ; но удержалась, подумавъ, что можетъ повредить имъ своимъ неумѣстнымъ заступничествомъ. Къ тому же она въ Петербургѣ еще узнала, что участь ея господъ нѣсколько облегчена и что они живутъ на поселеніи въ Курганѣ, Тобольской губерніи.

Другая личность, подобная этой, была Акулина, принадлежавшая Е. С. Уваровой, родной сестрѣ М. С. Лунина. Уварова знала, что брату ея нужны деньги (кому они не нужны?); но Лунину хотѣлось имѣть ихъ непремѣнно золотомъ. Желая исполнить фантазію брата, Уварова рѣшилась поручить это дѣло горничной. Храбрая Акулина, снабженная законнымъ видомъ и большой суммою денегъ, садится на перекладную и перелетаетъ въ 6000 верстъ пространство, отъ Петербурга до Петровскаго Завода. Въ каждомъ губернскомъ городѣ она подвергалась осмотру и, не смотря на это, съумѣла выполнить порученіе своихъ господъ и доставила въ цѣлости Лунину большую сумму денегъ золотомъ. О прочихъ вѣрныхъ слугахъ, оставившихся при своихъ господахъ, можно также отнестись съ большою похвалой.

*) Елизавету Петровну, супругу Декабриста М. М. Нарышкина. *П. Б.*

Кончу стихами, до которыхъ всегда былъ охотникъ:

Все что знавалъ, все что любилъ.
Я невозвратно схоронилъ,
И въ области веселой дня
Ничто ужъ не живитъ меня!
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я только лишній гость на немъ....

Сельцо Водяное.
Августа 5-го 1867 года.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ МОИМЪ ЗАПИСКАМЪ.

1.

Посланіе А. С. Пушкина *).

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ.
И думъ высокое стремленье.

* * *

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Возбудитъ радость и веселье,
Придетъ желанная пора:

* * *

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы.
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

* * *

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

А. Пушкинъ, 1827 года.

*) Какъ извѣстно, Пушкинъ отнюдь не сочувствовалъ дѣлу Декабристовъ и осуждалъ ихъ замыслы; но ко многимъ изъ нихъ лично сохранялъ онъ неизмѣнную привязанность. Какъ поэтъ, какъ человѣкъ минуты, онъ не отличался полною опредѣлительностью убѣжденій. Стихи эти были принесены въ Москвѣ, въ началѣ 1827 года, самимъ Пушкинымъ Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, передъ отъѣздомъ ея въ Сибирь къ ея супругу. Прощаясь съ нею, Пушкинъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда онъ къ ней вошелъ. *П. Б.*

2.

Н. И. Лореру.

2 Мая 1830 года, въ Петровскомъ Заводѣ.

Звучитъ вся жизнь, какъ звонкій смѣхъ.
Отъ жара чувствъ душа не вянетъ:
Люблю я всѣхъ и пью за всѣхъ.
Вина, ей Богу, не достанетъ!

* * *

Я меньше пью, за то къ вину
Воды во вѣкъ не примѣшаю;
Люблю одну и за одну
Всю чашу жизни осушаю.

А. Одоевскій.

3,

На смерть Петра Петровича Коновницына *).

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы.
Онъ нѣжной матери нигдѣ не забывалъ;
Онъ имя сладкое сливалъ
Со словомъ искренней молитвы...

* * *

Опять увидѣть взоръ очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать къ устамъ уста и руки
Любимой матери своей,—

* * *

Вотъ были всѣ его желанья!
Уже минули дни страданья:
Её опять увидѣлъ онъ;
Но дни минутнаго свиданья,
Но ихъ взаимно-сладкій сонъ

* * *

Едва приснился имъ.... И снова
Изъ подъ семейственнаго крова
Онъ въ край восточный полетѣлъ.
Восторгомъ взоръ еще горѣлъ;

* * *

Еще отъ сладкаго волненья
Вздымалась радостная грудь;
И, не докончивъ сновидѣнья,
Уже онъ кончилъ жизни путь.

* * *

Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
Онъ вспомнилъ съ горестью глубокой
О нѣжной матери, объ узницѣ далекой
И съ третьимъ именемъ потухъ....

А. Одоевскій.

*) Сынъ героя 1812 года. Сосланъ рядовымъ на Кавказъ въ 1826 году. Скончался въ 1831 году.

4.

Изъ письма Александра Ѳедоровича фонъ-деръ-Бригена (*). Пелымъ. Ноябрь 1833 года.

Прочитавъ въ С. Пчелѣ, что портретъ славнаго Миниха отыскали въ церкви Св. Петра въ П.бургѣ, прочитавъ сіе, я не могъ удержаться, чтобъ не схватить шапку и не отправиться поклониться тому мѣсту, на коемъ стоялъ домъ, въ коемъ знаменитѣйшій изгнанникъ, покоритель Данцига и Очакова, здѣсь 20 лѣтъ прожилъ. На священномъ семъ пепелищѣ теперь мирно растетъ и завивается капуста; все мѣсто бывшаго острога, въ коемъ онъ безвыходно заключался, занято огородами; видно только основаніе одной печи, на остатки коей я всегда съ почтеніемъ взираю, ибо душевно уважаю мужа, который оказалъ столь великія и безсмертныя услуги отечеству. Бывъ самъ воспитанъ въ Петровскомъ училищѣ, я помню, какъ бывало суровыя черты упомянутаго портрета на насъ мальчиковъ не менѣе страху нагоняли, какъ и самый нашъ строгій директоръ Вейсъ. Я засталъ здѣсь 110-ти лѣтняго старика, который у Миниха живалъ въ услуженіи. Отъ него я много узналъ какъ о самомъ Минихѣ, такъ и о его супругѣ. Низменный домъ, въ коемъ онъ жилъ, былъ обнесенъ высокою стѣною изъ срубовъ; по угламъ стояли четыре высокія башни, съ бойницами, а надъ воротами, въ острогѣ, возвышалась пятая башня. Пелымскіе жители его только и видали, когда онъ съ супругою прогуливался по стѣнамъ, коихъ каждый фасъ простирался на 30 саж.

Минихъ жилъ въ Пелымѣ не въ ссылкѣ, но въ заточеніи, вмѣстѣ съ супругою своею, которая безъ выхода при немъ находилась и съ нимъ возвратилась въ Россію. Онъ былъ росту средняго, полъголовой ниже меня, дородной наружности, хотя и суровой, но пріятной; имѣлъ волосы темные съ просѣдью; мало говорилъ; когда же говорилъ, то картавилъ; казался всегда равнодушнымъ, иногда и веселымъ, порусски изъяснялся хорошо, но выговоръ имѣлъ иностранный; съ супругою же своею, которая порусски говорила крайне худо, говорилъ онъ всегда на своемъ языкѣ, понѣмецки; читалъ и писалъ много, работалъ въ маленькомъ саду, который въ острогѣ развелъ, гдѣ любилъ сѣять разные травы и цвѣты; также собственными руками насадилъ много деревъ, кои впослѣдствіи переросли и самыя башни острога, но къ сожалѣнію ни одного изъ сихъ деревъ болѣе не существуетъ. Прислуги при немъ находилось весьма много, отъ 15 до 20 человѣкъ обоего пола; она состояла частью изъ собственныхъ, къ нему пріѣхавшихъ людей, изъ коихъ многіе здѣсь похоронены, частію же изъ наемныхъ Пелымцевъ, въ числѣ коихъ былъ и мой старикъ Казанцевъ. Сія многочисленная дворня объясняется тѣмъ, что Минихъ держалъ много рогатаго скота, для коего откупалъ луга и своими работниками ставилъ сѣно; часто, для сего же предмета, дѣлалъ и такъ называемыя помочи, т. е. приглашалъ нѣсколько десятковъ мужиковъ и бабъ на свою работу и потомъ вмѣсто платы ихъ угощалъ; сіе заведеніе и понынѣ здѣсь существуетъ. Въ семъ случаѣ накрывали столы на дворѣ острога, и Минихъ, съ супругою своею, которая никогда ни на шагъ отъ него не отходила, съ высоты стѣны острожной привѣтствовалъ своихъ гостей, приказывалъ ихъ подчивать, смотрѣлъ на ихъ пляски и прочія забавы и громко и отъ всего сердца смѣялся, глядя на ихъ проказы. Въ острогѣ, кромѣ низменнаго дома и

(*) См. въ Русскомъ Архивѣ 1867 г. письма къ нему В. А. Жуковскаго.

маленькой караулки, не было никакого другаго строенія. Въ семъ домѣ жилъ Минихъ съ частію своей прислуги, другая же часть оной жила по квартирамъ въ Пелымѣ. Скотъ и птица помѣщались въ срубахъ, изъ коихъ состояла стѣна. Днемъ всѣ имѣли свободный пропускъ въ острогъ, но, по пробитіи вечерней зари, ворота онаго запирались; самаго же Миниха изъ онаго не выпускали. Для его караула находилась здѣсь особенная гарнизонная команда, съ двумя или тремя офицерами, изъ коихъ Минихъ одного иногда приглашалъ къ себѣ играть въ карты; команда же сія дѣлала здѣсь великіе безпорядки, грабежи въ домахъ и разныя насилія, такъ что многіе Пелымскіе жители, бросивъ свои дома, разбѣжались, кто куда зналъ; бабъ и дѣвокъ часто на нѣсколько дней зарывали по уши въ землю. Графиня Минихъ, была женщина чрезвычайно добрая, росту высокаго и сухощавая; она очень любила, снабдивъ хорошимъ приданымъ, выдавать крестьянскихъ дѣвушекъ замужъ и обыкновенно сама наряжала ихъ подъ вѣнецъ; такимъ образомъ облагодѣтельствовала она здѣсь многія семейства. Нынѣшняго году умерла здѣсь старушка Пономарева, которая живала у ней въ прислугахъ. Въ день отъѣзда своего изъ Пелыма, Минихъ, въ дорожномъ экипажѣ (это было зимою) три раза объѣхалъ Пелымъ, спускаясь же на рѣку, простился съ жителями, которые, въ большомъ числѣ, при спускѣ собрались, сими словами: „Простите, мои Пелымцы, вотъ и старикъ Минихъ, съ своею старухою, отъ васъ уѣзжаетъ.“ — „Прости, отецъ ты нашъ родной,“ закричалъ ему народъ во слѣдъ; многіе стали на колѣни. Двухъ Пелымцевъ увезъ онъ съ собою, изъ коихъ одинъ возвратился и года два тому назадъ здѣсь умеръ, въ глубокой старости. Любилъ онъ также здѣшняго казака Панова, который стоялъ всегда за его стуломъ, во время обѣда, и чистилъ ему сапоги. Еще забылъ я вамъ сказать, что здѣсь онъ, по большой части, ходилъ въ теплотъ халатѣ и много прохаживался по стѣнамъ своего острога. Вотъ все, что я знаю о Пелымскомъ житьѣ славнаго Миниха, одного изъ знаменитѣйшихъ людей, какіе бывали въ Россіи и о комъ Манштейнъ сказалъ: „Я, бывъ адъютантомъ строгаго Миниха, чувствовалъ „себя важнѣе и болѣе, нежели теперь, „когда самъ генералъ.“ Онъ былъ человѣкъ необыкновенно дѣятельный, свѣдующій по многимъ частямъ и исполненный жизни, даже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ. Прямо изъ Пелымскаго острога судьбѣ угодно было бросить его въ самыя бурныя треволненія политическія; но и тутъ онъ себѣ не измѣнилъ, и тутъ онъ показалъ себя великимъ. Онъ жилъ еще пять лѣтъ. Въ Пелымѣ писалъ онъ планъ войны противъ Турокъ и о способѣ покорить сію державу. Тюрьма, приготовленная имъ для Бирона, существуетъ еще и донынѣ, только на другомъ мѣстѣ и въ видѣ избы; она имѣетъ по 8 аршинъ въ ширину и длину и была несоразмѣрной вышины, едва ли не въ 9 аршинъ,—такъ что видомъ походила болѣе на низкую башню, нежели на домъ. Кругомъ сія тюрьма была обнесена тыномъ, одной съ нею вышины; пространство же между стѣнами тюрьмы и тыномъ было едва ли болѣе сажени, такъ что все сіе жилище Бирона, по всей справедливости, можетъ назваться темницею, а посему и не мудрено, что оно, послѣ Петербургскаго дворца, показалось бы тѣснымъ бывшему регенту Имперіи. Вотъ историческія преданія о Пелымѣ; кажется, что теперь здѣсь я единственный хранитель оныхъ: ибо, со смертью Казанцева, не стало болѣе современныхъ свидѣтелей эпохи Миниха; нынѣшніе же жители мало заботятся о томъ что было прежде.

Два письма графа Никиты Петровича Панина къ супругѣ его графинѣ Софьѣ Владиміровнѣ въ Москву [1].

I.

St. Pétersb. Ce vendredi, 22 Mars 1801.

Jamais les apparences n'ont donné plus de tort à quelqu'un que je dois en avoir à vos yeux, ma tendre amie; cependant mon coeur est irréprochable et si le vôtre ne plaide pas ma cause avec succès, le simple récit que je vais vous faire de mes aventures suffira pour constater mon innocence, en vous prouvant l'impossibilité absolue où je me suis trouvé de tenir une plume jusqu'à cette minute.

Arrivé ici dans la nuit de mercredi à jeudi, j'ai trouvé déjà ma soeur [2]) couchée; mais après un long conseil entre Priklonsky [3]) et moi nous avons pris la résolution de la faire éveiller. Je ne vous parlerai pas de notre joie mutuelle, ni de l'avidité avec la quelle je dévorais tant de détails intéressants sur l'événement du jour. Après avoir prolongé notre entretien jusque vers 5 h., je suis monté dans les chambres du bel étage que ma soeur a évacuées pour moi, et je me suis mis un instant sur mon lit, mais sans vouloir dormir malgré ma fatigue, parceque je voulais me trouver au lever de l'Empereur. A 7 h. j'étais déjà dans son antichambre, et Sa Majesté était déjà habillé depuis longtemps; mais comme elle travaillait alors avec ses secrétaires, j'ai dû attendre près d'une heure. Aussitôt qu'on m'a introduit dans le cabinet, je me suis jeté à ses genoux pour lui baiser la main; mais l'Empereur me relevant m'embrassa à plusieurs reprises avec une bonté pour la quelle je ne trouve point d'expressions. Il entama tout de suite une conversation pleine de confiance et relative à sa propre personne. Je ne la rapporterai point ici et je me bornerai à vous dire qu'elle dura longtems, toujours sur le même ton, après quoi Sa Majesté Impériale passa à la politique, et j'eus le bonheur de reconnaître dans tout ce qu'elle me dit la confiance la plus illimitée. C'est au point qu'elle a daigné suspendre toute résolution importante jusqu'à mon arrivée, annonçant à ses ministres qu'elle ne voulait rien faire avant de m'avoir entendu. A la fin de cet entretien l'Empereur me dit qu'il m'avait fait venir pour me remettre la direction des affaires étrangères, et il poussa la con-

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ княгини Маріи Александровны Мещерской. Не только содержаніе, но и самое время написанія этихъ писемъ придаетъ имъ значеніе историческаго показанія. Графъ Н. П. Панинъ (1771—1837, котораго переписка изъ Берлина съ вице-канцлеромъ кн. Куракинымъ, печатается въ Русск. Старинѣ) былъ съ дѣтства близкимъ лицомъ къ Императору Павлу; послѣ Берлинскаго посольства былъ онъ вице-канцлеромъ, но подвергся опалѣ и 15 Ноября 1800 г. удаленъ въ сенаторы, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ приказаніе жить въ Москвѣ. Не задолго до своей кончины Павелъ Петровичъ вызывалъ графа Панина изъ Москвы, но онъ не поѣхалъ. Александръ Павловичъ пригласилъ его въ Петербургъ немедленно по своемъ воцареніи.

[2]) Софія Петровна (1772—1833), единственная изъ достигшихъ зрѣлаго возраста сестеръ графа Н. П. Панина, была въ супружествѣ за Иваномъ Васильевичемъ Тутолминымъ.

[3]) Петръ Ивановичъ Приклонскій, другъ Панинскаго дома.

descendance et la bonté jusqu'à me faire des excuses de ce qu'il laissait le prince Kourakin et le comte Pahlen [4]) à leurs places, en demandant si je consentais à servir avec aux, avec l'assurance la plus formelle que moi seul je dirigerais les affaires. Sa Majesté m'offrait le titre de vice-chancelier, et il me parût qu'en voulant par ménagement le conserver au prince Kourakin, cette concurrence le mettait dans l'embarras. Pouvais-je répondre autrement à une délicatesse aussi magnanime qu'en offrant un sacrifice comme gagé de mon désintéressement? J'offris donc sur-le-champ à l'Empereur de résigner le titre de vice-chancelier, en lui disant que son estime et sa confiance étaient les seuls objets de mon ambition, que je ne connaissais aucune rivalité dans son service et qu'il pouvait me donner les titres qu'il voudrait, persuadé de mon obéissance et de mon dévouement sans bornes. Par la manière dont l'Empereur s'est exprimé ensuite à mon sujet, j'ai eu la satisfaction de voir que ma conduite dans cette circonstance avait obtenu son auguste suffrage, et je m'en trouve encore récompensé par l'effet qu'elle a produit sur le prince Kourakin. La conservation exclusive de son titre le flatte infiniment et ne lui laisse aucun regret en se voyant réduit à une nullité absolue. Mais continuons mon récit. Au sortir de la Cour, j'ai été chez lui, et il m'a reçu comme un frère, même avant de savoir les égards que j'ai eus pour sa personne. Jugez de mon étonnement, ma tendre amie, lorsqu'il m'a fait lire un testament de feu l'Empereur fait à la vérité en 1788 [5]), par lequel entre autres legs à différentes personnes, il ordonne de remettre après sa mort au chef de ma maison (par conséquent à moi) une aigrette en diamans qui se porte au chapeau et son portrait, et en même tems il impose à son héritier l'obligation d'acquitter par ses bienfaits pour moi la dette que le défunt a contracté envers mon oncle. Le jeune Empereur a pris connaissance de ce testament ce soir pour la première fois, et il a déclaré qu'il remplirait toutes les intentions de son père avec la plus scrupuleuse exactitude. Jusqu'à ce que le leg me soit remis, ce qui ne tardera pas, je dois, mon cher ange, vous imposer un silence absolu sur ce que je viens de vous dire, et je n'en excepte que votre père [6]), en lui recommandant la même discrétion.

Après ma visite chez Kourakin je suis rentré à la maison, où j'ai trouvé déjà réunis la plupart de mes parents et de mes amis. Le baron d'Armfeldt était du nombre et a paru très content de me revoir. Le prince Kourakin est venu quelquels momens après et a dîné chez moi. Après le dîner j'ai été d'abord rendre visite au comte Pahlen qui m'avait déjà prévenu. Nous devions aller ensemble chez l'Empereur, mais une conférence inattendue avec l'ambassadeur de Suède nous a fait changer de résolution. Je suis retourné à la Cour où l'Impératrice-Mère m'avait fait appeler et m'a retenu près d'une heure entière en présence du prince Kourakin. Si je pouvais vous rendre tout ce qu'elle m'a dit, je suis sûr que ce papier serait arrosé de vos larmes.

---

[4]) Т. е. членами Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

[5]) Это обширное завѣщаніе напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1866 года. Оно очень замѣчательно по многимъ отношеніямъ и въ особенности потому, что въ немъ Павелъ Петровичъ, еще будучи великимъ княземъ, дѣлаетъ распоряженіе о правахъ Русскаго престолонаслѣдія.

[6]) Графа Владиміра Григорьевича Орлова.

Il est impossible de l'entendre sans être attendri jusqu'au fond de l'âme. En la quittant j'ai passé à la grande Cour et ayant rencontré par hasard Leurs Majestés Impériales qui se rendaient à la prière, j'ai été présenté à la jeune Impératrice au moment où je m'y attendais le moins. Elle est embellie et changée du tout au tout pour les manières: un ton d'aisance, rempli de dignité, remplace cette timidité excessive qui l'empêchait autrefois de faire valoir tous les moyens qu'elle a pour la représentation. Elle m'a demandé de vos nouvelles, en s'exprimant de la manière la plus gracieuse. Je suis resté encore quelque tems à la Cour, et tout ce que j'ai pu faire a été de rentrer pour souper: or, il vous sera facile de concevoir, ma tendre amie, que j'avais besoin de repos et qu'il ne m'était pas possible d'écrire. Depuis notre séparation jusqu'à la nuit dernière je n'ai dormi en tout que 3 h. ½. C'était à Зимогорье où un ouragan affreux m'a contraint d'attendre le jour pour continuer ma route.—Je reprends mon journal. Ce matin il a fallu se lever avant 7 h., parceque je devais me rendre auprès de Sa Majesté bientôt après. Le travail des ministres qui m'ont précédé dans le cabinet s'est prolongé cependant, de manière que je n'y ai été introduit que vers les 9 h. L'Empereur m'a traité avec la même bonté que la veille et a daigné me remettre entiérement la direction du collège des affaires étrangères. C'est moi qui lui ferai les rapports avec l'agrément d'envoyer Engel à ma place toutes les fois que je croirai ma présence inutile. Je suis aussi chargé exclusivement des conférences avec le corps diplomatique. Enfin la rédaction de tout ce qu'il y a à écrire est encore mon lot. Pour le début, Sa Majesté Impériale m'a confié un travail qui exige tant d'application que je devrais déjà être à l'ouvrage et que je ne suis pas à l'abri de tout reproche en m'occupant à cette heure à dicter une aussi longue lettre. Ne soyez donc point blessée, ma tendre amie, du laconisme des suivantes, car je sais que ce serait mal remplir vos intentions que d'altérer ma santé par des veilles excessives, pour vous faire lire quelques lignes de plus. Pour les premiers tems j'aurai à peine une demie heure à moi dans la journée; mais ce grand travail diminuera dès que nous serons parvenus à établir un peu d'ordre.

Demain on transporte en grande cérémonie le corps du défunt à la forteresse. Je devais précéder le convoi à pied en portant sur un coussin la grande couronne impériale. Le trajet est de huit verstes, parcequ'il faut passer sur deux ponts, ce qui fait un grand détour. Jugez de ce que j'aurais souffert n'étant pas encore bien reposé et dans un simple habit par le froid qu'il fait. Heureusement Sa Majesté Impériale à bien voulu me dispenser de cette corvée, de sorte que j'aurai le bonheur d'être chaudement dans mon cabinet, la plume à la main, pendant que celui qui me suppléera dans la cérémonie se réjouira de l'honneur de porter la couronne.

Le reste de la journée d'aujourd'hui n'a pas été moins fatiguant pour moi, et si je ne vous en donne par le détail, c'est qu'il est tems de songer que je suis à la troisième feuille. Le prince Dolgorouky et mr. Toutolmine sont arrivés ce matin et m'ont remis vos lettres. J'ai vu avec surprise, mais en même tems avec satisfaction, que vous n'étiez pas encore délivrée [7]: car si le-

[7]) Говорится о имѣвшемъ родиться, недавно скончавшемся графѣ Викторѣ Никит. Панинѣ.

terme de votre grossesse avait suivi immédiatiment mon départ, je n'aurais pu me défendre de la crainte que le chagrin l'a accéléré; maintenant c'est sans inquiétude et avec le seul sentiment d'impatience que j'attends Брянчаниновъ.

Ce que nous désirions pour votre oncle est fait, comme vous le verrez en détail par ma lettre ci-jointe à papa. J'ai expédié ce soir un feldjäger à Dresde et je suppose que vous aurez le plaisir de revoir votre oncle même avant notre réunion [8]).

Jusqu'à ce jour toutes les peines que mes amis se sont données pour me trouver un logement ont été infructueuses; mais au premier moment de loisir j'irai voir la maison de Narichkin sur la Moyka dont on m'a dit du bien. Ne serez vous pas effrayée de la distance?

J'oublie peut-être des choses essentielles à vous dire et s'il en est ainsi, je vous conjure de me le pardonner, car ma tête est un véritable cahos. Je vous serre contre mon coeur avec Sophie, Adèle, Alexandre[9])et nouveau venu. Adieu, mon bel ange. Pardonnez moi le retard de cette lettre: je vous proteste encore une fois que ce n'est point ma faute. Mille tendresse à tous les vôtres. P.

Переводъ.

СПБ. Пятница, 22 Марта 1801 года. Я долженъ казаться кругомъ виноватымъ передъ тобой, нѣжный другъ мой; между тѣмъ сердце мое не чувствуетъ за собой вины, и если твое сердце меня не оправдываетъ, то доказательствомъ полной моей невинности пусть служитъ нижеслѣдующій простой разсказъ о моихъ похожденіяхъ: изъ него ты убѣдишься, что до сей минуты мнѣ было рѣшительно невозможно взяться за перо.

Я пріѣхалъ сюда въ ночь съ Середы на Четвергъ. Сестрица уже почивала, но послѣ долгаго совѣщанія между Приклонскимъ и мною мы рѣшились приказать разбудить ее. Не стану разсказывать ни о нашей взаимной радости, ни о той жадности, съ которой я выслушивалъ интересныя подробности нынѣшняго событія. Мы проговорили до 5 часовъ; за тѣмъ я поднялся въ бель-этажъ, гдѣ сестрица очистила мнѣ комнаты. На минуту я легъ въ постель; но, при всей усталости, не заснулъ, потому что мнѣ хотѣлось видѣть Государя, только что онъ проснется. Въ 7 часовъ я былъ въ его прихожей комнатѣ, и Его Величество давно уже былъ одѣтъ; но такъ какъ онъ работалъ тогда съ своими секретарями, то мнѣ пришлось подождать болѣе часа. Лишь только ввели меня въ его кабинетъ, я бросился къ его колѣнямъ, чтобъ поцѣловать ему руку; но Государь, поднявъ меня, нѣсколько разъ обнималъ съ невыразимою добротою. Немедленно вступилъ онъ въ разговоръ исполненный довѣрія и относившійся лично къ его особѣ. Я не стану тебѣ передавать его здѣсь, а скажу только, что разговоръ этотъ продолжался долго, все въ одномъ и томъ же тонѣ, послѣ чего Его Императорское Величество перешелъ къ политикѣ, и къ счастью моему, во всемъ что онъ говорилъ, выражалась безграничная ко мнѣ довѣренность, такъ что даже нарочно до моего сюда пріѣзда не рѣшали никакого важ-

---

[8]) Говорится о графѣ А. Г. Орловѣ-Чесменскомъ, который прожилъ въ Германіи время Павловской невзгоды.

[9]) Графъ Александръ Никитичъ Панинъ (1791—1850).

наго дѣла, и министрамъ было объявлено, что Государь ничего не сдѣлаетъ, пока не выслушаетъ меня. Въ заключеніе этой бесѣды, онъ мнѣ сказалъ, что я вызванъ имъ для того, чтобы снова взяться за управленіе иностранными дѣлами. Въ снисходительности и добротѣ своей онъ дошелъ до того, что извинялся передо мною въ томъ, что князь Куракинъ и графъ Панинъ оставлены на мѣстахъ. Государь спрашивалъ, соглашусь ли я служить съ ними, положительнѣйшимъ образомъ увѣряя, что я одинъ буду управлять дѣлами. Его Величество предлагалъ мнѣ мѣсто вице-канцлера; но мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ не обидѣть князя Куракина, сохранивъ ему вице-канцлерство, и что такое совмѣстничество его затрудняло. Могъ ли я отвѣчать на столь великодушную деликатность иначе, какъ, въ залогъ моего безкорыстія, отказавшись отъ этого званія? Поэтому я немедленно объявилъ Императору, что не принимаю вице-канцлерства, что его уваженіе и довѣріе суть единственные предметы моего честолюбія, что, служа ему, я не помышляю ни о какомъ совмѣстничествѣ, и что, убѣжденный въ моемъ повиновеніи и безграничной преданности, онъ можетъ дать мнѣ титулы, какіе ему угодно. По тому, какъ Государь отзывался потомъ на мой счетъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что мой образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ заслужилъ его августѣйшее одобреніе. Въ добавокъ я былъ вознагражденъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое мой поступокъ произвелъ на князя Куракина. Такъ какъ ему исключительно сохраненъ его титулъ, то онъ польщенъ безконечно и вовсе не огорчается тѣмъ, что значеніе его сдѣлалось совершенно ничтожнымъ. Но я буду разсказывать дальше. Изъ дворца я поѣхалъ къ нему, и онъ меня принялъ побратски, еще даже и не зная о томъ уваженіи, которое я оказалъ его особѣ. Представь себѣ, мой нѣжный другъ, удивленіе мое, когда онъ мнѣ далъ прочитать завѣщаніе покойнаго Государя, которое составлено дѣйствительно въ 1788 году и въ которомъ, между другими назначеніями разнымъ лицамъ, онъ приказываетъ, по кончинѣ своей, отдать представителю нашей семьи (стало-быть, мнѣ) брилліантовое перо, какое носятъ на шляпѣ и свой портретъ; въ тоже время онъ возлагаетъ на своего наслѣдника обязанность благодѣтельствовать мнѣ, въ отплату за тѣ одолженія, которыя оказывалъ ему мой дядя. Молодой Государь въ первый разъ узналъ объ этомъ завѣщаніи сегодня вечеромъ и объявилъ, что исполнитъ всѣ намѣренія своего родителя съ самою строгою точностью. Покамѣстъ мнѣ не отдадутъ завѣщаннаго (что̀ не замедлится), я долженъ предписать тебѣ, мой милый ангелъ, полнѣйшее молчаніе на счетъ того что̀ я тебѣ сообщилъ; можешь сказать только своему батюшкѣ, попросивъ его тоже о скромности.

Побывавъ у Куракина, я возвратился домой, гдѣ уже собрались большая часть моихъ родственниковъ и моихъ друзей. Въ томъ числѣ былъ баронъ Армфельдъ, по видимому очень довольный тѣмъ, что снова меня увидѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ князь Куракинъ и обѣдалъ у меня. Послѣ обѣда мнѣ нужно было отдать визитъ графу Палену, который уже пріѣзжалъ ко мнѣ. Намъ надо было ѣхать вмѣстѣ къ Государю, но неожиданное совѣщаніе съ Шведскимъ посланникомъ

заставило насъ перемѣнить намѣреніе. Я опять поѣхалъ во дворецъ: Императрица-мать позвала меня и держала у себя около часа, въ присутствіи князя Куракина. Если бы я могъ тебѣ передать все, что она мнѣ говорила, то навѣрное эта бумага была бы облита твоими слезами. Невозможно ее слушать, не умиляясь до глубины души. Отъ нея прошелъ я къ большому двору и, случайно повстрѣчавъ Ихъ Императорскія Величества, которыя шли молиться, былъ совершенно для меня неожиданно представленъ молодой Императрицѣ. Она похорошѣла и совершенно перемѣнилась въ обращеніи: какое-то довольство, исполненное достоинства, заступило мѣсто излишней робости, которая прежде мѣшала ей быть представительной, къ чему она имѣетъ все нужное. Она меня спрашивала о тебѣ и выражалась самымъ милостивымъ образомъ. Я еще нѣсколько времени пробылъ при дворѣ, и мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ только ѣхать домой ужинать. И такъ, мой нѣжный другъ, ты легко поймешь, что я нуждался въ успокоеніи и, слѣдовательно, не могъ писать. Со времени нашей разлуки и до послѣдней ночи, я спалъ всего три съ половиною часа, именно въ Зимогорьѣ, гдѣ, по причинѣ страшной мятели, я дожидался свѣта, чтобъ ѣхать дальше. Продолжаю мой журналъ. Нынѣшнее утро пришлось мнѣ встать до 7 часовъ, потому что вскорѣ затѣмъ я долженъ былъ явиться къ Его Величеству. Но работа съ министрами, предупредившими меня въ кабинетѣ, затянулась такъ долго, что я былъ допущенъ лишь около 9 часовъ. Государь обращался со мною также милостиво, какъ и наканунѣ и благоволилъ передать мнѣ вполнѣ управленіе Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ. Я буду представлять ему отчеты, съ позволеніемъ присылать вмѣсто себя Енгеля въ тѣхъ случаяхъ, когда сочту присутствіе мое ненужнымъ. На меня также возложены исключительно конференціи съ дипломатическимъ корпусомъ. Наконецъ редакція всей письменной части также принадлежитъ мнѣ. Для начала, Его Императорское Величество довѣрилъ мнѣ одну работу, которая требуетъ такого прилежанія, что мнѣ слѣдовало бы уже ею заниматься и что я могу подвергнуться упреку за то, что въ эту пору диктую столь длинное письмо. И такъ не огорчайся, мой нѣжный другъ, лаконизмомъ послѣдующихъ моихъ писемъ; я знаю, ты сама будешь недовольна, если я, во вредъ моему здоровью, стану засиживаться по ночамъ, чтобы доставить тебѣ нѣсколько лишнихъ строкъ для чтенія. На первыхъ порахъ я могу располагать для себя едва ли получасомъ въ сутки; но эта усиленная работа сократится, какъ скоро намъ удастся завести нѣкоторый порядокъ.

Завтра, съ великимъ торжествомъ, перевозятъ въ крѣпость тѣло покойника. Мнѣ слѣдовало идти впереди пѣшкомъ и нести на подушкѣ большую императорскую корону. Всего ходу восемь верстъ, потому что на пути два моста, что составляетъ большой обходъ. Посуди, каково мнѣ было бы, еще не совсѣмъ отдохнувшему, безъ шубы и въ теперешній холодъ! По счастію, Его Императорское Величество благоволилъ уволить меня отъ этой барщины, и я благополучно останусь въ моемъ тепломъ кабинетѣ съ перомъ въ рукѣ; а имѣющій заступить мое мѣсто въ цере-

моніи будетъ радоваться чести нести корону.

Остальные часы нынѣшняго дня были для меня не менѣе утомительными. Я тебѣ не сообщаю подробностей: пора подумать, что письмо мое перешло на третій листъ. Сегодня утромъ пріѣхали князь Долгорукій и Тутолминъ; они передали мнѣ твои письма. Съ удивленіемъ, но въ тоже время и съ удовольствіемъ я узналъ, что ты еще не родила: если бы это произошло немедленно послѣ моего отъѣзда, я не уберегся бы отъ мысли, что роды ускорились вслѣдствіе огорченія. Теперь я стану ожидать Брянчанинова, только съ однимъ чувствомъ нетерпѣнія, но безъ тревоги.

Наше желаніе относительно твоего дяди исполнено, какъ увидишь изъ прилагаемаго при семъ письма моего къ батюшкѣ. Нынче вечеромъ я отправилъ фельдъегеря въ Дрезденъ и думаю, что ты будешь имѣть удовольствіе увидать опять своего дядю раньше даже нашего свиданія.

До сего дня всѣ старанія друзей моихъ найти мнѣ помѣщеніе оставались безплодны; но въ первую свободную минуту я отправлюсь посмотрѣть домъ Нарышкина на Мойкѣ, о которомъ мнѣ говорили много хорошаго. Не пугаетъ ли тебя разстояніе?

Можетъ быть, я забываю сказать тебѣ что либо важное; и если это такъ, умоляю извинить мнѣ, такъ какъ въ головѣ у меня настоящій хаосъ. Прижимаю тебя къ моему сердцу съ Софьею, Аделью, Александромъ и новоприбывшимъ. Прости, мой прекрасный ангелъ. Извини мнѣ запоздалость этого письма: заявляю тебѣ еще разъ, что тутъ не моя вина. Поклонъ всѣмъ твоимъ. П.

2.

Le peu de lignes que je vous adresse aujourd'hui, ma tendre amie, ne vous exprimera que ma vive impatience de recevoir la nouvelle si longtems attendue de votre délivrance. Hier matin l'Empereur a eu la bonté de me questionner avec un vif intérêt sur l'état de votre santé, et l'Impératrice-douairière m'en a parlé aussi. Je vous ai déjà dit que la jeune Impératrice ne vous avait pas oubliée non plus. Sa Majesté Impériale s'est trouvée incommodée la veille de Pâques et n'a pas pu assister au service divin. C'est un mal de gorge accompagné de fièvre; mais elle est beaucoup mieux, et je crois que j'aurai l'honneur de lui faire ma cour en particulier aujourd'hui ou demain, comme elle a bien voulu m'en témoigner le désir avant son indisposition.

Je travaille tous les jours avec l'Empereur dans son cabinet, tantôt le matin de bonne heure, tantôt le soir et souvent à plusieures reprises dans la journée. Ayant de plus les conférences et généralement la gestion des affaires du département, vous sentez, ma chère amie, que je trouve avec peine un quart d'heure pour notre correspondance. Malgré cela soyez sûre que je ne manquerai point de poste ou que, si cela arrive, quelqu'un des miens vous tranquillisera sur mon compte.

Je n'ai reçu que ce matin votre lettre du 21 et je n'ai pas encore eu le tems d'éclaircir la cause de ce retard, qui m'a donné beaucoup d'inquiétude: cette lettre est venue par la poste; elle porte le № 4.

Etant très gêné chez ma soeur à cause de mes papiers, j'ai cherché un pied-à-terre jusqu'à ce qu'il se présente une bonne maison à avoir, et le ministre de Naples me donne celle qu'occu-

pait Rosenkrantz pour un mois. Envoyez moi donc les gens et la partie la plus essentielle du bagage le plus tôt que vous pourrez. Je n'ai pas le tems de vous donner des nouvelles, d'ailleurs il n'y a en a guères. Si je vous parlais des vertus de notre nouveau maître et des sentimens qu'il inspire à tout ce qui l'approche, je ne finirais jamais. C'est le cœur et l'âme de Catherine II, et à chaque heure du jour il acquitte l'engagement pris dans le manifeste.

Ma première lettre pour vous a été expedié le lendemain de mon arrivée, par estafette, et je me flatte qu'elle est depuis longtems entre vos mains.

Dites, je vous prie, à papa que l'affaire d'Островъ [10]) va être réparée. Le procureur-général s'en occupe. S'il ne m'avait pas confié ses intentions à cet égard, j'aurais déjà parlé à l'Empereur.

Je vous serre contre mon coeur, chère Sophie, de même que nos aimables enfans. Dieu veille sur la vertu et l'innocence, puisqu'Il a sauvé notre patrie. Je compte sur Sa bonté pour vous et j'attends votre délivrance sans inquiétude. Mille choses tendres à tous les vôtres. P.

Переводъ.

Немногія строки, которые нынче пишу къ тебѣ, мой нѣжный другъ, не выразятъ тебѣ живаго нетерпѣнія моего узнать о столь давно ожидаемомъ разрѣшеніи твоемъ. Вчера утромъ Государь съ живымъ участіемъ милостиво спрашивалъ меня о состояніи твоего здоровья, и вдовствующая императрица говорила также о томъ со мною. Я уже передавалъ тебѣ, что и молодая императрица о тебѣ не позабыла. Ея Императорское Величество заболѣла наканунѣ Пасхи и не могла быть при богослуженіи. У нея горловая боль съ лихорадкою; но ей гораздо легче, и я думаю, что нынче или завтра я буду имѣть честь явиться къ ней особо: она благоволила еще до своего нездоровья выразить мнѣ желаніе, чтобы я къ ней пришелъ.

Я работаю ежедневно съ Государемъ у него въ кабинетѣ, то раннимъ утромъ, то вечеромъ, и часто по нѣскольку разъ на день. Сверхъ того у меня конференціи и все управленіе департаментомъ, такъ что ты понимаешь, мой милый другъ, что едва выберется четверть часа для нашей переписки. Не смотря на то, будь увѣрена, что я не пропущу почты; а если и случится такъ, то кто-нибудь изъ моихъ близкихъ успокоитъ тебя на мой счетъ.

Письмо твое отъ 21-го я получилъ только сего дня утромъ и не имѣлъ еще времени узнать, отчего оно опоздало, что̀ меня очень обезпокоило. Это письмо пришло съ почтою; на немъ номеръ 4-й.

Мнѣ съ моими бумагами было очень стѣснительно оставаться у сестрицы, и я искалъ гдѣ-нибудь помѣститься, покамѣстъ найду хорошій домъ. Неаполитанскій министръ отдаетъ мнѣ на мѣсяцъ тотъ домъ, въ которомъ жилъ Розенкранцъ. И такъ присылай мнѣ какъ можно скорѣе людей и что̀ поважнѣе изъ багажа. Мнѣ некогда сообщить тебѣ новости, да впрочемъ ихъ и нѣтъ. Если говорить тебѣ о добродѣтеляхъ нашего новаго повелителя и о чувствахъ, которыя онъ внушаетъ всѣмъ, кто къ нему приближается, то я бы никогда не кончилъ. Это сердце и душа Екатерины

[10]) Бывшая подмосковная графовъ Орловыхъ, въ Подольскомъ уѣздѣ, Московск. губ.

II-й, и во всѣ часы дня онъ исполняетъ обѣщаніе, данное въ манифестѣ. Первое мое письмо къ тебѣ послано было на другой день по моемъ прибытіи черезъ эстафету, и я льщусь, что оно давно въ твоихъ рукахъ. Скажи, прошу тебя, батюшкѣ, что дѣло объ Островѣ будетъ поправлено. Генералъ-прокуроръ имъ занимается. Если бы онъ не открылъ мнѣ своихъ намѣреній на этотъ счетъ, то я бы поговорилъ о томъ съ Государемъ. Прижимаю тебя къ сердцу, милая Софья, равно и нашихъ любезныхъ дѣтей. Богъ хранитъ добродѣтель и невинность, потому что онъ спасъ наше отечество. Полагаюсь на Его милость къ тебѣ и ожидаю твоего разрѣшенія безъ тревоги. Поклонъ мой всѣмъ твоимъ. П.

ЗАМѢТКА.

Въ 1-й книгѣ „Р. Архива" сего года помѣщено стихотвореніе Кольцова, посвященное Дмитрію Никитичу Бѣгичеву, бывшему Воронежскому губернатору. Стихотвореніе это названо *неизданнымъ;* а между-тѣмъ, хотя оно и не вошло въ собранія произведеній Кольцова, однакожъ было уже напечатано, при его жизни, въ «Сынѣ Отечества» за 1840-й годъ (которой издавали тогда А. В. Никитенко и Н. А. Полевой), т. II, кн. IV, стр.-681—682; но подъ другимъ заглавіемъ, безъ поименованія лица, къ кому стихи относились, и съ нѣкоторыми, небольшими впрочемъ, измѣненіями противъ текста, напетаннаго теперь съ подлинника въ «Русскомъ Архивѣ». Вотъ въ какомъ именно видѣ появилось оно въ первый разъ въ печати:

БЛАГОДѢТЕЛЮ МОЕЙ РОДИНЫ.

Есть люди—межь людей они
Стоятъ на ступеняхъ высокихъ:
Кругомъ ихъ шумной блескъ и слава
Далеко свой бросаетъ свѣтъ.
Они-жъ, съ ходулей недоступныхъ,
Съ безумной гордостью глядятъ;
Въ страстяхъ, порокахъ утопая,
Проводятъ безполезный вѣкъ....
И люди мимо ихъ смиренно,
Съ лицемъ боязненнымъ проходятъ;
Взглянуть на лица ихъ боятся;
Колѣна гнутъ, цѣлуютъ платья,—
А въ глубинѣ души, безмолвно
Клянутъ и презираютъ ихъ.
Другіе люди есть: они отъ Бога
Поставлены на тѣхъ-же ступеняхъ;
И также блескъ, величье, слава
Кругомъ ихъ свѣтъ бросаютъ свой;
Но люди тѣ—всю жизнь свою
Дѣламъ народа посвятили;
И искренно для пользы государства
Работаютъ свой вѣкъ они...
Кругомъ-же ихъ, съ почтеньемъ люди
Колѣна гнутъ, благоговѣйно
Молитвы чистыя творя...
О, много разъ, несчастныхъ, бѣдныхъ,
Васъ окружала пестрая толпа.
Когда вы всѣмъ, по силѣ-мочи,
Съ любовью помогали имъ,
Тогда, съ благоговѣньемъ тайнымъ,
Любилъ глядѣть я, молчаливо,
Какъ чудно-благодатнымъ свѣтомъ
Сіяло ваше доброе лице!

А. Кольцовъ.

1840
Воронежъ.

Чувства, выраженныя въ этомъ стихотвореніи, не были подсказаны поэту ни желаніемъ польстить сильному человѣку, ни какими-либо причинами личными. Д. Н. Бѣгичевъ оставилъ по себѣ въ Воронежской губерніи не отжившую донынѣ память справедливаго, умнаго и добраго начальника, неутомимаго и просвѣщеннаго дѣятеля на пользу края, которымъ онъ управлялъ. Особенно заявилъ онъ себя распорядительностію и заботливостію въ двѣ бѣдственныя эпохи, пережитыя при немъ Воронежскою губернію: въ первую холеру 1830-го года и въ голодъ 1833 г. Онъ былъ губернаторомъ въ Воронежѣ шесть лѣтъ: съ Марта 1830 г. по 9-е Апрѣля 1836 г.

Коснувшись воспоминанія о службѣ Д. Н. Бѣгичева, не могу не сказать

нѣсколькихъ словъ и объ административныхъ трудахъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ его предмѣстниковъ по Воронежской губерніи, Н. И. Кривцовѣ, о которомъ приведено нѣсколько характеристическихъ подробностей въ Старой Записной Книжкѣ, напечатанной въ Русскомъ Архивѣ 1874 года. Кривцовъ служилъ Воронежскимъ губернаторомъ (въ чинѣ статскаго совѣтника и званіи каммергера) немного долѣе двухъ лѣтъ: съ Апрѣля 1824-го по Октябрь 1826 г.; но, отличаясь горячей дѣятельностію по строительной части, успѣлъ сдѣлать, въ короткое время своего управленія, очень многое для улучшенія города Воронежа относительно существенныхъ удобствъ и внѣшняго благообразія. Онъ вымостилъ улицы, устроилъ, вмѣсто первобытной гати, прекрасную дамбу съ мостомъ при выѣздѣ изъ города, выкопалъ 20 колодцевъ въ нагорной его мѣстности, удаленной отъ рѣки; выровнялъ, укрѣпилъ стѣнами и вымостилъ обрывистые спуски, провелъ бульваръ, построилъ нѣсколько общественныхъ зданій и, однимъ словомъ, совершенно преобразовалъ Воронежъ этими капитальными и полезными сооруженіями, которыя всѣ дѣлались непостижимо-быстро, но толково, прочно и красиво. Многіе изъ нихъ доселѣ существуютъ и продолжаютъ служить своему назначенію. Вообще, по части строительной, Кривцовъ отличался въ высшей степени энергическою и производительною дѣятельностію, какъ никто изъ его предшественниковъ и преемниковъ по должности *). Средства на эти цѣнныя работы онъ черпалъ въ капиталахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, изъ которыхъ бралъ нужныя на то суммы, не стѣсняясь формальностями. Послѣднее обстоятельство, разумѣется, открыло путь разнымъ продѣлкамъ чиновниковъ Приказа и дало имъ поводъ запутать счеты и произвести недочеты, обратившіеся за тѣмъ прогрессивно въ громадныя растраты.

Воронежъ.
3-го Іюля 1874 г. *Дмитрій Рябининъ.*

*) Изъ ряда ихъ, однакожъ, выдается съ этой стороны управленіе генералъ-маіора (нынѣ генерала отъ кавалеріи и сенатора) Николая Петровича Синельникова, бывшаго въ Воронежѣ губернаторомъ съ 28-го Янв. 1857 г. по 3-е Авг. 1859 г.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧА.

Издателю Русскаго Архива.

Въ видѣ приступа къ обѣщаннымъ вамъ воспоминаніямъ, примите поэтическую характеристику Пушкина, которая едва ли у кого осталась теперь въ памяти. Я получилъ эти стихи отъ Льва Пушкина, недавно вспомнилъ о нихъ и отыскалъ въ своихъ бумагахъ.

I.

О Туманскомъ.

Пушкинъ.

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсень дивный даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ
И, вѣрный тайному влеченью,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья
Какъ пышный цвѣтъ созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой страннический вѣкъ,
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ.
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ упоеньи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

Ѳ. Туманскій.

Ѳедоръ Антоновичъ Туманскій былъ воспитанникъ Московскаго университетскаго Пансіона и окончилъ курсъ еще до преобразованія, въ 1818 году, этого учрежденія, по Лицейскому образцу, т. е. еще тогда, когда пансіонеры въ немъ только приготовлялись къ университетскому курсу, а оканчивали образованіе въ Университетѣ, продолжая оставаться въ пансіонѣ, на его попеченіи, въ воспитательномъ отношеніи. Въ основу Московскаго Университетскаго Пансіона видимо положена была идея Англійскихъ коллегій, и эта идея, въ продолженіе болѣе чѣмъ полувѣка, вполнѣ привилась къ нашей жизни. Принятая у насъ тогда идея Лицея далеко не была такъ удачна, потому что она ограничивала образованіе дворянскаго юношества курсомъ, гораздо ниже университетскаго.

Я засталъ въ пансіонѣ Туманскаго уже на выходѣ, но хорошо сохранилъ въ памяти его наружность — жирную, довольно неуклюжую, натуры обломовской. Онъ хорошо учился, постоянно читалъ, но ни до его выхода, ни послѣ, я ничего не зналъ и не слыхалъ о его литературныхъ опытахъ. А у насъ литература стояла впереди, и всѣ занимавшіеся ею были на виду. Въ нашемъ пансіонѣ существовали особые педагогическіе пріемы, для возбужденія умственнаго и нравственнаго между нами соревнованія. Для нынѣшнихъ высшихъ взглядовъ, смотрящихъ на незрѣлую молодежь чуть ли не какъ на руководительницу жизни, эти пріемы могутъ показаться, пожалуй, нестоющими вниманія; но кто испыталъ на себѣ ихъ зиждительную силу, тотъ вспоминаетъ о нихъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и благодарностью. Вотъ главные изъ этихъ пріемовъ: на срединѣ обѣденной залы, за круглымъ столомъ, засѣдали, во очію всѣхъ, такъ называемые *отличные*, которымъ кушанье подавалось отдѣльно каждому, тогда какъ на всѣхъ прочихъ столахъ, разставленыхъ вдоль стѣнъ, оно раздавалось надзирателями. За утреннимъ чаемъ, эти въ нашихъ глазахъ *великіе люди*, по очереди, каждый день произносили молитву и читали, на особомъ аналоѣ, Евангеліе того дня. Сидѣть за этимъ столомъ намъ казалось едва достижимою почестью. Этихъ отличныхъ было всего *девять*, по числу Музъ, и всѣ они были дѣйствительными членами пансіонскаго литературнаго общества, — миніатюрнаго подобія Обществу Любителей Россійской Словесности, которое засѣдало въ нашей же торжественной залѣ и къ засѣданіямъ котораго допускались воспитанники старшаго класса. Тамъ мы наслаждались лицезрѣніемъ И. И. Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, князя Вяземскаго, Мерзлякова и слушали чтенія, всегда мастерскія, ихъ произведеній. Можно понять, какъ все это дѣйствовало на наши юношескія души и какимъ стимуломъ служило для нашей умственной дѣятельности. Всѣ эти пріемы принадлежали изобрѣтательности опытнаго и замѣчательнаго педагога, Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, 45 лѣтъ управлявшаго заведеніемъ и воспитавшаго разумно нѣсколько поколѣній отцевъ, ихъ сыновей, а можетъ быть, и внуковъ. Попасть въ число *девяти*, сѣсть за ихъ обѣденный столъ, было для нашего молодаго самолюбія конечно выше, чѣмъ для Французовъ XVIII вѣка попасть въ число 40 безсмертныхъ Академіи. Кромѣ девяти дѣйствительныхъ членовъ, въ пансіонскомъ обществѣ были еще сотрудники, кажется, въ неопредѣленномъ числѣ, которые носили титулъ *полу-отличныхъ*.

И такъ, ежели бы Туманскій писалъ что нибудь въ пансіонѣ, то онъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ бы къ тому или другому литературному разряду: а онъ,

сколько мнѣ помнится, этой чести не достигалъ. По строгости ли къ себѣ серьезнаго дарованія или по обломовскому отвращенію отъ налагаемаго извнѣ труда, только, какъ я говорилъ, онъ литературною извѣстностью въ пансіонѣ не пользовался. Можетъ быть, уже въ Петербургѣ, куда онъ поступилъ на службу, проснулся въ немъ талантъ, подъ вліяніемъ Пушкинской плеяды. Я съ нимъ никогда потомъ не встрѣчался и первыя свѣдѣнія о немъ, какъ о поэтѣ, получилъ отъ Льва Пушкина, который зналъ и любилъ его.

Өедоръ Туманскій обладалъ несомнѣнно значительнымъ самостоятельнымъ талантомъ. Онъ не былъ ничьимъ подражателемъ, потому что носилъ въ себѣ самомъ готовый запасъ для поэтическаго творчества. Онъ доказалъ это, между прочимъ, своею извѣстною *Птичкой*, которую онъ написалъ послѣ *Птички* Пушкина, но, по моему, перещеголялъ его. Смѣлость такого состязанія достаточно свидѣтельствуетъ о самобытной силѣ, и все, что ни написалъ Ө. Туманскій, запечатлѣно индивидуальностью таланта. Каждое его стихотвореніе было не только прочувствовано, но глубоко перечувствовано и получало жизнь и форму, какъ органическій продуктъ души. Отъ этого форма, въ которую облекалъ Ө. Туманскій свои чувства и мысли, всегда отличалась своеобразностью. Самая простая мысль находила у него оригинальное представленіе и выраженіе.

Къ сожалѣнію, Ө. Туманскій написалъ или, покрайней мѣрѣ, издалъ очень немного; но было бы желательно собрать все имъ написанное. Собрать не трудно. Какъ мнѣ помнится, онъ помѣщалъ свои стихотворенія, преимущественно, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ Дельвига и въ Полярной Звѣздѣ Бестужева. Можетъ быть, найдется что нибудь и въ Современникѣ Пушкина,—однимъ словомъ, въ лучшихъ литературныхъ изданіяхъ того времени.

Ө. Туманскій окончилъ жизнь въ Яссахъ, въ званіи генеральнаго нашего консула, въ возрастѣ, еще далекомъ отъ старости.

II.

Неизданное стихотвореніе Д. В. Давыдова.

Слѣдующіе стихи не вошли ни въ одно изъ собраній сочиненій Давыдова и едва ли когда нибудь были напечатаны, такъ какъ поэтъ-наѣздникъ любилъ наѣздничать и стихами и былъ доволенъ тѣмъ, что они, и безъ печати, вездѣ рыскали, какъ его козаки. Разъ я выразилъ ему сожалѣніе, почему онъ до сихъ поръ (это было въ 1826 году) не собралъ и не издалъ своихъ стихотвореній? — „Экъ, братецъ, къ чему?, вѣдь ихъ и безъ того всѣ знаютъ наизустъ.“ Потомъ прибавилъ: „а издай ихъ,—выйдетъ книжонка; да они врозь не такъ и пріѣдаются.“ Здѣсь, кстати, приведу замѣчательный отзывъ о немъ Пушкина. Однажды на мой вопросъ, какъ удалось ему не поддаться тогдашнему обаянію Жуковскаго или Батюшкова и не попасть, даже на школьной скамьѣ, въ ихъ подражатели?—Пушкинъ отвѣчалъ: „Я этимъ обязанъ Денису Давыдову. Онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ.“—Это понятно. Оригинальность Давыдова могла дѣйствительно поразить геніальнаго юношу: она такъ исключительно-своеобразна, что не оставляла даже возможности подражать ему. У него одного не было ни поддѣльщиковъ, ни подражателей. Независимо отъ достоинства, каждое произведеніе такого кормчаго юношеской ладьи нашего великаго поэта должно быть намъ дорого.

Элегія.

Пусть бога-мстителя могучая рука,
На темѣ острыхъ скалъ, надъ вѣчными снѣгами,
За ребра прикуетъ чугунными цѣпями
Того, кто изобрѣлъ ревниваго замка
Закрѣпы звучные, и тяжкими вратами,
За хладными стѣнами,
Красавицъ заточилъ, въ презрѣніи къ богамъ!

***

Гдѣ ты, рожденная къ восторгамъ, торжествамъ,
И къ радостямъ сердецъ, и къ счастью юной страсти?
Гдѣ ты скрываешься во цвѣтѣ раннихъ лѣтъ,
Ты, дѣва горести, воспитанница бѣдъ,
Смиренная раба неумолимой власти?

***

Увижу ли тебя? Услышуль голосъ твой?
И долголь въ мрачности ночной
Мнѣ съ думой горестной, съ душой осиротѣлой,
Бродить вокругъ обители твоей,
Угадывать окно, гдѣ ты томишься въ ней,
Межъ тѣмъ какъ снѣжный вихрь крутитъ среди полей
И свищетъ рѣзкій вѣтръ въ власахъ оледенѣлыхъ?

***

Ахъ можетъ быть къ окну влекомая судьбой
Или предчувствіемъ какимъ неизъяснимымъ,
Ты крадешься къ нему, когда мучитель твой,
Станъ гибкій обхватя, насильственной рукой
Бросаетъ трепетну къ подругамъ торопливымъ!

***

Востань, о богъ боговъ! Да пламенной рѣкой
Твой гнѣвъ, жестокій и правдивый,
Обрушится съ небесъ на зданье горделиво,
Темницу адскую невинности младой,—
И надъ строптиваго преступною главой
Перуны ярые со трескомъ разразятся!
Тотъ, кто осмѣлится безчувственно касаться
До юныхъ прелестей красавицы моей,
Тотъ, въ буйной дерзости своей,
И ликъ свѣщенный твой повергнетъ раздробленный
И рушитъ алтари, тебѣ сооруженны.

А ты, любимица боговъ,
Ты бѣдствій не страшись! Невидимый покровъ
Пріосѣнитъ тебя отъ бури разъяренной.
Твой спутникъ богъ любви: стезею потаенной
Онъ провести прекрасную готовъ
Отъ ложа горести до ложа наслажденья.

***

О, не чуждайся ты благаго поученья
Безсмертнаго вождя!—Учись, во тмѣ ночной,
Какъ между стражами украдкой пробираться,
Какъ мягкою стопой чуть до пола касаться
И ощупью идти по лѣстницѣ крутой.—

***

Дерзай! Я жду тебя, кипящій нетерпѣньемъ.
Тебѣ ль, тебѣ ль платить обиднымъ подозрѣньемъ
Владыкѣ благъ земныхъ? Ты вспомни, сколько разъ
Отъ бдительныхъ моихъ и ненасытныхъ глазъ,
Твой аргусъ, въ трепетномъ смущеньи,
Тебя съ угрозой похищалъ,—
И тайнымъ влекъ путемъ обратно въ заточенье.

***

Все тщетно! Я ему стезю пересѣкалъ.
Крылатый проводникъ меня предупреждалъ
И путь указывалъ мнѣ прежде неизвѣстный!
Рѣшись безъ робости, о сердца другъ прелестный!
Не медли,—полночь бьётъ,
И угасающи лампады закурились,
И стражи грозные во мракѣ усыпились,
И руку богъ любви прекрасной подаетъ!

Эта элегія написана къ одной воспитанницѣ Московскаго театральнаго училища, въ которую поэтъ былъ влюбленъ, о чемъ я узналъ отъ него самого. Денисъ Васильевичъ, вѣчно юный, любилъ молодежъ и охотно бесѣдовалъ съ нашею братьей. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ, я спросилъ его: кто ему внушилъ эту страстную пѣсню? „Актриса, братецъ, актриса,!“ пропищалъ онъ, смѣясь, и назвалъ ее; но я забылъ ея имя (*).

(*) Это была танцовщица Иванова, см. бум. Остафьевскаго Архива, въ Р. Арх. 1866, стр. 900. *П. Б.*

ЧЕГО СТОИЛА ВОЙНА СЪ ФРАНЦУЗАМИ 1812, 1813 и 1814 ГОДОВЪ.

(Взято изъ подлиннаго отчета Государю Императору главнокомандовавшаго графа Барклая де-Толли отъ 24 Марта 1815 года, въ Варшавѣ).

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ РАСХОДОВЪ ПО ОТЧЕТУ.

На жалованье	71 мил.
— покупку верховыхъ лошадей	7 м.
— Обмундированіе офицеровъ	1½ м.
— Покупку и перевозку коммисаріатскихъ вещей	4½ м.
— Госпитали	2½ м.
— Ремонты и за убитыхъ лошадей	3½ м.
— Раціоны	8 м.
— Козаковъ и вьючныхъ лошадей	6 м.
Передано во внутренній провіантскій департаментъ	5 мил.
На продовольствіе	12 м.
— Артиллерію	2½ м.
— Чрезвычайные расходы	5½ м.
— Награжденія	6 м.
Австріи и Пруссіи заплочено	16 м.
Графу Сиверсу за аммуницію, строенную въ Кенигсбергѣ, и другимъ лицамъ	3½ м.
На счетъ другихъ мѣстъ употреблено	1 м.

Итого 155.500,000 руб.

Подлинный же итогъ 157,450,710 руб. 59 коп. ассигнац.

Примѣчаніе: Небольшой прибавокъ въ итогѣ, 1,950,710 рублей, происходитъ отъ того, что сотни, входившія въ составъ милліоновъ, усѣчены: въ итогѣ же показана точная цифра 157,450,710 рублей ассигнаціями.

Слѣдовательно на каждый годъ по 52,483,570 руб. 19⅔ коп. ассигнац.

На войну же 1855 года издержано въ одинъ годъ 180,000,000 руб. сер.

а на 1856 годъ назначено по смѣтѣ 300,000,000 руб. сер.

Свѣдѣніе это выписано Н. И. Розановымъ изъ черноваго отчета Егора Францовича Канкрина, въ послѣдствіи графа, министра финансовъ, нѣкоторыя бумаги котораго оказались у генералъ-лейтенанта А. А. Невѣровскаго, директора Лѣснаго Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ, женатаго на племянницѣ графа Канкрина.

Съ сообщенной мнѣ Н. И. Розановымъ выпискою вѣрно: *М. Юзефовичъ.*

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

ВЪ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

(Цѣна 4 рубля, съ пересылкою 4 р. 50 к).

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816 — 1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкина* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры.

Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ.

Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки: Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальмштернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года. — Анекдоты о князѣ А. С. Менщиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ. — Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр. — Donna Sol. — Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.

Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума, съ новыми отрывками онаго. Статья *А. Н. Веселовскаго.*

Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.

Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770—1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.*

Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ). — Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.*

Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой:* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера. — Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.*

Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805—1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу. — Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню.

Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго.— Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. И. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ *князя В. Ѳ. Одоевскаго:* отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр.

Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго.* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители) — Wahrheit und Dichtung. Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ. — Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права. *Д. А. Столыпина*, и пр.

РУССКІЙ АРХИВЪ

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ВЪ

1875 году

НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874. ИЗДАВАЕМЫЙ 10.

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго.
1874.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

ВЪ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874,

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

(Цѣна 4 рубля).

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816 — 1831) с новыми стихами А. С. Пушкина.

Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкі* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ.

Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года. Письмо *князя П Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки: Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперан. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальм штернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года. — Анекдоты о князѣ А. С. Менщиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ. — Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр. — Donna Sol. — Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.

Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.*

Любительскіе спектали въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.

Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770—1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.*

Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ). — Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.*

Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой:* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера. — Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.*

Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805—1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу. — Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню.

Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго.— Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. И. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ *князя В. Ѳ. Одоевскаго:* отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр.

Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго,* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители) — Wahrheit und Dichtung. Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ.

Печ. со стали Ф.А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ

ТЮТЧЕВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

И. С. АКСАКОВА.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
1874.

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Небольшая книжка стихотвореній; нѣсколько статей по вопросамъ современной исторіи; стихотворенія, изъ которыхъ только очень немногимъ досталась на долю всеобщая извѣстность; статьи, которыя всѣ были писаны по-французски, лѣтъ двадцать, даже тридцать тому назадъ, печатались гдѣ-то за границею, и только недавно, вмѣстѣ съ переводомъ, стали появляться въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.... Вотъ покуда все, что̀ можетъ Русская библіографія занести въ свой точный *синодикъ*, подъ рубрику: „Ѳ. И. Тютчевъ, род. 1803 + 1873 г.". . Литературный послужной списокъ не объемистъ; имя малознаемое въ массахъ грамотной,—и не только грамотной, даже образованной нашей публики... А между тѣмъ, этимъ самымъ стихотвореніямъ, еще сначала пятидесятыхъ годовъ, отводится Русскою критикою мѣсто чуть не на ряду съ Пушкинскими; это самое имя, въ теченіи цѣлой четверти вѣка, во всѣхъ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга, чтится и славится, знаменуя собою: мысль, поэзію, остроуміе въ самомъ изящномъ соединеніи. Странное противорѣчіе, не правда ли? Какъ объяснить этотъ недостатокъ популярности при несомнѣнномъ общественномъ значеніи? эту несоразмѣрность внѣшняго объема литературной дѣятельности съ обнаруженною авторомъ силою дарованій?.. Но и здѣсь еще не конецъ недоумѣніямъ, нерѣдко возбуждаемымъ именемъ Тютчева. Ко всѣмъ единодушнымъ отзывамъ нашей періодической печати объ его умѣ и талантѣ, раздавшимся вслѣдъ за его кончиною вмѣстѣ съ выраженіями искренней скорби, мы позволимъ себѣ прибавить еще и свой: Тютчевъ былъ не только самобытный, глубокій мыслитель, не только своеобразный, истинный художникъ-поэтъ, но и одинъ изъ малаго числа носителей, даже двигателей нашего Русскаго, народнаго самосознанія.

Какъ — скажутъ многіе, встрѣчавшіе Тютчева на Петербургскихъ балахъ и раутахъ — этотъ почти-иностранецъ, едва ли когда говорившій иначе какъ по-французски; это повидимому чистокровное порожденіе европеизма, безъ всякаго на себѣ клейма какой-либо національности,—Тютчевъ, въ которомъ все, до послѣдняго сустава и нерва, дышало прелестью высшей, всесторонней, не-русской культуры, — Тютчевъ одинъ изъ представителей Русской народности?!... Трудно мирится такое тяжеловѣсное предположеніе съ граціознымъ образомъ этого очаровательно-умнаго, но вполнѣ свѣтскаго собесѣдника. Можно ли, позволительно ли возводить его чуть не на степень серьезнаго общественнаго дѣятеля?...

Онъ и не дѣятель въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Онъ просто—явленіе; явленіе общественное и личное, въ высшей степени замѣчательное и любопытное для изученія. Его дѣятельность, почти непосредственная, сливается съ самимъ его бытіемъ. Вполнѣ естественны, вполнѣ понятны для насъ всѣ помянутыя выше недоумѣнія. Именно въ виду ихъ мы и считаемъ нужнымъ представить читателямъ не одну общую оцѣнку литературныхъ останковъ покойнаго Тютчева (что̀ отчасти уже было сдѣлано и другими), но самую судьбу, личную и внутреннюю, этого Русскаго таланта. Участь талантовъ у насъ на Руси — вообще предметъ высокаго интереса и важности для исторіи Русскаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о такомъ богатствѣ даровъ, какимъ былъ надѣленъ Тютчевъ… Прослѣдить, по возможности, самое развитіе этой многоодаренной природы,—соотношеніе ея особенныхъ психическихъ условій съ условіями бытовыми, общественными, историческими; ту взаимную ихъ связь и зависимость, которая создала, опредѣлила и ограничила ея жизненный жребій — вотъ задача, которую мы постараемся разрѣшить, на сколько съумѣемъ, въ нашемъ біографическомъ очеркѣ.

Первою біографическою чертою въ жизни Тютчева, и очень характерною, сразу бросающеюся въ глаза, представляется невозможность составить его полную, подробную біографію. Для большинства писателей,—какъ бы умѣренно они себя ни цѣнили,— потомство, по выраженію Чичикова, все же „чувствительный предметъ.“ Многіе, еще при жизни, заранѣе облегчаютъ трудъ своихъ будущихъ біографовъ подборомъ матеріаловъ, подготовленіемъ объяснительныхъ записокъ. Тютчевъ—на оборотъ. Онъ не только не хлопоталъ никогда о славѣ между потомками, но не дорожилъ ею и между современниками; не только не помышлялъ о своемъ будущемъ жизнеописаніи, но даже ни разу не позаботился о составленіи вѣрнаго списка или хоть бы перечня своихъ сочиненій. Если стихи его увидѣли свѣтъ, такъ только благодаря случайному, постороннему вмѣшательству; въ появленіи ихъ въ печати бывали пропуски въ *пять* и въ *четырнадцать* лѣтъ, хотя въ поэтическомъ его творчествѣ и не было перерыва. Самая извѣстность его, какъ поэта, начинается собственно съ 1854 года, т. е. когда ему пошелъ уже шестой десятокъ лѣтъ, именно со времени перваго изданія его стихотвореній редакціей журнала „Современникъ,“ при содѣйствіи И. С. Тургенева. Во сколько такое пренебреженіе къ своей авторской личности происходило у Тютчева отъ врожденной ему безпечности и лѣни, во столько же, если не болѣе, отъ особаго рода скромности, смиренія и отъ иныхъ нравственныхъ причинъ, которыя мы обстоятельно разъяснимъ ниже. Здѣсь же мы только напередъ заявляемъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ его біографомъ именно потому, что Тютчевъ никогда ни самъ не занимался, не занималъ и другихъ собственною особою. Никогда ни къ кому не навязывался онъ съ чтеніемъ своихъ произведеній, напротивъ очевидно тяготился всякою объ нихъ рѣчью. Никогда не повѣствовалъ о себѣ, никогда не разсказывалъ самъ о себѣ анекдотовъ, и даже подъ старость, которая такъ охотно отдается воспоминаніямъ, никогда не бесѣдовалъ о своемъ личномъ прошломъ. А такъ какъ слишкомъ двадцать два года этого прошлаго проведены имъ были на чужбинѣ, то бо̀льшая часть самыхъ интересныхъ подробностей его существованія для насъ безвозвратно

потеряна. Однакожъ, не смотря на скудость внѣшняго біографическаго матеріала, мы все же въ состояніи намѣтить—и намѣтимъ сейчасъ—тѣ наружныя біографическія рамки, внутри которыхъ совершалось самовоспитаніе его таланта, вообще его внутренняя духовная жизнь,—а только она и заслуживаетъ вполнѣ серьезнаго, общественнаго вниманія.

I.

Θедоръ Ивановичь былъ второй или меньшой сынъ Ивана Николаевича и Екатерины Львовны Тютчевыхъ и родился въ 1803 г. 23 Ноября, въ родовомъ Тютчевскомъ имѣніи, селѣ Овстугъ, Орловской губерніи Брянскаго уѣзда. Тютчевы принадлежали къ старинному Русскому дворянству. Хотя въ родословной и не показано, откуда „выѣхалъ“ ихъ первый родоначальникъ, но семейное преданіе выводитъ его изъ Италіи, гдѣ, говорятъ, и нынѣ, именно во Флоренціи, между купеческими домами встрѣчается фамилія Dudgi. Въ Никоновской лѣтописи упоминается „хитрый мужъ“ Захаръ Тутчевъ, котораго Дмитрій Донской, предъ началомъ Куликовскаго побоища, подсылалъ къ Мамаю со множествомъ золота и двумя переводчиками для собранія нужныхъ свѣдѣній,—что „хитрый мужъ“ и исполнилъ очень удачно. Въ числѣ воеводъ Іоанна III, усмирявшихъ Псковъ, называется также „воевода Борисъ Тютчевъ Слѣпой“ (*). Съ тѣхъ поръ никто изъ Тютчевыхъ не занималъ виднаго мѣста въ Русской исторіи, ни на какомъ поприщѣ дѣятельности. Напротивъ, въ половинѣ XVIII вѣка, если вѣрить запискамъ Добрынина, Брянскіе помѣщики Тютчевы славились лишь разгуломъ и произволомъ, доходившими до неистовства. Однакожъ отецъ Θедора Ивановича, Иванъ Николаевичь не только не наслѣдовалъ этихъ семейныхъ свойствъ, но, напротивъ, отличался необыкновеннымъ благодушіемъ, мягкостью, рѣдкою чистотою нравовъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Окончивъ свое образованіе въ Петербургѣ, въ Греческомъ корпусѣ, основанномъ Екатериною въ ознаменованіе рожденія великаго князя Константина Павловича и подъ вліяніемъ мысли о „Греческомъ прожектѣ“, — Иванъ Николаевичь дослужился въ гвардіи до поручика и на 22 году жизни женился на Екатеринѣ Львовнѣ Толстой, которая была воспитана, какъ дочь, родною своею теткою, графинею Остерманъ. Затѣмъ Тютчевы поселились въ Орловской деревнѣ, на зиму переѣзжали въ Москву, гдѣ имѣли собственные дома и подмосковную,—однимъ словомъ зажили тѣмъ извѣстнымъ образомъ жизни, которымъ жилось тогда такъ привольно и мирно почти всему Русскому, зажиточному, досужему дворянству, не принадлежавшему къ чиновной аристократіи и не озабоченному государственною службою. Не выдѣляясь ничѣмъ изъ общаго типа Московскихъ барскихъ домовъ того времени, домъ Тютчевыхъ—открытый, гостепріимный, охотно посѣщаемый многочисленною роднею и Московскимъ свѣтомъ—былъ совершенно чуждъ интересамъ литературнымъ, и въ особенности Русской литературы. Радушный и щедрый хозяинъ былъ, конечно, человѣкъ разсудительный, съ спокойнымъ, здравымъ взглядомъ на вещи, но не обладалъ ни яркимъ умомъ, ни талантами. Тѣмъ не менѣе, въ натурѣ его не было никакой узкости, и онъ всегда былъ готовъ признать и уважить права чужой, болѣе даровитой природы. Здѣсь кстати замѣтить, что его родная сестра и родная тетка Θедора Ивановича была та

(*) Карамзинъ т. V, прим. 65 и т. VI, прим. 37.

самая Надежда Николаевна Шереметева, которая, встрѣтившись съ Гоголемъ уже старухою, съумѣла его оцѣнить и понять и, не смотря на разницу лѣтъ, до самой его смерти вела съ нимъ дѣятельную, дружескую переписку.

Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ и по внѣшнему виду (онъ былъ очень худъ и малаго роста), и по внутреннему духовному строю, былъ совершенною противоположностью своему отцу; общаго у нихъ было развѣ одно благодушіе. За то онъ чрезвычайно походилъ на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замѣчательнаго ума, сухощаваго, нервнаго сложенія, съ наклонностью къ ипохондріи, съ фантазіей развитою до болѣзненности. Отчасти по принятому тогда въ свѣтскомъ кругу обыкновенію, отчасти, можетъ быть, благодаря воспитанію Екатерины Львовны въ домѣ графини Остерманъ, въ этомъ, вполнѣ Русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ преобладалъ и почти исключительно господствовалъ Французскій языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтей между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ, втеченіи всей жизни, велась не иначе какъ по-французски. Это господство Французской рѣчи не исключало однако у Екатерины Львовны приверженности къ Русскимъ обычаямъ, и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтирей, часослововъ, молитвенниковъ у себя, въ спальной, и вообще со всѣми особенностями Русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленіе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ то время, въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX вѣка, когда Русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ „любителей словесности,“ да и дѣйствительно не былъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитія и знанія. Вмѣстѣ съ готовою западною цивилизаціей заимствовалось и готовое, чужое орудіе обмѣна мыслей. Многіе Русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе свои мнѣнія по-французски, *писали* по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно съѣзжали съ торной дороги на жесткія глыбы только-что поднятой нивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ Французскимъ жаргономъ, словно перенесеннымъ бурею революціи изъ Сен-Жерменскаго предмѣстья въ Петербургскіе и Московскіе салоны,—изъ однихъ и тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти простонародную, идіоматическую рѣчь, болѣе народную во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая книжная или разговорная. Разумѣется, такая *устная* рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества,—но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіямъ, объясняетъ многое, и очень многое, въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія.

Иванъ Николаевичь Тютчевъ умеръ въ 1846 году, а Екатерина Львовна въ 1866, на 90-мъ году жизни, когда ея сыну-поэту было около 63-хъ лѣтъ. Старшій сынъ ихъ Николай, родившійся тремя годами ранѣе Ѳедора Ивановича, не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства, ни физическаго, ни нравственнаго. Человѣкъ очень умный и начитанный, Николай Ивановичь не былъ надѣленъ какими-либо особенными талантами, но отличался строгою акуратностью, точностью, необыкновенною добротою и скромностью. Страстно любя меньшаго брата, онъ былъ его постоян-

нымъ геніемъ-хранителемъ,—при всякой бѣдѣ, всюду поспѣшалъ къ нему на помощь: привязанность къ „брату Өедору“ наполняла всю его жизнь. Дослужившись до чина полковника въ Генеральномъ Штабѣ, онъ вышелъ въ отставку и проживалъ потомъ то въ деревнѣ, то за границею, то въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1870 году.

Въ этой-то семьѣ родился Өедоръ Ивановичь. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ онъ оказался въ ней какимъ-то особнякомъ, съ признаками высшихъ дарованій, а потому тотчасъ же сдѣлался любимцемъ и баловнемъ бабушки Остерманъ, матери и всѣхъ окружающихъ. Это баловство, безъ сомнѣнія, отразилось впослѣдствіи на образованіи его характера: еще съ дѣтства сталъ онъ врагомъ всякого принужденія, всякого напряженія воли и тяжелой работы. Къ счастію, ребенокъ былъ чрезвычайно добросердеченъ, кроткаго, ласковаго нрава, чуждъ всякихъ грубыхъ наклонностей; всѣ свойства и проявленія его дѣтской природы были скрашены какою-то особенно-тонкою, изящною духовностью. Благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ, учился онъ необыкновенно успѣшно. Но уже и тогда нельзя было не замѣтить, что ученіе не было для него трудомъ, а какъ-бы удовлетвореніемъ естественной потребности знанія. Въ этомъ отношеніи баловницею Тютчева являлась сама его талантливость. Скажемъ кстати, что ничто вообще такъ не балуетъ и не губитъ людей въ Россіи, какъ именно эта талантливость, упраздняющая необходимость усилій и не дающая укорениться привычкѣ къ упорному, послѣдовательному труду. Конечно эта даровитость нуждается въ высшемъ, соотвѣтственномъ воспитаніи воли, но внѣшнія условія нашего домашняго быта и общественной среды не всегда благопріятствуютъ такому воспитанію; особенно же мало благопріятствовали они при той матеріальной обезпеченности, которая была удѣломъ образованнаго класса въ Россіи, во времена крѣпостнаго права. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ человѣкомъ талантливымъ, но и съ исключительною натурою, — натурою поэта.

Ему было почти девять лѣтъ, когда настала гроза 1812 года. Родители Тютчева провели все это тревожное время въ безопасномъ убѣжищѣ, именно въ г. Ярославлѣ; но раскаты грома были такъ сильны, подъемъ духа такъ повсемѣстенъ, что даже вдали отъ театра войны, не только взрослые, но и дѣти, въ своей мѣрѣ конечно, жили общею возбужденною жизнью. Намъ никогда не случалось слышать отъ Тютчева никакихъ воспоминаній объ этой годинѣ, но не могла же она не оказать сильнаго непосредственнаго дѣйствія на воспріимчивую душу девятилѣтняго мальчика. Напротивъ, она-то вѣроятно и способствовала, по крайней мѣрѣ въ немалой степени, его преждевременному развитію,—что, впрочемъ можно подмѣтить почти во всемъ дѣтскомъ поколѣніи той эпохи. Не эти ли впечатлѣнія дѣтства, какъ въ Тютчевѣ, такъ и во всѣхъ его сверстникахъ-поэтахъ, зажгли ту упорную, пламенную любовь къ Россіи, которая дышетъ въ ихъ поэзіи и которую потомъ уже никакія житейскія обстоятельства не были властны угасить?

Къ чести родителей Тютчева надобно сказать, что они ничего не щадили для образованія своего сына, и по десятому его году, немедленно „послѣ Французовъ,“ пригласили къ нему воспитателемъ Семена Егоровича Раича. Выборъ былъ самый удачный. Человѣкъ ученый и вмѣстѣ вполнѣ литературный, отличный знатокъ классической древней и иностранной словесности, Раичь сталъ

извѣстенъ въ нашей литературѣ переводами въ стихахъ Виргиліевыхъ „Георгикъ,“ Тассова „Освобожденнаго Іерусалима“ и Аріостовой поэмы „Неистовый Орландъ.“ Въ домѣ Тютчевыхъ онъ пробылъ семь лѣтъ; тамъ одновременно трудился онъ надъ переводами Латинскихъ и Итальянскихъ поэтовъ и надъ воспитаніемъ будущаго Русскаго поэта. Кромѣ того онъ самъ писалъ недурные стихи. Въ двадцатыхъ годахъ,—уже послѣ того, какъ Раичь изъ дома Тютчевыхъ перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища Колонновожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына, извѣстнаго впослѣдствіи писателя Андрея Николаевича Муравьева, — онъ сдѣлался центромъ особеннаго литературнаго кружка, гдѣ собирались Одоевскій, Погодинъ, Ознобишинъ, Путята и другіе замѣчательные молодые люди, при содѣйствіи которыхъ Раичь и издалъ нѣсколько альманаховъ. Позднѣе, онъ же два раза принимался издавать журналъ „Галатею.“ Это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединявшій солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія; извѣстный Кіевскій митрополитъ Филаретъ былъ ему родной братъ (*).

Нечего и говорить, что Раичь имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное сложеніе своего питомца и утвердилъ въ немъ литературное направленіе. Подъ его руководствомъ, Тютчевъ превосходно овладѣлъ классиками и сохранилъ это знаніе на всю жизнь: даже въ предсмертной болѣзни, разбитому параличемъ, ему случалось приводить на память цѣлыя строки изъ Римскихъ историковъ.—Ученикъ скоро сталъ гордостью учителя, и уже 14-ти лѣтъ перевелъ очень порядочными стихами посланіе Горація къ Меценату. Раичь, какъ членъ основаннаго въ 1811 году въ Москвѣ Общества Любителей Россійской словесности, не замедлилъ представить этотъ переводъ Обществу, гдѣ, на одномъ изъ обыкновенныхъ засѣданій, онъ былъ одобренъ и прочтенъ вслухъ славнѣйшимъ въ то время Московскимъ критическимъ авторитетомъ—Мерзляковымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ чрезвычайномъ засѣданіи Марта 30-го 1818 года, Общество почтило 14-тилѣтняго переводчика званіемъ „сотрудника,“ самый же переводъ напечатало въ XIV части своихъ „Трудовъ.“ Это было великимъ торжествомъ для семейства Тютчевыхъ и для самаго юнаго поэта. Едва ли, впрочемъ, первый литературный успѣхъ не былъ и послѣднимъ, вызвавшимъ въ немъ чувство нѣкотораго авторскаго тщеславія.

Въ этомъ же 1818 году Тютчевъ поступилъ въ Московскій университетъ, т. е. сталъ ѣздить на университетскія лекціи, и сперва — въ сопровожденіи Раича, который впрочемъ вскорѣ, именно въ началѣ 1819 года, разстался съ своимъ воспитанникомъ. Въ университетѣ Тютчевъ близко познакомился съ студентомъ Погодинымъ, который былъ старше его тремя годами и старше по курсу. Вотъ какъ вспоминаетъ объ этой университетской порѣ Тютчева нашъ

(*) Разсказываютъ, что когда, послѣ очень долгой разлуки, братья свидѣлись, и Раичь представилъ митрополиту своихъ дочерей, то послѣднему показалось, что чуть ли не весь языческій Олимпъ предсталъ предъ нимъ на землю: какія только можно было выбрать изъ святцевъ Греческія миѳологическія имена, Семенъ Егоровичь роздалъ ихъ своимъ дочерямъ.

почтенный историкъ (Московскія Вѣдомости 1873 г. № 190):

„....Низенькій, худенькій старичекъ, написалъ я, и самъ удивился. Мнѣ представился онъ [1]) въ воображеніи, какъ въ первый разъ пришелъ я къ нему, университетскому товарищу, на свиданіе во время вакаціи, пѣшкомъ изъ села Знаменскаго подъ Москвою на Серпуховской дорогѣ—въ Троицкое, на Калужской, гдѣ жилъ онъ въ своемъ семействѣ... Молоденькій мальчикъ съ румянцомъ во всю щеку, въ зелененькомъ сюртучкѣ, лежитъ онъ, облокотясь на диванѣ и читаетъ книгу. Что̀ это у васъ? Виландовъ Агатодемонъ. — Или вотъ онъ на лекціи въ университетѣ, сидитъ за моею спиною на второй лавкѣ и не слушая Каченовскаго, строчитъ на него эпиграммы... Вотъ я пишу ему отвѣты на экзаменъ къ Черепанову изъ исторіи Шрекка о Семирамидѣ и Навуходоносорѣ, ему, который скоро будетъ думать уже о Каннингѣ и Меттернихѣ....“

Есть и другое воспоминаніе отъ 1818 года. Въ Москву пріѣхало Царское семейство и съ нимъ, въ званіи наставника въ Русскомъ языкѣ при Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ—Жуковскій. Онъ былъ знакомъ и Раичу, и родителямъ Тютчева. Иванъ Николаевичъ захотѣлъ представить ему своего сына и 17 Апрѣля рано утромъ повелъ Тютчева въ Кремль. Но тамъ колокола и пушки возвѣстили имъ о рожденіи, въ тотъ самый часъ, младенца—будущаго Царя, Государя Александра Николаевича. Это обстоятельство произвело на молодаго Тютчева сильное впечатлѣніе [2]).

Со вступленіемъ Тютчева въ университетъ, домъ его родителей увидѣлъ у себя новыхъ, небывалыхъ въ немъ доселѣ посѣтителей. Радушно принимались

---

[1]) Т. е. Тютчевъ.

[2]) Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ стихотвореніе самого Ѳеодора Ивановича, которое, *въ 55-ую годовщину этого дня*, попытался онъ продиктовать своей женѣ,—уже пораженный параличемъ, за три мѣсяца до кончины. Но стихъ уже слабо повиновался больному поэту; измѣняла то риѳма, то размѣръ; иногда, среди диктовки, онъ засыпалъ отъ утомленія, такъ что на всѣ стихотворенія, диктованныя въ это время, слѣдуетъ смотрѣть почти какъ на поэтическій бредъ, какъ на неясные отголоски прежней поэтической силы. Вотъ это стихотвореніе—съ опущеніемъ стиховъ совершенно непонятныхъ или лишенныхъ всякой мѣры; отъ него вѣетъ какою-то особою теплотою чувства:

На ранней дней моихъ зарѣ,—
(такъ начинается оно)
Въ Кремлѣ, рано утромъ въ Чудовомъ монастырѣ,
Въ уютной кельѣ, темной и смиренной —
Тамъ жилъ тогда Жуковскій незабвенный,—
Я ждалъ его, и въ ожиданьи
Колоколовъ Кремля я слушалъ завыванье.
За мѣдною слѣдилъ я бурей,
Поднявшейся съ безоблачной лазури
И вругъ смѣненной пушечной пальбой...
Свѣтло, хоругвью голубой (?)
Весенній первый день, лазурно-золотой,
Такъ свѣтозаренъ былъ надъ праздничной Москвой...
Тутъ первая меня достигла вѣсть,
Что въ мірѣ новый житель есть,
И новый Царскій гость въ Кремлѣ:
Ты въ этотъ день дарованъ былъ землѣ!..
Съ тѣхъ поръ воспоминанье это
Въ душѣ моей всегда согрѣто;
Въ теченьи стольких лѣтъ оно не измѣняло,
Какъ вѣрный спутникъ мой, повсюду провожало,
И нынѣ, въ ранній утра часъ,
Оно еще, какъ столько разъ,
Все также дорого и мило;

и угощались стариками и знаменитый Мерзляковъ, и преподаватель Греческой словесности въ университетѣ Оболенскій, и многіе другіе ученые и литераторы: собесѣдникомъ ихъ былъ 15-тилѣтній студентъ, который смотрѣлъ уже совершенно „развитымъ“ молодымъ человѣкомъ и съ которымъ всѣ охотно вступали въ серьезные разговоры и пренія. Такъ продолжалось до 1821 года.

Въ этомъ году, когда Тютчеву не было еще и 18-ти лѣтъ, онъ сдалъ отлично своей послѣдній экзаменъ и получилъ кандидатскую степень. По всѣмъ соображеніямъ родныхъ и знакомыхъ, предъ нимъ открывалась блестящая карьера. Но честолюбивые виды отца и матери мало тревожили душу безпечнаго кандидата. Предоставивъ рѣшеніе своей будущей судьбы старшимъ, самъ онъ весь отдался своему настоящему. Жаркій поклонникъ женской красоты, онъ охотно посѣщалъ свѣтское

И днесь, у самыхъ дней моихъ заката,
Мой одръ печальный посѣтило,
Мою всю душу осѣнило
И благодатный праздникъ возвѣстило...

«Мнѣ всегда мнилось», —продолжаетъ далѣе больной поэтъ,—что этотъ «ранняго событья часъ»

Мнѣ будетъ на всю жизнь благимъ знаменованьемъ.
И не ошибся я: вся жизнь моя прошла
Подъ этимъ кроткимъ, благостнымъ вліяньемъ....

Необходимо пояснить что для Жуковского по тѣснотѣ помѣщенія во дворцѣ, была отведена келья въ Чудовомъ монастырѣ: тамъ и дожидался его Тютчевъ-отецъ съ сыномъ, какъ вдругъ раздалась пальба, загудѣли колокола, и на порогѣ кельи появился Василій Андреевичъ съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ и съ вѣстью о радостномъ событіи.

общество и пользовался тамъ успѣхомъ. Но ничего похожаго на буйство и разгулъ не осталось въ памяти объ немъ у людей, знавшихъ его въ эту первую пору молодости. Да буйство и разгулъ и не свойственны были его природѣ: для него имѣли цѣну только тѣ наслажденія, гдѣ было мѣсто искреннему чувству или страстному поэтическому увлеченію. Не осталось также, за это время, никакихъ слѣдовъ его стихотворческой дѣятельности: домашніе знали, что онъ иногда забавлялся писаньемъ остроумныхъ стишковъ на разные мелкіе случаи,—и только.

Въ 1822 году Тютчевъ былъ отправленъ въ Петербургъ, на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Но въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года, его родственникъ, знаменитый герой Кульмской битвы, потерявшій руку на полѣ сраженія, графъ А.И. Остерманъ-Толстой посадилъ его съ собой въ карету и увезъ за границу, гдѣ и пристроилъ сверхштатнымъ чиновникомъ къ Русской миссіи въ Мюнхенѣ. „Судьбѣ угодно было вооружиться послѣднею рукою Толстаго (вспоминаетъ Ѳедоръ Ивановичь въ одномъ изъ писемъ своихъ къ брату, лѣтъ 45 спустя), чтобъ переселить меня на чужбину.“

Это былъ самый рѣшительный шагъ въ жизни Тютчева, опредѣлившій всю его дальнѣйшую участь.

На козлахъ той кареты, которая увезла графа Остермана-Толстаго и 18-тилѣтняго Тютчева за границу, усѣлся и благополучно прибылъ, въ Мюнхенъ вмѣстѣ въ ними, старикъ-дядька Ѳедора Ивановича, Николай Аѳанасьевичь Хлоповъ. Онъ не захотѣлъ разстаться въ „дитятею,“ которое взлелѣялъ съ 4-хъ лѣтняго возраста,—которое и само платило ему равною привязанностью. Съ умиленіемъ упоминаетъ о своемъ дядькѣ и о своей дѣтски-страстной къ нему

любви, покойный поэтъ—также въ одномъ изъ писемъ къ своему брату, въ 1869 году, почти полстолѣтіе послѣ путешествія въ Мюнхенъ. Николай Аѳанасьевичь былъ когда-то крѣпостнымъ г. Татищева, затѣмъ отпущенъ на волю и поступилъ въ услуженіе къ Ивану Николаевичу Тютчеву, у котораго и остался по самую свою смерть. Грамотный, благочестивый, онъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ господъ, и во время пребыванія въ Мюнхенѣ велъ постоянную переписку съ Екатериной Львовной. Онъ акуратно доносилъ ей всѣ интересныя, съ его точки зрѣнія, подробности объ ея сынѣ—лѣнивомъ на письма и нисколько не заботившемся о матеріальной сторонѣ существованія. Къ сожалѣнію, не сбереглось ни одного изъ этихъ донесеній, а было бы любопытно видѣть, какъ отражалась жизнь поэта ея поэтическою стороною въ своеобразномъ изложеніи стараго дядьки и сквозь призму его сужденій *).

Въ Мюнхенѣ старикъ остался вѣренъ всѣмъ Русскимъ обычаямъ, и въ Нѣмецкой квартирѣ Тютчева устроилъ себѣ уютный Русскій уголокъ съ иконами и лампадою, словно перенесенный изъ какого-нибудь Московскаго прихода Николы на Курьихъ Ножкахъ или въ Сапожкахъ. Онъ взялъ въ свое завѣдываніе хозяйство юнаго дипломата и собственноручно готовилъ ему столъ, угощая его, а порою и его пріятелей-иностранцевъ, произведеніями русской кухни. Николай Аѳанасьевичъ остался въ Мюнхенѣ до самой женитьбы Ѳедора Ивановича въ 1826 году, а потомъ возвратился къ Ивану Николаевичу, въ домѣ котораго, черезъ нѣсколько лѣтъ, и умеръ. Онъ завѣщалъ своему питомцу нарочно имъ сооруженную для него, Ѳеодора Ивановича, икону Ѳеодоровской Божіей Матери, съ изображеніями четырехъ Святыхъ по угламъ, празднуемыхъ въ самые, по мнѣнію Хлопова, знаменательные для Тютчева дни. Выборъ этихъ дней и надписи на задней доскѣ образа, начертанныя самимъ Николаемъ Аѳанасьевичемъ, его тяжелымъ, старообразнымъ почеркомъ, въ высшей степени оригинальны: въ нихъ столько простой, искренней любви и въ тоже время столько наивнаго смѣшенія понятій, что ихъ нельзя читать безъ особеннаго умиленія и улыбки. Сзади иконы и по срединѣ написано: „Сему образу празднество Февраля 5; въ сей день мы съ Ѳедоромъ Ивановичемъ пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ службу.“ На правомъ верхнемъ углу, позади Апостола Варѳоломея, надпись, объясняющая день отъѣзда „въ Баварію“ (1822 г. Іюня 11) и пріѣзда въ Москву, чрезъ три года, въ отпускъ. На другомъ углу, соотвѣтствующемъ изображенію Преподобнаго Макарія, слѣдующая надпись; „Генваря 19, 1825 г. Ѳедоръ Ивановичь долженъ помнить, что случилось въ Минхенѣ отъ его нескромности и какая грозила опасность.“ Внизу, позади Св. Евфимія Великаго: „20 Генваря, т. е. на другой же день все кончилось благополучно.“ Наконецъ на четвертомъ углу: „Св.

---

*) Сохранилась впрочемъ память объ одномъ письмѣ, имѣющемъ нѣкоторую связь съ извѣстнымъ граціознымъ стихотвореніемъ Тютчева, написаннымъ къ 16-тилѣтней великосвѣтской красавицѣ:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край, и проч.

По поводу этой красавицы Хлоповъ сердито докладывалъ въ своемъ письмѣ изъ Мюнхена матери влюбленнаго автора, что Ѳедоръ Ивановичь изволилъ обмѣняться съ нею часовыми шейными цѣпочками и вмѣсто своей золотой получилъ въ обмѣнъ только шелковую...

Исакія. Въ сей день, въ бытность нашу въ Варшавѣ“ (проѣздомъ въ отпускъ) „*произведенъ Ѳедоръ Ивановичъ въ камеръ-юнкеры*“... Затѣмъ опять по срединѣ, другая надпись: „Въ память моей искренней любви и усердія къ моему другу Ѳедору Ивановичу Тютчеву. Сей образъ по смерти моей принадлежитъ ему. Подписано 1826 года Марта 5-го Николай Хлоповъ.“

И образъ свято сохранялся у Тютчева въ кабинетѣ до самой его кончины.

Какъ ни мелочна повидимому эта біографическая подробность, но она не лишена значенія. Она характеризуетъ и самого Тютчева, котораго слуга, бывшій крѣпостной, его дядька и поваръ, называетъ своимъ *другомъ*, и ту эпоху, когда типы, подобные Хлопову, были нерѣдки. Благодаря имъ, этимъ высокимъ нравственнымъ личностямъ, возникавшимъ среди и вопреки безнравственности историческаго соціальнаго строя,—даже въ чудовищную область крѣпостныхъ отношеній проступали, порою, кроткіе лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условія зависимости и неравенства согрѣвались человѣчностью, даже окрашивались какимъ-то мягкимъ, поэтическимъ колоритомъ.—Николай Аѳанасьевичь вполнѣ напоминаетъ знаменитую няню Пушкина, воспѣтую и самимъ поэтомъ, и Дельвигомъ, и Языковымъ. Этимъ нянямъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи Русской словесности. Въ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, искать объясненіе: какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ наше оторванное отъ народа общество,—въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ Русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій, пробирались иногда, неслышно и незамѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа? Откуда и чѣмъ питалось и поддерживалось въ нашихъ, повидимому вполнѣ офранцуженныхъ поэтахъ и дѣятеляхъ, проявлявшееся въ нихъ порою истинно-русское чувство и русская мысль? Да и вообще, кажется намъ, исторія умственнаго общественнаго развитія въ Россіи едвали можетъ быть вполнѣ понята безъ частной исторіи семей, безъ оцѣнки той степени участія, повидимому неразумнаго, самовольнаго, непрошеннаго, но тѣмъ не менѣе часто спасительнаго, которое въ нашей личной и общественной судьбѣ приходится на долю семьѣ и быту,—непосредственному дѣйствію преданія и обычая... Конечно не Хлопову собственно былъ обязанъ Тютчевъ сохраненіемъ своей духовной самостоятельности на чужбинѣ; но не могла же, однако, воспріимчивая душа поэта не испытывать особеннаго благотворнаго ощущенія, когда тамъ, въ Баваріи, вдалекѣ отъ Россіи, по возвращеніи иной разъ поздней ночью на свою Нѣмецкую квартиру съ какого-нибудь придворнаго Нѣмецкаго бала или раута,—его встрѣчала ласковая Русская журьба и осѣняла тихимъ своимъ свѣтомъ лампада, неугасимо теплившаяся предъ иконами стараго дядьки.

Такъ какъ мы уже заговорили о бытовыхъ непосредственныхъ „вліяніяхъ“ въ жизни Тютчева, то приведемъ и еще обращикъ. Вотъ два отрывка изъ писемъ Ѳедора Ивановича къ своей второй женѣ. Они рисуютъ намъ наглядную картину домашняго быта того времени, а также и взаимныхъ отношеній Тютчева и Екатерины Львовны, т. е. сына и матери, раздѣленныхъ, повидимому; неизмѣримою умственною пропастью: онъ—высокообразованный дипломатъ, воспитавшійся за границею мыслитель, чуждый православныхъ обыкновеній, котораго весь

домашній строй жизни былъ по необходимости иностранный; она, при всемъ своемъ Французскомъ языкѣ, простая, Русская, православная женщина... Не думая не гадая ни о какомъ вразумленіи и вліяніи, слѣдуя только обычаю и влеченію сердца, она относится къ Европейскому умнику, какъ бывало къ ребенку Ѳединькѣ,— и зрѣлый, почти уже старый сынъ ея съ умиленіемъ поддается ея материнскимъ требованіямъ, понимая и цѣня ихъ благое значеніе.

Въ 1843 году Тютчевъ пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву для свиданія съ родными, которыхъ не видѣлъ слишкомъ пять лѣтъ; на возвратномъ пути за границу онъ остановился въ Петербургѣ, и въ письмѣ къ своей женѣ, еще не бывавшей въ Россіи, такъ разсказываетъ свое прощаніе съ семьей и Москвою:

„...Toute ma famille m'a accompagné jusqu'au bureau des diligences, et l'apparition de ma mère dans un pareil endroit était un fait sans précédent et sans analogue dans sa vie. Je n'ai pas besoin de te dire, que dans la matinée du jour de mon départ, qui était un Dimanche, il y a eu après la messe le Te Deum obligé, suivi d'une visite dans une des chapelles les plus révérées de Moscou, où se trouve une image miraculeuse de la S-te Vierge d'Ibérie. En un mot tout s'est passé dans les formes de la plus stricte orthodoxie... Eh bien, pour qui ne s'y associe qu'en passant, pour qui peut en prendre à son aise, il y a dans ces formes si profondement historiques, il y a dans ce monde russo-byzantin, où la vie et le culte ne font qu'un, et si vieux, que Rome elle-même, comparée a lui, sent quelque peu l'innovation,—il y a dans tout cela, pour qui a l'instinct de ces choses, une grandeur de poésie incomparable, une grandeur telle, qu'elle subjugue l'inimitié la plus acharnée... Car au sentiment de ce passé déjà si vieux, vient fatalement s'associer le pressentiment d'un avenir incommensurable"... *)

Другое письмо къ ней же отъ 11 Сентября 1858 года, когда Тютчеву было почти 55 лѣтъ: „...J'ai encore une fois pris congé de ma mère; j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté d'elle devant sa Vierge de Cazan, encore une fois, en m'en allant de sa chambre, appuyé mon dernier regard

*) «...Все семейство проводило меня до конторы дилижансовъ, и появленіе моей матери въ такомъ мѣстѣ было дѣломъ небывалымъ, не имѣвшимъ себѣ ничего подобнаго въ ея жизни. Нужно-ли тебѣ разсказывать, что въ день моего отъѣзда, который пришелся въ Воскресенье, была обѣдня, а послѣ обѣдни неизбѣжный молебенъ, затѣмъ посѣщеніе одной изъ самыхъ чтимыхъ въ Москвѣ часовенъ, гдѣ находится чудотворная икона Иверской Божіей Матери. Однимъ словомъ, все произошло согласно съ порядками самаго взыскательнаго православія... Ну что же? Для человѣка, который пріобщается къ нимъ только мимоходомъ и въ мѣру своего удобства, есть въ этихъ формахъ, такъ глубоко историческихъ, въ этомъ мірѣ Византійско-русскомъ, гдѣ жизнь и вѣрослуженіе составляютъ одно,—въ этомъ мірѣ столь древнемъ, что даже Римъ, въ сравненіи съ нимъ, пахнетъ новизною, есть во всемъ этомъ для человѣка, снабженнаго чутьемъ для подобныхъ явленій, величіе поэзіи необычайное, такое величіе, что оно преодолѣваетъ самую ярую враждебность... Ибо къ ощущенію прошлаго,—и такого уже стараго прошлаго,—присоединяется невольно, какъ-бы предопредѣленіемъ судьбы, предчувствіе неизмѣримаго будущаго...

sur elle, en l'accompagnant du même pressentiment parfaitement naturel", etc *).

Въ 1822 году, когда Тютчевъ переселился на житье въ Мюнхенъ, политическое значеніе этого города было иное, нежели теперь. Священный Союзъ былъ въ полномъ ходу, и частые конгрессы придавали ему еще болѣе дѣйствительной силы. Только семь лѣтъ прошло по умиротвореніи Европы. Россія была въ апогеѣ величія и славы, и второстепенные Германскіе дворы видѣли въ ней оплотъ своей автономіи противъ посягательства Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Во главѣ этихъ второстепенныхъ державъ, составлявшихъ въ федеративномъ Германскомъ устройствѣ коллективный противовѣсъ Австріи и Пруссіи, стояла Баварія, какъ самая крупная, и поэтому играла нѣкоторую политическую роль. Дипломатическая миссія въ Мюнхенѣ не считалась еще тогда, со стороны кабинетовъ, исполненіемъ только приличій между-державнаго этикета. Дипломатическій корпусъ въ Мюнхенѣ въ тѣ годы былъ многочисленный, и Баварскій царствующій домъ старался придать юному королевству, пожалованному въ это званіе лишь недавно, благодаря Наполеону и ловкости курфюрста Макса-Іосифа, всевозможный блескъ и значеніе. Съ восшествіемъ на престолъ въ 1825 г. Людвига I, началось то, преисполненное ученыхъ претензій, пересозданіе Мюнхена въ Нѣмецкія Аѳины, которое, не претворивъ Нѣмцевъ въ Эллиновъ, стало однакоже вскорѣ привлекать и доселѣ привлекаетъ туда множество путешественниковъ—собраніями образцовъ искусства, музеями, пинакотеками, глиптотеками и разнообразными зданіями-моделями. Щедрость короля сгруппировала въ Мюнхенѣ немало знаменитыхъ художниковъ и ученыхъ; въ числѣ послѣднихъ были Окенъ и Шеллингъ, которыми и украсился вновь открытый Мюнхенскій университетъ.

Съ переѣздомъ Тютчева въ Мюнхенъ начинается тотъ пробѣлъ во внѣшнихъ біографическихъ данныхъ, который пополнить нѣтъ теперь почти никакой надежды и который продолжается до самаго его обратнаго переселенія въ Россію. А между тѣмъ этотъ періодъ времени безъ сомнѣнія самый важный въ его жизни,—періодъ его умственнаго и духовнаго самосложенія. Впрочемъ, объ его внутреннемъ ростѣ, о ростѣ его мысли и таланта, мы еще можемъ судить по его литературнымъ произведеніямъ, по тому строю понятій и мнѣній, который онъ высказывалъ позднѣе, въ Россіи, и который былъ имъ выработанъ еще въ чужихъ краяхъ; поэтому, характеризуя Тютчева какъ мыслителя и поэта, мы еще не разъ возвратимся къ періоду его долголѣтняго пребыванія за границею. Здѣсь же, согласно съ принятымъ нами планомъ, мы имѣемъ дѣло по преимуществу съ внѣшней біографической стороной его жизни, для которой именно и недостаетъ надлежащаго матеріала. Его письма къ отцу и матери сохранились только съ 1836 года, и представляютъ скудное содержаніе. Изъ писемъ его первой жены, въ началѣ 30-годовъ, намъ раскрывается также очень не многое. Особенно мало данныхъ о первыхъ десяти годахъ его заграничнаго существованія. Мы знаемъ только, что перенесенный внезапно на западно-европейскую арену, въ блес-

*) «...Я еще разъ простился съ моей матерью, еще разъ положилъ, рядомъ съ нею, три земныхъ поклона предъ ея Казанской Божіей Матерью; еще разъ, уходя изъ ея компаты, оглянулъ ее послѣднимъ взглядомъ, съ тѣмъ-же, какъ и прежде, предчувствіемъ, — совершенно естественнымъ» и проч.

тящій дипломатическій кругъ, Тютчевъ нисколько не потерялся,—что m-r или Herr *Тутшевъ* (какъ произносили его мудреную для себя фамилію иностранцы) скоро сталъ любимцемъ высшаго Мюнхенскаго общества и непремѣннымъ членомъ всѣхъ свѣтскихъ и несвѣтскихъ сборищъ, гдѣ предъявлялся запросъ на умъ, образованность и талантъ; что наши посланники въ Мюнхенѣ, Потемкинъ, а потомъ князь Г. И. Гагаринъ, всегда принимали въ его судьбѣ живое, искреннее участіе: что Тютчевъ не однажды посѣщалъ Парижъ и другія столицы Германіи; что вообще его частная жизнь была не бѣдна личными романтическими драмами, не представляющими впрочемъ никакого интереса для нашихъ читателей; что при всемъ томъ онъ много читалъ, учился и былъ въ частомъ общеніи съ Германскими учеными и литераторами. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, касающемся исторіи его внутренняго развитія, мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, а теперь поспѣшимъ дочертить начатыя нами внѣшнія біографическія рамки.

Въ 1825 году Тютчевъ пріѣзжалъ на короткое время въ отпускъ въ Москву, къ своимъ родителямъ; въ 1826 году, 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ женился въ Мюнхенѣ на милой, граціозной, умной, нѣсколько старшей его, вдовѣ нашего бывшаго министра при одномъ изъ второстепенныхъ Германскихъ дворовъ, Петерсона (*). Урожденная графиня Ботмеръ, она происходила по матери изъ рода Ганштейнъ. Такимъ образомъ Тютчевъ породнился разомъ съ двумя старыми аристократическими фамиліями Баваріи и попалъ въ цѣлый сонмъ Нѣмцевъ-родственниковъ. Впрочемъ послѣдніе мало были способны уразумѣть Тютчева и вообще симпатизировать съ его оригинальною и уже вовсе не Нѣмецкою природою. За то скромная гостинная Тютчевыхъ въ Мюнхенѣ, при общительномъ характерѣ прелестной хозяйки, стала вскорѣ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ даровитыхъ и вообще замѣчательныхъ людей въ городѣ; особенно часто посѣщалъ ее поэтъ Гейне. Съ особеннымъ сочувствіемъ упоминаютъ также о Тютчевыхъ, мужѣ и женѣ, Кирѣевскіе (Петръ и Иванъ Васильевичи) въ письмахъ своихъ въ Москву, къ матери, отъ 1830 года, изъ Мюнхена, гдѣ оба брата слушали лекціи Шеллинга (*). Отъ этого брака Ѳедоръ Ивановичь имѣлъ трехъ дочерей. Сохранившаяся отъ того времени домашняя переписка свидѣтельствуетъ, что Тютчевы, оба плохіе хозяева, при немалой уже семьѣ и при своемъ общественномъ положеніи, часто были озабочиваемы и затрудняемы недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Въ 1830 году Тютчевъ возилъ свою жену въ Петербургъ знакомиться съ ея Русскими родными. Въ 1833 году онъ былъ, по собственной охотѣ, отправленъ „курьеромъ" съ дипломатическимъ порученіемъ на Іоническіе острова. Въ концѣ 1837 года, уже каммергеръ и статскій совѣтникъ, онъ былъ повышенъ по службѣ, именно назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Туринъ,—что было впрочемъ не совсѣмъ согласно съ его желаніемъ: онъ надѣялся получить мѣсто въ Вѣнѣ. Прежде чѣмъ отправиться на свой новый постъ, онъ снова привезъ жену и дѣтей въ Петербургъ, гдѣ и оставилъ ее, при своихъ родныхъ, на всю зиму.

(*) Изъ ея сыновей отъ этого брака, одинъ, Карлъ Александровичъ Петерсонъ, занимаетъ въ настоящее время должность директора канцеляріи при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, канцлерѣ князѣ Горчаковѣ.

(*) См. Сочиненія И. В. Кирѣевскаго, т. I. Біографія.

а самъ вскорѣ уѣхалъ опять въ Мюнхенъ и оттуда въ Туринъ. Объ этихъ его поѣздкахъ въ Петербургъ мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній. Съ кѣмъ видался онъ тогда всего болѣе, былъ ли знакомъ съ кругомъ Петербургскихъ литераторовъ, успѣвалъ ли обращать на себя надлежащее вниманіе—ничего этого мы не знаемъ; по всему видно, что эти поѣздки не оставляли по себѣ особаго слѣда въ тогдашнемъ обществѣ,— да Тютчевъ впрочемъ и не добивался извѣстности; она наконецъ составилась сама собою, но, кажется, гораздо позднѣе. Пробывъ зиму въ Петербургѣ, жена съ дѣтьми возвратилась весною къ мужу, но осенью того же года скончалась въ Туринѣ (*).

Въ 1839 году Тютчевъ женился снова, на вдовѣ баронессѣ Дёрнгеймъ, женщинѣ замѣчательной красоты и ума, урожденной баронессѣ Пфеффель,—впрочемъ изъ семейства болѣе Французскаго, чѣмъ Нѣмецкаго, происхожденіемъ изъ Альзаса. Тютчевъ не долго оставался въ столицѣ Піемонта, гдѣ къ тому же очень скучалъ и гдѣ тогда не было почти никакой политической и общественной жизни. Исправляя, за отсутствіемъ посланника, должность повѣреннаго въ дѣлахъ и видя, что дѣлъ собственно не было никакихъ, нашъ поэтъ, въ одинъ прекрасный день, имѣя неотложную надобность съѣздить на короткій срокъ въ Швейцарію, заперъ дверь посольства и отлучился изъ Турина, не испросивъ себѣ формальнаго разрѣшенія. Но эта самовольная отлучка не прошла ему даромъ. О ней узнали въ Петербургѣ, и ему повелѣно было оставить службу, при чемъ сняли съ него и званіе камергера... Тютчевъ однако не поѣхалъ въ Россію, а переселился опять въ знакомый, почти родной ему Мюнхенъ, въ ожиданіи пока въ Петербургѣ разъяснится недоразумѣніе и примирятся съ оригинальною выходкою дипломата-поэта.

Съ 1840 года Тютчевъ зажилъ въ Мюнхенѣ прежнею жизнью, усердно посѣщая общество и самъ не менѣе ревностно посѣщаемый. Многіе изъ иностранныхъ дипломатовъ, бывшихъ въ ту пору въ Мюнхенѣ, до сихъ поръ хранятъ въ памяти часы, проведенные въ его домѣ. Такъ намъ недавно довелось прочесть нѣсколько строкъ о немъ въ статьѣ за подписью „Léon Boré,“ озаглавленной „Souvenirs de voyage“ и помѣщенной въ № 12 Января 1873 г. одной Французской провинціальной газеты: L'Union de l'Ouest. Въ этой статьѣ много невѣрностей, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, что авторъ, черезъ тридцать лѣтъ, не зная даже, живъ ли еще Ѳедоръ Ивановичъ, съ восторгомъ и благодарностью вспоминаетъ о своихъ бесѣдахъ съ нимъ за вечернимъ чай-

---

(*) Тютчева отправилась изъ Петербурга моремъ, на томъ самомъ пароходѣ „Николай,“ который, почти у береговъ Пруссіи, внезапно, ночью, былъ охваченъ пожаромъ и погибъ въ пламени. Пассажиры, въ ужасѣ, кто какъ былъ, столпились на узкой лѣстницѣ, спущенной съ парохода къ подоспѣвшимъ лодкамъ: произошла страшная давка, многіе попадали въ море и утонули. Тютчева выказала замѣчательное мужество: она сошла съ парохода послѣднею, съ тремя своими маленькими дѣтьми, изъ которыхъ младшему было полтора года. Весь ея гардеробъ и вещи погибли. Эта катастрофа окончательно потрясла ея, и безъ того разстроенное, здоровье. Къ ней-то относятся стихи Ѳедора Ивановича:

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой,
И въ сумеркѣ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой и проч.

нымъ столомъ въ его Мюнхенской гостинной, даже цитуетъ, какъ сужденіе авторитета, слова Тютчева о тогдашней политикѣ Тьера, съ восхищеніемъ говоритъ объ его Французской прозѣ и указываетъ на другаго французскаго дипломата-почитателя Тютчева, барона Бургуана, mr. le baron Paul de Bourgoing (*)... Въ одномъ изъ писемъ Тютчева къ своей женѣ изъ Петербурга, именно отъ 16 Сентября 1871 года (слѣдовательно за два года до кончины), мы читаемъ слѣдующія строки:... „En fait de nouveaux arrivés il y a le nouveau ministre de Grèce, *Boudouris*, que nous avons beaucoup vu et même connu comme tout jeune homme dans le temps à Munich. Il est venu me voir et m'a réellement étonné par la vivacité de ses souvenirs. C'était à croire, que nous nous étions rencontrés l'avant veille seulement... Il m'a cité jusqu'à certains propos, qu'il prétend avoir été dits par moi dans le temps. . . Car il paraît, qu'alors déjà je disais des mots (*)...“

Впрочемъ, кто хоть разъ въ жизни встрѣчалъ Тютчева, тому уже мудрено было его позабыть: такъ не похожъ былъ онъ на другихъ; такъ выдѣлялось впечатлѣніе, производимое его рѣчами изъ массы всѣхъ прочихъ однородныхъ впечатлѣній.

Въ 1843 году Тютчевъ, какъ уже было упомянуто, пріѣзжалъ изъ Мюнхена въ Москву и въ Петербургъ, чтобъ

(*) Разсказывая о вечернемъ собраніи, въ Мюнхенѣ, въ Сентябрѣ 1843 года, у Французскаго посланника при Баварскомъ дворѣ и пэра Франціи, барона Бургуана, Боре прибавляетъ: „Parmi les invités, l'on distinguait le *baron* (!) de Tutcheff (prononcez *Toutechef*), ancien ministre russe accredité à la cour de Bavière (неправда), et certes, ce n'était pas faire un mince éloge de ses études et de ses qualités sociales, lorsque, ayant pu apprécier les unes et les autres, on les mettait sur la même ligne.... J'aimais singulièrement à causer avec le baron de Tutcheff... Aussi était-ce pour moi un vif plaisir de prendre chez lui le thé, certains soirs, où il me fesait avertir, qu'il n'irait pas dans le monde. Son foyer m'était ouvert avec une politesse toute française par sa seconde femme, la belle, gracieuse et spirituelle petite-fille (т. е. petite-nièce) du littérateur alsacien Conrad Pfeffel...“ Далѣе: „Ma reconnaissance pour les agréments et les avantages, que m'ont procurés, pendant plusieurs années, les conversations du baron de Tutcheff, m'imposent en quelque sorte le devoir de le faire connaître un peu comme écrivain, car il écrivait aux heures libres, que lui laissait sa double existence d'homme d'affaires et d'homme du monde, et vous verrez, par un trop court échantillon, comment ce Russe maniait notre langue....“ О статьѣ Тютчева, которую здѣсь разумѣетъ Боре, и объ его сужденіи по поводу тогдашней политики Тьера, мы будемъ говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

(*) „Въ числѣ новопріѣзжихъ есть новый министръ Греціи, Будурисъ, котораго мы много видали и даже знавали во время оно, въ Мюнхенѣ, еще совершенно молодымъ человѣкомъ. Онъ навѣстилъ меня и истинно изумилъ живостью своихъ воспоминаній. Можно было бы подумать, что наша встрѣча съ нимъ была не дальше, какъ вчера. Онъ даже привелъ мнѣ нѣсколько изрѣченій, будто бы мною тогда вымолвленныхъ... Должно быть, значитъ, я ужъ и тогда говорилъ *остроты*....“ (mots—почти не переводимо по-русски какимъ либо однимъ словомъ, безъ эпитета: умное, острое выраженіе, сужденіе, изрѣченіе).

предварительно подготовить свое перемѣщеніе въ Россію и устроить дѣло по службѣ. Въ этотъ пріѣздъ онъ особенно сошелся съ княземъ П. А. Вяземскимъ и вообще принятъ былъ въ Петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, какъ лицо уже замѣченное въ Европѣ, уже извѣстное остротою мысли и слова. Объ этомъ пріемѣ, вѣроятно не похожемъ на прежніе, и о дружескомъ вниманіи князя Вяземскаго онъ самъ, съ благодарностью, отзывается въ письмахъ къ женѣ; пишетъ о томъ же и отцу съ матерью, которые, кажется, были очень озабочены общественнымъ положеніемъ своего сына и нетерпѣливо желали, чтобъ скорѣе снята была опала, тяготѣвшая надъ нимъ за самовольную отлучку изъ Турина. Посѣтивъ, на возвратномъ пути въ Мюнхенъ, семейство Крюднеровъ въ Петергофѣ, онъ познакомился у нихъ съ графомъ Бенкендорфомъ, чрезъ котораго и подалъ Государю какую-то записку или проэктъ политическаго содержанія,—какого именно, мы не знаемъ: никакихъ слѣдовъ черновой рукописи въ его бумагахъ не сохранилось. Есть, впрочемъ, основаніе думать, что эта записка касалась нашей политики на Востокѣ. Нельзя не сожалѣть объ утратѣ этой записки, если только она утрачена: очень можетъ быть, что она отыщется со временемъ въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ со многими другими мемуарами и политическими письмами Тютчева, адресованными какъ къ графу Нессельроде, такъ и въ позднѣйшее время.

Лѣтомъ 1844 г. Тютчевъ, съ женой и съ дѣтьми, окончательно водворяется въ Россіи, и именно въ Петербургѣ, изрѣдка совершая поѣздки за границу и ежегодно въ Москву... Но сообщимъ сначала нѣсколько документальныхъ данныхъ объ его пріѣздахъ въ Россію въ 1843 и въ 1844 г. и о представленной имъ чрезъ графа Бенкендорфа запискѣ. Изъ писемъ къ женѣ: отъ 9-го Сентября: „Je vais rejoindre les Krudener à Péterhof, et de là le comte Benkendorf nous emmène dans son château de Fall, proche de Réval.“ Отъ 29 Сент: „Ma visite chez le comte Benkendorf a été de cinq jours fort agréablement passés. Je ne puis assez me féliciter d'avoir fait la connaissance du brave homme, qui en est le propriétaire. C'est certainement une des meilleures natures d'homme, que j'aie jamais rencontrées. Il est un des personnages les plus influents, les plus haut placés de l'Empire et exerçant par la nature de ses fonctions une autorité presqu'aussi absolue, que celle du Maître. Voilà ce que je savais, et ce n'est pas certainement cela, qui pouvait me prévenir en sa faveur... J'ai été par conséquent d'autant plus aise de me convaincre, que c'était en même temps un homme parfaitement bon et honnête. Il m'a comblé d'amitiés beaucoup à cause de m-me Krudener et un peu aussi par sympathie personnelle; mais ce dont je lui sais plus de gré encore que de son accueil, c'est de s'être fait l'organe de mes idées auprès de l'Empereur qui leur a accordé plus d'attention, que je n'osais l'espérer. Quant au public, j'ai été à même de m'assurer, par l'écho que ces idées y ont trouvé, que j'étais dans le vrai, et maintenant, grâce à l'autorisation tacite, qui m'a été accordée, il sera possible d'essayer quelque chose de sérieux... (*)

Изъ письма къ отцу и матери 1843 года изъ Ревеля отъ 3 Сентября: разсказавъ о своей поѣздкѣ къ графу Бенкендорфу и объ его дружественномъ

*) ...«Я ѣду къ Крюднерамъ въ Петергофъ, откуда графъ Бенкендорфъ ве-

пріемѣ, Тютчевъ продолжаетъ: „Mais ce qui m'a été particulièrement agréable, c'est l'accueil qu'il a fait à mes idées relativement au projet que vous savez, et l'empressement qu'il a mis à les appuyer auprès de l'Empereur. Car le lendemain même du jour, où je lui en avais parlé, il a profité de la dernière entrevue, qu'il a eue avec l'Empereur avant son départ, pour les porter à sa connaissance. Il m'a assuré, que mes idées ont été accueillies assez favorablement et qu'il y avait lieu d'espérer, qu'il pourra y être donné suite. Je lui ai demandé de me laisser cet hiver pour préparer les voies, et je lui ai promis de venir le trouver soit ici, soit ailleurs, pour prendre des arrangements définitifs. Au reste il n'est pas le seul ici qui s'intéresse à la question, et je crois que le moment était opportun pour la soulever... Nous verrons"... *) Возвратившись въ Мюнхенъ, Тютчевъ не переставалъ думать о переселеніи въ Россію. Поѣздка его оживила; съ новыми Петербургскими знакомыми и друзьями завелась у него довольно частая переписка. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ написалъ и напечаталъ „Письмо къ издателю Всеобщей Аугсбургской Газеты, доктору Кольбу"

зетъ насъ въ свой замокъ Фалль близь Ревеля»... «Я провелъ у графа пять дней самымъ пріятнымъ образомъ. Не могу довольно нарадоваться, что пріобрѣлъ знакомство такого славнаго человѣка, каковъ хозяинъ здѣшняго мѣста. Это конечно одна изъ лучшихъ человѣческихъ натуръ, когда либо мною встрѣченныхъ. Онъ принадлежитъ къ наиболѣе вліятельнымъ, наивыше поставленнымъ лицамъ въ Имперіи и сверхъ того по самому характеру своихъ должностей пользуется властью почти такою же безусловною, какъ и власть самого Повелителя. Вотъ что мнѣ было извѣстно, и конечно уже не это могло меня расположить въ его пользу... Тѣмъ пріятнѣе мнѣ было убѣдиться, что онъ въ тоже время совершенно добрый и честный человѣкъ. Онъ осыпалъ меня ласками, большею частью ради г-жи Крюднеръ и частью также изъ личной ко мнѣ симпатіи; но за что я еще болѣе благодаренъ, чѣмъ за пріемъ, это за то, что онъ взялся быть проводникомъ моихъ мыслей при Государѣ, который удѣлилъ имъ больше вниманія, чѣмъ я смѣлъ ожидать. Что касается до публики, то я могъ удостовѣриться по отголоску, который встрѣтили въ ней эти мои мысли, что я напалъ на правду, и теперь, благодаря молчаливому поощренію, которое мнѣ оказано, можно будетъ попытаться на что-нибудь серьезное»...

*) «Но что мнѣ было особенно пріятно, это его вниманіе къ моимъ мыслямъ относительно извѣстнаго вамъ проэкта, и та поспѣшная готовность, съ которою онъ оказалъ имъ поддержку у Государя: потому что, на другой же день нашего разговора, онъ воспользовался послѣднимъ своимъ свиданіемъ съ Государемъ предъ его отъѣздомъ, чтобы довести объ нихъ до его свѣдѣнія. Онъ увѣрялъ меня, что мои мысли были приняты довольно благосклонно, и есть поводъ надѣяться, что имъ будетъ данъ ходъ. Я просилъ его предоставить мнѣ эту зиму на подготовленіе путей и обѣщалъ, что непремѣнно пріѣду къ нему, сюда ли или куда бы то ни было, для окончательныхъ распоряженій. Впрочемъ не онъ одинъ интересуется вопросомъ, и я думаю, что минута для его возбужденія была пригодна... Увидимъ»... Все это загадки, которымъ разъясненія мы покуда еще не знаемъ.

которое, въ подлинникѣ и въ Русскомъ переводѣ, спустя тридцать лѣтъ, обнародовано и въ Россіи, именно въ 10 „тетради Архива“ 1873 года подъ заглавіемъ: „Россія и Германія“. Едва-ли это не былъ его первый напечатанный прозаическій трудъ. Онъ не остался не замѣченнымъ и Русскими соотечественниками: есть указаніе въ одномъ изъ писемъ Тютчева къ отцу, что статья была прочтена, и не безъ сочувствія, самимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ (*).

Дѣло по службѣ скоро уладилось: Тютчеву были возвращены всѣ служебныя права и почетныя званія, и повелѣно было состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ. Вообще появленіе его въ Петербургскомъ свѣтѣ сопровождалось блестящимъ успѣхомъ. Онъ сразу занялъ въ обществѣ то особенное, видное положеніе, которое удерживалъ потомъ до самой своей кончины и на которое давали ему такое право его образованность,

(*) Что статья Тютчева была напечатана—это несомнѣнно; но именно ли въ Аугсбургской Газетѣ, этого мы еще не можемъ утверждать навѣрное, потому что, не смотря на всѣ наши старанія, намъ до сихъ поръ не удалось розыскать изданія этой газеты за 1844 годъ. Подлинная рукопись (руки самого Ө. Ивановича) начинается обращеніемъ автора къ самому Кольбу (оно опущено въ Русскомъ Архивѣ). Вотъ первыя строки этого обращенія: «*L'accueil, que vous avez fait dernièrement à quelques observations, que j'ai pris la liberté de vous adresser, ainsi que le commentaire modéré et raisonnable, dont vous les avez accompagnées,* m'ont suggeré une singulière idée. Que serait-ce, monsieur, si nous essayons de nous entendre sur le fond même de la question. Je n'ai pas l'honneur de vous connaître personnellement; en vous écrivant, c'est donc à la Gazette Universelle d'Augsburg que je m'adresse». Изъ этого видно, что въ Аугсбурской Газетѣ уже и прежде была напечатана, если не цѣлая статья, то какая нибудь замѣтка Тютчева съ примѣчаніемъ самого Кольба, вѣроятно по тому же вопросу о политическихъ отношеніяхъ Германіи и Россіи.—Все это, конечно, со временемъ разъяснится, какъ скоро удастся пересмотрѣть въ заграничныхъ библіотекахъ изданіе этой газеты за 1844 годъ. Между тѣмъ у насъ предъ глазами письмо Өедора Ивановича къ отцу уже изъ Петербурга отъ 29 Октября 1844 года, въ которомъ онъ называетъ эту статью *брошюрою* (можетъ быть, ради краткости выраженія); именно, упомянувъ о свиданіи съ генералъ-адъютантомъ Нарышкинымъ, котораго называетъ своимъ zélateur (усердствующимъ ему), онъ прибавляетъ: «il m'a dit, qu'ayant lu, par hazard, une *brochure* que j'ai publiée l'été dernier en Allemagne, il en avait, suivant son habitude, parlé à tout le monde, et avait finalement réussi à la faire lire à l'Empereur qui, après l'avoir lue, a declaré qu'il y retrouvait toutes ses idées, et a paru curieux de savor qui en était l'auteur. Je suis assurément très flatté de cette coïncidence, mais par des motifs, qui, je puis le dire, n'ont rien de personnel»... Тютчевъ ничего не поясняетъ болѣе о брошюрѣ, и очевидно упоминаетъ объ ней и о прочтеніи ея Государемъ только потому, что такое извѣстіе должно было доставить нѣкоторое удовольствіе его старикамъ-родителямъ и успокоить ихъ на счетъ его дѣлъ по службѣ, тогда еще не устроенныхъ. Самую статью мы подробно излагаемъ ниже.

его умъ и таланты. Предъ нимъ открылись настежъ всѣ двери — и дворцовъ, и аристократическихъ салоновъ, и скромныхъ литературныхъ гостинныхъ: всѣ наперерывъ желали залучить къ себѣ этого Русскаго выходца изъ Европы, этого пріятнаго собесѣдника, привлекавшаго къ себѣ общее вниманіе оригинальною граціею всего своего внѣшняго и духовнаго существа, самостоятельностью своей мысли, сверкающею остротою своихъ импровизованныхъ рѣчей. Онъ самъ, въ письмахъ къ отцу и матери, свидѣтельствуетъ о радушномъ пріемѣ, ему оказанномъ, объясняя, впрочемъ это радушіе, съ привычною ему скромностью, свойствами Русскаго національнаго характера.... „Какъ могли вы вообразить— пишетъ онъ къ нимъ, черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Петербургъ—что я опять оставлю Россію?. Да еслибъ меня назначили посланникомъ въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ покинуть Россію, я бы поколебался принять. Это говорю только, чтобъ дать вамъ понять, какъ мало я тороплюсь отсюда уѣхать... И наконецъ,— отчего-жъ въ томъ и не сознаться, — Петербургъ, какъ общество, едва ли не одно изъ самыхъ пріятныхъ мѣстопребываній въ Европѣ. А когда я говорю *Петербургъ*,—я разумѣю Россію, Русскій характеръ, Русскую общительность... Тоже самое и въ Москвѣ, только еще въ высшей степени. Дойдя до 40 лѣтъ, никогда, такъ сказать, и не живши въ Русскомъ обществѣ, я очень доволенъ, что нахожусь теперь въ немъ, и очень отрадно пораженъ тѣмъ необычнымъ благоволеніемъ, которое мнѣ оказываютъ. Не только что мое тщеславіе этимъ польщено; нѣтъ, это еще другое чувство,—чувство лучшее чѣмъ тщеславіе.“ *)

*) «...Comment avez vous pu imaginer que quelque chose qu'il arrive, je quitterais la Russie?.. On me nommerait ambassadeur à Paris, à la condition de m'en aller immédiatement de la Russie, que j'hésiterais à accepter. C'est pour vous dire, combien peu je suis pressé de m'en aller, et ma femme l'est encore moins... Et puis pourquoi ne l'avouerions nous pas, Pétersbourg, comme société, est peut-être un des plus agréables séjours qu'il y ait en Europe. Et quand je dis Pétersbourg, c'est la Russie, c'est le caractère russe, c'est la sociabilité russe... Et voilà ce qui fait, que ma femme est si impatiente d'aller à Moscou, parcequ'elle est sûre de retrouver tout cela à Moscou à un plus haut degré encore... Pour moi, arrivé à l'âge de 40 ans, sans avoir p. a. d. jamais vecu au milieu de la société russe, je me trouve très satisfait d'y être, et je me trouve très agréablement impressionné de la bienveillance qu'on m'y témoigne. Ce n'est pas ma vanité seulement qui s'en trouve flattée: c'est encore un autre sentiment, un sentiment meilleur que la vanité...»

Въ 1848 году Тютчевъ опредѣленъ старшимъ цензоромъ при Особой Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ прежней должности.—Въ этомъ же году или въ началѣ 1849 года, написалъ онъ статью, озаглавленую въ рукописи: *La Russie et la Révolution* (Россія и Революція). Она также помѣщена во Французскомъ подлинникѣ и въ Русскомъ переводѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года тетр. 5. Но оказывается, чего многіе не знали, что она въ томъ же 1849 году была напечатана отдѣльною брошюрою, вѣроятно безъ вѣдома автора, во Франціи, въ очень маломъ числѣ экземпляровъ, барономъ Павломъ Бургуаномъ, бывшимъ Французскимъ посланникомъ при Мюнхенскомъ дворѣ, коротко знавшимъ Тютчева. Копія съ рукописи была достав-

лена изъ Петербурга въ Мюнхенъ родственнику Ѳедора Ивановича по женѣ, барону Пфеффелю, который конечно не замедлилъ распространить ее въ Мюнхенскомъ дипломатическомъ кругу, гдѣ она и дошла до барона Бургуана. Но брошюра, какъ видно изъ краткаго обзора и разбора ея въ Revue des Deux Mondes (1 juin 1849), носитъ иное, болѣе заманчивое названіе: *Mémoire présenté à l'empereur Nicolas, depuis la révolution de Fevrier, par un Russe, employé supérieur aux affaires étrangères.* (Записка, представленная Императору Николаю, послѣ Февральской революціи, Русскимъ чиновникомъ высшаго разряда при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ). Дѣйствительно ли была она представлена Государю, намъ неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что на такое заглавіе авторъ не давалъ, да и не могъ бы дать, разрѣшенія *). Въ томъ же журналѣ Revue des Deux Mondes, въ 1-ой Январской книжкѣ 1850 года, напечатана другая статья Тютчева, также безъ его подписи, именно: La Question Romaine et la Papauté (Римскій Вопросъ и Папство). Обѣ статьи произвели сильное впечатлѣніе за границею, особенно послѣдняя, которая обратила на себя вниманіе и въ Россіи. Редакторъ журнала Лоранси (Laurentie) предпослалъ статьѣ длинное примѣчаніе съ возраженіями, довольно живыми, въ защиту католицизма и съ указаніемъ, что статья La Question Romaine и брошюра: Mémoire présenté à l'empereur Nicolas написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Въ 1854 году появилось въ IV кн. журнала „Современникъ" (изданія Некрасова и Панаева) собраніе стихотвореній Тютчева, которое вслѣдъ за тѣмъ, нѣсколько пополненное, было выпущено редакціей въ свѣтъ отдѣльною книжкою, въ числѣ 95 піесъ. Съ этого только времени былъ занесенъ Тютчевъ, такъ сказать офиціально, въ число Русскихъ стихотворцевъ, въ спискѣ которыхъ онъ до тѣхъ поръ не состоялъ. Здѣсь кстати разсказать странную внѣшнюю судьбу поэзіи Тютчева, объясняемую, впрочемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, отчасти его личнымъ характеромъ и особенностями его поэтическаго творчества. По отъѣздѣ его въ Мюнхенъ въ 1822 году, первыя его стихотворенія появляются въ печати въ Альманахѣ „Уранія" 1826 года, изданномъ въ Москвѣ М. П. Погодинымъ и Раичемъ,—три перевода и одно оригинальное стихотвореніе „Проблескъ", отмѣченные 1823 и 1824 годами. Затѣмъ въ 1827 году Тютчевъ опять является вкладчикомъ въ новомъ альманахѣ своего бывшаго учителя Раича „Сѣверная Лира," гдѣ помѣщаетъ шесть піесъ (изъ нихъ 4 переводныхъ). Два стихотворенія напечатаны въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1827 года. Изъ помѣтъ подъ нѣкоторыми стихотвореніями видно, что Тютчевъ посылалъ не самыя новыя, послѣднія свои произведенія, а переводы и стихи прежнихъ лѣтъ, т. е. самой ранней своей молодости; они вообще слабы и

---

*) Вотъ какъ начинается рецензія въ Revue des Deux Mondes (въ отдѣлѣ Chronique de la quinzaine): Une indiscrétion habilement calculée a mis en circulation dans les salons diplomatiques de l'Allemagne un document quasi-oficiel, qui apporte sur la politique latente du Czar, avec de nouvelles considérations mystiques, quelques lumières précieuses et d'une couleur originale. C'est un écrit qui porte le titre: Mémoire présenté и проч. Un ancien diplomate, m-r Paul de Bourgoing, l'a récueilli en Allemagne et lui a donné en France la publicité d'un très petit nombre d'exemplaires.

не могли обратить на себя особеннаго вниманія, хотя въ нѣкоторыхъ піесахъ уже проявляется своеобразная фактура стиха и мѣстами блещетъ истинная поэзія. Наконецъ въ плохомъ журналѣ Раича „Галатея,“ въ 1829 и 1830 году, Тютчевъ, вѣрный своему наставнику, помѣщаетъ тринадцать стихотвореній, изъ которыхъ снова пять переводныхъ; но въ числѣ оригинальныхъ есть нѣсколько піесъ первостепеннаго достоинства, которыя, впослѣдствіи перепечатанныя, признаны всѣми критиками за его лучшія произведенія, но въ то время прошли совершенно незамѣченными (напримѣръ: „Гроза,“ „Видѣніе“ и проч.). Чрезъ пять лѣтъ въ „Молвѣ,“ еженедѣльномъ прибавленіи къ „Телескопу“ (журналу, издававшемуся въ Москвѣ Надеждинымъ), появилось превосходное по содержанію и по формѣ стихотвореніе его „Silentium,“ также вовсе не замѣченное читающею публикою *).

Наконецъ нашелся въ Мюнхенѣ Русскій, который понялъ значеніе поэтическаго таланта Тютчева, собралъ, сколько могъ, его стихотвореній и доставилъ ихъ въ 1836 году Пушкину. Этотъ Русскій былъ князь Иванъ Сергѣевичь Гагаринъ, въ настоящее время священникъ Ордена Іезуитовъ. Онъ служилъ тогда при нашей миссіи въ Мюнхенѣ, гдѣ его дядя, князь Григорій Ивановичь Гагаринъ, находился посланникомъ. Русская литература обязана искреннею благодарностью князю Ивану Гагарину за то, что онъ извлекъ изъ подъ спуда поэтическія творенія Тютчева (которыя безъ того вѣроятно бы погибли или растерялись) и отнесся съ ними прямо къ Пушкину, который съ 1836 года предпринялъ изданіе своего четырехмѣсячнаго обозрѣнія „Современникъ.“ Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ выше всякой мелочной авторской зависти и всегда самымъ радушнымъ образомъ привѣтствовалъ каждый проблескъ истиннаго дарованія. Онъ тотчасъ же оцѣнилъ стихи Тютчева по достоинству, и съ III-го же тома своего „Современника“ началъ ихъ послѣдовательное печатаніе подъ общимъ заглавіемъ: „Стихотворенія, присланныя изъ Германіи,“ и за подписью: *Ѳ. Т.* По смерти Пушкина, „Современникъ“ издаваемый уже Плетневымъ, продолжалъ ежегодно помѣщать на своихъ страницахъ нѣсколько стихотвореній Тютчева, до начала 1840 года включительно. Всего съ 1836 г. по 1840 г. напечатано въ „Современникѣ“ 39 пьесъ, въ томъ числѣ Silentium,“ напечатанное прежде въ „Молвѣ“ и еще нѣсколько піесъ, уже помѣщенныхъ въ „Галатеѣ.“ Почему въ „Современникѣ“ не было выставлено полнаго имени автора—мы разъяснить не умѣемъ. Стихотворенія *Ѳ. Т.* обратили на себя вниманіе публики, но не вызвали ни одного отзыва въ тогдашнихъ нашихъ журналахъ.

Затѣмъ съ 1840 до 1854 года, слѣдовательно въ теченіи *четырнадцати* лѣтъ, не появляется въ печати *ни одного* стихотворенія Тютчева, если не считать его перевода изъ Шиллера „Поминки,“ помѣщеннаго въ „Раутѣ,“ альманахѣ

*) На это обстоятельство указалъ первый П. В. Анненковъ въ своей біографіи Станкевича (1857 г.). Упомянувъ о помѣщенныхъ въ «Молвѣ» первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ Красова, въ которыхъ, «не смотря на благородство чувствъ, замѣтенъ нѣсколько узкій взглядъ на предметы», г. Анненковъ прибавляетъ: «Любопытно, что въ томъ же 1835 г. «Молва» напечатала Silentium, Ѳ. Тютчева—произведеніе глубокаго, поэтически-философскаго характера, не обратившее однакоже на себя должнаго вниманія»... Между тѣмъ эти стихотворенія Красова пользовались тогда въ обществѣ значительнымъ успѣхомъ.

Н. В. Сушкова. Между тѣмъ эти 14 лѣтъ были едва ли, во всей его жизни, не самыя обильныя поэтическимъ творчествомъ. Не менѣе любопытно и слѣдующее обстоятельство. Въ 1850 году въ томъ же „Современникѣ,“ но издаваемомъ тогда И. И. Панаевымъ и поэтомъ Некрасовымъ, напечатана статья Некрасова подъ названіемъ „Русскіе второстепенные поэты,“ второстепенные, — пишетъ авторъ — не по степени достоинства, а по степени извѣстности, такъ какъ наша публика заучила себѣ только пять поэтическихъ именъ: Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Крыловъ, Кольцовъ, едва ли болѣе. Эта замѣчательная статья, въ которой Некрасовъ является истиннымъ знатокомъ и цѣнителемъ поэтической красоты, посвящена вся поэзіи Тютчева, о которомъ авторъ судитъ только по стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ „Современникѣ“ 1836—1840 года, объясняя, что „поэтическая дѣятельность г-на Ѳ. Т. продолжалась *только пять лѣтъ;* впрочемъ *не можемъ сказать навѣрное, печаталъ онъ или нѣтъ гдѣ-нибудь свои стихотворенія прежде.*“ Но особенно странно и даже забавно читать слѣдующія строки, гдѣ авторъ статьи, какъ бы въ потьмахъ, ощупью, старается добраться до личности поэта, до настоящаго смысла подписи *Ѳ. Т.*; странно и забавно потому, что этотъ поэтъ не только жилъ въ одномъ городѣ съ авторомъ, но нисколько не скрывался, напротивъ принадлежалъ вполнѣ свѣту и обществу, и былъ ревностнымъ посѣтителемъ всякихъ общественныхъ собраній. Упомянувъ объ общемъ заглавіи, подъ которымъ помѣщены были въ первый разъ стихи Тютчева въ Пушкинскомъ „Современникѣ“, г. Некрасовъ прибавляетъ:

«Прежде всего скажемъ, что хотя они и присылаемы были изъ Германіи, но *не подлежало никакому сомнѣнію, что авторъ ихъ былъ Русскій*: всѣ они написаны были чистымъ и прекраснымъ языкомъ, и многія носили на себѣ живой отпечатокъ Русскаго ума, Русской души. Подпись *Ѳ. Т-въ*, вмѣсто Ѳ. Т., появившаяся вскорѣ подъ однимъ изъ нихъ, окончательно подтвердила, что авторъ ихъ нашъ соотечественникъ. Сдѣлавъ это примѣчаніе для тѣхъ, которыхъ могло бы испугать заглавіе стихотвореній, мы продолжаемъ... Съ тѣхъ поръ это имя вовсе исчезло изъ Русской литературы. Неизвѣстно навѣрное, обратило ли оно на себя вниманіе публики въ то время, какъ появилось въ печати; но положительно можно сказать, что ни одинъ журналъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія».

Эти строки характеризуютъ всего болѣе самого Тютчева и служатъ яркимъ свидѣтельствомъ, какъ мало добивался онъ авторской славы. Г-нъ Некрасовъ въ статьѣ своей всѣми силами старается растолковать публикѣ ея несправедливость къ анонимному поэту, перепечатываетъ изъ прежняго „Современника“ 24 пьесы и заканчиваетъ статью „желаніемъ, чтобы стихотворенія г. Ѳ. Т. были изданы отдѣльно. „Мы можемъ ручаться“ — прибавляетъ онъ — „что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставитъ въ своей библіотекѣ рядомъ съ лучшими произведеніями Русскаго поэтическаго генія.“

Такимъ образомъ Тютчевъ, хоть и на 47 году жизни, дождался наконецъ оцѣнки своему таланту. Статья Некрасова, напечатанная въ журналѣ, пользовавшемся тогда большимъ успѣхомъ, произвела въ публикѣ сильное впечатлѣніе. Стихотворенія, уже давно напечатанныя и въ свое время ускользнувшія отъ вниманія, стали перечитываться вновь; въ нихъ открывали красоты, прежде не замѣченныя. Анонимъ разумѣется обна-

ружился, да онъ никогда и не прятался. Тѣмъ не менѣе и еще четыре года сряду имя Тючева не появляется въ печати, хотя многія его пьесы ходили въ спискахъ по рукамъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Можетъ быть и еще долѣе продолжалось бы такое оригинальное отношеніе поэта къ печати, еслибъ не вмѣшался въ дѣло *посторонній* человѣкъ, который взялъ на себя трудъ привесть въ исполненіе желаніе, высказанное Некрасовымъ. Нашъ извѣстный писатель и ревностный тогда сотрудникъ журнала „Современникъ,“ Иванъ Сергѣевичь Тургеневъ, познакомившись съ поэтомъ, испросилъ у него, безъ всякого конечно труда, право для редакціи на изданіе его стихотвореній, собралъ, при помощи семьи Ѳедора Ивановича, все что можно было собрать,—и такимъ образомъ состоялось въ 1854 году то первое изданіе, о которомъ упомянуто было выше, и въ которомъ Тютчевъ самъ, лично, не принималъ накакого участія. Съ того времени положеніе Тютчева, какъ поэта, измѣнилось; къ нему обращались съ просьбою о сотрудничествѣ, и стихотворенія его стали появляться довольно часто, по крайней мѣрѣ безъ большихъ перерывовъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ 1857 году Тютчевъ написалъ, въ видѣ письма къ князю Горчакову (нынѣ канцлеру) статью или записку о цензурѣ, которая тогда ходила въ рукописныхъ спискахъ и, можетъ быть, не мало содѣйствовала болѣе разумному и свободному взгляду на значеніе печатнаго слова въ нашихъ правительственныхъ сферахъ. Она, во Французскомъ подлинникѣ и въ переводѣ, также помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г. Въ томъ же 1857 году Тютчевъ занялъ мѣсто предсѣдателя Санктпетербургскаго Комитета Иностранной Цензуры, оставаясь въ тоже время въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Его просвѣщенное, разумно-либеральное предсѣдательство въ этомъ Комитетѣ, нерѣдко расходившееся съ нашимъ административнымъ міровоззрѣніемъ, а потому подъ конецъ и ограниченное въ своихъ правахъ, памятно всѣмъ, кому было дорого живое общеніе съ Европейскою литературою. Въ этой должности онъ и состоялъ до самой своей кончины, послѣдовавшей 15-го Іюля 1873 года, въ Царскомъ Селѣ.

Такимъ образомъ завершился второй, послѣдній, Петербургскій періодъ жизни Тютчева, начавшійся съ 1844 года и продолжавшійся 29 лѣтъ. Онъ не богатъ, какъ мы видѣли, внѣшнимъ біографическимъ матеріаломъ или внѣшнею дѣятельностью. Но всѣ эти 29 лѣтъ были непрерывною дѣятельностью мысли, сердца, поэтическаго творчества. Его умъ бодрствовалъ и свѣтилъ неослабно; его сужденія озаряли темную глубину современныхъ міровыхъ вопросовъ; на каждое важное явленіе исторіи, какъ за предѣлами, такъ и внутри Россіи, отзывался онъ устною рѣчью или стихами. Мы еще возвратимся къ Петербургскому періоду его жизни и взглянемъ на него поближе именно съ этой стороны; но дѣло въ томъ, что вся эта внутренняя дѣятельность Тютчева была проявленіемъ духа уже вполнѣ возмужавшаго,—не новымъ фазисомъ, въ который, съ пріѣздомъ въ Россію, вступило его міросозерцаніе, а лишь выраженіемъ его нравственнаго, уже окончательно опредѣлившагося строя,—дальнѣйшимъ развитіемъ и разъясненіемъ прежде пріобрѣтенныхъ, уже установившихся, воззрѣній и убѣжденій. Его оригинальный умственный, нравственный, поэтическій, вообще духовный типъ не видоизмѣнился въ теченіи послѣднихъ 29-ти лѣтъ, остался все тотъ же какимъ былъ и въ 1844 году, когда

Тютчеву, послѣ долгаго заграничнаго пребыванія, привелось наконецъ поселиться въ Россіи, и не мѣшалъ ему быть во всякое время современнѣйшимъ изъ современниковъ. Какой же это былъ типъ и какимъ образомъ могъ онъ сложиться тамъ, на чужбинѣ? Эти вопросы побуждаютъ насъ обратиться назадъ къ Мюнхенскому періоду его жизни, и къ характеристикѣ его внутренняго существа.

II.

Въ 1822 году переѣздъ изъ Россіи заграницу значилъ не то что теперь. Это просто былъ временный разрывъ съ отечествомъ. Желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ тогда еще и въ поминѣ не было; почтовыя сообщенія совершались медленно; Русскіе путешественники были рѣдки. Отторгнутый отъ Россіи въ самой ранней, нѣжной молодости, когда ему было съ небольшимъ 18 лѣтъ, закинутый въ дальній Мюнхенъ, предоставленный самъ себѣ, Тютчевъ одинъ, безъ руководителя, переживаетъ на чужбинѣ весь процессъ внутренняго развитія, отъ юности до зрѣлаго мужества, и возвращается въ Россію на водвореніе, когда ему пошелъ уже пятый десятокъ лѣтъ. Двадцать два года лучшей поры жизни проведены Тютчевымъ за границею...

Представимъ же его себѣ одного, брошеннаго чуть не мальчикомъ въ водоворотъ высшаго иностраннаго общества, окруженнаго всѣми соблазнами большаго свѣта, искушаемаго собственными дарованіями, которыя тотчасъ же, съ перваго его появленія въ этой блестящей Европейской средѣ, доставили ему столько сочувствія и успѣха,—наконецъ любимаго, балуемаго женщинами, съ сердцемъ падкимъ на увлеченія страстныя, безоглядочныя... Какъ, казалось бы, этой 18 лѣтней юности не поддаться обольщеніямъ тщеславія, даже гордости? Какъ не растратить въ этомъ вихрѣ суеты, въ обаяніи внѣшней жизни, сокровища жизни внутренней, высшія стремленія духа? Не слѣдовало ли ожидать, что и онъ, подобно многимъ нашимъ поэтамъ, поклонится кумиру, называемому свѣтомъ, пріобщится его злой пустотѣ, и въ погонѣ за успѣхами принесетъ не мало нравственныхъ жертвъ, въ ущербъ и правдѣ, и таланту?

Но здѣсь-то и поражаетъ насъ своеобразность его духовной природы. Именно къ тщеславію онъ и былъ всего менѣе склоненъ. Можно сказать, что въ тщеславіи у Тютчева былъ *органическій* недостатокъ. Онъ любилъ свѣтъ—это правда; но не личный успѣхъ, не утѣхи самолюбія влекли его къ свѣту. Онъ любилъ его блескъ и красивость; ему нравилась эта театральная, почти международная арена, воздвигнутая на общественныхъ высотахъ, гдѣ въ роскошной сценической обстановкѣ выступаетъ изящная внѣшность Европейскаго общежитія со всею прелестью утонченной культуры; гдѣ,—во имя единства цивилизаціи, условныхъ формъ и приличій,—сходятся граждане всего образованнаго міра, какъ равноправная труппа актеровъ. Но любя свѣтъ, всю жизнь вращаясь въ свѣтѣ, Тютчевъ ни въ молодости не былъ, ни потомъ не сталъ „свѣтскимъ человѣкомъ“. Соблюдая по возможности всѣ внѣшнія свѣтскія приличія, онъ не рабствовалъ предъ ними душою, не покорялся условной свѣтской „морали“, хранилъ полную свободу мысли и чувства. Блескъ и обаяніе свѣта возбуждали его нервы, и словно ключомъ било наружу его вдохновенное, граціозное остроуміе. Но самое проявленіе этой способности не было у него дѣломъ *тщеславнаго разсчета:* онъ самъ тутъ же забывалъ сказанное, никогда не повторялся и

охотно предоставлялъ другимъ авторскія права на свои, нерѣдко геніальныя, изрѣченія. Вообще, какъ въ устномъ словѣ, точно такъ и въ поэзіи, его творчество только въ самую минуту творенія, не долѣе, доставляло ему авторскую отраду. Оно быстро, мгновенно вспыхивало и столь же быстро, выразившись въ рѣчи или въ стихахъ, угасало и исчезало изъ памяти.

Онъ никогда не становился ни въ какую позу, не рисовался, былъ всегда самъ собою, таковъ какъ есть, простъ, независимъ, произволенъ. Да ему было и не до себя, т. е. не до самолюбивыхъ соображеній о своемъ личномъ значеніи и важности. Онъ слишкомъ развлекался и увлекался предметами, для него несравненно болѣе занимательными: съ одной стороны блистаніемъ свѣта, съ другой личною, искреннею жизнью сердца, и затѣмъ высшими интересами знанія и ума. Эти послѣдніе притягивали его къ себѣ еще могущественнѣе, чѣмъ свѣтъ. Онъ уже и въ Россіи учился лучше, чѣмъ многіе его сверстники-поэты, а Германская среда была еще способнѣе расположить къ ученію, чѣмъ тогдашняя наша Русская, и особенно Петербургская. Переѣхавъ за границу, Тютчевъ очутился у самаго родника Европейской науки: тамъ она была въ подлинникѣ, а не въ жалкой копіи или каррикатурѣ, у себя, въ своемъ дому, а не въ гостяхъ, на чужой квартирѣ.

Окунувшись разомъ въ атмосферу стройнаго и строгаго Нѣмецкаго мышленія, Тютчевъ быстро отрѣшается отъ всѣхъ недостатковъ, которыми страдало тогда образованіе у насъ въ Россіи и пріобрѣтаетъ обширныя и глубокія свѣдѣнія. По свидѣтельству одного иностранца (барона Пфеффеля), напечатавшаго въ концѣ прошлаго года небольшую статью о немъ въ одной Парижской газетѣ [1]). Тютчевъ ревностно изучалъ Нѣмецкую философію, часто водился съ знаменитостями Нѣмецкой науки, между прочимъ съ Шеллингомъ, съ которымъ часто спорилъ, доказывая ему несостоятельность его философскаго истолкованія догматовъ Христіанской вѣры. Тотъ же Пфеффель, вспоминая эти годы молодости Тютчева въ Мюнхенѣ, выражается о немъ слѣдующимъ образомъ въ одномъ частномъ письмѣ, которое намъ довелось прочесть: „nous subissions le charme de ce merveilleux esprit (мы находились подъ очарованіемъ этого диковиннаго ума).“ Не менѣе замѣчателенъ и отзывъ И. В. Кирѣевскаго, который, уже въ 1830 году, пишетъ изъ Мюнхена къ своей матери въ Москву, про 27 *лѣтняго* Тютчева: „онъ уже однимъ своимъ присутствіемъ могъ бы быть полезенъ въ Россіи: такихъ Европейскихъ людей у насъ перечесть по пальцамъ.“ [2]) Тютчевъ обладалъ способностью читать съ поразительною быстротою, удерживая прочитанное въ памяти до малѣйшихъ подробностей, а потому и начитанность его была изумительна,— тѣмъ болѣе изумительна, что времени для чтенія, повидимому, оставалось у него немного [3]). Вообще, при его необыкновенной талантливости, занятія наукою не мѣшали ему вести, по наружности, самую разсѣянную жизнь и не оставля-

---

[1]) См. эту статью въ приложеніи.

[2]) Сочин. И. В. Кирѣевскаго, Т. I. біографія.

[3]) Эту привычку къ чтенію Тютчевъ перенесъ съ собой и въ Россію и сохранилъ ее до самой своей предсмертной болѣзни, читая ежедневно, рано по утрамъ, въ постели, всѣ вновь выходящія, сколько нибудь замѣчательныя книги Русской и иностранныхъ литературъ, большею частью историческаго и политическаго содержанія.

лана немъ никакой пыли труда, той почтенной пыли, которую многіе ученые любятъ выставлять на показъ и которая такъ способна снискивать благоговѣніе толпы.

Могутъ замѣтить, что самая основательность пріобрѣтенной Тютчевымъ образованности достаточно предохраняла его отъ искушеній того мелкаго тщеславія, которое въ состояніи довольствоваться поверхностными успѣхами въ свѣтѣ или дешевою популярностью въ полуневѣжественныхъ кругахъ. Но для Тютчева, при богатствѣ его знанія и даровъ, существовала возможность искушеній болѣе высшаго порядка. Ему естественно было пожелать для себя не только извѣстности, но и славы. Десятой доли его свѣдѣній и талантовъ было бы довольно иному для того, чтобъ сумѣть пріобрѣсти почести и значеніе, занять выгодную общественную позицію, стать оракуломъ и прогремѣть, особенно въ нашемъ отечествѣ. Примѣромъ можетъ служить одинъ изъ современниковъ Тютчева, Чаадаевъ, страдавшій именно избыткомъ того, въ чемъ у Тютчева былъ недостатокъ,—человѣкъ безспорно умный и просвѣщенный, хотя значительно уступавшій Тютчеву и въ умѣ и въ познаніяхъ, человѣкъ, которому отведено даже мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія, который постоянно позировалъ съ немалымъ успѣхомъ въ Московскомъ обществѣ и съ подобающею важностью принималъ поклоненіе себѣ, какъ кумиру. Но именно важности никогда и не напускалъ на себя Тютчевъ. Если бы онъ хоть сколько нибудь о томъ постарался, молва о немъ прошумѣла бы въ Россіи еще въ первой половинѣ его жизни, и слава умнаго человѣка и поэта не осѣнила бы его такъ поздно, и притомъ въ предѣлахъ только избранныхъ круговъ Русскаго общества. Отъ времени до времени доходили конечно о немъ, чрезъ Русскихъ путешественниковъ, извѣстія и въ Россію, подобные отзыву Кирѣевскаго; но тѣмъ не менѣе имя его въ отечествѣ долго оставалось невѣдомымъ, и даже Жуковскій, если не ошибаемся, уже въ 1841 году, встрѣтясь съ Тютчевымъ гдѣ-то за границею, писалъ о немъ, какъ о какомъ-то неожиданномъ, пріятномъ открытіи. Мы уже знаемъ, *какъ* хлопоталъ онъ о своей стихотворческой извѣстности!... Все блестящее соединеніе даровъ было у Тютчева какъ бы оправлено *скромностью*, но скромностью особаго рода, не выставлявшеюся на видъ и въ которой не было ни малѣйшей умышленности или аффектаціи. Эта замѣчательная психическая черта требуетъ пристальнаго разсмотрѣнія.

Если, не смотря на всѣ соблазны свѣта и увлеченія сердца, Тютчевъ даже и въ молодости постоянно расширялъ кругозоръ своей мысли и свои познанія, которымъ такъ дивились потомъ и Русскіе, и иностранцы,—все же было бы ошибкою предполагать здѣсь, съ его стороны, какое либо дѣйствіе воли, нравственный подвигъ, побѣду надъ искушеніями, и т. п. Нисколько. Лѣнивый, избалованный съ дѣтства, непрывыкшій къ обязательному труду, но притомъ совершенно равнодушный къ внѣшнимъ выгодамъ жизни, онъ только свободно подчинялся влеченіямъ своей, въ высшей степени интеллектуальной, природы. Онъ только утолялъ свой врожденный, всегда томившій его, умственный голодъ. Съ наслажденіемъ вкушалъ онъ отъ готовой трапезы знанія и разумѣнія, но никогда не удовлетворялся ею вполнѣ; никогда не испытывалъ того самодовольства сытости, которое съ такою пріятностью ощущаютъ умы менѣе требовательные... Вообще всякое самодовольство было ненавистно его существу.

Въ томъ-то и дѣло, что этотъ человѣкъ, котораго многіе, даже изъ его друзей, признавали, а можетъ быть признаютъ еще и теперь, за „хорошаго поэта“ и сказателя острыхъ словъ, а большинство — за свѣтскаго говоруна, да еще самой пустой, праздной жизни,— этотъ человѣкъ, рядомъ съ мѣткимъ, изящнымъ остроуміемъ, обладалъ умомъ необычайно строгимъ, прозорливымъ, не допускавшимъ никакого самообольщенія. Вообще это былъ духовный организмъ, трудно дающійся пониманію: тонкій, сложный, многострунный. Его внутреннее содержаніе было самаго серьезнаго качества. Самая способность Тютчева отвлекаться отъ себя и забывать свою личность объясняется тѣмъ, что въ основѣ его духа жило искреннее *смиреніе*: однакожъ не какъ христіанская высшая добродѣтель, а, съ одной стороны, какъ прирожденное личное и отчасти *народное* свойство (онъ былъ весь добродушіе и незлобіе); съ другой стороны, какъ постоянное философское сознаніе ограниченности человѣческаго разума, и какъ постоянное же сознаніе своей личной нравственной немощи. Преклоняясь умомъ предъ высшими истинами Вѣры, онъ возводилъ *смиреніе* на степень философско-нравственнаго историческаго принципа. Поклоненіе человѣческому *я* было вообще, по его мнѣнію, тѣмъ лживымъ началомъ, которое легло въ основаніе историческаго развитія современныхъ народныхъ обществъ на Западѣ. Мы увидимъ, какъ рѣзко изобличаетъ онъ въ своихъ политическихъ статьяхъ это гордое самообожаніе разума, связывая съ нимъ объясненіе Европейской революціонной эры, и какъ, наоборотъ, возвеличиваетъ онъ значеніе духовно-нравственныхъ стихій Русской народности. Понятно, что если такова была точка отправленія его философскаго міросозерцанія, то тѣмъ менѣе могло быть имъ допущено поклоненіе своему личному *я*. При всемъ томъ его скромность относительно своей личности не была въ немъ чѣмъ-то усвоеннымъ, сознательно пріобрѣтеннымъ. Его *я* само собою забывалось и утопало въ богатствѣ внутренняго міра мысли; умалялось до исчезновенія въ виду Откровенія Божія въ исторіи, которое всегда могущественно приковывало къ себѣ его умственные взоры. Вообще его умъ, непрерывно питаемый и обогащаемый знаніемъ, *постоянно мыслилъ*. Каждое его слово сочилось мыслью. Но такъ какъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ былъ поэтъ, то его процессъ мысли не былъ тѣмъ отвлеченнымъ, холоднымъ, логическимъ процессомъ, какимъ онъ является, напримѣръ, у многихъ мыслителей Германіи: нѣтъ, онъ не разобщался въ немъ съ художественно-поэтическою стихіею его души и весь насквозь проникался ею. При этомъ его уму была въ сильной степени присуща *иронія*,—но не ѣдкая иронія скептицизма и не злая насмѣшка отрицанія, а какъ свойство, нерѣдко встрѣчаемое въ умахъ особенно крѣпкихъ, всестороннихъ и зоркихъ, отъ которыхъ не ускользаютъ, рядомъ съ важными и несомнѣнными, комическія и двусмысленныя черты явленій. Въ ироніи Тютчева не было ничего грубаго, желчнаго и оскорбительнаго; она была всегда остра, игрива, изящна и особенно тонко задѣвала замашки и обольщенія человѣческаго самолюбія. Конечно, при такомъ свойствѣ ума, не могли же иначе, какъ въ ироническомъ свѣтѣ, представляться ему и самолюбивыя поползновенія его собственной личности, если они только когда-нибудь возникали.

Но кромѣ того, его *я* уничтожалось и подавлялось въ немъ, какъ мы уже сказали, сознаніемъ недосягаемой высо-

ты христіанскаго идеала, и своей неспособности къ напряженію и усилію. Потому что, рядомъ съ его, такъ сказать, *безкорыстною*, безличною жизнью мысли, была другая область, гдѣ обрѣталъ онъ самого себя всецѣло, гдѣ онъ жилъ только для себя, всею полнотою своей личности. То была жизнь сердца, жизнь чувства, со всѣми ея заблужденіями, треволненіями, муками, поэзіей, драмою страсти; жизнь, которой впрочемъ онъ отдавался всякой разъ не иначе, какъ вслѣдствіе самаго искренняго, внезапно овладѣвавшаго имъ увлеченія,—отдавался безъ умысла и безъ борьбы. Но она была у него про себя, не была предметомъ похвальбы и ликованія, всегда обращалась для него въ источникъ тоски и скорби и оставляла болѣзненный слѣдъ въ его душѣ.

Душа моя—элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ годины буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.
Душа моя—элизіумъ тѣней,
Что̀ общаго межъ жизнью и тобою?...

Такъ высказывается онъ самъ въ своихъ стихахъ. Замыслы, радости и горе годины не переставали однакожъ занимать и тревожить его умъ; страстныя увлеченія сердца не ослабляли дѣятельности его философской мысли, но они тѣмъ не менѣе вносили тягостное раздвоеніе въ его бытіе. Ничто не могло омрачить въ немъ сознанія правды. Немерцающій свѣточъ ума и совѣсти постоянно разоблачалъ предъ нимъ всю тьму противорѣчій между признаваемымъ, сочувственнымъ его душѣ, нравственнымъ идеаломъ и жизнью; между возвышенными запросами и отвѣтомъ.

О вѣщая душа моя,
О сердце полное тревоги,
О какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ-бы *двойнаго* бытія!...

Этотъ крикъ сердечной боли, какъ бы невольно вырвавшійся изъ груди поэта, разрѣшается, чрезъ нѣсколько строкъ, воплемъ скорби и вѣрующаго смиренія въ слѣдующихъ стихахъ:

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя—
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть...

Самая способность смиренія, этой силы очищающей, уже служитъ залогомъ высшихъ свойствъ его природы. Біографу Тютчева нѣтъ затѣмъ никакой надобности входить въ подробности этой стороны его существованія болѣе, чѣмъ сколько нужно для уразумѣнія его нравственнаго облика и сокрытыхъ мотивовъ его поэзіи.... Но не въ одной этой области томился онъ внутреннимъ раздвоеніемъ и душевными муками.

Умъ сильный и твердый—при слабодушіи, при безсиліи воли, доходившемъ до немощи; умъ зоркій и трезвый—при чувствительности нервовъ самой тонкой, почти женской,—при раздражительности, воспламенимости, однимъ словомъ при творческомъ процессѣ души поэта, со всѣми ея мгновенно вспыхивающими призраками и самообманомъ; умъ дѣятельный, не знавшій ни отдыха, ни истомы—при совершенной неспособности къ дѣйствію, при усвоенныхъ съ дѣтства привычкахъ лѣни, при необоримомъ отвращеніи къ внѣшнему труду, къ какому бы то ни было принужденію; умъ постоянно голодный, пытливый, серьезный, сосредоточенно проникавшій во всѣ вопросы исторіи, философіи, знанія; душа ненасытно жаждущая наслажденій, волненій, разсѣянія, страстно отдававшаяся впечатлѣніямъ текущаго дня, такъ что къ нему можно было бы примѣнить его собствен-

ные стихи про творенія природы весною:

Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита...

Духъ мыслящій, неуклонно сознающій ограниченность человѣческаго ума, но въ которомъ сознаніе и чувство этой ограниченности недовольно восполнялись живительнымъ началомъ вѣры; вѣра, признаваемая умомъ, призываемая сердцемъ, но не владѣвшая ими всецѣло, не управлявшая волею, недостаточно освящавшая жизнь, а потому не вносившая въ нее ни гармоніи, ни единства.... Въ этой двойственности, въ этомъ противорѣчіи и заключался трагизмъ его существованія. Онъ не находилъ ни успокоенія своей мысли, ни мира своей душѣ. Онъ избѣгалъ оставаться на единѣ съ самимъ собою, не выдерживалъ одиночества, и какъ ни раздражался „безсмертной пошлостью людской", по его собственному выраженію, однако не въ силахъ былъ обойтись безъ людей, безъ общества, даже на короткое время.

Только поэтическое творчество было въ немъ цѣльно: мы это увидимъ при подробной характеристикѣ его какъ поэта. Но оно, вслѣдствіе именно этой сложности его духовной природы, не могло быть въ немъ продолжительно, и вслѣдъ за мгновеніемъ творческаго наслажденія, онъ уже стоялъ выше своихъ произведеній, онъ уже не могъ довольствоваться этими неполными, и потому не совсѣмъ вѣрными, по его сознанію, отголосками его думъ и ощущеній; не могъ признавать ихъ за *дѣланіе* достаточно важное и цѣнное, достойно отвѣчающее требованіямъ его ума и таланта. А что требованія эти бывали велики, тревожили иногда его собственную душу съ настойчивостью и властью, что пламень таланта порою жегъ его самого и стремился вырваться на волю; что эти высокіе призывы, остававшіеся неудовлетворенными, наводили на него припадки меланхоліи и унынія, особенно въ тридцатыхъ годахъ его жизни, во время пребыванія за границей, гдѣ впервыя, вдали отъ отечества, зашевелились и заговорили въ немъ всѣ силы его дарованій, гдѣ не могъ онъ порою не тяготиться своимъ одиночествомъ,—обо всемъ этомъ мы узнаемъ, отчасти, изъ сохранившихся писемъ его первой жены. Именно ради разсѣянія и отпросился онъ въ плаваніе, съ дипломатическими депешами, къ Іоническимъ островамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также написанныя около того же времени слѣдующія два стихотворенія, представляющія, кромѣ своего высокаго достоинства, психологическій и біографическій интересъ. Первое изъ нихъ то самое Silentium, которое, напечатанное въ 1835 году въ „Молвѣ", не обратило на себя никакого вниманія и въ которомъ такъ хорошо выражена вся эта немощь поэта—передать точными словами, логическою формулою рѣчи, внутреннюю жизнь души въ ея полнотѣ и правдѣ:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь;
Взрывая—возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи.

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ:
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,

Дневные ослѣпятъ лучи,—
Внимай ихъ пѣнью—и молчи.

Въ другомъ превосходномъ стихотвореніи эта тоска доходитъ уже до своего высшаго выраженія (*):

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгараетъ,
И огнь сокрытый и глухой
Слова и строки пожираетъ,—
Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ.
О небо! *еслибы хоть разъ*
Сей пламень развился по волѣ,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы—и погасъ!

Но и потомъ, гораздо позднѣе, нерѣдко вслѣдъ за игривымъ, шутливымъ словомъ, можно было подслушать какъ бы невольные стоны, исторгавшіеся изъ его груди. Его умъ сверкалъ ироніей,—его душа ныла.... А между тѣмъ не было, повидимому, человѣка пріятнѣе и любезнѣе. Его присутствіемъ оживлялась всякая бесѣда; неистощимо сыпались блестки его чарующаго остроумія: жадно подхватывались окружающими его мѣткія изрѣченія, изъ которыхъ каждое было въ своемъ родѣ артистическимъ издѣліемъ самой тонкой, узорчатой, художественной чеканки; онъ плѣнялъ и утѣшалъ все внемлющее ему общество. Но вотъ, внезапно, неожиданно скрывшись, онъ—на обратномъ пути домой; или вотъ онъ, съ накинутымъ на спину пледомъ, бродитъ долгіе часы по улицамъ Петербурга, не замѣчая и удивляя прохожихъ.... Тотъ ли онъ самый?...

Стройнаго, худощаваго сложенія, небольшаго роста, съ рѣдкими, рано посѣдѣвшими волосами, небрежно осѣнявшими высокій, обнаженный, необыкновенный красоты лобъ, всегда оттѣненный глубокою думою; съ разсѣяніемъ во взорѣ, съ легкимъ намекомъ ироніи на устахъ,—хилый, немощный и по наружному виду, онъ казался влачившимъ тяжкое бремя собственныхъ дарованій, страдавшимъ отъ нестерпимаго блеска своей собственной, неугомонной мысли. Понятно теперь, что въ этомъ блескѣ тонули для него, какъ звѣзды въ сіяніи дня, его собственныя поэтическія творенія. Понятны его пренебреженіе къ нимъ и такъ называемая авторская скромность.

Таковъ былъ этотъ своеобразный, высокодаровитый, смѣлый и смиренный мыслитель и поэтъ; таковъ былъ этотъ замѣчательный человѣкъ, неотразимо привлекательный изяществомъ всѣхъ проявленій своего духа,—самымъ сочетаніемъ силы и слабости.

III.

Двадцати - двух - лѣтнее пребываніе Тютчева за границею; частое посѣщеніе всѣхъ центровъ умственной дѣятельности; постоянное вращеніе въ высшемъ иностранномъ обществѣ; знакомство и бесѣды со всѣми современными свѣтилами науки и искуства—все это не могло не дать и дѣйствительно дало Тютчеву тотъ особый яркій отпечатокъ общеевропейской образованности, которымъ поражался всякой при первой съ нимъ встрѣчѣ. Но быть „человѣкомъ Европейскимъ“ еще не значитъ быть Русскимъ. Напротивъ: самое двадцати-двух-лѣтнее пребываніе Тютчева въ западной Европѣ позволяло предполагать, что изъ него выйдетъ не только „Европеецъ,“ но и „Европеистъ,“ т. е. приверженецъ и проповѣдникъ теорій Европеизма—иначе поглощенія Русской народности западною, „общечеловѣческою“

(*) Оно напечатано въ „Современникѣ“ въ 1836 году.

цивилизаціей. Если сообразить всю обстановку Тютчева во время его житья за границею, то кажется судьба какъ-бы умышленно подвергала его испытанію. Нельзя было придумать, ни сосредоточить въ такомъ множествѣ, болѣе благопріятныхъ условій для совращенія Русскаго юноши, если не въ Нѣмца или Француза, то *въ иностранца вообще,* безъ народности и отечества. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, какъ сильно было обаяніе западнаго просвѣщенія на умы въ самой Россіи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда Тютчевъ въ первый разъ переселился изъ Москвы въ Мюнхенъ. Вспомнимъ, что съ 18 лѣтняго возраста ему пришлось воспитываться и вырабатываться совершенно одному, безъ всякой поддержки изъ Россіи, со всѣхъ сторонъ объятому чужеземною стихіей, подъ ежечаснымъ, непосредственнымъ, могучимъ воздѣйствіемъ Европейской гражданственности. Мы уже выразились выше, что переѣздъ Тютчева за границу равнялся совершенному разрыву съ отечествомъ. И точно: въ теченіи 22-хъ лѣтъ своего пребыванія въ чужихъ краяхъ онъ только четыре раза побывалъ въ Россіи, большею частью на короткій срокъ, и всѣ его личныя заочныя съ нею сношенія едвали не ограничивались перепискою съ своими родными, при томъ неисправною и вовсе не литературнаго свойства. Стихотворные вклады въ Русскіе альманахи и журналы не радовали его успѣхомъ; а въ тѣ длинные промежутки, когда прерывалось печатаніе его стихотвореній, прекращалась и эта слабая его связь съ отечествомъ: подъ конецъ имя его почти забывается; онъ какъ бы перестаетъ существовать для Россіи. Самое дипломатическое поприще, на которое онъ вступилъ, менѣе всего было способно воспитать въ немъ Русскаго человѣка. „Національность въ политикѣ" не была еще тогда тѣмъ моднымъ, хотя подчасъ и мнимымъ девизомъ дипломатіи, какъ въ наше время; политическіе интересы понимались большею частью съ ихъ внѣшней, нерѣдко случайной стороны; ихъ представителями и защитниками отъ имени Русскаго государства бывали нерѣдко иностранцы, или же такіе Русскіе, которые не много болѣе иностранцевъ были знакомы съ Русскою землею и Русскимъ языкомъ, и изъ которыхъ иные, служа лѣтъ по 30 за границею, уже и вовсе не способны были разумѣть двинувшуюся впередъ Россію. Вообще, такъ называемый дипломатическій кругъ, при каждомъ дворѣ, представлялъ въ то время (можетъ быть, представляетъ и теперь) такую общественную международную почву, на которой, при содѣйствіи общаго условнаго языка и общихъ условныхъ формъ, всего легче стиралось въ людяхъ клеймо народности, особенно въ Русскихъ чиновникахъ, почти всегда зараженныхъ суевѣрнымъ поклоненіемъ кумиру западной цивилизаціи. Въ такой-то общественный кругъ попалъ Тютчевъ съ самаго ранняго возраста, и обращался въ немъ безъ перерыва почти цѣлую четверть вѣка... Вспомнимъ наконецъ, что тамъ, за границею, онъ женился, сталъ отцомъ семейства, овдовѣлъ, снова женился, оба раза на иностранкахъ; тамъ, на чужбинѣ, прошла лучшая пора его жизни, со всѣмъ, чѣмъ дорога человѣку его молодость, какъ онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ стихахъ, написанныхъ имъ уже въ 1846 году, когда, послѣ смерти отца, онъ посѣтилъ свое родное село Овстугъ, гдѣ родился и провелъ дѣтскіе годы:

И такъ опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста немилыя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервыя
И гдѣ теперь туманными очами,

При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О бѣдный призракъ, немощный и смутный,
Забытаго, загадочнаго счастья!
О, какъ теперь, безъ вѣры и участья,
Гляжу я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меньшой, умершій въ пеленахъ.

Ахъ нѣтъ! *не здѣсь, не этотъ край безлюдный*
Былъ для души моей родимымъ краемъ:
Не здѣсь прошелъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!..
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!

Припомнимъ, наконецъ, что въ эти 22 года онъ почти не слышитъ Русской рѣчи, а по отъѣздѣ Хлопова и совсѣмъ лишается того немногаго, хотя и благотворнаго соприкосновенія съ Русскою бытовою жизнью, которое доставляло ему присутствіе его дядьки въ Мюнхенѣ. Его первая жена ни слова не знала по-русски, также какъ и вторая, выучившаяся Русскому языку уже по переселеніи въ Россію (и собственно для того, чтобъ понимать стихи своего мужа): слѣдовательно самый языкъ его домашняго быта былъ чуждый. Съ Русскими путешественниками бесѣда происходила, по тогдашнему обычаю, всегда по-французски; по-французски же, исключительно,велась и дипломатическая корреспонденція, и его переписка съ родными.

Какимъ-же непостижимымъ откровеніемъ внутренняго духа далась ему та чистая, Русская, сладкозвучная, мѣрная рѣчь, которою мы наслаждаемся въ его поэзіи? Какимъ образомъ тамъ, въ иноземной средѣ, могъ создаться въ немъ Русскій поэтъ — одно изъ лучшихъ украшеній Русской словесности?.. Конечно, языкъ—стихія природная, и Тютчевъ уже передъ отъѣздомъ за границу владѣлъ вполнѣ основательнымъ знаніемъ родной рѣчи. Но для того, чтобы не только сохранить это знаніе, а стать хозяиномъ и творцомъ въ языкѣ, хотя и родномъ, однако изъятомъ изъ ежедневнаго употребленія; чтобы возвести свое поэтическое, Русское слово до такой степени красоты и силы, при чужеязычной двадцати-двух-лѣтней обстановкѣ, когда поэту даже некому было и повѣдать своихъ твореній..... для этого нужна была такая самобытность духовной природы, которой нельзя не дивиться.

Но еще поразительнѣе, чѣмъ въ Тютчевѣ-поэтѣ, сказывается намъ эта самобытность духовной природы въ Тютчевѣ какъ мыслителѣ. Невольно недоумѣваешь, какимъ чудомъ, при извѣстныхъ намъ внѣшнихъ условіяхъ его судьбы, не только не угасло въ немъ Русское чувство, а разгорѣлось въ широкій, упорный пламень,—но еще кромѣ того, сложился и выработался цѣлый, твердый, философскій строй національныхъ воззрѣній. Мы высоко цѣнимъ значеніе непосредственныхъ бытовыхъ вліяній и уже указывали на ихъ присутствіе въ жизни Тютчева; но нельзя же въ самомъ дѣлѣ умилительной заботливости Николая Аѳанасьевича и благочестивымъ народнымъ обычаямъ Екатерины Львовны присвоивать слишкомъ сильную нравственную власть надъ умственнымъ развитіемъ такого „Европейскаго человѣка,“ какимъ считался и былъ нашъ покойный писатель. Къ тому же эти бытовыя вліянія у насъ, въ Россіи, одинаково существовали для всѣхъ, т. е. въ равной мѣрѣ и для людей, которые впослѣдствіи отнеслись къ нимъ съ презрѣніемъ, назвались „западниками“ и рѣшительно отвергли у Русской народности всякое право на самостоятельность.

Преданія дѣтства и домашняго быта могли, конечно, согрѣвать душу и питать въ Тютчевѣ природное Русское чувство,—но повидимому и только. Еще сильнѣе способны были заронить въ немъ неугасимую искру *патріотизма* воспоминанія о 1812 годѣ и слава, вѣнчавшая Россію, по умиреніи Европы. Но любовь къ отечеству, сама по себѣ, также не болѣе какъ чувство, и при томъ присущее каждому человѣческому естеству въ каждомъ народѣ,—чувство не разсуждающее, не нуждающееся ни въ какихъ отвлеченныхъ основаніяхъ... Непосредственная любовь къ *родинѣ* сталкивалась къ тому же у Тютчева, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше стиховъ, съ другими, еще болѣе сильными влеченіями: то былъ „милый сердцу край," въ которомъ праздновалъ онъ праздникъ молодости и любви, гдѣ протекли самые золотые годы его жизни, совершенно заслонившіе для него годы дѣтства. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить кстати, что 22 года, проведенные среди не поддѣльной, а *истой* Европейской гражданственности, наложили неизгладимую печать на всю, такъ сказать, внѣшнюю сторону его существа: по своимъ привычкамъ и вкусамъ онъ былъ вполнѣ „Европеецъ," и Европеецъ самой высшей пробы, со всѣми духовными потребностями, воспитываемыми западною цивилизацiей. Удобства и средства, доставляемыя заграничнымъ бытомъ для удовлетворенія этихъ потребностей, были ему, разумѣется, дороги. Его не переставала также манить къ себѣ, по возвращеніи въ Россію, роскошная природа Южной Германіи и Италіи, среди которой онъ прожилъ съ 18-ти до 40 лѣтняго возраста. Такъ, пріѣхавъ въ 1844 году въ Петербургъ на окончательное водвореніе, онъ въ Ноябрѣ же мѣсяцѣ того года, рисуя въ стихахъ картину Невы зимнею ночью, прибавляетъ къ этой картинѣ слѣдующія строфы:

Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣетъ,
Теперь на солнцѣ пламенѣетъ
Роскошный Генуи заливъ...
О Сѣверъ, Сѣверъ-чародѣй,
Иль я тобою очарованъ,
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?
О еслибъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый Югъ!..

Та же мысль выражена и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ, напримѣръ:

Давно ль, давно ль, о Югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ Эдемъ ты растворенный
Доступенъ былъ мнѣ пришлецу?
Давно ль,—хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ,
Я тамъ заслушивался пѣнья
Великихъ средиземныхъ волнъ?

И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ роднаго лона
Киприда свѣтлая всплыла.
Онѣ все тѣже и понынѣ,
Все также блещутъ и звучатъ;
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я... я съ вами распростился,
Я вновь на Сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колетъ: снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ...

Или вотъ еще отрывокъ:

Вновь твои я вижу очи,
И одинъ твой нѣжный взглядъ
Киммерійской грустной ночи
Вдругъ развѣялъ сонный хладъ.

Воскресаетъ предо мною
Край иной—*родимый* край,
Словно прадѣдовъ виною
Для сыновъ погибшій рай....
Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся Сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной.
Снова жадными очами
Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Напротивъ того, Русская природа, Русская деревня не обладали для него живою притягательною силою, хотя онъ понималъ и высоко цѣнилъ—ихъ, такъ сказать, внутреннюю, духовную красоту. Онъ даже въ теченіи двухъ недѣль не въ состояніи былъ переносить пребыванія въ Русской деревенской глуши, напримѣръ въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Брянскаго уѣзда, куда почти каждое лѣто переѣзжала на житье его супруга съ дѣтьми. Не получать каждое утро новыхъ газетъ и новыхъ книгъ, не имѣть ежедневнаго общенія съ образованнымъ кругомъ людей, не слышать около себѣ шумной общественной жизни —было для него невыносимо. Хозяйственные интересы, какъ легко можно повѣрить, для него вовсе не существовали. Вѣдая свою „непрактичность,“ онъ и не заглядывалъ въ управленіе имѣніемъ. Даже мудрено себѣ и вообразить Тютчева въ Русскомъ селѣ, между Русскими крестьянами, въ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ мужикомъ. Такъ, казалось, мало было между ними общаго . . .

А между тѣмъ Тютчевъ положительно пламенѣлъ любовью къ Россіи: какъ ни высокопарно кажется это выраженіе, но оно вѣрно . . . И вотъ опять новое внутреннее противорѣчіе—въ дополненіе къ тому множеству противорѣчій, которымъ, какъ мы видѣли, осложнялось все его бытіе!

Но если подъ „любовью къ Россіи,“ понимать тоже, что обыкновенно разумѣется подъ словомъ „патріотизмъ“, то здѣсь почти нѣтъ и мѣста противорѣчію. Потому что „патріотизмъ“, въ которомъ никогда въ Россіи не было недостатка, именно-то въ Россіи вовсе и не означалъ ни уваженія, ни даже простаго сочувствія къ Русской народности. Отстаивая съ безпримѣрнымъ мужествомъ политическое существованіе Русскаго государства, патріотизмъ не выдерживалъ столкновенія съ нравственнымъ натискомъ Западной Европы и, охраняя цѣлость внѣшнихъ предѣловъ, трусливо *пасовалъ* и поступался Русскою національностью въ области бытовой и духовной . . . Что могъ, — казалось,— кромѣ *чувства* любви къ отечеству, противопоставить молодой Тютчевъ, переѣхавъ въ чужіе краи, враждебному къ Русской народности, авторитету Европейской цивилизаціи, всѣмъ этимъ непріязненнымъ умственнымъ силамъ, во всеоружіи науки, знанія, крѣпкихъ системъ? Что способна была ему дать, чѣмъ напутствовать его, въ оны годы, Россія?

Не кстати ли будетъ здѣсь обновить нѣсколько въ памяти тотъ двадцати-двухлѣтній періодъ Русской исторической жизни и общественнаго самосложенія, который совершился внѣ всякого участія и вдали отъ Тютчева—и въ тоже время безъ всякого съ своей стороны воздѣйствія на развитіе самого поэта?

Періодъ съ 1822 по 1844 годъ былъ важною эпохою во внутренней исторіи нашего отечества. Въ 1822 году воспоминанія 12-го года и послѣдовавшихъ за нимъ славныхъ для Россіи событій были еще во всей своей животрепещущей силѣ. Высокій жребій умиротворенія Европы, выпавшій на долю Александра I-го, превозмогъ въ немъ власть народныхъ инстинктовъ. Верховнаго

вождя Русскаго народа перевѣшивалъ безкорыстный Европеецъ, устроитель Европейскихъ судебъ, непричастный національному эгоизму.... Въ обществѣ, возбужденное войною патріотическое чувство, защитившее внѣшнюю независимость Русской земли, еще не доросло до притязаній на ея духовную независимость. Русская мысль еще не вчинала подвига народнаго самосознанія. Вслѣдъ за отраженнымъ нами „нашествіемъ двунадесяти языкъ,“ сильнѣе чѣмъ когда либо повторилось на Россію нашествіе съ Запада: идей, теорій, доктринъ—политическихъ, философскихъ и нравственныхъ. Живое сближеніе съ Европой въ лицѣ образованнаго слоя нашей побѣдоносной арміи дало въ свою очередь побѣду надъ Русскими умами обаятельнымъ формамъ Европейской гражданственности. Въ то время, какъ наша внѣшняя государственная политика приносила въ жертву интересамъ Европейскаго равновѣсія и покоя политическіе интересы Россіи, отказывая въ поддержкѣ Грекамъ и Сербамъ,—Русское общество, расколыхавшись какъ море отъ разразившейся надъ Россіею великой исторической бури, представляло зрѣлище необычайнаго умственнаго броженія. Смутно чувствуя ложь своего историческаго пути и всего общественнаго строя, оно не умѣло еще додуматься до настоящей причины этой лжи, и обходя или не вѣдая про свой народъ и свою народность, искало разрѣшенія томившимъ его задачамъ въ чужой исторической жизни. Подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, это броженіе принимало формы то тугендбундовъ, то иныхъ подобныхъ союзовъ, пока наконецъ не превратилось въ политическій заговоръ. Событіе 14-го Декабря снесло съ Русской земли цвѣтъ высшаго образованнаго общества. Началось новое царствованіе и съ нимъ новый періодъ внутренняго развитія. Русскій кабинетъ по прежнему пекся объ Европѣ, но уже безъ „галантерейнаго обращенія“ Александровской эпохи: новый царь держалъ имя Россіи грозно. Мятежъ Декабристовъ обличилъ историческую несостоятельность политическихъ иностранныхъ идеаловъ, насильственно переносимыхъ на Русскую почву; фальшивые призраки будущаго переустройства Россіи на Европейскій фасонъ,—которыми тѣшилось незрѣлое, порвавшее съ народными преданіями Русское общество, были разбиты. Давленіе сверху, стѣснивъ всякую внѣшнюю общественную дѣятельность, вогнало Русскую мысль внутрь...

Дѣйствительно, мы видимъ, что Русская словесность,—въ которой, при отъѣздѣ Тютчева за границу, еще господствовали Французскіе литературные авторитеты, вмѣстѣ съ самыми жалкими и дѣтскими эстетическими теоріями,—мало по малу пробуетъ освобождаться и наконецъ освобождается совсѣмъ изъ оковъ псевдо-классицизма и подражательности. Геній Пушкина ищетъ содержанія въ народной жизни. Настаетъ Гоголь: неумолимо разоблачена духовная скудость и нравственная пошлость нашего общественнаго строя; все лживо-важное, ходульное, напыщенное въ литературномъ изображеніи и разумѣніи нашей Русской дѣйствительности, исчезаетъ, какъ снѣгъ весною, отъ одного явленія этого громаднаго таланта. Въ художественномъ воспроизведеніи жизни водворяется требованіе простоты и правды (переходящее впослѣдствіи у большинства писателей въ голое обличеніе и отрицаніе). Критика въ лицѣ Бѣлинскаго (въ лучшую пору его дѣятельности) окончательно сокрушаетъ фальшивые литературные кумиры и остатки старыхъ эстетическихъ теорій.

Въ 1826 году выходитъ послѣдній томъ „Исторіи Государства Россійскаго“

Карамзина. Его монументальный, хотя и не оконченный трудъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, пролагаетъ путь къ ближайшему знакомству съ историческимъ ростомъ Россіи, къ внимательнѣйшему изслѣдованію ея прошлыхъ судебъ. Обнародованіе актовъ, грамотъ, лѣтописей и другихъ памятниковъ древней Русской письменности, вообще изданія Археографической Экспедиціи создаютъ новую эпоху въ изученіи Русской исторіи и самымъ могущественнымъ образомъ движутъ впередъ наше историческое сознаніе. Въ области отвлеченнаго умственнаго движенія, совершавшагося преимущественно въ Москвѣ, вліяніе Французскихъ мыслителей и вообще философіи XVIII вѣка смѣняется болѣе благотворнымъ, хотя иногда и очень поверхностнымъ, воздѣйствіемъ на Русскіе умы Германской науки и философіи. Русская мысль трезвѣетъ и крѣпнетъ въ строгой школѣ пріемовъ Нѣмецкаго мышленія и также пытается стать въ сознательное, философское отношеніе къ Русской народности. Съ одной стороны вырабатывается цѣлая стройная доктрина, какъ продуктъ высшихъ просвѣщенныхъ соображеній,—что спасеніе для Россіи заключается въ полнѣйшемъ отреченіи отъ всѣхъ народныхъ, историческихъ, бытовыхъ и религіозныхъ преданій; во главѣ этого направленія стоитъ Чаадаевъ. Съ другой, сначала одиноко и большею частью еще въ стихахъ, раздается протестъ Хомякова; къ нему примыкаетъ постепенно цѣлая дружина молодыхъ людей—изъ послѣдователей Гегелевой философіи, а потомъ и нѣсколько самостоятельныхъ мыслителей, какъ Кирѣевскіе и другіе. Общество распадается на два стана: „западниковъ" и „восточниковъ;" за послѣдними утверждается прозвище „Славянофиловъ," данное имъ въ насмѣшку Петербургскою журналистикою. Завязывается сильная, запальчивая борьба въ печати, въ рукописи, въ устныхъ бесѣдахъ, въ частныхъ домахъ, на общественныхъ сборищахъ и университетскихъ каѳедрахъ. Славянофилы устремляются къ изученію Русской народности во всѣхъ ея проявленіяхъ, къ раскрытію ея внутренняго содержанія, къ изслѣдованію ея коренныхъ духовныхъ и гражданскихъ стихій. Они, по выраженію Хомякова, „допрашиваютъ духа жизни," сокрытаго въ нашемъ *быломъ* и хранящагося еще въ настоящемъ—т. е. въ простомъ Русскомъ народѣ. Они усматриваютъ въ немъ, въ этомъ „духѣ жизни" и въ православномъ вѣроисповѣданіи новыя просвѣтительныя начала для человѣчества, указываютъ на новыя своеобразныя основанія для соціальнаго и политическаго строя. Протестуя противъ деспотизма Петровскаго переворота и противъ всяческаго насилія надъ народною жизнью, они требуютъ для Русской земли свободы органическаго развитія, признанія правъ самой жизни, уваженія къ Русской народности и къ народу (не къ народу *вообще*, чѣмъ пробавлялись многіе наши демократы, отворачиваясь отъ Русскаго мужика или стараясь обманомъ и силою уподобить его заграничнымъ демократическимъ образцамъ, а именно къ Русскому народу и его бытовымъ основамъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняя Русское образованное общество въ разрывѣ съ историческими народными преданіями, въ нравственной измѣнѣ своей странѣ; обличая скудость и непроизводительность перенятаго имъ, въ духѣ рабства и подражанія, западнаго просвѣщенія, — Славянофилы проповѣдуютъ необходимость, право и обязанность для Русской народности самостоятельнаго труда и вклада въ общечеловѣческую науку, искусство и знаніе. Съ увлеченіемъ превозносятъ они историческое и духовное призваніе Россіи, какъ пред-

ставительницы православнаго Востока и Славянскаго племени, и предвѣщаютъ ей великое мiровое будущее. Между тѣмъ западничество, найдя себѣ опору въ Бѣлинскомъ, переселившемся въ Петербургъ, господствуетъ въ журналистикѣ, и, какъ теорiя, раздѣляетъ потомъ судьбу самой Германской философiи, переходящей постепенно, въ дальнѣйшемъ своемъ развитiи, изъ идеализма въ матерiализмъ, позитивизмъ и въ другiя системы нефилософскаго свойства и преимущественно Французскаго происхожденiя. Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, т. е. ко времени возвращенiя Тютчева въ Петербургъ, борьба между обоими лагерями была въ самомъ разгарѣ.

Мы распространились о Славянофильствѣ нѣсколько подробнѣе потому, что собственное мiросозерцанiе Тютчева находится съ нимъ, если не въ прямой связи, то въ соотношенiи. Замѣтимъ еще, что лично Славянофилы, какъ въ сороковыхъ годахъ, такъ и впослѣдствiи, никогда не пользовались большимъ успѣхомъ и стояли въ обществѣ особнякомъ, малымъ отрядомъ. Объ нихъ много шумѣли и кричали, издѣвались надъ ними въ стихахъ и прозѣ, выставляли ихъ на сценѣ, обвиняли въ обскурантизмѣ, взводили умышленно и неумышленно разныя небылицы, — но никто никогда не могъ отрицать ихъ гражданской независимости, откровенности ихъ рѣчей и дѣйствiй, высоко-нравственнаго характера ихъ ученiя. Самое это ученiе, въ своемъ цѣломъ объемѣ, какъ ученiе, никогда не было популярнымъ, да и не было вполнѣ формулировано или выражено въ видѣ точнаго кодекса; Славянофильскiя изданiя расходились вообще въ маломъ количествѣ; ихъ журналы имѣли, сравнительно, очень немного подписчиковъ; непосредственнаго дѣйствiя на массы читающаго люда они не оказывали,—но дѣйствiе ихъ на своихъ противниковъ, на такъ называемую интеллигенцiю, было неотразимо,— хотя и не быстро. Противники наконецъ догадались, что почва у нихъ изъ подъ ногъ постепенно уходитъ; враждебныя газеты и журналы стали сдаваться и принимать одно за другимъ разныя Славянофильскiя положенiя,—правда, видоизмѣняя, „очищая“ ихъ по своему и выдавая за собственныя измышленiя, но все таки сходясь съ Славянофильствомъ хоть въ нѣкоторыхъ существенныхъ основанiяхъ. Не какъ ученiе, воспринимаемое въ полномъ объемѣ послушными адептами, а какъ направленiе, освобождающее Русскую мысль изъ духовнаго рабства предъ Западомъ и призывающее Русскую народность стать на степень самостоятельнаго просвѣтительнаго органа въ человѣчествѣ, славянофильство, можно сказать, уже одержало побѣду, т. е. заставило даже и враговъ своихъ признать себя весьма важнымъ моментомъ въ ходѣ Русской общественной мысли. Мы съ своей стороны думаемъ, что оно не только историческiй моментъ уже отжитый, но и пребываетъ и пребудетъ въ исторiи нашего дальнѣйшаго умственнаго развитiя—какъ предъявленный неумолкающiй запросъ, какъ постоянный двигатель и указатель. Самое прозвище „славянофильство“ можетъ быть покинуто и забыто; можетъ потеряться изъ виду преемственная духовная связь между первыми дѣятелями и новѣйшими; многое, совершающееся подъ общимъ воздѣйствiемъ Славянофильскихъ мнѣнiй, но совершающееся въ данную, извѣстную пору, при извѣстныхъ, историческихъ условiяхъ, будетъ даже уклоняться, повидимому, отъ чистоты и строгости нѣкоторыхъ Славянофильскихъ идеаловъ. Безъ сомнѣнiя отжиты также тѣ крайнiя увлеченiя, которыя органически, такъ сказать, были связаны съ личнымъ характеромъ первыхъ пропо-

вѣдниковъ, или вызывались страстностью борьбы; нѣкоторыя, слишкомъ поспѣшно опредѣленныя формулы, въ которыхъ представлялось инымъ Славянофиламъ будущее историческое осуществленіе ихъ любимыхъ мыслей и надеждъ, оказались или окажутся ошибочными, и исторія осуществитъ, можетъ быть, тѣже начала, но совсѣмъ въ иныхъ формахъ и совсѣмъ иными, неисповѣдимыми своими путями... Но тѣмъ не менѣе разъ возбужденное народное самосознаніе уже не можетъ ни исчезнуть, ни прервать начатой работы, и оправдаетъ, конечно, со временемъ многія высказанныя Славянофильствомъ положенія, кажущіяся теперь мечтательными.—Сдѣлавъ это небольшое, но необходимое, впрочемъ, отступленіе, возвращаемся къ нашему очерку.

Россія 1822 и Россія 1844 года — какой длинный путь пройденъ Русскою мыслью! какое полное видоизмѣненіе въ умственномъ строѣ Русскаго общества! Во всемъ этомъ движеніи, этой борьбѣ, Тютчевъ не имѣлъ ни заслуги, ни участія. Онъ оставался совершенно въ сторонѣ, и къ сожалѣнію у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ, которыя бы позволили судить, какъ отозвались въ немъ и внѣшнія событія, напримѣръ 14-ое Декабря, и т. п., и явленія духовной общественной жизни, отголосокъ которыхъ всеже могъ иногда доходить и до Мюнхена. Уѣхавъ изъ Россіи, когда еще не завершилось изданіе исторіи Карамзина, только что раздались звуки поэзіи Пушкина, обаяніе Франціи было еще всесильно, и о духовныхъ правахъ Русской народности почти не было и рѣчи,—Тютчевъ возвращается въ Россію, когда замолкъ и Пушкинъ, и другіе его спутники - поэты, когда Гоголь уже издалъ „Мертвыя Души", когда нравственное владычество Франціи было почти совсѣмъ свергнуто; благодаря Нѣмцамъ, и толки о народности, борьба не однихъ литературныхъ, но и жизненныхъ общественныхъ направленій, занимала всѣ умы... Что же выработалъ за границей *его* умъ, такъ долго и одиноко созрѣвавшій въ Германской средѣ? Явится ли онъ „отсталымъ" для Россіи, но передовымъ представителемъ Европейской мысли? Какое послѣднее слово западнаго просвѣщенія принесетъ онъ съ собою?

Онъ и дѣйствительно явился представителемъ Европейскаго просвѣщенія. Но велико же было удивленіе Русскаго общества, и особенно тогдашнихъ нашихъ западниковъ, когда оказалось, что результатомъ этого просвѣщенія, такъ полно усвоеннаго Тютчевымъ, было не только утвержденіе въ немъ естественной любви къ своему отечеству, но и высшее разумное ея оправданіе; не только вѣрованіе въ великое политическое будущее Россіи, но и убѣжденіе въ высшемъ мiровомъ призваніи Русскаго народа и вообще духовныхъ стихій Русской народности. Тютчевъ какъ бы перескочилъ чрезъ всѣ стадіи Русскаго общественнаго двадцати-двухлѣтняго движенія, и возвратясь изъ-за границы съ зрѣлою, самостоятельно-выношенною имъ на чужбинѣ думою, очутился въ Россіи какъ разъ на той ступени, на которой стояли тогда передовые Славянофилы съ Хомяковымъ во главѣ. А между тѣмъ Тютчевъ вовсе не зналъ ихъ прежде, да и потомъ никогда не былъ съ ними въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ. Правда, онъ всегда говаривалъ, что ни съ кѣмъ встрѣча не была такъ плодотворна для его мысли, какъ именно съ Хомяковымъ и его друзьями,—и это понятно: онъ нашелъ то, чего не ожидалъ,—почти полное подтвержденіе его собственныхъ, одиноко выработанныхъ воззрѣній, — почти тождественную съ его мнѣніями систему, опиравшуюся на ближайшемъ изученіи

Русской исторіи и народнаго быта,—а этого изученія ему именно и недоставало. Силою собственнаго труда, идя путемъ совершенно самостоятельнымъ, своеобразнымъ и независимымъ, безъ сочувствія и поддержки, безъ помощи тѣхъ непосредственныхъ откровеній, которыя каждый, невѣдомо для себя, почерпаетъ у себя дома, въ отечествѣ, изъ окружающихъ его стихій Церкви и быта,—напротивъ: наперекоръ окружавшей его средѣ и могучимъ вліяніямъ,—Тютчевъ не только пришелъ къ выводамъ, совершенно сходнымъ съ основными Славянофильскими положеніями, но и къ ихъ чаяніямъ и гаданіямъ,—а въ нѣкоторыхъ политическихъ своихъ соображеніяхъ явился еще болѣе *крайнимъ*. Мы не имѣемъ возможности прослѣдить постепенный ходъ его мысли за границей, но можемъ отмѣтить, даже въ началѣ его заграничнаго пребыванія, замѣчательную самобытность его ума въ отношеніи къ авторитетамъ западной науки. Такъ мы уже указывали на свидѣтельство барона Пфеффеля о томъ, что Тютчевъ еще въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія постоянно спорилъ съ Шеллингомъ, котораго уже тогда занимала мысль о возможности захватить религію въ область философіи и подчинить христіанское Откровеніе философскому толкованію и опредѣленію: Тютчевъ, какъ разсказываетъ баронъ Пфеффель, доказывалъ въ его присутствіи Шеллингу несостоятельность такой попытки и логическую необходимость признать не какую нибудь истину Вѣры, а непремѣнно ту, которая содержится во вселенскомъ церковномъ преданіи, равно какъ и самую идею и догматъ о церкви. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Тютчевъ, при своей заграничной долгой жизни въ мѣстахъ, гдѣ не было ни одного Русскаго храма, былъ совершенно чуждъ, въ своемъ домашнемъ быту, не только православно-церковныхъ обычаевъ и привычекъ, но даже и прямыхъ отношеній къ церковно-русской стихіи. — Вообще Тютчевъ, какъ можно заключать по нѣкоторымъ даннымъ, хотя и жадно воспринималъ въ себя сокровища западнаго знанія, но не только безъ благоговѣнія и подобострастія, а съ полною свободою и независимостью. Онъ съ самаго начала какъ бы *судилъ* Западу. Тотъ же иностранецъ приводитъ слова Тютчева по поводу борьбы Карла X-го съ народнымъ представительствомъ во Франціи, разразившейся Іюльскою революціей... Онъ обличалъ въ этой революціи присутствіе цѣлаго новаго культа, цѣлаго революціоннаго вѣроисповѣданія, которое, по мнѣнію Тютчева, связывалось съ общимъ историческимъ ходомъ философской и религіозной мысли на западѣ. Поэтому Тютчевъ еще въ 1830 году предсказывалъ послѣдовательный рядъ революцій,—неминуемое наступленіе для Европы революціонной эры. Такой взглядъ въ молодомъ человѣкѣ и въ ту именно пору, когда событія Іюльскихъ дней кружили головы всей молодежи и привѣтствовались ею съ энтузіазмомъ, а учрежденіе Іюльской конституціонной монархіи во Франціи казалось, даже и болѣе зрѣлымъ головамъ, чуть не разрѣшеніемъ всѣхъ политическихъ задачъ, прочнымъ залогомъ народнаго благоденствія, высшею нормою общественнаго бытія и пр., такой взглядъ конечно обнаруживалъ рѣдкую самостоятельность.

Не менѣе поразительнымъ является и написанное имъ въ 1841 году посланіе къ Ганкѣ. Въ Россіи, собственно говоря въ Москвѣ, въ то время только что начинали завязываться непосредственныя сношенія съ Славянскими племенами Австріи и Турціи; вѣрнѣе сказать, эти сношенія съ передовыми людьми славянства существовали и раньше

но только у очень немногихъ Русскихъ ученыхъ, филологовъ, археологовъ и историковъ; починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ М. П. Погодину. Только въ началѣ сороковыхъ годовъ это стремленіе къ тѣснѣйшему сближенію съ Славянскимъ міромъ стало принимать у насъ характеръ общественный, и значеніе духовной и племенной связи Россіи съ Славянами начало постепенно входить въ наше историческое самосознаніе. Но носителемъ и представителемъ такого самосознанія былъ еще очень небольшой кружокъ, тогда еще и не прозванный „Славянофильскимъ". Это Московское движеніе оставалось въ то время еще совершенно чуждымъ и едва-ли даже вѣдомымъ Тютчеву, и хотя идея панславизма уже бродила тогда между Западными Славянами, однакоже мало была извѣстна Нѣмцамъ, среди которыхъ жилъ Тютчевѣ. Такимъ образомъ то отношеніе, въ которое Тютчевъ, мыслью и сердцемъ, сталъ къ Славянскому вопросу въ 1841 году, было его личнымъ дѣломъ; его посланіе къ Ганкѣ написано не съ чужаго голосу, а есть самостоятельный голосъ. Онъ лично посѣтилъ Прагу. Вотъ нѣсколько строфъ изъ этого посланія:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора ль очнуться намъ
И подать другъ-другу руки,
Нашимъ братьямъ и друзьямъ?
Вѣки мы слѣпцами были,
И какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы...

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль въ чужбину отошло.
Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ осрамилъ...

Вотъ среди сей ночи темной
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.
О какими вдругъ лучами
Освѣтились всѣ края!...
Обличилась передъ нами
Вся Славянская земля!

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.
И нарѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ,—
На яву увидятъ внуки
То что снилося отцамъ!

М. П. Погодинъ, въ своей статьѣ по поводу кончины Тютчева, также свидѣтельствуетъ, что когда онъ, послѣ 20 лѣтъ разлуки съ Тютчевымъ, „увидался съ нимъ и услышалъ его въ первый разъ, послѣ всѣхъ странствій, заговорившаго о Славянскомъ вопросѣ, то не вѣрилъ ушамъ своимъ," хотя—прибавляетъ Погодинъ —„этотъ вопросъ давно уже былъ предметомъ моихъ занятій и коротко мнѣ знакомъ".

Въ томъ же 1841 году написано Тютчевымъ въ Мюнхенѣ стихотвореніе по случаю перенесенія праха Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ. Это событіе вдохновило и въ Россіи многихъ нашихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и Хомякова въ Москвѣ. Но замѣчательно то, что стихотворенія, какъ Мюнхенскаго старожила и дипломата, такъ и Москвича-славянофила, сходны между собою въ основныхъ, существенныхъ мотивахъ, которыхъ не затронули другіе поэты. И Тютчева и Хомякова воспоминаніе о Наполеонѣ приводитъ къ мысли, что сила этого гордаго генія сокрушилась не о вещественную мощь Россіи,

а о нравственную силу Русскаго народа,—его смиреніе и вѣру. Наконецъ оба, по поводу завершенія, такъ сказать, Наполеонова эпоса, обращаютъ свои взоры къ пробуждающемуся Востоку.

Вотъ отрывки изъ стихотворенія Тютчева о Наполеонѣ:

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ орлы парили,
Въ его груди змѣи вились...
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему.
Онъ былъ земной, не Божій пламень,
Онъ гордо плылъ, смиритель волнъ;
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.

—

И ты стоялъ—передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!»...
Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
На берегахъ рѣки тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты наконецъ.
Но чутокъ сонъ и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь *на Востокъ*..

У Хомякова:

И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной...

И потомъ:

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!...
Скажите, *не утро ль съ Востока встаетъ?*
Не новая ль жатва надъ прахомъ растетъ?
и проч.

Въ статьѣ „Россія и Германія,“ написанной и напечатанной имъ за границей въ 1844 году, уже намѣчаются автором, еще слегка и неполно, черты его политической и исторической думы, которой полное выраженіе мы находимъ въ его позднѣйшихъ статьяхъ, стихахъ и письмахъ. Въ этомъ письмѣ своемъ къ д-ру Кольбу, онъ прямо противопоставляетъ Западной Европѣ—„Европу Восточную,“ т. е. Россію; онъ называетъ Россію „цѣлымъ *міромъ*, единымъ въ своемъ основномъ духовномъ началѣ,“ „болѣе искренно-христіанскимъ, чѣмъ Западъ,“ „имперіею Востока, для которой первая имперія Византійскихъ кесарей служила лишь слабымъ и неполнымъ предначертаніемъ и которой остается лишь окончательно сложиться,—что неминуемо, въ чемъ и заключается такъ называемый восточный вопросъ.“ Не подлежитъ сомнѣнію, что подобное политическое вѣроисповѣданіе не было въ то время еще никѣмъ заявлено въ Русской литературѣ, особенно такъ прямо и положительно, и нельзя не удивляться спокойной смѣлости, съ которою Тютчевъ рѣшился высказать его предъ лицомъ Европы. Конечно, какъ мы и выразились, мысль его въ этой статьѣ очерчена только слегка, но этотъ очеркъ какъ бы уже намекаетъ на цѣлый строй вполнѣ выработанныхъ, провѣренныхъ и усвоенныхъ себѣ авторомъ политическихъ убѣжденій.

Мы съ намѣреніемъ перечислили здѣсь всѣ документальныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что еще за границею, вполнѣ самостоятельно и своеобразно, сложилось у Тютчева то Русское міросозерцаніе, которое одновременно вырабатывалось и проповѣдывалось въ Москвѣ Хомяковымъ и его друзьями,—которое навлекло на нихъ столько насмѣшекъ и прозвищъ (между прочимъ „Славянофиловъ“, и „квасныхъ патріотовъ“), столько упрековъ и обвиненій (между прочимъ въ ретроградности и въ обскурантизмѣ) и приводило

въ такое негодованіе нашихъ Русскихъ поклонниковъ западно-европейской цивилизаціи. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить воспоминаніе Ю. Ѳ. Самарина о томъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, еще до переселенія Тютчева въ Россію, на одномъ изъ тѣхъ Московскихъ вечеровъ, гдѣ по тогдашнему обыкновенію происходили жаркія препирательства между „Западомъ“ и „Востокомъ,“ присутствовалъ недавно пріѣхавшій изъ Мюнхена князь Иванъ Гагаринъ и, слушая Хомякова, невольно воскликнулъ: Je crois entendre parler Tutcheff! Le malheureux, comme il va donner là dédans! (*) Почти никто изъ присутствовавшихъ не зналъ имени Тютчева, и это восклицаніе не обратило тогда на себя никакого вниманія. Наконецъ Тютчевъ—въ Россіи, знакомится съ Петербургскимъ и Московскимъ обществомъ, и не обинуясь, на чистѣйшемъ Французскомъ діалектѣ, не надѣвая ни мурмолки, ни святославки, а являясь вполнѣ Европейцемъ и свѣтскимъ человѣкомъ, проповѣдуетъ, на основаніи своей собственной аргументаціи, ученіе почти одинаково *дикое*, какъ и ученіе Хомякова, К. С. Аксакова и имъ подобныхъ. Разсказываютъ, что особенно забавно бывало видѣть Чаадаева и Тютчева вмѣстѣ и слушать ихъ споры. Чаадаевъ не могъ не цѣнить ума и дарованій Тютчева, не могъ не любить его, не могъ не признавать въ Тютчевѣ человѣка вполнѣ Европейскаго, болѣе Европейскаго, чѣмъ онъ самъ, Чаадаевъ; предъ нимъ былъ уже не послѣдователь, не поклонникъ западной цивилизаціи, а сама эта цивилизація, самъ Западъ въ лицѣ Тютчева, который къ тому же и во Французскомъ языкѣ былъ такимъ хозяиномъ, какъ никто въ Россіи, и рѣдкіе изъ Французовъ.... Чаадаевъ глубоко огорчался и даже раздражался такимъ неприличнымъ, непостижимымъ именно въ Тютчевѣ заблужденіемъ, *аберраціею*, руссоманіею ума, просвѣтившагося знаніемъ и наукою у самаго источника свѣта, непосредственно отъ самой Европы. Чаадаевъ утверждалъ, что Русскіе въ Европѣ какъ бы незаконнорожденные (une nation bâtarde); Тютчевъ доказывалъ, что Россія особый міръ, съ высшимъ политическимъ и духовнымъ призваніемъ, предъ которымъ долженъ со временемъ преклониться Западъ. Чаадаевъ настаивалъ на томъ историческомъ вредѣ, которое нанесло будто бы Россіи принятіе ею Христіанства отъ Византіи и отдѣленіе отъ церковнаго единства съ Римомъ; Тютчевъ напротивъ именно въ Православіи видѣлъ высшее просвѣтительное начало, залогъ будущности для Россіи и всего Славянскаго міра, и полагалъ, что духовное обновленіе возможно для Запада только въ возвращеніи къ древнему вселенскому преданію и древнему церковному единству. Эту мысль свою онъ исповѣдуетъ гласно, предъ всѣмъ міромъ, въ статьѣ, напечатанной въ Парижскомъ журналѣ (la Papauté et la Question Romaine, Revue des Deux Mondes 1850 г.) и если не убѣдившей, то поразившей Европейскую публику необычною, даже для нея, талантливостью, глубиною, смѣлостью мысли и мастерствомъ изложенія. Чаадаевъ и его друзья „западники“ признавали западно-европейскую цивилизацію единственнымъ идеаломъ для Россіи, и прогрессъ этой цивилизаціи—высшею цѣлью высшихъ стремленій человѣческаго духа; Тютчевъ обличалъ въ этой цивилизаціи оскудѣніе духовнаго начала и пророчилъ, что, уклонясь отъ основаній Вѣры, объязычившись и проникнувшись принципомъ ма-

(*) «Кажется, я слышу Тютчева! Несчастный, какъ онъ влѣпится во все это!»

теріализма, она дойдетъ до самоотрицанія и до самозакланія. „Западникамъ,“ наконецъ, будущее Западной Европы представлялось въ самомъ розовомъ цвѣтѣ, и въ ея революціонныхъ сотрясеніяхъ они усматривали поступательное движеніе впередъ, сулили въ грядущемъ благо всему человѣчеству; Тютчевъ объявлялъ начало революціонной эры въ Европѣ началомъ ея паденія, принципомъ разрушительнымъ, а не созидательнымъ, основаннымъ на насиліи, на отрицаніи, на самообожаніи человѣческаго разума, и высказывалъ свои воззрѣнія во всеуслышаніе всей Европѣ, въ статьѣ: „La Russie et la Révolution,“ напечатанной въ Парижѣ, статьѣ, которая произвела за границею сильное впечатлѣніе, которая въ извлеченіяхъ была два раза перепечатываема (съ промежуткомъ шести лѣтъ) въ Revue des Mondes,— не забыта даже и теперь. „Западники,“ даже и демократы, съ презрѣніемъ и глумленіемъ относились къ Русскому простому народу; а Тютчевъ, — самъ, несомнѣнно, питомецъ гордаго и красиваго Запада, вотъ что̀ способенъ былъ говорить про этотъ Русской народъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа.

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что̀ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя..

И вотъ чего чаялъ онъ въ будущемъ этому краю смиренія и долготерпѣнія, вотъ съ какими стихами обращался поэтъ къ Россіи, во время послѣдней восточной войны, когда почти вся христіанская Западная Европа, въ союзѣ съ Мусульманами и во имя цивилизаціи, домогалась нашего уничиженія и гибели:

. . . Ложь воплотилася въ булатъ,—
Какимъ-то Божьимъ попущеньемъ,
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозитъ ниспроверженьемъ.

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы—
Во имя свѣта и свободы!

Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ пророчатъ посрамленье,
Ты—лучшихъ будущихъ временъ
Глаголъ, и жизнь, и просвѣщенье!

Россія—глаголъ, просвѣщенье, жизнь человѣчества лучшихъ будущихъ временъ.... Такъ вотъ къ какому чаянію привело Тютчева двадцати-двух-лѣтнее воспитаніе въ Европейской умственной школѣ! Такъ вотъ на что послужили ему всѣ дары западнаго просвѣщенія!.. Только на удобреніе почвы для взращенія Русской самостоятельной мысли, только на оправданіе и укрѣпленіе врожденнаго чувства любви къ Россіи!... Здѣсь опять нельзя не поразиться совпаденіемъ стиховъ Тютчева, въ основныхъ тонахъ, съ стихами Хомякова — двухъ поэтовъ такъ мало сходныхъ своею личною судьбою. Припомнимъ стихи Хомякова:

И другой странѣ *смиренной*,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Мечъ земли и громъ небесъ!

Или:

И вотъ *за то, что ты смиренна,*
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,
Тебѣ Онъ далъ свое призванье
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ.

Далѣе:

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ.
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится.
Начало славы и чудесъ!
О вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье Вѣры имъ пролей.
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ!

Но если въ Хомяковѣ, человѣкѣ *жившемъ въ Церкви*, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина (въ его предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова), такое отношеніе къ христіанскимъ свойствамъ Русскаго народа и къ хранимой народомъ истинѣ Вѣры вполнѣ понятно, то тѣмъ труднѣе объяснить подобное явленіе въ Тютчевѣ, жившемъ, повидимому, совершенно внѣ Церкви, во всякомъ случаѣ внѣ церковной бытовой Русской стихіи, развившемся умственно и нравственно въ чуждой, враждебной Россіи, Европейской средѣ. Особенно страннымъ кажется это теплое сочувствіе къ той нравственной сторонѣ Русской народности, которая менѣе всего цѣнится, и особенно мало цѣнилась въ то время, людьми западно-европейскаго образованія, склонными чествовать красивую гордость и нарядный героизмъ, но уже никакъ не „смиреніе"... Но въ Тютчевѣ оно объясняется отчасти психологически: мы уже постарались выше охарактеризовать его внутренній душевный строй и указали на присутствіе въ немъ самомъ смиренія и скромности, не какъ сознательно усвоенной добродѣтели, а какъ личнаго, врожденнаго, и какъ общаго *народнаго* свойства. Мы видѣли также, что поклоненіе *своему я* было ему ненавистно, а *поклоненіе человѣческому я вообще* представлялось ему обоготвореніемъ ограниченности человѣческаго разума, добровольнымъ отреченіемъ отъ высшей, недосягаемой уму, абсолютной истины, отъ высшихъ надземныхъ стремленій,—возведеніемъ человѣческой личности на степень кумира, началомъ матеріалистическимъ, гибельнымъ для судьбы человѣческихъ обществъ, воспринявшихъ это начало въ жизнь и въ душу. Этотъ взглядъ проведенъ имъ, какъ философское убѣжденіе, во всѣхъ его блестящихъ Французскихъ статьяхъ, о которыхъ мы упомянули выше,—и онъ же, какъ нравственный мотивъ, какъ Grundton, звучитъ и во всей его поэзіи. Вотъ эта-то психическая особенность Тютчева, признанная и оправданная его глубокимъ умомъ, наукою, знаніемъ, она-то и оградила его духовную самобытность, и не только сохранила въ немъ Русскаго человѣка, но еще дала ему возможность уразумѣть Русскіе народные нравственные идеалы, вынести и пронести ихъ въ себѣ, на чужбинѣ, безъ всякого непосредственнаго на него воздѣйствія Русскаго быта, изъ самаго котла Европейской цивилизаціи, сквозь всѣ обольщенія западной жизни, сквозь всю одуряющую суету свѣтской среды, сквозь всѣ блужданія личнаго нравственнаго бытія... Онъ не измѣнилъ имъ ни мыслью, ни сердцемъ въ теченіи всей остальной половины своего существованія. Вся его умственная дѣятельность въ Россіи была только дальнѣйшимъ развитіемъ и исповѣданіемъ тѣхъ началъ и взглядовъ, которые мы очертили и которые въ главныхъ своихъ основаніяхъ выработались у него за границею.

Ничто не раздражало его въ такой мѣрѣ какъ скудость національнаго пониманія въ высшихъ сферахъ, правительственныхъ и общественныхъ, какъ высокомѣрное, невѣжественное пренебреженіе къ правамъ и интересамъ Русской народности. Его иронія, обыкновенно необидная, становилась ѣдкою; онъ сыпалъ сарказмами въ рѣчахъ и стихахъ:

Напрасный трудъ! Нѣтъ ихъ не вразумишь!

такъ гласила одна его напечатанная импровизація:

Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе!
Цивилизація—для нихъ фетишъ,
Но недоступна имъ ея идея.
Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не *слуги* просвѣщенья, а *холопы!*

И сколько такихъ импровизицій ненапечатанныхъ и неудобопечатныхъ!.

Мы не станемъ излагать въ подробности всей его, довольно тщательно разработанной, философско-исторической системы: ниже, въ особомъ отдѣлѣ, читатели найдутъ полный разборъ его статей напечатанныхъ и рукописныхъ. Намъ только было нужно, здѣсь же, въ дополненіе къ нравственной характеристикѣ Тютчева, характеризовать его сразу и какъ Русскаго человѣка, выяснить самостоятельность его духовной природы, указать размахъ его Русской мысли и чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ новый видъ того раздвоенія и противорѣчія, которымъ удручила его судьба....

Въ самомъ дѣлѣ не странно ли, что при всей рѣзкости народнаго направленія мысли въ Тютчевѣ, нашъ высшій свѣтъ, high-life, не только не отвергалъ Тютчева и не подвергалъ равному съ Славянофилами осмѣянію и гоненію, но всегда признавалъ его своимъ,—по крайней мѣрѣ интилигентный слой этого свѣта. Конечно этому причиною было то обаяніе всесторонней культуры, которое у Тютчева было такъ нераздѣльно съ его существомъ и влекло къ нему всѣхъ, даже несогласныхъ съ его политическими убѣжденіями. Эти убѣжденія признавались достойными сожалѣнія крайностями, оригинальностью, капризомъ, парадоксальностью сильнаго ума и охотно прощались Тютчеву ради его блестящаго остроумія, общительности, привѣтливости, ради утонченно-изящнаго европеизма всей его внѣшности. Къ тому же всѣ „національныя идеи" Тютчева представлялись обществу чѣмъ-то *отвлеченнымъ* (чѣмъ, повидимому, онѣ въ немъ и были отчасти), дѣломъ *мнѣнія* (une opinion comme une autre!), а не дѣломъ жизни. Дѣйствительно, онѣ не вносили въ отношенія Тютчева къ людямъ ни исключительности, ни нетерпимости; онъ не принадлежалъ ни къ какому литературному лагерю и былъ въ общеніи съ людьми всѣхъ круговъ и становъ; онѣ не видоизмѣняли его привычекъ, не пересоздавали его частнаго быта, не налагали на него никакого клейма ни партіи, ни національности... Но точно ли весь этотъ Русской элементъ въ Тютчевѣ былъ только отвлеченною мыслью, только дѣломъ одного мнѣнія? Нѣтъ: любовь къ Россіи, вѣра въ ея будущее, убѣжденіе въ ея верховномъ историческомъ призваніи, владѣли Тютчевымъ могущественно, упорно, безраздѣльно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго издыханія. Они жили въ немъ на степени какой-то стихійной силы, болѣе властительной, чѣмъ всякое иное, личное чувство. Россія была для него высшимъ интересомъ жизни: къ ней устремлялись его мысли на смертномъ одрѣ... А между тѣмъ, странно въ самомъ дѣлѣ подумать, что стихотво-

реніе по случаю посѣщенія Русской деревни *(ахъ нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный былъ для души моей родимымъ краемъ)* и стихотвореніе: „Эти бѣдныя селенья, эта скудная природа,“ написаны однимъ и тѣмъ же поэтомъ; что эта любовь къ Русскому народу не выносила жизни съ нимъ лицомъ къ лицу и уживалась только съ Петербургскою, высшею общественною, почти Европейскою средою? Но такое противорѣчіе создано было Тютчеву самою судьбою. Что же дѣлать, если всю молодость, лучшіе 22 года, онъ провелъ за границею; если онъ былъ связанъ съ чуждою землею всѣми дорогими воспоминаніями сердца, долголѣтними привычками быта, самымъ воспитаніемъ своего ума? Подобно тому, какъ за границею, въ его Германскомъ или Итальянскомъ далёкѣ, Россія представлялась ему не въ подробностяхъ и частностяхъ, а въ своемъ цѣломъ объемѣ, въ своемъ общемъ значеніи, — не съ точки зрѣнія нынѣшняго дня, а съ точки зрѣнія міровой исторіи: подобно тому продолжалъ онъ смотрѣть на Россію и въ Россіи, не смущаясь злобою дня, не нуждаясь въ болѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ Русскою дѣйствительностью. Не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ поэтъ, а поэтическія представленія довольствуютъ поэта болѣе, чѣмъ грубая реальность. Но тѣмъ не менѣе, въ области этого идеальнаго представленія, и убѣжденіе, и чувство его были сильны, страстны, истинны и не отвлеченны, а реальны.

Нѣтъ сомнѣнія, что явленіе, подобное Тютчеву, должно казаться аномаліей, но такими аномаліями полна исторія нашего Русскаго общественнаго роста. На Французскомъ языкѣ пришлось и Хомякову высказать свои завѣтнѣйшія убѣжденія о Православіи—это драгоцѣннѣйшее твореніе Русской мысли, Русскаго вѣрующаго духа; на Французскомъ языкѣ выражаетъ и Тютчевъ Русское историческое самосознаніе... Читая его, зная всѣ обстоятельства его жизни, только дивишься силѣ, упругости Русскаго чувства и Русскаго генія, и еще болѣе вѣришь въ великое міровое предназначеніе Россіи.

Обратимся теперь къ Тютчеву—какъ стихотворцу и какъ публицисту.

IV.

Тютчевъ принадлежалъ безспорно къ такъ называемой Пушкинской плеадѣ поэтовъ. Не потому только что онъ былъ имъ всѣмъ почти сверстникъ по лѣтамъ, но особенно потому, что на его стихахъ лежитъ тотъ-же историческій признакъ, которымъ отличается и опредѣляется поэзія этой эпохи. Онъ родился, какъ мы уже сказали, въ 1803 году, слѣдовательно въ одинъ годъ съ поэтомъ Языковымъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до Хомякова, за два года до Веневитинова, пять лѣтъ спустя послѣ Дельвига, четыре года послѣ Пушкина, три послѣ Баратынскаго,—однимъ словамъ въ той замѣчательной на Руси полосѣ времени, которая была такъ обильна поэтами. Нельзя же конечно полагать, что такой періодъ поэтическаго творчества насталъ совершенно случайно. Мы съ своей стороны видимъ въ немъ необходимую историческую ступень въ прогрессивномъ ходѣ Русскаго просвѣщенія. Извѣстно, что вообще, въ исторіи человѣческихъ обществъ, художественное откровеніе предваряетъ медленный ростъ сознательной мысли; творческая дѣятельность искусствъ, требуя еще не раздробленной цѣльности духа, предшествуетъ аналитической работѣ ума. Нѣчто подобное видимъ мы и въ поэзіи, и особенно у насъ,—разумѣя здѣсь поэзію не какъ психическое начало, нераздѣльное съ человѣ-

ческою душою и не какъ поэзію на степени народной пѣсни, а какъ особый, высшій видъ искусства—искусство въ словѣ, выражающееся въ мѣрной рѣчи или стихотворной формѣ. По особымъ условіямъ нашей исторической судьбы за послѣдніе полтора вѣка, на долю литературной поэзіи, при слабомъ воздѣйствіи у насъ науки, досталось высокое призваніе быть почти единственною воспитательницею Русскаго общества въ теченіи довольно долгой поры. Сдвинутое реформою Петра съ своихъ историческихъ духовныхъ основъ въ водоворотъ чуждой духовной жизни, Русское общество, какъ и понятно, утратило равновѣсіе духа, „заторопилось жить и чувствовать“ (по выраженію князя Вяземскаго) не выжидая, пока обучится, и рвалось обогнать тугой, по необходимости, ростъ своего просвѣщенія. Можно сказать, что пламя поэзіи вспыхнуло у насъ отъ самыхъ первыхъ, слабыхъ искръ Европейскаго знанія, пользуясь готовою чужою стихотворною формою, и что даже первый свѣтъ сознательной дѣятельности въ области науки возжегся намъ рукою поэта: ибо поэтическое вдохновеніе окрылило въ Ломоносовѣ труды ученаго. Затѣмъ ходъ самостоятельнаго нашего познаванія замедляется, но поэтическій духъ продолжаетъ свою творческую работу въ одинокомъ лицѣ Державина. Однако и послѣ него поэзія была только еще въ началѣ своего поприща; еще не былъ даже покоренъ искусству самый его матеріалъ—слово. Раздались звуки поэзіи Жуковскаго, Батюшкова и нѣкоторыхъ другихъ, но не они были призваны къ тому могучему и плодотворному властительству надъ умами, которое было суждено Русской поэзіи. Ей предстояло, силою высшихъ художественныхъ наслажденій, совершить въ Русскомъ обществѣ тотъ духовный подъемъ, который былъ еще не подъ силу нашей школьной, несамостоятельной наукѣ, и ускорить процессъ нашего народнаго самосознанія. Ей, наконецъ, выпала историческая задача проявить, въ данной стихотворной формѣ, все разнообразіе, всю силу и красоту Русскаго языка, воздѣлать его до гибкости и прозрачности, способной выражать наитончайшіе оттѣнки мысли и чувства. Разработка слова въ стихотворной формѣ имѣла несомнѣнно свою великую важность. Въ этомъ отношеніи труды даже второстепенныхъ, мелкихъ нашихъ стихотворцевъ не лишены историческаго значенія и заслуги. Можно возразить, что тоже дѣлали и прозаики... Конечно такъ, но особенность поэзіи и преимущество ея надъ прозою въ томъ именно и состоятъ, что ей раскрывается тайна гармоніи языка, что только поэзія властна изъ самыхъ нѣдръ его извлечь тотъ музыкальный элементъ (необходимо присущій каждому языку), который досказываетъ, дополняетъ внѣшній смыслъ выраженій, передаетъ неуловимое рѣчью, то̀ что̀ лишь чувствуется и ощущается, и то̀же въ словѣ, что̀ запахъ въ цвѣтахъ.

Такимъ образомъ стихотворческой дѣятельности въ Россіи надлежало достигнуть до крайняго своего напряженія, развиться до апогея. Для этого необходимъ былъ высшій поэтическій геній и цѣлый сонмъ поэтическихъ дарованій. Страннымъ можетъ показаться, почему складывать рѣчь извѣстнымъ размѣромъ и замыкать ее созвучіями—становится, въ данную эпоху, у нѣкоторыхъ лицъ неудержимымъ влеченіемъ съ самаго дѣтства. Отвѣтъ на это даетъ, по аналогіи, исторія всѣхъ искусствъ. Когда, вообще, въ духовномъ организмѣ народа наступаетъ потребность въ проявленіи какой либо спеціальной силы, тогда, для служенія ей, неисповѣдимыми путями порождаются на свѣтъ Божій люди съ однимъ общимъ

призваніемъ, однакожъ со всѣмъ разнообразіемъ человѣческой личности, съ сохраненіемъ ея свободы и всей видимой, внѣшней случайности бытія. Поэтическому творчеству въ новой у насъ мѣрной рѣчи суждено было стать въ Россіи на историческую чреду, — и вотъ, въ урочный часъ, словно таинственною рукою, раскидываются по воздуху сѣмена нужнаго таланта, и падутъ они, какъ придется, то на Молчановкѣ въ Москвѣ, на голову сына гвардіи капитанъ-поручика Пушкина, который ужъ такъ и родится съ неестественною, повидимому, наклонностью къ риѳмамъ, хореямъ и ямбамъ,—то въ Тамбовскомъ селѣ Марѣ на голову какого-нибудь Баратынскаго, то въ Брянскомъ захолустьѣ на Тютчева, котораго отецъ и мать никогда и не пробовали услаждать своего слуха звуками Русской поэзіи.

Очевидно, что въ этихъ, равно и въ другихъ имъ современныхъ, поэтахъ стихотворчество, безсознательно для нихъ самихъ, было исполненіемъ не только *ихъ личнаго*, но и *историческаго* призванія эпохи. Въ самыхъ мелкихъ своихъ проявленіяхъ оно уже имѣетъ у нихъ видъ какого-то священнодѣйствія. Вотъ почему оно и отличается отъ поэтической дѣятельности позднѣйшаго періода совершенно особымъ характеромъ поэзіи,—какъ самостоятельнаго явленія духа, поэзіи *безкорыстной*, самой для себя, свободной, чистой, не обращенной въ средство для достиженія посторонней цѣли,—поэзіи, не знающей тенденцій. Ихъ стихотворная форма дышетъ такою свѣжестью, которой уже нѣтъ и быть не можетъ въ стихотвореніяхъ позднѣйшей поры; на ней еще лежитъ недавній слѣдъ побѣды, одержанной надъ матеріаломъ слова; слышится торжество и радость художественнаго обладанія. Ихъ поэзія и самое ихъ отношеніе къ ней запечатлѣны *искренностью*,—такою искренностью, которой лишена поэзія нашего времени: это какъ бы еще *вѣра* въ искусство, хотя бы и несознанная. Такой періодъ искренности, по нашему крайнему разумѣнію, повториться едвали можетъ. Вотъ уже триста пятьдесятъ лѣтъ сряду сотни художниковъ чуть не ежедневно изучаютъ „манеру“ Рафаэля; краски усовершенствованы, техническіе пріемы облегчены; но, не смотря на даровитость и горячее усердіе этихъ художниковъ, всѣ ихъ усилія перенять его манеру тщетны и пребудутъ тщетны: невозможно имъ усвоить себѣ ту искренность, то *простодушіе* творчества, которыми вѣетъ отъ созданій Рафаэля, подобно тому, какъ невозможно человѣку XIX вѣка стать человѣкомъ XVI-го... Это не значитъ, чтобъ мы отвергали всякую будущность для искусства. Безконечное развитіе человѣческаго духа можетъ явить еще новыя, невѣдомыя его стороны; можетъ возникнуть новое, высшее единство духа, обрѣтется новая цѣльность, аналитическій процессъ мысли разрѣшится, быть можетъ, въ синтезъ; наконецъ, новые народы принесутъ съ собою новые виды художествъ. Всего этого мы, конечно, не отрицаемъ; но мы разумѣемъ здѣсь извѣстное *историческое* проявленіе искусства, и никто не станетъ спорить, что, напримѣръ, Греческое искусство, оставаясь, по своему значенію, безсмертнымъ міровымъ двигателемъ въ исторіи человѣческаго просвѣщенія, тѣмъ не менѣе отжило свой вѣкъ, какъ отжила его и сама Эллада. Но возвратимся къ судьбѣ Русской поэзіи.

Стихотворная форма, сдѣлавшись впослѣдствіи общимъ достояніемъ, явилась и богаче и разнообразнѣе въ техническомъ отношеніи. Можно привести тысячи новѣйшихъ стиховъ несравненно сильнѣе и

звучнѣе напримѣръ стиховъ „Евгенія Онѣгина"; но преимущество прелести,— прелести неуловимой никакимъ анализомъ, независимой отъ содержанія,— вѣчно пребудетъ за любыми стихами Пушкина и другихъ нѣкоторыхъ поэтовъ этого поэтическаго періода: отъ нихъ никода не отымется свѣжесть формы и искренность творчества, какъ ихъ историческая печать. Пушкинъ имѣлъ полное право сказать, въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ, столько осмѣянныхъ новѣйшею Петербургскою критикою *позитивистской* школы:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Эти „сладкіе звуки" были нужны, были серьезнымъ, *необходимымъ*, *историческимъ*, а потому въ высшей степени полезнымъ дѣломъ. Вотъ чего, въ своей близорукости, и не понимаетъ эта критика, неспособная стать на историческую точку зрѣнія, прилагающая къ нашимъ великимъ поэтамъ прошлой эпохи мѣрило злобы нынѣшняго дня и осуждающая ихъ именно за то, что они были только поэты, художники, а не политическіе и соціальные дѣятели въ духѣ новѣйшихъ, быстро мѣняющихся, доктринъ и теорій.

На рубежѣ этого періода искренности нашей поэзіи стоитъ Лермонтовъ. По непосредственной силѣ таланта онъ примыкаетъ ко всему этому блестящему созвѣздію поэтовъ, однакоже стоитъ особнякомъ. Его поэзія рѣзко отдѣляется отъ нихъ отрицательнымъ характеромъ содержанія. Нѣчто похожее (хотя мы и не думаемъ ихъ сравнивать) видимъ мы въ Гейне, замкнувшемъ собою циклъ поэтовъ Германіи. Отъ отрицательнаго направленія до тенденціознаго, гдѣ поэзія обращается въ средство и отодвигается на задній планъ, одинъ только шагъ. Едва-ли онъ уже не пройденъ. На стихотвореніяхъ нашего времени уже не лежитъ, кажется намъ, печати этой *исторической необходимости* и искренности, потому что самая историческая миссія стихотворчества, какъ мы думаемъ, завершилась. Они могутъ быть, они и дѣйствительно болѣе или менѣе талантливы, но или звучатъ какъ отголоски знакомаго прошлаго, уже лишенные прежняго обаянія, или же преисполнены внѣшнихъ, чуждыхъ искусству, тенденцій.

Впрочемъ, при ненормальномъ ходѣ Русскаго общественнаго развитія, въ виду того, что наше просвѣщеніе далеко не выражаетъ жизни нашего народнаго духа, что не всѣ струны народной души прозвучали, что самая стихотворная наша форма была и есть заемная,—можетъ быть, для Русской поэзіи еще настанетъ періодъ возрожденія въ новой, невѣдомой доселѣ, своеобразной, болѣе народной формѣ. *Можетъ быть*: это не несомнѣнная надежда, а только гаданіе.

Стихи Тютчева представляютъ тотъ же характеръ внутренней искренности и необходимости, въ которомъ мы видимъ историческій признакъ прежней поэтической эпохи. Вотъ почему онъ и долженъ быть причисленъ къ Пушкинскому періоду, хотя, по особенной случайности, его стихи проникли въ Русскую печать уже тогда, когда почти отзвучали пѣсни Пушкина и прочихъ нашихъ поэтовъ, когда время властительства поэзіи надъ умами уже миновало. Десятками лѣтъ пережилъ Тютчевъ и Пушкина, и весь его поэтическій періодъ, но оставался вѣренъ себѣ и своему таланту. Не переставая быть „современнѣйшимъ изъ современниковъ" по своему горячему сочувствію къ совершающейся кругомъ его жизни, онъ, сре-

ди диссонансовъ новѣйшей поэзіи, продолжалъ дарить насъ гармоніей стариннаго, но никогда не старѣющаго, поэтическаго строя. Онъ былъ среди насъ подобно мастеру какой либо старой живописной школы, еще живущей и творящей въ его лицѣ, но не допускающей ни повторенія, ни подражанія.

Отмѣтивъ эту общую историческую черту его поэзіи, перейдемъ теперь къ особенностямъ его таланта.

Стихи Тютчева отличаются такою *непосредственностью творчества*, которая, въ равной степени по крайней мѣрѣ, едва ли встрѣчается у кого либо изъ поэтовъ. Поэзія не была для него сознанною спеціальностью, своего рода литературнымъ Fach, какъ выражаются Нѣмцы, общественнымъ, офиціальнымъ положеніемъ или же такою обязанностью, которую и самъ поэтъ невольно признаетъ за собой, признаютъ и другіе за нимъ; напротивъ, до 1836 года, какъ уже было сказано, никто въ немъ и не признаетъ поэта, т. е. до той поры, какъ служившій въ Мюнхенѣ князь Иванъ Гагаринъ, собравъ цѣлую тетрадь его стихотвореній, привезъ ее къ Пушкину, и Пушкинъ, далъ имъ мѣсто въ своемъ „Современникѣ", хотя и безъ подписи полнаго имени Тютчева. Съ 1840 года его стихи снова перестаютъ появляться въ печати, и такое воздержаніе отъ печатной гласности продолжается четырнадцать лѣтъ, въ теченіи которыхъ Тютчевъ не напечаталъ ни строчки, хотя и не переставалъ писать. Но какъ писать? На вопросъ: надъ чѣмъ вы теперь работаете, онъ не могъ бы отвѣчать, подобно другимъ: „пишу стихи: вчера кончилъ стихотвореніе къ Аглаѣ, сегодня додѣлаю Огнедышащую Гору; имѣю намѣреніе обработать въ стихахъ такой-то сюжетъ". Онъ былъ поэтъ по призванію, которое было могущественнѣе его самого, но не по *профессіи*. Онъ священнодѣйствовалъ, какъ поэтъ, но не замѣчая, не сознавая самъ своего священнодѣйствія, не облекаясь въ жреческую хламиду, не исполняясь нѣкотораго благоговѣнія къ себѣ и своему жречеству. Его умъ и его сердце были, повидимому, постоянно заняты: умъ виталъ въ области отвлеченныхъ, философскихъ или историческихъ помысловъ; сердце искало живыхъ ощущеній и треволненій; но прежде всего и во всемъ онъ былъ поэтъ, хотя собственно стиховъ онъ оставилъ по себѣ, сравнительно, и не очень много. Стихи у него не были плодомъ *труда*, хотя бы и вдохновеннаго, но все же труда, подчасъ даже усидчиваго у иныхъ поэтовъ. Когда онъ ихъ писалъ, то писалъ невольно, удовлетворяя настоятельной, неотвязчивой потребности, потому что онъ не могъ ихъ не написать: вѣрнѣе сказать, онъ ихъ не писалъ, а только *записывалъ*. Они не *сочинялись*, а *творились*. Они сами собой складывались въ его головѣ, и онъ только *ронялъ* ихъ на бумагу, на первый попавшійся лоскутокъ. Если же некому было припрятать къ мѣсту оброненное, подобрать эти лоскутки, то они нерѣдко и пропадали. Эти-то лоскутки и постарался подобрать князь И. Гагаринъ, когда вздумалъ показать стихи Тютчева Пушкину; но очень можетъ быть, что многое пропало и истребилось безвозвратно. Къ Тютчеву именно примѣняются слова Гетевскаго пѣвца:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet;
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet *).

---

*) Въ русскомъ переводѣ К. С. Аксакова:

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ-же состояла *награда*, Lohn, пѣвца-Тютчева, во время его 22-хъ-лѣтняго пребыванія за границею, какъ не въ самой спѣтой пѣсни, никѣмъ кромѣ его не слышимой? Условіемъ всякого преуспѣянія таланта считается сочувственная среда, живой обмѣнъ впечатлѣній. А Тютчеву четверть вѣка приходилось пѣть какъ-бы въ безвоздушномъ пространствѣ. Когда читаешь, напримѣръ, его стихи, писанные къ первой женѣ и къ другимъ иностранкамъ, ни слова не знавшимъ по-русски, да едва-ли и подозрѣвавшимъ въ немъ поэта, невольно спрашиваешь себя: для чего же и для кого онъ писалъ? Уже гораздо позднѣе, въ Россіи, когда подросли его дочери и вторая его супруга выучилась по-русски, стали тщательно наблюдать за нимъ и подбирать лоскутки съ его стихами, а иногда и записывать стихи прямо подъ его диктовку. Такъ однажды, въ осенній дождливый вечеръ, возвратясь домой на извощичьихъ дрожкахъ, почти весь промокшій, онъ сказалъ встрѣтившей его дочери: j'ai fait quelques rimes, и пока его раздѣвали, продиктовалъ ей слѣдующее прелестное стихотвореніе:

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неизчислимыя,
Льетесь какъ льются струи дождевыя,
Въ осень глухую, порою ночной....

Здѣсь почти нагляденъ для насъ тотъ истинно-поэтическій процессъ, которымъ внѣшнее ощущеніе капель частаго осенняго дождя, лившаго на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяется въ ощущеніе слезъ и облекается въ звуки, которые, сколько словами, столько же самою музыкальностью своею, воспроизводятъ въ насъ и впечатлѣніе дождливой осени, и образъ плачущаго людскаго горя.... И все это въ шести строчкахъ!

Еще болѣе объяснится намъ характеръ его поэтическаго творчества, когда мы припомнимъ, что этотъ человѣкъ, по его собственному признанію, тверже выражалъ свою мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писалъ исключительно на Французскомъ языкѣ и конечно на девять десятыхъ болѣе говорилъ въ своей жизни по-французски, чѣмъ по-русски. А между тѣмъ стихи у Тютчева творились *только по-русски*. Значитъ, изъ глубочайшей глубины его духа била ключомъ у него поэзія, изъ глубины недосягаемой даже для его собственной воли; изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка... Здѣсь кстати привести то, что̀ самъ Тютчевъ высказалъ уже въ 1861 году, въ стихахъ на юбилей князя Вяземскаго, по поводу „музы“ этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ поэта:

Давайте-жъ, князь, поднимемъ въ честь богинѣ
Вашъ полный пѣнистый фіалъ,
Богинѣ въ честь, *хранившей благородно
Залогъ всего, что̀ свято для души,
Родную рѣчь*....

Тютчевъ могъ еще съ бо̀льшимъ основаніемъ обратить это воззваніе къ своей собственной музѣ.

Само собой разумѣется, что при подобномъ процессѣ творчества, Тютчевъ не способенъ былъ ничего творить въ обширномъ размѣрѣ. Поэтому самыя лучшія его стихотворенія—короткія; они цѣльны, словно отлиты изъ одного куска

Пою какъ птица воленъ, я,
Что̀ по вѣтвямъ летаетъ.
И пѣснь свободная моя
Богато награждаетъ.

чистаго золота. Въ его талантѣ, какъ уже и замѣчено было нашими критиками, нѣтъ никакихъ эпическихъ или драматическихъ началъ. Его поэзія, какъ выразились-бы Нѣмецкіе эстетики, вполнѣ *субъективна;* ея поводъ—всегда въ личномъ ощущеніи, впечатлѣніи и мысли; она неспособна отрѣшаться отъ личности поэта и гостить въ области вымысла, въ мірѣ внѣшнемъ, отвлеченномъ, чуждомъ его личной жизни. Онъ ничего не выдумывалъ, а только *выражался.* Онъ не былъ тѣмъ maestro, тѣмъ художникомъ-*хозяиномъ* въ поэзіи, какимъ, напримѣръ, является Пушкинъ, этотъ полновластный распорядитель звуковъ и формъ, разнообразно направлявшій силы своего генія, по указанію своей свободной поэтической воли, умѣвшій творить не однимъ мгновеннымъ наитіемъ вдохновенія, но и медленнымъ вдохновеннымъ трудомъ. Да и у всѣхъ поэтовъ, рядомъ съ непосредственнымъ творчествомъ, слышится *дѣланіе*, обработка. У Тютчева дѣланнаго нѣтъ ничего: все творится. Отъ того нерѣдко въ его стихахъ видна какая-то внѣшняя небрежность: попадаются слова устарѣлыя, вышедшія изъ употребленія, встрѣчаются неправильныя риѳмы, которыя, при малѣйшей наружной отдѣлкѣ, легко могли-бы быть замѣнены другими.

Этимъ опредѣляется и отчасти ограничивается его значеніе какъ поэта. Но это же придаетъ его поэзіи какую-то особенную прелесть задушевности и личной искренности. Хомяковъ—самъ лирическій стихотворецъ—говорилъ, и по нашему мнѣнію, справедливо, что не знаетъ другихъ стиховъ, кромѣ Тютчевскихъ, которые бы служили лучшимъ образцомъ *чистѣйшей* поэзіи, которые бы въ такой мѣрѣ, насквозь, *durch und durch*, были проникнуты поэзіей (*).

Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, лучшія произведенія Тютчева, тѣ, которыми характеризуется его стихотворчество, а не тѣ, которыя, уже въ позднѣйшее время, онъ иногда заставлялъ писать себя на извѣстные случаи вслѣдствіе обращенныхъ къ нему требованій и ожиданій. Замѣчательно, что въ стихотвореніяхъ его самой ранней молодости нѣтъ почти вовсе той свободы творчества, которою мы такъ любуемся въ его поэзіи. Это особенно видно въ тѣхъ пьесахъ, которыя хотя и были напечатаны въ двадцатыхъ годахъ, однакоже не включены въ полное собраніе его стихотвореній. Въ нихъ встрѣчаются условные пріемы, обороты и выраженія тогдашней псевдо-классической школы, напримѣръ:

И мнѣ ль, друзья, сей гимнъ веселый
Мнѣ-ль пѣть на лирѣ онѣмѣлой? и т. д.

однимъ словомъ что-то тяжелое, принужденное, совершенно чуждое позднѣйшимъ свойствамъ его поэзіи. Вѣроятно Тютчевъ еще находился тогда подъ нѣкоторымъ вліяніемъ или подражалъ пріе-

(*) Вотъ, между прочимъ, что писалъ Хомяковъ изъ Москвы въ Петербургъ, Александру Николаевичу Попову, въ 1850 году: «Видите-ли Ѳ. И. Тютчева? Разумѣется видите. Скажите ему мой поклонъ и досаду многихъ за его стихи. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и въ негодованіи на него. Не стыдно-ли молчать, когда Богъ далъ такой голосъ? Если онъ вздумаетъ оправдываться и ссылаться, пожалуй, на меня, скажите ему, что это не дѣло. Безъ притворнаго смиренія, я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задушить стихотворца. Онъ же насквозь поэтъ (durch und durch). У него не можетъ изсякнуть источникъ поэтическій. Въ немъ, какъ въ Пушкинѣ, какъ въ Языковѣ, натура античная въ отношеніи къ художеству»...

мамъ своихъ недавнихъ учителей, Раича и Мерзлякова. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ по переѣздѣ за границу, онъ какъ будто стряхнулъ съ себя путы Русской эстетики того времени и сбросилъ навязанное ему званіе „пѣвца.“ Онъ перестаетъ сочинять и печатать, отказывается отъ притязаній на авторство, но тутъ-то и является, внезапно, поэтомъ: его творчество обрѣло свободу, онъ сталъ самимъ собою.

Стихи Тютчева не выдаются особенною бойкостью, наружною красивостью, силою и звучностью; но въ замѣнъ этихъ качествъ, они отличаются совершенно своеобразною фактурою; ихъ мелодичность не похожа на музыкальный строй, если не одинаковый, то довольно общій у прочихъ нашихъ поэтовъ. Что особенно плѣняетъ въ поэзіи Тютчева, это ея необыкновенная грація, не только внѣшняя, но еще болѣе внутренняя. Все жесткое, рѣзкое и яркое чуждо его стихамъ; на всемъ художественная мѣра; все извнѣ и извнутри, такъ сказать, обвѣяно изяществомъ. Самое вещество слово какъ-бы теряетъ свою вещественность,—которою именно такъ любятъ играть и щеголять нѣкоторые поэты, которая составляетъ своего рода спеціальную красоту въ стихахъ напримѣръ Языкова. Вещество слова у Тютчева какъ-то одухотворяется, становится прозрачнымъ. Мыслью и чувствомъ трепещетъ вся его поэзія. Его музыкальность не въ одномъ внѣшнемъ гармоническомъ сочетаніи звуковъ и риѳмъ, но еще болѣе въ гармоническомъ соотвѣтствіи формы и содержанія.

Почти всѣ стихотворенія Тютчева равно граціозны и музыкальны, но приведемъ теперь для примѣра хоть нѣкоторыя изъ нихъ, гдѣ это свойство его поэзіи, при относительной незначительности содержанія, выступаетъ, такъ сказать, на первый планъ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ молодыхъ стихотвореній, уже упомянутое нами, написанное, можетъ быть, лѣтъ 45 тому назадъ и внушенное ему 16-тилѣтнею красавицею за границею:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ, мы были двое;
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ бѣлѣя
Руина замка вдаль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой....
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

Ты беззаботно вдаль глядѣла.
Край неба дымно гасъ въ лучахъ.
День догаралъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты съ веселостью безпечной
Счастливый провожала день,
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

Какъ граціозна эта картина лѣтняго вечера и молодой дѣвушки у развалинъ стараго замка, озаренной догорающими лучами солнца,—какая мягкость тоновъ и нѣжность колорита! Съ трудомъ вѣрится, что это стихотвореніе,—написанное, если не ошибаемся, въ ранней молодости,—принадлежитъ поэту, который еще не задолго предъ тѣмъ, подъ вліяніемъ образцовъ такъ называемой Русской классической поэзіи, считалъ себя обязаннымъ пѣть въ важномъ и напыщенномъ тонѣ и добровольно сковывалъ свое творчество, пока не махнулъ рукой на „сочинительство,“ на печать и на всякую авторскую славу. А вотъ другое, изъ позднѣйшей поры, написанное уже въ шестидесятыхъ годахъ; вотъ въ какомъ легкомъ и изящ-

номъ образѣ выражено имъ нравственное изнеможеніе:

О этотъ Югъ, о эта Ницца,
О какъ ихъ блескъ меня тревожитъ!
Мысль, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ;
Нѣтъ ни полета, ни размаху,
Висятъ подломанныя крылья,
И вся дрожитъ, прижавшись къ праху,
Въ сознаньи грустнаго безсилья....

Впрочемъ трудно выбрать стихотвореніе, которое служило-бы примѣромъ только одной граціозности. Это свойство его поэзіи неразлучно съ каждымъ проявленіемъ его поэтическаго творчества, какъ увидитъ далѣе и самъ читатель.

Но гдѣ Тютчевъ является совершеннымъ мастеромъ, мало имѣющимъ себѣ подобныхъ, это въ изображеніи картинъ природы. Нѣтъ, конечно, *сюжета* болѣе избитаго стихотворцами всего міра. Къ счастію самъ сюжетъ, т. е. сама природа, отъ этого нисколько не опошливается, и ея дѣйствіе на духъ человѣческій не менѣе неотразимо. Сколько бы тысячъ писателей ни пыталось передать намъ ея языкъ,—всегда и вѣчно онъ будетъ звучать свѣжо и ново, какъ только душа поэта станетъ въ прямое общеніе съ душою природы. Отъ того и картины Тютчева исполнены такой-же безсмертной красоты, какъ безсмертна красота самой природы.—Вообще вѣрность изображенія не только того, что̀ зовется „природой,“ но и всякого предмета, явленія и даже ощущенія, заключается вовсе не въ обиліи подробностей, вовсе не въ *акуратной* передачѣ всякой, даже самой мелкой черты, вовсе не въ той фотографической точности, которою такъ хвалятся *художники-реалисты* позднѣйшаго времени. Многіе изъ нашихъ новѣйшихъ писателей любятъ кокетничать наблюдательностью, и, думая изобразить чью либо физіономію, перечисляютъ углы и изгибы рта, губъ, носа, чуть не каждую бородавку на лицѣ; если же рисуютъ бытъ, то съ неумолимою отчетливостью передаютъ каждую ничтожную частность, иногда совершенно случайную, зыбкую, вовсе не типичную... Они только утомляютъ читателя и нисколько не уловляютъ внутренней правды. Истинный художникъ, напротивъ того, изо всѣхъ подробностей выберетъ одну, но самую характерную; его взоръ тотчасъ угадываетъ черты, которыми опредѣляется весь внѣшній и внутренній смыслъ предмета, и опредѣляется такъ полно, что остальныя черты и подробности сами уже собой досказываются въ воображеніи читателя. Воспринимая впечатлѣніе отъ наружности ли человѣческой, отъ иныхъ ли внѣшнихъ явленій, мы прежде всего воспринимаемъ это впечатлѣніе непосредственно, еще безъ анализа, еще не успѣвая, да иногда и не задаваясь трудомъ: изучить и разобрать всѣ соотношенія линій и всю игру мускуловъ въ физіономіи, или же всѣ формы и движенія частей, составляющихъ напримѣръ картину природы. Слѣдовательно, художественная задача — не въ томъ, чтобъ сдѣлать рабскій снимокъ съ натуры (что̀ даже и невозможно) а *въ воспроизведеніи того же именно впечатлѣнія*, какое произвела бы на насъ сама живая натура. Это умѣнье передавать нѣсколькими чертами всю цѣлость впечатлѣнія, всю реальность образа, требуетъ художественнаго таланта высшей пробы, и принадлежитъ Тютчеву вполнѣ, особенно въ изображеніяхъ природы. Кромѣ Пушкина, мы даже не можемъ и указать кого-либо изъ прочихъ нашихъ поэтовъ, который бы владѣлъ этою способностью *въ равной мѣрѣ* съ Тютчевымъ. Описанія природы у Жуковскаго, Баратынскаго, Хомякова, Языкова иногда прекрасны, звучны и даже вѣрны, — но

это именно *описаніе*, а не *воспроизведеніе*. У нѣкоторыхъ, впрочемъ, позднѣйшихъ поэтовъ, у Фета и у Полонскаго, мѣстами попадаются истинно художественныя черты въ картинахъ природы, но только мѣстами. Вообще же, въ своихъ описаніяхъ, бо̀льшая часть стихотворцевъ ходитъ *возлѣ* да *около;* рѣдко-рѣдко удается имъ схватить самый существенный признакъ явленія. — Приведемъ въ доказательство слѣдующее стихотвореніе Тютчева:

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера.

Гдѣ бодрый серпъ ходилъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все; просторъ вездѣ,—
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и тихая лазурь
На отдыхающее поле.

Здѣсь нельзя уже ничего прибавить; всякая новая черта была бы излишня. Достаточно одного этого „тонкаго волоса паутины,“ чтобъ однимъ этимъ признакомъ воскресить въ памяти читателя былое ощущеніе подобныхъ осеннихъ дней, во всей его полнотѣ.

Или вотъ это стихотвореніе,—другая сторона осени.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,

Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно-сиротѣющей землею,
И какъ предчувствіе осеннихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою.
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что̀ въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья...

Не говоря уже о прекрасномъ граціозномъ образѣ „стыдливаго страданья,“— образѣ, въ который претворилось у Тютчева ощущеніе осенняго вечера, самый этотъ вечеръ воспроизведенъ такими точными хоть и немногими чертами, что будто самъ ощущаешь и переживаешь всю его жуткую прелесть.

Этотъ мотивъ повторенъ Тютчевымъ и въ другой піесѣ, но образъ осени умильнѣе, нѣжнѣе и сочувственнѣе:

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ грустить;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.
Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда пробившись изъ за тучь,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучь...

Какъ увядающее мило,
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда что̀ такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило
Въ послѣдній улыбнется разъ.

Намъ особенно нравятся первые пять стиховъ, поставленные нами курсивомъ,—нравятся именно своею простотою („изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый“) и правдою.

Такая же истина и въ этой картинѣ осени:

. . . .
Такъ иногда осеннею порой,
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе долы,—
Вдругъ вѣтръ подуетъ, *теплый* и *сырой*,
Опавшій листъ погонитъ предъ собою
И душу вамъ обдастъ какъ бы весною...

Именно *теплый* и *сырой* вѣтеръ. Это именно то, *что̀ нужно*. Кажется, какія

незатѣйливыя слова, но въ этомъ-то и достоинство, въ этомъ-то и прелесть: они просты, какъ сама правда.

Здѣсь кстати замѣтить, что точность и мѣткость качественныхъ выраженій или эпитетовъ — важное, необходимое условіе художественной красоты въ поэзіи. Пушкинъ, какъ истинный художникъ, выше всего цѣнилъ эту точность, и не успокоивался, пока не найдетъ выраженія самаго соотвѣтственнаго, и потому самаго простаго. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равныхъ. Въ письмахъ Пушкина къ князю Вяземскому (въ Русскомъ Архивѣ 1874 года) есть его разборъ стихотворенія князя, „Водопадъ." Этотъ разборъ можетъ служить образцомъ художнической требовательности Пушкина. На вопросъ: что̀ думаетъ онъ о „Думахъ" и поэмахъ, вообще обо всемъ множествѣ стиховъ Рылѣева, Пушкинъ, еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, отвѣчаетъ только: „тамъ есть у него палачъ *съ засученными рукавами*, за котораго я бы дорого далъ." Ему понравилась мѣткость этой характеристичной подробности и живописная простота выраженія. Умѣнье уловить самую существенную черту явленія или предмета,—о чемъ мы говорили выше, — тѣсно связывается, конечно, съ умѣньемъ выбрать, изъ массы качественныхъ словъ въ языкѣ, самое опредѣлительное, бьющее прямо въ цѣль, сразу овладѣвающее предметомъ, захватывающее его *живьемъ*. Чѣмъ эпитеты точнѣе, тѣмъ они проще. Казалось бы, это и не такъ трудно,—а между тѣмъ для этого потребна и особенная художественная зоркость, и особенная чуткость въ отношеніи къ языку. Кромѣ Пушкина,—какъ мы уже сказали,—только поэзія Тютчева и отчасти Лермонтова обладаетъ этимъ даромъ точныхъ эпитетовъ въ высокой степени; у другихъ нашихъ поэтовъ онъ замѣчается лишь мѣстами, довольно рѣдко. Ихъ эпитеты болѣе описательнаго, чѣмъ опредѣлительнаго свойства; или слишкомъ фигурны, вычурны и нарядны, или же являются какимъ то внѣшнимъ щегольствомъ языка, радующимъ самого автора, а не простою, необходимою, спокойною принадлежностью самого предмета (*). Къ тому же у Тютчева эта мѣткость качественныхъ опредѣленій простирается не на одни предметы внѣшняго міра, какъ и увидимъ ниже.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ изображенія природы у Тютчева; мы поставили курсивомъ тѣ именно выраженія, которыя намъ кажутся художественно-точными и простыми:

ПОЛДЕНЬ.

Лѣниво дышетъ полдень *мглистый*,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.
И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ чертогѣ Нимфъ спокойно дремлетъ.

Здѣсь это одно „лѣниво таютъ" сто̀итъ всякого длиннаго, подробнаго описанія.

Или вотъ это выраженіе:

Неостывшая отъ зною
Ночь іюльская блистала....

Одинъ изъ критиковъ поэзіи Тютчева, поэтъ Некрасовъ, въ статьѣ, напечатанной еще въ 1850 г., любуясь простотой и краткостью слѣдующаго стихотворенія, сравниваетъ его съ однороднымъ сти-

(*) О тѣхъ же стихотворцахъ, которые ради точности прибѣгаютъ чуть не къ технической терминологіи (напр. Бенедиктовъ въ описаніи Кавказскихъ горъ) мы не считаемъ здѣсь нужнымъ и упоминать.

хотвореніемъ Лермонтова. Вотъ стихи Тютчева:

Песокъ *сыпучій* по колѣни;
Мы ѣдемъ; поздно; *меркнетъ* день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще лѣсъ глубокій...
Какія грустныя мѣста!
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

У Лермонтова:

И милліономъ темныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста.

„Кто не согласится,—говоритъ г. Некрасовъ, и мы съ нимъ совершенно согласны,—что эти похожія строки Лермонтова значительно теряютъ въ своей оригинальности и выразительности.“

Вотъ картина лѣтней бури:

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза нахлынувшая тучей
Смутитъ небесную лазурь,
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ,
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно.
. . . .
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу.

Ради простоты и точности очертаній приведемъ еще два отрывка.

ДОРОГА ИЗЪ КЕНИГСБЕРГА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ
Огромной тучи снѣговой;
Синѣетъ даль съ ея угрюмымъ лѣсомъ,
Окутаннымъ осенней мглой.
Все голо такъ, и пусто, необъятно
Въ однообразіи нѣмомъ;
Мѣстами лишь просвѣчиваютъ пятна
Стоячихъ водъ, покрытыхъ первымъ льдомъ...
Ни звуковъ здѣсь, ни красокъ, ни движенья,
Жизнь *отошла* и, покорясь судьбѣ,
Въ какомъ-то забытьи изнеможенья,
Здѣсь человѣкъ лишь снится самъ себѣ...

Здѣсь не только внѣшняя вѣрность образа, но и вся полнота внутренняго ощущенія.

РАДУГА.

Какъ неожиданно и ярко
По *влажной* неба синевѣ
Воздушная воздвиглась арка
Въ своемъ *минутномъ торжествѣ*.
Одинъ конецъ въ лѣса вонзила,
Другимъ за облака ушла;
Она полнеба обхватила
И въ высотѣ *изнемогла*...

Изнемогла! Выраженіе не только глубоко-вѣрное, но и смѣлое. Едва-ли не впервыя употреблено оно въ нашей литературѣ въ такомъ именно смыслѣ. А между тѣмъ нельзя лучше выразить этотъ внѣшній процессъ постепеннаго таянія, ослабленія, исчезновенія радуги. Еще г. Тургеневъ замѣтилъ, что „языкъ Тютчева часто поражаетъ смѣлостью и красотою своихъ оборотовъ.“ Намъ кажется, что независимо отъ таланта, эта смѣлость можетъ быть объяснена отчасти и обстоятельствами его личной жизни. Русская рѣчь служила Тютчеву, какъ мы уже упомянули, только для стиховъ, никогда для прозы, рѣдко для разговоровъ, такъ что самый матеріалъ искусства — Русской языкъ — сохранялся для него въ болѣе цѣлостномъ видѣ, не искаженномъ чрезъ частое употребленіе. Многое, что̀ могло-бъ другимъ показаться смѣлымъ, ему самому казалось только простымъ и естественнымъ. Ко-

нечно отъ такого отношенія къ Русской рѣчи случались подчасъ синтаксическія неправильности, вставлялись выраженія уже успѣвшія выдти изъ употребленія; но за то, иногда, силою именно поэтической чуткости, добывалъ онъ изъ затаенной въ немъ сокровищницы роднаго языка совершенно новый, неожиданный, но вполнѣ удачный и вѣрный оборотъ, или же открывалъ въ словѣ новый, еще не подмѣченный оттѣнокъ смысла.

Трудно разстаться съ картинами природы въ поэзіи Тютчева, не выписавъ еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ его „Весеннія воды,“—но сначала для сравненія приведемъ „Весну“ Баратынскаго, въ которой встрѣчаются стихи очень схожіе. Баратынскій:

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ,
Какъ ясенъ небосклонъ;
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ
Летаютъ облака.

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!

Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый жаворонокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей,
И съ птичкой птичка! Съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней.

Далѣе слѣдуютъ еще двѣ строфы совершенно отвлеченнаго содержанія—о душѣ, и стихи довольно тяжелые.

Тютчевъ:

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ,—

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ! Весна идетъ!
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней....

Эти стихи такъ и обдаютъ чувствомъ весны, молодымъ, добрымъ, веселымъ. Они и короче, и живѣе стиховъ Баратынскаго (*). Вотъ отрывокъ изъ другаго стихотворенія, которое можно бы назвать: „Предъ Грозою.“

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы;
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.

Чу! за бѣлой душной тучей
Прокатился глухо громъ,
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ.

Жизни нѣкій преизбытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлитъ,

(*) Г. Некрасовъ въ своей статьѣ («Современникъ» 1850 года) приводитъ, для сравненія съ этимъ стихотвореніемъ Тютчева, «Весну» г. Фета:

Ужъ верба вся пушистая и проч.,—

и приводитъ именно съ тѣмъ, чтобъ показать степень различія въ мастерствѣ изображенія. У г. Фета указываетъ онъ много прекрасныхъ стиховъ, но рядомъ съ ними, какъ и у Баратынскаго, много фигурнаго, отвлеченнаго, или ненужнаго разсужденія. Вообще стихотвореніе очень длинно.

Какъ божественный напитокъ
Въ жилахъ млѣетъ и дрожитъ!...

Заключимъ этотъ отдѣлъ поэзіи Тютчева однимъ изъ самыхъ молодыхъ его стихотвореній: „Весенняя Гроза."

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубымъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ;
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Такъ и видится молодая, смѣющаяся вверху Геба, а кругомъ влажный блескъ, веселье природы и вся эта майская грозовая потѣха. Это стихотвореніе было напечатано въ Галатеѣ еще въ 1829 году, но такова странная судьба поэзіи Тютчева, что оно не обратило тогда на себя ни малѣйшаго вниманія.

Въ отвѣтныхъ своихъ стихахъ къ извѣстному нашему поэту, г. Фету, Тютчевъ говоритъ:

Инымъ достался отъ природы
Инстинктъ пророчески-слѣпой:
Они имъ чуютъ, слышатъ воды
И въ темной глубинѣ земной...

Великой матерью любимый,
Стократъ завиднѣй твой удѣлъ:
Не разъ подъ оболочкой зримой
Ты самоё-её узрѣлъ...

Этотъ послѣдній стихъ справедливѣе отнести къ самому Тютчеву; про него именно можно сказать, что ему было дано неразъ видѣть природу не во внѣшней только оболочкѣ, но её самоё, обнаженною, безъ покрововъ.

Если бы—предположимъ—кто-нибудь, умѣющій живо и тонко чувствовать художественныя красоты въ поэзіи, сталъ читать въ первый разъ творенія, — конечно не Пушкина и даже не Лермонтова, а прочихъ нашихъ поэтовъ, даже не зная ихъ именъ,—онъ безъ сомнѣнія усладился бы вполнѣ „плѣнительною сладостью" Жуковскаго; онъ хоть на мигъ, можетъ быть, воспламенился бы духомъ къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ, благодаря мужественному лиризму стиховъ Хомякова; ему бы доставили, конечно, утѣху бодрыя, звучныя пѣсни Языкова, гдѣ столько праздника, столько молодости, шири и удали; его душу проняла бы, вѣроятно, и страждущая тоска поэтическихъ думъ Баратынскаго; онъ нашелъ бы себѣ отраду и во многихъ другихъ нашихъ поэтахъ... Но если бы онъ, перелистывая эту сотню-другую тысячъ стиховъ, вдругъ случайно напалъ на любое изъ вышеприведенныхъ стихотвореній, въ родѣ „Осени первоначальной" съ ея „тонкимъ волосомъ паутины," или „Весеннихъ водъ," или хоть „Радуги *изнемогшей* въ небѣ,"—онъ невольно бы остановился; онъ по одному этому выраженію, по одной этой мелкой повидимому чертѣ, опозналъ бы тотчасъ настоящаго *художника* и сказалъ бы вмѣстѣ съ Хомяковымъ: „чистѣйшая поэзія — вотъ гдѣ." Такого рода художественной красоты, простоты и правды нельзя достигнуть ни умомъ, ни восторженностью духа, ни опытомъ, ни искусствомъ: здѣсь уже явное, такъ сказать голос поэтическое откровеніе, непосредственное творчество таланта.

Обратимся теперь къ другой особенности стихотвореній Тютчева: мы разумѣемъ самое содержаніе поэзіи, внут-

ренній поэтическій строй. Но здѣсь намъ приходится сдѣлать небольшое отступленіе.

Воспитаніе почти всѣхъ нашихъ поэтовъ, особенно поэтовъ Пушкинской плеяды, къ несчастію, характеризуется совершенно вѣрно собственными стихами Пушкина:

Мы всѣ учились по немногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Всѣ они (кромѣ Хомякова, конечно, который совершенно выдѣляется изъ этого сонма поэтовъ), при поверхностномъ образованіи, возросли подъ сильнымъ умственнымъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ Французской литературы и философіи XVIII вѣка. Но ошибочно было бы думать, что эта философія въ самомъ дѣлѣ породила у насъ философовъ и вообще серьезныхъ мыслителей; господствовала не сама философія, какъ свободно-пытливая работа ума, а просто quasi-философское „вольнодумство", въ самомъ обиходномъ и пошломъ смыслѣ этого слова; не философія, какъ наука, а ея такъ называемый *духъ*, т. е. самое легкомысленное отрицаніе религіозныхъ вѣрованій и идеаловъ, самое вѣтреное обращеніе съ важнѣйшими вопросами жизни, упраздненіе не только строгости, но даже всякой серьезности въ сферѣ нравственныхъ отношеній и понятій. Конечно, уже тогда начинало групироваться небольшое число очень молодыхъ людей (напр. Кирѣевскіе и другіе) съ иными запросами духа, съ потребностью основательнаго знанія; но ихъ значеніе сказалось гораздо позднѣе. Мы уже отчасти характеризовали выше эпоху двадцатыхъ годовъ, но почти не коснулись стороны общественнаго воспитанія. Мы и теперь не намѣрены разсматривать ее подробно,—тѣмъ болѣе, что школа, чрезъ которую первоначально проходили наши поэты Пушкинскаго періода, относится не къ двадцатымъ годамъ, а къ началу и первымъ двумъ десяткамъ лѣтъ нашего столѣтія. Но такъ какъ многія черты у обѣихъ эпохъ одинаковы, то читателю не трудно представить себѣ, какова была эта школа, если онъ постарается припомнить все разсказанное нами выше о времени отъѣзда Тютчева за границу. Считаемъ нужнымъ только добавить, что хотя Французское вліяніе вторглось къ намъ еще при Екатеринѣ, во второй половинѣ ея царствованія, однако-же на литературѣ, равно и на умственномъ движеніи ея времени лежитъ печать все-таки большей серьезности и важности, чѣмъ въ позднѣйшую пору; люди Екатерининскихъ временъ были грубѣе, но крѣпче, строже, ближе къ Русской народности; самый ихъ развратъ былъ крупенъ, но довольно односторонenъ и внѣшенъ,—менѣе легкомысленъ, менѣе растлѣвающаго свойства. Съ царствованіемъ Александра I-го начинается болѣе полное отчужденіе отъ народа и болѣе полное господство иностранной моды—и уже не въ нарядахъ только, но въ мысляхъ и воззрѣніяхъ. Все становится изящнѣе, деликатнѣе, галантерейнѣе и какъ-то пошлѣе, если позволено будетъ такъ выразиться. Печать оригинальности на произведеніяхъ умственнаго творчества исчезаетъ. Событія 12 года встрясли нѣсколько общественный духъ, но и послѣ 12 года, и гораздо позднѣе, состояніе мысли философско-отвлеченной, направленіе литературное и эстетическія воззрѣнія представляются въ видѣ истинно-жалкомъ. Еще въ 1819 году можно было въ торжественныхъ рѣчахъ на торжественныхъ литературныхъ собраніяхъ, изъ устъ ученыхъ авторитетовъ, слышать такія разсужденія: „Почтенные мужи! Пусть на цвѣтущемъ полѣ нашей словесности рѣзвятся, въ разновидныхъ группахъ, Амуры, Зефиры и *Фавны*... Птичка, свивающая гнѣздо на ближнемъ деревѣ,

научила человѣка строить скромныя сѣни изъ вѣтвей, она-жъ научила его радоваться и воспѣвать свою радость. Отсюда происхожденіе — Музыки и Поэзіи.“ (*) Правда, въ то время уже началась реакція и, „господинъ Боало, честный Лафонтенъ, геній Корнеля и Сида, сіи вѣчные образцы искусства“ (**) какъ выражались еще тогда съ каѳедры ученые наши авторитеты, однимъ словомъ вся эта псевдо-классическая теорія поэзіи не тяготѣла болѣе надъ умами нашихъ юныхъ поэтовъ, которые всѣ были пылкими приверженцами такъ называемой „романтической школы.“ Но взамѣнъ господина Боало съ компаніей, образцами для молодыхъ пѣвцовъ служили все же Французскіе писатели: отчасти только Шенье, но предпочтительно Парни, пресловутый Парни, и другіе представители эротической поэзіи. Впослѣдствіе Парни уступилъ было мѣсто Байрону, но Байронъ былъ понятъ только съ внѣшней своей стороны; да и мудрено было этому своеобразному историческому продукту Англійской нравственной, общественной почвы аклиматизироваться на Русской. Нельзя не скорбѣть душою при мысли, какова была та духовно-нравственная атмосфера, въ которой приходилось распускаться и творить нашимъ поэтическимъ дарованіямъ. Стоитъ только заглянуть въ новѣйшіе біографическіе труды и изслѣдованія о дѣтствѣ и молодости Пушкина.... Можно было бы, кажется, задохнуться въ этой гнилой атмосферѣ, еслибъ ее нѣсколько не освѣжали своимъ присутствіемъ: Карамзинъ—этотъ „цѣломудренно-свободный духъ“ по выраженію Тютчева, и Жуковскій съ „голубиной чистотой“ своей поэзіи. Какіе-то нанесенные вѣтромъ обрывки чужихъ, преимущественно Французскихъ доктринъ, вкусовъ и нравовъ, при недостаткѣ сколько-нибудь строгой науки, при отсутствіи воспитательнаго начала гражданской общественной жизни, при разрывѣ съ своими собственными народными и бытовыми преданіями: ни убѣжденій твердыхъ, ни крѣпкихъ нравственныхъ основъ — вотъ чѣмъ была, по крайней мѣрѣ въ значительной части, Русская общественная среда. Велика заслуга нашихъ поэтовъ уже въ томъ, что они не только не погибли въ этой растлѣвающей обстановкѣ, но еще умѣли и сами вознестись надъ нею,—даровать и обществу силу подъема, и орудіе воспитанія въ художественной красотѣ своихъ произведеній. Конечно, при этомъ не мало было растрачено даромъ богатства души, свѣжести чувствъ, времени... Не легко было изъ „питомцевъ Эпикура“, „пѣвцовъ пировъ и сладострастья“ — какъ они сами себя величали,—выбраться цѣлымъ на путь высшаго поэтическаго творчества: для этого надобно было родиться Пушкинымъ. Приходится, по истинѣ, изумляться упругости и мощи этого генія, который—не благодаря, а вопреки всѣмъ внѣшнимъ условіямъ,— успѣлъ въ короткій срокъ своего поприща дойти до той художественной трезвости и полноты, какую явилъ онъ въ позднѣйшихъ своихъ твореніяхъ. Но то ли еще способенъ былъ дать намъ этотъ великій художникъ, еслибъ его воспитаніе было иное, еслибъ сама окружающая жизнь могла сообщить его духу иное содержаніе?—Какъ бы то ни было, но что вообще непріятно поражаетъ въ поэтахъ этой плеады, рядомъ съ яркою красотою формъ, звуковъ и образовъ, особенно въ первой половинѣ ихъ поэтической дѣятельности (у иныхъ и во второй)—это не только напускной ци-

(*) См. «Труды Общества Люб. Рос. Слов.» 1819 г. Рѣчь на торжественномъ публичномъ засѣданіи Мерзлякова.

(**) Тамъ-же, статья одного изъ членовъ.

низмъ и хвастовство разгульною праздностью, не только нравственное легкомысліе, суетность, фривольность (frivolité), но нѣкоторая, при томъ, очевидная скудость образованія и бѣдность мысли, однимъ словомъ пустота содержанія.

Судьба Тютчева, какъ мы уже знаемъ, была иная. Благодаря 22-лѣтнему пребыванію въ Германіи, онъ не испыталъ вліянія ни Французскаго философскаго матеріализма, ни Русской тлетворной общественной среды. Впрочемъ въ немъ не видать было и Нѣмца, а видна была лишь печать глубокой всесторонней образованности и замѣчательной воздѣланности ума и вкуса. Таже печать лежитъ и на его стихотвореніяхъ,—чѣмъ и выдѣляются они изъ произведеній другихъ Русскихъ поэтовъ.

Прежде всего что̀ бросается въ глаза въ поэзіи Тютчева и рѣзко отличаетъ ее отъ поэзіи ея современниковъ въ Россіи—это совершенное отсутствіе грубаго эротическаго содержанія. Она не знаетъ ихъ „разымчиваго хмѣля,“ не воспѣваетъ ни „Цыганокъ,“ или „наложницъ,“ ни ночныхъ оргій, ни чувственныхъ восторговъ, ни даже нагихъ женскихъ прелестей; въ сравненіи съ другими поэтами одного съ нимъ цикла, его муза можетъ назваться не только скромною, но какъ бы стыдливою. И это не потому, чтобы психическій элементъ—„любовь“—не давалъ никакого содержанія его поэзіи. Напротивъ. Мы уже знаемъ, какое важное значеніе въ его судьбѣ, параллельно съ жизнью ума и высшими призывами души, должно быть отведено внутренней жизни сердца,—и эта жизнь не могла не отразиться въ его стихахъ. Но она отразилась въ нихъ только тою стороною, которая одна и имѣла для него цѣну,—стороною чувства, всегда искренняго, со всѣми своими послѣдствіями: заблужденіемъ, борьбой, скорбью, раскаяніемъ, душевною мукою. Ни тѣни циническаго ликованія, нескромнаго торжества, вѣтреной радости: что-то глубоко-задушевное, тоскливо-немощное звучитъ въ этомъ отдѣлѣ его поэзіи. Мы уже довольно говорили объ этомъ выше, очерчивая его личный нравственный образъ, и привели нѣсколько его стиховъ. Чтобы еще точнѣе опредѣлить мотивъ любви въ его поэзіи, приведемъ еще нѣкоторыя наиболѣе характеристическія піесы, хоть въ отрывкахъ. Вотъ напримѣръ:

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва;
Его своимъ ты не зови
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви.

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ какъ стихія,
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ...
Невольно кудри молодыя
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поноситъ или хвалитъ
Поэта суетный народъ:
Онъ не стрѣлою сердце жалитъ,
А какъ пчела его сосетъ.

Твоей святыни не нарушитъ
Поэта чистая рука,
Но мимоходомъ жизнь задушитъ
Иль унесетъ за облака.

Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ:

О какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ
Что̀ сердцу нашему милѣй.

Давно ль, гордясь своей побѣдой,
Ты говорилъ: она моя...
Годъ не прошелъ, спроси и свѣдай,
Что̀ уцѣлѣло отъ нея?....

И чтожъ отъ долгаго мученья
Какъ пеплъ сберечь ей удалось?

Боль, злую боль ожесточенья,
Боль безъ отрады и безъ слезъ!
О какъ убійственно мы любимъ, и пр.

Или вотъ слѣдующее стихотвореніе:

Любовь, любовь,—гласитъ преданье,
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ съединенье, сочетанье,
И роковое ихъ сліянье,
И поединокъ роковой.
И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердецъ,
Тѣмъ неизбѣжнѣй и вѣрнѣе,
Любя, страдая, грустно млѣя,
Оно изноетъ наконецъ...

Укажемъ еще на пьесы: „Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленной,“ „Послѣдняя любовь,“ „Я очи зналъ, о эти очи,“ „О не тревожь меня укорой справедливой,“ и т. д. Если мы вспомнимъ за тѣмъ слѣдующіе стихи, которыми, будто заключительнымъ аккордомъ, повершается весь этотъ отдѣлъ стихотвореній „не властнаго въ себѣ самомъ“ поэта, именно:

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя;
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть,—

то мы будемъ имѣть полное понятіе объ этомъ мотивѣ его поэзіи.

Но самое важное отличіе и преимущество Тютчева, это всегда неразлучный съ его поэзіей элементъ мысли. Мыслью, какъ тончайшимъ эѳиромъ, обвѣяно и проникнуто почти каждое его стихотвореніе. Большею частью мысль и образъ у него нераздѣльны. Мыслительный процессъ этого сильнаго ума, свободно проникавшаго во всѣ глубины знанія и философскихъ соображеній, въ высшей степени замѣчателенъ. Онъ, такъ сказать, *мыслилъ образами*. Это доказывается не только его поэзіей, но даже его статьями, а также и его изрѣченіями, или такъ называемыми *mots* или bons mots, которыми онъ прославился въ свѣтѣ едва ли не болѣе, чѣмъ стихами. Всѣ эти mots были не иное что, какъ ироническая, тонкая, нерѣдко глубокая мысль, отливщаяся въ соотвѣтственномъ художественномъ образѣ.—Мысль въ его стихотвореніяхъ вовсе не то, что у Хомякова или у Баратынскаго. Поэтическія произведенія Хомякова—это какъ-бы отрывки цѣлой, глубоко-обдуманной, исторически-философской или нравственно-богословской системы. Искренность убѣжденія, возвышенность духовнаго строя, жаръ одушевленія придаютъ многимъ его стихотвореніямъ силу увлекательную. Но если мысль его способна восходить до лиризма, все же она, втиснутая въ риѳмы и размѣръ, въ рамки стихотворенія, не вмѣщается въ нихъ, перевѣшиваетъ художественную форму въ ущербъ себѣ и ей; художественная форма ее тѣснитъ и сама насилуется. Читая его стихи, вы забываете о художникѣ и имѣете въ виду высоко-нравственнаго мыслителя и проповѣдника. Впрочемъ это сознавалъ и самъ Хомяковъ, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго его письма къ А. Н. Попову о Тютчевѣ. Что же касается до Баратынскаго, этого замѣчательнаго, оригинальнаго таланта, то его стихи безспорно умны, но,—такъ намъ кажется, по крайней мѣрѣ,—это умъ—*остуживающій* поэзію. Въ немъ немало граціи, но холодной. Его стихи согрѣваются только искренностью тоски и разочарованія. Пушкинъ не даромъ назвалъ его Гамлетомъ; у Баратынскаго чувство всегда мыслитъ и разсуждаетъ. Тамъ-же гдѣ мысль является отдѣльно какъ мысль, она, именно по недостатку цѣльности чувства, по недостатку жара въ творческомъ горнилѣ поэта, рѣдко сплавляется въ цѣльный поэтическій образъ. Онъ трудно ладитъ съ внѣшней художественной формой; мысль иногда торчитъ

сквозь нее голая, и рядомъ съ прекрасными стихами попадаются стихи нестерпимо тяжелые и прозаическіе (напримѣръ его „Смерть"). Исключеніе составляютъ три-четыре истинно превосходныхъ стихотворенія.

У Тютчева, на оборотъ, поэзія была тою психическою средою, сквозь которую преломлялись сами собой лучи его мысли и проникали на свѣтъ Божій уже въ видѣ поэтическаго представленія. У него не то, что *мыслящая* поэзія,—а поэтическая мысль; не чувство разсуждающее, мыслящее,—а мысль чувствующая и живая. Отъ этого внѣшняя художественная форма не является у него надѣтою на мысль, какъ перчатка на руку, а срослась съ нею, какъ покровъ кожи съ тѣломъ, сотворена вмѣстѣ и одновременно, однимъ процессомъ: это сама плоть мысли. Мы уже отчасти объясняли этотъ процессъ, приводя выше стихотвореніе „Слезы." Вотъ еще примѣръ:

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по жаркой мостовой.

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ, свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымный,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Его главы не освѣжитъ.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по знойной мостовой.

Здѣсь мысль стихотворенія вся въ аналогіи этого образа нищаго, смотрящаго въ жаркій лѣтній день сквозь рѣшетку роскошнаго прохладнаго сада,—съ жизненнымъ жребіемъ людей-тружениковъ. Но эта аналогія почти не высказана, обозначена слегка, намекомъ, въ двухъ словахъ въ послѣдней строфѣ, почти не замѣчаемыхъ: *жизненной тропой*, а между тѣмъ она чувствуется съ перваго стиха.—Образъ нищаго, вѣроятно въ самомъ дѣлѣ встрѣченнаго Тютчевымъ, мгновенно осѣнилъ поэта сочувствіемъ и—мыслью объ этомъ сходствѣ. Мысль, вмѣстѣ съ чувствомъ, проняла насквозь самый образъ нищаго, такъ что поэту достаточно было только воспроизвести въ словахъ одинъ этотъ внѣшній образъ: онъ явился уже весь озаренный тѣмъ внутреннимъ значеніемъ, которое ему дала душа поэта, и творитъ на читателя тоже дѣйствіе, которое испыталъ самъ авторъ.—Но если мысль здѣсь только чувствуется, а въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ какъ-бы нѣсколько заслоняется выдающеюся художественностью формы и самостоятельной красотой внѣшняго образа, то можно указать на другія стихотворенія, гдѣ мысль не теряетъ своего самостоятельнаго значенія и высказывается и въ художественной формѣ, и какъ мысль. Начнемъ опять съ картинъ природы:

Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой коверъ она свила,
Коверъ, накинутый надъ бездной.
И какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ,
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и сумраченъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.
И чудится давно-минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ, ночномъ,
Онъ узнаетъ наслѣдье роковое.

Нельзя лучше передать и осмыслить ощущеніе, производимое ночною тьмою. Таже мысль выразилась и въ другомъ стихотвореніи:

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной,
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ,
День — земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день; настала ночь,
Пришла — и съ міра роковаго
Ткань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

Но намъ особенно нравятся слѣдующіе стихи:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной?
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться…
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!

Кажется, — прочитавъ однажды это стихотвореніе, трудно будетъ не припомнить его всякой разъ, какъ услышишь завыванье ночнаго вѣтра.

Сколько глубокой мысли въ его „Веснѣ"!.. Выпишемъ нѣсколько строфъ:

Весна — она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ.
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ
И ни морщины на челѣ!
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ!

. . . .

Не о быломъ вздыхаютъ розы,
И соловей въ тѣни поетъ,—
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора льетъ,
И страхъ кончины неизбѣжный
Не свѣетъ съ древа ни листа:
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,
Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ
И ринься бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ.
Приди — струей его эѳирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

Приведемъ еще стихотвореніе: „Сонъ на морѣ" — замѣчательное красотою формы и смѣлостью образовъ, которые могли быть созданы фантазіей только мыслителя-художника.

И море и бури качали нашъ челнъ;
Я сонный былъ преданъ всей прихоти волнъ,
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ,
И мной своенравно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы,
И вѣтры свистѣли, и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ,
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ;
Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ:
Земля зеленѣла, свѣтился эѳиръ,
Сады, лабиринты, чертоги, столпы,
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.

Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ
птицъ.
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ.
Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Таинственный міръ сновъ часто приковываетъ къ себѣ мысль поэта. Вотъ строфы, гдѣ самая стихія сна воплощается въ образъ почти также неопредѣленный какъ она сама, но сильно охватывающій душу:

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ, объята снами;
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ.
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ....
Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ — пылающей бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Но мы должны остановиться,—выписывать пришлось бы слишкомъ много. Перейдемъ теперь къ стихотвореніямъ, гдѣ раскрывается для насъ нравственно-философское созерцаніе поэта. Припомнимъ сказанное нами выше, что его мыслящій духъ никогда не отрѣшался отъ сознанія своей человѣческой ограниченности, но всегда отвергалъ самообожаніе человѣческаго *я.* Вотъ какъ это сознаніе выразилось въ слѣдующихъ двухъ стихотвореніяхъ:

Фонтанъ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучемъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной,
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспать на землю осужденъ.

О, нашей мысли водомётъ,
О водомётъ неистощимый,
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты!

А вотъ и другое:

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслѣдъ плыветъ.

На солнцѣ ль радужно блистая,
Иль ночью, въ поздней темнотѣ,
Но всѣ, неудержимо тая,
Онѣ плывутъ къ одной метѣ.

Всѣ вмѣстѣ, малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,
Всѣ, безразличны какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой.

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человѣческое я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Нельзя не подивиться поэтическому процессу, умѣющему воплощать въ такіе реальные, художественные образы мысль самаго отвлеченнаго свойства.

Въ приведенныхъ нами сейчасъ стихотвореніяхъ Тютчева, какъ и во всѣхъ, гдѣ выражается его внутренняя дума, не слышно торжественныхъ, укрѣпляющихъ душу звуковъ. Напротивъ, въ нихъ слышится ноющая тоска, какая-то скорбная иронія. Но эта тоска, хотя и подбитая скорбною ироніей, вовсе не похо-

дила ни на хандру Евгенія Онѣгина, отставнаго, пресыщеннаго удовольствіями „повѣсы," какъ называетъ его самъ Пушкинъ; ни на Байроновское *отрицаніе* идеаловъ; ни на *разочарованіе* человѣка обманутаго жизнью, какъ у Баратынскаго; ни на доходившее до трагизма *безочарованіе* Лермонтова (по прекрасному выраженію Гоголя): поэзія Лермонтова — это тоска души болѣющей отъ своей неспособности къ очарованію, отъ своей собственной пустоты, вслѣдствіе безвѣрія и отсутствія идеаловъ. Напротивъ, тоска у Тютчева происходила именно отъ присутствія этихъ идеаловъ въ его душѣ—при разладѣ съ ними всей окружающей его дѣйствительности и при собственной личной немощи возвыситься до гармоническаго примиренія воли съ мыслью и до освященія разума вѣрою: его иронія вызывается сознаніемъ собственнаго своего и вообще человѣческаго безсилія, — несостоятельности горделивыхъ попытокъ человѣческаго разума... Но отъ этихъ стихотвореній, все же отрицательнаго характера, перейдемъ къ тѣмъ, гдѣ задушевныя нравственныя убѣжденія поэта высказываются въ положительной формѣ, гдѣ открываются намъ его положительные духовные идеалы. Такъ въ его стихахъ „На смерть Жуковскаго" мы видимъ, какъ высоко цѣнитъ поэтъ цѣльный, гармоническій строй вѣрующей души, побѣждающій внутреннее раздвоеніе:

На смерть Жуковскаго.

Я видѣлъ вечеръ твой; онъ былъ прекрасенъ.
Послѣдній разъ прощаяся съ тобой,
Я любовался имъ: и тихъ, и ясенъ,
И весь насквозь проникнутъ теплотой.
О, какъ они и грѣли, и сіяли
Твои, поэтъ, прощальные лучи...
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужъ звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья;
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ Омировы читалъ,—
Цвѣтущія и радужныя были
Младенческихъ, первоначальныхъ лѣтъ!..
А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

По истинѣ, какъ голубь чистъ и цѣлъ
Онъ духомъ былъ;—хоть мудрости зміиной
Не презиралъ, понять ее умѣлъ,—
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтлѣлъ;
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ.

И этотъ-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникшій лиру,
Какъ лучшій плодъ, какъ лучшій подвигъ свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ ли міръ, оцѣнитъ ли его?
Достойны ль мы священнаго залога?
Иль не про насъ сказало божество:
„*Лишь сердцемъ чистые — тѣ узрятъ Бога?*"

Слѣдующее стихотвореніе есть уже истинный вопль души, разумѣющей болѣзнь и тоску вѣка, — оно въ тоже время и исповѣдь самого поэта:

Нашъ Вѣкъ.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ.
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни —
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ...
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ,

Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
«Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
«Приди на помощь моему безвѣрью!...»

Вотъ тѣ *основные* нравственные тоны, которые слышатся у Тютчева сквозь всѣ его философскія, историческія, политическія и поэтическія думы. Они не благопріобрѣтенное размышленіемъ, не нажитое горькимъ опытомъ достояніе; таясь въ глубинѣ его духа, они не только пережили искусъ долгаго заграничнаго пребыванія, но сильнѣе всего оградили независимость и самостоятельность его мышленія въ чужеземной средѣ, поддержали пламя безпредѣльной любви къ Россіи, сохранили духовную связь съ родною землею и, какъ мы уже видѣли, воспитали въ немъ способность сочувственнаго разумѣнія тѣхъ высокихъ нравственныхъ сторонъ Русской народности, которыя въ самой Россіи постигались и цѣнились очень немногими. Стихотворенія: „На смерть Жуковскаго" и „Нашъ Вѣкъ" объясняютъ намъ уже приведенныя прежде стихотворенія: „Эти бѣдныя селенья," „Тебѣ они готовятъ плѣнъ", равно и нѣкоторыя другія,— и взаимно объясняются ими. Мы впрочемъ не станемъ здѣсь ни выписывать, ни разбирать тѣхъ его поэтическихъ произведеній, которыя посвящены Россіи или выражаютъ его политическія убѣжденія и мечтанія. Они отчасти уже нашли себѣ мѣсто въ предшествовавшемъ отдѣлѣ нашего очерка, гдѣ мы именно старались показать читателямъ ростъ и силу Русской народной стихіи въ Тютчевѣ-европейцѣ,—а нѣкоторыя будутъ помѣщены нами ниже, въ поясненіе его политическихъ статей. Хотя этихъ стихотвореній довольно много, и иныя изъ нихъ высокаго поэтическаго достоинства, однакоже не ими опредѣляется значеніе Тютчева какъ поэта, съ точки зрѣнія эстетической критики. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ только объ общемъ характерѣ этихъ патріотическихъ и политическихъ стихотвореній: въ нихъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ) менѣе всего слышится его внутреннее, духовное раздвоеніе, его иронія обращенная на самого себя, его нравственная тоска,—а также и тотъ особенный личный процессъ поэтическаго творчества, который налагаетъ такую оригинальную печать на его поэзію и даетъ ей такую своеобразную прелесть. Его политическое міросозерцаніе, его убѣжденія относительно исторической будущности Русскаго народа были, какъ мы уже знаемъ, тверды, цѣльны—до одностороннности, до страстности, — а потому только въ этомъ отдѣлѣ стихотвореній и доходитъ онъ до торжественныхъ, почти „героическихъ" звуковъ, столько вообще чуждыхъ его поэзіи. Для примѣра укажемъ на слѣдующія два стихотворенія: „Море и утесъ" и „Разсвѣтъ", которыя оба блещутъ поэтическими красотами, особенно послѣднее,—но красотами нѣсколько инаго рода, выдѣляющими обѣ піесы изъ общаго строя его поэтическихъ твореній.

Піеса „Море и Утесъ" написана въ 1848 году, послѣ Февральской революціи, и очевидно изображаетъ Россію, ея твердыню, среди разъяренныхъ волнъ западно-европейскихъ народовъ, которые, вмѣстѣ съ всеобщимъ мятежомъ, были внезапно объяты и неистовою злобою на Россію. Ничто такъ не раздражало Тютчева, какъ угрозы и хулы на Русь со стороны иностранцевъ. Не знаемъ, обратили ли эти стихи вниманіе на себя въ свое время и были ли поняты въ смыслѣ нами объясненномъ (въ 1848 году Тютчевъ еще продолжалъ ничего не печатать); но трудно сомнѣваться въ ихъ настоящемъ значеніи, особенно

въ виду статьи: „Россія и Революція“.

И бунтуетъ и клокочетъ,
Плещетъ, свищетъ и реветъ,
И до звѣздъ допрянуть хочетъ,
До незыблемыхъ высотъ!
Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь гіенскій разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

Волнъ неистовыхъ прибоемъ,
Безпрерывно валъ морской
Съ ревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой.
Но спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуянъ,
Неподвижный, неизмѣнный,
Мірозданью современный,
Ты стоишь, нашъ великанъ!

И озлобленныя боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ воемъ
На гранитъ громадный твой.
Но о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ.

Стой же ты, утесъ могучій,
Обожди лишь часъ-другой;
Надоѣстъ волнѣ гремучей
Воевать съ твоей пятой!
Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣетъ вновь она,
И безъ вою, и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

Относительно стремительности, силы, *красивости* стиха и богатства созвучій, у Тютчева нѣтъ другаго подобнаго стихотворенія. Оно превосходно, но не въ Тютчевскомъ родѣ. Оно свидѣтельствуетъ только, что Тютчевъ могъ бы, еслибы хотѣлъ, щеголять и такими красивыми произведеніями; но еслибы его книжка стиховъ ограничивалась только такими пьесами, безспорно сильными и звучными, то Тютчевъ какъ поэтъ лишился бы оригинальности и не занялъ бы того особаго мѣста, которое создала ему въ нашей литературѣ менѣе громкая и торжественная его поэзія. Впрочемъ, даже самый выборъ того или другаго направленія въ поэзіи былъ для него невозможенъ, потому что онъ не гонялся за успѣхомъ, а писалъ стихи ради удовлетворенія внутренней личной потребности, почти непроизвольно; тѣмъ не менѣе самый талантъ его былъ способенъ, какъ оказывается, къ разнообразному стихотворному строю.

Слѣдующее стихотвореніе „Разсвѣтъ“ написано 18 лѣтъ спустя и, не смотря на свой аллегорическій характеръ, менѣе выдѣляется изъ поэзіи Тютчева, чѣмъ „Море и Утесъ“, — отчего въ „Разсвѣтѣ“ и болѣе истинной художественной красоты. Здѣсь подъ образомъ восходящаго солнца подразумѣвается пробужденіе Востока, — чего Тютчевъ именно чаялъ въ 1866 году, по случаю возстанія Кандіотовъ; однако образъ самъ по себѣ такъ самостоятельно хорошъ, что очевидно если не перевѣсилъ аллегорію въ душѣ поэта, то и не подчинился ей, а вылился свободно и независимо. Тѣмъ не менѣе и это стихотвореніе отличается отъ всѣхъ прочихъ произведеній Тютчева своимъ положительно-торжественнымъ внутреннимъ строемъ:

Молчитъ сомнительно Востокъ,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сонъ иль ожиданье,
И близокъ день или далёкъ?
Чуть-чуть бѣлѣетъ темя горъ,
Еще въ туманѣ лѣсъ и долы,
Спятъ города и дремлятъ сёлы—
Но къ небу подымите взоръ.

Смотрите: полоса видна,
И словно скрытной страстью рдѣя,
Она все ярче, все живѣе —
Вся разгорается она.
Еще минута — и во всей
Неизмѣримости эѳирной
Раздастся благовѣстъ всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей!

Сведемъ-же всѣ указанныя нами черты поэзіи Тютчева, характеризующія его какъ поэта. Онъ отличается прежде всего особеннымъ процессомъ поэтическаго творчества, до такой степени непосредственнымъ и быстрымъ, что поэтическія его творенія являются на свѣтъ Божій еще не успѣвъ остыть, еще сохраняя на себѣ теплый слѣдъ рожденія, еще трепеща внутреннею жизнью души поэта. Отъ того эта особенная, какъ бы не вещественная, какъ бы не отвердѣвшая красота наружной формы, насквозь проникнутой мыслью и чувствомъ; отъ того эта искренность, эта неумышленная, но тѣмъ болѣе привлекательная грація. Художественная зоркость и воздержность въ изображеніяхъ — особенно природы; Пушкинская трезвость, точность и мѣткость эпитетовъ и вообще качественныхъ опредѣленій; соразмѣрность внѣшняго гармоническаго строя съ содержаніемъ стихотворенія; постоянная правда чувства и потому постоянная же нѣкая серьезность основнаго звучащаго тона; во всемъ и всюду дыханіе мысли, глубокой, тонкой, оригинальной, по существу своему нерѣдко отвлеченной, но всегда согрѣтой сердцемъ и поэтически воплощенной въ цѣльный, соотвѣтственный образъ; такая же тонкость оттѣнковъ и переливовъ въ области нравственныхъ ощущеній, — вообще тонкость рѣзьбы, узорчатость чеканки—при совершенной простотѣ, естественности, свободѣ и такъ сказать непроизвольности поэтической работы. На всемъ печать изящнаго вкуса, многосторонней образованности, ума воздѣланнаго знаніемъ и размышленіемъ, — легкая, игривая иронія, какъ улыбка, рядомъ съ важностью думъ,— и при всемъ томъ что-то скромное, нѣжное, смиренно-человѣчное, безъ малѣйшаго отзвука тщеславія, гордости, жестокости, суетности, щегольства; ничего на показъ, ничего для виду, ничего предвзятаго, заданнаго, дѣланнаго, сочиненнаго. Конечно содержаніе его поэзіи дается только его личнымъ внутреннимъ міромъ, не выходитъ изъ завѣтнаго круга близкихъ, дорогихъ его сердцу вопросовъ, интересовъ, образовъ и впечатлѣній; онъ почти не имѣетъ власти надъ своимъ вдохновеніемъ, почти не способенъ искусственно устремлять силы своего таланта по произволу, на предметы чуждые его душѣ, — не способенъ къ художническому продолжительному труду, а потому не создалъ и не могъ создать ни поэмы, ни драмы; онъ не проповѣдникъ, онъ не учитъ, онъ лишь выражаетъ себя самого; его лиризмъ не укрѣпитъ и не вознесетъ духа... Но его стихи, хотя бы даже устарѣла ихъ внѣшняя форма, не перестанутъ чаровать нестарѣющею прелестью поэзіи и мысли; они плодотворно питаютъ умъ, захватываютъ всѣ струны сердца, будятъ и просвѣтляютъ Русское чувство. Они — неизсякаемый источникъ духовно-изящныхъ наслажденій. Въ исторіи Русской словесности Тютчевъ останется всегда однимъ изъ самыхъ блестящихъ и своеобразныхъ проявленій Русскаго поэтическаго генія; его значеніе не померкнетъ.

Заключимъ нашу характеристику слѣдующими прекрасными строками изъ статьи о Тютчевѣ И. С. Тургенева, напечатанной двадцать лѣтъ тому назадъ, но нисколько не утратившей достоинства современности:

„Талантъ Тютчева, по самому свойству своему, не обращенъ къ толпѣ и

не отъ нея ждетъ отзыва и одобренія; для того, чтобы вполнѣ оцѣнить его, надо самому читателю быть одареннымъ нѣкоторою тонкостью пониманія, нѣкоторою гибкостью мысли, не остававшейся слишкомъ долго праздною. Фіялка своимъ запахомъ не разитъ на двадцать шаговъ кругомъ; надо приблизиться къ ней, чтобъ почувствовать ея благовоніе. Мы не предсказываемъ популярности Тютчеву, но мы предсказываемъ ему глубокое и теплое сочувствіе всѣхъ тѣхъ, кому дорога Русская поэзія; а нѣкоторыя его стихотворенія пройдутъ изъ конца въ конецъ всю Россію и переживутъ многое въ современной литературѣ, что̀ теперь кажется долговѣчнымъ и пользуется шумнымъ успѣхомъ. Тютчевъ можетъ (могъ бы!) сказать себѣ, что онъ, по выраженію одного поэта, создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть,— а для истиннаго художника выше подобнаго сознанія награды нѣтъ."

Перейдемъ теперь къ Тютчеву какъ къ политическому писателю и Французскому прозаику.

V.

Намъ извѣстны только три напечатанныя статьи Тютчева политическаго содержанія. Хотя онѣ и написаны по французски, однако составляютъ неотъемлемое достояніе Русской литературы, какъ произведеніе Русской мысли, выраженіе Русскаго историческаго самосознанія; хотя онѣ писаны и давно, при иныхъ политическихъ обстоятельствахъ, однакоже не только не утратили, по нашему мнѣнію, значенія для нашего времени, но именно теперь, въ наши дни, только и получаютъ свое настоящее значеніе, только и могутъ быть оцѣнены по достоинству. Внѣшнія обстоятельства, конечно, измѣнились; но основные вопросы, поставленные Тютчевымъ, или вѣрнѣе, поставленные исторіею и имъ только указанные, пребываютъ все тѣ же, еще не рѣшенные, еще ожидающіе рокового отвѣта; многое же, провидѣнное и предугаданное имъ 30 лѣтъ тому назадъ, сбылось позднѣе съ удивительною точностью. Замѣчателенъ также въ этихъ статьяхъ литературный пріемъ автора и общій тонъ его обращенія къ Западу. Это не запальчивый натискъ какъ-бы взбунтовавшагося Скиѳа, нѣкогда раболѣпно преклонявшагося предъ Европейскою цивилизацiей, а теперь злобно и радостно свергающаго съ себя оковы духовнаго плѣна; это вѣжливый и твердый языкъ человѣка вполнѣ свободнаго, вполнѣ равноправнаго, спокойно и безпристрастно *судящаго Западу*, какъ мы уже выразились однажды, и притомъ языкъ такого судьи, котораго компетентности не могутъ отрицать и сами иностранцы. Они и дѣйствительно чувствовали, какъ видно изо всѣхъ ихъ отзывовъ, что этотъ Скиѳъ по происхожденію—въ тоже время единый отъ нихъ по цивилизаціи; что ему не менѣе, чѣмъ и имъ, вѣдомы прошлыя и настоящія судьбы, силы и болѣзни Романо-германской Европы,—и что съ своими противниками онъ борется ихъ же оружіемъ.

Первое, по времени, мѣсто изъ трехъ статей принадлежитъ той статьѣ, которая написана еще въ Мюнхенѣ въ 1844 году и озаглавлена въ Русской печати (Русскій Архивъ 1873 г. тетрадь 10-я): „Россія и Германія". Въ подлинникѣ (рукп самого автора) она называется: Lettre à M-r le D-r Gustave Kolb, rédacteur de la G. Universelle. Мы уже выше указывали, что это письмо было напечатано въ Германіи, и что ему уже предшествовало письмо, вѣроятно небольшое и вѣроятно также напечатанное. Во всякомъ случаѣ статья „Россія и Германія" есть продолженіе переписки съ редакторомъ Всеобщей Аугсбургской

газеты. Въ „Русскомъ Архивѣ“ она начинается со словъ о книгѣ Кюстина, потому что опущено самое вступленіе въ статью, изъ котораго первыя строки уже приведены нами въ первомъ отдѣлѣ нашего очерка; вотъ еще нѣсколько словъ изъ этого вступленія:

„Я Русскій, м. г., какъ я уже имѣлъ честь вамъ объяснить, Русскій сердцемъ и душою, глубоко преданный своей землѣ, въ мирѣ съ своимъ правительствомъ и сверхъ того совершенно независимый по своему положенію (*). Стало быть мнѣніе, которое я попытаюсь здѣсь высказать—мнѣніе Русское, но свободное и совершенно чуждое всякихъ расчетовъ... И не опасайтесь, чтобы, въ качествѣ Русскаго, я ввязался, въ свою очередь, въ жалкую полемику, вызванную недавно однимъ жалкимъ памфлетомъ. Нѣтъ м. г., это дѣло не на столько серьезно. Книга г. Кюстина“ и пр. (**).

Въ книгѣ Кюстина авторъ видитъ „новое доказательство того умственнаго безстыдства и духовнаго растлѣнія (отличительной черты нашего времени, особенно во Франціи) благодаря, которымъ позволяютъ себѣ относиться къ самымъ важнымъ вопросамъ *болье нервами, чьмъ разсудкомъ*, и судить *цьлый особый міръ* (un monde) съ меньшею серьезностью“, чѣмъ судили бывало о водевилѣ (*). Въ двухъ-трехъ словахъ очерчиваетъ онъ наивность противниковъ Кюстина, взявшихся защищать Россію. Они похожи, говоритъ онъ, „на людей, которые въ избыткѣ усердія поспѣшили бы раскрыть свой *зонтикъ*, чтобы предохранить отъ дневнаго зноя вершину Монблана.“ Нѣтъ—продолжаетъ онъ—рѣчь моя не объ апологіи Россіи. „Апологія Россіи! Истинный апологистъ Россіи—исторія, постоянно, въ теченіи трехъ

(*) Онъ находился тогда въ отставкѣ.

(**) Вотъ все это вступленіе въ подлинникѣ: «M-r le Rédacteur. L'accueil que vous avez fait dernièrement à quelques observations, que j'ai pris la liberté de vous adresser, ainsi que le commentaire modéré et raisonnable dont vous les avez accompagnées, m'ont suggéré une singulière idée. Que serait-ce, monsieur, si nous essayons de nous entendre sur le fonds même de la question? Je n'ai pas l'honneur de vous connaître personnellement. En vous écrivant, c'est donc à la G. Universelle d'Augsb. que je m'adresse. Or, dans l'état actuel de l'Allemagne, la Gaz. d'Augsbourg est quelque chose de plus, à mes yeux, qu'un journal. C'est la première de ses tribunes politiques... Si l'Allemagne avait le bonheur d'être *une*, son gouvernement pourrait à plusieurs égards adopter ce journal pour l'organe légitime de sa pensée. Voilà pourquoi je m'adresse à vous. Je suis russe, monsieur, ainsi que j'ai déjà eu l'honneur de vous le dire, russe de coeur et d'âme, profondement devoué à mon pays, en paix avec mon gouvernement et de plus, tout-à-fait indépendant par ma position. C'est donc une opinion russe, mais *libre* et parfaitement *désintéressée* que j'essayerai d'exprimer ici... Cette lettre, comprenez moi bien, s'adresse plus encore à vous, monsieur, qu'au public. Toutefois vous pouvez en faire tel usage qu'il vous plaira. La publicité m'est indifférente. Je n'ai pas plus de raisons de l'éviter que de la rechercher... Et ne craignez pas, monsieur, qu'en ma qualité de russe, je m'engage à mon tour dans la pitoyable polémique, qu'a soulevée dernièrement un pitoyable pamphlet. Non, monsieur, tout cela n'est pas assez sérieux. Le livre de M-r de Custine» etc.

(*) Въ Русскомъ изложеніи какъ этой, такъ и другихъ статей Тютчева, мы отчасти пользуемся переводомъ напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ, отчасти же переводимъ вновь.

столѣтій, разрѣшающая въ ея пользу всѣ тяжбы, въ которыя вовлекались последовательно ея таинственныя судьбы (*).“

Поводомъ къ статьѣ Тютчева послужили бѣшеныя нападки на Россію публицистовъ самой Германіи. Въ то время политика Петербургскаго кабинета управляла политикою всѣхъ Нѣмецкихъ правительствъ, сдерживала statuquo, созданное Священнымъ Союзомъ, и государь Николай Павловичь; когда посѣщалъ Германію и появлялся въ сонмѣ Нѣмецкихъ властителей, казался верховнымъ надъ ними повелителемъ,—comme un suzerain parmi ses vassaux, по выраженію Тютчева въ его устномъ разсказѣ. Тѣмъ обиднѣе и несноснѣе было такое тяготѣніе Россіи для самого Германскаго общества: оно видѣло въ Россіи помѣху какъ своимъ либеральнымъ стремленіямъ, такъ и еще болѣе стремленіямъ къ политическому единству. Тютчевъ доказываетъ въ своей статьѣ, что самая разумная политика для Германіи—это держаться Россіи, что Германія только Россіи обязана своимъ освобожденіемъ отъ преобладанія Франціи, равно и самымъ своимъ тридцатилѣтнимъ мирнымъ, національнымъ развитіемъ; что настоящее ея федеративное устройство есть самая органическая для нея норма единства, и что, лишившись поддержки Россіи, Германія утратитъ и свое единство, и политическую независимость. Вотъ послѣдовательный ходъ его мысли въ самой статьѣ.

Указавъ на противорѣчіе политики Германскихъ правительствъ съ общественнымъ мнѣніемъ и на значительность успѣха, добытаго врагами Россіи (неутомимо, въ теченіи десятка лѣтъ, возбуждавшими противъ нея умы въ Германіи), Тютчевъ продолжаетъ: „Эту самую державу, которую великое поколѣніе 1813 года привѣтствовало съ такою восторженною благодарностью, — державу, которой вѣрный союзъ и дѣятельная, безкорыстная дружба не измѣнили ни разу, впродолженіи 30 лѣтъ, ни народамъ, ни государямъ Германіи, удалось“, въ понятіяхъ большинства людей настоящаго поколѣнія, обратить „въ какое-то пугало, такъ что многіе возмужалые умы нашей эпохи не усомнились вернуться вспять, къ невинному слабоумію младенческаго возраста, дабы имѣть удовольствіе взирать на Россію, какъ на сказочнаго людоѣда XIX вѣка (*)“... „Конечно, если бы только подозрѣвали у Нѣмцевъ, какъ мало чувствительны для Россіи всѣ эти бѣшеныя нападки, можетъ быть даже самые ярые ея противники призадумались бы“; но рѣчь идетъ не о Россіи, а о Германіи. Какихъ послѣдствій можетъ ожидать для себя Германія отъ подобнаго, враждебнаго Россіи настроенія мыслей? Куда приведутъ Германію эти фанатичные умы, двигая дѣло все далѣе и далѣе въ направленіи самомъ противоположномъ политикѣ Нѣмецкихъ правительствъ? „Продолжая толковать о Германскомъ единствѣ,—говоритъ Тютчевъ, — со взорами постоянно обращенными къ Германіи, они незамѣтно, такъ сказать пятясь, приблизятся къ роковому скату, къ скату пропасти, въ которую Германія уже неоднажды ниспровергалась“.

Затѣмъ Тютчевъ вкратцѣ обрисовываетъ внѣшнюю исторію Германіи. Уже-

(*) ...qui depuis trois siècles ne se lasse pas de lui faire gagner tous les procès, dans les quels elle a successivement engagé ses mystérieuses destinées.

(*) ...et bien des intelligences viriles de notre époque n'ont pas hésité a retrograder jusqu'à la candide imbécillité du premier âge pour se donner la satisfaction de voir dans la Russie l'ogre du XIX siècle.

ли, спрашиваетъ онъ, это роковое стремленіе къ саморазрушенію (déchirement) подобно фениксу, призвано возрождаться во всѣ великія эпохи вашего отечества? „Это стремленіе, которое разразилось въ средніе вѣка нечестивымъ и антихристіанскимъ поединкомъ между іерархіею и имперіей, которое вызвало эту убійственную войну князей съ императорами, которое, ослабѣвъ на время при всеобщемъ изнуреніи Германіи, вновь окрѣпло и разцвѣло благодаря Реформаціи и, воспринявъ отъ нея окончательную форму и какъ бы законное посвященіе (comme une conjuration légale), принялось за дѣло съ бо̀льшимъ чѣмъ когда-либо рвеніемъ, становясь подъ каждое знамя, признавая каждое притязаніе,—всегда одно и тоже подъ различными именами, пока наконецъ, дойдя до рѣшительнаго кризиса 30-ти лѣтней войны, призвало оно къ себѣ на помощь сначала иноземца—Швецію, потомъ пріобщило къ себѣ окончательно врага — Францію, и довершило со славою, менѣе чѣмъ въ два вѣка, свое смертоносное призваніе“... „Съ конца среднихъ вѣковъ—продолжаетъ онъ—Франція не переставала рости, и съ той же самой поры Германская имперія, благодаря религіознымъ распрямъ, вступила въ свой послѣдній періодъ, періодъ своего законнаго распаденія (sa désorganisation légale): даже побѣды, вами одержанныя, оставались безплодными для васъ, потому что не могли остановить внутренняго разложенія... При Людовикѣ XIV, не смотря на неудачи великаго короля, Франція восторжествовала; ея вліяніе вполнѣ поработило Германію; наконецъ настала Революція, которая, исторгнувъ изъ Французской національности всѣ до послѣдняго отпрыски ея Германскаго происхожденія и сродства, и возвративъ Франціи ея исключительно Романскій характеръ, начала противъ Германіи, противъ самаго принципа ея существованія, послѣднюю борьбу, борьбу на смерть... И именно въ тотъ мигъ, какъ вѣнчанный солдатъ этой Революціи разыгрывалъ пародію на имперію Карла Великаго, вынуждая народы Германіи, къ вящему ихъ униженію, принимать участіе въ этой пародіи,—въ тотъ именно мигъ совершился переворотъ, и все измѣнилось“...

Какой же результатъ переворота? „Истекшія 30 лѣтъ (съ 1814 по 1844 г.) конечно должны быть причтены къ самымъ лучшимъ во всей Германской исторіи; *въ продолженіи уже многихъ вѣковъ не принадлежала самой себѣ Германія* въ такой полной степени, не сознавала себя столь *единою, собою самой;* много вѣковъ не занимала она, относительно своей вѣчной соперницы, такого твердаго, такого сильнаго положенія... Жители прирейнскіе вновь Германцы и сердцемъ, и душою; Бельгія, которую послѣднее Европейское потрясеніе, казалось, кинуло въ объятія Франціи, остановилась на краю, и очевидно на обратной дорогѣ къ вамъ... Голландія рано или поздно не можетъ не примкнуть къ вамъ. Таковъ конечно исходъ великаго поединка, длившагося въ теченіи двухъ вѣковъ; вы вполнѣ восторжествовали, за вами осталось послѣднее слово“...

Но однако, какимъ же образомъ совершился такой громадный переворотъ? Кѣмъ? Что̀ было ему причиной?... „Причиной ему было появленіе на полѣ битвы Европейскаго Запада третьей силы,—*а эта третья сила была цѣлый міръ...*“

Вотъ что̀ затѣмъ говоритъ Тютчевъ о Россіи:

«... Въ наше время она стала предметомъ пламеннаго, тревожнаго любопытства; очевидно, она сдѣлалась одною изъ главнѣйшихъ заботъ вѣка; но эта загадка,

надобно въ томъ сознаться... скорѣе *гнететъ его*, чѣмъ возбуждаетъ. И оно не могло быть иначе. Современная мысль, дѣтище Запада, чувствуетъ себя здѣсь передъ стихіей если не враждебной, то все же вполнѣ ей чуждой, отъ нея не зависимой, и какъ будто боится уронить собственное достоинство, подвергнуть сомнѣнію собственную свою законность, если признàетъ вполнѣ законность поставленнаго предъ нею вопроса, если серьезно и добросовѣстно потщится его понять и рѣшить... Чтò такое Россія? Гдѣ причина ея бытія, ея историческій законъ? Откуда взялась она? Куда идетъ? Чтò выражаетъ собою? Правда, міръ отвелъ ей видное мѣсто подъ солнцемъ, но философія исторіи еще не соблаговолила назначить ей мѣсто.... Долго послѣ открытія Америки люди стараго свѣта отказывались вѣрить въ существованіе новаго материка и упорствовали въ мнѣніи, что вновь открытыя страны составляютъ лишь дополненіе, продолженіе извѣстнаго имъ полушарія. «Такова же была судьба—продолжаетъ Тютчевъ—и тѣхъ понятій, которыя сложились въ Западной Европѣ объ этомъ другомъ Новомъ Свѣтѣ, ***Европѣ Восточной, которой Россія искони была душою, двигателемъ, и которой она призвана была дать свое славное имя***, въ награду за историческое бытіе, уже данное ею этому свѣту или *имъ отъ нея ожидаемое*... Цѣлые вѣка Европейскій Западъ съ полнѣйшимъ простодушіемъ вѣрилъ, что не было и быть не могло никакой другой Европы кромѣ его. Правда, ему было извѣстно, что за его предѣлами существовали еще народы и государства, называвшія себя христіанскими; во времена своего могущества онъ даже захватывалъ края этого безымяннаго міра, даже отторгъ нѣсколько клочковъ, и кое-какъ внѣдрилъ ихъ въ себя, извращая, подавляя ихъ національный характеръ (*)... Но чтобы внѣ этихъ крайнихъ предѣловъ существовала другая Европа, Европа Восточная, сестра вполнѣ законная христіанскаго Запада, христіанская какъ и онъ; правда, не феодальная и не іерархическая, но потому самому еще болѣе искренно-христіанская (plus intimement chrétienne); чтобъ былъ тамъ *цѣлый міръ, единый по своему началу*, солидарный въ своихъ частяхъ, живущій своею собственною, органическою, своеобразною жизнью: вотъ чего допустить было невозможно, вотъ въ чемъ бы многимъ хотѣлось усомниться даже и въ наши дни... Долгое время это заблужденіе было извинительно; созидательная сила была какъ бы схоронена въ хаосѣ... Но наконецъ... рука исполина сдернула завѣсу, и Европа Карла Великаго очутилась лицомъ къ лицу съ Европой Петра Великаго»...

(*) Тютчевъ разумѣетъ здѣсь Западныхъ Славянъ.

Затѣмъ—прибавляетъ Тютчевъ—все уяснилось: „уяснилась и причина этого необычайнаго расширенія Россіи, такъ изумившаго вселенную; стало понятнымъ, что

эти мнимыя завоеванія, мнимыя насилія были дѣломъ самымъ органическимъ, самымъ законнымъ, какое когда-либо совершалось въ исторіи: это просто было громадное *возстановленіе* (restauration). Понятно также, почему погибли и исчезли постепенно отъ ея руки всѣ встрѣченныя ею на своемъ пути: неправильныя тяготѣнія, власти и учрежденія, *измѣнившія великому началу*, котораго она была представительницею; *почему Польша должна была погибнуть,—не своеобразность ея Польской племенной особенности*, чего Боже сохрани! (non pas l'originalité de sa race polonaise), но *та ложная цивилизація, та ложная національность*, которая была ей привита.

Замѣчательны слѣдующія строки о Восточномъ вопросѣ:

Съ этой также точки зрѣнія всего лучше можно будетъ оцѣнить истинное

значеніе того, что̀ называется *Восточнымъ вопросомъ,* который стараются выдать за неразрѣшимый, именно потому, что всѣ уже давно провидѣли его *неизбѣжное разрѣшеніе.* Въ самомъ дѣлѣ остается только узнать, обрѣтетъ ли Восточная Европа, *уже на три четверти сложившаяся,*—эта *истинная Имперія Востока, для которой — первая Имперія Византійскихъ кесарей, древнихъ православныхъ царей, была только слабымъ и неполнымъ предначертаніемъ,—обрѣтетъ или нѣтъ Восточная Европа свое послѣднее, необходимѣйшее дополненіе,*—добудетъ ли она его естественнымъ ходомъ событій, или будетъ вынуждена добывать его силою оружія, подвергая міръ величайшимъ бѣдствіямъ.

Здѣсь уже обрисовывается то понятіе автора объ Россіи, которое полнѣе и прямѣе высказано имъ въ позднѣйшихъ статьяхъ. Такимъ образомъ еще въ 1844 году, еще пребывая въ Германіи, ни мало не стыдясь Европейскаго общественнаго мнѣнія, Тютчевъ смѣло исповѣдуетъ предъ Нѣмцами свою завѣтную думу. Онъ, не обинуясь, раскрываетъ предъ ними идею и значеніе Россіи, называетъ ее Восточной Европой,—цѣлымъ міромъ, къ которому очевидно причисляетъ и все западное Славянское племя, потому что обвиняетъ Западъ въ присвоеніи себѣ частей этого „міра“ и въ подавленіи ихъ національности. Онъ называетъ расширеніе Россіи только *возстановленіемъ*, еще неполнымъ, еще только на три четверти совершившимся. Но возстановленіемъ чего?.. Такой Восточной Имперіи, которой Византійская служила только первоначальнымъ, недостаточнымъ абрисомъ... Онъ признаетъ только одно возможное рѣшеніе Восточнаго вопроса, и высказываетъ это мимоходомъ, тономъ убѣжденія, не допускающимъ даже и спора...

„Такъ вотъ какова была та третья сила—продолжаетъ Тютчевъ въ письмѣ своемъ къ Кольбу,—появленіе которой на театрѣ событій рѣшило вѣковой поединокъ Европейскаго Запада. Одно появленіе Россіи въ Нѣмецкихъ рядахъ возстановило въ нихъ единство, а единство доставило имъ побѣду... Со времени установившагося вмѣшательства Востока въ дѣла Запада, все измѣнилось въ Европѣ: до тѣхъ поръ васъ было двое, а теперь насъ трое!“...

Такое положеніе дѣлъ создаетъ, по мнѣнію Тютчева, три единственно-возможныя рѣшенія: или *Германія, въ качествѣ вѣрной союзницы Россіи, сохранитъ* преобладаніе въ центрѣ Европы; или это преобладаніе перейдетъ къ Франціи... но это было бы вѣрною гибелью для Германіи; или же Германія въ союзѣ съ Франціею—противъ Россіи... Но эта комбинація была уже испробована въ 1812 г. и, какъ извѣстно, имѣла мало успѣха. Къ тому же всякое сближеніе Германіи съ Франціей ведетъ къ возстановленію Рейнской конфедераціи, или къ уступкѣ Франціи части Нѣмецкой земли. Однимъ изъ главныхъ двигателей Іюльской революціи, тогда еще свѣжей памяти, Тютчевъ называетъ желаніе возмездія со стороны Франціи, стремленіе возстановить то преобладаніе на Западѣ, которымъ она такъ долго пользовалась, и которое, благодаря Россіи, перешло въ руки Нѣмцевъ. „Что было бы, говоритъ онъ, если-бъ новое Французское правительство, всякой разъ какъ оно кидало взоры за предѣлы Германіи, не встрѣчало на престолѣ Россіи постоянно одну и туже твердую и рѣшительную постать (attitude), ту же осторожность, ту же холодность, ту же незыблемую вѣрность установленнымъ союзамъ и принятымъ обязательствамъ?“ При этомъ Тютчевъ напоминаетъ Нѣмцамъ, что еще недавно, когда Тьеръ

вздумалъ было возместить на Германіи свою дипломатическую неудачу на Востокѣ и когда вся Германія взволновалась и запѣла Rheinlied, то быстрому отступленію предъ сей юною Нѣмецкою патріотическою пѣсенью соперницы ея, старой Французской *марсельезы*, другими словами—быстрой, благопріятной для Нѣмцевъ перемѣнѣ Французской политики, немало способствовало одно обстоятельство, очень хорошо извѣстное въ Парижѣ, но умалчиваемое Нѣмецкою печатью. „Это обстоятельство заключалось въ объявленіи Русскаго кабинета, что при первомъ проявленіи враждебности со стороны Франціи, 80,000 Русскаго войска двинутся на помощь Германской независимости, а чрезъ 6 недѣль за ними послѣдуетъ еще 200 тысячь (*). И тѣмъ не менѣе Нѣмецкіе публицисты продолжаютъ злобствовать на Россію!"

Положеніе Германіи, очерченное Тютчевымъ, три политическія комбинаціи, имъ указанныя, не измѣнились и понынѣ, не смотря на всѣ громадные перевороты истекшихъ 30 лѣтъ. Многовѣковую тяжбу между Франціей и Германіей можно считать проигранною Французами, но кто отважится признать ее вполнѣ разрѣшенною и сданною въ архивъ? По крайней мѣрѣ Нѣмцы еще не расположены считать Францію окончательно сошедшею съ поприща, и недавно произнесенная графомъ Мольтке рѣчь въ Прусскомъ парламентѣ о необходимости для Пруссіи имѣть всегда подъ рукою готовую грозную, военную силу, доказываетъ явное опасеніе, что поединокъ съ Франціей можетъ со временемъ и возобновиться... Не смотря на величавость новаго политическаго зданія Германской Имперіи, это зданіе, какъ торжественно засвидѣтельствовалъ о томъ предъ всѣмъ міромъ Германскій императоръ, вслѣдъ за принятіемъ имъ императорской короны (въ своей телеграммѣ къ Императору Александру II), — это зданіе обязано появленіемъ своимъ на свѣтъ Божій единственно политическому содѣйствію Россіи. Германская Имперія и въ настоящую пору сильна только въ союзѣ съ Россіей,—не потому, чтобы Германія не въ состояніи была справиться одна съ Франціей, но потому, что, при участіи Россіи въ спорѣ между этими двумя державами Запада, Россіи одной принадлежитъ рѣшеніе спора въ пользу той или другой стороны.

Во имя чего же,—спрашиваетъ Тютчевъ, — приняла Россія (въ 1813 году) сторону Германіи? „Во имя исторической *правды*, для того, чтобы разъ на всегда утвердить торжество права, исторической законности надъ революціоннымъ образомъ дѣйствій (elle a voulu donner gain de cause un fois pour toutes au droit, à la légitimité historique sur le procédé révolutionnaire)". Почему же ей это нужно? Потому, что „историческая правда—это ея собственное знамя, ея собственный интересъ, интересъ ея будущности: законности исторической требуетъ Россія для себя и для своихъ". Тютчевъ, конечно, под-

(*) Въ статьѣ г-на Léon Boré, напечатанной въ 1873 году и упомянутой нами выше, статьѣ, направленной противъ Тьера, въ обличеніе его прежнихъ воинственныхъ замысловъ относительно Германіи (въ этихъ замыслахъ Французы винятъ теперь одного только Наполеона III),—приводятся подлинныя слова Тютчева, сказанныя автору въ 1843 году, именно объ этомъ заявленіи Императора Николая. Вѣроятно, это былъ дипломатическій секретъ, противъ обыкновенія мало огласившійся, потому что Léon Boré придаетъ такому «сообщенію» (confidence) Тютчева большую важность и считаетъ его знакомъ особаго къ себѣ довѣрія.

разумѣваетъ здѣсь между прочимъ законность правъ Россіи по отношенію къ Востоку...

„Вы заняты—съ такими словами обращается Тютчевъ къ Нѣмцамъ—заняты вотъ уже нѣсколько лѣтъ великимъ вопросомъ объ единствѣ Германіи. Не всегда такъ было, вы это знаете сами. Я уже давно живу между вами и могу съ точностью означить эпоху, когда этотъ вопросъ впервыя сталъ волновать умы... Забота, конечно, похвальная, безспорно законная, но происхожденія недавняго“... „Правда, Россія никогда не проповѣдывала единства Германіи, но въ теченіи тридцати лѣтъ сряду не переставала и не перестаетъ внушать Германіи единеніе, согласіе, взаимную довѣренность, подчиненіе частныхъ интересовъ великому дѣлу общаго интереса“...

Утверждаютъ, что Русское вліяніе всего болѣе мѣшаетъ развитію въ Германіи конституціоннаго образа правленія; но „не безразсудно-ли—возражаетъ на это Тютчевъ — стараться выдавать Россію за систематическаго противника той или другой правительственной системы? И какъ бы она могла стать тѣмъ, что̀ она есть, и достичь такого значенія въ мірѣ, съ подобною узкостью понятій? Конечно, она всегда энергически подавала голосъ въ пользу честнаго сохраненія учрежденій уже существующихъ и принятыхъ обязательствъ“... Затѣмъ, можетъ-быть, по ея мнѣнію, было бы едвали и благоразумно, въ интересѣ самаго единства Германіи, допускать въ ней развитіе парламентаризма до той же силы преимуществъ, какою онъ пользуется въ Англіи или во Франціи: „задача единства сдѣлалась бы неразрѣшимою въ Германіи—раздробленной полдюжиною полновластныхъ парламентскихъ трибунъ“.

Доискиваясь какой либо разумной причины ненависти Нѣмцевъ къ Россіи, и не находя ни одной, Тютчевъ говоритъ:

Я знаю, что въ крайнемъ случаѣ найду безумцевъ, которые самымъ серьезнымъ образомъ скажутъ мнѣ: «Мы должны васъ ненавидѣть; ваше основное начало, начало вашей цивилизаціи внушаетъ намъ Нѣмцамъ, намъ западникамъ, отвращеніе: у васъ не было ни *феодализма*, ни *папской іерархіи;* вы не пережили ни *борьбы между имперіей и папскимъ престоломъ*, ни *религіозныхъ войнъ*, ни даже *инквизиціи:* вы не принимали участія въ крестовыхъ походахъ; вы не знавали рыцарства; вы четыре столѣтія тому назадъ обрѣли то единство, къ которому мы еще стремимся; ваше основное начало не удѣляетъ достаточнаго простора личной свободѣ, оно мало допускаетъ разъединеніе и раздробленіе». Все это такъ. Но воспрепятствовало ли все это намъ пособлять вамъ при случаѣ, когда требовалось *отстоять*, возстановить вашу политическую самостоятельность, вашу національность?.

„Умѣйте же уважать и нашу національность,—такъ прибавляетъ Тютчевъ, уважать ее въ ея единствѣ и силѣ, и при всѣхъ нашихъ недостаткахъ, которыми мы не богаче другихъ. Враждебное къ Россіи расположеніе умовъ въ Германіи представляетъ опасность—не для Россіи, конечно, а для самой Германіи...“

Нельзя не признать, что съ появленіемъ этой статьи Тютчева *впервыя* раздался въ Европѣ твердый и мужественный голосъ Русскаго общественнаго мнѣнія. Никто, никогда, изъ частныхъ лицъ въ Россіи еще не осмѣливался говорить прямо съ Европою такимъ тономъ, съ такимъ достоинствомъ и свободой. Это мужество, эту силу почерпнулъ Тютчевъ, конечно, не изъ отечественной своей среды, а изъ себя самого,—изъ того народнаго самосознанія, которое носилъ и выработалъ въ себѣ за гра-

ницей. Онъ на чужбинѣ явился *передовымъ Русскимъ*—даже для Русскихъ въ самой Россіи...

Взглядъ Тютчева на Германское единство, выраженный въ 1844 году, покажется читателямъ, можетъ-быть, ошибочнымъ, во всякомъ случаѣ не оправданнымъ событіями... Мы не станемъ его здѣсь ни защищать, ни опровергать, потому что онъ изложенъ подробнѣе въ другихъ статьяхъ Тютчева, къ которымъ и переходимъ.

Вторая, слѣдующая по порядку статья — есть та „записка поданная Императору Николаю о положеніи Европы послѣ Февральской революціи“, которая была написана въ Апрѣлѣ 1848 г., напечатана въ 1849 г. въ Парижѣ особой брошюрой барономъ Бургуаномъ, и помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года, тетрадь 5-я подъ заглавіемъ: „Россія и Революція“.

Многимъ, конечно, памятно то потрясающее дѣйствіе, которое произвела на умы,—не только въ Европѣ, но даже и среди русскаго общества,—Февральская революція, разразившаяся какъ громъ изъ яснаго неба. Революціонное пламя быстро обхватило всю Западную Европу; будто вихремъ снесло тотъ политическій распорядокъ, въ которомъ жила и двигалась Европа, послѣ 1814 года, подъ опекой Священнаго Союза; ревъ пожара, клики мятущихся, гамъ восторговъ и проклятій,—все это вскорѣ слилось въ одинъ общій гулъ вражды, ненависти, злобы къ Россіи, неистовой хулы и угрозъ. Никто изъ энтузіастовъ Февральской революціи не предвидѣлъ въ то время, что она разрѣшится для Франціи цезаризмомъ самаго сквернаго качества, а расшатавшаяся политическая система приведетъ среднюю Европу, цѣлымъ рядомъ послѣдовавшихъ событій, къ утратѣ пресловутаго политическаго равновѣсія—къ гегемоніи Пруссіи,—къ Бисмарку. Февральскій мятежъ сильно возбудилъ и подвигъ все нравственное существо Тютчева, и какъ поэта, и какъ мыслителя, и какъ Русскаго постоянно созерцавшаго, въ своихъ думахъ, будущія судьбы Россіи;—но онъ не удивилъ его, не измѣнилъ его взглядовъ и мнѣній, а напротивъ явился для него новымъ свидѣтельствомъ, новымъ подтвержденіемъ въ пользу его выводовъ и гаданій. Онъ, какъ мы знаемъ, уже съ 1830 года, послѣ знаменитыхъ Іюльскихъ дней, предсказывалъ логическую неизбѣжность новыхъ насильственныхъ переворотовъ. Какъ въ статьѣ о Революціи, такъ и въ другой статьѣ „о Римскомъ вопросѣ и папствѣ“, связанной съ первою органически, писанной почти одновременно, однимъ пошибомъ пера, выступаетъ наружу замѣчательная способность Тютчева: усматривать въ отдѣльномъ явленіи, въ данномъ внѣшнемъ событіи, его внутренній, сокровенный, міровой смыслъ. Откидывая внѣшнія частности, онъ въ каждой заботѣ текущаго дня обращается мыслью назадъ, къ ея историческимъ основамъ, ищетъ и отыскиваетъ въ случайномъ и временномъ вопросъ *пребывающій*, — роковой, какъ онъ выражается. Вотъ и причина, почему его политическія статьи, хотя и вызваны событіями, которымъ минуло болѣе четверти вѣка, нисколько не утрачиваютъ значенія современности. Въ срокѣ и способѣ разрѣшенія поставленныхъ Тютчевымъ вопросовъ ему приходилось нерѣдко и ошибаться; въ этомъ отношеніи поэтъ бралъ перевѣсъ надъ мыслителемъ, и вѣрныя соображенія строгой отвлеченной мысли нерѣдко, относительно времени и формы воплощенія, переходили въ поэтическія мечтанія. Такъ онъ ждалъ разрѣшенія „роковымъ“ вопросамъ и въ 1849 году, и въ 1854,—отсрочивалъ дальше, и не дождался разрѣшенія. Но повторяемъ:

время не упразднило самихъ вопросовъ, а многіе изъ нихъ поставило еще рѣзче.

Обѣ статьи — слово, обращенное къ Западной Европѣ, а не къ Россіи, и слово съ властью, вызвавшее къ себѣ вниманіе въ Западной Европѣ, обыкновенно тугой на ухо для Русской литературной рѣчи. Особенно въ то время мало была она расположена слушать голоса изъ Россіи. Впрочемъ, этихъ голосовъ вовсе и не раздавалось: голосъ Тютчева былъ первый и въ ту пору единственный, возвѣстившій Европѣ Русскую мысль, Русскую точку зрѣнія. Явленіе для нея неслыханное; но года черезъ два, по поводу возбужденной Тютчевымъ полемики, раздалось и еще слово, — слово Хомякова, въ цѣломъ рядѣ брошюръ богословскаго содержанія, еще глубже раскрывшее духовную сущность Запада, съ ея религіозной стороны, и до сихъ поръ еще не достаточно оцѣненное, не только на Западѣ, но и стыдно сказать—въ самой православной Россіи, блюстителями ея православія...

Блистательное изложеніе Тютчева, конечно, много теряетъ въ Русскомъ переводѣ, но мы имѣемъ дѣло не съ достоинствомъ его Французской прозы, а съ его Русскою мыслью.

Свою статью о Россіи и Революціи, Тютчевъ начинаетъ прямо слѣдующимъ положеніемъ: „Уже съ давнихъ поръ въ Европѣ только двѣ дѣйствительныя силы, двѣ истинныя державы: Революція и Россія (deux *puissances* réelles). Онѣ теперь сошлись лицомъ къ лицу, а завтра можетъ быть схватятся. Между тою и другою не можетъ быть ни договоровъ, ни сдѣлокъ. Что для одной жизнь—для другой смерть. Отъ исхода борьбы, завязавшейся между ними, величайшей борьбы, когда-либо видѣнной міромъ, зависитъ на многіе вѣки вся политическая и религіозная будущность человѣчества... Это соперничество бьетъ теперь всѣмъ въ глаза,—но не смотря на то, такова несмысленность вѣка притупленнаго мудрованіемъ (telle est l'inintelligence d'un siècle hébété par le raisonnement), что современное поколѣніе, въ виду такого громаднаго факта, далеко еще не сознало его настоящаго значенія и его причинъ. Ему искали разъясненія въ соображеніяхъ политическихъ; пытались истолковать различіемъ понятій, чисто человѣческихъ, о благоустройствѣ... Нѣтъ. Противоборство Революціи съ Россіей исходитъ изъ причинъ несравненно болѣе глубокихъ; вотъ онѣ въ двухъ словахъ“... Приводимъ это мѣсто вполнѣ:

Россія прежде всего держава христіанская; Русской народъ христіанинъ, не въ силу только православія своихъ вѣрованій (l'orthodoxie de ses croyances), но еще въ силу того, что̀ еще задушевнѣе вѣрованія (mais encore par quelque chose de plus intime encore que la croyance). Онъ христіанинъ—по той способности къ самоотверженію и самопожертвованію, которая составляетъ какъ бы основу его нравственной природы. Революція же, прежде всего, врагъ христіанства. Антихристіанскимъ духомъ одушевлена Революція: вотъ ея существенный, ей именно свойственный характеръ. Наружныя формы, въ которыя она отъ времени до времени облекалась, лозунги, которые попеременно усвоивала, все, даже ея насилія и преступленія, все это придатокъ или случайность. Но что̀ не придатокъ и не случайность — это антихристіанское начало, ее вдохновляющее; оно-то (нельзя же этого не признать) и доставило ей такое грозное господство надъ міромъ. Тотъ, кто этого не разумѣетъ, не болѣе какъ слѣпецъ, шестьдесятъ лѣтъ присутствующій при зрѣлищѣ, представляемомъ вселенной.

Человѣческое *я*, хотящее зависѣть только отъ самого себя, не признающее, не

принимающее никакого инаго закона, кромѣ собственнаго изволенія,—человѣческое *я*, однимъ словомъ, поставляющее себя вмѣсто Бога,—явленіе конечно не новое межъ людьми,—но что было ново—это самовластіе (absolutisme) человѣческаго *я*, возведенное на степень волитическаго и соціальнаго права, и его притязаніе, въ силу такого права, овладѣть человѣческимъ обществомъ. Эта-то новизна и назвалась въ 1789 году Французскою Революціей (*).

Съ тѣхъ поръ, продолжаетъ Тютчевъ, „Революція, не смотря ни на какія метаморфозы, осталась вѣрна своей природѣ; но никогда не чувствовала она себя въ такой степени самой собою, такъ искренно проникнутою антихристіанскимъ духомъ, какъ именно тогда, когда присвоила себя лозунгъ христіанъ: *братство*. Если прислушаться къ тѣмъ наивно-богохульнымъ разглагольствованіямъ, которыя сдѣлались, такъ сказать, офиціальнымъ языкомъ эпохи, можно было бы подумать, что новая Французская республика для того только и явилась въ мірѣ, чтобъ выполнить евангельскій законъ. Она даже прямо приписываетъ себѣ такое призваніе, только съ небольшимъ измѣненіемъ, оговореннымъ Революціей; именно: на мѣсто духа смиренія и самоотреченія—въ чемъ самая сущность христіанства—она водворяетъ духъ гордости и преобладанія; на мѣсто любви (charité) свободной и добровольной — любовь вынужденную; взамѣнъ братства, проповѣдуемаго и воспринимаемаго во имя Бога, — братство, насильственно налагаемое страхомъ къ народу-владыкѣ“...

Февральскій взрывъ, по словамъ Тютчева, оказалъ великую услугу тѣмъ, что сокрушилъ призраки, окутывавшіе дѣйствительность. Ясно стало всѣмъ, что „исторія Европы за послѣдніе тридцать три года была лишь долгою мистификаціей.“ Кто же не понимаетъ теперь, продолжаетъ Тютчевъ, „какъ смѣшны были притязанія этой мудрости вѣка, которая пренаивно вообразила, что ей уже совсѣмъ удалось смирить Революцію конституціонными заклинаніями (par l'exorcisme constitutionnel), — обуздать ея страшную энергію формулами законности? Кто же можетъ еще сомнѣваться въ томъ, что, какъ скоро принципъ революціонный проникъ въ кровь и плоть общества,—всѣ эти сдѣлки не что иное какъ наркотическія средства, способныя, пожалуй, на время усыпить больнаго, но не останавливающія хода самой болѣзни? Вотъ почему Революція не только поглотила Реставрацію, лично ей ненавистную, но не стерпѣла и другаго правительства, отъ нея же исшедшаго, которое она хотя и признала въ 1830 году, взявъ его въ кумовья себѣ предъ Европой (pour lui servir de compère vis-à-vis de l'Europe), но которое тотчасъ же сокрушила, какъ скоро оно, вмѣсто того чтобъ служить ей, возмечтало надъ нею властвовать.“

Только Русская мысль, говоритъ Тютчевъ, поставленная внѣ революціонной среды, въ состояніи судить здраво о совершающихся событіяхъ.

Этотъ взглядъ на Революцію, не какъ на случайный взрывъ, объясняемый злоупотребленіями власти, а какъ на нравственный фактъ общественной совѣсти, обличающій внутреннее настроеніе человѣческаго духа и оскудѣніе вѣры въ Западной Европѣ, еще полнѣе развитъ у Тютчева въ другой его статьѣ, въ

(*) Приводя эти строки Тютчева, въ своей рецензіи въ Revue des Deux Mondes, Форкадъ, извѣстный Французскій публицистъ, прибавляетъ: Sans adopter dans tous ses points ce jugement, on ne le trouvera peut-être pas denué de profondeur, et n'était que m-r de Maistre professait une autre opinion sur l'orthodoxie, il n'eut point autrement parlé. Boré, въ своей статейкѣ, также выписываетъ эти строки, какъ «особенно замѣчательныя». Очевидно, что Французамъ эта точка зрѣнія казалась совершенно новою.

связи съ истолкованіемъ папства. Мы еще возвратимся къ этому предмету; здѣсь же замѣтимъ только, что по всей вѣроятности, даже несомнѣнно, сами вожди и дѣятели Революціи въ первое время вовсе не сознавали, какое именно начало полагалось ими въ основаніе сооружаемаго ими зданія. Они еще простодушно вѣрили въ зиждительную способность Революціи и думали построить прочныя учрежденія изъ элементовъ отрицанія и разрушенія, замѣняя органическій процессъ жизни деспотическимъ революціоннымъ процессомъ. Только позднѣе сложилось цѣлое революціонное ученіе, исповѣдующее революцію, не какъ средство, а какъ принципъ,—революцію ради революціи, возводящее ее въ догматъ и законное право человѣческой свободы, другими словами: ученіе, разнуздывающее личную волю, призывающее ее обоготворить себя самоё какъ истину, и рѣшать вопросъ объ истинѣ насиліемъ. Въ настоящее время восторженное поклоненіе Революціи 1789 года начинаетъ проходить и у Французовъ; они подвергаютъ изслѣдованію нравственную, духовную сторону этого событія, но, какъ Кинэ напримѣръ, путаются въ противорѣчіяхъ, не доискиваясь или не желая видѣть настоящей причины. Заслуга Тютчева въ томъ, что онъ ранѣе другихъ постигъ Революцію, взглянулъ на нее не какъ на практическій фактъ, а какъ на явленіе человѣческаго духа, разоблачилъ внутреннюю логику ея процесса, безошибочно предсказалъ ея дальнѣйшія превращенія и послѣдствія, и мужественно провозгласилъ свое сужденіе во всеуслышаніе всей Европы, не смущаясь опасеніемъ прослыть за человѣка нелиберальныхъ и ретроградныхъ мнѣній, поборника деспотизма и т. д. Впрочемъ такое обвиненіе могло бы исходить только изъ рядовъ нашихъ Русскихъ доморощенныхъ либераловъ: въ Европѣ никому и въ голову не пришло заподозрить автора въ сочувствіи къ деспотизму. Не можемъ также не обратить вниманія на вышеприведенныя слова Тютчева о христіанствѣ въ Русскомъ народѣ: они служатъ комментаріемъ къ его позднѣйшимъ стихамъ о „родномъ краѣ долготерпѣнья“:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что̀ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной...

Вторая часть статьи Тютчева: „Революція и Россія“ относится къ Нѣмцамъ и къ Западному Славянству. По поводу успѣха революціонныхъ идей въ Германіи, Тютчевъ говоритъ, что „шестьдесятъ лѣтъ отрицательной философіи совершенно разрушили въ ней всѣ христіанскія вѣрованія и развили, въ этой пустотѣ безвѣрія (ce néant de toute foi), чувство революціонное по преимуществу: умственную гордость,—такъ что эта язва времени, въ настоящую минуту, можетъ быть нигдѣ такъ не глубока, такъ не ядовита, какъ въ Германіи.“ Партія революціонная съумѣла воспользоваться такою почвой, и 18 лѣтъ происковъ и подкоповъ достигли своей цѣли. Вслѣдъ за Февральской Французской революціей, явила зрѣлище революціи и Германія. „Едва-ли это не безпримѣрный въ исторіи фактъ, остроумно замѣчаетъ Тютчевъ, видѣть, какъ цѣлый народъ промышляетъ чужимъ добромъ, заимствованнымъ у другаго народа и въ ту самую минуту, какъ этотъ послѣдній предается самымъ крайнимъ неистовствамъ“ (*).

(*) Подлинникъ въ этомъ мѣстѣ почти непереводимъ: c'est peut-être un fait sans précédent dans l'histoire, que de voir tout un peuple *se faisant le plagiaire d'un autre,* au moment même où il se livre à la violence la plus effrénée.

Какое же истинное побужденіе и оправданіе всѣхъ этихъ очевидно искусственныхъ волненій, низвергшихъ въ настоящую минуту весь строй Германіи? чѣмъ внушены они, спрашиваетъ Тютчевъ. Сошлются конечно на всеобщее, искреннее желаніе *Германскаго единства*. Но, возражаетъ онъ, не путемъ Революціи можетъ осуществиться это единство. Во первыхъ, „въ современномъ обществѣ нѣтъ такого стремленія, такой потребности (какъ бы искренна и законна она ни была), которую бы Революція не исказила, овладѣвая ею, не обратила въ ложь, а это именно и случилось съ вопросомъ объ единствѣ Германіи: всякому зрячему ясно, что путь, которымъ пошла Германія отыскивая рѣшенія задачи, приведетъ не къ единству, а къ страшному раздору, къ какой-нибудь окончательной неисправимой катастрофѣ.“ Тютчевъ указываетъ на господствующую повсюду анархію, и прибавляетъ: „Нужно обладать тѣмъ особеннымъ родомъ тупоумія (inéptie), свойственнымъ Нѣмецкимъ идеологамъ, для того, чтобъ недоумѣвать: имѣетъ ли это скопище журналистовъ, адвокатовъ и профессоровъ во Франкфуртѣ, задавшееся призваніемъ возобновить времена Карла Великаго (à recommencer Charlemagne), какую-либо вѣроятность успѣха въ предпринятомъ ими дѣлѣ,—удастся ли имъ на этой колеблющейся почвѣ возстановить низвергнутую пирамиду, поставивъ ее острымъ концомъ внизъ?“

„Во вторыхъ—продолжаетъ Тютчевъ—вопросъ уже не въ томъ, сольется ли Германія во едино, а въ томъ: удастся-ли ей спасти какую нибудь частицу своего національнаго существованія. Республиканская партія одержала уже значительный успѣхъ, и „Нѣмцы не замѣчаютъ, что она имѣетъ за себя логику, *а за собою Францію*.“ Нѣмцы не догадываются, что въ глазахъ республиканской Германской партіи „*вопросъ о національности не имѣетъ ни смысла, ни значенія. Въ интересахъ своей революціонной задачи, она ни на минуту не поколеблется принести въ жертву независимость своей страны* и завербовать всю Германію подъ знамя Франціи, хотя бы подъ красное знамя... *Она — авангардъ Французскаго нашествія*.“

Не можемъ не остановиться на этихъ строкахъ, написанныхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и такъ мѣтко, безъ всякихъ данныхъ, охарактеризовавшихъ впередъ логическій процессъ революціоннаго духа. Въ то время еще не существовало знаменитаго Интернаціональнаго Общества, которое такъ тщательно вытравливаетъ теперь въ народахъ чувство національности. Послѣдняя война Франціи съ Германіей уже явила ослабленіе во Франціи духа народности и патріотизма; Парижская коммуна провозгласила начало денаціонализаціи (т. е. совлеченія съ себя народности, *обезнародьнья*, если можно такъ выразиться). Конечно въ Германіи до этого еще не дошло,—но нѣтъ сомнѣнія, что соціалисты Германскіе, покуда еще безсильные въ парламентѣ, но съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе завладѣвающіе массами рабочаго люда, несравненно ближе по своимъ симпатіямъ къ Французамъ — коммунарамъ и республиканцамъ крайней лѣвой, чѣмъ къ большинству Германскаго народа. Вспыхни во Франціи снова соціальная революція, она найдетъ себѣ союзниковъ въ Германіи—въ ущербъ пресловутому единству, и оправдаются слова Тютчева, сказанныя въ этой статьѣ: l'anarchie partout, l'autorité nulle part, et tout cela sous le coup d'une France, où bout une révolution sociale, qui ne demande qu'à déborder dans la révolution politique qui travaille l'Allemagne,

Было бы совершенно ложно видѣть въ такомъ отношеніи соціальныхъ партій къ народности — какое-то прогрессивное движеніе къ высшему идеалу общечеловѣческаго единства. Этотъ духовный идеалъ преподанъ христіанствомъ, и путь къ нему въ христіанствѣ и чрезъ христіанство. Для новѣйшихъ же соціалистовъ узы народности также ненавистны, какъ и узы семейныя, какъ и всякія нравственныя узы: ихъ главный врагъ, по ненависти къ которому они всѣ, безъ различія націй, сознаютъ себя братьями—это христіанство. Они всѣ граждане новаго, чаемаго ими міра—антихристіанскаго. Распространеніе такого ученія въ Германіи, во всякомъ случаѣ, не только не содѣйствуетъ упроченію ея политическаго единства, но если только восторжествуетъ, неминуемо приведетъ какъ Германію, такъ и каждую страну, къ утратѣ своей исторической политической индивидуальности.

Тютчевъ и въ этой статьѣ повторяетъ, или вѣрнѣе, опредѣлительно высказываетъ убѣжденіе, что *единственно возможное единство для Германіи*,—для Германіи настоящей, не той, какая измышлена журналами, а *какою создала ее исторія*,—заключалось въ томъ политическомъ устройствѣ, которымъ пользовалась Германія 33 года сряду послѣ войны съ Наполеономъ I-мъ и которое дало ей 33 года мира. Но это устройство и этотъ миръ возможны были только подъ однимъ условіемъ: чтобъ Австрія и Германія крѣпко держались за Россію. . . .

Тютчевъ предсказалъ вѣрно. Миръ Германіи и ея политическое устройство были нарушены, какъ скоро Австрія отстала отъ союза съ Россіей,—за что Австрія и поплатилась потерею своего политическаго первенства въ Германіи, совершеннымъ исключеніемъ изъ Германскаго союза и торжествомъ Пруссіи. Миръ Германіи, ни внѣшній, ни внутренній, не упроченъ. Хотя внѣшній миръ повидимому и обезпечивается тягостнымъ для народа содержаніемъ громадной военной силы, однако какъ Германія, въ лицѣ Пруссіи, такъ и Австрія—настоящимъ обезпеченіемъ мира, снова и по прежнему, считаютъ только союзъ съ Россіей,—что мы и видѣли въ послѣднее время. Намъ могутъ замѣтить, что взглядъ Тютчева на единство Германіи оказался ошибоченъ, что единство ея состоялось и при томъ въ такой политической формѣ, какой Тютчевъ и не предвидѣлъ. Дѣйствительно, въ то время онъ вовсе не предвидѣлъ ни измѣны Австріи относительно Россіи, ни ея послѣдствій—возникновенія той Германской Имперіи, которая теперь олицетворяетъ единство, — но это послѣднее событіе еще не даетъ права считать взглядъ Тютчева ошибочнымъ. Во всякомъ случаѣ такое заключеніе было бы по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ, въ виду борьбы, завязавшейся между Германскимъ правительствомъ и церковью,—борьбы нарушающей внутренній миръ Германіи, вносящей раздоръ между ея протестантскимъ и католическимъ населеніемъ,—борьбы, которой послѣдствія трудно и обнять мысленнымъ взоромъ. Нарушеніе внутренняго мира можетъ повести къ нарушенію мира внѣшняго и той формы національнаго единства, какая создана Бисмаркомъ — съ помощью событій. Съ одной стороны духовный центръ католическаго населенія Германіи не причастенъ интересамъ Германской національности, лежитъ внѣ предѣловъ ея единства, и скорѣе тянетъ вонъ изъ единства, нежели удерживаетъ въ немъ. Съ другой—имперскому правительству, въ своей борьбѣ съ католицизмомъ, приходится опираться на радикальную партію, на радикализмъ господствующій въ умахъ,—однимъ словомъ на начало

антихристіанское—революціонное, анархическое и въ сущности антинаціональное... Тютчевъ видѣлъ въ современномъ единствѣ Германіи—только гегемонію Пруссіи, а потому и не отказывался отъ общихъ основаній своего взгляда, хотя, конечно, уже не сталъ бы предлагать Германіи возвращеніе къ временамъ Германскаго Союза. Кстати привести его стихи, обращенные къ Славянамъ, за нѣсколько лѣтъ до кончины, во время войны Французовъ и Нѣмцевъ:

Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши
Кровь льется, черезъ край и Западъ тонетъ въ ней.
Но не смущайся сердце наше,—
Славянскій міръ, сомкнись тѣснѣй.

Единство, возгласилъ оракулъ нашихъ дней,
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью....
А мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ: что̀ прочнѣй....

Посмотримъ же теперь, что̀ говорилъ поэтъ о Славянствѣ въ своей политической бесѣдѣ съ Европой. Доказывая Нѣмцамъ несостоятельность ихъ политическихъ мечтаній объ единствѣ, Тютчевъ напоминаетъ имъ (въ то время Австрія еще не была исключена изъ Германіи) объ элементѣ Славянскомъ въ предѣлахъ Западной Европы, и такъ объясняетъ имъ его значеніе:

„Поднимая вопросъ *племенной*, забываютъ, что въ самомъ центрѣ Германіи, въ Богеміи и Славянскихъ земляхъ ее окружающихъ—живутъ шестьсемь милліоновъ людей, для которыхъ изъ рода въ родъ, въ теченіи вѣковъ, Германецъ былъ и есть хуже чѣмъ чужой, для которыхъ онъ всегда *Нѣмецъ* (l'Allemand depuis des siècles n'a pas cessé d'être un seul instant quelque chose de pis qu' un étranger, pour qui l'Allemand est toujours un Нѣмецъ)... Если съ утратою Ломбардіи и съ окончательнымъ отдѣленіемъ Венгріи, Австрійская имперія распадется, что̀ сдѣлаетъ тогда Богемія съ окружающими ее народностями—Моравами и Словаками? Согласится ли она включить себя въ нелѣпую рамку этого будущаго Германскаго единства, которое никогда ничѣмъ инымъ стать не можетъ, какъ лишь единствомъ хаоса? Сомнительно. Но въ такомъ случаѣ, чтобъ обрести независимость, на кого опереться Богеміи? Конечно не на Венгрію. Нужно ли указывать ту державу, къ которой неминуемо привлечетъ Богемію самая сила вещей,—даже наперекоръ господствующимъ нынѣ понятіямъ и завтрашнимъ вновь измышленнымъ учрежденіямъ?“... При этомъ Тютчевъ приводитъ слова Ганки, сказанныя ему въ Прагѣ, въ 1841 году: „Богемія будетъ только тогда свободна и независима, только тогда станетъ полноправною хозяйкою у себя дома, когда Россія вступитъ вновь въ обладаніе Галицiей“... Указывая на сочувствіе къ Россіи въ кругу поборниковъ Чешской народности въ Прагѣ, Тютчевъ говоритъ: „Всякой Русскій, посѣтившій Прагу въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, можетъ удостовѣрить, что единственный упрекъ, слышанный имъ, относился лишь къ той осторожности и какъ бы холодности, съ которыми національныя симпатіи Богеміи принимались между нами. *Высокія, великодушныя соображенія предписывали намъ въ то время подобный образъ дѣйствій; теперь же это было бы положительнымъ безсмысліемъ: тѣ жертвы, которыя мы тогда приносили дѣлу порядка, намъ пришлось бы отнынѣ совершать въ пользу революціи*“...

Но особенно замѣчательны тѣ строки, которыми характеризуетъ Тютчевъ на-

ціональное движеніе у Чеховъ, и которыми точнѣе опредѣляется его собственный взглядъ на Западное славянство: взглядъ никѣмъ еще до него не высказанный, и въ самой Россіи раздѣляемый лишь очень немногими изъ числа ревнителей Славянской независимости. Эти строки не только не потеряли своей важности для нашего времени, хотя были написаны двадцать пять лѣтъ тому назадъ, но теперь только и могутъ быть оцѣнены въ ихъ настоящемъ значеніи, а полное ихъ оправданіе — въ будущемъ. Вотъ онѣ:

Дѣло идетъ разумѣется не о литературномъ патріотизмѣ нѣкоторыхъ Пражскихъ ученыхъ, какъ бы почтененъ онъ ни былъ. Эти люди уже оказали и еще окажутъ великія услуги своей странѣ; но истинная жизненная сила Богеміи не въ этомъ. Жизненность народа—вовсе не въ книгахъ, для него издаваемыхъ,—исключая развѣ народа Нѣмецкаго; она—въ его инстинктахъ, его вѣрованіяхъ, а книги, надо признаться, скорѣе способны разслаблять и изсушать ихъ, чѣмъ оживлять и воодушевлять. Все что осталось у Богеміи истинной народной жизни, все заключается въ ея *Гусситскихъ вѣрованіяхъ*, въ этомъ постоянно живучемъ протестѣ ея угнетенной Славянской народности противъ захватовъ Римской церкви, также какъ и противъ господства Нѣмцевъ. Вотъ гдѣ ея связь со всѣмъ ея прошлымъ, исполненнымъ борьбы и славы,—вотъ также *то звѣно, которое когда-нибудь свяжетъ Чеховъ Богеміи съ ихъ восточными братьями.* На это особенно нужно налегать вниманіемъ, потому что *именно въ этихъ-то сочувственныхъ воспоминаніяхъ о Восточной церкви*, въ этихъ-то попыткахъ возврата *къ старой вѣрѣ* (которой гусситство въ свое время служило только слабымъ и искаженнымъ выраженіемъ)—и заключается глубокое различіе между Богеміею и Польшею: между Богеміею, противъ воли претерпѣвающею иго западнаго церковнаго общенія,—и этою крамольно-католическою Польшею, фанатическою пособницею Запада, вѣчною предательницею *своихъ*... Знаю, что до сихъ поръ вопросъ Чешскій еще не поставленъ на своемъ истинномъ основаніи, и что все настоящее волненіе и смятеніе на поверхности страны—не болѣе какъ самый дешевый либерализмъ, съ примѣсью коммунизма въ городахъ, и вѣроятно жакеріи по деревнямъ. Но это временное опьяненіе скоро разсѣется, и истинная сущность дѣла не замедлитъ выясниться...

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь же, въ дополненіе къ этимъ строкамъ, отрывокъ изъ одного частнаго письма Тютчева въ Прагу, къ пребывавшей тамъ Русской путешественницѣ, княгинѣ Е. Э. Трубецкой, отъ 6 Дек. 1871 г., благосклонно сообщившей его роднымъ копію съ этого письма, уже послѣ смерти Өедора Ивановича. Вотъ что, 23 года спустя послѣ своей статьи, пишетъ Тютчевъ:

«Благодарю васъ за сообщеніе мнѣ письма Ригера. Оно выражаетъ туже точку зрѣнія, которую онъ уже излагалъ мнѣ во время Славянскаго съѣзда въ Россіи и еще недавно въ самой Прагѣ. Сказать ли вамъ? При всемъ моемъ глубокомъ, сочувственномъ уваженіи къ нему, какъ и ко всѣмъ вождямъ Чешской національной партіи,—партіи Старо-Чешской, какъ они себя называютъ,—этой точкѣ зрѣнія, общей Ригеру со всею его партіей, именно недостаетъ ширины и глубины. Работа, которая имъ предлежитъ, для возстановленія органической связи Богеміи съ міромъ Славянскимъ во всей его полнотѣ, съ Восточною Европою, однимъ словомъ,— такая работа не можетъ быть низведена до размѣровъ исключительно политическаго движенія. У нея корни идутъ поглубже. Чехія истинно національная — прежде всего Гусситка, а гусситство не что иное какъ

возвратное стремленіе,—весьма сознательное, весьма рѣшительное, хотя и прерванное насиліемъ,—возвратное стремленіе, повторяю, Чешскаго племени къ Церкви Восточной. *Славянская народность Чеховъ требуетъ, чтобъ эта попытка возврата была возобновлена и доведена до конца...* Какъ не поймутъ въ Прагѣ, что повсюду политическое движеніе сводится къ самому нерву Европейскаго общества, а этотъ нервъ — вопросъ соціальный и религіозный. Посмотрите на движеніе старокатоликовъ въ Германіи, уже досягающее своею волной до порога Церкви Православной—великой Церкви Вселенской!... Конечно было бы дерзостью предсказывать теперь же окончательный исходъ этого движенія: достигнетъ ли оно цѣли или потерпитъ крушеніе, выйдетъ ли изъ него въ самомъ дѣлѣ возстановленіе церковнаго единства, или же только лишняя протестантская секта?... Но во всякомъ случаѣ, развѣ можно Славянамъ Римско-католическаго исповѣданія, захваченнымъ въ это столкновеніе, уклониться отъ участія въ самомъ движеніи? Славянамъ, которымъ стоило бы только *стать снова* самими собою, оживить въ себѣ чувство своей племенной индивидуальности, для того чтобы совершить это обращеніе, которое для нихъ такъ необходимо и такъ легко,—тогда какъ это же обращеніе къ Восточной Церкви и тягостно, и почти невозможно для людей иного племени.

Ходъ историческихъ событій подтверждаетъ истину этихъ словъ. Вся будущность Славянской народности у Западныхъ Славянъ, исповѣдующихъ латинство, связана именно съ рѣшеніемъ религіознаго вопроса. Если эти Славяне не отторгнутся отъ Рима и не возвратятся къ древнему церковному единству, т. е. къ православію, ихъ историческая судьба будетъ общая и одинаковая съ судьбою иноплеменныхъ народовъ католическаго исповѣданія; они подлежатъ одному съ ними историческому приговору. Славяне католики, которымъ просвѣтительное начало вѣры дано въ Латинской окраскѣ, у которыхъ церковная стихія заклеймена чуждою національностью, которымъ духовнымъ центромъ служитъ Римъ, не могутъ имѣть притязаній на духовную самобытность своей народности. Среди Римско-Германскихъ племенъ, тѣсно связанныхъ съ духовнымъ началомъ Романской цивилизаціи узами родственными, органическими, Славяне, съ своею особенною національностью, являются въ отношеніи къ латинству какими-то пасынками или незаконнорожденными дѣтьми, не имѣющими съ законными равной части. Они осуждены на вѣчное малолѣтство, и—на похмѣлье въ чужомъ пиру. Славянинъ-латинянинъ—это извращеніе Славянской духовной природы.—Сомнительна возможность политической самостоятельности при утратѣ самостоятельности нравственной, при утратѣ *духовной народной личности.* Нельзя ожидать возрожденія для народовъ, прикованныхъ къ Римскому духовному, *отжившему* идеалу, исповѣдующихъ догматъ о папской непогрѣшимости—эту послѣднюю, старческую, лебединую пѣснь Латинской церковности. Слѣпота Чешскихъ національныхъ вождей, узкость ихъ воззрѣній и понятій, по истинѣ, достойна изумленія. Гордясь Чешскимъ просвѣщеніемъ, они не замѣчаютъ притомъ, что это просвѣщеніе, однородное, тождественное съ германскимъ, лишено у Чеховъ всякой производительности (потому именно, что Чехи духовно безличны въ смыслѣ народности), тогда какъ Германскій національный духъ, озаренный тѣмъ же просвѣщеніемъ, явилъ гигантскую силу творчества. Пренебрегая вопросомъ религіознымъ, Ригеръ, Палацкій и прочіе Чешскіе корифеи говорятъ: „мы такъ просвѣщены, что

переросли эти заботы,“ т. е. имѣя очи—не видятъ, имѣя уши—не слышатъ, что весь міръ, весь образованный историческій міръ, просвѣщенный не менѣе Чехіи, волнуется и мятется въ настоящее время именно по поводу вѣроисповѣдныхъ задачъ, томительно ищетъ имъ рѣшенія, и что вся историческая судьба Европы явно виситъ теперь на вопросѣ не политическаго, а религіознаго свойства. Чешскіе политики усердно воспѣнивают народное чувство къ Гусу, празднуютъ его память при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ тоже время, собственными же руками разрушаютъ свои усилія, потому что Гуса, сожженнаго Римомъ на кострѣ за стремленіе къ Славянской національной церкви, чествуютъ Латинскою обѣдней, Латинскою азбукой, и изъ Гусова дѣла изъемлютъ вонъ именно тò, въ чемъ заключался весь его смыслъ и значеніе, т. е. его вѣроисповѣдный подвигъ! Здѣсь кстати замѣтить, что Тютчевъ, въ прекрасныхъ стихахъ по поводу четырехсот-лѣтняго юбилея Гуса, вновь напоминалъ „Чешскому роду“ о необходимости скорѣе расплавить

На Гусовомъ кострѣ неугасимомъ

звѣно той цѣпи, которая приковываетъ Чеховъ къ Риму.

Послѣдняя часть статьи: „Революція и Россія“ указываетъ на опасность грозящую Славянамъ отъ Мадьяръ, „которые, подбитые Польскою эмиграціей и надутые революціонными вѣтрами, но сохраняя грубость Азіатской орды,“ воображаютъ себя призванными исторіей держать въ уздѣ славянство и Россію. Тютчевъ съ замѣчательною вѣрностью, уже въ Апрѣлѣ 1848 года, предсказываетъ неминуемость вооруженной схватки между Мадьярами съ одной стороны,—Хорватами и Сербами-граничарами съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрываетъ опасности, угрожающей и Россіи. „Мало вѣроятія—говоритъ онъ—чтобъ всѣ эти удары землетрясенія, раздающіеся на Западѣ, остановились у порога Восточныхъ странъ... Если весь этотъ крестовый походъ безбожія, предпринятый Революціей, всѣ эти раздирающія пропаганды, и католическая и революціонная, соединенныя въ одномъ общемъ чувствѣ ненависти къ Россіи, и ко всему Славяно-православному Востоку, обрушатся на голову Славянскаго Востока, могутъ-ли Славянскія племена быть покинуты единственною властью, которую они призываютъ въ своихъ молитвахъ? Въ какую ужасную смуту низверглись бы эти страны при схваткѣ съ Революціей, если бы законный монархъ, православный Царь Востока замедлилъ долѣе своимъ появленіемъ“. . . Статья заканчивается слѣдующимъ диѳирамбомъ,—политика смѣняетъ лирическій поэтъ:

Нѣтъ, это невозможно! Тысячелѣтнія предчувствія не обманываютъ. Россія, страна вѣры, не оскудѣетъ вѣрою въ верховный мигъ. Она не устрашится величія своихъ судебъ и не отступитъ предъ своимъ призваніемъ.

«И когда же это призваніе было яснѣе и очевиднѣе? Можно сказать, что Богъ начерталъ его огненными словами на этомъ небѣ, черномъ отъ бурь. Западъ отходитъ (s'en va), все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ пожарѣ: Европа Карла Великаго, также какъ и Европа трактатовъ 1815 года, Римское папство и всѣ Западныя царства, католичество и протестантство,—вѣра давно потерянная, разумъ доведенный до нелѣпости (à l'absurde); порядокъ отнынѣ невозможный,—свобода, отнынѣ невозможная, и надъ всѣми этими развалинами, ею же нагроможденными—цивилизація, убивающая себя собственными руками. . .

И когда надъ такимъ громаднымъ крушеніемъ мы видимъ всплывающею святымъ ковчегомъ эту Державу (Empire), еще

болѣе громадную,—кто дерзнетъ усомниться въ ея призваніи, и намъ ли ея сынамъ, являть себя невѣрующими и малодушными?... (*)

Тютчевъ никогда и не былъ малодушнымъ въ выраженіи своихъ политическихъ мнѣній и вѣрованій. Такая откровенность рѣчей не совсѣмъ въ обычаѣ нашихъ писателей. Но никакой ложный стыдъ или страхъ насмѣшки не останавливали Тютчева, а между тѣмъ онъ обращался съ своимъ словомъ къ аудиторіи нисколько не благосклонной, аудиторіи Европейской. Впрочемъ, при всей неблагосклонности, эта аудиторія оказалась серьезнѣе нашей и отнеслась, если не съ сочувствіемъ, то съ вниманіемъ къ его статьѣ.—Послѣднія, заключительныя строки этой статьи напоминаютъ также другіе его стихи, сказанные нѣсколько позднѣе:

Не вѣрь въ Святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой!....

Приступимъ теперь къ третьей и послѣдней напечатанной политической статьѣ Тютчева, именно къ той, которая подъ заглавіемъ: La Question Romaine et la Papauté (Римскій вопросъ и Папство) появилась въ Февральской книжкѣ журнала Revue des deux mondes, съ предпосланнымъ ей возраженіемъ редактора Laurentie. Эта статья къ сожалѣнію вовсе не была перепечатана въ Россіи, ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ,—а между тѣмъ она самая замѣчательная и самая блестящая по изложенію. Въ рукописи стоитъ подъ нею: 1 Октября 1849 г. Для того, чтобы вполнѣ понять связь этой статьи съ предъидущею, необходимо припомнить, что за два года передъ тѣмъ, именно въ 1847 году, съ возшествіемъ на папскій престолъ Пія IX, введены имъ были въ Римѣ разныя либеральныя преобразованія; что вспыхнувшая вслѣдъ за тѣмъ въ Парижѣ Февральская революція перекинула свое революціонное пламя и въ Римъ; папа бѣжалъ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ войска Французской республики, по повелѣнію президента Людовика Наполеона, осадили Вѣчный Городъ, чуть-чуть не разрушили его бомбами, наконецъ послѣ долгой осады, овладѣли имъ, раздавили новосозданную Римскую республику и водворили папу снова въ Ватиканѣ... Февральская революція послужила Тютчеву богатымъ матеріаломъ для мысли. Будто вслѣдъ за ударомъ грома, какимъ-то волшебствомъ, предъ испуганнымъ взоромъ міра, встали, воочію, тѣни прошлаго и будущаго, высунулись, заслоненные пошлостью обыденной жизни, грозные роковые вопросы.... однимъ словомъ,— „подъ зримой оболочкой" исторіи, дано было людямъ „узрѣть ее самоё," безъ покрова. Понятно, что Тютчевъ именно это событіе взялъ за точку отправленія своихъ размышленій,—именно въ немъ какъ въ зеркалѣ наблюдалъ отраженіе минувшихъ и грядущихъ явленій. Въ настоящей статьѣ Тютчевъ разсматриваетъ туже Февральскую революцію, но съ ея новой стороны. Вотъ содержаніе статьи.

Изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ, говоритъ Тютчевъ, есть одинъ, который, какъ въ фокусѣ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ аномаліи, всѣ противорѣчія, всѣ невозможности, о которыя бьется Западная Европа,—это именно вопросъ Римскій, благодаря той неутомимой логикѣ, которая, какъ скрытое правосудіе (une justice cachée), внѣдрена Богомъ въ событія міра... Глубокій, непримиримый разрывъ, снѣдающій Западъ, долженъ былъ наконецъ дойти до

(*) Невольно приходятъ на умъ стихи Хомякова, написанные впрочемъ гораздо ранѣе:

Но горе!... Часъ пришелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Подернутъ Западъ весь... Тамъ будетъ мракъ глубокъ...
Услышь же гласъ судьбы, возстань въ сіяньи новомъ,
Проснися дремлющій Востокъ!

высшаго своего выраженія, проникнуть до самаго корня дерева... А никто не станетъ отрицать, что какъ во всѣ времена, такъ еще и донынѣ, Римъ—корень міра Западнаго.... (*) Этотъ вопросъ не то, что другіе вопросы: онъ не только соприкасается со всѣмъ, что есть на Западѣ, но можно сказать, даже переступаетъ его (elle le déborde)....»

«Можно безошибочно утверждать, что въ настоящее время все, что на Западѣ осталось еще отъ положительнаго христіанства (christianisme positif), „прямо или косвенно примыкаетъ къ Римскому католицизму, которому Папство (какимъ создала его исторія) служитъ какъ бы связью свода (la clef de voute) и условіемъ бытія.... Протестантизмъ, котораго едва достало на три вѣка, чахнетъ и вымираетъ," а если гдѣ еще и скрывается въ немъ кое-какая жизненная стихія, она стремится къ возсоединенію съ Римомъ... Однимъ словомъ, Папство—„вотъ послѣдній столпъ, кое-какъ поддерживающій на Западѣ этотъ край христіанскаго зданія, уцѣлѣвшій послѣ великаго рушенія XVI вѣка и послѣдовавшихъ обваловъ (tout ce pan de l'édifice chrétien, resté debout apres la grande ruine du XVI siècle et les écroulements successifs, qui ont eu lieu depuis).... Подъ этотъ-то столпъ и направленъ теперь подкопъ..." Наивно или лицемѣрно обращаются къ Риму съ предложеніемъ разныхъ уступокъ и сдѣлокъ: до папства, какъ до церковнаго учрежденія, касаться и не думаютъ, его сохранятъ, предъ нимъ благоговѣютъ,—нужны, говорятъ, только нѣкоторыя частныя видоизмѣненія, нѣкоторыя вполнѣ законныя реформы въ управленіи Римскими владѣніями, только сокращеніе предѣловъ свѣтской власти, даже не совершенная ея отмѣна... „Но никакое самообольщеніе въ этомъ смыслѣ непозволительно для человѣка, кто уразумѣлъ самую сущность борьбы, волнующей Западъ, то что стало, въ теченіи вѣковъ, самою его жизнью,—жизнью анормальною, конечно, однакожъ дѣйствительною, — болѣзнью не со вчерашняго только дня и все еще возрастающею..." Требованія, предъявляемыя папѣ, большею частью касаются интересовъ, вполнѣ и несомнѣнно справедливыхъ и законныхъ, нуждающихся въ немедленномъ удовлетвореніи, но таково роковое положеніе дѣла, что даже и эти интересы (свойства чисто мѣстнаго и значенія сравнительно мелкаго) держатъ отъ себя въ зависимости громадный вопросъ.... (*) Потому что неотвратимымъ результатомъ всякой серьезной, искренней реформы въ настоящемъ образѣ управленія Церковною Областью—будетъ, въ концѣ концовъ, „секуляризація папскихъ владѣній, т. е. отмѣна свѣтской власти Римскаго папы.... Въ чью же пользу совершится эта секуляризація? Какой власти, какого духа и свойства, передастся отнятая у папы свѣтская власть? Подъ чью опеку поступитъ Папство?"

«Здѣсь опять туча иллюзій... „Мы знаемъ фетишизмъ людей Запада относительно всякой формы, формулы, политическаго механизма. *Этотъ фетишизмъ—какъ бы последнее религіозное вѣрованіе Запада;* но только слѣпецъ могъ бы вообразить себѣ, что всѣ эти навязанныя папству либеральныя или полулиберальныя реформы удержатся во власти среднихъ, умѣренныхъ убѣжденій, а не будутъ тотчасъ же захвачены Революціей и обращены въ военныя машины,—для сокрушенія не только свѣтской власти папы, но и всего церковнаго учрежденія"... „Какъ бы вы ни наказывали революціонному принципу, какъ Господь Сатанѣ, мучить только плоть вѣрнаго раба

(*) C'est un titre de gloire, que personne ne contestera à Rome: elle est encore de nos jours, comme elle l'a toujours été, la racine du monde Occidental.

(*) Тутъ слѣдуетъ такое сравненіе: Ce sont de modestes et inoffensives habitations de particuliers, situées de telle sorte, qu'elles commendent une place de guerre, et malheureusement l'ennemi est aux portes.

Іова, не касаясь его души, Революція, менѣе совѣстливая, чѣмъ ангелъ тьмы, не станетъ стѣсняться вашимъ наказомъ."

«Чтоже выходитъ?.." Что Римскій вопросъ—безъисходный лабиринтъ, что папство дошло до той поры, когда жизнь ощущается только трудностью бытія (à cette période d'existence, où la vie ne se fait plus sentir que par une difficulté d'être). Здѣсь-то выступаетъ, словно солнце, та дивная логика, которая, какъ внутренній законъ, управляетъ событіями міра.... Въ тотъ день, какъ восемь вѣковъ тому назадъ Римъ прервалъ послѣднее звѣно, связывавшее его съ православнымъ преданіемъ Вселенской Церкви и создалъ себѣ свою отдѣльную судьбу, онъ рѣшилъ, на долгіе вѣки, и судьбу всего Запада».

Авторъ не входитъ въ разборъ догматическаго различія, послужившаго Риму предлогомъ къ отдѣленію отъ Вселенской Церкви. Съ точки зрѣнія человѣческаго разума, говоритъ онъ, это догматическое различіе еще не достаточно объясняетъ, какъ „прорылась та бездна, какую мы видимъ теперь, не между двумя Церквами,—потому что Церковь *одна,*—а между двумя мірами, двумя человѣчествами, такъ сказать"... Онъ обращается прямо „къ очевидному грѣху Рима," къ измѣнѣ завѣту Спасителя:

«Христосъ сказалъ: „Царство мое не отъ міра сего"... Римъ, отторгшись отъ единства, отождествляя свой интересъ съ интересами христіанства, счелъ себя въ правѣ организовать Царство Христово какъ царство отъ міра. Не легко объяснить Западу настоящій смыслъ изрѣченія Христова: всякое истолкованіе, несогласное съ Римскимъ, понимается на Западѣ въ смыслѣ протестантскомъ,—но протестантское воззрѣніе отстоитъ отъ православнаго, какъ человѣческое отъ божескаго; не ближе православное воззрѣніе и къ воззрѣнію Рима, и вотъ почему:

«Если протестантизмъ уничтожилъ центръ христіанскій, который есть Церковь, въ пользу *я* человѣческаго, *я* личнаго, то Римъ поглотилъ этотъ христіанскій центръ въ самого себя, въ свое ***Римское я*** (elle l'a absorbé dans le Moi romain). Римъ не отвергъ преданія, а конфисковалъ его въ свою пользу. Но присвоеніе себѣ божественнаго тоже, что отрицаніе, и вотъ на чемъ зиждется эта страшная, роковая, но несомнѣнная солидарность протестантизма съ захватами (usurpations) Рима. Всякое же самовольное присвоеніе имѣетъ ту особенность, что оно съ одной стороны непремѣнно созидаетъ, къ своей выгодѣ, цѣлое ***подобіе права;*** съ другой непремѣнно же вызываетъ бунтъ... Современная революціонная школа и не далась въ обманъ. Революція, которая есть только апоѳеозъ человѣческаго *я*, достигшаго до своего полнѣйшаго разцвѣта (arrivé à son plein et entier épanouissement), не замедлила причислить къ ***своимъ***, и привѣтствовать, какъ своихъ славнѣйшихъ двухъ предковъ—Лютера, а равно и Григорія VII. Родственная кровь заговорила ей.... Въ соотношеніи между собою этихъ трехъ терминовъ (Григорій VII, Лютеръ, Революція), заключается основа исторической жизни Запада,—но первоначальною причиною, точкою отправленія такой логической связи служитъ искаженіе Римомъ христіанскаго основнаго начала.»

Очертивъ вкратцѣ историческую характеристику Римской Церкви, ставшей наконецъ политическою силою, государствомъ въ государствѣ, авторъ уподобляетъ ее, въ Средніе Вѣка, *Римской колоніи водворившейся въ завоеванной землѣ,* и говоритъ, что „приковавъ себя къ интересамъ земнымъ, конечнымъ, она уготовила себѣ и участь конечную, смертную; воплотивъ священное начало въ тѣло немощное и тлѣнное, она привила къ нему всѣ недуги и похоти плоти." Отсюда эти притязанія, это соперничество,

этотъ истинно-нечестивый поединокъ Папскаго Престола съ Имперіей,—всѣ эти нагромоздившіяся вѣками насилія, войны, чудовищныя дѣянія, совершенныя ради укрѣпленія вещественной власти, необходимой, по понятіямъ Рима, для сохраненія единства церковнаго,—и разбившія это мнимое единство въ дребезги. Реформа XVI вѣка, была въ основаніи своемъ законною реакціей оскорбленнаго христіанскаго чувства — противъ церкви, которая во многихъ отношеніяхъ была церковью только по имени. „Но такъ какъ уже цѣлые вѣки Римъ тщательно заслонялъ собою на Западѣ Церковь Вселенскую, то вожди Реформы, вмѣсто того чтобъ обратиться къ суду высшей церковной власти, предпочли обратиться къ суду личной совѣсти, т. е. стали сами судьями въ собственномъ дѣлѣ.“ Такимъ образомъ реформатское движеніе, совершенно христіанское въ своемъ основаніи, приняло затѣмъ ложное направленіе, пришло къ отрицанію авторитета Церкви и потомъ къ отрицанію самаго принципа авторитета вообще. „Въ эту-то брешь, пробитую протестантизмомъ, даже безъ его вѣдома такъ сказать,“ но вслѣдствіе грубаго искаженія Римомъ основной идеи Церкви, „вторглось позднѣе, въ самую общественную жизнь Запада, начало уже чисто антихристіанское...“ И не могло быть иначе, говоритъ Тютчевъ, „потому что человѣческое *я*, предоставленное самому себѣ, антихристіанское по существу (est antichrétien par essence)...“

Эта часть статьи Тютчева, или вѣрнѣе сказать: тема о соотношеніи католицизма или романизма съ протестантизмомъ, послужила поводомъ и темою для извѣстныхъ Французскихъ брошюръ Хомякова. Хомяковъ вообще съ самымъ живымъ сочувствіемъ отнесся къ этой статьѣ. Вотъ, что мы читаемъ въ одномъ письмѣ Хомякова къ А. Н. Попову: „Статья Ѳ. И. Тютчева въ Revue des deux Mondes вещь превосходная, хотя я и не думаю, чтобъ ее поняли у васъ въ Питерѣ, и въ чужихъ краяхъ. Она заграничной публикѣ не по плечу... Она есть не только лучшее, но единственно дѣльное, сказанное объ Европейскомъ дѣлѣ гдѣ бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многихъ...“ Но въ своей первой брошюрѣ, озаглавленной: „Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de nr. Laurentie“, написанной и напечатанной (въ Парижѣ) въ 1853 г., Хомяковъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку. Приводимъ ее въ переводѣ:

«Статья, напечатанная въ Revue des deux Mondes и принадлежащая, какъ кажется, Русскому дипломату г. Тютчеву, приписывала затрудненія религіознаго вопроса на Западѣ духовенству Рима, и въ особенности смѣшенію интересовъ духовныхъ и мірскихъ въ лицѣ епископа-государя. Эта статья вызвала въ 1852 году печатный отвѣтъ г. Лоранси; этотъ-то отвѣтъ и требуетъ опроверженія. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, высказалъ ли г. Тютчевъ въ своей статьѣ, которой достоинство, впрочемъ, представляется несомнѣннымъ даже его критику, мысль свою во всей ея полнотѣ, и не принялъ ли онъ, въ нѣкоторой степени, симптомы зла за его причины. Моя задача—не защита и не критика моего соотечественника, я хочу только оправдать Церковь въ странныхъ обвиненіяхъ, направленныхъ на нее г-мъ Лоранси, и буду держаться единственно религіознаго вопроса» и пр.

И Хомяковъ, глубже окунувшись въ самую сущность религіознаго вопроса, спеціально изслѣдовавъ соотношеніе Римской церкви съ протестантизмомъ, доказываетъ, что обвиненіе въ раціонализмѣ, направляемое обыкновенно противъ протестантовъ, прежде всего на-

даетъ на романизмъ, который вноситъ въ область вѣры чуждую ей стихію формальнаго логическаго разума, въ немъ ищетъ опору для истины, слѣдовательно внѣ самой истины, и такимъ образомъ самое зданіе церкви зиждетъ не на истинѣ, а на внѣшнемъ авторитетѣ. Неминуемымъ послѣдствіемъ *логическаго раціональнаго отношенія* къ истинѣ вѣры является, конечно, совершенная невозможность для разума удовлетвориться внутреннимъ, уже вовсе не раціональнымъ, не поддающимся никакой логикѣ, свидѣтельствомъ истины о себѣ самой, познаніемъ истины любовью и вѣрой; затѣмъ выступаетъ логическая необходимость опредѣлить внѣшніе признаки, по которымъ познается истина, а такъ какъ храненіе истины ввѣрено церкви, то этимъ внѣшнимъ признакомъ, по выводамъ логики, и должна была служить церковь. Слѣдовательно, церковь понята здѣсь не какъ сама живая истина, не какъ воплощеніе истины въ живомъ организмѣ любви и вѣры, а какъ нѣчто *внѣшнее* для истины, какъ авторитетъ, ее утверждающій и повѣряющій. Но логическая формальная работа разума на этомъ остановиться не можетъ. Съ понятіемъ о внѣшнемъ авторитетѣ неразлучно представленіе объ авторитетѣ правильномъ, формальномъ; возникаетъ потребность дать опредѣлительную, осязательную формулу идеѣ церкви, оградить авторитетъ точными внѣшними примѣтами. Романизмъ, такимъ образомъ, мало по малу съуживаетъ понятіе о церкви все тѣснѣе и тѣснѣе,—и съ перенесеніемъ этого понятія въ область внѣшнихъ формальныхъ представленій, онъ не могъ не придать и церкви атрибутовъ, свойственныхъ этимъ послѣднимъ. Разойдясь со вселенскою церковью въ самыхъ существенныхъ основаніяхъ, именно въ понятіи о церкви; упустивъ изъ виду самое зиждительное начало церкви,— условіе ея бытія: духъ братской любви и единомыслія; — занятый лишь одной задачей—развить и утвердить формальный авторитетъ церкви, Римъ сосредоточилъ въ себѣ самомъ и идею авторитета, и идею церкви, и придалъ церкви государственное устройство съ самодержцемъ-папою во главѣ. Католики и понынѣ спорятъ, т. е. либеральные изъ нихъ полагаютъ, что приличнѣе было бы дать Римской церкви устройство конституціонное съ аристократическою іерархіею, съ демократическою палатою и т. д. Но это нисколько не измѣняетъ вопроса, т. е. вопросъ состоялъ бы только въ томъ: гдѣ признакъ церковнаго авторитета, по существу своему *непогрѣшимаго?* другими словами: гдѣ признакъ истины вѣчной, божественной, непогрѣшимой: въ опредѣленномъ ли *количествѣ*, т. е. *большинствѣ голосовъ*, означаемомъ баллотировкой или инымъ способомъ, или же въ верховномъ главѣ—папѣ? Въ сущности, это уже все равно. Если уже разъ допущено понятіе о Христовомъ намѣстничествѣ и главенствѣ церковномъ, то не совсѣмъ прилично подвергать представителя Христова на землѣ ограниченію въ правахъ и держать его подъ контролемъ. Какъ бы то ни было, но представленіе объ авторитетѣ неразрывно съ представленіемъ о непогрѣшимости, — иначе, какой же это былъ бы авторитетъ? Слѣдовательно, все что олицетворяетъ въ себѣ этотъ авторитетъ (а въ чемъ нибудь, по логическому требованію разума, онъ долженъ же быть олицетворяемъ), по существу своему должно быть непогрѣшимо, а потому и провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости есть логическій выводъ изъ основнаго раціональнаго положенія, принятаго романизмомъ. Такимъ образомъ самая идея церковнаго авторитета, присущая

Римской церкви и, по словамъ Тютчева, разбитая (battue en brèche) протестантизмомъ, была идеею лживою, и созданіе Римомъ „царства Христова,“ по образу и подобію земныхъ царствъ, явилось не первоначальною причиною (какъ можно было бы заключить изъ словъ Тютчева) всего позднѣйшаго ложнаго развитія христіанскаго начала въ исторіи Запада, а лишь *симптомомъ* того раціонализма, который выразился въ самой идеѣ авторитета, который таился въ самой глубинѣ Римскаго церковнаго духа и который, породивъ протестантизмъ, отъ искаженія христіанской истины довелъ Западъ до голаго ея отрицанія. Конечно Тютчевъ, какъ замѣчаетъ и Хомяковъ, не изложилъ и не имѣлъ намѣренія излагать свою мысль во всей полнотѣ,—да и самая идея Церкви только Хомяковымъ, и въ первый лишь разъ *богословски*, была выяснена для нашего православнаго сознанія. Тѣмъ не менѣе великою является заслуга Тютчева, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, истолковавшаго внутреннія судьбы Запада, высказавшаго впервыя то, что̀ теперь отчасти уже пошло въ оборотъ, стало общимъ достояніемъ, но чего, по словамъ Хомякова, еще никѣмъ до Тютчева не было сказано. Возвращаемся къ его статьѣ.

„Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Тютчевъ—этотъ бунтъ, эти захваты человѣческаго *я*—явленіе постарше трехъ послѣднихъ вѣковъ; но что̀ было тогда ново и впервыя выступило въ исторіи, это возведеніе такихъ захватовъ и бунта въ достоинство принципа, въ право неотъемлемо-присущее человѣческой личности.... Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ вѣковъ, историческая жизнь Запада была не что иное, какъ непрестанный натискъ на все, что̀ еще было христіанскаго въ составѣ стараго западнаго общества. Этотъ трудъ разрушенія былъ дологъ, и прежде чѣмъ свалить учрежденія, понадобилось подточить ихъ связующую силу, ихъ цементъ—христіанское вѣрованіе. Тѣмъ и приснопамятна Французская Революція, что она открыла новую эру: восшествіе антихристіанской идеи на степень политической власти, вручила ей управленіе гражданскимъ обществомъ (elle a inauguré l'avénement de l'idée antichrétienne au gouvernement de la société politique). Что въ этой идеѣ заключался весь смыслъ Революціи, о томъ свидѣтельствуетъ и новый догматъ, пущенный ею въ міръ—догматъ народнаго верховнаго владычества (souveraineté du peuple). Чтоже такое народное верховное владычество, какъ не верховное владычество того же человѣческаго *я*, только умноженное количественно, слѣдовательно опирающееся на силу (la souveraineté du moi humain, multipliée par le nombre, c'est à dire appuyée sur la force)?“

Здѣсь, во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны сдѣлать нѣкоторую оговорку. Въ упомянутомъ уже нами письмѣ Хомякова, по поводу этихъ строкъ Тютчева, встрѣчается такое замѣчаніе: „Въ народѣ дѣйствительно souveraineté suprême.... И что̀ дѣлать Мадагасамъ, если волею Божіею холера унесетъ семью короля Раваны? Я имѣю право это говорить потому именно, что я анти-республиканецъ, анти-конституціоналистъ и пр. Самое повиновеніе народа есть un acte de souveraineté.“ Это замѣчаніе, разумѣется, вполнѣ справедливо; но мы имѣемъ поводъ полагать, что Тютчевъ вовсе и не думалъ отрицать верховное значеніе народа въ смыслѣ, указанномъ Хомяковымъ. Стоитъ только поставить вопросъ: что̀ ради чего существуетъ? власть ради страны или народа, или народъ ради власти? Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ; онъ и рѣшаетъ вопросъ. Здѣсь верховенство народа есть законъ, такъ сказать, естественный. Но великая разница между этимъ закономъ есте-

ственнымъ, „между понятіемъ о народѣ, какъ объ источникѣ власти,“ и между souveraineté du peuple, провозглашеннымъ Революціей. Въ политической окраскѣ, приданной этому понятію западною демократіей, чувствуется ложь. Народъ, отправляющій власть, надѣвающій вѣнецъ и порфиру, уже не народъ, уже искажаетъ свой нравственный образъ какъ народа, источника власти, а становится самъ олицетвореніемъ принципа власти. Это не одно и тоже. Не одно и тоже учреждать власть, или отправлять власть,—быть источникомъ власти, или властвовать. Отвлекая отъ себя присущее ему начало власти и перенося это начало на лицо или учрежденіе,—вмѣстѣ съ тѣмъ *добровольно обязывая самого себя повиновеніемъ*—этому, отвлеченному имъ отъ себя, элементу власти,—народъ совершаетъ безъ сомнѣнія „un acte de souveraineté,“ но вмѣстѣ съ тѣмъ совершаетъ великій нравственный актъ самоограниченія, самообузданія себя какъ цѣлаго, и самообузданія личнаго *я* въ своихъ народныхъ единицахъ. Власть съ своей стороны, не будучи сама въ себѣ источникомъ власти, имѣя raison d'être, причину своего бытія *внѣ* себя, именно въ странѣ или народѣ, становится, какіе бы ни были ея атрибуты, *служеніемъ* этой странѣ или народу: вотъ идеальное, нравственное и въ тоже время естественное взаимное отношеніе этихъ двухъ элементовъ. ...Но было бы горшею ложью, если бы народъ, въ смыслѣ западнаго новѣйшаго понятія о народномъ владычествѣ, самъ, такъ сказать, сѣлъ на престолъ, въ роли постоянно пребывающаго правителя; онъ при этомъ, во первыхъ, не совершилъ бы великаго нравственнаго акта повиновенія и самообузданія: кому же повиноваться? самому себѣ?! во вторыхъ власть, въ лицѣ народа, утратила бы ту нравственную, ту умѣряющую ее стихію *служенія*, которая присуща власти нормальнаго происхожденія. Будучи самъ источникомъ власти, состоя самъ внѣ всякаго контроля, служа *самому себѣ*, разнузданный отъ всѣхъ нравственныхъ узъ, не признавая никакого высшаго надъ собою начала, ни гражданскаго, ни религіознаго, — такой народъ - властитель былъ бы самымъ чудовищнымъ, безнравственнымъ явленіемъ въ мірѣ.

Но такая гипотеза никогда и не можетъ осуществиться вполнѣ, и если осуществлялась Революціею, такъ только отчасти, съ помощью самой злой и наглой лжи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить, что̀ такое народъ? Какъ придать ему уста, слухъ, очи, однимъ словомъ органы, которые бы давали возможность войти съ нимъ въ прямое, видимое и осязаемое отношеніе, какъ съ цѣльнымъ организмомъ? Обычныя формы народнаго представительства оказывались не удовлетворительными; онѣ недостаточно выражали западно-демократическую идею народнаго верховенства. Какъ-бы ни было велико число народныхъ делегатовъ, оно все же было ничтожно въ сравненіи съ народнымъ *количествомъ;* за стѣнами каждой палаты оставались массы народа, вовсе не расположенныя отрекаться отъ власти и слагать съ себя

санъ и атрибуты владыки въ пользу своихъ уполномоченныхъ, т. е. вмѣсто непосредственнаго отправленія власти, отправлять ее чрезъ двойное, тройное посредство, — чрезъ передачу власти, градаціей выборовъ, крохотному меньшинству. Какимъ же образомъ осуществить выраженіе непосредственной воли народной? Революція рѣшила эту трудную проблему по своему: или роль народа разыгрывалась Парижскою или иною городовою чернью, — или каждая демократическая партія сама себя выдавала за народъ, или же иной проходимецъ захватывалъ власть также во имя народа... Наконецъ Революція попала въ собственныя сѣти; революціонный принципъ народнаго верховнаго владычества привелъ къ провозглашенію принципа suffrage universel. Самъ въ себѣ принципъ suffrage universel, т.е. какъ „всенародный голосъ" или „всенародное мнѣніе", вполнѣ вѣренъ и истиненъ. Но всенародное мнѣніе, какъ и общественное мнѣніе, не поддается какой нибудь внѣшней, осязательной, вполнѣ уловляющей его организаціи. Это какъ-бы нравственная стихія, какъ-бы историческая воздушная атмосфера, обусловливающая народное и государственное бытіе, — съ тою впрочемъ разницею, что атмосферическія явленія требуютъ только наблюденія, а народному мнѣнію должны быть предоставлены удобства выражаться съ полною искренностью... Однако и здѣсь нѣтъ возможности опредѣлить безошибочно, по наружнымъ примѣтамъ: это вотъ *истинное*, это не *истинное* народное мнѣніе или изволеніе: такая повѣрка принадлежитъ самому народному сознанію, выражается самою исторіею... Но именно и въ этомъ случаѣ, какъ и въ отношеніи къ церкви, какъ и въ отношеніи ко всякому явленію нравственнаго свойства, сказалась присущая Западу склонность къ формулѣ, къ внѣшнимъ формальнымъ признакамъ, которую Тютчевъ такъ мѣтко назвалъ *фетишизмомъ*, послѣднимъ вѣрованіемъ Запада. Западъ отнесся къ народу не какъ къ силѣ качественной, а какъ къ силѣ количественной; поэтому и принципъ *suffrage universel*, по его опредѣленію, есть принципъ *поголовной подачи голосовъ*, *счетомъ*. Здѣсь блистательно оправдывается слово Тютчева, что, по революціоннымъ понятіямъ Запада, народъ — c'est la souveraineté du *moi* multipliée par le nombre. Это уже не цѣльный организмъ, а агломератъ, количественное сборище единицъ, отдѣльныхъ человѣческихъ *я*, разнузданныхъ человѣческихъ эгоизмовъ, не признающихъ надъ собою (таково *требованіе*, таковъ идеалъ Революціи) никакого высшаго, нравственнаго, религіознаго начала. Революціонный идеалъ оказался однакоже на практикѣ невыгоднымъ для идеалистовъ. Революція, посредствомъ изобрѣтенной ею поголовной подачи голосовъ, заклала себя собственными руками. Эта революціонная формула обратилась въ орудіе цезаризма, такъ что революціонная партія, въ наши дни, частью уже совсѣмъ отрекается отъ собственнаго дѣтища, частью изыскиваетъ средства: ловкостью, подкупомъ, терроромъ и обманомъ завербовать въ свою пользу *количество* голосовъ, *долженствующее* выражать собою — Истину!! Впрочемъ корифеи Парижской коммуны заявили иное мнѣніе: исключить изъ „народа" все многочисленное сельское населеніе, и признать „народомъ" только городское; а если-бы и городское населеніе оказалось съ ними, съ корифеями, несогласнымъ, то допустить и дальнѣйшія исключенія, такъ что подъ конецъ идея народа сошла-бы къ двумъ-тремъ самопоклоняющимся личностямъ, убѣждающимъ остальныхъ помощью петролея.

Многіе читатели можетъ быть посѣтуютъ на насъ за такія отступленія

вовсе повидимому небіографическаго свойства. Но излагая мнѣнія Тютчева по вопросамъ высшей важности, до сихъ поръ самымъ современнымъ и жгучимъ, мы желали бы устранить всякія недоразумѣнія, къ которымъ могла бы подать поводъ случайная неточность выраженій или недомолвка со стороны автора, почему и считаемъ своею обязанностью выяснить читателямъ его взгляды со всею надлежащею полнотою... Намъ остается прибавить, что Тютчевъ, обладая широкимъ историческимъ кругозоромъ, отводилъ, конечно, и Революціи, какъ и всякимъ реакціоннымъ историческимъ фактамъ, подобающее имъ мѣсто въ исторіи человѣчества, признавалъ ихъ логическую, такъ сказать законную причинность, — въ смыслѣ законности, напримѣръ, атмосферическихъ явленій, грозъ, бурь и т. д; но ему ненавистно было, какъ уже и было говорено выше, возведеніе такого факта на степень принципа, доктрины, начала правящаго обществомъ, на степень политической власти; ненавистенъ духъ отрицанія, насилія, деспотизма, безвѣрія, самообожанія человѣческой личности — освобожденной отъ нравственныхъ идеаловъ и узъ, не признающей ничего выше себя, выше своего ограниченнаго разума и животной природы.... Кто же станетъ утверждать, въ виду совершившихся и совершающихся фактовъ, что не таковъ духъ, внесенный Революціею въ жизнь народныхъ западныхъ обществъ?... Что же касается до словъ Хомякова о томъ, что онъ антиреспубликанецъ, антиконституціоналистъ и т. д., то относительно Тютчева можно сказать, что онъ, точно также, относился довольно безразлично къ формамъ правленія въ смыслѣ теоретическомъ; онъ дорожилъ прежде всего историческими существующими формами и свободнымъ органическимъ, народнымъ развитіемъ; для него важнѣе внѣшняго строя учрежденій была ихъ внутренняя *душа*. Онъ никогда не рабствовалъ тому формальному либерализму, по которому у насъ въ Россіи любятъ опознавать свободномыслящаго человѣка; онъ былъ вполнѣ свободенъ и независимъ въ своихъ мнѣніяхъ и въ выраженіи своихъ мнѣній... Вотъ отрывокъ изъ его письма въ Парижъ, къ одному Русскому знакомому, отъ 15 Іюля 1872 года, ровно за годъ до кончины:

«... Thiers donne le démenti le plus éclatant à un dicton russe très connu: одинъ въ полѣ не воинъ; il est, lui, un guerrier si isolé et néanmoins si militant. Jamais, je crois, la valeur d'une personnalité humaine n'a été mieux avérée. Eh bien, s'il réussit dans son œuvre, s'il réussit à constituer en France une république possible et viable, il aura par ce seul fait rendu à son pays sa prépondérance d'autrefois; car, il n'y a pas à se le dissimuler, dans l'état actuel des esprits en Europe, celui de ses gouvernements qui prendrait resolument l'initiative de la grande transformation en ouvrant l'ère républicaine dans le monde Européen, aurait une grande avance sur tous ses voisins, amis ou ennemis. Car le sentiment dynastique, sans lequel point de monarchie, est partout en baisse, et si parfois il y a des manifestations en sens contraire, ce n'est qu'un *remous* dans le grand courant» ...Далѣе Тютчевъ объясняетъ, почему судьбы Россіи представляются ему иными, и въ чемъ заключаются необходимыя условія бытія для ея настоящей политической формы......

Послѣдуемъ снова за Тютчевымъ въ его статьѣ: La question romaine et la papauté.

Революція—говоритъ онъ—сама устранила всякое сомнѣніе на счетъ сво-

ихъ настоящихъ отношеній къ христіанству, выразивъ ихъ въ слѣдующей формулѣ, самой повидимому смягченной, не въ той, какая было появилась во времена Конвента: „государство, какъ государство, не имѣетъ религіи“:

«Это было совершенною новостью въ мірѣ... Кто не знаетъ, что во всей исторіи, даже по ту сторону Креста, въ мірѣ языческомъ, который все же жилъ подъ сѣнію общаго вселенскаго преданія (язычествомъ, конечно, искаженнаго, но не прерваннаго), всякое градское или государственное устройство считало себя учрежденіемъ религіознымъ: это были какъ бы обломки общаго преданія, которое, воплощаясь въ отдѣльныя общества, образовывало всюду самостоятельные центры,—что-то въ родѣ религіи замкнутой мѣстностью и овеществленной (de la religion, pour ainsi dire, localisée et matérialisée). Въ первый разъ предложенъ Революціей образъ государства, совершенно отвергающаго всякое высшее освященіе, всякое отношеніе къ какому-либо сверхчеловѣческому нравственному началу,—государства объявляющаго себя бездушнымъ, а если и съ душою, такъ не знающею никакой вѣры»... «Но это притязаніе на *нейтральность* не есть дѣло серьезное и искреннее со стороны Революціи. Она слишкомъ хорошо знаетъ, что, въ отношеніи къ ея противнику, такая нейтральность невозможна: «Кто не со Мною, тотъ противъ Меня». Уже для того, чтобы обратиться къ христіанству съ предложеніемъ нейтральности, надобно было перестать быть христіаниномъ. Для того, чтобъ такое безразличное отношеніе было не ложью и западней, нужно бы, чтобъ государство согласилось отнять у себя всякое значеніе нравственнаго авторитета, низвело себя на степень простаго полицейскаго учрежденія, простаго матеріальнаго факта, неспособнаго по самой своей природѣ выражать какую бы то ни было нравственную идею.. Но впрочемъ Революція вовсе и не думаетъ довольствоваться для государства, ею созданнаго по своему образу и подобію, такимъ смиреннымъ положеніемъ, ни осуждать его на бездушіе. Она изгоняетъ изъ государствъ признанныя господствующія религіи (religions d'Etat) только потому, что замѣняетъ ихъ своею: Революціею, то есть религіею безвѣрія...»

Подъ „господствующей религіей“ въ государствѣ Тютчевъ разумѣетъ преобладающую въ народномъ обществѣ, создавшемъ себѣ государственный организмъ, религіозную стихію,—то̀ вѣроисповѣдное начало, подъ воздѣйствіемъ котораго народъ сложился какъ историческая и политическая личность, и посягать на которое ни въ какомъ смыслѣ государство не имѣетъ права, не извративъ своихъ отношеній къ народу, давшему ему бытіе. Найдутся люди, которые въ приведенныхъ нами строкахъ Тютчева увидятъ, пожалуй, смѣшеніе понятій „божескаго“ и „мірскаго“ и т. д. Но это было бы совершенно ложно: Христосъ, отдѣливши свое Царство отъ міра („Царство мое не отъ міра сего“ и „Божіе Богови, Кесарево Кесареви“), тѣмъ самымъ поставилъ Бога внѣ и превыше Кесаря, и Царство Божіе превыше земнаго. Церковь, обратившаяся въ царство отъ міра, какъ у Римскихъ католиковъ—ложь; государство, присвоивающее себѣ функціи Христовой церкви—такая же ложь. Но не меньшая, если не горшая ложь и тогда, когда Кесарь забудетъ, что надъ нимъ есть Богъ и обоготворитъ себя самого, когда идея государства возводится въ предметъ вѣроисповѣданія (въ самостоятельный „культъ“). Христіанское *общество*, для котораго государство служитъ внѣшнимъ покровомъ, средствомъ и формою общежитія, не можетъ допустить со стороны этой формы такого отношенія къ высшимъ нравствен.

нымъ цѣлямъ своего общественнаго существованія, которое бы не хотѣло съ ними считаться; не можетъ, въ своемъ общественномъ организмѣ, облеченномъ въ государственную форму, признать другой души, другаго нравственнаго идеала, кромѣ той души и того идеала которые оно само влагаетъ; не можетъ дозволить, чтобы эта форма, это государство творило бы само себя кумиромъ. Начало государственное должно *въ общественномъ сознаніи* состоять въ отношеніи нравственнаго подчиненія къ духовному, высшему для человѣка началу; въ противномъ случаѣ, государство, какъ принципъ внѣшней, условной формальной правды и вещественной силы, переступивъ свои границы, задавитъ общество, задавитъ духъ и свободу. Если государство поставитъ само себя высшею истиною, не станетъ признавать надъ собою никакого высшаго нравственнаго начала, и внѣ себя никакой такой области, за предѣлы которой оно не имѣло бы права переходить, напримѣръ религіи и церкви, то оно никогда не ограничится нейтральнымъ къ нимъ отношеніемъ, какъ и говоритъ Тютчевъ, а обнаружитъ тотчасъ же поползновеніе сломить ихъ нравственную силу, поработить ихъ себѣ, замѣнить ихъ однимъ собою. Блистательное подтвержденіе предсказаній Тютчева являетъ въ наше время, чрезъ двадцать пять лѣтъ, современная борьба государства и церкви въ Германіи...

Затѣмъ Тютчевъ переходитъ къ положенію Папы въ виду предъявленныхъ ему требованій преобразовать свою свѣтскую власть согласно съ началами современнаго государства. Между этими послѣдними началами и папствомъ не можетъ быть сдѣлки: всякая уступка со стороны Папы, который все таки христіанинъ и священникъ, была бы въ тоже время вѣроотступничествомъ. Легче и удобнѣе совсѣмъ лишить его этой, въ сущности беззаконной, власти, нежели заставить его подчиниться духу новѣйшей цивилизаціи. Тютчевъ осмѣиваетъ такъ называемое *умѣренное, разсудительное* мнѣніе многихъ людей на Западѣ, которые полагаютъ, что Папа могъ бы принять учрежденіе, откинувъ принципъ, т. е. самую душу учрежденія. „Еслибъ Папа былъ только епископомъ,“ говоритъ Тютчевъ,

«еслибъ Папство осталось вѣрнымъ своему происхожденію, Революція, подобно всякому гоненію, въ отношеніи къ нему была-бы безсильна. Но именно потому, что Папство приняло въ себя начало чужеродное, начало смерти и тлѣна, оно стало доступно ударамъ. Изо всѣхъ учрежденій, созданныхъ Папствомъ, отторгшимся отъ единства съ Православною Церковью, сильнѣе всѣхъ подвигло къ окончательному разрыву учрежденіе свѣтской власти,—и теперь именно объ это учрежденіе и суждено ему претыкаться, объ него сломиться. Такова грозная логика исторіи!..

...Конечно давно уже — говоритъ далѣе Тютчевъ—не видалъ міръ такого зрѣлища, какое представила несчастная Италія въ 1847 г., въ годъ восшествія на престолъ папы Пія IX.... Случается иногда, что, наканунѣ великой бѣды, людей охватываетъ внезапно яростный смѣхъ, бѣшеная веселость... Здѣсь цѣлый народъ былъ вдругъ обуянъ подобнымъ припадкомъ. И лозунгомъ такого бѣснующагося ликованія было имя Папы... Сколько разъ, вѣроятно, содрогнулся бѣдный служитель алтаря, уединясь въ своихъ покояхъ, отъ доносившихся до него кликовъ оргіи, которой кумиромъ былъ онъ! Сколько разъ эти рычанія любви, эти конвульсіи энтузіазма должны были вносить смятеніе и сомнѣніе въ душу этого несчастнаго христіанина, преданнаго въ добычу ужасающей популярности?.. . . . «Впервыя еще выстав-

лялось на видъ такое обожаніе Папы, а не Папства. Всѣ эти восхваленія и изъявленія преданности приносились человѣку въ надеждѣ — найдти въ немъ сообщника противъ самого учрежденія... Однимъ словомъ хотѣли праздновать Папу, сжигая Папство на потѣшномъ огнѣ... И ни въ чемъ такъ не выказались ложь и лицемѣріе этого возведенія въ апоѳеозъ главы католической церкви, какъ въ одновременномъ бѣшеномъ гоненіи на Іезуитовъ...

Не присоединяясь къ хору валовыхъ ругательствъ и нападокъ на Іезуитскій орденъ, ставшихъ такъ сказать общимъ мѣстомъ, Тютчевъ пытается взглянуть на это учрежденіе со стороны, серьезно и безпристрастно. „Іезуиты—говоритъ онъ—останутся всегда загадкой для Запада, ключъ отъ которой не у него. Іезуитскій вопросъ такъ тѣсно связанъ съ религіозной совѣстью Запада, что невозможно когда либо ожидать отъ него справедливаго рѣшенія"... Учрежденіе это возбуждаетъ къ себѣ вниманіе наблюдателя уже самою тою страшною, непримиримою ненавистью, которую оно внушаетъ къ себѣ всѣмъ врагамъ христіанской религіи: это могло бы служить ему краснорѣчивѣйшею апологіей. Но еще болѣе замѣчательна, продолжаетъ Тютчевъ„та непреодолимая сила антипатіи, которую питали къ этому ордену многіе лучшіе люди католицизма, самые искренніе, самые преданные Римской церкви, отъ Паскаля до нашихъ дней". Это послѣднее явленіе, т. е. подобное отношеніе къ езуитамъ въ значительной части римско-католическаго міра, по словамъ Тютчева, „едва ли не одно изъ самыхъ поразительныхъ и трагическихъ состояній человѣческой души. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть трагичнѣе той борьбы, которая должна происходить въ сердцѣ человѣка, когда онъ, поставленный между чувствомъ благоговѣйнаго уваженія и отвратительною очевидностью, усиливается замять, заглушить свидѣтельство собственной совѣсти, только чтобъ не признать той тѣсной, неоспоримой солидарности, какою связаны предметъ его богопочтенія и предметъ его ненависти!."

А таково именно положеніе всѣхъ вѣрныхъ католиковъ,—прибавляетъ къ этому Тютчевъ; ослѣпленные враждою къ Іезуитамъ, они не хотятъ видѣть, какая глубочайшая, внутренняя солидарность связуетъ направленіе, доктрину, судьбы Іезуитскаго Ордена съ направленіемъ, доктриной, судьбой самой Римской церкви,—и связуетъ такъ, что отдѣлить одно отъ другаго нѣтъ никакой возможности безъ органическаго поврежденія, безъ изувѣченія... Что̀ же такое Іезуиты?

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ заставляетъ ихъ подвергаться преслѣдованіямъ, гоненіямъ, лишеніямъ, трудиться денно и нощно? Что̀ же движетъ ими? Не вещественный же грубый интересъ каждаго члена лично,—въ этомъ никто ихъ и не обвиняетъ,—а идея (ложная или вѣрная, это другой вопросъ), идея, *добросовѣстное* служеніе которой побуждаетъ ихъ творить нерѣдко самыя *безсовѣстныя* дѣла. „Іезуиты, продолжаетъ Тютчевъ:

это люди, одержимые ревностью пламенною, неутомимою, нерѣдко героическою, къ дѣлу христіанской религіи. Но въ тоже время они и великіе преступники противъ христіанства, потому что духъ личнаго эгоизма, человѣческаго *я* обладаетъ ими, не отдѣльными единицами, но ими какъ Орденомъ (dominés par le moi humain non pas comme individus, mais comme Ordre); потому что они отождествили дѣло христіанское съ своимъ собственнымъ, потому что собственное самоудовлетвореніе возвели въ значеніе побѣды Божіей, и въ стяжаніе побѣдъ Господу Богу внесли всю страсть и безразборчивость личнаго эгоизма... Ихъ грѣхъ—грѣхъ самого Рима, воплотившаго въ себѣ одномъ Вселенскую Церковь... Между Іезуитами и Римомъ связь

истинно органическая, кровная. Орденъ Іезуитовъ концентрированное, но буквально вѣрное выраженіе Римскаго католицизма; однимъ словомъ: это самъ Римскій католицизмъ, но на положеніи дѣйствующаго и воинствующаго (le catholicisme romain lui-même, mais à l'état d'action, à l'état militant)» ... «Та часть западнаго общества, которая совсѣмъ оторвалась отъ христіанства, нападаетъ на Іезуитовъ только для того, чтобъ, прикрывшись ихъ непопулярностью, вѣрнѣе поражать настоящаго своего врага. Но за то католики, оставшіеся вѣрными Риму, поставлены въ такое положеніе, что хотя бы они, какъ христіане, были вполнѣ правы въ своей враждѣ къ Ордену, однакоже, нападая на Іезуитовъ, подвергаются опасности поранить глубоко самую Римскую церковь» ...

Баронъ Пфеффель въ своей статьѣ, о которой мы уже часто упоминали, приводитъ еще слѣдующее, чрезвычайно мѣткое выраженіе Тютчева: En frappant les Jésuites, on espére démolir l'Eglise: supprimer les Jésuites, c'est *désosser* le catholicisme (поражая Іезуитовъ надѣются сломить Римскую церковь: уничтожить Іезуитовъ значитъ *обезкостить* католицизмъ). Но и стать подъ іезуитское знамя нельзя, не отрекшись отъ христіанской совѣсти и чистоты христіанскаго нравственнаго ученія.. „Таково безвыходное положеніе вѣрныхъ сыновъ Римской церкви!“ (*)

Затѣмъ слѣдуетъ у Тютчева подробный анализъ разныхъ несбыточныхъ требованій, обращенныхъ къ Папѣ, при восшествіи его на престолъ, напримѣръ освобожденія Италіи отъ иноземнаго ига, возстановленія единой Италіи подъ властью Папы, „чего-то въ родѣ христіанскаго калифата“ и т. п. Двусмысленность положенія не могла долѣе продолжаться: Пій IX порвалъ наконецъ всѣ связи „съ друзьями своей особы и врагами Папства,“ — вспыхнулъ мятежъ, — Пій IX бѣжалъ, — Революція одѣлась въ образъ Римской республики. Впрочемъ, замѣчаетъ Тютчевъ, революціонная партія не удовлетворилась бы, конечно, никакими уступками со стороны Папы. Собственно говоря, ей нѣтъ никакого дѣла до очищенія церкви отъ чуждыхъ, нехристіанскихъ духовныхъ примѣсей; „ей ненавистенъ самый элементъ христіанскій, заявляемый существованіемъ Папства; по той же причинѣ, этой партіи хотѣлось бы вычеркнуть все прошедшее Италіи, всѣ историческія условія ея бытія, какъ зараженныя тѣмъ же церковнымъ началомъ; ей хотѣлось бы, *дѣйствіемъ чистаго революціоннаго абстракта*, связать вновь созидаемую республику съ республиканскимъ строемъ древняго Рима!“ Но вотъ теперь эта партія побѣждена, и папская власть возстановлена. Кѣмъ же? Къ довершенію роковой сложности и запутанности Римскаго вопроса — Французскою республикою подъ управленіемъ Людовика-Наполеона...

Въ этомъ дѣйствіи Франціи — разсуждаетъ по этому поводу Тютчевъ (замѣтимъ: вслѣдъ за совершеніемъ дѣйствія, еще въ 1849 г.) — видятъ обыкновенно или безразсудно-удалый поступокъ, un coup de tête, или ошибку. Чаще же всего говорятъ: Франція сама не знаетъ, чего хочетъ. Слѣдовало бы прибавить: Франція и не можетъ знать, чего она хочетъ. Для того чтобы знать, надо бы имѣть *единую* волю, а Франція, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ (*), осуждена имѣть ихъ *двѣ*. Здѣсь

(*) И такова, прибавимъ, неспособность католиковъ оцѣнить это свое положеніе (истинное его уразумѣніе возможно только православному), что всѣ эти строки Тютчева кажутся барону Пфеффелю *защитою* Іезуитскаго Ордена, — а не смертнымъ приговоромъ, произнесеннымъ романизму съ Орденомъ включительно!

(*) Теперь уже 85.

дѣло не въ разногласіи мнѣній, что встрѣчается во всѣхъ обществахъ, управляемыхъ партіями; здѣсь дѣло въ постоянномъ, непреходящемъ и неразрѣшимомъ антагонизмѣ, который въ теченіи 60 лѣтъ составляетъ, такъ сказать, самую основу (le fond) народной совѣсти во Франціи: *раздвоена самая душа Франціи*... Революціи было возможно перевернуть, видоизмѣнить, исказить эту страну; но ей было не вмочь, и никогда не будетъ подъ силу усвоить ее себѣ вполнѣ (elle n'a pu, ni ne pourra jamais se l'assimiler entièrement). Что бы Революція ни дѣлала, есть стихіи, начала въ нравственной жизни Франціи, которыя ей не поддадутся — долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, *пока будетъ Франція на свѣтѣ:* таковы—католическая церковь съ ея вѣрованіями и ученіемъ; христіанскій бракъ и семейство—и даже собственность. Но такъ какъ и Революція вѣроятно не согласится отдать захваченное и уже вошла въ кровь и въ самую душу Французскаго общества, и такъ какъ мы не знаемъ въ исторіи міра ни одной формулы заклинанія (formule d'exorcisme), приложимой къ цѣлому народу, то слѣдуетъ полагать, что это состояніе безпрерывной, глубоко - внутренней (intime) борьбы, раздвоенія непрестаннаго и такъ сказать органическаго, сдѣлалось на долго и очень на долго нормальнымъ состояніемъ Французскаго общества.... И вотъ почему мы, въ теченіи 60 лѣтъ, видимъ въ этой странѣ: государство, революціонное по принципу, влекущее за собою на буксирѣ цѣлое общество, которое однако не болѣе какъ взбунтовано (un état révolutionnaire par principe trainant à la remorque une société qui n'est que révolutionnée). Понятно, что правительство, которое сродни имъ обоимъ, должно непремѣнно обрѣтаться въ положеніи самомъ фальшивомъ, непрочномъ,—осуждено на безсиліе... Оно можетъ существовать только подъ условіемъ борьбы съ тою самою властью, которой обязано своимъ бытіемъ...

Все это вѣщія слова; они вполнѣ оправданы послѣдующимъ ходомъ историческихъ событій. Въ теченіи послѣдней четверти вѣка *душа* Франціи не обрѣла цѣльности, — напротивъ этотъ недостатокъ духовной цѣльности сказался пагубнымъ образомъ даже въ такой мигъ народнаго бытія, когда живѣе чѣмъ когда либо дается народу ощутить себя органическимъ цѣлымъ: мы разумѣемъ мигъ внѣшней опасности, войну 1870 г. . . Казалось бы такой простой, несложный, грубый фактъ, какъ нашествіе иноземцевъ, могъ бы хоть на время слить во едино всѣ нравственныя силы Франціи и даже послужить ей къ обновленію духа, — но онъ обличилъ только во Франціи упадокъ патріотизма. Слѣдовательно духовная язва раздвоенія проникла въ область самаго естественнаго, непосредственнаго, инстиктивно-цѣльнаго чувства,—такую область, которая повидимому недоступна дѣйствію какихъ бы то ни было отвлеченныхъ принциповъ... Можно, кажется, съ достовѣрностью утверждать, что въ случаѣ окончательнаго торжества революціоннаго начала во Франціи, т. е. при логическомъ развитіи этого начала до его крайняго выраженія, т. е. до коммуны въ родѣ бывшей Парижской и до федераціи, Франція, вслѣдъ за утратою внутренней, утратитъ и внѣшнюю цѣльность, т. е. перестанетъ быть—какъ Франція, какъ историческая индивидуальность.

Обрисовавъ нравственное и внутреннее положеніе Франціи, Тютчевъ возвращается къ поступку Французской власти въ 1849 г., т. е. къ ея вмѣшательству въ Римское дѣло и къ возстановленію ею Папства. Въ этомъ поступкѣ отражается, по его мнѣнію „вся двойственность стремленій и инстинктовъ, скрещивающихся, такъ сказать, въ сердцѣ и мысляхъ каждаго Французскаго правительства,—вся глубина противорѣчія, на

которое оно обречено"... „Правительство революціоннаго происхожденія, — гововоритъ онъ — являясь посредникомъ между Революціею и Папою, не могло конечно надѣяться примирить то, чтò по самой природѣ своей непримиримо; въ чью бы пользу изъ двухъ противниковъ оно ни рѣшило тяжбу, оно бы непремѣнно поранило само себя, отреклось бы отъ цѣлой половины себя самого. Этимъ обоюду-острымъ вмѣшательствомъ оно достигнетъ только того, что еще пуще запутаетъ спутанное, еще сильнѣе раздражитъ и ухудшитъ рану,—въ чемъ оно вполнѣ и успѣло". . Нужно-ли напоминать, что это сужденіе буквально подтвердилось событіями? Продержавъ 20 лѣтъ свои войска въ Римѣ, для поддержанія власти Папы, Наполеонъ вынужденъ былъ наконецъ отозвать ихъ, не разрѣшивъ Римскаго вопроса и не упрочивъ Папства; но самъ же Наполеонъ, въ силу той же внутренней двойственности, освободивъ Италію, двинулъ ее на Римъ, и въ концѣ концовъ окончательно испортилъ отношенія Франціи къ Италіи и погубилъ себя самого.

Далѣе Тютчевъ снова характеризуетъ уже окончательными чертами состояніе Римскаго вопроса, и въ послѣднемъ выводѣ указываетъ опять: съ одной стороны на неминуемость секуляризаціи Папства, и вмѣстѣ побѣды антихристіанскаго начала, — съ другой на нравственную невозможность для Папы согласиться на какую либо сдѣлку съ этимъ началомъ, совершить дѣло вѣроотступничества и предательства. Для всего многомилліоннаго западнаго христіанства Папство продолжаетъ служить единственнымъ оплотомъ вѣры, въ ея борьбѣ съ безвѣріемъ; но безнадеженъ этотъ оплотъ, расшатанный, подточенный въ самомъ своемъ основаніи ложью, внѣдрившеюся въ Римскую церковь. Такое роковое, безвыходное положеніе Западной церкви внушаетъ Тютчеву не глумленіе и хулу, а глубокое, искреннее состраданіе. Его обращеніе къ ней звучитъ лирическимъ, возвышеннымъ строемъ, согрѣто любовью и вѣрой:

Чтò можетъ быть ужаснѣе для служителя Христова, какъ быть обреченнымъ на власть, отправлять которую ему нельзя иначе, какъ на погибель душъ, на разореніе церкви?... Нѣтъ, по истинѣ, такое ужасное, такое противоестественное положеніе продлиться не можетъ. Наказаніе или испытаніе,—мыслимо ли, чтобъ Господь въ Своемъ милосердіи оставилъ еще на долго Римскую церковь охваченною этимъ огненнымъ кругомъ и не открылъ пути, не указалъ исхода,—исхода дивнаго, свѣтозарнаго, нечаемаго,—или лучше сказать чаемаго уже многіе вѣки... Можетъ-быть, еще много превратностей и несчастій отдѣляютъ отъ этого мгновенія Папство и подвластную ему церковь. Можетъ, они еще только при самомъ началѣ этихъ бѣдственныхъ временъ,—ибо не малое то будетъ пламя, не краткосрочный то будетъ пожаръ, который, пожирая, обращая въ пепелъ цѣлые вѣка суетныхъ притязаній и противухристіанской вражды, сокрушитъ наконецъ роковую преграду, заслоняющую желанный исходъ.

И какъ, въ виду того чтò творится, въ виду этой новой организаціи зла, самой искусной, самой грозной, какую когда-либо знавали люди,—въ виду цѣлаго міра зла, вполнѣ устроеннаго и вооруженнаго, съ его церковью безвѣрія, съ его правительствующимъ мятежомъ,—какъ возбранить христіанамъ надежду, что Господь соблаговолитъ преподать Своей Церкви крѣпость соразмѣрную съ новымъ подвигомъ ей указуемымъ, что предъ началомъ готовящагося боя Онъ возвратитъ ей полноту ея силъ, и Самъ, во время потребно, уврачуетъ Своею благою десницею язву на ея тѣлѣ, нанесенную человѣками, — эту

зіяющую язву, уже восемьсотъ лѣтъ непрестающую точить кровь!... (*)

Православная церковь никогда не отчаявалась въ этомъ изцѣленіи. Она ждетъ его, она не уповаетъ только,—она увѣрена въ немъ. Какъ тому, что̀ едино по своему началу, что̀ едино въ вѣчности, не преодолѣть разъединенія во времени? Не смотря на многовѣковую разлуку и всѣ человѣческія предубѣжденія, она не переставала признавать, что христіанское начало никогда не вымирало въ Римской церкви, что оно всегда было въ ней сильнѣе лжи и человѣческой страсти,—и вотъ почему она питаетъ внутреннее глубокое убѣжденіе, что оно пересилитъ всѣхъ своихъ враговъ. Православная церковь знаетъ и то, что въ настоящую пору, какъ и въ теченіи столѣтій, христіанскія судьбы Запада все еще въ рукахъ церкви Римской, и вѣритъ, что, въ день великаго возсоединенія, Римъ возвратитъ ей неповрежденнымъ (intacte) сей священный залогъ...

Затѣмъ въ Тютчевѣ опять всплываетъ поэтъ, и вся его завѣтная дума воплощается имъ въ слѣдующемъ величавомъ образѣ:

Да позволено будетъ намъ, въ заключеніе, напомнить обстоятельства, сопровождавшія посѣщеніе Русскимъ Императоромъ Рима въ 1846 г. Вѣроятно еще памятно то всеобще душевное волненіе, съ какимъ встрѣчено было его появленіе въ храмѣ Св. Петра,—появленіе православнаго императора, возвратившагося въ Римъ послѣ столькихъ вѣковъ отсутствія; памятенъ тотъ электрическій трепетъ, пробѣжавшій по толпѣ, когда она его увидѣла молящимся у гробницы Апостоловъ. Это волненіе имѣло законную и праведную причину. Колѣнопреклоненный императоръ былъ тамъ не одинъ; вся Россія была тамъ, колѣнопреклоненная съ нимъ вмѣстѣ... Будемъ надѣяться, что не вотще вознеслась ея молитва предъ святыми останками....

Такова статья Тютчева. Когда вспоминаешь, что эта статья написана четверть вѣка тому назадъ, то она, по истинѣ, представляется цѣлымъ событіемъ въ области мысли, въ области Русскаго и общечеловѣческаго сознанія. Нельзя не повторить съ Хомяковымъ, что „она не только лучшее, но *единственное дѣльное* (т. е. единственное вѣрное) сказанное о Западѣ *гдѣ бы то ни было*.“ Нельзя кстати не вспомнить и этихъ словъ Хомякова, что „статья Тютчева заграничной публикѣ не по плечу.“ Дѣло въ томъ, что сознать Западъ вполнѣ возможно, кажется, только Русскому; ибо самому Западу трудно стать къ себѣ въ свободное, такъ сказать, объективное отношеніе,—найти точку зрѣнія внѣ себя самого и выше себя самого. Между тѣмъ Русскій съ одной стороны на столько воспринимаетъ въ себя Западъ, что ему вѣдомы и близки всѣ біенія его сердца, всѣ радости, всѣ бѣды, всѣ чаянія, всѣ недуги Запада, вѣдомы и близки какъ будто свои, родные; съ другой стороны, оставаясь Русскимъ, сохраняя свою духовную народную самобытность, онъ обладаетъ точкою зрѣнія самою близкою къ Западу и однакоже внѣ его, и можетъ познавать Западъ въ самомъ себѣ, при помощи собственнаго внутренняго опыта. Разумѣется эта точка зрѣнія дается только самостоятельною Русскою мыслью, проникшеюся насквозь стихіей Русской народности. Только съ высоты того церковно-историческаго созерцанія, которое доступно каждому Русскому какъ православному (ибо Русская народность не-

(*) Et comment à la vue de ce qui se passe, en présence de cette organisation nouvelle du principe du mal la plus savante et la plus formidable, que les hommes aient jamais vue,—en présence de ce monde du mal, tout constitué et tout armé, avec son église d'irréligion et son gouvernement de révolte,—comment, disons-nous, serait-il interdit aux chrétiens d'espérer, que Dieu daignera proportionner les forces de Son église à Lui à la nouvelle tâche, qu'Il lui assigne, etc.

мыслима внѣ православной стихіи), открывается во всей своей ширинѣ историческій горизонтъ христіанскаго Запада, разъясняется весь смыслъ его внутренней борьбы, истинная сила и значеніе вопросовъ, его удручающихъ. На этой-то высотѣ и сталъ Тютчевъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, первый освѣтилъ историческую жизнь Запада свѣтомъ Русской, христіанской, православной мысли, — первый заговорилъ съ западнымъ обществомъ языкомъ Русскаго и православнаго, и не поколебался предъ лицомъ всего міра указать ему новый міръ мысли и духа— въ Россіи.

Статья о Римскомъ вопросѣ была единственною изъ статей Тютчева, замѣченною и у насъ, въ томъ небольшомъ кругу общества, гдѣ получался или читался Revue des deux Mondes. Но въ этомъ кругу, по преимуществу свѣтскомъ, всего менѣе могли раздѣлять мнѣнія Тютчева, особенно въ тѣ годы, когда обаяніе Европы было еще такъ сильно, и защитники народной духовной самостоятельности считались по пальцамъ. Всѣ, конечно, отдавали справедливость ея блестящему Французскому изложенію, но большею частью находили ее, какъ водится, исполненною „крайностей,“ чуждою любимой „умѣренности,“ и не отваживались въ такихъ Европейскихъ вопросахъ сняться съ буксира Европейскаго общественнаго мнѣнія. Въ бумагахъ Тютчева найденъ черновой отрывокъ или вѣрнѣе недоконченное письмо къ князю, не сказано какому, письмо чрезвычайно замѣчательное, поясняющее и пополняющее самую статью. Было ли оно когда окончено и послано, мы не знаемъ и воспроизводимъ его вполнѣ:

Мартъ 1850 г.

Я попробую, князь, отвѣтить вамъ на нѣкоторыя сомнѣнія и возраженія., возбужденныя въ васъ моею статьею о Папствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю васъ за то, что потрудились ихъ написать. Многіе, прочитавъ эту статью, говорили мнѣ, какъ и вы: «Но развѣ время теперь думать о соединеніи церквей? Возможно ли это дѣло? А еслибъ и было возможно, не представитъ ли оно для насъ болѣе неудобствъ (inconvénients), чѣмъ выгодъ?..» Должно-быть я дурно выразился въ моей статьѣ, — иначе не могло бы придти и въ голову, чтобъ я велъ рѣчь о возобновленіи Флорентійскаго собора... Нѣтъ, не такъ становится теперь (pas dans ces termes) этотъ вопросъ. Разумѣется, въ сущности, это все тотъ же вопросъ, но онъ необъятно усложнился съ 15-го вѣка.

«Прежде всего, чтобъ нѣсколько орьентироваться въ вопросѣ, нужно дать себѣ ясный отчетъ въ современномъ кризисѣ, переживаемомъ Западомъ: потому что, только понявши—въ какомъ положеніи Западъ относительно самого себя, будемъ мы въ состояніи опредѣлить свойство его настоящихъ и будущихъ къ намъ отношеній. Какъ ни трудна эта оцѣнка, но она для насъ трудна менѣе, чѣмъ для другихъ; потому что намъ, для того чтобъ орьентироваться, достаточно было бы только оставаться тамъ, гдѣ мы поставлены судьбою *). Но такова роковая участь, вотъ уже нѣсколько поколѣній сряду, тяготѣющая надъ нашими умами, что вмѣсто сохраненія за нашею мыслью, относительно Европы, той точки опоры, которая естественно намъ принадлежитъ, мы ее, эту мысль, привязали такъ сказать къ хвосту Запада. Я говорю—*мы*,—но не Россія. Ибо,—и это нужно твердо помнить,—умы въ Россіи, 60 уже лѣтъ, не переставали двигаться въ направленіи совершенно обратномъ къ тому направленію, куда увлекали Россію ея

---

*) Здѣсь непереводимая игра словъ: «Car, tout jeu de mots à part, il suffirait pour nous *orienter*, que nous restassions à la place, où le sort nous a mis» ... т. е. à l'Orient.

судьбы. *Наше* умственное будущее (notre avenir intellectuel),—собственно для *насъ*,—это былъ Западъ. Россія же, самымъ фактомъ своего существованія, отрицала будущее Запада...

Намъ твердятъ теперь каждый день, что кризисъ, которымъ одержима современная Европа, небывалый, безпримѣрный въ исторіи обществъ. Что̀ тутъ правды, въ этихъ увѣреніяхъ? Политическія катастрофы, сверженія правительствъ, случались во всѣ эпохи: это принадлежность всѣхъ революцій. Стало быть, еще не въ этомъ отличительный характеръ настоящаго движенія. Другими словами: въ чемъ именно разница между тѣмъ, что̀ въ прежнія времена носило это названіе революціи, и тѣмъ, что̀ называется теперь революціей по преимуществу (par excellence)? Вся загадка здѣсь.

Это нѣчто (чему, говорятъ, не было прецедента въ исторіи человѣчества,—и дѣйствительно нѣтъ), это нѣчто—не что иное, какъ сознательное и раціональное отрицаніе уже не только такой или другой власти, но самаго принципа власти между людьми. Все это, я знаю, было уже сто разъ сказано; но какъ вообще часто, указывая фактъ, не умѣютъ распознать его настоящаго громаднаго значенія! А значеніе его неизмѣримо важно именно потому, что эта доктрина, отрицающая абсолютно самый принципъ власти, не какая-нибудь доктрина частная, отдѣльная (isolée), случайная, произвольная, а послѣднее слово, крайній терминъ того долгаго умственнаго развитія, которое принято называть «Современною Цивилизаціею». Да, надо имѣть мужество сознаться въ томъ, что литература, философія, все это преданіе современной мысли (de la pensée moderne), вся эта умственная среда, въ которой наши умы, такъ сказать, зачаты, выросли и жили,—все это пришло и неизбѣжно должно было придти къ результату, сейчасъ мною указанному. Потому что самая сущность современной мысли такова: человѣкъ зависитъ только отъ самого себя (l'homme ne relève que de lui même); въ немъ самомъ, а не въ чемъ либо другомъ, источникъ всякой власти. Когда я называю «современною» мысль, которая также стара какъ человѣчество, я хочу сказать, что только въ мірѣ современномъ, только въ виду христіанскаго закона и изъ противодѣйствія ему могла эта мысль получить свое полное развитіе и пріобрѣсть свою необъятную практическую важность. Почему же? Полагая за основаніе, что человѣческій разумъ довлѣетъ такъ сказать себѣ самому,—вся философія древности сводится собственно къ одной сущности: къ автономіи человѣческаго разума *). Нѣтъ такого мнѣнія, нѣтъ такой доктрины, исходящей изъ этого начала, которая бы не была проповѣдана въ школахъ философовъ, отъ идеализма самаго трансцендентальнаго до матеріализма самаго грубаго. И однакоже все это движеніе умовъ ни разу не произвело на свѣтъ ничего подобнаго тому ученію, той Власти, той Силѣ, которую я назвалъ Революціей. Потому что, въ томъ возрастѣ міра и прежде явленія христіанства, философская мысль, добывая себѣ человѣка въ индивидумѣ, могла завладѣть, такъ сказать, только наименьшею его частью. Ибо *гражданинъ*, — этотъ рабъ государства, эта *вещь* государства (но именно только поэтому собственно и человѣкъ,—человѣкъ по преимуществу по понятіямъ древнихъ), — необходимо ускользалъ изъ ея рукъ. Государству же подлежалъ по праву не только индивидуумъ, но подлежала и сама мысль человѣческая. Только христіанство положило конецъ этой, возведенной въ *законъ*, неправоспособности человѣческой души, провозвѣстивъ, предъ лицомъ индивидуума, какъ и предъ

*) Въ подлинникѣ: En principe, la raison humaine se suffisant à elle-même, — l'autonomie de la raison de l'homme—c'était bien là le fond même de toute la philosophie de l'Antiquité.

лицомъ государства, Того, Кто одинъ истинный Господинъ имъ обоимъ. Подчиненіе человѣка Богу сокрушило рабство человѣка человѣку. Или вѣрнѣе, оно преобразило рабство въ добровольное и свободное повиновеніе; ибо таково по существу своему отношеніе христіанина къ власти, за которою онъ не признаетъ другаго авторитета, кромѣ того, которымъ она облечена отъ Верховнаго Владыки всяческихъ. И вотъ почему новѣйшая современная мысль, освобождая человѣка изъ подъ власти Божіей, эмансипируя человѣка отъ Бога, отнимаетъ тѣмъ самымъ всякій авторитетъ у власти земной, какая бы она ни была. То есть, другими словами, никакого принципа власти не можетъ въ наши дни существовать для общества, которое было христіанскимъ и перестало имъ быть *)...

Таковъ основный тезисъ всего историческаго міросозерцанія Тютчева. Онъ не нуждается въ доказательствахъ; но во избѣжаніе недоразумѣній и для того, чтобъ устранить возможное, хотя и ошибочное, преположеніе, будто авторъ смѣшиваетъ или отождествляетъ принципъ христіанскій съ принципомъ гражданской власти, мы считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько пояснительныхъ словъ. Міръ древній, не вѣдавшій Откровенія, не знавшій надъ собою и внѣ себя никакого высшаго, нравственнаго начала, былъ, естественно и такъ сказать de facto, самъ для себя источникомъ всякой власти, самъ своею верховною совѣстью. Но и древній міръ, томясь потребностью опредѣлить и формулировать въ самомъ себѣ свое высшее начало, старался отвлечь его отъ всего случайнаго и личнаго, и призналъ его въ идеѣ общаго, — а образомъ этого общаго было для него государство. Государство стало для него выраженіемъ высшей истины, совершенно поработило себѣ и, такъ сказать, втянуло въ себя человѣческую личность. Поэтому нигдѣ и не могла идея государства развиться въ такой строгой послѣдовательности и полнотѣ, какъ въ языческомъ мірѣ (въ формѣ ли монархической или республиканской—все равно); до своего же полнаго апогея она дошла въ Римѣ. Такое государство, само въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, альфа и омега человѣческаго бытія, само олицетворенное божество, — такое государство было уже немыслимо въ мірѣ христіанскомъ. Христіанство, указавъ человѣку и человѣчеству высшее призваніе *внѣ* государства; ограничивъ государство областью внѣшняго, значеніемъ только средства и формы, а не цѣли бытія; поставивъ превыше его начало божественной истины, источникъ всяческой силы и власти,—низвело такимъ образомъ самый принципъ государственный на низшее, подобающее ему мѣсто. На такомъ, такъ сказать, подчиненномъ отношеніи къ высшей истинѣ зиждется теперь въ христіанствѣ основаніе государства, основаніе земной власти, повиновеніе которой, въ пре-

*) Считаемъ не лишнимъ привести въ подлинникѣ всѣ эти послѣднія строки, по важности ихъ содержанія: C'est qu'à cet âge du monde et avant la venue du Christianisme, la pensée philosophique, en s'attaquant à l'homme dans l'individu, ne réussissait qu'à s'approprier pour ainsi dire la moindre partie de lui-même. Car le citoyen, cet esclave de l'Etat, cette chose de l'Etat, mais qui était l'homme par excellence de l'Antiquité, lui échappait nécessairement. En présence de l'Etat, ce n'est pas seulement l'individu, mais c'est la pensée humaine elle-même qui était son droit. Le christianisme seul mit fiin à cette incapacité légale de l'âme humaine, en venant proclamer, en face de l'individu aussi bien que de l'Etat, Celui qui était leur véritable Maitre à tous deux. La soumission de l'homme à Dieu brisa la servitude de l'homme à l'homme. Ou plutôt elle la transforma en une obéissance volontaire et libre, car telle est essentiellement l'obéissance du chrétien vis-à-vis du pouvoir, au quel il ne reconnait d'autre autorité qu'une autorité déléguée par le Souverain Maitre de toutes choses. Et voilà pourquoi la pensée moderne en émancipant l'homme de Dieu, enlève du même coup toute autorité à tout pouvoir quelconque. Ce qui revient à dire en d'autres termes, que nul principe d'autorité ne saurait subsister de nos jours pour une société qui, après avoir été chrétienne, aurait cessé de l'être...

дѣлахъ высшей истины, благословляется и повелѣвается для христіанъ Богомъ (какъ это и объяснилъ Тютчевъ). Но какъ скоро христіанскій міръ отрекся бы Бога, современное основаніе государства, основаніе всякой земной власти непремѣнно бы поколебалось: ему уже не на чемъ утвердиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднилось бы единственное начало, обуздывающее, сдерживающее въ предѣлахъ развитіе государственности, указующее ей границы. Чтобы утвердить принципъ государства или власти снова на твердомъ фундаментѣ, слѣдовало бы міру возвратиться къ языческой вѣрѣ въ государство, къ представленію древнихъ о государствѣ, слѣдовательно къ признанію за государствомъ, т. е. за началомъ формальной правды и внѣшней, грубой, принудительной силы, значенія высшей истины,—къ признанію полноправности государственной не только надъ гражданиномъ, но и надъ *человѣкомъ*. Но однажды освобожденная изъ языческаго рабства государству, человѣческая личность, которую христіанство превознесло такъ высоко, за которою признало такую полноту духовной свободы, уже не можетъ, уже не способна дать поработить себя снова. Что же выходитъ? Выходитъ сопоставленіе началъ несовмѣстимыхъ: языческаго представленія о государствѣ съ христіанскимъ представленіемъ о человѣческой личности,—ибо если въ мірѣ дохристіанскомъ человѣкъ поглощался гражданиномъ, а идея личности идеею государства, то общество христіанское, хотя бы и отрекшееся отъ Христа, не властно уже отречься отъ сознанія человѣческой индивидуальности и ея правъ,— сознанія, которому нѣтъ мѣста въ языческомъ государствѣ. Такое общество, сдвигая гражданскій порядокъ съ христіанской основы, не въ состояніи уже обрѣсти для него никакой другой основы: или государство его задушитъ, задавитъ,—что едва ли мыслимо,—или же оно обречетъ себя на состояніе вѣчнаго бунта,—чему мы и видимъ примѣры. Такое общество, отрицая христіанство, но не отказываясь отъ вложенныхъ въ него христіанствомъ требованій высшей нравственной правды, индивидуальной свободы и другихъ христіанскихъ нравственныхъ идеаловъ, станетъ непремѣнно предъявлять эти требованія къ государству, возлагать на государство осуществленіе всѣхъ этихъ невыполнимыхъ для государства запросовъ. Другими словами: оно вынуждено будетъ весь строй свободныхъ нравственныхъ отношеній, созданный христіанствомъ, вколотить въ букву, въ форму принудительнаго закона и поставить подъ охрану государственнаго жезла или дубины; оно будетъ палкой, гильотиной, петролеемъ водворять въ мірѣ любовь, равноправность, уваженіе къ человѣческой личности, къ человѣческой свободѣ. Откинувъ орудіе духовное, т. е. высшее нравственное побужденіе къ добру, даваемое вѣрою въ высшую надземную истину,—оно уже не можетъ дѣйствовать иначе, какъ орудіемъ земнымъ, какъ внѣшнимъ, хотя бы и узаконеннымъ, насиліемъ. Слѣдовательно оно само налагаетъ на себя оковы, само обрекаетъ себя на такое рабство и на такое своеволіе деспотизма, которыхъ не вѣдалъ даже языческій міръ и которыхъ само общество конечно стерпѣть не будетъ въ силахъ; но, продолжая отрицать христіанскую основу, оно осуждено лишь безпрестанно сочинять и безпрестанно разбивать создаваемыя имъ формы гражданскаго порядка,—не мирясь ни съ одною. Къ тому же человѣческая личность, какъ скоро она познала, вкусила однажды даннаго ей христіанствомъ значенія и свободы, и

затѣмъ совлекла съ себя христіанское освященіе, претворяется почти всегда не во что иное, какъ въ самый дикій, разнузданный эгоизмъ. Христіанинъ не можетъ просто перестать быть христіаниномъ и на томъ и покончить: онъ то и дѣло будетъ бороться съ своимъ бывшимъ Богомъ и въ себѣ самомъ и вокругъ себя; онъ не перестанетъ вѣчно бунтовать противъ начала, которымъ какъ воздухомъ проникнуто все его существо и все бытіе современныхъ историческихъ обществъ, бунтовать — непремѣнно озлобленно, вездѣ и всюду, въ тайникахъ души своей, на площадяхъ и улицахъ, — попирать, въ силу логической послѣдовательности, все что̀ этимъ началомъ освящалось въ мірѣ, что такъ или иначе примыкаетъ къ этому началу. Такимъ образомъ окончательный удѣлъ всякого христіанскаго общества, отрекшагося Христа, есть бунтъ или революція. Но бунтъ ничего не творитъ и не созидаетъ, а лишь отрицаетъ и разрушаетъ.—и общество, положившее революціонный принципъ въ основаніе своего развитія, должно неминуемо, отъ революціи къ революціи, дойти до анархіи, до совершеннаго самоотрицанія и самозакланія. Все это вполнѣ и буквально подтверждается исторіею Франціи отъ ея первой „великой" революціи до Парижской коммуны включительно. Такъ первая Французская революція пыталась снова воцарить въ мірѣ именно *языческое представленіе о государствѣ* и устроить республику по образу и подобію древнихъ классическихъ, но въ тоже время вводила въ свой республиканскій символъ вѣры, рядомъ съ неязыческими терминами „свобода и равенство", чисто-*христіанскій* терминъ „братство". Само собою разумѣется, что при такомъ неизбѣжномъ, роковомъ внутреннемъ противорѣчіи, всѣ усилія революціи создать государство на прочномъ языческомъ основаніи оказались тщетными; такъ что для дрессировки „*братій*" и для закрѣпощенія государству „гражданъ (citoyens), революція вынуждена была прибѣгнуть къ средству, невѣдомому въ языческомъ мірѣ — къ террору, и во имя свободы, равенства и братства, явила свѣту такую чудовищность деспотизма, съ которою можетъ только равняться поджогъ Парижа петролеемъ, учиненный Парижскою коммуною...

Впрочемъ намъ еще придется вернуться къ этому основному тезису Тютчева нѣсколько ниже, по поводу того особеннаго, указываемаго имъ процесса, которымъ начало антихристіанское совершаетъ теперь свою работу въ мірѣ протестантскомъ, въ народахъ Германскаго племени.

Нельзя не пожалѣть, что письмо Тютчева не окончено, и что, отправившись отъ вопроса о возсоединеніи церквей, онъ прервалъ цѣпь своихъ силлогизмовъ на серединѣ, хотя конечно эта цѣпь уже достаточно видна изъ самой его статьи о Папствѣ. Мы полагаемъ, что, собственно въ письмѣ, ходъ его мысли былъ бы таковъ:

Папство, разумѣется, не отрицаетъ зависимости человѣка отъ Бога; оно исповѣдуетъ христіанское ученіе о Богѣ, какъ Превысшей Истинѣ и Силѣ, отъ которой лишь одной принципъ земной власти получаетъ свое освященіе. Но наслѣдовавъ всѣ властолюбивыя похоти и духъ раціонализма древняго Рима, оно ввело въ христіанское міросозерцаніе понятіе о внѣшнемъ церковномъ авторитетѣ и устроило церковь какъ царство отъ міра, какъ государство. Въ противоположность Революціи, низводившей такъ сказать Бога съ престола, Папство само себя, какъ церковь - государство, возвело на высоту Божьяго престола, отождествило себя съ Богомъ, признавъ себя въ лицѣ го-

сударя-папы непогрѣшимою истиною и источникомъ всякой власти, отъ котораго лишь одного исходятъ и зависятъ всѣ власти земныя. Но въ борьбѣ съ мятежнымъ стремленіемъ, олицетворяемымъ Революціей и несущимъ на своемъ знамени: „нѣсть Богъ", Папство представляется единственнымъ убѣжищемъ, единственнымъ церковнымъ знаменемъ для устрашенныхъ Революціей христіанъ Запада. Тогда какъ обществу, заразившему плоть и кровь свою революціоннымъ принципомъ, мысль человѣческая отказывается предугадать исходъ,—для Папства, на сколько жива еще въ немъ христіанская стихія, казалось бы есть еще исходъ, и именно тотъ, о которомъ говоритъ Тютчевъ. Но само собой разумѣется, при современномъ положеніи дѣла, вопросъ о возсоединеніи церквей, какъ и упоминается въ письмѣ Тютчева, получаетъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ соглашеніе догматическихъ различій, хотя и оно конечно необходимо. Возвращеніе къ древнецерковному вселенскому единству возможно для Рима лишь подъ условіемъ: развѣнчанія себя какъ высшаго земнаго авторитета, смиренія предъ вселенскимъ единствомъ, отрѣшенія отъ всѣхъ мірскихъ атрибутовъ власти, возрожденія въ духѣ братской любви и свободы Христовой. Другаго спасительнаго исхода для Рима и для западнаго христіанства, безъ сомнѣнія; нѣтъ, но не подлежитъ также никакому сомнѣнію (какъ Тютчевъ и выразился вполнѣ опредѣленно въ своей статьѣ), что этому исходу долженъ предшествовать цѣлый ужасающій рядъ потрясеній, превратностей, бѣдствій...

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ статья Тютчева мало кого убѣдила: Римскій вопросъ ни западнымъ, ни Русскимъ политикамъ вовсе не казался неразрѣшимымъ, недоступнымъ какой либо сдѣлкѣ. Двадцать пять лѣтъ спустя, тѣже политики уже собирались было признать этотъ самый вопросъ почти вполнѣ разрѣшеннымъ и сдать его въ архивъ. Но, къ изумленію ихъ, оказалось иное. Оказалось, что противникъ, считавшійся пораженнымъ на смерть, живучъ. Мы видимъ, что, заключенный подъ стражею Итальянскаго единства, онъ потрясаетъ однимъ своимъ бытіемъ могущественнѣйшую имперію міра,—и потрясаетъ именно потому, что папское знамя есть единое христіанское знамя на Западѣ... Тютчевъ съ страстнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми явленіями борьбы, за всѣми видоизмѣненіями въ судьбѣ Рима. Двадцатипятилѣтній историческій періодъ, наступившій по написаніи имъ своей статьи, столь богатый событіями, былъ только подтвержденіемъ основныхъ, разъясненныхъ Тютчевымъ, положеній Римскаго вопроса. Не смотря на закоснѣлость Папы и ультрамонтановъ въ заблужденіяхъ Римской церкви, и даже благодаря этой закоснѣлости, благодаря тому, что Римская ложь обличила себя собственными своими устами посредствомъ Силлабуса и провозглашенія догмата о непогрѣшимости, христіанская совѣсть дрогнула у многихъ искреннովѣрующихъ католиковъ. Гоненія, направленныя теперь въ Германіи на католическую церковь,—не на лживыя только ея притязанія, но на самую ея правду, т. е. на неотъемлемыя и священныя ея права, на ея свободу,—эти гоненія будутъ вѣроятно также способствовать очищенію христіанскаго сознанія. Если теперь западные катотолики, даже не вѣрующіе въ догматъ о непогрѣшимости, считаютъ нужнымъ становиться подъ папское знамя, то тѣмъ не менѣе, въ совѣсти этихъ самыхъ католиковъ, на первомъ планѣ стоитъ интересъ вѣры, угрожаемой опасностью,—а не вопросъ о притязаніяхъ Папы. Поднимаются не

во имя угнетеннаго папы, а во имя угнетенной вѣры. А эта внутренняя, даже не вполнѣ сознаваемая, происходящая въ совѣсти перестановка будетъ имѣть послѣдствія нескончаемыя...

Почти на всѣ эти явленія Тютчевъ отозвался стихами и письмами. Мы считаемъ умѣстнымъ указать на нихъ здѣсь же, для того, чтобъ читатель могъ видѣть весь кругъ пройденный его мыслью и обнять его церковно-историческое, христіанское міросозерцаніе во всей полнотѣ.

Вотъ какіе стихи внушила ему знаменитая папская энциклика 1864 года:

Былъ день, когда Господней правды молотъ
Громилъ, дробилъ ветхозавѣтный храмъ,
И собственнымъ мечемъ своимъ заколотъ,
Въ немъ издыхалъ первосвященникъ самъ.

Еще страшнѣй, еще неумолимѣй
И въ наши дни, дни Божьяго суда,
Свершится казнь въ отступническомъ Римѣ
Надъ лженамѣстникомъ Христа.

Столѣтья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темныя дѣла;
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.

Не отъ меча погибнетъ онъ земнаго,
Мечемъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ;
Его погубитъ роковое слово:
«*Свобода совѣсти есть бредъ*».

А вотъ другіе, писанные въ 1867 г., едвали не по поводу кровавой схватки Французскихъ и папскихъ солдатъ съ гарибальдійцами...

Свершается заслуженная кара,
За тяжкій грѣхъ, тысячелѣтній грѣхъ...
Не отвратить, не избѣжать удара,
И правда Божья видима для всѣхъ.

То Божьей правды праведная кара,
И ей въ отпоръ чью помощь ни зови,
Свершится судъ... и папская тіара
Въ послѣдній разъ купается въ крови.

А ты—ея носитель неповинный,
Спаси тебя Господь и отрезви—
Молись ему, чтобы твои сѣдины
Не осквернились въ пролитой крови...

Созваніе и рѣшеніе Римскаго собора въ 1870 г. вызвало въ Русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, сильные толки. Многіе признавали нужнымъ, чтобы Русская церковь подала офиціально свой голосъ, или по крайней мѣрѣ, чтобъ было заявлено предъ западнымъ католическимъ міромъ Русское православное мнѣніе. На приглашеніе изъ Москвы взяться за перо снова и выступить на знакомое уже ему поприще, Тютчевъ отвѣчалъ (по-русски) слѣдующимъ письмомъ отъ 13 Марта 1870 г.

Хотѣлось бы откликнуться на вашъ призывъ, но что-то не чертится... Силъ не хватитъ, а можетъ быть и то, что среды нѣтъ, той животворной, воодушевляющей среды, внѣ которой ничто невозможно. Къ тому же мнѣ сдается, что было бы теперь не совсѣмъ своевременно для насъ, въ данную минуту, выступить на сцену... Слишкомъ рано... Надобно дать развиться всѣмъ логически-неминуемымъ послѣдствіямъ того самоубійственнаго акта, который у насъ во очію совершается. Надобно дать полемикѣ въ католической средѣ ожесточиться до зарѣзу, т. е. до расколу... Я знаю, что явнаго офиціальнаго раскола все таки не будетъ... Но вотъ что̀ будетъ... Сознавшая себя оппозиція, въ полномъ сознаніи своего права, уже не будетъ пассивно, какъ прежде, относиться къ Римской куріи. Многое, до собора еще существовавшее, фактически уничтожено соборомъ. Никакое самообольщеніе теперь невозможно,—и вмѣстѣ съ тѣмъ то притворное, афектированное смиреніе предъ папскимъ авторитетомъ, котораго доселѣ придерживались самые исключительные, самые убѣжденные противники ультрамонтанскаго ученія... Полемика вступитъ въ

новую фазу, но тутъ-то окажется вся юридическая несостоятельность оппозиціи. Подъ нею вдругъ не станетъ почвы, и она очутится на краю лжи... Тутъ другаго для нея выбора быть не можетъ: или она отступится, т. е. покорится, что̀ невѣроятно: нельзя же предположить, чтобы въ нашъ именно вѣкъ изсякла въ католической средѣ та духовная струя, которая пронизала всѣ наслоенія романизма;—а если она не уступитъ, то въ очень скоромъ времени раздадутся, съ разныхъ сторонъ, голоса, которые заговорятъ о необходимости созванія настоящаго *вселенскаго* собора... Исходъ въ протестантство можетъ быть дѣломъ частнымъ, дѣломъ личностей; но нельзя же предположить, чтобы такой значительный церковный элементъ, со всѣми своими задатками и преданіями, вдругъ бы разсыпался и разлетѣлся на вѣтеръ... Это невозможно, — и предположеніе, что въ послѣднюю минуту вся эта западная церковная оппозиція ухватится за идею вселенской церкви, по моему, правдоподобнѣе... Вотъ эту-то минуту мы и должны выждать, чтобы вступить съ ними въ прямыя отношенія... Но все-таки стоять сложа руки не слѣдуетъ. Въ насъ самихъ, прежде всего, должно созрѣть и окрѣпнуть уразумѣніе вопроса, вполнѣ сознательное...

Можетъ быть, замѣтятъ, что Тютчевъ ошибся, не предвидѣвъ явнаго раскола тогда, какъ въ слѣдующемъ же году явились старо-католики съ своею программой. Но о старо-католичествѣ еще и теперь нельзя произнести рѣшительнаго сужденія: это скорѣе симптомъ начинающагося разложенія, нежели самостоятельное, крѣпкое внутреннею силою явленіе, знаменующее новую церковную эру. Впрочемъ мнѣніе Тютчева о старо-католикахъ видно изъ вышеприведеннаго его письма къ Русской путешественницѣ въ Прагу... Гораздо замѣчательнѣе письмо, помѣщаемое нами ниже и диктованное Тютчевымъ въ Февралѣ 1873 года, когда онъ лежалъ разбитый параличемъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины. Оно вызвано еще только извѣстіемъ о новыхъ церковныхъ законахъ, составленныхъ Прусскимъ министерствомъ и утвержденныхъ палатами, — стало-быть еще до начала тѣхъ преслѣдованій, которымъ, съ такою смѣлою послѣдовательностью и Нѣмецкою добросовѣстностью, подвергли потомъ католическихъ епископовъ Прусскіе протестантскіе чиновники. Еще до исхода войны 1870 года, предвидя торжество Пруссіи, Тютчевъ, по свидѣтельству барона Пфефеля, писалъ слѣдующее:

Торжество Пруссіи значитъ торжество протестантизма, ставшаго синонимомъ раціонализма,—паденіе папства, угнетеніе совѣстей въ интересѣ безвѣрія, религіозное преслѣдованіе во имя цивилизаціи *)...

Вотъ письмо Тютчева отъ Февраля 1873 года, о которомъ мы сейчасъ упомянули,—этотъ почти уже замогильный голосъ. Приводимъ его въ подлинникѣ:

Ce qui me paraît le plus frappant dans l'état actuel des esprits en Europe, c'est le manque d'appréciation intelligente à l'endroit de quelques uns des faits les plus importants de l'époque contemporaine. Ainsi par exemple, à l'endroit de ce qui se passe en Allemagne: c'est pour la première fois depuis bien longtemps que le pouvoir se met si avant en guerre ouverte avec le principe chrétien ou avec l'Eglise. Sous prétexte de combattre une de ces tendances, telle que l'ultramontanisme ou le jésuitisme, on sent au fond de cette lutte la présence d'un élément antichrétien, et on se demande avec stupeur: d'où il vient? Rien

*) Prévoyant de bonne heure le triomphe de la Prusse, il ajoutait: «Ce sera le triomphe du protestantisme devenu synonyme du rationalisme, la chûte de la Papauté, l'oppression des croyances au profit de l'incrédulité, et la persécution religieuse au nom de la civilisation.»

de plus simple cependant: il lui vient du milieu, dans le quel il est appelé à vivre et à se mouvoir,—il lui vient de l'individu contemporain. C'est toujours la poursuite de la même œuvre, de la déïfication de l'homme par l'homme,—c'est toujours la volonté humaine érigée en quelque chose d'absolu et souverain, en loi suprême et inconditionnelle. Telle elle se manifeste dans les partis politiques, pour les quels leur intérêt personnel et la réussite de leurs projets est infiniment au-dessus de toute autre considération. Telle elle commence à se manifester aussi dans la politique des gouvernements, dans cette *politique à outrance*, qui dans la poursuite de ses buts ne s'arrête devant aucun obstacle, ne garde aucun ménagement et ne répudie aucun moyen de ceux qui peuvent le conduire à ses fins. C'est le retour pur et simple de la civilisation chrétienne à la *barbarie romaine*, et sous ce rapport le prince de Bismark est moins le restaurateur de l'empire germanique, que le restaurateur des traditions de l'empire romain. De là ce caractère de barbarie qui a signalé les allures de la dernière guerre, ce quelque chose de systématiquement impitoyable qui a épouvanté le monde. Eh bien, c'est cet élément-là qui dans l'ancienne Rome a été pour ainsi dire l'ennemi personnel du Christ et qui, à mesure qu'il s'imposera de plus en plus à la politique des états européens de nos jours, les rendra, sans qu'ils s'en doutent, personnellement hostiles à l'Eglise chrétienne, et plus particulièrement à l'Eglise catholique; car entre l'absolutisme de la volonté humaine et la loi du Christ il n'y a pas de compromis possible: c'est là le César qui sera éternellement en guerre avec le Christ. Du moment que l'on sera bien convaincu de la présence de cet élément, il y aura lieu de considérer de plus près les conséquences que pourra avoir la guerre actuellement engagée en Allemagne,—ces conséquences pouvant être d'une portée incalculable pour le monde entier. Car, en amenant dans la société européenne l'asservissement définitif de la conscience religieuse, elle pourra aussi conduire l'Europe vers un état de barbarie sans précédents dans l'histoire du monde et qui autoriserait *toutes les autres oppressions*.... Telles sont les réflexions que la lecture de ce qui se passe en Allemagne devrait faire surgir dans l'esprit de tout homme pensant, en écartant toutes les banalités qui compliquent cette lutte, telle que la haine du jésuitisme etc., banalités qui font prendre le change à l'opinion sur d'autres dangers encore que ceux signalés par les dénonciations des partis. En tout cas il ne faudrait pas laisser au prince de Bismark le soin de faire de Pie IX le dernier représentant de l'indépendance de la pensée humaine, mais éviter à tout prix à celle-ci une capitulation de Sédan... (*)

(*) Переводъ: «Чтò меня наиболѣе поражаетъ въ современномъ состояніи умовъ въ Европѣ, это недостатокъ разумной оцѣнки нѣкоторыхъ наиважнѣйшихъ явленій современной эпохи,—напримѣръ того, чтò творится теперь въ Германіи: въ первый разъ еще, послѣ долгихъ временъ, гражданская власть заходитъ такъ далеко въ явной войнѣ съ христіанскимъ принципомъ или съ церковью. Чувствуется, что подъ предлогомъ борьбы съ такими направленіями, какъ ультрамонтанизмъ или іезуитизмъ, кроется, на самомъ днѣ этой борьбы, присутствіе элемента антихристіанскаго, и съ изумленіемъ спрашиваешь себя: откуда онъ? А однако же нѣтъ ничего проще: онъ исходитъ изъ среды, въ которой призванъ жить и двигаться,—онъ привносится самимъ современнымъ человѣ-

Этими выводами замыкается и пополняется начерченный Тютчевымъ тотъ историческій кругъ, внутри котораго, по его мнѣнію, вращается современная жизнь Западной Европы. Во избѣжаніе недоразумѣній, сведемъ въ краткомъ очеркѣ, разсѣянныя въ статьяхъ и письмахъ, черты его общей мысли. Уже объяснено было выше, что только въ мірѣ языческомъ могла идея государства получить свое полное развитіе, именно потому, что этотъ міръ не вѣдалъ высшей надъ собою истины и что государство было для него учрежденіемъ, получающимъ освященіе извнутри себя самого, высшею нормою и цѣлью человѣческаго бытія,—само источникомъ всякой власти. Въ христіанскомъ же мірѣ надъ государствомъ, съ его внѣшнею правдою и грубою силою, вознеслась

комъ. Это дальнѣйшее выполненіе все того же дѣла, обоготворенія человѣка человѣкомъ,—это все таже человѣческая воля, возведенная въ нѣчто абсолютное и державное, въ законъ верховный и безусловный. Таковою проявляется она въ политическихъ партіяхъ, для которыхъ личный ихъ интересъ и успѣхъ ихъ замысловъ несравненно выше всякаго инаго соображенія. Таковою начинаетъ она проявляться и въ политикѣ правительствъ, этой политикѣ доводимой до края, во чтобы ни стало (à outrance), которая, ради достиженія своихъ цѣлей, не стѣсняется никакою преградою, ничего не щадитъ и не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ, способнымъ привести ее къ желанному результату. Это просто на просто возвратъ христіанской цивилизаціи къ Римскому варварству, и въ этомъ отношеніи князь Бисмаркъ не столько возстановитель Германской имперіи, сколько возстановитель преданій имперіи Римской. Отсюда этотъ характеръ варварства, которымъ запечатлѣны пріемы послѣдней войны,—что-то систематически безпощадное, что̀ ужаснуло міръ. Вотъ этотъ-то элементъ, который въ древнемъ Римѣ былъ такъ сказать личнымъ врагомъ Христа, этотъ-то элементъ, по мѣрѣ того какъ онъ болѣе и болѣе станетъ овладѣвать политикою современныхъ Европейскихъ государствъ, онъ-то и поселитъ въ нихъ, даже безъ ихъ вѣдома, личную враждебность къ христіанской церкви и въ особенности къ католической. Ибо между абсолютизмомъ человѣческой воли и закономъ Христовымъ не мыслима мирная сдѣлка: это и есть Кесарь, что̀ вѣчно воюетъ со Христомъ... Какъ только надлежащимъ образомъ опознаютъ присутствіе этой стихіи, такъ и увидятъ поводъ обратить болѣе пристальное вниманіе на возможныя послѣдствія борьбы, завязавшейся теперь въ Германіи,—послѣдствія, важность которыхъ способна, для всего міра, достигнуть размѣровъ неизслѣдимыхъ. Потому что, вводя въ жизнь Европейскаго общества окончательное порабощеніе христіанской совѣсти, эта борьба можетъ также повести Европу къ состоянію варварства, не имѣющему ничего себѣ подобнаго въ исторіи міра, и въ которомъ найдутъ себѣ оправданіе всяческія иныя угнетенія. Вотъ тѣ размышленія, которыя, казалось бы, чтеніе о томъ, что̀ дѣлается въ Германіи, должно вызывать въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ, помимо тѣхъ пошлостей и общихъ мѣстъ, которыми усложняется эта борьба (какъ, напримѣръ, ненависть къ іезуитамъ, и проч.) и которыя только отводятъ вниманіе общественнаго мнѣнія отъ серьезныхъ опасностей,—а опасностей еще много, помимо тѣхъ, на которыя указываютъ партіи. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы не допускать князя Бисмарка до превращенія Пія IX въ послѣдняго представителя независимости человѣческой мысли, и отвратить отъ нея, во чтобы ни стало, возможность капитуляціи въ родѣ Седанской...

правда Божія, высшая сила и власть,— такъ что самая власть земная была ограничена въ своихъ предѣлахъ, поставлена въ своемъ существованіи въ зависимость отъ отношеній своихъ къ этому высшему принципу: она уже не могла держать въ рабствѣ, считать собственностью государства, человѣческую личность, освобожденную и освященную христіанствомъ, не могла простираться на область совѣсти, и самый авторитетъ свой, въ сознаніи христіанскихъ обществъ, заимствовала отъ власти Божіей: только послѣдняя дѣлала для христіанъ послушаніе *нравственно*-обязательнымъ.

Съ воцареніемъ въ христіанскомъ обществѣ духа антихристіанскаго въ лицѣ Революціи, человѣческое *я*, отказавшись признавать надъ собою высшее нравственное начало въ Богѣ, тѣмъ менѣе оказалось способнымъ признать этотъ авторитетъ за государствомъ, и воплотило въ себя элементъ вѣчнаго бунта, отрицанія и разрушенія, чему и служитъ свидѣтельствомъ Франція. Но въ протестантскихъ земляхъ замѣчается повидимому нѣчто иное,—впрочемъ, какъ объяснится ниже, только повидимому. Въ нихъ, въ этихъ земляхъ, начало антихристіанское сказывается теперь именно въ попыткѣ создать государство по типу древняго языческаго Рима. Дѣло въ томъ, что антихристіанскій процессъ въ Германіи и вообще въ протестантскомъ мірѣ совершался и совершается иначе, чѣмъ въ мірѣ Романскомъ. Реформація, какъ извѣстно, была въ своемъ основаніи движеніемъ искренно-религіознымъ; она стремилась возвратить христіанской человѣческой личности ту свободу, которая ей дана завѣтомъ Христовымъ и которой лишилъ ее церковный Римъ. Но, отвергнувъ церковно-государственный деспотизмъ Рима, Реформація вмѣстѣ съ тѣмъ отвергла самую идею церкви въ смыслѣ христіанскомъ. Она высоко вознесла личное нравственное значеніе человѣка, поставила человѣка, такъ сказать, на свои ноги, въ отношенія личной отвѣтственности къ Богу; но она препоясала его оружіемъ только личной, единичной вѣры и единичнаго разума,—отняла у него опору и свѣтъ братской любви и единомыслія, соборной совѣсти и соборнаго разума. Церковь низведена была протестантизмомъ на степень простаго дисциплинарнаго учрежденія, и церковныя функціи перешли сами собою на государство. Крѣпко было возбуждено Реформаціей личное христіанское сознаніе въ человѣкѣ,—и долго держался протестантскій міръ этимъ личнымъ христіанскимъ элементомъ (а отчасти держится и теперь, и еще крѣпко держится, какъ напримѣръ въ Англіи); но невозможно ему было устоять въ своей цѣльности при томъ внутреннемъ противорѣчіи, которое внесено Реформаціей въ самую область вѣры. Освободивъ человѣка отъ рабства Риму и отрицая съ тѣмъ вмѣстѣ начало церкви, протестантизмъ *уединилъ* человѣка, предоставивъ его своимъ собственнымъ одинокимъ силамъ. Стремясь вознести его на высоту, — конечно подобающую каждой христіанской личности, но лишь подъ условіемъ нравственнаго закона любви, слѣдовательно подобающую только личности, *смиряемой въ своемъ эгоизмѣ* и восполняемой въ своей ограниченности братскою любовью и союзомъ, котораго выраженіе есть церковь, — протестантизмъ не только отрѣшилъ человѣческую личность отъ этого союза (стало быть отъ элементовъ ее укрощающихъ и восполняющихъ), но еще поставилъ ее въ отрицательное отношеніе къ этимъ элементамъ, къ самому принципу церкви,—и въ такомъ видѣ вознеся ее одинокою на самостоятельную высоту, препоручилъ ей храненіе истины. Провозгласивъ свободу ра-

зума и отвергая, съ тѣмъ вмѣстѣ, принципъ церкви, протестантизмъ оголилъ эту свободу отъ всякой нравственной, обуздывающей и опредѣляющей ее стихіи, а разумъ отъ высшей познавательной нравственной силы, и затѣмъ—въ такомъ оголенномъ, формальномъ, логическомъ разумѣ указалъ міру опору для вѣры. Само собою разумѣется, что при этомъ должна была неизбѣжно произойти перестановка центровъ тягости или истины. Истина, зависимая отъ внѣшней опоры или авторитета, въ сущности не есть уже истина: то что̀ даетъ ей точку опоры и свидѣтельствуетъ о ней, безъ сомнѣнія, стоитъ уже выше. Такимъ образомъ протестантскій раціонализмъ, призванный къ полноправному контролю подчиненной его охранѣ истины, мало по малу лишилъ ее своей опоры и доработался до совершеннаго ея отрицанія. Въ этомъ отрицаніи еще не было мятежа; оно не служило выраженіемъ взбунтовавшейся противъ всякаго нравственнаго авторитета, разнуздавшейся человѣческой воли,—а было только результатомъ логическаго, даже отвлеченнаго умственнаго процесса, которому, конечно, нельзя было удержаться въ своей отвлеченности и не сказаться постепенно на практикѣ въ жизни. Протестантъ послѣдовательный, признающій авторитетъ личнаго *разума*, не можетъ не отвергнуть,—какъ и дѣлаютъ открыто многіе протестантскіе пасторы,—божественность или, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, *безуміе* исповѣдуемой христіанами истины (la folie de la Croix, по выраженію Тютчева); протестантъ же вѣрующій въ божественность истины, въ ея супра-натуральное происхожденіе, осуждаетъ самъ себя на антагонизмъ съ основнымъ началомъ протестантизма, съ авторитетомъ логическаго разума. При такихъ условіяхъ положеніе личнаго христіанскаго элемента, который еще живетъ въ совѣсти народныхъ массъ, которымъ пока стоитъ протестантскій міръ, разумѣется, самое ненадежное и зыбкое. Германскіе протестантскіе правители, хорошо понимая, что не только этотъ христіанскій элементъ служитъ основаніемъ общественному, нравственному и гражданскому строю, но что на немъ до сихъ поръ покоится самый принципъ государственной власти, пытались было поднять ослабѣвшія церковно-политическія узы и даже придать нѣсколько религіозный характеръ своему званію верховныхъ командировъ церкви; но подобныя попытки такъ расходились съ господствующимъ теченіемъ общественной мысли, что не принесли никакихъ существенныхъ результатовъ. Что̀ же касается до нѣмецкой интеллигенціи, то она, совершая свою абстрактную логическую работу и безъ устали подкапываясь подъ основаніе христіанской вѣры, въ тоже время весьма наивно и съ полнымъ для себя практическимъ комфортомъ продолжала пробавляться накопленнымъ въ обществѣ, въ теченіи вѣковъ, капиталомъ христіанской нравственности и жить подъ охраною тѣхъ самыхъ христіанскихъ предразсудковъ, которые она такъ усердно разшатывала. Однакожъ и она не могла не обезпокоиться быстро возрастающею убылью капитала. Однимъ словомъ, въ протестантскомъ мірѣ Германіи почувствовалась потребность выдти изъ разъѣдающаго противорѣчія и осадить гражданское бытіе на логическія основы. Эти основы, внѣ христіанскаго сверхестественнаго элемента, не могли быть въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ только языческими. Послѣднее слово чистой и истой Нѣмецкой философіи, провозгласивъ разумность дѣйствительности, возвело государство въ значеніе воплощеннаго реальнаго разума. Оставалось осуществить такой идеалъ на практикѣ, и эта миссія естественно принадлежала Пруссіи, какъ свободной отъ средневѣковыхъ и като-

лическихъ преданій, какъ носительницѣ и представительницѣ стремленій протестантскаго Германскаго духа.—Когда, во второй половинѣ XIX вѣка, пришлось созидать въ центрѣ цивилизованной Европы новую имперію, новое государственное могущество,—то зиждительнымъ для нея элементомъ не могъ конечно служить христіанскій элементъ протестантскаго общества, недостаточно сильный для духовнаго освященія новой власти; еще менѣе были пригодны начала, провозглашенныя Французскою революціей, начала, эманципировавшія личную волю отъ какого бы то ни было авторитета. Единственнымъ зиждительнымъ элементомъ явился другой факторъ протестантскаго духовнаго міра, раціональный, логическій разумъ, жаждавшій поклониться самому себѣ въ своей реальной формѣ,—въ государствѣ. Онъ еще не объявлялъ практической открытой войны личной христіанской вѣрѣ, не проповѣдывалъ абсолютизма личной воли, не бунтовалъ, какъ человѣкъ Романскаго племени, противъ идеи какого бы то ни было авторитета, а шелъ, по свойству племени Германскаго, свободнымъ путемъ отвлеченно-логической мысли, указаннымъ ему самою Реформаціей, медленно, но постепенно объязычиваясь и объязычивая общество,—не ломая въ дребезги, но вытравливая въ человѣкѣ остатки вѣры въ божественную истину. Вотъ почему созданіе государства, — оказавшееся невозможнымъ во Франціи, для христіанскаго общества, переставшаго быть христіанскимъ — стало возможно въ Германіи, въ мірѣ протестантскомъ, на основахъ раціонализма. Но это еще не значитъ, чтобъ такое созданіе могло удержаться. Напротивъ, — окончательный результатъ по всей вѣроятности будетъ и въ Романскомъ, и Германскомъ христіанскомъ мірѣ одинаковъ, только полученный двумя совершенно-противоположными процессами. Пока дѣло пребывало въ абстрактѣ, еще можно было уживаться съ противорѣчіемъ, вносимымъ во внутреннюю жизнь вѣры началомъ логическаго разума, но когда пришлось человѣческой совѣсти встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, въ его практическомъ примѣненіи, и человѣческой свободѣ столкнуться съ его внѣшнею логическою послѣдовательностью въ дѣйствительности,—тогда обозначилось, какова природа возникающаго государственнаго могущества.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ видимъ мы теперь въ Германіи, или вѣрнѣе сказать, въ этомъ, высящемся надъ Германіей, гордомъ твореніи Бисмарка?—Германскіе философы и идеологи преклонились предъ законнымъ дѣтищемъ раціонализма, и скрѣпя сердце, признали и такъ сказать окрестили, во имя логическаго разума и необходимости, принципъ государственнаго насилія: имъ ничего другаго дѣлать и не оставалось. Это единственное, что̀ возможно было для нихъ въ области *созиданія:* инаго *создать* раціонализмъ не въ состояніи; далѣе начинается для него уже *разрушеніе*, анархія. Но имъ, либераламъ-философамъ, отъ такого сознанія не легче, потому что никакому *ex*-христіанину никогда не удастся искоренить изъ своей души христіанскій критеріумъ, идеалъ высшей нравственной истины и свободы; отрицаемый, отвергаемый, онъ продолжаетъ жить въ душѣ, какъ не удовлетворенная, пожалуй ничѣмъ не оправданная, но тѣмъ не менѣе томительная потребность. Далѣе, за этими философами-идеалистами, слѣдуетъ цѣлая туча философовъ, которые отъ философскихъ попытокъ созиданія перешли сперва къ философскому же, а потомъ, отчасти, и къ практическому труду голаго отрицанія и разрушенія,—т. е. радикаловъ, революціонеровъ, коммунистовъ, демократовъ, соціалистовъ

и т. п. Они еще не возстаютъ явно противъ Имперіи, но точатъ топоры и подготовляютъ для себя почву, озлобляя сердца противъ христіанства и снимая съ душъ всякое освященіе,—а между тѣмъ дорого продаютъ Имперіи свое, пока еще пассивное, отношеніе, или даже иногда и содѣйствіе. Затѣмъ остается громадная масса населенія—католиковъ и протестантовъ. Еслибъ правительство способно было воздержаться отъ прямой, явной борьбы съ христіанскимъ началомъ, оно могло бы вѣроятно еще протянуть на довольно долгое время религіозный миръ Имперіи, конечно двусмысленный, неискренній, но все же менѣе опасный, чѣмъ открытый разрывъ. Но оно было увлечено роковою логическою послѣдовательностью своего основнаго принципа. Какъ только государство пришло въ столкновеніе съ христіанскою стихіею тамъ, гдѣ она оказалась наиболѣе живучею, именно въ католическомъ населеніи; какъ только государство вынуждено было обнаружить свои языческія притязанія поработить себѣ личную человѣческую совѣсть и объявить себя самого верховною совѣстью, вспыхнула борьба, и конечно неугасимая; смутилась совѣсть не однихъ католиковъ, но даже и лютеранъ, еще не отрекшихся Христа и только теперь догадавшихся объ опасностяхъ, грозящихъ не лютеранству только, но христіанству вообще. Для успѣха борьбы, для оправданія насилій, князю Бисмарку потребовалась помощь другой стихіи, антихристіанской, уже и теперь достаточно сильной;—онъ вынужденъ вступить въ союзъ, противъ церковнаго и христіанскаго элемента, съ открытыми врагами Христа,—не въ союзъ съ философами-либералами, еще по старой памяти держащимися за преданія либерализма и ставшими теперь въ тупикъ, въ безъисходномъ противорѣчіи съ твореніемъ своихъ рукъ, а въ союзъ съ радикалами. Радикалы, разумѣется, охотно соглашаются на все, что̀ подрываетъ силу самого правительства, т. е. на всякія угнетенія христіанской свободы, очищающія поле для побѣдъ радикализма,—и конечно не упустятъ, въ рѣшительную минуту, потребовать отъ государства, чтобъ оно прямо и неукоснительно объявило себя нехристіанскимъ. Въ этомъ именно смыслѣ и говоритъ Тютчевъ, что всякое торжество Бисмарка надъ христіанскимъ католическимъ элементомъ готовитъ міру горшее рабство, чѣмъ то, которое сулила ему Римская церковь, и что принципъ, выражаемый Германскою имперіею, есть принципъ древняго Рима, но тѣмъ болѣе ужасный на практикѣ, что матеріаломъ для новаго языческаго Рима призвано послужить общество просвѣщенное христіанствомъ. Это возведеніе съизнова въ апоѳеозъ голаго, бездушнаго и потому безнравственнаго государственнаго начала,—это узаконеніе и освященіе насилія, — этотъ милитаризмъ, какъ вѣнецъ современнаго гражданскаго развитія,—все это уже начинаетъ оказывать свое вредное дѣйствіе и на государства, лежащія за предѣлами Германіи. Но конечно этотъ принципъ Германской имперіи можетъ пользоваться только временнымъ, хотя бы болѣе или менѣе долгимъ, успѣхомъ: антихристіанское начало, олицетворяемое государствомъ, овладѣвъ душою и совѣстью людей, не замедлитъ свергнуть съ себя и это иго государственнаго авторитета,—и логическій разумъ, не останавливаясь въ своей работѣ, логическимъ же путемъ отрицанія, приведетъ общество къ анархіи. Основное положеніе Тютчева представляется, по нашему мнѣнію, истиною неопровержимою: всякое христіанское общество, переставъ быть христіанскимъ, осуж-

дается на безвыходную анархію и революцію.

Такимъ образомъ, все движеніе современной исторіи Европейскаго Запада можетъ быть обозначено тремя крайними пунктами тяготѣнія или тремя терминами, опредѣляющими смыслъ трехъ главныхъ современныхъ направленій общественнаго духа. Это:

Римскій Папа — съ его свѣтскою властью и догматомъ о непогрѣшимости, — единственное пока убѣжище и оплотъ христіанскаго церковнаго элемента на Западѣ, осужденнаго, для „спасенія души,“ кривить душою и лукавить умомъ.

Бисмаркъ — пришествіе языческаго, государственнаго начала въ силѣ и во власти, со всѣми вышеуказанными атрибутами.

Парижская коммуна — неминуемый жребій и неизбѣжный предѣлъ антихристіанскаго революціоннаго принципа и отрицательной дѣятельности логическаго разума, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

Заключимъ этотъ отдѣлъ выписками еще изъ двухъ писемъ Тютчева, диктованныхъ имъ къ своимъ роднымъ въ Москву, также въ концѣ Февраля или въ началѣ Марта 1873 г., почти вслѣдъ за вышеприведеннымъ. Вотъ нѣсколько строкъ о Франціи:

On dirait que ce malheureux pays ne se sent pas suffisamment abimé, et que la ville de Paris nommément a soif du pétrole. C'est un grand mystère, qu'un peuple incorrigible. Cela doit tenir à l'état pathologique, quelque chose comme le ramolissement du cerveau dans toute une nation. Cette impossibilité d'avoir de l ex périence suppose l'absence complète de la faculté de se souvenir et de combiner. En un mot, c'est un état tout voisin de l'idiotisme *).

Вотъ и другое:

„Une chose m'étonne dans les hommes d'intelligence, c'est qu'ils ne sont pas plus généralement frappés des signes apocalyptiques évidents des temps qui approchent. Nous allons tous, tant que nous sommes, au devant d'un avenir, qui nous est tout aussi fermé que peut l'être l'intérieur de la lune ou de toute autre planète. Ce monde mystérieux peut-être tout un monde d'épouvante, dans le quel nous nous trouverons entrés sans nous en douter. Il circule en ce moment en Allemagne un livre, dont le titre est celui-ci: „Philosophie des Unbewussten“. C'est, à ce que l'on m'a dit, la quintessence même du nihilisme sans phrases et sans ambages. C'est la doctrine de la destruction pure et simple, générale de toute chose, de toute existence comme indigne de naître. Aussi cet ouvrage a-t-il trouvé un immense écho dans toute l'Allemagne, et je ne doute pas qu'il n'en trouve un moindre chez nous. La nature humaine, en dehors de certaines croyances et en proie aux réalités de la vie, ne peut être qu'un spasme de rage, qui ne peut fatalement aboutir qu'à la destruction. C'est le dernier mot de Judas, qui, après avoir livré Jesus Christ, a très judicieusement pensé qu'il ne lui restait qu'une chose à faire, c'est d'aller se pendre. Voilà la crise par la quelle la société sera obligée de

(*) «...Подумаешь, право, что эта несчастная страна считаетъ себя недостаточно погубленною, и что именно Парижъ жаждетъ петролея... Великая тайна—неисправимый народъ. Это должно-быть въ связи съ патологическимъ состояніемъ: что-то въ родѣ размягченія мозга у цѣлой націи. Эта невозможность пріобрѣсть опытъ, заставляетъ предполагать полнѣйшее отсутствіе способности помнить и соображать. Однимъ словомъ, это состояніе совсѣмъ близкое къ идіотизму...

passer avant d'arriver à sa crise de régénération... Voilà des propos qui sortent des attributions d'un convalescent... Laissons faire Dieu" *).

Не одну участь Іуды, отчасти уже возвѣщенную устами философа Гартмана, можно бы представить въ перспективѣ Европейскому обществу, отрекшемуся отъ „извѣстныхъ", т. е. отъ

(*)... Меня удивляетъ одно въ людяхъ мыслящихъ: то, что они не довольно вообще поражены апокалипсическими признаками приближающихся временъ. Мы всѣ безъ исключенія идемъ на встрѣчу будущаго, столько же отъ насъ сокрытаго, какъ и внутренность луны или всякой другой планеты. Этотъ таинственный міръ можетъ быть цѣлый міръ ужаса, въ которомъ мы вдругъ очутимся, даже и не примѣтивъ нашего перехода. Въ Германіи теперь въ большомъ ходу книга, которой заглавіе: «Философія Несознаваемаго» *). Это, какъ мнѣ передавали, квинтэссенція нигилизма, безъ фразъ и изворотовъ. Это доктрина разрушенія—чистаго и голаго, разрушенія всеобщаго, для всего, для всякого бытія, какъ недостойнаго быть... Да уже и нашло, за то, себѣ это сочиненіе огромнѣйшій отголосокъ по всей Германіи,—и я не сомнѣваюсь, что такой же найдетъ оно себѣ и у насъ. Человѣческая природа, внѣ извѣстныхъ вѣрованій, преданная въ добычу внѣшней дѣйствительности, можетъ быть только однимъ: судорогою бѣшенства, которой роковой исходъ—только разрушеніе. Это послѣднее слово Іуды, который, предавши Христа, очень основательно разсудилъ, что ему остается лишь одно: удавиться. Вотъ кризисъ, чрезъ который общество должно пройти, прежде чѣмъ доберется до кризиза возрожденія... Но не пристали выздоравливающему больному такія разсужденія... Предоставимъ все Богу...

*) Гартмана. Есть и въ русскомъ изложеніи.

христіанскихъ вѣрованій. Есть и другой великій символъ, предлагаемый древнимъ завѣтомъ.

Отвергнувъ бытіе Истины внѣ себя, внѣ конечнаго и земнаго, — сотворивъ себѣ кумиромъ свой собственный разумъ, человѣкъ не остановился на полудорогѣ, но увлекаемый роковою послѣдовательностью отрицанія, съ лихорадочнымъ жаромъ спѣшитъ разбить и этотъ новосозданный кумиръ,—спѣшитъ, отринувъ въ человѣкѣ душу, обоготворить въ человѣкѣ плоть и поработиться плоти. Съ какимъ-то ликованіемъ ярости, совлекши съ себя образъ Божій, совлекаетъ онъ съ себя и человѣческій образъ, и возревновавъ животному, стремится уподобить свою судьбу судьбѣ обоготворившаго себя Навуходоносора: „сердце его отъ человѣкъ измѣнится, и сердце звѣрино дастся ему... и отъ человѣкъ отженутъ его, и со звѣрьми дивіими житіе его"...

Овеществленіе духа, безграничное господство матеріи вездѣ и всюду, торжество грубой силы, возвращеніе къ временамъ варварства,—вотъ къ чему, къ ужасу самихъ Европейцевъ, торопится на всѣхъ парахъ Западъ,—и вотъ на что Русское сознаніе, въ лицѣ Тютчева, не переставало, въ теченіи 30 лѣтъ, указывать Европейскому обществу.

Если, по поводу поэтическихъ произведеній Тютчева, одинъ изъ Русскихъ его критиковъ примѣнилъ къ нему слова поэта, что онъ „создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть", то позволительно сказать, что и въ области мысли онъ пролилъ лучи яркаго, неугасимаго свѣта, не только озарившаго прошлое и настоящее въ судьбахъ человѣчества, но и проницающаго въ даль грядущихъ вѣковъ...

VI.

Напечатанныя въ свое время статьи Тютчева, раскрывая внутренній недугъ Европейскаго Запада, хотя и противопоставляютъ ему Россію, однакоже въ чертахъ довольно неопредѣленныхъ и общихъ: будущее Россіи, ея историческое призваніе, необходимыя и ближайшія задачи предлежащія ея разрѣшенію, рисуются предъ читателемъ какъ бы въ туманѣ, только слегка намѣчаются и какъ бы съ намѣреніемъ не досказываются авторомъ. Можно было бы даже предположить, что Россія для самого Тютчева опредѣлялась только одною своею противоположностью Западу, только своею отрицательною, обращенною къ Европѣ стороною, но что о положительной ея сторонѣ, о будущихъ историческихъ путяхъ Россіи, онъ имѣлъ лишь смутное представленіе, ограничивавшееся общими взглядами, чуждое всякихъ точныхъ и подробныхъ формулъ. Немало удивятся многіе, когда узнаютъ, что въ бумахъ Тютчева, уже послѣ его смерти, отыскана черновая Французская рукопись, содержащая планъ цѣлаго обширнаго сочиненія, преимущественно о политическомъ призваніи Россіи,—сочиненія, изъ котораго послѣднія двѣ напечатанныя его статьи были только отрывкомъ или отдѣльными главами. Объ этой рукописи никому не было извѣстно; никто никогда и не подозрѣвалъ ея существованія; можетъ-быть, самъ Тютчевъ забылъ о ней, а если и не забылъ, то старался не вспоминать, какъ о недовершенномъ трудѣ, какъ о живомъ укорѣ въ безпечности и лѣни... А можетъ-быть,—и это вѣроятнѣе,—были и другія причины, почему онъ нашелъ невозможнымъ, или излишнимъ доканчивать этотъ трудъ... Какъ-бы то ни было, но излагая выше содержаніе напечатанныхъ статей Тютчева, мы предпочли воздержаться отъ совмѣстнаго изложенія упомянутой черновой рукописи. Мы не сочли себя въ правѣ смѣшивать и какъ бы выставлять равносильными по значенію: мнѣнія, обнародованныя Тютчевымъ, слѣдовательно признанныя имъ самимъ достаточно зрѣлыми, обработанныя имъ въ окончательной формѣ, — и мнѣнія, сохранившіяся только въ черновыхъ замѣткахъ, которыя онъ имѣлъ полный досугъ докончить и обнародовать, и которыя однакоже держалъ двадцать пять лѣтъ подъ спудомъ. Тѣмъ не менѣе эти замѣтки очень важны, какъ выражающія ту сокровенную, задушевную думу автора, съ которою мы были до сихъ поръ лишь отчасти знакомы по неяснымъ намекамъ, разбросаннымъ въ статьяхъ и стихахъ, какъ прежде, такъ и позднѣе написанія замѣтокъ.

Рукопись помѣчена 1849 годомъ, чѣмъ свидѣтельствуется вновь, какой обильный потокъ мысли вызвала въ Тютчевѣ наружу Февральская революція, эта внезапно налетѣвшая гроза, освѣтившая своими молніями всю окрестность западнаго историческаго міра, во всей его современной, мало различаемой правдѣ.

На заглавномъ листкѣ читаемъ:

Россія и Западъ (La Russie et l'Occident).

Программа:

I. Положеніе дѣлъ (Situation).
II. Римскій вопросъ (Question romaine).
III. Италія (L'Italie).
IV. Единство Германіи (L'Unité de l'Allemagne).
V. Австрія (L'Autriche).
VI. Россія (La Russie).
VII. Россія и Наполеонъ (La Russie et Napoléon).
VIII. Россія и Революція (La Russie et la Révolution).
IX. Будущность (L'Avenir).

Изъ предположенныхъ программою главъ, двѣ, именно II-я („Римскій вопросъ и Папство“) и VIII-я („Россія и Революція“) были обработаны Тютчевымъ въ видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ статей и напечатаны. IX-я глава („Будущность“) значится только по программѣ: въ рукописи ея нѣтъ вовсе. Затѣмъ всѣ остальныя главы имѣются только въ наброскахъ: это въ свою очередь подробныя программы для каждой главы. Кромѣ того сохранилось нѣсколько отдѣльныхъ замѣтокъ, записанныхъ, какъ темы, для новыхъ статей или для разработки ихъ въ затѣваемомъ трудѣ.

Если общій выводъ изъ всѣхъ этихъ черновыхъ набросковъ и поражаетъ своею оригинальностью, то не менѣе поражаетъ въ нихъ и логическая стройность мысли, непрерывающаяся взаимная цѣпкость частныхъ выводовъ. Это не значитъ, чтобъ общій выводъ былъ безусловно вѣренъ: въ исторіи народовъ часто появляются новыя, недовѣдомыя для современниковъ движущія силы; часто, на оборотъ, сѣмена, обѣщавшія богатую жатву, оказываются не всхожи, такъ что никакія логическія соображенія, основанныя только на извѣстныхъ данныхъ, не могутъ имѣть притязанія на безошибочную разгадку народныхъ судебъ. Необходимо также принять въ расчетъ, что мы имѣемъ дѣло съ выводами, построенными четверть вѣка тому назадъ, слѣдовательно еще до совершенія тѣхъ громадныхъ политическихъ переворотовъ, которыми ознаменовались послѣднія двадцать лѣтъ Европейской исторіи.

Сдѣлавъ эту оговорку, передадимъ читателямъ содержаніе рукописи, въ сжатомъ, но и возможно-полномъ очеркѣ.

Первая глава: „Положеніе дѣлъ въ 1849 году“ мало представляетъ новаго для читателя, уже знакомаго съ печатными статьями Тютчева. Революція, говоритъ онъ, потерпѣла въ настоящее время, пораженіе, но крѣпче ли отъ того стали сами правительства? Какой *Символъ вѣры* могутъ они противопоставить революціонному „Вѣрую“? Что̀ такое Революція? „Революція — такъ опредѣляетъ ее Тютчевъ — въ ея основномъ принципѣ, самомъ существенномъ, самомъ первичномъ, есть чистѣйшій продуктъ, послѣднее слово того, что̀ въ теченіи трехъ вѣковъ условились называть *цивилизаціею Запада*. Это новѣйшая мысль, вся, въ своей цѣльности (la pensée moderne toute entière), со времени своего разрыва съ церковью“. Мысль же эта: „апоѳеозъ человѣческаго *я* въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова“... „Но, говоря серьезно, есть ли какой-либо другой символъ вѣры у западнаго общества, у западной цивилизаціи? Какимъ образомъ предержащія власти этого общества, которымъ столько вѣковъ сряду пришлось жить не въ какой-либо иной, а именно въ этой же самой умственной средѣ, какимъ образомъ станутъ онѣ теперь изъ нея выбираться? И какимъ образомъ, не высвободясь оттуда, найдутъ онѣ точку Архимеда, на которой бы могли утвердить свой рычагъ“? Объяснивъ нѣсколькими примѣрами, что сама офиціальная наука проповѣдывала постоянно тѣ самыя начала, которыхъ практическія послѣдствія такъ пугаютъ теперь и правительства, и общества, Тютчевъ ставитъ такое положеніе: „Революція, разнообразная до безконечности въ своихъ степеняхъ и проявленіяхъ, едина и тождественна въ своемъ принципѣ, а изъ этого-то принципа,—надобно же наконецъ въ томъ признаться,—и вышла вся настоящая цивилизація Запада... Мы не скрываемъ отъ себя необъятной важности такого признанія... Мы по всей вѣроятности—прибавляетъ онъ далѣе —

присутствуемъ при банкрутствѣ цѣлой цивилизаціи... Конечно, въ человѣческомъ обществѣ не все доктрина и правило; независимо отъ нихъ, есть интересы вещественные, которыхъ вполнѣ или почти достаточно въ обыкновенныя времена для огражденія ихъ правильнаго теченія... Есть наконецъ инстинктъ самосохраненія. Но инстинктъ самосохраненія, которымъ никогда не спасалась ни одна разбитая армія, въ состояніи ли онъ, въ концѣ концовъ, уберечь дѣйствительнымъ образомъ общество разрушающееся?... На этотъ еще разъ предержащія власти, и общество имъ во слѣдъ, отбили, правда, послѣдній натискъ Революціи,—но своими ли собственно силами, своимъ ли законнымъ оружіемъ защитилась новѣйшая цивилизація, эта либеральная цивилизація Запада, отъ нападавшихъ враговъ?!

Послѣ того, какъ Революція обнаружила свою страшную силу разрушенія и свою совершенную неспособность къ организаціи, къ возсозданію, пришла очередь — продолжаетъ Тютчевъ — и за правительствами показать міру, что „если они еще довольно сильны для противодѣйствія разрушенію, то не довольно сильны для созиданія. 1848 годъ подобенъ землетрясенію, которое конечно не всѣ поколебленныя имъ зданія превратило въ развалины, но за то тѣ, которыя устояли, дали такія трещины, что ежеминутно грозятъ паденіемъ“.

Такова дилемма, которая поставлена Западу историческою судьбою... Но чтобы сколько-нибудь предугадать будущія послѣдствія такого его положенія, необходимо, по мнѣнію Тютчева, сойти съ западной точки зрѣнія и постараться уразумѣть слѣдующую простую истину (vérité vulgaire):

«Европейскій Западъ—только одна половина великаго органическаго цѣлаго (d'un grand tout organique); трудности, повидимому неразрѣшимыя, претерпѣваемыя Западомъ, обрѣтутъ себѣ разрѣшеніе *только въ другой половинѣ*...

Эта другая половина — Европейскій Востокъ, Россія. Вотъ основная тема всего сочиненія. Остальныя главы, по плану автора, должны были показать, какъ въ частности каждый западно-Европейскій вопросъ примыкаетъ къ Россіи и только въ ней одной находитъ себѣ настоящій отвѣтъ.

Слѣдующая затѣмъ II-я глава: „Римскій вопросъ и Папство“ была напечатана отдѣльною статьею: она, какъ извѣстно читателямъ, указываетъ исходъ Римскому и папскому вопросу только въ возстановленіи древняго вселенскаго церковнаго единства, въ возвращеніи христіанскаго Запада къ ученію и преданіямъ христіанскаго Востока.

III глава или черновой набросокъ III-й главы, посвященной Италіи, не болѣе какъ сжатая программа; но она тѣмъ не менѣе такъ замѣчательна, такъ, по нашему мнѣнію, сочна мыслью, что̀ стоитъ цѣлой статьи и открываетъ новые горизонты историческому созерцанію. Вотъ эта программа:

Чего хочетъ Италія? Что̀ въ этомъ хотѣніи правда, что̀ ложь? Правда: независимость, муниципальное державство (souveraineté municipale) съ федеральною связью, — изгнаніе чужестранца, Нѣмца. Ложь: классическая утопія, единая Италія съ Римомъ во главѣ. Римская реставрація *).

Откуда эта утопія? Ея происхожденіе; ея роль въ прошломъ и до̀ нашихъ дней.

Двѣ Италіи: Италія народная, Италія массъ, дѣйствительная (celle du peuple, des masses, de la réalité).—Италія ученыхъ словесниковъ (des lettrés savants,—книжниковъ), революціонерствующихъ (ré-

*) Авторъ разумѣетъ здѣсь попытку возобновить республику въ Римѣ, какъ было въ 1848 г., какъ бывало и въ Средніе вѣка.

volutionnaires) съ Петрарки до Мадзини. Совершенно особенная роль этой тенденціи книжниковъ въ Италіи. Ея значеніе. Это преданіе древняго Рима, Рима языческаго. Почему въ этомъ подобіи, въ этомъ призракѣ болѣе дѣйствительности въ Италіи, чѣмъ гдѣ либо индѣ (pourquoi ce simulacre a plus de réalité en Italie, qu'ailleurs)?.

Италія Римская была Италіею завоеванною. Вотъ почему и единство Италіи, какъ разумѣютъ его эти господа, Римское дѣло, а вовсе не Италіянское (est un fait romain et nullement italien). Италія въ тѣ времена была собственностью Рима, Римскою вещью, потому что Риму принадлежало *Имперство* (parce que Rome avait l'Empire)

Здѣсь мы должны пріостановиться для того, чтобъ, такъ сказать, условиться съ читателями въ пониманіи слова: l'Empire. Мы встрѣчаемъ большое затрудненіе въ переводѣ этого слова на Русскій языкъ. По видимому, слово очень извѣстное, но въ этомъ-то и неудобство. У насъ слово *имперія* понимается только въ одномъ опредѣленномъ значеніи,—въ этомъ же ходячемъ смыслѣ употребляется оно теперь и въ Западной Европѣ, именно въ смыслѣ *монархіи крупнаго размѣра*, чиномъ выше *королевства*. Между тѣмъ l'empire или Латинское imperium не только выражаетъ вообще идею власти (je n'ai pas d'empire sur moi-même, imperium alicujus contemnere), но есть въ тоже время терминъ историческій, означающій собою и историческій фактъ (Римскую Имперію), и связанный съ нимъ историческій, политическій принципъ. Тютчевъ употребляетъ слово l'empire именно въ этомъ смыслѣ,—и на этомъ историко-политическомъ терминѣ, какъ на оси, вращается вся основная мысль его сочиненія. На французскомъ языкѣ слово l'empire легко отвлекается отъ того узкаго значенія, въ которомъ оно обыкновенно употребляется въ наши дни и возстановляется въ своемъ настоящемъ внутреннемъ объемѣ; по-русски же за словомъ *имперія* установился одинъ только смыслъ, чисто внѣшній, не предполагающій никакого историческаго происхожденія. А между тѣмъ, въ этомъ-то историческомъ содержаніи слова вся и сила. Въ самомъ дѣлѣ, отчего Германія, сплотившись, поспѣшила пожаловать себя въ Имперію? почему Франція при Наполеонѣ величается Имперіею? почему Султанъ—и тотъ даже считаетъ очень и очень лестнымъ для себя императорскій титулъ, которымъ, уже совершенно безсмысленно, чествуютъ его Европейцы? Причина въ томъ, что съ словомъ „Имперія" связывается представленіе объ Имперіи Римской, о великой *вселенской*, *единой* имперіи, которой образъ преподанъ Европейскому міру Римомъ и запечатлѣлся въ исторической памяти двухъ тысячелѣтій. Послѣ паденія Рима, въ средневѣковой исторіи, съ этимъ словомъ соединялось не только представленіе о Римской Имперіи, но и *притязаніе* на наслѣдіе Римскаго владычества, притязаніе на такое же *единое* и *верховное* господство въ мірѣ. Конечно, такія притязанія теперь оставлены, даже забыты, и слово обратилось въ титулъ, не представляющій собственно никакого смысла. Иначе было бы трудно и объяснить, какъ могутъ въ Европѣ существовать другъ подлѣ друга и называться „Имперіями" три державы, когда самый историческій терминъ „Имперія" предполагаетъ только *одну*, а не нѣсколько Имперій, когда именно въ этомъ значеніи державы *единственно-верховной* и заключается весь смыслъ, все обаяніе титула. Но не смотря на противорѣчіе титула съ его дѣйствительнымъ современнымъ значеніемъ, онъ и понынѣ составляетъ предметъ често-

любивыхъ домогательствъ народовъ и королей, хотя никто не умѣлъ бы опредѣлить: какое количество квадратныхъ миль земли, какая цифра населенія и какая численность войска даютъ право на имперскій титулъ. Тютчевъ, въ своихъ статьяхъ, ищетъ возвратить слову „Имперія" его законный и реальный историческій смыслъ. „Имперія едина по своему существу" говоритъ онъ далѣе, въ одной изъ своихъ замѣтокъ: это названіе, со всѣми своими атрибутами, по его мнѣнію, можетъ принадлежать законно только одной державѣ — Россіи.

Мы сочли нужнымъ теперь же, во избѣжаніе недоразумѣній, опредѣлить то значеніе, какое придается Тютчевымъ слову: l'Empire, и для этого забѣжали нѣсколько впередъ, предваряя постепенное разъясненіе мысли автора въ послѣдующемъ рядѣ его черновыхъ замѣтокъ. Русское слово „царство" шире смысломъ иностраннаго слова слова „имперія" въ Русскомъ употребленіи; царствами называетъ Библія древнія всемірныя монархіи, предшествовавшія Римской (Ассирійское, Македонское и пр.); царями именовала древняя Русь и Византійскихъ императоровъ; но это слово лишено обще европейскаго значенія, и сама Россія, при Петрѣ Великомъ, перевела для Европы свое названіе „Царства," допускающее всевозможное расширеніе смысла, словомъ „Имперія", какъ названіемъ, выражающимъ, по понятіямъ Европы, наивысшее государственное могущество.—Мы будемъ переводить встрѣчающееся у Тютчева слово: l'Empire, словомъ: „Имперія" придавая ему условленный, объясненный нами смыслъ. Возвращаемся къ черновому наброску Тютчева объ Италіи:

Что такое Имперія? Это уполномоченіе (c'est une délégation).— Права имъ сообщаемыя. Эти права утрачиваются вмѣстѣ съ Имперіей. Это и произошло съ Римомъ.... Но такъ какъ престолъ Имперіи уже болѣе не въ Италіи, то нѣтъ долѣе и повода для ея искусственнаго единства. Къ ней, съ полнымъ правомъ, возвращаются и ея независимость и ея мѣстныя преданія.

Удаленіе Имперіи изъ Рима и перенесеніе ея на Востокъ,—это та христіанская данная, которую языческая данная старается отрицать (c'est la donnée chrétienne, que la donnée payenne cherche à nier). И вотъ почему эта послѣдняя и не разумѣетъ истины въ положеніи Италіи.

Италія возвращенная внутренней свободѣ, но лишенная Имперіи (depouillée de l'Empire),—Италія, лишенная Имперіи, но не способная обойтись безъ имперской власти. Имперская власть—это связка пука (c'est le lien du faisceau). Отчего эта власть никогда не получила того объема, на который имѣла право?

Она была парализована Папствомъ.

Борьба Папства съ Имперіей, ея послѣдствія для Италіи.

«Римское Папство и Германская Имперія. Оба—похитители власти, узурпаторы относительно Востока: сначала сообщники, потомъ враги. Италія—ихъ спорная добыча. Оттуда всѣ ея бѣдствія. Быстрый взглядъ на всю эту печальную исторію... Оба призываютъ въ Италію чужеземца, который въ ней и поселяется.—Папство, хотя и умаленное, все еще удерживаетъ Римъ— центръ міра. Имперія, обрушась, завѣщаетъ Италію Австрійскому владычеству. Послѣдняя борьба. Австрія болѣе чужая, чѣмъ когда либо (plus étrangère que jamais). Италія раздираемая сильнѣе, чѣмъ когда либо.

По мѣрѣ сближенія Папства съ Австріей, дѣло (la cause) Итальянской независимости отождествляется все болѣе и болѣе съ дѣломъ Революціи. Величайшая опасность положенія.

Французское вмѣшательство въ интересѣ Революціи способно лишь еще болѣе усилить эту опасность. Раздоръ,—внутренняя

междоусобная борьба всѣхъ элементовъ. Положеніе безвыходное.

«Единственный возможный выходъ:

«Возстановленіе Имперіи. Секуляризація Папства».

Могутъ возразить, что выходъ нашелся, и не тотъ, какой указанъ Тютчевымъ, что свѣтская власть у Папы отнята, Италія объединена и наслаждается миромъ безъ возстановленія *той* имперіи, которую разумѣетъ авторъ. Но даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣрности выводовъ Тютчева, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что свѣтская власть Папы уничтожена только на фактѣ, путемъ насилія, а не въ принципѣ и не въ сознаніи католическаго міра; что единство Италіи едва ли кто согласится признать дѣломъ рѣшеннымъ. Италія съ своимъ населеніемъ, совершенно равнымъ населенію Пруссіи, могла освободиться отъ чужеземца и объединиться только *благодаря Франціи и потомъ Пруссіи*,— благодаря ихъ побѣдамъ и пролитой ими крови: предоставленная сама себѣ, Италія ознаменовала себя пораженіемъ при Кустоццѣ. Она не въ состояніи создать никакой грозной военной силы и не предъявляетъ никакихъ задатковъ серьезной политической жизни. Не усматривается никакой причины, никакого raison d'être быть ей единою монархіей. Но при отсутствіи элементовъ, способныхъ создать изъ нея крупный, исполненный значенія политическій организмъ, въ ней немало гнѣздится элементовъ внутренняго раздора, разрушительныхъ и революціонныхъ. Нельзя не вспомнить словъ Тютчева, что „Италія не можетъ обойтись *безъ имперской власти*, хотя сама лишена Имперіи,“ по тому поводу, что *Имперія* Французская дала ей настоящее бытіе, а *Имперія* Германская его довершила и доселѣ поддерживаетъ: пошатнись Германская Имперія, и положеніе Италіи станетъ снова ненадежнымъ: собственными силами и средствами она жить не можетъ.

Въ отдѣльныхъ замѣткахъ Тютчева мы находимъ еще слѣдующія строки относительно Италіи:

Есть двѣ вещи одинаково вообще ненавидимыя въ Италіи: *Tedeschi* и Pretri (Нѣмцы и Попы). Какая же держава была бы въ состояніи освободить Италію отъ тѣхъ и другихъ, не доставляя прибыли Революціи и не разрушая Церковь? Эта держава, если только она существуетъ, естественная покровительница Италіи.

Не нужно, кажется, и объяснять, какую державу понимаетъ здѣсь Тютчевъ. Франція и Пруссія если и освободили Италію отъ Tedeschi и Pretri, то вмѣстѣ съ тѣмъ и усилили стихію революціонную,—не только антиклерикальную, но и антихристіанскую, или по крайней мѣрѣ антицерковную.

Другая замѣтка, имѣющая связь съ статьею о Римскомъ вопросѣ:

Есть только одна свѣтская власть (pouvoir temporel), опирающаяся на Вселенскую Церковь, которая могла бы преобразовать Папство, не разрушая Церкви. Такой власти никогда не существовало и не могло существовать на Западѣ. Вотъ почему всѣ свѣтскія власти Запада, отъ Гогенштауффеновъ до Наполеона, во всѣхъ своихъ распряхъ съ Папою, кончили тѣмъ, что приняли къ себѣ въ союзники принципъ антихристіанскій, какъ поступили и такъ называемые реформаторы, и по такой же причинѣ...

Это замѣчаніе поразительно вѣрно: въ борьбѣ съ Папою, свѣтскимъ властямъ Запада не достаетъ настоящей точки опоры: противъ искаженнаго церковнаго принципа должно быть выставлено знамя высшаго истиннаго церковнаго начала, а его-то и недостаетъ... Но перейдемъ къ главѣ IV-ой: „Единство Германіи.“ Она также написана въ

формѣ програмы, которую и приводимъ вполнѣ:

«Что такое Франкфуртскій парламентъ? Взрывъ Германіи идеологовъ (l'Allemagne idéologue). Германія идеологовъ; ея исторія.—Военная идея (l'idée militaire),—это ея собственное твореніе. Она исходитъ не отъ массъ, не изъ исторіи. Это доказывается утопіей, отсутствіемъ чувства дѣйствительности, въ которомъ никогда нѣтъ недостатка у массъ, и всегда недостатокъ у книжниковъ.»

Это мнѣніе, можетъ быть и справедливое относительно затѣй Франкфуртскаго парламента 1848 года, которыми оно и вызвано, не представляетъ особеннаго современнаго интереса; но за то слѣдующія строки касаются самаго животрепещущаго изъ современныхъ вопросовъ:

Единство Германіи... Европейское преобладаніе... Но гдѣ же условія для этого? Чѣмъ была старая Германская Имперія во времена своего могущества? Имперіею, у которой душа была Римская, а тѣло Славянское (завоеванное у Славянъ, conquis sur les Slaves). Въ томъ, что̀ было Нѣмецкаго, не содержалось матеріала необходимаго для Имперіи.

Между Франціей, которая повисла надъ Рейномъ, и Восточной Европой тяготѣющей къ Россіи, есть мѣсто для независимости, но нѣтъ мѣста для первенства... А такое политическое условіе бытія, почетное, но не дающее преобладанія, требуетъ федераціи и несовмѣстно съ единствомъ. Ибо единство, система объединяющая, предполагаетъ призваніе, а у Германіи его уже нѣтъ! (car l'Unité, le système unitaire, suppose une mission, et l'Allemagne n'en a plus!)...

Но даже и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ возможно ли для Германіи органическое единство?

Дуализмъ присущій Германіи. Имперія была заклипательною формулою, для него предназначенною; но эта формула оказалась недостаточною. Имперія осуществилась, но раздѣлившись между двумя: дуализмъ устоялъ и сквозь Имперію (l'Empire réalisé à deux: le dualisme persistant à travers l'Empire).

Имперія. То, что̀ было ея душою, разбито Реформаціей, и на оборотъ Реформаціей освященъ дуализмъ. Тридцатилѣтняя война дала ему организацію. Дуализмъ—ставшій нормальнымъ состояніемъ Германіи. Австрія—Пруссія. Такъ продолжалось и до нашихъ дней.—Россія, истинная Имперія, присоюзивъ ихъ къ себѣ, усыпила антагонизмъ, но не упразднила его.—Съ устраненіемъ Россіи, возобновляется и война. Единство невозможно по принципу, потому что: съ Австріей — нѣтъ единства; безъ Австріи—нѣтъ Германіи. Германія не можетъ стать Пруссіей, потому что Пруссія не можетъ стать Имперіей. Имперія предполагаетъ законность: Пруссія же незаконна (avec l'Autriche point d'unité; sans l'Autriche—point d'Allemagne. L'Allemagne ne peut pas devenir Prusse, parceque la Prusse ne peut pas devenir Empire. Empire suppose légitimité: la Prusse est illégitime).

Имперія — индѣ (l'Empire est ailleurs). Покамѣстъ будутъ двѣ Германіи. Это ихъ природное состояніе. Единство придетъ имъ извнѣ.

Въ числѣ отдѣльныхъ замѣтокъ есть слѣдующая замѣтка подъ заглавіемъ: „Единство Германіи,“ писанная также въ 1849 году.

Весь вопросъ объ единствѣ Германіи сводится теперь къ тому: рѣшится ли Германія стать Пруссіей... Само собою разумѣется, надобно, чтобъ Германія захотѣла этого *добровольно*. Потому что принудить ее силою - Пруссія не въ состояніи. Чтобы принудить силою — имѣются только два средства: революція—средство невозможное для законнаго правительства; *завоеваніе* — невозможно по причинѣ сосѣдей.

Съ другой стороны Прусскій король, по самому свойству своего происхожденія,

никогда не можетъ быть императоромъ Германскимъ. Почему же это? По той же причинѣ, почему Лютеръ никогда бы не могъ сдѣлаться папой...

Слѣдуетъ ли, въ виду совершившихся фактовъ, признать соображенія и выводы Тютчева ошибочными?... По видимому сбылось именно то, что̀ ему казалось несбыточнымъ: вопреки его словамъ, Германское единство состоялось, и состоялось именно безъ Австріи и посредствомъ Пруссіи, и императоромъ Германскимъ сталъ никто другой, какъ Прусскій король... Дѣйствительно Тютчевъ въ 1848 году, не предвидѣлъ событій ни 1866 г. ни 1870 года: „сосѣди“ не помѣшали *„завоеваніямъ“* Пруссіи. Онъ упустилъ, можетъ быть, изъ виду логическую необходимость для протестантскаго раціонализма дойти, въ послѣдовательномъ своемъ развитіи, до *реальнаго* своего выраженія въ государственной формѣ, — проявить наружу всю свою зиждительную силу, сколько ея у него имѣется. Взоръ Тютчева былъ очевидно устремленъ только на конечные результаты, не останавливаясь на возможныхъ промежуточныхъ случайностяхъ, способныхъ, по его мнѣнію, только задержать, но не отвратить развязку. Да и самое смѣлое воображеніе едва ли въ то время отважилось бы даже предположить картину тѣхъ ужасовъ, какихъ мы были зрителями въ 1866 году. Можно ли было ожидать, во второй половинѣ XIX вѣка, такого беззастѣнчиваго нарушенія трактатовъ, договоровъ, связей, однимъ словомъ всѣхъ гарантій общественнаго бытія, какія придуманы пресловутою Европейскою цивилизаціей? Мыслима ли была внутренняя междоусобная, кровавая война въ мирной, просвѣщенной, многоученой и книжной Средней Германіи, гдѣ, казалось, каждая пушка упирается лафетомъ въ какой нибудь университетъ, а дуломъ въ музей, библіотеку, академію?

Германія повидимому объединилась и славитъ свое единство. Но на такое объединеніе не было того *добровольнаго согласія*, которое считалъ Тютчевъ необходимымъ. Она объединилась, выкинувъ за бортъ Австрію, но вмѣстѣ съ Австріей и Нѣмецкій элементъ Австрійской монархіи, сильный не столько численностью, сколько историческими преданіями и своимъ значеніемъ историческаго политическаго центра для католическаго населенія Германіи. Германская новѣйшая Имперія возникла не органически, но чрезъ завоеваніе. Она скрѣплена не нравственными узами, не тяготѣніемъ, свободнымъ и естественнымъ, частей къ центру, а „кровью и желѣзомъ“. „Кровь и желѣзо“ возведены ею въ принципъ, оправданы теоріею, поставлены на раціональныя основы. Ею не только проявлено на фактѣ, но и провозглашено какъ руководящее начало: право сильнаго. Наконецъ, по роковому закону логики, Германская Имперія объявляетъ сама себя несовмѣстимою съ свободою вѣрующей совѣсти и съ церковною стихіей христіанскаго общества, и пытается снова закрѣпостить освобожденную христіанствомъ человѣческую личность, снова поработить христіанскій міръ языческому государственному принципу. На такомъ отрицаніи всѣхъ нравственныхъ органическихъ началъ не можетъ быть созиждено ничего прочнаго,—не смотря ни на какую грозную вещественную силу, ни на какую безпощадную послѣдовательность раціонализма. Напротивъ, именно въ силу этой послѣдовательности, — непремѣннаго свойства раціонализма,—результаты внутренняго противорѣчія, которымъ проникнуто насквозь насильственное Германское единство, не замедлятъ оказаться наружу. „Антагонизмъ — повторимъ слова Тютчева —

только былъ усыпленъ, но не упраздненъ“...

Можетъ быть пройдетъ и не мало времени, прежде чѣмъ протестантскій раціонализмъ докажетъ и въ мірѣ политическомъ такую же свою зиждительную несостоятельность, какую проявилъ въ мірѣ духовномъ,—но настоящая историческая полоса, въ которую вступила Германія, по нашему мнѣнію, нисколько не колеблетъ ни основныхъ положеній, ни выводовъ Тютчева относительно будущности имперскаго единства Германіи.

Набросокъ V главы заключаетъ въ себѣ слѣдующую программу статьи объ Австріи.

Какое было значеніе Австріи въ прошломъ? Она выражала фактъ преобладанія одного племени надъ другимъ (le fait de la prédominence d'une race sur une autre): племени Нѣмецкаго надъ Славянскимъ. Какъ было возможно такое явленіе? При какомъ условіи?... Объясненіе этого явленія—объясненіе историческое—только династическое (son explication historique, seulement dynastique).

Фактъ Нѣмецкаго преобладанія надъ Славянами — ослабленный (infirmé) Россіей — уничтоженный послѣдними событіями....

Тютчевъ писалъ это въ 1849 году, и по свойству своей мысли переносился, чрезъ времена и лѣта, къ крайнему исходу опознаннаго его анализомъ положенія дѣлъ. Начало уничтоженія Нѣмецкаго господства надъ Славянами онъ видѣлъ, какъ мы знаемъ изъ одной отдѣльной замѣтки и изъ напечатанныхъ его статей, въ событіи Венгерской войны, во вмѣшательствѣ Россіи во внутреннія дѣла Австріи, въ помощи оказанной Россіей Хорватамъ и Сербамъ, возставшимъ противъ готовившагося имъ Мадьярскаго ига.

Что̀ такое Австрія теперь и чѣмъ она думаетъ быть?.. Ставши конституціонною, Австрія провозгласила Gleichberechtigung, равноправность для различныхъ народностей... Какое же ея значеніе? Система ли это общаго неутралитета? Или чистое отрицаніе? Но существованіе большой державы, основанное на отрицаніи, возможно ли? Законъ конституціонный—законъ большинства, а такъ какъ большинство въ Австріи Славянское, то стало быть Австрія—Славянское Будущее (l'Avenir slave)? Правдоподобно ли это, возможно ли даже?

Можетъ ли Австрія перестать быть Нѣмецкою, не переставъ быть вообще?... Отношенія между обоими племенами—политическія и физіологическія. — Нѣмецкій гнетъ не только гнетъ политическій, но во сто разъ хуже, ибо истекаетъ изъ той мысли, что преобладаніе Нѣмца надъ Славяниномъ—право естественное. Отсюда неразрѣшимое недоразумѣніе и вѣчная ненависть. Слѣдовательно — невозможность искренней равноправности... Такимъ образомъ провозглашенное Gleichberechtigung только обманъ.

Австрія — держава Нѣмецкая и останется Нѣмецкою. Что̀ изъ этого выйдетъ? Непрестанная междоусобная брань различныхъ не-Нѣмецкихъ народностей съ Нѣмцами Вѣны, также какъ и самихъ этихъ національностей другъ съ другомъ, при посредствѣ конституціонной законности. И такимъ образомъ Австрійское господство, вмѣсто того чтобъ быть гарантіею порядка, послужитъ только закваскою для революціи.—Славянскія населенія—вынужденныя стать *революціонными*, ради охраненія своей національности противъ Нѣмецкой власти....

Венгрія. Въ кругу Имперіи Славянской, она бы, вполнѣ естественно, удольствовалась тѣмъ подначальнымъ мѣстомъ, которое ей указывается самимъ ея положеніемъ,—но согласится ли она отъ Австріи принять тѣ условія бытія, въ которыя послѣдняя замышляетъ ее поставить?...

Важныя затрудненія.—опасности про-

истекающія отсюда для Россіи,—наконецъ совершенная для нея нестерпимость такого положенія (finalement impossibilité résultant de tout ceci pour la Russie).

Послѣ этого возможна ли Австрія? и для чего бы ей существовать?

Послѣднее размышленіе.

Австрія въ глазахъ Запада не имѣетъ другой цѣны, какъ быть *антирусскою* идеею, — противодѣйствіемъ Россіи (n'a d'autre valeur qu'une conception *anti-russe*), а между тѣмъ ей и существовать нельзя безъ помощи Россіи...

Въ отдѣльныхъ замѣткахъ Тютчевъ говоритъ въ томъ же смыслѣ:

Австрія не имѣетъ болѣе причины для бытія (raison d'être). Было сказано: «Еслибъ Австрія не существовала, нужно было бы ее выдумать»,—а за чѣмъ? Затѣмъ, чтобъ создать изъ нея орудіе противъ Россіи? Но событія только что доказали, что содѣйствіе, дружба, покровительство Россіи—условіе жизни для Австріи...

Событія не перестаютъ доказывать эту истину и теперь. Внутренній миръ Австріи зависитъ вполнѣ отъ Россіи. Нѣтъ силы способной заклясть эту зависимость, кромѣ доброй воли самой Россіи; потому что такое положеніе дѣлъ истекаетъ изъ естественныхъ ея свойствъ, какъ единой Славянской державы. Отдалясь отъ Россіи, Австрія потеряла Италію и свое мѣсто въ Германіи. Она вновь ищетъ сближенія съ Россіею, т. е. ищетъ ограды противъ новаго раздробленія извнѣ и домашнихъ междоусобій. Весь внутренній строй бытія этого государства характеризованъ Тютчевымъ еще въ 1849 году такъ вѣрно, что къ этой характеристикѣ и въ наше время прибавить рѣшительно нечего, кромѣ того, что положеніе Австріи ухудшилось, и что вопросъ Славянскій и вообще вопросъ о національностяхъ въ этой несчастной монархіи еще ярче явилъ свою неразрѣшимость, не смотря на всю отчаянную эквилибристику государственныхъ правителей. Австрія перестаетъ или уже перестала сама въ себя вѣрить. Вопросъ о существованіи Австріи, той Австріи, какую мы знаемъ, есть очевидно только вопросъ времени. Ея жизнь, если не спасти, то по крайней мѣрѣ продлить могло бы еще только открытое и искреннее признаніе себя христіанскимъ центромъ для Запада, оплотомъ церковной стихіи въ Европѣ,—но она упускаетъ изъ рукъ и эту единственную точку опору, увлекаемая антихристіанскимъ и революціоннымъ элементомъ Европейской цивилизаціи. Какая же судьба ея Славянскихъ племенъ?... Свое „послѣднее размышленіе“ объ Австріи Тютчевъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

Такое положеніе имѣетъ ли задатки жизни (т. е. служить, по мысли Запада, противодѣйствіемъ Россіи и жить только при помощи Россіи)? Вопросъ для Австрійскихъ Славянъ сводится къ слѣдующему: или остаться Славянами, ставъ Русскими,—или же стать Нѣмцами, оставаясь Австрійцами (ou rester Slaves en devenant Russes,—ou devenir Allemands en restant Autrichiens).

Послѣдняя фраза вызоветъ, мы знаемъ заранѣе, цѣлую тучу недоразумѣній, возраженій и возгласовъ, преисполненныхъ либеральнаго негодованія. Автора обвинятъ заднимъ числомъ въ панславизмѣ старой руки, въ узкости взгляда, въ завоевательныхъ замыслахъ, въ желаніи прикрѣпить къ Россіи всѣхъ Славянъ Австрійской имперіи. Такое обвиненіе будетъ совершенно ошибочно,—хотя конечно Тютчевъ никогда не раздѣлялъ тѣхъ воззрѣній на Славянскую политическую будущность, которыя въ такомъ ходу у вождей Чешской національной партіи и у такъ называемой „интеллигенціи“ прочихъ Славянскихъ народ-

ностей... Мы уже приводили выше одно письмо Тютчева къ Русской дамѣ въ Прагу, по поводу Славянъ. На основаніи этого письма и на основаніи другихъ данныхъ, мы можемъ удостовѣрить, что Тютчевъ подъ словомъ „стать Русскими“ вовсе не разумѣетъ ни государственнаго закрѣпощенія, ни обрусѣнія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Употребивъ это выраженіе, въ черновой замѣткѣ, для краткости, онъ даетъ ему тотъ смыслъ, что Славяне или должны стать гражданами Греко-Славянскаго міра, котораго душою, безъ сомнѣнія, можетъ быть и есть только Россія,—или же погибнуть прежде всего духовно, т. е. утратить свою нравственную народную самостоятельность. Мы впрочемъ уже и выше излагали сущность мнѣнія Тютчева, состоящую въ томъ, что Славяне неправославные могутъ спасти въ себѣ Славянскую народность только подъ условіемъ возвращенія къ православію: то есть возстановленія единства и общенія церковнаго со всѣмъ православнымъ Востокомъ или, собственно говоря, съ Россіей. Только *тогда*, а не иначе, могутъ они надѣяться пріобщиться и къ судьбѣ Россіи, - а вѣдь только Россіи, по сознанію самого Запада, принадлежитъ будущность... Въ противномъ случаѣ, упорствуя въ сохраненіи латинства или протестантства, они естественно *обрекаютъ себя судьбѣ Западной Европы*, съ которою они и безъ того связаны своею исторіею и цивилизаціей,—судьбѣ народовъ католическихъ и протестантскихъ, въ которой только слѣпецъ можетъ не видѣть логическое развитіе двухъ міровыхъ факторовъ, двухъ просвѣтительныхъ началъ: церковно-Римскаго и Нѣмецко-протестантскаго. Слѣдовательно, отказываясь отъ объединенія съ Россіею въ вѣрѣ, Западные Славяне сами готовятъ себѣ участь, подготовленную Западу принципомъ Римскаго церковнаго авторитета и принципомъ Реформаціи,—т. е. раціонализмомъ съ его крайнимъ выраженіемъ въ Революціи и въ новѣйшей Германской имперіи. Эту ли участь жаждутъ раздѣлить съ западными иноплеменниками Австрійскіе Славяне? Если же нѣтъ, то на какую иную участь могутъ они надѣяться, съ такою гордостью отчураясь Россіи? Не могутъ же они вообразить, что, допустивъ въ свою жизнь причины *общія* со всѣмъ Западомъ, они однако же застрахованы отъ *общихъ* послѣдствій; что имъ однимъ удастся спастись среди историческаго стремительнаго потока, охватывающаго Западную Европу, и создать себѣ свою особенную политическую будущность,—создать притомъ съ помощью не какихъ либо новыхъ, а старыхъ же, Европейскихъ же, элементовъ, и не во имя какого либо высшаго духовнаго начала, а только во имя внѣшней племенной индивидуальности и филологическаго различія? Если даже Славяне и мечтаютъ о какой либо федераціи могущей возникнуть на развалинахъ Австріи, то мыслимо ли, чтобъ эта федерація могла существовать ея собственными средствами, внѣ объединяющаго цемента—Россіи? Однимъ словомъ, вопросъ для Западныхъ Славянъ ставится просто и прямо: или объединеніе съ Россіей, или объединеніе полное и окончательное съ Западною Европою, т. е. утрата Славянской національности. При этомъ „объединеніе съ Россіей“ вовсе не означаетъ ни бунта, ни другаго какого либо насильственнаго дѣйствія относительно Австрійскаго правительства; оно предлагается Тютчевымъ вовсе не въ видѣ настоятельной практической мѣры: оно требуется только въ области Славянскаго самосознанія,—къ тому же прежде всего какъ объединеніе духовное, или точнѣе церковное. Вотъ что писалъ Тютчевъ въ письмѣ къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой отъ 6 Декабря 1871 года въ Прагу.

Понятно, что въ Прагѣ не очень удовлетворены нашимъ политическимъ образомъ дѣйствій относительно Славянъ. Даже и здѣсь на мѣстѣ онъ возбуждаетъ въ насъ, и во мнѣ не изъ послѣднихъ, нетерпѣніе и досаду. Конечно было бы очень желательно, чтобы въ официальныхъ сферахъ нашей политики существовало разумѣніе нашихъ отношеній къ Славянамъ болѣе истинное, болѣе сознательное, болѣе національное. А между тѣмъ, вѣрьте, позади всего этого невѣжества и всего этого проявленія слабости, есть, даже почти и нескрытое, Провидѣніе. Въ виду послѣднихъ совершившихся обстоятельствъ, наше офиціальное воздержаніе всего лучше служитъ великому дѣлу, дѣлу Славянъ столько же, сколько и нашему. Болѣе прямое вмѣшательство съ нашей стороны ускорило бы столкновеніе, и это столкновеніе, въ случаѣ схватки, мало теперь вѣроятной, привело бы не то что къ преждевременнымъ родамъ, а къ положительному выкидышу... Въ настоящій часъ Россія, по отношенію къ Западу, по отношенію особенно къ Германіи, оказываетъ бо̀льшую услугу Славянскимъ интересамъ своимъ всемогущественнымъ бездѣйствіемъ, чѣмъ какую могла бы оказать рѣшительнымъ дѣйствіемъ, которое теперь только бы прервало существенное дѣло Россіи, дѣло только еще начатое, объединенія и ассимиляціи. Помимо всякой дѣятельности офиціальной, самому Русскому обществу, той его сторонѣ, которая всего болѣе независима и національна, слѣдуетъ теперь способствовать довершенію этого важнаго дѣла, умножая всѣми возможными мѣрами взаимныя съ Славянами сношенія: въ области церковной, въ искусствахъ, художествахъ, — однимъ словомъ всякого рода общеніе: оно только одно можетъ примкнуть къ Россіи разсѣянныхъ членовъ великой семьи. То, что̀ я говорю, совсѣмъ не ново; но если оно поймется широко и приложится къ дѣлу разумно и съ убѣжденіемъ,—то въ немъ вся сущность задачи. Великая, огромная служба, которую мы, своимъ образомъ дѣйствій, служимъ теперь Славянамъ, заключается въ предохраненіи ихъ отъ всякого вмѣшательства извнѣ, отъ всякого чужеземнаго нашествія,—въ обезпеченіи имъ всѣхъ шансовъ fair-play, какъ говорятъ Англичане. Нашъ договоръ, по ихъ поводу, напоминаетъ нѣсколько договоръ Господа съ дьяволомъ по поводу вѣрнаго раба Іова: дьяволу хоть и дозволено было тѣснить и мучить Іова всячески, но подъ условіемъ не касаться его души... А такъ какъ Россія, будучи тѣмъ что̀ она есть, самою сдержанностью своею налагаетъ всѣмъ другимъ уваженіе къ международному праву, то будьте увѣрены: ни одна частичка Славянскаго племени, въ Турціи ли или въ Австріи, не можетъ уже отнынѣ политически погибнуть, т. е. лишиться своей народности (se dénationaliser), *только чтобъ умѣла и хотѣла бороться*... Это положительно...

Кажется это письмо служитъ достаточнымъ коментаріемъ къ вышеприведеннымъ строкамъ V главы, и выставляетъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ. Намъ думается, что данная Тютчевымъ постановка вопроса не допускаетъ даже и возраженія,—потому что вопросъ сводится собственно къ тому: хотятъ ли Славяне остаться Славянами или нѣтъ? Здѣсь кстати привести слѣдующія строфы изъ его прекраснаго стихотворенія къ Славянамъ по случаю Славянскаго съѣзда въ Россіи въ 1867 году.

. . . .

Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви;
Но знайте, гости дорогіе,
Вы здѣсь не гости, вы—*свои!*

Вы дома здѣсь, и больше до̀ма,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей,—
Здѣсь, гдѣ господство не знакомо
Иноязыческихъ властей!

Здѣсь, гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается Славянство
За тяжкій первородный грѣхъ...

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы—народъ единый,
Единой матери сыны!

Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что̀ ненавидятъ въ насъ:
Вамъ—не прощается Россія,
Россіи—не прощаютъ васъ....

Давно на почвѣ Европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась.

Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилье и обманъ,
И закрѣпила стародавность
Ихъ какъ наслѣдіе Славянъ...

Опально-міровое *племя*,
Когда же будешь ты *народъ?*
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,

И грянетъ кличь къ объединенью
И рухнетъ то, что̀ дѣлитъ насъ?..
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...

Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ,
И слово—царь-освободитель—
За Русскій выступитъ предѣлъ!

Въ этихъ строфахъ выражена задушевная дума всей жизни Тютчева,—таже самая, что̀ и въ черновой его рукописи,—съ тою разницею, что въ послѣдней онъ чертилъ себѣ самые отдаленные, конечные логическіе выводы изъ основныхъ положеній. Въ томъ же 1867 г., по случаю того же съѣзда, онъ сдѣлалъ слѣдующую приписку въ посланіи къ Ганкѣ, писанномъ еще за границей:

Такъ взывалъ я, такъ гласилъ я.
Тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ ушло:
Все упорнѣе насилье,
Все назойливѣе зло.

Ты, стоящій днесь предъ Богомъ,
Мужъ добра, святая тѣнь—
Будь вся жизнь твоя залогомъ,
Что придетъ желанный день.

За твое же постоянство
Въ нескончаемой борьбѣ,
Первый праздникъ *всеславянства*
Приношеньемъ будь тебѣ!

Возвращаемся снова къ предположенному Тютчевымъ сочиненію: „Россія и Западъ,“—именно къ главѣ: „Россія и Наполеонъ“, т. е. Наполеонъ I. Хотя она въ рукописи поставлена VII-ю, а не VI-ю, однако мы считаемъ удобнѣе, при нашемъ изложеніи, измѣнить этотъ порядокъ, руководясь общимъ ходомъ его мысли, который состоитъ, кажется, въ томъ, чтобы сначала раскрыть истинное политическое положеніе западныхъ странъ и неизбѣжную, роковую связь ихъ судебъ съ судьбою Россіи,—за тѣмъ уже опредѣлить значеніе и призваніе Россіи, самой въ себѣ. Къ наброску о Наполеонѣ мы присоединяемъ и отдѣльныя замѣтки.

Реторика по поводу Наполеона — говоритъ Тютчевъ — заслонила историческую дѣйствительность, смысла которой не поняла и поэзія. Это центавръ, который одною половиною своею тѣла—Революція... Исторія его помазанія на царство (l'histoire de son sacre)—символъ всей его исторіи. Онъ хотѣлъ въ своемъ лицѣ миропомазать (sacrer) Революцію, что̀ и претворило его царствованіе въ *пародію* серьезнаго свойства, въ пародію Карла Великаго. Ему

недоставало сознанія своего права, и вотъ отчего онъ всегда игралъ роль: именно эта примѣсь суетности (ce quelque chose de *mondain*) и отнимаетъ всякое величіе у его величія. Попытка возобновить Карла Великаго была не только анахронизмомъ, какимъ она была и для Людовика XIV и для Карла V,— но сама въ себѣ зазорнымъ противорѣчіемъ (un scandaleux contre-sens), ибо она производилась во имя власти—Революціи—которая самое существенное свое призваніе поставила именно въ томъ, чтобъ стереть всякой слѣдъ, до послѣдняго, отъ творенія Карла Великаго.—Революція убила Карла Великаго; Наполеонъ хотѣлъ его передѣлать. Но со времени появленія Россіи, Карлъ Великій уже сталъ невозможенъ. Отсюда неизбѣжное столкновеніе между Россіею и Наполеономъ.

Противорѣчія въ его чувствахъ относительно Россіи. Влеченіе и отвращеніе. Еслибъ онъ и хотѣлъ раздѣлить съ нею Имперію, онъ не могъ бы этого сдѣлать. Имперія—принципъ, она недѣлима (l'Empire est un principe, il ne se partage pas).... (Если исторія Эрфуртскаго свиданія вѣрна—то это была минута величайшаго уклоненія путей Россіи). Замѣчательно: личнымъ врагомъ Наполеона была Англія, а сокрушился онъ объ Россію: потому что истиннымъ его противникомъ была она. Борьба между нимъ и ею была борьба между вѣнчанною Революціею и законной Имперіей.

Революція 1789 года—была разложеніемъ Запада. Она разрушила его политическую автономію (l'autonomie de l'Occident). Она убила на Западѣ власть внутреннюю, туземную, и вслѣдствіе того преклонила его подъ власть чужую, внѣшнюю. Ибо никакое общество не можетъ обойтись безъ власти; вотъ почему всякое общество, не способное извлечь ее изъ собственныхъ нѣдръ, осуждено, инстинктомъ самосохраненія, заимствовать ее извнѣ.—Наполеонъ выражаетъ послѣднюю отчаянную попытку Запада создать себѣ туземную власть (pouvoir indigène); эта попытка рушилась неизбѣжно, ибо невозможно извлечь принципъ власти изъ принципа революціоннаго. А Наполеонъ былъ самъ воплощеніемъ этого принципа и не могъ быть ничѣмъ инымъ.

Хотя Тютчевъ въ началѣ 1849 года и не предвидѣлъ еще другаго Наполеона, но и 18-лѣтнее существованіе во Франціи второй Имперіи нисколько не измѣнило постановки вопроса, которая относительно народовъ Романскаго происхожденія и Римско-католическаго исповѣданія намъ кажется безусловно правильною. Франція и Испанія истощаются въ попыткахъ создать у себя прочную власть и являютъ міру свою совершенную несостоятельность въ разрѣшеніи этой задачи. Да впрочемъ, такая задача—найти въ революціонномъ элементѣ основу для незыблемаго авторитета власти—помудренѣе, чѣмъ задача о квадратурѣ круга. Могутъ явиться и новые Наполеоны,—на короткій срокъ цезаризмъ будетъ смѣняться республикою и обратно — республика цезаризмомъ, король Амедей Альфонсомъ или республиканскими формами той или другой литературной системы: не измѣнится только, въ своемъ существѣ, единое державствующее въ этихъ странахъ начало,—революціонное; оно и дойдетъ неминуемо до крайняго предѣла своего развитія. О судьбѣ Италіи мы уже говорили выше: она и теперь въ сущности, а въ будущемъ и подавно, лишена самостоятельнаго политическаго значенія. Призовутъ ли эти страны власть извнѣ, или же просто будутъ покорены Германскому племени, увлекаемому въ своихъ судьбахъ роковою послѣдовательностью своего новаго политическаго девиза (потому что „Имперія" не просто титулъ, а принципъ и преданіе, невольно и безсознательно усвоиваемыя съ титуломъ)—объ этомъ гадать теперь труд-

но. Несомнѣнно одно: совершенное оскудѣніе въ политическихъ тѣлахъ Романскаго племени внутренней зиждительной, политической силы.—Вопросъ можетъ еще считаться, такъ сказать, открытымъ относительно одной Германіи. Повидимому, есть поводъ замѣтить, что Тютчевъ недостаточно взвѣсилъ внутреннюю зиждительную силу племени Германскаго, не на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы предвидѣть заранѣе возможность той исторической фазы, въ которую вступила теперь Германія съ созданіемъ новой Германской Имперіи. Но эта историческая фаза не въ силахъ измѣнить ни основнаго положенія Тютчева, ни логическихъ изъ него выводовъ относительно конечной судьбы протестантскаго раціонализма, духомъ котораго порождена и движется эта Имперія,—какъ это уже и было объяснено.

Главу о Наполеонѣ и Россіи Тютчевъ заканчиваетъ слѣдующими строками.

Онъ самъ, на подобіе древнимъ (à la manière antique) пророчествовалъ о ней: «она увлекаема рокомъ; да свершатся же ея судьбы...» *).

Онъ самъ на рубежѣ Россіи,
Проникнутъ весь предчувствіемъ борьбы,
Слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!!!»

И не напрасно было заклинанье:
Судьба откликнулась на голосъ твой;
И самъ же ты, потомъ, въ твоемъ изгнаньи,
Ты пояснилъ отвѣтъ имъ роковой...

Здѣсь Тютчевъ приводитъ свои собственные стихи о Наполеонѣ, написанные, кажется, еще въ 1841 году, но приводитъ ихъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они были извѣстны и напечатаны. Въ печати читаемъ:

*) Слова о Россіи, приписываемыя Наполеону при переправѣ чрезъ Нѣманъ.

И ты стоялъ,—передъ тобой Россія,
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя,
и проч.

Здѣсь измѣненія совершенно незначительныя и внѣшнія,—но измѣненіе существенное въ слѣдующихъ двухъ стихахъ. Напечатано:

Но новою *загадкою* въ изгнаньи
Ты возразилъ на отзывъ роковой...

Эта загадка разрѣшилась для Тютчева въ положительный „отвѣтъ“: дѣло идетъ объ извѣстныхъ словахъ Наполеона, сказанныхъ на островѣ Св. Елены: dans cinquante ans l'Europe sera révolutionnaire ou cosaque,—чрезъ 50 лѣтъ (счетъ годовъ здѣсь не важенъ) Европа будетъ или революціонною, или окозаченною, т. е. подъ рукою Россіи...

Перейдемъ къ главѣ: „Россія“. Вотъ она вся:

Люди Запада судящіе о Россіи — это что-то въ родѣ Китайцевъ судящихъ объ Европѣ, или скорѣе *Грековъ судящихъ о Римѣ*.

Таковъ, кажется, законъ историческій: никогда никакое общество, никакая цивилизація не понимали того общества, той цивилизаціи, которыя должны были ихъ замѣстить. Что̀ еще болѣе вводитъ въ заблужденіе—это западная колонія образованныхъ Русскихъ, въ которыхъ отдается Западу его собственный голосъ. Это *насмѣшка эхо*... (c'est la colonie occidentale des Russes civilisés, qui leur (aux Occidentaux) renvoient leur propre voix.... *La moquerie de l'écho*).

Для Запада, который до сихъ поръ видитъ въ Россіи только матеріальный фактъ, только вещественную силу,—Россія есть дѣйствіе безъ причины (un effet sans cause). То есть идеалисты — они не узнаютъ идеи; ученые и философы — они въ своихъ историческихъ воззрѣніяхъ упустили цѣлую половину Европейскаго

міра. Однакоже откуда является въ нихъ, предъ лицомъ этой чисто вещественной будто бы силы, какое-то особенное ощущеніе, нѣчто—среднее между уваженіемъ и страхомъ, чувство называемое поанглійски awe, которое испытываютъ только относительно верховной авторитетной власти (le sentiment de *l'awe*, qu'on n'a que pour l'Autorité)? Здѣсь опять инстинктъ разумнѣе науки. Что же такое Россія? Что представляетъ собою она? Двѣ вещи: Славянское племя—Православную Имперію.

1) *Племя...* Панславизмъ, ставшій достояніемъ революціонной фразеологіи. Употребленіе во зло понятія о національности,—маскарадный костюмъ для Революціи. Панслависты литературные такіе же точно Нѣмецкіе идеологи. Настоящій панславизмъ (le panslavisme réel) въ массахъ. Онъ проявляется при встрѣчѣ Русскаго солдата съ первымъ попавшимся Славяниномъ изъ простонародья, Словакомъ, Сербомъ, Болгариномъ,—и даже Мадьяромъ: они всѣ солидарны между собою по отношенію къ Нѣмцу.

Панславизмъ также и въ этомъ:

Не можетъ быть никакой для Славянъ политической національности внѣ Россіи.

Здѣсь самъ собою ставится вопросъ *Польскій*.

Польскій вопросъ рѣшался для Тютчева степенью вѣрности Польскаго народа Славянской народности и Славянскимъ церковнымъ, т. е. восточнымъ или вселенскимъ преданіямъ. Но изо всѣхъ вѣтвей Славянскаго племени, Польская сильнѣе всѣхъ отторглась отъ Славянскаго братства,—отрекшись отъ существеннѣйшихъ стихій Славянства, измѣнивъ духу Славянскому, предавшись на сторону Запада, принявъ въ душу, въ кровь и плоть своей національности, латинство и такимъ образомъ связавъ свою судьбу съ судьбою всего латинствующаго западнаго міра. Католики впрочемъ не одни Поляки, а также и Чехи, и Хорваты; но у Чеховъ былъ Гусъ; гусситствомъ только и сбереглась и опредѣлилась Чехія, какъ Славянская земля; у Хорватовъ же до сихъ поръ, особенно въ простомъ народѣ, чрезвычайно живы преданія православія. Во сколько Славяне искренніе католики, во столько они, иногда сами того не понимая, отступники Славянскаго духа: отъ Славянства имъ остается только одно: племенное кровное чувство—но на такомъ скудномъ, грубомъ, *физіологическомъ* основаніи ничего не создается, ничего и не можетъ быть создано. Вопросъ о Польшѣ сводится къ вопросу: въ какой степени способна она стать снова Славянскою и православною? Это для нея вопросъ жизни и смерти.

Продолжаемъ изложеніе программы Тютчева.

2) *Имперія.* Вопросъ племенной (la question de race), только второстепенный, или вѣрнѣе: это не принципъ, а стихія (élément). Принципъ: православное преданіе.

Россія еще болѣе православная, чѣмъ Славянская земля. Собственно какъ *православная*, и является она залогохранительницею *Имперіи* (la Russie est orthodoxe plus encore que slave. C'est comme orthodoxe qu'elle est dépositaire de l'Empire).

Что же такое *Имперія?* Ученіе объ Имперіи (doctrine de l'Empire).

Имперія не умираетъ; она передается. Дѣйствительность этой передачи.—Четыре Имперіи—были; пятая—окончательная (définitif). Такое преданіе отрицается революціонною школою на томъ же основаніи, какъ отрицается преданіе въ Церкви: это Индивидуализмъ отрицающій Исторію, а между тѣмъ идея Имперіи была душою всей исторіи Запада: Карлъ Великій, Карлъ V, Людовикъ XIV, Наполеонъ. Революція убила ее, чѣмъ и началось разложеніе

Запада. Но Имперія на Западѣ никогда не была ничѣмъ инымъ, какъ похищеніемъ власти, *узурпаціей*... (Mais l'Empire en Occident n'a jamais été qu'une usurpation). Это добыча (une dépouille), которую Папы подѣлили съ Кесарями Германіи; оттуда всѣ ихъ распри.—Законная Имперія осталась прикованною къ наслѣдію Константина. Показать и доказать историческую реальность всѣхъ этихъ положеній.

Чѣмъ была Имперія Восточная, переданная Россіи (фальшивые взгляды западной науки на Восточную Имперію)?

Только въ качествѣ Императора Восточнаго *Царь* есть Императоръ Россіи. «***Волимъ за Царя Восточнаго Православнаго***» говорили Малороссы *) и говорятъ всѣ православные Востока, Славяне и другіе.

Что̀ касается Турокъ, то они заняли православный Востокъ для того, чтобы прикрыть его отъ Западныхъ, пока организуется законная Имперія.

Имперія Едина.

Душою ей—Православная Церковь; тѣломъ—Славянское племя. Если бы Россія не дошла до Имперіи, она бы лопнула. Восточная Имперія—это Россія въ окончательномъ видѣ....

Присоединимъ сюда же и остальныя отдѣльныя замѣтки: ихъ двѣ. Первая носитъ заглавіе: „Другая программа“.

1) Въ чемъ состоитъ *общее мѣсто* о Всемірной Монархіи? (qu'est-ce que le lieu commun sur la Monarchie Universelle)? Откуда оно?

2) Политическое равновѣсіе въ Исторіи отвѣчаетъ раздѣленію властей въ правѣ государственномъ. То и другое—последствіе съ точки зрѣнія ***революціонной***,—отрицаніе съ точки зрѣнія ***органической***.

3) Всемірная Монархія—это ***Имперія***. Имперія же существовала всегда, только мѣняла властителей.

4) Четыре Имперіи: Ассирійская, Персидская, Македонская, Римская. Съ Константина начинается пятая... Имперія окончательная (définitif) — Имперія Христіанская.

5) Нельзя отвергать Имперію Христіанскую, не отвергая Христіанскую Церковь. Обѣ между собою въ соотношеніи (sont corrélatifs); въ обоихъ случаяхъ это значило бы отвергать Преданіе.

6) Церковь, освящая Имперію, ее себѣ пріобщила (se l'est associé); слѣдовательно сдѣлала ее окончательною (par conséquent l'a rendu définitif). Отсюда и выходитъ, что все, отрицающее христіанство, часто очень могуче какъ разрушеніе, но ничтожно какъ ***созиданіе***, потому что это въ тоже время бунтъ противъ Имперіи.

7) Но эта Имперія, которая по принципу непреходима, въ дѣйствительности способна испытывать ослабленія, затмѣнія, перерывы.

8) Что̀ такое исторія Запада, начинающаяся съ Карла Великаго и заканчивающаяся предъ нашими глазами? Это исторія Имперіи захваченной, ***узурпованной*** (c'est l'histoire de l'Empire ***usurpé***).

9) Папа, возмутясь противъ Всемірной Церкви, похитилъ права Имперіи, которыя и подѣлилъ какъ добычу между собою и такъ называемымъ Императоромъ Запада.

10) Отсюда и вышло то, что̀ обыкновенно случается между сообщниками.

Долгая борьба схизматическаго Римскаго Папства съ узурпованною Западною Имперіей заканчивается для перваго ***Реформаціей***,—то есть: отрицаніемъ Церкви; для второй—***Революціей***, то есть отрицаніемъ Имперіи...

Другая замѣтка.

.... Съ 1815 года Имперія Запада уже не на Западѣ. Имперія вся перешла и сосредоточилась туда, гдѣ во всѣ времена

*) Такъ отвѣчали Малороссы на вопросъ предложенный Богданомъ Хмѣльницкимъ, кому хотятъ они отдаться въ подданство. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов.

жило *преданіе* объ Имперіи... Возстановленію Имперіи должны содѣйствовать два великихъ дѣла, которыхъ совершеніе уже началось. Въ области свѣтской: образованіе Греко-Славянской Имперіи; въ области духовной: возсоединеніе обѣихъ церквей.

Первое изъ этихъ дѣлъ началось фактически въ день, когда Австрія, чтобы сохранить себѣ подобіе бытія, прибѣгла къ помощи Россіи *). Ибо Австрія, спасенная Россіей, по силѣ вещей, есть Австрія поглощенная (absorbée) Россіей (немного ранѣе, немного позднѣе). Поглощеніе же Австріи есть не только необходимое восполненіе Россіи, какъ Славянской Имперіи, но и подклоненіе подъ ея руку Германіи и Италіи, этихъ двухъ *Имперскихъ земель*.

Другое дѣло, начало возсоединенія церквей — это лишеніе Папы свѣтской власти.

Мы передали читателямъ рукопись Тютчева вполнѣ. Эти бѣглыя замѣтки, набросанныя для себя и про себя, вводятъ насъ какъ-бы въ самую лабораторію его исторической думы,—раскрываютъ намъ внутреннюю, *черновую* работу его мысли, ея первоначальный очеркъ и размахъ; мы видимъ, какія широкія задачи осаждали этотъ умъ, какіе величавые образы будущаго, и именно будущаго Россіи, возставали предъ мыслителемъ-поэтомъ. Но мы должны помнить, что не имѣемъ никакого права относиться къ этой рукописи строго-критически, какъ отнеслись бы къ труду вполнѣ законченному, удостоенному одобренія, *признанному* самимъ авторомъ. Этого авторскаго признанія ей именно и недостаетъ. Напротивъ, есть основаніе полагать, какъ мы уже и высказались, что Тютчевъ не даромъ оставилъ начатую имъ работу вчернѣ, и не перевелъ ее *на бѣло;* что онъ не случайно и не напрасно, передавая не задолго до своей послѣдней болѣзни рукописи своихъ статей издателю „Русскаго Архива“, не только не включилъ этой рукописи въ число тѣхъ своихъ произведеній, появленіе которыхъ въ Русской печати, даже и чрезъ 30 лѣтъ по написаніи, онъ считалъ неизлишнимъ,—но даже ни словомъ не помянулъ о ней,—точно также какъ не разсказывалъ о ней никогда ни близкимъ, ни знакомымъ. Однакоже мы лишены возможности съ точностью опредѣлить, какія именно, изъ существеннѣйшихъ положеній программы замышленнаго имъ въ 1849 году труда, были бы имъ отвергнуты или въ какомъ видѣ были бы измѣнены. Достовѣрно одно, что мысль объ освобожденіи Славянъ, о призваніи Россіи стать цѣлымъ особымъ Греко-славянскимъ міромъ, о будущемъ историческомъ значеніи въ лицѣ Россіи просвѣтительнаго начала православной церкви,—эта мысль находитъ себѣ отголосокъ и въ самыхъ позднѣйшихъ его стихотвореніяхъ и письмахъ; онъ остался ей вѣренъ до смерти. Но нельзя того же сказать про другія, не менѣе существенныя положенія его программы, именно объ его „единой Христіанской Вселенской Имперіи,“ состоящей въ соотношеніи (corrélatif) съ Христіанскою Вселенскою Церковью,—„Имперіи окончательной (définitif)“.... Въ его письмахъ къ женѣ во время послѣдней восточной войны, письмахъ совершенно частнаго, домашняго свойства, помѣщенныхъ нами ниже, въ VII отдѣлѣ, встрѣчаются мѣста, какъ бы повторяющія именно эти черновыя замѣтки, и почти въ тѣхъ же словахъ; но по окончаніи войны, со вступленіемъ Россіи въ новую историческую фазу, уже ни въ стихахъ, ни въ письмахъ не попадается даже и намека на „Все-

*) Тютчевъ разумѣетъ здѣсь Венгерскую войну 1849 года.

ленскую Имперію, подручницу Вселенской церкви“... Тютчевъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые, установивъ себѣ однажды кругъ воззрѣній, не въ состояніи уже отъ него отрѣшиться или раздвинуть его въ виду новыхъ явленій. Онъ не переставалъ вглядываться въ смыслъ совершавшихся предъ нимъ событій,—а надобно признаться, что событія послѣднихъ 15-ти лѣтъ были богаты историческимъ откровеніемъ, что многое нежданное и негаданное повѣдалъ намъ ихъ краснорѣчивый языкъ. Если въ программѣ Тютчева приняты въ соображеніе и послужили, какъ данныя, многія политическія обстоятельства того времени, сравнительно и не очень важныя, какъ напримѣръ Венгерская кампанія 1849 года и т. п., — то тѣмъ болѣе должны были имѣть значеніе для его историческаго міросозерцанія (и стало быть для его исторической программы) такіе громадные факты, какъ объединеніе Германіи, паденіе Австріи, паденіе Франціи, возникновеніе Германской Имперіи, уничтоженіе системы политическаго равновѣсія. Съ такими фактами нельзя было не считаться и нельзя было, конечно, довольствоваться умозаключеніями, построенными на однихъ *прежнихъ* данныхъ. Мы уже привели одно письмо Тютчева, 1872 года, въ Парижъ, гдѣ онъ говоритъ, что если Тьеру удастся упрочить во Франціи республику, то онъ этимъ однимъ возстановитъ прежнее преобладаніе Франціи, потому что — прибавляетъ Тютчевъ — „нечего отъ себя скрывать: при современномъ состояніи умовъ въ Европѣ, то изъ правительствъ, которое бы смѣло взяло на себя починъ великаго преобразованія открытіемъ республиканской эры въ Европейскомъ мірѣ, далеко бы опередило (aurait une grande avance) всѣхъ своихъ сосѣдей, друговъ или недруговъ. Ибо чувство династическое, безъ котораго немыслима монархія, повсюду въ упадкѣ (en baisse).....“ Перспектива такой *республиканской* эры въ Западно-Европейскомъ мірѣ,—которую Тютчевъ, какъ должно полагать, отличаетъ отъ явленій чисто-революціоннаго духа,—эта перспектива хотя и не состоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ его программою 1849 года, однакоже съ трудомъ находитъ себѣ въ ней мѣсто,—очевидно не представлялась его уму, когда онъ чертилъ свои замѣтки о Вселенской *Монархіи,* и уже во всякомъ случаѣ измѣнила бы ихъ терминологію...

Но если положительно нельзя видѣть въ упомянутой рукописи Тютчева окончательное, послѣднее слово его историко-политической теоріи, то едва ли вполнѣ справедливо возлагать за эту рукопись полную отвѣтственность на автора, такъ сказать, заднимъ числомъ, какъ за выраженіе воззрѣній и мнѣній, которыхъ онъ держался когда-то, лѣтъ 25 или 20 тому назадъ. Отнестись такимъ образомъ позволительно лишь къ его напечатаннымъ статьямъ, а никакъ не къ рукописи: эти замѣтки не болѣе какъ намеки, алгебраическія формулы или гіероглифы, ключъ отъ которыхъ остался у автора, точный, несомнѣнный смыслъ которыхъ извѣстенъ только ему одному, и касательно которыхъ возможно для читателя только болѣе или менѣе гадательное истолкованіе. Конечно, есть немало замѣтокъ вполнѣ отчетливыхъ и бросающихъ лучи блестящаго свѣта; кромѣ того, при постепенномъ изложеніи програмы предположеннаго Тютчевымъ сочиненія, мы по возможности обставляли многіе его частные выводы подробными примѣчаніями и разъясненіями, съ помощью которыхъ, смѣемъ думать, правда этихъ частныхъ выводовъ выставилась

довольно ярко. Но что̀ касается до *общаго* вывода, то для подробнаго его обсужденія и разбора мы не находимъ ни достаточныхъ данныхъ, ни достаточнаго повода — при совершенной неизвѣстности, былъ ли этотъ выводъ вполнѣ признанъ и удержанъ самимъ авторомъ, послѣ зрѣлыхъ размышленій послѣдовавшихъ двадцати лѣтъ. Тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ оговорить тѣ нѣкоторые термины, которые способны возбудить наисильнѣйшія недоразумѣнія.

Было бы ошибочно, кажется намъ, соединять съ терминомъ Тютчева: „Вселенская Имперія" представленіе о какомъ-то воплощенномъ завоевательномъ принципѣ, ищущемъ поработить себѣ всѣ народы и страны, и проч. Такое представленіе есть именно то *общее мѣсто о* Всемірной Монархіи, которому Тютчевъ, по программѣ, долженъ былъ дать точное объясненіе (qu'est-ce que le lieu commun sur la monarchie universelle?). Къ сожалѣнію, этого объясненія имъ не дано. Но его будущая Имперія характеризуется тою особенностью, что духовное начало, которымъ она имѣетъ жить и двигаться, есть начало православное, т. е. христіанское церковное преданіе, сохранившееся теперь на Востокѣ, — однимъ словомъ начало, исключающее понятіе о завоеваніи и порабощеніи. Напротивъ, судя по программѣ, Россія, по мнѣнію Тютчева, призвана поставить всѣ народы и страны въ правильныя нормальныя условія бытія, освободить и объединить міръ Славянскій, міръ Восточный, вообще явить на землѣ силу земную, государственную, просвѣтленную или опредѣленную началомъ Вѣры, служащую только дѣлу самозащиты, освобожденія и добровольнаго объединенія: вспомнимъ его стихи, гдѣ онъ, обращаясь къ Славянамъ, говоритъ, что въ противоположность Бисмарку, спаявшему единство Германіи ferro et igne, „желѣзомъ и кровью," — мы, т. е. Славяне, „попробуемъ спаять единство любовью,

А тамъ увидимъ — что̀ прочнѣй».

Въ такомъ собственно смыслѣ слѣдуетъ, кажется, разумѣть и его выраженія о будущемъ вселенскомъ государствѣ, „опирающемся (appuyé) на Вселенскую Церковь," или „пріобщенномъ къ Церкви (associé)," а никакъ не въ смыслѣ какой-то солидарности или тождественности судебъ Россіи или этой будущей „Имперіи" и Вселенской Церкви. Точно также и выраженіе, что эта „Христіанская Имперія будетъ окончательною (l'Empire définitif)", нужно, думаемъ мы, понимать такимъ образомъ, что этою „Имперіею" завершится историческое преданіе объ Имперіи, заключится рядъ преемственныхъ политическихъ формацій во образѣ и съ притязаніями имперскими, и вообще во образѣ *государства*, и что затѣмъ, послѣ извѣстнаго періода существованія, міръ, износивъ всѣ существующія вѣдомыя намъ историческія формы общежитія, начнетъ новое бытіе, въ формахъ новыхъ, невѣдомыхъ.... Мы не входимъ въ разсмотрѣніе, въ какой мѣрѣ состоятеленъ такой предносившійся предъ воображеніемъ Тютчева идеалъ, ни въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ допускалъ онъ возможность сосуществованія церкви и государства въ тѣсномъ союзѣ между собою и безъ взаимнаго внутренняго противорѣчія, — другими словами: какая степень развитія собственно *государственнаго* элемента представлялась ему въ его „Имперіи". Мы припоминаемъ себѣ его строки въ письмѣ, диктованномъ за три мѣсяца до кончины, по поводу новѣйшихъ Прусскихъ законовъ объ отношеніи государства къ церкви: „c'est là le César qui sera éternellement en guerre avec le Christ" — и не думаемъ,

вопреки какимъ-то намёкамъ въ программѣ, чтобы соглашеніе, установившееся въ IV вѣкѣ между Имперіею Кесаря Константина и церковною іерархіею, или официальною, внѣшнею, историческою Церковью, служило для Тютчева прототипомъ для отношеній его „Имперіи“ къ христіанской Церкви въ будущемъ... Но, впрочемъ, мы не можемъ не признать, что Тютчевъ, ставя на первомъ планѣ нравственную миссію Славянскаго племени и вообще Православнаго Востока, тѣмъ не менѣе, уже просто какъ поэтъ, невольно увлекался подчасъ величавымъ образомъ традиціонной Имперіи, государственнаго могущества, добровольно само себя смиряющаго предъ Церковью—исполинской державной силы, хотя и реальной, однако же преисполненной идеальныхъ стремленій... Невольно увлекался онъ и обаяніемъ историческаго титула, и мыслью о преемственности преданія въ исторіи. Точно также нельзя не замѣтить,—да мы это и замѣтили выше,—что съ его представленіемъ о Церкви въ тѣ годы, по крайней мѣрѣ до появленія извѣстныхъ брошюръ Хомякова, еще соединялось понятіе о какомъ-то высшемъ, пребывающемъ на землѣ, *внѣшнемъ* авторитетѣ въ формулѣ историческаго традиціоннаго *учрежденія*.

Но если въ идеалъ будущаго у Тютчева входитъ болѣе внѣшняго, такъ сказать политическаго элемента, чѣмъ въ идеалъ будущаго Россіи у Хомякова, все же сближеніе, встрѣча между собою этихъ обоихъ нашихъ поэтовъ въ области идеала,—поэтовъ совершенно различныхъ между собою по своей личной внутренней судьбѣ, — является поразительною чертою въ исторіи Русскаго общественнаго самосознанія. „Будущая Имперія“ Тютчева, не смотря на свой грозный титулъ, несетъ, по его словамъ, „глаголъ, жизнь и просвѣщенье лучшимъ будущимъ временамъ.“ Ниже, въ VII отдѣлѣ, мы приводимъ письмо его отъ 1855 года, гдѣ онъ разсказываетъ своей женѣ, какъ, взобравшись на платформу Ивана Великаго, онъ былъ словно охваченъ видѣніемъ будущаго: ему почудилось, что „долгая борьба Востока и Запада наконецъ прекратилась, что возникъ міръ новый, будущность народовъ опредѣлилась на многіе вѣки (pour des siècles), Судъ Божій совершился, Великая Имперія основана, и новыя поколѣнія, съ понятіями, убѣжденіями совершенно иными, вступили въ обладаніе міромъ и, довольныя пріобрѣтеннымъ, почти не помнили о горестяхъ, мукахъ и тѣсной тьмѣ, въ которой мы пребываемъ въ настоящую минуту.“ Однимъ словомъ, эта новая эра представлялась поэту чуть ли не пришествіемъ Божія Царствія на землѣ... Хомяковъ, съ своей стороны, мечтая объ освобожденіи и объ объединеніи Славянъ, призывая Россію снять „цѣпь насилья“ съ своихъ братьевъ, рисуя въ стихахъ общее паренье всѣхъ свободныхъ Славянскихъ орловъ, склоняющихъ однако же „мощную главу предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ“, вотъ какъ воображаетъ себѣ будущее міра:

Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой...

Онъ же говоритъ въ своихъ стихахъ, уже однажды приведенныхъ нами:

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ *судьбу вселенной....*

Но эта судьба вселенной отдается Россіи съ тѣмъ, чтобы она

...всѣ народы
Обнявъ любовію своей,

сказала имъ „таинство свободы и пролила имъ сіяніе вѣры“, а въ заключеніе, въ томъ же стихотвореніи, такъ изображается эта будущая историческая эра, напоминающая отчасти видѣніе Тютчева въ Кремлѣ:

И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіяпъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины...

Какъ бы мы ни были далеки отъ подобныхъ мечтаній въ настоящее время, но нельзя же однако не призадуматься надъ тѣмъ—какіе идеалы предносились, лѣтъ сорокъ и даже еще двадцать тому назадъ, предъ передовыми, замѣчательнѣйшими умами Русскаго общества,—нельзя же не принять ихъ къ свѣдѣнію и соображенію какъ знаменіе времени, какъ выраженіе чаяній и вѣрованій—самыхъ искреннихъ и завѣтныхъ; нельзя не поискать отвѣта на невольно возникающій вопросъ: откуда же и зачѣмъ они взялись?.. чѣмъ порождены?.. чѣмъ навѣяны? Отстраняя рѣчь о состоятельности этихъ чаяній и вѣрованій, обратимъ вниманіе читателя только на ту особенность, что подобной чистоты народныхъ идеаловъ, такихъ мужественныхъ идеаловъ вѣры, любви, свободы и тишины, не отыщется у поэтовъ западнаго Европейскаго міра, что инаго духа печатью они запечатлѣны... При всемъ томъ было бы совершенно несправедливо относиться къ этимъ поэтическимъ образамъ какъ къ какой либо строго провѣренной и установленной доктринѣ, какъ къ кодексу положительныхъ рѣшеній,—несправедливо уже потому, что такъ не относились къ нимъ и сами поэты. Не слѣдуетъ забывать, что, мечтая о высшемъ христіанскомъ призваніи Россіи, Хомяковъ нисколько однакоже не обольщалъ себя на счетъ нашей современной дѣйствительности; что въ своихъ извѣстныхъ стихахъ, называя Россію, хотя и призванною, но „недостойною призванья,“ онъ требовалъ отъ нея строгаго, очистительнаго покаянія; что Тютчевъ не переставалъ горькимъ и мѣткимъ словомъ изобличать скудость духа и самосознанія въ офиціальной Россіи,—что писалъ онъ между прочимъ и слѣдующіе стихи:

Ты долголь будешь за туманомъ
Скрываться Русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты разлетишься навсегда?
Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и жалкимъ метеоромъ
Твои разсыплятся лучи?
Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда....

VII.

Можно себѣ представить, какое волненіе овладѣло душою Тютчева при наступленіи военной грозы 1853 года. Всѣ завѣтныя его думы, всѣ дорогія его сердцу мечты, всѣ историческія основы міра, всѣ задачи историческаго бытія Россіи, тысячелѣтній споръ Востока и Запада, все казалось обрѣло себѣ образъ, плоть и языкъ въ одномъ данномъ мгновеніи, въ одномъ событіи. Какъ жаломъ уязвлены были Русскіе люди внезапнымъ свѣтомъ обличившейся правды: нашею воочію явившеюся несостоятельностью — административною, военною, дипломатическою, однимъ словомъ массою тѣхъ нравственныхъ, внутреннихъ, гражданскихъ долговъ всякого рода, которыми оказалась обремененною Россія, которые всѣ разомъ потребовали расплаты, и которыхъ уплатить, въ тотъ критическій мигъ, было и некогда и нечѣмъ. Надобно впрочемъ сознаться, что Россія приняла посланное ей испытаніе со смиреніемъ, не поскупилась на самоосужденіе, и пораженіе свое обратила себѣ не только во

благо, но и во славу. Защита Севастополя стала назидательною героическою легендой для всего Запада, и не прошло десяти лѣтъ послѣ окончанія борьбы, какъ значеніе Россіи возрасло съ новой, небывалой силой... Но такого рода оборотъ дѣлъ совершился благодаря особенно нравственнымъ свойствамъ Русскаго народа, но никакъ не вслѣдствіе сознательнаго расчета или вѣрныхъ, дальновидныхъ соображеній, — напротивъ, вопреки недостоинству, вопреки слѣпотѣ людской, заправлявшей дѣлами Россіи и постоянно сбивавшейся съ пути... Кстати припомнить здѣсь одно слово Тютчева, сказанное именно во время войны, по поводу слишкомъ извѣстныхъ упованій на „Русскаго Бога": „il faut bien avouer que l'emploi du Dieu russe n'est pas une sinécure"...

Восторженныя надежды Тютчева на скорое исполненіе его завѣтныхъ мечтаній смѣнились, какъ и слѣдовало ожидать, съ теченіемъ войны, горькимъ чувствомъ скорби, негодованія, даже унынія. Онъ многое понялъ и увидѣлъ яснѣе и прежде другихъ, но не переставалъ однакоже вѣрить въ окончательное торжество Россіи. Такъ какъ вся эта война тѣсно связана съ существеннѣйшими задачами, занимавшими Тютчева въ теченіи всей его жизни, то мы считаемъ необходимымъ, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, раскрыть ближе его отношеніе къ этой исторической эпохѣ. Еще въ самомъ началѣ, какъ только что стала заниматься заря грядущихъ событій и государь Николай Павловичь обратился мыслью къ положенію дѣлъ на Востокѣ, Тютчевъ уже писалъ:

РАЗСВѢТЪ.

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ,—
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ Востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый часъ настанетъ.

Вставай же Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?

Раздайся благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будитъ онъ;
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполинъ державный!
О Русь, великъ грядущій день—
Вселенскій день и православный!...

Возникшая дипломатическая распря съ Наполеономъ, лицемѣрно убѣждавшимъ Россію не возбуждать страшилища „Восточнаго вопроса", вызвала у Тютчева новые стихи:

Иль всѣ святыя упованья,
Всѣ убѣжденья истребя,
Она (т. е. Россія) отъ своего призванья
Вдругъ отречется для тебя?

Тò что обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Чтò ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей,

Тò что Олеговы дружины
Ходили добывать мечомъ,
Тò что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ щитомъ,—

Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить;
Всемірную судьбу Россіи—
Нѣтъ—вамъ ея не заградить!

Гроза росла, — вѣроятность успѣха была на сторонѣ Россіи, и онъ обращался къ Русскому царю съ такимъ призывомъ:

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ —
То древній гласъ, то свыше гласъ:
«Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ;
«Свершится онъ, и грянетъ часъ!
«И своды древніе Софіи
«Въ возобновленной Византіи
«Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!..»
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань какъ *всеславянскій царь!*

Мы уже приводили выше стихи, написанные имъ въ это же время, когда

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя свѣта и свободы!

Ложь воплотилася въ булатъ,
Какимъ-то Божьимъ попущеньемъ,
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ,
Тебѣ (т. е. Россіи) грозитъ ниспроверженьемъ....
Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ готовятъ посрамленье....

Это тѣ стихи, въ которыхъ высказывается его вѣра въ духовное просвѣтительное призваніе Россіи, и которые заканчиваются такъ:

О, въ этомъ испытаньи строгомъ,
Въ послѣдней роковой борьбѣ,
Не измѣни лишь ты себѣ
И оправдайся передъ Богомъ!

Они относятся къ Декабрю 1854 года; а канунъ 1855 года, за полтора мѣсяца до кончины государя Николая, онъ встрѣтилъ слѣдующими пророческими стихами:

На новый 1855 годъ (*).

Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою,
Не намъ сорвать съ нея покровъ...
Я не свое тебѣ открою,
А бредъ пророческій духовъ.

Еще намъ далеко до цѣли,
Гроза реветъ, гроза растетъ,
И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ родится новый годъ.

Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
Принесъ онъ людямъ на землѣ.

Не просто будетъ онъ воитель,
Но исполнитель Божьихъ каръ,
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ — сраженій мечь кровавый,
Другой — сѣкира палача.

Но на кого?... Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?...
Слова не ясны роковыя
И смутенъ замогильный сонъ.

Немалый интересъ представляютъ и письма Тютчева за это время. Замѣтимъ кстати, что письма Тютчева, собранныя вмѣстѣ, стóили бы любаго, серьезнаго, многотомнаго литературнаго произведе-

---

*) Напечатаны были въ Русскомъ Архивѣ 1867 года, стр. 1638. *П. Б.*

нія. Ему вообще не приходилось въ жизни обмолвиться какимъ нибудь общимъ мѣстомъ или пошлою фразою, — и во всѣхъ его письмахъ, сколько мы ихъ ни знаемъ, даже въ письмахъ къ роднымъ, трактующихъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ: погодѣ, здоровьѣ, хозяйствѣ,—во всѣхъ есть или оригинальная мысль, или оригинальный оборотъ рѣчи, или изящный образъ. Мы воспользуемся перепискою Тютчева, во время войны, съ его супругою и приведемъ изъ нея нѣсколько отрывковъ (вся переписка составила бы цѣлую книгу),—приведемъ въ подлинникѣ, потому именно, что при интимномъ характерѣ переписки получаетъ особенное значеніе и самая внѣшняя форма этой интимной бесѣды.

Зиму 1853—1854 года Э. Ѳ. Тютчева, по совѣту врачей, провела за границей въ Германіи, и Ѳедоръ Ивановичъ писалъ ей изъ Петербурга въ Октябрѣ 1853 г.: „Je suis tout honteux de ne pouvoir dire écrivant d'ici, si nous sommes en guerre, oui ou non... Ah, le singulier milieu, que celui où je vis! Je parie que le jour du jugement dernier il y aura des gens à Pétersbourg, qui feront semblant de ne pas s'en douter. Voilà pourtant ce qui paraît certain..“ (*). Затѣмъ слѣдуютъ новости, а потомъ чрезъ нѣсколько дней Тютчевъ продолжалъ письмо такими строками: „Je ne suis pas étonné de la malveillance intime et bien essentiellement allemande, avec laquelle nos meilleurs amis d'Allemagne n'ont pas manqué d'accueillir la nouvelle d'un de nos désastres. Braves gens, je les reconnais bien là! C'est l'accent du pays, et je me sentirais désorienté en Allemagne, si je ne le retrouvais dans toutes leurs manifestations à notre égard. Quant à cette autre Europe, plus occidentale encore, quant à l'Angleterre et à la France, quant à cette presse—organe de la conscience publique, qui s'est faite turque avec rage et mensonge, il y a dans cette vocation de turpitude, dans ce *labarum* de boue que des sociétés soi-disant chrétiennes ont dressé contre la Croix, il y a dans tout ceci quelque chose de terriblement providentiel. Ce scandale devait avoir lieu, mais malheur à l'auteur du scandale! Quant à nous autres ici, contre qui toute cette rage se déchaine, nous aussi nous aurons nos comptes à régler avec la Providence, et ils pourraient être lourds à solder... J'ai été, je crois, un des premiers à voir venir la crise actuelle; eh bien, j'ai la conviction intime, que cette crise si lente à venir sera bien plus terrible et bien plus longue encore que je ne l'avais cru. Ce qui reste du siècle suffira à peine pour l'apaiser. La Russie en sortira triomphante, je le sais; mais bien des choses de la Russie actuelle y périront. Ce qui vient de commencer, ce n'est pas la guerre, ce n'est pas de la politique, c'est un monde qui se constitue et qui, pour cela, doit avant toute chose retrouver sa conscience perdue.. (*).“

---

*) .... Мнѣ совсѣмъ стыдно, что въ письмѣ отсюда не могу тебѣ сказать, война ли у насъ или нѣтъ. Ахъ, странная среда, гдѣ мнѣ приходится жить! Бьюсь объ закладъ, что въ день Страшнаго Суда найдутся люди въ Петербургѣ, которые станутъ прикидываться, что ничего о немъ и не знаютъ. Но вотъ что, кажется, вѣрно...

*) Ни мало не дивлюсь тому задушевному и, конечно, чисто-нѣмецкому злорадству, съ которымъ наши друзья въ Германіи не преминули встрѣтить вѣсть о нашемъ пораженіи. Молодцы, какъ я ихъ узнаю въ этомъ! Это туземный акцентъ, и я сбился бы съ толку на счетъ Германіи, еслибъ онъ не звучалъ мнѣ во всѣхъ ихъ манифестаціяхъ по нашему поводу.

23 Ноября 1853 г. „Les préoccupations croissantes politiques dissipent visiblement la torpeur générale, où l'on était plongé jusqu'ici. Le réveil se fait, et l'on commence à comprendre... C'est au fond l'année 1812 qui recommence pour la Russie, et peut-être l'agression actuelle, dirigée contre elle, n'est-elle pas moins redoutable pour n'être pas résumée dans un seul homme, et dans un grand homme, comme était le premier Napoléon. Quant à l'ennemi, il est toujours le même—*c'est l'Occident*. Car je ne connais pas d'autre mot pour résumer tout cet ensemble d'influences, de passions et d'ententes hostiles conjurées contre nous. Et ce qui fait la faiblesse de notre position, c'est cette incroyable infatuation de la Russie officielle, qui avait si bien et si complètement perdu le sens et le sentiment de sa tradition historique, que loin de voir dans l'Occident son adversaire naturel et nécessaire, elle ne travaillait qu'à être sa doublure..“ (*)

11 Декабря. „Eh bien, es-tu satisfaite de la manière dont nous avons répliqué par nos derniers bulletins à toute cette rage de déraison et de mensonge de nos chers adversaires?.. Mais que nos ennemis se rassurent. Nos derniers succès ont pu être très mortifiants pour eux, mais ils seront tout aussi stériles pour nous. Il y a tant de gens ici qui ne demandent pas mieux que de leur donner toute satisfaction à cet égard, et

---

Чтò же касается до этой другой Европы, болѣе западной, до Англіи и Франціи,—чтò касается до печати—этого органа общественной совѣсти, которая вдругъ такъ лживо и бѣшено себя потуречила,—то въ этомъ влеченіи къ срамотѣ, въ этой грязи, которую общества такъ называемыя христіанскія выставили хоругвью противъ Креста,—во всемъ этомъ есть что-то страшно провиденціальное. Этому соблазну подобало быть, но горе виновнику соблазна! Чтò же до насъ здѣсь, противъ которыхъ разнуздалась вся эта ярость, намъ также придется сводить счеты съ Провидѣніемъ и, очень можетъ статься, тяжела будетъ расплата... Я одинъ изъ первыхъ предвидѣлъ наступленіе настоящаго кризиса, и я глубоко убѣжденъ, что этотъ кризисъ, такъ медленно наступавшій, будетъ несравненно ужаснѣе и продолжительнѣе, чѣмъ я думалъ. Всего остальнаго вѣка едва достанетъ, чтобъ утишить этотъ кризисъ. Россія, я знаю, выйдетъ изъ него торжествующею, но многое отъ настоящей Россіи сгибнетъ. То чтò теперь началось, это не война, это не политика, это цѣлый міръ слагающійся, и которому для этой цѣли, прежде всего другаго, нужно обрѣсти вновь—свою утраченную совѣсть...

---

*) Возрастающія политическія заботы видимо разгоняютъ общее остолбенѣніе, въ которое до сихъ поръ всѣ были здѣсь погружены... Пробужденіе совершается, и начинаютъ понимать... Въ сущности, вѣдь это для Россіи возобновленіе 1812 года, и нападеніе на нее направленное будетъ можетъ-быть также грозно, даромъ, что оно не воплощается въ одномъ человѣкѣ, и такомъ великомъ человѣкѣ, каковъ былъ первый Наполеонъ. Чтò же до врага,—то онъ все тотъ же, *Западъ*. Потому что я не знаю другаго слова, которое бы разомъ выразило всю эту совокупность вліяній, страстей, соглашеній враждебныхъ, замышленныхъ противъ насъ. И въ чемъ слабая сторона нашего положенія, это въ невѣроятномъ предъубѣжденіи официальной Россіи, которая до того утратила всякій смыслъ и чувство своего историческаго преданія, что не только не примѣчала до сихъ поръ въ Западѣ своего естественнаго, неизбѣжнаго врага, но только о томъ и трудилась, какъ бы сдѣлаться его подкладкой...

qui sans avoir peut-être autant de haine, qu'ils n'en ont contre la Russie, sont bien mieux placés pour lui faire du mal. Hélas, hélas, tout cela encore une fois ira aboutir à quelque ignoble et stupide replatrâge. Il est impossible que cela se passe autrement, tant il y a d'inéptie, d'inintelligence intime et générale de la situation donnée... Il y a comme un cercle magique, où depuis deux générations nous avons emprisonné la conscience nationale de la Russie, et il faudrait vraiment que le bon Dieu daignât en personne nous détacher un violent coup de pied pour faire briser le cercle et nous laisser entrer dans notre voie..“ (*)

19 Декабря. „Il y a quelque chose qui cet hiver donne un peu plus de physionomie à la société, et certes ce quelque chose n'est pas peu de chose. C'est la préoccupation de la situation politique donnée, le sentiment de cette lutte longtemps conjurée et qui en dépit de tous les efforts brise l'un après l'autre tous les liens qui l'enchainaient... Rien ne donne mieux la mesure de la haine que l'on porte à la Russie, comme toute cette rage burlesque des journaux français et surtout anglais depuis nos derniers succès. C'est le plus sérieusement du monde, qu'ils les lui imputent à crime et qu'ils lui font l'application de ce mot si connu à propos de je ne sais quel animal: qu'il était si féroce, qu'il se défendait quant on l'attaquait. Quant à l'issue probable de la lutte, toute la question se réduit pour moi à ceci: la haine que l'Occident nous porte, l'Occident catholique, aussi bien que l'Occident révolutionnaire, serait-elle plus forte, oui ou non, que celle qui les divise entre eux? Toute la question est-là..“ (*)

*) Ну что, довольна ли ты тѣмъ, какъ мы отвѣчали, въ нашихъ последнихъ бюллетеняхъ, на все это бѣшенство лжи и безумія нашихъ милыхъ враговъ?.. Но пусть они успокоятся. Наши успѣхи могли показаться имъ очень обидными,—но они будутъ очень безплодны и для насъ. Здѣсь столько людей, которымъ ничего такъ не хочется, какъ оказать имъ по этой части всяческое удовольствіе, и которые, даже не питая къ Россіи ихъ ненависти, лучше ихъ, по своему положенію, могутъ навредить ей. Увы, увы, за всѣми этими успѣхами послѣдуетъ еще разъ какое-нибудь недостойное, нелѣпое сглаживанье и смазыванье... Да и невозможно, чтобы было иначе: столько тупоумія, столько непониманія какъ внутренней сущности, такъ и всей общности даннаго положенія. Есть словно волшебный кругъ, въ который, вотъ уже два поколѣнія сряду, заключено нами національное самосознаніе Россіи, и право нужно бы, чтобы Господь соблаговолилъ дать намъ Самъ крѣпкаго подзатыльника, для того чтобы разбился кругъ и вступили мы на нашъ истинный путь...»

*) Есть что-то, чтò нынѣшнею зимою придаетъ обществу болѣе жизни и краски,— и конечно это что-то вещь немаловажная. Это озабоченность политическимъ положеніемъ, это чувство борьбы, долго заклинаемой, но наконецъ, наперекоръ всѣмъ усиліямъ, порвавшей, одни за другими, всѣ узы ее опутывавшія... Ничѣмъ лучше не опредѣляется мѣра ненависти къ Россіи, какъ этимъ грубымъ неистовствомъ журналовъ Французскихъ и особенно Англійскихъ, со времени нашихъ послѣднихъ успѣховъ. Наисерьезнѣйшимъ образомъ они вмѣняютъ Россіи эти успѣхи въ преступленіе и прилагаютъ къ ней это извѣстное изрѣченіе по поводу какого-то животнаго: «оно такъ свирѣпо, что защищается, когда на него нападаютъ...» Чтò касается до исхода борьбы, то весь вопросъ сводится для меня вотъ къ чему: ненависть, которую питаетъ къ намъ Западъ, Западъ католическій,

1854 г. 16 Февраля... Ce qui me fesait toujours attacher une si grande valeur à cette question d'Orient, c'est la conviction que j'avais, qu'une fois soulevée, elle amenerait par contre-coup une grande crise morale à l'intérieur, et cette crise a commencé, Dieu soit loué. Et bientôt, Dieu et nos ennemis aidant, chacun à sa manière, le mouvement sera assez fort pour que rien ne puisse l'entraver ou l'interrompre. Sous ce rapport il est difficile de dire, ce qui a le mieux servi ce mouvement, de la haine furieuse de l'Angleterre remorquant la France, ou de la demi-trahison des puissances allemandes... Cette attitude de l'Autriche et de la Prusse et surtout les sentiments qui l'inspirent, sont un véritable triomphe pour le parti national, et puisqu'elles devaient en arriver là, la seule chose à regretter, c'est de n'en avoir pas assez fait pour elles... Quant à moi, qui par nature suis condamné à l'impartialité, ce n'est certes pas au point de vue de l'animosité nationale que je trouve la politique allemande misérable. Elle est misérable, parcequ'elle est un mensonge et une sottise. Ces puissances allemandes ont beau dire qu'unies entre elles, elles sont assez fortes pour sauvegarder leur neutralité... Mais c'est là qu'est le mensonge, parcequ'elles savent très bien qu'elles ne sont pas *unies*, et qu'en déhors de la Russie elles ne peuvent pas l'être, et qu'au fond du cœur l'une d'elles au moins, la Prusse ne tenait à secouer le contrôle de la Russie que pour recommencer toutes ses petites trahisons, qui lui ont toujours si bien réussi... Quant à cette pauvre Autriche, dont tout le corps n'est qu'un talon d'Achille, il est clair que ne pouvant se passer d'appui, soit à l'Orient, soit à l'Occident, elle avait à choisir pour s'asseoir entre un bon fauteuil à dossier, bien solide et bien rembourré, et un pal, solide aussi et très proprement aiguisé. Eh bien, je ne désespére pas que c'est en faveur du pal, qu'elle se décidera." (*)

столько же, сколько и революціонный, сильнѣе ли она ненависти, которая ихъ самихъ между собою дѣлитъ? Весь вопросъ въ этомъ...

---

*) Что всегда заставляло меня придавать такое значеніе Восточному вопросу, это именно убѣжденіе, что, разъ поднятый, онъ отдастся и у насъ, внутри, великимъ нравственнымъ переломомъ,—и этотъ переломъ уже начался, слава Богу. И скоро, съ помощью Бога и нашихъ враговъ (Богъ по своему, и враги по своему), движеніе станетъ на столько сильно, что ничто не сможетъ его задержать или прервать. Въ этомъ отношеніи трудно даже сказать, что̀ наиболѣе послужило этому движенію: бѣшеная ли ненависть Англіи, ведущей на буксирѣ Францію, или полуизмѣна Нѣмецкихъ державъ?... Положеніе принятое относительно насъ Австріей и Пруссіей, и особенно чувства его внушившія—истинное торжество для Русской народной партіи, и такъ какъ ужъ онѣ, эти державы, должны были къ тому придти, то остается только жалѣть, что не болѣе было для нихъ сдѣлано... Что̀ же касается меня, который, по самой природѣ своей обреченъ на безпристрастіе, то я, ужъ конечно не съ точки зрѣнія національной вражды, нахожу Нѣмецкую политику самою жалкою. Она жалка потому, что ложь и глупость. Эти Нѣмецкія державы какъ бы тамъ ни увѣряли, что онѣ, въ согласіи другъ съ другомъ, достаточно сильны для охраны своего нейтралитета, — но въ этомъ-то самомъ и кроется ложь: онѣ хорошо знаютъ, что нисколько не въ согласіи другъ съ другомъ, и не могутъ быть въ согласіи помимо Россіи, а въ глубинѣ души одна изъ нихъ по крайней мѣрѣ, Пруссія, только для того и добивалась высвободиться

24 Февраля. „J'ai assurément été un des premiers à voir venir et grandir cette effroyable crise, et maintenant qu'elle va saisir le monde pour le broyer et le transformer, je ne puis me persuader que tout ceci est bien réel, et que nous ne sommes pas tous tant que nous sommes en proie à quelque horrible hallucination. Car enfin il n'y a plus à se donner le change, la Russie selon toute probabilité va se trouver aux prises avec l'Europe toute entière. Comment les choses en sont-elles venues à ce point? Comment se fait-il qu'un Empire, qui depuis 40 ans et plus n'a fait que reculer et trahir ses propres intérêts pour servir et sauvegarder ceux d'autrui, se trouve tout à coup en butte à cette immense conspiration?.. Et cependant c'était inévitable... En dépit de tout, raison, morale, intérêt, en dépit même de l'instinct de sa conservation, ce terrible conflit devait éclater... Et ce que l'amene, ce n'est pas seulement la sordide personnalité de l'Angleterre, ce n'est pas l'abjection de la France s'incarnant dans son aventurier, ce ne sont pas même les Allemands, c'est quelque chose de plus général et de plus fatal. C'est l'éternel antagonisme de ce, qu'à défaut d'autres expressions, il faut bien appeler l'Occident et l'Orient... Maintenant si l'Occident était *un*, nous serions, je crois, perdus. Mais il y en a deux: le Rouge et celui qu'il doit dévorer. Nous le lui avons disputé pendant 40 ans, et nous voici sur le bord de l'abîme,—et c'est maintenant le Rouge qui va nous sauver à notre tour" (*).

1 Апрѣля... „Il y aura des trêves,

изъ подъ контроля Россіи, чтобъ приняться снова за свои мелкіе, вѣроломные происки, которые ей всегда удавались... Чтò же до бѣдной Австріи, у которой все тѣло—Ахиллесова пятка, то ясно, что, при невозможности для нея обойтись безъ опоры либо Востока, либо Запада, ей приходилось, чтобы сѣсть, выбирать между хорошимъ кресломъ со спинкой, прочнымъ и мягко набитымъ,—и *коломъ*, тоже прочнымъ и очень гладко обвостреннымъ. Ну что же, я не теряю надежды, что она выберетъ именно—*колъ*...

*) Конечно я одинъ изъ первыхъ видѣлъ, какъ шелъ и росъ этотъ ужасный кризисъ, а теперь, когда онъ насталъ, когда онъ готовится перемолоть и переобразовать міръ, мнѣ трудно себя увѣрить, что все это въ правду такъ, въ самомъ дѣлѣ, что это не какая-нибудь страшная галлюцинація, которая завладѣла всѣми, всѣми нами безъ исключенія. Потому что—дольше себя обманывать нечего: Россія, по всей вѣроятности, скоро схватится со всею Европою. Какимъ образомъ дѣло дошло до этого, какимъ образомъ держава, которая болѣе 40 лѣтъ только и дѣлала, что устраняла и предавала свои собственные интересы, ради пользы и охраны чужихъ интересовъ,—она-то вдругъ и очутилась предметомъ обширнѣйшаго заговора?.. И однакожъ это было неизбѣжно. На перекоръ всему—разсудку, нравственности, выгодѣ, даже инстинкту самосохраненія,—этому грозному столкновенію надобно было совершиться. И причиною этого столкновенія—не скаредный эгоизмъ Англіи, не гнусная низость Франціи, предавшейся авантюристу,—даже и не Нѣмцы,—а нѣчто болѣе общее и роковое. Это—вѣчное противоборство другъ съ другомъ того, чтò, за недостаткомъ другихъ выраженій, приходится называть Западомъ и Востокомъ. Затѣмъ: если бы Западъ былъ *единъ*, мы бы кажется погибли. Но ихъ *два: Красный*—и тотъ, кого Красный имѣетъ поглотить. Сорокъ лѣтъ мы отбивали у Краснаго эту добычу,—но вотъ мы на краю бездны, и теперь-то именно ***Красный*** и спасетъ насъ въ свою очередь...

des haltes, des points d'arrêt dans le chaos où nous entrons maintenant et où nous allons nous enfoncer de plus en plus. Mais la paix n'en sortira qu'avec une Europe complètement transformée. Je sais bien que ce que je dis là a été mille fois dit et qu'à moins d'y attacher un sens précis, cette phrase n'est qu'une nauséabonde banalité. Or ce sens précis—le voici... La question d'Orient, telle qu'elle doit se poser, n'est pas moins qu'une question de vie et de mort pour trois choses, qui toutes trois ont jusqu'à présent fait voir au monde, qu'elles avaient la vie dure. Ces trois choses: c'est l'Eglise d'Orient, la race Slave, la Russie. Car la Russie, elle entraine nécessairement les deux choses dans sa ruine. Les ennemis de ces trois choses le savent bien, et de là leur rage contre la Russie. Mais qui sont ces ennemis et quel est leur nom propre? Est-il l'Occident? Peut-être—mais c'est surtout la Révolution, qui s'est incarnée dans l'Occident. Maintenant y a-t-il un seul élément de vie, qui ne soit plus ou moins saturé et pénétré de Révolution? Est-ce l'Eglise? Mais elle est représentée par un clergé qui en 1848 après avoir béni les arbres de la liberté vient en 1854 de bénir le drapeau turc. Est-ce l'Ordre? Mais il est représenté par Louis N. Bonaparte, *frère* de tous les souverains de l'Occident. Est-ce la Liberté? Mais c'est la Révolution même donnant une main à Mazzini et l'autre aux Turcs à la satisfaction générale du public Européen. Maintenant ce qui n'est pas Révolution en Occident peut-il se déclarer l'adversaire politique de la Russie sans être de toute nécessité l'allié, c'est à dire la proie de la Révolution? J'ai la conviction qu'il ne le peut plus et même qu'il ne le veut plus. Et voilà pourquoi c'est bien d'une lutte suprême entre l'Occident tout entier et la Russie qu'il s'agit. Il est très possible que celle-ci y succombe. Mais si par hazard ce n'était pas *elle*, ce qui sortirait vainqueur de la lutte ne serait plus la Russie—ce serait le ***Grand Empire*** (Великая Греко-Россійская Восточная Имперія). Tel est le dilemme où l'Europe vient de s'engager.“ (*)

---

*) ... «Будутъ перемирія, роздыхи, пріостановки въ томъ хаосѣ, въ который мы теперь вступаемъ и въ который будемъ забираться все глубже и глубже. Но миръ получится только вмѣстѣ съ Европою, вполнѣ преобразованною. Знаю, что все это было тысячу разъ сказано, и что если не приложить къ этимъ словамъ смысла самаго опредѣленнаго,—они не болѣе какъ пошлость, возбуждающая даже тошноту. А опредѣленный, точный смыслъ таковъ:

Восточный вопросъ — въ томъ видѣ, какъ онъ долженъ быть поставленъ, не болѣе не менѣе какъ вопросъ жизни и смерти для трехъ существъ, которыя всѣ трое показали міру, что крѣпко-живучи. Эти трое вотъ кто: Восточная церковь, Славянское племя, Россія. Паденіе же Россіи влечетъ неминуемо паденіе и остальныхъ. Это хорошо знаютъ общіе ихъ враги, и вотъ откуда этотъ ихъ бѣшеный напоръ на Россію... Но кто же эти враги, какое ихъ настоящее имя? *Западъ* ли? Можетъ быть, — и особенно Революція, воплотившаяся въ Западѣ. Теперь спрашивается: есть ли на Западѣ хоть одна жизненная стихія, которая бы, болѣе или менѣе, не была насыщена и пронята насквозь Революціею? ***Церковь ли?*** Но ее представляетъ духовенство, то духовенство, которое въ 1848 году благословляло «дерева свободы,» а въ 1854 г. благословило Турецкое знамя. ***Порядокъ*** ли? Но его представитель Лудовикъ Наполеонъ Бонапартъ, *братъ* всѣхъ Западныхъ государей. ***Свобода*** ли? Но что̀ же она, какъ не сама Революція, подающая одну руку Мадзини, а

8 Апрѣля, „Eh bien, nous voilà donc aux prises avec toute l'Europe coalisée contre nous. Coalition n'est par le mot, c'est *conspiration,* qu'il faut dire... Il n'y a rien de nouveau sous le soleil, et cependant il est peut-être vrai qu'il n'y pas eu dans l'histoire d'antécédents d'une indignité tramée et commise dans de pareilles proportions. C'est tout un monde déshonoré... Le roi de Prusse vient d'écrire ici qu'en dépit du protocole, qu'il a signé et du traité qu'il a conclu, il n'en reste pas moins fidèle à ses sympathies pour notre alliance, tandis que son collègue d'Autriche, le prenant sur un ton plus pathétique, nous déclare que c'est le *cœur saignant* qu'il passe du côté de nos ennemis. C'est comme le pamphlétaire, qui pour s'excuser d'avoir publié un libelle contre son bienfaiteur, disait: „il faut bien vivre....“ и проч. (*).

21 Апрѣля. „J'ai lu l'article de Forcade dans la Revue de Deux Mondes, où il est question de moi et que personne ici me semble avoir remarqué. Certes, ce n'est pas l'envie de parler qui me manque, mais elle est constamment refoulée par la conviction de plus en plus intime de l'impuissance, de l'inutilité radicale de la parole... plus vaine, plus impuissante que jamais dans le moment actuel. A ceux d'ici c'est superflu, même si c'était possible. Pour

другую Туркамъ, ко всеобщему удовольствію Европейской публики. Затѣмъ: то, что̀ еще не есть Революція на Западѣ, можетъ ли оно стать политическимъ врагомъ Россіи, не ставши союзникомъ, то есть добычею Революціи? Я убѣжденъ, что не можетъ и даже этого уже и не домогается. Вотъ почему дѣло идетъ именно о верховной, послѣдней борьбѣ всего Запада съ Россіею. Очень можетъ быть, что Россія при этомъ погибнетъ. Но если бы случилось, что погибнетъ не *она*, то уже это будетъ не просто Россія, которая явится торжествующею побѣдительницею: это будетъ Великая Греко-Россійская Восточная Имперія. Такова дилемма, въ которую вдвинулась теперь Европа...»

Мы должны здѣсь оговорить выраженіе, что «паденіе Россіи влечетъ за собою паденіе церкви.» Очевидно Тютчевъ разумѣетъ здѣсь внѣшнее положеніе церкви, какъ внѣшняго учрежденія, а не церковь въ ея внутренней непреходящей жизни. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что взятіе Константинополя Турками имѣло значительное вліяніе на земныя судьбы Восточной церкви, — и въ этомъ смыслѣ выраженіе Тютчева вѣрно.

(*) «Ну вотъ, мы въ схваткѣ со всею Европой, соединившейся противъ насъ общимъ союзомъ. *Союзъ* — впрочемъ невѣрное выраженіе, настоящее слово: *заговоръ*. . Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, однако же едва ли не справедливо, что въ исторіи не бывало примѣровъ гнусности замышленной и совершенной въ такомъ объемѣ. Это цѣлый міръ обесчещенный... Отъ Прусскаго короля получено писанье, что, не смотря на протоколъ имъ подписанный, на трактатъ имъ заключенный, онъ-де тѣмъ не менѣе пребываетъ вѣренъ своимъ симпатіямъ къ Русскому союзу. А коллега его, Австрія, тономъ болѣе патетическимъ, объявляетъ намъ, что лишь съ *сердцемъ, обливающимся кровью*, переходитъ она на сторону нашихъ враговъ. Это какъ тотъ памфлетчикъ, который, выпустивъ въ свѣтъ книжонку противъ своего благодѣтеля, говорилъ въ извиненіе: «вѣдь надо же мнѣ жить....» и проч.

ceux du déhors c'est autrement impossible. Car la parole, la pensée, la réflexion, tout cela suppose uu *terrain neutre,* et il n'y a rien plus de neutre entre eux et nous... Il y a longtemps que l'on pouvait pressentir, que cette haine furieuse, cette haine de dogue à la chaine, qui depuis trente ans s'irritait de plus en plus dans l'Occident contre la Russie, que cette haine un jour ou l'autre devait nécessairement rompre la chaine. Ce jour est arrivé... Ce qui s'appelait la Russie en langage officiel a eu beau faire pour conjurer ce destin, elle a eu beau biaiser, transiger, cacher le drapeau, se renier enfin, rien n'y a fait. Est venu un moment, où pour la mettre en demeure de prouver sa modération d'une manière encore plus éclatante, on lui a tout bonnement proposé de se suicider, d'abdiquer sa raison d'être, de reconnaitre qu'elle n'était autre chose dans ce monde, qu'un fait brutal et absurde, rien qu'un abus demandant correction. Je ne sais trop ce qu'aurait fait la Russie officielle livrée à elle-même, et au delà de quelle arrière-limite des limites elle aurait poussé son désintéressement et sa longanimité. Mais heureusement cette fois, de derrière le simulacre, qui ne simulait plus rien du tout, on a entendu une voix très réelle prononcer très définitivement: Non. Et ce non, cette négation, si brutalement, si témérairement provoquée, c'est l'affirmation de quelque chose dont on n'a qu'une idée bien confuse en Europe. Ce quelque chose qui s'appelait la Russie en langage occidental, ce compromis entre des prétentions surannées, mais toujours flagrantes et cet Avenir constamment ajourné, ce compromis où il y avait autant de niaiserie et d'imbécilité d'une part que de mauvaise foi et d'iniquité de l'autre, cette combinaison là est bien décidément épuisée et ne renaîtra plus... C'est cet avenir réservé, cet avenir de l'Europe d'Orient, dont la Russie n'était que le dépositaire, qu'on a redemandé à elle, en lui mettant le couteau à la gorge... La bataille maintenant, qu'elle en sera l'issue? Pour la pressentir il faudrait savoir à quelle heure de la journée nous sommes sur le cadran de la chrétienneté. Mais si ce n'est pas encore la nuit, nous pourrons encore discerner de grandes et belles choses. Seulement la lutte finie, ce n'est plus à la Russie qu'on aura à faire dans l'Occident, c'est à ce quelque chose de formidable et de définitif, qui n'a pas de nom encore dans l'Histoire, mais qui existe déjà et qui grandit à vue d'œil dans toutes les consciences contemporaines, amies ou ennemies n'importe... Ainsi soit-il.“ (*)

(*) «Я прочелъ статью Форкада въ Revue des Deux Mondes, гдѣ идетъ рѣчь обо мнѣ и которую кажется здѣсь никто не замѣтилъ. Конечно, не въ желанiи говорить у меня недостатокъ, но желанie это постоянно сдавливается убѣжденiемъ, съ каждымъ днемъ укореняющимся, въ безсилiи, въ совершенной безполезности слова... Тщетно и немощно слово въ настоящую минуту, какъ никогда не бывало. Къ тому же, — съ кѣмъ говорить? Съ здѣшними — излишне, еслибъ бы и было возможно. Съ внѣшними—невозможно по другой причинѣ. Слово, мысль, разсужденiе, все это предполагаетъ какую нибудь *нейтральную почву*, а между нами и ими нѣтъ уже ничего нейтральнаго... Давно уже можно было предугадывать, что эта бѣшеная ненависть, — словно ненависть пса къ привязи,—ненависть, которая тридцать лѣтъ, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе, разжигалась на Западѣ противъ

Статья Форкада, о которой говоритъ Тютчевъ, не только упоминала объ немъ, объ его брошюрѣ, извѣстной намъ подъ заглавіемъ „La Russie et la Révolution“ и напечатанной въ 1849 году въ Парижѣ, но, не называя его имени, содержала въ себѣ нѣкоторыя выписки изъ только-что приведенныхъ нами, и другихъ, не помѣщаемыхъ здѣсь, писемъ Тютчева къ его супругѣ. Ея братъ, баронъ Пфеффель, постоянно проживавшій въ Мюнхенѣ, гдѣ въ то время лѣчилась и Э. Ѳ. Тютчева, сообщалъ, безъ вѣдома автора, эти письма въ извлеченіяхъ своимъ знакомымъ въ Парижѣ, и между прочимъ Форкаду. Конечно Тютчевъ былъ вовсе не прочь довести до слуха Французовъ—сужденія объ ихъ политикѣ и образѣ дѣйствій съ точки зрѣнія Русской. Такія же выписки помѣщены и въ другой статьѣ Форкада, въ томъ же журналѣ и въ томъ же году. Онъ любуется и талантомъ, и силою внутренняго убѣжденія, которыя ярко выступаютъ въ письмахъ, но въ тоже время указываетъ на нихъ, какъ на образчикъ—какіе опасные для Европейской цивилизаціи гнѣздятся въ Русскихъ умахъ исполинскіе помыслы,—какъ много въ нихъ страстнаго и варварскаго пыла, и проч.—Въ письмахъ отъ Августа мѣсяца 1854 года, мы встрѣчаемъ у Тютчева, между прочимъ, слѣдующія строки: „J'ai sur ma table

---

Россіи, сорвется же когда нибудь съ цѣпи. Этотъ мигъ и насталъ... То что̀ на офиціальномъ языкѣ называлось Россіею—чего уже оно ни дѣлало, чтобъ отвратить роковую судьбу: и виляло, и торговалось, и прятало знамя, и отрицало даже самоё себя,—ничто не помогло. Пришелъ таки день, когда отъ нея потребовали еще болѣе яркаго доказательства ея умѣренности, просто на просто предложили самоубійство, отреченіе отъ самой основы своего бытія, торжественнаго признанія, что она не что иное въ мірѣ, какъ дикое и безобразное явленіе, какъ зло, требующее исправленія... Я не знаю навѣрное, что̀ сдѣлала бы офиціальная Россія, продоставленная самой себѣ, и до какого бы крайняго предѣла предѣловъ довела бы она свое безкорыстіе и долготерпѣніе. Но къ счастію на сей разъ, изъ-за этого *подобія*, которое уже и подобиться чему либо перестало, раздался голосъ—живой, настоящій, и произнесъ рѣшительное: «Нѣтъ»... Это «нѣтъ,» это *отрицаніе*, вызванное такъ грубо, такъ дерзко—есть, въ тоже время, *положительное утвержденіе* чего-то такого, о чемъ въ Европѣ имѣется самое смутное понятіе. То, что̀ называлось Россіею на языкѣ западномъ, эта сдѣлка, этотъ компромисъ между притязаніями устарѣлыми, но все еще живучими, и между Будущимъ постоянно отсрочиваемымъ, этотъ компромисъ, въ которомъ съ одной стороны было столько простодушной глупости и безсмыслицы, съ другой столько недобросовѣстности и неправды,—такая сочиненная система, конечно, теперь уже издержалась вся и больше не возобновится. Вотъ эту-то особенную будущность (будущность Европейскаго Востока, которой Россія только залогохранительница) и хотятъ отъ нея исхитить, приставивъ ножъ къ горлу.... Какой же будетъ исходъ битвы? Чтобы предугадать его, надо бы знать—какой часъ дня стоитъ теперь на часовомъ кругѣ христіанства? Если еще не ночь, то намъ еще удастся увидѣть немало крупнаго и величаваго... Только когда окончится борьба, уже не съ Россіей собственно придется имѣть дѣло Западу, а съ чѣмъ-то исполинскимъ и окончательнымъ, чему еще нѣтъ имени въ Исторіи, но что̀ уже живетъ и ростетъ не по днямъ, а по часамъ, въ сознаніи всѣхъ современниковъ—друзей и недруговъ.... Да будетъ такъ!...

le № du 1 Juillet de la Revue des Deux Mondes, où je trouve toute ma correspondance. C'était assurément l'unique chance, qu'eussent mes lettres d'être relues par moi... L'autre jour chez la comtesse Bobrinsky on m'a régalé sans savoir qu'elles étaient de moi, de la lecture des extraits de mes lettres, qui se trouvent reproduits tout au long dans un article de la Revue de Deux Mondes. Et ceci m'aurait presque donné envie d'écrire quelque chose de développé et de suivi sur l'ensemble de la question. Mais...“ (*)

Но и пламенныя упованія Тютчева на высокое призваніе Россіи не избавляли его отъ припадковъ тоски и унынія въ виду постоянныхъ нашихъ неудачъ, ошибокъ и всей страшной внутренней неурядицы, всплывшей на поверхность казеннаго нашего порядка и „благополучнаго обстоянія.“ Вотъ что читаемъ въ его письмахъ того же года: „Quand on se trouve en face d'une réalité qui blesse et brise tout votre être moral, quel est l'homme assez fort pour ne pas détourner la tête par moments et ne pas se voiler la tête d'*illusions?* Mais la terrible réalité se soucie fort peu d'être crue ou non, il lui suffit d'être... Elle est—elle marche—elle arrive... Il y aurait une sotte affectation de ma part à essayer de dissimuler mon profond, mon entier découragement. Tout n'est pas perdu peut-être, mais tout a été gaché, abîmé et pour longtemps compromis.. Intelligence opprimée, comme tu te venges!...“ (*)

Замѣчательно и слѣдующее его письмо изъ Москвы отъ 30 Ноября 1854 года: „A l'exception de quelques individus qui voient clair parcequ'ils ont toujours vu clair, ce qu'on appelle le public, ce faux peuple, cette contrefaçon du vrai pays, ici comme ailleurs n'a qu'un profond sentiment de malaise et de déception sans nulle intelligence vraie de la situation. On comprend qu'on a fait fausse route parcequ'on se trouve embourbé. Mais où a commencé la déviation? Depuis quand? Comment rentrer dans la bonne voie? Et où est-elle, quelle est-elle cette bonne voie? Voilà, certes, ce que l'on est loin de deviner. Et il ne pouvait pas en être autrement, le genre de civilisation qu'on a infligé à ce malheureux pays tendant fatalement à ce double résultat: *instincts faussés, intelligence engourdie ou annullée*... Ceci encore ne s'applique qu'à cette classe de la société russe qui se prétend civilisée—le public. Car la vie nationale, la

(*) У меня на столѣ лежитъ № отъ 1 Іюля R. des Deux M., гдѣ помѣщена вся моя переписка. Конечно—это была единственно возможная случайность, чтобъ мои письма были перечитаны самимъ мною... На дняхъ у графини Бобринской меня угощали, не подозрѣвая во мнѣ автора, моими собственными письмами, воспроизведенными въ извлеченіяхъ, въ одной статьѣ R. des Deux Mondes. И это почти возбудило во мнѣ желаніе написать что нибудь послѣдовательное и болѣе полное о всей общности вопроса. Но....

(*) ....Когда стоишь лицомъ къ лицу съ правдою дѣйствительности, съ такою ея правдою, которая язвитъ и сокрушаетъ все ваше нравственное существо,—у кого же достанетъ силъ, чтобъ подчасъ не отвратить въ сторону взора, не накрыться, какъ покрываломъ, мечтою? Но страшной правдѣ чтò за дѣло—вѣрятъ ли ей или не вѣрятъ: съ нея довольно *быть*... Она есть, она идетъ—она наступаетъ. Было бы глупымъ притворствомъ съ моей стороны скрывать мое глубокое, полное уныніе. Можетъ быть и не все потеряно, но все исгажено, перепорчено, подорвано въ своей силѣ надолго..... Разумъ подавленный, какъ ты мстишь за себя!...

vie historique est encore intacte dans les masses. Elle attend son heure, et le moment venu elle ne manquera pas à l'appel et saura bien se faire jour en dépit de tout et de tous. En attendant il est clair pour moi que nous ne sommes qu'au début des déceptions et des humiliations de tout genre..“ (*)

.. „Et voilà les gens qui dirigent les destinées de la Russie (пишетъ Тютчевъ въ другомъ письмѣ) à travers la plus formidable crise qui ait jamais ébranlé le monde... Non certes, il est impossible de ne pas pressentir la fin prochaine et imminente de cet épouvantable contre-sens, épouvantable et grotesque à la fois, de cette contradiction à faire rire et grincer des dents, entre les hommes et les choses, entre ce qui est et ce qui devrait être... Nous en sommes toujours encore à la vision d'Ezéchiel. Le champ est tout couvert d'ossements arides. Ces ossements se ranimeront-ils? Seigneur, Tu le sais! Mais certes, il ne faudra pas moins que le souffle de Dieu — un souffle de tempête..“ (*)

Къ сожалѣнію, переписка прерывается именно на тѣ мѣсяцы, когда въ Россіи, въ лицѣ двухъ царей, одна историческая эпоха смѣнилась другою. Мы разумѣемъ кончину государя Николая Павловича и воцареніе Его Сына. Возобновившись весною, переписка продолжается въ прежнемъ духѣ и тонѣ; то страстное, напряженное состояніе, въ которомъ держала всю Россію одиннадцати-мѣсячная осада Севастополя, отражается въ письмахъ Тютчева во всей своей животрепещущей правдѣ; онъ уже не могъ „пѣть“ въ риѳмованныхъ стихахъ...

«Теперь тебѣ не до стиховъ,
О слово Русское, родное!

(*) ....Исключая нѣкоторыхъ лицъ, которыя видятъ ясно и теперь, потому что всегда видѣли ясно,—то̀ что называется *публикой* — этотъ *лже-народъ*, эта фальшивая поддѣлка подъ Русскую землю,—здѣсь, какъ и всюду, испытываетъ только глубокое непріятное ощущеніе чего-то не по себѣ, вмѣстѣ съ сознаніемъ обманутыхъ надеждъ,—но безъ всякого истиннаго разумѣнія дѣла. Догадываются о томъ, что шли не тою дорогой, только потому, что увязли. Но гдѣ именно своротили съ пути? Съ какихъ поръ? Какъ попасть опять на правый путь, и гдѣ онъ, и что̀ это за путь? Вотъ чего конечно отгадать не умѣютъ. Да и не могло быть иначе. Плодомъ той цивилизаціи особаго рода, которая было навязана нашей несчастной странѣ, должны были неминуемо явиться: *искривленные инстинкты*,— *мысль закоченѣвшая или раздавленная*. Это, конечно, относится только до той части Русскаго общества, которая величаетъ себя образованною, т. е. до *публики;* потому что жизнь народная, жизнь историческая, еще цѣльна въ народныхъ массахъ. Она ждетъ своего часа, и когда настанетъ часъ—она не замедлитъ откликнуться на призывъ и съумѣетъ пробиться на свѣтъ Божій вопреки всѣмъ и всему... А между тѣмъ, для меня очевидно, что мы только въ самомъ началѣ разочарованій и уничиженій всякого рода...

(*) ...И вотъ какіе люди ведутъ теперь судьбы Россіи сквозь небывалый громаднѣйшій кризисъ!.. Нѣтъ, невозможно не чаять близкаго, неминуемаго конца этой страшной безсмыслицѣ, страшной и въ тоже время потѣшной, - этому противорѣчію, разомъ вызывающему и хохотъ, и скрежетъ зубовный, между людьми и дѣломъ, между тѣмъ что̀ есть и что̀ должно бы быть... Предъ нами все еще видѣніе Езекіиля: поле покрыто сухими костями... Эти кости—оживутъ ли? Ты вѣси, Господи! Но, конечно, оживить ихъ могло бы развѣ дыханіе Божіе—дыханіе бури....

сказалъ онъ еще въ началѣ 1854 года, и точно: у него уже не писались стихи по поводу громадныхъ кровавыхъ событій,— но слово его не умолкало ни въ обществѣ, ни въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ, восходя иногда до истиннаго паѳоса и поражая своею прозорливостью. „L'Autriche — писалъ онъ къ одному знакомому — se brouille avec ses amis pour ne pas se compromettre vis-à-vis de ses ennemis. Peine inutile!... Le canon qui bat en brèche Sévastopol la chassera d'Italie.“ (*). Но какъ ни интересны за все это время тѣ письма Тютчева, которыя въ нашихъ рукахъ, мыслью и красотою рѣчи, мы должны однакоже прекратить наши выписки, чтобъ не переступить за края біографическаго очерка. Приведемъ только, въ заключеніе, еще нѣсколько отрывковъ. — Сильное нервное возбужденіе, уныніе, горькое сомнѣніе въ судьбахъ Россіи, все это какъ бы разрѣшилось у Тютчева съ паденіемъ Севастополя. Дѣйствительно: очистительная жертва была принесена, боль достигла крайняго своего предѣла,—отсюда должно было начаться выздоровленіе. На чуткой природѣ поэта такая перемѣна исторической атмосферы отдалась сама собою, прежде даже чѣмъ стала предметомъ его сознанія. Вотъ его письмо отъ 9-го Сентября 1855 года изъ Москвы, гдѣ въ это время находился и „новый царь,“ т. е. Государь Александръ Николаевичъ, проѣздомъ на Югъ; оно стóитъ любаго стихотворенія... „Ce qui est vraiment prodigieux et bien humiliant aussi, c'est qu'avec nos insignifiantes impressions il a suffi de 8 jours, sinon pour emporter, du moins pour affaiblir cette écrasante, cette foudroyante impression de la catastrophe de Sévastopol. Le fil du télégraphe que j'avais côtoyé pendant 600 werstes ne m'en avait rien dit, et c'est à mon arrivée, en venant chez mon frère, que j'ai appris par lui cette terrible nouvelle. Il est probable que si je l'avais écrite à l'instant-même, j'aurais dit des choses très éloquentes et très émouvantes. Maintenant il est trop tard... et d'ailleurs dans ce moment-ci un magnifique soleil du matin entre dans ma chambre... Il y avait assurément quelque chose d'inusité et d'original dans l'impression que fesait le Kremlin habité. En voyant tout ce va et vient de la vie affairée, tout ce mouvement de voitures, cette foule stationnant dans les cours du palais, et tout cela en vue d'un intérêt présent,— on avait le sentiment comme si le charme venait de se rompre et que la vie allait reprendre, après des siècles d'interruption... Et puis lorsqu'on venait à rencontrer dans les escaliers ou les corridors toutes ces figures connues de Pétersbourg, N. N., O. O. etc., on sortait bien vite du rêve pour rentrer dans la réalité... Hier cependant, le 8, à l'heure où la messe se disait dans toutes les cathédrales, je suis monté sur la première plate-forme d'Iwan Véliki, qui était couverte d'un monde qui était là à attendre, à tort ou à raison, l'apparition de l'Empereur sur le grand escalier intérieur ou Sa sortie d'une des cathédrales. Tout-à-coup ce sentiment de tantôt m'a ressaisi. Il m'a semblé que le moment présent était passé depuis longtemps, qu'un demi-siècle et plus avait passé par là-dessus; que la grande lutte qui commence, après avoir parcouru tout un cycle de vicissitudes immenses et avoir enveloppé et broyé dans ses replis des empires et des géné-

(*) ....Австрія ссорится съ друзьями, чтобъ не компрометироваться передъ врагами. Напрасный трудъ! Пушки, громящія теперь Севастополь, прогонятъ ее изъ Италіи....

rations, était enfin terminée, qu'un nouveau monde en était sorti, que l'avenir des peuples était fixé pour des siècles, que toute incertitude avait disparu, que le Jugement de Dieu était accompli, le Grand Empire fondé... Il commençait sa carrière infinie là-bas dans d'autres régions sous un soleil plus brillant,—plus près des soufles du Midi et de la mer Mediterrannée. Des générations nouvelles, avec des idées, des convictions toutes différentes, étaient en possession du monde, et fières du résultat acquis se souvenaient à peine des tristesses, des angoisses et de l'étroite obscurité dans la quelle nous vivons en ce moment... Et alors toute cette scène du Kremlin, à la quelle j'assistais, cette foule si peu consciente de ce qui allait arriver, se poussant pour voir l'Empereur.... toute cette scène m'a paru comme une vision du passé et d'un passé déjà lointain, et comme si les hommes, que je voyais se mouvoir autour de moi, avaient déjà depuis longtemps disparu de cette terre. Je me suis tout-à-coup senti le contemporain de leurs arrière-petits enfants... Et c'est cette disposition habituelle à mon esprit d'envisager la lutte dans ses proportions et ses développements gigantesques, qui me rend parfois moins sensible aux événements du moment,—bien que d'autres fois je me sente accablé de tristesse et de dégoût...» (*)

„Это вторая *пуническая* война Запада съ Россіей“ — писалъ Тютчевъ, вслѣдъ за первымъ своимъ письмомъ изъ Москвы,—называя первою пуническою войною—1812 годъ. „Il s'agit de savoir si la plus nombreuse des trois races européennes, après avoir perdu contre les deux autres, depuis bientôt mille ans, toutes les affaires d'avant-garde, est destinée à être définitivement

(*) ....Что̀ истинно изумительно и въ тоже время очень обидно, это ничтожность всѣхъ нашихъ впечатлѣній; восьми дней довольно было, чтобъ если не разсѣять совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ ослабить страшное, подавляющее, какъ громъ низвергающее впечатлѣніе Севастопольской катастрофы.... Телеграфная нить, вдоль которой я ѣхалъ 600 верстъ, ничего мнѣ о томъ не повѣдала, и только по пріѣздѣ моемъ, зайдя къ брату, узналъ я отъ него эту печальную вѣсть. Очень вѣроятно, что еслибъ я тотчасъ же принялся писать о ней, я бы наговорилъ много, весьма и весьма краснорѣчиваго, пронимающаго душу. Теперь уже поздно—и къ тому же въ эту самую минуту великолѣпное утреннее солнце вступило въ мою комнату..... Было, конечно, что-то необычное и своеобразное въ томъ впечатлѣніи, которое производилъ Кремль—*населенный*. При видѣ всей этой бѣготни дѣловой жизни, этого движенія каретъ, этой толпы стоящей на дворцовыхъ дворахъ,—и все это ради интересовъ текущаго дня,—чувствовалось словно бы чары разбились и жизнь, послѣ цѣлыхъ вѣковъ перерыва, двинулась снова... А потомъ, при встрѣчѣ на лѣстницахъ или въ коррherидорахъ со всѣми этими знакомыми Петербургскими лицами, съ N. N., О. О. и пр., мечта быстро разлеталась, и обдавала дѣйствительность. Вчера однакоже, 8-го, когда шла обѣдня во всѣхъ соборахъ, я взобрался на первую площадку Ивана Великаго, набитую народомъ, ожидавшимъ, не знаю основательно ли или напрасно, появленія Государя на большомъ внутреннемъ крыльцѣ, или при выходѣ изъ собора. Вдругъ меня обхватило то, первое чувство. Мнѣ показалось, что настоящій мигъ миновалъ уже давно, что полвѣка и больше прошло за нимъ; что великая зачинающаяся теперь борьба, совершивъ весь кругъ громадныхъ превратностей, объявъ и перемоловъ, въ своихъ изгибахъ, цѣлыя царства и поко-

vaincue dans son principal corps d'armée et perdre dans cette bataille suprême toute son autonomie historique,— n'être plus *qu'un grand cadavre avec une âme d'emprunt!..*" (*)

лѣнія, уже наконецъ прекратилась,—что новый міръ возникъ изъ нея,—что будущность народовъ установилась на многіе вѣки, что всякая неопредѣленность исчезла, что Божій Судъ совершился, Великая Имперія основалась.... Она вступала въ свое безконечное поприще тамъ, въ странахъ иныхъ, подъ солнцемъ болѣе яркимъ, ближе къ дуновеніямъ Юга и Средиземнаго моря. Новыя поколѣнія, съ мыслями, съ убѣжденіями совершенно иными, владѣли міромъ, и гордыя всѣмъ пріобрѣтеннымъ и достигнутымъ, едва-едва помнили о печаляхъ, о мукахъ, о той тѣсной тьмѣ, въ которой мы теперь обитаемъ.... И тогда все это Кремлевское зрѣлище, при которомъ я присутствовалъ, эта толпа, такъ мало подозрѣвающая что̀ виситъ надъ нею въ будущемъ, давящая другъ друга, чтобъ только увидѣть Царя... все это зрѣлище показалось мнѣ какимъ-то видѣніемъ прошлаго, и уже далекаго прошлаго,—а люди, что̀ около меня двигались, будто уже давно исчезли съ этой земли. Я вдругъ почувствовалъ себя современникомъ ихъ пра-правнуковъ... И вотъ эта-то наклонность, обычная моему уму, обнимать взоромъ борьбу во всемъ ея исполинскомъ объемѣ и развитіи,—она-то и дѣлаетъ меня подчасъ менѣе впечатлительнымъ для событій настоящей минуты,— хотя въ другой разъ я изнемогаю отъ тоски и отвращенія...

(*) ...Дѣло идетъ о томъ, обречено ли многочисленѣйшее изъ трехъ племенъ Европейскихъ, которое до сихъ поръ, втеченіи почти тысячи лѣтъ, только проигрывало во всѣхъ своихъ авангардныхъ стычкахъ съ остальнымъ двумя племенами,— обречено ли оно претерпѣть окончательное пораженіе на своемъ главномъ войскѣ, утратить въ этой послѣдней битвѣ всю свою историческую автономію и стать не болѣе, какъ *огромнымъ трупомъ съ заемною душою?...*

Но онъ же и самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ черезъ нѣсколько дней: „Non, certes, la méprise commise par l'empereur Nicolas n'a été que la conséquence dernière et suprême d'une déviation profonde et bien antérieure à lui dans la direction imprimée aux destinées de la Russie,—et c'est précisement cette circonstance d'une déviation aussi ancienne et aussi profonde, qui me fait supposer que le redressement ne pourra s'obtenir que par de longues et de bien cruelles épreuves. Quant au succès définitif de la lutte en faveur de la Russie, il me paraît aussi peu douteux maintenant qu'il l'a jamais été." (*).

Такими словами заканчивается эпопея послѣдней восточной войны въ письмахъ Тютчева. Онъ, по всему видно, пришелъ къ убѣжденію, что рѣшеніе великаго Восточнаго вопроса отсрочено исторіею на долго, и что ни Европа еще не истощила всѣхъ жизненныхъ силъ своего духа, ни Россія еще не созрѣла для предназначеннаго ей, какъ

(*) ...Нѣтъ, безъ сомнѣнія, ошибка, совершенная императоромъ Николаемъ, была только результатомъ послѣднимъ, крайнимъ, того рѣзкаго искривленія путей, которымъ, гораздо его ранѣе, было насильственно измѣнено направленіе Русскихъ судебъ,—и вотъ именно это обстоятельство, — т. е. что искривленіе совершилось такъ рѣзко и такъ уже давно, — оно-то и заставляетъ меня думать, что и выпрямленіе можетъ быть добыто лишь долгими и лишь необычайно - жестокими испытаніями... Что̀ же касается до окончательнаго разрѣшенія борьбы, то успѣхъ Россіи также мало, кажется мнѣ, подлежитъ сомнѣнію нынѣ, какъ подлежалъ когда либо и прежде.

думалъ Тютчевъ, призванія. Онъ, конечно, понялъ и не могъ не понять, что не на отдаленные горизонты будущаго, а на болѣе тѣсный горизонтъ ближайшаго настоящаго должны по преимуществу устремиться покуда Русскіе взоры и что чередъ, въ самой Россіи, не за исполинскими, міровыми, политическими задачами, а за дѣломъ, и за долгимъ дѣломъ, собственнаго внутренняго устроенія. Этимъ объясняется, почему съ окончаніемъ восточной войны Тютчевъ почти совершенно замолкъ о своихъ историческихъ чаяніяхъ и вѣрованіяхъ, въ устныхъ бесѣдахъ и въ письмахъ. Только изрѣдка какой-нибудь стихъ или случайное слово намекали, что они еще живутъ въ его душѣ, глубоко затаенные, хотя, можетъ быть, уже не въ прежней своей цѣльности и полнотѣ... Но Тютчеву довелось дожить и до послѣдняго эпилога восточной войны. Лучь лелѣемаго имъ будущаго снова сверкнулъ для него въ настоящемъ. Мы разумѣемъ возвращеніе себѣ Россіею свободы на Черномъ морѣ, т. е. ту декларацію, которою Русскій Кабинетъ, въ концѣ 1870 года, возвѣстилъ Европѣ, что перестаетъ считать для себя обязательными, въ отношеніи къ Черному морю, ограниченія въ правахъ, наложенныя на Россію Парижскимъ трактатомъ. Не могъ не встрепенуться душою, уже почти 70-ти лѣтній, „не обманувшійся въ своей вѣрѣ", поэтъ и отозвался двумя стихотвореніями, которыя впрочемъ нигдѣ не были имъ напечатаны, а одно изъ нихъ, согрѣтое вполнѣ искреннимъ чувствомъ, оставалось даже совсѣмъ неизвѣстнымъ до самой его кончины. Вотъ оно:

Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло,
Прошелъ событій цѣлый рядъ—
И вѣра насъ не обманула,
И Севастопольскаго гула
Послѣдній слышимъ мы раскатъ.

Ударъ послѣдній и громовый,
Онъ грянулъ вдругъ, животворя,—
Послѣднее въ борьбѣ суровой
Теперь лишь высказано слово:
То слово Русскаго царя.

И все что было такъ недавно
Враждой воздвигнуто слѣпой,
Такъ нагло, такъ самоуправно,—
Предъ честностью Его державной
Все рушилось само собой.

И вотъ: «свободная стихія»....
—Сказалъ бы нашъ поэтъ родной—
Шумишь ты, какъ во дни былые,
«И катишь волны голубыя,
И блещешь гордою красой»....

Пятнадцать лѣтъ тебя держало
Насилье въ западномъ плѣну,—
Ты не сдавалось и роптало;
Но часъ пробилъ,—насилье пало:
Оно пошло какъ ключъ ко дну.

Опять зоветъ и къ дѣлу нудитъ
Родную Русь твоя волна,
И къ распрѣ той, что Богъ разсудитъ,
Великій Севастополь будитъ
Отъ заколдованнаго сна.

И то что ты во время óно
Отъ бурныхъ скрыла непогодъ
Въ свое сочувственное лоно,—
Отдашь ты намъ, и безъ урона,
Безсмертный Черноморскій флотъ.

Да, въ сердцѣ Русскаго народа
Святиться будетъ этотъ день:
Онъ—наша внѣшняя свобода.
Онъ Петропавловскаго свода
Освѣтитъ гробовую сѣнь....

Вотъ другое стихотвореніе, посланіе къ князю А. М. Горчакову:

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинувъ пушки, ни рубля,
Въ свои права вступить готова
Родная Русская земля.

И намъ завѣщанное море
Опять свободною волной,
О прежнемъ позабывъ позорѣ,
Лобзаетъ берегъ свой родной.

Счастливъ въ нашъ вѣкъ, кому побѣда
Далась не кровью, а умомъ;
Счастливъ, кто точку Архимеда
Умѣлъ найти въ себѣ самомъ....

VIII.

Празднества коронаціи 1856 года привлекли конечно и Тютчева въ Москву, и хотя не имѣли власти надъ его поэтическимъ творчествомъ, то есть не внушили ему никакихъ стиховъ, однакоже довольно подробно описаны въ его письмахъ къ женѣ. По своему-званію каммергера, онъ не только былъ зрителемъ, но даже дѣйствующимъ лицомъ въ разныхъ коронаціонныхъ церемоніяхъ и обрядахъ. Трудно себѣ представить придворнаго менѣе придворнаго, чѣмъ былъ Тютчевъ. Онъ дорожилъ своимъ каммергерскимъ ключемъ именно какъ ключомъ, отпиравшимъ ему двери многихъ блистательныхъ сборищъ, куда нелегко было бы и попасть при иныхъ условіяхъ, — а жить всею полнотою внѣшней общественной жизни, отъ ея высшихъ сферъ и до низшихъ, было для него насущною потребностью. Но Тютчевъ и во дворцѣ, и на улицѣ, и на чердакѣ какого-нибудь бѣднаго литератора, былъ совершенно одинаковъ. И не потому только одинаковъ, что это— своего рода le suprême bon genre, обязательный для людей, какъ обыкновенно выражаются, „истинно-образованныхъ“: такая одинаковость, чисто внѣшняя, сама себя сознающая и сама себя внутренно похваливающая, очень часто не болѣе какъ снисхожденіе подъ маскою вѣжливости, какъ сдѣлка между гордостью и требованіями свѣтскаго приличія. Но Тютчеву не было надобности ни въ какой сдѣлкѣ съ самимъ собою; ему не приходилось бороться въ себѣ ни съ гордостью, ни съ тщеславіемъ, потому что въ этихъ обоихъ свойствахъ у него былъ, какъ мы уже объясняли, *положительный* недостатокъ: тутъ даже не было особенной заслуги съ его стороны. Ему было рѣшительно все равно, гдѣ бы онъ ни находился, только бы не было *скучно*,—только бы зрѣлище или бесѣда, чѣмъ бы они обставлены ни были, давали пищу его уму, возбуждали въ немъ участіе, представляли сами по себѣ живой завлекающій интересъ. Какъ пчела собираетъ медъ со всякихъ растеній безъ разбора, съ полевыхъ и садовыхъ, такъ и Тютчевъ искалъ вездѣ и всюду, во всѣхъ явленіяхъ общественной жизни, внутренняго содержанія, скрытаго смысла, непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, удовлетворенія потребностей. своей поэтической, духовной природы. Не онъ былъ данникомъ этой внѣшней жизни, а она была его данницею, гдѣ бы, на какой бы высотѣ или на какой бы низменности ни совершалась. Поэтому и былъ онъ не то что вездѣ какъ дòма, а вездѣ одинъ и тотъ же, самъ собою, всегда и вездѣ независимъ, безъ аффектаціи, но независимъ не на показъ.

Письма его о коронаціи чужды какихъ либо серьезныхъ отвлеченныхъ соображеній; но въ нихъ много легкихъ граціозныхъ очерковъ и остроумныхъ замѣтокъ. Вотъ, между прочимъ, его описаніе маскированнаго бала въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ:... „Je rentre à l'instant de ce fameux bal masqué.... Quant à moi, je dois l'avouer. tout ce mouvement, tout cet éclat, toute cette représentation grandiose et les pompes symboliques sous les quelles on reconnaît tout à coup des figures si bien connues et si franchement, si humblement elles-mêmes, tout cela me fait l'effet d'un rêve: tant c'est vivant et en même

temps incohérent et peu réel. Voici par exemple la vieille comtesse R. et la vieille T. (je nomme celles-la parceque ce sont les dernières aux quelles je viens de parler), et tout à côté des princes Mingréliens, Tatars, Iméretiens, très authentiques, avec leurs magnifiques costumes et leurs figures solennelles, et des histoires de sang après eux, et même, comme ce soir par exemple, deux Chinois vivants et réels, et puis à deux cents pas de ces salles resplendissantes de lumières et encombrées de cette foule si contemporaine, là-bas sous les voûtes, les tombeaux d'Iwan III et d'Iwan IV... Si par hazard on pouvait admettre que le bruit et le reflet de tout ce qui se passe dans leur Kremlin arrive jusqu'à eux,—comme ils doivent faire de grands yeux, tout morts qu'ils sont.... Iwan IV et la vieille R.... Ah combien il y a du rêve dans ce que nous appelons la réalité...“ (*)

(*) ...Я только что вернулся съ этого пресловутаго маскированнаго бала.... Чтò касается меня, я долженъ сознаться, что все это движеніе, весь этотъ блескъ, все это величавое представленіе, вся эта пышность символовъ, подъ которыми вдругъ опознаёшь давно знакомыя лица, которыя такъ откровенно, такъ смиренно *они*, они самыя, а не какія другія,—все это кажется мнѣ какимъ-то сномъ,—до такой степени все это полно жизни и въ тоже время несообразно, непохоже на дѣйствительность. Вотъ напримѣръ старуха графиня Р... и старуха Т... (называю ихъ потому, что съ ними послѣдними только что разговаривалъ), а тутъ рядомъ князья Мингрельскіе, Татарскіе, Имеретинскіе, самые подлинные, съ ихъ великолѣпными костюмами, ихъ торжественными фигурами и кровавыми исторіями за плечами,—и даже, какъ сегодня вечеромъ, два живыхъ, настоящихъ Китайца; а тамъ шагахъ въ двухъ стахъ отъ этихъ залъ, залитыхъ свѣтомъ и загроможденныхъ людомъ самымъ наисовременнымъ,—тамъ, подъ сводами, гробницы Ивана III и Ивана IV..... Если предположить, что шумъ и отблескъ всего чтò происходитъ въ ихъ Кремлѣ, доходитъ и до нихъ, вотъ должно быть таращатъ они глаза, какъ они тамъ ни мертвы... Иванъ IV и старуха Р.... Ахъ, сколько сновидѣнія въ томъ, чтò мы зовемъ дѣйствительностью!...

Приведемъ кстати его письмо, двумя годами позднѣе, съ описаніемъ его участія въ церемоніи освященія Исакіевскаго собора:

„... J'oubliais de mentionner la cérémonie de la consécration de l'église d'Isaac, dans la quelle j'ai figuré à titre de chambellan. C'était bien beau, mais malheureusement aussi bien long. Convoqués à 9 heures du matin au palais d'Hiver, à 11 heures nous stationnions encore dans la grande cour du palais, parqués dans neuf voitures respectives et attendant le signal du départ... Je me trouvais dans l'avant-dernière voiture du cortége, dorée sur toutes les coutures, attelée de six chevaux et escortée de la livrée à pied. J'avais en face de moi deux inconnus, plus anciens que moi à ce qu'il paraît, puisqu'ils étaient dans le fond de la voiture. Je me sentais encore plus ennuyé que ridicule. Vers une heure la consécration étant finie, une procession dont j'avais bénévolement fait partie en côtoyant hors des rangs la personne d'A. D... était arrêtée dans l'église.... C'est alors que me sentant accablé de fatigue et réduit à la dernière inanition,—m'étant d'ailleurs convaincu de la gratuité absolue d'une présence plus longue et ayant devant moi l'avenir vraiment effroyable d'une messe d'archevêque qui commencait à peine, suivie d'une панихида en mémoire des cinq souve-

rains fondateurs et édificateurs de l'église (Pierre I, Cathérine II, Paul, Alexandre et Nicolas), et d'un Tedeum non moins solennel et non moins long.... c'est alors, dis-je, sous le coup de toutes ces influences impérieuses et irrésistibles, que j'ai fait ce qu'il était profondement dans ma nature de faire, en prenant la clef des champs, toute clef de chambellan qu'elle était, et en m'en allant solitaire et superbe à travers les rues éblouies de mes splendeurs, pour gagner par le chemin le plus direct ma chambre, ma robe de chambre et mon déjeuner, dont j'avais un pressant besoin. . . " *)

*) . . . Я забылъ упомянуть о церемоніи освященія Исаакіевской церкви, въ которой я участвовалъ въ качествѣ каммергера. Это было очень красиво, но къ несчастію и очень длинно. Созванные въ 9 часовъ утра въ Зимній Дворецъ, мы въ 11 часовъ еще пребывали на большомъ дворцовомъ дворѣ, размѣщенные въ девяти каретахъ по принадлежности и въ ожиданіи сигнала къ отъѣзду . . . Я находился въ предпослѣдней каретѣ поѣзда, позолоченной по всѣмъ швамъ, запряженной въ шесть лошадей и сопровождаемой пѣшимъ лакействомъ. Противъ меня сидѣли двое незнакомыхъ, должно быть старше меня чиномъ, потому что они занимали мѣсто въ глубинѣ кареты. Я чувствовалъ себя еще болѣе соскучившимся, чѣмъ смѣшнымъ. Около часу освященіе окончилось, и процессія, въ которой я благосклонно принялъ участіе, идя бокъ о бокъ, внѣ рядовъ, съ княжной А. Д., стала въ церкви. Тогда-то, чувствуя себя разбитымъ отъ усталости и доведеннымъ до совершеннаго истощенія,—убѣдившись къ тому же, что присутствовать долѣе—совершенно напрасно,—имѣя предъ собой будущность по истинѣ ужасающую—архіерейской обѣдни, едва начинавшейся, а за нею вслѣдъ: панихиды въ память пяти государей, основателей и создателей храма (Петра I, Екатерины II, Павла, Александра и Николая), и молебна не менѣе торжественнаго и неменѣе длиннаго,—тогда-то, говорю я, подъ напоромъ всѣхъ этихъ властительныхъ и непреодолимыхъ вліяній, я сдѣлалъ то, что сдѣлать было совершенно свойственно моей природѣ,—я утекъ (*) изъ церкви и отправился, величавый и одинокій, вдоль улицъ, озадаченныхъ моимъ пышнымъ блескомъ, прямою дорогой къ себѣ, къ своей комнатѣ, къ своему шлафроку и къ своему завтраку, въ которомъ крайне нуждался. . .

(*) Здѣсь въ подлинникѣ непереводимая игра словъ.

Съ заключеніемъ Парижскаго мира и съ воцареніемъ новаго Государя, Россія, какъ уже было сказано и какъ памятно еще всѣмъ, вступила въ новый періодъ бытія. Отъ хмѣля кичливыхъ самообольщеній, отъ самоупоенія внѣшнею Русскою силою и военною славою, общество, быстро и рѣзко, перешло къ иному угару,—угару самообличенія и преобразованія; весь, несчетными годами накопившійся, соръ выметенъ былъ изъ избы; словно изъ кладовой, вытаскивался наружу старый и затхлый хламъ, вывѣтривался и выколачивался публично. Долго сдержанная мысль торопилась высказаться и, высказавшись, спѣшила перейти къ дѣлу. И точно вскорѣ началась для Россіи пора такой практической, черствой работы, что людямъ только отвлеченной мысли, только слова, приходилось уступить мѣсто люду дѣловому и чернорабочему, или же самимъ браться за непривычную для нихъ, тяжелую службу въ разныхъ коммиссіяхъ, канцеляріяхъ и комитетахъ, по разрѣшенію насущныхъ вопросовъ уже не мечтательной, а наличной дѣйствительности. Всего менѣе, повидимому, предъявлялся запросъ на тѣ именно таланты, которыми обладалъ Тютчевъ,—и всего болѣе на тѣ способности и свой-

ства, которыхъ ему недоставало. Но Тютчеву удалось понести и свою долю исторической повинности, павшей на всю Русскую умственную силу. Конечно, самое присутствіе такого человѣка въ высшей общественной Петербургской средѣ не могло оставаться совершенно безполезнымъ, не могло не освѣжать, хоть изрѣдка, ея спертый воздухъ и не пропускать лучей умнаго свѣта въ ея тусклое и ужъ всего менѣе національное сознаніе. Частыя бесѣды Тютчева съ главнѣйшими дѣятелями той эпохи, съ которыми онъ былъ близокъ или по прежнимъ своимъ связямъ или по своему положенію въ обществѣ, были также, безъ сомнѣнія, своего рода *дѣломъ*... Но, кромѣ того, Тютчевъ сослужилъ и положительную службу Русскому просвѣщенію своимъ заступничествомъ за Русскую печать и своею дѣятельностью въ званіи Предсѣдателя Комитета Иностранной Цензуры и члена Совѣта въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Это заступничество, если не за полную свободу, то за бо̀льшій просторъ Русскаго печатнаго слова, выразилось прежде всего въ формѣ письма къ нынѣшнему канцлеру, князю Горчакову, которое ходило тогда по рукамъ, въ спискахъ, и въ прошломъ 1873 году помѣщено, во Французскомъ подлинникѣ и въ переводѣ, въ „Русскомъ Архивѣ," подъ заглавіемъ: „Записка о Цензурѣ." Ближайшій поводъ къ этому письму былъ слѣдующій.

Съ порывомъ къ новой усиленной жизни, объявшемъ всю Россію, естественно, что и Русская печать получила небывалое до тѣхъ поръ значеніе; администраціи приходилось съ нею считаться и волей-неволей отводить мѣсто въ ряду законныхъ отправленій общественнаго организма. Вопросъ былъ только объ *объемѣ* отводимаго мѣста.. Разумѣется, съ одной стороны хотѣли сдѣлать этотъ объемъ неизмѣримо-малымъ, почти призрачнымъ; съ другой домогались ширины безпредѣльной... Между тѣмъ Герценская „вольная Русская печатня въ Лондонѣ" не могла не смутить офиціальныя сферы и заставила ихъ серьезно призадуматься: какими бы средствами противодѣйствовать ея вліянію? Но какими же средствами? Всѣ запреты, всѣ полицейскіе способы возбранить пропускъ „Колокола" въ Россію оказались безсильными. „Колоколъ" читался всею Россіей, и обаяніе единственно-свободнаго, впервыя раздавшагося Русскаго слова было неотразимо. Въ правительственныхъ сферахъ пришли наконецъ къ мысли, что наилучшимъ средствомъ вывести и общество, и себя изъ такого фальшиваго положенія было бы учрежденіе въ самомъ Петербургѣ Русскаго литературнаго органа, такого органа, который, издаваясь при содѣйствіи, покровительствѣ и денежномъ пособіи отъ правительства, но въ тоже время съ пріемами и развязностью *почти* свободной газеты, боролся бы съ Герценомъ и направлялъ бы общественное мнѣніе на истинный путь... Для редакціи такаго журнала предполагалось пригласить благонамѣренныхъ, благонадежныхъ, но однакоже авторитетныхъ литераторовъ... Этотъ-то проэктъ, сообщенный Тютчеву на предварительное разсмотрѣніе, и послужилъ поводомъ къ его письму. Какъ ни очевидна была для Тютчева, а также, безъ сомнѣнія, и для лица, къ которому письмо было адресовано, несостоятельность подобнаго проэкта, но письмо предназначалось для обращенія въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ кругахъ; а потому ее, эту несостоятельность, требовалось доказать, и притомъ доказать *деликатно*,— а это, въ свою очередь, давало благовидную возможность преподать нѣкоторое общее, болѣе здравое понятіе о свойствахъ предмета, такъ сильно озабочивавшаго

администрацію, т. е. печати. Задачу свою Тютчевъ исполнилъ очень искусно, и письмо его было въ то время истинною гражданскою заслугою; но конечно, само по себѣ, это письмо ни для кого, кромѣ тѣхъ, кого оно имѣло въ виду, не представляло, да и не могло представить, какихъ либо новыхъ, блестящихъ соображеній. Напротивъ, при чтеніи письма, трудно защититься отъ невольнаго чувства соболѣзнованія къ положенію этого просвѣщеннаго, высокаго ума, вынужденнаго принизиться до уровня почти дѣтски-наивнаго разумѣнія,—усиливающагося наисерьезнѣйшимъ образомъ втолковать своимъ предполагаемымъ читателямъ, что гласность вещь полезная, а угнетать искренность слова—вредно и вообще тому подобныя истины, давно для всѣхъ людей, сколько-нибудь зрѣлыхъ мыслью, ставшія непререкаемыми аксіомами. Зная Тютчева, можно себѣ вообразить, какъ долженъ онъ былъ стенать и страдать внутренно, обставляя всѣми возможными предосторожностями и оговорками простую, безхитростную правду своихъ рѣчей, и выдавая чуть не за оригинальное открытіе то̀, что въ его собственныхъ глазахъ было,—употребимъ его же выраженіе, — не болѣе какъ „*une banalité nauséabonde*"... Тѣмъ не менѣе „письмо" или „записка" Тютчева и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не утратило значенія современности, и такъ какъ оно притомъ написано остроумно и относительно-смѣло, то это обязываетъ насъ изложить его содержаніе.

„Если правда, какъ вы сказали, князь (такъ пишетъ Тютчевъ), что практическій умъ, при извѣстномъ положеніи, можетъ желать лишь того, что̀ дѣйствительно осуществимо по отношеніи къ *лицамъ* (en égard aux personnes), то не менѣе справедливо, что было бы недостойно истинно-практическаго ума желать чего либо несовмѣстнаго съ естественными условіями его существованія (en dehors des conditions naturelles de son existence)". Если, — продолжаетъ онъ,—какой либо очевидной истинѣ научилъ тяжелый опытъ послѣднихъ годовъ, такъ несомнѣнно слѣдующей:

Намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы слишкомъ рѣшительнаго, слишкомъ продолжительнаго стѣсненія и гнета безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Оказывается, что всякое ослабленіе, всякое уменьшеніе умственной жизни въ обществѣ служитъ къ выгодѣ матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама Власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Голая степь, громадная умственная пустота образуется вокругъ самой Власти, и правительственная мысль, не находя внѣ себя ни контроля, ни указанія, ни какой-либо точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ сокрушатъ ее роковыя событія!

„Къ счастію, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ", прибавляетъ Тютчевъ и, указывая на наступившее въ Россіи, съ новымъ царствованіемъ, ослабленіе прежней чрезмѣрной суровости въ отношеніи къ мысли и печати, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнымъ и убѣдительнымъ словомъ, выставляетъ заслугу новой современной литературы. Какъ воспользовалась литература тою нѣкоторою свободою, которая была ей дана, спрашиваетъ Тютчевъ, къ чему устремилась она, почуявъ больше простора?.... „Къ тому только, — отвѣчаетъ Тютчевъ, — чтобы сколь возможно лучше и вѣрнѣе выразить настоящее мнѣніе страны. Вмѣстѣ съ живымъ чувствомъ настоящей дѣйствительности, съ талантомъ нерѣдко весьма замѣчательнымъ, литература проявила не менѣе живую заботливость о всѣхъ насущныхъ нуждахъ, о всѣхъ

интересахъ, о всѣхъ язвахъ Русскаго общества. Относительно предлежащихъ улучшеній, она, какъ и сама страна, озабочивалась только тѣми, которыя были возможны, существенны, практичны, ясно указаны,—не увлекаясь утопіей—этимъ въ высшей степени литературнымъ недугомъ.“ Какія нибудь частныя уклоненія, излишества, крайности не представляютъ, по мнѣнію Тютчева, никакой важности при этомъ общемъ, господствующемъ характерѣ литературнаго движенія. Ни одинъ классъ въ обществѣ, объясняетъ онъ, не питаетъ такаго сочувствія къ Верховной Власти въ ея борьбѣ со всяческими злоупотребленіями, какъ именно люди пера и мысли, такъ называемые литераторы; никто болѣе ихъ не одушевленъ рвеніемъ помогать ей въ ея благихъ намѣреніяхъ.... Я знаю, впрочемъ, продолжаетъ Тютчевъ, что мои слова будутъ многими встрѣчены съ недовѣріемъ „въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего офиціальнаго міра,“ и при этомъ остроумно замѣчаетъ, что

въ этомъ мірѣ во всѣ времена существовало какое-то предвзятое чувство недовѣрія и недовольства (de tout temps il y a eu dans ce monde-là comme un parti pris de défiance et de mauvaise humeur), и это очень легко объясняется спеціальностью ихъ точки зрѣнія. Есть люди, которые о литературѣ знаютъ столько же, сколько полиція въ большихъ городахъ о народѣ ею охраняемомъ, т. е. только тѣ несообразности и безпорядки, которымъ иногда предается народъ...

Затѣмъ Тютчевъ напоминаетъ своему собесѣднику примѣръ Германіи, до и послѣ 1848 года, и ту перемѣну, какая произошла въ отношеніяхъ Нѣмецкихъ правительствъ къ журналистикѣ. „Тѣже самыя правительства, говоритъ онъ, которыя смотрѣли на печать, какъ на *необходимое* зло, которое приходилось по неволѣ терпѣть, хотя и ненавидя, рѣшились наконецъ поискать въ ней себѣ вспомогательную силу“ и не ошиблись въ расчетѣ. Если это возможно было въ странахъ, потрясенныхъ и зараженныхъ революціоннымъ духомъ, то какъ неизмѣримо легче положеніе правительства въ Россіи, гдѣ „не смотря на недуги насъ удручающіе и пороки насъ искажающіе, таятся въ душахъ сокровища разумной готовности и преданной дѣятельной мысли, которыя ждутъ-не дождутся, чтобы чья нибудь сочувственная рука умѣла ихъ признать, собрать и употребить въ дѣло“. Но, оговаривается Тютчевъ, такое искреннее отношеніе между правительствомъ и умственными силами страны, такое серьезное, „честно-сознанное“ и свободное руководительство общественными умами возможно лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ. А именно, относительно нашей страны, слѣдовало бы правительству

придти наконецъ къ тому сознанію, къ которому съ такимъ трудомъ приходятъ обыкновенно родители относительно дѣтей выростающихъ у нихъ на глазахъ, а именно, что настаетъ наконецъ такой возрастъ, гдѣ мысль также мужаетъ и требуетъ, чтобъ съ нею обращались, какъ съ совершеннолѣтнею.

Такое признаніе Русской общественной мысли совершеннолѣтнею должно быть искреннее и полное. Дѣло вовсе не въ томъ, — поясняетъ Тютчевъ, — „чтобы на семъ основаніи допустить вмѣшательство публики въ совѣщанія Государственнаго Совѣта, или въ томъ, чтобъ установлять вмѣстѣ съ печатью программу дѣйствій правительства“. Существенно важно, по мнѣнію Тютчева, чтобы само правительство ощутило потребность проводить свои идеи и убѣжденія въ самую глубь народнаго сознанія... „Было бы необходимо—говоритъ онъ—

въ виду тяжкихъ, давящихъ насъ затрудненій, чтобы само правительство сознало, что *безъ этого искренняго общенія съ самою душою страны*, *безъ полнаго и всецѣлаго пробужденія всѣхъ ея нравственныхъ и умственныхъ силъ*, *безъ ихъ добровольнаго и единодушнаго содѣйствія въ общемъ дѣлѣ*,—*правительству*, *предоставленному собственнымъ своимъ средствамъ*, *не совершить ничего*, какъ внѣ Россіи, такъ и внутри, какъ для своего, такъ и для нашего блага (le gouvernement, réduit à ses propres forces, ne peut rien, pas plus au déhors, qu'au dédans, pas plus pour son salut que pour le nôtre). Однимъ словомъ, слѣдовало бы всѣмъ, какъ обществу, такъ и правительству, постоянно твердить себѣ, что судьба Россіи подобна кораблю сѣвшему на мель, который никакими усиліями экипажа не можетъ быть сдвинутъ съ мѣста и который только воздымающійся приливъ народной жизни способенъ приподнять и спустить на вòды (que seule la marée montante de la vie nationale parviendra à soulever et à mettre à flot...).

Было бы ошибочно думать,—толкуетъ далѣе Тютчевъ—что для такого привлеченія умственныхъ и нравственныхъ силъ подъ знамя правительства, это послѣднее „должно обратиться въ проповѣдника и произносить поученія предъ безмолвною толпою.“ Пусть подъ *свободнымъ* воздѣйствіемъ не его слòва, а его духа, творится подъ его сѣнью прямодушная пропаганда. Но такая „спасительная пропаганда предполагаетъ честную и серьезную свободу обсужденія“: ибо—„нужно ли въ сотый разъ напоминать фактъ такой рѣзкій очевидности—прибавляетъ Тютчевъ — что въ наше время тамъ, гдѣ свободы преній не существуетъ въ размѣрахъ достаточно обширныхъ, *ничто не возможно*, *рѣшительно ничто*, въ смыслѣ умственномъ и нравственномъ.“ Здѣсь разумѣется возникаетъ вопросъ объ опредѣленіи размѣровъ этой свободы, и вопросъ о цензурѣ. Тютчевъ, по его словамъ, относится совершенно безпристрастно, безъ предубѣжденія и непріязни, къ вопросу о печати, „не питаетъ даже чрезмѣрно враждебнаго чувства и къ цензурѣ, хотя она, въ эти послѣдніе годы, тяготѣла надъ Россіей какъ истинное общественное бѣдствіе“; но онъ главнымъ образомъ обвиняетъ цензуру въ томъ, что она нисколько не достигаетъ цѣли въ смыслѣ истинныхъ нуждъ и интересовъ нашего отечества. Впрочемъ, говоритъ Тютчевъ, „дѣло не въ мертвой буквѣ регламентовъ и инструкцій, а въ *духѣ* ихъ оживляющемъ; дѣло все въ томъ, *какъ* само правительство, въ глубинѣ своей совѣсти, смотритъ на свои отношенія къ печати; *какую*, бòльшую или мѐньшую долю законности признаётъ оно за частною, личною мыслью... Покуда правительство у насъ, въ самомъ обычномъ складѣ своей мысли, существенно не измѣнитъ своего настоящаго воззрѣнія на отношенія къ себѣ печати; покуда оно, такъ сказать, не порветъ со всѣмъ этимъ окончательно, нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности успѣха ни для какихъ попытокъ совершить что либо серьезное, истинно-дѣйствительное, — и надежда пріобрѣсть вліяніе на умы, съ помощью печати, *такимъ способомъ* направляемой, всегда окажется призракомъ...

Затѣмъ Тютчевъ переходитъ къ Русской заграничной печати и къ изданіямъ Герцена въ особенности, и въ громадномъ успѣхѣ послѣднихъ видитъ вовсе не выраженіе особеннаго сочувствія къ Герценскимъ политическимъ и соціальнымъ теоріямъ, а выраженіе нашей Русской настоятельной потребности, не имѣющей съ ними ничего общаго. „Будемъ имѣть мужество, — увѣщеваетъ онъ, — понять настоящій смыслъ, настоящее значеніе этого вліянія: ни-

чѣмъ невообразимое распространенiе Герценскихъ изданiй — это, на фактѣ, равняется совершенному уничтоженiю цензуры, къ выгодѣ влiянiй дурныхъ и враждебныхъ. Но при всемъ томъ, не наберется двухъ изъ сотни его читателей, сколько нибудь умственно-развитыхъ, которые бы относились серьезно къ его доктринамъ и не смотрѣли на нихъ какъ на маноманiю, которой самъ Герценъ подчинился, болѣе или менѣе невольно..." „Вся сила, по мнѣнiю Тютчева, въ томъ, что журналъ Герцена представляетъ для насъ свободу обсужденiя, конечно при условiяхъ плохаго качества, при условiяхъ ненависти и пристрастiя, но однакоже на столько свободныхъ (отчего же этого не признать?), что на страницахъ этого журнала допускаются и другiя мнѣнiя, болѣе умѣренныя, болѣе разсудительныя, а нѣкоторыя и положительно разумныя"... „Какъ скоро мы поняли, въ чемъ состоитъ тайна его силы и влiянiя, намъ уже не трудно опредѣлить, *какого свойства* должно быть оружiе, которымъ мы можемъ съ нимъ сражаться".

Очевидно, что газета,—приводимъ подлинныя слова Тютчева,—„газета, которая бы приняла на себя такую миссiю, могла бы расчитывать на успѣхъ только при условiяхъ существованiя сколько нибудь сходныхъ съ условiями своего противника. Возможны ли, мыслимы ли они у насъ, въ данномъ положенiи? Тѣ люди — съ убѣжденiями искренними, съ талантами и съ рвенiемъ, которые бы приняли участiе въ изданiи такой газеты, не пожелали ли бы они прежде всего несомнѣнно увѣриться въ томъ, что призываются не къ полицейскому дѣлу, а къ дѣлу совѣсти (pas à une oeuvre de police, mais à une oeuvre de consience)? Не сочли ли бы они себя въ правѣ требовать для себя всей той полноты свободы, которую предполагаетъ всякое серьозное обсужденiе, безъ которой оно немыслимо и недѣйствительно? Благоволите же взвѣсить (съ такими словами обращается Тютчевъ къ своему собесѣднику), въ какой мѣрѣ тѣ влiятельныя силы, которыя бы приняли на себя основанiе подобнаго журнала и покровительство его успѣхамъ, согласились бы закрѣпить за нимъ потребную ему мѣру свободы, и не пришли ли бы онѣ, быть можетъ, къ убѣжденiю, что изъ благодарности за оказанную ему поддержку и изъ нѣкотораго уваженiя къ своему привилегированному положенiю, этотъ журналъ, на который бы онѣ смотрѣли какъ на свой собственный, былъ бы обязанъ соблюдать еще бо̀льшую сдержанность и умѣренность, чѣмъ всѣ другiя изданiя въ государствѣ?..."

По справедливости слѣдуетъ признать, — и наши читатели это конечно признаютъ, — что нельзя было лучше, полнѣе, откровеннѣе, тверже и мужественнѣе, и въ тоже время съ бо̀льшею вѣжливостiю, съ бо̀льшимъ приличiемъ и достоинствомъ, высказать мнѣнiе по такому жгучему вопросу, какъ вопросъ о печати, почти предъ лицомъ власти и особенно при условiяхъ даннаго времени. Повторяемъ: это своего рода гражданскiй подвигъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что это письмо много содѣйствовало къ нѣкоторому облегченiю того гнёта, который тяготѣлъ надъ Русскою печатью, и къ водворенiю нѣсколько бо̀льшаго простора для мысли и слова,—но конечно не въ той мѣрѣ, какой желалъ и какую совѣтовалъ нашъ просвѣщенный писатель. Та перемѣна во внутреннемъ сознанiи, перемѣна въ самомъ воззрѣнiи на значенiе печати, перемѣна радикальная, искренняя, — на чемъ особенно настаивалъ Тютчевъ,—была очевидно несбыточна, потому что могла совершиться не иначе, какъ путемъ органическаго

духовнаго перерожденія цѣлой среды, одновременно съ подъемомъ ея умственнаго уровня. Но въ Тютчевѣ, какъ мы уже знаемъ, поэтическая мечта почти всегда переступала, въ своемъ полетѣ, предѣлы текущей исторической ежедневности. Истина, имъ проповѣданная, не только не могла всѣми и во всей своей полнотѣ быть „носима" въ то время, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но не можетъ еще „быть носима и нынѣ", и Тютчеву, въ этомъ отношеніи, готовились горькія разочарованія.....

Тѣмъ болѣе чести лицамъ, которыя этого поэта поставили во главѣ Комитета Иностранной Цензуры. Въ то время, какъ Тютчевъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Комитета, это учрежденіе состояло еще при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, и только впослѣдствіи, съ передачей цензуры въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отошло къ этому послѣднему. Тютчевъ замѣнилъ въ Комитетѣ слишкомъ знаменитаго и даже воспѣтаго Пушкинымъ Красовскаго, который, въ качествѣ предсѣдателя, тридцать лѣтъ сряду чудесилъ и куролесилъ въ этой немаловажной, кажется, области управленія... Тридцать лѣтъ почти полновластнаго надъ Русскою и Европейскою литературою бѣснованія этого маньяка, одержимаго свободобоязнью и какою-то гипертрофіею подозрительности, представляютъ, конечно, немалый интересъ для патологической исторіи Русскаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Можно себѣ представить, какимъ воздухомъ, съ назначеніемъ Тютчева, повѣяло отъ того учрежденія, которое Красовскій умѣлъ обратить въ душный и смрадный вертепъ; какъ ожили, какъ обрадовались всѣ, кому были дороги умъ и знаніе,—какъ благодарили они ту власть, которая ввѣрила обязанность предсѣдателя такому европейски-образованному и благородно-мыслящему человѣку, какимъ былъ Тютчевъ. Это было тѣмъ болѣе важно, что предсѣдатель Комитета Иностранной Цензуры, уже по самому званію, имѣлъ право голоса въ совѣщаніяхъ по дѣламъ цензуры отечественной... Около Тютчева сгруппировалось вскорѣ въ Комитетѣ нѣсколько молодыхъ людей изъ числа нашихъ литераторовъ, между прочимъ извѣстные поэты Полонскій и Майковъ. На нихъ лежитъ обязанность почтить благодарною памятью своего бывшаго предсѣдателя-поэта, и обнародовать для свѣдѣнія Русской публики подробныя воспоминанія (на сколько, или когда это будетъ возможно) объ его служебной дѣятельности въ Комитетѣ, о борьбѣ и столкновеніяхъ, которыя ему приходилось выдерживать... Мы съ своей стороны замѣтимъ только, что эта дѣятельность была для Русскаго просвѣщенія и Русской печати чрезвычайно благотворна въ началѣ, но что положеніе Тютчева измѣнилось нѣсколько къ худшему съ того времени, какъ Комитетъ выбылъ изъ подъ непосредственнаго начальства Министерства Народнаго Про-

свѣщенія; что, наконецъ, права предсѣдателя, которыми Тютчевъ пользовался съ полнотою и свободою, приличными человѣку его ума и образованія,—эти права были постепенно съуживаемы, а въ послѣдніе годы его жизни съужены и очень значительно. Объясненіе причинъ такого явленія не входитъ въ нашу задачу.

Въ концѣ 1857 года уже поднялась надъ Русскимъ народомъ заря освобожденія отъ крѣпостнаго рабства. О томъ, что Тютчевъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ сочувствовалъ съ этимъ величайшимъ дѣломъ нашего вѣка, было бы странно и говорить. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ въ виду писемъ или вообще полнаго письменнаго изложенія его мыслей и ощущеній по поводу этого событія; но въ числѣ его стихотвореній есть двѣ небольшія піесы, внушенныя ему — одно еще готовящимся, другое — уже совершившимся преобразованіемъ. Первое было написано еще въ 1857 году, слѣдовательно въ самомъ началѣ толковъ и преній, волновавшихъ тогда всю Россію, и служитъ какъ бы отвѣтомъ на слышавшіяся со всѣхъ сторонъ опасенія, что уничтоженіе крѣпостнаго права только раздражитъ въ народѣ его дикіе инстинкты и побудитъ его къ мести. Въ этихъ стихахъ сказалась завѣтная вѣра поэта въ христіанскую стихію Русскаго народнаго духа. Онъ понималъ, что громадная историческая неправда не можетъ быть упразднена однимъ внѣшнимъ формальнымъ закономъ,— что разрѣшеніе задачи не исчерпывается точностью регламентовъ и правильностью расчетовъ,—что никакія матеріальныя вознагражденія не въ состояніи были бы возмѣстить, если бы въ самомъ дѣлѣ потребовалась уплата, тѣхъ невещественныхъ потерь и золъ, которыя были неизбѣжнымъ для крестьянства послѣдствіемъ крѣпостныхъ отношеній; что наконецъ главнымъ историческимъ факторомъ, главнымъ мирнымъ рѣшителемъ и свершителемъ всего дѣла долженъ явиться и явится самый духъ народа, духъ той земли, которую всю, по выраженію его же Тютчева.

Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя....

Вотъ эти стихи:

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа,
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучь твой золотой?
Блеснетъ твой лучь и оживитъ,
И сонъ разгонитъ, и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустота,
Что̀ гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ—
Кто ихъ излѣчитъ кто прикроетъ?..
Ты, риза чистая Христа!...

Самый же великій день *19 Февраля 1861 года* онъ привѣтствовалъ слѣдующимъ четверостишіемъ, обращеннымъ къ настоящему Виновнику преобразованія, Императору Александру II-му:

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,—
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью...

Хотя мы достаточно, кажется намъ, охарактеризовали Тютчева какъ поэта и какъ политическаго мыслителя и писателя; однако же сочли неизлишнимъ коснуться, по возможности, и другихъ, общественныхъ сторонъ его жизни и дѣятельности, на сколько онѣ раскрываются намъ изъ письменныхъ свидѣтельствъ, изъ его стиховъ, статей и переписки съ родными и друзьями. Послѣдняя далеко не собрана; она, конечно, могла бы представить, почти день за день,

отраженіе нашей общественной исторіи за послѣднія 10—15 лѣтъ, со всѣми ея важными и мелкими чертами, ея сѣрые будни и торжественные—радостные и горестные дни.... Но такая полнота чрезмѣрно расширила бы предѣлы нашего очерка и немного бы прибавила къ характеристикѣ Тютчева. Поэтому мы и ограничиваемся самыми крупными или самыми видными событіями политическими и общественными, совершившимися въ теченіи послѣдняго, Петербургскаго періода жизни Тютчева. Указавъ на отношеніе его къ восточной войнѣ, на значеніе для него, наступившей съ новымъ царствованіемъ, новой исторической эры въ Россіи, на дѣятельное участіе его въ попыткахъ дать бо̀льшую свободу Русской печати и на его поэтическій откликъ дѣлу освобожденія закрѣпощенныхъ крестьянъ, — послѣдуемъ теперь за нимъ далѣе, въ порядкѣ времени.

Въ 1859 году онъ провелъ лѣто въ чужихъ краяхъ и посѣтилъ Францію, которой давно не видѣлъ: этотъ годъ былъ самымъ блестящимъ годомъ имперіи Наполеона III-го. Война съ Австріей за Италію только что окончилась, и Францiя, въ упоеніи отъ побѣдъ и громкихъ фразъ, еще не сознавала вполнѣ того невыгоднаго, фальшиваго положенія, которое создавалось для нея въ Италіи двусмысленною политикою императора. Хотя Тютчевъ въ то время еще опасался за участь Германіи въ случаѣ ея столкновенія съ Франціей, однако вотъ что онъ между прочимъ писалъ о тогдашнемъ Французскомъ общественномъ строѣ, если не сотворенномъ, то старательно поддержанномъ и взлелѣянномъ самимъ императорскимъ правительствомъ. Еще въ Вильдбадѣ встрѣтилъ онъ одного изъ членовъ Парижскаго общества, состоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Наполеоновымъ дворомъ, и могъ по этому лицу и по его разсказамъ достовѣрно судить о новѣйшихъ Французскихъ нравахъ:

„Il est assurément très curieux à entendre sur le chapitre du régime actuel en France, régime qu' il connaît nécessairement en détail et dont il parle avec une bonhomie et une sincérité d'appréciation qui ne laisse que mieux voir le fond des choses... et quel bas-fond que ce fond-là! C'est un régime redevenu pour ainsi dire primitif à force de corruption. C'est presque l'état de nature,— comme dans les bains publics en Russie. Et quand on pense qu'une force matérielle aussi écrasante se trouve aux ordres de toute cette dépravation morale et intellectuelle, de tout ce mensonge si brutalement cynique, alors ma foi il y a de quoi frémir pour l'avenir du monde...“ *).

Далѣе изъ Парижа:

„Ah, c'est bien certainement l'enfant terrible de l' Europe que ce charmant et absurde peuple qui vous inspire tous les sentiments possibles, à l'exception

---

*) ...Его, безъ сомнѣнія, очень интересно послушать о современномъ нравственномъ общественномъ строѣ во Франціи, который ему по необходимости извѣстенъ во всей подробности, и о которомъ онъ разсуждаетъ съ такимъ простодушіемъ и искренностью, что можетъ видѣть самую глубь, самое дно всѣхъ этихъ порядковъ,—и какіе же *поддонки*—это дно! Это нравственный строй, какъ бы возращенный развратомъ къ степени первобытности. Это почти уже состояніе натуральности какъ въ публичныхъ баняхъ Россіи. И когда подумаешь, что у всего этого нравственнаго и умственнаго растлѣнія, у всей этой грубо-цинической лжи состоитъ въ распоряженіи такая грозная матеріальная сила... есть отъ чего содрогнуться за будущность міра...

d'un seul, celui du *respect*... Je quitterai Paris fort content assurément de l'avoir vu, mais sans le moindre regret. Il y a, et certes ce n'est pas d'aujourd'hui que j'en ai fait l'expérience, il y a dans toute cette engeance francaise quelque chose qui après vous avoir amusé, intéressé et momentanément séduit, finit par vous choquer, vous irriter et vous déplaire... Pour supporter à la longue les Francais, il faudrait pouvoir toujours les considérer comme des enfants, mais ils sont trop robustes et trop peu candides pour que cette illusion puisse être longtemps maintenue..." *).

Зачавшееся въ 1861 г. волненіе въ Царствѣ Польскомъ и въ Сѣверозападной окраинѣ Россіи, — разрѣшившееся вскорѣ открытымъ мятежомъ, при сочувственныхъ кликахъ Европы,—охватило всю душу Тютчева, какъ Русскаго и какъ поэта и сосредоточило на себѣ его страстное вниманіе. Какъ ни противно было его добродушной природѣ всяческое насиліе, однако Польскій вопросъ былъ для него давно разрѣшенъ въ принципѣ. Онъ высказалъ, какъ мы знаемъ, свое мнѣніе о Польскихъ притязаніяхъ еще за 20 лѣтъ предъ послѣднимъ возстаніемъ, въ 1844 году, въ письмѣ къ редактору Всеобщей Аугсбургской Газеты. Польша, фанатически католическая, примыкающая всѣмъ существомъ своимъ не только вообще къ Европейскому, но въ частности даже къ Романскому міру; Польша неистово враждебная православію, внѣ котораго немыслима Славянская духовная самобытность,—враждебная Россіи, враждебная всѣмъ Славянскимъ племенамъ, даже и неправославнымъ, но сохранившимъ память о своемъ общемъ племенномъ единствѣ; Польша, служащая аванпостомъ Латино-германскому Западу противъ Славянской Россіи, поборницею его замысловъ противъ цѣлости и самостоятельности славянства; Польша, предъявляющая притязанія на исконныя Русскія земли, ставящая свое національное дѣло подъ знамя ненавистницы Славянъ — Европы; Польша шляхетная, презирающая крестьянина, — такая Польша казалась Тютчеву отступницею славянства, измѣнницею своей собственной народности и по мнѣнію его подлежала лишь изверженію изъ Славянской семьи. Не подлежалъ, конечно, этому изверженію самый Польскій народъ, или какъ выразился Тютчевъ, Польская племенная особенность (l'originalité de la race polonaise),—но та „фальшивая Польская національность", которую сочинила Польская шляхта, а въ особенности эмиграція, и которую приняли подъ свое покровительство Папство и Революція,—эта фальшивая національность, въ глазахъ Тютчева, была осуждена исторіей на неминуемую гибель. Впрочемъ корифеи Польской національной партіи сами изрекли себѣ смертный приговоръ, предъявивъ Россіи такую дилемму: все или ничего, т. е. или возстановленіе Польши въ ея древнихъ границахъ, простиравшихся когда-то до Чернаго Моря съ Кіевомъ вклю-

---

*) ...Да, безъ сомнѣнія, онъ—бѣдовое дитя Европы, этотъ милый и сумасбродный народъ, способный внушать вамъ всевозможныя чувства, кромѣ одного—*уваженія*... Я оставлю Парижъ довольный тѣмъ, что я его видѣлъ, но безъ малѣйшаго сожалѣнія. Въ этой Французской породѣ (и конечно не съ нынѣшняго только дня я испыталъ это) есть что-то такое, что̀, позабавивъ, заинтересовавъ и прельстивъ васъ на минуту, васъ подъ конецъ оскорбляетъ, раздражаетъ и отталкиваетъ. Чтобы переносить долго Французовъ, нужно бы умѣть всегда относиться къ нимъ какъ къ дѣтямъ, но они слишкомъ дюжи, слишкомъ мало невинны, такъ что подобная иллюзія продержаться долго не можетъ...

чительно, или никакой Польши; другими словами: или быть Польшѣ, или быть Россіи. Такая предъявленная Поляками дилемма значительно упростила для Русской общественной совѣсти рѣшеніе вопроса и устранила колебанія свойственныя Русскому благодушію и сострадательности.

Но конечно самымъ злымъ, самымъ гибельнымъ ударомъ для Польскихъ затѣй—былъ вызванный Поляками дипломатическій крестовый походъ на Россію всей Западной Европы (кромѣ Пруссіи), съ разными угрозами и требованіями. Вся Россія изъ конца въ конецъ подвиглась негодованіемъ — и, вмѣстѣ съ блистательнымъ дипломатическимъ отпоромъ Европѣ, поспѣшила покончить и съ притязаніями Польской шляхты. Зная Тютчева, можно себѣ представить, что̀ перечувствовалъ, что̀ испыталъ Тютчевъ въ виду того остервенѣнія, съ какимъ оспаривалось Западомъ и этою шляхтою историческое призваніе Россіи. Вотъ какими стихами характеризуетъ онъ Польское возстаніе и всю эту тревожную эпоху:

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похоронъ.

Осьмой ужъ мѣсяцъ длятся эти битвы.
Геройскій пылъ, предательство и ложь,
Притонъ разбойничій въ дому молитвы,
Въ одной рукѣ распятіе и ножъ...

И цѣлый міръ, какъ опьяненный ложью;
Всѣ виды зла, всѣ ухищренья зла...
Нѣтъ, никогда такъ дерзко правду Божью
Людская кривда къ бою не звала.

И этотъ кличъ сочувствія слѣпаго,
Всемірный кличъ къ неистовой борьбѣ,
Развратъ умовъ и искаженье слова—
Все поднялось, и все грозитъ тебѣ,

О край родной! Такого ополченья
Міръ не видалъ съ первоначальныхъ дней...
Велико знать, о Русь, твое значенье,—
Мужайся, стой, крѣпись и одолѣй!...

За то немало былъ онъ и утѣшенъ отвѣтными депешами нашего Кабинета. Объ этомъ дипломатическимъ подвигѣ упоминаетъ онъ, между прочимъ, и въ слѣдующихъ стихахъ къ князю Горчакову, написанныхъ, если не ошибаемся, по другому поводу, по поводу грозившихъ Русской печати новыхъ стѣсненій:

Вамъ выпало призванье роковое.
Но тотъ, кто призвалъ васъ, и соблюдетъ.
Все лучшее въ Россіи, все живое
Глядитъ на васъ, и вѣритъ вамъ, и ждетъ.
Обманутой, обиженной Россіи
Вы честь спасли — и выше нѣтъ заслугъ;
Днесь подвиги вамъ предстоятъ иные:
Отстойте мысль ея, спасите духъ...

Впрочемъ, въ числѣ стихотвореній Тютчева есть одно, въ семи строчкахъ, писанное, кажется, гораздо ранѣе Польскаго возстанія:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ Славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся-жъ эти двѣ—
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ....

Мы узнаемъ въ этихъ стихахъ уже извѣстный намъ и Тютчевымъ съ такою постоянною любовью лелѣянный образъ историческаго будущаго Россіи, или вѣрнѣе всего православно-славянскаго міра. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о Русской и Славянской будущности, не можемъ не замѣтить, по поводу этихъ стиховъ, что послѣ послѣдняго Польскаго мятежа выступили въ исторіи новыя событія, способныя и призванныя, кажется намъ (если толь-

ко умѣть ими воспользоваться) значительно облегчить дѣло искренняго мира между Русью и враждебными ей стихіями Польской народности,—дѣло не одного насильственнаго, но свободнаго соединенія, — забвеніе обидъ, заживленіе ранъ, нанесенныхъ вѣковою борьбою. Мы разумѣемъ: новое положеніе, принятое Римскимъ католицизмомъ съ провозглашеніемъ догмата о папской непогрѣшимости,—смущеніе и расколъ, внесенные этимъ догматомъ въ сознаніе вѣрующихъ католиковъ, — а также новѣйшее политическое переустройство Западной Европы, ослабившее Францію, выдвинувшее на политическую арену міръ Германскій въ грозной политической силѣ и противопоставившее ему міръ Славянскій, въ лицѣ Россіи.

Возстаніе Грековъ на древнемъ Критѣ въ 1867 г. и ихъ отчаянное сопротивленіе мусульманской силѣ, ихъ геройскіе подвиги, сочувственный трепетъ, пробѣжавшій по всѣмъ христіанскимъ племенамъ, еще томящимся подъ турецкимъ игомъ, все это волновало Тютчева не менѣе, чѣмъ и Польское дѣло. Но въ этомъ его тревожномъ участіи было что-то еще болѣе задушевное; въ его стихахъ и рѣчахъ слышался голосъ давно-наболѣвшаго сердца. Дорогая мечта его съ давнихъ лѣтъ, чаяніе всей его жизни, сначала громко и смѣло возвѣщаемое, потомъ надолго схороненное въ груди, — однимъ словомъ—пробужденіе Востока было повидимому близко, уже совершалось воочію. Какъ будто милостивою судьбою давалось вѣщему поэту, на самомъ закатѣ лѣтъ, видѣть своими глазами зарю того историческаго дня, который онъ призывалъ всѣми силами души съ самой ранней юности, въ наступленіе котораго не переставалъ вѣрить, но котораго уже не надѣялся дождаться, — о которомъ, казалось, забыли и думать, въ современной дѣловой суетѣ, новѣйшія поколѣнія:

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью,
Опять рѣзня! Повсюду вой и плачъ,
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью!

такъ писалъ онъ по поводу Кандійскаго возстанія,—такъ взывалъ онъ къ Россіи, напоминая ей объ ея призваніи:

Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда.....
Взгляни: чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ?
Проснись теперь—иль никогда!..

Къ этой-то эпохѣ принадлежитъ и его стихотвореніе: „Молчитъ сомнительно Востокъ.“

Состраданіе бѣдствующимъ на Критѣ православнымъ Грекамъ, открыто и прямо высказанное съ высоты Русскаго Престола, заступничество Россіи за христіанскія племена, подвластныя Исламу, выразившееся въ цѣломъ рядѣ депешъ и въ дипломатическомъ обращеніи къ Европѣ,—однимъ словомъ весь образъ дѣйствій Русскаго Кабинета преисполнилъ Тютчева самою искреннею, радостною благодарностью, излившеюся въ слѣдующихъ стихахъ:

Хотя бъ она сошла съ лица земнаго,
Въ душѣ царей для правды есть пріютъ:
Кто не слыхалъ торжественнаго слова?
Вѣка вѣкамъ его передаютъ!

И чтожъ теперь? Увы, что̀ видимъ мы?
Кто пріютитъ, кто призритъ гостью Божью?
Ложь, злая ложь растлила всѣ умы
И цѣлый міръ сталъ воплощенной ложью!..

. . . .

О этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ,
Вѣкъ безъ души, съ озлобленнымъ умомъ,
На площадяхъ, въ палатахъ, на престолахъ,
Вездѣ онъ правды личнымъ сталъ врагомъ!

Но есть еще одинъ пріютъ державный....

Вотъ что писалъ онъ „по прочтеніи депешъ нашего Кабинета, напечатанныхъ въ Journal de St. Pétersbourg.“

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Востокъ,
О какъ поймутъ тогда значенье,
Великолѣпныхъ этихъ строкъ!

Какъ первый яркій лучъ денницы
Коснувшись ихъ воспламенитъ,
И эти вѣщія страницы
Озолотитъ и освѣтитъ!

И въ изліяньи чувствъ народныхъ,
Какъ Божья чистая роса,
Племенъ признательно-свободныхъ
На нихъ затеплится слеза.

На нихъ записана вся повѣсть
О томъ, что̀ было и что̀ есть:
Изобличивъ Европы совѣсть,
Онѣ спасли Россіи честь...

Въ томъ же 1867 году написаны Тютчевымъ и стихи на юбилей князя А. М. Горчакова. Для насъ особенно важна въ нихъ послѣдняя строфа, которая выражаетъ и самого Тютчева, т. е. обычное направленіе его мысли, и показываетъ намъ, чѣмъ онъ особенно дорожилъ въ дѣятельности Русскаго канцлера:

Въ тѣ дни кроваво-роковые
Когда, прервавъ борьбу свою,
Въ ножны вложила мечъ Россія,
Свой мечъ иззубреный въ бою,—

Онъ волей призванъ былъ державной
Стоять на стражѣ, и онъ сталъ,
И бой отважный, бой неравный
Одинъ съ Европой продолжалъ.

И вотъ двѣнадцать лѣтъ ужъ длится
Упорный поединокъ тотъ:
Иноплеменный міръ дивится,
Одна лишь Русь его пойметъ:

Онъ первый угадалъ въ чемъ дѣло,
И имъ *впервыя Русскій духъ*
Союзной силой признанъ смѣло,
И вотъ вѣнецъ его заслугъ.

Въ этихъ стихахъ, написанныхъ въ 1867 году, подразумѣваются между прочимъ дипломатическія побѣды нашего Кабинета, которыя были одержаны именно потому, что Русская политика рѣшилась открыто и смѣло опереться на общественное мнѣніе Россіи, что̀ было въ то время новостью или забытою бывальщиною и чѣмъ по преимуществу было ознаменовано уже минувшее двѣнадцатилѣтіе, воспѣтое Тютчевымъ.

Мы считаемъ неизлишнимъ упомянуть кстати и о стихахъ Тютчева по случаю другаго юбилея—Карамзина. Они достойны примѣчанія по той мысли, которая слышится и чувствуется въ самой похвалѣ Карамзину, и которую выразить, по мнѣнію Тютчева, особенно было полезно въ тѣ годы, въ отпоръ разнымъ страннымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ нѣкоторыхъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества. Въ этихъ сферахъ „гуманное,“ или „человѣческое“ пріурочивалось только къ европеизму и казалось несовмѣстимымъ съ Русскимъ народнымъ чувствомъ, такъ что одно исключало другое: по убѣжденію этихъ представителей Россіи, Русское чувство должно было быть всегда приносимо въ жертву принципу общечеловѣчности, разумѣемому конечно сквозь призму Европейской (т. е. Французской, Нѣмецкой или Англійской) оцѣнки. Точно также, въ извращенномъ сознаніи этихъ высшихъ общественныхъ круговъ, интересы власти, какимъ-то особеннымъ процессомъ мышленія, отдѣлялись отъ интересовъ Русской земли, и не только отдѣлялись, но даже перевѣшивали ихъ, въ случаѣ ихъ взаимнаго противорѣчія. На эти-то странныя понятія нашихъ высокопоставленныхъ европеистовъ, переходившія даже и въ область практики, напримѣръ по

Польскому и Балтійскому вопросамъ, и намекаетъ Тютчевъ въ своихъ стихахъ „на юбилей Карамзина,“ изъ которыхъ мы приводимъ нѣсколько строфъ:

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ—
Тебѣ, нашъ добрый, чистый геній,
Средь колебаній и сомнѣній
Многотревожныхъ этихъ лѣтъ?

При этой смѣси безобразной
Безсильной правды, дерзкой лжи—
Такъ ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной...

Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой;
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренно-свободный,

Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ, полномъ строѣ,
Все человѣчески-благое,
И Русскимъ чувствомъ закрѣпить,—

Умѣвшій, *не сгибая выи*
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И *вѣрноподданнымъ—Россіи*...

Приведенные нами стихи и выписки изъ писемъ, кажется, достаточно характеризуютъ общественное значеніе Тютчева, особенно въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ его жизни. Онъ ревниво сторожилъ интересы Русской народности, преимущественно въ области внѣшней политики, ближе ему знакомой; онъ живо чувствовалъ всякой ущербъ наносимый не только Русской чести, но и Русской исторической, народной правдѣ; онъ откликался на всякую общественную Русскую скорбь и радость; онъ указывалъ настоящую Русскую точку зрѣнія на современныя событія міра, и между тѣмъ какъ всюду разлеталось, переносясь изъ устъ въ уста, его мѣткое, острое изреченіе, воплощавшее иногда въ двухъ-трехъ словахъ, въ художественной метафорѣ, цѣлый новый кругозоръ мысли и всю полноту сужденія о данномъ предметѣ,—онъ и самъ нерѣдко пытался, въ долгихъ бесѣдахъ и подчасъ запальчивыхъ спорахъ, разъяснять Петербугской свѣтской средѣ истинный взглядъ на призваніе и обязанности Россіи. Но если большею частью тщетны были его усилія въ отношеніи къ свѣтской средѣ,—въ которой тѣмъ не менѣе онъ былъ какъ бы будильникомъ народной мысли и совѣсти,—его мнѣнія цѣнились въ кругу дипломатовъ, какъ можно заключать по статьѣ о Тютчевѣ, напечатанной въ Journal de St. Pétersbourg. Вотъ что между прочимъ говоритъ эта небольшая статья, неизвѣстно кѣмъ написанная, но въ которой каждое слово обличаетъ и высокій умъ, и привычную, искусную руку мастера (она появилась черезъ нѣсколько дней послѣ кончины Тютчева):

Чтò въ особенности отличало Θедора Ивановича, это не только его умъ, но и пламенное сердце — истинный двигатель всей его дѣятельности. Онъ вносилъ въ самыя серьезныя дѣла жизни, даже въ холодную область политики, горячій потокъ струившійся изъ сердца, подобный теплымъ теченіямъ *гольфстрёма*, отъ которыхъ таютъ льдины крайняго Сѣвера, разливается тепло и жизнь. Вотъ чтò даетъ ему такое видное мѣсто между его современниками и чѣмъ опредѣляется то громадное вліяніе, которымъ онъ пользовался до послѣднихъ своихъ дней.... Чувство, въ которомъ сосредоточивалась (se résumait) вся его душа, вся его природа умственная и нравственная,—это его патріотизмъ, его вѣра безграничная въ будущее Россіи, въ ея судьбы, въ ея миссію историческую и провиденціальную. Этотъ патріотизмъ, простирая свои корни до самаго дна народной жизни и просвѣщаясь извнѣ самою космополитическою культурою, составлялъ одну

изъ главныхъ прелестей и одно изъ серьезнѣйшихъ достоинствъ покойнаго.... (*)

Намъ нѣтъ надобности слѣдовать за Тютчевымъ далѣе, сквозь рядъ событій наставшихъ съ 1866 года, — событій необычайной важности, которыя возникали и совершались одно за другимъ предъ страстно-жадными взорами поэта, до самыхъ крайнихъ дней его жизни, и на которыя на всѣ откликнулся онъ и мыслью, и чувствомъ, и прозою, и стихами; нѣтъ надобности потому, что мы уже разсказали въ своемъ мѣстѣ, въ другихъ отдѣлахъ, болѣе или менѣе подробно, его отношеніе ко всѣмъ этимъ историческимъ вопросамъ и явленіямъ. Мы разумѣемъ здѣсь: Славянскій съѣздъ въ Россіи и вопросъ Славянскій; военныя побѣды и возвеличеніе Пруссіи, вмѣстѣ съ политическимъ исключеніемъ Австріи изъ Германіи; созваніе вселенскаго собора въ Римѣ, провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости и возникновеніе раскола въ католической церкви во образѣ старо-католиковъ; войну Германіи съ Франціей, паденіе Наполеоновой Имперіи, созданіе новой Имперіи Германской, возвращеніе себѣ Россіею Чернаго моря, неистовства коммуны во Франціи, пожаръ Парижа, занятіе Рима королемъ Италіи, фактическое уничтоженіе свѣтской власти папы, борьбу протестантскаго Германскаго міра, вѣнчавшагося императорскою короною, съ Римско-католическою церковью, и возрастающую силу раціонализма.... Всѣ эти событія отразились въ сознаніи Тютчева не только своими крупными очертаніями и окончательными выводами, но по мѣрѣ того какъ творились, во всей дробности своего ежедневнаго процесса, со всею своею мелочною и случайною, будничною обстановкою, которая, — не застилая для Тютчева ихъ міроваго значенія, — тѣмъ не менѣе и сама по себѣ привлекала его сочувствіе и вниманіе. Онъ ни на минуту не переставалъ быть участникомъ и общникомъ *текущаго* историческаго дня. Вопросъ о конечныхъ судьбахъ Европейской цивилизаціи, и посѣщеніе Константинополя императрицею Евгеніею, — послѣднее слово Германской философіи, и пожалованіе султану Англійскою королевою ордена Подвязки, — антагонизмъ двухъ просвѣтительныхъ духовныхъ началъ, западнаго и восточнаго, и забалотированіе въ Русской Академіи Наукъ Русскихъ ученыхъ съ народнымъ направленіемъ въ наукѣ, — на всѣ многосложные, разнообразные интересы современной ему эпохи, общіе и частные, всемірные и мѣстные, — на все отзывался и отозвался этотъ не оскудѣвавшій ни мыслью, ни словомъ, не старившійся съ годами, никогда не повторявшійся, всегда одинаково привлекательный, но всегда своеобразный, сильный, острый, поэтическій умъ (*).

(*) См. эту статью въ приложеніи.

(*) По поводу путешествія императрицы Евгеніи было написано Тютчевымъ прекрасное стихотвореніе, напечатанное въ «Голосѣ»: «Флаги вѣютъ на Босфорѣ». Пожалованіе королевою ордена Подвязки султану внушило, безъ сомнѣнія ему же, слѣдующее Французское четверостишіе, ходившее въ то время по рукамъ въ высшемъ общественномъ кругу, анонимное:

Lorsqu'un noble prince, en ces jours de démence,
Décora de sa main le bourreau des chrétiens, —
Pourrait-on dire encore, ainsi qu'aux temps anciens:
«Honny soit qui mal y pense?»

Поступокъ Академіи, отказавшей въ избраніи, т. е. забалотировавшей нашего извѣстнаго, теперь уже покойнаго, ученаго

Прекрасно и вѣрно выразился о Тютчевѣ князь Вяземскій въ слѣдующихъ строкахъ одного своего частнаго письма:

Бѣдный Тютчевъ! Кажется, ему ли умирать? Онъ пользовался и наслаждался жизнью, и въ высшей степени даннымъ отъ Провидѣнія человѣку даромъ слова. Онъ незамѣнимъ въ нашемъ обществѣ. Когда бы не бояться изысканности, то можно сказать о немъ, что если онъ и не *златоустъ*, то жемчужноустъ. Какую драгоцѣнную нить можно нанизать изъ словъ, какъ бы безсознательно спадавшихъ съ языка его! Надо составить по нимъ *Тютчевіану*, прелестную, свѣжую, живую, современную антологію. Малѣйшее событіе, при немъ совершившееся, каждое лице, мелькнувшее предъ нимъ, иллюстрированы и отчеканены его яркимъ и мѣткимъ словомъ....

Можетъ быть, когда-нибудь и удастся составить такую Тютчевіану. Было бы желательно, чтобы всякій, знавшій Тютчева лично, занесъ на бумагу все слышанное отъ него, — но почти не можетъ быть и сомнѣнія, что во всѣхъ современныхъ мемуарахъ или запискахъ, которыя конечно ведутся многими, уже удѣлено мѣсто воспоминаніямъ о Тютчевѣ и его острымъ и мѣткимъ словамъ. Намъ случалось встрѣчать и въ статьяхъ иностранцевъ о Россіи многіе его отзывы и mots. Какъ замѣчаетъ князь Вяземскій, такая Тютчевіана была бы не простымъ сборникомъ остроумныхъ выраженій, а иллюстраціей современной исторіи и современнаго общества; но мы скажемъ болѣе: она была бы не только иллюстраціей, но художественною критикою, — судомъ, шутливымъ по формѣ, но почти всегда серьезнымъ и строгимъ по своему содержанію. Иное мѣткое слово Тютчева, повторяемъ, скрывало въ себѣ какъ въ зернѣ цѣлое стройное міросозерцаніе, какъ будто вставляло новыя очки, освѣщало внезапно сокровенную основу предмета. Мало того: если собрать вмѣстѣ всѣ его изрѣченія и замѣтки, то нельзя будетъ не признать въ нихъ общаго, кореннаго единства мысли. Не то, чтобъ они были тенденціозны и односторонни, — напротивъ; но, свидѣтельствуя о высшемъ, европейски-просвѣщенномъ умѣ автора, о широтѣ и свободѣ его взглядовъ, они въ тоже время раскрываютъ одну общую точку зрѣнія, на которую стать могъ онъ только какъ Русскій, и съ которой виднѣе, чѣмъ съ какой либо другой, представлялась ему сущность современныхъ явленій.

А. Ө. Гильфердинга, послужилъ поводомъ къ слѣдующему посланію Тютчева на имя Гильфердинга:

Спѣшу поздравить съ неудачей:
Она—блистательный успѣхъ,
Для васъ почетна наипаче
И назидательна для всѣхъ.
Что Русскимъ словомъ, столько лѣтъ,
Вы славно служите Россіи,
Про это знаетъ цѣлый свѣтъ—
Не знаютъ Нѣмцы лишь *родные*....
Ахъ нѣтъ, то знаютъ и они.
И что̀ въ Славянскомъ вражьемъ мірѣ
Вы совершили,—вы одни,—
Все вѣдаютъ, et inde irae!..
Во всемъ обширномъ этомъ краѣ
Они встрѣчали васъ не разъ,
Въ Балканахъ, Чехахъ, на Дунаѣ,
Вездѣ, вездѣ встрѣчали васъ.
И какъ же могъ бы безъ измѣны,
Высокодоблестный досель,
Въ академическія стѣны,
Въ завѣтную ихъ цитадель,
Казною Русской содержимый
Для этихъ славныхъ оборонъ,—
Васъ, васъ впустить—непобѣдимый,
Нѣмецкій храбрый гарнизонъ?

17 Дек. 1869.

Но собрать всѣ замѣчательныя „слова" Тютчева нѣтъ, разумѣется, никакой возможности, какъ потому, что эти устныя, пускаемыя на воздухъ произведенія никогда не удерживались въ его собственной памяти и имъ не повторялись, такъ и потому, что онъ лично не дорожилъ ими, не приберегалъ ихъ для избранныхъ слушателей, а расточалъ ихъ вездѣ и всюду, когда и какъ придется. Само собою разумѣется: гдѣ обмѣнъ мыслей былъ свободнѣе, гдѣ вся окружающая обстановка воодушевляла его сочувствіемъ, или раздражала его нервы, тамъ сильнѣе оживлялось его слово, и оживленное ярче и чаще сверкало блескомъ поэзіи и остроумія. Но онъ не пренебрегалъ, какъ уже было не разъ сказано, ничьей бесѣдой, въ какихъ бы общественныхъ слояхъ она ни происходила: ни погода, ни соображенія гигіеническія не въ силахъ были удержать его дома и помѣшать ему явиться тамъ, гдѣ представлялся ему какой либо живой интересъ для его мысли или для его души. Кругъ его знакомыхъ не съуживался съ лѣтами, а постоянно расширялся, безъ различія возрастовъ, партій и общественныхъ положеній. Съ каждымъ годомъ Тютчевъ становился популярнѣе въ Петербургѣ: — вездѣ, не смотря на разность направленій, онъ былъ самымъ дорогимъ и сочувственнымъ гостемъ, какъ среди чиновныхъ стариковъ, въ велико-свѣтскомъ салонѣ, такъ и въ кругу трудящейся и пишущей молодежи, и вездѣ вносилъ своимъ присутствіемъ свѣтъ и свѣжесть безусловно-свободной, всегда оригинальной, широкой мысли. Справедливо также выразился о Тютчевѣ авторъ некролога, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ" *), что онъ „обладалъ рѣдкою, можно такъ сказать, *любезностью сердца*, состоявшею не въ соблюденіи свѣтскихъ приличій (которыхъ онъ никогда и не нарушалъ), но въ *деликатномъ человѣчественномъ вниманіи* къ личному достоинству каждаго, къ его праву участвовать въ общемъ обмѣнѣ мнѣній и убѣжденій, къ его свободѣ."

Шли годы, наступали недуги старости, подагрическіе припадки чаще и чаще перечили страсти и привычкѣ Тютчева къ подвижности, къ ежедневнымъ, неоднократнымъ, пѣшимъ прогулкамъ на вольномъ воздухѣ; поступи измѣняла прежняя упругость и твердость; дрожали пишущія руки. Но, кромѣ этихъ, внѣшнихъ примѣтъ, Тютчевъ казался какъ бы непричастнымъ условіямъ и дѣйствію возраста: до такой степени не было ничего старческаго ни въ его умѣ, ни въ духѣ, ничего разъ на всегда заведеннаго, отвердѣвшаго въ складкахъ и изгибахъ его мысли и его души; никакихъ предвзятыхъ съ молодости и по самой своей давности ставшихъ „любезными сердцу" воззрѣній: никакихъ сжившихся съ человѣкомъ, освященныхъ годами, предубѣжденій и предразсудковъ. То не былъ „маститый, величавый, почтенный старецъ": такихъ эпитетовъ не рѣшился бы приложить къ нему ни одинъ изъ самыхъ рьяныхъ его хвалителей, инстинктивно чувствуя, какъ неумѣстны они въ отношеніи къ Тютчеву, какъ претили ему всякіе внѣшніе знаки почтительности и предупредительнаго вниманія. Но то не былъ и „молодящійся старикъ"; не было въ немъ ни того, что называютъ Французы une verte vieillesse, ни крѣпкой старости, ни старости съ „вѣчно-юнымъ сердцемъ", чего-то въ родѣ стариковскаго лица съ розовымъ на щекахъ румянцемъ. По наружности Тютчевъ казался даже дряхлѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ; „вѣчно же юнаго," т. е. чего-то вѣчно-наивнаго, „вѣчно - прекраснодушнаго," пылко - оп-

*) 1873 г. № 7. Статья А. И. Никитенка.

рометчиваго — не было въ Тютчевѣ и въ самой ранней его молодости, потому что съ самой ранней своей молодости онъ отличался замѣчательною, преждевременною зрѣлостью ума и серьезнымъ мышленіемъ. Необыкновенная страстность сердца и быстрая воспламенимость поэтическаго творчества были въ немъ не принадлежностью возраста и приличнаго юности жара, а независящими отъ лѣтъ свойствами самой его нравственной природы, чуждыми всякого *юношескаго* закала. Какъ не было никогда и прежде отпечатка юности, такъ не было потомъ и отпечатка старости на его внутреннемъ, духовномъ существѣ. Въ разговорахъ съ этимъ сѣдовласымъ или почти безвласымъ, нерѣдко хворымъ, чуть не семидесятилѣтнимъ старикомъ, почти всегда зябнувшимъ и согрѣвавшимъ спину плѣдомъ, не помнилось объ его лѣтахъ, и никто никогда не относился къ нему какъ къ старику. Выдающеюся, преобладающею стихіей въ Тютчевѣ была *мысль*,—а мысль, по самому существу своему, не то что вѣчно-юна, но вѣчно-зрѣла или точнѣе сказать не вѣдаетъ возраста. Конечно, и мысль въ человѣкѣ бываетъ заклеймена его индивидуальными особенностями или, вѣрнѣе, ограничена, задержана въ своей дѣятельности вслѣдствіе старости и разныхъ иныхъ личныхъ, нравственныхъ условій. Многіе геніальные мыслители, обогативъ умственный капиталъ человѣчества своими соображеніями, обращались потомъ, *отмысливъ*, въ живыя кладовыя своихъ собственныхъ, однажды высказанныхъ и оформленныхъ мыслей: они удовлетворялись своимъ собственнымъ, однажды на всегда сложеннымъ міросозерцаніемъ, — имъ казалось, что на всѣ вопросы дали они себѣ отвѣты, всѣмъ задачамъ пріискали разрѣшеніе; въ горделивомъ самообольщеніи вкушали они самодовольный покой и, съ вершинъ своей человѣческой мудрости, глядѣли и величались Зевсами-олимпійцами.

Ничего подобнаго не было въ Тютчевѣ. Напомнимъ еще разъ, что всякое самодовольство было противно его природѣ, и что онъ не только никогда не зналъ пресыщенія, но и сытости никогда не давала ему никакая умственная трапеза. Это былъ пламень, мгновенно пожиравшій всякое встрѣчавшееся ему и имъ самимъ творимое явленіе мысли, и непрерывно вновь самъ изъ себя возгаравшійся. Не можемъ не повторить здѣсь его собственныхъ стиховъ:

О небо! если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и—погасъ!

Вотъ къ этому-то „развитію по волѣ“ и порывался постоянно его пламенѣющій духъ: могъ ли онъ когда либо счастливо успокоиться и, самодовольно просіявъ, пребывать просіяннымъ и самоублажаясь?...

Обо всемъ этомъ мы уже говорили и прежде, и полагаемъ, что, ознакомясь съ политическими и историческими взглядами Тютчева, читатели подтвердятъ и сами вѣрность сдѣланной нами, въ началѣ очерка, его нравственной характеристики; но тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя дополнительныя черты окажутся, можетъ быть, нелишними...

Никогда и нигдѣ не переставали предноситься предъ Тютчевымъ идея и образъ безконечности; его душѣ были сочувственны и близки всѣ нравственные идеалы христіанства. Его умъ, какъ мы знаемъ, не только не отвергалъ, но всегда признавалъ и ограниченность человѣческаго *я*, и непостижимую умомъ истину вѣры. Но какъ и гдѣ положить, внѣшнимъ образомъ, предѣлы этой ограниченности? Какъ обозначить край познаванію истины? Какъ удержать пытли-

вость бдящаго духа? Не то, чтобы Тютчеву приходилось смирять кичливость или гордость разума и „плѣнять его въ послушаніе вѣры:“ онъ слишкомъ живо чувствовалъ его недостаточность и томился этою недостаточностью. Но онъ не могъ ни загасить, ни ослабить сжигавшаго его пламени, ни смирить тревожныхъ запросовъ мысли,—онъ не могъ удовлетвориться дешевою сдѣлкою между постигаемымъ и непостижимымъ и, добровольно зажмурясь, даже не заглядывая по *ту* сторону, наслаждаться умѣренно и съ комфортомъ умственною дѣятельностью въ болѣе тѣсныхъ и скромныхъ рамкахъ. Человѣку, въ которомъ живо сознаніе высшей, надземной, сверхъестественной истины, уже невозможно, *внѣ ея*, обрѣсти то Олимпійское спокойствіе, то равновѣсіе духа, которымъ красовались нѣкоторые знаменитые мужи даже новѣйшихъ временъ, въ своей, нѣсколько-языческой, мудрости. Такого зрѣлища довольной мудрости и мирно-величавой старости не представляла старость Тютчева.

Но не суждено было ему обрѣсти и того мира, который если и дается инымъ, то дается лишь *дѣйствіемъ* вѣры,—не однимъ теоретическимъ признаніемъ ея истины; той мудрости, которая создается не отвлеченными только соображеніями разума, и не порывами только христіанскаго упованія, а равномѣрнымъ, соотвѣтственнымъ развитіемъ и дѣятельностью въ человѣкѣ всѣхъ его нравственныхъ силъ... Такого равномѣрнаго развитія въ Тютчевѣ не было, а потому не могло быть и внутренняго, дающаго миръ, равновѣсія. Его „пламень“ не былъ въ немъ тѣмъ свѣтлымъ „горѣніемъ духа,“ къ которому призываютъ людей учители христіанства; онъ палилъ и жегъ его самого, не согрѣвая его души, постоянно алкалъ новой пищи, и быстро испепеливъ все мыслимое, имъ охваченное, обрѣтался снова въ пустотѣ... Потому что эта пустота въ человѣкѣ, если не христіанскихъ вѣрованій, то христіанскихъ убѣжденій, какимъ былъ несомнѣнно Тютчевъ, могла быть наполнена лишь однимъ высшимъ содержаніемъ — *дѣятельностью,*— дѣятельностью не одной мысли, но и другихъ нравственныхъ сторонъ духа. Умъ Тютчева парилъ въ даль и въ высь, въ самыхъ отвлеченныхъ областяхъ мышленія,—а самъ онъ, будто свинцовыми гирями, прикованъ былъ, какъ любятъ выражаться поэты, долу: немощью воли, страстями, избалованностью — ненавистницею работы и усилія. Мыслитель дѣятельный и серьезный, онъ велъ жизнь, если взглянуть на нее съ внѣшней ея стороны, почти праздную, чуждую и дѣла, и плана, и цѣли; при его необыкновенныхъ талантахъ, онъ далъ неизчислимо менѣе, чѣмъ, казалось, способенъ былъ произвести; возвышенный строй его думъ не сообщался его душевному строю; крѣпость умозрительныхъ выводовъ не давала крѣпости духу; ему не доставало *труда*, постояннаго занятія, Beschäftigung, какъ говоритъ Шиллеръ,

... die nie ermattet,
Die langsam schafft und nie zerstört (*).

Баронъ Пфеффель заканчиваетъ свою статью о Тютчевѣ такими словами:

.. „Такъ говорилъ этотъ человѣкъ, рожденный для размышленія, для кабинетнаго труда, и котораго жизнь, по странному противорѣчію судьбы, почти около пятидесяти лѣтъ протекла — въ гостиныхъ! Родись и живи онъ во

(*) ....Трудъ, который никогда не разслабляетъ, медленно творитъ и никогда не разрушаетъ.

Франціи, онъ безъ сомнѣнія оставилъ бы по себѣ памятники, которые бы увѣковѣчили его имя. Родясь и живя въ Россіи, не имѣя другой аудиторіи, кромѣ общества, отличающагося скорѣе любопытствомъ, чѣмъ познаніями, онъ разсѣялъ на вѣтеръ, въ разговорахъ, сокровища своего ума и мудрости, еще быстрѣе забытыя, чѣмъ распространенныя.“ (*)

Въ этихъ словахъ, конечно, много правды; но мы не можемъ не оговориться и не напомнить, что Тютчевъ, до пятаго десятка лѣтъ, 22 года прожилъ не въ Русскомъ обществѣ, а въ Германіи и вообще за границей, и хотя много обязанъ Западной Европѣ воздѣланностью своего ума и вкуса, однако, по свидѣтельству всѣхъ его знавшихъ, даже и въ Германіи не показывалъ расположенія къ усидчивому труду. По возвращеніи же его въ Россію, условія для умственной дѣятельности были для него, безъ всякаго сомнѣнія, уже совершенно неблагопріятны, по недостатку не только сочувственной, но даже и понимающей среды; но не въ этихъ только условіяхъ, а въ условіяхъ отчасти личной природы Тютчева, и главное—въ условіяхъ историческаго и бытоваго строя, давшаго ему *первоначальное* воспитаніе, слѣдуетъ искать причину той сравнительно-скудной производительности, которую проявили на землѣ его богатые таланты. Въ этомъ отношеніи замѣчаніе Пфеффеля оказывается вполнѣ вѣрнымъ. Старый дворянскій бытъ, т. е. *обезпеченность*, порождавшая *безпечность*, которую давало крѣпостное право,—въ особенности же слабость народнаго самосознанія, и вслѣдствіе того отсутствіе всякой духовной самобытности въ просвѣщеніи и умственномъ развитіи общества—все это не только не вырабатывало въ Русскихъ людяхъ способности къ настойчивому, послѣдовательному труду, къ строгому и самостоятельному мышленію, къ духовной иниціативѣ, но тяготѣло камнемъ надъ всякимъ даровитымъ умомъ, надъ всякимъ благороднымъ порывомъ воли. Отъ вреднаго воздѣйствія этихъ условій каждому таланту приходилось избавляться уже собственными средствами усиліями, — перевоспитываться сызнова, самому обрѣтать или созидать себѣ твердое духовное основаніе, твердый и большею частью *одинокій*, умственный и нравственный Standpunkt, какъ выражаются Нѣмцы. Въ такой трудной работѣ пропадало, конечно, не мало времени и растеривалось много, много силъ.

Но здѣсь-то и обнаруживается, какъ великъ и важенъ былъ подвигъ нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ и дѣятелей мысли. Если съ одной стороны справедливы слова Пфеффеля о вредномъ вліяніи на Тютчева Русской общественности, то съ другой стороны—совершенно невѣренъ его выводъ о значеніи того дѣла, которое дѣлалъ Тютчевъ... Дѣйствительно Тютчевъ велъ жизнь, по видимому, совершенно-пустую и праздную, — но умъ его никогда не былъ празденъ, никогда не переставалъ мыслить. Пусть другія стороны его духа не получили въ немъ должнаго развитія, пусть воля его была немощна, и эта

(*) ...Ainsi parlait cet homme né pour la méditation, pour le travail du cabinet et dont la vie, par une singulière contradiction du sort, s'est écoulée pendant près de cinquante ans dans les salons. Né et vivant en France il aurait sans nul doute laissé après lui des monuments qui eussent perpétué sa mémoire. Né et vivant en Russie, ayant pour unique auditoire une société plus curieuse qu'instruite, il a jeté aux quatre vents de la conversation des trésors d'ésprit et de sagesse encore plus vite oubliés que répandus...

немощь, вмѣстѣ съ другими его нравственными недостатками, служила ему самому казнью, лишала его внутренняго равновѣсія и мира,—но тѣмъ не менѣе онъ не только не зарылъ въ землю данный ему отъ Бога талантъ, не только не угасилъ свѣтъ ума, зажженный въ немъ природою, но не переставалъ свѣтить и пламенѣть мыслью до истощенія силъ. Если, по словамъ одного писателя, *жить* — значитъ *бодрствовать*, то Тютчевъ исполнилъ назначеніе жизни, по крайней мѣрѣ относительно мыслительной силы своего духа: онъ бодрствовалъ мыслью до самой кончины, безъ ослабленія, безъ упадка. Не одно же внѣшнее дѣланіе должно почитаться трудомъ, но и самое мышленіе человѣческое, и мы въ правѣ сказать про Тютчева, что онъ, въ этомъ смыслѣ, потрудился и много, и добрымъ трудомъ. Не можетъ же Русское общество не признать съ благодарностью той высокой заслуги, какую оказалъ онъ Русскому народному сознанію самобытною дѣятельностью мышленія и разъясненіемъ многихъ сокровенныхъ сторонъ духовной исторической Русской стихіи. Не можетъ Россія не почтить этого подвига умственной самостоятельности и безпредѣльной любви къ родной землѣ, который сохранилъ и выработалъ въ немъ Русскаго мыслителя, Русскаго поэта, Русскаго человѣка душою и сердцемъ; который поборолъ всѣ невзгоды, всѣ препятствія, всѣ преграды, поставленныя Тютчеву воспитаніемъ, разлукою, всею обстановкою юныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ. Не можетъ не быть вмѣнено и въ великую, *нравственную* заслугу такое служеніе духу на пространствѣ всей долгой жизни, вопреки всѣмъ соблазнамъ, влеченіямъ и всяческимъ противодѣйствіямъ со стороны внѣшнихъ и даже внутреннихъ, психическихъ условій его собственнаго бытія. Не можетъ остаться безъ оцѣнки и воздаянія и то смиренное отношеніе къ своимъ талантамъ и къ себѣ самому, которымъ запечатлѣно все существованіе этого богато-одареннаго человѣка и которое, хотя и является въ немъ какъ бы простымъ свойствомъ его природы, однакоже, проходя *неизмѣнно* сквозь всю семидесятилѣтнюю жизнь, доростаетъ до значенія истиннаго жизненнаго подвига...

Въ виду этихъ заслугъ и достоинствъ, въ виду этого подвига мысли и жизни, блѣднѣютъ и мельчаютъ, разумѣется, черты его внѣшняго образа, частности и подробности его житейскаго дѣла, къ которымъ мы все таки, по долгу біографа, считаемъ себя обязанными возвратиться. Говоря о Тютчевѣ какъ о старикѣ, мы объяснили, что преклонность лѣтъ сказывалась въ немъ только наружно, физически, но что онъ не походилъ ни на маститаго старца, ни на молодящагося старика; что не было въ немъ ни важности подобающей лѣтамъ, ни величавой тишины и гармоніи духа, которую даетъ мудрость языческая, ни мира и просвѣтлѣнія мудрости христіанской. Въ немъ было бы напрасно искать чего либо „назидательнаго;"—его непосѣдливость, его скитаніе изъ дома въ домъ, тревожные поиски за новыми впечатлѣніями и интересами, могли даже многимъ казаться несовмѣстными съ достоинствомъ его „сѣдинъ," его лѣтъ и т. д.; но его разговоръ давалъ столько высокаго умственнаго наслажденія, его мысль проливала всегда столько свѣта, была всегда такъ нестарчески-свѣжа и при томъ такъ трезва и серьезна въ своемъ существѣ, такъ духовно-изящна въ своей формѣ, что въ бесѣдѣ съ Тютчевымъ все забывалось, и никому и въ голову не приходило соображеніе объ его возрастѣ... Но въ этомъ-то сàмомъ, въ возможности такого забвенія въ виду его „сѣдинъ" и состояла немалая на-

зидательность. Опытъ долгой жизни, многолѣтняя дума, огромный накопившійся запасъ знанія—все это, безъ сомнѣнія, чувствовалось и слышалось собесѣдниками Тютчева въ его каждой рѣчи; но оно не выступало у Тютчева какъ нѣчто дающее право на почетъ и авторитетъ, какъ „украшеніе старости“ и „наученіе для юности.“ И это не потому, чтобы Тютчевъ скромничалъ или же умѣлъ выставлять свое достоинство въ мѣру, на столько, сколько нужно, чтобы съ одной стороны внушать къ себѣ уваженіе и расположеніе молодежи, а съ другой—не смущать ее обиднымъ для нея превосходствомъ. Въ отношеніяхъ Тютчева къ молодымъ людямъ вовсе не было того умнаго и великодушнаго разсчета, какимъ любятъ иногда щеголять „старцы“; никакого сознательнаго умѣнья и никакого ligne de conduite: это были отношенія, самыя свободныя и простыя, того искренняго сердечнаго благоволенія къ людямъ, которое не знаетъ неравенства лѣтъ, того полноправнаго, умственнаго общенія, при которомъ ни старшій годами не отрицался своего опыта, а лишь повѣрялъ его на новыхъ явленіяхъ жизни,—ни младшему не вспадало на мысль чваниться молодостью и потому воображать себя болѣе передовымъ, чѣмъ его немолодой собесѣдникъ. Никому нельзя было смотрѣть на Тютчева не только какъ на отсталаго, но даже какъ на усиливающагося не отстать; напротивъ, онъ былъ постоянно и естественно современенъ, и даже упреждалъ мыслью время, отводя всѣмъ явленіямъ текущей дѣйствительности законное мѣсто въ общемъ историческомъ строѣ, находя имъ всѣмъ историческое объясненіе и оправданіе. Ничто не раздражало въ такой степени сверстниковъ Тютчева по лѣтамъ, какъ его живое сочувствіе со всѣмъ прогрессивнымъ движеніемъ жизни,—какъ отсутствіе въ немъ той замкнутости и законченности, послѣ которой человѣкъ уже перестаетъ идти самъ впередъ и богатѣть мыслью, а повторяетъ зады, живетъ лишь воспоминаніями и процентами съ выработаннаго умственнаго капитала,—въ родѣ какого нибудь rentier, который, съ наступленіемъ почтенныхъ годовъ, отказавшись отъ обогатившихъ его нѣкогда тревожныхъ спекуляцій и побранивая спекуляторовъ юныхъ, вкушаетъ, сообразно лѣтамъ, чину и капиталу, otium cum dignitate. Для Тютчева не существовало свойственныхъ и подобающихъ извѣстному возрасту, положенію и званію, воззрѣній и мнѣній консервативнаго или тому подобнаго качества,—потому что для него не было ни юныхъ, ни старыхъ, ни приличныхъ, ни неприличныхъ истинъ; только то имѣло для него значеніе и исповѣдывалось имъ открыто и явно, безъ соображеній о приличіи, что̀ представлялось ему въ данную минуту истиною, что̀ оправдывалось его крѣпкою и зрѣлою мыслью, — а мысль его, какъ мы уже знаемъ, созрѣла и окрѣпла съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Конечно, и опытъ, и знаніе могли видоизмѣнять и видоизмѣняли иногда его убѣжденія; но самый возрастъ не оказывалъ на его мысль и на его душу ни малѣйшаго дѣйствія,—и въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливо то выраженіе о немъ, которое намъ удалось слышать еще при его жизни: cet homme n'a pas d'âge (*).

IX.

Но если не было возраста для его мысли; если не старѣлъ его умъ, не старѣло сердце, то все же старость, не какъ внутреннее перерожденіе, а какъ внѣшній, чуждый, неизбѣжный рокъ, тяготѣла надъ его жизнью и его сознаніемъ, особенно въ послѣднія десять лѣтъ. Не чувствуя ея власти надъ

(*) У этого человѣка нѣтъ возраста.

своимъ умомъ и душою, онъ съ трудомъ признавалъ ея власть надъ строемъ своей обычной жизни; но бремя опыта, умножаясь съ годами, давило поэтическую мечту и затрудняло ея когда-то легкій полетъ; но радости бытія постепенно оскудѣвали и изсякали, а подагрическая хворь нерѣдко осуждала его на ненавистное ему одиночество и неподвижность. Если еще въ началѣ „склона своихъ лѣтъ,“ онъ писалъ:

Полнеба обхватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ бродитъ сіянье...
Помедли, помедли, вечерній день,
Продлись, продлись, очарованье!..

то понятно, что еще тревожнѣе и некреннѣе вырывался порою этотъ вопль изъ души поэта, когда еще ближе надвинулись тѣни, и уже не полнеба, а почти весь небосклонъ покрылся ими. Но онъ не хотѣлъ и, по свойству своей природы, не могъ сводить счетовъ, не въ состояніи былъ заняться подведеніемъ итоговъ подъ свое личное бытіе. Не слыша въ себѣ одряхлѣнія мысли, онъ продолжалъ жить, пока жилось,—хотя эта же самая мысль, всегда трезвая и ясная, гнала безпощадно прочь всякое самообольщеніе и не переставала указывать ему на придвигавшійся край его жизни. Разладъ съ самимъ собою сталъ въ немъ еще томительнѣе и сильнѣе; безпокойнѣе и неотвязчивѣе стали запросы его собственнаго духа, обращенные и къ внѣшнимъ судьбамъ человѣчества, и къ себѣ самому; строже тайный судъ и еще болѣзненнѣе чувство своей человѣческой немощи, и еще немощнѣе воля... Тоска,— та тоска, которая составляла какъ бы основной тонъ всей его поэзіи и всего его нравственнаго существа, и на причины которой мы уже не разъ указывали, — тоска мысли, неугомонно, всю жизнь двигавшейся, бодрствовавшей и не додумавшейся ни до чего вѣрнаго и несомнѣннаго,—тоска по истинѣ, признаваемой, но не овладѣваемой умомъ и не овладѣвшей всецѣло ни его волею, ни его душою,—тоска по „солнечнымъ лучамъ,“ по радостямъ жизни,—тоска о себѣ, о потраченныхъ попусту силахъ, о неоправданномъ призваніи и дарахъ,— эта внутренняя, потаенная тоска возрастала въ немъ съ годами все могущественнѣе и властнѣе. Легко конечно осудить такую тоску въ „старцѣ“ и назвать ее неназидательною, но еще вопросъ: чтò лучше—такая ли тоска, или дешевое замиреніе, не лишенное самодовольства?

Какъ ни прекрасны приведенныя нами выше строки изъ письма князя Вяземскаго о Тютчевѣ и „Тютчевіанѣ,“ но такъ какъ эти бѣглыя строки не предназначались для печати, то въ нихъ многое не досказано, и встрѣчается выраженіе, не вполнѣ точно передающее мысль самаго автора, а потому требующее оговорки. „Бѣдный Тютчевъ, ему ли умирать? Онъ *пользовался и наслаждался жизнью...*“ Эти строки могли бы, пожалуй, дать поводъ предположить, будто Тютчевъ былъ чтò называется un bon vivant, и въ самомъ дѣлѣ *наслаждался*, удовлетворялся жизнью. Такое представленіе о Тютчевѣ было бы совершенно ложно и свидѣтельствовало бы лишь о томъ, какъ мало былъ оцѣненъ и понятъ въ Тютчевѣ, въ этомъ изящномъ, любезномъ, остроумномъ собесѣдникѣ, — si gracieux, si charmant (какъ отзывался о немъ свѣтъ) человѣкъ внутренній, человѣкъ мысли и духа.

Просматривая его письма къ женѣ, единственныя письма, гдѣ, въ интимной бесѣдѣ, онъ говоритъ иногда о себѣ и про себя, мы встрѣчаемъ не разъ указанія на тайную, снѣдавшую его тоску. Вотъ нѣсколько выписокъ въ подтвержденіе нашихъ словъ.

Еще въ 1858 году онъ писалъ изъ Москвы къ женѣ (отъ 11 Сентября),

послѣ свиданія съ своею престарѣлою матерью (изъ этого письма мы уже привели первыя строки въ самомъ началѣ нашего очерка), слѣдующее:

„J'ai encore une fois pris congé de ma mère, j'ai encore une fois fait les trois saluts en terre à côté d'elle devant sa Vierge de Cazan, encore une fois, en m'en allant de sa chambre, appuyé mon dernier regard sur elle, en l'accompagnant du même pressentiment parfaitement naturel et raisonnable... C'est inconcevable, comme tout est redite dans la vie, comme tout paraît devoir durer éternellement et se répéter à l'infini jusqu'à un certain moment où tout-à-coup tout s'abîme, tout disparaît, et ce quelque chose qui avait tant de réalité, que vous sentiez aussi solide et aussi immense que la terre sous vos pieds, devient un rêve qui n'a d'existence que dans le souvenir et que le souvenir même a peine à conserver. Et quand dans une vie cette opération s'est reproduite plusieurs fois, quand plusieurs de ces réalités que l'on avoit cru éternelles vous ont fui et laissé à sec, alors, bien que par une loi de la nature de l'homme l'illusion de la durée tende à se reproduire toujours, il y a sous cette illusion quelque chose d'éveillé, d'inquiet, de défiant, quelque chose enfin qui ne parvient plus à s'endormir tout-à fait. On ne dort plus que d'un oeil et, en dépit de soi, on ne se sent plus vivre qu' au jour le jour *).“

Въ 1859 году онъ посѣтилъ чужіе краи и въ нихъ тѣ мѣста, гдѣ протекла лучшая половина его жизни. Вотъ что мы читаемъ, между прочимъ, въ его письмахъ оттуда:

„Munich, 15 Juin... Quant à mon entrevue avec les montagnes et le lac de Tegernsee, elle m'a comme de raison innondé de mélancolie. Je n'ai décidément plus assez de vie pour tenir tête à de pareilles impressions. Elles anéantissent en moi jusqu'au sentiment de mon identité. En général tout mon organisme physique et moral est tellement ébranlé que ce qui devrait être et serait pour tout autre une occasion de plaisir et de distraction, m'éprouve de la manière la plus pénible... J'ai revu, revisité, reparcouru tout ce que je connaissais si bien et tout ce qui m'est devenu parfaitement étranger...

---

*) Я еще разъ простился съ моею матерью, еще разъ положилъ, рядомъ съ нею, три земныхъ поклона предъ ея Казанскою Божіей Матерью; еще разъ, уходя изъ комнаты, оглянулъ ее послѣднимъ взглядомъ, съ тѣмъ же, какъ и прежде, предчувствіемъ, вполнѣ естественнымъ, вполнѣ основательнымъ... Удивительно, какъ въ жизни все — повтореніе, какъ все кажется предназначеннымъ и длиться вѣчно, и повторяться безконечно—до извѣстнаго мгновенія, когда все вдругъ рушится, все исчезаетъ, и то, что было такою живою дѣйствительностью, что представлялось тебѣ столько же твердымъ и необъятнымъ, какъ сама земля подъ твоими ногами, становится сновидѣніемъ, котораго бытіе — только въ воспоминаніи и которое самимъ воспоминаніемъ удерживается лишь съ трудомъ. И когда въ жизни подобная операція возобновилась уже не разъ; когда уже не одна такая живая реальность, которую считалъ вѣчною, отхлынула отъ тебя и оставила тебя на мели,— тогда, хотя по закону человѣческой природы вновь и вновь завладѣваетъ душою самообольщеніе о прочности, о продолжительности всего живущаго, однако въ этомъ самообольщеніи кроется уже что-то возбужденное, безпокойное, недовѣрчивое,—что-то однимъ словомъ, что уже не можетъ забыться сномъ. Спишь уже только однимъ глазомъ и, на перекоръ самому себѣ, чувствуешь, что живешь уже только день за день...

Mais où vais-je? Et pourquoi? Il me semble que je rêve tout éveillé... Mais ce qui n'est pas un rêve, c'est le nouveau désastre des Autrichiens." etc *).

„Weimar, 1 Novembre... Comme de raison je passe toute la journée avec Maltitz... **) J'ai repassé le passé, retrouvé, ressaisi avec un mélancolique plaisir cette nature de Maltitz si intelligente, si impressionnable, si active, tournant toujours, sans se lasser, dans le même cercle d'impressions, d'idées, de lectures, d'habitudes, et bien que je sache parfaitement combien un pareil milieu serait impossible pour moi, je ne puis, sans une sorte d'envie et de retour pénible sur moi même, voir ces existences réglées, rassises et qui se prolongent sans solution de continuité,— pour qui le passé ne devient pas comme un membre amputé dont on finit par douter s'il vous a jamais appartenu. On a beau dire—une des trois unités de l'ancien drame classique qu'on a si fort décriée,—*l'unité du lieu* est plus nécessaire qu'on ne pense à l'intérêt du drame, au moins dans la vie réelle... *)."

Такъ высказывался Тютчевъ еще въ 1859 году, но послѣдующее десятилѣтіе его жизни еще сильнѣе омрачило его внутренній душевный міръ, и все рѣзче и болѣзненнѣе становились въ немъ тоскливыя ощущенія. Потери за потерями не переставали потрясать его физическій и нравственный организмъ. „Ницца" и нѣкоторыя другія изъ напе-

*) Мюнхенъ, 15 Іюня... Что касается до моего свиданія съ горами и озеромъ Тегернзее, то конечно оно обдало меня грустью. Во мнѣ рѣшительно нѣтъ уже на столько жизни, чтобы выдерживать подобныя впечатлѣнія. Они уничтожаютъ во мнѣ все, все, даже чувство самого себя. Вообще весь мой организмъ, физическій и нравственный, такъ потрясенъ, что все то, чему бы слѣдовало быть и что было бы для всякого другаго поводомъ къ удовольствію и разсѣянію, обращается для меня въ самую тяжелую пытку. Я снова увидѣлъ, снова посѣтилъ, снова обошелъ все что было мнѣ такъ близко знакомо, и что стало мнѣ совершенно чуждо. — Но куда же иду я самъ? И зачѣмъ?.. Мнѣ точно снится на яву... Но что уже совсѣмъ не сонъ—это новое пораженіе Австрійцевъ и пр.

**) Баронъ Мальтицъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и обширной образованности, занимавшій на Русской дипломатической службѣ, впродолженіи долгаго времени, мѣсто посланника въ Веймарѣ и при другихъ Нѣмецкихъ самостоятельныхъ герцогствахъ и княжествахъ, былъ женатъ на графинѣ Клотильдѣ Ботмеръ, родной сестрѣ первой жены Ѳедора Ивановича. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Германіи издана книжка его стихотвореній и біографія.

*) Веймаръ, 1 Ноября... Разумѣется я провожу цѣлый день съ Мальтицемъ... Я привелъ себѣ на память все прошлое, снова отыскалъ, обрѣлъ съ грустнымъ наслажденіемъ, эту натуру Мальтица, натуру такую умную, такую впечатлительную, такую дѣятельную, вращающуюся, не уставая, всегда все въ томъ же кругѣ впечатлѣній, мыслей, чтеній, привычекъ. И хотя я очень хорошо знаю, какъ была бы невозможна для меня подобная среда, я не могу однако, безъ нѣкотораго рода зависти и тягостнаго обращенія на самого себя, глядѣть на эти существованія—правильныя, осѣдлыя, длящіяся безъ перерыва... Для нихъ прошедшее не становится словно отрѣзаннымъ членомъ, о которомъ подъ конецъ даже сомнѣваешься, принадлежалъ ли онъ тебѣ когда-нибудь или нѣтъ... Что бы ни говорили, но изъ трехъ единствъ древней классической драмы, одно, столько охужденное—***единство мѣста***—нужнѣе, чѣмъ думаютъ, для интереса драмы, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной жизни...

чатанныхъ стихотвореній довольно ярко отражаютъ въ себѣ тяжелое состояніе его духа, около половины шестидесятыхъ годовъ. Къ этому же времени относится одно ненапечатанное, изъ котораго вотъ нѣсколько строфъ:

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ
Часы и дни ужаснѣе другихъ...
Ихъ тяжкій гнетъ, ихъ бремя роковое
Не выскажетъ, не выдержитъ мой стихъ.

Вдругъ все замретъ. Слезамъ и умиленью
Нѣтъ доступа; все пусто и темно.
Минувшее не вѣетъ легкой тѣнью,
А подъ землей какъ трупъ лежитъ оно...

Ахъ, и надъ нимъ, въ дѣйствительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же міръ бездушный и безстрастный...

Далѣе:

И я одинъ съ моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу—
Разбитый челнъ, заброшенный волною
На безымянномъ, дикомъ берегу...

Слѣдующій отрывокъ изъ письма,—полушутливый, полугрустный, смиренный отзывъ поэта о себѣ самомъ,—рисуетъ намъ Тютчева съ той именно стороны, на которую мы указали выше, говоря объ его тревожной непосѣдливости и поискахъ за впечатлѣніями и интересами, и которая особенно выдавалась въ немъ въ послѣдніе его годы. Онъ какъ будто боялся оставаться въ одиночествѣ, лицомъ къ лицу съ своею тоскою, ловилъ подобіе и призраки жизни. Оставшись лѣтомъ 1868 года одинъ въ Петербургѣ, вотъ что писалъ Тютчевъ, между прочимъ, къ своей семьѣ, переселившейся на лѣтніе мѣсяцы въ Орловскую деревню:

„St. Pétersbourg, 29 Juin. Ici j'aurai bientôt mangé toutes mes provisions et épuisé toutes mes ressources de ce régime d'été à Pétersbourg, si monotone dans son agitation. Il me reste, il est vrai, Péterhof où je ne suis pas allé encore et qui depuis hier est devenu résidence pour une dizaine de jours. Mais quoi, c'est encore une redite — et cependant ce n'est que vus à travers quelques impressions du passé, comme dans un fugitif éclair, que tous ces endroits ont quelque chance de m'émotionner un peu. C'est comme les quelques passages soulignés d'un livre, qu'on a lu jadis et qu'on ne se soucierait plus de relire... Ah, que j'ai une nature de peu de ressources en elle-même et toute opposée à celle du poëte, heureux de se sentir *oubliant* et *oublié*...“ *).

Но именно потому, что онъ былъ *весь* поэтъ, durch und durch, больше поэтъ, чѣмъ философъ, именно потому и не могъ онъ довольствоваться однимъ отвлеченнымъ бытіемъ, сферою одной лишь абстрактной мысли: ему нужно было воплощеніе мысли въ живыхъ, конкретныхъ, цѣльныхъ явленіяхъ, въ многообразномъ, *художественномъ*, такъ сказать, творчествѣ самой общечеловѣческой жизни. Такъ, года за 4 предъ тѣмъ, досадуя, что ему не удалось попасть лѣ-

*) Петербургъ 29 Іюня. Я скоро съѣмъ всю свою провизію и истощу всѣ мои средства лѣтняго образа жизни въ Петербургѣ, который такъ однообразенъ въ своей суетѣ. У меня остается, правда, Петергофъ, гдѣ я еще не былъ и который со вчерашняго дня сталъ резиденціей дней на десять. Но чтожъ? Вѣдь и это — опять повтореніе!.. И однакожъ, только озарившись нѣкоторыми впечатлѣніями прошлаго, какъ мимолетною молніею, еще могутъ всѣ эти мѣста производить во мнѣ нѣсколько живое ощущеніе. Это какъ бы подчеркнутыя строки въ книгѣ, которую когда-то читалъ и которую перечесть снова не было бы охоты... Ахъ, какъ бѣдна собственными средствами моя природа, и какъ противоположна она натурѣ поэта, что счастливъ, сознавая себя *забытымъ и забывающимъ*...

томъ въ Киссингенъ, вотъ какъ объяснялъ онъ самъ эту свою досаду въ письмѣ къ женѣ:

„...Comme ce va et vient perpétuel, toutes ces rencontres inattendues de figures connues, tout ce passé ressuscitant plein de vie et venant coudoyer le présent,—tout ce foyer de nouvelles et d'actualités palpitantes—comme tout cela m'aurait convenu, m'aurait rafraîchi, vivifié. Comme un pareil séjour, rapprochant les époques, m'aurait aidé à *renouer la chaîne des temps*, *ce qui constitue le besoin le plus impérieux de mon être*.“ *).

Но въ 1870 году мы встрѣчаемъ уже слѣдующія строки въ его письмѣ, въ которыхъ, покидая прежній шутливый, ироническій тонъ, онъ какъ бы сдергиваетъ завѣсу съ внутренняго міра души и раскрываетъ глубину гнетущаго его чувства. Поводомъ къ этимъ строкамъ послужило посѣщеніе одного иностраннаго дипломата, знавшаго его еще за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ въ Мюнхенѣ и напомнившаго Тютчеву многое изъ его прошлаго, чего не сохранила его память:

„...En présence de toutes ces mémoires si vivantes, si conscientes du passé, je me sens comme anéanti. Je me sens plus qu'aux trois quarts plongé dans le néant, qui ne laisse survivre en moi que le sentiment de l'angoisse...“ *).

Вскорѣ за этимъ письмомъ, въ концѣ того же года, скончался Николай Ивановичъ Тютчевъ, единственный братъ и, можно сказать, единственный другъ Ѳедора Ивановича, у котораго, внѣ семьи, было великое множество „друзей“, но между ними ни одного, съ кѣмъ бы, преимущественно предъ прочими, дѣлился онъ всѣми тайнами мысли и сердца, съ кѣмъ бы состоялъ въ отношеніяхъ исключительно тѣсной, задушевной дружбы. Николай Ивановичъ Тютчевъ любилъ брата не только съ братскою, но съ отцовскою нѣжностью, и ни съ кѣмъ не былъ Ѳедоръ Ивановичъ такъ коротокъ, такъ близко связанъ всею своею личною судьбою съ самаго дѣтства. Немногіе понимали, что̀ значила для Тютчева эта потеря, — и въ то время, какъ, по мнѣнію его свѣтскихъ пріятелей, онъ продолжалъ наслаждаться и пользоваться жизнью, вотъ что̀ звучало и жило въ глубинѣ его души, вотъ какіе стихи сложились у него, дорогою изъ Москвы въ Петербургъ, когда онъ возвращался съ похоронъ брата. Эти стихи не только не назначались имъ для печати, но были тщательно скрыты и даже въ семьѣ его были извѣстны лишь нѣкоторымъ:

Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ,
И ты ушелъ, куда мы всѣ уйдемъ,
И я теперь на голой вышинѣ
Стою одинъ—и пусто все кругомъ.

---

*) Какъ все это постоянное движенье взадъ и впередъ, всѣ эти нежданныя встрѣчи знакомыхъ лицъ, все это прошлое, воскресающее съ такою полнотою жизни и толкающее подъ локоть настоящее, — все это гнѣздо новостей и животрепещущихъ современныхъ интересовъ,—какъ все это было бы по мнѣ, меня бы освѣжило и оживило. Какъ подобное мѣстопребываніе, сближая эпохи, помогло бы мнѣ *возстановить цѣпь временъ*, *что̀ составляетъ самую настоятельную потребность моего существа*...

*) Предъ всякою подобною памятью, — въ которой столько жизни, такое сознаніе прошлаго, я чувствую себя точно уничтоженнымъ. Я чувствую, что уже болѣе чѣмъ на три четверти погрузился въ небытіе, которое оставляетъ во мнѣ живымъ одно лишь ощущеніе томительной муки...

И долголь мнѣ стоять здѣсь одному?
День, годъ другой—и пусто будетъ тамъ,
Гдѣ я теперь—смотрю въ ночную тьму,
Но что со мной не сознавая самъ...

Безслѣдно все,—и такъ легко не быть!
При мнѣ иль безъ меня—что нужды въ томъ?
Все будетъ тожъ—и вьюга также выть,
И тотъ-же мракъ, и таже степь кругомъ.

Дни сочтены; утратъ не перечесть;
Живая жизнь давно ужь позади;
Передоваго нѣтъ, и я какъ есть
На роковой стою очереди...

Съ такимъ тайнымъ сознаніемъ въ сердцѣ, но не отставая отъ внѣшней жизни, продолжая по прежнему восхищать слушателей игривостью и блескомъ ума, и по прежнему бодрствовать мыслью,—встрѣтилъ Тютчевъ и другіе удары, обрушившіеся на него въ 1871 и въ 1872 годахъ,—потерю старшаго сына, несчастіе, болѣзнь и смерть своей дочери, Марьи Ѳедоровны Бирилевой,—молодой, прекрасной, замѣчательной умомъ и характеромъ женщины, скончавшейся отъ чахотки въ чужихъ краяхъ лѣтомъ 1872 года. Въ день Свѣтлаго Воскресенья того же года, Тютчевъ писалъ ей изъ Петербурга въ Меранъ:

День православнаго Востока,
Святый, святый, великій день,
Разлей свой благовѣстъ широко
И всю Россію имъ одѣнь.

Но и святой Руси предѣломъ
Его призыва не стѣсняй:
Пусть слышенъ будетъ въ мірѣ цѣломъ,
Пускай онъ льется черезъ край,

Своею крайнею волною
И ту долину захватя,
Гдѣ бьется съ немощію злою
Мое родимое дитя.

Тотъ свѣтлый край, куда въ изгнанье
Она судьбой увлечена,
Гдѣ неба южнаго дыханье
Какъ врачевство лишь пьетъ она...

О дай болящей исцѣленье,
Отрадой въ душу ей полей,
Чтобы въ Христово Воскресенье
Всецѣло жизнь воскресла въ ней...

Эти стихи, сколько мы знаемъ, были уже послѣдними стихами Тютчева. Сильнѣе сгустился мракъ около него,—тревожнѣе искалъ онъ себѣ просвѣта и разсѣянія... Обычные осенніе припадки подагры смѣнились головными болями: то былъ недобрый знакъ. Нервное волненіе возрастало,—доктора, по обычаю, совѣтовали ему тишину, спокойствіе, рекомендовали поменьше читать и думать.... Но Тютчевъ раздражался, не уступалъ, упорно пытался жить, какъ жилось ему прежде, и какъ не могъ онъ иначе жить... Не смотря на нѣсколько случаевъ подозрительной дурноты, испытанной имъ въ гостяхъ, у знакомыхъ, не смотря на мучительныя боли въ головѣ, онъ не хотѣлъ признавать власти недуга надъ своимъ умомъ и дарованіями, и наканунѣ новаго 1873 года, получивъ вѣсть о смерти Наполеона III, — сталъ было слагать стихи по поводу этого событія.... Но къ его смущенію и ужасу—стихи не выходили, не повиновались ни звуки, ни риѳмы. Страшно напряглись его силы; онъ одолѣлъ таки добровольно заданную имъ себѣ работу,—но стихотвореніе вышло тяжелое, темное, неправильное... Онъ самъ отнесъ его въ редакцію журнала; а въ первый день Января 1873 г., не смотря ни на какія предостереженія, вышелъ изъ дому для обычной прогулки, для посѣщенія пріятелей и знакомыхъ... Его вскорѣ привезли назадъ разбитаго параличемъ. Вся лѣвая часть тѣла была поражена, и поражена безвозвратно... Но это было только начало смерти.

Первымъ дѣломъ Тютчева, по мѣрѣ того какъ онъ сталъ приходить въ сознаніе, было—ощупать свой умъ. Жить—

значило для него мыслить, и съ первымъ, еще слабымъ возвратомъ силъ, его мысль задвигалась, заиграла и засверкала, какъ бы тѣшась своею живучестью. Прикованный къ постели, съ ноющею и сверлящею болью въ мозгу, не имѣя возможности ни приподняться, ни перевернуться безъ чужой помощи, голосомъ едва внятнымъ, онъ истинно дивилъ и врачей, и посѣтителей блескомъ своего остроумія и живостью участія къ отвлеченнымъ интересамъ. Онъ требовалъ, чтобъ ему сообщались всѣ политическія и литературныя новости,—онъ по каждому поводу готовъ былъ пуститься въ серьезныя разсужденія, и напрасно усиливались врачи отстранить отъ него эту „вредную при его состояніи дѣятельность“... „Это лишь возбужденіе, это ненормальное явленіе“,—увѣряли доктора; „за симъ несомнѣнно послѣдуетъ постепенное ослабленіе умственныхъ силъ, какъ всегда бываетъ при „выпотѣніи или эксудаціи мозговыхъ артерій“—болѣзни неизлѣчимой, за которою непремѣнно, мѣсяца черезъ два-три, можетъ быть черезъ шесть или немного болѣе, настанетъ смерть“. Доктора были правы въ опредѣленіи болѣзни и ея скораго роковаго исхода, но они обманулись въ своихъ научныхъ разсчетахъ относительно упругости мыслительныхъ силъ своего паціента. Мыслительность была въ немъ природною, существеннѣйшею жизненною стихіей,—могла угаснуть и угасла только послѣднею... Но она, конечно, выдавалась въ немъ еще ярче, казалась еще поразительнѣе въ виду его страшной физической немощи, во всей этой внѣшней обстановкѣ смертельнаго недуга.

Тяжело мирился Тютчевъ и съ этою обстановкою, и съ этою немощью. Не разъ, въ припадкѣ тоски и раздраженія, порывался онъ напрячь всѣ свои силы и стряхнувъ недугъ — встать на ноги, вернуть себѣ свободу, выдти на вольный воздухъ,—но изнеможенный отъ напрасныхъ усилій падалъ въ обморокѣ на постель. Человѣкъ самый непосѣдливый, самый подвижный, былъ какъ-бы казненъ неподвижностью. Однако по прошествіи мѣсяца ему стало немного лучше,—и онъ нѣсколько ободрился духомъ, надѣясь если не на выздоровленіе, то на значительное облегченіе своего паралича. Мысль его и слово окрѣпли, онъ диктовалъ пространныя письма самаго серьезнаго содержанія, былъ въ состояніи иногда и самъ начертить нѣсколько строкъ, насколько это было возможно въ его полулежачемъ положеніи. Къ этому именно времени и относятся, т. е. къ Февралю и Марту 1873 года, тѣ два письма, которыя были выше приведены, именно: одно о „Кесарѣ воюющемъ со Христомъ“, т. е. объ отношеніи церкви къ государству, — другое по поводу философа Гартмана, гдѣ Тютчевъ говоритъ, что „la nature humaine, en déhors de certaines croyances et en proie aux réalités de la vie, ne peut être qu'un spasme de rage“... Вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Тютчева къ одной изъ его дочерей въ Москву, отъ того же времени:

„Je reçois à l'instant ta dernière lettre. Je me fais l'effet d'un homme, qui continuerait à recevoir sa poste dans l'autre monde,—tant les choses du déhors ont peu de rapport avec mes conditions d'existence actuelles. Et ce qu'il y a de pire, c'est que si moi je ne suis pas mort, tout le monde l'est malheureusement bien pour moi. Je n'ai pas la moindre foi dans ma résurrection; dans tous les cas il y a quelque chose de fini et bien fini pour moi... L'essentiel c'est d'en prendre rigoureusement son parti. Nous passons toute nôtre vie dans l'attente de cet événement qui,

quand il arrive, ne manque jamais de nous surprendre. Il est de nous comme de ces gladiateurs que l'on gardait pendant des mois entiers pour l'arène et qui, je suis sûr, ne manquaient jamais d'être surpris le jour où ils étaient appelés à paraître"... [1])

. . . . . „Quant à mon état du moment, on m'assure de tous côtés, qu'il va s'améliorant... Il y a certainement du mieux, mais ce mieux je ne le sens pas assez. J'attends que le soleil (du printemps) vienne le consacrer"...[2]) Въ томъ же письмѣ, по поводу передвиженія, съѣзда и встрѣчи между собою потентатовъ Европы, онъ замѣчаетъ, что они, bien différents des augures de l'antiquité, ne cessent de se rencontrer sans rire, tout en exécutant avec la plus minutieuse ponctualité toutes les éxigences de l'étiquette.... и потомъ, въ виду посѣщенія Петербурга многими лицами высшаго Прусскаго общества, прибавляетъ: „On a certainement plus vite fait d'écrire quelques mauvaises plaisanteries sur le compte des Allemands, comme si cela expliquait quelque chose et comme si nous n'avions rien de mieux à faire en vue d'une société aussi sérieuse, aussi avancée que la société prussienne, à qui nous aurions à emprunter tant de choses, à commencer par la liberté de la pensée qui en Prusse seulement se trouve, à l'heure qu'il est, hors de conteste [1]), à l'égal d'un autre droit tout aussi généralement reconnu: le droit de chacun de respirer sa part *d'air ambiant*. Quand on pense que dans ce pays-là cette liberté illimitée de la pensée s'accorde intimement avec le respect d'une autorité forte, légitime et traditionnellement respectée [2])!" Мысль о положеніи печат-

[1]) . . . Я сейчасъ получилъ твое письмо. Я точно человѣкъ, который продолжаетъ получать почту на томъ уже свѣтѣ,—до такой степени все внѣшнее имѣетъ мало соотношенія съ настоящими условіями моего существованія. И что̀ всего хуже, такъ это то, что если я еще и не умеръ,—все остальное къ несчастію умерло, и точно умерло, для меня. У меня нѣтъ ни малѣйшей вѣры въ мое возстановленіе, во всякомъ случаѣ есть что-то законченное, крѣпко законченное для меня. Теперь главное въ томъ, чтобъ умѣть мужественно этому покориться. Мы проводимъ всю жизнь въ чаяніи этого событія, которое, когда настаетъ, всегда непремѣнно преисполняетъ насъ изумленія. Мы похожи на гладіаторовъ, которыхъ сберегали цѣлые мѣсяцы для арены, и которые, я увѣренъ, непремѣнно всякой разъ поражались нечаянностью, въ тотъ день, когда имъ назначалось явиться...

[2]) ... Что̀ касается до моего настоящаго положенія, то со всѣхъ сторонъ меня увѣряютъ, что оно постоянно улучшается... Есть конечно улучшеніе, но я его недовольно ощущаю. Я жду, чтобъ весеннее солнце да̀ло ему свое освященіе...

[1]) Исключая Англіи, конечно, на континентѣ.

[2]) Сейчасъ же пустили въ ходъ плохія шутки на счетъ Нѣмцевъ, какъ будто этимъ что-нибудь объясняется, какъ будто намъ нечего и дѣлать другаго въ виду такого серьезнаго, такого развитаго общества, каково Прусское, у котораго мы могли бы многое позаимствовать, начиная съ свободы мысли. Въ настоящую минуту только въ Пруссіи эта свобода стоитъ внѣ всякого спора, подобно другому праву, также всеобщепризнанному: праву для каждаго дышать своею частью воздуха, его окружающаго... Какъ подумаешь, что въ этой странѣ эта безграничная свобода мысли уживается самымъ искреннимъ, тѣснымъ образомъ съ уваженіемъ къ власти сильной, законной, по преданію чтимой!...

наго слова въ Россіи не покидала его и въ болѣзни, и когда въ Маѣ того же года появилось въ „Русскомъ Архивѣ“ его письмо о цензурѣ, писанное 16 лѣтъ назадъ, онъ между прочимъ продиктовалъ въ Москву слѣдующія строки:

„En relisant mon mémoire qui est encore à l'heure qu'il est palpitant d'actualité, je me suis convaincu que ce qu'il y a de moins utile dans les choses de ce monde, c'est d'avoir la raison pour soi. Dans 30 ans tout le monde certainement pensera sur toutes ces questions ce que je pensais alors, mais en attendant le mal aura été fait, et probablement un mal irréparable. Je suis curieux de voir l'effet que cette publication produira dans les sphères gouvernementales... Mais je suis bien niais de me préocupper de ce qui n'a plus aucun rapport vivant à moi! Je devrais me considérer comme un spectateur après que la toile est tombée et qui n'a plus autre chose à faire que de ramasser ses effets pour regagner la porte“ *).

*) . . . Перечитывая мою записку, которая и въ настоящій мигъ трепещетъ современнымъ интересомъ, я убѣдился, что самая безполезная вещь на семъ свѣтѣ быть правымъ. Черезъ 30 лѣтъ всѣ конечно будутъ думать объ этомъ предметѣ тоже, что я тогда думалъ, но зло будетъ уже сдѣлано, и вѣроятно зло непоправимое. Мнѣ любопытно бы видѣть впечатлѣніе, которое произведетъ въ правительственныхъ сферахъ обнародованіе этой записки... Но какъ простодушно-глупо съ моей стороны озабочиваться тѣмъ, что не имѣетъ уже никакого живаго отношенія ко мнѣ! Мнѣ слѣдовало бы смотрѣть на себя какъ на зрителя, которому, послѣ опущенія занавѣса, ничего другаго не остается, какъ подобрать свои вещи и направиться къ двери...

Здѣсь кстати упомянуть, что вмѣстѣ съ болѣзнью стала проявляться у Тютчева небывалая до тѣхъ поръ забота о своемъ авторскомъ и вообще личномъ значеніи. Но она проявлялась такъ скромно и какъ бы стыдливо, что нельзя было видѣть ее безъ какого-то грустнаго умиленія. Умирающій, онъ невольно озирался назадъ, на свою пройденную жизнь, невольно подводилъ итогъ подъ свое существованіе: ему не хотѣлось совсѣмъ безслѣдно исчезнуть для міра, и онъ почти съ дѣтскою радостію встрѣтилъ появленіе въ Русской печати, именно въ „Р. Архивѣ“, своихъ двухъ статей,—которыя были имъ самимъ такъ долго пренебрежены и забыты. Онъ заставилъ прочесть ихъ себѣ и былъ ими доволенъ... Онъ постоянно пытался удостовѣриться въ себѣ самомъ, въ ясности своего сознанія,—il cherchait à constater son identité, какъ вѣрно замѣтилъ кто-то изъ его знакомыхъ. Поэтому онъ былъ немало утѣшенъ извѣстіемъ, что письма политическаго содержанія, диктованныя имъ уже въ болѣзни къ одной Русской дамѣ въ Парижѣ, были ею сообщены Тьеру, и что Тьеръ, живо заинтересованный ими, просилъ отъ него дальнѣйшаго разъясненія и вообще продолженія переписки: „стало быть,—выразился Тютчевъ, и такъ странно, необычно было слышать именно отъ него эти выраженія,—стало быть я не совсѣмъ же лишился способностей, какія у меня были...“ Но что было особенно поразительно—это утрата имъ, рядомъ съ сохраненіемъ острой и логической мысли, способности къ поэтической мѣрной рѣчи. Позывъ къ стихотворчеству сказывался въ немъ безпрестанно; онъ часто твердилъ стихи про себя, часто принимался за диктовку, но *не замѣчалъ*, что стихамъ не доставало то мѣры, то риѳмы, что они выходили какимъ-то неяснымъ поэтическимъ бредомъ. Онъ какъ бы поте-

рялъ музыкальный слухъ, власть надъ гармоніей слова: поэтическое творчество было, очевидно, ему уже не подъ силу. Какъ ни совѣстно употребить слишкомъ уже опошленное сравненіе съ „разбитою лирою", но оно невольно припоминалось каждому при видѣ этихъ печальныхъ, тщетныхъ попытокъ когда-то самаго гармоническаго изъ поэтовъ: рука, по привычкѣ, протягивалась къ струнамъ, но струны дребезжали, ослабленныя и порванныя.

Тютчевъ не устрашался смерти, но жалѣлъ о жизни, дорожилъ живымъ. Еще въ началѣ болѣзни онъ исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ, охотно бесѣдовалъ съ нѣкоторыми знакомыми священниками, которыхъ удивлялъ вѣрностью и глубиною своихъ сужденій о христіанствѣ и церкви; въ долгіе часы своихъ страдальческихъ безсонныхъ ночей, онъ любилъ пускаться въ разговоры съ ухаживавшею за нимъ сестрою милосердія, терпѣливо слушалъ ея чтеніе изъ священныхъ книгъ, ея добродушно назидательные разсказы и рѣчи, умилялся простотою ея благочестія и вѣры,—но, признавая суетность и бренность всего земнаго, самъ онъ, пока оставался на землѣ, не могъ, не хотѣлъ отказываться и не отказывался ни отъ какого живаго человѣческаго интереса... Его участіе къ дѣламъ міра сего, къ политикѣ и литературѣ, усиливалось съ каждымъ днемъ. Ему видимо становилось лучше; его перевезли въ Царское Село, поговаривали даже о поѣздкѣ за границу... Вдругъ, именно 11 Іюня, новый ударъ или новый припадокъ быстро двинулъ его къ могилѣ. Его внезапно охватили судороги и смѣнились оцѣпенѣніемъ. Всѣ полагали, что онъ умеръ, или умираетъ; но недвижимый, почти бездыханный, онъ сохранялъ сознаніе. И когда чрезъ нѣсколько часовъ оцѣпененіе миновало—первый вопросъ его, произнесенный чуть слышнымъ голосомъ, былъ: „какія послѣднія политическія извѣстія?"

Тѣмъ не менѣе съ этого дня положеніе Тютчева рѣзко измѣнилось: отъ него стало трудно добиться слова; онъ съ каждымъ часомъ слабѣлъ, да ему очевидно уже и не хотѣлось говорить; бо̀льшую часть времени лежалъ онъ какъ бы въ забытьѣ или полуснѣ; но то былъ не полусонъ и не забытье. Er hörcht, er denkt, замѣчалъ, къ изумленію своему, Нѣмецъ-докторъ, уловивъ его взглядъ или всмотрѣвшись въ черты его лица. Иногда, освѣженный дѣйствительнымъ сномъ, онъ смотрѣлъ открыто и ясно; вокругъ него велись рѣчи его домашними и родными, но онъ молчалъ и казался погруженнымъ въ размышленіе. Было ясно, что внѣшняя жизнь все дальше и дальше уходила отъ Тютчева, со всѣми своими разнообразными интересами, и онъ думалъ какую-то свою упорную, неотвязную думу... Порою, однако, на настоятельные вопросы врача и родныхъ, онъ прерывалъ молчаніе и давалъ отвѣты еще запечатлѣнные остроуміемъ и ироніей... Черезъ 9 дней припадокъ повторился. Оцѣпенѣніе было такъ сильно, что по распоряженію семьи приглашенный священникъ прочелъ надъ нимъ отходную, но черезъ полдня онъ ожилъ и когда его стали поздравлять съ улучшеніемъ его состоянія и обнадеживать возстановленіемъ силъ, онъ замѣтилъ грустно-иронически, что не дальше какъ утромъ его уже „отпѣли" и прервалъ разговоръ вопросомъ: „какія получены подробности о взятіи Хивы." Хивинскій походъ занималъ его сильно, и онъ съ самаго начала внимательно слѣдилъ за нимъ по газетамъ... Этотъ припадокъ былъ послѣднимъ.

Не смотря на всѣ увѣренія докторовъ, что Тютчеву остается жить день-два, онъ прожилъ еще недѣли три,—но эта

жизнь была медленною агоніей. Все постепенно изнемогало въ немъ, никло и умирало,—не омрачалось только сознаніе и не умирала мысль... Иногда онъ какъ бы вновь возбуждался, жаловался на мучительное страданіе, особенно въ мозгу. Faites un peu de vie autour de moi *), сказалъ онъ однажды дочери,—но такое возбужденіе было минутное, а скоро и совсѣмъ затихло. Онъ почти вовсе замолкъ.

Раннимъ утромъ 15 Іюля 1873 года, лице его внезапно приняло какое-то особенное выраженіе торжественности и ужаса; глаза широко раскрылись, какъ бы вперились въ даль,—онъ не могъ уже ни шевельнуться, ни вымолвить слова,—онъ, казалось, весь уже умеръ, но жизнь витала во взорѣ и на челѣ. Никогда такъ не свѣтилось оно мыслью, какъ въ этотъ мигъ, разсказывали потомъ присутствовавшіе при его кончинѣ. Вся жизнь духа, казалось, сосредоточилась въ одномъ этомъ мгновеніи, вспыхнула разомъ и озарила его послѣднею верховною мыслью... Чрезъ полчаса вдругъ все померкло, и его не стало...

Онъ *просіялъ—и погасъ...*

---

*) Пусть будетъ нѣсколько жизни вокругъ меня.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Статья барона Пфеффеля, напечатанная въ газетѣ l'Univers.

A m. Laurentie, rédacteur de l'Univers.

Ostende, ce 6 Août 1873.

Monsieur,

Vous n'apprendrez pas sans regret la mort de m-r de Tutchef. Il a succombé le 27 Juillet aux suites de l'attaque d'apoplexie qu'il avait essuyée le 13 Janvier, jours de l'an russe. Avec lui a disparû un des meilleurs et des plus brillants esprits que comptât la Russie. Aux dons les plus variés de l'intelligence il joignait ceux non moins précieux de l'imagination. Ignorant de la langue Russe, je ne puis juger des mérites de ses poésies. Mais des autorités compétentes m'ont assuré qu'il méritait une place des plus distinguées parmi les poëtes lyriques de son pays. Vous avez été à même d'apprécier sa prose. Il parlait et écrivait le français aussi purement que sa langue maternelle. Son style avait à la fois de la chaleur et du trait. On cite de lui des mots pleins d'originalité qui mériteraient d'être recueillis. Ils tombaient de ses lèvres sans qu'il parût s'en douter, portant à fond, sans jamais blesser.

Je connaissais m-r de T. depuis l'année 1830. Attaché à cette époque comme 2-d secrétaire à la légation de Russie à Munich, ce jeune homme de 26 ans mesura avec une rare sagacité les suites de la révolution de Juillet. „Les ordonnances du roi Charles X, disait-il, sont le testament de l'ordre politique et moral en Europe. Les Français regretteront plus tard d'en avoir méconnu la sagesse et la nécessité.“

Quarante années de troubles et de bouleversements n'ont que trop confirmé ce jugement. En 1848, retourné depuis quelques années dans sa patrie, il reconnut aussitôt de quoi il s'agissait dans l'effondrement universel qui suivit la chute de Louis Philippe. La révolution n'en voulait plus seulement aux rois et aux gouvernements établis: elle visait, dès-lors, comme aujourd'hui, la société de Dieu lui-même, sans lequel il n'y a pas de société possible. Dans un mémoire devenu célèbre, m-r de T. prit hautement la défense de l'ordre des Jésuites (*), objet de la haine et des calomnies du parti soi-disant libéral aussi bien que des démagogues... „En frappant les Jésuites, écrivait-il, on espére démolir l'Eglise. Supprimer les Jesuites, c'est *désosser* le catholicisme.“ C'est à quoi tendent en ce moment-même, avec non moins de violence, mais plus d'habileté, les efforts de m. de Bismark qui sait, qu'en proscrivant cet ordre actif et dévoué, il prive l'Eglise de son principal soutien.—L'Autriche, ahurie et dévoyée, se détourna en 1854 de la Russie qui l'avait sauvée. A ceux qui s'étonnaient de son ingratitude, m. de T. répondait: „La peur ne raisonne pas. *L'Autriche est un Achille dont le talon est partout.* Elle se brouille avec ses amis pour ne pas se compromettre vis-à-vis de ses ennemis. Peine inutile! Le canon qui bat en brèche Sévastopol la chassera de l'Italie!“...

(*) Это совершенно невѣрно. Мы уже объяснили это достаточно въ нашемъ біографическомъ очеркѣ.

La guerre de 1870 ne le laissa pas un instant dans le doute sur ses conséquences probables. Prévoyant de bonne heure le triomphe de la Prusse, il ajoutait: „Ce sera le triomphe du protestantisme devenu synonyme du rationalisme, la chute de la papauté, l'oppression des consciences au profit de l'incrédulité, de la persécution religieuse au nom de la civilisation! Que la France ne s'y trompe point: l'expiation, trop longtemps ajournée, va commencer pour elle. Dans peu d'années elle aura accompli le cycle séculaire des crimes, des fautes et des malheurs qui composent son histoire depuis 89. Aura-t-elle la force, — chrétiennement parlant force signifie humilité—aura-t-elle la force de s'avouer sa trop longue erreur, de retourner en arrière, de rompre avec les funestes principes de la révolution, de re-devenir chrétienne et monarchique? Sinon, son éclipse sera définitive et irrévocable."

Cette clairvoyance qui distinguait m-r de T. dans le domaine de la politique, il la transportait également dans le champ des spéculations métaphysiques. Je me souviens d'avoir assisté dans ma jeunesse à des entretiens pleins d'intérêt entre lui et le célèbre Schelling, préoccupé de l'idée de réconcilier la philosophie avec le christianisme dépouillé à la vérité de l'auréole de la révélation divine. „Vous tentez une œuvre impossible, lui objectait m-r de T. Une philosophie, qui rejette le surnaturel et qui veut tout prouver par la raison, doit fatalement dériver vers le matérialisme pour se noyer dans l'athéisme. La seule philosophie compatible avec le christianisme est contenu tout entière dans le Catéchisme. Il faut croire ce que croyait Saint Paul, et après lui Pascal, plier le genou devant *la Folie de la Croix*, ou tout nier. Le surnaturel est au fond ce qu'il y a de plus naturel à l'homme. Il a ses racines dans la conscience humaine très supérieure à ce qu'on appelle la raison, cette pauvre raison qui n'admet que ce qu'elle comprend, c'est-à-dire *rien!*"

Ainsi parlait cet homme, né pour la méditation, pour le travail du cabinet, et dont la vie, par une singulière contradiction du sort, s'est écoulée pendant près de cinquante ans dans les salons. Né et vivant en France, il aurait sans nul doute laissé après lui des monuments qui eussent perpétué sa mémoire. Né et vivant en Russie, ayant pour unique auditoire une société plus curieuse qu'instruite, il a jeté aux quatre vents de la conversation des trésors d'esprit et de sagesse, encore plus vite oubliés que répandus.

II.

Хронологія стихотвореній Тютчева.

Вотъ хронологическій ходъ поэтическаго творчества Тютчева, указанный въ хрестоматіи г. Гербеля „Русскіе поэты", но, по возможности, провѣренный и исправленный нами.

Стихотворенія Тютчева появились въ печати, въ первый разъ и съ полнымъ именемъ автора, въ альманахѣ „Уранія", изданномъ *въ 1826* году М. П. Погодинымъ. Они были присланы изъ Мюнхена, именно: *Къ Нисѣ*, *Пѣснь Скандинавскихъ воиновъ* (оба переводныя) и *Проблескъ*. Въ этой послѣдней піесѣ встрѣчаются уже нѣкоторыя достоинства и особенности Тютчевскаго стиха. Она начинается такъ:

Слыхалъ-ли, въ сумракѣ глубокомъ
Воздушной арфы легкій стонъ,
Когда полуночь ненарокомъ
Дремавшихъ струнъ встревожитъ сонъ?

и кончается слѣдующею строфою:

И отягченною главою,
Однимъ лучомъ ослѣплены,
Вновь упадаемъ не къ покою,
Но въ утомительные сны.

Всѣ три пьесы перепечатаны въ изданіи 1854 года, но въ альманахѣ подъ ними помѣчены числа 1822 и 1824 года.

Въ 1827 году въ альманахѣ „Сѣверная Лира“, изданномъ Раичемъ, помѣщены Тютчевымъ пять переводныхъ стихотвореній: *Пѣснь радости* Шиллера (съ помѣткою: Минхенъ, Февраль 1822 г.), *Саконтала* (изъ Гейне), *Другъ, откройся предо мною* и *Съ чужой стороны* (оба изъ Гейне), *Въ альбомъ друзьямъ* (изъ Байрона), и два оригинальныхъ: *къ Н...*, помѣченное 23 Ноября 1824 г.: вмѣсто полнаго имени только *Т*. Эта прекрасная пьеса обезображена неправильною риѳмою въ духѣ тогдашнихъ нашихъ „классиковъ“; напримѣръ:

Таковъ горѣ духовъ небесныхъ свѣтъ;
Лишь въ небесахъ дается онъ, небесный:
Въ ночи грѣха, на днѣ ужасной бездны,
Сей чистый огнь, какъ пламень адскій, *жжетъ*.

Другое стихотвореніе *Слезы* („Люблю, друзья, ласкать очами“), съ эпиграфомъ заимствованнымъ у Грея и вѣроятно подражаніе Грею.

Ни *Пѣснь радости* (переводъ недурной, но слишкомъ вольный), ни *къ Н.*, не включены въ изданія 1854 и 1868 года.

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ Дельвига 1827 г. напечатано: „Подражаніе Арабскому“:

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ,
Что голосъ Бога справедливый
Надъ міромъ скоро прогремитъ.
Клянусь вечернею зарею
И блескомъ утра золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ за другимъ.
Не Онъ ли яркими огнями
Зажегъ сей безпредѣльный сводъ,
И Онъ же легкими крилами
Парящихъ птицъ хранитъ полетъ?
Когда же пламенной струею
Сверкаютъ гордо небеса,
Надъ озаренною землею
Не Бога ли блеститъ краса?
Безъ вѣры въ Бога, мимо, мимо
Промчится радость бытія...
Пошлетъ ли онъ огонь безъ дыма,
И дымъ пошлетъ ли безъ огня?...

Эта пьеса, подписанная *Ѳ. Т.*, не вошла въ полное собраніе его стихотвореній.

Въ Галатеѣ 1829 и 1830 г. помѣщены: *Къ друзьямъ, при посылкѣ Пѣсни радости Шиллера* (стихотвореніе очень слабое, вѣроятно написанное одновременно съ переводомъ въ 1823 г.); *Лѣтній вечеръ*, пьеса, въ которой можно бы узнать Тютчева даже безъ подписи; вотъ послѣдняя строфа:

И тайный трепетъ, какъ струя,
По жиламъ пробѣжалъ природы,
Какъ бы горячихъ ногъ ея
Коснулись ключевыя воды.

Эти двѣ піесы, равно какъ и *Вечеръ* („Какъ тихо вѣетъ надъ долиной“) не включены въ полное собраніе. Затѣмъ: *Могила Наполеона*, *Видѣніе*, *Гроза* (Люблю грозу въ началѣ Мая), *Сны* („Какъ океанъ облемлетъ шаръ земной“), *Утро въ горахъ*, *Олеговъ щитъ*, *Cache-cache*, *изъ Фауста*, *Привѣтствіе духа* (изъ Гете), и еще нѣкоторыя переводныя, помѣщены въ обоихъ изданіяхъ 1854 и 1868 годовъ.

Къ 1826 году относится и посланіе къ А. В. Шереметеву, напечатанное въ изданіи 1868 г.

Въ Молвѣ „1835 года появилось“ Silentium.

Въ „Современникѣ“ 1836 года помѣщены: 1) *Утро въ горахъ* (напечатанное въ 1830 г. въ Галатеѣ), 2) *Снѣжныя горы*, 3) *Полдень*, 4) *Весеннія воды*, 5) *Что ты клонишь надъ водою*, 6) *Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной* (напечатано было въ Галатеѣ 1830 г.), 7) *Я помню время золотое*, 8) *Не то что мните вы природа*, 9) *И гробъ опущенъ ужъ въ могилу*, 10) *Silentium* (напечатано было въ Молвѣ), 11) *Какъ птичка раннею зарей*, 12) *Какъ надъ горячею золой*, 13) *Въ душномъ воздухѣ молчанье*, 14) *Душа моя—элизіумъ тѣней*, 15) *О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной*, 16) *Душа бъ хотѣла быть звѣздой*, 17) *Цицеронъ*, 18) *Фонтанъ*, 19) *Двумъ сестрамъ*, 20) *Востокъ бѣлѣлъ*, 21) *Потокъ сгустился и тускнѣетъ*, 22) *Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ*, 23) *Сонъ на морѣ*, 24) *Вечеръ мглистый и ненастный*.

Въ „Современникѣ“ 1837 г.: 25) *Песокъ сыпучій по колѣни* (помѣчено 1830 годомъ), 26) *Тамъ гдѣ горы, убѣгая*, 27) *Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля* (помѣчено 1830 годомъ), 28) *Надъ виноградными холмами*.

Въ томъ же журналѣ 1838 года: 29) *Смотри, какъ Западъ разгорѣлся*, 30) *Итальянская вилла* (написано гораздо раньше, 31) *Арфа Скальда*.

1839 года: 32) *Весна*, 33) *Такъ здѣсь-то суждено намъ было* (въ нѣкоторыхъ рукописныхъ спискахъ стоитъ помѣта 1 Дек. 1837 г.); 34) *Лебедь*, 35) *День и Ночь*, 36) *Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва*.

1840 года: 37) *Осенній вечеръ*, 38) *Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленной*, 39) *Давноль, давноль, о Югъ блаженный*.

Въ „Раутѣ“ 1853 г., изданномъ Н. В. Сушковымъ, напечатанъ его переводъ изъ Шиллера: «Поминки».

Въ промежуткѣ между 1840 и 1854 г. написано Тютчевымъ до 50-ти стихотвореній, нигдѣ, кажется, въ то время не напечатанныхъ; во всякомъ случаѣ съ 1840 до 1850 года Тютчевъ вовсе не выступалъ въ печати. Мы не перечисляемъ этихъ 50-ти стихотвореній, такъ какъ хронологическій ходъ его творчества не представляетъ уже особеннаго интереса въ эпоху полной зрѣлости его поэтическаго таланта. Въ 1854 г. вышло первое полное собраніе его стихотвореній, сначала въ Майской книжкѣ „Современника“ 1854 года, потомъ отдѣльнымъ оттискомъ, съ 96 піесами и съ слѣдующимъ предисловіемъ, написаннымъ И. С. Тургеневымъ отъ имени редакціи „Современника“ (который въ то время издавался И. И. Панаевымъ и Н. А. Некрасовымъ):

„Получивъ отъ Ѳ. И. Тютчева право на изданіе его стихотвореній, редакція „Современника“ помѣстила въ этомъ собраніи и тѣ стихотворенія, которыя принадлежатъ къ самой первой эпохѣ дѣятельности поэта и теперь были бы, вѣроятно, имъ самимъ отвергнуты. Но мы сочли за лучшее дать публикѣ изданіе, по возможности полное. Такимъ образомъ, въ настоящемъ собраніи представляется публикѣ вся поэтическая дѣятельность поэта, за исключеніемъ нѣсколькихъ піесъ, совершенно незначительныхъ.»

Тютчевъ, при этомъ изданіи, былъ очевидно самъ въ сторонѣ; за него распоряжались, рядили и судили другіе. Мы убѣждены, что онъ даже и не заглянулъ въ эту книжечку. Съ того времени стихотворенія Тютчева стали появляться въ печати довольно часто, по крайней мѣрѣ уже безъ большихъ перерывовъ,—въ „Современникѣ“, „Русской Бесѣдѣ“, „Днѣ“, „Русскомъ Вѣст-

никѣ“ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ 1868 году вышло новое изданіе стихотвореній Тютчева, съ прибавленіемъ къ прежнимъ 96-ти, еще 77-и піесъ. Не было никакой возможности достать подлинниковъ руки поэта, для стихотвореній еще не напечатанныхъ,—ни убѣдить его просмотрѣть эти пьесы въ тѣхъ копіяхъ, которыя удалось добыть частью отъ разныхъ членовъ его семейства, частью отъ постороннихъ. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ копій были ошибочны, или несогласны между собой. Пришлось выбирать лучшія и печатать безъ всякого участія со стороны самого автора. Мало того, ему было доставлено оглавленіе всей предполагавшейся книжки: оно пролежало у него мѣсяцъ и было возвращено—не просмотрѣнное; онъ даже и не взглянулъ на него. Когда же изданіе было окончено печатаніемъ, и ему предварительно былъ присланъ экземпляръ, то кто-то изъ присутствовавшихъ, разсматривая при немъ книжку, обратилъ его вниманіе на нѣкоторыя стихотворенія, которыхъ появленіе въ печати было по нѣкоторымъ причинамъ для Тютчева нежелательно. Нужно было эти стихотворенія исключить, для чего нѣкоторыя страницы перепечатать. При этомъ случаѣ Тютчеву пришлось прочесть оглавленіе всей книжки, и онъ былъ огорченъ помѣщеніемъ многихъ, дѣйствительно очень слабыхъ и мелкихъ стихотвореній,—которыя впрочемъ въ изданіи 1868 г. были только перепечатаны съ изданія „Современника.“ Ему было непріятно походить на какого нибудь надменнаго собою рифмача, который дорожитъ каждою строкою своего пера, каждымъ словомъ, излетѣвшимъ изъ устъ,—тогда какъ Тютчевъ во всю жизнь свою ни разу не принималъ ни позы, ни осанки „автора“. Но дѣлать было нечего,—потому что оглавленіе было уже на его предварительномъ просмотрѣ и возвращено было имъ для изданія, безъ поправокъ и исключеній, какъ имъ одобренное. Чувство свое, по поводу этой книжки, выразилъ онъ въ стихахъ, написанныхъ на оберткѣ экземпляра, посланнаго къ его старинному пріятелю, М. П. Погодину:

Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный;
Не заглянувъ въ него, дарю имъ васъ.
Не могъ склонить своей я лѣни праздной,
Чтобы она хоть вскользь имъ занялась.
Въ нашъ вѣкъ стихи живутъ два-три мгновенья,
Родились утромъ, къ вечеру умрутъ...
Такъ чтожъ тутъ хлопотать? Рука забвенья
Свершитъ и здѣсь свой корректурный трудъ *).

Послѣ изданія 1868 года Тютчевымъ написано довольно много стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны, а нѣкоторыя не появлялись еще въ печати. По кончинѣ Тютчева, отыскалось еще нѣсколько піесъ, писанныхъ къ разнымъ лицамъ. Такихъ, до сихъ поръ безвѣстныхъ, произведеній, можетъ быть, еще найдется немало.

III.

Некрологъ Ѳ. И. Тютчева, помѣщенный въ Journal de St. Pétersbourg, 19 Іюля 1873 года.

Nos lecteurs connaîssent la triste nouvelle de la mort de m. le conseiller privé Théodore Ivanovitch Tutchew,

*) Вслѣдъ затѣмъ Тютчевъ, противъ обыкновенія, прислалъ Погодину варіантъ, въ которомъ послѣдній стихъ замѣненъ такъ:
Исправитъ все чрезъ нѣсколько минутъ.

décédé à Tsarskoé-Sélo le 15 Juillet.— Les derniers devoirs lui ont été rendus aujourd'hui, mercredi, au couvent de Novo-Diévitchi. La cérémonie funèbre a eu lieu à neuf heures du matin, en présence de la famille et des amis du défunt, sans autre appareil qu'une douleur profonde et recueillie, et d'unanimes regrets pour la mémoire de cet homme de cœur, que rien ne remplacera auprès de tous ceux qui l'ont connu.

Théodore Ivanovitch Tutchew était une des personnalités éminentes de notre société, un type original et sympathique. Foncièrement poète, dans le sens le plus élevé du mot, son esprit habitait les régions supérieures de la pensée humaine, sous tous ses aspects, même les plus sérieux. C'est là ce qui, à côté des vives et brillantes étincelles de cette intelligence hors ligne, lui imprimait une largeur de vues remarquable. Nous ignorons s'il existe un recueil complet de ses œuvres poétiques: il y attachait d'ailleurs peu d'importance. C'étaient comme des fruits mûrs qui naissaient et tombaient d'eux-mêmes du travail permanent de sa pensée. Il en était de même de ces *mots* si nombreux, si fins, si spirituels, qui lui échappaient dans la conversation, sans qu'il les charchât, mots qu'il oubliait aussitôt dits, mais qui restaient dans le souvenir de tout le monde, parcequ'ils étaient marqués au coin du véritable esprit, de celui du meilleur aloi, saisissant les côtés vifs, les arêtes lumineuses des choses, et, sous une forme légère, dégagée de tout fiel, atteignant jusqu'au fond.

Mais ce qui distinguait éminemment Théodore Ivanovitch Tutchew, ce n'était point seulement son esprit, c'était un cœur ardent qui était le véritable mobile de toute son activité. Il apportait au milieu des choses les plus sérieuses de la vie, jusque dans les régions froides de la politique, un courant chaud venant du cœur, semblable à ces tièdes reflux du *Gulf-Stream* qui fondent les glaces de l'extrême Nord et y répandent la chaleur et la vie. C'est là ce qui lui assigne une place marquante parmi ses contemporains et ce qui caractérise l'influence sociale éminente qu'il a exercée jusqu'à ses derniers jours. Si, dans le monde des affaires, rien de sensé ne se fait que par la raison, on peut dire que rien de véritablement grand et fécond ne s'accomplit que par les inspirations du cœur.

Aussi personne n'a-t-il accueilli avec plus d'enthousiasme que lui les grands faits accomplis sous l'initiative de notre Souverain bien-aimé et qui ont appelé la Russie à une vie nouvelle. Ces réformes répondaient aux plus ardentes aspirations de Théodore Ivanovitch Tutchew, car le sentiment où se résumait toute son âme, toute sa nature intellectuelle et morale, c'était son patriotisme, sa foi sans bornes dans l'avenir de la Russie, dans ses destinées, dans sa mission historique et providentielle. Ce patriotisme, plongeant ses racines jusqu'au fond de la vie nationale, et s'éclairant du dehors par la culture la plus complètement cosmopolite, constituait l'un des plus grands charmes et l'un des plus sérieux mérites du défunt.

Ne vivant que par l'activité intellectuelle, il s'était pénétré de tout ce que les progrès de l'esprit humain ont accompli depuis des siècles dans toutes les branches de la philosophie, de la littérature et de la politique; son érudition sous ce rapport était universelle. Mais loin de permettre que cette culture étrangère, où s'affinait et se trempait son esprit, altérât en lui le vif sentiment de la nationalité russe, il avait au contraire mis toute cette science acquise au ser-

vice de son patriotisme, et la poésie déversant sur tout cet ensemble de notions acquises, d'esprit naturel et de sentiments innés, de lumineux rayons émanés d'un cœur chaud, a fait de lui ce qu'il était, un écrivain persuasif par conviction, un publiciste honnête et droit, un causeur incomparable, toujours écouté et aimé, faisant partout la propagande de la foi, de l'espérance, de l'enthousiasme pour tout ce qui est bon, grand et beau. C'est sous ce point de vue surtout que sa mission sociale a été noble et utile: il l'a remplie jusqu'aux derniers moments de sa vie, alors même que l'enveloppe épuisée de cette âme ardente trahissait déjà ses forces et faisait pressentir sa fin. Il semble que de telles intelligences ne devraient point s'éteindre! Aussi survivent-elles à la destruction de la matière par les sympathies qu'elles ont fait naître, par les amitiés durables qu'elles ont acquises et par les germes de lumière, de chaleur et de vie qu'elles ont semés à profusion durant leur passage sur la terre.

Cette immortalité de l'affection et du souvenir est acquise à Théodore Ivanovitch Tutchew, et jamais larmes plus sincères n'ont été répandues que celles versées sur l'humble tombe où descendait un grand esprit.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Читай.
Стран. 20	въ дитятею	съ дитятею.
— 34	Тютчевъ, какъ уже было упомянуто, прiѣзжалъ—	Тютчевъ прiѣзжалъ
— 42	la bienveillance qu'on m'y témoigne.	la bienveillance peu commune, qu'on m'y témoigne
— 45	произвенiе	произведенiе
— 64	теорiй Европеизма	теорiи Европеизма
— 70	И одинъ твой нѣжный взглядъ	И одинъ твой южный взглядъ
— 90	Мечь земли и громъ небесъ	Громъ земли и гласъ небесъ—
— 151	comme une conjuration légale	comme une consécration légale
— 173	Кровь льется, черезъ край	Кровь льется черезъ край
— 203	къ езуитамъ	къ Iезуитамъ
— 204	не отдѣльными единицами	не какъ отдѣльными единицами
— 214	*въ примѣчанiи* т. е.	т. е.
— 216	въ индивидумѣ	въ индивидуумѣ
— 217	mit fiin	mit fin
— 242	peut-être	peut être
— 253	слова слова „имперiя“	слова „имперiя“

О ПОДПИСКѢ

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875 ГОДА.

Русскій Архихъ будетъ выходить въ 1875 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ прежнія двѣнадцать лѣтъ сего изданія.

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.— СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.— КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1875 году три большіе томы историческаго чтенія

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., дла Франціи и Англіи — **3** р., для Швейцаріи и Италіи — **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1831—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по **4** рубли, съ пересылкою по **4** р. **50** к.

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

☞ **Первыя шесть тетрадей Русскаго Архива 1874 г. съ гравированнымъ портретомъ князя Одоевскаго вышли особою книгою, которую можно получать по 4 р (съ пересылкою по 4 р. 50 к.)**

Къ сей тетради приложено объявленіе о подпискѣ на Русскій Архивъ 1875 года.

О доставленіи недосланныхъ денегъ Контора Русскаго Архива напоминаетъ тѣмъ лицамъ, которыя не сполна оплатили годовую подписку

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874. ИЗДАВАЕМЫЙ 11.

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

Первыя шесть тетрадей Русскаго Архива 1874 г. съ гравированнымъ портретомъ князя Одоевскаго вышли особою книгою, которую можно получать по 4 р. (съ пересылкою по 4 р. 50 к.)

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1874.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА
О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ
1831—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.
О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польская эмиграція въ Европѣ.—Партіи и Комитеты.—Заговоръ Заливскаго.—Эмиссаръ Конарскій.—Послѣдствія его пропаганды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоры и революціонные взрывы 1846 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распоряженіе фельдмаршала Паскевича. — Занятіе Кракова Русскими войсками. — Краткій очеркъ безпорядковъ въ Княжествѣ Познанскомъ.—Нѣсколько словъ о послѣдующихъ возстаніяхъ до 1849 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибытіе въ Варшаву князя Горчакова.—Перемѣна въ воздухѣ.—Партіи.—Первыя манифестаціи

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Адресъ.—Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ.—Торжественныя похороны пяти жертвъ.—Занятія делегатовъ.—Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ. — Маркизъ Велепольскій.—Упраздненіе делегаціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудность положенія Велепольскаго.—Закрытіе Земледѣльческаго Общества.—Манифестаціи у дома Кредитнаго Общества и у дома графа Замойскаго. — Сборища народа у Замка.—Стрѣльба. —Зачатки бѣлой организаціи.—Смерть князя Горчакова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Назначеніе намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Проѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы. — Возобновленіе манифестаціи.—Первый подземный листокъ.—Назначеніе намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы генералъ-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы. — Борьба противъ нихъ красной партіи. — Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ.—Объявленіе военнаго положенія.—Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства. Послѣдствія этого.—Смерть Герштенцвейга.—Отъѣздъ за границу графа Ламберта.

ЛОРДЪ МАЛЬМСБЮРИ (ГАРРИСЪ) О РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

1781 — 1783 ГОДЫ *).

1.

ПИСЬМО ЛОРДА СТОРМОНТА ГАРРИСУ.

Сентъ-Джемсъ, 20-го Января 1781 года.

Князь Потемкинъ высказалъ виды своей государыни на важный предметъ, на весьма цѣнное владѣніе, которое страна наша всегда желала пріобрѣсти и старалась удержать за собой. Минорка, кромѣ многихъ дѣйствительныхъ выгодъ, стоитъ весьма высоко во мнѣніи всей націи—обстоятельство, на которое слѣдуетъ обратить вниманіе, при конституціи, подобной нашей. Если когда либо министру нашей страны случится разстаться съ такимъ владѣніемъ, онъ долженъ сдѣлать это на основаніяхъ достаточно сильныхъ, чтобы оправдать эту уступку передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Правда, существуетъ самая великая разница между уступкой значительнаго владѣнія врагу и передачей его нейтральному другу и союзнику, въ замѣнъ сильныхъ и существенныхъ доказательствъ дружбы и какъ залогъ прочнаго союза; жертва, конечно, и въ этомъ случаѣ была бы велика; но всякая жертва, не противорѣчащая чести и достоинству, можетъ имѣть свою цѣну. Князь Потемкинъ тотчасъ же усмотрѣлъ всѣ выгоды, которыя появятся для Россіи отъ подобнаго пріобрѣтенія; но говорилъ лишь въ весьма общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ объ услугѣ, которую императрица обяжется оказать нашей странѣ; а между тѣмъ очевидно, что такая жертва не можетъ быть принесена иначе, какъ за большую и дѣйствительную услугу. Хотя по обыкновенію и не принято въ вопросахъ, столь щекотливаго свойства, съ первыхъ же шаговъ вдаваться въ подробности; однако, соображеніе это должно уступить мѣсто желанію сноситься съ той неограниченной довѣренностью, на которой императрица столько настаиваетъ и на которую мы и съ ея стороны вполнѣ разсчитываемъ.

На этомъ основаніи, король прямо обратился къ сущности дѣла; и, посовѣтовавшись съ довѣренными лицами, его величество уполномочилъ меня передать вамъ, чтобы вы сообщили условія, на которыхъ только и можетъ быть сдѣлана столь великая и значительная уступка. (Читайте съ величайшимъ вниманіемъ то, что слѣдуетъ ниже). Императрица Россіи произведетъ возобновленіе мира между Великобританіей, Франціей и Испаніей на слѣдующихъ условіяхъ. Парижскій трактатъ 1762 года послужитъ основаніемъ договора, который будетъ заключенъ; онъ будетъ возобновленъ лишь съ тѣми измѣненіями, относительно взаимныхъ владѣній державъ, которыя произведены случайностями войны; при рѣшеніи этого вопроса, настоящій uti possidetis примется за правило, если только договаривающіяся стороны не пожелаютъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыхъ измѣненій по взаимному соглашенію. Будетъ поста-

*) См. I-ю книгу Русскаго Архива сего года стр. 1465 и выше стр. 143 и 349. Лордъ Стормонтъ завѣдывалъ въ то время иностранными сношеніями Англіи. *П. Б.*

влено непремѣннымъ условіемъ, чтобы Французы немедленно очистили Ротъ-Эйландъ и всякую другую часть колоній его величества въ Сѣверной Америкѣ. Не произойдетъ никакой уступки или соглашенія по отношенію къ непокорнымъ подданнымъ его величества, которымъ никакъ нельзя позволить вести переговоры черезъ посредство иностранной державы.

Если императрица Россіи заключитъ миръ на условіяхъ, здѣсь изложенныхъ, то въ такомъ случаѣ король уступитъ ея императорскому величеству и Россійской императорской коронѣ островъ Минорку, и уступка эта произойдетъ по возможности скоро послѣ того, какъ первоначальныя условія вышеупомянутаго мира будутъ подписаны. При этомъ будетъ заключенъ договоръ насчетъ постояннаго оборонительнаго союза между Великобританіей и Россіей, и въ составъ этого договора войдутъ уступка и гарантія Минорки, а актъ этотъ подпишется въ одинъ день съ вышеупомянутыми предварительными переговорами.—Хотя уступка эта должна быть условна и не можетъ имѣть мѣста прежде выполненія означенной услуги, однако дѣйствительные переговоры могутъ начаться немедленно, хотя по многимъ причинамъ ихъ слѣдуетъ въ настоящую минуту сохранить въ величайшей тайнѣ.—Когда Русская императрица вступитъ во владѣніе Миноркой, она купитъ всю артиллерію и военные запасы, которые тамъ окажутся; она также приметъ на себя непремѣнное обязательство въ томъ, что портъ и гавани Минорки будутъ во всякое время открыты для военныхъ судовъ его величества, а также для всѣхъ крейсеровъ; и всѣ суда, принадлежащія торговымъ подданнымъ его величества, будутъ имѣть свободный входъ туда, не платя ничего, кромѣ обычныхъ портовыхъ пошлинъ, платимыхъ ими и въ настоящее время.

Во избѣжаніе внезапнаго нападенія на Минорку во время настоящей войны, Русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ получитъ приказанія насчетъ внимательнаго охраненія этого острова.

Вы видите, съ какой откровенностью мы тотчасъ же зашли такъ далеко, какъ только возможно. Теперь самое короткое время покажетъ, ошибается ли князь Потемкинъ или нѣтъ относительно намѣреній ея императорскаго величества. Передъ ней открывается обширное поле, достойное ея талантовъ, и богатая жатва славы ожидаетъ ее при выполненіи этого плана.

2.

ПИСЬМО ГАРРИСА СЕРУ РОБЕРТУ КЕЙТУ, ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 10-го Января 1781 г.

Вамъ такъ хорошо извѣстенъ нашъ разрывъ съ Голандіей, что я считаю лишнимъ объ немъ распространяться [1]). Это событіе, какъ и всѣ прочія, было представлено императрицѣ въ совершенно-искаженномъ видѣ. Министры ея, какъ за границей, такъ и дома, пристрастны и заражены предубѣжденіями въ своихъ сношеніяхъ и докладахъ [2]). Я постарался представить ей факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ и, кажется, могу смѣло сказать, что врагамъ нашимъ, не смотря на всю ихъ дѣятельность, никогда не удастся обмануть ее на столько, чтобы внушить ей, что поддержка Голандіи въ настоящихъ ея спорахъ есть casus foederis конвенціи, только что подписанной здѣсь.

Его Прусское величество употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы убѣдить ее въ этомъ, и охотно бы самъ сдѣлался членомъ нейтральной лиги достаточно заблаговременно, чтобы вступиться за Голандцевъ.

Я слышалъ, что онъ предлагаетъ имъ войско, въ какомъ угодно количествѣ, а Датча-

[1]) 23 Декабря 1780 г. Англійскій посланникъ выѣхалъ изъ Гаги; Голандскій, въ свою очередь, былъ вызванъ изъ Лондона, и была объявлена война между этими державами.

[2]) О разрывѣ Англіи съ Голандіей доносилъ государынѣ князь Голицынъ.

намъ денегъ, сколько потребуется, лишь бы только они употребили корабли свои противъ насъ.

Могу сообщить вамъ подъ величайшей тайной, что императоръ предложилъ императрицѣ договоръ, относительно оборонительнаго союза и взаимной гарантіи всѣхъ ихъ владѣній по тому же плану, какъ и въ 1746 г. Онъ прибавляетъ, что договоръ этотъ можетъ быть составленъ въ такомъ смыслѣ, чтобы не уничтожать уже существующія обязательства между нимъ и Франціей и между императрицей и Пруссіей. Она вполнѣ готова принять это предложеніе и уже приказала графу Панину переговорить объ этомъ предметѣ съ Кобенцелемъ. Это составляетъ глубокую тайну и было написано собственноручно императоромъ. Будемте стараться изо всѣхъ силъ, дорогой сэръ, о томъ, чтобы и насъ допустили къ участію въ этомъ союзѣ.

3.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 15-го Января 1781 г.

Теперь я имѣю удовольствіе сообщить вамъ за достовѣрное, милордъ, то, что еще въ прошломъ письмѣ казалось мнѣ лишь правдоподобнымъ, а именно, что императрица съ величайшей готовностью согласилась на соединенное вмѣшательство вмѣстѣ съ Дворомъ Прусскимъ въ дѣла Англіи и другихъ воюющихъ державъ. Она согласна на всѣ пункты предложеній императора, признаетъ Вѣну мѣстомъ самымъ удобнымъ для открытія переговоровъ и, на основаніи желанія Австрійскаго министерства, назначаетъ князя Голицына, дѣйствующаго тамъ теперь, быть ея уполномоченнымъ при этомъ случаѣ. Смѣю прибавить, что она ожидаетъ курьера изъ Лондона съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и я самъ.

Другъ мой, который долженъ былъ придти ко мнѣ вчера, вдругъ такъ захворалъ, что принужденъ былъ лечь въ постель. Чувствуя необходимость видѣться съ нимъ, я, хотя совсѣмъ не былъ расположенъ выходить изъ дому, однако нашелъ случай зайти къ нему въ то время, когда зналъ, что найду его одного. Онъ подтвердилъ все, сейчасъ мною написанное, и прибавилъ, что никогда не видѣлъ ея императорскаго величества въ такомъ воодушевленномъ и торжествующемъ настроеніи, какъ при настоящемъ случаѣ. Онъ говорилъ, что она вполнѣ одобряетъ вниманіе, оказанное нами Вѣнскому Двору, и что съ тѣхъ поръ, какъ она имѣетъ такого могущественнаго союзника, я могу ожидать отъ нея всякаго доказательства дружбы. Затѣмъ онъ упомянулъ о планѣ предполагаемаго союза и прибавилъ, что императрица пожелала, чтобы графъ Панинъ письменно изложилъ свои мысли насчетъ этой мѣры; но онъ былъ на столько несостоятеленъ, что высказалъ мнѣніе въ пользу ея, между тѣмъ какъ это явно противорѣчитъ его правиламъ и поведенію. Однако, для тѣхъ, кто его знаетъ, тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, такъ какъ онъ поставилъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ ни о чемъ не спорить на первыхъ порахъ.

Я указалъ на возможность желанія короля Прусскаго принять участіе въ этомъ посредничествѣ и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ не только нельзя было разсчитывать на его безпристрастіе, но что, по всей вѣроятности, при такомъ оборотѣ дѣла императоръ отъ него откажется. Мой другъ не оставилъ мнѣ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ увѣрилъ меня, что Прусское вліяніе быстро упадаетъ и что всякая попытка, сдѣланная съ цѣлью возобновить его, лишь ускоритъ окончательное его уничтоженіе.

4.

Петербургъ, 19-го Января 1781.

Невозможно, чтобы вы видѣли въ болѣе яркомъ свѣтѣ, чѣмъ я, настоятельную необходимость не дать императрицѣ быть обманутой, какъ относительно побужденія, такъ и относительно самаго образа дѣйствій при нашемъ разрывѣ съ Голандцами. Я чувствую, что послѣдствія благопріятнаго дѣла, которое

теперь въ ходу, вполнѣ зависятъ отъ истиннаго пониманія этого вопроса императрицею; что удача моя въ этой борьбѣ опредѣлитъ всю ея дальнѣйшую политическую дѣятельность и что это событіе или оправдаетъ торжество нашихъ враговъ, или навсегда уничтожитъ ихъ надежды.

Въ эту минуту мой другъ боленъ и лежитъ въ постели, такъ что ему невозможно передавать мои слова ея императорскому величеству, которая съ своей стороны не выходитъ изъ комнаты вслѣдствіе простуды и ревматизма.

Вамъ, милордъ, извѣстны чувства графа Панина; отъ него нельзя ничего ожидать; его цѣль прямо противоположна той, которую я преслѣдую, и не въ моей власти заставить его дѣйствовать противъ его мнѣній и интересовъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ единственный человѣкъ, отъ кого я могъ надѣяться получить нѣкоторую выгоду, былъ частный секретарь императрицы, и то только потому, что это личность честная и незараженная предразсудками, и съ нимъ съ однимъ, кромѣ двоихъ вышеупомянутыхъ лицъ, императрица разсуждаетъ объ иностранныхъ дѣлахъ. Безбородко ежедневно возвышается въ ея уваженіи, и я отправился къ нему вчера утромъ съ цѣлью распространиться о томъ, что я уже говорилъ ему недѣли двѣ тому назадъ и тѣмъ поставить его въ возможность при разговорѣ съ государыней сообщить ей вѣрныя и точныя свѣдѣнія.

Поэтому я обратился къ нему, какъ къ доброму и вѣрному подданному, отъ котораго я не просилъ ничего, кромѣ удобнаго случая передать прямую и простую истину. Я просилъ его вспомнить весьма серіозное свойство обиды, нанесенной намъ Голандцами и заставившей насъ потребовать отъ нихъ удовлетворенія; просилъ его вернуться къ тому времени, когда это было совершено, и замѣтить, что первый проэктъ этой мѣры долженъ былъ состояться одновременно съ Французской деклараціей 1777 г., если не раньше; что это было преднамѣренное и обдуманное враждебное дѣйствіе, признанное его авторомъ, и хотя, правда, отвергнутое генеральными штатами, однако изъ ихъ же поведенія можно было заключить, что они, осуждая измѣнниковъ, были весьма не прочь участвовать въ выгодахъ, полученныхъ измѣной; что почти съ предосудительнымъ терпѣніемъ мы дали имъ больше мѣсяца для того, чтобы отвѣчать на наши представленія; что по истеченіи этого срока первый отвѣтъ ихъ состоялъ въ томъ, что они приняли это дѣло ad referendum; второй же отвѣтъ былъ еще оскорбительнѣе передачею вопроса на обсужденіе суда, и что не прежде какъ король, мой повелитель, убѣдился, что они прибавляютъ дерзость къ безчестности, онъ прибѣгнулъ къ тѣмъ энергическимъ мѣрамъ, которыя по долготерпѣнію своему столько медлилъ привести въ исполненіе; что я былъ убѣжденъ, что онъ слишкомъ свѣдущъ въ международныхъ правахъ и въ droit public (государственномъ правѣ), чтобы не видѣть всей силы оскорбленія и насмѣшки, заключавшейся въ предложенномъ удовлетвореніи; что обида, нанесенная государству, могла быть наказана только государствомъ же, и что республика поступила бы стольже основательно, поручивъ переговоры о войнѣ или мирѣ начальнику полиціи, какъ и наказаніе пенсіонера Амстердамскаго; что я ничего такъ не желаю, какъ получить отъ императрицы рѣшеніе, подсказанное ея собственными чувствами. Будь она въ нашемъ положеніи, я увѣренъ, что она поступила бы точно также, какъ поступили мы, и сочла бы насъ недостойными ея уваженія, еслибы, въ часъ затрудненія и опасности, мы трусливо и терпѣливо снесли обиду, намъ нанесенную; что требовалось весьма немного логики, чтобы опровергнуть другую неумѣстную мысль, которой были полны наши противники и заставить всякое безпристрастное лицо убѣдиться, что нейтральная лига не находилась ни въ малѣйшемъ отношеніи къ нашему разрыву съ Голандіей. Если она желала, какъ сама мнѣ много разъ повторяла, возобновить миръ, то ей слѣдовало уклоняться оказывать под-

держку Голандцамъ. Въ случаѣ, еслибы она это сдѣлала, это бы затруднило исполненіе ея собственныхъ намѣреній и продлило бы на неопредѣленное время войну, окончанія которой, повидимому, она такъ пламенно желала.

Секретарь императрицы выслушалъ съ величайшимъ вниманіемъ все, мною сказанное. Онъ увѣрилъ меня своимъ честнымъ словомъ, что до сихъ поръ онъ ни изъ дѣйствій, ни изъ разговора ея императорскаго величества не могъ замѣтить и отдаленнѣйшаго намѣренія вступиться за Голандцевъ или поддержать ихъ. Напротивъ того, она приказала графу Панину сказать ихъ посланникамъ, что если они ожидаютъ отъ нея поддержки, то должны быть безпристрастнѣе и умѣреннѣе.

Онъ прибавилъ, что весьма мало вѣроятія насчетъ того, чтобы король Прусскій добился здѣсь дальнѣйшаго вліянія и что императрица поступаетъ теперь на основаніяхъ совершенно противоположныхъ его мыслямъ.

Въ заключеніе онъ обѣщалъ передать императрицѣ все мною сказанное и черезъ нѣсколько дней сообщить мнѣ ея отвѣтъ.

5.

ИЗЪ ДЕПЕШИ ЭЛЛІОТА ЛОРДУ СТОРМОНТУ, ПЕРЕСЛАННОЙ ГАРРИСУ.

Берлинъ, Февраль 1781 г.

Я узналъ изъ весьма тайнаго источника слѣдующее обстоятельство. Русская императрица написала королю Прусскому собственноручное письмо, гдѣ выражаетъ затрудненіе, происходящее для нея отъ разрыва между Великобританіей и Соединенными Провинціями, и при этомъ желаетъ знать, будетъ ли она поддержана его Прусскимъ величествомъ въ случаѣ, если ея усилія поддержать ея новыхъ союзниковъ вовлекутъ ее въ войну.

6.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА МИСТЕРА ЭЛЛІОТА ГАРРИСУ.

Берлинъ, 10-го Февраля 1781 г.

Тоже лицо, которое сообщило мнѣ содержаніе письма Русской императрицы къ королю Прусскому, передало мнѣ съ тѣхъ поръ слѣдующее важное свѣдѣніе.

Императрица, предвидя мало вѣроятія къ полученію поддержки его Прусскаго величества въ войнѣ съ Великобританіей, въ заключеніе своего письма выражаетъ желаніе, чтобы его Прусское величество предложилъ свое вмѣшательство Соединеннымъ Провинціямъ. Отвѣтъ короля, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, состоялъ въ томъ, что онъ видѣлъ въ настоящей войнѣ лишь войну морскихъ державъ, что предметъ ея казался ему неважнымъ для Россіи и еще менѣе важнымъ для его собственныхъ владѣній; что въ случаѣ, еслибы онъ принялъ участіе въ спорѣ, споръ сдѣлался бы всеобщимъ, война на континентѣ была бы неизбѣжна; что относительно его вмѣшательства являлись препятствія непреодолимыя, кромѣ неизвѣстности, въ которой онъ находился насчетъ морскихъ дѣлъ и настоящаго положенія Европы.

7.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 2-го Февраля 1781 г.

Отвѣтъ ея императорскаго величества на ноту, переданную графу Панину Голандскими посланниками [3]) составленъ приблизительно въ слѣдующемъ смыслѣ. Ея императорское величество готова подкрѣпить нейтральную конвенцію съ республикой, которую она уже подписала и, конечно, выполнитъ всякое обязательство, налагаемое на нее этимъ актомъ; но такъ какъ настоящій разрывъ между Великобританіей и Голандіей происходитъ отъ причины вовсе до этого акта не касающейся, то Голандцы не имѣютъ ни малѣйшаго основанія требовать отъ нея помощи.

[3]) Они только что представили императрицѣ ноту, въ которой требовали отъ нея помощи, взаимнообязательной для всякой изъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ нарушенія ихъ правилъ воюющими державами. Требованіе это высказывалось, какъ неоспоримое право, на томъ основаніи, будто бы Великобританія поссорилась съ Голандіей единственно по поводу вооруженнаго нейтралитета.

Хотя Голандскимъ посланникамъ еще не вполнѣ извѣстны намѣренія ея императорскаго величества, тѣмъ не менѣе они почитаютъ свое дѣло потеряннымъ; и я слышалъ, что Старенбергъ былъ достаточно неостороженъ, что сталъ упрекать графа Панина за то, что онъ покидаетъ ихъ, заведя такъ далеко. Русскій министръ, однако, и самъ участвуетъ въ ихъ разочарованіи и, слѣдуя общей методѣ, употребляемой здѣсь, когда что-нибудь пойдетъ неудачно, не выходитъ изъ дому, сказавшись больнымъ. Графъ Иванъ Чернышевъ слѣдуетъ его примѣру, и съ воскресенья оба они сидятъ дома подъ предлогомъ болѣзни и принимаютъ только самыхъ близкихъ друзей.

8.

Петербургъ, 2-го Февраля 1781 г.

Я постоянно старался поддерживать знакомство съ Орловыми; и, хотя они отъявленные враги моего друга, но мнѣ до сихъ поръ удавалось сохранять съ ними хорошія отношенія, не навлекая тѣмъ на себя его раздраженія. Задача эта была мнѣ весьма облегчена ихъ особенно-либеральнымъ характеромъ и ихъ доброжелательствомъ къ Англіи, основанномъ на патріотизмѣ и на здравомъ смыслѣ. Графъ Алексѣй, самый просвѣщенный и самый дѣятельный изъ всего семейства, хотя и не въ милости, однако имѣетъ большое вліяніе всякій разъ, какъ говоритъ съ императрицей; онъ особенно ясенъ въ своихъ рѣчахъ, счастливъ въ выраженіяхъ и говоритъ императрицѣ съ такой свободой, которую бы никто другой не смѣлъ употребить.

Я много разговаривалъ съ нимъ по его пріѣздѣ и сдѣлалъ все, что́ отъ меня зависѣло, съ цѣлью уговорить его вызвать императрицу на разговоръ о политическихъ предметахъ. Вчера онъ сообщилъ мнѣ разсужденія, происходившія между ними въ понедѣльникъ. Поводомъ къ нимъ послужило то, что еще въ субботу императрица спросила у него, почему въ послѣднее свое путешествіе онъ не посѣтилъ Англіи. Онъ отвѣчалъ посреди многочисленнаго общества, что ему совѣстно было показаться въ королевствѣ, которому Россія была столькимъ обязана, показаться въ ту минуту, когда Русскій флотъ отправлялся въ море съ цѣлью дѣйствовать прямо вразрѣзъ съ самыми существенными интересами этого королевства; что, появившись въ Лондонѣ, онъ бы ожидалъ, что всѣ его старинные знакомые Средиземнаго моря отвернутся отъ него. Когда императрица попробовала опровергнуть сказанное имъ, онъ, продолжая говорить совершенно громко передъ всѣмъ обществомъ, пустился въ подробности насчетъ нашего дружественнаго образа дѣйствій во время послѣдней войны, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ, что́, по словамъ его, и было причиной той небольшой славы, которую онъ получилъ.

Въ то время императрица ничего болѣе не отвѣчала, но послала за нимъ въ понедѣльникъ и приняла его наединѣ. Она тотчасъ же вернулась къ предмету субботняго разговора, и, сознавшись, что не совсѣмъ довольна собственнымъ поведеніемъ относительно Англіи, спросила его мнѣнія насчетъ настоящаго положенія дѣлъ. Онъ отвѣчалъ, что его политическія чувства были всегда одинаковы; что онъ почиталъ Французовъ народомъ безчестнымъ, фальшивымъ и враждебнымъ, какъ для нея, такъ и для ея имперіи; что если поведеніе ихъ измѣнилось, намѣренія ихъ оставались неизмѣнными, и что онъ съ величайшимъ огорченіемъ видитъ, какъ ихъ льстивыя и вкрадчивыя рѣчи незамѣтно привели ее къ мѣрамъ столь противнымъ ея прежней системѣ и столь вреднымъ для ея собственныхъ интересовъ; что Англичане были (онъ сознавался въ томъ) менѣе вѣжливы, чѣмъ Французы, но за то гораздо болѣе искренни; что они были единственными вѣрными и полезными друзьями, на которыхъ Россія могла разсчитывать; и если она равнодушна къ уваженію и мнѣнію націи, подобной нашей, то и не должна была такъ сожалѣть о потерѣ ея дружбы и расположенія. Затѣмъ онъ передалъ ей то, что̀ самъ слышалъ за границей о роли, которую Французская и Прусская партія при-

писываютъ ей въ Европѣ; сказалъ ей, какимъ образомъ они употребляютъ ея имя; — словомъ, повторилъ ей то, что́ она такъ часто слышала отъ меня и на чемъ князь Потемкинъ такъ часто настаивалъ. Когда тѣже самыя мысли были ей высказаны такимъ человѣкомъ, какъ графъ Алексѣй, онѣ сильно на нее подѣйствовали.

Императрица отвѣчала, что она чувствуетъ справедливость его словъ, сознаетъ, что заблуждалась въ своихъ дѣйствіяхъ, прибавивъ, что она зашла слишкомъ далеко; но намѣрена поправить все дѣло, давъ своимъ друзьямъ, Англичанамъ, хорошій и прочный миръ. Затѣмъ она, по словамъ его, пустилась въ самыя сильныя увѣренія своего неизмѣннаго уваженія къ Британскому народу, выражала величайшую радость по поводу нашихъ успѣховъ въ Джерсеѣ и, выражаясь его собственными словами, была столько же за Англичанъ, какъ и онъ самъ.

Я не скрылъ отъ графа одолженій, оказанныхъ мнѣ княземъ Потемкинымъ, а также изложилъ ему дѣйствительныя и ежедневныя доказательства его дружбы, которой одной я приписывалъ то, что мнѣ удалось удержаться здѣсь въ милости; я прибавилъ, что, какъ ни всемогущъ этотъ любимецъ во многихъ отношеніяхъ, но вслѣдствіе мысли, внушенной императрицѣ моими противниками, что онъ получаетъ всѣ свои политическія мнѣнія отъ меня, она, разговаривая съ нимъ объ иностранныхъ дѣлахъ, уже не относилась къ его мнѣніямъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое она оказывала ему во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; что поэтому зависѣло отъ него (графа Алексѣя) оказать мнѣ весьма значительную услугу особенно въ отношеніи двухъ вопросовъ, изъ которыхъ объ одномъ именно ему болѣе подобало разсуждать, чѣмъ кому бы то ни было въ цѣлой Имперіи. Первый вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы убѣдить ея императорское величество въ необходимости для Америки остаться въ полной отъ насъ зависимости, столько же въ видахъ ея пользы, какъ и нашей собственной. Второе же дѣло, ему предстоявшее, было отговорить императрицу отъ включенія въ мирный трактатъ правилъ вооруженнаго нейтралитета. По мнѣнію моему, никто не могъ такъ основательно разсуждать объ этомъ предметѣ съ императрицей, какъ онъ самъ, который командовалъ ея флотомъ на Средиземномъ морѣ и конечно, видѣлъ, что первый параграфъ ея знаменитой декларацiи заключалъ въ себѣ явную ошибку; и если бы его офицеры соображались съ этими правилами, они бы никогда ничего не взяли.

„Императрица не можетъ не согласиться съ справедливостью вашихъ словъ“, прибавилъ онъ, „когда услышитъ ихъ отъ двухъ лицъ, столь разныхъ, какъ князь Потемкинъ и я, которые никогда до сихъ поръ не сходились въ мнѣніяхъ.“

9.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, вторникъ, 16-го Февр. 1781 г.

Въ понедѣльникъ иностранные министры имѣли честь быть приглашенными въ ту часть дворца, которая называется Эрмитажемъ, гдѣ послѣ Французскаго спектакля, мастерски исполненнаго нѣкоторыми молодыми людьми изъ здѣшняго дворянства, были балъ и ужинъ; а въ пятницу ея императорское величество провела вечеръ у шталмейстера, куда также былъ приглашенъ весь дипломатическій корпусъ.

Мой другъ боленъ и лежитъ въ постели. Нездоровье его происходитъ единственно отъ страннаго его образа жизни и, пока онъ не перемѣнитъ своихъ привычекъ, онъ не можетъ разсчитывать на то несокрушимое здоровье, за которое, повидимому, ручается его крѣпкое тѣлосложеніе. Такъ какъ его настроеніе и расположеніе духа обыкновенно страдаютъ въ подобныхъ случаяхъ, то болѣзнь его всегда производитъ остановку въ дѣлахъ, особенно потому, что она препятствуетъ ему бывать у императрицы, а сама она уже не ѣздитъ къ нему, какъ бывало прежде. Вы, ми-

лордъ, вѣроятно читали чрезвычайно-необыкновенное письмо здѣшняго Голандскаго резидента, напечатанное во всѣхъ иностранныхъ газетахъ, съ прибавленіемъ въ бóльшей части изъ нихъ (а особенно въ Клевской Газетѣ) комментарія, наполненнаго личными обвиненіями насчетъ того, будто бы я пробовалъ подкупить Русскихъ министровъ. Императрица, которая въ четвергъ и въ пятницу отличала меня даже больше, чѣмъ обыкновенно, говорила со мной по этому поводу, при чемъ сказала: „если досада и раздраженіе производятъ разлитіе желчи, то это скорѣе должно было постигнуть автора этой статьи, а не меня“ [4]). Затѣмъ, обратившись къ избранному обществу, съ которымъ она ужинала, она принялась шутить чрезвычайно остроумно и юмористично. Все содержаніе ея разговора доказывало сильнѣйшую къ намъ дружбу и расположеніе.

10.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

26-го Февраля 1781 г.

Обмѣнъ ратификацій конвенціи съ Голандцами уже произошелъ, подарки съ каждой стороны уже сдѣланы, и все дѣло совершенно окончено. Императрица попрежнему тверда въ своемъ намѣреніи исключить республику изъ того покровительства, которое бы эта конвенція доставила имъ въ случаѣ, еслибы они остались нейтральными. Она поручила своимъ министрамъ отвѣчать на всякую просьбу, получаемую ими отъ посланниковъ, что, пока они сохранятъ свое настоящее положеніе, она не сдѣлаетъ для нихъ ничего болѣе, какъ только будетъ помогать имъ своими совѣтами.

Секретарь ея императорскаго величества былъ введенъ въ общественную дѣятельность маршаломъ Румянцевымъ. Графъ Алексѣй Орловъ имѣетъ самое высокое понятіе объ его способностяхъ и честности и считаетъ его другомъ Англіи. Князь Потемкинъ весьма откровенно сообщилъ мнѣ объ усиленіи вліянія секретаря императрицы и совѣтовалъ быть къ нему внимательнымъ. Побужденія эти достаточно объяснятъ вамъ, почему въ послѣднее время я часто обращался къ этому лицу. Во всемъ, происходившемъ между нами, онъ постоянно и вполнѣ оправдывалъ характеръ, приписываемый ему общимъ мнѣніемъ. Переговоривъ съ нимъ насчетъ дѣла съ Голандцами и получивъ отъ него увѣренія въ томъ, что сношенія эти ни въ какомъ отношеніи не могутъ намъ повредить, я указалъ ему на необходимость справедливаго и безпристрастнаго пересмотра инструкцій, которыя въ этомъ году дадутся Русскимъ командирамъ флота, во избѣжаніе намѣреннаго или нечаяннаго распространенія приказа о покровительствѣ и для Голандскихъ судовъ. Я также настаивалъ на важности напомнить императрицѣ ея намѣреніе относительно окончанія этой ссоры, чтобы черезъ медленность не допустить возникновенія новыхъ мыслей и появленія новыхъ впечатлѣній. Насчетъ обоихъ этихъ вопросовъ онъ отвѣчалъ весьма удовлетворительно.

11.

Петербургъ, 9-го Марта 1781 г.

Въ самомъ дружественномъ и удовлетворительномъ разговорѣ, который я недавно имѣлъ съ его превосходительствомъ графомъ Панинымъ, я повторилъ ему увѣренія въ томъ, что онъ всегда найдетъ чувства и намѣренія моего Двора вполнѣ согласными съ тѣмъ, что́ я такъ часто ему выражалъ, и что всевозможныя старанія будутъ приложены для точнаго соблюденія добавочныхъ инструк-

[4]) Исторія, на которую тутъ намекается, была повторена нѣсколькими Французскими и Англійскими писателями и состояла въ слѣдующемъ: будто бы сэръ Д. Гаррисъ написалъ бумагу, опровергающую основанія нейтральной лиги съ тѣмъ, чтобы князь Потемкинъ представилъ ее императрицѣ. Но бумага эта была вытащена изъ кармана князя одною изъ низкихъ его любовницъ, подкупленной графомъ Панинымъ. Послѣдній, сообразно съ этимъ, приготовилъ въ свою очередь опроверженіе доводовъ Гарриса и разрушилъ тѣмъ его замыслы.—Весь этотъ анекдотъ есть чистый вымыселъ.

цій, данныхъ нашимъ крейсерамъ и другимъ вооруженнымъ судамъ. Его превосходительство, послѣ самаго благосклоннаго отвѣта, сообщилъ мнѣ, что изъ послѣднихъ депешъ Симолина оказывалось, что вы, милордъ, вслѣдствіе Голандской войны, находились въ нѣкоторомъ безпокойствѣ относительно безопасности на Балтійскомъ морѣ; что, хотя онъ собирался полнѣе написать по этому предмету Симолину, тѣмъ не менѣе, не теряя ни минуты, онъ спѣшитъ увѣрить меня, что ея императорское величество намѣревалась вмѣстѣ съ Дворами Шведскимъ и Датскимъ сохранить это море вполнѣ свободнымъ отъ крейсеровъ какой бы то ни было націи, и что мы можемъ почитать навигацію по этому морю столь же безопасной, какъ во времена самаго глубокаго мира.

Ничто не могло быть своевременнѣе пріѣзда курьера изъ Вѣны: пріятные знаки вниманія, привезенные имъ, снова разогрѣли ту горячую дружбу императрицы къ императору, которую интриги Прусаковъ и Французовъ успѣли нѣсколько охладить. Кромѣ прекрасно написанныхъ и самыхъ дружественныхъ писемъ, императоръ прислалъ ей щитъ, принадлежавшій къ мебели въ собственныхъ комнатахъ его покойной матери, и еще нѣсколько бездѣлицъ, доказывающихъ память и вниманіе и произведшихъ самое хорошее впечатлѣніе. Что̀ же касается до дѣлъ, то онъ, повидимому, все предоставляетъ на ея рѣшеніе.

Всѣ эти свѣдѣнія я получилъ отрывками отъ моего друга, который одинъ видитъ эту переписку. Къ несчастію, онъ по прежнему исключительно занятъ свадьбой своей племянницы, а ко всему остальному относится съ равнодушіемъ и легкостью, которыя почти выводятъ меня изъ терпѣнія, и еслибы я не имѣлъ случая часто видѣть его дѣйствующимъ подъ вліяніемъ этого недуга, то долженъ бы предположить въ немъ совершенную перемѣну характера и чувствъ. Графъ Кобенцель, который за послѣднее время сталъ сообщительнѣе, хотя еще далеко не вполнѣ, говорилъ мнѣ, что до сихъ поръ все, относящееся до вмѣшательства, шло безъ малѣйшаго затрудненія; что отвѣтъ Испаніи совершенно сходится съ отвѣтомъ Франціи и что обѣ страны согласны насчетъ мѣста и министровъ, назначенныхъ для открытія переговоровъ по вопросу о мирѣ.

Такъ какъ было необходимо, чтобы князь Потемкинъ понялъ всю важность предмета, о которомъ мы толковали [5]), то я просилъ его сказать мнѣ прямо и откровенно, чувствуетъ ли онъ себя достаточно дѣятельнымъ, чтобы исполнить это дѣло безъ всякаго отлагательства, и сдѣлаетъ ли онъ его во все время продолженія переговоровъ первымъ предметомъ своихъ мыслей, не допуская ихъ отклоняться отъ столь важнаго вопроса, вслѣдствіе тѣхъ многихъ поводовъ къ разсѣянности, которые ежедневно ему встрѣчаются. Я высказалъ ему, что дѣло это для меня имѣетъ столь значительную важность, что я не могу позволить обращаться съ нимъ шутя, и если онъ не обѣщаетъ мнѣ обратить на него самое усиленное вниманіе, я боюсь навлечь на себя справедливое осужденіе, довѣривъ ему направленіе его.—Вы, милордъ, можетъ быть, замѣтите мнѣ на это, что подобныя выраженія были слишкомъ рѣзки и могли только оттолкнуть; но кромѣ того, что я уже не разъ говорилъ съ нимъ объ его необыкновенной легкости, мнѣ было хорошо извѣстно, что, не выскажи я ему условій такого рода, онъ съ самыми лучшими намѣреніями не преодолѣлъ бы того свойственнаго ему нерадѣнія, которое не покидаетъ его иначе, какъ въ минуты, когда собственное его вліяніе находится въ опасности. Князь Потемкинъ съ величайшей готовностью и даже съ охотой взялъ на себя все это порученіе, и самъ былъ такъ доволенъ всѣмъ, что̀ я передалъ ему отъ васъ, милордъ, что подалъ мнѣ самыя лестныя надежды на полное и немедленное соглашеніе со всѣмъ, что̀ мнѣ было предписано предложить.

[5]) Т. е. объ уступкѣ Минорки и о вмѣшательствѣ Россіи въ дѣла Англіи съ Голандіей.

Онъ продержалъ меня бо́льшую часть ночи, распрашивая меня насчетъ содержанія и цѣли послѣдняго Парижскаго трактата, важности владѣній, которыя мы потеряли или пріобрѣли во время настоящей борьбы, и наконецъ насчетъ возвышенія и усиленія смутъ въ Америкѣ. По всѣмъ этимъ вопросамъ я сообщилъ ему всѣ свѣдѣнія, которыми самъ обладалъ, и былъ счастливъ при этомъ исправить нѣсколько заблужденій, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился. Несмотря на его обѣщаніе поторопиться, прошло больше недѣли, прежде чѣмъ онъ передалъ мнѣ отвѣтъ ея императорскаго величества; между тѣмъ какъ я весьма исправно торопилъ его по этому предмету, онъ неизмѣнно ссылался на то, что замедленіе это происходитъ отъ самой государыни. Но такъ какъ мнѣ хорошо извѣстно, что ея императорское величество чрезвычайно аккуратна и не любитъ оставлять неоконченымъ дѣло, коль скоро попадется ей въ руки, то вовсе не опасался быть непочтительнымъ къ ней, побуждая его къ бо́льшей скорости. Сказать по правдѣ, я скорѣе боялся, что время, имъ безполезно теряемое, дастъ нашимъ противникамъ, особенно дѣятельнымъ въ эту минуту, возможность воздвигнуть преграды на нашемъ пути; поэтому я не переставалъ доказывать князю Потемкину, что, хотя онъ и относится къ нимъ и ихъ интригамъ съ презрѣніемъ и равнодушіемъ, тѣмъ не менѣе не слѣдовало помогать имъ ненужною медлительностью.

Князь Потемкинъ принесъ мнѣ письменный отвѣтъ ея императорскаго величества. Онъ былъ написалъ ею собственноручно порусски. Князь Потемкинъ сказалъ, что имѣлъ приказаніе перевести его мнѣ, сколько бы разъ я ни захотѣлъ, но не оставлять его въ моемъ распоряженіи. Онъ заключался въ слѣдующемъ. Императрица принимаетъ съ величайшимъ удовольствіемъ увѣренія и доказательства дружбы и довѣрія его величества, сознавая, что она заслуживаетъ ихъ своимъ искреннимъ и неизмѣннымъ расположеніемъ къ Британскому народу, интересы и благополучіе котораго, послѣ благосостоянія ея собственныхъ подданныхъ, ей всего ближе къ сердцу. Она эта доказала тѣмъ, что постоянно искала самаго тѣснаго союза съ его Британскимъ величествомъ, и заключеніе такого союза всегда было ея первымъ желаніемъ. Его Британское величество лишь отдаетъ ей должную справедливость, предполагая, что она искренно желаетъ видѣть войну оконченной на условіяхъ, согласныхъ съ его достоинствомъ и съ выгодами его народа; условія, конфиденціально имъ ей сообщенныя, таковы, и она надѣется видѣть ихъ ратификованными. Относительно равновѣсія державъ ея мысли совершенно сходятся съ его, и она никогда не можетъ видѣть равнодушно существенное увеличеніе или уменьшеніе владѣній какого бы то ни было Европейскаго государства (Князь Потемкинъ сказалъ мнѣ, что этимъ она намекаетъ на то, что не одобряетъ независимости Америки, но не желаетъ высказываться полнѣе). Она говоритъ, что совершенно готова дѣйствовать съ самой полной искренностью вмѣстѣ съ своимъ со-посредникомъ, но что такъ какъ она не одна, то не отъ нея зависитъ выражаться подробнѣе, до тѣхъ поръ, пока она не узнаетъ чувствъ императора, ея сотоварища.

Онъ сказалъ мнѣ, что она вполнѣ одобряла условія, сообщенныя нами ей; что она считала ихъ справедливыми и умѣренными, и съ цѣлью поддержать ихъ сдѣлаетъ все, но не рѣшится только обнажить мечь: на эту мѣру могло вызвать ее только нападеніе на ея собственныя владѣнія или величайшее оскорбленіе.

Я сказалъ ему весьма откровенно, что, хотя все, что̀ я слышалъ, совершенно дружественно и могло только доставить величайшее удовольствіе, но увѣренія эти были такъ сильны и, исходя изъ собственныхъ устъ ея императорскаго величества, становились такъ священны, что въ моемъ докладѣ вамъ, милордъ, я былъ поставленъ въ необходимость (такъ какъ изъ сказаннаго ею теперь ничего

подобнаго не оказывалось) или отказаться отъ того, что́ я самъ сообщалъ, или выставить ея императорское величество отказавшейся отъ своихъ намѣреній, описать ее нетвердой въ своихъ планахъ и колеблющейся въ чувствахъ; что правда и справедливость не оставляли мнѣ выбора; что ея императорское величество поручила мнѣ получить отъ моего Двора какое-нибудь несомнѣнное доказательство довѣрія и дружбы, послѣ чего мы бы увидѣли, до какой степени простирается ея дружба къ намъ; что я весьма легко достигъ того, что̀ было согласно съ характеромъ и чувствами короля, моего повелителя, и его довѣренныхъ слугъ; что мы вполнѣ сообразжались съ требованіемъ ея императорскаго величества и, безъ сомнѣнія, уничтожили всякую мысль о сдержанности и холодности, замѣнивъ ихъ понятіями совершенно противоположными; что съ нашей стороны не оставалось больше ничего дѣлать и что мы будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ исполненія тѣхъ увѣреній, которыя были ею высказаны, когда она удостоила меня конференціей; что мы никогда и не желали, чтобы она обнажила мечь; мы только ожидаемъ отъ нея дѣйствительнаго употребленія той значительной власти, которой она пользуется въ Европѣ. Поэтому я повторилъ, что наши дѣйствія не могли произвести перемѣны въ мнѣніи, и что въ случаѣ, если такая перемѣна произошла, то объяснить это надо тѣми причинами, о которыхъ я упоминалъ выше, т. е. упадкомъ той энергіи и твердости, которыя столь славно охарактеризовали начало царствованія ея императорскаго величества и отсутствіе которыхъ въ настоящую минуту мѣшало ея поступкамъ согласоваться съ ея же словами.

Во всемъ, мною сказанномъ, было слишкомъ много правды, чтобы допустить противорѣчіе. Князь Потемкинъ вполнѣ согласился со мной; но сказалъ мнѣ, что я могу быть убѣжденнымъ, что на будущее время мною уже опровергнуты всѣ интриги, которыя Франція, Испанія, Пруссія или Голандія могли бы пустить въ ходъ во время переговоровъ; и что, если императоръ также хорошо расположенъ къ намъ, какъ императрица, и выразится въ такомъ смыслѣ въ письмѣ къ ней, она исполнитъ все, что́ только обѣщала. „А пока", прибавилъ онъ, „вы можете увѣрить „вашъ Дворъ (и я ручаюсь за достовѣрность „моихъ словъ), что ее останавливаетъ лишь „осторожность и овладѣвшая ею слабость; „что если-бы она отважилась, то и дѣломъ „стояла бы за Англичанъ столько же, сколь„ко расположена къ нимъ чувствами". Я охотно вѣрю словамъ князя Потемкина, и они подтверждаются всевозможными сообщеніями, полученными мною какъ отъ графа Алексѣя Орлова и отъ Безбородки, людей правдивыхъ и съ характеромъ, такъ и ото всѣхъ нижнихъ придворныхъ чиновъ, мнѣніями и чувствами которыхъ я управляю. Мнѣ остается только сожалѣть, что такая великая государыня обратилась въ простую женщину въ столь критическихъ обстоятельствахъ, и что у нея не достаетъ рѣшимости и твердости, чтобы сохранить одно и тоже мнѣніе въ продолженіи тѣхъ нѣсколькихъ недѣль, пока курьеръ ѣздитъ въ Англію и возвращается оттуда.—Мнѣ слѣдуетъ теперь говорить о самой важной части данныхъ мнѣ предписаній, а именно о несомнѣнномъ доказательствѣ дружбы его величества къ ея императорскому величеству, заключающемся въ предложеніи уступить ей на самыхъ выгодныхъ условіяхъ островъ Минорку. Въ этомъ отношеніи я строго держался вашихъ приказаній, милордъ. Дѣло это обсуждалось лишь между мной и княземъ Потемкинымъ и между нимъ и императрицей. Ни одному изъ нихъ я не оставилъ по этому предмету ничего написаннаго. Но, такъ какъ я не могъ добиться отъ ея императорскаго величества личнаго разговора со мной, то былъ вынужденъ для большей точности передать князю Потемкину ноту, исчисляющую предметы, о которыхъ я писалъ, чтобъ онъ ихъ передалъ; однако нота эта была мнѣ возвращена, какъ только назначеніе ея было исполнено, и ни-

чего, касающагося этого дѣла, никогда не окажется между его бумагами.

Князь Потемкинъ, повидимому, былъ особенно доволенъ готовностью, съ которой мы согласились на эту уступку. Ему чрезвычайно понравилась моя откровенность при передачѣ ему всего этого дѣла, и съ своей стороны онъ сознался, что услуги, требуемыя нами отъ императрицы, и тѣ, которыя мы собирались оказать ей, прибавивъ столь значительный островъ къ ея владѣніямъ, были между собой несоотвѣтственны; что она сама передъ собой была обязана исполнить то, о чемъ мы просили; и если ей удастся получить Минорку на такихъ условіяхъ, она сочтетъ это за даръ, упавшій ей съ неба.

Въ такихъ мысляхъ и съ убѣжденіемъ оказать этимъ важную услугу своей государынѣ, онъ отнесъ ей мои предложенія и черезъ нѣсколько дней сообщилъ мнѣ впечатлѣніе, произведенное ими на нее. Онъ сказалъ мнѣ, что никогда, ни при какомъ случаѣ, не видѣлъ ея до такой степени пораженной. Ея первое восклицаніе было: la mariée est trop belle; on veut me tromper [6]). Затѣмъ она быстро перебрала всѣ выгоды, которыя повлечетъ за собой пріобрѣтеніе этого острова; и, давъ полную волю воображенію играть на эту тему, она перешла къ видамъ, которые, по мнѣнію ея, мы скрываемъ подъ этимъ заманчивымъ предложеніемъ. Было бы невозможно перечислить всѣ странные планы, ею намъ приписанные. Она говорила, что мы вошли въ соглашеніе съ императоромъ, котораго прельщаемъ еще болѣе соблазнительными обѣщаніями; что мы уговоримъ Бурбонскій флотъ напасть на ея корабли въ Средиземномъ морѣ, въ случаѣ, если-бы они стали защищать Минорку. Словомъ, послѣ самыхъ дикихъ подозрѣній, она заключила тѣмъ, что мы хотимъ во что̀ бы то ни стало вовлечь ее въ войну, и что она не станетъ слушать ничего, что́ можетъ подвергнуть ея подданныхъ такому бѣдствію.

[6]) Переводъ: «Невѣста слишкомъ хороша; меня хотятъ обмануть.»

Мой другъ весьма просто объяснилъ ей, что нельзя было предполагать подобныхъ цѣлей, такъ какъ уступка должна была произойти не ранѣе, какъ первональныя условія мира будутъ дѣйствительно подписаны, и что исполненіе сдѣлки, которую я предлагалъ, зависѣло отъ этого обстоятельства; что союзъ, который одинъ только могъ побудить ее къ участію въ войнѣ, состоится лишь по окончаніи военныхъ дѣйствій. Затѣмъ онъ весьма умно сталъ доказывать ей неосновательность ея подозрѣній; онъ сказалъ ей, что, если она будетъ болѣе довѣрять намъ, которыхъ всегда находила искренними и которыхъ самая наша конституція обязываетъ къ откровенности во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, нежели Французамъ, постоянно старающимся ее обмануть,—она будетъ ближе къ правдѣ, и мѣры, ею принимаемыя, окажутся тогда благотворнѣе для ея Имперіи и болѣе содѣйствующими къ ея славѣ, чѣмъ тотъ образъ дѣйствій, въ который ее вовлекали лживыя представленія.

Эта свобода, съ которой онъ говорилъ, отчасти ей не понравилась; но, противъ его ожиданія, она не разсердилась и даже была, видимо, поражена справедливостью его замѣчанія. Нѣсколько времени она въ совершенномъ молчаніи ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, а затѣмъ поручила ему поговорить со мной подробнѣе объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, отъ меня онъ не могъ узнать ничего новаго, и я не могъ посовѣтовать ему ни одного довода лучше тѣхъ, которые подсказывало ему собственное быстрое соображеніе.

Много дней прошло до тѣхъ поръ, пока ея императорское величество заговорила съ нимъ объ этомъ предметѣ, и онъ, по мнѣнію моему, прекрасно сдѣлалъ, не заговаривая объ немъ самъ, а предоставляя ей время для обсужденія. Съ недѣлю тому назадъ она съ живымъ участіемъ коснулась этого вопроса, пересчитала различныя выгоды, которыя бы дало ей это пріобрѣтеніе, и жаловалась, что могла получить его не иначе, какъ начавъ войну. Тщетно князь Потемкинъ старался вытѣснить

изъ ея головы эту неправильную мысль: она оказалась твердо укоренившейся. Когда онъ предложилъ императрицѣ выслушать то, чтó я имѣлъ сообщить по этому предмету, она отвѣчала: „я не хочу подвергаться искушенію.“ Мой пріятель, найдя ее столь упорной въ своемъ заблужденіи, спросилъ ее насчетъ отвѣта, который долженъ былъ мнѣ передать, прибавивъ, что простое повтореніе уже сказаннаго ею будетъ весьма плохимъ отзывомъ на одно изъ великодушнѣйшихъ предложеній, когда бы то ни было сдѣланныхъ.

Ея императорское величество согласилась съ этимъ и сказала, что дастъ ему письменный отвѣтъ съ тѣмъ, чтобы онъ перевелъ его мнѣ. А пока она поручила ему скрыть отъ меня ея подозрѣнія. Но это предостереженіе явилось слишкомъ поздно, такъ какъ онъ уже сообщилъ мнѣ все происшедшее.

Въ прошлый понедѣльникъ онъ прочиталъ мнѣ ея отвѣтъ; онъ былъ, также какъ и предъидущій, написанъ ея рукой, повидимому, со множествомъ поправокъ и на Русскомъ языкѣ. Вотъ его содержаніе.

„Ея императорское величество чрезвычайно чувствительна къ дружескому предложенію, сдѣланному ей Лондонскимъ Дворомъ; она уже высказывала и снова повторяетъ, что будетъ весьма счастлива способствовать къ достиженію Великобританіей справедливаго и неунизительнаго мира; что она вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ будетъ усердно стараться объ исполненіи этого дѣла; и въ случаѣ, если она будетъ на столько счастлива, чтобы добиться успѣха, она съ величайшимъ удовольствіемъ вступитъ въ самый тѣсный союзъ съ Англіей и скрѣпитъ этотъ союзъ всѣми средствами, наиболѣе способными къ тому, чтобы сдѣлать его полезнымъ, искреннимъ и прочнымъ. Но пока она дѣйствуетъ въ качествѣ посредницы, его Британское величество долженъ принять въ соображеніе, что для нея неудобно заключить съ нимъ даже случайную конвенцію, такъ какъ предметъ этой конвенціи рано или поздно окажется, и въ будущемъ появится мнѣніе, будто бы она, дѣйствуя, какъ посредница, находилась подъ вліяніемъ одной изъ воюющихъ державъ, причемъ ея безпристрастіе и справедливость будутъ заподозрѣны. „Ничего“, прибавила она, „не можетъ быть сильнѣе ея „дружбы къ Англіи, и ничто ея такъ не радуетъ, какъ доказательства уваженія и благорасположенія, получаемыя ею оттуда“. Комментарій, данный моимъ другомъ на этотъ текстъ, былъ таковъ: по мнѣнію его, она сильно желаетъ получить Минорку, но не рѣшается согласиться на средства, которыя только одни могутъ ей дать это владѣніе. Разсуждая съ княземъ Потемкинымъ и разговаривая со всѣми лицами, приближенными къ престолу, я постоянно употреблялъ простыя и безъискусственныя выраженія, хорошо разсчитанныя на то, чтобы дать правильное понятіе о нашей терпимости по отношенію къ Голандцамъ и объ ихъ несправедливомъ поведеніи. Такъ какъ я зналъ, что соединеніе этой ссоры съ вооруженнымъ нейтралитетомъ составляло первое желаніе нашихъ противниковъ, то старательно избѣгалъ всего, чтó могло подать поводъ къ этой мысли. Я основывалъ свои аргументы на фактахъ, упомянутыхъ въ манифестѣ его величества, и не затрогивалъ щекотливой струны нейтральной лиги иначе, какъ вопроса совершенно независящаго отъ общей системы, и на который мы въ своихъ отвѣтахъ различнымъ сторонамъ объснились достаточно подробно.

За этимъ образомъ дѣйствій послѣдовала значительная доля успѣха. Правда, мнѣ не удалось воспрепятствовать ратификаціи конвенціи съ Голандіей, но мнѣ удалось устранить немедленное зло, которымъ это событіе намъ угрожало. Я убѣдилъ ея императорское величество не дѣйствовать иначе, какъ въ качествѣ доброжелательницы для обѣихъ странъ и въ доказательство этого намѣренія поддержать условія, которыя ни въ какомъ отношеніи не окажутся для насъ унизительными. Въ этомъ случаѣ воспротивиться необыкновенной враждѣ ея министра составило задачу не только затруднительную, но даже весьма тяже-

лую: онъ далъ полную волю своей къ намъ злобѣ, и никогда во все время моего здѣсь пребыванія я не видѣлъ его въ столь открытой и нелиберальной ко мнѣ оппозиціи.

Король Прусскій неутомимъ въ своихъ стараніяхъ поколебать усиливающееся вліяніе императора, и такъ какъ ему извѣстенъ въ совершенствѣ составъ Двора, то онъ привлекъ на свою сторону многихъ придворныхъ, между прочимъ Бецкаго и госпожу Рибасъ, которые, бывъ до сихъ поръ горячо преданы интересамъ Вѣнскаго Двора, теперь сдѣлались самыми ревностными адвокатами Двора Потсдамскаго, и такъ какъ они имѣютъ ежедневный доступъ къ императрицѣ, которая смотритъ на нихъ (хотя весьма несправедливо), какъ на людей простыхъ и откровенныхъ, то часто причиняютъ намъ существенный вредъ.

Бецкій, почти восьмидесятилѣтній старикъ, стоитъ во главѣ различныхъ воспитательныхъ заведеній этой страны и пользуется благосклонностью императрицы съ самаго пріѣзда ея въ Россію. Госпожа Рибасъ — особа отъ него зависящая и опредѣленная имъ къ ея императорскому величеству въ должности камеръ-фрау. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она вышла замужъ за Итальянца. Большая увѣренность, хитрость и глубокое знаніе всѣхъ Петербургскихъ сплетенъ дѣлаютъ ея разговоръ интереснымъ.

Всѣ эти личности, бывшія до сихъ поръ Французскими агентами, теперь сдѣлались точно также агентами Прусскими и, соединившись, они составляютъ весьма значительную фалангу.

Мой пріятель Кобенцель начинаетъ сознавать справедливость всего, что̀ я ему говорилъ, и убѣждается, что въ этой странѣ невозможно быть со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ.

12.

Петербургъ, 13-го Марта 1781 г.

На дняхъ императрица подарила князю Потемкину безъ всякой причины 40,000 ф. стерл.; и этотъ оригинальный человѣкъ уже до того избалованъ, что счелъ эту сумму едва заслуживающей благодарности. Замѣчательно, что въ указѣ, данномъ казначейству, выражено, что ея императорское величество назначаетъ князю Потемкину это вознагражденіе за ту помощь, которую получила отъ него при заключеніи вооруженнаго нейтралитета. Онъ самъ настоялъ на помѣщеніи этой крупной лжи, во избѣжаніе на будущее время подозрѣній въ томъ, что онъ былъ нами подкупленъ. Эта черта сильно обозначаетъ его характеръ.

Я часто сознавалъ справедливость вашего замѣчанія на этотъ счетъ, милордъ, да и самъ чувствовалъ, что я не держался въ уровень съ достоинствомъ Англійскаго министра, спускаясь до такой лести къ особѣ императрицы; но въ этомъ случаѣ я также принужденъ былъ отклониться отъ своей системы и отъ своихъ правилъ, вслѣдствіе поведенія моихъ противниковъ. Они постоянно обращались къ ней, какъ къ существу высшей природы, вслѣдствіе чего, считая себя почти непогрѣшимой, она ожидаетъ ото всѣхъ къ ней приближающихся благоговѣнія, отдаваемаго божеству. Свобода, съ которой я говорилъ ей, опасаюсь, сдѣлается причиной, что я больше никогда не увижу ея наединѣ.

Вы, милордъ, едва ли повѣрите мнѣ, когда я вамъ донесу изъ самаго вѣрнаго источника, что графъ Панинъ проводитъ цѣлыя ночи за сочиненіемъ фальшивыхъ писемъ, разсчитанныхъ съ цѣлью повредить его врагамъ и услужить друзьямъ; затѣмъ онъ представляетъ ихъ, какъ перехваченныя въ почтамтѣ и написанныя графомъ Кобенцелемъ или мной, или тѣмъ изъ министровъ, чье имя на этотъ разъ всего лучше соотвѣтствуетъ его цѣлямъ. А такъ какъ предполагается, что оригиналы задерживаются лишь на время, нужное для ихъ переписки, то невозможно заподозрить подлинность этихъ произведеній, которыя выдаются за переводъ нашихъ цифирныхъ депешъ. Вредъ, наносимый ими, тѣмъ сильнѣе, что удара этого нельзя отразить, и единствен-

ная польза, получаемая мной изъ этого необыкновеннаго сообщенія, состоитъ въ томъ, что я знаю зло, не зная противъ него пособія: такъ какъ въ случаѣ, если бы я попытался это открыть, сообщившіе мнѣ это свѣдѣніе отказались бы отъ собственныхъ словъ, и я бы никого не убѣдилъ въ томъ, въ чемъ самъ совершенно увѣренъ. Правда, императрица, повидимому, лишила его своего довѣрія, и хотя она еще выслушиваетъ его мрачныя внушенія, потому что онъ умѣетъ передавать ихъ, соображаясь съ ея страстями, тѣмъ не менѣе она ведетъ почти всѣ дѣла иностраннаго министерства черезъ своего частнаго секретаря.

13.

Петербургъ, 20-го Марта 1781.

Императрица день ото дня откладываетъ принятіе окончательнаго рѣшенія относительно того, чтобы подписать союзъ съ императоромъ. Она, конечно, сильно желаетъ заключить этотъ союзъ, и теперь ей въ томъ препятствуетъ лишь соображеніе, единственно касающееся этикета [7]). Настроеніе Прусской партіи и все вообще доказываетъ полное возвращеніе ея уваженія и довѣрія къ императору.

Написавъ сама принцессѣ Виртембергской въ пользу свадьбы, предлагаемой ею, ея императорское величество послала за великимъ княземъ и великой княгиней, продиктовала имъ письма, которыя желала, чтобы они написали, заставила ихъ при себѣ написать эти письма, и затѣмъ включила ихъ въ свой пакетъ, отправляемый въ Монбельяръ. Ихъ императорскіе высочества глубоко почувствовали весь произволъ и все недовѣріе, заключавшееся въ этомъ поступкѣ. Когда это дойдетъ до его Прусскаго величества, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма недоволенъ. Я хорошо знаю Алопеуса; онъ началъ свое поприще подъ начальствомъ вицеканцлера, и по смерти Французскаго секретаря при графѣ Панинѣ, въ 1778 г., былъ выбранъ для исполненія его обязанностей, хотя не получилъ ни его чина, ни его жалованья. Я одно время считалъ его хорошо расположеннымъ и оказывалъ ему тѣ знаки вниманія, которые, какъ мнѣ было извѣстно, вслѣдствіе его корыстолюбиваго характера, должны были ему всего болѣе понравиться. Я поступалъ такимъ образомъ, пока не убѣдился, что онъ измѣнилъ мнѣ, подкупленный Французами и Пруссаками, интересамъ которыхъ онъ теперь вполнѣ преданъ и отъ которыхъ онъ получилъ столь значительные знаки милости, что они даже здѣсь возбудили удивленіе. Собственно на его счетъ императрицей были даны новыя приказанія относительно служащихъ у графа Панина, и я считаю весьма возможнымъ, что онъ получитъ полную отставку. Если я увижу, что онъ можетъ быть полезенъ или на то, чтобы оказать услугу, или на то, чтобы предупредить зло, я имъ не пренебрегу.

14.

ПИСЬМО ГАРРИСА МОРТОНУ ЭДЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Петербургъ, 30 Марта 1781 г.

Я надѣюсь твердо, что мы уже видѣли всѣ худшія послѣдствія вооруженнаго нейтралитета. Ревность, съ которой его поддерживали, кажется, поутихла, и Голандцы тщетно будутъ стараться извлечь изъ него что либо въ свою пользу. Въ этомъ году только пять Русскихъ кораблей перейдутъ Зундъ; они немедленно отправятся въ Леггорнъ и вернутся какъ можно скорѣе. Въ настоящую минуту страсть императрицы умиротвореніе. Въ этой страсти мы будемъ готовы ее поддержать, если только она примется за дѣло на условіяхъ подходящихъ и справедливыхъ; такимъ условіямъ она, кажется, теперь расположена выразить свое одобреніе, а въ противномъ случаѣ мы, конечно, предпочтемъ тяжелую войну унизительному миру. Король Прусскій употребляетъ всѣ усилія съ тѣмъ, чтобы остановить усиленіе Австрійскихъ интересовъ и возвысить свои собствен-

[7]) Вопросъ заключался въ томъ — чье изъ императорскихъ именъ будетъ первое въ договорѣ.

ные. Его обычное вліяніе на совѣты царицы, его совершенное знаніе ея характера и безчисленные приверженцы, пріобрѣтенные имъ здѣсь, вмѣстѣ съ извѣстнымъ предпочтеніемъ ея наслѣдника къ нему и ко всѣмъ его дѣйствіямъ, даютъ ему выгоды, которыхъ не имѣетъ ни одинъ государь. Онъ постоянно старался воздвигнуть препятствія на пути къ тѣснѣйшему союзу между обоими императорскими Дворами и употреблялъ до сихъ поръ (да и теперь продолжаетъ употреблять) всѣ зависящія отъ него средства, чтобы взять посредничество изъ рукъ императора и забрать его въ свои собственныя. Надѣюсь, что ни то, ни другое ему не удастся, и что скоро дѣла настолько подвинутся, что его интриги уже не будутъ въ состояніи измѣнить новую систему, на которую императрица, кажется, рѣшилась.

15.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ

Петербургъ, 9-го Апрѣля 1781 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ въ послѣдній разъ, я узналъ, что неудовольствіе императрицы, вслѣдствіе того, что мы не приняли ея предложенія насчетъ отдѣльнаго вмѣшательства въ наши дѣла съ Голандцами, по всей вѣроятности, снова возбудитъ въ ней тѣ недружелюбныя чувства, съ которыми она было разставалась. Она объясняетъ этотъ отказъ недостаткомъ довѣрія и считаетъ его непочтительнымъ; и, не вникая ни въ одно изъ важныхъ политическихъ побужденій, руководившихъ нами въ этомъ случаѣ, приписываетъ нашъ поступокъ единственно личному невниманію къ ней. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что мысль эта возникла въ ея собственномъ умѣ, а не была ей внушена ни графомъ Панинымъ, ни кѣмъ изъ прочихъ нашихъ противниковъ. Когда на праздникахъ я явился ко Двору съ поздравленіемъ, лицо ея выражало сильное неудовольствіе, и со мной она обошлась такъ холодно и сдержанно, какъ никогда доселѣ. За ужиномъ во вторникъ, у шталмейстера Нарышкина, въ домѣ котораго я былъ единственнымъ иностранцемъ (да еще недавно появившійся тамъ графъ Кобенцель), императрица приказала пригласить Французскаго министра и Голандскаго посланника Старенберга; и, хотя она обращалась ко мнѣ съ значительной частью своего разговора, однако въ ней не было того радушія и, если можно такъ выразиться, той фамильярности, къ которымъ она меня пріучила.

По этому случаю я имѣлъ два весьма продолжительныхъ разговора съ моимъ другомъ, но я не могъ получить отъ него ни одного успокоительнаго увѣренія, ни даже обѣщанія постараться разсѣять тучу, собиравшуюся противъ насъ. Потемкинъ вполнѣ согласился со всѣмъ, мною сказаннымъ; сознаъ, что мы не только можемъ, но должны предпочесть общіе переговоры частнымъ и осуждалъ капризный нравъ императрицы, оскорбившейся нашимъ поступкомъ, въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ, чѣмъ тѣ, на которыя осмѣливался я. Онъ увѣрялъ меня, что, тотчасъ по полученіи нашего отвѣта, онъ употребилъ величайшія усилія, съ цѣлью выставить его въ ея глазахъ въ надлежащемъ свѣтѣ, и перепробовалъ всѣ средства, съ помощью которыхъ надѣялся предупредить неправильныя толкованія; что онъ надѣялся было, что достигъ успѣха, такъ какъ въ теченіи всей Святой недѣли она ни разу не говорила объ этомъ предметѣ; и что онъ искренно сожалѣлъ, что ея капризное неудовольствіе снова проявилось. Затѣмъ, милордъ, онъ распространился объ ея характерѣ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было до тѣхъ поръ. Онъ сказалъ, что она опустилась больше, чѣмъ можно себѣ вообразить; что она не оставалась ни одного дня въ одинаковыхъ чувствахъ, что она не понимала интересовъ своей Имперіи, подозрѣвала своихъ друзей и довѣряла своимъ врагамъ; что она съ такимъ упорствомъ держалась собственнаго мнѣнія, что принимала совѣты, лишь когда они вполнѣ согласовались съ ея мыслями; что она сдѣлалась нечувствительной даже къ славѣ и не слушала ничего, кромѣ самой преувеличенной лести; словомъ,

что характеръ ея по своимъ свойствамъ подчинялся лишь первому порыву страсти, а здравый совѣтъ и систематическое разсужденіе были для нея несносны.

Сказавъ такъ много, онъ прибавилъ, что рѣшился не вступаться болѣе въ дѣла государственныя; что участіе, принимаемое имъ доселѣ въ этихъ вопросахъ, лишь умножило число его враговъ и возбудило зависть въ императрицѣ, нимало не послуживъ къ пользѣ дѣла и друзей, которымъ онъ желалъ служить; что имъ онъ останется неизмѣнно преданнымъ и убѣжденъ, что какъ только ея императорское величество почувствуетъ послѣдствія своихъ заблужденій, — а она должна почувствовать ихъ весьма скоро,—она къ нему же обратится за помощью; что тогда онъ будетъ имѣть возможность назначить свои собственныя условія и говорить, не подвергаясь капризамъ и фантазіямъ самого перемѣнчиваго характера, который онъ когда-либо зналъ.

Было бы весьма неосторожно отвѣчать на такія рѣчи, въ особенности потому, что я видѣлъ, что онѣ подсказаны обиженнымъ самолюбіемъ, и хотя это достаточно доказывало, что никакія усилія съ моей стороны не могли отвратить бури, тѣмъ не менѣе я былъ внѣ всякаго сомнѣнія, что мнѣ приходилось имѣть дѣло съ разгнѣванной государыней и разобиженнымъ любимцемъ. Пока они въ такомъ настроеніи, мнѣ слѣдуетъ оставить ихъ въ покоѣ и попытать счастья въ другомъ мѣстѣ.

16.

ПИСЬМО ГАРРИСА РОБЕРТУ КЕЙТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 10-го Апрѣля 1781 г.

Публичность всѣхъ дѣлъ, которыя при этомъ Дворѣ ведутся черезъ иностранное министерство, имѣла то непріятное послѣдствіе, что вся вообще Европа узнала секретныя порученія, довѣренныя въ послѣднее время моему достойному сотоварищу. Предполагаемый и почти уже заключенный договоръ союза и препятствіе, явившееся при его окончаніи, были извѣстны въ Потсдамѣ и въ Версалѣ, какъ только почта могла довезти туда это извѣстіе.

Эти Дворы (что̀ бы ни говорилъ по этому поводу Французскій министръ, они дѣйствуютъ совершенно за-одно) воздвигли на пути этого дѣла всѣ препятствія, какія только могли придумать (Берлинскій Дворъ дѣйствовалъ открыто, а Французскій тайно). Они прибѣгли ко всѣмъ уловкамъ, на которыя только способна политическая хитрость. Я не люблю сознаваться въ нашей слабости и въ томъ, что мы не ограждены отъ недостатковъ слабѣйшаго пола; но, вслѣдствіе моего высокаго благоговѣнія и уваженія къ великой императрицѣ, съ которой я имѣлъ дѣло, я бы желалъ, чтобы она исправилась отъ этихъ недостатковъ по совѣтамъ своихъ друзей, не ожидая, чтобы ошибки ея стали ощутительнѣе черезъ торжество ея враговъ. Она имѣетъ столько высокихъ и блестящихъ качествъ, что, когда ей случается заблуждаться, вслѣдствіе ли собственнаго недостатка разсужденія или увлекшись совѣтами другихъ, она напоминаетъ мнѣ положеніе скупца, который портитъ великолѣпный пиръ, чтобы сберечь одну гинею.

Императрица очень недовольна тѣмъ, что мы отклонили ея отдѣльное вмѣшательство въ наши дѣла съ Голандцами. Она слишкомъ тщеславна, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ вопросѣ объ этикетѣ, чтобы смотрѣть на дѣло иначе, какъ по примѣненію лично къ себѣ. Она не признаётъ ни политическихъ побужденій, ни систематическаго разсужденія.

Я не могу достаточно повторить, что переходчивость составляетъ здѣсь первую черту, и потому, когда я пишу, я никакъ не могу поручиться, что тоже мнѣніе или тѣже чувства останутся въ силѣ до тѣхъ поръ, пока я получу отвѣтъ. Однако будемъ дѣйствовать смѣло. Англія, единодушно взявшись за дѣло, можетъ помѣряться силами со всей Европой; и Англійскому министру, если онъ дѣятеленъ, честенъ и искрененъ, нечего опасаться ни интригъ его иностранныхъ сотоварищей, ни интригъ Двора, при которомъ онъ

находится. Я буду твердо держаться этого убѣжденія и стану ожидать событій.

17.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ. Пятница, 16-го Апрѣля 1781 г.

Я упоминалъ въ письмѣ своемъ, отъ 20-го Марта, что Голандскій посланникъ, послѣ того, какъ мы отказались отъ отдѣльнаго вмѣшательства, снова обратился сюда за помощью и что императрица приказала графу Панину составить отвѣтъ на ихъ просьбу. Я слышалъ, что онъ будетъ составленъ въ такомъ смыслѣ: хотя имѣется полное основаніе предполагать, что Англія прервала сношенія съ Голандіей вслѣдствіе ненависти къ нейтральной конвенціи, однако и въ манифестѣ короля, и въ другихъ публичныхъ актахъ, со времени объявленія войны, выставляются на видъ причины совершенно отдѣльныя отъ этого вопроса, и такъ какъ эти причины вполнѣ основательны и благовидны, то разрывъ не можетъ послѣдовать, какъ casus foederis.

Таково содержаніе черноваго отвѣта (императрица его еще не видѣла), который, по всѣмъ вѣроятіямъ, заслужитъ ея одобреніе, такъ какъ въ сущности въ немъ ничего не сказано, а выражено только ея раздраженіе противъ насъ.

18.

Петербургъ. Пятница, 23-го Апрѣля 1781 г.

Графъ Панинъ окончательно остановился на своемъ намѣреніи отправиться въ деревню. Онъ просилъ и получилъ отъ императрицы трехъ-мѣсячный отпускъ и теперь спѣшитъ своимъ отъѣздомъ, какъ только возможно. Его друзья не одобряютъ этого поступка, а Прусскій, Французскій и Голандскій министры считаютъ себя оставленными безъ начальника. Однако мои надежды не оживаютъ по мѣрѣ того, какъ ихъ надежды ослабѣваютъ; и я опасаюсь, что его мысли будутъ имѣть такое же вліяніе во время его отсутствія, какъ и въ его присутствіи. Средства, которыми онъ достигаетъ своихъ цѣлей, до того скрыты ото всѣхъ, а дѣйствія его такъ глубоко таинственны и медленны, что все равно, управляетъ ли онъ ими вблизи, или на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста дѣйствія. Онъ оставляетъ здѣсь вице-канцлера вполнѣ преданнымъ его интересамъ; и такъ какъ онъ, во имя великаго князя, выставляетъ ему на видъ самыя лестныя надежды въ будущемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ будетъ вѣренъ его дѣлу. Его собственный и главный секретарь, Бакунинъ, подходитъ подъ это же описаніе; а Бакунину вмѣстѣ съ Алопеусомъ поручается вся иностранная корреспонденція. За то, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ не пользуется ни малѣйшимъ расположеніемъ или довѣріемъ императрицы; что, кромѣ подозрѣній къ его политическимъ убѣжденіямъ, она имѣетъ къ нему личное нерасположеніе; и, хотя у ней недостаетъ рѣшимости на то, чтобы уволить его, но она бы съ удовольствіемъ согласилась на его отставку. Его хитрость и неутомимое усердіе къ службѣ его Прусскаго величества способствовали также къ тому, чтобы воздвигнуть непреодолимое препятствіе на пути къ браку между сестрой великой княгини и сыномъ великаго герцога *). Онъ прежде всего передалъ это извѣстіе въ Потсдамъ. И послѣ того какъ король Прусскій, въ видахъ помѣшать этому намѣренію, безуспѣшно предлагалъ для этой принцессы принца Датскаго, графъ Панинъ настоятельно совѣтовалъ ему предложить принца изъ собственнаго дома. Отъ этого его Прусское величество сначала отказался, но наконецъ послушался многократныхъ настояній, посылаемыхъ отсюда, и недавно она была тайно обручена молодому принцу Прусскому. Фактъ этотъ, котораго еще не знаетъ императрица, былъ уже извѣстенъ великому князю и великой княгинѣ, въ то время когда императрица потребовала, чтобы они написали письма, о которыхъ я упоминалъ. Когда же это распространится въ публикѣ, я убѣжденъ, что это возбудитъ сильнѣйшее негодованіе императрицы. Интриги графа Панина окажут-

*) Тосканскаго, будущаго императора Франца I-го. *П. Б.*

ся тогда самымъ очевиднымъ образомъ, и я увѣренъ, что главная причина, побуждающая его превосходительство такъ спѣшить отъѣздомъ, состоитъ въ желаніи избѣжать той бури, которая разразится надъ нимъ по возвращеніи курьера изъ Монбельяра*). Онъ хорошо знаетъ, что никакія чувства, все равно, гнѣвъ ли то, или милость, не бываютъ продолжительны въ душѣ императрицы, и разсчитываетъ, что это дѣло пройдетъ и будетъ забыто до его возвращенія. Такимъ образомъ, милордъ, этотъ министръ съ помощью уклончивости и мрачныхъ интригъ достигаетъ собственныхъ цѣлей и разбиваетъ планы своихъ противниковъ, и хотя не имѣетъ ни вліянія, ни интереса, тѣмъ не менѣе управляетъ совѣтами этой имперіи. Это возможно для него вслѣдствіе особеннаго характера императрицы и беззаботнаго, непослѣдовательнаго нрава моего пріятеля. Не смотря на то, если ея императорское величество и эту послѣднюю хитрость пропуститъ незамѣченной и не почувствуетъ той непочтительности, съ которой она была обманута, мы должны будемъ предположить, что ничто не въ состояніи заставить ее отказаться отъ ея неизмѣнной системы общаго милосердія. Усиливающееся вліяніе Австріи погибнетъ въ самомъ зародышѣ, и упадающее вліяніе Пруссіи возникнетъ съ новой силой; а мы, которые не можемъ разсчитывать ни на что хорошее, пока здѣсь остается малѣйшая тѣнь этого вліянія, должны будемъ, въ случаѣ его усиленія, ожидать для себя величайшаго зла.

19.

Петербургъ, 27-го Апрѣля 1781 г.

Я упоминалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что младшая сестра великой княгини была обручена молодому принцу Прусскому. Вы, милордъ, припомните, что, по внушенію его Прусскаго величества, получившаго первое извѣстіе о видахъ императора, вдовствующая королева Датская согласилась просить руки этой принцессы для своего внука; по этому предмету она тогда писала императрицѣ, которая отвѣчала, что не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ уже имѣется въ виду другой бракъ. Въ настоящую минуту изъ Копенгагена полученъ на этотъ отказъ отвѣтъ, выражающій сожалѣніе вдовствующей королевы о томъ, что ей неудалось заключить столь желательнаго родства. Тѣмъ не менѣе она весьма довольна, что бракъ, на который намекала императрица, состоится съ принцемъ изъ Бранденбургскаго дома, черезъ что союзъ между тремя Дворами только упрочится, такъ какъ она, получивъ письмо императрицы, просила и получила черезъ принцессу Брауншвейгскую для своего внука руку дочери принца Прусскаго.

Императрица, въ первый разъ узнавшая изъ этого письма объ этихъ предполагавшихся свадьбахъ, чрезвычайно разсердилась. Она немедленно сѣла и собственноручно написала вдовствующей королевѣ слѣдующее: что ее удивляло, „чтобы принцесса Виртембергская „имѣла больше искателей, чѣмъ Марія Бур„гундская, королева Елизавета, или послѣдняя „императрица Россіи, которыя имѣли приданымъ престолы; что ей были совершенно „неизвѣстны предполагавшіяся родственныя „связи, о которыхъ упоминала ея величество; „что бракъ, о которомъ она говорила, пред„полагался не съ принцемъ Бранденбургскаго „дома, а съ племянникомъ императора; что она „предложила его матери великой княгини и „надѣялась, что ничто не помѣшаетъ тому.“ Она не позволила сдѣлать ни малѣйшаго измѣненія въ этомъ письмѣ и отправила его въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя были употреблены ею въ первую минуту неудовольствія и удивленія.

Чувства эти, конечно, значительно усилятся, когда откроется вся интрига, когда она увидитъ, что графъ Панинъ съ самого начала ее обманывалъ: что это онъ настоятельно уговаривалъ короля Прусскаго предложить собственнаго племянника, и что ея родныя дѣти и собственный ея министръ дѣйствовали за-

*) Гдѣ жили родители невѣсты. См. объ этомъ дѣлѣ письма Екатерины къ ея сыну и невѣсткѣ въ IX томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества. *П. Б.*

одно противъ нея. Мнѣ было бы легко разомъ зажечь это пламя; но я убѣжденъ, что оно гораздо сильнѣе вспыхнетъ, когда факты заговорятъ сами за себя, что́ должно произойти весьма скоро, не смотря ни на какую хитрость и интриги. Графъ Панинъ спѣшитъ уѣхать, а великій князь и великая княгиня уговариваютъ его остаться. Ихъ опасенія все болѣе усиливаются, по мѣрѣ того, какъ приближается возвращеніе курьера изъ Монбельяра, и они боятся очутиться одни противъ угрожающей имъ бури.

Мой пріятель по прежнему остается въ состояніи безчувственнаго равнодушія, и я не могу въ теченіи пяти минутъ сосредоточить его вниманіе на серіозномъ предметѣ. Теперь вся игра снова вернулась въ его руки, но я боюсь, что его легкость и нерадѣніе не дадутъ ему этимъ воспользоваться.—Въ Кронштадтѣ была сдѣлана новая попытка сжечь военные корабли; огонь былъ потушенъ, прежде чѣмъ достигъ вершины,—но поджигатели неизвѣстны. Враги наши по обыкновенію приписываютъ этотъ поступокъ намъ, однако обвиненіе это уже избито и не заслуживаетъ никакого вниманія со стороны императрицы. Она написала весьма энергичное письмо графу Чернышеву, предсѣдателю адмиралтейства, предписывая ему употребить всевозможныя средства съ тѣмъ, чтобы отъискать виновныхъ, но въ тоже время быть весьма осторожнымъ, чтобы не обвинить невинныхъ. Императрица, подозрѣвая, что нѣкоторыя изъ судовъ, назначающихся для крейсерства, строятся въ Архангельскѣ насчетъ Американцевъ, приказала остановить ихъ постройку. Она также объявила Русскимъ, условившимся съ Саиромъ относительно постройки двухъ большихъ судовъ на Невѣ: если окажется, что онъ имѣетъ въ нихъ долю, они не будутъ пользоваться ея покровительствомъ.

Эти объявленія тѣмъ пріятнѣе, что произошли внезапно и дошли до моего свѣдѣнія не министерскимъ образомъ, а случайно.

20.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ. Пятница, 30-го Апр. 1781 г.

Въ среду я обѣдалъ съ княземъ Потемкинымъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ выразилъ желаніе меня видѣть; и какъ только его общество удалилось, говорилъ объ интересахъ обоихъ Дворовъ такъ дружески и основательно, что я болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, пожалѣлъ о тѣхъ припадкахъ лѣни и разсѣянности, которые на него находятъ.

Переговоривъ объ этомъ предметѣ, я перешелъ къ вопросу, ближе насъ касающемуся, и просилъ его сообщить мнѣ настроеніе настоящей минуты. Онъ увѣрилъ меня, что неудовольствіе, возбужденное въ императрицѣ нашимъ отказомъ на ея предложеніе отдѣльнаго вмѣшательства, теперь значительно остыло, и что онъ ясно видѣлъ, какъ изъ ея дѣйствій, такъ и изъ общаго содержанія ея разговора, что дружба ея къ намъ оставалась въ прежней силѣ. Затѣмъ онъ пересказалъ мнѣ отвѣтъ, данный Голандцамъ, и увѣрилъ меня, что ей до того надоѣлъ вооруженный нейтралитетъ, что теперь она также сильно желала отъ него отдѣлаться, какъ еще недавно стремилась привести эту мысль въ исполненіе.—Вамъ, милордъ, конечно, покажется весьма страннымъ, что, услышавъ въ среду все это отъ человѣка вполнѣ знакомаго съ чувствами своей государыни и, конечно, не имѣвшаго намѣренія меня обманывать, въ четвергъ я узналъ изъ вѣрнаго источника, что его Прусское величество снова просилъ о томъ, чтобы его приняли въ сѣверный союзъ, и что императрица не только согласилась на это, но приказала немедленно приготовить бумагу, нужную для этого дѣла. Фактъ этотъ тѣмъ удивительнѣе, что послѣ того, какъ я самъ слышалъ изъ собственныхъ устъ ея, что она не будетъ противиться его принятію въ союзъ, она просто отказала просьбѣ его Прусскаго величества по этому предмету, и даже дошла

до того, что повелѣла своему секретарю оффиціально увѣдомить графа Кобенцеля объ этомъ отказѣ; теперь же, когда она имѣетъ полное основаніе быть недовольной королемъ Прусскимъ, когда оба Двора, Вѣнскій и Петербургскій, стараются соперничать другъ передъ другомъ заявленіями дружбы и вниманія, она снова перемѣнила мнѣніе и принимаетъ короля Прусскаго въ конфедерацію безъ препятствій.

Если мы не припишемъ этого поведенія тому, что, по словамъ моего друга, она дѣйствительно почитаетъ вооруженный нейтралитетъ вооруженнымъ ничтожествомъ, то намъ остается искать его объясненія въ странномъ непостоянствѣ нрава, чему всякій день даетъ мнѣ новыя и грустныя доказательства.

21.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 7-го Мая 1781 г.

Я слышалъ, что новый любимецъ, Мордвиновъ, давно уже исполнявшій обязанности этого званія, черезъ нѣсколько дней будетъ возведенъ во всѣ почести съ нимъ соединенныя, и что Ланской, пользующійся пока этимъ титуломъ, уже передаетъ ему свои комнаты во всѣхъ дворцахъ. При подобныхъ переворотахъ вліяніе моего друга достигаетъ неограниченныхъ размѣровъ: чего бы онъ ни попросилъ въ такія минуты, онъ никогда не получитъ отказа. Я желалъ бы, чтобы мнѣ удалось на этотъ разъ убѣдить его употребить этотъ случай съ достоинствомъ для себя и на пользу своей страны и своихъ друзей, вмѣсто того, чтобы пользоваться имъ только для умноженія уже огромнаго состоянія, усиливая черезъ это зависть и ненависть тѣхъ, отъ кого рано или поздно будетъ зависѣть оставить его спокойно наслаждаться этимъ состояніемъ.

22.

Петербургъ, 14-го Мая 1781 г.

Прежній любимецъ все еще держится на ниточкѣ и едва ли будетъ вполнѣ отставленъ раньше переѣзда Двора въ Петергофъ. Пока дѣла находятся въ такомъ положеніи, Дворъ представляетъ картину смятенія и невнимательности, о которыхъ нельзя себѣ составить понятія, особенно потому, что Ланской велъ себя такъ безукоризненно, что не подалъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы его отставить. Онъ ни ревнивъ, ни непостояненъ, ни дерзокъ и жалуется на немилость, приближеніе которой предвидитъ, такимъ трогательнымъ образомъ, что государыня и ея довѣренныя лица равно озадачены насчетъ того, какъ отъ него отдѣлаться безъ жестокости. Однако, преемникъ его сильно на него наступаетъ, и состраданіе скоро уступитъ мѣсто болѣе крѣпкому чувству. Я слышалъ, что мой другъ намѣревается воспользоваться неограниченной властью, которую даетъ ему эта минута, для того, чтобы получить для себя не менѣе 700,000 р., при чемъ, конечно, цѣли болѣе достойныя будутъ забыты или отложены до дня, когда его попытки окажутся безуспѣшными.

23.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ. Вторникъ, 8-го Іюня 1781 г.

Я слышалъ, что король Прусскій отказался отъ своихъ правъ на руку молодой принцессы Виртембергской самымъ лестнымъ для императрицы образомъ и что она совершенно имъ довольна. Свадьба между этой принцессой и племянникомъ императора не составляетъ здѣсь больше тайны, и если можно довѣряться наружности, то ея императорское величество, несмотря на свою любезность къ его Прусскому величеству и на неудачу договора, сохраняетъ въ полной силѣ свое предпочтеніе къ Вѣнскому Двору.

Признаюсь, милордъ, мнѣ иногда приходитъ на мысль, что въ вопросѣ объ этомъ договорѣ произошло между императоромъ и императрицей нѣчто секретное и таинственное, неизвѣстное никому, кромѣ ихъ самихъ. Раз-

личныя обстоятельства подтверждаютъ меня въ этихъ подозрѣніяхъ, и я стараюсь, если возможно, добраться до истины, хотя она весьма глубоко скрыта, и я не знаю, какимъ путемъ дойти до нея. Мой пріятель, хотя въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и попрежнему радушенъ, но въ теченіи этой послѣдней недѣли старательно избѣгалъ всякаго политическаго разговора, и за все это время мнѣ никакъ не удавалось вызвать его на серіозное разсужденіе. Секретарь императрицы и сама императрица въ послѣднее время усердно работали, но надъ чѣмъ именно, этого еще не оказалось: потому что новый проэктъ, относящійся до посредничества, былъ приготовленъ въ Вѣнѣ, и по этому предмету здѣсь не оставалось ничего болѣе дѣлать.

Я также замѣчаю, что лица, передающія мнѣ всѣ свѣдѣнія, затрудняются тѣмъ, что̀ бы мнѣ сказать; и такъ какъ мнѣ слишкомъ хорошо извѣстны дѣла, чтобы оставалась возможность обмануть меня ложными извѣстіями, то очевидно, что, хотя они обыкновенно, благодаря своему положенію, все знаютъ, но на этотъ разъ находятся въ полномъ невѣдѣніи насчетъ того, что̀ происходитъ. Если къ этимъ обстоятельствамъ я еще прибавлю совершенно замѣтное пренебреженіе къ Прусскому министру и необыкновенное вниманіе, съ которымъ императрица отнеслась вчера къ графу Кобенцелю при выходѣ изъ театра, то вы, милордъ, согласитесь, что подозрѣнія мои основательны.

24.

Пятница, 25-го Іюня 1781 г.

Императрица осталась весьма довольна отвѣтомъ, сдѣланнымъ вами, милордъ, отъ имени его величества на сообщеніе ея министра, объявившаго, что ея императорское величество почитала Голандцевъ за державу воюющую, а не нейтральную, и что хотя они были допущены къ конвенціи, тѣмъ не менѣе они не имѣли никакого права на привиллегіи, съ ней соединенныя, до тѣхъ поръ, пока въ ихъ республикѣ не водворится миръ.

Читая письма Симолина, она сказала, что весьма рада увидѣть наконецъ, что мы поняли ея намѣренія и не подозрѣваемъ въ нихъ болѣе скрытыхъ видовъ, клонящихся къ вреду Британскаго народа, или несогласныхъ съ ея дружбой къ намъ. Все это было мнѣ передано княземъ Потемкинымъ, и тоже самое подтвердили мнѣ вице-канцлеръ и Безбородко. Вы, милордъ, если еще не получили, то скоро получите другое словесное внушеніе со стороны трехъ сѣверныхъ Дворовъ, совѣтующихъ намъ заключить миръ съ Голандцами; но оно будетъ заключаться не въ сильныхъ выраженіяхъ: оно имѣетъ единственной цѣлью удовлетворить требованіямъ здѣшнихъ посланниковъ и смягчить декларацію Симолина отъ 19-го Мая. Я знаю, что и не предполагается, чтобы оно произвело малѣйшее дѣйствіе, и не ожидаютъ ничего болѣе, какъ вѣжливаго отвѣта, подобнаго тѣмъ, которые мы уже давали всякій разъ, какъ къ намъ обращались по поводу войны съ Голандцами.

25.

25-го Іюня 1781 г.

Главная и, могу сказать, единственная причина, побуждающая меня отправить курьера въ эту минуту, состоитъ въ томъ, чтобы передать вамъ, милордъ, вѣрнымъ путемъ и не подвергаясь риску, соединенному съ обыкновенной почтой, что союзъ между обоими императорскими Дворами, Петербургскимъ и Вѣнскимъ, заключенъ.

Императоръ согласился на способъ, предложенный императрицей, и договоръ подписанъ обоими государями подъ формой одной и той же буквы. Въ статьяхъ не сдѣлано никакой перемѣны. Договоръ этотъ имѣетъ предметомъ общую гарантію и союзъ оборонительный, при чемъ помощь, оказываемая всякой стороной, каждый разъ, какъ того потребуетъ другая, должна быть неограниченна; обязательства же сохраняютъ силу навсегда, не прекращаясь по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ тѣ, которыя императрица заключила съ Пруссіей и Даніей.

Эти важные переговоры были окончены съ недѣлю послѣ того, какъ графъ Кобенцель отправилъ своего послѣдняго курьера (15-го или 16-го Іюня); но все дѣло было ведено съ такой непроницаемой таинственностью, что при этомъ не оказалось ни малѣйшаго признака его заключенія. Нѣкоторое время я оставался въ томъ же заблужденіи, въ которомъ мои сотоварищи находятся до сихъ поръ, и свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ насчетъ министерскихъ отвѣтовъ, посланныхъ отсюда (они были единственными отвѣтами, отвезенными Австрійскимъ курьеромъ) были ясны и положительны. Я былъ увѣренъ, что, передавая вамъ ихъ содержаніе, я васъ не обманывалъ, и первыя подозрѣнія явились мнѣ вслѣдствіе совершенно довольнаго вида, замѣченнаго мною въ императрицѣ, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что она не имѣла бы такого выраженія въ случаѣ неудачи ея любимаго плана. Съ этой минуты я дѣлалъ все, что̀ только могъ, чтобы добраться до истины, и послѣ безчисленныхъ усилій получилъ наконецъ то важное сообщеніе, которое въ настоящую минуту имѣю удовольствіе передать вамъ, милордъ. Изъ того, что̀ мнѣ удалось узнать, я заключаю, что все это извѣстно лишь императрицѣ и Безбородкѣ, такъ какъ другъ мой, хотя я предполагаю, что онъ не незнакомъ съ этимъ дѣломъ, однако ничѣмъ этого не доказываетъ; и я увѣренъ, что вопросъ этотъ не довѣренъ ни вице-канцлеру, ни кому изъ прочихъ чиновъ иностраннаго министерства. Всѣ они говорятъ въ интимномъ кругу, что переговоры прерваны вопросомъ объ этикетѣ: таково здѣсь общее мнѣніе какъ между Русскими, такъ и между иностранцами.

Считаю лишнимъ прибавлять, что любезность императора подняла предпочтеніе къ нему императрицы до высочайшей степени; что теперь она согласится на все, на что̀ онъ ее направитъ. Можно основательно предположить, что его императорское величество не былъ бы столь уступчивъ, если бы не имѣлъ въ виду сдѣлать прекрасное употребленіе изъ своего вліянія здѣсь. Вы, милордъ, лучше меня знаете, какъ воспользоваться этими обстоятельствами.

26.

Петербургъ. Пятница, 25-го Іюня 1781 г.

Колеблющіяся событія этого Двора снабжаютъ меня новымъ матеріаломъ при отправкѣ всякаго курьера; но никогда состояніе этого Двора не было такъ необыкновенно, какъ въ настоящую минуту. Императрица становится со всякимъ днемъ подозрительнѣе и порывистѣе; сильно дорожа собственной властью и упорно держась своихъ мнѣній, она питаетъ зависть или раздраженіе ко всякому, кто только къ ней приближается. Изъ повелительницы, которой было легко и пріятно служить, она сдѣлалась столь капризной, что ей невозможно угодить, и слуги ея испытываютъ эту странную перемѣну столько же, какъ ея министры и любимцы. Это до того чувствительно, что многія изъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія государствомъ, просили или намѣреваются просить отставки отъ своихъ должности. Генералъ Сиверсъ, губернаторъ нѣсколькихъ губерній, человѣкъ высокой честности и способностей, уже получилъ отставку. Маршалъ Голицынъ также многократно просилъ объ увольненіи. Меня увѣряютъ, что и Бецкій держится тогоже намѣренія. Я имѣю основаніе предполагать, что мой пріятель, который болѣе всѣхъ прочихъ подверженъ слѣдствіямъ этой перемѣны въ ея характерѣ, выражалъ ей свое искреннее желаніе оставить всѣ свои должности и пересталъ настаивать не прежде, какъ получивъ рѣшительный отказъ. Однако я далеко не предполагаю, чтобы онъ дѣйствительно желалъ того, о чемъ просилъ; а думаю, зная, что императрица безъ него не можетъ обойтись, что онъ высказалъ эту просьбу лишь въ видахъ, если возможно, вернуть все свое вліяніе надъ ней, вліяніе, которое за послѣднее время, по мнѣнію моему, значительно ослабѣло; и если это ему не удалось (такъ какъ мнѣ кажется, вліяніе его не усилилось), то по крайней мѣрѣ онъ достигъ полнаго успѣха въ другомъ дѣлѣ (не менѣе для него интересномъ), уго-

воривъ ее купить у него для Ланскаго (который, по видимому, вернулся въ милость) значительное имѣніе, цѣною не менѣе 500,000 р. И если что-нибудь можетъ заставить меня предполагать, что онъ дѣйствительно имѣетъ въ виду удалиться отъ Двора, то это суммы наличныхъ денегъ, которыя онъ собираетъ, продавая свои помѣстья, лошадей и золотыя вещи,—что̀ какъ будто доказываетъ, что онъ или желаетъ, или опасается, что ему придется удалиться, и въ этомъ соображеніи благоразумно хочетъ заблаговременно помѣстить большой капиталъ въ какіе-нибудь иностранные фонды.

Въ отношеніи ко мнѣ онъ совершенно дружественъ и искрененъ и увѣряетъ меня, что готовъ намъ помогать, какъ только случай къ тому представится, но что пока онъ принужденъ сознаться, что не въ состояніи ни направлять поведенія Государыни, ни воспрепятствовать вліянію, которое имѣютъ на нее неправильныя представленія. Я бы не отдалъ ему должной справедливости, еслибы не сказалъ, что считаю его совершенно искреннимъ и увѣренъ, что онъ никогда не обманывалъ меня и скрывалъ отъ меня лишь то, насчетъ чего императрица предписывала ему сохранять тайну. Я до нѣкоторой степени раздѣляю его судьбу и въ послѣднее время замѣчаю весьма существенную перемѣну въ обращеніи императрицы со мной, особенно же послѣ конференціи, которая у меня была съ нею въ Ноябрѣ, при чемъ я имѣю поводъ заключить, что свобода, съ которой я выражался, ей не понравилась.

Теперь лицо, пользующееся величайшимъ вліяніемъ и внушающее общую зависть своимъ возвышеніемъ, это Безбородко. Поддѣлываясь подъ всѣ ея капризы, онъ пріобрѣлъ ея довѣріе и доброе мнѣніе, а вслѣдствіе своихъ рѣдкихъ способностей и необыкновенной памяти онъ ей чрезвычайно полезенъ. Почти исключительно ему поручено внутреннее управленіе Имперіи, и онъ имѣетъ также большое участіе въ веденіи иностранныхъ дѣлъ.

27.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 25-го Іюня 1781 г.

Я получилъ сообщеніе о заключеніи договора отъ довѣреннаго секретаря Безбородки. Надѣюсь удержать его за собой, такъ какъ я уже лишился почти всѣхъ своихъ агентовъ, которыхъ переманили Французы и Пруссаки. Это для меня тѣмъ прискорбнѣе, что я убѣжденъ, что кажусь слишкомъ расточительнымъ въ статьѣ расходовъ по секретной службѣ, и его величество имѣетъ полное основаніе ожидать отъ меня подобныхъ услугъ за болѣе дешевую цѣну; но постоянно усиливающееся жадное корыстолюбіе этого Двора невообразимо; и враги мои имѣютъ передо мной большую выгоду, какъ потому, что они дѣлятъ расходы между собой, такъ и потому, что ихъ Дворы щедро изливаютъ на нихъ деньги. Они также гораздо искуснѣе меня въ этомъ грязномъ дѣлѣ; я же не могу не презирать той личности, которую подкупаю.

Король Прусскій, по точнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ отчетовъ его консула, переслалъ графу Герцу съ Октября не менѣе 30,000 дукатовъ. Я не могу также вѣрно опредѣлить суммы, истраченныя Французами и Испанцами (потому что они дѣйствуютъ заодно), но по всѣмъ обстоятельствамъ предполагаю, что цифра эта еще значительнѣе. Голландцы также принесли свою лепту, хотя на ихъ долю пришлось весьма немного. Суммы эти до того значительны, что я убѣжденъ, что они раздаются лицамъ высоко поставленнымъ. Графъ Ч*** безъ сомнѣнія изъ числа ихъ, и я имѣю причины подозрѣвать Б*** и госпожу Р***, и даже самого В.***

28.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 6-го Іюля 1781 г.

Императрица, прочитавъ всѣ бумаги, переданныя мною вице-канцлеру въ четвергъ, вы-

разила больше сожалѣнія, чѣмъ удивленія или неудовольствія. Она жаловалась на то, что всѣ усилія, употребленныя ею до сихъ поръ съ цѣлью заключить миръ, оставались безплодными, и замѣтила при этомъ, что, пока она не спроситъ мнѣнія своего императорскаго сотоварища и не узнаетъ отвѣтовъ Бурбонскихъ Дворовъ, она находится въ невозможности дѣлать новыя заявленія по этому щекотливому предмету [8]). Не смотря, однако на такую умѣренность въ выраженіяхъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что она осталась недовольна нашимъ отказомъ и часто упоминала, что мы народъ гордый и неподатливый.

29.

Петербугъ. Среда, 14-го Іюля 1781 г.

Вы, милордъ, замѣтите, что ея императорское величество съ удвоеннымъ рвеніемъ возвращается къ своей любимой мысли о возстановленіи мира между Великобританіей и Голандіей. Я уже много разъ говорилъ вамъ, что со времени моего пріѣзда я часто видѣлъ ее не въ духѣ, но никогда мнѣ не случалось замѣчать въ ней столь сильнаго раздраженія, какъ по полученіи нашего отвѣта, отклоняющаго ея предложенія насчетъ вмѣшательства между нами и Голандцами. Планъ этотъ былъ составленъ ею самой, и она не сообщала ни одной части его графу Панину.

Постепенно, однако, ея гнѣвъ утихъ, и причины его были почти забыты, когда пришелъ нашъ отвѣтъ на общее посредничество. Но такъ какъ это было не ея собственное произведеніе, и въ сущности (не смотря на то, что̀ она поручила своимъ министрамъ передать мнѣ) я имѣю основаніе думать, что она восхищается нашей твердостію и энергіей: то это и не возбудило въ ней тѣхъ же неблагопріятныхъ чувствъ. Правда, она сожалѣла о томъ, что ей не досталась слава устроить общій миръ; но мысли ея были приготовлены къ отказу, такъ какъ съ самаго начала этого дѣла она ожидала, что вмѣшательство окажется неудачнымъ, и не разъ высказывала мнѣніе, что дѣла еще недостаточно созрѣли, чтобы была возможность уладить ссоры Англіи съ Франціей. Между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени, особенно же послѣ того, какъ отказъ сѣверной лиги въ помощи усилилъ волненія въ Голандіи, посланникъ этой республики возобновилъ здѣсь свои просьбы о пособіи въ самомъ настоятельномъ и даже умоляющемъ тонѣ; и такъ какъ минута общаго умиротворенія теперь отложена на долгое время, то вслѣдствіе всего этого императрица съ бо́льшимъ противъ прежняго жаромъ ухватилась за мысль устроить отдѣльный миръ между нами и Голандіей и приказала вице-канцлеру поговорить со мной въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ по поводу этого предмета. Этотъ министръ, я въ томъ увѣренъ, не прибавилъ ничего отъ себя; и какъ бы ни былъ онъ расположенъ въ пользу Голандцевъ, онъ сказалъ мнѣ не болѣе того, что̀ поручила ему государыня. Меня утвердили въ моемъ мнѣніи князь Потемкинъ и Безбородко, изъ которыхъ я съ каждымъ имѣлъ весьма продолжительные разговоры насчетъ этого предмета. Князь видитъ также ясно, какъ вы, милордъ, или любой изъ министровъ его величества, многія неудобства, кои бы проистекли изъ отдѣльныхъ переговоровъ съ Голандіей, и соглашается со мной въ томъ, что почти невозможно ожидать отъ нихъ успѣха; но съ другой стороны, онъ увѣряетъ меня, что императрица до такой степени задалась мыслью попробовать дѣйствія этихъ переговоровъ, что онъ не ручается за крайности, на которыя она можетъ рѣшиться въ случаѣ, если мы по прежнему будемъ откло-

---

[8]) Предложенія посредничествующихъ державъ состояли въ томъ, чтобы перемиріе было подписано на годъ, въ теченіи котораго слѣдовало прекратить военныя дѣйствія и вступить въ переговоры о мирѣ. Предполагалось допустить къ этому предложенію и Американскія колоніи съ тѣмъ, чтобы ни одинъ мирный трактатъ не былъ подписанъ безъ ихъ участія.

Лордъ Стормонтъ 12-го Іюня увѣдомлялъ сэра Д. Гарриса, что Великобританія отказывается отъ предлагаемаго плана посредничества, не допуская между собой и своими колоніями вмѣшательства никакой посторонней державы и выставляя при этомъ на видъ, что, при настоящемъ положеніи Американской войны, прекращеніе военныхъ дѣйствій оказалось бы пагубнымъ для успѣха войскъ его величества.

нять предложеніе ея услугъ. Онъ выразился такъ: „Elle s'est piquée au jeu et croit son „honneur intéressé à donner la paix aux „Hollandais“ [9]). Послѣ самыхъ любопытныхъ подробностей относительно ея характера и нрава, онъ сказалъ, что совѣтуетъ намъ принять ея предложенія.

На это я весьма откровенно возразилъ ему, что хотя, конечно, я передамъ вамъ, милордъ, всякое слово изъ того, что̀ онъ сказалъ, и заранѣе могу его увѣрить, что дружелюбныя его дѣйствія дадутъ ему право на величайшую нашу благодарность, тѣмъ не менѣе мы въ послѣднее время получили столько доказательствъ равнодушія императрицы къ намъ, и поступки ея такъ мало согласовались съ ея увѣреніями, что я сильно сомнѣвался, удастся ли мнѣ убѣдить мой Дворъ согласиться съ мыслями, имъ предложенными.

Какъ ни важно можетъ показаться для его величества быть увѣдомленнымъ, не теряя времени, о томъ, что̀ сказалъ мнѣ Русскій министръ относительно нашей войны съ Голландіей, но я бы не желалъ отправить Роуорта прежде, чѣмъ здѣсь будутъ получены отвѣты Бурбонскихъ Дворовъ на предварительныя предложенія, еслибы я не истощилъ уже этого предмета въ нѣсколькихъ разговорахъ съ моимъ другомъ и съ Безбородкою, при чемъ я получилъ отъ нихъ всѣ свѣдѣнія, какія только могу надѣяться собрать.

Изъ ихъ словъ я утвердился въ томъ, что̀ уже писалъ вамъ, милордъ, а именно: что предложенія эти были составлены и исполнены въ Вѣнѣ; что императрица съ самаго начала поручила Австрійскому министру отъискать самыя вѣрныя средства для того, чтобы открыть конгрессъ съ надеждой на успѣхъ; и съ той минуты, хотя всякій принимаемый планъ былъ аккуратно ей сообщаемъ, однако она никогда не требовала, чтобы предварительно спрашивали ея совѣта. Такое неограниченное довѣріе отъ особы съ ея характеромъ по отношенію къ министру, къ которому она далеко не пристрастна, достаточно показываетъ ея равнодушіе въ дѣлѣ посредничества; а та незначительная доля вниманія, съ которой она сравнила предложенія, присланныя княземъ Кауницомъ, съ духомъ и яснымъ смысломъ нашихъ многократныхъ декларацій по поводу вопроса о мирѣ, служитъ яснымъ доказательствомъ, что она принимаетъ гораздо меньше участія въ нашемъ истинномъ благосостояніи и славѣ, чѣмъ можно бы то предполагать по ея частнымъ увѣреніямъ.

Изъ отзывовъ этихъ личностей оказывается, что ея равнодушіе къ вопросу о вмѣшательствѣ появилось тотчасъ же послѣ того, какъ мы дали ей сотоварища въ этой великой работѣ, и что она намѣренно уступила ему все веденіе дѣла, чтобы въ случаѣ неудачи имѣть возможность сказать, что это не по ея винѣ и что, предоставленная самой себѣ, она бы лучше устроила дѣло.

Я говорилъ откровеннѣе съ княземъ Потемкинымъ. Прежде чѣмъ я имѣлъ въ рукахъ различныя бумаги, привезенныя мнѣ Роуортомъ, я предсказалъ ему ихъ содержаніе; и хотя, не получивъ еще вашихъ инструкцій, милордъ, я не могъ говорить оффиціально, тѣмъ не менѣе я приготовилъ его, на сколько отъ меня зависѣло, къ тому, что̀ я хорошо зналъ, что мнѣ будетъ предписано говорить. Поэтому онъ не могъ быть удивленъ ни нашимъ отказомъ на эти предложенія, ни извѣстіемъ, что, послѣ весьма дружественнаго и конфиденціальнаго сообщенія, сдѣланнаго нами императрицѣ, мы никакъ не ожидали, чтобы подобныя предложенія получили ея одобреніе.

На это князь Потемкинъ отвѣчалъ мнѣ: „Перемѣна, на которую вы такъ справедливо жалуетесь, вызвана вовсе не интригами „Франціи или Испаніи; они также, какъ и „ваши скрытые противники, не имѣютъ ни „малѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ. Причину „всего вы должны искать въ личномъ характерѣ императрицы; она обманываетъ и себя,

---

[9]) Переводъ: «Она завлеклась въ игру и думаетъ, что для сохраненія своей чести неприкосновенною она должна дать миръ Голандцамъ».

„и васъ. Благовидный предлогъ, выставляемый ею, состоитъ въ томъ, что она не находитъ того довѣрія, въ которомъ вы ее увѣряли и которое она считаетъ заслуженнымъ. „Она говоритъ, что вы сопротивляетесь ея планамъ, отвергаете ея предложенія и просите „о доказательствахъ дружбы, не заявляя „ихъ съ своей стороны“. Тутъ я хотѣлъ было отвѣчать, но онъ остановилъ меня, сказавъ: „Я знаю все, что вы имѣете высказать; „знаю это и вполнѣ сознаю справедливость „вашихъ мнѣній, а потому могу совершенно „искренно увѣрить васъ, что я употребилъ „всевозможные доводы съ цѣлью убѣдить императрицу въ ея несправедливости къ вамъ; „въ сущности же“, прибавилъ онъ, „она сама „убѣждена, въ этомъ, но скрываетъ это отъ „самой себя и никогда не признается, что въ „этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, требующихъ энергическихъ дѣйствій, она удержана робостью. Опасенія быть вовлеченной „въ войну одерживаютъ верхъ надъ всѣми „прочими мыслями; и она скорѣе дастъ волю „мелкимъ страстямъ, унижающимъ ея умъ, „найдя въ нихъ извиненіе для несостоятельности и невниманія къ величайшимъ выгодамъ, чѣмъ подвергнуться возможному риску, „который бы явился при дѣйствіяхъ энергическихъ, рѣшительныхъ и систематическихъ. „Эта опасливость“, сказалъ онъ, „послужитъ „объясненіемъ многому въ ея поведеніи, и она „усиливается съ лѣтами“.

30.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 14-го Іюля 1781 г.

Князь Потемкинъ въ послѣднихъ разговорахъ, которые я имѣлъ съ нимъ, говоря объ императрицѣ, выражался свободнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Онъ часто обвинялъ ее въ тщеславіи, въ томъ, что она постоянно измѣняетъ мнѣнія и никогда не дѣйствуетъ по системѣ. И въ самомъ дѣлѣ, всему этому, въ продолженіе моей корреспонденціи, являлось столько доказательствъ, что его авторитетъ былъ не нуженъ для того, чтобы подтвердить справедливость этого факта. Но на этотъ разъ онъ, нисколько не стѣсняясь, сказалъ, что лѣта постепенно уничтожали всѣ ея великія качества, что она сдѣлалась подозрительна, опаслива, и взгляды ея съузились; что при всякой великой цѣли, выставляемой ей на видъ, она подозрѣвала у того, кто ее предлагалъ, глубоко затаенный личный разсчетъ; или, если вѣрила его искренности, то видѣла лишь опасность, а не славу, соединенную съ предпріятіемъ; что честолюбіе ея исчезало передъ самой отдаленной возможностью риска и что она нечувствительна ни къ чему, кромѣ минутной лести, потому что она пріобрѣталась безъ опасности. „По этой причинѣ“, сказалъ онъ, „она отклонила весьма выгодное предложеніе, сдѣланное вами ей въ прошломъ Февралѣ насчетъ уступки острова Минорки, — владѣніе (прибавилъ князь) за которое она нѣсколько лѣтъ тому назадъ заплатила бы вамъ, „уступивъ всю силу своей Имперіи, въ случаѣ „еслибы вы того потребовали; но (прибавилъ „онъ съ воодушевленіемъ) чего вамъ опасаться отъ нея, предположивъ даже, что она расположена къ вамъ враждебно, коли она не „довольно умна, чтобы принять эту уступку, „когда она ей доставалась даромъ, и вмѣсто „того, чтобы сознать великодушіе этого предложенія, она приняла это за уловку съ цѣлью вовлечь ее въ войну? Будьте увѣрены (продолжалъ онъ) что ничто не заставитъ ее „быть вашимъ отъявленнымъ врагомъ, или „открытымъ другомъ. Тотъ, кто всѣхъ лучше „умѣетъ ей угодить, пользуется видомъ ея „дружбы; а въ этомъ (сказалъ онъ) хотя „вслѣдствіе ея предпочтенія къ вашей націи, „вамъ предстояла задача болѣе легкая, чѣмъ „роль вашихъ враговъ, однако они искреннѣе „васъ. Впрочемъ, императоръ еще искуснѣе „ихъ; и если только король Прусскій не отъищетъ какого-нибудь необыкновеннаго способа противодѣйствовать ему, онъ постепенно доведетъ ее до всего, чего только захочетъ. И (воскликнулъ мой другъ съ особеннымъ жаромъ) величайшее благополучіе, ко-

„торое можетъ выпасть на долю этой Имперіи, „а въ тоже время единственное событіе, мо„гущее вернуть императрицу къ подобающимъ „чувствамъ, это Турецкая война! Она указала „бы ей на предѣлы ея могущества и спасла „бы насъ отъ тѣхъ великихъ бѣдствій, кото„рыя нѣсколько лѣтъ упорства въ ея настоя„щихъ неправильныхъ и ошибочныхъ полити„ческихъ дѣйствіяхъ неминуемо навлекутъ на „Русскую Имперію. Поэтому старайтесь (добавилъ онъ) съ одной стороны о томъ, что„бы пріобрѣсти благорасположеніе императо„ра: только черезъ него можете вы дойти до „императрицы; а съ другой стороны дѣлайте „всевозможное, чтобы ей угодить. Прежде „всего никогда не противорѣчьте ей; дѣлайте „видъ, что принимаете ея предложенія и слѣ„дуете ея совѣтамъ; а если ея предложенія и „совѣты не совмѣстны съ вашими интересами, „или противны вашимъ мнѣніямъ, подождите „удобнаго случая для того, чтобы незамѣтно „отъ нихъ уклониться. Я принужденъ (заключилъ онъ) давать вамъ совѣты, потому „что не могу оказать вамъ помощи. Уговорите „ваше министерство имъ послѣдовать, и я „увѣренъ, что имъ не придется объ этомъ по„жалѣть“. Такова была весьма конфиденціальная и, могу сказать, необыкновенная рѣчь моего друга, и все, сказанное имъ, до того подтверждается всѣмъ, что̀ уже мною разсказано, что я убѣжденъ въ истинѣ его словъ.

31.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ. Среда, 14-го Іюля 1781 г.

Если только слѣдуетъ стараться о дружбѣ императрицы, то мы должны согласиться на ея настоящія предложенія; отказъ можетъ сильно подѣйствовать на ея раздражительный характеръ, и какъ бы ни были важны и основательны причины, его сопровождающія, онѣ бы нисколько не убѣдили ума, ей подобнаго. Не невозможно, чтобъ это побудило ее соединиться съ нашими врагами, и я увѣренъ, что это уничтожило бы слабый остатокъ ея расположенія къ намъ и дало бы имъ перевѣсъ всего ея вліянія. Я столь же ясно, какъ и вы, милордъ, вижу всѣ весьма значительныя препятствія къ вступленію въ отдѣльные переговоры съ Голандіей и различныя неудобства, которыя равно должны явиться при ихъ успѣхѣ, или при неудачѣ; и я не скрою отъ васъ, что, когда вице-канцлеръ въ первый разъ сдѣлалъ мнѣ это предложеніе, я всевозможными средствами попробовалъ охладить эту мысль. Я сослался на нѣсколько отвѣтовъ, уже данныхъ нами по этому предмету; я замѣтилъ, что доводы въ нихъ заключающіеся, были ясны, подробны и неоспоримы; что они сохраняли свою силу, и что все равно, сряду ли произойдутъ переговоры насчетъ общаго мира, или они будутъ растянуты надолго, во всякомъ случаѣ до наступленія этого времени я не предвидѣлъ никакой возможности вступить въ отдѣльные переговоры съ Голандцами. Я сказалъ все это, милордъ, и еще гораздо больше въ этомъ же смыслѣ, чтобы отклонить, если возможно, заявленіе этого предложенія; но вице-канцлеръ такъ убѣдительно уговаривалъ меня не ставить его въ необходимость передать императрицѣ, что я имѣлъ предварительныя инструкціи къ тому, чтобы отказаться отъ ея предложенія, и при этомъ онъ такъ положительно увѣрилъ меня, что въ такомъ случаѣ, говоря его словами „vous vous en repentirez“ (вы въ послѣдствіи раскаетесь), что я согласился употребить лишь общія выраженія и обѣщалъ ему не включать никакихъ другихъ выраженій въ офиціальные отчеты, которые я представлю вамъ, милордъ, по поводу нашихъ конференцій объ этомъ предметѣ.

Теперь весь вопросъ заключается въ слѣдующемъ: что̀ окажется для насъ выгоднѣе по послѣдствіямъ, вступить въ отдѣльные переговоры съ Голандіей или, отказавшись отъ нихъ, подвергнуться опасности навлечь на себя всю соединенную силу сѣвернаго союза. Я искренно желаю, чтобы у насъ нашлось достаточно силы, чтобы не опасаться этого союза.

Это дало бы Европѣ урокъ, въ которомъ она нуждается, и я испыталъ бы особенное удовольствіе наконецъ выразиться здѣсь въ томъ тонѣ, который мнѣ стоитъ столькихъ усилій постоянно смягчать. Но въ противномъ случаѣ мы, милордъ, должны послѣдовать совѣту моего друга—отличить ее отъ всѣхъ ея союзниковъ особыми знаками довѣрія; сначала согласиться на ея предложеніе въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, а затѣмъ высказать единственныя условія, на которыхъ миръ съ республикой можетъ быть заключенъ. Условія эти будутъ таковы, что при настоящемъ бурномъ настроеніи республики она едва ли на нихъ согласится; въ случаѣ же, если она такъ поступитъ, переговоры могутъ окончиться согласно съ нашими желаніями или по крайней мѣрѣ задлиться. А далѣе могутъ наступить обстоятельства, которыя, давъ другой оборотъ дѣлу, укажутъ намъ возможность отъ него уклониться.

32.

ПИСЬМО ЛОРДА СТОРМОНТА ДЖЕМСУ ГАРРИСУ.

Сентъ Джемсъ, 7-го Сентября 1781.

Вы видите, что принятое намѣреніе [10]) согласно съ вашими желаніями. Смыслъ вашихъ депешъ, подкрѣпленный мнѣніемъ князя Потемкина, имѣлъ сильное вліяніе на рѣшеніе этого труднаго вопроса. Эта новая попытка дѣлается съ цѣлью пріобрѣсти дружбу императрицы черезъ потворство ея минутной страсти; однако крайне незначительный успѣхъ всѣхъ прежнихъ подобныхъ мѣръ составляетъ достаточную причину, чтобы отнять охоту на дальнѣйшія попытки такого рода. Поразительно и грустно, но тѣмъ не менѣе справедливо, что, каковы бы ни были ея намѣренія, во все время этой войны она не сдѣлала ни одного шага, который по своимъ послѣдствіямъ не клонился бы къ существенному вреду нашей страны. Весьма вѣроятно, что мѣра, преслѣдуемая ею въ настоящую минуту такъ усердно, можетъ имѣть подобную же цѣль; но, внимательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшено, что при всемъ томъ для насъ благоразумнѣе остановиться на этихъ условіяхъ мира, чѣмъ на какомъ бы то ни было общемъ разсужденіи противъ попытки къ переговорамъ, что́ всегда неблаговидно, когда предметъ предлагаемыхъ переговоровъ составляетъ примиреніе съ старыми и естественными союзниками.

При передачѣ нашего ультиматума императрицѣ мы соображались съ совѣтомъ князя Потемкина. Условія наши справедливы и умѣренны, и мы, конечно, за нихъ постоимъ. Если императрица попробуетъ склонить насъ къ уступкамъ, ей это не удастся, каковы бы ни были послѣдствія. Будьте особенно внимательны ко всему что́ можетъ указать ея настоящія намѣренія; я подозрѣваю ихъ въ двуличности и опасаюсь, что скоро мы получимъ доказательства ея пристрастія. Тѣмъ не менѣе, не предаваясь подозрѣніямъ, мы охотнѣе рѣшаемся на попытку, чѣмъ на отказъ, который бы послужилъ вызовомъ, и должны разсчитывать на собственную бдительность и твердость для того, чтобы избѣжать всякихъ козней и повести всѣ переговоры съ необходимой осторожностью. Отъ этого дѣла я ожидаю такъ мало истинной выгоды, что сердечно бы желалъ, чтобы предложеніе на этотъ счетъ никогда не было дѣлаемо; но въ той формѣ, въ которой оно было высказано, намъ не оставалось ничего кромѣ выбора между различными затрудненіями. По зрѣломъ обсужденіи мы рѣшились на то, что́ казалось относительно менѣе опаснымъ. При началѣ войны мы принимали за большое зло кажущееся равнодушіе императрицы къ исходу этого событія и старались возбудить ее къ дѣятельности; при этомъ мы были естественно и основательно убѣждены, что въ случаѣ, если она станетъ дѣйствовать, это будетъ въ пользу Великобританіи, такъ какъ отъ благосостоянія этой страны много зависитъ и процвѣтаніе ея собственной Имперіи,—но событія доказали намъ, что, разсуж-

[10]) Англійское правительство депешей отъ этого числа согласилось принять отдѣльное вмѣшательство императрицы между собой и Голандіей.

дая такимъ образомъ, мы сильно ошибались: всякій шагъ, ею сдѣланный, всякая мѣра, ею принятая, по свойствамъ своимъ клонились лишь къ усиленію нашихъ затрудненій и къ тому, чтобы сдѣлать войну еще болѣе для насъ обременительной; такъ что для нашей страны было бы истиннымъ счастіемъ, еслибы, подобно восточному монарху, она уснула на своемъ тронѣ.

33.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 3-го Сентября 1781 г.

Курьеръ, только что пріѣхавшій изъ Вѣны, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, привезъ отъ императора, вслѣдствіе того, что̀ писалъ ему отсюда графъ Кобенцель, просьбу о включеніи его въ эту нейтральную лигу и, по всей вѣроятности, акты, необходимые для этого принятія, будутъ изготовлены въ теченіи недѣли.

Все это, милордъ, наводитъ на мысль, что ея императорское величество рѣшилась возвести эту странную, но любимую ею мѣру на степень постояннаго закона, сохраняющаго силу и въ мирное время, для чего она намѣревается насильно навязать этотъ законъ даже и тѣмъ державамъ, которыя сами по себѣ вовсе бы не были расположены ему подчиниться. Удивительно, что до сихъ поръ еще ея не поразила вся безполезность этой мысли для Россіи въ мирное время и весь очевидный вредъ, являющій для нея въ случаѣ войны; еще удивительнѣе то, что она до сихъ поръ не замѣтила, что ею уже истрачено въ поддержаніе этой дикой системы больше, чѣмъ можетъ быть заплачено выгодами, которыя она и всѣ ея сѣверные сосѣди получатъ отъ нейтралитета, даже если онъ увѣковѣчится. Я отказался отъ всякихъ представленій по этому предмету, убѣдившись, что ея постоянство въ этомъ случаѣ основано на столь упорномъ заблужденіи, что всѣ аргументы, подсказанные здравымъ смысломъ, вмѣсто того, чтобы ослабить, только крѣпче затянутъ этотъ узелъ.

34.

Петербургъ. Пятница, 7-го Сентября 1781.

Въ прошлый четвергъ, 2 Сентября стараго стиля, вице-канцлеръ получилъ приказъ, подписанный императрицей и объявляющій, что ей угодно, чтобы онъ одинъ управлялъ всѣми дѣлами иностраннаго министерства; чтобы всѣ акты и рескрипты, относящіеся до этихъ дѣлъ, подписывались имъ; чтобы онъ докладывалъ ей все, сообщаемое ему иностранными министрами, и свои отвѣты на то; чтобы вся иностранная корреспонденція была адресована ему, и отвѣты бы писались исключительно на его имя.

Это совершенно необыкновенное и унизительное исключеніе графа Панина было рѣшено императрицей съ недѣлю тому назадъ, но она сохранила свое намѣреніе втайнѣ до его пріѣзда, чтобы черезъ это сдѣлать, если возможно, обиду еще для него чувствительнѣе. Такъ какъ здѣсь никто не ожидалъ ничего подобнаго, и всѣ считали графа Панина слишкомъ хитрымъ и слишкомъ хорошо извѣщаемымъ обо всемъ, чтобы вернуться къ вѣрной немилости и стыду, то событіе это произвело весьма сильное впечатлѣніе. Большая часть лицъ, подчиненныхъ графу Панину, увлечены его паденіемъ, вслѣдствіе чего здѣсь раздается такой ропотъ, какой только возможенъ при подобномъ правительствѣ. Самъ онъ до нѣкоторой степени упалъ духомъ; и кромѣ потери власти и вліянія, чувствуетъ самымъ обиднымъ для себя образомъ, что послѣдовалъ дурному совѣту, удалившись въ деревню. Онъ говоритъ, что родственники и друзья, оставленные имъ здѣсь, передавали ему неправильныя свѣдѣнія, обвиняетъ ихъ въ невниманіи и неблагодарности по отношенію къ нему, и вообще его спокойный характеръ совершенно ему измѣнилъ.

Вчера я имѣлъ продолжительный разговоръ съ моимъ другомъ по этому предмету. Онъ старается показать видъ, что не одобряетъ жестокости этой мѣры, хотя въ тоже время допускаетъ ея справедливость. Онъ увѣряетъ,

что, по мнѣнію его, то, что́ я говорилъ самой императрицѣ въ прошломъ Мартѣ, послужило первымъ поводомъ къ паденію Панина, такъ какъ съ той минуты она стала отъискивать и находить весьма достаточныя доказательства истины моихъ словъ. Тѣмъ не менѣе онъ совѣтовалъ мнѣ сохранять по наружности самыя лучшія отношенія съ Панинымъ и избѣгать (что́ я, конечно, исполню) всякаго выраженія торжества или насмѣшки надъ его паденіемъ. Онъ прибавилъ (и слова его произвели на меня сильное впечатлѣніе): „Вы знаете непостоянство этого Двора: онъ можетъ быть возвращенъ къ своимъ должностямъ. Если вы окажете ему вниманіе, пока онъ въ немилости, онъ тогда постыдится дѣйствовать противъ васъ такъ открыто, какъ поступалъ до тѣхъ поръ.“ Я сказалъ ему, что безъ сомнѣнія приму во вниманіе все, имъ сказанное; но при этомъ замѣтилъ, что, если только онъ са̂мъ не примется за это дѣло, я не предвидѣлъ для графа Панина возможности подняться послѣ такого удара. Князь Потемкинъ разсмѣялся при мысли о поддержкѣ, которую бы онъ могъ оказать графу Панину, и въ доказательство противнаго увѣрилъ меня, что передалъ императрицѣ отъ слова до слова послѣдній разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ насчетъ графа Панина, и что это утвердило ея намѣреніе, которое до тѣхъ поръ еще колебалось. Я дѣйствительно убѣжденъ, что онъ не любитъ графа Панина и первоначально способствовалъ его немилости; но къ Безбородкѣ и къ его партіи онъ еще менѣе расположенъ и слѣдитъ за ихъ успѣхами съ величайшей завистью и безпокойствомъ. Я постоянно опасался и продолжаю опасаться, что онъ постарается снова возвысить графа Панина, лишь бы уронить вліяніе Безбородки; и, преслѣдуя цѣли темной придворной интриги, онъ забудетъ о самыхъ существенныхъ интересахъ своихъ друзей.

35.

10-го Сентября.

Графъ Панинъ, кажется, понемножку собирается съ духомъ. Я вчера провелъ съ нимъ вечеръ и нашелъ его гораздо спокойнѣе, чѣмъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи.

Онъ направляетъ всю силу своихъ интригъ на великаго князя и великую княгиню и не пожалѣетъ никакихъ трудовъ, лишь бы доказать имъ, что, собираясь ѣхать въ Вѣну, они хотятъ навѣстить своего самаго опаснаго врага.

36.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 17-го Сентября, 1781 г.

Графъ Панинъ посредствомъ самаго хитраго и вкрадчиваго поведенія добился почти полной отмѣны путешествія великаго князя, возстановивъ при этомъ собственную силу и вліяніе. Ему удалось такъ подѣйствовать на великую княгиню, что она положительно объявила, что ничто не въ состояніи заставить ее разстаться съ ея дѣтьми.

Въ воскресенье и въ понедѣльникъ все находилось въ смятеніи, и Дворъ представлялъ странное зрѣлище броженія и безпорядка. Я узналъ объ этомъ во вторникъ и въ среду отправился въ Царское Село, гдѣ нашелъ своего друга сильно участвующимъ въ общемъ волненіи и, чего я никогда не зналъ за нимъ, почти въ отчаяніи. Онъ сначала попробовалъ скрыть отъ меня свое настроеніе, но, замѣтя, что мнѣ было въ точности извѣстно все происходящее, отбросилъ эту сдержанность и заговорилъ откровенно. Я въ свою очередь былъ также откровененъ и далъ ему болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія, чѣмъ всѣ, которыя онъ имѣлъ до тѣхъ поръ насчетъ интригъ, употребляемыхъ Панинымъ; указалъ средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и цѣли, имѣвшіяся у него въ виду. За тѣмъ я сильно настаивалъ на необходимости не допускать малѣйшей перемѣны въ предполагаемомъ путешествіи. Я выставилъ въ столь сильныхъ краскахъ пагубныя послѣдствія, которыя бы повлекъ за собой недостатокъ твердости и энергіи въ подобную минуту, и мнѣ удалось такъ ясно доказать ему, что при этомъ были неизбѣжна его погибель и совер-

шенная перемѣна системы, что я успѣлъ возбудить его къ дѣятельности.

Пока я былъ тамъ, онъ отправился къ императрицѣ, и еще прежде моего отъѣзда, путешествіе, которое было отложено на долго, теперь было назначено на воскресенье (послѣ завтра). Ихъ императорскія высочества были вынуждены, хотя весьма не охотно, въ среду же вечеромъ имѣть придворный прощальный пріемъ. Достигнувъ этого, я пошелъ далѣе, доказывая необходимость лишить столь опаснаго человѣка, какъ графъ Панинъ, всякихъ средствъ повторить эту попытку; и если только онъ не обладаетъ сверхестественной помощью, я смѣло могу предсказать, что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ или получитъ приказаніе вернуться въ свои помѣстья, или какимъ нибудь другимъ образомъ будетъ лишенъ всякой возможности вредить.

Размѣръ цифрованнаго письма не позволяетъ мнѣ дать вамъ болѣе подробный отчетъ обо всемъ происшедшемъ. Мнѣ никогда еще не встрѣчался столь опасный кризисъ, и никогда я не находился въ положеніи, вынуждающемъ такія трудныя и даже опасныя дѣйствія. Съ первымъ же курьеромъ я объясню вамъ все, милордъ; а покуда отъ этой отсрочки не можетъ произойти ничего дурнаго, такъ какъ гроза прошла, и результаты ея оказались скорѣе благотворными, чѣмъ вредными. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что при этомъ случаѣ я имѣлъ весьма немного помощи отъ моего сотоварища графа Кобенцеля, хотя событіе это ближе касалось его, чѣмъ меня. Когда я въ первый разъ указалъ ему на опасность, это причинило ему такое удивленіе, что онъ едва отъ него опомнился, между тѣмъ какъ все уже кончилось.

37.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ. Вторникъ, 21-го Сент. 1781.

Въ воскресенье вечеромъ, около половины шестаго, ихъ императорскія высочества, великій князь и великая княгиня, выѣхали изъ Царскаго Села. Свита ихъ состояла изъ шестидесяти человѣкъ и, пока они находятся въ предѣлахъ этой Имперіи, они на всякой станціи будутъ употреблять около двухъ сотъ сорока лошадей. При переѣздѣ черезъ границу, число лицъ, ихъ сопровождающихъ, будетъ значительно уменьшено.

Я поручилъ одному преданному мнѣ человѣку наблюдать за всѣмъ происходившимъ до минуты отъѣзда. Невозможно описать волненія великой княгини. Прощаясь съ дѣтьми, она упала въ обморокъ и была отнесена въ карету въ безчувственномъ состояніи. Она хотѣла сказать что-то императрицѣ, но голосъ у ней оборвался, и вообще ея видъ и манеры больше напоминали положеніе особы, осужденной на изгнаніе, чѣмъ готовящейся къ пріятному и поучительному путешествію. Великій князь находился почти въ такомъ же состояніи. Войдя въ карету, онъ опустилъ шторы и велѣлъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе.

Князь Орловъ, князь Потемкинъ, графъ Панинъ и большая часть главныхъ и придворныхъ чиновъ провожали ихъ до кареты. Послѣдній изъ нихъ стоялъ ближе всѣхъ къ великому князю, когда онъ входилъ въ карету, и въ эту минуту прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица, проводившая ихъ до прихожей своихъ покоевъ, была сильно разстроена и, простившись съ ними, тотчасъ же отправилась къ своимъ внукамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эта необыкновенная чувствительность ихъ императорскихъ высочествъ вызвана не одной только разлукой съ дѣтьми. Графъ Панинъ наполнилъ ихъ умы опасеніями, и они уѣхали подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ ужаса. Онъ играетъ въ весьма опасную игру; онъ долженъ быть увѣренъ, что императрицѣ извѣстна роль, имъ исполненная, и что она не пропуститъ такого поведенія незамѣченнымъ. Въ воскресенье она обращалась съ нимъ съ разсчитаннымъ пренебреженіемъ, и это обращеніе подѣйствовало

на него такъ сильно, что его неизмѣнно спокойная наружность выражала очевидное разстройство.

38.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 21-го Октября 1781 г.

Я постоянно опасался показаться слишкомъ расточительнымъ въ употребленіи денегъ, назначенныхъ на секретную службу. Когда лордъ Суффолькъ далъ мнѣ неограниченную власть въ этихъ распоряженіяхъ, я отказался отъ нея, такъ какъ, проведя три года въ Испаніи и пять лѣтъ въ Берлинѣ, я достигъ значительной степени успѣха и извѣстности, никогда не прибѣгая къ мѣрамъ противнымъ моему характеру, и вслѣдствіе этого я льстилъ себя надеждой (особенно находясь при Дворѣ, который считалъ дружески къ намъ расположеннымъ), что я и здѣсь буду имѣть возможность продолжать дѣйствовать на тѣхъ же основаніяхъ.

Но я скоро убѣдился въ своей ошибкѣ: я увидѣлъ, что свѣдѣнія, мною получаемыя, были недостаточны и неправильны, что я не могъ пріобрѣсти себѣ подчиненныхъ, что я былъ окруженъ шпіонами, а самъ не имѣлъ ни одного; и что вмѣсто того, чтобы проникать въ тайны другихъ, я подвергался опасности видѣть собственные секреты выданными. Я убѣдился, что буду поставленъ въ непріятную необходимость или, распоряжаясь малыми средствами, посылать лишь незначительныя свѣдѣнія, или, употребляя болѣе крупныя суммы, заслужить обвиненіе въ расточительности. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, я подвергался осужденію. Изъ этихъ двухъ золъ я выбралъ послѣднее, такъ какъ неодобреніе моего поведенія должно было отразиться лишь на мнѣ самомъ, между тѣмъ какъ недостатокъ достовѣрныхъ свѣдѣній могъ существенно повредить службѣ его величества.

Я бы могъ перечислить вамъ, милордъ, такія невообразимыя суммы, розданныя здѣсь Французами лицамъ, занимающимъ самыя ничтожныя должности и, повидимому, за самые неважные секреты, что вы, милордъ, перестали бы удивляться тѣмъ суммамъ, которыя мнѣ приходится предлагать.

Примѣчаніе. Сэръ Джемсъ въ частномъ письмѣ говоритъ, что ни одно лицо между его прислугой не было достаточно ничтожно, чтобы не имѣть отъ его враговъ предложенія награды за то, чтобы заглянуть въ его бумаги или на время завладѣть его ключами. Когда онъ оставлялъ своего секретаря за бумагами, онъ постоянно запиралъ его, не по недовѣрію къ нему, а изъ опасенія оставить двери открытыми.

39.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 21-го Октября 1781 г.

Образъ дѣйствій этого Двора, или императрицы и ея любимца, оказывается столь ненадежнымъ, что я чувствую, какъ даже для самого безпристрастнаго ума будетъ невозможно не обвинить меня въ томъ, что я былъ жестоко обманутъ однимъ изъ нихъ, или ими обоими. Если измѣна откроется со стороны императрицы, то я могу возразить, что договоры и всѣ вообще международные акты не имѣютъ болѣе сильнаго ручательства въ ихъ прочности, чѣмъ гарантія, мною полученная, т. е. честное слово государыни. Если же окажется, что обманывалъ меня Потемкинъ, то мое извиненіе заключается въ томъ, что было необходимо открыть секретъ кому-нибудь, и что я не могъ, повидимому, сдѣлать выбора лучше, какъ обратившись къ лицу, пользующему полнымъ довѣріемъ императрицы, выдававшему себя за моего сердечнаго друга и при этомъ тѣсно связанному собственными интересами и славой съ успѣхомъ сдѣланнаго мнѣ предложенія [11]).

[11]) Дѣло идетъ объ уступкѣ Минорки; секретъ былъ выданъ самой императрицей императору Австрійскому, который приписывалъ себѣ заслугу этого отказа.

Я убѣжденъ, васъ равно поразитъ и обезпокоитъ извѣстіе, что единственный человѣкъ, отговорившій императрицу дать графу Панину полную отставку и приказать ему выѣхать изъ Петербурга—это князь Потемкинъ. Обстоятельство это тѣмъ удивительнѣе, что, (и это достовѣрно извѣстно) съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я его знаю, его первое желаніе состояло въ томъ, чтобы избавиться отъ этого министра; и какъ вы, милордъ, видѣли изъ моего письма отъ 28-го Сентября, въ послѣдней попыткѣ, сдѣланной графомъ Панинымъ съ цѣлью возстановить свое вліяніе, ударъ былъ по преимуществу направленъ на князя Потемкина. Я слишкомъ увѣренъ въ томъ, что̀ пишу, чтобы опасаться ввести васъ въ заблужденіе. Мой другъ не только спасъ его отъ полной немилости, но въ эту минуту находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Фалазинъ (?), созданіе графа Панина, и фонъ-Визинъ, секретарь иностраннаго департамента, служатъ имъ орудіями въ сношеніяхъ между собой и исполняютъ возлагаемыя на нихъ порученія со всевозможной скрытностью. Что̀ происходитъ между ними, покрыто тайной непроницаемой; но мнѣ кажется, что это относится къ какой нибудь сложной придворной интригѣ, въ которой мой другъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: первая изъ нихъ есть ослабленіе усиливающагося вліянія Безбородки и его партіи, которыхъ онъ опасается, можетъ быть, болѣе, чѣмъ графа Панина; вторая же цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы, пока еще есть время, войти въ милость великаго князя.

40.

Петербургъ, 21-го Октября 1781 г.

Можно весьма основательно предполагать, что мысль о путешествіи ихъ высочествъ, великаго князя и великой княгини, была подана императоромъ, во время его прошлогодняго пребыванія здѣсь и, вѣроятно, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ между нимъ и императрицей одновременно съ вопросомъ о бракѣ эрцъ-герцога Франциска. Теперь я расположенъ думать, что при этомъ единственная имѣвшаяся цѣль состояла въ томъ, чтобы положить основаніе прочному союзу между Дворами Вѣнскимъ и Петербургскимъ, утвердить продолженіе дѣла, начатаго императрицей, ослабить сильное вліяніе, пріобрѣтенное королемъ Прусскимъ и его партіей надъ молодымъ Дворомъ, побѣдить обычное пристрастіе и расположеніе ихъ къ этому монарху и замѣнить ихъ чувствами совершенно противоположными.

Но все это сохранялось въ глубочайшей тайнѣ, и до начала прошлаго лѣта не было замѣтно ни малѣйшаго признака, по которому можно бы было догадаться, что подобная мысль имѣется въ виду. Ея императорское величество, будучи хорошо знакома съ подозрительнымъ характеромъ своего наслѣдника и съ непріязненнымъ расположеніемъ всѣхъ его окружающихъ, знала, что въ случаѣ, еслибы это предложеніе [12]) явилось непосредственно отъ нея или отъ кого-нибудь изъ лицъ ей довѣренныхъ, то сомнѣнія и подозрѣнія не только бы представились уму великаго князя, но были бы ему внушаемы и развиваемы тѣми личностями, которыя имѣютъ вліяніе на его дѣйствія и мнѣнія. Поэтому, слѣдуя совѣту князя Потемкина и дѣйствуя черезъ его посредство, она обратилась къ князю Репнину, племяннику графа Панина, пользующемуся большимъ уваженіемъ великаго князя, и, скрывъ отъ него свое дѣйствительное побужденіе и намѣреніе, сказала ему, что чрезвычайно бы желала, чтобы сынъ ея путешествовалъ съ цѣлью пріобрѣтенія познаній и опытности, а также, что она имѣетъ при этомъ въ виду и то обстоятельство, что этимъ способомъ онъ бы отдѣлался отъ многихъ предразсудковъ, которыми былъ зараженъ. Но въ тоже время она никакъ не желала предложить ему что-либо, что̀ могло быть объяснено намѣреніемъ удалить его, а ей хотѣлось, чтобы это явилось его собственнымъ желаніемъ, вслѣдствіе чего она и поручила Реп-

[12]) Т. е. о путешествіи великаго князя и великой княгини.

нину (умъ и способности котораго были ей такъ часто доказаны и въ усердіи котораго она нимало не сомнѣвалась) понемножку навести великаго князя на эту мысль, внушая какъ ему, такъ и великой княгинѣ, что для лицъ, столь высоко поставленныхъ, не только хорошо, но даже необходимо посмотрѣть на характеры разныхъ странъ и познакомиться съ различными способами правленія. Въ заключеніе она обѣщала князю Репнину, въ случаѣ удачи его въ этомъ дѣлѣ, наградить его какимъ-нибудь особымъ доказательствомъ своей милости. И я могу прибавить, что, прежде чѣмъ дать ему это порученіе, она, вслѣдствіе самой ничтожной причины, сдѣлала видъ, будто чрезвычайно имъ недовольна, послѣ чего вышеупомянутая награда и возвращеніе его къ милости сдѣлались условіями, обѣщанными ему за успѣхъ.

Князь Репнинъ чрезвычайно искусно выполнилъ данныя ему приказанія: безпрестанно говоря о чужихъ краяхъ и многихъ выгодахъ, пріобрѣтаемыхъ знакомствомъ съ ними, онъ возбудилъ въ великомъ князѣ сильное желаніе путешествовать и еще сильнѣйшее въ великой княгинѣ. Это сдѣлалось ихъ любимой мечтой, и они постоянно жаловались на невозможность привести ее въ исполненіе. Пока они находились въ этихъ мысляхъ, они получили письма отъ императора съ самымъ убѣдительнымъ приглашеніемъ пріѣхать въ Вѣну; онъ говорилъ, что пригласитъ мать великой княгини и прочихъ ея родственниковъ встрѣтить ее въ этомъ городѣ и высказывалъ увѣренность въ томъ, что императрица не откажетъ ихъ просьбѣ. Они обратились за совѣтомъ къ графу Панину; а такъ какъ князь Репнинъ строго сохранялъ тайну императрицы, то они и не встрѣтили въ Панинѣ того сопротивленія, котораго ожидали. Правда, ему тотчасъ же представилась мысль обратить это путешествіе на пользу короля Прусскаго и сдѣлать главной цѣлью поѣздки не Вѣну, а Берлинъ. Поэтому ихъ императорскія высочества около 15-го Іюня отправились къ императрицѣ и, въ сильномъ волненіи и подъ опасеніемъ отказа, высказали свою просьбу. Императрица съ своей стороны приняла ее какъ будто съ удивленіемъ и безпокойствомъ; она сказала имъ, что они чрезвычайно озадачили ее, поставивъ ее въ необходимость—или, согласившись на ихъ просьбу, лишить себя ихъ общества на такое долгое время, или отказать имъ въ томъ, чего они желали и такимъ образомъ воспрепятствовать ихъ жаждѣ къ знанію и ученію, тогда какъ она сама не могла не одобрять этого чувства. Послѣ продолжительнаго разговора, въ теченіи котораго они сильно поддерживали свою просьбу, она постепенно согласилась на ихъ желанія. Было рѣшено, что они отправятся въ путешествіе, но съ условіемъ, что императрица начертитъ планъ ихъ поѣздки и назначитъ составъ ихъ свиты.

Императрица (которая уже къ этому приготовилась) въ теченіи нѣсколькихъ дней назначила ихъ свиту, продолжительность ихъ отсутствія и намѣтила страны, по которымъ имъ предстояло проѣзжать. Ихъ императорскія высочества согласились со всѣми ея рѣшеніями, прося только, чтобы князь Куракинъ былъ прибавленъ къ числу лицъ, ихъ сопровождающихъ, а Версаль къ Дворамъ, которые имъ предстояло посѣтить.

Первое было имъ охотно дозволено, вслѣдствіе незначительности лица; во второмъ имъ также не отказали, хотя согласіе явилось лишь послѣ усиленныхъ просьбъ, да даже и тогда съ видимой неохотой. Правда, Берлинъ былъ упомянутъ великой княгиней, но на это она получила рѣшительный и даже гнѣвный отказъ императрицы. Всѣ послѣдующія попытки короля Прусскаго, какъ черезъ посредство ихъ императорскихъ высочествъ, такъ и черезъ его собственныхъ министровъ и другихъ агентовъ (не смотря на то, что онъ ихъ много разъ возобновлялъ и всякій разъ употреблялъ различные пріемы) остались совершенно безуспѣшными.

До тѣхъ поръ, пока графъ Панинъ оставался здѣсь, настроеніе и расположеніе ихъ императорскихъ высочествъ были подверже-

ны постояннымъ перемѣнамъ. Всякій разъ, какъ курьеръ изъ Вѣны привозилъ имъ письма отъ императора, они были на сторонѣ Австріи и восхищались мыслью о своемъ путешествіи; но послѣ всякаго свиданія съ графомъ Панинымъ, который преподавалъ имъ правила, предписанныя ему изъ Потсдама, чувства ихъ измѣнялись: они едва говорили съ графомъ Кобенцелемъ и, казалось, чрезвычайно сожалѣли о томъ, что имъ предстояло уѣхать изъ Петербурга. Послѣ отъѣзда графа Панина зрѣлище перемѣнилось: великій князь и великая княгиня стали расположены очевидно и постоянно въ пользу Австріи, не разговаривали ни съ кѣмъ кромѣ графа Кобенцеля и его жены, были вполнѣ заняты мыслью объ императорѣ и о Вѣнѣ. Еще никогда до тѣхъ поръ не находились они въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ императрицей, какъ въ этотъ періодъ времени; они были вѣжливы даже по отношенію къ князю Потемкину, и на мою долю выпадала значительная доля ихъ милостей. Это послѣдовательное и пріятное для императрицы поведеніе дѣйствительно приблизило ихъ къ ней и было причиной того, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ они съ ней были въ отношеніяхъ дружбы и искренности, не извѣстныхъ имъ до того времени *).

Но съ пріѣздомъ графа Панина ихъ дѣйствія перемѣнились. Немедленно былъ составленъ заговоръ, произведшій во дворцѣ временное броженіе и который, по мнѣнію моему, могъ сравниться лишь съ настоящей революціей. Панинъ велъ дѣло съ искусствомъ стараго и опытнаго мастера придворныхъ интригъ и не отставалъ отъ него до самой минуты ихъ отъѣзда.

Для объясненія того, что̀ я буду описывать, необходимо сказать нѣсколько словъ насчетъ дѣйствій этого министра съ самаго начала года. Замѣтивъ, что вліяніе его ежедневно умаляется и что тѣ средства, которыя онъ употреблялъ чтобы усилиться, такъ часто и всегда съ такимъ успѣхомъ, теперь оказывались недѣйствительными, онъ еще въ Февралѣ началъ жаловаться на свое здоровье и постепенно расхварывался на столько, чтобы имѣть благовидный предлогъ не выходить изъ дому, не лишая себя при этомъ общества друзей и знакомыхъ; черезъ ихъ посредство онъ передавалъ какъ императрицѣ, такъ и всему обществу преувеличенное описаніе своего состоянія, выставлялъ себя старымъ и преданнымъ слугой, вовлеченнымъ въ ошибку лишь отъ избытка усердія, слугой, преданность котораго къ службѣ императрицѣ была такъ сильна, что онъ не могъ существовать подъ гнетомъ ея гнѣва. Онъ говорилъ, что, будучи не въ состояніи переносить оный, онъ рѣшился удалиться на время въ деревню, какъ для поправленія своего здоровья, такъ и для того, чтобы покинуть дѣла̀, въ которыхъ не спрашивали болѣе его совѣта и не позволяли ему имѣть своего мнѣнія. Пока онъ для вида разсыпался въ подобныхъ увѣреніяхъ, подъ рукой онъ употреблялъ всевозможныя пружины съ цѣлью возвратить себѣ довѣріе государыни, но не черезъ согласіе съ ея системой и желаніями, а напротивъ того, стараясь склонить ея къ своимъ собственнымъ мнѣніямъ и прибѣгая для этого къ самымъ хитрымъ и вкрадчивымъ представленіямъ. По несчастію для него, его поведеніе по поводу предполагавшагося брака сестры великой княгини было столь очевидно, и онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ такъ прямо вразрѣзъ съ приказаніями императрицы, что ничто изъ того, что̀ онъ могъ сказать или придумать въ свое оправданіе, уже не могло заслужить ея довѣрія.

Ея подозрѣнія были возбуждены, и ни одна изъ его хитростей не выдержала строгаго разбора, которому она ихъ подвергала.

Еслибы онъ зналъ намѣренія императрицы, вѣроятно онъ никогда бы не вернулся на вѣрную немилость, а тѣмъ болѣе бы нашелъ, что не стоитъ пускаться на попытку подобную той, на которую онъ отважился въ по-

*) Этимъ отчасти объясняется вполнѣ ласковый тонъ нынѣ изданныхъ писемъ Екатерины къ сыну и невѣсткѣ во время ихъ путешествія. *П. Б.*

слѣднее время, а вмѣсто того, послушавшись единодушнаго совѣта своихъ друзей, провелъ бы остатокъ дней между Москвой и своими помѣстьями. Я сильно расположенъ думать, что онъ никогда бы не рѣшился на мѣру, имъ принятую, еслибы во время его удаленія король Прусскій не склонялъ его къ этому рѣшенію. Этотъ монархъ, въ силу долгой привычки, пріобрѣлъ надъ нимъ такую власть, что онъ не могъ противиться его волѣ; вліяніе это для него тѣмъ неотразимѣе, что король Прусскій на этотъ разъ уговаривалъ его почти умоляющимъ образомъ вернуться; при этомъ онъ называлъ его единственнымъ лицомъ, способнымъ поднять его утраченное значеніе и примѣшивалъ къ своей просьбѣ столько хитрости и лести, что даже человѣкъ, болѣе твердый и менѣе честолюбивый, чѣмъ графъ Панинъ, поколебался бы. Настоянія короля были ему передаваемы въ деревню переодѣтыми посланцами, разными купцами, путешественниками и, вѣроятно, черезъ нихъ и былъ сообщенъ планъ дѣйствій, котораго ему предписывалось держаться по возвращеніи.

Однако, можно предполагать, что графъ Панинъ не очень надѣялся на успѣхъ, такъ какъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда онъ сказалъ графу Герцу: „Votre maître veut que je me sacrifie, et bien, je le ferai“ [13]). И событія почти вполнѣ оправдали это грустное предсказаніе.

Графъ Панинъ тотчасъ же по пріѣздѣ началъ возбуждать въ умѣ великой княгини сильнѣйшія опасенія насчетъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ иногда прививку оспы. А такъ какъ она отличается особенной материнской нѣжностью и вообще полнѣйшей преданностью семейнымъ обязанностямъ, то мысль о томъ, что ея дѣти находятся въ опасности, подняла въ ея умѣ самую трудную борьбу. Это отравило всякое удовольствіе ожидаемаго путешествія, и возможность нездоровья дѣтей возбудила въ ней сильнѣйшее желаніе отсрочить поѣздку. Ихъ докторъ Крейсъ, преданный графу Панину, своими неопредѣленными выраженіями только усиливалъ ея безпокойство, и торжественныя увѣренія со стороны борона Димсдаля и доктора Рожерсона не могли ее успокоить. Великій князь вполнѣ раздѣлялъ эти чувства, но графъ Панинъ позаботился о томъ, чтобы подѣйствовать на него еще болѣе сильнымъ образомъ. Ему удалось овладѣть секретомъ князя Репнина, и онъ открылъ великому князю, что то, что́ онъ считалъ собственнымъ и добровольнымъ рѣшеніемъ, составляло преднамѣренную и давно задуманную задачу другихъ; что, по всей вѣроятности, за нею скрывались самыя пагубныя намѣренія; что, можетъ быть, было определено, что онъ никогда не вернется въ Россію; можетъ быть, его дѣти будутъ отъ него отняты. И хотя онъ не утверждалъ ни одного изъ этихъ фактовъ, тѣмъ не менѣе онъ старался придать имъ правдоподобный видъ черезъ различные намеки и предположенія. Онъ говорилъ о честолюбивомъ и безнравственномъ характерѣ князя Потемкина, обо всѣхъ окружающихъ императрицу; и даже сама она не избѣжала его осужденія. Затѣмъ онъ распространился о томъ, что онъ выдавалъ за достовѣрныя свѣдѣнія относительно императора, увѣряя, что онъ никогда не имѣлъ искренняго намѣренія женить своего племянника на сестрѣ великой княгини; что, какъ скоро она прибудетъ въ Вѣну, онъ можетъ распорядиться ею какъ хочетъ. Онъ при этомъ говорилъ такія вещи, которыя мое перо невластно передать даже цифрами и черезъ курьера.

Подобная рѣчь, обращенная къ опасливому человѣку, какъ великій князь, и при томъ лицомъ, котораго онъ привыкъ уважать и словамъ котораго всегда вѣрилъ, не могла не произвести самаго сильнаго впечатлѣнія. Это совершенно его смутило, и опасенія его были такъ сильны, что на слѣдующее утро, въ воскресенье, 13-го Сентября стараго стиля, великій князь и великая княгиня (такъ какъ в. князь имѣлъ слабость сообщать ей все, что́ слышалъ отъ графа Панина) объявили твердое намѣре-

13) Переводъ: «Вашъ государь хочетъ, чтобы я пожертвовалъ собой. Ну что жъ, я готовъ».

ніе не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти не выздоровѣютъ совершенно. Они твердо стояли на этомъ рѣшеніи; ихъ даже было невозможно уговорить назначить день, до котораго они желали отложить свой отъѣздъ, и императрица не могла никакимъ способомъ добиться отъ нихъ дальнѣйшихъ объясненій. Во весь этотъ день, и также въ слѣдующіе за нимъ— понедѣльникъ и вторникъ, дѣла оставались въ этомъ колеблющемся состояніи. Почтовыя лошади были отмѣнены; лица, которымъ предстояло выѣхать впередъ, чтобы приготовить гостинницы и т. д., остановлены, и великій князь съ великой княгиней выказали такую рѣшимость, что даже императрица не знала, что̀ дѣлать. Все, что̀ она имъ говорила, оказалось безполезнымъ, и ни ея просьбы, ни повелительныя выраженія не могли на нихъ подѣйствовать. Въ такомъ состояніи нашелъ я Дворъ въ среду утромъ. Князь Потемкинъ участвовалъ въ общемъ настроеніи больше, чѣмъ можно было ожидать отъ человѣка съ его характеромъ. Онъ былъ взволнованъ, нерѣшителенъ и доходилъ до отчаянія. Когда я коснулся предмета его безпокойства, казалось, онъ былъ нерасположенъ о немъ распространяться, но, замѣтивъ, что мнѣ было въ точности извѣстно все происходящее, онъ сдѣлался менѣе сдержанъ; а, выслушавъ отъ меня все, что̀ я зналъ насчетъ намѣреній графа Панина еще до пріѣзда его изъ деревни и насчетъ средствъ, употребленныхъ королемъ Прусскимъ для того, чтобы возбудить его къ дѣятельности, онъ высказался совершенно откровенно и сообщилъ мнѣ, подъ строжайшей тайной, сцену, которая произошла во дворцѣ: передалъ всѣ подробности разговора графа Панина съ великимъ княземъ и затруднительное положеніе, въ которое была поставлена императрица. Онъ говорилъ даже, что она будетъ вынуждена сдѣлать уступки и не только отложить путешествіе на цѣлый мѣсяцъ, но даже позволить ихъ императорскимъ высочествамъ на обратномъ пути заѣхать въ Берлинъ, такъ какъ великая княгиня въ своемъ горѣ жаловалась на то, что ей не позволяютъ увидѣть родственниковъ при этомъ Дворѣ. Я, не теряя ни минуты, сталъ оспаривать эту робкую и даже пагубную уступчивость. Я сказалъ ему, что лучше бы совершенно отмѣнить путешествіе, чѣмъ предпринять его при такихъ условіяхъ; что это значило вполнѣ содѣйствовать видамъ графа Панина, доставивъ ему тѣмъ величайшее торжество, которое онъ когда либо имѣлъ; что, вмѣсто успокоенія сомнѣній, это ихъ усилитъ и заслужитъ ея императорскому величеству обвиненіе въ нерѣшительности и недостаткѣ энергіи, которое значительно повредитъ ея славѣ. Далѣе я выразилъ, что, по мнѣнію моему, настоящій случай представлялъ столь критическую минуту, что малѣйшее отклоненіе отъ первоначальнаго плана повлечетъ за собой самыя пагубныя послѣдствія; что наступило время для рѣшительной борьбы, которая должна была опредѣлить, въ чьи руки перейдутъ власть и управленіе, и что собственное его вліяніе не могло потерпѣть болѣе жестокаго удара, чѣмъ тотъ, который бы онъ самъ ему нанесъ, допустивъ императрицу до вреднаго снисхожденія.

Слова мои, очевидно, на него подѣйствовали: пройдя (по свойственной ему привычкѣ) нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и не давъ мнѣ никакого отвѣта, онъ отправился къ императрицѣ; а, вернувшись оттуда черезъ часъ, сообщилъ мнѣ, что все устроено. Отъѣздъ ихъ императорскихъ высочествъ былъ назначенъ на слѣдующее воскресенье, и лица, находившіяся въ Царскомъ Селѣ, должны были тотчасъ же съ ними проститься. Онъ сказалъ мнѣ, хотя императрица настаивала на этомъ рѣшеніи, но въ тоже время она говорила съ великимъ княземъ и великой княгиней такъ ласково и искренно, что слова ея значительно ихъ успокоили. Тѣмъ не менѣе они казались сильно растроганными, вечеромъ, когда я явился, чтобы проститься съ ними: они оба были чрезвычайно взволнованы, глаза ихъ были красны и полны слезъ; а изъ пріема, который они мнѣ оказали, я ясно увидѣлъ, что они наслушались рѣчей графа Панина.

По окончаніи этой церемоніи я снова вер-

нулся къ своему другу и представилъ ему, до какой степени необходимо отнять у этого министра возможность произвести вторично подобную сцену общаго смятенія. Послѣднія обстоятельства снабжали меня столь убѣдительными доводами, что мнѣ предстояла весьма легкая задача. И дѣйствительно, князь Потемкинъ сообщилъ мнѣ, что ея императорское величество имѣла твердое намѣреніе совершенно удалить графа Панина изъ своихъ совѣтовъ, и что, хотя она до сихъ поръ еще не рѣшила, какимъ именно образомъ это сдѣлать, тѣмъ не менѣе самый этотъ фактъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Однако, изъ вниманія къ великому князю, она не приступала къ этому дѣлу до отъѣзда его императорскаго высочества. Поэтому графъ Панинъ лишь въ понедѣльникъ утромъ, 29-го Сентября ст. ст., получилъ приказъ отпустить секретаря, выдать всѣ бумаги, и хотя за нимъ сохранялось мѣсто члена государственнаго совѣта, но эту должность можно считать только почетнымъ званіемъ.

Ударъ этотъ, хотя графъ Панинъ долженъ былъ его ожидать, засталъ его неприготовленнымъ и, присоединившись къ тому, что̀ онъ чувствовалъ, прощаясь съ великимъ княземъ, произвелъ на него такое дѣйствіе, что въ тотъ же день, около семи часовъ вечера, онъ былъ схваченъ внезапнымъ и сильнымъ припадкомъ лихорадки, тотчасъ же впалъ въ безпамятство, пересталъ узнавать окружающихъ и потерялъ сознаніе того, что̀ самъ говорилъ. Всю ночь онъ пробылъ въ такомъ бреду и почувствовалъ облегченіе не прежде, какъ когда доктора истощили надъ нимъ весь свой запасъ рожковъ и кровопусканій. Тогда онъ впалъ въ полную летаргію, и еслибы природа не выкинула ему на ногу рожу, онъ вѣроятно бы умеръ отъ апоплексіи. Тѣмъ не менѣе въ настоящую минуту онъ находится внѣ опасности, но умственныя способности его еще не вернулись, и пройдетъ много недѣль, прежде чѣмъ онъ будетъ въ состояніи встать съ постели. Хотя императрица (весьма естественно) была сильно растроена этой внезапной болѣзнью; однако я ошибался, передавая вамъ, милордъ, что она отмѣнила свое приказаніе насчетъ отставки графа Панина: оно было приведено въ исполненіе, и теперь ничто не можетъ возвратить его къ власти, кромѣ совершенной перемѣны системы и новаго состава министерства.

Принимая въ соображеніе все происшедшее, а также и то, что малѣйшія подробности этихъ обстоятельствъ извѣстны императрицѣ, Панинъ можетъ считать свою пѣсенку спѣтой. Приговоръ былъ бы не такъ мягокъ, еслибы его случилось произносить одному изъ прежнихъ Русскихъ государей; но человѣколюбіе и милосердіе составляютъ основныя черты характера императрицы.—Я долженъ увѣдомить васъ, милордъ, что я не получаю болѣе ни малой помощи отъ князя Потемкина: онъ не пересказываетъ императрицѣ ничего изъ того, что̀ я ему говорю, не сообщаетъ мнѣ ея чувствъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній, и я не могу убѣдить его не допускать до ея императорскаго величества различныхъ неправильныхъ представленій, которымъ до нѣкоторой степени она оказываетъ ея довѣріе. Едва только я съ нимъ заговариваю о дѣлахъ, онъ дѣлается невнимателенъ и нетерпѣливъ; и вмѣсто того, чтобы по прежнему вникать съ величайшимъ участіемъ во все, что̀ я сообщаю ему относительно нашихъ дѣлъ, теперь онъ, повидимому, сдѣлался совершенно равнодушенъ къ этому предмету.

Эта перемѣна въ его поведеніи происходитъ, по мнѣнію моему, не вслѣдствіе измѣненія политическихъ убѣжденій; и я увѣренъ, что онъ не передался ни Французской, ни Прусской партіи: потому что въ такомъ случаѣ я бы долженъ былъ напасть на слѣды этого при моихъ розысканіяхъ, которыя были преимущественно направлены къ этой цѣли. Обстоятельство же это возникаетъ отъ весьма существенной перемѣны въ собственномъ положеніи князя Потемкина, что̀ и ставитъ его въ необходимость отказаться отъ всякаго посторонняго соображенія и заботиться лишь о поддержаніи своего личнаго вліянія. Вліяніе это

значительно уменьшилось съ самаго начала сего года; а такъ какъ онъ приписываетъ это (хотя, по мнѣнію моему, неосновательно) тому сильному участію, которое онъ принималъ въ иностранныхъ дѣлахъ, то и рѣшился не вмѣшиваться болѣе ни во что, до нихъ относящееся.

41.

Петербургъ, 5-го Ноября 1781 г.

Теперь Пруссаки распространяютъ слухъ, будто мы относимся къ ихъ флагу съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ флагу императрицы; что ни одинъ изъ ихъ кораблей не былъ остановленъ,—что̀ они приписываютъ энергической рѣчи своего короля, доказывая, что до тѣхъ поръ, пока ея императорское величество не прибѣгнетъ къ подобнымъ же выраженіямъ, торговля ея будетъ постоянно стѣсняема.

Съ своей стороны Французы и Испанцы утверждаютъ, что въ случаѣ, если сѣверные союзники не заставятъ насъ строже соблюдать правила конвенціи, они будутъ поставлены въ необходимость послѣдовать нашему примѣру и останавливать нейтральные корабли, гдѣ бы они ихъ ни встрѣтили.

Первый слухъ былъ распространенъ такъ хитро, и ему былъ приданъ такой правдоподобный видъ, что императрица ему повѣрила.

Другой тоже соотвѣтствовалъ предназначеннымъ цѣлямъ. Онъ утвердилъ ее въ упорномъ поддержаніи ея необыкновенной системы, и оба вмѣстѣ способствовали тому, чтобы возстановить ее противъ насъ. Желая предупредить вредныя послѣдствія этихъ интригъ и добиться, если возможно, болѣе полнаго объясненія насчетъ того, что̀ я слышалъ отъ вице-канцлера въ прошедшую среду, я въ субботу имѣлъ продолжительный разговоръ съ секретаремъ императрицы. Отложивъ въ сторону вопросъ о томъ, имѣетъ ли иностранная держава право требовать, чтобы великое и независимое государство подчинялось правиламъ, которыя этой державѣ угодно было назвать всеобщими законами, я постарался доказать ему, что, ни въ одну изъ предшествовавшихъ войнъ, ни одному народу не было нами оказано столько вниманія, сколько имѣли мы теперь по отношенію къ ея императорскому величеству; что корабли ея едва подвергались осмотру, и что, хотя они постоянно оказывались нагруженными морскими снарядами, очевидно назначавшимися для службы нашимъ врагамъ, тѣмъ не менѣе наши морскіе суда пропускали это безъ вниманія, и были уплачиваемы самые значительные штрафы въ случаѣ, если ихъ непродолжительное задержаніе сопровождалось какимъ-нибудь поврежденіемъ для груза или корабля; что получать однѣ только жалобы, вмѣсто заслуженныхъ нами похвалъ, и видѣть, что императрица все еще недовольна нашими дѣйствіями и ждетъ, что мы сдѣлаемъ гораздо больше, отдавъ приказъ, чтобы ни одинъ Русскій корабль вовсе не былъ задержанъ, — все это порождало весьма грустныя соображенія и не могло наконецъ не возбудить чувствъ непохожихъ на тѣ, которыя мы были такъ искренно расположены питать къ ея императорскому величеству. Ей стоило только потрудиться размыслить о томъ, откуда являлись эти жалобы и въ какомъ тонѣ онѣ были составлены, чтобы убѣдиться въ цѣли, къ которой онѣ были направлены, а также и въ томъ, что въ то самое время, какъ она думала, что оказываетъ покровительство обиженнымъ и угнетеннымъ купцамъ, она въ сущности служила лишь орудіемъ нашихъ враговъ. То, что̀ недавно произошло, составляло поразительный примѣръ справедливости моихъ словъ; оно не нуждалось въ комментаріяхъ, и я увѣренъ, что этотъ случай [14]) не можетъ не произвести желаемаго дѣйствія на ея императорское величество, если только онъ будетъ ей переданъ съ той точностью и безпристрастіемъ, которыми, какъ мнѣ хорошо извѣстно, его доклады всегда от-

[14]) Русскій корабль, снаряженный для Испаніи, былъ остановленъ Англійскимъ фрегатомъ Аріадной; но вскорѣ послѣ того онъ былъ отпущенъ.

личаются. Если только она потрудится припомнить положеніе, въ которомъ Англія теперь находится, важный вопросъ, который у нея въ ходу, чрезвычайныя усилія, ею употребляемыя для поддержанія дѣла, признаваемаго самой императрицей за дѣло правое, то мнѣ кажется, что послѣ этого она будетъ не въ состояніи потребовать отъ насъ распоряженія, которое, касаясь однихъ ея кораблей, причинило бы намъ безпрерывныя ссоры, а распространенное на всѣхъ вообще повлекло бы за собой самыя пагубныя послѣдствія. Въ заключеніе я прибавилъ, что, какъ я слышалъ, Прусскіе агенты осмѣлились утверждать, будто ихъ король, запугавъ насъ, добился такого приказанія и что Прусскіе корабли проходили нетронутыми, между тѣмъ какъ Русскіе были останавливаемы нашими крейсерами; почему я и считалъ необходимымъ заявить, что подобное увѣреніе составляетъ самую очевидную ложь.

Секретарь всегда внимателенъ ко всему, что́ ему говорятъ, а на этотъ разъ показался мнѣ еще внимательнѣе, чѣмъ обыкновенно. Какъ и всегда, онъ отвѣчалъ немногими словами. Тѣмъ не менѣе онъ увѣрилъ меня, что императрица сама убѣдилась, что послѣднія, высказанныя противъ насъ, обвиненія были поспѣшны и неосновательны; что она была слишкомъ хорошо расположена къ намъ и слишкомъ просвѣщенна для того, чтобы интриги нашихъ враговъ могли на нее подѣйствовать, и что я могъ положиться на то, что́ онъ передастъ ей все мною сказанное.

42.

Петербургъ, 9-го Ноября 1781 г.

Императрица съ нѣкоторыхъ поръ замѣтно отличаетъ министровъ Французскаго и Прусскаго и въ воскресенье, очевидно, искала случая поговорить съ послѣднимъ такимъ образомъ, чтобы разговоръ ихъ никѣмъ не былъ услышанъ. До сихъ поръ она постоянно относилась къ де-Вераку чрезвычайно холодно и доказывала, что онъ ей не нравится, между тѣмъ вотъ уже три пріема при Дворѣ, какъ она исключаетъ меня и приглашаетъ его къ своей карточной игрѣ, и я знаю, что въ интимномъ кругу она стала хорошо объ немъ отзываться.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что отличія эти доставлены ему княземъ Потемкинымъ, а также и то, что князь Потемкинъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ Панинымъ, какъ ни покажется это неправдоподобнымъ; и что, по всей вѣроятности, добившись его паденія, онъ теперь будетъ стараться постепенно возвратить его къ милости императрицы. Не менѣе очевидно и то, что онъ враждебно смотритъ на интересы Австріи и, для того, чтобы противодѣйствовать имъ, выжидаетъ только случая, который при непостоянномъ характерѣ императрицы не замедлитъ представиться. Эта перемѣна въ его дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ должна быть объяснена частію свойственнымъ ему непостоянствомъ, частію хитростью и интригами графа Панина, но больше всего сильной завистью, которую онъ питаетъ къ секретарю и къ его партіи.

Это нисколько не измѣнило моего съ нимъ обращенія. Я вижусь съ нимъ ежедневно, почти чаще прежняго; и какъ онъ старается меня обмануть, такъ и я хлопочу о томъ, чтобы сдѣлать видъ, что поддаюсь его обманамъ. Тѣмъ не менѣе я слѣжу за всякимъ его шагомъ, и хотя я не имѣю средствъ предупредить зло, надъ которымъ онъ работаетъ, по крайней мѣрѣ оно не застанетъ меня неприготовленнымъ, а васъ милордъ, непредувѣдомленнымъ.

43.

Петербургъ, 16-го Ноября 1781 г.

Теперь, согласно своему обѣщанію, я представлю намъ, милордъ, извлеченіе изъ различныхъ переговоровъ, кототорые я имѣлъ съ моимъ другомъ.

Онъ началъ съ своего обычнаго вступленія, жалуясь на перемѣну въ характерѣ импе-

ратрицы, говоря, что дѣйствія ея управляются или ея собственными капризами, или какой-то невидимой рукой, которой онъ при всей своей проницательности не могъ открыть; что онъ ничего не могъ сдѣлать, и что при такихъ обстоятельствахъ ему было тѣмъ тяжелѣе, что отвѣтственность за всякую несправедливую или неосновательную мѣру возлагалась на него. Затѣмъ онъ распространился насчетъ озлобленія его враговъ и т. д.

Вслѣдъ за этимъ предметомъ онъ весьма искусно коснулся частыхъ посѣщеній, дѣлаемыхъ ему въ послѣднее время графомъ Герцемъ и маркизомъ де-Веракомъ,—такъ какъ ему было хорошо извѣстно, что эти посѣщенія не могли ускользнуть отъ моего вниманія. Онъ сказалъ, что первый изъ нихъ говорилъ съ нимъ о покупкѣ лошадей въ Малороссіи для ремонтировки Прусской кавалеріи; что необходимость попросить на это позволенія и поблагодарить его, какъ скоро это позволеніе было дано, послужила поводомъ къ болѣе частымъ противъ прежняго появленіямъ графа Герца въ его домѣ. Что́ же касается до маркиза де-Верака, то это личность до того незначительна, что онъ не сомнѣвался, что его посѣщенія не могли меня безпокоить; тѣмъ не менѣе онъ могъ меня увѣрить, что они не вызваны ни удовольствіемъ, доставляемымъ ему обществомъ этого человѣка, ни какимъ либо важнымъ дѣломъ, ему порученнымъ; что де-Веракъ являлся къ нему единственно съ цѣлью попросить его за несчастнаго Француза, осужденнаго къ смертной казни, а также помочь какому-то Антуану, который хотѣлъ открыть Французскій торговый домъ въ Херсонѣ. И, вѣроятно, съ цѣлью отвлечь меня ото всякой серіозной мысли насчетъ этихъ предметовъ, князь Потемкинъ далъ волю таланту, которымъ онъ обладаетъ въ совершенствѣ, и такъ уморительно представилъ разговоръ между нимъ, Французскимъ министромъ и Французскимъ купцомъ, что было невозможно, хотя на нѣкоторое время, не потерять изъ виду тѣхъ чрезвычайно интересныхъ вопросовъ, о которыхъ мы разсуждаемъ. Скоро, однако, онъ вернулся къ нимъ и привелъ мнѣ на память множество фактовъ, клонившихся къ тому, чтобы доказать мнѣ, что въ дѣлахъ политическихъ онъ могъ сдѣлать лишь немного, что это немногое всегда было направлено къ благимъ цѣлямъ, и не онъ виноватъ, если онѣ не вполнѣ достигались. Далѣе онъ, нисколько не стѣсняясь, пустился въ осужденіе дѣйствій императрицы, прибавляя, что ему весьма жаль, что такія безтолковыя и слабыя дѣйствія приписывались его управленію и совѣтамъ.

Онъ говорилъ о покореніи Турокъ, о противодѣйствіи королю Прусскому, наконецъ о томъ, чтобы отдѣлить Австрію отъ Франціи и составить тройственный союзъ между Англіей и обоими императорскими Дворами. Но самъ онъ сознавалъ, что все это лишь однѣ мечты, а я принялъ это за хитрую и благовидную рѣчь, разсчитанную для минутной цѣли.

Способъ, которымъ Потемкинъ объясняетъ посѣщенія министровъ Прусскаго и Французскаго, придуманъ весьма хитро, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ они, вѣроятно, еще не касались дѣла; но не менѣе достовѣрно и то, что онъ ухаживаетъ за ними, старается о поддержаніи ихъ знакомства и что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ руководится тайнымъ соглашеніемъ, послѣдствія котораго откроетъ время,—соглашеніемъ, существующимъ между нимъ и графомъ Панинымъ. То что́ онъ говоритъ объ императрицѣ подходитъ подъ тоже самое описаніе. Очевидно, что онъ не можетъ добиться своихъ цѣлей черезъ прямое обращеніе; но онъ прекрасно умѣетъ дѣйствовать на нее постепенно и въ заключеніе всегда доводитъ ее до того, чего желаетъ; и въ его несогласіи употребить подобную мѣру въ нашу пользу заключается причина, почему его попытка услужить намъ не удалась. Поэтому онъ оказываетъ мнѣ больше личнаго вниманія, чѣмъ когда бы то ни было и употребляетъ выраженія уваженія и привязанности, которыхъ я не слышалъ отъ него даже и тогда, когда эти чувства были искреннѣе. Я съ своей стороны рѣшился дѣ-

лать видъ, что поддаюсь его обману и вѣрю всѣмъ его словамъ, чтобы не обидѣть его противорѣчіемъ и не обеспокоить пытливостью. Для человѣка съ направленіемъ его ума все, что я могу сказать или сдѣлать, окажется безполезнымъ: дѣйствія его побуждаются цѣлями, до которыхъ я не могу достигнуть, и всякая попытка такого рода только бы усилила зло; между тѣмъ какъ, сохраняя по наружности спокойствіе, я, можетъ быть, успѣю сдѣлать его менѣе осторожнымъ въ его дѣйствіяхъ, черезъ что на пути ихъ явятся препятствія. Тѣмъ не менѣе задача, которую мнѣ предстоитъ выполнить, становится съ каждымъ днемъ щекотливѣе, а положеніе мое дѣлается все болѣе и болѣе затруднительно.

44.

Петербургъ, 7-го Декабря 1781 г.

Еслибы чего-нибудь недоставало для того, чтобы утвердить меня въ мысли, что настоящее расположеніе этого Двора къ Великобританіи враждебно, такое доказательство явилось бы при полученіи здѣсь послѣднихъ непріятныхъ извѣстій изъ Америки [15]). Они приписываютъ потерю, которую мы потерпѣли, нашей собственной ошибкѣ; и вмѣсто того, чтобъ выражать ту степень сожалѣнія и безпокойства, которыя бы должна испытывать нація, столь тѣсно связанная своими интересами съ Англіей, они разглагольствуютъ противъ насъ же самымъ несправедливымъ образомъ. Я было надѣялся, судя по наружности императрицы, когда она говорила со мной объ этомъ, вернувшись изъ церкви въ воскресенье (немедленно послѣ полученія ею этого извѣстія), что оно подѣйствовало на нее, какъ слѣдовало; но скоро замѣтилъ черезъ князя Потемкина, съ которымъ провелъ остатокъ дня, что я ошибался. Правда, онъ былъ не менѣе дружественъ, чѣмъ обыкновенно въ своихъ увѣреніяхъ; онъ не скупился на выраженія сожалѣнія по поводу случившагося, но къ нимъ примѣшивалось столько нелиберальнаго осужденія, что я съ трудомъ сдерживалъ свое раздраженіе. Тѣмъ не менѣе я не далъ воли негодованію, котораго не могъ не испытывать и удовольствовался, сказавъ, что я убѣжденъ, что все, имъ высказанное, было вызвано лишь его сожалѣніемъ о несчастномъ событіи, которое только что произошло; что, слѣдовательно, расходясь на счетъ причины, мы были совершенно согласны относительно послѣдствій настоящаго кризиса; и что я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ, употребивъ въ дѣло такую дѣятельность, какой только я могу отъ него пожелать, докажетъ императрицѣ, что, продолжая относиться такъ равнодушно къ успѣхамъ честолюбивыхъ замысловъ нашихъ враговъ, она пренебрегала своими собственными интересами.

Я расположенъ къ мысли, что въ настоящемъ случаѣ императрица испытываетъ болѣе истиннаго сожалѣнія, чѣмъ всѣ ея министры; но я теперь нахожусь въ такомъ положеніи, что не могу извлечь никакой выгоды изъ этого настроенія.

[15]) Сдача лорда Корнваллиса и его арміи 17-го Октября 1781 года въ Іоркъ-Тоунѣ.

1782-Й ГОДЪ.

45.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 7-го Января 1782 г.

Марковъ [16]) выѣхалъ сегодня рано утромъ къ мѣсту своего назначенія. Я имѣю полное основаніе предполагать, что онъ исполнитъ приказанія императрицы лучше и безпристрастнѣе своего товарища, и что его донесенія насчетъ состоянія, расположенія и настроенія республики, будутъ свободны отъ предразсудковъ и всякихъ преднамѣренныхъ искаженій. Я употребилъ всѣ свои усилія для того, чтобы дать ему правильное понятіе о нашемъ положеніи относительно Голандіи, и съ помощью всѣхъ предварительныхъ свѣ-

[16]) Посланный въ Гагу для веденія переговоровъ между Англіей и Голандіей.

дѣній, которыя я только могъ ему сообщить, постарался приготовить его на столько, чтобы лживыя, но благовидныя разсужденія, которыя онъ услышитъ по пріѣздѣ въ Гагу, не могли уже сбить его съ однажды принятаго имъ пути. Я нѣсколько разъ повторилъ ему, что нечего и думать ни о какой перемѣнѣ, существенно измѣняющей смыслъ условій, заявленныхъ нами здѣсь (и которыя ему сообщены), и что онъ введетъ Голандцевъ въ заблужденіе и только продолжитъ войну, подавъ имъ даже отдаленнѣйшую надежду такого рода. Я прибавилъ также, что нельзя ни подъ какимъ видомъ допустить ихъ примѣшать къ дѣлу вооруженный нейтралитетъ; что все, относящее до этого вопроса, немедленно измѣнитъ духъ вмѣшательства императрицы, обративъ его въ вооруженное посредничество, котораго въ такомъ случаѣ принять было бы уже невозможно. Разобравъ эти два предмета, о важности которыхъ я не могъ довольно распространиться, я замѣтилъ ему, что, хотя въ наружномъ поведеніи герцога де-ла-Вогюонъ онъ, вѣроятно, найдетъ всѣ признаки величайшей дружбы и искренности, тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть увѣренъ, что никто сильнѣе этого посланника не сопротивлялся и не будетъ сопротивляться успѣхамъ этихъ переговоровъ, начиная съ самаго ихъ появленія и до конца, съ употребленіемъ всевозможныхъ тайныхъ и незамѣтныхъ средствъ; что, по дошедшимъ до меня достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ въ кругу своихъ друзей выражался объ императрицѣ совершенно иначе, чѣмъ то было оффиціально принято его Дворомъ, и что онъ былъ особенно недоволенъ его (Маркова) назначеніемъ, будучи вполнѣ убѣжденъ, что онъ не окажется такимъ послушнымъ и не дастъ себя такъ обманывать, какъ князь Голицынъ. Въ заключеніе я выразилъ надежду насчетъ того, что не будетъ и рѣчи о прекращеніи военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока предварительные переговоры будутъ дѣйствительно подписаны. Подобная мѣра была до того выгодна для Голандцевъ и вредна для насъ, что нельзя было требовать, чтобы на нее согласились, пока результатъ переговоровъ оставался подъ сомнѣніемъ.

Послѣдній мой разговоръ съ Марковымъ происходилъ вчера за нѣсколько часовъ до его отъѣзда и, если только на него не подѣйствуютъ Потсдамскія чары, онъ пріѣдетъ въ Гагу съ самыми правильными понятіями и благими намѣреніями. Я позволилъ себѣ также сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу этого предмета и сообщилъ ему такія свѣдѣнія насчетъ характера и расположенія его Прусскаго величества, вслѣдствіе которыхъ онъ будетъ остерегаться его убѣдительнаго обращенія и почти неотразимаго краснорѣчія.

46.

Петербургъ, 11-го Января 1782 г.

Боюсь, что мнѣ не удастся найти человѣка, который бы частно передалъ ея императорскому величеству соображенія насчетъ настоящаго положенія дѣлъ, а также важное свѣдѣніе, сообщенное мнѣ вами, милордъ [17]. У меня нѣтъ рѣшительно никого, на кого бы я могъ положиться; и съ тѣхъ поръ, какъ перемѣна чувствъ моего друга сдѣлалась очевидна, я покинутъ всѣми лицами, ему подчиненными и отъ него зависящими, которыя, служа мнѣ, думали, что служатъ ему. Всѣ они, съ перемѣнчивостью, свойственной подобнымъ характерамъ, передались противоположной сторонѣ. А такъ какъ императрица также лишила меня своихъ прежнихъ милостей, то никто не хочетъ болѣе говорить ей какъ обо мнѣ, такъ и за меня; и тѣ самыя личности, которыя прежде имѣли привычку относиться обо мнѣ съ похвалой, теперь думаютъ угодить ей, осуждая меня и роняя меня въ ея мнѣніи. Поэтому я не только нахожусь въ полномъ одиночествѣ, но въ тоже время и совершенно беззащитенъ противъ козней,

[17]) Лордъ Стормонтъ пишетъ Д. Гаррису 28-го Декабря 1781 г., что, по мнѣнію его, тайная цѣль союза между обоими императорскими Дворами состоитъ въ разчлененіи Турецкой имперіи и что, имѣя въ виду воспрепятствовать этому, Французское правительство заплатило ихъ посланникамъ въ Константинополѣ 500,000 франковъ.

внушенныхъ личной враждой и управляемыхъ врагами ожесточенными, могущественными и глубоко опытными въ дѣлѣ придворныхъ интригъ, а личное ихъ ко мнѣ недоброжелательство усиливаетъ и враждебное расположеніе ихъ къ моему Двору. Они никогда не допустятъ меня заслужить ту репутацію, которую бы доставилъ мнѣ успѣхъ въ возложенныхъ на меня переговорахъ, и они не пожалѣютъ никакихъ трудовъ, лишь бы только навлечь на меня то осужденіе и немилость, которыя обыкновенно постигаютъ того, кто испытываетъ неудачу въ своемъ предпріятіи....Я чувствую, что становлюсь со всякимъ днемъ менѣе и менѣе способнымъ оставаться при этомъ Дворѣ.

47.

Петербургъ, 4-го Февраля 1782 г.

Погода снова была необыкновенно сурова: въ запрошедшую ночь термометръ стоялъ на тридцати градусахъ ниже точки замерзанія и съ понедѣльника не поднимался выше двадцати градусовъ. Эпидемическая непогода исчезаетъ. Дѣйствіе ея ощущалось во всѣхъ окрестностяхъ, и я слышалъ, что оно достигло даже Курляндіи и Польской Пруссіи.

Вчера вице-канцлеръ (не министерски, какъ онъ позаботился упомянуть) увѣрилъ меня, что, согласно его личному мнѣнію, намъ стоило только признать правила вооруженнаго нейтралитета, чтобы немедленно получить миръ съ Голандіей на собственныхъ нашихъ условіяхъ. Онъ прибавилъ, что говоритъ въ такомъ смыслѣ, основываясь на томъ, что́ сообщали ему здѣшній Голандскій посланникъ и изъ Гаги князь Голицынъ. Его превосходительство представилъ много доводовъ, клонившихся къ тому, чтобы доказать мнѣ, почему мы не должны медлить въ этомъ случаѣ; главнѣйшіе изъ нихъ состояли въ томъ, что такое поведеніе съ нашей стороны совершенно уничтожило бы усилія Французской партіи въ Голандіи и, безъ всякаго сомнѣнія, пріобрѣло бы намъ дружбу императрицы. Онъ много распространялся по поводу этого предмета и, казалось, особенно старался заставить меня согласиться съ его разсужденіями и передать ихъ вамъ, милордъ, какъ убѣдительныя и основательныя. Тѣмъ не менѣе онъ часто повторялъ, что говоритъ лишь самъ отъ себя, а не вслѣдствіе приказаній.

Я отвѣчалъ ему въ немногихъ словахъ, что вооруженный нейтралитетъ представлялъ собой вопросъ, совершенно отдѣльный отъ нашей ссоры съ Голандцами; что признаніе или непризнаніе нами его правилъ не могло ни задержать, ни ускорить мира между нами; что наши враги и недоброжелатели, хорошо зная пристрастіе ея императорскаго величества къ этой лигѣ, съ самаго начала старались связать ее съ нашими ссорами въ Голандіи и смѣшать столкновеніе по этимъ вопросамъ съ нашими переговорами о мирѣ,— черезъ что̀ все дѣло запутывалось и заслуживало осужденія. Я сказалъ, что я былъ счастливъ услышать отъ столь уважаемаго авторитета, какъ его личность, что Голандія была расположена къ миру и что, по всей вѣроятности, единственное оставшееся затрудненіе состояло въ томъ, чтобы торговля ихъ была признана нейтральной въ военное время; что это было весьма легко исполнить, пересмотрѣвъ внимательно и безпристрастно трактатъ 1674 г., что это было желательно для обоихъ народовъ, но для Голандцевъ скорѣе, чѣмъ для насъ, такъ какъ ежедневный опытъ долженъ былъ убѣдить ихъ, что не мы, а они больше теряли черезъ настоящую войну.

Въ заключеніе вице-канцлеръ еще разъ вернулся къ своей рѣчи, сказавъ, что такъ какъ онъ говорилъ въ качествѣ истиннаго доброжелателя Великобританіи, то проситъ меня передать домой все, что́ я отъ него слышалъ. Это я весьма охотно обѣщалъ ему исполнить.

48.

ПИСЬМО ГАРРИСА ГЮГУ ЭЛЛІОТУ ВЪ БЕРЛИНЪ *).

Петербургъ, 7-го Февраля 1782 г.

Такъ какъ графъ Румянцовъ **) вѣроятно не заблагоразсудитъ распространиться насчетъ здѣшняго Двора и, можетъ быть, постыдится или просто не захочетъ войти въ подробное описаніе его характера, настроенія и пружинъ, имъ двигающихъ, правилъ, управляющихъ его дѣйствіями, а также непостоянной системы, въ которой онъ колеблется, то я поставилъ себѣ задачей поговорить съ вами объ этихъ вопросахъ и открыть вамъ „тайны моей тюрьмы“, тайны, которыя хотя мнѣ не запрещено сообщать, но вамъ запрещено повторять.

Постоянные интересы государства приносятся въ жертву интересамъ минуты. Благоразумная система политики, столь важная для Европы вообще, выгодная для Россіи и полезная для Великобританіи, забыта. О томъ, что̀ можетъ произойти, никогда не думаютъ; а главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы извлечь немедленную выгоду изъ того, что́ происходитъ, не принимая въ соображеніе, относится ли то къ ущербу пріятеля или врага и не размышляя о непосредственныхъ послѣдствіяхъ. Установить дѣятельную торговлю въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни кораблей, ни моряковъ, ни гаваней, ни купцовъ, составляетъ страсть настоящей минуты.

Средства, употребленныя съ этой цѣлью, также неправильны, какъ сама попытка невозможна. Всеобщая свобода мореплаванія предполагалась для всѣхъ морскихъ державъ, которымъ она будетъ насильно навязана; привилегіи, которыя, принадлежа одной Россіи, были бы для нея полезны, будутъ раздаваться всѣмъ безъ различія; и въ то самое время, какъ употребляются величайшія усилія для того, чтобы обратить Русскихъ купцовъ въ крупныхъ комерсантовъ, съ другой стороны, всѣ ихъ сосѣди поощряются самой императрицей къ подобной же дѣятельности, и такимъ образомъ она одной рукой разрушаетъ то, что̀ созидаетъ другой. Причина такого поведенія заключается не въ недостаткѣ познаній, а въ одномъ только тщеславіи. Какъ ни дорожитъ она мыслью объ основаніи морской торговли, ей еще пріятнѣе прослыть всеобщей законодательницей на морѣ; и, когда эта блестящая цѣль выставляется ей на видъ, она не можетъ противиться ея обаянію. Напрасно было бы напоминать ей, до какой степени правила ея знаменитой конвенціи противорѣчатъ ея собственнымъ дѣйствіямъ во время послѣдней Турецкой войны; какъ не согласны они съ установленными началами droit des gens (народнаго права), какъ вредны они для одной изъ воюющихъ державъ и въ тоже время выгодны для другихъ,—словомъ, какъ ненейтраленъ ея вооруженный нейтралитетъ.

Всѣ подобные доводы, которые я часто передавалъ ей черезъ посредство другихъ лицъ, а разъ высказалъ прямо ей самой, не въ состояніи ее убѣдить; они возбуждаютъ одно раздраженіе и, вмѣсто того, чтобы ослабить узелъ, еще крѣпче его затягиваютъ. Туже участь встрѣчаютъ равно благоразумныя разсужденія, основательность которыхъ должна бросаться въ глаза, относительно настоящаго положенія Европы и необходимости, которая является для сѣверныхъ державъ, въ видахъ собственныхъ выгодъ, держаться образа дѣйствій совершенно различнаго отъ того, которому онѣ до сихъ поръ слѣдовали. Если же императрица на эти аргументы отвѣчаетъ, то лишь для того, чтобы ихъ оспаривать, входя въ разсмотрѣніе островитянской системы, преслѣдуемой нами со времени Парижскаго мира, причемъ она обвиняетъ насъ во всѣхъ несчастіяхъ, постигшихъ насъ съ тѣхъ поръ. Удивительно, что въ то самое время, какъ наши предложенія отвергаются, въ нашихъ увѣреніяхъ сомнѣваются и ничему изъ сказанна-

*) Это письмо слишкомъ ясно передастъ раздраженіе Д. Гарриса, происходившее отъ неудачныхъ попытокъ склонить Россію къ союзу съ Великобританіей.

**) Графъ Сергѣй Петровичъ, посланникъ Русскій въ Берлинѣ.

го нами не вѣрятъ, рѣчи нашихъ враговъ, правдивость которыхъ никогда не приравнивалась къ нашей, выслушиваются, имъ вѣрятъ и даже ими восхищаются.

Понятіе объ умѣренности и отсутствіи честолюбія со стороны Французскаго министерства здѣсь до того установилось, что три или четыре акта, которые они въ послѣднее время принуждены были издать въ свѣтъ и которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ встревожили бы всю Европу, теперь пропущены безъ вниманія. Они поддаются вліянію лести и довольствуются сборомъ 50 коп. droit du tonneau (пошлина съ бочки) и незначительной, но своевременной угодливостью, которая говоритъ страстямъ, а не разсудку. Здѣсь мы предаемся самой пагубной безпечности и погружены въ сладкій сонъ, изъ котораго пробужденіе будетъ весьма горько.

Англичане, которые не умѣютъ льстить, да если-бы и умѣли, находятся въ положеніи, не позволяющемъ имъ выжидать дѣйствія этого медленнаго яда, которые сознаютъ справедливость своего дѣла и основаній, составляющихъ его почву,—никакими представленіями, и даже самимъ опытомъ не убѣждаются въ томъ, чтобы государыня, поднявшая свою имперію до такой высокой славы и такъ часто доказывавшая, что, соблюдая собственные интересы, она въ тоже время не остается равнодушной и къ выгодамъ своихъ друзей, не смотря на все это, была бы способна увлечься призракомъ, не обращая никакого вниманія на тѣ самые доводы, съ которыми она такъ часто соглашалась,—Англичане, говорю я, ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ отступить отъ своего національнаго характера въ переговорахъ съ нею. Всякій разъ, какъ они считаютъ себя обиженными, они жалуются, возражаютъ, когда оказывается слишкомъ замѣтное пристрастіе въ пользу ихъ враговъ, и никакъ не могутъ согласиться признавать за безконечно мудрое то, что̀ по собственному здравому смыслу они считаютъ просто нелѣпымъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ мы сдѣлались непопулярными, „наша нація въ упадкѣ, наше министерство испорчено, недостаточно и враждебно, и ни для кого не безопасно связать свои интересы съ нашими.“

49.

ПИСЬМО ГАРРИСА ГЮГУ ЭЛЛІОТУ ВЪ БЕРЛИНЪ.

Петербургъ, 25-го Февраля 1782 г.

Медленность дѣлъ въ Голандіи и состояніе анархіи и безпорядка, въ которомъ они находятся, ставятъ въ невозможность отдать себѣ ясный отчетъ въ нихъ, и я могу только сказать вамъ, что мы готовы заключить миръ на подходящихъ и справедливыхъ условіяхъ, а о другихъ мы не хотимъ и слышать; что императрица съ одной стороны, повидимому, рѣшилась помѣшать союзу между республикой и Франціей, на сколько то будетъ отъ нея зависѣть, а съ другой стороны въ ней замѣтно расположеніе доставить штатамъ всѣ привилегіи вооруженнаго нейтралитета.

Потемкинъ не утратилъ ни милостей, ни власти, но пользуется ими въ смыслѣ, котораго я не могу такъ одобрять, какъ одобрялъ его предшествовавшее поведеніе.

50.

ПИСЬМО ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 4-го Марта 1782 г.

Въ началѣ этой недѣли я провелъ два дня въ Кронштадтѣ. Положеніе флота далеко не цвѣтущее. Въ казначействѣ нѣтъ денегъ, а суммы, назначенныя для постройки новыхъ кораблей, далеко недостаточны, хотя, кромѣ 500,000 рублей, императрица умножила ежегодный морской фондъ суммою отъ 12 до 16 милл. Величайшая скудость въ лѣсѣ, и что̀ еще удивительнѣе, ни клочка конопли и ни капли желѣза во всѣхъ магазинахъ. Я видѣлъ и разсматривалъ бревна, назначенныя для постройки первой сотни вооруженныхъ судовъ; и хотя они выбираются съ величайшимъ стараніемъ, тѣмъ не менѣе оказываются негодными еще прежде употребленія въ дѣло. Ко-

рабли, вернувшіеся въ прошломъ году изъ Средиземнаго моря и изъ Лиссабона, всѣ, безъ исключенія, потребуютъ починки, а нѣкоторые изъ нихъ придется перестроить совершенно заново. Десять кораблей и четыре фрегата приказано изготовить въ этомъ году. Половина изъ нихъ назначается для Леггорна, а остальные будутъ крейсировать въ окрестностяхъ. Я перешлю вамъ ихъ имена при первой возможности. Въ случаѣ необходимости, они, пожалуй, могутъ выставить изъ Балтійскаго моря двадцать линейныхъ кораблей, но тогда это море осталось бы совершенно безъ защиты. У нихъ только 15,000 моряковъ, и они вовсе не заботятся о приготовленіи новыхъ; а офицеры ихъ до того невѣжественны, лѣнивы и невнимательны, что, не будь на ихъ службѣ иностранцевъ, они бы не могли справиться и съ слабѣйшими изъ своихъ Балтійскихъ сосѣдей.

51.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 8-го Марта 1782 г.

Могу сообщить вамъ за достовѣрное, что скоро будетъ новый любимецъ. Я уже упоминалъ о немъ нѣсколько времени тому назадъ. Выбранъ онъ княземъ Потемкинымъ между лицами ему подчиненными. Единственное оставшееся затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы прилично отдѣлаться отъ настоящаго любимца, который велъ себя до сихъ поръ и теперь продолжаетъ вести себя съ совершенной угодливостью и осторожностью, такъ что нѣтъ возможности его въ чемъ-либо обвинить. Онъ ни ревнивъ, ни непостояненъ, ни высокомѣренъ; и даже въ настоящую минуту, когда онъ не можетъ не знать своего приближающагося паденія, онъ остается вѣрнымъ своему безразлично - спокойному характеру. Однако, это только отсрочитъ, но не отмѣнитъ открытаго назначенія ему преемника. Намѣреніе, принятое на этотъ счетъ, непоколебимо, и другъ мой слишкомъ заинтересованъ въ этой перемѣнѣ, чтобы не настоять на ея исполненіи. Это возвратитъ ему всю его силу, и я предвижу, что въ теченіи перваго мѣсяца или шести недѣль онъ будетъ въ нѣкоторомъ отношеніи всемогущъ *).

Я былъ бы счастливъ, еслибы имѣлъ малѣйшую надежду на то, чтобы онъ сдѣлалъ хорошее употребленіе изъ этого усиленія власти; но какъ мои собственныя наблюденія, такъ и то, что я слышу, приводятъ меня къ желанію, чтобы онъ воспользовался своимъ вліяніемъ лишь для пріобрѣтенія богатствъ для себя и почестей для своего семейства, нисколько не вмѣшиваясь въ направленіе политической системы этой имперіи: такъ какъ я убѣжденъ, что, вступившись въ нее, онъ бы направилъ ее къ цѣлямъ совершенно противоположнымъ тѣмъ увѣреніямъ, которыя я такъ часто слышалъ отъ императрицы, считая ихъ въ то время вполнѣ искренними.

Прусскій министръ, составляющій душу противной намъ партіи и придающій жизнь и энергію министрамъ Французскому, Голландскому и Испанскому, усиленно, хотя и незамѣтно, за нимъ ухаживалъ; а его Прусское величество, не знаю съ помощью какихъ средствъ, отъискалъ секретъ возобновить съ нимъ дружбу. Графъ Панинъ былъ ему, вѣроятно, весьма полезенъ въ этомъ случаѣ.

Графъ Герцъ ничего не дѣлаетъ, не посовѣтовавшись съ нимъ (т. е. съ Панинымъ); и какъ ни странно оно покажется, этотъ разжалованный министръ, съ того времени, какъ впалъ въ немилость, существеннѣе повредилъ интересамъ Австріи здѣсь, чѣмъ стоя въ главѣ своего департамента и открыто имъ противодѣйствуя. Въ нѣсколько недѣль, вѣроятно, произойдутъ событія; но пока, какъ обыкновенно случается въ подобныя минуты, во всемъ замѣтенъ застой: даже обыкновенными и ежедневными дѣлами пренебрегаютъ, и ея императорское величество, въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль, не видѣла никого, кромѣ лицъ, составляющихъ ея интимный кругъ.

*) Однако Ланской удержался до своей кончины (25 Іюня 1784). *П. Б.*

52.

ПИСЬМА МИСТЕРА ФОКСА [18]) ГАРРИСУ.

Сентъ-Джемсъ, 2-го Апрѣля 1782.

Вы увидите изъ оффиціальной моей депеши смыслъ новой системы управленія, которая теперь преобладаетъ въ нашей странѣ, а также убѣдитесь и въ томъ, до какой степени мы расположены къ миролюбивымъ мѣрамъ, относительно Голандіи въ особенности. Все, что̀ удастся вамъ сдѣлать въ этихъ видахъ и съ цѣлью расположить императрицу къ болѣе энергическому и дѣйствительному посредничеству между нашей страной и Голандіей, будетъ принято настоящими министрами его величества, какъ важнѣйшая изо всѣхъ услугъ.

Сентъ-Джемсъ, 2-го Апрѣля 1782 г.

Симолинъ сообщилъ мнѣ извлеченіе изъ писемъ князя Голицина и Маркова къ ихъ министру. Его величество подвергнулъ эту бумагу разсмотрѣнію довѣренныхъ своихъ слугъ, а затѣмъ ему угодно было приказать мнѣ на слѣдующій день написать Симолину отвѣтъ.

Считаю не лишнимъ замѣтить вамъ, что подобнымъ дѣйствіемъ его величество одновременно заявилъ какъ свое искреннее желаніе заключить миръ съ республикой, такъ и вниманіе, которое онъ всегда готовъ оказывать мнѣніямъ ея императорскаго величества; что, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласившись на единственное условіе, на которомъ ихъ высокія могущества настаивали, какъ на основаніи переговоровъ, его величество не оставляетъ ихъ высокимъ могуществамъ ни малѣйшаго повода къ продолженію военныхъ дѣйствій, если только они не отступятъ совершенно отъ основаній, принятыхъ ими въ ихъ резолюціи отъ 4-го числа прошедшаго мѣсяца. Лучшее и немедленное послѣдствіе этого событія состоитъ въ томъ, что какъ ея императорское величество, такъ и вся Европа, судя по этому первому дѣйствію новой администраціи [19]) и новой системы, вошедшей здѣсь въ силу, убѣдятся, что мы вполнѣ готовы на всякій благоразумный шагъ, который подвинетъ насъ къ миру, и что мы ничего такъ не желаемъ, какъ постоянно слѣдовать мѣрамъ, совпадающимъ съ желаніями и пріобрѣтающимъ намъ дружбу ея императорскаго величества. Его величество чрезвычайно желаетъ, чтобы въ этомъ важномъ случаѣ время не терялось понапрасну, а потому я имѣю приказаніе переслать вамъ эту депешу съ курьеромъ.

Отъ вашей проницательности не можетъ укрыться, что главный вопросъ, на которомъ вамъ слѣдуетъ настаивать, состоитъ въ томъ, чтобы объяснять уступку его величества уваженіемъ, которое онъ всегда готовъ оказывать чувствамъ и мнѣніямъ ея императорскаго величества.

53.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 7-го Апрѣля 1782 г.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ курьера, о которомъ вы говорите, хотя, судя по тому, что̀ я вижу здѣсь со всѣхъ сторонъ, едвали предстоитъ и отдаленнѣйшая надежда на примиреніе съ Голандіей. Намѣренія Маркова, какъ мнѣ кажется, хороши; но онъ явился слишкомъ поздно, а его сотоварищъ до того подчиненъ видамъ Французовъ, что Маркову будетъ невозможно исправить его поведеніе или загладить ошибки, сдѣланныя имъ добровольно либо по незнанію.

Я имѣю основаніе предполагать, что императрица обезпокоена усиленіемъ Французскаго вліянія въ Голандіи. Судьба переговоровъ, которые она такъ усиленно желала поднять, безъ всякаго сомнѣнія, убѣдитъ ее въ справедливости того, что̀ она такъ часто и такъ давно слышала отъ насъ насчетъ чувствъ и преобладающаго настроенія этой республики.

---

[18]) Мистеръ Фоксъ 27-го Марта заступилъ мѣсто лорда Стормонта.

[19]) Въ Англіи въ это время, кромѣ лорда Стормонта, смѣнился и лордъ Нордтъ, мѣсто котораго занялъ лордъ Рокингамъ.

54.

ПИСЬМО МИСТЕРА ФОКСА ГАРРИСУ.

Сентъ Джемсъ, 19-го Апрѣля 1782 г.

Желанія его величества насчетъ истинной и дѣйствительной дружбы между Россіей и здѣшней страной сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и вы не можете оказать его величеству болѣе существенной услуги, какъ подсказавъ ему тѣ средства, которыя, вслѣдствіе вашего опыта и знанія людей и обстоятельствъ страны, гдѣ вы находитесь, покажутся вамъ наиболѣе соотвѣтствующими достиженію столь желаемой цѣли. Есть ли еще малѣйшая надежда на вашего друга, или никакой? Представляются ли какія-нибудь посторонніе источники, къ которымъ бы было можно обратиться? Представляетъ ли Берлинскій Дворъ вѣрный путь? Возможно ли обращеніе къ личнымъ интересамъ, и обѣщаетъ ли оно оказаться дѣйствительнымъ? Всѣ эти предметы представляютъ вопросы, насчетъ которыхъ вѣрныя свѣдѣнія будутъ имѣть чрезвычайную важность, а ваше личное мнѣніе окажетъ значительное вліяніе.

55.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 19-го Апрѣля 1782 г.

Его величество, сдѣлавъ уступку по тому единственному пункту, на которомъ генеральные штаты настаивали и согласившись принять трактатъ 1674 г. основаніемъ настоящихъ переговоровъ, вполнѣ осуществилъ мысль ея императорскаго величества; а потому, сообщая это намѣреніе ея министрамъ, мнѣ оставалось только прибавить выраженія искренней дружбы и выставить все дѣло въ такомъ свѣтѣ, чтобы главной причиной сдѣланной уступки явилось бы уваженіе къ чувствамъ и мнѣніямъ ея императорскаго величества. Мысль эту я старался внушить при всякомъ разговорѣ вице-канцлеру.

Достаточно распространившись по поводу этой части моихъ инструкцій (при чемъ мнѣ пріятно увѣрить васъ, что я встрѣтилъ полный успѣхъ) я обратился къ мѣрамъ, казавшимся мнѣ необходимыми для того, чтобы придать посредничеству дѣйствительность и энергію, которыя бы ручались намъ за успѣхъ. Я напомнилъ вице-канцлеру, что, сдѣлавъ съ нашей стороны уступку, мы тѣмъ не только сошлись съ предложеніями самыхъ Голандцевъ, но, кромѣ того, поступили вполнѣ согласно съ желаніями здѣшняго Двора. Далѣе я высказалъ, что совершенное подчиненіе Голандіи Французскому вліянію такъ очевидно противорѣчило интересамъ здѣшней имперіи, что я находилъ нужнымъ настаивать на этомъ предметѣ; распространяясь же о немъ такъ подробно, я вовсе не имѣлъ въ виду убѣдить его превосходительство въ истинѣ, которой онъ, какъ всякій добрый и благомыслящій Русскій, не могъ не сознавать; но мнѣ хотѣлось только предостеречь его противъ обмановъ и хитростей Французовъ, которыя такъ часто удавались, что ихъ нельзя было достаточно остеречься. Затѣмъ я осмѣлился указать на тѣ мѣры, которыя казались мнѣ наиболѣе дѣйствительными для приданія энергіи вмѣшательству императрицы, что̀, по мнѣнію моему, могло быть исполнено лишь поддержкой друзей, оставшихся у насъ въ Голандіи, между тѣмъ какъ приверженцевъ Французской партіи слѣдовало запугать. На этомъ основаніи я совѣтовалъ немедленно отправить курьера къ Голицыну и Маркову; имъ слѣдовало дать самыя ясныя и положительныя предписанія настаивать, чтобы ихъ высокія могущества исполнили свои собственныя резолюціи и принялись бы за это немедленно, безъ малѣйшаго отлагательства, не допуская той медлительности, которую они представляли неразлучною съ конституціей ихъ республики, между тѣмъ какъ въ сущности они держались этого правила лишь при разсужденіи о мѣрахъ, которыя имъ не правились, и какъ мы недавно видѣли, подобной задержки не встрѣтилось, когда дѣло зашло о любимомъ ихъ проэктѣ союза съ Франціей и о независимости Аме-

рики. По этому я сильнѣйшимъ образомъ настаивалъ на необходимости, являющейся для Русскихъ министровъ въ Гагѣ, говорить твердо и рѣшительно; доказывалъ, что они должны дать Голандцамъ почувствовать, что нельзя шутить съ государыней, которая, при такой силѣ и могуществѣ, лишь въ видахъ человѣколюбія и для ихъ выгодъ, вступилась въ ихъ дѣла съ нами.

Я бы не осмѣлился говорить въ такомъ смыслѣ вице-канцлеру, еслибы мнѣ не удалось черезъ Безбородку и нѣкоторые другіе, еще болѣе частные, пути, предварительно довести эти мысли до императрицы, причемъ я получилъ увѣренность, что онѣ заслужатъ ея одобреніе. Еслибы я заранѣе не поступилъ такимъ образомъ, говорить такъ много вице-канцлеру значило бы принимать напрасный трудъ, такъ какъ онъ по видимому, только простой министръ.

56.

ДЕПЕША ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 19-го Апрѣля 1782 г.

Кромѣ отдѣльнаго мира съ Голандцами, императрица сильно занята мыслію о заключеніи общаго мира. Она желаетъ снова возстановить союзное вмѣшательство и затѣмъ возобновить предварительныя предложенія, поданныя еще въ теченіи прошлаго лѣта обоими императорскими Дворами всѣмъ воюющимъ державамъ, которыя тогда отвѣчали на нихъ отказомъ, и чтобы эти предложенія послужили основаніемъ переговоровъ.

Такъ какъ вы, вѣроятно, уже обсуждали этотъ предметъ, то мнѣ нѣтъ надобности его разбирать. Въ то время мы отказались отъ этихъ предложеній немедленно, враги же наши по долгомъ и зрѣломъ разсужденіи. Хотя съ тѣхъ поръ и встрѣтились обстоятельства, могущія поколебать наше рѣшеніе на этотъ счетъ, но съ ихъ стороны не произошло ничего подобнаго; и можно справедливо предполагать, что въ случаѣ, если оба посредничествующіе Двора возобновили бы тѣже предложенія, Дворы Бурбонскіе снова бы ихъ отвергли.

Намъ, можетъ быть, удастся склонить оба императорскихъ Двора обратиться къ Франціи и Испаніи въ такомъ смыслѣ, въ какомъ императрица въ настоящую минуту говоритъ Голандіи. Во всякомъ случаѣ это пріобрѣло бы намъ ихъ дружеское расположеніе, уничтоживъ въ тоже время понятіе о нашей неподатливости и гордости, столь преобладающее на континентѣ.

Императрица имѣетъ самое основательное и подробное понятіе о нашей ссорѣ съ Америкой; она полагаетъ самое вѣрное различіе между этой войной и тѣми войнами, которыя мы въ настоящую минуту ведемъ съ Европейскими державами. Относительно нашей войны съ Франціей и Испаніей мнѣ кажется, что, хотя то было противно ея собственнымъ интересамъ, тѣмъ не менѣе первоначально она не сожалѣла о томъ, что мы ведемъ столь неравную борьбу, рискуя при этомъ потерять часть того преобладанія, которому она завидовала, вмѣстѣ со всѣми значительными державами Европы. Теперь же оборотъ, принятый войной, начинаетъ ее безпокоить; и хотя, вслѣдствіе побужденій, нераздѣльныхъ отъ человѣческой слабости, она, можетъ быть, и желала бы видѣть уменьшеніе нашего значенія: за то, съ другой стороны, она слишкомъ хорошо сознаётъ свое собственное благополучіе, чтобы желать возвышенія Франціи и Испаніи, и въ настоящую минуту она, я въ томъ убѣжденъ, была бы посредницей болѣе безпристрастной и доброжелательной между Великобританіей и ея врагами, чѣмъ если бы переговоры произошли въ то время, какъ были предложены.

57

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 19-го Апрѣля 1782.

Императрица расположена оказывать величайшее довѣріе новой нашей администраціи.

Теперь она ожидаетъ, что будутъ приняты тѣ мѣры, которыхъ она такъ давно желала и которыя иногда совѣтовала. Можетъ быть, вы потребуете, чтобы я указалъ на тѣ именно мѣры, которыя будутъ ей особенно пріятны.

Предметъ, занимающій по преимуществу ея мысли, состоитъ въ томъ, чтобы обратить правила вооруженнаго нейтралитета во всеобщіе законы. Принимая эту мѣру, она первоначально имѣла въ виду цѣль совершенно отличную отъ той, которая была ею достигнута. Она чрезвычайно ошиблась при составленіи этого проэкта. Гордость помѣшала ей тотчасъ же отъ него отказаться; а съ тѣхъ поръ тщеславіе и непомѣрная лесть укоренили его въ ея умѣ.

Еслибы мы съ самаго начала или отвергли его совершенно, или приняли только по отношенію къ одной Россіи, я твердо убѣжденъ, что онъ остался бы безъ всякаго значенія. Я высказывалъ это мнѣніе въ то время; но теперь уже слишкомъ поздно, и я весьма далекъ отъ мысли, чтобы за простое удовлетвореніе фантазіи ея императорскаго величества (потому что это не что̀ иное какъ фантазія) стоило платить дорогой цѣной признанія пяти пунктовъ нейтральной конвенціи. Тѣмъ не менѣе я долженъ прибавить, что ничто бы не въ состояніи такъ всецѣло возвратить ее намъ и отдѣлить ее отъ нашихъ враговъ. Ей будетъ весьма пріятно всякое доказательство довѣрія, какое мы только найдемъ нужнымъ заявить ей относительно предполагаемыхъ нами мѣръ, все равно, будутъ ли эти мѣры миролюбивы, или какого бы то ни было свойства. Она любитъ, чтобы съ ней совѣтовались, и вся тайна умѣнья обходиться съ ней состоитъ въ томъ, чтобы заставить ее признать мнѣнія другихъ за свои собственныя. Король Прусскій въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ обладалъ этимъ Дворомъ, увѣривъ императрицу, что она имъ управляетъ, между тѣмъ какъ въ сущности онъ совершенно руководилъ всѣми ея дѣйствіями. Она избалована лестью и успѣхами. Тщеславіе и недостатокъ отчетливости въ мысляхъ составляютъ слабыя стороны ея характера и постоянно усиливаются по мѣрѣ того, какъ она старѣется. Князь Потемкинъ намъ болѣе не другъ, и былъ ли онъ искренно такимъ, или нѣтъ, этого я не берусь рѣшить. Секретарь *), кажется, хорошо къ намъ расположенъ; и онъ единственный человѣкъ, на кого я могу положиться и отъ котораго могу получить существенную помощь.

58.

ПИСЬМО ГАРРИСА ГЮГУ ЭЛЛІОТУ ВЪ БЕРЛИНЪ.

Петербургъ, 19-го Апрѣля 1782 г.

Императрица питала личное нерасположеніе къ прошедшей администраціи; но, кажется, она имѣетъ самое лучшее мнѣніе о лицахъ, составившихъ новую администрацію, и первый шагъ, принятый ими, встрѣтилъ ея полное одобреніе. Вслѣдствіе этого она въ Голандіи заговоритъ рѣшительно, и Голандцамъ скоро придется сознать всю беззаконность и нелѣпость своихъ дѣйствій. Они почувствуютъ это именно такъ, какъ заслужили, будучи вынуждены или согласиться на миръ противъ мнѣнія одной партіи, или продолжать войну, не имѣя никакой надежды на поддержку или помощь какой бы то ни было изъ сѣверныхъ державъ.

Весьма возможно, что тѣже чувства, которыя побудили нашихъ новыхъ повелителей сдѣлать такія уступки Голандцамъ, такъ или иначе воодушевятъ общее посредничество новой жизнью и дѣятельностью, и хотя (судя по настоящему положенію дѣлъ) я не ожидаю, чтобы это вызвало общій миръ, тѣмъ не менѣе это можетъ оказать намъ, по мнѣнію моему, еще болѣе существенную услугу и опредѣлить виды и мнѣнія Бурбонскихъ Дворовъ, заставивъ ихъ высказаться по этому поводу.

Пора сдернуть завѣсу съ глазъ всей Европы, и потомству покажется невѣроятнымъ,

---

*) Т. е. графъ А. А. Безбородко.

что подобное ослѣпленіе могло быть столь продолжительно.

59.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ СТОРМОНТУ.

Петербургъ, 23-го Апрѣля 1782 г.

Прежній любимецъ *) до сихъ поръ еще не получилъ положительной отставки. Его чрезвычайная угодливость сильно говоритъ въ его пользу. Онъ не даетъ ни малѣйшаго предлога къ тому, чтобы быть отставленнымъ; тѣмъ не менѣе, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что его участь рѣшена: для него купленъ домъ и приготовляются обычно-великолѣпные прощальные подарки. Послѣдніе чрезвычайно значительны, и такъ какъ они по необходимости являются такъ часто, то наконецъ не могутъ не наносить ущерба государственнымъ доходамъ. Со времени моего пріѣзда сюда, на это ежегодно тратилось не меньше милліона рублей, кромѣ огромныхъ пенсій князей Орлова и Потемкина. — Императрица, повидимому, чрезвычайно интересуется всѣмъ, что̀ происходитъ въ нашемъ Парламентѣ въ настоящую минуту. Она съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала подробностей насчетъ преній, происходившихъ въ Палатѣ Депутатовъ 28-го Февраля и аккуратно всякій почтовый день присылаетъ или князя Потемкина, или вице-канцлера спросить, нѣтъ ли у меня какихъ-нибудь новостей. Я желалъ бы имѣть основаніе приписать это чему-либо, кромѣ простаго любопытства.

60.

ДЕПЕША ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 9-го Мая 1782 г.

Никогда не легко сообщать правильное понятіе о состояніи и настроеніи этого Двора или указать на средства, самыя дѣйствительныя для того, чтобы дать благопріятное направленіе его образу дѣйствій и вліянію. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь здѣсь, непостоянство и переходчивость составляли отличительныя черты здѣшняго Двора, и свойства эти такъ часто заставляли меня ошибаться въ моихъ заключеніяхъ, что я теперь выражаю свои предположенія лишь робко и нерѣшительно. Все это особенно усилено въ настоящую минуту, ибо какъ въ домашнихъ, такъ и въ иностранныхъ дѣлахъ преобладаетъ равная степень неопредѣленности.

Могущество князя Потемкина и партіи секретаря, кажется, равносильно, но ни одинъ изъ нихъ не пользуется достаточнымъ вліяніемъ, чтобы отдѣлаться отъ настоящаго любимца, хотя оба этого желаютъ, и оба съ цѣлью добиться его отставки уже прибѣгали къ мѣрамъ, которыя до сихъ поръ оказывались неудачными. Прусское и Австрійское вліянія, кажется, тоже на вѣсахъ; и имѣя обязательства по отношенію къ обоимъ, невозможно опредѣлить, въ пользу котораго изъ нихъ высказалась бы императрица, въ случаѣ несогласія между ними. Признаюсь, однако, что дѣло Австріи, по видимому, упадаетъ, а Прусское возвышается. Относительно насъ императрица расположена гораздо благопріятнѣе, чѣмъ нѣсколько времени тому назадъ.

Она сильно раздражена Голандцами и далеко недовольна Французами; но ни гнѣвъ ея противъ нихъ, ни расположеніе ея къ намъ недостаточно доказаны, чтобы служить основаніемъ прочной системы. Самая пустая случайность можетъ измѣнить зрѣлище и, пока этотъ Дворъ не прибѣгнулъ къ мѣрамъ дѣйствительнымъ, никогда нельзя разсчитывать на твердость его намѣреній.

Относительно же того, чтобы намъ достигнуть благихъ результатовъ черезъ посредство иностранныхъ Дворовъ, я могу только сказать, что Прусское вліяніе причинило намъ много вреда, а Австрійское никогда не приносило намъ пользы. Въ продолженіи нѣкотораго времени одна изъ главныхъ моихъ цѣлей состояла въ томъ, чтобы ослабить первое и усилить послѣднее; и я испыталъ немало разочарованія, убѣдившись, что успѣхъ моихъ

*) А. Д. Ланской.

усилій навлекалъ на меня сильное недоброжелательство безъ малѣйшей отъ того выгоды для моего Двора. Поэтому теперь я могу только прибавить, что еслибы оказалась возможность помѣшать его Прусскому величеству вредить намъ, искажая всѣ наши дѣйствія и чувства, и ослабить при этомъ очевидное пристрастіе его къ Французамъ во всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ, это имѣло бы для насъ величайшую важность. Его министръ за эти послѣдніе два года былъ душой моихъ противниковъ; и, несмотря, на то, что онъ, повидимому, относится ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ и искренностью, я опасаюсь, что въ душѣ онъ остался вѣренъ тѣмъ же чувствамъ. Дѣло, мнѣ порученное, приняло бы совсѣмъ другой оборотъ, въ случаѣ если бы этотъ министръ оказался вѣренъ тому, что̀ говорилъ, т. е. нейтральнымъ и безпристрастнымъ.

Что̀ же касается до обращенія къ частнымъ интересамъ личностей, боюсь, что это составило бы только безполезную растрату общественныхъ денегъ, будучи примѣнено къ какимъ-либо другимъ цѣлямъ кромѣ полученія извѣстій, доведенія до свѣдѣнія императрицы неважныхъ фактовъ и наконецъ для того, чтобы зажать ротъ нашимъ мелкимъ врагамъ. Даже и эти предметы, вслѣдствіе чрезвычайной общей испорченности, стали такъ дороги, что на это одно потребуется значительная сумма. Ни одинъ человѣкъ, за исключеніемъ только моего друга, не имѣетъ достаточно вліянія, чтобы подѣйствовать на мнѣнія императрицы или направить ея дѣйствія; а онъ такъ непомѣрно богатъ, что, предположивъ его даже корыстолюбивымъ, нельзя надѣяться подкупить его менѣе какъ цѣною субсидіи.

61.

ПИСЬМО МИСТЕРА ФОКСА ДЖЕМСУ ГАРРИСУ.

Сентъ-Джемсъ, 21 Мая 1782 г.

Все, происшедшее какъ здѣсь, такъ и въ Голандіи, было довольно счастливо разсчитано въ видахъ поддержанія настоящаго благопріятнаго расположенія Петербургскаго Двора, и я не сомнѣваюсь, что въ эту минуту вы уже воспользовались моимъ письмомъ отъ 4-го, написаннымъ по приказанію его величества къ Симолину, воспользовались также умно и искусно, какъ и предшествовавшимъ отъ 29-го Марта.

Я переслалъ вамъ съ послѣдней почтой извѣщеніе о побѣдахъ сэра Джоржа Роднея въ Вестъ-Индіи, — подробности этого дѣла вы увидите изъ газеты, которую при семъ препровождаю. Если извѣстіе объ этомъ славномъ событіи вызоветъ въ нашу пользу какую-нибудь рѣшительную мѣру со стороны вашего Двора, то дѣла нашей страны могутъ принять оборотъ совершенно различный отъ того, на который, казалось, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ слѣдовало разсчитывать. Его величество повелѣлъ мнѣ передать вамъ для сообщенія вашему Двору, что онъ послалъ мистера Гренвиля въ Парижъ, уполномочивъ его предложить Версальскому Двору договоръ съ условіемъ, чтобы основаніемъ общаго мира послужили признаніе независимости тринадцати колоній и Парижскій трактатъ 1763 г. Во всемъ этомъ дѣлѣ его величество не сдѣлалъ ни одного шага, не сообщивъ его немедленно ея императорскому величеству. И такъ какъ онъ ясно понялъ изъ дѣла мистера Вентворта, что ея императорское величество желала, чтобы были употреблены всѣ средства, клонящіяся къ миру, какъ предмету особенно близкому ея сердцу, то его величество нисколько не опасается, чтобъ ея императорское величество увидала въ переговорахъ мистера Гренвиля доказательство неуваженія къ вмѣшательству ихъ императорскихъ величествъ. Напротивъ того, нашъ король, на основаніи искренняго расположенія императрицы, надѣется, что это послѣднее его распоряженіе будетъ принято за новое заявленіе его сердечнаго желанія слѣдовать благимъ и миролюбивымъ намѣреніямъ обѣихъ высокихъ посредничествующихъ державъ.

62.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 31-го Мая 1782 г.

Русскій курьеръ, отправленный отсюда 21-го прошедшаго мѣсяца, пріѣхалъ въ Голандію; но мы не знаемъ дѣйствія, имъ произведеннаго. Выраженія, употребляемыя здѣшнимъ Голандскимъ посланникомъ, отняли бы всякую надежду на миръ, еслибы только имъ можно было придавать значеніе; рѣчи его чрезвычайно дерзки и непочтительны. Но здѣшній Дворъ смотритъ на него такъ, какъ онъ того заслуживаетъ, т. е. какъ на человѣка неспособнаго и необразованнаго, дѣйствующаго единственно подъ вліяніемъ Французовъ, которыми онъ подкупленъ, какъ увѣряютъ и какъ кажется не безъ основанія.

Главная причина, побуждающая меня сегодня безпокоить васъ цифирнымъ письмомъ, состоитъ въ томъ, чтобы сообщить вамъ весьма необыкновенный разговоръ, который я имѣлъ вчера съ Прусскимъ министромъ. Я уже говорилъ вамъ, что въ послѣднее время онъ часто искалъ случая выражать мнѣ высокое мнѣніе своего короля о новой администраціи въ Англіи, удовольствіе, имъ испытываемое вслѣдствіе возможности вести дѣло съ этими лицами вполнѣ откровенно, и вообще расположеніе вернуться къ той системѣ дружбы и согласія, которая въ прежнее время существовала между нами.

Вчера утромъ графъ Герцъ прислалъ мнѣ ноту, въ которой, намекнувъ мнѣ, что онъ имѣетъ передать мнѣ нѣчто весьма пріятное, выражалъ желаніе видѣться со мной немедленно. Наше свиданіе произошло послѣ полудня. Прежде всего онъ прочиталъ мнѣ извлеченіе изъ цифрованнаго письма короля Прусскаго, писаннаго 28-го Марта изъ его лагеря близъ Магдебурга и наполненнаго самыми высокими похвалами настоящему Британскому министерству, удовольствіемъ, доставляемымъ ему тѣмъ довѣріемъ и той дружбой, которыя они, по видимому, расположены ему оказывать, вслѣдствіе чего, по мнѣнію его, является возможность возобновить союзъ съ Лондонскимъ Дворомъ. Затѣмъ онъ распространяется о выгодахъ подобнаго союза для обѣихъ сторонъ и въ заключеніе спрашиваетъ своего министра, думаетъ ли онъ, чтобы мѣра такого рода понравилась императрицѣ, и наконецъ нельзя ли бы склонить и ее къ участію въ оной. Прочитавъ мнѣ это письмо два раза, графъ Герцъ сказалъ мнѣ, что къ нему было прибавлено еще другое, содержащее болѣе полное выраженіе мыслей короля Прусскаго, и что онъ не сомнѣвается сообщить мнѣ и его, будучи вполнѣ убѣжденъ, что я этимъ не злоупотреблю. Онъ сказалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ его король тщетно старался составить раціональную систему для всей Европы; что съ одной стороны интриги Вѣнскаго Двора, а съ другой стороны отвращеніе, замѣчаемое имъ въ насъ отъ союза съ нимъ, до тѣхъ поръ дѣлали всѣ его попытки безполезными, что́ и припудило его вступить, по видимому, въ дружбу съ Франціей, между тѣмъ какъ онъ этой дружбы не хотѣлъ и вовсе не намѣревался упрочивать; что необходимость подобной раціональной системы становилась со всякимъ днемъ очевиднѣе, и что, по мнѣнію его, лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли представлялся тройственный союзъ между Великобританіей, Пруссіей и Дворомъ Петербургскимъ. Судя по настоящему расположенію министровъ его величества, онъ не сомнѣвается, что мы вполнѣ одобримъ этотъ планъ и т. д.

Я просилъ его объяснить мнѣ, тотчасъ ли долженъ былъ произойти союзъ, о которомъ онъ говорилъ, при настоящей войнѣ, какъ casus foederis, или предполагалось пока заключить лишь временное условіе, которое бы замѣнилось самимъ договоромъ уже послѣ наступленія мира. Я также просилъ его сказать мнѣ, говорилъ ли онъ мнѣ по приказанію Прусскаго короля, или я былъ обязанъ этимъ доказательствомъ довѣрія един-

ственно его личной дружбѣ. На это графъ Герцъ отвѣчалъ мнѣ, что король не распространялся насчетъ свойствъ союза, но что онъ ручается, что это будетъ легко устроить, и съ своей стороны не видитъ къ тому никакого препятствія и думаетъ, что (еслибы хорошо за это приняться) его Дворъ согласится привести дѣло въ немедленное исполненіе; что онъ не имѣлъ положительнаго приказанія говорить со мной, но находитъ, что оно подразумѣвается, такъ какъ намъ было необходимо дѣйствовать за-одно; что онъ могъ меня увѣрить, что его король имѣетъ обо мнѣ высокое мнѣніе и объясняетъ противодѣйствіе, которое я ему до сихъ поръ оказывалъ, единственно предписаніями, полученными мной изъ отечества; что на этомъ основаніи онъ нисколько не сомнѣвается, что король одобритъ его разговоръ со мной, а потому снова настаиваетъ на томъ, чтобы я высказалъ ему свое мнѣніе.

Я отвѣчалъ ему весьма откровенно, что я считаю союзъ, имъ предлагаемый, весьма желательнымъ и что я почту за счастіе содѣйствовать его исполненію; что я могу его смѣло увѣрить, что императрицѣ будетъ пріятно сближеніе нашихъ Дворовъ между собою; что вліяніе короля, конечно, не уменьшится здѣсь черезъ то, что онъ выскажется другомъ Англіи столько же, какъ въ послѣднее время онъ казался другомъ Франціи; что я не вижу затрудненій на пути къ немедленному союзу между Дворами Лондонскимъ и Берлинскимъ: ихъ руки вполнѣ свободны, и слѣдовательно мысль эта можетъ быть тотчасъ же приведена въ исполненіе, но что здѣшній Дворъ обставленъ совершенно различными условіями, такъ какъ держава эта служитъ единственной посредницей между нами и Голандіей, участвуя въ тоже время въ союзномъ вмѣшательствѣ между нами и остальными нашими врагами; и что, пока она будетъ облечена въ эту роль, для нея нелегко будетъ вступать въ союзъ съ одной изъ воюющихъ державъ; что, кромѣ того, я не знаю ни обязательствъ, которыя имѣетъ императрица по отношенію къ императорскому Двору, ни на сколько эти обязательства совпадутъ съ предполагаемымъ нами планомъ.

Графъ Герцъ вполнѣ съ этимъ согласился и сказалъ, что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ недавнихъ обстоятельствъ, его король, хотя и остается ея союзникомъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ полное право скрыть свои переговоры отъ ея императорскаго величества. Затѣмъ онъ долго разсуждалъ о пользѣ тройнаго союза и, повидимому, говорилъ съ такимъ усердіемъ, жаромъ и убѣжденіемъ, что если онъ только разыгриваетъ роль, то онъ прекрасный актеръ. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что не скомпрометировалъ своего Двора. Вся моя задача состояла въ томъ, чтобы не сказать ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало.

63.

Петербургъ, 10-го Іюня 1782 г.

Весьма важная тайна (которую, хотя она вовсе не относится къ остальному содержанію этой депеши, я тѣмъ не менѣе въ нее включаю, чтобы тѣмъ избѣжать всякой возможности открытія, что я ее знаю) состоитъ въ томъ, что императрица отмѣнила выступленіе своего флота для плаванія по Средиземному и Сѣверному морямъ. Она приказала всѣ корабли, годные къ службѣ, приготовить, какъ можно скорѣе, и рѣшилась, въ случаѣ, если Голандцы будутъ продолжать отклонять предлагаемыя нами условія мира, поддержать свое вмѣшательство сильнымъ вооруженіемъ. Это намѣреніе составляетъ такую глубокую тайну, что я почти боюсь упоминать о немъ, даже въ цифрахъ. Рѣшеніе это было принято въ четвергъ, вслѣдствіе (какъ я надѣюсь) моихъ разговоровъ съ моимъ другомъ и съ секретаремъ. Но объ этомъ рѣшеніи не знаетъ никто кромѣ тѣхъ весьма немногихъ лицъ, которыя пользуются полнымъ довѣріемъ ея императорскаго величества; и всѣ благія послѣдствія, которыя оно можетъ произвести, были бы потеряны навсегда, еслибы только явилось подозрѣніе въ томъ, что я узналъ о немъ преждевременно. Я могу

смѣло передать вамъ это какъ достовѣрное свѣдѣніе, но вы извините меня, если я еще разъ напомню вамъ, до какой степени необходимо, чтобы вы имѣли видъ ничего незнающаго объ этомъ. Какому бы побужденію ни было приписано это рѣшеніе, должно казаться, что это собственное дѣло и распоряженіе императрицы, мысль о которомъ возникла въ ея умѣ, но не была ей подсказана какимъ-либо министромъ, все равно, иностраннымъ или собственнымъ; въ случаѣ, если такое предположеніе будетъ допущено, вся польза самого дѣла исчезнетъ.

Я намѣревался пробыть, до возвращенія моего друга, въ окрестностяхъ Царскаго Села, сознавая, до такой степени важно, чтобы въ настоящую минуту князь Потемкинъ получалъ первыя впечатлѣнія отъ меня. Онъ пріѣхалъ во вторникъ въ полночь и немедленно написалъ мнѣ собственноручно слѣдующую краткую, но выразительную записку: „Да здравствуетъ Великобританія и Родней! „Я только что пріѣхалъ, любезный Гаррисъ. „Отгадайте, кто вамъ пишетъ и приходите „ко мнѣ сейчасъ же“. Черезъ минуту я былъ у него и, выслушавъ отъ него самыя дружественныя и искреннія увѣренія, къ которымъ я привыкъ въ самые лучшіе дни нашего знакомства, я коснулся дѣла.

Безполезно утомлять васъ, сэръ, подробностями всего мною сказаннаго; я принаровлялъ свою рѣчь и доводы къ характеру лица, съ которымъ я говорилъ и не наблюдалъ того порядка и той методы, которыхъ, какъ вы увидите, вслѣдъ за тѣмъ я держался, разсуждая съ секретаремъ. Я старался задѣть его честолюбіе, возбудить его дѣятельность и, раскрывъ ему тайныя, но вѣрныя пружины, управляющія поведеніемъ нашихъ враговъ, указать ему, какой недорогой цѣной онъ могъ купить славу и безсмертную честь, какъ для императрицы, такъ и для себя самого. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія: онъ горячо вошелъ въ мои мысли, согласился со всѣмъ, мною сказаннымъ и обѣщалъ мнѣ немедленную и существенную помощь. Я провелъ въ его обществѣ большую часть этой ночи и вчерашняго дня, и въ это время онъ часто ходилъ къ императрицѣ, откуда всякій разъ возвращался въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Онъ много разъ возобновлялъ мнѣ увѣренія въ ея благосклонности къ Англіи, въ уваженіи и одобреніи, которыя она питала къ ея министрамъ и, хотя естественно, что въ теченіи столь многихъ часовъ нашъ разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому, однако онъ постоянно возвращалъ его къ нашимъ успѣхамъ, отзываясь о нихъ съ такой восторженной радостью, которую, какъ я думалъ до этихъ поръ, можетъ чувствовать только Англичанинъ. Различныя сопровождающія обстоятельства не оставляютъ мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ его искренности. Если же вы спросите меня, откуда такая внезапная перемѣна, я буду очень затрудненъ отвѣтомъ. Конечно, ее нельзя объяснить ни усиліями съ моей стороны, ни какой либо системой, которой онъ намѣревается держаться. Причину же этого факта надо отъискивать въ характерѣ этого необыкновеннаго человѣка, который всякій день подаетъ мнѣ новые поводы къ удивленію. Нашъ разговоръ происходилъ немедленно по возвращеніи его изъ путешествія въ три тысячи верстъ, которыя онъ сдѣлалъ въ шестнадцать дней, проспавъ во все это время только три ночи; и, кромѣ посѣщенія нѣсколькихъ помѣстій и каждой церкви, близъ которой онъ находился, онъ долженъ былъ перенести всю медленность и скуку церемоніи военныхъ и гражданскихъ почестей, которыя, по приказанію императрицы, были ему оказываемы вездѣ, гдѣ онъ ни проѣзжалъ. И не смотря на все это, въ немъ не замѣтно было ни малѣйшаго признака усталости моральной или физичесской и, когда мы разстались, я, конечно, былъ болѣе утомленъ, чѣмъ онъ.

Разставшись съ нимъ, я (послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха) отправился къ секретарю. Цѣль у меня была таже, но средства,

мною употребленныя, были весьма различны. Теперь я говорилъ съ довѣреннымъ слугой императрицы, а не съ могущественнымъ другомъ, возвышенный и ясный геній котораго не подчиняется условнымъ правиламъ обыкновенной министерской конференціи. Поэтому я, какъ уже сказалъ, приступилъ къ дѣлу съ порядкомъ и методой. Я началъ съ подробнаго разбора расположенія и намѣреній нашихъ враговъ, во главѣ которыхъ я поставилъ Францію, стараясь доказать то, въ чемъ самъ твердо убѣжденъ, а именно, что всѣ остальные дѣйствуютъ подъ ея неограниченнымъ управленіемъ, вслѣдствіе ослѣпленія, страха или черезъ интриги. Испанію (какъ я замѣтилъ) съ того времени, какъ былъ подписанъ семейный трактатъ, можно было считать за одну изъ провинцій Франціи: достаточно было прочитать этотъ договоръ, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, принявъ при этомъ въ соображеніе относительное положеніе обоихъ королевствъ. Голандія находилась почти въ тѣхъ же условіяхъ. Мы много слышали объ ожесточеніи партій въ этой странѣ, о невозможности уговорить народъ согласиться на миръ и объ его непоколебимомъ намѣреніи прежде всего отомстить оскорбленіе, будто бы нанесенное нами Голандіи. Таковъ былъ языкъ всей Французской партіи, но онъ не составлялъ голоса истины, такъ какъ достовѣрно, что въ Амстердамѣ, источникѣ и центрѣ возстанія, большинство въ эту минуту горячо желало примиренія съ Англіей и съ удовольствіемъ бы увидѣло всякое усиліе, употребленное Россіей съ этой цѣлью. Но ихъ удерживаютъ угрозы Франціи; они опасаются за участь своихъ владѣній, находящихся въ ея рукахъ, и не смѣютъ шевельнуться, не получивъ на то позволенія изъ Версаля. Поэтому Франція одна была причиною продолженія Голандской войны, которую она поддерживала лишь для облегченія собственныхъ намѣреній.

Въ заключеніе я замѣтилъ, что если императрица была искренно расположена къ возстановленію мира, то ей слѣдовало употребить твердую и рѣшительную рѣчь, поддержать впечатлѣніе нашихъ недавнихъ успѣховъ дѣйствіями самыми энергическими и, заставивъ свое политическое вліяніе идти рука объ руку съ національной силой, получить возможность повелѣвать событіемъ, котораго она добивалась. Секретарь выслушалъ весьма внимательно все мною сказанное и, хотя у него прекрасная память, однако онъ записалъ большую часть моихъ словъ. Ничего не могло быть дружественнѣе его увѣреній, и онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ обѣщаніе, что всякое мое слово будетъ передано императрицѣ.

64.

Петербургъ, 5-го Іюля 1782 г.

Я говорилъ вамъ въ пятницу о личномъ нерасположеніи императрицы къ Голандскому посланнику [20]) и о томъ, что она предписала своему министру въ Гагѣ просить, чтобы его отозвали, а въ тоже самое время здѣсь своимъ тайнымъ вмѣшательствомъ она воспрепятствовала его свадьбѣ, которая должна была скоро состояться. Съ тѣхъ поръ я узналъ, что эти заявленія ея неудовольствія были вызваны двумя перехваченными письмами, сообщенными ей Датскимъ Дворомъ и писанными около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ этимъ посланникомъ пансіонеру Близвику. Въ этихъ письмахъ его превосходительство говоритъ весьма непочтительно объ императрицѣ, отзывается съ величайшимъ равнодушіемъ объ ея власти повредить республикѣ и, осмѣлившись увѣрять, что имъ нечего опасаться съ этой стороны какъ по нерѣшительному характеру императрицы, такъ и вслѣдствіе смутнаго состоянія ея имперіи, совѣтуетъ пансіонеру уговаривать штаты настаивать на своемъ отказѣ принять отдѣльный миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Самъ посланникъ ничего не знаетъ объ этомъ фактѣ; онъ удивленъ внезапнымъ отказомъ насчетъ своей свадьбы, и тайна эта объяснится ему лишь тогда, ког-

[20]) Голандскимъ посланникомъ въ Петербургѣ въ это время былъ Вассенаэръ.

да онъ будетъ вызванъ обратно, чего, я думаю, штаты не посмѣютъ откладывать. Я бы желалъ, чтобы императрица въ этомъ случаѣ поступила менѣе опрометчиво и прежде всего выждала бы, не окажутся ли мнѣніе и совѣтъ мистера Вассенаэра вполнѣ согласными съ чувствами и расположеніемъ республики. Тогда ея гнѣвъ имѣлъ бы болѣе достойный предметъ, а намъ бы доставилъ гораздо болѣе прочныя выгоды, чѣмъ отставка посланника, который, не смотря на слѣпую преданность Франціи и сильное озлобленіе противъ Великобританіи, былъ слишкомъ неспособенъ, чтобы умѣть повредить.

65.

ДЕПЕША ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 8-го Іюля 1782 г.

Въ предшествовавшихъ моихъ депешахъ я уже не разъ упоминалъ, что Прусскій министръ получилъ изъ Потсдама усиленныя предписанія стараться увѣрить меня въ томъ, что настроеніе и чувства его короля весьма существенно измѣнились и онъ не только не желалъ намъ зла, но былъ расположенъ къ самой тѣсной дружбѣ съ Великобританіей. Однако, ни графъ Герцъ, ни я не могли отдать себѣ яснаго отчета насчетъ того, какимъ образомъ и когда думалъ онъ заключить этотъ союзъ; но вчера графъ Герцъ прочиталъ мнѣ весьма интересную депешу, которая разъясняетъ всѣ мои сомнѣнія, если только не допускать предположенія, котораго я далеко не раздѣляю, что все это ничто иное, какъ планъ, придуманный королемъ Прусскимъ и его министромъ съ цѣлью меня обмануть и провести.

Вотъ содержаніе письма, о которомъ я говорилъ и которое сдѣлало на меня такое впечатлѣніе, что я увѣренъ, что переведу его почти слово въ слово. Оно обозначено Потсдамомъ отъ 6-го Іюля. Король пишетъ графу Герцу слѣдующее: „Я желаю весьма искренно союза съ Англіей и совершенно одобряю ваши попытки дать ходъ этому дѣлу черезъ ваши разговоры съ сэромъ Джемсомъ Гаррисомъ. Но я нисколько не одобряю мысли о заключеніи этого союза безъ предварительнаго участія Россіи, какъ потому, что подобная мѣра была бы несогласна со смысломъ моихъ отношеній къ императрицѣ, такъ и потому, что, если она не присоединится къ этому союзу, онъ окажется безполезнымъ, такъ какъ Англичане не могутъ ожидать, чтобы я принудилъ Голандскую республику вернуться къ прежней системѣ дружбы и согласія съ ними; и, кромѣ того, это немедленно бы вовлекло меня въ войну съ Франціей и съ императоромъ, отъ чего бы они не получили ни малѣйшей выгоды. Желаемый мною союзъ это союзъ между Россіей, Даніей, Англіей и мной. Такимъ образомъ Великобританія пользовалась бы одновременно помощью всего Датскаго флота и части Русскаго; а я, вслѣдствіе поддержки, которую бы могъ получить съ этой стороны, не имѣлъ бы болѣе повода опасаться соединенной силы Дворовъ Версальскаго и Вѣнскаго. Я бы думалъ, что, лишь бы только сэру Джемсу Гаррису предписали предложить императрицѣ этотъ четверной союзъ, дѣло это можно бы привести въ исполненіе не позже двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ я не предвижу со стороны Датчанъ ни затрудненій, ни возраженій. Правда, что эта система не совсѣмъ совпадетъ съ союзнымъ вмѣшательствомъ, которымъ занята ея императорское величество; но стоитъ только объяснить ей всю важность этой мѣры и указать ей, до какой степени эта роль будетъ выше той, которую она исполняетъ въ настоящую минуту, и я не сомнѣваюсь, что она согласится принять участіе въ союзѣ.“

66.

ПИСЬМО ЛОРДА ШЕЛЬБУРНА [21]) ДЖЕМСУ ГАРРИСУ.

Наша цѣль — миръ, если только можно получить его на благоразумныхъ условіяхъ;

[21]) Лордъ Рокингамъ умеръ 1-го Іюля, и лордъ Шельбурнъ занялъ мѣсто перваго министра. Фоксъ вышелъ въ отставку, а должность его въ иностранномъ министерствѣ перешла къ лорду Грантаму.

въ противномъ же случаѣ мы намѣрены продолжать войну со всевозможной силой и, какъ при мирѣ, такъ и при войнѣ, стараться поддержать дружбу, довѣріе и уваженіе императрицы. Отъ нея зависитъ заключить миръ или продлить войну, но во всякомъ случаѣ за нею останется власть надъ сердцами этой страны, которыя, какъ вамъ извѣстно, всегда ею управляютъ.

Мы готовы на всякую жертву, если только она согласится сдаться. Вы, конечно, понимаете, что, говоря такимъ образомъ, я имѣю въ виду, что въ настоящемъ нашемъ положеніи намъ нужно что-нибудь больше однихъ словъ. Мы желаемъ избѣжать вмѣшательства, потому что не имѣемъ довѣрія къ Вѣнскому Двору и не знаемъ частнаго соглашенія, которое, повидимому, произошло между императорскими Дворами. Но отчего же императрица не предпишетъ закона тамъ, гдѣ она можетъ сдѣлать это съ такимъ достоинствомъ и славой?

67.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ, 5-го Августа 1782 г.

Я, не теряя ни минуты, сообщилъ Русскому министерству, что перемѣна, недавно происшедшая между довѣренными слугами его величества, не произведетъ нимало измѣненія въ принятой нами системѣ, которой, какъ я увѣренъ, будутъ неизмѣнно держаться. Симолинъ уже выразилъ подобныя же чувства, и я могъ замѣтить, что это было принято съ большимъ удовольствіемъ.

Здѣсь обстоятельства существенно перемѣнились противъ того времени, когда я писалъ письма, о полученіи которыхъ вы упоминаете черезъ курьера. Ни Голандское, ни общее вмѣшательство уже не находятся на первомъ планѣ; ближайшіе интересы занимаютъ мысли императрицы. Нѣтъ никакой надежды на энергическія съ ея стороны мѣры противъ Голандіи, и я весьма радъ, замѣтивъ, что ваши ожиданія на этотъ счетъ были незначительны. Турецкая война, въ случаѣ если она наступитъ (а это весьма вѣроятно) дастъ совершенно новое направленіе дѣламъ, при чемъ, по мнѣнію моему, мы не можемъ остаться въ проигрышѣ.

68.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПИСЕМЪ ГАРРИСА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ, 16-го Августа 1782 г.

Изъ краткаго очерка всего происшедшаго при этомъ Дворѣ со дня моего пріѣзда можно вывести слѣдующія заключенія. Императрица управляется своими страстями, а не доводами разсудка; предразсудки ея сильны, легко ею пріобрѣтаются и, однажды укоренившись въ ея мысляхъ, дѣлаются непоколебимыми; напротивъ того, нѣтъ довольно вѣрнаго пути, чтобы заслужить ея доброе мнѣніе. Мнѣніе это, однажды пріобрѣтенное, подвержено вѣчнымъ колебаніямъ и можетъ измѣниться вслѣдствіе самыхъ ничтожныхъ случайностей. Пока она еще не занялась преслѣдованіемъ плана, нельзя разсчитывать ни на какія увѣренія; но лишь только она предалась какому-нибудь намѣренію, она никогда не оглянется и доведетъ дѣло до конца. При самыхъ блестящихъ способностяхъ, возвышенномъ умѣ и рѣдкой смѣтливости, ей недостаетъ основательности въ сужденіяхъ, точности въ мысляхъ, обдуманности и соображенія. Ея министры или не понимаютъ, въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, или относятся къ нему равнодушно и въ дѣйствіяхъ своихъ побуждаются лишь слѣпымъ повиновеніемъ ея волѣ, или же интересами партій и личными цѣлями. Всякій, кому приходится вести здѣсь переговоры, долженъ имѣть столько же терпѣнія, какъ и осторожности; быть дѣятельнымъ, но въ тоже время переносить въ другихъ медлительность; наконецъ нервы его должны быть достаточно крѣпки, чтобы выносить безпокойство и разочарованіе. Онъ не можетъ вести правильныхъ переговоровъ или соблю-

дать законы Уикворта; онъ долженъ караулить настроеніе дня, ловить на лету счастливую минуту, ковать желѣзо, пока оно горячо, вести переговоры приступами, если можно такъ выразиться, и никакъ не ожидать достиженія цѣли съ помощью правильныхъ пріемовъ. Разстояніе между Лондономъ и Петербургомъ и необходимость писать для полученія приказаній чрезвычайно затрудняютъ Англійскаго министра. И наконецъ послѣднее заключеніе, хотя не самое ничтожное, это то, что я износился, usé. Здѣсь необходимы новое лицо, новые манеры и новые льстецы; и, хотя мое долгое пребываніе здѣсь сдѣлало меня въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ способнымъ къ этой должности, за то съ другой стороны средства, къ которымъ я былъ вынужденъ прибѣгать для пріобрѣтенія свѣдѣній и опыта, навлекли на меня столько личной вражды, что теперь я поставленъ въ невозможность добиться успѣха по самымъ существеннымъ вопросамъ.

69.

Петербургъ, 16-го Августа 1782 г.

Во исполненіе вашихъ приказаній я не премину прибавлять къ вашимъ предписаніямъ всевозможныя украшенія, если они окажутся нужны. Я увѣренъ, что, кромѣ этого, къ нимъ больше ничего не потребуется, а упражняясь такъ долго въ кажденіи, я пріобрѣлъ значительное искусство.

Вы возлагаете на меня весьма трудное порученіе, предписывая мнѣ устранить союзное вмѣшательство и замѣнить императора королемъ Прусскимъ въ то самое время, когда первый достигъ высочайшей степени расположенія ея императорскаго величества, и угожденіе ему кажется ей главной цѣлью.

Я ясно вижу, что императрица сомнѣвается въ прочности настоящаго министерства, подозрѣваетъ дальнѣйшія перемѣны, и подобно всѣмъ иностранцамъ не имѣетъ понятія о значеніи оппозиціи и уступокъ. Объяснять имъ это было бы все равно, что объяснять снѣгъ Африканскому принцу.

Графъ Панинъ обвинялъ меня (и заставилъ великаго князя дѣйствительно этому повѣрить) въ попыткѣ поджечь Русскій флотъ. Онъ взводилъ на меня намѣреніе отравить великаго князя, великую княгиню и ихъ дѣтей, стараясь съ этой цѣлью доказать, что герань и другія столь же невинныя растенія, посланныя мной великой княгинѣ, были ядовиты. Тотъ, кто въ состояніи изобрѣтать подобную клевету, могъ положить мнѣ въ салатъ траву менѣе безвредную, чѣмъ герань. Подобное предположеніе съ моей стороны не можетъ быть приписано чувствамъ противнымъ христіанству.

Событія, которыя могутъ быть вызваны настоящими безпорядками въ Крыму, до того важны, что я поставилъ себѣ обязанностью пріобрѣсти по этому предмету всевозможныя свѣдѣнія. Я встрѣтилъ больше затрудненій, чѣмъ обыкновенно, стараясь добраться до такихъ извѣстій, которыя бы не ввели васъ, милордъ, въ заблужденіе. Самая глубокая тайна, подъ опасеніемъ строжайшихъ наказаній, предписана всякому, кто по своему положенію можетъ получить приказанія по этому предмету, который разслѣдуется въ частной перепискѣ между императоромъ и императрицей, причемъ они не обращаются за совѣтами къ своимъ министрамъ и не сообщаютъ имъ принимаемыхъ намѣреній.

Императрица сначала придавала этимъ смутамъ большое значеніе, считала ихъ вызванными тайнымъ вліяніемъ иностранныхъ державъ и, узнавъ о нихъ, стала приготовлять свою армію въ размѣрахъ, которые бы были слишкомъ велики для однихъ Татаръ.

Въ тоже время императрица написала въ Вѣну, прося у императора помощи, какъ въ силу ихъ тайнаго союза, такъ и на основаніи ихъ частной дружбы; и я могу подъ глубокой тайной сообщить вамъ, милордъ, что императоръ отвѣчалъ, что не только былъ готовъ служить ей по долгу союзника, но что она могла распоряжаться всѣми средствами, которыми онъ обладаетъ; его подлинныя выра-

женія были, что „она можетъ считать его своимъ генераломъ, а его войско считать своимъ собственнымъ“. Этотъ отвѣтъ пришелъ недѣли двѣ тому назадъ и никому не извѣстенъ. Съ этой минуты императрица, вмѣсто того, чтобы опасаться Турецкой войны, стала пламенно ея желать.

Императрица задается мечтой объ основаніи Восточной имперіи. Императоръ (если вѣрить искренности его увѣреній) имѣетъ виды болѣе благоразумные и удобоисполнимые. Онъ мѣтитъ на пріобрѣтеніе Босніи, Сербіи и другихъ частей Турецкой имперіи, пограничныхъ съ Венгріей и въ прежнее время составлявшихъ часть этого королевства. Можетъ быть, онъ также попробуетъ захватить нѣкоторыя изъ владѣній Порты на Адріатикѣ, и я полагаю не слишкомъ задумается что-нибудь кстати зацѣпить и у Венеціи, если часть ея владѣній придется ему къ рукѣ. Я расположенъ къ этой мысли, потому что, какъ мнѣ извѣстно, въ бытность свою здѣсь онъ въ частномъ разговорѣ съ императрицей объявилъ, что не желаетъ возвращенія Силезіи и никогда не нарушитъ мира въ Германіи, но что все честолюбіе его ограничивалось желаніемъ отодвинуть подальше Турокъ и, если возможно, увеличить свои владѣнія въ Италіи.

70.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА КЪ ГЮГУ ЭЛЛІОТУ ВЪ БЕРЛИНЪ.

Петербургъ, 16-го Августа 1782 г.

Здѣсь Крымскія смуты угрожаютъ весьма серіозными послѣдствіями; война съ Турціей весьма вѣроятна. Мнѣ кажется, императрица ея желаетъ. Она вполнѣ разсчитываетъ на императора и, можетъ быть, минута исполненія ихъ романтическаго плана уже недалека. Іосифъ будетъ дѣйствовать съ ней заодно до тѣхъ поръ, пока не получитъ Босніи и Сербіи, а затѣмъ отступится отъ дѣла, предоставивъ ея императорскому величеству справляться собственными силами съ основаніемъ Восточной имперіи. Тогда произойдетъ разрывъ ихъ союза, но до тѣхъ поръ многія событія могутъ возникнуть, и Европа можетъ придти въ броженіе.

71.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ, 14-го Октября 1782 г.

На этотъ разъ мнѣ придется немного безпокоить васъ фигурами, милордъ. Князь Потемкинъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ, но изъ опыта убѣдился, что вновь построенный имъ городъ Херсонъ удобенъ лишь для торговли, но никакъ не для военнаго пункта, а потому мысль придать ему этотъ характеръ, кажется, оставлена.

Онъ видѣлъ свергнутаго хана на границахъ Крыма въ продолженіи двухъ часовъ. Мнѣ кажется, что онъ весьма плохаго о немъ мнѣнія и что это дикій и неосновательный характеръ. Князь утвердилъ императрицу во всѣхъ ея намѣреніяхъ, и мѣры, нужныя для ихъ исполненія, дѣятельно подвигаются.

72.

ДЕПЕША ГАРРИСА ЛОРДУ МОНСТЮАРТУ ВЪ ТУРИНЪ.

Петербургъ, 14-го Октября 1782.

Такъ какъ это, собственно говоря, моя первая министерская депеша къ вамъ, то я начну свой разсказъ ab ovo и доведу его до настоящаго времени.

У насъ на родинѣ, съ самаго начала нашихъ бѣдствій, руководители наши ожидали помощи отъ этой великой государыни. Она обѣщала намъ ее въ лучшее время и когда сама въ насъ нуждалась. Надежда на эти обѣщанія, вмѣстѣ съ общностью торговыхъ и политическихъ интересовъ обѣихъ державъ, укрѣпляла ихъ ожиданія. Опытъ, однако, скоро доказалъ Англіи, на какомъ песчаномъ основаніи воздвигалась эта надежда. Обращеній нашихъ за помощью сначала избѣгали, потомъ ихъ отклоняли, и наконецъ ихъ стали отвергать безъ всякой церемоніи. Наши предпо-

ложенія насчетъ союза для пріобрѣтенія этихъ пособій, цѣною соотвѣтственныхъ вознагражденій, обыкновенно подвергались той же участи; и мы неизмѣнно встрѣчали равнодушіе, холодность и даже нѣчто еще худшее тамъ, гдѣ не безъ основаній разсчитывали найти, если не открытыя, то по крайней мѣрѣ невидимыя дружбу и поддержку.

Причинъ этого поведенія, столь же противнаго истиннымъ интересамъ Россіи, какъ и унизительнаго для характера ея государыни, не слѣдуетъ отъискивать въ запутанныхъ лабиринтахъ дипломатическихъ интригъ; онѣ заключаются въ предубѣжденіяхъ и въ людской слабости, такъ какъ эта великая жена, несмотря на многія замѣчательныя и высокія качества, часто обращается въ простую женщину и нерѣдко играетъ вѣеромъ, думая, что держитъ скипетръ. Франція научилась искусству ей льстить, и она опасалась навлечь на себя неудовольствіе и осужденіе народа, который пишетъ мемуары и эпиграмы. Кромѣ того, при всей своей хваленой силѣ, она боится выдвинуться и подвергнуть свою славу случайностямъ общей ссоры; а можетъ быть также (это въ природѣ и особенно въ женской), не смотря на близость нашихъ интересовъ къ ея собственнымъ, она не прочь бы видѣть насъ униженными, воображая, быть можетъ, что сама она возвышается по мѣрѣ нашего униженія.

Вслѣдствіе этихъ-то причинъ, бороться съ которыми было труднѣе, чѣмъ со всѣмъ, что̀ воздвигалось на моемъ пути противодѣйствіемъ моихъ враговъ,—всѣ мои усилія расположить императрицу въ нашу пользу оказались тщетными.

Правда, мнѣ не разъ удавалось доводить ее до рѣшимости высказаться за насъ, но эта рѣшимость покидала ее въ минуту исполненія; и, вмѣсто добра, одинъ только вредъ являлся результатомъ моихъ попытокъ, такъ какъ, чувствуя себя неправой и сознавая, что въ глазахъ нашихъ она должна казаться нерѣшительной и робкой, она сердилась на насъ за то, что мы подвергли испытанію ея характеръ.

Я долженъ также упомянуть и о другой причинѣ, которая покрайней мѣрѣ служила ей предлогомъ для того, чтобы не внимать ни одному изъ нашихъ обращеній. Эта причина заключалась въ антипатіи, которую она дѣлала видъ, что питаетъ къ нашему послѣднему министерству. Чувство это она доводила до самой смѣшной крайности и, кромѣ недостатка искусства и патріотизма, обвиняла ихъ въ измѣнѣ родинѣ. Всякое ихъ дѣйствіе заслуживало ея осужденіе, всякое ихъ предложеніе было ею отвергаемо, какъ хитрость, и наконецъ ихъ поведенію приписывала она всѣ обстоятельства войны, даже и тогда, когда исходъ ихъ очевидно рѣшался случаемъ. Эти оппозиціонныя начала были распространены по всему континенту, гдѣ ихъ внушалъ его Прусское величество, который (а въ то время вліяніе его здѣсь было чрезвычайно сильно) особенно старался о томъ, чтобы эти мысли глубоко запали въ умъ императрицы. Между тѣмъ какъ наше министерство она ненавидѣла, въ тоже время она была крайне чувствительна къ лести, которою ее окружали министры нашихъ враговъ. Такъ какъ мнѣ невозможно было овладѣть всѣми путями къ особѣ ея величества, то они, посредствомъ вліянія своихъ здѣшнихъ друзей, устроили несчастный вооруженный нейтралитетъ, убѣдили ее принять весьма пристрастное участіе въ началѣ нашей Голандской войны и, еслибы на то оказалась возможность, постарались бы сдѣлать ее столь же пристрастною въ ея роли союзной посредницы. Въ видахъ собственнаго оправданія, я долженъ прибавить, что вооруженный нейтралитетъ не засталъ меня врасплохъ, и я могу утвердительно сказать, что еслибы у насъ на родинѣ смотрѣли на это дѣло въ томъ же свѣтѣ, какъ смотрѣлъ на него я, и вмѣсто того чтобы относиться къ нему со всей важностью и достоинствомъ опредѣленнаго политическаго намѣренія, приняли бы его лишь за эфемерное произведеніе интригъ и партій, которое могло быть устранено нѣсколькими услужливыми и умно составленными фразами, въ такомъ случаѣ нейтралитетъ былъ

бы задушенъ въ колыбели и никогда бы не доросъ до чудовищныхъ размѣровъ, которые принялъ теперь.

Что́ же касается до ея вмѣшательства между нами и Голандцами, хотя въ началѣ оно имѣло неблагопріятный видъ, но уступки мистера Фокса дали ему другой оборотъ, и заключеніе этого дѣла оказалось на столько же въ нашу пользу, на сколько въ началѣ оно склонялось на ихъ сторону. Здѣсь, однако, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ самую критическую минуту она отступила и предпочла лучше подвергнуться осужденію и насмѣшкамъ республики, уронивъ тѣмъ собственное достоинство, чѣмъ отважиться на рѣшительную мѣру, которую равно предписывали какъ ея собственная честь, такъ и оскорбительное поведеніе Голандцевъ. Дѣло это теперь окончено, и отдѣльный миръ съ Голандцами уже невозможенъ. Относительно великаго союзнаго вмѣшательства, она принялась за него съ самыми дружественными видами и лучшими намѣреніями; но такъ какъ веденіе этого дѣла она совершенно предоставила Двору Вѣнскому, а чувства этого Двора, кажется, враждебны намъ, то я сильно опасаюсь, чтобы оно не приняло дурнаго оборота. Съ другой стороны я надѣюсь, на основаніи мнѣній нашего настоящаго министерства, которое сильно не одобряетъ этого вмѣшательства (вѣроятно потому, что оно было дѣломъ ихъ предшественниковъ), что оно будетъ совершенно оставлено, и мы поплатимся за него лишь нѣсколькими минутами раздраженія. Вотъ вкратцѣ исторія дѣйствій этого Двора въ теченіи пяти лѣтъ.

Теперь я перейду къ событіямъ дня, къ настоящему положенію этого Двора, къ его планамъ и связямъ и буду выражаться по возможности кратко. Со времени перемѣны министерства онъ расположенъ къ намъ гораздо лучше прежняго, но, конечно, мы не увидимъ отъ него никакой поддержки кромѣ благожеланій до тѣхъ поръ, пока мы ему понадобимся столько же, сколько въ настоящую минуту онъ нуженъ намъ. Съ того же самаго времени Дворъ Вѣнскій, казавшійся благорасположеннымъ, повидимому, переходитъ къ противоположнымъ принципамъ; а король Прусскій, бывшій до тѣхъ поръ нашимъ ожесточеннымъ врагомъ, теперь, можетъ быть, прикрывается маской дружбы. Вліяніе его здѣсь утратилось безвозвратно, и никогда въ теченіи этого царствованія не возобновится, если только императоръ не обманетъ императрицу во всѣхъ своихъ увѣреніяхъ. Вліяніе его императорскаго величества достигло высочайшей степени, и его многократныя обѣщанія, какъ въ частной перепискѣ, такъ и въ министерскихъ бумагахъ, поддержать всѣми средствами настоящій планъ ея императорскаго величества противъ Татаръ, упрочили ему здѣсь такую силу, которую ничто не въ состояніи поколебать. Планъ императрицы (но позвольте мнѣ просить васъ принять это за совершенно конфиденціальное сообщеніе) состоитъ въ томъ, чтобы весь Крымъ завоевать себѣ одной.

Невозможно, чтобы императрица искренно желала заключенія мира между нами и нашими врагами, такъ какъ успѣхъ ея плановъ на Востокѣ по необходимости зависитъ отъ того, чтобы Бурбонскій Домъ былъ вполнѣ занятъ собственными дѣлами; поэтому она не можетъ поступать искренно въ мѣрахъ, принимаемыхъ ею въ качествѣ посредницы. Равно невозможно и то, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ императоръ не имѣлъ въ виду обмануть или ее, или свою союзницу—Францію. Если онъ намѣревается исполнить всѣ обѣщанія, данныя имъ императрицѣ (а размѣръ ихъ такъ обширенъ, какъ только можетъ быть) то онъ тѣмъ раздражитъ Дворъ Версальскій, и союзъ ихъ нарушится; если же, напротивъ того, онъ не намѣренъ сдержать даннаго слова и ведетъ всѣ эти угодливыя рѣчи съ единственной цѣлью развлечь и позабавить ея императорское величество, въ такомъ случаѣ дѣло должно окончиться полнымъ разрывомъ между обоими

императорскими Дворами; и это не замедлитъ произойти, такъ какъ весной императрица, конечно, обратится къ нему за исполненіемъ его увѣреній. По этой-то причинѣ я и держусь мнѣнія, которое откровенно сообщалъ на родину, на счетъ того, чтобы намъ оставаться въ сторонѣ, не рѣшаться ни на что опрометчивое и не торопиться заключеніемъ какихъ-бы то ни было связей на континентѣ. Мы столько лѣтъ обходились безъ нихъ, что одинъ лишній годъ не составитъ значительной разницы, а между тѣмъ въ еще меньшій промежутокъ времени политическій горизонтъ долженъ проясниться, чувства, теперь сомнительныя, должны высказаться, и во всякомъ случаѣ выработается система, причемъ намъ представится возможность выбирать союзниковъ, и вмѣсто того чтобы ухаживать за другими, чего я ненавижу, сдѣлаться предметомъ ухаживанья.

73.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА ДЖОНУ СТЕПНЕЮ ВЪ БЕРЛИНЪ.

Петербургъ, 15 Октября 1782 г.

Мы здѣсь, по видимому, въ ожиданіи великаго событія, и все показываетъ какъ будто кризисъ недалеко.

Но я помню въ Испаніи жену одного гранда, которая считала себя беременной въ продолженіи десяти лѣтъ и аккуратно посылала за повивальной бабкой всякіе четыре или пять мѣсяцевъ. Мнѣ кажется, что мы почти въ такомъ же положеніи и, пока я не увижу ребенка, я не повѣрю беременности. Въ настоящихъ обстоятельствахъ ничто не удивляетъ меня до такой степени, какъ поведеніе императора, и я не могу не спросить, какъ Базиль: „Кого же тутъ обманываютъ? Всѣ въ секретѣ". Я имѣю столь сильныя доказательства того, что союзъ его съ Франціей сохраняетъ всю свою силу, что не могу допустить искренности его увѣреній на счетъ поддержанія ея императорскаго величества въ преслѣдованіи плана, который находится въ прямомъ противорѣчіи съ интересами и чувствами Бурбоновъ. Однако здѣсь довѣряютъ его искренности, и императрица основываетъ свои дѣйствія на непреложности его увѣреній. Виды ея широки и честолюбивы, и мечта о возстановленіи Восточной имперіи, на сколько я могу судить, входитъ въ составъ ея обширныхъ плановъ.

Мое первое желаніе состоитъ въ заключеніи тройнаго союза между Дворами Берлинскимъ, Петербургскимъ и Великобританіей, или четвернаго, присоединивъ къ нему Данію. Я знаю, что его Прусское величество расположенъ къ этой системѣ и надѣюсь дожить до того, чтобы видѣть ея исполненіе.

74.

ПИСЬМО ГАРРИСА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ. Вторникъ, 25 Октября 1782 г.

Князь Потемкинъ былъ необыкновенно внимателенъ ко мнѣ во время моей болѣзни. Онъ ежедневно или собственноручно писалъ ко мнѣ, или присылалъ одного изъ главныхъ своихъ офицеровъ, а вчера пріѣхалъ самъ и провелъ со мной почти два часа. Если бы вы, милордъ, знали характеръ этого человѣка, то подобное вниманіе съ его стороны поразило бы васъ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не оказываетъ его никому, кромѣ самой императрицы.

Нашъ разговоръ былъ дружественъ и согласенъ въ полномъ значеніи этого слова, хотя я не имѣлъ ничего особеннаго для внушенія ему, а ему съ своей стороны нечего было мнѣ сообщать, почему слова наши и не могутъ послужить матеріаломъ для депеши. Онъ далъ мнѣ интересный и юмористическій отчетъ въ своемъ путешествіи, съ восторгомъ говорилъ о климатѣ, почвѣ и положеніи Херсона, но не упоминалъ о пользѣ этого города въ качествѣ пограничной крѣпости или порта для пріема военныхъ кораблей. Онъ сказалъ, что былъ весьма близко отъ Очакова, что это мѣсто находится въ полномъ упадкѣ и не можетъ выдержать недѣльной осады. Когда я

назвалъ свергнутаго хана, онъ сказалъ, что это человѣкъ бездарный и смѣшной, имѣющій претензію быть подражателемъ Петра Великаго, на котораго, впрочемъ, онъ не походилъ ничѣмъ, кромѣ своей жестокости.

75.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ, 1-го Ноября 1782 г.

Дамскіе наряды въ послѣднее время подверглись сильной перемѣнѣ. Всѣ украшенія, воланы и блонды должны быть отложены. Волосы не должны подниматься выше двухъ съ половиной дюймовъ, и вся сущность этихъ правилъ (умныхъ и основательныхъ по многимъ причинамъ) клонится къ тому, чтобы украшенія дамскаго наряда привести въ естественный и приличный видъ.

Чрезвычайное усиленіе ввоза Французскихъ модъ и другихъ подобныхъ произведеній, ввоза, который, безъ преувеличенія, отнималъ всякую выгоду у Русской торговли, послужило первымъ и серіознымъ поводомъ къ реформѣ, которая была предписана относительно нарядовъ Русскихъ дамъ. Обнародованіе этого постановленія и собственно въ эту минуту (которая, вслѣдствіе прекращенія навигаціи, казалась бы и неподходящимъ временемъ) направлено противъ великой княгини: она возвращается изъ путешествія въ восторгѣ отъ Французской націи, отъ ихъ платьевъ и манеръ и установила собственноручную корреспонденцію съ m-lle Bertin и другими подобными ей лицами въ Парижѣ; кромѣ того, она везетъ съ собой не менѣе 200 сундуковъ, наполненныхъ газомъ, лентами и другой подобной дрянью, вмѣстѣ съ новыми valets de chambre (камердинерами) и различными планами насчетъ самыхъ невообразимыхъ головныхъ уборовъ. Императрица не могла обидѣть ея императорское высочество болѣе чувствительнымъ образомъ. Я увѣренъ, что когда извѣстіе объ этомъ дойдетъ до нея (что̀ случится въ Ригѣ), это сильно огорчитъ ее *).

76.

Петербургъ, 4-го Ноября 1782 г.

Военныя дѣйствія на Востокѣ наконецъ открылись, и по полученнымъ извѣстіямъ свергнутый ханъ, подъ покровительствомъ Самойлова, во главѣ небольшаго отряда войскъ (но поддержаннаго значительнымъ корпусомъ, который былъ подъ рукой) вступилъ въ Крымъ безъ сопротивленія. Его непокорные подданные положили оружіе. Кубанскіе Татары бѣжали или бѣгутъ въ свои степи и, по всей вѣроятности, черезъ нѣсколько дней мы получимъ извѣстіе объ его возстановленіи на престолѣ, которымъ, впрочемъ, ему придется владѣть лишь до тѣхъ поръ, пока не разовьются болѣе обширныя мысли ея императорскаго величества, которыя вамъ, милордъ, уже извѣстны. Мысли эти, кажется, занимаютъ ея вниманіе серіознѣе, чѣмъ когда бы то ни было и, начавъ съ вооруженій и приготовленій, она теперь отъискиваетъ суммъ для ихъ поддержанія.

Опасаясь, что новый налогъ, назначенный для поддержанія честолюбивыхъ замысловъ, въ которыхъ не предвидится никакой пользы для государства, можетъ вредно отразиться на умахъ ея подданныхъ, она не хочетъ обращаться къ подобной мѣрѣ, хотя нигдѣ во всей Европѣ налоги не назначаются такъ легко, какъ здѣсь. Она знаетъ невозможность найти денегъ въ имперіи, гдѣ нѣтъ ни банкировъ, ни значительныхъ купцовъ, ни вообще денежныхъ людей; и чтобы выдти изъ этого затрудненія, о которомъ (по безпечности, можетъ быть, болѣе удивительной для васъ, милордъ, чѣмъ для меня) не подумали прежде, чѣмъ оно дало себя почувствовать, она намѣревается обратиться къ двумъ методамъ самымъ вреднымъ, какіе только можно было придумать, для пріобрѣтенія немед-

*) Не ошибается ли Англичанинъ? Мы знаемъ, что государыня Марія Θеодоровна, напротивъ, и сама не любила тратиться на наряды, и не допускала къ тому окружавшихъ ее лицъ. *П. Б.*

ленныхъ средствъ. Она хочетъ выпустить монету еще низшаго чекана, между тѣмъ какъ и въ настоящую минуту она настолько ниже нарицательной цѣны, что посреди глубокаго мира курсъ хуже, чѣмъ когда бы то ни было во время войны; вторая же мѣра, ею придуманная, состоитъ въ умноженіи числа кредитныхъ билетовъ.

Два обстоятельства, совершенно различныхъ свойствъ, сильно огорчаютъ въ эту минуту императрицу, набрасывая темную тучу на путь честолюбія и славы, который, казалось, открывался передъ ней съ такой надеждой на успѣхъ. Первое изъ нихъ — унизительныя и обидныя причины, публично выставленныя Голандскими капиталистами, для объясненія ихъ отказа на ея просьбу о займѣ шести милліоновъ или о какомъ бы то ни было увеличеніи незначительнаго долга, который она уже имѣетъ по отношенію къ нимъ. Второе же ея огорченіе происходитъ отъ несчастія, постигшаго князя Орлова, который вернулся въ столицу, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, въ состояніи полнаго сумасшествія. Поведеніе Амстердамцевъ возбуждаетъ ея негодованіе, оскорбляетъ ея гордость и весьма основательно внушаетъ ей опасеніе насчетъ того, чтобы кредитъ ея имперіи не былъ подорванъ тѣмъ грубымъ ихъ увѣреніемъ, что богатства и средства Россіи лишь воображаемы и далеко непрочны. Другое же обстоятельство служитъ ей источникомъ глубокаго горя и, кажется, никогда въ продолженіи всей ея жизни, чувства ея не были такъ сильно и тяжело потрясены, какъ этимъ грустнымъ событіемъ, поразившимъ ея перваго любимца, человѣка, который постоянно оставался предметомъ ея главной привязанности, если не страсти.

Обращеніе ея съ нимъ проникнуто самымъ нѣжнымъ участіемъ, доходящимъ до слабости. Она положительно запрещаетъ употребленіе какихъ бы то ни было жестокихъ методовъ, отвергаетъ всякую мысль о заключеніи и дисциплинѣ, и въ надеждѣ, не смотря на всѣ предшествовавшія обстоятельства, возвратить его къ сознанію посредствомъ снисхожденія, позволяетъ ему не только навѣщать другихъ и принимать посѣщенія, но сама допускаетъ его въ свое присутствіе во всякій часъ и во всякомъ платьѣ, все равно — одна ли она, посреди ли общества, или въ занятіяхъ самыми важными дѣлами. Его настроеніе, его дикія и безсвязныя рѣчи всякій разъ огорчаютъ ее до слезъ и растроиваютъ до такой степени, что во весь остальной день она неспособна ни къ удовольствіямъ, ни къ занятіямъ. Иногда ей приходится выслушивать отъ него самыя непріятныя вещи: нѣсколько вечеровъ тому назадъ онъ вдругъ воскликнулъ, что раскаяніе и угрызенія совѣсти довели его до сумасшествія и что участіе, нѣкогда принятое имъ въ черномъ дѣлѣ, навлекло на него наказаніе Божіе....

Но какъ бы ни отравляли эти тяжелые предметы всѣ минуты, проводимыя ею наединѣ, тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе не задерживаетъ хода государственныхъ дѣлъ и ея честолюбивыхъ замысловъ. Послѣдніе, какъ вы увидите изъ прочихъ моихъ депешъ, преслѣдуются съ усиленной дѣятельностью, и можно основательно предположить, что уже недалека та интересная минута, которая обнаружитъ истинныя чувства императора, а также предѣлъ терпимости Турокъ.

77.

Петербургъ, 8-го Ноября 1782 г.

Здѣсь ожидаютъ и даже желаютъ, чтобы это вторженіе въ Крымъ разбудило Турокъ отъ ихъ обычной летаргіи, и вступленіе Самойлова сопровождалось всѣми обстоятельствами, способными раздражить и воспламенить ихъ. Это было шествіе побѣдителя, а не человѣка, вступающаго въ страну только для того, чтобы водворить въ ней миръ и спокойствіе. Были оказаны всевозможные знаки презрѣнія и насмѣшки, какъ по отношенію къ религіи мусульманъ, такъ и ихъ правамъ и усиліямъ казаться великими и могущественными.

Это желаніе предпринять войну съ Турками, хотя уже было въ умѣ императрицы съ самаго начала, однако, очевидно усилилось

со времени возвращенія князя Потемкина. Я имѣю сильное основаніе предполагать, что его намѣреніе, съ которымъ и она согласилась, состоитъ въ томъ, чтобы во что̀ бы то ни стало овладѣть Очаковымъ; и такъ какъ подобная мѣра, не вызванная со стороны Турокъ никакимъ враждебнымъ дѣйствіемъ, не имѣла бы оправданія, то это и объясняетъ до нѣкоторой степени настоящую поспѣшность ея поведенія. При этомъ, чтобы сказать всю правду, я необходимо долженъ прибавить, что императрица, кажется, не заботится нисколько ни о послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ подобной войны, ни о денежныхъ средствахъ, которыя потребуются для ея веденія.

Возвращеніе и положеніе князя Орлова, кромѣ обстоятельствъ, о которыхъ я уже упоминалъ въ послѣднемъ письмѣ, повидимому, подняли бурю во внутренности дворца. Князь Потемкинъ, обѣщавшій навѣстить меня вчера, извинился подъ предлогомъ внезапной болѣзни. Ланской тоже въ постели по той же причинѣ. А такъ какъ въ Россіи принято правиломъ, почти безъ исключенія, что придворные, впадая въ немилость, на все это время притворяются больными, и любимцы слѣдуютъ той же методѣ всякій разъ, какъ имъ не удается добиться чего-нибудь желаемаго, — то не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что именно такими причинами слѣдуетъ объяснить мнимое нездоровье этихъ обоихъ лицъ. Я имѣю поводъ думать, что они стараются убѣдить императрицу не допускать до себя князя Орлова и отправить его изъ этой столицы или въ Москву, или въ одно изъ его имѣній. Они завидуютъ необыкновенному участію, принимаемому въ немъ императрицей, и въ тоже время опасаются, чтобы въ тѣ минуты, когда ему возвращается сознаніе (что̀ иногда бываетъ), онъ не высказалъ бы нѣсколькихъ истинъ и замѣчаній, которыя могутъ произвести невыгодное для нихъ впечатлѣніе.

Въ продолженіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ, характеръ и поведеніе князя Потемкина такъ существенно измѣнились, что этого нельзя не замѣтить. Онъ встаетъ рано, занимается дѣлами; сталъ не только доступенъ, но любезенъ ко всѣмъ, — но что̀ всего удивительнѣе, теперь онъ старается помириться съ своими самыми отъявленными врагами: Безбородкою и Воронцовыми, которыхъ онъ въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ постоянно старался ввести въ немилость. Его временная дружба съ графомъ Панинымъ оказалась непродолжительной; онъ скоро замѣтилъ неискренность этого хитраго и злопамятнаго министра и убѣдился, что, если онъ его подниметъ слишкомъ высоко, то онъ немедленно употребитъ свое вліяніе по направленію къ цѣлямъ совершенно противнымъ его собственнымъ видамъ. Поэтому онъ предоставилъ графа Панина его судьбѣ.

78.

Петербургъ, 22-го Ноября 1782 г.

Ихъ императорскія высочества, великій князь и великая княгиня, прибыли во дворецъ этой столицы въ Воскресенье вечеромъ, въ 6 часовъ, послѣ слишкомъ годоваго отсутствія. Свиданіе между императрицей и ихъ императорскими высочествами произошло совершенно частнымъ образомъ, безъ постороннихъ свидѣтелей. Продолжалось оно не болѣе нѣсколькихъ минутъ и, вѣроятно, ни съ той, ни съ другой стороны не было выражено большой радости или нѣжности. Императрица тотчасъ же пожаловала великому князю орденъ св. Владиміра.

Вчера при Дворѣ былъ выходъ, на коемъ представлялись имъ иностранные министры; между ними было особенно отличены министры Французскій и Австрійскій. Послѣ того былъ данъ обѣдъ первымъ тремъ классамъ дворянства. Вечеромъ они навѣстили графа Панина и принцессу Виртембергскую и провели минутъ двадцать съ императрицей. Оба они были одѣты согласно новымъ законамъ противъ роскоши. Изъ всего, что̀ я могъ узнать, я заключилъ, что они также недовольны пріемомъ, имъ оказаннымъ, какъ им-

ператрица сожалѣетъ объ ихъ возвращеніи, и взаимное неудовольствіе, преобладающее съ обѣихъ сторонъ, вѣроятно, произведетъ непріятныя сцены, которыя я уже предсказывалъ.

Изъ Крыма не слышно ничего новаго. — Русскія войска не встрѣчаютъ сопротивленія, и не отъ Татаръ, а отъ Турокъ приходится ожидать рѣшенія, чему быть, войнѣ или миру. Артиллерія уже выступила въ походъ, и количество забранныхъ ею снарядовъ гораздо значительнѣе того, о которомъ я упоминалъ. Взятое оружіе можетъ быть употреблено лишь при осадахъ и было бы совершенно безполезно для войны съ Татарскими ордами.

79.

Петербургъ, 25-го Ноября 1782 г.

Вмѣшательство здѣсь, повидимому, совершенно забыто; ни одинъ изъ курьеровъ, пріѣхавшихъ въ послѣднее время изъ Вѣны, не привезъ ни строки по этому предмету и, кажется, неудовольствіе императрицы на сдержанность мистера Фицгерберта, было такъ же непродолжительно, какъ и несправедливо.

Я совершенно согласенъ съ вами, милордъ, насчетъ того, что теперь, въ случаѣ даже, еслибы императоръ измѣнилъ императрицѣ, это не остановило бы ея на пути, такъ какъ въ настоящую минуту она убѣждена, что и одними собственными силами она въ состояніи выполнить насчетъ Оттоманской имперіи свои обширные планы, которые, какъ мнѣ кажется, принимаютъ всякій день бо́льшіе размѣры, становясь при этомъ все мечтательнѣе.

Самойловъ, проводившій свергнутаго хана до Кафы, вернулся въ понедѣльникъ и привезъ извѣстіе, что возстановилъ его въ спокойномъ обладаніи его владѣніями и что всѣ смуты въ Крыму прекратились.

Все подтверждаетъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я уже сообщалъ вамъ о ново-пріѣзжихъ съ послѣдней почтой. Огромный долгъ, сдѣланный ими во время путешествія, который имъ невозможно будетъ долго скрывать отъ императрицы, немало способствуетъ къ усиленію того раздраженія и (если смѣю такъ выразиться) той неестественной вражды, которая существуетъ между ними.

80.

Петербургъ, 6 Декабря 1782 г.

Теперь я имѣю возможность передать вамъ, милордъ, самый подробный и точный отчетъ обо всемъ, что̀ произошло въ Крыму. Свѣдѣнія эти я получилъ отъ князя Волконскаго, моего пріятеля, полкъ котораго стоитъ на этомъ полуостровѣ и который пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ съ депешами отъ генерала Бальмена.

Вся армія, вступившая въ Крымъ, доходитъ до 15,000 человѣкъ, кромѣ казаковъ и другихъ иррегулярныхъ войскъ. Они не нашли никакого сопротивленія и лишь на третій день встрѣтили небольшой отрядъ Татаръ, которые спокойно пропустили ихъ, предполагая, что они идутъ на смѣну гарнизона, расположеннаго въ Эникале и въ Керчи; но когда было замѣчено, что они держатся совершенно различнаго направленія, подвигаясь къ Бахчисараю и къ Кафѣ, то болѣе многочисленнная орда попыталась задержать ихъ на пути; однако она была немедленно разбита, и болѣе 400 человѣкъ было убито совершенно напрасно, такъ какъ всѣ они или обращались въ бѣгство, или бросали оружіе послѣ первыхъ же выстрѣловъ Русскихъ войскъ. Это сопротивленіе былъ единственный случай, ими встрѣченный. На слѣдующій же день уѣздъ, гдѣ они находились, прислалъ имъ депутатовъ, просившихъ прощенія и выразившихъ готовность признать власть свергнутаго хана. По мѣрѣ того, какъ корпусъ войскъ подвигался, этому примѣру слѣдовали и прочія провинціи, и наконецъ, когда они подошли ближе, точно также поступилъ городъ Кафа, а въ заключеніе и самъ похититель престола, который, отказавшись отъ всякихъ претензій на власть, бѣжалъ съ од-

ной изъ своихъ сестеръ къ своимъ друзьямъ на Кубань. Шествіе Русскихъ войскъ, какъ я уже говорилъ прежде, сопровождалось всѣми обстоятельствами, могущими раздражить и возбудить умы Турокъ. Не пропускался ни одинъ случай осмѣять религію Магомета, и къ могуществу Оттоманской имперіи относились съ насмѣшкой и презрѣніемъ.

Цѣль пріѣзда князя Волконскаго состояла въ томъ, чтобы передать самыя полныя свѣдѣнія на счетъ всего происшедшаго князю Потемкину, а затѣмъ получить отъ императрицы дальнѣйшія приказанія насчетъ распредѣленія войскъ въ Крыму, въ которомъ, очевидно, на будущее время ханъ останется владѣтелемъ лишь по имени.

Я долженъ замѣтить вамъ, милордъ, что всѣмъ лицамъ, употребленнымъ въ этомъ дѣлѣ, строжайшимъ образомъ запрещено упоминать о числѣ убитыхъ Татаръ, и императрица предполагаетъ, что возстановленіе хана произошло безъ малѣйшаго кровопролитія.

Могу увѣрить васъ, милордъ, что виды князя Потемкина расширяются съ каждымъ днемъ и достигли уже размѣровъ, превосходящихъ честолюбіе и предпріимчивость самой императрицы. Она не одобрила нѣсколько плановъ, поданныхъ имъ на этотъ счетъ въ послѣднее время, и сдѣлала видъ, что предписываетъ умѣренность и терпимость. Эти качества до того несвойственны ея характеру, что еслибы всѣ полученныя мной свѣдѣнія не доказывали противнаго, я былъ бы расположенъ къ мысли, что послѣднія извѣстія изъ Вѣны, привезенныя нѣсколько дней тому назадъ возвратившимся секретарямъ графа Кобенцеля, были не совсѣмъ удовлетворительнаго свойства, и что императоръ ослабѣваетъ въ своихъ увѣреніяхъ; въ противномъ же случаѣ слѣдуетъ предположить, что глаза ея императорскаго величества открылись насчетъ настоящаго положенія ея имперіи, и она убѣдилась, что ни собственная ея истощенная казна, ни ея кредитъ за границей не въ состояніи снабдить ее средствами необходимыми для приведенія въ исполненіе ея обширныхъ плановъ. Недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ до того великъ, что она приказала отчеканить два милліона рублей еще съ бо̀льшимъ количествомъ лигатуры, чѣмъ тѣ, которые теперь въ обращеніи.

Заемъ ея въ Голандіи совершенно не удался и, вмѣсто шести милліоновъ, которыхъ она требовала, ей предложили только 400,000. Теперь ей осталась надежда получить денегъ только въ Женевѣ или въ Венеціи.

Поведеніе великаго князя и великой княгини съ самаго ихъ возвращенія было гораздо сдержаннѣе, чѣмъ можно было предполагать. Они ведутъ почти уединенный образъ жизни, исключили изъ своего общества всѣхъ своихъ прежнихъ любимцевъ и, по видимому, хотятъ впередъ руководиться въ своихъ поступкахъ одной только волей императрицы.

Трудно опредѣлить, къ чему слѣдуетъ отнести эту неожиданную перемѣну. Мнѣ кажется, она отчасти объясняется тѣмъ, что они нашли графа Панина слишкомъ ослабѣвшимъ для того, чтобы оказать имъ поддержку или подать совѣтъ. Отчасти также это можетъ быть приписано тому, что они убѣдились, что почти всѣ лица, сопровождавшія ихъ во время путешествія, ихъ выдали, — и наконецъ тѣмъ страннымъ слухамъ, которые дошли до нихъ, будто бы императрица намѣревается по возвращеніи ихъ устранить великаго князя отъ наслѣдства и по смерти передать престолъ своему старшему внуку *). Какими бы причинами оно ни было вызвано, во всякомъ случаѣ ихъ настоящее поведеніе благоразумно и основательно. Но, къ несчастію, императрица такъ сильно предубѣждена противъ нихъ, что ихъ поведеніе нисколько не встрѣчаетъ съ ея стороны того одобренія, котораго бы заслуживало. Теперь она называетъ ихъ сдержанными, молчаливыми и

---

*) На основаніи еще неотмѣненной тогда «Правды воли монаршей», по которой присягали повиноваться преемнику Петра Великаго, кого бы онъ ни назначилъ. *П. Б.*

разсерженными, говоритъ, что ихъ испортили заграничныя связи и что и теперь они уже не могутъ вернуться къ обычаямъ своей страны. Словомъ, она заранѣе рѣшила, что будетъ ими недовольна, а потому угодить ей уже невозможно.

81.

Петербургъ, 9-го Декабря 1782 г.

Мнѣніе императрицы, кажется, начинаетъ колебаться; и по осторожности или, быть можетъ, вслѣдствіе разсужденія, она, очевидно, склоняется привести свои виды насчетъ увеличенія имперіи къ размѣрамъ гораздо меньшимъ противъ тѣхъ, которые первоначально были начерчены ея воображеніемъ. Она колеблется продолжать свой вызовъ Туркамъ и подвергнуть испытанію ихъ терпѣніе, или вѣрнѣе ихъ трусость, черезъ нападеніе на Очаковъ. Она даже не рѣшила вопроса, сохранить ли ей весь Крымъ и расположена удовлетвориться обладаніемъ залива и его окрестностей.

Князь Потемкинъ сильно сопротивляется этимъ проявленіямъ умѣренности въ императрицѣ и не жалѣетъ никакихъ усилій для того, чтобы возбудить ея честолюбіе, называя ея колебаніе робостью и дѣйствіемъ минутнаго нервнаго разстройства. Онъ не только не допускаетъ ее уклониться отъ первоначальнаго плана, но простираетъ свои виды до полнаго изгнанія Турокъ изъ Европы, намѣреваясь при этомъ отнести границы Руской имперіи далеко за Дунай и основать зависящую отъ Россіи республику, въ составъ которой вошли бы древняя Греція, Ѳракія, Македонія, Пелопонезъ и остатки Оттоманской имперіи по сю сторону Геллеспонта.

Этотъ планъ моего друга также дикъ и неудобоисполнимъ, какъ и обширенъ. Но по всей вѣроятности, если только онъ самъ не перемѣнилъ мнѣнія, то вліяніемъ своимъ на императрицу онъ вернетъ ее къ тому менѣе несбыточному плану, которымъ она еще нѣсколько дней тому назадъ была такъ занята.

82.

Петербургъ, 23-го Декабря 1782 г.

Я упоминалъ въ моей депешѣ отъ 16-го Декабря, что общій смыслъ отвѣта, даннаго Портой на соединенный меморіалъ обоихъ императорскихъ Дворовъ, былъ миролюбивъ, смиренъ и уступчивъ.

Мнѣ кажется, что императрица, будучи предоставлена самой себѣ, удовлетворилась бы тѣмъ, что ей удалось унизить гордость Порты; но кромѣ постоянныхъ внушеній князя Потемкина, я могу теперь увѣдомить васъ, милордъ, что таинственный курьеръ изъ Вѣны, появленія котораго я долго не могъ себѣ объяснить, привозилъ самыя точныя и многочисленныя карты Турецкихъ границъ и крѣпостей, и я имѣю полное основаніе предполагать, что вмѣстѣ съ ними находился также планъ раздѣла, начертанный самимъ императоромъ. Планъ этотъ императрица не сообщала никому, кромѣ князя Потемкина, и потому мнѣ невозможно опредѣлить его размѣровъ. Бѣлградъ съ одной стороны, а Очаковъ съ другой, вѣроятно, послужатъ первыми предметами раздѣла, если только императрица приметъ этотъ планъ, чтó (странно сказать) теперь далеко не вѣрно, и въ настоящую минуту императоръ гораздо болѣе расположенъ къ исполненію того самого проэкта, который первоначально, будучи сообщенъ ему императрицей, показался ему праздной мечтой.

83.

Петербургъ, 27-го Декабря 1782 г.

Вчера я былъ при Дворѣ въ первый разъ со времени моей болѣзни и имѣлъ честь быть милостиво принятъ какъ императрицей, такъ и ихъ императорскими высочествами.

Если въ среду въ моей конференціи представится къ тому удобный случай, то я сообщу вице-канцлеру вашу депешу, милордъ, такъ какъ я считаю это самымъ лучшимъ путемъ для того, чтобы узнать чувства императрицы относительно выяснившагося поло-

женія нашихъ непосредственныхъ переговоровъ. Князь Потемкинъ, съ которымъ я вчера провелъ вечеръ, продолжаетъ увѣрять меня, что она въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и что до сихъ поръ ничто въ нашемъ поведеніи ея не раздражило. Что́ же касается до него самого, я ясно замѣтилъ (не смотря на всѣ усилія, которыя онъ употреблялъ, чтобы это скрыть), что онъ крайне сожалѣетъ о приближающемся окончаніи нашей войны; но ни это событіе, ни вообще что́ бы ни случилось, не въ состояніи, какъ мнѣ кажется, заставить его отказаться отъ своихъ попытокъ убѣдить императрицу согласиться на его честолюбивые замыслы.

Съ Востока не получается никакихъ извѣстій, и мы не должны ожидать оттуда ничего интереснаго ранѣе весны. Я сильно расположенъ къ мысли, что князь Потемкинъ самъ отправится туда и приметъ начальство надъ арміей, не смотря на то, что это подвергло бы его опасности лишиться милости императрицы.

1783-Й ГОДЪ.

84.

Петербургъ, 18-го Января 1783 г.

Мое убѣжденіе, съ самаго дня моего пріѣзда и до настоящей минуты, состояло въ томъ, что интересы Великобританіи связаны съ упадкомъ Прусскаго вліянія при здѣшнемъ Дворѣ и съ возвышеніемъ Австрійскаго.

Не смотря на настоящіе союзы, общіе политическіе интересы Европы, кажется, назначаютъ Австрію соперницей, а Пруссію другомъ Франціи. Проникнутый этими мыслями, я по пріѣздѣ сюда нашелъ Пруссію на всей высотѣ ея вліянія: король Прусскій убѣдилъ императрицу отказаться отъ всѣхъ предложеній, сдѣланныхъ ей нами на счетъ союза въ 1778 г.; онъ же одинъ отговорилъ ее послать намъ флотъ въ Августѣ 1779 г. И, хотя вслѣдъ за тѣмъ вліяніе его стало упадать, тѣмъ не менѣе онъ удержалъ за собой достаточную силу для того, чтобы наносить намъ существенный вредъ; наконецъ онъ же внушилъ императрицѣ, что мы высокомѣрный, холодный и несговорчивый народъ; что мы относимся къ ней съ меньшимъ вниманіемъ и почтеніемъ, чѣмъ къ Бурбонамъ; что мы притѣсняемъ ея торговлю и что вообще мы народъ эгоистичный и тираническій. Все онъ же изобрѣталъ и болѣе черныя клеветы, увѣряя императрицу, что я агентъ, присланный для того, чтобы сжечь Русскій флотъ и для другихъ еще болѣе вредныхъ цѣлей. Я не разъ слегка и осторожно выставлялъ все это на видъ графу Герцу и заставилъ его согласиться, что король самъ виноватъ въ томъ, что теперь, когда здѣсь онъ нуждается въ насъ, мы не въ состояніи оказать ему помощи дѣйствительнѣе. Я даже довелъ его до признанія, что, при отправленіи его сюда, главный предметъ его предписаній состоялъ въ томъ, чтобы стараться соединить этотъ Дворъ съ Франціей и поссорить его съ Англіей.

85.

ПИСЬМО ГАРРИСА ДЖОНУ СТЕПНЕЮ ВЪ БЕРЛИНЪ.

Петербургъ, 18-го Января 1783 г.

Здоровье мое въ довольно удовлетворительномъ состояніи, но никогда не поправится совершенно въ странѣ, гдѣ зимой поверхность снѣга на бо́льшемъ разстояніи отъ земли, чѣмъ лѣтомъ поверхность земли удалена отъ воды.

Здѣсь также мы твердо увѣрены въ скоромъ заключеніи мира, но желанія наши по этому поводу совершенно противоположны желаніямъ вашего Двора. Этого событія императрица опасается, такъ какъ оно значительно усилитъ затрудненія, сопровождающія исполненіе ея плана, если даже не сдѣлаетъ его совершенно невозможнымъ.

Миролюбивые и смиренные отвѣты Порты, конечно, не произведутъ никакой перемѣны благопріятной для Турокъ, а вѣроятно послужатъ только къ усиленію алчности и къ возбужденію честолюбія обоихъ императорскихъ союзниковъ.

Здѣсь приготовленія, какъ военныя, такъ и морскія, усердно подвигаются. Предполага-

ютъ, что Потемкинъ будетъ начальствовать великой арміей, назначенной для осады Очакова и для вторженія въ Бессарабію. Румянцевъ будетъ во главѣ наблюдательной арміи, расположенной на границахъ Польши, а князь Репнинъ приметъ начальство надъ резервнымъ корпусомъ, который въ случаѣ нужды присоединится къ наблюдательной арміи. Съ этимъ подкрѣпленіемъ она будетъ почти равносильна войску Потемкина, и каждое изъ нихъ вмѣстѣ съ кавалеріей будетъ заключать отъ 35.000 до 40.000 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и козаковъ. Кромѣ того, генералъ Павелъ Потемкинъ будетъ командовать весьма значительнымъ корпусомъ войскъ, расположеннымъ по западному берегу Каспійскаго моря, а генералъ Суворовъ подобнымъ же корпусомъ близь Кубани. Предполагаютъ, что въ Іюнѣ десять кораблей будутъ готовы къ отплытію изъ Херсона и столько же отсюда, съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ эскадрѣ изъ пяти судовъ, находящейся теперь въ Средиземномъ морѣ. Восемь или девять кораблей, годныхъ для службы, останутся въ Кронштадтѣ и, прибавивъ къ нимъ еще пятьдесятъ галеръ, ихъ считаютъ весьма достаточными для того, чтобы удержать въ почтеніи Шведовъ.

86.

ПИСЬМА ГАРРИСА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ, 20-го Января 1783 г.

Въ послѣднее время я очень часто видѣлъ князя Потемкина, который относится ко мнѣ съ необыкновеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Вчера (конечно, послѣ прибытія эстафеты отъ Булгакова) онъ жаловался мнѣ, какъ тяжело отразятся на нихъ вредныя послѣдствія новой нейтральной лиги съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ флотъ въ Средиземномъ морѣ. Онъ сказалъ, что подобная эскадра окажется въ сущности совершенно безполезной, потому что весьма мало вѣроятія на то, чтобы Турецкій флотъ отважился на битву; а такъ какъ нейтральный флагъ можетъ прикрывать всякаго рода торговлю, то нельзя расчитывать ни на добычу, ни на остановку судовъ, пробирающихся въ Архипелагъ, все равно, чѣмъ бы ни были они нагружены. Я напомнилъ ему, что я много разъ это говорилъ и что императрица никакъ не соглашалась съ тѣмъ, что эти новые законы прямо противорѣчили ея собственному прошедшему дѣйствію и очевиднымъ будущимъ интересамъ; что я не могъ не упрекнуть его за то, что онъ въ то время слишкомъ легко принималъ мои представленія по этому предмету и не передавалъ ихъ, какъ слѣдовало, ея императорскому величеству.

Отвѣтъ князя Потемкина былъ замѣчателенъ. „Даю вамъ мое честное слово въ томъ, „что я передавалъ императрицѣ ваши пред„ставленія въ тѣхъ же точно сильныхъ вы„раженіяхъ, какія употребляли вы; но здѣсь „мы никогда не смотримъ впередъ и не огля„дываемся назадъ, а управляемся однимъ толь„ко минутнымъ настроеніемъ. Добрый и вѣр„ный подданный всегда находится въ затруд„неніи, чѣмъ ему руководиться въ своемъ по„веденіи. Еслибы я былъ увѣренъ заслужить „одобреніе, поступая хорошо, и наоборотъ— „выслушать осужденіе за неправильныя дѣй„ствія, я бы по крайней мѣрѣ зналъ, на что̀ „разсчитывать; но у насъ не достаетъ спо„собностей къ подобному разсмотрѣнію и, „лишь бы были польщены страсти, къ разсуд„ку никогда не обращаются.“ Я сказалъ, что мнѣ было весьма жаль видѣть его въ настроеніи, которое заставляло меня предполагать, что случилось что̀-нибудь непріятное.

„Ничего больше,“ сказалъ онъ, „какъ то, „къ чему я привыкъ всякій день. „Но,“ прибавилъ онъ, „я скоро заставлю смотрѣть на „себя иначе, и если и тогда мое поведеніе не „понравится, я уѣду въ деревню и никогда „больше не появлюсь при Дворѣ“.

87.

Петербургъ, 27-го Января 1783 г.

Едва только я кончилъ свое коротенькое оффиціальное письмо отъ этого числа и собирался на свободѣ и не спѣша поблагодарить

васъ за ваши оба частныя письма отъ 3-го и 10-го Января, какъ вице-канцлеръ прислалъ мнѣ ноту, сообщающую, что сейчасъ изъ Парижа пришла эстафета съ извѣстіемъ, что 20-го Января въ Версалѣ были подписаны предварительныя условія мира между Великобританіей, Франціей и Испаніей; и прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣчать на эту ноту, домъ мой наполнился членами Французскаго и Испанскаго посольствъ. Пріемъ этихъ посѣтителей, а также тѣ визиты, которые мнѣ самому необходимо будетъ сдѣлать по этому случаю, отнимутъ у меня всѣ минуты свободнаго времени между настоящимъ часомъ и отходомъ почты.

88.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ, 31-го Января 1783 г.

До сихъ поръ я не замѣчаю, чтобы миръ, заключенный на Западѣ, отразился какими бы то ни было перемѣнами въ приготовленіяхъ, которыя здѣсь въ ходу. Событіе это, конечно, не доставило удовольствія ни императрицѣ, ни ея министрамъ. Сама она не упомянула объ этомъ на выходѣ въ воскресенье, а ихъ поздравленія, очевидно, далеко не искренни. Свѣдѣнія, собранныя мной частнымъ образомъ, совершенно совпадаютъ съ тѣми заключеніями, до которыхъ я дошелъ первоначально, судя лишь по наружности, и мой другъ въ разговорѣ со мной избѣгалъ этого предмета, на сколько возможно. Однако, я не слышу ни съ которой стороны, чтобы упоминалось о вмѣшательствѣ или о вооруженномъ нейтралитетѣ; и я думаю, что, если недавно воевавшія державы согласятся на счетъ своего поведенія по этимъ пунктамъ, ни одинъ членъ нейтральной лиги не осмѣлится болѣе на нихъ настаивать.

По правдѣ сказать, я не знаю, которая изъ воевавшихъ державъ получила положительныя выгоды: всѣ равно жаждутъ отдыха и успокоенія. Если мы будемъ дѣйствовать благоразумно, то отъ насъ зависитъ упрочить себѣ весьма почтенное положеніе. Правда, что союзъ противъ дома Бурбонскаго составляетъ связь самую желательную; но союзъ съ тѣмъ, чтобы участвовать въ войнахъ другихъ державъ, едва покончивъ съ своей собственной, не представляетъ ничего заманчиваго. Сѣверныя державы не оказали намъ помощи въ нашей войнѣ, — могутъ ли же онѣ ожидать, что мы вмѣшаемся въ войну, возникающую для нихъ? Если мечтательныя надежды императрицы на счетъ основанія Восточной имперіи восторжествуютъ, я не понимаю, къ чему ихъ поддерживать намъ, столь недавно потерявшимъ власть на Западѣ. Поэтому я совѣтую не спѣшить подобными мѣрами. Я полагаю, что Франція останется въ сторонѣ отъ Турецкихъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ намъ въ нихъ вступаться? И даже если Франція не поступитъ такимъ образомъ, теперь не время затѣвать новыя ссоры.

89.

Петербургъ, 17-го Февраля 1783 г.

Отсюда отправленъ курьеръ съ предписаніемъ Симолину испытать адмирала Роднея и употребить всевозможныя средства къ тому, чтобы убѣдить его вступить въ Русскую службу, а въ случаѣ отказа съ его стороны попытаться уговорить адмирала Гуда или командора Элліота, или кого нибудь другаго между офицерами высокаго чина и извѣстной репутаціи; и если одно изъ упомянутыхъ лицъ согласится на это предложеніе, то Симолину предписано немедленно обратиться къ его величеству съ просьбой о томъ, чтобы имъ было позволено служить императрицѣ. Ему также приказано стараться отъискать охотниковъ между офицерами нисшихъ чиновъ и не щадить никакихъ усилій для того, чтобы ихъ уговорить.

Князь Потемкинъ до сихъ поръ еще здѣсь, и отъѣздъ его откладывается со дня на день. Замѣчательно, что онъ продалъ свой домъ въ Петербургѣ, распустилъ всю свою иностранную прислугу и, что̀ еще необыкновеннѣе, уплатилъ всѣ свои долги въ теченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ.

90.

Петербургъ, 28-го Февраля 1783 г.

Мистеръ Дана́, Американскій агентъ, находящійся здѣсь уже болѣе двухъ лѣтъ, нѣсколько дней тому назадъ прислалъ вице-канцлеру копію съ уполномочія, даннаго ему какъ уполномоченному министру Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ при здѣшнемъ Дворѣ, прося въ тоже время увѣдомить его, когда и какъ угодно будетъ императрицѣ, чтобы онъ публично явился въ своемъ оффиціальномъ званіи.

Какъ только я удостовѣрился въ справедливости этихъ фактовъ, я отправился къ своему другу и къ секретарю. Я пересказалъ имъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что̀ слышалъ, и, такъ какъ они мнѣ не противорѣчили, я продолжалъ: что, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, Америка сдѣлалась независимымъ государствомъ и на этомъ основаніи имѣла тѣже права на привиллегіи и на вниманіе, какъ и прочія подобныя ей страны, однако я предоставлялъ имъ самимъ разсмотрѣть и рѣшить, могло ли быть пріятно для Британской націи увидѣть, что Россія, которую она привыкла считать естественной своей союзницей и державой, соединенной съ Англіей самыми тѣсными узами политической дружбы и политическихъ интересовъ, первая между всѣми Европейскими Дворами (за исключеніемъ нашихъ враговъ) принимаетъ Американскаго посланника и вступаетъ въ сношенія съ Американскимъ народомъ. Я сказалъ, что далеко не беру на себя оспаривать право ея императорскаго величества въ этомъ случаѣ, тѣмъ менѣе смѣю руководить ея поведеніемъ; однако я не могу не замѣтить, что, пока не произошелъ обмѣнъ ратификацій окончательнаго трактата, независимость Америки не могла быть признана состоявшейся, и вести переговоры съ Американскимъ министромъ прежде публичнаго объявленія этого событія было бы по крайней мѣрѣ дѣйствіемъ слишкомъ поспѣшнымъ, если не несправедливымъ. Секретарь согласился съ тѣмъ, что̀ я говорилъ, и отвѣчалъ мнѣ, что сама императрица далеко не имѣла ни намѣренія, ни желанія подавать моему Двору малѣйшій поводъ къ оскорбленію.

Князь Потемкинъ повторилъ мнѣ почти тоже самое, и хотя они должны были знать, что я не имѣю предписаній говорить съ ними объ этомъ предметѣ, тѣмъ не менѣе сходство употребленныхъ ими выраженій очевидно доказало мнѣ, что они ожидали моего разговора. И признаюсь, милордъ, я былъ такъ недоволенъ ихъ отвѣтомъ и находилъ, что съ ихъ стороны такъ неблаговидно и такъ недружелюбно (если можно придать этотъ эпитетъ взаимному поведенію двухъ Дворовъ между собой) стараться отдѣлаться отъ меня неясными и неопредѣленными увѣреніями, что, хотя съ Безбородкою нашъ разговоръ на этомъ и кончился, но съ другомъ своимъ я не могъ не продолжить его и не высказать ему, что, убѣдясь въ невозможности подѣйствовать на его чувства, я теперь обращался къ его разсудку, прося его рѣшить, будетъ ли обдуманно и политично со стороны императрицы, предпринимая войну, въ теченіи которой ей необходимо понадобятся, если не помощь, то вліяніе Великобританіи, употребить мѣру, которая навсегда лишитъ ее симпатіи націи и въ тоже время дастъ нашимъ министрамъ благовидный предлогъ для того, чтобы отказаться отъ какого бы то ни было участія въ ея дѣлахъ; что въ случаѣ, если она заблуждалась на столько, чтобы сравнить ничтожныя и невѣрныя выгоды, могущія первоначально возникнуть отъ заключенія союза съ этой новой заатлантической державой, съ тѣми постоянными и существенными выгодами, которыя произойдутъ для ея имперіи вслѣдствіе продолженія дружбы и доброжелательства Великобританіи: то ему, какъ преданному и вѣрному подданному, слѣдовало открыть глаза ея императорскому величеству и отговорить ее бросать дѣйствительно-существующій предметъ и гнаться за одной тѣнью. Другъ мой принялъ мои слова въ ихъ истинномъ смыслѣ, т. е. какъ выраженіе честнаго и искренняго

мнѣнія доброжелателя обѣихъ націй. Онъ обѣщалъ мнѣ передать это императрицѣ, и я надѣюсь, что мнѣ удалось отсрочить публичное появленіе здѣсь Американскаго агента до такого времени, когда это можетъ произойти безъ всякихъ непріятныхъ или необыкновенныхъ послѣдствій.

Примѣчаніе. Вслѣдствіе этихъ внушеній, которыя сэръ Джемсъ повторилъ еще разъ, императрица отказалась принять мистера Дапà до тѣхъ поръ, пока Англійскій договоръ съ Америкой не былъ ратификованъ.

91.

ПИСЬМО ГАРРИСА АЛЛЕЙНУ ФИЦГЕРБЕРТУ ЭСКВАЙРУ ВЪ ПАРИЖЪ.

Петербургъ, 10-го Марта 1783 г.

Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо ваше отъ 13-го Февраля, пересланное съ курьеромъ де-Верженя, я ожидалъ пріѣзда курьера, который появился лишь въ прошлый вторникъ. Онъ привезъ мнѣ, кромѣ извѣстій о необыкновенныхъ событіяхъ въ Парламентѣ и о вѣроятной перемѣнѣ въ нашемъ министерствѣ, предписанія, клонящіяся къ той же цѣли и выраженныя почти тѣми же словами, какъ инструкціи, уже полученныя и исполненныя министрами Французскимъ и Испанскимъ. На основаніи этихъ предписаній я немедленно обратился къ этому Двору, прося его вступиться въ качествѣ посредника при подписаніи окончательнаго трактата въ Парижѣ. Предложеніе это было принято не только безъ малѣйшаго колебанія, но съ замѣтнымъ и величайшимъ удовольствіемъ, и вице-канцлеръ при этомъ случаѣ пересказалъ мнѣ много любезностей отъ имени императрицы. Правда (такъ какъ мѣру эту слѣдовало принять), я примѣшалъ много лести къ нотѣ, которую подалъ, какъ потому, что это составляетъ здѣсь ихъ насущный хлѣбъ, такъ и потому, что министры Бурбоновъ приписали себѣ всю честь этого дѣла и съ помощью величайшей хитрости старались внушить императрицѣ, что мы этой мѣрѣ сопротивлялись, но что ихъ Дворы никогда бы не согласились на заключеніе мира, еслибы дѣло это не велось посредничествомъ обоихъ императорскихъ Дворовъ.

Мои слова и усилія много способствовали уничтоженію вредныхъ послѣдствій этого хитраго поведенія; но теперь ни я, ни кто другой не въ состояніи предупредить тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя, опасаюсь, явятся при введеніи посредничества. Новый сводъ морскихъ законовъ подвергнется обсужденію въ такомъ смыслѣ, что хотя, конечно, отъ недавно воевавшихъ державъ будетъ зависѣть его отвергнуть, тѣмъ не менѣе это неизбѣжно затруднитъ и продлитъ переговоры. Мнѣ удалось добыть копію этихъ законовъ и, если только у насъ дома не перемѣнились мнѣнія, мы никогда не можемъ на нихъ согласиться.

92.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИССА ЛОРДУ ГРАНТАМУ.

Петербургъ, 31-го Марта 1783 г.

Я все еще не могу выходить изъ дому, и здоровье мое въ такомъ плохомъ состояніи, что я принужденъ, хотя весьма неохотно, повторить, что переѣздъ въ болѣе умѣренный климатъ для меня совершенно необходимъ.

Сегодня, въ пять часовъ утра, графъ Панинъ имѣлъ сильный апоплексическій ударъ, и не смотря на то, что немедленно были употреблены всевозможныя средства, онъ скончался между десятью и одинадцатью часами. Теперь говорятъ, что князь Потемкинъ непремѣнно выѣдетъ въ понедѣльникъ.

93.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ [22]).

Петербургъ, 23-го Апрѣля 1783 г.

Я уже сообщалъ, что обширные планы обоихъ императорскихъ Дворовъ насчетъ Отто-

[22]) Мистеръ Фоксъ снова занялъ мѣсто статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, замѣнивши лорда Грантама.

манской имперіи отложены въ сторону. Императоръ въ послѣднее время изображалъ такъ часто и въ столь сильныхъ краскахъ опасность, которой онъ подвергался со стороны Пруссіи и Франціи, и привелъ императрицѣ столько, повидимому, убѣдительныхъ доказательствъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ обѣ эти державы дѣйствовали за-одно, что она, хотя весьма неохотно, принуждена была признать всѣ эти доводы за основательное извиненіе его отказа содѣйствовать исполненію ея любимаго плана.

Тѣмъ не менѣе она этотъ планъ замѣнила другимъ, который по всѣмъ вѣроятіямъ столько же нарушитъ миръ ея имперіи. Князь Потемкинъ получилъ отъ нея приказаніе занять и присоединить къ ея владѣніямъ весь Крымъ и часть Кубанской области, а Булгакову предписано, тотчасъ по полученіи извѣстія о томъ, что событіе это совершилось, представить Портѣ манифестъ, объявляющій, что какъ многіе случаи, при которыхъ Турки нарушали статьи Кайнарджійскаго мира, признающаго назависимость Татаръ, такъ огромныя издержки и хлопоты, причиненныя этимъ императрицѣ, и наконецъ полное отсутствіе основаній, на которыхъ она могла бы ожидать перемѣны въ ихъ дѣйствіяхъ, побудили ее обратиться къ единственной мѣрѣ для прекращенія этихъ споровъ, принявъ на себя управленіе этими обѣими странами. Если Турки согласны на эту мѣру, тогда между обѣими имперіями не останется болѣе предмета къ несогласію, и явится возможность установить прочный и постоянный миръ; въ противномъ случаѣ она рѣшилась преслѣдовать свою мысль и поддержать начатое ею дѣло съ оружіемъ въ рукахъ.

Это намѣреніе было сообщено императору черезъ курьера, отправленнаго отсюда наканунѣ отъѣзда Потемкина, съ собственноручнымъ письмомъ императрицы, въ которомъ она попрежнему высказываетъ его императорскому величеству сильнѣйшія увѣренія въ своей дружбѣ, выражая въ тоже время полную надежду на продолженіе его къ ней расположенія. Она прибавляетъ, что, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что онъ совершенно одобритъ ея дѣйствія, она съ своей стороны вполнѣ готова поддержать всякую подобную мѣру предпринятую имъ, и проситъ его быть увѣреннымъ, что, въ случаѣ, если король Прусскій или иная держава по этому поводу нападутъ на него, то она немедленно пошлетъ свою армію къ нему на помощь.

Выраженія этого письма замѣчательно сильны и таковы, что, не будь я убѣжденъ въ ихъ достовѣрности, я бы не осмѣлился ихъ передавать; слогъ и все содержаніе письма ясно указываютъ на тайную надежду императрицы во что́ бы то ни стало вовлечь императора въ свою войну; а легкость, съ которой она формально отказалась отъ союза съ Пруссіей, служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что всѣ ея желанія поглощены успѣхомъ этого честолюбиваго намѣренія.

Поведеніе императора было или чрезвычайно хитро, или чрезвычайно слабо. Если онъ намѣревался bonâ fide участвовать въ видахъ Россіи, то онъ не могъ предвидѣть, что при этомъ ему прежде всего предстояло отказаться отъ союза съ Франціей; онъ также не могъ ожидать, чтобы вліяніе королевы, поддержанное самыми сильными интригами, или даже мысль привлечь Францію предложеніемъ Египта (что́ онъ навѣрное уже сдѣлалъ) окажутся достаточными для того, чтобы заставить этотъ народъ отнестись равнодушно къ столь сильному усиленію двухъ Европейскихъ державъ и къ полному уничтоженію третьей, отъ существованія которой она получаетъ такія огромныя выгоды. Если таково было его намѣреніе, то поведеніе его оказалось несостоятельнымъ; если же, напротивъ того, онъ только имѣлъ въ виду отклонить императрицу отъ связей съ его соперникомъ, королемъ Прусскимъ, вполнѣ овладѣть ею самъ и при томъ добиться этой цѣли, не нарушивъ той системы согласія, которую онъ установилъ съ Дворомъ Версальскимъ: то поведеніе его было

чрезвычайно хитро и искусно и до настоящей минуты (когда я пишу къ вамъ) сопровождалось самымъ полнымъ успѣхомъ. Потому что, повторяю, императрица совершенно убѣждена, что онъ предпочитаетъ союзъ съ ней сношеніямъ со всякой другой державой, что онъ готовъ на все съ цѣлью служить ей, и удерживаетъ его въ этомъ случаѣ одно только опасеніе навлечь на себя соединенную силу двухъ величайшихъ военныхъ державъ въ Европѣ.

Я тѣмъ болѣе на этомъ настаиваю, что, какъ мнѣ извѣстно, здѣшній Прусскій министръ держится противнаго мнѣнія и пишетъ своему королю черезъ моего курьера, что императрица начинаетъ сомнѣваться въ императорѣ, замѣчаетъ его обманъ и скоро вернется къ своей прежней системѣ и правиламъ. Что это можетъ произойти и даже весьма скоро, это правдоподобно, но чтобы были какія-нибудь на то доказательства въ настоящую минуту—это несправедливо.

94.

ПИСЬМО МИСТЕРА ФОКСА ГАРРИСУ.

Сентъ-Джемсъ, Май 1783 г.

Его величество согласился на вашу просьбу. Вы поручите вашему секретарю вести корреспонденцію во время вашего отсутствія, и я буду счастливъ получить отъ васъ письмо съ болѣе благопріятными извѣстіями, чѣмъ тѣ, которыя заключаются въ вашемъ послѣднемъ письмѣ.

Я увѣренъ, что вы сами увидите, до какой степени необходимо, чтобы вы пробыли тамъ, гдѣ находитесь, до тѣхъ поръ, пока вамъ то позволитъ забота о вашемъ здоровьи. Вашъ преемникъ, кто бы онъ ни былъ (я думаю, что это будетъ Фицгербертъ) не можетъ быть въ Петербургѣ раньше Сентября; а вы знаете, какъ необходимо и какъ я особенно долженъ стараться имѣть довѣренное лицо при Дворѣ всѣхъ державъ, чью дружбу я считаю важной для Великобританіи.

Величайшая гордость моей непродолжительной администраціи въ прошломъ году состояла въ томъ успѣхѣ, котораго я надѣюсь, что достигъ, доказавъ ея императорскому величеству готовность министровъ, съ которыми я дѣйствовалъ, слѣдовать ея совѣтамъ и заслужить ея довѣренность, и съ тѣхъ поръ не произошло ничего, что́бы могло измѣнить мои чувства, или уменьшить мое восхищеніе этой великой и мудрой государынею. Поэтому я увѣренъ, что вы пробудете въ Россіи еще столько, сколько вамъ позволитъ ваше здоровье.

95.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДЕПЕШИ ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 26-го Мая 1783 г.

Получено извѣстіе что князь Потемкинъ лишь на разстояніи одного дня отъ Херсона, а черезъ недѣлю можно ожидать свѣдѣній на счетъ вступленія его въ Крымъ. Онъ потребовалъ еще артиллеріи, и послѣ этого усиленія количество орудій, принадлежащихъ арміи, намѣревающейся осаждать Очаковъ, превосходитъ въ три раза ту силу, съ которой Русскіе взяли Бендеры во время послѣдней войны. Князь Потемкинъ намѣревается самъ командовать осадой. Онъ, кажется, рѣшился вынудить Турокъ къ разрыву и даже, предположивъ ихъ на столько трусливыми, чтобы терпѣливо подчиниться потерѣ Крыма, я имѣю основаніе предполагать, что онъ на этомъ не остановится, а станетъ вызывать ихъ еще далѣе. Поступая та́кимъ образомъ, онъ дѣйствуетъ прямо въ ра́зрѣзъ съ мнѣніями и чувствами всѣхъ остальныхъ членовъ Русскаго министерства и, конечно, при этомъ онъ ставитъ на карту продолжительность милостей и вліянія, которыми онъ пользуется. Если дѣйствія не удадутся, онъ пропалъ; въ случаѣ же успѣха — онъ пріобрѣтаетъ еще бо́льшее противъ прежняго значеніе. Императрица считаетъ себя способной на всякіе замыслы противъ Турокъ и относится къ ихъ

приготовленіямъ гораздо легче, чѣмъ они того заслуживаютъ. Она разсчитываетъ на насъ и на императора для того, чтобы удержать въ спокойствіи Бурбонскіе Дворы; она убѣждена, что въ случаѣ, если они не поднимутся, король Прусскій также останется въ покоѣ. Главную же ея заботу (хотя, конечно, это самые незначительные изъ ея противниковъ) составляютъ Шведы, и она употребляетъ всѣ завислщія отъ нея средства съ тѣмъ, чтобы удержать ихъ отъ враждебныхъ ей дѣйствій.

96.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА СЭРУ РОБЕРТУ КЕЙТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 30-го Іюня 1783 г.

Императоръ сообщилъ Франціи какъ свой союзъ съ Россіей, такъ и намѣренія императрицы относительно Крыма, вслѣдствіе чего Версальскій Дворъ подалъ Двору здѣшнему сильное представленіе, въ которомъ прежде всего прямо высказано удивленіе насчетъ предъявляемыхъ императрицей новыхъ правъ относительно Турціи, затѣмъ косвенными намеками отвергается справедливость этихъ правъ, и наконецъ король Французскій предлагаетъ свое вмѣшательство. Онъ уговариваетъ императрицу согласиться на это предложеніе, выставляя ей при этомъ на видъ невѣрность успѣха войны и серіозныя и безчисленныя вредныя послѣдствія, которыя могутъ явиться при выполненіи этой мѣры.

Представленіе это было привезено нарочно отправленнымъ курьеромъ въ воскресенье, а подано въ понедѣльникъ. Императрица чрезвычайно разгнѣвана, однако намѣревается не давать оффиціальнаго отвѣта, прежде чѣмъ услышитъ то, что̀ Дворъ Версальскій скажетъ императору; а пока, по приказанію ея, Русскіе министры сообщили де-Вераку невозможность принять предложеніе короля Французскаго, такъ какъ Крымъ и Кубанская область уже присоединены къ владѣніямъ императрицы, и слѣдовательно предложенное королемъ вмѣшательство явилось слишкомъ поздно.

97.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГАРРИСУ МИСТЕРА ФОКСА.

Сентъ-Джемсъ, 27-го Іюня 1783 г.

Я думаю, что мое оффиціальное письмо окажется едва ли достаточнымъ для того, чтобы дать вамъ понятіе о страшномъ безпокойствѣ Франціи насчетъ Турецкихъ дѣлъ и о томъ, какъ она старается убѣдить насъ дѣйствовать съ нею за-одно.

До сихъ поръ это имѣло хорошее вліяніе, такъ какъ я убѣжденъ, что это опасеніе сдѣлало Французовъ гораздо податливѣе въ дѣлѣ окончательнаго трактата, который подвинулся гораздо быстрѣе съ той минуты, какъ восточная война стала вѣроятнѣе; теперь же трактатъ этотъ, конечно, будетъ скоро заключенъ. Я пересказываю вамъ все это съ цѣлью убѣдить васъ въ томъ, какъ существенно для насъ необходимо пробыть по возможности меньше времени безъ министра въ Петербургѣ, гдѣ будутъ употреблены всякаго рода интриги и сдѣланы всѣ попытки для того, чтобы исказить и перетолковать наше поведеніе.

Фицгербертъ [23]) выѣдетъ отсюда 15-го числа слѣдующаго мѣсяца и поѣдетъ черезъ Вѣну и Варшаву, такъ какъ онъ узналъ, что это ваша дорога, а онъ желалъ бы васъ встрѣтить для того, чтобы съ вами переговорить. Мѣсто, которое вы покидаете, а Фицгербертъ готовится занять, по мнѣнію моему, при настоящихъ обстоятельствахъ есть самое важное между всѣми ему подобными. Слѣдующее же за нимъ по значенію — мѣсто, куда вы отправляетесь [24]).

98.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГАРРИСА СЭРУ РОБЕРТУ КЕЙТУ ВЪ ВѢНУ.

Петербургъ, 14-го Августа 1783 г.

Важнѣйшее событіе, происшедшее здѣсь со времени моего послѣдняго къ вамъ письма,

[23]) Фицгербертъ былъ назначенъ на мѣсто Д. Гарриса посланникомъ къ Русскому Двору.

[24]) Д. Гаррисъ назначенъ былъ посланникомъ въ Гагу.

состоитъ въ полученномъ здѣсь извѣстіи о томъ, что Крымъ и пограничныя съ нимъ области безъ всякаго сопротивленія присоединены къ владѣніямъ императрицы.

Теперь мы находимся въ самомъ тревожномъ ожиданіи курьера изъ Константинополя, черезъ котораго мы узнаемъ впечатлѣніе, произведенное тамъ этой мѣрой. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, если Турки будутъ предоставлены самимъ себѣ, они робко подчинятся не только этому, но еще болѣе значительному уменьшенію ихъ власти.

99.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ГАРРИСА МИСТЕРУ ФОКСУ.

Петербургъ, 14-го Августа 1783 г.

Я далеко не беру на себя оспоривать выгоды, могущія возникнуть отъ союза съ Пруссіей; наблюденія мои ограничены столь узкой сферой, что съ моей стороны было бы смѣшно выставлять свои сужденія и мнѣнія противъ вашихъ, составившихся на основаніи свѣдѣній изъ всѣхъ частей Европы. Я могу только говорить по отношенію собственно къ этой странѣ, высказывая тѣ виды, которыя мнѣ кажутся наиболѣе соотвѣтствующими для того, чтобы достигнуть союза съ Россіей.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что союзъ этотъ давно бы состоялся, еслибы король Прусскій не воспрепятствовалъ его заключенію. Недоброжелательство его къ намъ разрушало всякую попытку, сдѣланную нами съ цѣлью сблизиться съ этимъ Дворомъ. Мы были бы черезъ чуръ несчастны, если, утративъ здѣсь наше вліяніе, вслѣдствіе вражды короля Прусскаго, мы бы теперь не могли возвратить себѣ оное, потому что сдѣлались его друзьями.

Если мысль о союзѣ трехъ прибалтійскихъ державъ состоится (что́, впрочемъ, по мнѣнію моему, невѣроятно), то, вступивъ въ него, мы бы получили обладаніе всѣми морскими силами Европы. Въ случаѣ же, если переговоры не удадутся, я тѣмъ не менѣе предполагаю, что Данію не легко будетъ убѣдить нарушить ея обязательства относительно Россіи, а что, напротивъ того, страна эта послѣдуетъ за ея императорскимъ величествомъ во всякой политической мѣрѣ, какую только императрицѣ угодно будетъ предпринять.

100.

Петербургъ, 25-го Августа 1783 г.

Всѣ мои старанія были направлены къ тому, чтобы установить и упрочить между обоими Дворами систему дружбы и откровенности, чтобы тѣмъ проложить путь предложенію на счетъ союза; но въ тоже время я былъ весьма остороженъ, опасаясь слишкомъ щедрыми увѣреніями подать императрицѣ мысль, что мы послѣдуемъ за нею во всѣхъ честолюбивыхъ крайностяхъ, въ которыя бы она могла вдаться, разсчитывая на поддержку съ нашей стороны. Обращеніе со мной Русскихъ министровъ много облегчило мнѣ поведеніе, которому я долженъ былъ слѣдовать. Нетрудно отвѣчать на довѣріе довѣріемъ, когда средства къ тому находятся въ рукахъ; также какъ весьма легко заслужить дружбу тѣхъ, которые расположены ее намъ оказывать.

Въ разговорѣ, который я имѣлъ по этому поводу съ вице-канцлеромъ и съ Безбородкою, я ни на минуту не терялъ изъ виду этого предмета; и, если можно положиться на ихъ слова, они оба вполнѣ убѣждены, что гораздо основательнѣе желать этого событія, чѣмъ подвергать имперію, хотя бы и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, опасностямъ войны.

Они оба въ одно и тоже время объявили, что для императрицы было уже невозможно вернуться назадъ: однажды принявъ титулъ владѣтельницы Крыма, она уже не могла отъ него отказаться.

Я ограничился тѣми общими замѣчаніями, которыя сами представляются въ подобныхъ случаяхъ, и постарался заставить ихъ почувствовать, что мой Дворъ, утомленный долгой и раззорительной войной, былъ гораздо болѣе способенъ и расположенъ служить ея импера-

торскому величеству усиленнымъ употребленіемъ своего политическаго вліянія; что услуги, которыя Россія извлечетъ отъ него на этомъ поприщѣ, будутъ несравненно значительнѣе, чѣмъ пособія другаго рода, хотя бы мы и готовы были поддерживать императрицу всѣми средствами.

Я долженъ отдать справедливость Русскимъ министрамъ, заявивъ, что они совершенно согласились съ этими мыслями, прекрасно вникли въ наше положеніе и ясно дали мнѣ понять, что въ случаѣ только, если Бурбонскіе Дворы не прибѣгнутъ къ мѣрамъ прямо-вредящимъ нашимъ интересамъ, императрица ожидаетъ отъ насъ не болѣе того, что̀ было нами исполнено по отношенію къ ней въ продолженіи послѣдней Турецкой войны.

Въ воскресенье, прежде чѣмъ я явился ко Двору, чтобы проститься, вице-канцлеръ сообщилъ мнѣ, что ея императорское величество поручила ему выразить самую искреннюю ея признательность за это несомнѣнное доказательство вниманія короля къ интересамъ ея имперіи, прося въ тоже время его величество быть вполнѣ увѣреннымъ, что она чувствуетъ всю цѣну этого поступка и принимаетъ его за самое убѣдительное доказательство его дружбы къ ней.

Я услышалъ тоже самое въ еще болѣе сильныхъ выраженіяхъ отъ самой императрицы въ ея отвѣтѣ на краткую рѣчь, произнесенную мной на моей прощальной аудіенціи. Ея императорское величество самыми убѣдительными словами поручила передать королю, что ей особенно пріятно видѣть его дружескія къ ней чувства, и ничто не можетъ быть искреннѣе той дружбы, которую она съ своей стороны питаетъ къ нему.

Передъ моимъ преемникомъ открывается гладкая и легкая дорога, и способности мистера Фицгерберта укажутъ ему (я въ томъ увѣренъ), какимъ образомъ всего лучше воспользоваться этими обстоятельствами.

Дѣйствія этого Двора въ настоящую минуту очень ясно говорятъ сами за себя. Выраженія ихъ искренни, отчасти потому, что они въ насъ нуждаются, а отчасти и потому, что опытъ открылъ имъ глаза. Можетъ быть, императрица никогда въ томъ не признается, но я вполнѣ убѣжденъ, что она чувствуетъ какъ неправильность своихъ дѣйствій во время нашей послѣдней войны, такъ и то, что пристрастіемъ, оказаннымъ ею нашимъ врагамъ, она въ одно и тоже время существеннымъ образомъ повредила и себѣ, и намъ.

Исторія и благодарная память Россіи оправдали Екатерину отъ этихъ обвиненій. Она и ея ближайшіе совѣтники, Потемкинъ и Безбородко, не поддались внушеніямъ талантливаго и энергическаго дипломата и продолжали относиться къ иноземнымъ событіямъ, также какъ и онъ самъ, т. е. исключительно съ свое-народной точки зрѣнія.—Убѣжденіе въ неудачѣ и слабое здоровье понудили лорда Мальмсбюри оставить Петербургъ. Ему предложено было посланничество въ Испаніи или Голландіи, и онъ предпочелъ послѣднее, какъ болѣе важное для общихъ дѣлъ своего отечества. Въ Декабрѣ 1784 года прибылъ онъ въ Гагу съ званіемъ министра, но съ окладомъ посла. Храповицкій записалъ подъ 5-ымъ Ноября 1788 года: „Изъ Франкфурта пишетъ гр. Н. П. Румянцевъ, что Гаррисъ явно противъ насъ съ нимъ изъяснялся. Онъ намѣренъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году жить въ Гагѣ, а остальное время проводить въ Лондонѣ, находя симъ средствомъ лучше свой счетъ.“ Въ это время, какъ извѣстно, Россія воевала съ Шведами и Турками, и кромѣ того Пруссія приняла относительно насъ угрожающее положеніе и готова была захватить Голстинію, въ случаѣ, если Датчане, по договору съ нами, вступили бы въ Швецію. „У насъ будетъ третья война (отозвалась Екатерина Храповицкому 12 Окт. 1788); обстоятельства понуждаютъ насъ къ оной. Но изъ этого выдетъ, что у короля Прусскаго отнимутъ то что̀ ему было уступлено (т. е. Россіею въ 1762 году). Два глупца руководятся интриганомъ, т. е. король Прусскій и король Англійскій бывшимъ Гаррисомъ, а нынѣшнимъ лордомъ Мальмсбюри.“ Такой отзывъ былъ вспышкою огорченія великой женщины, которая государственныя отношенія Россіи считала вполнѣ своимъ личнымъ дѣломъ. Въ спокойномъ же расположеніи духа она не могла не уважать лорда Мальмсбюри, отличавшагося не только энергіею характера, но и высокимъ образованіемъ (онъ былъ воспитанникомъ Оксфордскаго и Лей-

денскаго университетовъ). Тоже впечатлѣніе производитъ и на насъ вышенапечатанная его переписка: слышится человѣкъ злобствующій на Россію, но уваженіе къ нему не теряется и, радуясь тогдашней Русской политикѣ, не менѣе того невольно сознаёшь, что въ словахъ Гарриса все-таки много правды. *П. Б.*

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

(ОПЫТЪ РАЗРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ).

ГЛАВА V-Я *).

Путешествіе въ Бѣлоруссію. Опредѣленіе въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Полученіе ордена св. Владиміра I-й степени.

Въ 1780 году политическія соображенія императрицы Екатерины привели къ свиданію ея съ Іосифомъ II-мъ въ Могилевѣ. Государыня желала также взглянуть на присоединенныя къ Россіи, вслѣдствіе перваго Польскаго раздѣла, области и на пути своемъ лично удостовѣриться, какъ привилось учрежденіе намѣстничествъ: ей предстояло путешествовать по губерніямъ, „въ новомъ образѣ правленія устроеннымъ".

Невзгоды Австріи заставили Іосифа II-го искать поддержки въ дружбѣ съ Екатериною; но, опасаясь происковъ Фридриха II-го и его агентовъ, онъ рѣшился лично явиться въ Россію на свиданіе съ государыней, которая, съ своей стороны, видѣла въ Іосифѣ сильнаго союзника. Пріѣздъ его въ Россію льстилъ ея самолюбію, котораго Екатерина, какъ извѣстно, была не чужда.

Почти за годъ до путешествія, государыня поручила Безбородкѣ сообщить о томъ начальникамъ тѣхъ губерній, которыя она намѣрена была посѣтить. Множество писемъ Безбородки, съ мельчайшими подробностями о путешествіи, какъ нельзя лучше обрисовываютъ его исключительное положеніе при Екатеринѣ.

„Еще предъ отбытіемъ изъ Царскаго Села", какъ сказано въ „Дневной запискѣ путешествія" [1]), Екатерина повелѣть соизволила господамъ сенаторамъ, графамъ Я. А. Брюсу и А. С. Строгонову, бригадиру Безбородку и полковнику Турчанинову [2]), во время сего путешествія, въ каждомъ городѣ, уѣздномъ или губернскомъ, освѣдомляться о порядкѣ въ управленіи, о нуждахъ и пользахъ всякаго мѣста, снабдивъ каждаго запискою, въ чемъ таковыя свѣдѣнія состоять должны" [3]).

Дневная записка путешествія, въ составъ которой вошла и инструкція, была составлена Безбородкою. Объ этомъ трудѣ своего секретаря Екатерина упоминаетъ въ письмѣ къ великому князю Павлу Петровичу изъ Пскова, 14 Мая. Государыня писала: „Боюсь, любезный сынъ, чтобы васъ не утомилъ безконечный дневникъ Безбородки; я посылаю его вамъ, по вашему желанію" *). Въ инструкціи,

*) См. выше, стр. 553.

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. I., 384—420.

[2]) Турчаниновъ, Петръ Ивановичъ, въ чинѣ полковника, въ 1779 г. былъ опредѣленъ «къ принятію челобитенъ, подаваемыхъ на высочайшее имя», а въ 1794 г. былъ назначенъ управляющимъ конторою «строенія ея величества домовъ и садовъ» (Мѣсяцесловы на 1779—1795 г.).

[3]) Инструкція состояла изъ 14 пунктовъ; напечатана она въ Сборникѣ Русскаго Истор. Общества, I. 385—387.

*) Французскій текстъ этого письма, какъ и другихъ писемъ императрицы Екатерины

данной для обревизованія присутственныхъ мѣстъ, Безбородко не упустилъ изъ виду ни малѣйшей пружины въ государственномъ механизмѣ: здѣсь было предусмотрѣно все, даже ремесла и промыслы по селамъ. Результаты этихъ ревизій оказались блестящими, судя по обнародованной дневной запискѣ путешествія. Такимъ образомъ, обревизованы были присутственныя мѣста губернскія и уѣздныя въ городахъ: Нарвѣ, Гдовѣ, Псковѣ, Великихъ Лукахъ и другихъ, а также и вообще губерніи—Полоцкая, Могилевская, Смоленская и Новгородская [4]). Чтò принадлежало въ этихъ ревизіяхъ собственно Безбородкѣ, документально опредѣлить невозможно. Объ этомъ путешествіи Безбородко разсказываетъ подробно въ письмахъ къ друзьямъ своимъ графамъ Воронцовымъ, братьямъ Александру и Семену Романовичамъ. Его письма къ этимъ лицамъ имѣютъ вообще несомнѣнное историческое значеніе. Въ нихъ Безбородко является живымъ, увлекательнымъ излагателемъ подробностей, которыя были недоступны для другихъ лицъ, не близко стоявшихъ къ Екатеринѣ, а потому они служатъ для насъ однимъ изъ важныхъ и достовѣрныхъ источниковъ. Знакомство же Безбородки съ графами Воронцовыми началось, какъ надо думать, съ меньшаго изъ нихъ, графа Семена Романовича, когда онъ, въ первую Турецкую войну, командовалъ гренадерскимъ полкомъ, а Безбородко завѣдывалъ одною изъ экспедицій походной канцеляріи графа Румянцева. Они должны были нерѣдко встрѣчаться въ палаткѣ фельдмаршала, гдѣ вѣроятно и сдружились. Послѣдующая служба Безбородки при Екатеринѣ сблизила его и съ графомъ Александромъ Романовичемъ. Дружескія отношенія Безбородки къ графамъ Воронцовымъ не прекращались до конца дней его, и онъ всегда цѣнилъ „совѣты и наставленія“ графа Александра Романовича, чтò не разъ выражалъ въ своихъ письмахъ къ нему.

9 Мая, въ 3 часа по полудни, императрица выѣхала изъ Царскаго Села, и на другой день, къ 8 часамъ по полудни, прибыла въ Нарву, останавливаясь, на незначительное время, на промежуточныхъ станціяхъ. На другой день по пріѣздѣ въ Нарву, государыня, увѣдомляя объ этомъ великаго князя и сообщая, что она сама и вся свита ея потолстѣли и здоровы, выразила желаніе получить и отъ августѣйшей четы такое же извѣстіе, прибавивъ: „Ласкаю себя надеждою, что вы скажете о себѣ тоже; быть можетъ, извѣстіе это находится въ карманѣ курьера, ищущаго Безбородку съ 3 часовъ утра. Подумаешь, Нарва по обширности другой Парижъ: въ немъ пропадаютъ безъ вѣсти“. Безбородко же въ письмѣ изъ Нарвы къ графу А. Р. Воронцову, хотя и не касается случая, о которомъ писала государыня, но за то въ подробностяхъ говоритъ о своихъ впечатлѣніяхъ. „Большой походъ, который мы въ одинъ день сдѣлали, съ заботами отъ встрѣчъ, привелъ насъ въ такую усталь, что мы, на силу теперь отдохнувъ, паки въ путь собираемся. Здѣшній городокъ оказалъ всю пристойность и благолѣпіе, ему свойственное, въ пріемѣ государыни и двора ея. Вчера были мы трактованы отъ города на порогахъ, въ загородномъ домѣ г. Сутго-

II-й, напечатанъ въ Сборникѣ Рус. Ист. Общества, т. IX, 41, 42, 45, 61.

[4]) С. Петербургскія Вѣдомости, за 1780 года, № 43.

ва [5]), у коего я съ Дмитріемъ Васильевичемъ [6]) живу весьма покойно". Въ концѣ письма онъ разсказываетъ о своей дѣятельности. „Исключая хорошій обѣдъ и что нѣтъ ни много дѣлъ, ни челобитчиковъ, въ прочемъ весьма скучно. Вы знаете, изъ какихъ людей составлена вся компанія [7]), знаете и мое съ ними положеніе и, выспавшись довольно, поминутно дремлю и зѣваю". Изъ Пскова, 15 Мая, Безбородко вновь писалъ графу Воронцову: „Третьяго дня мы сюда прибыли, а завтра поѣдемъ далѣе, насмотрѣвшися много нехорошаго между дворянствомъ, мѣщанами и прочими. Такимъ образомъ мы уже два дни прежде будемъ въ Могилевѣ". Въ письмѣ къ Бѣлорусскому намѣстнику, гр. З. Г. Чернышеву, 4 Апрѣля 1780 г., Безбородко, между прочимъ, писалъ: „Въ иллюминаціяхъ и другихъ праздникахъ Могилевскихъ ваше сіятельство постарайтеся избѣжать постановленія имени ея величества, учреждая оные такъ, чтобъ могли они сходствовать, напримѣръ, къ доброму согласію государей, утверждаемому персональнымъ знакомствомъ ихъ и происходящему изъ того благоденствію и тишинѣ для державъ ихъ. По словамъ ея величества, ваше сіятельство не дозволите, чтобъ тутъ гдѣ нибудь названіемъ или символомъ былъ воспомянутъ миръ Тешенскій" *)

Императоръ Іосифъ прибылъ въ Могилевъ 21 Мая 1780 года, а 24 Мая колокольный звонъ Могилевскихъ церквей и громъ пушекъ, въ 11 часовъ утра, возвѣстилъ жителямъ о приближеніи императрицы къ городу. Не вдаваясь въ подробности встрѣчи и жизни монарховъ въ Могилевѣ, описанной уже нѣсколько разъ, скажемъ однако, что Екатери-

---

[5]) Сутгофъ (Сутовъ), Иванъ Карловичъ, скончался въ 1824 году и похороненъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ въ г. Нарвѣ. Домъ, въ которомъ онъ принималъ Екатерину, съ ея свитою, былъ деревянный, 2-хъ этажный, съ некрашенными полами и дверями. Онъ существовалъ до 1856 года, когда былъ проданъ Кренгольмской мануфактурѣ, которая на этомъ мѣстѣ построила трактиръ для фабричныхъ мастеровыхъ (Сообщ. Ив. Григ. Лазукомъ).

[6]) Волковъ, Дмитрій Васильевичъ, тайный секретарь и любимецъ Петра III. При Екатеринѣ сначала губернаторъ Оренбургскій, потомъ президентъ Мануфактуръ-Коллегіи. Во время путешествія, въ 1780 году, въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ сенаторомъ 1-го департамента и «правящимъ должность С. Петербургскаго губернатора и генералъ-полицеймейстера».

[7]) Свиту при Екатеринѣ, во время путешествія въ Бѣлоруссію, составляли дамы: камеръ-фрейлина Александра Васильевна Энгельгартъ, фрейлины Екатерина Васильевна Энгельгартъ, Варвара Петровна Пассекъ и Елизавета Дмитріевна Ланская; кавалеры кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ, гр. Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ, гр. Яковъ Александровичъ Брюсъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ гр. Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, гофмаршалъ кн. Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ, дѣйствительный камергеръ, флигель-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Ланской, бригадиръ А. А. Безбородко, полковникъ Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, дежурные дѣйствительные камергеры кн. Михаилъ Васильевичъ Долгоруковъ, кн. Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ, флигель-адъютантъ, генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Левашевъ, камеръ-юнкеры: Андреянъ Ивановичъ Дивовъ и Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Прямо въ Могилевъ отправлены были: дѣйствительные камергеры и тайные совѣтники Иванъ Васильевичъ Обуховъ, кн. Иванъ Васильевичъ Несвицкой, камеръ-юнкеры гр. Артемій Ивановичъ Воронцовъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій, тайный совѣтникъ и дѣйствительный камергеръ Василій Ильичъ Бибиковъ, съ отборною Италіянскою труппою и музыкою, и статскій совѣтникъ Маркъ Ѳедоровичъ Полторацкій, съ отборнымъ хоромъ пѣвчихъ (Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. I, 384 и 385).

*) Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 447 № 117.

на, въ память этого свиданія, въ день своего отъѣзда изъ Могилева, 30 Мая, вмѣстѣ съ императоромъ, заложила каменный храмъ, въ сооруженіи котораго Безбородко принималъ дѣятельное участіе, какъ увидимъ ниже. Посѣтивъ за тѣмъ съ Іосифомъ гг. Оршу, Красный и Смоленскъ, Екатерина отправилась въ Петербургъ, а Іосифъ въ Москву.

Во все время пребыванія императора въ Россіи, Екатерина оказывала ему „искреннее радушіе“ и заботилась, чтобы ничто не могло встревожить его [8]). „Съ гостемъ нашимъ,—писалъ Безбородко къ графу А. Р. Воронцову, 1 Іюня въ Лядахъ,—обходимся, кажется, съ довольною пристойностію. Онъ нимало не тягостенъ, лишь бы только не женировали сами себя“. Въ концѣ письма Безбородко прибавляетъ: „Время наше проводили мы въ Могилевѣ весело; почти во всегдашнемъ угарѣ отъ забавъ. О великолѣпіи Шкловскомъ впредъ на словахъ разскажу, а теперь спѣшу отправить курьера, обнимая васъ искренно“ [9]). Въ четвертомъ письмѣ, изъ Смоленска, отъ 3 Іюня, къ графу А. Р. Воронцову, Безбородко подробно описываетъ разговоръ свой съ императоромъ Іосифомъ. „Между разговорами, которыми пріѣзжій гость меня ежечасно удостоиваетъ, спрашивалъ онъ меня, между прочимъ, о образѣ управленія дѣлами ея императорскаго величества, и дивился, когда я на вопросъ его сказалъ, что всѣ депеши министерства нашего не инако къ министрамъ у дворовъ посылаются, какъ по апробаціи проектовъ самою государынею; что ни одна бумага не проходитъ, которая въ оригиналѣ не была бы представлена ея величеству; ибо онъ думалъ, что реляціи или письма подносятся ей только кратко и то, что̀ прямо достойно ея любопытства. Продолжая часто свои похвалы графу Румянцеву и другимъ, съ кѣмъ онъ сдѣлалъ знакомство, и говоря, что мы не можемъ жаловаться на недостатокъ людей, обратился паки къ иностранному департаменту и началъ выхвалять слогъ нашъ, утверждая, что чтеніе многихъ бумагъ, двору ихъ сообщенныхъ, во время войны съ Турками и во время послѣдней негоціаціи между ихъ и Берлинскимъ дворомъ, доказало ему, сколь искусно и хорошо у насъ пишутъ. Тутъ вступилъ онъ въ похвалы графу Никитѣ Ивановичу, говоря, что онъ очень радъ пріобрѣсть его знакомство, что достоинства приватныхъ людей не столько признаваемы бываютъ при нихъ, какъ послѣ ихъ, — авантажъ однихъ государей, коихъ таланты при жизни ихъ болѣе примѣтны и ощутительны; но тутъ, по его словамъ, часто участвуетъ и похлѣбство. Я сказалъ ему, что и они имѣютъ министра, великую славу пріобрѣвшаго благоразумнымъ управленіемъ дѣлъ, ему порученныхъ; но онъ мнѣ тутъ сказалъ, что онъ отдаетъ всю справедливость достоинствамъ князя Кауница [10]), но не находитъ, чтобъ ему было столько случаевъ и обстоятельствъ показать себя, какъ графу Никитѣ Ивановичу,

[8]) Историч. свѣдѣнія о примѣч. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи. Сост. ген. маіоромъ Мих. Осип. Безъ-Корниловичемъ. СПБ. 1855 г. 173—176.

[9]) Въ Шкловѣ государыня ночевала. Владѣтель Шклова, генер.-адъютантъ Семенъ Григорьевичъ Зоричъ, близкій прежде къ Екатеринѣ, для пріема ея устроилъ спальню сходно съ тою, которая существовала во дворцѣ ея, въ Петербургѣ.

[10]) Кауницъ (Wenceslaus Anton Kaunitz), князь, графъ Ритбергскій, род. въ 1711 г., въ Вѣнѣ. Въ 1753 г. возведенъ въ званіе канцлера; скончался 27 Іюля 1794 г.

который по сіе время имѣлъ репутацію министра въ дѣлахъ, всю Европу интересующихъ и такую силу, что можно приписать ему, какъ девизъ: fiat et fit [11]). Послѣ того распространился онъ о трудности званія министра иностранныхъ дѣлъ, объясняя, что управители другихъ частей, имѣя дѣло съ подданными государей своихъ, не имѣютъ никакой заботы, какъ только приказывать и ожидать повиновенія, а иностранныхъ дѣлъ министръ нерѣдко долженъ повелѣвать людьми, кои никакъ повиноваться не привыкли и имѣть въ виду не тѣсные предѣлы земли своей, но цѣлую, такъ сказать, вселенную. Не могу я вспомнить многихъ околичностей сего разговора, но не могу вспомнить безъ смѣха, когда онъ у меня спросилъ: служилъ ли графъ Панинъ въ войскахъ и когда я ему отвѣчалъ, что служилъ въ конной гвардіи, то онъ мнѣ молвилъ: „Вы также служили, какъ я слышалъ, всю войну подмастерьемъ толь искуснымъ". Должно признаться, что напрасно думаютъ, будто бы военная служба не имѣла ничего общаго съ гражданскою, а можно сказать, что первая есть очень хорошее пріуготовленіе послѣдней, ибо въ первой практика научаетъ быть на всѣ извороты готовымъ и скорымъ въ эксекуціи. Дошелъ онъ до особъ, трудящихся въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и, видно, слышавъ отъ Кобенцеля [12]), спросилъ о Петрѣ Васильевичѣ Бакунинѣ [13]), любопытствуя, что онъ имѣетъ-ли только управленіе департамента, или участвуетъ и въ министерствѣ. Онъ объ немъ отзывался съ большими хвалами, ставя на его счетъ и всѣ Французскія піесы, о коихъ говорилъ онъ прежде. Впрочемъ, любопытству его конца нѣтъ. Забылъ я сказать, что онъ мнѣ третьяго дня говорилъ относительно особы Великаго Князя, изъявляя свое желаніе и нетерпѣливость познакомиться съ нимъ, какъ съ современникомъ своимъ, который, по превосходнымъ дарованіямъ своимъ, будетъ служить украшеніемъ нынѣшнему вѣку. „Я люблю въ немъ (примолвилъ онъ) ту точность, съ которою, какъ всѣ меня увѣряютъ, отправляетъ всѣ дѣла, какія онъ на себѣ имѣетъ. Таковая точность вещь есть рѣдкая въ молодыхъ лѣтахъ, но она нужна, и въ особахъ его состоянія тѣмъ полезнѣе, что безъ сомнѣнія въ свое время и сдѣланное удержитъ, и недоконченное совершитъ" *.

Эти письма свидѣтельствуютъ, что императоръ Іосифъ II нашелъ въ Безбородкѣ пріятнаго и полезнаго собесѣдника. Смѣло можно сказать, что въ Безбородкѣ императоръ видѣлъ дѣльнаго и необходимаго для государыни и Россіи царедворца, котораго онъ позднѣе и отличилъ отъ другихъ, возведя его въ графское достоинство Римской имперіи.

Въ Великихъ Лукахъ, 6 Іюня, Безбородко оставилъ императрицу и ея свиту и поѣхалъ въ деревню, о чемъ императрица упомянула въ письмѣ къ великому князю Павлу Петровичу, извѣщая его, въ тотъ же день

[11]) Да будетъ и бысть.

[12]) Кобенцель (Ludwig Cobenzel), графъ, род. въ 1753 году. 27 лѣтъ онъ былъ назначенъ «чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ» въ Россію отъ Австрійскаго двора. Скончался въ Вѣнѣ, въ 1809 году.

[13]) Бакунинъ, Петръ Васильевичъ, меньшой, начавшій службу подъ покровительствомъ своего родственника, канцлера графа М. Л. Воронцова, въ это время занималъ должность члена Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ чинѣ дѣйств. стат. сов. (Мѣсяцосл. на 1780 — 1783 г. Росс. Родосл. Книга IV, 259).

*) Увы, предвѣщаніе Іосифа II-го не оправдалось: и сдѣланное было разрушено, и начатое кинуто. *П. Б.*

изъ Великихъ Лукъ: „Чтеніе дневника моего, которое такъ занимало васъ, будетъ отсрочено, такъ какъ Безбородко у меня отпросился на 3 дня къ себѣ въ имѣніе, на 50 верстъ разстоянія отъ послѣдней стоянки нашей, на берегу Двины. Послѣдніе листы дневника вы получите по пріѣздѣ моемъ“ [14]). Графа же Воронцова Безбородко извѣщалъ: „тамъ, проживъ три дни, уповаю быть къ вамъ въ пятницу, то есть 12 Іюня.“

По возвращеніи въ Петербургъ, 16 Іюня, Безбородко озаботился дѣлами по сооруженію собора въ Могилевѣ, заложеннаго Екатериною съ Іосифомъ II, въ память ихъ „знаменитаго“ свиданія. Многіе планы лучшихъ архитекторовъ государынѣ не нравились. Безбородко подалъ мысль поручить это дѣло секретарю Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, Н. А. Львову, съ которымъ онъ познакомился у Петра Васильевича Бакунина. Львовъ хотя и не учился математически архитектурѣ, но одаренъ былъ отъ природы замѣчательными талантами. Мысль молодаго художника восхитила государыню [15]), и планъ его былъ утвержденъ [16]). Впослѣдствіи времени Львовъ былъ, какъ увидимъ ниже, близкимъ человѣкомъ къ Безбородкѣ, письма котораго къ нему свидѣтельствуютъ объ искренно-дружескихъ отношеніяхъ вельможи и, благодаря этимъ дружескимъ отношеніямъ, Львовъ имѣлъ вліяніе на Безбородку въ пользу друзей своихъ, писателей Екатерининскаго вѣка. Секретарь государыни дѣятельно любилъ просвѣщеніе; а мы знаемъ какъ важно для истинно-народнаго преуспѣянія, чтобы у источниковъ государственной

---

[14]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. IX, 61.

[15]) Соч. Г. Р. Державина, съ объясн. примѣч. академика Я. К. Грота. т. I, 366.

[16]) О построеніи церкви св. Іосифа въ Могилевѣ сохранились письма Безбородки, который, 21 Дек. 1780 г., между прочимъ, писалъ къ гр. Н. И. Панину: «Ея императорское величество, удостоивъ высочайшей апробаціи сочиненные Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ секретаремъ Львовымъ планъ, фасадъ, профиль и проектъ внутренняго украшенія церкви св. Іосифа, созидаемой въ Могилевѣ, на память знаменитаго свиданія, повелѣть соизволила отправить самаго сочинителя для соглашенія плана съ мѣстомъ и преподанія наставленія, потребнаго при закладкѣ». Въ письмѣ къ гр. З. Г. Чернышеву, 22 Дек. 1780 г., Безбородко писалъ: «Ея величество повелѣть изволила увѣдомить ваше сіятельство о высочайшей ея волѣ, что церковь сія внутри должна убрана быть фальшивымъ мраморомъ, каковъ умѣютъ составлять у Іезуитовъ Полоцкихъ и котораго образцы ея величество видѣла, а впрочемъ не было бы золота и серебра. Надпись, при семъ подносимая, сдѣлана по точной волѣ монаршей для вырѣзанія оной на доскѣ мѣдной, золотыми буквами и поставленія на мѣстѣ приличномъ». Къ письму была приложена слѣдующая надпись, писанная рукою Безбородки: «Во славу Бога единаго, Всемогущаго, на память знаменитаго свиданія Екатерины Вторыя, императрицы и самодержицы Всероссійскія и Іосифа Втораго, императора Римскаго, основанъ храмъ сей святаго Іосифа въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ, Мая 30 дня, въ лѣто отъ созданія міра 7288, отъ Рождества Христова 1780 года. Царствованія ея императорскаго величества въ осьмое на десять. При пастырствѣ преосвященнаго Георгія, епископа Могилевскаго и при управленіи намѣстничествами генерала-фельдмаршала и государева намѣстника Захара Григорьевича Чернышева». Кстати приведемъ здѣсь и еще письмо Безбородки къ Петру Богдановичу Пассеку, отъ 31 Іюля 1782 года, указывающее на другихъ дѣятелей по постройкѣ этого историческаго памятника. «Во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, для строенія церкви св. Іосифа въ Могилевѣ, отправленъ съ курьеромъ вашимъ архитекторъ Нобили. По свидѣтельству всѣхъ архитекторовъ, онъ весьма знающъ въ практикѣ; но думаютъ, что прилежность его требуетъ довольнаго присмотра, хотя, впрочемъ, и можно думать, что въ г. Могилевѣ менѣе разрывки онъ найдетъ, нежели въ столицѣ. Если онъ найдетъ какое либо относительно зданія сомнѣніе, то неугодно ли будетъ вашему превосходительству приказать ему изъясниться письменно съ г. совѣтникомъ посольства Львовымъ. Жалованье получаетъ онъ, Нобили, изъ Кабинета по 1000 р. на годъ». (Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 447, №№ ук. 489, 491, 327.)

власти находились люди, одушевленные такою любовью.

Путешествіе по Бѣлоруссіи, съ достовѣрностію можно сказать, еще больше приблизило къ Екатеринѣ Безбородку, которому она, съ этого времени, стала поручать важнѣйшія дѣла. Извѣстны заботы государыни о переселеніи Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія, чего Екатерина желала достигнуть возможно-тайнымъ образомъ, чтобы не произвести огласки въ народѣ и не подать повода къ неосновательнымъ толкамъ. Дѣло объ отправленіи этихъ несчастныхъ праправнуковъ царя Алексѣя Михаиловича Романова возложено было на попеченіе немногихъ; главнымъ же производителемъ его былъ „бригадиръ Безбородко", какъ свидѣтельствуетъ авторъ статьи о Брауншвейгской фамиліи, составленной по подлиннымъ архивнымъ бумагамъ [17]).

Скорый и усердный исполнитель повелѣній Екатерины, Безбородко съ каждымъ мѣсяцемъ пріобрѣталъ довѣріе и расположеніе государыни и къ концу 1780 года онъ былъ весьма замѣтнымъ лицемъ по своему вліянію на дѣла, такъ что имя его уже становилось извѣстно въ далекихъ концахъ Россіи.

Объ этомъ упоминаетъ Левинскій, одинъ изъ кліентовъ Смогоржевскаго [18]), котораго Екатерина, по присоединеніи къ Россіи Бѣлоруссіи, утвердила Полоцкимъ уніатскимъ епископомъ и который такъ сильно стоялъ за цѣлость уніи въ Русской области, подбивая къ тому Потемкина и другихъ Екатерининскихъ царедворцевъ. „Но о простомъ народѣ, среди котораго весьма многіе желали, но не могли перейти въ схизму, заботился всѣми силами Георгій Кониcскій, который, безъ сомнѣнія, зналъ и проекты, и хлопоты Смогоржевскаго и понималъ, какъ сильно они могутъ загородить уніатамъ путь къ православію" [19]). Противная сторона, къ которой принадлежалъ и Безбородко, противодѣйствовала Смогоржевскому, которому Левинскій писалъ объ этомъ 18 Сентября 1780 года: „Бѣлорусскій намѣстникъ (Чернышевъ) сговорившись съ Безбородко, чрезъ котораго идетъ изъ губерніи (Бѣлоруссіи) въ Петербургъ и обратно вся переписка, оба били и бьютъ на то, чтобы уничтожить Полоцкое архіепископство; но графъ Панинъ, несогласный съ этимъ планомъ, обѣщалъ Польскому послу Деболи разрушить его" [20]). Извѣстіе это свидѣтельствуетъ, что Безбородко имѣлъ возможность, во всѣхъ подробностяхъ, проникнуть въ смыслъ тогдашней политики и въ тайный союзъ, заключенный Россіею съ императоромъ Іосифомъ.

Въ концѣ Сентября мѣсяца 1780 года, Безбородко подалъ государынѣ записку, извѣстную подъ названіемъ „меморіала по дѣламъ политическимъ". По словамъ С. М. Соловьева, „записка эта имѣла весьма важное дипломатическое значеніе: въ авторѣ высказался тонкій и дальновидный дипломатъ; она, почти слово въ слово, была переслана въ Вѣну, въ формѣ предложенія нашего двора", по которому Россія желала пріобрѣсти: 1)

17) «Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія». Русская Старина. 1874 г. кн. IV, Апрѣль, стр. 651.

18) Іассонъ Смогоржевскій, уніатскій въ Польшѣ митрополитъ, «неутомимый ратоборецъ за унію», скончался въ 1788 году. Исторія возсоед. западно-русс. уніатовъ старыхъ временъ, соч. М. О. Кояловича. СПб. 1873, стр. 203, 322.

19) Тамъ же, стр. 202.

20) Тамъ же, стр. 202.

„Очаковъ съ частію земли между Бугомъ и Днѣстромъ, 2) Крымскій полуостровъ, 3) одинъ, два или три острова въ Архипелагѣ, для пользъ и нуждъ и по торговлѣ, 4) возстановить независимость: *а*, Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, подъ именемъ Дакіи и *б*, Греческую имперію, въ пользу младшаго внука императрицы". Императоръ Австрійскій Іосифъ, 13 Октября 1782 г., отвѣчалъ, что съ его „стороны не будетъ затрудненія въ исполненіи всѣхъ этихъ желаній, если только будутъ исполнены и его желанія" [21]), на которыя Россія могла смѣло соглашаться. Записка эта имѣла, вѣроятно, вліяніе на императрицу и едва ли не была составлена и подана Екатеринѣ съ участіемъ князя Потемкина, а 24 Ноября того же 1780 г. Безбородко былъ причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ „полномочнаго для всѣхъ негоціацій" [22]) и въ тотъ же день произведенъ въ генералъ-маіоры [23]). Предположеніе, что главною причиною причисленія его къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ была именно эта записка, подтверждается его собственными словами. Въ прошеніи, поданномъ Павлу, когда Безбородко просился въ отставку, онъ писалъ, что „императрицею, въ знакъ особливаго монаршаго благоволенія, за поданный мною меморіалъ по дѣламъ политическимъ, на которомъ съ того времени основана система и донынѣ продолжающаяся, причисленъ къ министерству полномочнымъ для всѣхъ негоціацій".

Эта новая должность развила вполнѣ дипломатическія дарованія Безбородки, котораго неизвѣстный авторъ „жизни князя Потемкина" называетъ „великимъ явленіемъ на политическомъ Россійскомъ небѣ" [24]).

Еще до оффиціальнаго опредѣленія его въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, т. е. до Ноября 1780 г., Безбородко принималъ участіе въ дѣлѣ при выполненіи знаменитаго проекта, принадлежавшаго императрицѣ и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ „вооруженнаго морскаго нейтралитета", которымъ призывались къ союзу для защиты нейтральнаго флага всѣ Европейскія державы, не принимавшія участія въ продолжительной борьбѣ Англіи съ ея колоніями. Объ участіи Безбородки въ этомъ знаменитомъ проектѣ свидѣтельствуютъ документы, хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [25]) и отзывъ Екатерины II, въ одномъ изъ замѣчаній ея на книгу аббата Денины: „біографія Фридриха II-го." Денина приписалъ Фридриху II-му первую идею вооруженнаго нейтралитета и утверждалъ, будто Фридрихъ II, еще въ 1744 году, меч-

[21]) Желанія, заявленныя Австріей, подробно изложены С. М. Соловьевымъ въ трудѣ его: «Исторія паденія Польши». М. 1863, стр. 163—166.

[22]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управл. иностр. дѣлами въ Россіи. ч. II, стр. 172.

[23]) Въ пергаментной грамотѣ, выданной Безбородкѣ, 31 Дек. 1781 г., за подписью Екатерины, между прочимъ сказано, что онъ произведенъ въ генералъ-маіоры «для его оказанной къ службѣ нашей ревности и прилежности». Подлинный патентъ хранится въ семейномъ архивѣ графа А. М. Мусина-Пушкина, прежде принадлежавшемъ графу Г. А. Кушелеву-Безбородкѣ.

[24]) Рукопись, хранящаяся въ Импер. публич. Библіотекѣ и имѣющая заглавіе «Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія князя Г. А. Потемкина».

[25]) При составленіи этого очерка я пользовался статьею о вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ, составленной по документамъ Московскаго главнаго Архива министерства Иностранныхъ дѣлъ и напечатанной въ Морскомъ Сборникѣ за 1859 г , №№ 9, 10, 11 и 12.

талъ о созданіи конфедераціи этого рода. Екатерина, читая трудъ Денины, противъ этого мѣста его книги, написала: „это неправда; идея о вооруженномъ нейтралитетѣ возникла въ головѣ у Екатерины II-й, а не у кого другаго. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что эта мысль была высказана императрицей совершенно неожиданно. Графъ Панинъ не хотѣлъ и слышать о вооруженномъ нейтралитетѣ; идея эта не принадлежала ему, и стоило большаго труда убѣдить его, что̀ и было поручено Бакунину, который выполнилъ это дѣло [26]).

Главнымъ исполнителемъ политическихъ замысловъ государыни оставался еще тогда гр. Н. И. Панинъ; имъ и писаны всѣ почти бумаги по этому проекту, какъ первымъ членомъ тогдашней Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Что̀ же касается участія въ этомъ проектѣ Безбородки, то его рукою именно написаны слѣдующіе акты: а) объявленіе высочайшаго повелѣнія гр. Панину, при коемъ препровожденъ указъ Адмиралтейской Коллегіи и б) протоколъ, которымъ гр. Панинъ поручилъ Безбородкѣ донести императрицѣ о результатахъ сношеній его съ иностранными министрами, принявшими предложеніе о вооруженномъ нейтралитетѣ съ особеннымъ участіемъ, кромѣ министровъ Англійскаго, Французскаго и Испанскаго [27]).

[26]) Французскій текстъ, соч. Денины и замѣчанія на него Екатерины, писанныя по-французски, извлечены г. Барсуковымъ изъ бумагъ А. В. Храповицкаго, принесенныхъ Н. В. Сушковымъ въ даръ Москов. публич. Музею (по катал. № 1350) и напеч. въ Дневникѣ А. В. Храповицкаго. Спб. 1873, стр. 476.

[27]) Оба эти документа напеч. въ Морскомъ Сборникѣ за 1859 годъ, въ статьѣ: «о вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ» №№ 9 и 10, стр. 88—90 и 356—361.

Два эти документа такъ важны, что раскрываютъ всѣ подробности этого замѣчательнаго произведенія Екатерининскаго ума; въ нихъ высказалась вся политика нашего кабинета со всѣми интригами иностранныхъ дворовъ, которые не безъ зависти смотрѣли на политическое наше преобладаніе.

Кромѣ этого Безбородко заключилъ, до Января 1782 года, т. е. за время, когда онъ занималъ должность полномочнаго для всѣхъ негоціацій, три конвенціи съ иностранными дворами по вооруженному нейтралитету [28]). Во всѣхъ этихъ дипломатическихъ актахъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Первый изъ нихъ, заключенный Россіею съ Даніею и Швеціею, составленъ въ канцеляріи Безбородки, а не въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что̀ видно по исходящимъ ея книгамъ. А по поводу „акта принятія въ союзъ защищенія неутральной торговли", заключеннаго съ императоромъ Римскимъ Іосифомъ II, 19 Ок-

[28]) Оглавленіе этихъ актовъ слѣдующее: а) 1780 г. 24 Декабря. «Актъ приступленія генеральныхъ штатовъ соединенныхъ Нидерландскихъ провинцій къ морскимъ конвенціямъ, заключеннымъ Россіею съ Даніею и Швеціею». (Полн. Собр. Зак. № 15,103).

Бантышъ-Каменскій въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли», въ біографіи Безбородки, говоритъ, что онъ участвовалъ «въ постановленной, 1780 года 10 Августа, конвенціи съ Шведскимъ дворомъ о сохраненіи торговли на Балтійскомъ морѣ, посредствомъ вооруженнаго нейтралитета» (стр. 108). Въ Пол. Собр. Зак. конвенція эта не напечатана.

б) 1781 г. 8 Мая. «Актъ для охраненія свободы торговли и мореплаванія нейтральныхъ народовъ, заключенный между ея императорскимъ величествомъ и его величествомъ королемъ Прусскимъ.» (Полн. Собр. Закон. № 15,555. Морской Сборникъ, 1859 г. Декабрь, № 12,379—382).

в) 1781 г. 19 Октября. «Актъ принятія въ союзъ защищенія неутральной торговли.» (Полн. Собр. Закон., № 15,261).

тября 1781 года, сохранился собственноручный всеподданнѣйшій докладъ Безбородки, на которомъ рукою Безбородки отмѣчено: „читано и высочайше а пробовано Января 20 дня 1781“. Лучшая табакерка, по свидѣтельству Пикара, за этотъ трактатъ была вручена графомъ Кобенцелемъ г. Безбородкѣ [29]).

Не прошло и года со времени опредѣленія Безбородки въ Коллегію, какъ онъ уже занялъ въ ней видное мѣсто. 4 Января 1782 года послѣдовалъ именной указъ Сенату, которымъ, между прочимъ, повелѣвалось: „генералъ-маіору Безбородку присутствовать въ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ по секретной экспедиціи, и при томъ поручаемъ ему въ точное вѣдѣніе и наблюденіе почтовый департаментъ, оставляя, впрочемъ, его Безбородка при прежней должности“ [30]). Назначеніе Безбородки на эти должности вызвало Пикара сообщить о томъ кн. Куракину, путешествовавшему въ то время съ цесаревичемъ по Европѣ, какъ особенную столичную новость. Въ письмѣ, отъ 29 Декабря 1781 года, онъ писалъ: „Г. Безбородко, пользующійся постоянно милостями императрицы, назначенъ начальникомъ почтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ право предсѣдательства въ Иностранной Коллегіи, такъ какъ ни канцлеръ, ни вице-канцлеръ не считаются членами этой коллегіи. Пока еще предсѣдательствующимъ остается младшій Бакунинъ, потому что онъ военный, а Безбородко гражданскій генералъ-маіоръ [31]). Ясно, что Пикаръ писалъ эти извѣстія по слухамъ и перепуталъ чины Бакунина и Безбородки; но въ его сообщеніи важно, что Безбородко уже въ 1781 году „пользовался постоянно милостями императрицы“; а что онъ въ это время былъ уже весьма сильнымъ лицемъ въ дипломатическомъ мірѣ и имѣлъ важное вліяніе на дѣла, видно изъ того, что ни одинъ дипломатическій актъ, со времени опредѣленія Безбородки присутствующимъ въ Коллегію по секретной экспедиціи, не былъ заключенъ безъ его непосредственнаго участія. За этотъ періодъ службы его въ Коллегіи, съ 4 Января 1782 по 1784 годъ, Безбородко связалъ свое имя еще съ тремя дипломатическими трактатами [32]). Но всего яснѣе вліяніе Безбородки на дипломатическія дѣла за это время въ письмѣ герцога Тосканскаго Леопольда, адресованномъ къ брату, императору Іосифу II. Герцогъ, сообщая императору о разговорѣ своемъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, путешествовавшимъ тогда по Европѣ, приводитъ и мнѣніе великаго князя о нѣкоторыхъ вельможахъ Екатерины II, въ томъ числѣ и о Безбородкѣ, именно въ письмѣ отъ 5 Іюня 1782 г. „Однажды, разсуждая о происках графа

[29]) Письмо Пикара къ кн. А. Б. Куракину, Русская Старина 1870 г. т. I, стр. 133.

[30]) Именные высочайшіе указы, хранящіеся въ Архивѣ Прав. Сената, въ С. ПБ., за 1781 годъ, мѣсяцъ Декабрь.

[31]) Русск. Старина 1870 г. т. I ст. 151.

[32]) Вотъ оглавленіе этихъ актовъ:

1) 1782 г. 13 Іюля. «Морская конвенція для охраненія свободы нейтральнаго кораблеплаванія, заключенная между Россіею и Португаліею.» (Полн. Собр. Зак. № 15, 466).

2) 1782 г. 8/19 Октября. «Трактатъ о дружбѣ и торговлѣ, заключенный въ Санктъ-Петербургѣ между Россійскою Имперіею и Датскою короною». (Пол. Соб. Зак. № 15, 537).

3) 1783 г. 10 Февраля. «Актъ, которымъ его величество король обѣихъ Сицилій приступаетъ къ системѣ морскаго неутралитета, принятой въ пользу свободы торговли и мореплаванія» (Полн. Собр. Зак. № 15, 666 Морской Сборникъ, 1859 г., № 12 стр. 393—296).

Кобенцеля въ Петербургѣ, онъ разгорячился и сталъ мнѣ говорить, что ему извѣстно, какіе изъ Петербургскихъ чиновниковъ куплены Вѣнскимъ дворомъ, сколько и когда и что̀ получилъ каждый, со всѣми подробностями. Когда я сталъ увѣрять его, что ничего объ этомъ я не знаю, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Такъ я знаю и могу назвать вамъ имена. Это князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ, оба графа Воронцовы, Семенъ и Александръ, и Морковъ [33]), который теперь министромъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ; пускай знаютъ, что я знаю, кто они такіе и какъ только у меня будетъ власть, я ихъ накажу (ich werde sie ausruthen), уничтожу и выгоню.“ Послѣдующій разсказъ о жизни Безбородки вполнѣ докажетъ, какъ ошибался великій князь въ своемъ сужденіи о Безбородкѣ, который былъ при немъ (императорѣ) однимъ изъ приближеннѣйшихъ и любимѣйшихъ его царедворцевъ. Императрица же Екатерина, напротивъ, высоко цѣнила Безбородку и отличала его больше всѣхъ другихъ, находившихся при ней кабинетъ-секретарей. Ко дню восшествія на престолъ Екатерины, 28 Іюня 1782 года, каждому секретарю, при ней состоявшему, было пожаловано изъ Кабинета по 5000 руб., тогда какъ Безбородкѣ пожаловано было вдвое больше, именно 10.000 руб. [34]). А въ концѣ Сентября того же года Екатерина, по трудамъ, сравнила Безбородку съ первѣйшими сановниками государства [35]). 22 Сентября 1782 года государыня, празднуя двадцатилѣтіе своего коронованія и въ память этого дня учредивъ орденъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, статутъ

[33]) Р. Архивъ 1872 г., стр. 770.

[34]) Дѣла Кабинета Е. И. В. связка. 448, ук. № 435.

[35]) Къ этому времени относятся труды Безбородки по театральному дѣлу, о которыхъ нельзя не упомянуть. Въ 1782 г. обнаружились недочеты въ суммахъ, отпускаемыхъ на театры. Государыня поручила привести ихъ въ лучшее устройство Безбородкѣ, который, 15 Іюня 1782 г., писалъ объ этомъ Василью Ильичу Бибикову: «Какъ Ея Императорскому Величеству угодно было высочайше повелѣть мнѣ всѣ дѣла по театру и музыкѣ двора ея привести въ лучшій, по возможности, порядокъ и изготовить ихъ къ распоряженію на томъ основаніи, на каковомъ соизволитъ ея величество учредить ихъ, то вслѣдствіе сего прошу ваше превосходительство прислать мнѣ копіи штатовъ и именныхъ указовъ относительно до театральной дирекціи» (Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 447, № 257) Въ другомъ письмѣ, отъ того же числа, Безбородко какъ бы разъясняетъ ему причины, заставившія государыню обратить свое вниманіе на театральное дѣло. Въ концѣ письма Безбородко писалъ: «ея величество веденіе расходовъ находитъ непорядочнымъ и повелѣла мнѣ сочинить для оныхъ правила и на высочайшее утвержденіе представить» (Дѣла Кабинета Е. И. В. св. 447 № 258). Результатъ этого дѣла извѣстенъ. Въ 1783 г. былъ учрежденъ новый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ А. В. Олсуфьева, въ члены котораго были назначены генералъ-поручикъ Мелиссино, камергеры Дивовъ и кн. Голицынъ, генералъ-маіоръ Соймоновъ и камеръюнкеръ Мятлевъ. Правила, какими комитетъ долженъ былъ руководствоваться при управленіи театрами, изложены были въ рескриптѣ, данномъ на имя предсѣдателя А. В. Олсуфьева (Полн. Собр. Зак. № 15, 783.) котораго обыкновенно величали «кабинетъ-министромъ».

Авторъ Лѣтописи Русскаго Театра говоритъ, что «хотя чины, составлявшіе комитетъ театральнаго управленія, и старались каждый объ улучшеніи своей части, но, при усиленномъ требованіи роскошной постановки спектаклей, годъ отъ года сталъ оказываться недостатокъ въ денежныхъ средствахъ на содержаніе театровъ». (Лѣтопись Русскаго театра П. Арапова. СПб. 1861 г. 90—94.) и потому, 14 Февраля 1786 г., послѣдовалъ именной указъ о порученіи главнаго управленія надъ всѣми театрами генералъ-маіору Степану Ѳедоровичу Стрекалову, «не свѣдущему въ театральномъ дѣлѣ человѣку». Преемники его, Петръ Алекс. Соймоновъ и А. В. Храповицкій, обремененные другими служебными обязанностями, мало потому обращали вниманія на дѣла его. Вновь обнаруженные долги по дирекціи и участіе, принимаемое ими

котораго былъ составленъ Безбородкою, сама возложила на него звѣзду и ленту ордена. Въ рескриптѣ, данномъ на имя Безбородки, объ этомъ сказано: „Усердная и ревностная ваша служба, доказанная предъ нами особливымъ радѣніемъ въ дѣлахъ, вамъ ввѣренныхъ, искусствомъ въ порученныхъ частяхъ и личными способностями, обращаетъ на себя наше императорское вниманіе и милость". Въ заключеніи говорится, что ордена „знаки мы сами на васъ возложили". Въ автобіографической запискѣ своей, Безбородко объ этой наградѣ замѣтилъ: „Почтенъ я отъ многихъ государей разными подарками, и наконецъ почтенъ большимъ крестомъ ордена св. Владиміра, а что̀ всего болѣе, сей чести удостоенъ на ряду съ первыми чинами государства [36]), когда угодно было ордену, для заслугъ учрежденному, дать первое основаніе. Что̀ касается до чинопроизводства, я отъ полковника шелъ старшинствомъ, и съ тѣхъ поръ не обойдя никого, хотя мимо меня прешли и иные; но и тутъ я, напримѣръ, г-на Михельсона исключаю, вѣдая, что онъ имѣлъ счастіе участвовать въ избавленіи государства отъ большой бѣды" [37]).

къ сближенію воспитанницы училища Урановой съ графомъ Безбородкой, какъ увидимъ ниже, навлекли на нихъ гнѣвъ Екатерины, и на мѣсто ихъ былъ назначенъ князь Николай Борисовичь Юсуповъ. Онъ въ короткое время привелъ въ порядокъ администрацію театра, и Русская сцена оживилась».

[36]) Въ день учрежденія ордена св. Владиміра, получили первую степень его: фельдмаршалъ кн. А. М. Голицынъ, гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій, кн. Потемкинъ, гр. Н. И. Панинъ, кн. Орловъ, гр. Захаръ и Иванъ Григорьевичи Чернышевы, кн. Н. В. Репнинъ, И. И. Бецкій, И. И. Шуваловъ и А. А. Безбородко (Дѣла Кабинета Е. И. В. св. 440, книга за Сентябрь мѣсяцъ).

[37]) Подлинная записка хранится въ Диканьскомъ Архивѣ кн. С. В. Кочубея.

ГЛАВА VI-Я.

Финансовые труды. Присоединеніе Крыма. Путешествіе въ Фридрихсгамъ. Избраніе въ члены Россійской Академіи.

Обширныя предпріятія Екатерины, какъ по распространенію предѣловъ Россіи, такъ и по внутреннимъ учрежденіямъ, истощали государственные доходы, которыми далеко не покрывались расходы. Государственный дефицитъ правительство, обыкновенно, покрывало новыми выпусками ассигнацій; но уже въ концѣ 1782 года было замѣчено, что ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажа, что́ возбудило опасеніе и принудило изыскивать другія, болѣе разумныя мѣры для улучшенія финансовъ.

Для достиженія этой цѣли была образована особая коммисія изъ членовъ, которымъ, больше другихъ сановниковъ, были знакомы отечественные финансы. Выборъ этихъ лицъ, какъ кажется, возложенъ былъ на Безбородку, въ исходящихъ книгахъ канцеляріи котораго нашлась записка, утвержденная Екатериною, 15 Февраля 1783 года, съ резолюціею: „быть по сему" и относящаяся до организованія финансовой коммисіи. Содержаніе ея указываетъ на членовъ, избранныхъ для „пріумноженія государственныхъ доходовъ." Ея императорское величество — читаемъ въ запискѣ — высочайше повелѣть соизволила господамъ дѣйств. тайн. сов. и генералу-прокурору князю А. А. Вяземскому, тайн. совѣтникамъ графу А. В. Шувалову и графу А. Р. Воронцову и генералъ-маіору Безбородкѣ вступить въ разсужденіе о пріумноженіи государственныхъ доходовъ и представить ея величеству мнѣніе ихъ о томъ; а какъ

нынѣ господинъ генералъ-губернаторъ Бѣлорусскій [1]) находится въ столицѣ, то естьли разсужденія ихъ касаться будутъ до ввѣренныхъ ему губерній, пригласить и его къ трактованію о доходахъ съ оныхъ губерній" [2]).

Коммисія, въ Апрѣлѣ 1783 года, представила государынѣ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ было высказано, что она положила себѣ за правило „съ одной стороны соображеніе государственныхъ нуждъ съ настоящимъ состояніемъ доходовъ, съ другой же наблюденіе, дабы умноженіе сихъ послѣднихъ имѣло мѣсто не въ тягость народную, но съ надлежащимъ уваженіемъ на разные виды общественнаго благоустройства, наипаче же, дабы въ разныхъ провинціяхъ, составляющихъ Всероссійскую Имперію, и въ различныхъ ея народныхъ состояніяхъ установить колико возможно подати единообразныя и необходимо нужный сразмѣръ между собой имѣющія." По росписи, представленной княземъ Вяземскимъ, государственные расходы „кромѣ непредвидѣнныхъ", въ 1783 г. простирались до 12.384.841 рублей, а „остатки отъ положенныхъ по статьямъ расходовъ не составляли болѣе 3.181. 234 руб., слѣдовательно не доставало 9.203.607 рублей. Для покрытія недостающей суммы, коммисіею предлагались, между прочимъ, слѣдующія мѣры: обложить всѣхъ государственныхъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ, кромѣ ямщиковъ, 3-мя рублями казеннаго оброка вмѣсто платимыхъ ими 2-хъ рублей, и такимъ образомъ сравнять ихъ съ крестьянами помѣщичьими; однодворцевъ сравнять съ казенными крестьянами, относительно рекрутовъ; въ губерніяхъ Малороссійскихъ: Кіевской, Черниговской, Новгородъ-Сѣверской и Харьковской, Бѣлорусскихъ: Могилевской и Полоцкой, въ Рижской, Ревельской и Выборгской, брать подати:—1) съ купечества по 1 р. со ста 2) съ мѣщанъ по 1 р. 20 к. въ годъ, 3) съ крестьянъ казенныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и помѣщичьихъ по 70 к. въ годъ, 4) съ крестьянъ казеннаго вѣдомста по 1 р. въ годъ и 5) съ казаковъ, вмѣсто произвольныхъ поборовъ, по 1 р. 20 к. въ годъ; увеличить съ купечества денежный платежъ за рекрутовъ до 500 р. за человѣка, вмѣсто прежнихъ 360 руб.; возвысить цѣну гербовой бумаги; производить продажу соли на Астраханскихъ и Архангельскихъ рыбныхъ промыслахъ по одинаковой со всѣми прочими мѣстами цѣнѣ; съ обывателей городовъ брать поземельную пошлину; обложить оброкомъ тѣхъ, которые по даннымъ имъ позволеніямъ имѣютъ заводы въ казенныхъ земляхъ, сообразно съ получаемой ими выгодою и разрѣшить продажу казенныхъ пустопорожнихъ земель. Отъ всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ изложенныхъ въ докладѣ мѣръ, коммисія надѣялась умноженія государственныхъ доходовъ на 5.104.542 рубля.

Докладъ этотъ, по волѣ императрицы, внесенъ былъ на разсмотрѣніе въ Совѣтъ, въ протоколѣ котораго, 1 Мая 1783 г., между прочимъ, записано: „Совѣту генералъ-маіоръ Безбородко объявилъ, что ея императорское величество....... высочайше указать соизволила оный Совѣту прочесть съ тѣмъ,

[1]) Въ описываемое время, въ 1783 г., въ Бѣлорусскомъ намѣстничествѣ ген.-губернаторомъ были ген.-аншефъ, дѣйств. камергеръ и сенаторъ Петръ Богдановичъ Пассекъ (Мѣсяц. на 1783 г., 260.).

[2]) Дѣла Кабинета Е. И. В. св. 448, ук. №137.

чтобы Совѣтъ, ежели встрѣтятся ему какія либо сомнѣнія или трудности, не оставилъ донести ея императорскому величеству свои о томъ примѣчанія.“—„Совѣтъ (сказано въ томъ же протоколѣ) выслушавъ помянутый докладъ, находитъ, что представленныя въ ономъ средства къ умноженію государственныхъ доходовъ: первыя, о сборѣ съ дворцовыхъ, государственныхъ, экономическихъ и прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ трехрублеваго оклада суть прямо хозяйственныя, основанныя на соображеніи настоящаго тѣхъ поселянъ состоянія и сравненіи оброка казеннаго помѣщичьяго съ помѣщичьими частныхъ людей доходами; вторыя, касающіяся до провинцій на особомъ основаніи бывшихъ, дѣлаютъ не только между ними, но и въ разсужденіи многихъ общихъ по государству податей единообразное положеніе, и наконецъ прочіе способы, тамъ же предложенные, отнюдь не въ тягость народную, ниже въ стѣсненіе выгодъ какого либо народнаго состоянія обращаются; а потому въ принятіи означенныхъ средствъ Совѣтъ и не усматриваетъ никакихъ препятствій“ [3]).

Вслѣдствіе этого, 3 Мая того же года., даны Сенату пять именныхъ указовъ: 1) объ отпускѣ и продажѣ казенной соли на всѣ потребности безъ изъятія по 35 к. за пудъ; 2) о сборѣ съ купечества, вмѣсто рекрутовъ, по 500 руб. за каждаго рекрута; 3) о цѣнѣ гербовой бумаги; 4) о собираніи оброка со всѣхъ государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ и однодворцевъ по 3 рубли съ каждой души мужескаго пола и наконецъ 5) о податяхъ съ купечества, мѣщанъ, крестьянъ и другихъ Малороссійскихъ, Бѣлорусскихъ, Рижской, Ревельской и Выборгской губерній; о сборѣ пошлинъ съ дѣлъ и съ продаваемыхъ недвижимыхъ имѣній въ губерніяхъ Малороссійскихъ и проч. [4])

О трудахъ своихъ по этому дѣлу въ собственноручной автобіографической запискѣ кн. Безбородко говоритъ слѣдующее: „По дѣлу, касающемуся до умноженія государственныхъ доходовъ, моя заслуга не въ одномъ томъ состояла, что всѣ пристали къ плану моему о Малороссіи, изъ котораго заимствованы были уже правила и для протчихъ губерній, на особомъ основаніи бывшихъ. Всѣ другія средства никто на себя взять не можетъ, чтобъ я въ нихъ не участвовалъ. О крестьянахъ казеннаго вѣдомства мы съ г-мъ генераломъ-прокуроромъ первые условилися; прибавка сбора за рекрутъ съ купцовъ и на гербовую бумагу мною предложена. Я самъ сочинялъ докладъ, повѣрялъ вѣдомости, трудился ими всѣхъ болѣе. По сему уже одному труды мои въ семъ дѣлѣ были не меньше моихъ товарищей; а планъ о Малороссійскихъ доходахъ былъ собственное мое дѣло, въ которомъ никто не имѣлъ участія“ [5]).

За труды эти Безбородкѣ были пожалованы деревни въ Малороссіи. Въ указѣ, данномъ Сенату 22 Августа 1783 года, сказано, что эта награда дана „въ воздаяніе трудовъ по пре-

---

[3]) Архивъ Государств. Совѣта, т. I, ч. II, 415 и 416.

[4]) Всеподданнѣйшій докладъ этотъ напечатанъ, съ разными вѣдомостями, относящимися къ нему, въ Сборникѣ Русск. Историч. Общества, т. I, ч. I, стр. 297—312. Указы же внесены въ Пол. Собр. Зак. подъ №№ 15.720, 15.721, 15.722, 15.723 и 15.724.

[5]) Подлинная записка хранится въ Диканьскомъ Архивѣ князя С. В. Кочубея.

поручаемымъ нашему генералу маіору Безбородку дѣламъ“ [6]).

Въ результатѣ же коммисія умножила государственные доходы на нѣсколько милліоновъ, но не избавила Россіи отъ дефицита. Въ слѣдующемъ году генералъ-прокуроръ князь Вяземскій вновь представилъ государынѣ „вѣдомость о нуждахъ въ умноженіи доходовъ и о способахъ къ тому.“ Вѣдомость эту государыня чрезъ кабинетъ-секретаря Храповицкаго поручила разсмотрѣть Безбородкѣ. Изъ всеподданнѣйшаго доклада Безбородки, писаннаго собственноручно, узнаёмъ подробности этого интереснаго дѣла. Въ верху доклада Безбородкою было надписано: „къ собственному прочтенію вашего величества.“ При докладѣ этомъ Безбородко представилъ Екатеринѣ и критическій разборъ мнѣній князя Вяземскаго. Взглядъ Безбородки на мѣры, предложенныя княземъ Вяземскимъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что Безбородко глубоко понималъ состояніе финансовъ Россіи и изыскивалъ къ поправленію ихъ радикальныя мѣры, а не минутные поборы, отягощающіе и разоряющіе государственное хозяйство. Князь же Вяземскій, какъ легко можно замѣтить изъ документа, заботился лишь о временномъ увеличеніи государственныхъ доходовъ, не входя въ послѣдствія онаго. Кромѣ того, Безбородко, признавая предлагаемые княземъ Вяземскимъ способы къ умноженію государственныхъ доходовъ несогласными съ правосудіемъ и милосердіемъ монархини и отяготительными для народа, въ докладѣ своемъ высказалъ, „что кромѣ тягости народной могли бы нашимъ непріятелямъ дать поводъ оглашать государство въ нуждѣ трогать крайніе и тяжелые ресурсы.“ Для избѣжанія этого, онъ указываетъ на коммисію 1783 г., занятія которой, при всей краткости своей, не болѣе 4 недѣль, принесли государству 7 милліоновъ дохода и предлагалъ императрицѣ составить новую секретную коммисію изъ тѣхъ же лицъ, т. е. князя Вяземскаго, графовъ Шувалова и Воронцова и его, для разсмотрѣнія вѣдомостей, представленныхъ княземъ Вяземскимъ. Заключилъ свой докладъ Безбородко слѣдующими словами: „Буде удостоятся тѣже люди, то я смѣло могу ручаться, что никто изъ насъ тутъ не принесетъ духа пристрастія, а всѣ наши мысли и труды основаны будутъ на томъ, чтобъ принести пользу государству и сохранить славу вашу; и ежели сія мысль за благо принята будетъ, то дней черезъ десять, оправяся немного отъ болѣзни моей, представлю проектъ указа.“ Мысль Безбородки, какъ видно, понравилась императрицѣ, которая на докладѣ его въ концѣ написала слѣдующее: „NB очень, очень хорошо, съ Божіею помощію; а я требовала ген(ерала) пр(окурора) представленій (чтобы) потѣш(ить) больнаго; его нужды и не столько притѣснительны, какъ представлены. Вашего выздоровленія нетерпѣливо жду.“

Къ докладу этому была приложена обширная записка Безбородки подъ заглавіемъ: „примѣчанія графа Безбородка на записки г-на генерала прокурора поданныя“ [7]). Результата это-

---

[6]) Именные высочайш. указы, хранящ. въ Архивѣ Прав. Сената, въ Петербургѣ, за 1783 г., мѣсяцъ Августъ.

[7]) Такое заглавіе написано собственноручно Безбородкой на полѣ записки, а самая записка переписана писаремъ для поднесенія императрицѣ. Въ дѣлахъ Государств. Архива м—ства Ин. Дѣлъ въ СПбургѣ (XIX, № 344) хранит-

го вопроса я не доискался, но, какъ кажется, онъ осуществился въ 1786 году, и рѣшеніе столь важнаго вопроса, согласно заявленію Безбородки, было возложено на лицъ, имъ указанныхъ.

Въ то самое время, когда обсуждался финансовый вопросъ, 31 Марта 1783 г. умеръ гр. Н. И. Панинъ, еще за два года до своей кончины удалившійся отъ дѣлъ, по разногласію съ кн. Потемкинымъ, мнѣнія и замыслы котораго видимо были предпочитаемы Государыней. Потемкинъ, со времени удаленія Панина, сталъ дѣйствовать свободнѣе и съ искусствомъ приготовилъ присоединеніе къ Россіи Крыма. Въ числѣ немногихъ бумагъ, оставшихся послѣ Безбородки, сохранилась автобіографическая записка о дипломатическихъ трудахъ его этого времени и о дѣятельности по присоединенію Крыма *). „Еще въ концѣ 1777 года, когда Государынѣ угодно было употребить меня въ дѣла политическія, я предлагалъ г. Бакунину, которому отъ ея величества поручено было сочиненіе наставленія фельдмаршалу, что независимость Татаръ въ Крыму ненадежна для насъ и что надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова; тогда еще о Кубани не было дѣла. Идея наша отчасти апробована была, и близко было дѣлать исполненіе. Все, однакоже, осталось не по нашимъ желаніямъ; для того, что мы, отложа попеченіе о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, вмѣшались въ постороннія. Французы захватили въ руки нашу негоціацію, много испортили, однако насъ изъ хлопотъ вывели. Съ перваго момента понялъ я, что намѣреніе Государыни о Греческой монархіи серьезно [8]) и ощутилъ въ полной мѣрѣ, что сей проектъ достоинъ великаго духа, а при томъ что онъ конечно и исполненъ быть можетъ, ежели не станутъ выпускать его изъ виду, будутъ принаравливать всѣ дѣйствія и пользоваться счастливыми обстоятельствами. Для сего я сошлюся на самую Государыню. Когда Порта сдѣлала затрудненіе въ разныхъ выгодахъ по торговлѣ и въ дѣлѣ консула Бухарестскаго, я, спрося ея величество, серіозно-ли держаться того вида и получа на то ея повелѣніе съ повтореніемъ, чтобъ вездѣ дѣйствовать гласомъ твердости ей свойственнымъ, присвоилъ себѣ всѣ сіи дѣла, велъ ихъ такъ какъ съ волею монаршею было сходно и для интересовъ Россіи полезно, симъ нажилъ неудовольствіе многихъ. Въ системѣ нейтральной, въ недопущеніи ввести ее въ морскую войну, немало я участвовалъ; а что̀ принадлежитъ до связи съ Австрій-

---

ся и черновая записка графа съ незначительными исправленіями его.

*) Любопытно, что Малороссіянину Безбородкѣ принадлежитъ мысль о смиреніи Татаръ, столь долго опустошавшихъ набѣгами его родину. Точно такъ въ лицѣ Паскевича (котораго крестнымъ отцемъ былъ Георгій Конисскій) Польскіе паны могутъ видѣть отмстителя за все что̀ потерпѣла отъ нихъ Бѣлоруссія. *П. Б.*

[8]) Терещенко въ сочиненіи «Опытъ обозрѣнія жизни сановн. управл. иностр. дѣлами», (ч. II, 133 и 134) разсказываетъ, что Безбородко въ «Греческомъ проектѣ» поддерживалъ Потемкина, а не Панина. Онъ пишетъ: «Когда Потемкинъ «представилъ Императрицѣ планъ завоеванія Константинополя и обнадеживалъ, что Греческая корона справедливо украситъ ее, какъ единовѣрную Государыню, тогда Екатерина отдала его мысль на разсмотрѣніе Совѣта, можно ли приступить къ завоеванію Царьграда?» Панинъ противился, Потемкинъ убѣждалъ его. «Споръ до того между ними разгорѣлся, что приверженцы Потемкина кричали: воевать Царьградъ! Согласные съ Панинымъ замолчали, и онъ оставилъ собраніе. Огорченія, претерпѣнныя имъ отъ Потемкина и противорѣчія Безбородки, державшаго сторону князя, весьма разстроили его. Панинъ немедленно отказался отъ участія въ дѣлахъ, потомъ и заболѣлъ».

скимъ домомъ, то въ архивѣ секретномъ и теперь служитъ документомъ планъ мой, данный три дня спустя послѣ извѣстія о смерти императрицы-королевы [9]). Онъ былъ апробованъ, и вся перемѣна нынѣшняя есть слѣдствіе его. Сколько моего труда было по коммерческому съ Портою трактату и по Крымскому дѣлу! Скажутъ, что я только исполнялъ волю Государыни и дѣйствовалъ по ея генеральнымъ видамъ и намѣреніямъ; тутъ ясно, что были прежде меня министры, но было и то, что или не умѣли, или не очень хотѣли то приводить къ исполненію. Собственныя уваженія превозмогли оныхъ надъ всѣмъ прочимъ, а я боролся съ трудностями, не уважалъ непріятелей, не боялся, что много и страха, и всего было. Я посылаюсь на князя Потемкина, сколько моихъ стараній и работы было въ дѣлахъ нынѣшнихъ; онъ не запирался, что мысль о Крымѣ была наша общая *) и что къ исполненію ея были мы равными побудителями" [10]).

8 Апрѣля 1783 года, манифестъ, написанный Безбородкою, возвѣстилъ о присоединеніи къ Россіи Крыма. Турція, трактатомъ, заключеннымъ 28 Декабря того же года, узаконила присоединеніе Крыма, Татарскихъ земель, полуострова Тамани и значительной части Кубанской земли [11]). Виновники пріобрѣтенія Тавриды, достигшіе этого искуснымъ дипломатическимъ путемъ и выселеніемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ недовольныхъ Татаръ, не остались безъ царскихъ милостей. Потемкинъ и Безбородко, какъ наиболѣе трудившіеся по этому дѣлу, пріобрѣли славу государственныхъ людей и обильныя награды, которыя были обнародованы въ началѣ 1784 года, и имена ихъ воспѣты одою „На пріобрѣтеніе Крыма." Въ изданныхъ Академіею Наукъ сочиненіяхъ Державина, вмѣсто виньетки къ этому стихотворенію, приложенъ рисованный Оленинымъ портретъ Безбородки, какъ участника въ дѣлѣ пріобрѣтенія Крыма.

Увидѣлъ Марсъ—нахмурилъ брови,
Скрежещетъ и кричитъ, ярясь:
«Какъ? Миръ? И безъ меня побѣды?
«Я васъ... Но будучи сраженъ
Вдругъ съ Сѣвера сіяньемъ кроткимъ,
Упалъ съ желѣзной колесницы.
Его паденье раздалося
Внутрь сердца зависти—*и трость,*
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась [12]).

Поэтъ объясняетъ послѣднія строки такъ: „Перо Безбородки, водящее по мысли князя Потемкина, получило успѣхъ, т. е. чрезъ ихъ совѣтъ пріобрѣтенъ Крымъ."

Присоединеніе къ Россіи Крыма естественно возбудило въ Туркахъ ненависть къ Россіи, и войны съ нами требовали оскорбленные мусульмане. Екатерина, предвидѣвшая неми-

---

[9]) Марія Терезія скончалась 29 Ноября 1780.

*) Библіографическимъ памятникомъ этихъ начинаній было изданное иждивеніемъ князя Потемкина «Путешествіе по святымъ мѣстамъ Барскаго» (Спб. 1778). По этой книгѣ Русскіе люди могли подробно ознакомиться съ Турецкими владѣніями. *П. Б.*

[10]) Подлинная записка хранится въ Диканьскомъ Архивѣ князя С. В. Кочубея.

[11]) Въ память этого событія была выбита медаль, которая по высочайшему повелѣнію роздана была «всѣмъ тѣмъ,—какъ писалъ Безбородко къ кн. А. А. Вяземскому 22 Іюня 1784 г.,—кто имѣлъ въ дѣлахъ сихъ участіе». (Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 448 ук. 303).

[12]) Портретъ Безбородки, по объясненію издателя сочиненій Державина, академика Я. К. Грота, рисованъ не ранѣе 1795 г. и слѣдовательно не соотвѣтствуетъ въ точности той эпохѣ, къ которой относится самое стихотвореніе (Сочин. Г. Р. Державина, съ объясн. примѣч. Я. К. Грота. I, 181—186 и предисловіе, стр. XXXV).

нуемый разрывъ съ Турціей, успѣла найти себѣ сильнаго союзника въ Іосифѣ II, съ которымъ имѣла она свиданіе въ Бѣлоруссіи; оставалось обезпечить себя и со стороны Швеціи, политика которой всегда поддерживала Турцію и ея интересы. Екатерина, хорошо знавшая характеръ и наклонности Густава III [13]), „мастерски воспользовалась для своихъ плановъ знакомствомъ“ съ нимъ, его блестящими слабостями и безпокойнымъ характеромъ, когда еще въ Іюнѣ 1777 года онъ посѣщалъ Петербургъ. Вторичное приглашеніе его Екатериною на свиданіе сильно польстило самолюбію короля, который не замедлилъ явиться. Мѣстомъ свиданія назначенъ былъ Фридрихсгамъ, куда 16 Іюня 1783 г. императрица, отобѣдавъ у Бецкаго, выѣхала изъ Петербурга. Въ свитѣ ея находилось избранное общество, состоявшее только изъ 12 членовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Безбородко [14]).

Екатерина, княгиня Дашкова и другіе царедворцы умѣли занять прибывшаго въ Среду, 21 Іюня, подъ извѣстнымъ уже именемъ графа Готландскаго [15]), Шведскаго короля, который былъ изумленъ великолѣпіемъ праздниковъ и очарованъ любезностями могущественной Государыни, успѣвшей достигнуть существенныхъ выгодъ и отвлечь на время короля отъ дѣлъ Турціи. Извѣстно, что въ личныхъ переговорахъ съ Екатериною, Густавъ согласился признать вооруженный нейтралитетъ, но не далъ рѣшительнаго отвѣта на другое предложеніе Государыни: приступить къ заключенію тайнаго союза между тремя сѣверными государствами, или, по крайней мѣрѣ, разорвать съ Турціею всякія связи и обязательства [16]). Густавъ не понялъ намѣреній Екатерины, и подвергъ себя всеобщему осужденію; онъ принялъ отъ нея 200 т. рублей которыя и растратилъ въ своемъ Итальянскомъ путешествіи, осенью 1783 года [17]).

Въ газетахъ тогдашняго времени, иностранныхъ и нашихъ, до мельчайшихъ подробностей сообщены извѣстія, когда обѣдали, ужинали и играли въ карты элегантный король съ императрицею, а также и о подаркахъ, розданныхъ императрицею свитѣ короля. Послѣднее сообщеніе для нашего труда имѣетъ особенный интересъ, какъ связанное съ именемъ, которому посвященъ онъ. Въ газетахъ напечатано о немъ такъ: Императрица изволила „пожаловать чрезъ

[13]) Густавъ III, король Шведскій, Готскій и Венденскій, род. 13 Января 1746 г.; въ супружествѣ имѣлъ принцессу Датскую Софію Магдалину, вступилъ на престолъ въ 1771 г. (Мѣсяц. на 1784 годъ). Раненъ заговорщикомъ Анкерстремомъ 16 Марта 1792 г., умеръ 30 Марта того же года.

[14]) Вотъ списокъ этихъ лицъ, кромѣ Безбородки, который былъ поставленъ въ немъ 8-мъ по порядку,—заимствованный изъ Петербургскихъ Вѣдомостей (1783 г. 16 Іюня № 48): 1) Двора Е. В. штатсъ-дама княг. Е. Р. Дашкова, 2) Государственной Адмиралтейской Коллегіи вице-президентъ гр. И. Г. Чернышевъ, 3) Оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, 4) Гофмаршалъ кн. Ѳ. С. Барятинскій, 5) Тайный совѣтникъ и сенаторъ гр. А. С. Строгоновъ, 6) Отъ арміи генералъ-маіоръ, ея величества флигель-адъютантъ А. Д. Ланской, 7) Шталмейстеръ М. С. Потемкинъ, 9) Флигель-адъютантъ С. Ѳ Уваровъ, 10) Дѣйствит. камергеръ кн. Никол. Александр. Голицынъ 11) Камеръ-юнкеръ Ѳ. Ѳ. Вадковскій и 12) Александръ Львовичъ Нарышкинъ.

[15]) Въ свитѣ короля находились, между прочими, генералъ-аншефъ Поссе, который сопутствовалъ ему и въ 1777 г. и камергеръ Штедингъ.

[16]) Русск. Бесѣда 1857 г. IV, 36, ст. П. И. Бартенева: «А. И. Марковъ».

[17]) Исторія XVIII и XIX столѣтія до паденія Французской имперіи. Соч. Шлоссера. СПб. 1868 г. т. V, 97—100.

г. генералъ-маіора и кавалера Александра Андреевича Безбородку кавалерамъ свиты графа Готландскаго подарки, состоящіе изъ золотыхъ табакерокъ съ брилліантами и другихъ золотыхъ вещей" [18]). Это стереотипное, по видимому, сообщеніе даетъ возможность заключать о томъ довѣріи и расположеніи, которыми пользовался Безбородко.

Впечатлѣніе же, произведенное королемъ на императрицу, не было лестно для Густава. Екатерина мастерски описала его въ письмѣ къ князю Потемкину, тотъ часъ по возвращеніи изъ Финдляндскаго путешествія, 29 Іюня 1783 года: „Въ прошедшую субботу я возвратилась изъ Фридрихсгама, гдѣ видѣлась съ королемъ Шведскимъ, который много терпитъ отъ изломанной руки [19]) Ты его знаешь, и такъ писать о немъ нечего; я только нашла, что онъ былъ слишкомъ занятъ своимъ нарядомъ, очень охотно оставался передъ зеркаломъ и не позволялъ никому изъ своихъ офицеровъ представляться ко Двору иначе, какъ въ черныхъ и пунцовыхъ платьяхъ, а не въ мундирахъ. Это меня поразило, потому что, по моему мнѣнію, нѣтъ платья дороже и почтеннѣе мундира [20])". Кстати замѣтимъ, что Екатерина была кумою Густава, у котораго крестила сына и писала ему однажды въ отвѣтъ, что онъ ошибается въ Русской пословицѣ, что только два сына—сынъ. „Одинъ сынъ не сынъ, два сына—полсына, а три сына—сынъ" [21]).

По возвращеніи изъ Фридрихсгама, въ Октябрѣ же 1783 года, Безбородко избранъ былъ членомъ Россійской Академіи. Указомъ, 30 Сентября 1783 г. на имя княгини Дашковой, написаннымъ Безбородкою, повелѣвалось: „составить Россійскую Академію изъ желающихъ добровольно трудиться въ ней, но имѣющихъ нужныя для ея трудовъ знанія и способности" [22]).

Торжественное открытіе Академіи и первое ея засѣданіе послѣдовали 21 Октября 1783 г. Она образовалась въ тотъ же день изъ лицъ, провозглашенныхъ членами ея, между которыми встрѣчается фамилія Безбородки. Въ спискѣ, обнародованномъ тогда же [23]), фамилія его была поставлена 11-я въ числѣ избранныхъ 31 члена, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя, княгиню Дашкову [24]).

Всматриваясь въ составъ избранныхъ членовъ новой Академіи, видимъ, что эти лица были лучшими и образованнѣйшими людьми тогдашняго общества и въ тоже время „знатными и приближенными къ Императрицѣ особами." Безбородко, избранный

18) С.-Петербургскія Вѣдомости, за 1783 годъ.

19) Густавъ III, 4 Іюня 1783 года, осматривая войска при Тавастгусѣ, упалъ съ лошади, которая испугалась выстрѣла и переломилъ себѣ лѣвую руку, выше локтя (Графы Н. и П. Панины, соч. П. Лебедева, 305 и 306).

20) Графы, Н. и П. Панины, соч. П. Лебедева стр. 306 и 397.

21) Р. Вѣстникъ. 1862 г. Іюль, стр. 436, статья С. М. Соловьева: «Европа въ концѣ XVIII вѣка».

22) Первый періодъ исторіи Императорской Россійской Академіи Наукъ. Соч. А. Красовскаго. СПб. 1849, стр. 8. Ученыя Записки II-го Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ за 1854 г. кн. I, стр I—II.

23) С.-Петербургскія Вѣдомости, за 1783 г. 25 Октября, № 85.

24) Въ спискахъ же, составленныхъ Академіею въ послѣдующіе годы, «по старшинству вступленія членовъ въ оную», фамилія Безбородки поставлена 14-я между фамиліями: Ржевскаго Алексѣя Андреевича и Бакунина Петра Васильевича, когда составъ Академіи дошелъ до 52-хъ членовъ, кромѣ предсѣдателя.

въ члены Академіи, не принималъ никакого участія въ трудахъ ея и ни въ одномъ изъ засѣданій ея не присутствовалъ, кромѣ перваго торжественнаго открытія Академіи. Въ началѣ академической записки объ этомъ собраніи сказано, что Безбородко присутствовалъ въ немъ, но въ числѣ 20 фамилій, подписавшихъ этотъ протоколъ, фамилія его не нашлась. Къ этому выводу я пришелъ послѣ тщательнаго просмотра подлинныхъ „записокъ засѣданій Академіи", съ 1783 г. по день смерти Безбородки; но все же память о немъ чтится и доселѣ въ Академіи: въ залѣ Втораго Отдѣленія ея помѣщенъ портретъ Безбородки, копія съ Лампи [25]).

(*Продолженіе будетъ.*)

КОНЧИНА И ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ГРАФА МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА *).

I.

Донесеніе изъ Парижа императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ князя Д. А. Голицына.

Вашего Императорскаго Величества чрезвычайный и полномочный посолъ графъ Бестужевъ-Рюминъ вчерашняго дня по полуночи въ полъ-осма часа жизнь свою скончилъ и почти по самое послѣднее издыханіе былъ въ цѣломъ разумѣ и имѣлъ память хорошую, исполнивъ при томъ долгъ христіанства сходственно церковному установленію. Завременно жъ до того сдѣлалъ духовную и распоряженіе о своемъ имѣніи, то-есть что все недвижимое свое оставляетъ въ родѣ, а пожитки свои главнѣйше отказалъ сестрѣ своей родной, называемой по мужѣ ея Тюль *) и племяннику своему родному генералу-лейтенанту князю Волконскому, и чтобъ оные раздѣлены были между ими на двѣ равныя части, поручилъ сіе исполнить брату своему двоюродному адмиралу Талызину, съ чего копію при семъ всенижайше прилагаю. А хотя показанной графъ Бестужевъ-Рюминъ ничего точнаго о себѣ въ той духовной не упоминалъ, предоставляя единственно свое погребеніе и поминки на волю тѣхъ его наслѣдниковъ, однакожъ не задолго до конца своего весьма просилъ совѣтника канцеляріи Чернева, чтобъ дать знать помянутому адмиралу Талызину, дабы онъ погребенъ былъ въ Москвѣ подлѣ отца своего, и чтобъ наслѣдники его дали въ ту церковь на строеніе и на

---

[25]) Каталогъ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ, сост. П. Н. Петровымъ. СПб. 1870 г. стр. 217 № 816 и предисловіе.

*) Выписано изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. — Графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ (1689-1760), непосредственный выученикъ Петра Великаго, старшій братъ знаменитаго канцлера (коего онъ не былъ единомышленникомъ) находился нашимъ посломъ почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, и между прочимъ, въ Швеціи, гдѣ орудовалъ (по приказанію императрицы Анны) тяжкой памяти Синклеровымъ дѣломъ. Назначеніе его въ Парижъ вслѣдъ за возобновленіемъ связи съ Франціею въ 1757 году, т. е. въ Семилѣтнюю войну, свидѣтельствуетъ, какъ высоко цѣнились способности графа М. П. Бестужева при дворѣ Елисаветы. За подробностями читатели могутъ обратиться къ Архиву Князя Воронцова и въ особенности ко 2-й книгѣ этаго изданія. Жизнь и дѣятельность старшаго Бестужева могутъ быть предметомъ особаго любопытнаго изслѣдованія. *П. Б.*

*) Въ письмахъ гр. А. П. Бестужева къ гр. М. Л. Воронцову онъ названъ маіоромъ Тиленомъ. (Архивъ кн. Воронцова, книга 2-я); см. также Р. Архивъ 1863, стр. 777. *П. Б.*

вѣчное по немъ и по всѣхъ онаго свойственникахъ поминовеніе тысячу рублевъ изъ тѣхъ денегъ, которыя они отъ него себѣ въ наслѣдство получатъ. Прочее же что̀ надлежитъ учинить, по нашему обыкновенію, поручилъ все, какъ и прежде, въ ихъ собственное попеченіе и произволеніе, уповая, что они всего того исполнить не оставятъ, чему по пристойности быть надобно. Слѣдственно Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше повелѣть меня инструировать, когда означенные наслѣдники требовать станутъ присылки къ нимъ какихъ-либо принадлежащихъ по силѣ той духовной вещей, смѣю ли я при томъ отправить и помянутое тѣло, ради отвозки въ Москву и тамо онаго преданія землѣ, по собственному желанію реченнаго графа Бестужева-Рюмина.

По смерти онаго посла, того же часа, какъ вещи, такъ письма и нужныя каморы запечатаны, дабы отнюдь ничего не утратилось, а впредь, по прошествіи нѣколикаго времени, оныя всѣ осмотрѣны будутъ, и начнется сочинять о томъ подробная роспись, по окончаніи котораго труднѣйшаго дѣла не премину отослать къ адмиралу Талызину обстоятельное тому описаніе, чтобъ онъ по сему въ состояніи былъ учинить опредѣленной раздѣлъ. Между тѣмъ же съ сею оказіею копія съ той духовной ему отъ меня уже сообщена, а тоже самое послано будетъ и къ самимъ наслѣдникамъ съ первою почтою.

Россійскіе ордены святаго Андрея и святаго Александра, которыми оной графъ Бестужевъ-Рюминъ взысканъ былъ, по надежности оказіи, при семъ всенижайше прилагаю, а ордены Бѣлаго Орла и Святаго Іоанна оставляю здѣсь для того, что не соизволите ли Ваше Императорское Величество иногда за благо изобрѣсти первопомянутой отдать пребывающему здѣсь королевско-Польскому, и Кур-Саксонскому министру, ради отсылки къ его Двору, а другой по близости отправить въ Голандію къ послу графу Головкину для отдачи тамо чрезъ Аглинскаго посланника Прускому министру.

Дюку Шуазелю о преставленіи того посла я пристойное объявленіе учинилъ безъ всякаго замедленія письменно; подобно же находящимся въ здѣшнемъ мѣстѣ посламъ и всѣмъ чужестраннымъ министрамъ о томъ обыкновенная нотификація уже сдѣлана.

Всеподданнѣйшій рабъ
Кн. Димитрій Голицынъ.

Парижъ.
Въ 27 день Февраля
1760 года.

(Получено съ Саксонскимъ курьеромъ 19 Марта 1760.)

II.

Завѣщаніе.

Я нижеподписавшійся, чувствуя въ себѣ продолжительно немалое изнеможеніе и опасаясь, дабы отъ жестокой моей болѣзни не постигль иногда скорый конецъ живота моего, за крайне-нужно нахожу обо всемъ мнѣ принадлежащемъ сдѣлать симъ слѣдующее распоряженіе.

1.

Недвижимое мое имѣніе остается въ родѣ, а въ пожиткахъ моихъ учи-

няю наслѣдниками сестру мою родную Катерину Петровну Тюль и племянника моего роднаго генерала-лейтенанта князя Михаила Никитича Волконскаго, чего для оставшія послѣ меня алмазныя вещи, серебро, порцелинъ, мебли, поваренная и другая всякая посуда, экипажъ, наличныя деньги, такожде штейеръшейны *) на тридцать тысячь талеровъ Саксонской монеты и прочее все что̀ подъ именемъ движимаго имѣнія состоитъ и чему изготовиться имѣютъ особливыя росписи, потребно раздѣлить имъ обоимъ между собою на двѣ ровныя части, которой дѣлежъ съ порядкомъ учредить въ попеченіе поручаю брату моему двоюродному адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину, надѣясь на его дознанное доброе сердце, что въ томъ поступитъ праводушно и сходно съ желаніемъ моимъ, при чемъ токмо напоминаю такъ расположить, дабы табакерка золотая, осыпанная алмазами, съ портремъ короля Польскаго, досталась точно на долю помянутаго племянника моего **), въ уравненіе инымъ какимъ вещамъ противу другой части.

2.

Означенную мою любезную сестру весьма упрашиваю при кончинѣ своей во всемъ остающемся ея имѣніи, какого бъ званія оное ни было, сдѣлать наслѣдникомъ не иного кого, но единственно жъ показаннаго жъ нашего общаго роднаго племянника князя Михаила Никитича Волконскаго.

*) Вѣроятно это были билеты, коими очищалась пошлина при ввозѣ или вывозѣ товаровъ. *П. Б.*

**) Находившагося передъ тѣмъ посломъ при Польскомъ дворѣ. *П. Б.*

3.

Помянутому моему брату двоюродному Ивану Лукьяновичу Талызину отказываю по себѣ на память табакерку золотую, осыпанную бриліантами безъ портрета, а сыну его, племяннику моему, Лукьяну Ивановичу все мое верхнее бѣлье и съ манжетами кружевными.

4.

Алмазную петлицу, которая собрана изъ убору покойной моей жены, такожде изъ серебра четыре терина *) съ покрышками и двумя блюдами, да большую кофейную доску и нѣсколько дюжинъ столовыхъ приборовъ, подобно жъ столовое и другое бѣлье, кои подъ знакомъ оной моей графини сыщутся, отдать потребно безъ задержанія брату ея родному, Саксонскому камергеру господину Карловцу, которое все ему точно принадлежитъ, и у меня оное оставлено было по дружбѣ его на подержаніе.

5.

Вся гардероба моя отдается на раздѣлъ людямъ моимъ, кои не въ либереѣ *) служили, то есть конюшему, двумъ камердинерамъ, камерлакею, тафельдекеру, двумъ поварамъ и кондитору, изъ чего по препорціи прочихъ болѣе получить надлежитъ камердинеру Нѣмцу и камерлакею за излишніе ихъ труды во время болѣзни моей.

6.

Деньгами жъ дать потребно въ награжденіе, въ разсужденіи долговременной мнѣ службы, а именно:

*) Приборъ. *П. Б.*

*) Отъ Латинскаго liber—вольный. И такъ ливрейные слуги были то, что̀ позднѣе назывались вольнонаемные. *П. Б.*

камерлакею Іогану Давыду Штейну, которой жилъ въ домѣ моемъ съ шестнадцать лѣтъ и всѣ мои нужныя вещи имѣлъ на рукахъ своихъ, сохраняя ихъ со всякою исправностію (такожде и поступки его были всегда добрые и вѣрные) двѣ тысячи ливровъ. Да повару Якову Казакову одну тысячу ливровъ, и быть ему послѣ меня въ услуженіи либо у сестры моей родной Катерины Петровны, или у князя Михаила Никитича Волконскаго, или у Ивана Лукьяновича Талызина, что̀ оному Казакову самому отдается на волю.

7.

Двумъ дѣвкамъ Саксонскимъ выдать надлежитъ каждой на проѣздъ ихъ отсюды во отечество свое, по разсмотрѣнію и по пристойности оказіи.

8.

Либерейныхъ людей, какъ здѣшнихъ, такъ и другихъ, отдавъ имъ старую повседневную либерею и заплатя имъ кормовыя деньги, за коликое время по здѣшнему обыкновенію выдать надобно будетъ, распустить ихъ всѣхъ съ надлежащими онымъ абшитами; а буде изъ Саксонцевъ которые пожелаютъ прямо возвратиться въ отечество ихъ, тѣмъ дать на проѣздъ каждому, смотря на случаи же.

9.

Когда наслѣдники мои пожелаютъ, чтобъ кареты съ принадлежащими къ нимъ конюшенными приборами или другія оставшія вещи въ Ригу или Санктпетербургъ отправлены были, то послать съ тѣмъ водою изъ Руана конюшего Шилера, давъ ему на проѣздъ потребное число денегъ и котораго я, за особливо-усердную мнѣ службу, рекомендую либо сестрѣ моей Катеринѣ Петровнѣ или племяннику моему князь Михаилѣ Никитичу принять къ себѣ въ услуженіе дворецкимъ, а жену его яко камерфрау, даже *) они себѣ другую выгодную кондицію найдутъ, особливо же постараться о нихъ впредь, дабы оные пристроены быть могли ко Двору герцога Курляндскаго.

10.

Сію мою духовную изготовляю въ полномъ моемъ умѣ, цѣлыхъ мысляхъ и твердой памяти, по чему наслѣдниковъ моихъ увѣщеваю во всемъ вышеизображенномъ никакой перемѣны не чинить и вопреки сему ни подъ какимъ видомъ отнюдь не насильствовать, дабы не отдать въ ономъ отвѣта въ день страшнаго суда. Парижъ, въ пятой день Февраля тысяча семьсотъ шестьдесятаго году.

Графъ Михаила Бестужевъ-Рюминъ.

Подписи свидѣтелей: Дѣйств. камергеръ и кавалеръ князь Дмитрей Голицынъ. Канцеляріи совѣтникъ Ѳедоръ Черневъ. Духовную писалъ титулярный совѣтникъ Николай Хотинской. Что сія духовная самая истинная, оное свидѣтельствуетъ его сіятельства духовникъ, пребывающій при посольствѣ іеромонахъ Кирилъ Флоринскій.

---

*) Сокращенное дондеже—покамѣстъ. *П. Б.*

ДВА ДОКУМЕНТА КЪ БІОГРАФІИ С. А. ПОРОШИНА.

Въ 1869 году, печатая въ Русскомъ Архивѣ новонайденныя тетради Записокъ и другія бумаги Порошина, мы имѣли случай говорить объ этомъ замѣчательномъ лицѣ и о причинахъ удаленія его отъ цесаревича Павла Петровича. Порошинъ и его судьба достойны внимательной памяти Русскихъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы его оставили продолжать дѣло воспитанія цесаревича, Павелъ Петровичь могъ выдти совсѣмъ другимъ человѣкомъ, нежели какимъ ознаменовалъ онъ себя въ исторіи.

Ниже напечатанныя двѣ бумаги сообщены намъ въ подлинникахъ при слѣдующихъ строкахъ. *П. Б.*

Семенъ Андреевичь Порошинъ, къ несчастію слишкомъ малое времени находившійся при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, былъ сыномъ Андрея Ивановича Порошина, умершаго въ 1778 году въ чинѣ генералъ-поручика. Андрей Ивановичь началъ службу въ артиллеріи, но уже въ 1721 году перешелъ въ горное вѣдомство. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ Колывано-Воскресенскихъ серебряныхъ заводовъ, которыми въ послѣдствіи и управлялъ.

Дѣтямъ своимъ старикъ Порошинъ старался дать, по тому времени, основательное научное образованіе. Сынъ его Семенъ Андреевичь былъ очень свѣдущъ въ математикѣ и хорошо зналъ Французскій языкъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что молодой Порошинъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ. Можно предположить, что, въ бытность Петра III великимъ княземъ, онъ состоялъ при немъ, потому что уже въ первые дни его царствованія мы видимъ С. А. Порошина флигель-адъютантомъ императора; какъ довѣренное лицо, онъ получилъ приказаніе ѣхать на встрѣчу принцу Георгію Голштинскому и сопровождать его въ Россію *).

*) Объ этомъ принцѣ см. письма Волкова къ Г. Г. Орлову. Р. Архивъ 1874 г., кн. 2-я, стр. 342.

Какова была личность Семена Андреевича, можно себѣ представить уже потому, что императрица Екатерина II, по вступленіи на престолъ, не только не удалила его отъ Двора, но оставила воспитателемъ при наслѣдникѣ престола. Порошинъ нѣжно любилъ молодаго великаго князя, можно сказать, обожалъ въ немъ правнука Петра Великаго и съ глубоко-честнымъ чувствомъ предался воспитательной дѣятельности. Въ нашихъ рукахъ находятся восемь тетрадей, писанныхъ пофранцузски еще нетвердою рукою малолѣтняго Павла Петровича и служившихъ вѣроятно калиграфическими упражненіями. Сколько мудрости, честности и любви къ ближнему представляютъ эти отдѣльныя мысли, собранныя для назиданія великаго князя. Нѣкоторыя мѣста въ тетрадяхъ переведены на Русскій языкъ.

Павелъ Петровичь также любилъ своего наставника, и между ними установились самыя дружескія отношенія. Въ Порошинѣ ярко бросается въ глаза отсутствіе всякаго педантизма. Семенъ Андреевичь желалъ, чтобы великій князь полюбилъ трудъ и знанія и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Памятникомъ отношеній царственнаго мальчика къ своему наставнику можетъ служить нижеслѣдующій шуточный дипломъ.

Алексѣй Амбразанцевъ-Нечаевъ.

4 Сентября 1874 г. С. Новоспасское.

I.

Шуточный дипломъ, данный великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ Семену Андреевичу Порошину.

Сія диплома полковнику Семену Порошину. Уроженецъ Великой Пермской провинціи, житель Сибирской, наслѣдственной князь Тверской, дворянинъ Всеросійской, полковникъ арміи Ея Императорскаго Величества.

Мы даемъ сію диплому для увѣренія объ его хорошихъ качествахъ; а чтобы больше увѣрить объ его хо-

рошихъ качествахъ, дается ему патентъ, въ которомъ будутъ прописаны его всѣ заслуги, и будетъ сдѣланъ достойный по его заслугамъ гербъ, которой будетъ изображенъ надъ титуломъ его, которой будетъ изображенъ слѣдственнымъ образомъ, а именно: въ красномъ полѣ надъ княжеской короной Тверской гербъ, рядомъ съ тѣмъ гербомъ на правой рукѣ въ бѣломъ полѣ Сибирской гербъ, на лѣвой рукѣ рядомъ съ тѣмъ гербомъ въ красномъ полѣ Пермской гербъ, немного пониже Сибирскаго герба въ жолтомъ полѣ Вятской гербъ, немного пониже Пермскаго герба, въ красномъ полѣ шпага и циркуль крестъ на крестъ лежатъ; въ правой сторонѣ того гербу сидитъ Марсъ на военной арматурѣ; на лѣвой сторонѣ того гербу сидитъ Минерва на книгахъ.

Павелъ Романовъ [1]).
Савелей Титовъ [2]).
Иванъ Ахлебининъ.
Петръ Пастуховъ.

Дана въ Санктъ-Петербургѣ.
Декабря 23-го дня 1763 году.

(Дипломъ на заглавномъ листѣ украшенъ гербами, арабесками и цвѣтами; внизу между арабесками нарисованы домики).

II.

Записка для господина флигель-адъютанта и подполковника Порошина.

Какъ господинъ флигель-адъютантъ и подполковникъ отправляется по имянному Его Императорскаго Величества указу къ его свѣтлости Голштинскому принцу Георгію [1]) и о своей комисіи прямо имѣетъ отъ Его Императорскаго Величества повелѣніе, то чрезъ сіе во извѣстіе объявляется ему токмо:

1. На дорожныя господина флигель-адъютанта и подполковника издержки опредѣляется ему тысяча рублевъ, да тысяча рублевъ на издержки дворцовыхъ служителей, кои съ столовыми и поваренными приборами при немъ отправляются.

2. Еслибъ паче чаянія сей послѣдней тысячи рублевъ не доставать стало, то можетъ господинъ флигель-адъютантъ и подполковникъ въ прибавокъ, сколько потребно, требовать отъ губернатора въ Кенигсбергѣ [2]), ибо ему повелѣно всѣ нужныя вспоможенія дѣлать.

3. Кенигсбергскому губернатору приложеннымъ при семъ указомъ повелѣно выдать господину флигель-адъютанту и подполковнику шесть тысячь рублевъ. Сіи деньги назначиваются на дорожныя издержки его свѣтлости; потому благопристойность требуетъ объ оныхъ его свѣтлости не токмо знать дать, но и представить на его благоизобрѣтеніе себѣ ли сію сумму взять и по тому дорожныя издержки отъ себя дѣлать, или же и деньги и дорожныя издержки на попеченіе господина флигель-адъютанта и подполковника оставить изволитъ.

4. Когда его свѣтлость сюда отправляться станетъ и потому уже

---

[1]) Подписи своеручныя.
[2]) Савелій Данилычь-придворный карликъ (Зап. Порошина, стр. 414).

[1]) Это знаменитый въ исторіи 1762 года принцъ Жоржъ, коего прибытіе въ Россію и участіе въ государственныхъ дѣлахъ такъ много содѣйствовали къ полной остудѣ между Петромъ III-мъ и его подданными. *П. Б.*
[2]) Тогда Кеннигбергскимъ губернаторомъ былъ графъ П. И. Панинъ. *П. Б.*

видно будетъ, сколько почтовыхъ подводъ потребно, то господинъ флигель-адъютантъ немедленно и съ нарочною стафетою дастъ о томъ знать въ Ригу губернатору, дабы толикое число подводъ на всѣхъ станціяхъ поставлено было.

Статской совѣтникъ Дмитрей Волковъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ.
2-го Генваря.
1762 г.

(*Вся бумага руки Д. В. Волкова*).

Н. П. КОЛЮБАКИНЪ.

Письма его къ П. Ѳ. Хлопову въ Тверскую деревню.

I.

Любезнѣйшій, старый ратный товарищъ. Пришлось жить бокъ о бокъ съ бусурманскимъ царемъ Насрединъ-шахомъ; что за собака! (будь сказано въ скобкахъ). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его съ нами границы, ревизуя губернію, получилъ я твое письмо изъ православной, Тверской земли. Тутъ, въ виду историческихъ, широкихъ полей, по коимъ въ колесницѣ изъ слоновой кости летала Семирамида, по коимъ ходили Александръ, Помпей и скакалъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, въ виду библейскаго Арарата, почернѣвшихъ храмовъ Эчміадзина, Рима Армянскаго, и увѣнчаннаго золотымъ полумѣсяцомъ, глазуреваго купола мечети Эриванской, возобновились отношенія двухъ товарищей, раздѣленныхъ четвертью вѣка и шестою частію вселенной.

Спасибо, братъ, за письмо: отъ него повѣяло и родиною, и юностью... двѣ хорошія вещи! Но — не спасибо за формы, въ которыя ты облекъ свое дружеское воспоминаніе; не спасибо за твое „ваше превосходительство и покорнѣйшій слуга“. Человѣкъ, который, подобно мнѣ, не сгибаясь и не чванясь, дошелъ отъ солдатства до генеральства, привыкъ разсчитывать болѣе на свое достоинство внутреннее, Богомъ данное, чѣмъ на внѣшнее, случайное, людьми данное. Такому человѣку генеральскіе эполеты могли подавить плечи, но не душу. И такъ, старый товарищъ, если ты, въ чемъ не сомнѣваюсь, хорошій человѣкъ, хорошій помѣщикъ, честный опекунъ, если ты не притѣсняешь крестьянъ, не обижаешь сиротъ, то давай по старому. О себѣ разсказывать скучно; скажу кратко, но ясно.

Шесть ранъ, изъ коихъ одна въ Польской компаніи, а пять на Кавказѣ: двѣ холоднымъ, четыре огневымъ оружіемъ; съ 1851-го года занимаю полувоенныя, полуадминистративныя генеральскія мѣста и съ тѣхъ поръ, разновременно, въ различныхъ мѣстахъ Закавказья, то на берегу моря, то въ горахъ, то на палящихъ долинахъ, прошло черезъ мое управленіе, безъ малаго миліонъ разноплеменныхъ жителей. Бывали всякіе: православные, Армяне, Мусульмане и раскольники; наконецъ, теперь въ числѣ протчихъ попались съ одной стороны, изъ глубины Азіи племя Курдское Изиды, поклоняющіеся Сатанѣ, а съ другой изъ православной матушки Россіи раскольники, называемые прыгунами, которые молятся, полькируя. Можно сказать: всякіе попадались. Я женатъ на женщинѣ — умной, образованной, честной, но небогатой: нарочно такую выбралъ. Тебѣ Русскому человѣку этого мало, а скажи: кто такая

откуда, кто былъ отецъ? Изволь потѣшу: Александра Андреевна Крыжановская, дочь жившаго въ Крыму покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Крыжановскаго, Полтавскаго помѣщика; ея три брата служатъ съ отличіемъ въ артиллеріи, и старшій, молодой генералъ, былъ подъ Севастополемъ начальникомъ штаба артиллеріи, а теперь начальникъ артиллерійской академіи.

Дѣтей, слава Богу, у насъ нѣтъ: бѣдному, служащему человѣку, дѣти не находка: заглушаютъ своимъ крикомъ голосъ совѣсти. — На Кавказѣ служитъ родной мой братъ, тоже генераломъ.

Я слыву человѣкомъ справедливымъ, способнымъ, дѣловымъ, но вспыльчивымъ и неуживчивымъ. Неуживчивымъ же называютъ у насъ, не знаю какъ у васъ, человѣка, который, ради частныхъ отношеній, ради дружбы или свѣтскаго знакомства, не жертвуетъ общественными интересами. Воюю съ взяточниками и истребляю ихъ какъ собака зайцевъ; куда являюсь, оттуда они исчезаютъ какъ птицы ночныя передъ восходомъ солнца.

У меня есть враги, но есть и хорошіе друзья. Пользуюсь нѣкоторою популярностью.

Довольно съ тебя обо мнѣ. Теперь, вотъ тебѣ вопросы:

1) Что̀ дѣлаешь? Землю пашешь, на охоту ходишь, трубку куришь? Да и только. Иль еще читаешь книги, журналы, статьи о новыхъ вопросахъ Россіи?

2) Какъ живутъ крестьяне? Какъ ждутъ они обѣщаннаго преобразованія? Отвыкаютъ-ли пьянствовать, таскаться по кабакамъ? Читалъ я протоколъ вашего комитета. То да не такъ. Впрочемъ вамъ виднѣе.

3) Что̀ дѣлаютъ старые знакомые, помѣщики Тверскіе, Вульфы, Вельяшевы, Казнаковы и т. д? Что̀ дѣлаетъ твой старый другъ, кутила, безпечная голова, запѣвала Серёга К.; что̀ дѣлаетъ старый кутила Евграфъ Е.?

Пиши, не всегда ожидай отвѣта, ибо у меня времени мало, а у тебя вдоволь: могъ бы дать въ займы безъ процентовъ! Пиши съ полною откровенностью, не какъ къ офиціальному лицу, а какъ къ простому смертному. Надѣюсь въ Іюнѣ мѣсяцѣ поѣхать на нѣсколько недѣль въ Крымъ, чтобы повидать море и не видѣть Губернскаго Правленія, но ты все же пиши; твои письма будутъ приняты здѣсь. Посылаю тебѣ Персидскую абу, употребляется какъ шинель и какъ халатъ. Носи на здоровье и помни. Обнимаю тебя во весь духъ.

Н. Колюбакинъ.

Апрѣля 5-го 1859 года.

Г. Эривань.

II.

Здравствуй, любезный камрадъ. Я очень приблизился къ тебѣ; межъ нами нѣтъ ни горъ, ни морей: я въ Москвѣ сенаторомъ. И такъ, вѣроятно, увидимся: или ты сюда, въ первопрестольную, или я при возможности по дорогѣ къ тебѣ. Пока напиши, какъ идутъ дѣла твои въ особенности и ваши—помѣщичьи въ особенности. Только уговоръ дороже денегъ: не очень пеняй на послѣдствія освобожденія крестьянъ. Ибо—лишенія, истекающія изъ благодѣтельной реформы, должно переносить терпѣливо, съ достоинствомъ: поправитесь! Приготовляйтесь къ земскимъ учрежденіямъ: тамъ должны заро-

диться будущность, новое значенiе дворянства и если будете благоразумны, то ваши дѣти не позавидуютъ дѣдамъ своимъ. Вчера я прочелъ великолѣпныя изъявленiя благодарности дворянства и крестьянъ одному изъ вашихъ посредниковъ, Головину. Если это не фарса, то хорошо. Никогда ни о чемъ не говорили такъ различно, какъ о посредникахъ: одни очень хвалятъ, другiе очень бранятъ, и рѣдко, чтобы гдѣ нибудь угодилъ какой нибудь изъ нихъ обѣимъ сторонамъ — дворянамъ и крестьянамъ. Если это удалось г. Головину, то честь ему и слава. Такой успѣхъ стоитъ большаго подвига. Каковъ духъ массы народа? Задумались-ли передъ возможностью войны? Проникло-ли это въ ихъ сознанiе?

Пиши и при первой возможности прiѣзжай.

Обнимаю тебя отъ души.

Н. Колюбакинъ.

Арбатская часть, улица Спиридоновка, д. Глушкова, 14 Октября 1862.

Вотъ между прочимъ что говорится объ Николаѣ Петровичѣ Колюбакинѣ въ книгѣ подъ заглавiемъ:

Extrait de souvenirs intimes d'une campagne au Caucase, pendant l'été de l'année 1845, par le comte Constantin de Benkendorff, aide-de-camp général de Sa M. l'Empereur de Russie. (надо замѣтить, что въ 1845-мъ году Бенкендорфъ былъ генералъ-адъютантомъ, а Колюбакинъ поручикомъ). Стр. 17 и 18. Un homme bien connu au Caucase, Nicolas Kolubakine, depuis dix ans qu'il y est (надо замѣтить пять лѣтъ, разжалованнымъ солдатомъ, а пять лѣтъ лишь только офицеромъ) a toujours été recherché pour son esprit vraiment très remarquable et évité pour la difficulté que tout le monde trouvait à vivre avec lui. On l'avait surnommé le lion rugissant et bondissant. Je l'ai éprouvé sous les deux aspects, et j'ai fini par m'arranger parfaitement avec lui et par lui porter beaucoup d'intérêt et d'amitié. Je sais qu'il me paye de retour, et cela franchement. Je ne m'arrête pas aux obligations qu'il croit avoir envers moi, mais j'arrive à la raison principale. Kolubakine a beaucoup d'estime pour moi, et c'est ce que nous nous entendrons toujours, car Kolub. ne se modère jamais que devant un homme auquel il accorde un genre de mérite et, sous ce rapport il est très difficile: outre moi, toute modestie mise à part, je ne connais que quatre ou cinq personnes à qui il fasse cet honneur. Son peu de sociabilité lui a fait beaucoup d'ennemis et a souvent entravé sa carrière, ce qui n'a jamais empêché ceux qui avaient besoin de son assistance, de ses services et de ses talents, de le subir avec patience: car Kolubakine, par son éducation, la facilité de sa plume, la connaissance du pays et l'expérience parfaitement raisonnée qu'il sait employer dans tous ses rapports avec les indigènes, est certainement un de nos officiers les plus distingués au Caucase. Il est en même temps d'une bravoure des plus éclatante, criblé de blessures, dont malheureusement le tiers a été reçu en duel. Il en cherche toujours de nouvelles *).

---

*) Николай Колюбакинъ — человѣкъ очень извѣстный на Кавказѣ. Въ теченiи десяти лѣтъ, что онъ тамъ, съ нимъ постоянно сближались

Н. П. Колюбакинъ воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ, служить началъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскомъ гусарскомъ полку, когда этотъ полкъ стоялъ въ Варшавѣ; въ 1833-мъ году перешелъ въ Оренбургскій уланской полкъ поручикомъ изъ корнетовъ; въ 1835-мъ году, по несчастію, но съ честью ему свойственною, разжалованъ въ солдаты на Кавказъ въ Нижегородской драгунской полкъ; въ 1840-мъ году произведенъ въ офицеры, получивъ всѣ ордена до генеральскаго чина, какіе только есть для оберъ-офицерскаго и штабъ-офицерскихъ чиновъ. Скончался въ 1868-мъ году Октября 15-го сенаторомъ въ Москвѣ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, на 58-мъ году отъ роду. Колюбакинъ имѣлъ слѣдующія назначенія: 1) былъ адъютантомъ у генералъ-адъютанта Анрепа; 2) въ чинѣ капитана въ драгунахъ былъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ Кавказскаго корпуса; 3) въ чинѣ майора вицъ-губернаторомъ въ Кутаисѣ; 3) въ чинѣ полковника по особымъ порученіямъ у главнокомандующаго князя Воронцова; потомъ въ чинѣ полковника сталъ занимать генеральскія мѣста, какъ то: 5) въ Керчи былъ начальникомъ Черноморскаго отдѣленія, 6) посланникомъ въ Персіи, 7) исправляющимъ должность военнаго губернатора въ Эриванѣ, 8) военнымъ губернаторомъ въ Эриванѣ, 9) генералъ-губернаторомъ въ Кутаисѣ и начальникомъ всѣхъ тамошнихъ войскъ, и наконецъ 10) сенаторомъ въ Москвѣ.

за его по-истинѣ замѣчательный умъ, и его избѣгали, потому что, по общему мнѣнію, съ нимъ трудно ужиться. Его прозвали львомъ рыкающимъ и разъяреннымъ. Я испыталъ его въ обоихъ смыслахъ и кончилъ тѣмъ, что совершенно съ нимъ поладилъ и сталъ относиться къ нему съ большимъ участіемъ и дружбою. Знаю, что онъ мнѣ платитъ тѣмъ же, и притомъ откровенно. Не буду говорить объ одолженіяхъ, которыя, по его мнѣнію, оказалъ я ему, но скажу о главной причинѣ. Колюбакинъ питаетъ ко мнѣ много уваженія, и отсюда проистекаетъ наше взаимное соглашеніе: ибо Колюбакинъ сдерживаетъ себя только передъ человѣкомъ, за которымъ признаетъ нѣкоторое достоинство, и въ этомъ отношеніи онъ весьма щепетиленъ: кромѣ себя (говорю безъ всякаго хвастовства) я знаю не свыше четырехъ или пяти человѣкъ, которымъ онъ оказываетъ эту честь. Его неуживчивость надѣлала ему много враговъ и часто вредила его служебнымъ успѣхамъ, что никогда не мѣшало тѣмъ, кто имѣлъ нужду въ его содѣйствіи, услугахъ и способностяхъ, терпѣливо выносить его; ибо Колюбакинъ, по своему воспитанію, умѣнію владѣть перомъ, знанію страны и по отлично разумной опытности, которою умѣетъ онъ пользоваться во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ туземцами, принадлежитъ на Кавказѣ конечно къ самымъ замѣчательнымъ нашимъ военнымъ дѣятелямъ. Въ то же время онъ отличается самою блестящею храбростью, покрытъ ранами, изъ которыхъ, къ несчастію, третья доля получена имъ на дуеляхъ, и всегда ищетъ новыхъ.

Колюбакиныхъ было два брата на Кавказѣ. Другой братъ Николая Петровича былъ Михаилъ Петровичъ, служившій военнымъ губернаторомъ въ Баку. Государь Николай Павловичь обоихъ лично хорошо зналъ и звалъ Николая Петровича немирный Колюбакинъ, а Михаила Петровича — мирный Колюбакинъ.

(*Сообщено В. В. Казнаковымъ, при посредствѣ Е. И. Якушкина*).

*

Мы лично знали Николая Петровича Колюбакина въ послѣдніе годы его жизни. Съ гордою головою, озаренною сознаніемъ личныхъ достоинствъ и въ тоже время съ умѣряющимъ и крайне-привлекательнымъ участіемъ ко всему доблестному, ко всякому живому проявленію умственнаго труда и благородной дѣятельности, появлялся онъ посреди Московскаго общества, во всемъ рѣзко отличаясь отъ него и въ тоже время возбуждая его сочувствіе. Москва цѣнила

въ немъ благородную душу и вѣрную службу Россіи. Вопреки своей неуживчивости, онъ скоро сблизился со многими Москвичами, а съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ вступилъ въ самую тѣсную дружескую связь. Къ вышесообщеннымъ свѣдѣніямъ прибавимъ, что Н. П. Колюбакинъ былъ другомъ Марлинскаго и въ способѣ выражаться носилъ въ себѣ слѣды вліянія этой дружбы. Намъ случалось слышать отъ него объ его происхожденіи: мать его была дочь конфедерата Пулавскаго, знаменитаго похищеніемъ Станислава Понятовскаго, и родилась въ Америкѣ, гдѣ ея отецъ дрался за освобожденіе колоній отъ Англійскаго владычества. *П. Б.*

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ А. М. ПАВЛОВОЙ *).

Отецъ Анны Михайловны Павловой, Михаилъ Николаевичь Соковнинъ, былъ женатъ, на Аннѣ Ѳедоровнѣ Арсеньевой. Родной дядя Анны Ѳедоровны, братъ ея матери, Хитровъ былъ женатъ на Сумароковой, родной сестрѣ писателя Сумарокова. Анна Михаиловна слышала и записала слѣдующіе разсказы своей бабки Хитровой, сестры Сумарокова.

На другой день послѣ представленія какой-то трагедіи, сочиненія Сумарокова, къ его матери пріѣхала какая-то дама и начала расхваливать вчерашній спектакль. Сумароковъ, сидѣвшій тутъ же, съ довольнымъ лицомъ обратился къ пріѣзжей дамѣ и спросилъ: „позвольте узнать, сударыня, что̀ же болѣе всего понравилось публикѣ?“—„Ахъ, батюшка, дивертисментъ!“ Тогда Сумароковъ вскочилъ и громко сказалъ матери: „Охота вамъ, сударыня, пускать къ себѣ такихъ дуръ! Подобнымъ дурамъ только бы горохъ поло̀ть, а не смотрѣть высокія произведенія искусства!“, и тотчасъ убѣжалъ изъ комнаты.

Однажды, на большемъ обѣдѣ, гдѣ находился и отецъ Сумарокова, Александръ Петровичь громко спросилъ присутствующихъ: „что тяжелѣе, умъ или глупость?“ Ему отвѣчали: Конечно глупость тяжелѣе.—„Вотъ вѣроятно оттого батюшку и возятъ цугомъ въ шесть лошадей, а меня парой“ *).

Барковъ всегда дразнилъ Сумарокова. Сумароковъ въ свои трагедіи часто прямо переводилъ изъ Расина, и другихъ напр.

У Расина:

Contre vous, contre moi, vainement je m'éprouve.
Présent je vous fuis, absent je vous trouve!

У Сумарокова:

Противъ тебя, себя я тщетно вооружался!
Не зря тебя искалъ, а видя удалялся.

Барковъ однажды выпросилъ у Сумарокова сочиненія Расина, всѣ подобныя мѣста отмѣтилъ, на поляхъ надписалъ: „Украдено у Сумарокова,“ и возвратилъ книгу по принадлежности.

ДВА РЕСКРИПТА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Копія съ нижепомѣщаемыхъ двухъ рескриптовъ, собственноручно подписанныхъ императоромъ Павломъ на имя коменданта г. Полоцка, полковника Ѳедора Ивановича фонъ-Брадке, бывшаго въ послѣдствіи Вятскимъ губернаторомъ и умершаго въ 1818 г. въ С. Петербургѣ въ званіи сенатора, сообщены въ Русскій Архивъ внукомъ его Эмануиломъ Егоровичемъ фонъ-Брадке. П. Б.

---

*) Скончавшаяся въ прошломъ году (13 Ноября) 89 лѣтъ отъ роду, Анна Михаиловна Павлова провела свою молодость въ Москвѣ, посреди представителей умственной нашей жизни за первую четверть нынѣшняго вѣка. Она была другомъ В. А. Жуковскаго. Маститая, сознательно-умная старость была слѣдствіемъ и наградою ея прекрасной жизни. Въ обществѣ своихъ братьевъ и В. А. Жуковскаго, воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, А. М. Павлова полюбила словесность и сама занималась ею. Мы признательны сыновьямъ ея за дозволеніе привести въ Русскомъ Архивѣ нижеслѣдующую выдержку изъ ея памятныхъ отмѣтокъ. *П. Б.*

*) Отецъ Сумарокова былъ бригадиръ, чинъ, дававшій право ѣздить въ шесть лошадей; штабъ-офицеры ѣздили четверкой съ форейторомъ, а оберъ-офицеры парой. Сумароковъ былъ еще оберъ-офицеромъ и завидовалъ людямъ, ѣздившимъ въ шесть и четыре лошади.

I.

С. П. бургъ, 7-го Апрѣля 1798.

Господинъ полковникъ фонъ Брадке. Вслѣдствіе донесенія вашего отъ 29 Марта о самоубійствѣ Полоцкаго мушкатерскаго полку гранодера Глухарева, съ коимъ я надѣюсь было поступлено какъ слѣдуетъ, и онъ безъ всякой церемоніи зарытъ былъ въ землю, пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

II.

С. Петербургъ, Генваря 17, 1798.

Господинъ полковникъ фонъ Брадке. На письмо ваше отвѣчаю слѣдующимъ: вакантныхъ арендъ ни одной нѣтъ; находя полковничье жалованье достаточнымъ, прибавлять онаго не намѣренъ. А вы, размѣряя расходъ вашъ по приходу, подадите чрезъ сіе добрый примѣръ и чрезъ нѣсколько времени найдете и самаго себя богатѣе прежняго.

Павелъ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

На стр. 1131 первой книги Русскаго Архива 1874 года сказано, что „Николай Алексѣевичъ Тучковъ (1-й) подъ Бородинымъ убитъ такъ, что послѣ и тѣло его не было отыскано" и пр. Это принадлежитъ Александру Алексѣевичу (Тучкову 4), шефу Ревельскаго полка, жена коего Маргарита Михайловна, урожденная Нарышкина, построила и монастырь въ окрестностяхъ предполагаемаго мѣста кончины своего супруга, на высотѣ Семеновскихъ флешей. А то, что̀ сказано о семъ послѣднемъ, принадлежитъ брату его, командиру 3-го корпуса Николаю Алексѣевичу Тучкову (1-му).

Одинаково встрѣчаю нѣкоторыя и другія недомолвки въ статьѣ о Сергѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ. Въ 1820 году первый разъ я познакомился съ нимъ, въ устроенномъ имъ городѣ, и такъ какъ до 1829 года, по дѣламъ службы, я по нѣскольку разъ въ годъ бывалъ въ Измаилѣ и каждый разъ видѣлся съ нимъ, въ убогой его квартирѣ, и будучи съ 1808 года, со Шведской войны, близокъ по службѣ съ братомъ его Николаемъ Алексѣевичемъ и знако̀мъ какъ съ Павломъ, но въ особенности съ Александромъ Алексѣевичами до самой смерти сего послѣдняго, то пользовался расположеніемъ и Сергѣя Алексѣевича, съ которымъ мы мѣнялись записками. С. А. Тучковъ съ 1820 года не выѣзжалъ изъ своего Тучкова, и съ 1826 по 1828 годъ я былъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, по возложенному на меня порученію склонять на нашу сторону Некрасовцевъ и въ особенности Запорожцевъ въ предстоявшую войну. Конечно только содѣйствію Тучкова въ этомъ дѣлѣ обязаны мы тому, что, при переправѣ Государя чрезъ Дунай, кошевой атаманъ Гладкій явился со своими Запорожцами и имѣлъ счастіе перевести на своей лодкѣ чрезъ Дунай Государя и проч.—Во время войны 1828 — 1829 года, С. А. Тучковъ былъ военнымъ губернаторомъ Бабадагской области, чего въ статьѣ о немъ не упомянуто, такъ какъ и многаго другаго мнѣ близко и документально извѣстнаго, независимо частныхъ взаимныхъ бесѣдъ, и пр.

И. Липранди.

ОПЕЧАТКИ.

		НАПЕЧАТАНО	НАДО
Стр. 616	Строка 15 сверху	проносилъ	приносилъ
— 648	— 9 снизу	князя	князю
— 674	— 7 сверху	нуждающему	нуждающемуся
— 678	— 8 —	линейнымъ	литейнымъ
— 682	— 7 снизу	присланнаго	присланный
— 688	— 14 —	тѣснись	тѣснились
— 717	— 11 сверху	Панинъ	Паленъ.

О ПОДПИСКѢ

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875 ГОДА.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1875 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ прежнія двѣнадцать лѣтъ сего изданія.

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ. — КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА РУССКІЙ АРХИВЪ 1875 ГОДА.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1875 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи — **3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

☛ Къ сей тетради приложенъ конвертъ для возобновленія подписки на Русскій Архивъ въ 1875 году.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874. 12.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

Годовое изданіе Русскаго Архива 1874 года состоитъ изъ двухъ большихъ книгъ; первая съ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, вторая съ портретомъ Ѳ. И. Тютчева. Каждая книга продается отдѣльно по 4 рубля (съ пересылкою).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1874.

ЧЕРТА РУССКОЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ДНИ XVIII ВѢКА.

INSTRUCTION SECRÈTE DONNÉE PAR L'EMPEREUR PAUL 1-ER AU CONSEILLER PRIVÉ ACTUEL KALITSCHEFF.

Le désir de rendre la paix à l'Europe désolée depuis 11 ans par le fléau de la guerre m'a fait prendre le parti de me mettre en relation directe avec le gouv. français, et de m'adresser à cet effet au Premier Consul Buonaparte. Vous verrez par la communication des copies toute ma correspondance relative à cet objet, et vous serez amplement instruit de tout ce qui s'est passé depuis les premières ouvertures que le Premier Consul m'a faites.

Muni des pleins-pouvoirs de signer et de tout ce qui sera nécessaire pour votre voyage, vous vous mettrez incessamment en route, pour vous rendre avec toute la diligence possible dans l'endroit où se trouve le Premier Consul qui sera déjà instruit de votre arrivée par le contenu d'une lettre que je lui ai expédiée le 18 de ce mois, par le lieutenant en second du corps des chasseurs Neimann et dont la copie vous sera également remise.

Arrivé auprès de Buonaparte, vous entrerez immédiatement en relation avec lui, en employant tout votre zèle et votre talent à amener les choses au point désiré, en terminant un arrangement basé sur les articles suivants, dont vous ne ferez même pas mystère dès le moment de votre première entrevue, en quoi vous répondrez au désir que j'ai de donner à l'univers entier une preuve convaincante de ma loyauté et des sacrifices que je suis en état de faire pour assurer le repos si nécessaire au genre humain.

Cette manière de traiter vous épargnera la peine d'entrer en discussions sur des matières débattues depuis si longtemps et si inutilement. Il s'agit de convenir, de signer, d'exécuter ce qui sera stipulé. Je propose, c'est à la France de l'accepter et d'acquérir l'assurance d'un état stable en se conciliant mes bonnes dispositions à son égard.

1.

Rappeler à Buonaparte de quoi il avait été question j'usqu'à présent.

2.

Que je lui propose l'abaissement de la maison d'Autriche à sa volonté, persuadé que le repos du reste de l'Europe en dépend.

3.

Que je donne mon consentement à ce que le Rhin serve de limites à la France et qu'il prenne même une partie des états héréditaires de l'Autriche pour des dédommagements aux princes lésés de l'Empire.

4.

Il lui sera très facile de satisfaire à mes demandes contenues dans la note expédiée par le colonel Serguéeff, en retranchant des indemnisations désignées pour la cour de Vienne et en dispo-

sant en faveur du roi de Sardaigne, en laissant le roi des Deux Siciles possesseur de ses domaines, tels qu'ils étaient avant la guerre, en dédommageant l'électeur de Bavière et le duc de Würtemberg par des possessions en Allemagne, par le moyen de sécularisations, et en évacuant leurs états occupés par des troupes françaises.

5.

Une garantie formelle de l'isle de Malte avec toutes ses dépendances, qui doivent m'être rendues comme au grand-maître de l'ordre de S-t Jérusalem; cette restitution doit entrer dans toutes les négociations de la paix entre l'Angleterre et la France, laquelle doit inviter tous ses alliés à concourir au même but avec elle.

6.

Que le gouvernement français fera retirer ses troupes de l'Egypte et remettra cette province à la Porte Ottomane afin de la préserver des Anglais.

7.

Que je m'intéresse particulièrement au bien-être du Pape, comme chef de la Catholicité dont le tiers de mes états professe la religion et que j'ai même désiré d'y voir établi le S-t Père plutôt que de le voir à la merci des intrigues et de la volonté des autres puissances.

8.

Que je lui laisse le champ libre quand au commerce, en nous réservant de l'ouvrir réciproquement, en le laissant le maître de finir avec les Anglais comme bon lui semblera, et tout aussitôt la paix faite d'accéder à la convention maritime conclue entre les cours du Nord.

9.

Que toutes ces conditions remplies et l'engagement formel pris entre nous, que je reconnaîtrai la France pour république et que j'étais prêt à communiquer directement avec elle de tout ce dont besoin sera.

10.

Que je ne parlerais pas de la Pologne en ce qu'il ne devait nullement en être question, d'autant plus qu'elle appartenait à trois puissances.

11.

Que je n'aurais pas besoin finalement de lui dire que, dans la position actuelle de la France et les choses étant au point où elles en sont politiquement, elle n'aurait à faire à personne d'autre qu'à celui qui avait toujours fait métier de loyauté et de bonne foi, et que de cette manière nous pouvions disposer ensemble du reste de l'Europe.

Signé: Paul.

St. Pétersbourg.
le 19 Décembre 1800.

Articles secrets pour traiter avec le Premier Consul.

1.

Exiger de la France, comme sine qua non, la reconnaissance de l'Espagne de la grande-maîtrise de l'ordre de S-t Jérusalem dans ma personne.

2.

Si les choses vont à souhait, en s'arrangeant de part et d'autre, que la France s'engage à faire une diversion sur les côtes de l'Angleterre, dans le cas où celle-ci manifeste des vues hostiles contre la Russie.

3.

Je ne ferai pas de difficulté pour s'entendre par une négociation séparée sur un traité de commerce ou à renouveller celui qui a été fait en 1786 avec les modifications et changemens nécessaires que le temps et les circonstances ont amené par les différens réglemens faits depuis en Russie.

4.

Remplir les points de l'instruction, comme l'acquit de ma conscience et comme un objet d'un intérêt mineur.

5.

Insinuer à Buonaparte et le porter à prendre le titre de roi, en rendant même la couronne héréditaire dans sa famille. Je regarde cette détermination de sa part comme le seul moyen de procurer à la France un gouvernement stable et de convertir les principes révolutionnaires qui ont armé toute l'Europe contre elle.

6.

D'insister sur la suppression des clubs, du comité Polonais et en général de tous les établissemens existans hors la France, qui s'occupent de la propagande des principes démocratiques et philosophiques de l'aveu et sous la protection du gouvernement français

7.

De ne pas perdre de vue que mon intention est de rendre le repos à l'Europe entière, et qu'en reconnaissant la France comme république ou Buonaparte comme souverain, je prétends ôter les moyens à l'Autriche, l'Angleterre et la Prusse de réussir dans leur système d'agrandissement, aussi et plus nuisible encore au bien-être général que les principes de la France révolutionnaire, et que finalement je préfère laisser exister une seule Hydre que d'en voir naître et tolérer plusieurs.

Signé: Paul 1-er.

S-t Pétersbourg, ce 29 Décembre 1800.

(Copie tirée du document original qui se conserve dans la correspondance ministérielle du conseiller privé Kalitschef, alors ambassadeur à Paris, ce (12) 24 Janvier 1823).

Списано и сообщено И. Ю. Бецкимъ.

Переводъ.

Тайный наказъ императора Павла дѣйствительному тайному совѣтнику Колычову.

Желая умиротворить Европу, терзаемую уже 11 лѣтъ бичемъ войны, я рѣшился вступить въ прямыя сношенія съ Французскимъ правительствомъ и для этой цѣли обратился къ первому консулу Бонапарту. Вамъ сообщатъ въ копіяхъ всю мою переписку, относящуюся къ этому предмету, и вы обстоятельно узнаете все что̀ произошло, съ тѣхъ поръ какъ первымъ консуломъ сдѣланы мнѣ первоначальныя предложенія [1]).

Принявъ уполномочіе подписывать (бумаги) и все необходимое для путешествія вашего, вы немедленно отправитесь въ дорогу, дабы со всевозможною скоростью пріѣхать въ мѣстопребываніе перваго консула, который уже будетъ знать о вашемъ прибытіи по содержанію письма моего къ нему отъ 18 числа сего мѣсяца, которое отправлено съ подпоручикомъ егерскаго корпуса Нейма-

---

[1]) Давъ свободу слишкомъ 6 тысячамъ Русскихъ воиновъ, забранныхъ въ плѣнъ Фран-

номъ и съ котораго копію вы также получите [2]).

Прибывъ къ Бонапарту, вы войдете въ непосредственное сношеніе съ нимъ и употребите все ваше усердіе и ваши способности, чтобы привести дѣла къ желаемой цѣли и утвердить соглашеніе на основаніи нижеслѣдующихъ статей, которыхъ вамъ даже и нечего таить съ первой минуты вашего свиданія: ибо я желаю предъявить цѣлому свѣту убѣдительное свидѣтельство моей честности и тѣхъ жертвъ, которыя я въ состояніи принести для того, чтобы обезпечить спокойствіе, столь необходимое человѣчеству. Таковой способъ совѣщанія избавитъ васъ отъ труда вступать въ прѣнія по предметамъ, столь давно и столь безполезно обсуждаемымъ. Нужно согласиться, подписать, привести въ исполненіе то что́ будетъ условлено. Я сдѣлалъ предложеніе: теперь отъ самой Франціи зависитъ принять оное и, согласно моему благорасположенію въ отношеніи къ ней, пріобрѣсти тѣмъ самымъ увѣренность въ прочности своего положенія.

1. Напомнить Бонапарту, о чемъ шла рѣчь до сего времени.

2. Что я предлагаю ему сколько угодно принижать Австрійскій домъ, будучи увѣренъ, что отъ того зависитъ спокойствіе остальной Европы.

3. Что я соглашаюсь, чтобы Рейнъ служилъ границею Франціи и чтобы онъ даже взялъ часть наслѣдственныхъ Австрійскихъ владѣній для удовлетворенія обиженныхъ имперскихъ государей.

4. Ему очень легко будетъ исполнить мои требованія, содержащіяся въ запискѣ, отправленной съ полковникомъ Сергѣевымъ [3]), предоставивъ въ пользу короля Сардинскаго часть вознагражденій, назначенныхъ Вѣнскому Двору, сохранивъ за королемъ Обѣихъ Сицилій владѣнія, бывшія у него до войны, вознаградивъ курфирста Баденскаго и герцога Виртембергскаго [4]) владѣніями въ Германіи посредствомъ обращенія духовныхъ имѣній въ свѣтскія и очистивъ ихъ владѣнія отъ занимающихъ оныя Французскихъ войскъ.

5. Формальная гарантія острова Мальты со всѣми его принадлежностями, которыя должны быть возвращены мнѣ, какъ великому магистру св. Іоанна Іерусалимскаго. Это возстановленіе должно войти во всѣ переговоры о мирѣ между Англіею и Франціею, которая должна пригласить всѣхъ своихъ союзниковъ дѣйствовать за одно съ нею по этому предмету.

6. Чтобы Французское правительство вызвало войска свои изъ Египта и возвратило страну эту Портѣ Оттоманской съ цѣлью предохранить оную отъ Англичанъ.

7. Что я принимаю особенное участіе въ благосостояніи папы, какъ главы католичества, которое исповѣдуется третью моихъ владѣній и что я даже пожелалъ, чтобы святой отецъ лучше поселился въ

цузами во время войны 1799 года, первый консулъ расположилъ въ свою пользу императора Павла. Въ Ноябрѣ 1800 года отправленъ во Францію для пріема плѣнныхъ генералъ Шпренгпортенъ, котораго встрѣтили тамъ съ необыкновенными почестями. Первый консулъ и Талейранъ наговорили ему столько любезностей и выразили столь явное желаніе войти въ дружескія сношенія съ Россіею, что между императоромъ Павломъ и Бонапартомъ тотчасъ завязалась переписка, и 4 Января 1801 г. С. А. Колычовъ уже отправился въ Парижъ для заключенія мирнаго договора съ Франціею (который подписанъ былъ только при Александрѣ). Помѣщаемый здѣсь наказъ Колычову и тайныя статьи являются въ первый разъ въ печати. *П. Б.*

[2]) Письма этого не имѣется въ печати, сколько намъ извѣстно. Д. А. Милютинъ въ своей Исторіи войны 1799 года (изд. 2-е, т. III, стр. 661) приводитъ содержаніе этого письма по Запискамъ Наполеона. *П. Б.*

[3]) Сергѣевъ, одинъ изъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи, былъ употребленъ первымъ консуломъ для первоначальныхъ сношеній съ Россіею. Упоминаемая здѣсь записка тоже неизвѣстна въ печати. *П. Б.*

[4]) Герцогомъ Виртембергскимъ въ это время былъ братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны (Выборгскій генералъ-губернаторъ при Екатеринѣ). Такимъ образомъ въ Декабрѣ 1800 г. Павелъ еще оказывалъ вниманіе родственникамъ своей супруги и невѣстки. *П. Б.*

оныхъ, чѣмъ быть ему игралищемъ интригъ и произвола другихъ державъ [5]).

8. Что я предоставилъ ему [6]) свободу дѣйствій относительно торговли, съ тѣмъ чтобы мы по взаимности открыли ее, полагая на его волю покончить съ Англичанами, какъ ему заблагоразсудится, и тотчасъ по заключеніи мира пристать къ морскому соглашенію, состоявшемуся между сѣверными Дворами.

9. Какъ скоро исполнены будутъ всѣ тѣ условія и состоится формальное между нами обязательство, я признàю Францію республикою и готовъ сноситься съ нею прямо обо всемъ, чтò будетъ нужно.

10. О Польшѣ я не поведу рѣчи, такъ какъ тутъ не можетъ быть никакого вопроса, тѣмъ болѣе, что она принадлежала тремъ державамъ.

11. Напослѣдокъ, нечего мнѣ говорить ему, что, въ настоящемъ положеніи Франціи и при современномъ ходѣ дѣлъ, она имѣла бы дѣло исключительно съ тѣмъ, кто всегда стоялъ за честность и добросовѣстность, и что такимъ образомъ мы вмѣстѣ могли бы располагать остальною Европою. Подписано: Павелъ. С. Петербургъ, 19 Декабря 1800.

Тайныя статьи для переговоровъ съ первымъ консуломъ.

1. Потребовать отъ Франціи, какъ непремѣннаго условія, чтобы Испанія признала въ моемъ лицѣ великое магистерство ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

2. Если дѣла пойдутъ по желанію и соглашеніе послѣдуетъ съ той и другой стороны, пусть Франція обяжется сдѣлать диверсію на берегахъ Англіи, въ случаѣ если сія послѣдняя обнаружитъ противъ Россіи враждебные виды.

3. Я не стану дѣлать затрудненія на счетъ особаго соглашенія относительно торговаго договора или на счетъ возобновленія того, который былъ заключенъ въ 1786 году, съ тѣми необходимыми измѣненіями и отмѣнами, кои потребованы временемъ и обстоятельствами, вслѣдствіе различныхъ узаконеній, состоявшихся съ тѣхъ поръ въ Россіи.

4. Исполнить пункты наказа, какъ очистку моей совѣсти и какъ предметъ меньшей важности.

5. Расположить Бонапарта и склонить его къ принятію королевскаго титула, даже съ престолонаслѣдіемъ въ его семействѣ. Таковое рѣшеніе съ его стороны я почитаю единственнымъ средствомъ даровать Франціи прочное правительство и измѣнить революціонныя начала, вооружившія противъ нея всю Европу.

6. Настоять на уничтоженіи клубовъ, Польскаго Комитета и вообще всѣхъ учрежденій внѣ Франціи, которыя занимаются распространеніемъ демократическихъ и философскихъ началъ, съ вѣдома и подъ покровительствомъ Французскаго правительства.

7. Не терять изъ виду, что намѣреніе мое есть возвратить спокойствіе цѣлой Европѣ и что, признавая Францію республикою, а Бонапарта государемъ, я хочу отнять у Австріи, Англіи и Пруссіи средство успѣха въ ихъ системѣ расширять свои владѣнія, каковая система также и даже болѣе вредитъ общему благосостоянію, какъ и начàла революціонной Франціи, и что, напослѣдокъ, я предпочитаю допустить существованіе одной гидры, чѣмъ видѣть, какъ возникаютъ многія и терпѣть ихъ. Подписано: Павелъ. С. Петербургъ, 29 Декабря 1800.

(Копія взята (12) 24 Января 1823, съ подлиннаго документа, хранящагося въ министерской перепискѣ д. т. с. Колычова, въ то время (т. е. въ 1800 г.) посланника въ Парижѣ).

[5]) Тоже самое императоръ Павелъ выразилъ въ письмѣ къ Неаполитанскому королю, отъ 15 Декабря 1800 года, говоря, что онъ предложилъ папѣ поселиться въ Россіи, въ случаѣ если ему придется покинуть Италію (Милютинъ, т. III, стр. 663). *П. Б.*

[6]) Т. е. первому консулу. *П. Б.*

ДВА ПИСЬМА ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА.

I. КЪ ГРАФУ НИКИТѢ ПЕТРОВИЧУ ПАНИНУ [1]).

Londres 9/21 Août 1801.

Mon cher comte,

Ayant mal aux yeux, je me sers d'une autre main que la mienne; mais c'est comme si j'écrivais moi-même, car la personne à la quelle je dicte, est le fils du *b-n Nicolaï* [2]), lié avec moi d'amitié la plus intime depuis 39 ans. J'aime le fils comme s'il était le mien, et connaissant son caractère, je me fie autant à lui qu'à mon fils qui est à Pétersbourg.

Le courrier de mylord *S-t Helens* [3]) m'a remis le 4/16 Août la lettre con-

---

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (немедленно по воцареніи Александра Павловича возстановленный въ должности нашего посла въ Англіи и получившій назадъ свои имѣнія, которыя императоръ Павелъ приказалъ взять у него въ казну) принадлежитъ не по однимъ личнымъ своимъ качествамъ, но также и по высотѣ государственныхъ своихъ понятій къ достопамятнѣйшимъ лицамъ Русской исторіи. Это и нижеслѣдующее письма, дѣлающія великую честь тѣмъ лицамъ, къ коимъ такая правдивость могла быть обращаема, сообщены въ Русскій Архивъ въ спискахъ однимъ любителемъ и знатокомъ нашей старины. Мысли, изложенныя въ этихъ письмахъ, дали направленіе правительственной дѣятельности Александра Павловича. Въ дѣлахъ политическихъ Семенъ Романовичъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ дяди своего, Елисаветинскаго канцлера, графа Михаила Ларіоновича Воронцова, съ которымъ онъ путешествовалъ по чужимъ краямъ въ 1763 и 1764 годахъ и который держался правилъ Петра Великаго.—Старшій братъ графа С. Р. Воронцова, графъ Александръ Романовичъ, въ Ноябрѣ того же 1801 года, препроводилъ Государю, изъ Владимірскаго помѣстья своего села Андреевскаго, записку о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи (напечатанную въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1859, кн. 1-я), и въ этой чрезвычайно замѣчательной запискѣ говоритъ между прочимъ: «Не положенія, сдѣланныя Петромъ Великимъ, слѣдовало отмѣнять, а поправить только то, что́ отъ времени въ ослабленіе приходить стало», и въ другомъ мѣстѣ: «Толь пространное государство, каково здѣшнее, не можетъ въ цѣлости остаться и жители пользоваться спокойствіемъ и личною безопасностію подъ царствованіемъ государя съ большою властію и способами; а потому, подъ нимъ же и въ помощь ему, нужно мѣсто, такъ какъ Сенатъ и былъ на то учрежденъ Петромъ Великимъ». Или: «Упражненія Совѣта могли бы быть весьма на пользу государства, если бы Государь Императоръ самъ изволилъ удостоивать его своимъ присутствіемъ, какъ Его Величество о семъ и отзываться изволилъ. Въ присутствіи его, вмѣсто того, что всякой изъ департаментовъ докладываетъ Его Величеству приватно, всѣ бы оные доклады могли чинитьcя Государю въ засѣданіяхъ Совѣта. Каждый членъ онаго далъ бы мнѣніе свое для соображенія съ общимъ разсужденіемъ засѣдающихъ въ Совѣтѣ, гдѣ бы и Государь Императоръ и свои рѣшенія чинилъ. Тогда Совѣтъ не токмо доставлялъ бы ожидаемую отъ него пользу, но даже труды самаго Государя были бы облегчены, вмѣсто того что его безпрестанно занимаютъ частными докладами, такъ что ему самому почти свободнаго времени не оставляется».

Братья графы Воронцовы, одинъ изъ Англіи, другой изъ средины Россіи, говорили одно и тоже. Они оба дороги Русскому историку, какъ носители историческаго преданія, какъ вѣрные послѣдователи и проводники идей Петра Великаго. Своею дѣятельностью они оправдывали изрѣченіе графскаго герба своего: Semper immota fides (всегда неколебимая вѣрность). *П. Б.*

[2]) Баронъ Николаи нѣкогда находился при дворѣ великаго князя Павла Петровича. Сынъ его, которому диктовано настоящее письмо, былъ впослѣдствіи нашимъ посланникомъ при Датскомъ дворѣ. *П. Б.*

[3]) Англійскій посланникъ у насъ. *П Б.*

fidentielle du 16 Juillet v. st. que vous m'avez écrite, mon cher comte, en encre sympatique. Avant que de répondre à son contenu, je dois vous avertir qu'il est tout à fait inutile de vous donner la peine de m'écrire en chiffres ou avec une encre sympatique, quand c'est par des courriers anglais que vous m'adressez vos lettres: car, quelque dépravé que puisse jamais être un secrétaire d'état en Angleterre, jamais il n'osera se permettre d'ouvrir un paquet, adressé à un ministre étranger et apporté par un courrier anglais. Cet acte, regardé ici comme le plus infâme, le perdrait pour la vie et le rendrait l'opprobre de la nation dont les moeurs sont telles que l'ouverture d'une lettre remise en toute confiance est regardée avec la même horreur, que si ce secrétaire d'état avait volé un depôt confié à sa garde. Mais je vous ai déjà assez écrit à ce sujet, quand je vous ai communiqué la lettre que m'a écrite lord *Hawkesbury* pour se plaindre de ce qu'on retient et de ce qu'on ouvre dans votre chancellerie les paquets qu'il envoie à lord *S-t Helens* par mes courriers. C'est en conséquence de ce principe qu'une lettre, même arrivée par la poste à un ministre étranger, mais sous l'adresse du secrétaire d'état, ne sera jamais ouverte, et, quand je vous ai prié officiellement, mon cher c-te, dans une de mes précédentes de m'adresser vos lettres et les dépêches sous l'enveloppe du secretaire d'état, outre que je vous avais dit que ces lettres me seront plus tôt remises, j'avais aussi en vue la certitude qu'elles ne seraient pas ouvertes ici.

Je vois avec douleur que vous étes très inquiet d'une certaine lettre de ms. de *Rosenkrantz* au duc de *Serra-Capriola*, dans laquelle il y en a une autre citée de l'amiral anglais à un ministre étranger, par laquelle il est dit que lord *S-t Helens* à trouvé *beaucoup de partialité*. Outre que j'ai su d'un autre pays que de chez nous que dans cette lettre, au lieu de partialité, il était dit *facilité*: mais que ce soit l'un ou l'autre de ces mots, je ne vois pas pourquoi les Suédois et les Danois vous endossent à vous ce sentiment et comment l'Empereur peut-il croire que vous fussiez partial pour l'Angleterre, tandis que dans votre conduite vous étiez décidément pour soutenir la convention maritime; parce que vous ne l'aviez pas envisagée comme elle était, c'est à dire comme faite pour le malheur de la Russie dans les derniers temps de feu l'Empereur par la prédilection que *Koutaissow* avait pour la France et pour la Suède, ainsi que pour la Prusse qui jouait le même jeu. Il convenait à la première de nous brouiller avec l'Angleterre, à la seconde de nous isoler et d'abîmer notre commerce et nos finances et à la troisième de garder contre tout droit l'électorat de Hanovre qu'elle voulait occuper, mais voulait avoir l'air d'être forcée par nous à cette demarche infâme. *Koutaissow* était le seul ministre dirigeant toute chose, plaçait et déplaçait les autres ministres à son gré. Aussi, quand dans mes dépêches je parle du ministère ou des ministres de ce temps-là, je n'entends toujours dans ce sens que le seul *Koutaissow*, comme à présent, quoique je vois dans les rescrits de l'Empereur *mon ministère*, mon *cabinet*, il n'y a que vous seul que je comprends sous cette dénomination collective quant aux affaires politiques: puisque le vice-chancelier prince *Kourakin*, par votre

propre circulaire du 19-me Juin, n'a d'autres affaires que celles des comptes et des réclamations des particuliers et que je sais que dans les affaires purement politiques et secrètes vous travaillez seul avec l'Empereur, que c'est vous, mon cher comte, qui rédigez les ordres que S. M. signe et que c'est vous aussi qui, quand elle ne les signe pas, les faites savoir par son ordre. Vous m'avez avoué vous-même que le rescrit signé par l'Empereur, auquel je n'ai pas obéi à mes risques et dépens et contre lequel j'ai écrit directement à l'Empereur lui-même, a été rédigé par vous. Tous les ordres que je recevais avant le dit rescrit et toutes les lettres officielles et particulières à moi étaient constamment dans le sens à forcer l'Angleterre à reconnaître les principes de cette convention maritime qu'il lui était impossible de reconnaître; et comme vous dites vous-même à présent qu'en présence de l'Empereur vous avez été contre la majorité du Conseil, dans la quelle se trouvait mon frère et qui proposait de lever l'embargo, comment serait-il possible, que l'Empereur puisse croire que vous fussiez partial pour le pays où je me trouve? Comment les Danois et les Suédois peuvent-ils vous accuser, que vous avez été la cause de la convention faite entre vous et lord *S-t Helens*, tandis que l'Empereur lui-même m'a fait l'honneur de m'écrire que cette affaire à été terminée à la suite de mes représentations et conformément à leur contenu? Jugez après cela s'il m'est possible d'écrire, quoi que ce soit, à S. M. I. sur ce que vous m'écrivez.

Quant à la garantie des possessions turques (comme effectivement cette garantie est très utile à la Russie et qu'elle se trouve littéralement prononcée dans notre traité avec la Porte, si la réponse que vous rédigez à présent à la note de l'ambassadeur d'Angleterre fait mention de ces circonstances) il me semble qu'il n'est pas absolument nécessaire de faire une nouvelle garantie spéciale. Comme je ne suis informé de rien et que je ne me suis jamais trouvé dans un dénûment si absolû de toute information (car non seulement je ne sais rien de ce qu'on écrit de chez nous en Suède, en Danemarc, en Prusse, j'ignore aussi le contenu des instructions données au c-te *Markoff*, je vois seulement que celui-ci est chargé de communiquer à Paris la situation dans la quelle se trouve la Russie avec l'Angleterre, avec la quelle ou assure Bonaparte qu'on n'a pris aucun engagement, et quoique la Cour de Londres ait communiqué en toute confiance à la nôtre, et seulement à elle, l'état de la négociation entre elle et la France, ce qui aurait dû lui attirer une confiance réciproque de la nôtre en lui communiquant l'objet de l'envoi de m-r *Markoff*, car je ne puis croire qu'il ait été expédié *seulement pour amuser le tapis*, comme vous vous exprimez dans le rescrit signé par l'Empereur du 5 Juillet de Péterhof) — je ne puis asseoir mon jugement sur la politique de notre Cour et par là-même je ne puis écrire à l'Empereur sur des choses que j'ignore. Je ne sais pas avec quelle proposition *Duroc* a été chez nous et encore moins ce qu'on lui a répondu. Il est possible que S. M. l'Empereur n'a pas assez de confiance en moi pour vouloir que je sois informé de l'ensemble des affaires, et qu'il s'en est expliqué avec vous dans ce sens. C'est à quoi je dois attribuer le défaut de l'information dans lequel je me trouve; car, connaissant votre amitié pour moi et la confiance que

vous m'avez témoignée ci-devant, je suis persuadé que vous ne m'auriez pas montré cette méfiance. Le comte *Osterman*, le prince *Besborodko*, le comte *Kotchoubey*, vous-même, mon cher comte, et le comte *Rostoptchine* (jusqu'au commencement de l'année passée) me communiquaient tout. Vous avez eu sans doute quelques ordres de l'Empereur pour agir autrement. Mais il y a un point, sur le quel je ne puis ne pas vous faire une observation; c'est que le bien du service exige absolument que vous m'informiez très exactement de ce que vous traitez avec l'ambassadeur d'Angleterre, que vous m'envoyiez le protocole de vos conférences avec lui et les copies des notes qu'il vous envoie et qu'il reçoit de vous. C'est la marche indispensable et qui a été suivie de tous les ministres qui ont dirigé notre département politique. Et comme il est arrivé pendant quelque temps par la négligence ou paresse des employés du comte *Osterman*, qui m'a constamment honoré de la confiance la plus flatteuse, qu'on ne m'envoyait pas les protocoles des conférences que le vice-chancelier avait avec le chev. *Whitworth* et qu'ayant écrit plusieurs fois au vice-chancelier sur ce sujet, mais sans succès, je me suis adressé à la feue Impératrice, qui ordonna que pareille chose n'arrivât plus et que les protocoles arriérés me fussent aussi envoyés, ce qui fut fait,—j'attribuai la non-réception des protocoles et des notes ci-dessus mentionnées à la même négligence de vos employés, d'autant plus qu'excepté un Français, les autres, à ce que j'apprends, sont les mêmes qui étaient dans la chancellerie du comte *Osterman*. Non seulement je ne sais rien de ce que vous traitez avec lord *S-t Helens*, mais vous ne m'avez pas même informé de la proposition que vous lui avez faite (et que je n'ai apprise que par lord *Hawkesbury* et par le Roi-même) d'une paix séparée avec la Porte Ottom. et Bonaparte sous la médiation de l'Empereur, qui certainement n'est pas une preuve de votre partialité en faveur de l'Angleterre, et que même à présent, dans cette lettre confidentielle à la quelle je réponds, même en me parlant de l'Égypte et de la Turquie, vous ne me dites pas un mot au sujet de cette paix séparée.

J'ai cru, en recevant le rescrit du 5 Juillet, trouver dans son contenu des lumières sur l'ensemble de notre politique, puisque vous me dites dans votre léttre du 7 Juillet que ce sont des instructions générales que l'Empereur me donne; mais je vous avoue, à mon grand regret, que non seulement je n'ai pas compris les motifs de ce rescrit, mais qu'il y a plus que les ⅔ de cette pièce que je ne comprends pas du tout. Cela peut venir autant de mon incapacité que des connaissances particulières et préalables qui me manquent sur les affaires que vous traitez, mon cher comte, avec les ministres des Cours étrangères, et des rapports que l'Empereur reçoit de ses employés au-dehors. D'après cet état d'obscurité où je me trouve, vous sentez bien qu'il serait aussi absurde qu'impardonnable de ma part d'oser écrire à l'Empereur sur des choses dont je suis si mal informé.

Il m'est pénible de voir que vous soyez inquiet, que vous craigniez la responsabilité et les intrigues que vous croyez qui se forment contre vous, et que, pour vous prémunir contre la responsabilité, vous avez soin d'obtenir toujours un ordre par écrit de la part de l'Empereur pour les choses que vous traitez. Sur cela, permettez moi de vous dire mon sentiment sur cet

objet avec la franchise que vous me connaissez. Agissant avec droiture, comme je suis sûr que vous le faites, vous n'avez rien à craindre des intrigues sous le règne d'un souverain aussi éclairé que vertueux. Mais, quant à la responsabilité, il n'y a qu'un moyen de s'en garantir, surtout à votre âge et depuis le peu de temps que vous êtes dans les affaires: c'est de prier l'Empereur de permettre qu'il se fasse chez nous ce qui se fait partout ailleurs sans en excepter aucun pays du monde, c'est-à-dire que toutes les affaires politiques soient traitées dans le Conseil, que toutes les dépêches qui viennent du dehors y soient lues, et que toutes les résolutions à prendre, ainsi que les projets de réponse de l'Empereur et les ordres qu'il nous envoie, soient débattus dans ce Conseil. Alors vous n'aurez plus cette responsabilité, que vous redoutez et que vous avez bien raison de redouter sans doute, vu que les ordres que vous obtenez par écrit de l'Empereur ne vous garantissent pas vis-à-vis de lui, puisqu'il vous les donne d'après votre propre représentation et en travaillant avec vous tête-à-tête. Et qui peut vous garantir que vous ne vous trompiez, et en vous trompant, que vous ne trompiez l'Empereur malgré vous-même? Quel est l'homme, quelque génie supérieur qu'il ait, quelque profonde connaissance et quelque longue expérience qu'il ait, qui puisse être à l'abri d'une erreur? Et cette erreur peut être dommageable à l'État. Je m'en vais vous en citer un trait qui regarde vous-même. Vous me dites que vous avez été contre la levée de l'embargo, mais qu'une majorité dans le Conseil ayant été contre vous, l'Empereur, approuvant l'opinion de cette majorité, ordonna la levée de l'embargo. C'est le seul cas où je vois qu'une affaire de cette nature a été traitée au Conseil. Et c'est bien heureux, car si l'Empereur ne l'avait traitée qu'avec vous tête-à-tête et qu'il eût décidé d'après votre opinion, il aurait été trompé sur le vrai intérêt de son Empire, parce que vous le trompiez de bonne foi, étant trompé vous-même. Et savez vous, mon cher comte, de quoi il s'agissait? Il ne s'agissait pas moins que de l'exportation annuelle de $^4/_5$ de nos productions et de nos manufactures, car c'est la proportion de ce que nous achètent les Anglais comparativement aux autres nations; car le temps de la navigation aurait été passé, si jusqu'à présent que nous sommes à la fin d'Août et que le Danemarc n'a pas encore accédé, il fallait attendre le consentement de deux Cours du Nord pour pouvoir faire notre commerce. Et savez vous que cela faisait perdre 20 à 24 millions de roubles, que les Anglais nous livrent pour nos produits et nos manufactures? Et savez vous que, si l'embargo eût été levé au commencement d'Avril, au lieu de l'avoir été à la fin de Mai, les vaisseaux anglais auraient fait un voyage de plus, et par ce voyage manqué il restera un tiers de nos produits et manufactures non vendus, et vous avez par là un reproche à vous faire d'avoir privé nos agriculteurs et nos fabricants, et par conséquent l'État, des gains qu'ils auraient dû faire et qu'ils auraient faits immanquablement?

L'Empereur n'est-il pas en droit de vous reprocher de l'avoir mal conseillé, parce que vous vous êtes trompé vous-même? Et voilà la responsabilité, que vous craignez et de laquelle vous n'êtes pas à l'abri, quelque ordre par écrit que vous puissiez obtenir de l'Empereur pour répondre aux mi-

nistres étrangers ou pour écrire aux ministres russes dans les Cours étrangères. A votre place, dès en entrant dans les affaires, j'aurais supplié l'Empereur pour que toutes les affaires politiques d'un si vaste Empire, affaires toujours intimement liées avec les affaires internes, soient traitées dans le Conseil. Je me contenterais d'être le rapporteur et le rédacteur de ce que la sagesse du Souverain éclairé par son Conseil m'aurait ordonné d'écrire ou de communiquer aux ministres étrangers et aux ministres russes au dehors. J'aurais dit aussi mon opinion comme les autres membres du Conseil; mais je ne me serais pas obstiné à soumettre les autres à ma propre opinion, et j'aurais eu ma conscience nette. J'aurais fait ainsi, parce que d'après notre ancien proverbe, *умъ хорошо, а два лучше*, et parce que la discussion amène plus de lumières, fait envisager la chose sous différentes faces et points de vue et surtout parce qu'il se trouve dans le Conseil de notre vertueux Souverain, qui ne cherche que le bien de l'État, des personnes de mérite, qui ont été employées dans les affaires étrangères et internes et ont été honorées de la plus grande confiance de l'Impératrice Catherine avant que vous êtes né et sont d'un caractère aussi élevé qu'ils sont instruits des intérêts de la Russie et attachés personnellement à notre vertueux Souverain. J'aurais insisté que tout fût porté au Conseil, ou bien j'aurais donné ma démission; car jamais je n'aurais pris sur moi la responsabilité toute entière que vous semblez redouter et de laquelle vous ne pouvez pas vous garantir par les ordres par écrit que vous obtenez de l'Empereur.

Un autre que moi n'aurait pas osé vous écrire de la manière dont je le fais à présent, par la crainte que, si vous êtes ambitieux et vain, vous ne deveniez mon ennemi. Mais je connais trop votre caractère honnête et votre zèle pour l'État, pour n'être pas persuadé que vous me saurez gré pour les conseils que je vous donne, après que vous m'en avez donné l'occasion par votre lettre confidentielle, et vous avouerez sans doute que je ne puis pas vous prouver davantage l'opinion que j'ai de la pureté de vos intentions et de l'élévation de votre âme qu'en vous écrivant avec cette franchise et cette abondance de coeur que mon amitié pour vous et mon zèle pour le bien de l'État m'inspirent. Mais je dois aussi vous dire avec la même franchise que, si même j'avais des preuves que vous êtes ambitieux d'avoir les affaires dans vos mains seulement et que les conseils que je vous donne, en choquant vos idées, vous font tourner contre moi, cela ne m'aurait pas empêché de vous écrire sur le même ton que je le fais à présent: car, si j'ai osé objecter aux ordres signés par l'Empereur, si j'ai pris sur moi de ne pas les exécuter, si j'ai eu la hardiesse d'écrire directement à l'Empereur contre les ordres qu'il m'a donné, vous pouvez croire après cela s'il y a un particulier dans le monde auquel je n'oserais pas écrire contre le mal qu'il fait involontairement à l'État.

Je vous connais pour un homme d'honneur et je suis sûr que vous serez content de ma franchise. Il ne me reste qu'à vous rassurer sur les intrigues de ceux qui vous accusent de partialité pour l'Angleterre. Vous pouvez hardîment, pour vous disculper, leur montrer ma représentation à l'Empereur du 6/18 Mai de Southampton; et, si c'est être partial pour ce pays-ci que de ne pas vouloir sacrifier les in-

térêts de la Russie à ceux de la Suède, du Danemarc, de la Prusse et de la France, je prends volontiers et avec gloire sur moi le crime de cette partialité dont le soupçon seul vous donne, à ce que nous me dites, des ennemis intrigans, qui, à ce que vous croyez, cherchent à vous nuire dans l'esprit de l'Empereur. Plus ces ennemis vous inquiètent, plus vous devez, suivant mon faible jugement, supplier l'Empereur pour que les affaires politiques soient discutées dans le Conseil. Elles y seront mieux débattues et éclaircies. Vous y puiserez des lumières que la grande expérience et les grands talens de quelques uns des conseillers pourront vous fournir. L'Empereur, ainsi que vous-même, sera plus au fait et mieux éclairé sur l'affaire mise en délibération. Vous serez débarrassé de la responsabilité, et votre conscience n'aura rien à vous reprocher. Le nombre des membres du Conseil ne peut pas être un obstacle à ce que je vous suggère, parce qu'il est naturel de croire que ces membres sont des personnes discrètes et incapables de divulguer les secrets de l'État. Dans tous les pays du monde les affaires vont de cette manière. Il m'est arrivé cent fois non seulement avec mylord *Grenville*, mais même avec m-r *Pitt*, qui était premier ministre, quand je le pressais de prendre une résolution, de recevoir pour réponse: „Je „vous ai dit mon opinion et, si cela „dépendait de moi, elle vous aurait „servi pour réponse. Mais je ne com„pose pas tout le Cabinet du Roi: mon „opinion individuelle ne décide pas la „chose. Il faut avoir l'opinion de mes „collègues dans le Cabinet, et quand „l'affaire sera discutée et approuvée par „le Roi, à la suite de cette discussion, „vous aurez une réponse catégorique „d'après laquelle vous pourrez hardî„ment informer votre Cour". Quand, en vous faisant les portraits des membres du ministère actuel dans ce pays, je vous prie de ne pas croire, mon cher comte, qu'en vous priant alors de ne montrer ma lettre qu'à l'Empereur, j'avais en vue de la cacher aux membres du Conseil. Je n'ai jamais eu cette intention et je ne pouvais pas l'avoir, sachant que vous ne portez jamais au Conseil les affaires et que vous les traitez tête-à-tête avec l'Empereur. La précaution que je prenais n'était que contre l'indiscrétion de votre propre chancellerie.

Voilà, mon cher comte, ce que mon amitié pour vous et mon zèle pour l'Empereur et l'État m'inspirent de vous écrire. Ayant le bonheur d'avoir le Souverain vertueux que le Tout-Puissant, dans la plénitude de Sa bonté pour la Russie, qu'Il daigne enfin favoriser, vient de nous accorder, nous devons tous faire abnégation absolue de tout amour-propre, de toute vanité, de toute ambition personelle et n'avoir d'autre vanité que de concourir avec tous nos moyens et forces à le servir comme il mérite de l'être. Il serait vraiment affreux à ceux de nous qui le servons, de n'être occupés que de notre propre vanité personnelle, de vouloir jouer individuellement un rôle marquant dans le public aux dépens du bien de l'État, si intimement lié avec la vraie gloire de notre adorable Souverain, de ne vouloir faire qu'à notre propre guise, de ne pas vouloir s'éclairer, mais empêcher même que le Souverain ne s'éclaire, en évitant les discussions indispensablement nécessaires.

Il n'y a aucune raison au monde qui puisse justifier de vouloir éviter cette discussion. Si je propose une affaire à l'Empereur et qu'elle est mise devant

le Conseil,—est-elle mise en délibération,—je la vois moi-même tournée et retournée de tous les côtés; j'apprends à ce sujet des choses que j'ignorais, qui ne me seraient jamais entrées en tête, je gagne des lumières que je n'avais pas, et quand elle est approuvée, je me réjouis d'avoir proposé une chose utile, et ma conscience est tranquille. Est-elle rejetée, je vois les raisons pourquoi elle l'est, je reste convaincu que je me suis trompé, et elle me garantit de faire des fautes pareilles en pareil cas, j'acquiers des lumières que je n'avais pas, et je remercie le Ciel de n'avoir pas induit le Souverain en erreur. Le seul moyen pour que le Souverain ne soit pas trompé volontairement ou involontairement par les chefs des départemens et pour qu'il acquière l'expérience des affaires et des hommes, est de traiter toutes les affaires en plein Conseil, sans quoi il sera toujours trompé volontairement ou involontairement, traitant tête-à-tête avec les chefs des départemens, qui deviendront des despotes, et le despotisme ministériel est mille fois pire que celui du Souverain seul. Et par dessus tout, il n'y aura plus d'ensemble dans l'administration de l'État.

Grand travailleur comme vous êtes, mon cher comte, absorbé dans le courant de votre travail journalier, vous n'avez pas eu le temps de faire les réflexions que je vous présente dans mon loisir. Je suis sûr, connaissant votre zèle pour la patrie, je suis persuadé que vous serez convaincu que le conseil que je vous donne vous fera plaisir, et que vous demanderez avec instance à S. M. I. de permettre, que tout ce qui regarde les affaires dont vous êtes chargé seul, soit porté et discuté au Conseil; et par là vous aurez le mérite de proposer une chose qui, plus tôt ou plus tard, ne peut pas manquer d'être faite, car le bien de l'État l'exige impérieusement.

Переводъ.

Лондонъ 9/21 Августа 1801 г. Любезный графъ. Страдая глазами, пишу къ вамъ не собственноручно, но это тоже, какъ бы я самъ вамъ писалъ: ибо я диктую сыну барона Николаи, съ которымъ состою въ самой тѣсной дружбѣ уже 39 лѣтъ. Я люблю сына, какъ своего роднаго и, зная его характеръ, довѣряюсь ему столько же, какъ моему сыну, находящемуся въ Петербургѣ.

Курьеръ лорда С-тъ Эленса вручилъ мнѣ, 4/16 Августа, конфиденціальное письмо отъ 16-го Іюля ст. ст., писанное вами ко мнѣ, любезный графъ, симпатическими чернилами. Прежде чѣмъ отвѣчать на его содержаніе, я долженъ предупредить васъ, что совершенно безполезно вамъ утруждать себя употребленіемъ шифра или симпатическихъ чернилъ, когда вы отправляете ко мнѣ письма черезъ Англійскихъ курьеровъ: какъ бы ни былъ развращенъ статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, никогда онъ не осмѣлится открыть пакетъ, адресованный къ иностранному министру и привезенный Англійскимъ курьеромъ. Такой поступокъ, почитаемый здѣсь самымъ гнуснымъ, погубилъ бы его на всю жизнь и сдѣлалъ-бы его позоромъ націи, которой нравы таковы, что вскрытіе порученнаго съ полнымъ довѣріемъ письма внушаетъ столь же сильное омерзеніе, какъ еслибъ статсъ-секретарь укралъ то что ввѣрено ему на храненіе. Но я уже достаточно писалъ къ вамъ объ этомъ, сообщая письмо, написанное ко мнѣ лордомъ Гаксбюри, съ жалобою на задержку и вскрытіе въ вашей канцеляріи пакетовъ, посылаемыхъ имъ къ лорду С-тъ Эленсу, черезъ моихъ курьеровъ. Въ силу такого правила, письмо, даже по почтѣ прибывшее къ иностранному министру, но съ надписью на имя статсъ-секретаря, ни въ какомъ случаѣ не

будетъ открыто, и когда я васъ офиціально просилъ, любезный графъ, въ одномъ изъ моихъ прежнихъ сообщеній, адресовать мнѣ ваши письма и депеши на имя статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, то я, кромѣ скорѣйшей доставки, о которой упоминалъ вамъ, имѣлъ еще въ виду, что ваши пакеты здѣсь вскрываемы не будутъ. Вижу съ огорченіемъ, что вы очень встревожены письмомъ г. Розенкранца къ герцогу Серра-Капріолѣ, въ которомъ приводится другое, отъ Англійскаго адмирала къ одному иностранному министру, гдѣ сказано, что лордъ С-тъ Эленсъ встрѣтилъ много пристрастія. Мнѣ пришлось изъ другой страны узнать, что въ означенномъ письмѣ вмѣсто „пристрастія“ сказано „удобства;“ но будь употреблено то или другое изъ этихъ словъ, я все таки не вижу, почему бы Шведы и Датчане возлагали на васъ отвѣтственность за такое мнѣніе, и какимъ образомъ Императоръ можетъ думать, что вы пристрастны къ Англіи, когда въ вашемъ образѣ дѣйствій вы рѣшительно поддерживали морскую конвенцію, которую считали не тѣмъ что̀ она есть, т. е. что она заключена для несчастья Россіи въ послѣднее время жизни покойнаго императора, по вліянію Кутайсова, склоненнаго въ пользу Франціи и Швеціи, а также Пруссіи, игравшей въ туже игру. Первой изъ этихъ державъ нужно было поссорить насъ съ Англіей, второй—уединить насъ и разстроить нашу торговлю и наши финансы; третьей — удержать за собою, вопреки всякому праву, курфиршество Ганноверское и занимать оное войсками, но подъ видомъ понужденія отъ насъ къ такому гнусному образу дѣйствій. Кутайсовъ былъ единственнымъ и всемогущимъ министромъ, опредѣлялъ и увольнялъ всѣхъ прочихъ по своему усмотрѣнію; поэтому, когда я въ моихъ депешахъ говорю о министерствѣ или министрахъ того времени, я разумѣю въ этомъ смыслѣ одного только Кутайсова; какъ и нынѣ, хотя вижу въ рескриптахъ Императора „мое министерство“, „мой кабинетъ,“ но подъ этими коллективными названіями признаю единственно васъ относительно направленія политики: ибо вице-канцлеръ князь Куракинъ, согласно вашему собственному циркуляру отъ 19-го Іюня, не имѣетъ иныхъ дѣлъ кромѣ отчетности и удовлетворенія частныхъ прошеній; а мнѣ извѣстно, что, въ дѣлахъ чисто-политическихъ и секретныхъ, вы работаете наединѣ съ Императоромъ, что вы, любезный графъ, составляете повелѣнія, подписываемыя Его Величествомъ, и что вы также, когда Государь ихъ не подписываетъ, объявляете высочайшія повелѣнія. Вы сами признались, что подписанный Государемъ рескриптъ, котораго я не исполнилъ на мой страхъ и о которомъ писалъ непосредственно Его Величеству, былъ составленъ вами. Всѣ приказанія, полученныя мною до этого рескрипта, а равно всѣ офиціальныя и частныя письма, постоянно внушали мнѣ, чтобъ я побуждалъ Англію къ признанію началъ морской конвенціи, которую ей невозможно было признать; а такъ какъ вы сами теперь говорите, что въ присутствіи Императора вы подали голосъ противъ большинства Совѣта, къ которому принадлежалъ мой братъ и которое предлагало снять амбарго,—то какимъ образомъ могъ-бы Императоръ думать, чтобъ вы были пристрастны къ странѣ, въ которой я нахожусь? Какъ могутъ Шведы и Датчане обвинять васъ въ томъ, что вы подали поводъ къ договору, заключенному между вами и лордомъ С-тъ Эленсомъ, когда самъ Императоръ почтилъ меня письменнымъ извѣщеніемъ, что это дѣло окончено вслѣдствіе моихъ представленій и сообразно ихъ содержанію? Судите послѣ этого, возможно ли мнѣ писать что̀-либо Е. И. В-у о томъ, что̀ вы мнѣ пишете? Что касается гарантіи Турецкихъ владѣній, какъ дѣйствительно полезной для Россіи и буквально изъясненной въ нашемъ договорѣ съ Портой, то въ случаѣ если отвѣтъ, нынѣ изготовляемый вами на ноту Англійскаго посланника, упоминаетъ объ этихъ обстоятельствахъ, мнѣ кажется нѣтъ необходимости устанавливать еще новую спеціальную гарантію. Не имѣя никакихъ извѣстій и

никогда не бывъ до такой степени лишенъ всякихъ свѣдѣній, я не только ничего не знаю о томъ что̀ пишутъ отъ насъ въ Швецію, Данію и Пруссію, но и содержаніе инструкцій, данныхъ гр. Маркову, мнѣ совершенно неизвѣстно. Я вижу только, что ему поручено сообщить въ Парижѣ о положеніи Россіи относительно Англіи, съ которою, какъ увѣряютъ Бонапарта, не заключено никакихъ обязательствъ, не смотря на то, что Лондонскій Дворъ съ полнымъ довѣріемъ сообщилъ нашему, и единственно нашему, о ходѣ его переговоровъ съ Франціею, за что̀ слѣдовало бы явить ему взаимное довѣріе съ нашей стороны сообщеніемъ цѣли посольства гр. Маркова: ибо я не могу вѣрить, что онъ посланъ только для отвода, какъ вы выражаетесь въ рескриптѣ Государя, подписанномъ 5-го Іюля въ Петергофѣ. Я не могу судить о политикѣ нашего Двора, а слѣдовательно и писать къ Императору о предметахъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Я не знаю, съ какимъ предложеніемъ прибылъ къ намъ Дюрокъ, а еще менѣе, какой ему данъ отвѣтъ. Быть можетъ, Государь Императоръ не имѣетъ ко мнѣ на столько довѣрія, чтобы желать разъяснить мнѣ общій ходъ дѣлъ, и что онъ высказался вамъ въ этомъ смыслѣ. Я долженъ объяснить этимъ то, что не имѣю извѣстій: ибо, зная вашу дружбу ко мнѣ и прежнее довѣріе, я убѣжденъ, что вы не явили-бы мнѣ такой недовѣрчивости. Графъ Остерманъ, князь Безбородко, графъ Кочубей, вы сами, любезный графъ, и графъ Ростопчинъ, до начала прошлаго года, сообщали мнѣ все. Вы конечно получили отъ Императора повелѣніе поступать иначе. Но есть пунктъ, по которому не могу не сдѣлать вамъ слѣдующаго замѣчанія: польза нашей службы требуетъ настоятельно, чтобы вы меня въ точности увѣдомляли о предметахъ вашихъ переговоровъ съ Англійскимъ посланникомъ, чтобы вы присылали мнѣ протоколы вашихъ конференцій съ нимъ и копіи съ дипломатическихъ нотъ, которыя онъ препровождаетъ къ вамъ и получаетъ отъ васъ. Это путь необходимый, котораго держались всѣ министры, руководившіе до сихъ поръ нашей политикой. Нѣкоторое время, по небрежности или лѣни чиновниковъ графа Остермана (который всегда удостоивалъ меня самаго лестнаго довѣрія), мнѣ не присылали протоколовъ конференцій вице-канцлера съ кавалеромъ Витвортомъ, и я нѣсколько разъ писалъ о томъ къ вице-канцлеру, но безъ успѣха, послѣ чего обратился къ покойной Императрицѣ, которая повелѣла, чтобы подобное упущеніе не возобновлялось и чтобы запоздалые протоколы мнѣ были присланы. Такъ и нынче я приписываю неполученіе вышеупомянутыхъ протоколовъ и нотъ такой же небрежности вашихъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ одного Француза, всѣ прочіе, какъ я слышу, тѣже самые, которые служили въ канцеляріи графа Остермана. Я нетолько ничего не знаю о вашихъ переговорахъ съ лордомъ С-тъ Эленсомъ, но вы даже не увѣдомили меня о сдѣланномъ ему вами предложеніи (о которомъ я узналъ лишь отъ лорда Гаксбюри и отъ самаго короля) заключить отдѣльный миръ съ Оттоманскою Портой и съ Бонапартомъ, при посредничествѣ Императора, что̀ конечно не доказываетъ вашего пристрастія къ Англіи; и даже нынѣ, въ этомъ конфиденціальномъ письмѣ, на которое я отвѣчаю, говоря о Египтѣ и Турціи, вы не упоминаете ни слова объ этомъ отдѣльномъ мирѣ. Получая рескриптъ 5-го Іюля, я думалъ найти въ немъ разъясненіе общаго хода нашей политики, такъ какъ вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ отъ 7-го Іюля, что Императоръ даетъ мнѣ полныя инструкціи; но признаюсь вамъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, что я не только не понялъ побудительныхъ причинъ этого рескрипта, но что болѣе двухъ третей этого документа мнѣ вовсе невразумительны. Это можетъ происходить столько же отъ моей неспособности, сколько отъ неимѣнія особыхъ и предварительныхъ свѣдѣній по дѣламъ, о которыхъ вы, любезный графъ, ведете переговоры съ министрами иностранныхъ Дворовъ; а также отъ донесеній, присылаемыхъ Императору его агентами за границей. Въ томъ состояніи

невѣдѣнія, въ которомъ я нахожусь, вы понимаете, что было-бы безразсудно и непростительно съ моей стороны осмѣлиться писать къ Императору о дѣлахъ, мнѣ такъ мало извѣстныхъ.

Мнѣ прискорбно видѣть, что вы встревожены, что вы опасаетесь отвѣтственности и интригъ, грозящихъ вамъ, какъ вы думаете; и что, для огражденія себя отъ возможной отвѣтственности, вы всегда испрашиваете письменнаго повелѣнія Императора по дѣламъ, которыя вы ведете. Объ этомъ позвольте мнѣ вамъ высказать мое мнѣніе съ откровенностью, вамъ уже извѣстною. Дѣйствуя прямодушно (въ чемъ я несомнѣнно увѣренъ), вы не имѣете повода опасаться интригъ, при Государѣ, столько же просвѣщенномъ, сколько и добродѣтельномъ. Но что̀ касается отвѣтственности, то существуетъ только одно средство обезпечить себя отъ оной, особенно въ ваши лѣта и при недавнемъ вступленіи вашемъ въ завѣдываніе дѣлами, а именно: испросить у Императора, чтобъ онъ дозволилъ поступать у насъ такъ, какъ поступаютъ во всѣхъ прочихъ странахъ міра безъ исключенія, т. е. чтобы всѣ политическія дѣла были разсматриваемы въ Совѣтѣ, чтобы всѣ депеши, получаемыя изъ заграницы, въ немъ прочитывались, и чтобы всѣ предстоящія рѣшенія, а равно проекты отвѣтовъ Императора и посылаемыя намъ отъ него повелѣнія, обсуждались въ этомъ Совѣтѣ. Тогда вы уже не будете подлежать той отвѣтственности, которой вы страшитесь и конечно имѣете основаніе страшиться; ибо письменныя повелѣнія, испрашиваемыя вами отъ Императора, не служатъ вамъ передъ нимъ огражденіемъ, такъ какъ получаются вами по вашему собственному докладу и во время работы съ вами наединѣ; а кто можетъ вамъ поручиться, что вы не ошибетесь и, ошибаясь, не введете, противъ воли, въ ошибку и Государя? Какой человѣкъ, хотя-бы самаго высокаго генія, хотя бы обладающій самыми глубокими познаніями и продолжительною опытностью, можетъ считаться недоступнымъ заблужденію? А это заблужденіе можетъ принести вредъ государству. Сейчасъ укажу вамъ примѣръ, касающійся лично васъ. Вы мнѣ говорите, что высказались противъ снятія амбарго, но что большинство Совѣта было противнаго мнѣнія, и Государь, соглашаясь съ большинствомъ, повелѣлъ снять амбарго. Это единственный случай, въ которомъ я вижу, что дѣло подобнаго рода обсуждалось въ Совѣтѣ. И эта весьма счастливо, ибо если бы Императоръ обсуждалъ этотъ вопросъ наединѣ съ вами и рѣшилъ бы его согласно вашему мнѣнію, то былъ бы введенъ въ заблужденіе о дѣйствительныхъ пользахъ его Имперіи, потому что вы вводили его въ заблужденіе безъ намѣренія, заблуждаясь сами. И знаете-ли вы, любезный графъ, что̀ подлежало рѣшенію? Подлежалъ вопросъ о годовомъ вывозѣ $^4/_5$ нашихъ произведеній и мануфактурныхъ товаровъ, ибо такова пропорція того что̀ покупаютъ у насъ Англичане сравнительно съ другими націями; ибо удобное для навигаціи время было-бы упущено, еслибы до сихъ поръ, когда близокъ конецъ Августа и Данія еще не приступала къ конвенціи, нужно было дожидаться согласія двухъ сѣверныхъ Дворовъ на производство нашей торговли. И знаете-ли вы, что это влекло за собою потерю отъ 20 до 24 милліоновъ рублей, платимыхъ намъ Англичанами за наши произведенія и мануфактурные товары? И знаете-ли вы, что еслибы амбарго было снято въ началѣ Апрѣля, вмѣсто конца Мая, то Англійскіе корабли совершили бы однимъ рейсомъ болѣе? И вслѣдствіе этого упущеннаго рейса одна треть нашихъ произведеній и мануфактурныхъ товаровъ остается непроданною, за что вы должны упрекать себя: вы лишили нашихъ сельскихъ хозяевъ и нашихъ фабрикантовъ, а слѣдовательно и государство, тѣхъ выгодъ, которыя они должны были пріобрѣсти, и несомнѣнно пріобрѣли-бы? Не въ правѣ-ли Императоръ упрекать васъ въ томъ, что вы дали ему дурной совѣтъ, потому что сами обманывались, — и вотъ отвѣтственность, которой вы стра-

шитесь и отъ которой вы ничѣмъ не ограждены, какого-бы письменнаго повелѣнія ни испросили вы у Императора, чтобъ отвѣчать иностраннымъ министрамъ, или писать къ Русскимъ министрамъ при иностранныхъ Дворахъ. На вашемъ мѣстѣ, при самомъ вступленіи въ завѣдываніе дѣлами, я умолилъ-бы Императора, чтобы всѣ политическія дѣла столь обширной Имперіи, дѣла всегда тѣсно связанныя съ дѣлами внутренними, обсуждались въ Совѣтѣ. Я желалъ-бы только быть докладчикомъ и излагателемъ того, что́ мудрость Государя, просвѣщаемаго его Совѣтомъ, повелѣвала-бы мнѣ писать или сообщать иностраннымъ министрамъ и Русскимъ министрамъ за границей. Я также высказывалъ-бы мое мнѣніе, какъ прочіе члены Совѣта; но я не настаивалъ-бы на подчиненіи другихъ моему личному мнѣнію и этимъ очистилъ-бы мою совѣсть. Я также, слѣдуя нашей старой пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше, и потому что пренія разъясняютъ вопросъ, предлагалъ-бы каждое дѣло на обсужденіе съ разныхъ сторонъ и подъ различными точками зрѣнія, тѣмъ болѣе, что въ Совѣтѣ нашего добродѣтельнаго Государя, ищущаго лишь блага государству, находятся достойные люди, которые управляли иностранными и внутренними дѣлами и удостоивались полнаго довѣрія императрицы Екатерины еще до вашего рожденія, отличаясь какъ возвышеннымъ характеромъ, такъ и знаніемъ интересовъ Россіи и личною привязанностью къ нашему доброму Государю. Я потребовалъ-бы представленія всякаго дѣла въ Совѣтъ, а въ противномъ случаѣ просилъ-бы отставки; ибо никогда не принялъ-бы на себя всецѣло той отвѣтственности, которой вы повидимому опасаетесь и отъ которой вы не можете ограждать себя письменными повелѣніями, испрашиваемыми у Императора. Другой не отважился-бы писать къ вамъ, что̀ я теперь пишу, изъ опасенія, что, если вы честолюбивы и тщеславны, вы можете сдѣлаться мнѣ врагомъ. Но мнѣ слишкомъ хорошо извѣстны вашъ честный характеръ и ваше усердіе къ пользѣ государства, и я увѣренъ, что вы будете благодарны мнѣ за мои совѣты, вызванные вашимъ конфиденціальнымъ письмомъ, и вы конечно согласитесь, что я ничѣмъ инымъ не могу лучше доказать вамъ мое убѣжденіе въ чистотѣ вашихъ намѣреній и въ возвышенныхъ чувствахъ вашей души, какъ изъясняясь вамъ съ откровенностью и сердечнымъ довѣріемъ, внушаемыми мнѣ дружбою къ вамъ и усердіемъ къ пользѣ государства. Но я долженъ тоже сказать вамъ съ такою же откровенностью, что даже еслибъ я имѣлъ доказательства того, что вы домогаетесь удерживать дѣла единственно въ вашихъ рукахъ, и что предлагаемые вамъ мною совѣты, противорѣча вашему образу мыслей, внушатъ вамъ ко мнѣ враждебныя чувства; то это не помѣшало бы мнѣ писать къ вамъ въ томъ же духѣ, какъ я теперь пишу: ибо, если я дерзнулъ возражать на повелѣнія, подписанныя Императоромъ, если я взялъ на себя неисполненіе ихъ, если я имѣлъ смѣлость писать прямо къ Императору противъ приказаній, которыя онъ далъ мнѣ, то вы можете судить послѣ этого, существуетъ-ли на свѣтѣ какое-либо лицо, кому я не осмѣлился-бы писать для обличенія зла, невольно причиняемаго имъ государству.

Я знаю васъ за благороднаго человѣка и увѣренъ, что вы будете довольны моею откровенностью. Мнѣ остается только успокоить васъ насчетъ интригъ тѣхъ лицъ, которыя обвиняютъ васъ въ пристрастіи къ Англіи. Вы можете смѣло, для вашего оправданія, показать имъ мое донесеніе Императору отъ 6/18 Мая, изъ Соутгамптона; и если пристрастіе къ этой странѣ состоитъ въ томъ, чтобы не хотѣть жертвовать интересами Россіи для пользы Швеціи, Даніи, Пруссіи и Франціи, то я охотно и съ гордостью принимаю на себя вину такого пристрастія, одно подозрѣніе въ которомъ, какъ вы мнѣ говорите, возбуждаетъ противъ васъ интриги враговъ, старающихся, по вашему мнѣнію, повредить вамъ во мнѣнія Императора. Чѣмъ болѣе эти враги васъ тревожатъ, тѣмъ настойчивѣе вы

должны, по моему слабому разумѣнію, умолять Императора, чтобы политическія дѣла были обсуждаемы въ Совѣтѣ. Они будутъ лучше разсмотрѣны и разъяснены. Вы почерпнете новыя свѣдѣнія изъ великой опытности и великихъ дарованій нѣкоторыхъ членовъ Совѣта. Императоръ, какъ и вы сами, лучше узнаетъ факты и ближе ознакомится съ разсматриваемымъ дѣломъ. Вы будете ограждены отъ всякой отвѣтственности, и ваша совѣсть ни въ чемъ васъ упрекать не будетъ. Число членовъ Совѣта не можетъ быть препятствіемъ къ тому, что̀ я вамъ внушаю: ибо естественно думать, что эти члены, — люди осторожные, неспособные разглашать государственную тайну. Во всѣхъ странахъ міра дѣла ведутся такимъ образомъ. Сто разъ мнѣ случалось нетолько съ лордомъ Гренвилемъ, но даже съ Питтомъ, когда онъ былъ первымъ министромъ, а я настаивалъ на принятіи какого-нибудь рѣшенія, получать въ отвѣтъ: „Я высказалъ вамъ свое мнѣніе и, „еслибъ это зависѣло отъ меня, то оно по„служило-бы вамъ отвѣтомъ. Но я не состав„ляю всего Кабинета короля: мое личное мнѣ„ніе не рѣшаетъ дѣла; нужно имѣть мнѣ„нія моихъ товарищей по министерству, и „когда вопросъ будетъ обсужденъ и рѣшеніе „одобрено королемъ, тогда вы послѣ такого „обсужденія получите рѣшительный отвѣтъ, „который смѣло можете сообщить вашему „Двору.“ Когда я изображалъ вамъ личности членовъ настоящаго министерства въ этой странѣ и просилъ васъ не показывать моего письма Императору, прошу васъ вѣрить, любезный графъ, что я при томъ не имѣлъ въ виду скрывать это письмо отъ членовъ Совѣта. Я никогда не имѣлъ подобнаго намѣренія и не могъ его имѣть, зная, что вы никогда не вносите дѣлъ въ Совѣтъ, а обсуждаете ихъ съ Императоромъ наединѣ. Принятая мною предосторожность относилась только къ возможной нескромности вашей канцеляріи. Вотъ, любезный графъ, что̀ моя дружба къ вамъ и мое усердіе къ Императору и государству, внушаютъ мнѣ писать къ вамъ. Имѣя счастіе находиться подъ державою добродѣтельнаго Государя, котораго Всемогущій Богъ, въ полнотѣ Своей милости къ Россіи, наконецъ взысканной имъ, даровалъ намъ, мы всѣ должны безусловно отказаться отъ всякаго самолюбія, всякаго тщеславія, всякихъ личныхъ видовъ, и не имѣть другой цѣли, какъ служить ему всѣми нашими средствами и силами, согласно нашему долгу. Было-бы дѣйствительно гнусно со стороны тѣхъ изъ насъ, которые ему служатъ, думать только о своемъ личномъ тщеславіи, о видной роли въ публикѣ во вредъ интересамъ государства, столь тѣсно связаннымъ съ дѣйствительною славой нашего обожаемаго Государя; поступать по нашему личному усмотрѣнію, отвергать всякое разъясненіе дѣлъ и даже мѣшать Государю ознакомиться съ ними, избѣгая необходимо-нужныхъ прѣній.

Никакая причина на свѣтѣ не можетъ оправдывать намѣренія избѣгать этихъ прѣній. Если я предлагаю Императору какое-либо дѣло, и оно вносится въ Совѣтъ, — коль скоро оно обсуждается, я самъ вижу это дѣло съ различныхъ и противоположныхъ сторонъ; я узнаю по этому предмету такія вещи, которыя мнѣ были неизвѣстны, которыя никогда не пришли-бы мнѣ на умъ; я пріобрѣтаю познанія, которыхъ не имѣлъ; и когда предложеніе утверждено, я радуюсь тому, что вызвалъ полезную мѣру, и совѣсть моя спокойна. Если же мое представленіе отклонено, то я вижу причины, по какимъ оно отвергается, остаюсь убѣжденнымъ, что я ошибся, и это ограждаетъ меня отъ подобныхъ ошибокъ въ подобномъ случаѣ; я обогащаюсь свѣдѣніями, которыхъ не имѣлъ и благодарю Небо за то, что не ввелъ Государя въ заблужденіе. Единственное средство, чтобы Государь не былъ вольно или невольно обманываемъ начальниками управленій и пріобрѣталъ опытность въ дѣлахъ и въ познаніи людей, состоитъ въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ общимъ собраніемъ Совѣта; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ постоянно обманываемъ вольно или невольно, выслушивая наединѣ начальниковъ управле-

ній, которые сдѣлаются деспотами, а деспотизмъ министровъ въ тысячу разъ хуже единоличнаго произвола Государя. И сверхъ всего, уже не будетъ единства въ управленіи государствомъ.

Будучи неутомимымъ труженикомъ, любезный графъ, всецѣло преданнымъ вашей ежедневной работѣ, вы не имѣли времени для размышленій, которыя я вамъ предлагаю на моемъ досугѣ. Я уповаю и, зная ваше усердіе къ отечеству, вполнѣ увѣренъ, что совѣтъ, который я подаю вамъ, вы примете съ удовольствіемъ и настоятельно будете просить Е. И. В-о дозволить, чтобы все касающееся дѣлъ, возложенныхъ исключительно на васъ, докладывалось и обсуждалось въ Совѣтѣ; и черезъ это за вами останется заслуга предложенія такой мѣры, которая рано или поздно должна неизбѣжно состояться, ибо польза государства требуетъ ея безусловно.

II. КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Londres, ce 27 Sept. (8 Oct). 1801.

Sire!

Étant russe et sujet attaché et fidèle à mon Souverain et à ma patrie, tout ce qui les regarde ne peut m'être étranger. Je me crois obligé de représenter à V. M. I. sur un mal qui s'est introduit dans la manière de traiter les affaires chez nous. Plus vous réfléchirez, Sire, sur la nature et les suites funestes de ce mal, plus vous m'excuserez de ce que j'ai pris la liberté de vous écrire à ce sujet. Je l'aurais toujours fait quand même je n'aurais pas eu de V. M. I. cette lettre si encourageante du 10 Juin passé *), dans laquelle elle me fait l'honneur de me dire: „Je dois vous remercier de m'avoir „jugé digne d'entendre des vérités, dont „l'accès devrait être facile et qui, pour „le malheur des Souverains, ne par„viennent presque jamais au trône. „J'attends de votre fidélité et de votre „patriotisme que vous continuerez à „me parler avec la même franchise". Ayant vu depuis six mois que V. M. I. a (je ne sais comment) pris l'habitude de ne traiter les affaires politiques qu'avec un seul homme, en qui ayant reposé toute sa confiance, le croyant sans doute plus habile et plus expérimenté dans les affaires que qui ce soit de ses sujets, elle ne les fait jamais discuter en sa présence dans le Conseil,

---

Вотъ это письмо:

*) Monsieur le comte, en ordonnant à mon ministère de vous faire connaître dans les détails la négociation qui vient de se terminer heureusement avec le lord *S-t Helens*, je me suis réservé la satisfaction de vous témoigner tous les sentiments qu'a excités dans mon âme la lecture de votre intéressante dépêche du $^{6}/_{18}$ Mai. Non assurément, m-r le comte, elle n'est point trop longue; et, bien loin de regretter le temps que j'ai employé à en prendre connaissance, je dois vous remercier de m'avoir jugé digne d'entendre des vérités dont l'accès devrait toujours être facile et qui par malheur ne parviennent presque jamais au trône. J'attends de votre fidélité et de votre patriotisme que vous continuerez à me parler avec la même franchise, et surtout je ne négligerai rien, m-r le comte, pour vous convaincre du prix que j'attache à cette qualité et combien je désire qu'aucun de mes sujets ne craigne de me déplaire en m'exposant sans réserve ce qu'ils croient utile au bien public.

Il me sera surtout bien agréable de vous inspirer cette confiance. Vous reconnaîtrez celle que je vous porte dans le résultat de la négociation avec la Cour de Londres. Des motifs que vous saurez apprécier m'imposent la loi d'y comprendre les intérêts de mes alliés, en tant qu'ils étaient compatibles avec ceux de la Russie; mais je n'ai pas voulu attendre l'assentiment des Cours du Nord pour conclure l'acte de la pacification, et l'ancienne convention maritime a subi plusieurs changemens déterminés en partie par vos sages observations.

C'est en l'estime la mieux sentie que je serai constamment, monsieur le comte, votre bien affectionné

(signé:) Alexandre.

comme cela se pratique dans tous les pays du monde, sans en excepter un seul. Aussi il est arrivé que depuis ce temps j'ai reçu trois rescrits que V. M. a été induite à signer (par la confiance qu'elle a donnée à ce ministre) dont aucun n'était exécutable, dont tous étaient dommageables au bien de l'Etat et compromettaient votre dignité. V. M. I. l'a reconnu après et a approuvé leur inexécution. En même temps, je recevais des lettres officielles du ministre, qui me prouvaient de plus en plus que le zèle seul ne suffit pas pour gérer les affaires politiques d'un si vaste Empire, affaires essentiellement liées avec les internes, qu'elles peuvent compromettre et mettre en danger, quand elles sont mal traitées. Voyant la continuation de ce mal, je n'hésitai pas un moment de profiter d'une occasion que me donnait ce même ministre par une lettre particulière de lui écrire en particulier avec cette franchise d'un homme, qui ne désire que le bien de son Souverain, qui est toujours inséparable de celui de la patrie, et qui s'adresse à un autre auquel il suppose les mêmes sentimens. Je lui faisais voir tout le mal qu'il a fait involontairement et celui qu'il fera encore en s'obstinant à ne pas supplier V. M. de prescrire que les affaires politiques soient discutées devant elle en plein Conseil, comme cela se fait partout. Il y a sept semaines que je lui ai écrit cette lettre, et j'aurais attendu son résultat, si je n'avais vu dans les gazettes le traité de commerce entre la Russie et la Suède, qui, s'il est tel qu'il a été publié à Stockholm (car je ne l'ai pas encore reçu de Pétersbourg) est le traité le plus dommageable que la Russie ait jamais conclu, et où l'oubli et l'ignorance des principes de commerce et d'administration, ainsi que de la vraie politique de la Russie, sont aussi palpables qu'injustifiables. Or, un traité n'est valable qu'après sa ratification; et, si avant que de le ratifier, il eût été présenté par ordre de V. M. I. à la discussion de son Conseil, on lui aurait fait observer tous les articles contraires au bien de l'État, et elle n'aurait jamais permis qu'il fût ratifié.

Outre la négligence que j'observe à tout moment, je vois aussi beaucoup de légéreté. Pour preuve de la première je dois dire qu'il y a près de quatre mois (avant que V. M. I. nous ordonna d'écrire directement à elle-même) que j'avais écrit officiellement au comte *Panin* (parceque nous avons eu ordre d'écrire à lui, et non au prince *Kourakin*, son ancien) au sujet des officiers de la marine de V. M. I. qui servent comme volontaires sur la flotte Britannique, en représentant l'utilité de la continuation de les envoyer içi de chez nous et pour qu'il le représente de ma part et me fasse savoir le résultat de Votre volonté. Dans le même temps à peu près, je l'ai prié de demander vos ordres, Sire, au sujet des passeports que des étrangers viennent me demander pour la Russie; car je savais que je ne pouvais en refuser aux Anglais sans faire une infraction au traité de commerce, mais je ne savais pas comment me conduire avec les étrangers des autres nations. Je n'ai reçu aucune réponse jusqu'à ce jour. Pour preuve de la seconde, je viens de recevoir de lui une lettre officielle, qui doit me servir de réponse à ce que j'ai eu l'honneur d'écrire à V. M. I. après mon retour de Weymouth et à ce que m'a dit le Roi dans le long entretien que j'ai eu avec lui et dont je vous ai envoyé, Sire, le précis. Je dois croire que le comte

Panin, si c'est lui qui lit nos rapports à V. M. I.,—ne l'a pas lu en entier, ou bien lui en a fait la lecture, quand, préoccupée de quelque autre objet plus important, elle n'a pas pu y prêter toute son attention: car il est impossible que, si V. M. eût entendu ou fait elle-même la lecture de ce que me disait le Roi, où il prouvait invinciblement que c'est exposer la Turquie à une révolution que de lui faire une paix séparée avec la France; que ce n'est pas même lui procurer la paix, car elle aménerait de toute nécessité et d'une manière inévitable une guerre avec la Grande-Bretagne; que c'est donc nuire à toutes les deux pour l'avantage unique de la France que de vouloir travailler à cette paix séparée, il est impossible, dis-je, que V. M. l'eut autorisé à m'écrire après quelques complimens pour le Roi: „Le bien de l'humanité a été (parlant de V. M.) son „seul motif, en se montrant disposé „d'intervenir par ses bons offices dans „la pacification de la Porte Ottomane; „*mais l'époque n'en est point déterminée*, et V. M. I. éprouverait une satisfaction particulière, si sa médiation „pouvait en même temps opérer le rétablissement de la paix entre la „Grande-Bretagne et la France". V. M. voit par cette réponse que, sans combattre et réfuter l'opinion si clairement démontrée par le Roi que cette paix expose la Turquie à des calamités et à une guerre plus forte (vu les côtes si étendues qu'elle possède et les nombreuses flottes que possède l'Angleterre) dans la réponse on s'obstine à parler de l'humanité et, en ajoutant la singulière et obscure phrase „*mais l'époque n'en est point déterminée*", on fait entendre qu'on n'a pas renoncé à ce projet, tout dommageable qu'il est pour la Porte et pour l'Angleterre. Et c'est en répondant ainsi à un souverain qui s'est exprimé avec tant d'estime, d'amitié et d'attachement pour Votre Auguste Personne, qu'on offre si lestement la médiation entre lui et la France. On ne choisit pour médiateurs que ceux qui nous aiment, qui, par l'intérêt qu'ils prennent à nous, nous inspirent de la confiance; et quelle confiance pourrait avoir le Roi dans un Prince, qui non seulement a voulu effectuer ce, que son Prédécesseur projetait de faire, mais qui, après l'explication la plus détaillée, la plus convaincante et la plus amicale sur ce sujet, ne renonce pas au projet de cette effectuation qui n'est pas abandonnée, mais remise seulement à une époque dont on cache le terme? Jamais cette médiation n'aurait été acceptée ici après cette réponse, ce qui aurait compromis V. M. I., l'aurait indisposée contre le Roi, qui, de son côté, aurait été indisposé contre elle pour la réponse qu'il recevrait, et la froideur se serait établie entre deux Princes vertueux faits pour s'aimer et s'estimer, et la liaison entre ces deux pays, si naturelle et si réciproquement utile, s'affaiblirait par la légéreté du ministre qui seul est consulté par V. M. I. Heureusement que les préliminaires, qui viennent d'être signés, ont rendu nulle cette réponse, que je ne donnerai plus et que je n'aurais pas donné sans représenter auparavant à V. M. I. et sans attendre sa réponse; car je suis persuadé qu'elle n'a pas lu en entier le précis de ce que le Roi m'a dit à Weymouth, ou qu'elle l'a lu étant distraite par d'autres objets plus graves, ou bien que le comte *Panin* vous a mal compris, Sire. J'aurais toujours plus d'égard à la gloire de mon Souverain qu'à ce que m'écrit son ministre, qui peut avoir jugé trop lestement et écrire en consequence. Quand

je dis qu'il y a de la légéreté et de la négligence de sa part, je ne puis l'affirmer. Il se peut que le trop grand poids des affaires est autant au dessus de ses forces physiques qu'il l'est au dessus de ses forces morales, ses connaissances, ses conceptions intellectuelles et son peu d'expérience, et qu'il n'a ni les moyens, ni le temps de faire tout par lui-même, ce qui fait qu'il y a des choses négligées tout-à-fait et d'autres faites avec légéreté et trop lestement. Je peux croire aussi qu'en lisant en extrait mon rapport, il a donné son opinion sur la réponse, que, par confiance et n'ayant pas le temps d'approfondir la chose, V. M. I. l'a approuvée, parce que je sais qu'en lisant ma représentation du $^6/_{18}$ Mai au sujet des affaires entre la Russie et la Grande-Bretagne, vous avez hésité, Sire, mais que lui, ayant appuyé mes représentations, vous les avez accueillies. Je n'aurais pas été surpris de cette hésitation, si ce que j'écrivais étaient des raisonnemens de ma pauvre tête. Rien n'était plus naturel que le doute de V. M. I.; mais, comme dans cette si longue représentation il n'y avait pas un mot du crû de ma tête, et que ce n'était que le récit des faits notoires, connus de tout le monde, des citations exactes d'Adam Smith (l'auteur le plus classique qui ait jamais existé sur le commerce, les manufactures, les finances des états), que ce n'était que des renvois aux régistres de vos douanes et à l'opinion des possesseurs des mines, des fabriques, à ceux de nos négocians et possesseurs de terres; que ce n'était, en outre, qu'un récit historique et fidèle de la conduite de Pierre le Grand, de l'Impératrice Elisabeth et de l'Impératrice Catherine envers la Grande-Bretagne. Or, si V. M. I. a pu hésiter, si elle doit suivre l'opinion du comte *Panin* ou l'exemple de la conduite des trois plus grands Souverains que la Russie ait jamais eus, quelle énorme et incroyable confiance ne doit-elle pas avoir dans ce ministre? Et je me suis dit: l'État en souffrira, à moins que ce ministre n'ait la préscience et la connaissance universelles, qui n'a été attribuée qu'à Adam avant qu'il tombât dans le pêché. Plus je voyais par les dépêches que je recevais le mal qui résulte de ce que V. M. ne fait pas discuter en sa présence dans son Conseil les affaires politiques, plus je voyais la nécessité du remède, et j'ai écrit au comte *Panin* lui-même la lettre, dont je joins ici la copie *) et que je supplie V. M. I. de vouloir bien lire avec attention. Je voulais attendre sa réponse; mais, songeant aux deux cas possibles, ou qu'il ne suivra pas mon conseil, ou qu'en le suivant, vous ne voudriez pas changer le mode actuel, étant accoutumé à ne traiter qu'avec lui seul (ce qui ne ferait que prolonger le mal), c'est pourquoi je supplie V. M. de vouloir bien lire l'incluse. Je me fie à votre excellent jugement, à votre zèle pour le bien de l'État, que vous rendez déjà si heureux, par la douceur et la justice avec lesquelles vous le gouvernez, et je ne doute pas, Sire, que vous ne voyez combien il est dangereux de ne consulter qu'un seul homme.

Il n'y a rien au monde de plus dangereux que cette manière de traiter

---

*) Приложена копія съ вышенапечатаннаго письма гр. Воронцова къ гр. Панину. Въ этой копіи вся послѣдняя часть отъ параграфа: «*Il m'est pénible de voir*».. до самаго конца отмѣчена съ боку чертою чернилами, вѣроятно самимъ Государемъ. *П. Б.*

tête-à-tête avec les chefs des départemens. Comment V. M. I. peut-elle s'assurer de n'être pas induite en erreur volontairement ou involontairement par eux? Comment peut-elle savoir s'ils lui présentent tout ce qui doit être porté à sa connaissance? Comment peut-elle s'assurer que ses ordres ont été exécutés strictement d'après sa détermination? Il est dans la nature de l'homme d'augmenter sa propre importance, d'augmenter son propre crédit et pouvoir; de là s'ensuit peu à peu le despotisme ministériel des chefs des départemens, ce qui produit une oligarchie incompatible avec un gouvernement monarchique, et V. M., qui ne veut que le bien général, qui abhorre le despotisme, créera un despotisme insupportable et en sous-ordre, sans s'en apercevoir, et vous vous ôtez les moyens de vous éclairer, Sire, par le choc des opinions différentes, par cette discussion qui fait naître des lumières qu'on ne pourrait jamais acquérir sans une discussion dans le Conseil.

Je proteste sur mon honneur à V. M. I. que je n'ai aucun sujet de plainte particulière contre le comte *Panin*, ni aucune vue privée à moi d'ambition personnelle. Quant au premier point, je ne connais pas personnellement ce ministre. Il était un enfant de 13 ans, quand j'ai quitté la Russie, étant envoyé à Venise en 1783. J'ai eu une correspondance avec lui, pendant les trois ou quatre ans qu'il a résidé à Berlin, pendant laquelle, quoiqu'il ait eu le malheur d'échouer dans toutes ses négociations et qu'il ait été trompé par le comte *Haugwitz*, qui le faisait venir pour rien de Carlsbad à Berlin, il était excusable par son défaut d'expérience, et je voyais dans ses lettres un grand fond d'amour du bien de l'État. Aussi, dans mes dépêches à la Cour, je lui rendais la justice qui lui était due; il a reconnu mon empressement et me l'a témoigné. Après cette première et seule mission qu'il a eue, quand il fut fait vice-chancelier, j'ai vu en lui le même zèle pour l'État, et toutes ses lettres étaient pleines du chagrin qu'il ressentait des abus et des coups d'autorité dont il était le témoin. Je reconnais qu'il m'a témoigné de l'amitié. Je n'en ai pas moins pour lui, et je serai toujours empressé à lui complaire, excepté dans tout ce qui peut être dommageable au service de mon Souverain et de ma patrie: sur ce point il n'y a pas d'amitié qui tienne. Quand au second point de vue d'ambition personnelle à moi, il est connu que feu l'Empereur m'avait offert la place de vice-chancelier à la retraite du prince *Kourakin*; qu'il m'a offert après, et avec plus d'instance encore, celle du prince *Besborodko*; mais je ne les ai pas acceptées, parce que, sentant mon peu de talens et de lumières, j'étais tout-à-fait au-dessous de ces places, et que, si même j'avais été assez aveugle pour n'être pas aussi persuadé que je le suis de mon incapacité, la faiblesse de ma santé, qui ne me permet pas une application, tant soit peu assidue, m'aurait suffisamment induit à ne pas exposer l'État en me chargeant d'un poids aussi au-dessus de mes forces. Jamais, dans aucun cas, je ne pourrai m'aveugler au point de vouloir diriger un département. Je me croirais coupable envers mon Souverain et ma patrie, si j'avais cette présomption extravagante. Ainsi il n'entre aucune vue dans ce qui me fait écrire cette lettre, que mon zèle pour le service de V. M. I.

Dès que je recevrai de Russie l'exemplaire authentique du traité de

commerce entre la Suède et la Russie, et s'il se trouve conforme à ce qui a été publié à Stokholm, je ne manquerai pas de vous transmettre, Sire, mes observations. Il me reste à dire, que le rescrit de V. M. I. du 5 Juillet, qui est l'ouvrage du comte Panin, parce qu'il me l'avait annoncé comme un grand travail qu'il faisait sur le système politique de la Russie, qu'il l'avait annoncé de même à V. M. I. dans une lettre qu'il lui avait écrite (comme il m'en a informé dans le temps) n'aurait jamais été signé par elle, s'il avait été discuté dans le Conseil; car V. M. ne l'a signé que par la grande confiance qu'elle a dans ce ministre. Aussi je la supplie de le faire discuter dans le Conseil, et elle verra qu'on trouvera des contradictions frappantes et des endroits si obscurs qu'il sera peut-être difficile à l'auteur même de les expliquer; mais, pour moi, j'avoue que je ne vois pas l'objet de l'ensemble, et qu'il y a des articles que je ne comprends pas du tout. Si je n'envoie pas cette lettre par le comte *Panin*, ce n'est que pour qu'elle parvienne plus tôt à V. M. I. et non pour la lui cacher: il n'est pas dans mon caractère de craindre de dire la vérité, et encore moins de blâmer quelqu'un à son insu. Aussi je prie, je supplie V. M. I. de lui communiquer cette lettre ainsi que l'incluse, afin qu'il vérifie si cette dernière n'est pas une exacte copie de celle que je lui ai écrite le 9/21 Août, et afin qu'il puisse dire, si dans celle-ci même que j'écris à V. M. I. il y a quelque inexactitude de ma part sur ce que je dis à son sujet. S'il est attaché à son Souverain et à sa patrie, comme je l'espère, il me saura gré de ma franchise, qui le met sur la voie de vous servir, Sire, sans nuire au pays et, en acquérant plus de savoir et plus d'expérience qu'il n'a fait voir, devenir un jour utile à sa patrie. Mais si l'amour-propre le domine au point d'être choqué des vérités que je suis obligé de dire, il deviendra mon ennemi, et j'en serai plus fâché pour lui que pour moi, parcequ'il restera toute sa vie incapable, en dédaignant de s'instruire par les conseils et l'expérience de ceux, qui savent plus que lui et qui, dans les discussions qu'ils auraient eues avec lui, lui auraient donné des lumières qu'il n'acquerra jamais dans son bureau, entouré de ses commis. Quand à moi, ce n'est ni lui, ni aucun de vos ministres que je sers; c'est vous et ma patrie, Sire! Ainsi aucune considération de haine ou d'amitié que je puis obtenir des ministres ne pourra influencer ma manière de servir et me faire taire, quand je vois un mal qui se fait dans l'État.

Pierre le Grand avait un Conseil. Sous le règne de l'Impératrice Cathérine I il y avait aussi un Conseil. Sous celui de Pierre II il y avait un Conseil sous le titre ***Тайный Верховный Совѣтъ***. Sous celui de l'Impératrice Anne, ce Conseil s'appelait Conseil du Cabinet. Du temps de l'Impératrice Elisabeth, ce Conseil s'appelait ***Конференція***. Dans tous ces Conseils, sous quelque appellation qu'ils fussent, les affaires politiques étaient spécialement discutées en présence du Souverain ou dans son absence; c'est après cette discussion qu'elles lui étaient soumises pour avoir son approbation. Toutes les dépêches des ministres Russes au dehors, tous les protocoles des conférences que le ministre du département des affaires étrangères avait avec les envoyés des autres Cours, les notes qu'ils lui remettaient, tout, en un mot, était lu, examiné et discuté; et c'est en conséquence de cet examen et de l'appro-

bation du Souverain, qu'étaient prises les résolutions sur ce qui devait être dit ou écrit en réponse à toutes ces communications des ministres étrangers et en réponse aux rapports des employés Russes au-dehors. Cet usage, constamment suivi, n'a été interrompu que pendant les cinq premières années de la feue Impératrice, et elle s'en est bien repentie: car s'étant accoutumée à ne traiter les affaires politiques qu'avec le feu comte *Panin*, oncle de l'actuel, qui, ayant fait faire l'alliance avec la Prusse, s'attacha tellement à son ouvrage qu'il se persuada que le bonheur de la Russie dépendait de cette alliance et eut une confiance si aveugle dans la Cour de Berlin qu'elle en abusa pour le malheur de la Russie. La feue Impératrice voulait la paix, et la voulait longue, pour mettre le pays en ordre et réparer les finances. On fit les plans les plus économiques, et on réduisit l'état de l'armée dès les premières années de son règne: dans nos régimens d'infanterie, composés de trois bataillons, chacun fut reformé à deux, et les compagnies, qui étaient de 144 sold. outre les bas officiers (comme cela était établi par Pierre le Grand, le fondateur de toute chose chez nous) furent réduits à 136 hommes en temps de guerre et à 116 en temps de paix. Nos arsenaux, qui étaient tout-à fait épuisés et dégarnis, ne devaient être remplis et pourvus de tout que peu à peu et à la longue. En un mot, tout était calculé pour une paix très longue, et le ministre de la guerre y comptait. Celui des affaires étrangères y comptait aussi; mais c'est pourtant lui qui, sans s'en apercevoir, travaillait en sens contraire, et voici comment, Sire. Le défunt roi de Pologne venait d'être élu. Il obtint de l'Impératrice l'agrément de pouvoir mettre en ordre son pays, tout à fait désordonné par une constitution absurde, et, du consentement de la Russie, les affaires des finances ne devaient plus être décidées par les Diètes qu'à la majorité des voix, au lieu de l'extravagante méthode que la voix d'un seul idiot ou mauvais sujet annulait la décision de toute la Diète. C'était un vrai bienfait pour la pauvre Pologne et n'était d'aucun danger pour la Russie, car les autres affaires devaient s'arranger à la Diète par une unanimité absolue, chose tout-à-fait impossible. Mais comme la Cour de Berlin ne voulait pas que les finances mêmes fussent jamais en bon ordre dans un pays qu'elle voulait bouleverser et s'en approprier une partie, elle engagea le comte *Panin* sous d'autres prétextes de renverser cette amélioration faite en Pologne et, pour la mieux bouleverser, persuada ce-même ministre d'exiger que tous les dissidens Polonais fussent admis à toutes les charges de l'état, ce qui était impossible sans employer contre les Polonais les plus fortes violences. Elles le furent, ce qui forma les Confédérations, dont on avait grand soin de cacher le nombre à l'Impératrice. On arrêta des évêques, des sénateurs, en pleine Diète, et on les envoya en exil en Russie. Nos troupes entrèrent en Pologne, saccagèrent tout, poursuivirent les confédérés jusque dans les provinces Turques, et cette violation produisit la guerre que les Turcs nous déclarèrent. Tout le monde voyait cet événement inévitable, excepté le comte *Panin*, qui persuadait l'Impératrice qu'il persuaderait le grand-vezir à rester tranquille par une longue lettre raisonnée, qu'il préparait pour ce premier ministre ottoman. J'ai vu cette lettre, remplie de phrases pompeuses et insignifiantes et qui ne rou-

lait que sur l'intolérance de la religion catholique. Mais il était resté si longtemps à travailler sur cette lettre qu'elle n'arriva à Constantinople qu'après que notre ministre m. *Obreskow* était déjà mis aux Sept-Tours, et la guerre contre nous déclarée. Quand cette nouvelle arriva à Sarsko-Sélo, où l'Impératrice était pour s'inoculer, elle fut outrée contre le ministre qui lui attira cet embarras, auquel elle ne s'attendait pas. L'armée était réduite, incomplète, dispersée dans tout l'Empire. Il fallait la faire marcher en toute hâte, au coeur de l'hiver, sur la frontière turque et envoyer les canons, les mortiers, les boulets et les bombes par poste de l'arsenal de Pétersbourg à Kiew. Il fallait le préparer à avoir les finances dissipées et faire des dettes. Aussi, c'est de l'époque de cette guerre que datent les dettes de l'État dans l'étranger et la création du papier-monnaie dans l'intérieur, deux calamités qui font gémir la Russie. L'Impératrice, détrompée sur la capacité de son ministre, dès le commencement de la guerre, créa le Conseil et ordonna que toutes les affaires politiques y fussent traitées et les dépêches des ministres lues devant ce Conseil. Le comte *Panin* perdit le pouvoir qu'il avait gagné sur l'Impératrice, et l'État gagna que les affaires allèrent mieux et qu'il y eut un ensemble et une harmonie plus parfaite entre toutes les branches de l'administration *). Je demande pardon à V. M. I. sur la longueur de cet écrit. Je ne pouvais pas le faire plus court, et il doit être le dernier: car, si V. M. I. sera persuadée que le bien de l'État exige que les affaires politiques et internes soient traitées et discutées en votre présence en plein Conseil, comme c'est dans tous les pays du monde et non pas en tête-à-tête où vous n'entendez, Sire, qu'une opinion qui n'est contrastée par aucune autre, alors tout ira bien, il y aura un ensemble dans toutes les parties du gouvernement, et vous ne serez pas induit en erreur. Mes représentations ne seront donc plus nécessaires. Et si V. M. I. laisse les choses sur le pied comme elles sont, malheureusement toute représentation future sera tout-à-fait inutile.

Pardonnez, Sire, à un vieillard, à un sujet fidèle et zèlé, qui sert depuis près de 45 ans, la liberté avec laquelle il vous parle. Son excuse est dans son zèle et dans la lettre de V. M. I. qui est citée au commencement de cet écrit.

Je suis avec le respect le plus profond, Sire, de V. M. I. le plus humble et le plus devoué de ses sujets

(signé:) S. c. Woronzow.

*) Показанія, имѣющія тѣмъ болѣе исторической важности, что графъ С. Р. Воронцовъ, будучи по призванію и страсти человѣкомъ военнымъ, принималъ дѣятельное участіе въ первой Турецкой войнѣ Екатерининскаго царствованія и былъ ближайшимъ сотрудникомъ графа Румянцева-Задунайскаго. *П. Б.*

Переводъ.

Государь! Какъ Русскій человѣкъ и какъ подданный, преданный и вѣрный своему Государю и отечеству, я ничего касающагося до нихъ не могу почитать для себя чуждымъ. Я вмѣняю себѣ въ обязанность представить В. И. В-ву о вредѣ, происходящемъ отъ водворившагося у насъ способа веденія дѣлъ. Чѣмъ болѣе вы размыслите, Государь, о свойствѣ и гибельныхъ послѣдствіяхъ этого зла, тѣмъ охотнѣе извините смѣлость, съ каковою я пишу къ вамъ объ этомъ предметѣ. Я сдѣлалъ-бы это во всякомъ случаѣ, хотя-бы и не получилъ отъ В. И. В-ва столь ободрительнаго

письма отъ 10-го минувшаго Іюня *), въ которомъ выше величество изволили мнѣ написать: „Я долженъ благодарить васъ за то, „что вы сочли меня достойнымъ выслушать „истины, которыя должны бы всегда легко доходить, но которыя, по несчастію, почти никогда не доходятъ до престола. Я ожидаю „отъ вашей вѣрности и вашего патріотизма, „что вы не перестанете высказываться мнѣ „съ тою-же откровенностью." Я усмотрѣлъ въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, что В. И. В-о, не знаю почему, приняли за обыкновеніе разсматривать политическія дѣла наединѣ съ человѣкомъ, удостоеннымъ полнаго довѣрія и, безъ сомнѣнія, признаннымъ за болѣе искуснаго и болѣе опытнаго въ дѣлахъ, чѣмъ кто-либо другой изъ вашихъ подданныхъ, и что означенныя дѣла никогда не обсуждались въ присутствіи вашемъ, въ Совѣтѣ, какъ дѣлается во всѣхъ странахъ міра, не исключая ни единой. Отъ того произошло, что я съ тѣхъ поръ получилъ три рескрипта, на подписаніе которыхъ склонили В. В-о (вслѣдствіе довѣрія вашего къ этому министру) и изъ которыхъ ни одного нельзя было исполнить, такъ какъ всѣ они были вредны для государства и несовмѣстны съ вашимъ достоинствомъ. В. И. В-во впослѣдствіи признали это и одобрили неисполненіе. Между тѣмъ я получалъ отъ министра офиціальныя сообщенія, которыя мнѣ все болѣе и болѣе доказывали, что одного усердія недостаточно для завѣдыванія политическими дѣлами столь обширной Имперіи, дѣлами существенно связанными съ положеніемъ внутреннихъ дѣлъ, которымъ они могутъ повредить и навлечь опасности, когда дурно ведутся. Видя продолженіе этого зла, я ни минуты не колебался воспользоваться случаемъ, поданнымъ мнѣ отъ этого самаго министра посредствомъ частнаго письма, чтобы написать къ нему конфиденціально, съ откровенностью человѣка, желающаго только блага своему Государю, всегда неразлучнаго съ благомъ отечества, и который обращается къ другому, предполагая въ немъ тѣже чувства. Я поставилъ ему на видъ все зло, какое онъ невольно сдѣлалъ и впредь еще сдѣлаетъ, упорствуя въ нежеланіи исходатайствовать у В. И. В-ва повелѣніе, чтобы всѣ политическія дѣла обсуждались въ присутствіи вашемъ, въ полномъ собраніи Совѣта, какъ принято вездѣ. Я написалъ къ нему это письмо семь недѣль тому назадъ и ждалъ-бы его послѣдствій, еслибъ не прочиталъ въ газетахъ торговаго договора между Россіей и Швеціей, который, если только вѣренъ текстъ, обнародованный въ Стокгольмѣ (ибо я не получалъ еще его изъ Петербурга) оказывается самымъ невыгоднымъ, когда-либо заключеннымъ Россіею, и свидѣтельствуетъ объ осязательномъ и непростительномъ забвеніи или невѣдѣніи началъ торговли и администраціи, а также и разумной политики Россіи. Но договоръ обязателенъ только послѣ его ратификаціи; и еслибъ, до ратификаціи, онъ былъ внесенъ по повелѣнію В. И. В-ва на обсужденіе Совѣта, то было бы представлено вамъ о всѣхъ

*) Графъ, повелѣвъ своему министерству сообщить вамъ подробности переговоровъ, недавно и счастливо оконченныхъ съ лордомъ С-тъ Эленсомъ, я предоставилъ себѣ удовольствіе выразить вамъ всѣ чувства, возбужденныя въ душѣ моей чтеніемъ вашей замѣчательной депеши отъ 6/16 Мая. Нѣтъ, графъ, конечно я не нашелъ ея слишкомъ пространною, и не только не сожалѣю о времени употребленномъ на ея прочтеніе, но долженъ благодарить васъ за то, что вы сочли меня достойнымъ выслушать истины, которыя должны бы всегда легко доходить, но которыя, по несчастью, почти никогда не доходятъ до престола. Я ожидаю отъ вашей вѣрности и вашего патріотизма, что вы не перестанете высказываться мнѣ съ тою-же откровенностью, и въ особенности не буду пренебрегать ничѣмъ, любезный графъ, чтобъ убѣдить васъ, какъ высоко я цѣню это качество и на сколько я желаю, чтобъ ни одинъ изъ моихъ подданныхъ не опасался раздражить меня, изъясняя мнѣ безъ умолчаній то, что почитаетъ полезнымъ для общественнаго блага. Мнѣ будутъ особенно пріятно внушить вамъ такое довѣріе. Вы узнаете о томъ, которое я къ вамъ питаю, по результату переговоровъ съ Лондонскимъ Дворомъ. Поводы, которые вы съумѣете оцѣнить, налагаютъ на меня обязанность ограждать интересы моихъ союзниковъ, на сколько они совмѣстны съ интересами Россіи; но я не захотѣлъ дожидаться согласія сѣверныхъ Дворовъ для заключенія мирнаго договора, и прежняя морская конвенція подверглась разнымъ измѣненіямъ, вызваннымъ отчасти вашими дѣльными замѣчаніями. Съ искреннимъ уваженіемъ останусь всегда, любезный графъ, любящій васъ Александръ.

статьяхъ, противныхъ благу Государства, и вы никогда не допустили-бы его утвержденія.

Кромѣ нерадѣнія, замѣчаемаго мною безпрестанно, вижу также много легкомыслія. Въ доказательство перваго я долженъ сказать, что около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, прежде чѣмъ В. И. В-во повелѣли намъ писать непосредственно къ вамъ, я офиціально писалъ къ графу Панину (такъ какъ мы имѣли приказаніе писать къ нему, а не къ князю Куракину, который старше его), по поводу морскихъ офицеровъ В. И. В-а, служащихъ охотниками въ Британскомъ флотѣ. Я изъяснялъ ему пользу дальнѣйшей присылки ихъ сюда отъ насъ, просилъ представить о томъ съ моей стороны и сообщить мнѣ о вашей волѣ. Около того-же времени, я просилъ его исходатайствовать вашихъ повелѣній, Государь, по поводу паспортовъ, о которыхъ просятъ меня иностранцы для проѣзда въ Россію; ибо я зналъ, что мнѣ нельзя въ нихъ отказывать Англичанамъ, безъ нарушенія торговаго договора, но мнѣ неизвѣстно, какъ долженъ я поступать съ иностранцами другихъ націй. Я донынѣ не получилъ никакого отвѣта. Въ доказательство втораго, я сейчасъ получаю отъ него офиціальное письмо, которое должно служить мнѣ отвѣтомъ на то, что̀ я имѣлъ честь писать къ В. И. В-ву по моемъ возвращеніи изъ Веймута, и на то, что́ мнѣ высказалъ король въ продолжительномъ совѣщаніи со мною, о которомъ я вамъ, Государь, прислалъ донесеніе. Я долженъ думать, что графъ Панинъ, если именно онъ читаетъ наши донесенія В. И. В-ву, не прочиталъ этого вполнѣ; а если прочелъ, то въ такое время, когда вы, будучи заняты болѣе важнымъ предметомъ, не могли обратить на этотъ предметъ всего нашего вниманія: ибо невозможно допустить, чтобъ В. В-во, выслушавъ или прочитавъ то, что́ говорилъ мнѣ король и чѣмъ онъ неопровержимо доказывалъ, что склонить Турцію на отдѣльный миръ съ Франціею значитъ подвергнуться опасности государственнаго переворота; что это даже не доставитъ ей мира, ибо такой миръ привелъ-бы по необходимости и неизбѣжнымъ образомъ къ войнѣ съ Великобританіей; что, слѣдовательно, домогаться этого отдѣльнаго мира значитъ вредить обѣимъ для пользы одной только Франціи,—невозможно, говорю я, чтобъ В. В-во уполномочили его написать ко мнѣ, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій королю, слѣдующее: „Благо человѣчества было (разумѣя В. В-во) „его единственнымъ побужденіемъ, при заявленіи готовности предложить свое вступательство для умиротворенія Оттоманской Порты, „но время на это не опредѣлено, и В. „И. В-у было-бы особенно пріятно, еслибъ ваше посредничество могло вмѣстѣ съ тѣмъ „привести къ возстановленію мира между Великобританіей и Франціей". В. В-во видите по этому отвѣту, что, не ослабляя и не опровергая ничѣмъ мнѣнія, столь ясно доказаннаго королемъ, что подобный миръ подвергаетъ Турцію бѣдствіямъ и войнѣ, еще сильнѣйшимъ (въ виду большаго протяженія ея береговъ и многочисленныхъ флотовъ, которыми располагаетъ Англія) въ отвѣтѣ продолжаютъ говорить о благѣ человѣчества и, прибавляя странную и неудобопонятную фразу „но время на то еще не опредѣлено," даютъ понять, что не отказались отъ этого предположенія, какъ бы ни было оно вредно для Порты и для Англіи. И такимъ образомъ отвѣчаютъ государю, который выразилъ столько уваженія, дружбы и привязанности къ вашей Августѣйшей особѣ, и такъ небрежно предлагаютъ ему посредничество между нимъ и Франціей. Посредниками принимаются только тѣ, которые насъ любятъ, которые, по ихъ участію къ намъ, внушаютъ намъ довѣріе; а какъ могъ бы король довѣрять Государю, который не только захотѣлъ исполнить предположенія своего предшественника, но даже, послѣ самаго подробнаго, убѣдительнаго и дружественнаго объясненія по этому предмету, не отказывается отъ намѣренія, не оставленнаго, но только отсроченнаго до времени, которое скрываютъ? Никогда посредничество не было-бы принято здѣсь послѣ такого отвѣта, что̀ поставило-бы В. В-о въ непріят-

ное положеніе, раздражило-бы васъ противъ короля, а его противъ васъ за отвѣтъ, который онъ получилъ-бы, и водворилась-бы холодность между двумя добродѣтельными Государями, призванными любить и уважать другъ друга, и связь между этими двумя странами, столь естественная и обоюдно - полезная, ослабѣла-бы вслѣдствіе легкомыслія министра, который одинъ подаетъ совѣты В. И. В-ву. Къ счастью, недавно подписанныя предварительныя статьи уничтожили значеніе этого отвѣта, котораго я уже не передамъ и не передалъ-бы, не представивъ прежде о томъ В. И. В-у и не дождавшись вашего отвѣта; ибо я увѣренъ, что вы не прочли вполнѣ выписки отчета о томъ, что̀ говорилъ мнѣ король въ Веймутѣ, или прочли развлекаясь другими болѣе важными предметами, или-же что графъ Панинъ невѣрно понялъ васъ, Государь. Я всегда буду болѣе внимателенъ къ славѣ моего Государя, чѣмъ къ тому что̀ мнѣ пишетъ его министръ, который могъ обсудить дѣло слишкомъ небрежно и написать согласно съ этимъ.

Когда я говорю о легкомысліи или небрежности съ его стороны, я этого утверждать не могу. Быть можетъ, слишкомъ великое бремя дѣлъ столько-же превышаетъ его физическія силы, сколько и нравственныя— его познанія, мыслительныя способности и малую опытность, и ему недостаетъ ни средствъ, ни времени все дѣлать самому, вслѣдствіе чего нѣкоторыя дѣла остаются вовсе пренебреженными, а другія исполняются легкомысленно и слишкомъ поверхностно. Я могу также думать, что, читая выписку изъ моего донесенія, онъ подалъ свое мнѣніе объ отвѣтѣ, что В. И. В-о, по довѣрію и не имѣя времени вникнуть въ дѣло, одобрили это мнѣніе: ибо я знаю, что читая мое представленіе отъ $^{6}/_{18}$ Мая о текущихъ дѣлахъ между Россіей и Великобританіей, вы колебались, Государь, но что, послѣ поддержанія имъ моихъ представленій, вы ихъ утвердили. Такое колебаніе меня не удивляло-бы, еслибъ то, что̀ я писалъ, было только измышленіемъ моей бѣдной головы. Недоумѣніе В. И. В-ва было слишкомъ естественно; но, какъ въ этомъ столь пространномъ представленіи, не было ни единаго слова, выдуманнаго моею головою, и оно заключало въ себѣ только перечень очевидныхъ фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ, точныя выписки изъ сочиненій Адама Смита (наиболѣе классическаго автора, когда-либо существовавшаго, по торговлѣ, мануфактурамъ и финансамъ государствъ); какъ имѣлись въ виду только ссылки на реестры нашихъ таможенъ и на мнѣнія владѣльцевъ рудниковъ, фабрикъ, нашихъ торговцевъ и землевладѣльцевъ, и какъ это было, сверхъ того, лишь вѣрнымъ историческимъ повѣствованіемъ о дѣйствіяхъ Петра Великаго, императрицы Елисаветы и императрицы Екатерины относительно Великобританіи;—то, если В. И. В-во могли колебаться, должны-ли вы слѣдовать мнѣнію графа Панина, или примѣру трехъ величайшихъ Государей Россіи, какое же чрезмѣрное и невѣроятное довѣріе питаете вы къ этому министру? Но я сказалъ себѣ: государство отъ этого пострадаетъ, развѣ-бы этотъ министръ обладалъ всеобщими предвѣдѣніемъ и знаніемъ, дарованными одному только Адаму до его грѣхопаденія. Чѣмъ болѣе я усматривалъ изъ получаемыхъ мною депешъ все зло, происходящее отъ того, что И. В. не заставляете обсуждать политическія дѣла въ присутствіи вашемъ, въ Совѣтѣ, тѣмъ болѣе я видѣлъ необходимость пособить этому, и я написалъ къ самому графу Панину письмо, копію съ котораго присемъ прилагаю, умоляя В. И. В. прочесть ее со вниманіемъ. Я хотѣлъ дождаться его отвѣта; но, соображая два возможные случая, либо что онъ не послѣдуетъ моему Совѣту, либо, что, если послѣдуетъ, вамъ не угодно будетъ измѣнить существующій порядокъ, по привычкѣ совѣщаться съ нимъ наединѣ (чѣмъ только продлилось-бы зло)—я теперь умоляю В. В-во прочесть это приложеніе. Я довѣряюсь вашему здравому сужденію, вашему усердію ко благу государства, которому вы уже даруете столько счастья, черезъ кротость и справедливость, съ какими вы имъ

управляете, и я не сомнѣваюсь, Государь, что вы усмотрите, насколько опасно совѣтоваться лишь съ однимъ человѣкомъ.

Нѣтъ на свѣтѣ ничего опаснѣе этого способа совѣщаться наединѣ съ начальниками управленій. Какимъ образомъ В. И. В-о можете удостовѣриться, что не вводитесь ими въ заблужденіе, вольно или невольно? Какъ можете вы узнать, представляютъ-ли они вамъ все, чтó должно быть доведено до вашего свѣдѣнія? Какъ можете вы удостовѣриться, что ваши повелѣнія исполнены въ точности по вашему опредѣленію? Человѣку свойственно усиливать свое личное значеніе, свое личное вліяніе и могущество; изъ этого слѣдуетъ мало-по-малу министерскій деспотизмъ начальниковъ управленій, чтò производитъ олигархію, несовмѣстную съ монархическимъ правленіемъ, и В. В-о, желая лишь общаго блага, ненавидя деспотизмъ, создадите нестерпимый деспотизмъ низшаго разряда, не замѣчая этого, и вы лишаете себя, Государь, средствъ разъяснять вопросы столкновеніемъ различныхъ мнѣній, этими прѣніями, доставляющими свѣдѣнія, которыхъ невозможно былобы пріобрѣсти безъ прѣній въ Совѣтѣ.

Увѣряю моею честью В. И. В., что я не имѣю никакого повода къ частному неудовольствію на гр. Панина, и никакихъ личныхъ видовъ честолюбія. Чтò касается перваго пункта, то я даже не знаю лично этого министра. Онъ былъ 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, когда я выѣхалъ изъ Россіи, посланный въ Венецію въ 1783 г. Я имѣлъ съ нимъ переписку впродолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Берлинѣ *), во время которой, хотя ему довелось потерпѣть неудачу во всѣхъ его переговорахъ и его обманывалъ графъ Гаугвицъ, заставляя его понапрасну пріѣзжать изъ Карлсбада въ Берлинъ, онъ заслуживалъ снисхожденія по недостатку опытности, и я находилъ въ его письмахъ избытокъ ревности ко благу государства. Поэтому, въ моихъ депешахъ ко Двору, я отдавалъ ему должную справедливость; онъ призналъ мою предупредительность и выразилъ мнѣ это. Послѣ этого перваго и единственнаго его посольства, когда онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ, я видѣлъ въ немъ такое-же усердіе къ государству, и всѣ его письма были наполнены скорбью, внушаемой ему злоупотребленіями и насильственнымъ проявленіемъ власти, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Я признаю, что онъ оказывалъ мнѣ дружбу. Я питаю къ нему не менѣе дружественныя чувства и всегда буду готовъ угождать ему, но только не въ томъ, чтò можетъ быть вреднымъ для службы моему Государю и отечеству: здѣсь дружба отлагается въ сторону. Чтò касается до второй точки зрѣнія, моего личнаго честолюбія, то извѣстно, что покойный Императоръ предлагалъ мнѣ должность вице-канцлера, при увольненіи князя Куракина; что потомъ онъ мнѣ предлагалъ, и еще болѣе настоятельно, мѣсто князя Безбородки; но я не принялъ ихъ, потому что, сознавая недостаточность моихъ дарованій и познаній, я вовсе не былъ на высотѣ такихъ положеній, и что еслибъ даже я былъ настолько ослѣпленъ, чтобъ не быть увѣреннымъ, какъ я увѣренъ, въ моей неспособности, то слабость моего здоровья, не дозволяющая мнѣ сколько-нибудь прилежныхъ занятій дѣлами, достаточно побудила-бы меня не подвергать государства опасности, принятіемъ на себя бремени, превышающаго мои силы *). Никогда, ни въ какомъ случаѣ, я не допущу себя до такого ослѣпленія, чтобъ хотѣть завѣдывать министерствомъ. Я счелъ-бы себя виновнымъ передъ Государемъ и отечествомъ, еслибъ имѣлъ такую нелѣпую самонадѣянность. И такъ нѣтъ никакихъ видовъ въ томъ чтò побуждаетъ меня написать это письмо, кромѣ моего усердія къ службѣ В. И. В-ва.

Коль скоро я получу изъ Россіи достовѣрный экземпляръ торговаго договора между

*) См. Русскую Старину 1874 г. *П. Б.*

*) Есть извѣстіе, что позднѣе императоръ Александръ Павловичь предлагалъ гр. С. Р. Воронцову завѣдывать воспитаніемъ Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей. *П. Б.*

Швеціей и Россіей, и если онъ окажется тождественнымъ съ тѣмъ, что̀ было обнародовано въ Стокгольмѣ, то я не премину доставить вамъ, Государь, мои замѣчанія. Мнѣ остается сказать, что рескриптъ В. И. В-ва отъ 5-го Іюля, который есть дѣло графа Панина (ибо онъ объявилъ мнѣ о немъ какъ о великомъ трудѣ его надъ политической системой Россіи, что̀ было изъяснено имъ и В. И. В-у въ письмѣ его къ вамъ, какъ онъ мнѣ сообщилъ въ то время)—никогда не былъ-бы подписанъ вами, еслибъ разсматривался въ Совѣтѣ; ибо В. В. подписали его только по великому довѣрію къ этому министру. Поэтому я умоляю васъ велѣть обсудить его въ Совѣтѣ, и вы увидите, что найдутся поразительныя противорѣчія и мѣста столь темныя, что самому автору, быть можетъ, трудно будетъ объяснить ихъ; но, что̀ касается меня, то я признаюсь, что не вижу цѣли всего этого документа, а нѣкоторыхъ статей вовсе не понимаю. Если я посылаю это письмо не чрезъ графа Панина, то дѣлаю это лишь съ цѣлью, чтобъ оно скорѣе дошло до В. И. В-ва, но не изъ желанія отъ него скрываться: не въ моемъ характерѣ бояться говорить правду, а еще менѣе осуждать кого-либо безъ его вѣдома. Поэтому я прошу, я умоляю В. В-во сообщить ему настоящее письмо вмѣстѣ съ приложеніемъ, дабы онъ провѣрилъ, представляетъ-ли послѣднее точную копію съ письма, написаннаго мною къ нему $^{9}/_{21}$ Августа, и дабы онъ могъ сказать, находится-ли въ настоящемъ моемъ письмѣ къ В. И. В-у какая-либо неточность относительно того, что̀ я высказываю о немъ. Если онъ преданъ своему Государю и своему отечеству, какъ я надѣюсь, то онъ будетъ мнѣ благодаренъ за мою откровенность, которая открываетъ ему возможность служить вамъ, Государь, не вредя странѣ и, пріобрѣтая болѣе познаній и опытности, чѣмъ онъ явилъ доселѣ, сдѣлаться когда-нибудь полезнымъ отечеству. Но если самолюбіе преобладаетъ въ немъ до такой степени, что онъ оскорбится истинами, которыя я долженъ ему высказать, то онъ сдѣлается моимъ врагомъ, и это опечалитъ меня болѣе за него, чѣмъ за себя, потому что онъ останется на всю жизнь неспособнымъ, пренебрегая совѣтами и опытностью людей, болѣе его свѣдущихъ и могущихъ, въ прѣніяхъ съ нимъ, доставлять ему свѣдѣнія, которыхъ онъ никогда не пріобрѣтетъ въ своемъ департаментѣ, окруженный своими чиновниками. Что́ касается меня, то я не служу ни ему, ни кому-либо изъ вашихъ министровъ, а вамъ и отечеству, Государь. Поэтому никакое соображеніе о враждѣ или дружбѣ ко мнѣ министровъ не можетъ вліять на мою служебную дѣятельность и заставить меня молчать, когда я усматриваю зло для государства. Петръ Великій имѣлъ Совѣтъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины I-ой тоже былъ Совѣтъ. При Петрѣ II-мъ существовалъ такъ называемый Тайный Верховный Совѣтъ. При Императрицѣ Аннѣ, этотъ Совѣтъ назывался совѣтомъ Кабинета, при Императрицѣ Елисаветѣ Конференціей. Во всѣхъ этихъ Совѣтахъ, подъ различными ихъ названіями, политическія дѣла особо обсуждались въ присутствіи Государя или въ его отсутствіи; послѣ такого обсужденія, они представлялись на его утвержденіе. Всѣ депеши Русскихъ министровъ заграницей, всѣ протоколы конференцій министра иностранныхъ дѣлъ съ посланниками другихъ Дворовъ, ноты послѣднихъ къ нему, все, однимъ словомъ, разсматривалось и обсуждалось; и лишь вслѣдствіе такого разсмотрѣнія и утвержденія Государемъ, принимались резолюціи о томъ, что̀ слѣдовало сказать или написать въ отвѣтъ на всѣ эти сообщенія иностранныхъ министровъ и въ отвѣтъ на донесенія Русскихъ уполномоченныхъ за-границей. Этотъ обычай, постоянно соблюдаемый, былъ прерванъ только въ первыя пять лѣтъ покойной Императрицы, которая въ томъ сильно раскаялась; ибо она привыкла разсматривать политическія дѣла наединѣ съ покойнымъ графомъ Панинымъ, дядей нынѣшняго, и этотъ министръ, настоявшій на союзѣ съ Пруссіей, такъ пристрастился къ своему дѣлу, что призналъ счастье Россіи зависящимъ отъ этого союза,

и увлекся столь слѣпымъ довѣріемъ къ Берлинскому Двору, что послѣдній злоупотребилъ этимъ довѣріемъ, ко вреду Россіи. Покойная Императрица хотѣла мира, и мира продолжительнаго, для водворенія порядка въ странѣ и возстановленія финансовъ. Задуманы были самые экономическіе планы, и численность войскъ уменьшена съ первыхъ годовъ ея царствованія: въ нашихъ пѣхотныхъ полкахъ, трехбатальоннаго состава, упразднены третьи батальоны, и роты, состоявшія изъ 144 рядовыхъ кромѣ унтеръ-офицеровъ (какъ было установлено Петромъ Великимъ, основателемъ всего у насъ) уменьшены до 136 человѣкъ въ военное время, и 116 въ мирное. Наши арсеналы, совершенно истощенные и опустѣлые, предполагалось пополнять и снабжать всѣмъ лишь мало-по-малу и надосугѣ. Словомъ, все было разсчитано на очень продолжительный миръ, въ которомъ былъ увѣренъ военный министръ. Министръ иностранныхъ дѣлъ раздѣлялъ такую увѣренность; и между-тѣмъ онъ-же, самъ того не замѣчая, дѣйствовалъ въ противномъ смыслѣ, и вотъ какимъ-образомъ, Государь. Покойный король Польскій только-что былъ избранъ. Онъ получилъ согласіе Императрицы на водвореніе порядка въ его странѣ, совершенно разстроенной нелѣпою конституціею и, съ одобренія Россіи, финансовыя дѣла должны были впредь рѣшаться Сеймами лишь по большинству голосовъ, вмѣсто возмутительнаго порядка, по которому голосъ одного безумца или негодяя уничтожалъ рѣшеніе всего Сейма. Это было истиннымъ благодѣяніемъ для бѣдной Польши и не представляло никакой опасности для России, ибо прочія дѣла должны были рѣшаться въ Сеймѣ безусловнымъ единогласіемъ, вовсе невозможнымъ. Но какъ Берлинскій Дворъ не хотѣлъ, чтобъ и финансы пришли когда-либо въ порядокъ въ странѣ, которую онъ желалъ привести въ разстройство, чтобъ овладѣть частью ея, то онъ пригласилъ графа Панина, подъ иными предлогами, отмѣнить улучшеніе, введенное въ Польшѣ и, для полнѣйшаго ея потрясенія, склонилъ этого министра потребовать, чтобы всѣ Польскіе диссиденты были допущены ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, что̀ было невозможно безъ употребленія противъ Поляковъ крайнихъ насилій. Эти насилія были употреблены, что̀ и подало поводъ къ образованію конфедерацій, число которыхъ тщательно скрывали отъ Императрицы. Епископы, сенаторы, были арестованы въ полномъ присутствіи Сейма и сосланы въ Россію. Наши войска вошли въ Польшу, все опустошили, преслѣдовали конфедератовъ даже въ Турецкихъ областяхъ, и это нарушеніе границъ вызвало войну, объявленную намъ Турками. Всѣ видѣли неизбѣжность этого событія, кромѣ графа Панина, который увѣрялъ Императрицу, что онъ убѣдитъ великаго-везиря остаться спокойнымъ, посредствомъ пространнаго объяснительнаго письма, изготовляемаго имъ къ этому первому министру Оттоманской Порты. Я видѣлъ это письмо, наполненное пышныхъ и ничтожныхъ фразъ и распространяющееся только о нетерпимости католической религіи. Но онъ такъ долго трудился надъ этимъ письмомъ, что оно было получено въ Константинополѣ лишь послѣ заключенія нашего посланника Обрѣскова въ Семибашенный Замокъ и объявленія намъ войны. Когда извѣстіе о томъ пришло въ Царское Село, гдѣ Императрица находилась для привитія оспы, она исполнилась негодованія противъ министра, навлекшаго ей это затрудненіе, котораго она не ожидала. Армія была ослаблена числомъ, въ неполномъ составѣ, разсѣяна по всей Имперіи. Предстояло отправить ее въ походъ съ крайнею поспѣшностью, среди зимы, на Турецкую границу и посылать пушки, мортиры, ядра и бомбы по почтѣ изъ Петербургскаго арсенала въ Кіевъ. Предстояло приготовить казну къ расточенію финансовъ и обремененію долгами. И дѣйствительно, съ этой войны начались займы государства за-границей и созданіе бумажныхъ денегъ для внутренняго обращенія, эти двѣ язвы, отъ которыхъ страдаетъ Россія. Императрица, разочарованная въ способности министра, съ самаго начала войны, учредила Совѣтъ, и по-

велѣла, чтобы въ немъ обсуждались всѣ политическія дѣла, и чтобъ депеши министровъ прочитывались въ присутствіи этого Совѣта. Графъ Панинъ лишился вліянія, пріобрѣтеннаго имъ на Императрицу, а государство выиграло то, что отправленіе дѣлъ улучшилось, и что водворилось болѣе согласія и гармоніи между всѣми отраслями управленія. Прошу В. И. В. простить мнѣ столь длинное писаніе. Я не могъ сократить его, и оно должно быть послѣднимъ; ибо, если В. И. В. убѣдитесь, что польза Государства требуетъ, чтобъ политическія и внутреннія дѣла разсматривались и обсуждались въ вашемъ присутствіи въ полномъ собраніи Совѣта, какъ принято во всѣхъ странахъ міра, а не въ совѣщаніи наединѣ, гдѣ вы, Государь, слышите только мнѣніе, никѣмъ не провѣренное: то все будетъ хорошо, водворится согласіе во всѣхъ частяхъ правленія, и вы не будете вводимы въ заблужденіе; въ такомъ случаѣ мои представленія будутъ уже ненужными. А если В. И. В. оставите дѣла въ томъ-же положеніи, въ которомъ они, по несчастью, теперь находятся, то всякое дальнѣйшее представленіе будетъ совершенно безполезнымъ.

Простите, Государь, старику, вѣрному и усердному подданному, служащему около 45 лѣтъ, вольность, съ которою онъ вамъ изъясняется. Извиненіе его заключается въ его усердіи и въ письмѣ В. И. В-ва, упомянутомъ въ началѣ этого донесенія.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, Государь, В. И. В-ва покорнѣйшій и преданнѣйшій вѣрноподданный С. графъ Воронцовъ.

*

Относительно этихъ писемъ графа С. Р. Воронцова слѣдуетъ замѣтить, что не они послужили поводомъ къ удаленію отъ дѣлъ графа Н. П. Панина: увольненіе его состоялось 28 Сентября 1801 (въ Москвѣ, вслѣдъ за коронаціею), слѣд. прежде чѣмъ Государь могъ получить письмо графа Воронцова. Судьба графа Панина доселѣ остается загадочною и могла бы быть предметомъ особаго историческаго изслѣдованія. *П. Б.*

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

(Опытъ обработки матеріаловъ для его біографіи).

ГЛАВА VII-я. *

Опредѣленіе членомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Пожалованіе графства. Путешествіе въ Вышній-Волочекъ и Сестребекъ. Дипломатическіе труды.

Со второй половины Екатерининскаго царствованія началось выдѣленіе частей государственнаго управленія въ особыя, съ самостоятельнымъ характеромъ, вѣдомства. Это разграниченіе вѣдомствъ обусловливалось, главнымъ образомъ, положеніемъ лицъ, которыя завѣдывали ими. Императрица умѣла разгадывать способности и дарованія людей. Поручая отдѣльныя управленія довѣреннымъ лицамъ, она поставляла этихъ лицъ въ непосредственное отношеніе къ себѣ, такъ что степень вліянія на дѣла опредѣлялась степенью довѣрія императрицы и приближенности къ ней.

Система эта отразилась и на Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Нѣтъ нужды вдаваться въ оцѣнку того, на сколько состоятельна такая система; но нельзя не замѣтить, что въ дѣлѣ дипломатическихъ сношеній долженъ быть предоставленъ возможный просторъ личнымъ взглядамъ лица, хотя эти взгляды и не могутъ выходить за предѣлы монаршей воли. Въ дѣлахъ иностранной политики, болѣе нежели въ какихъ либо другихъ, личныя достоинства министровъ, довѣріе къ нимъ Государыни и

*) См. выше, стр. 553 и 899.

вообще приближенность ихъ къ ея особѣ должны были составлять характеристическую особенность ихъ положенія.

По смерти графа Н. И. Панина (Мартъ 1783) первое мѣсто въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ занялъ графъ Иванъ Андреевичь Остерманъ, нося званіе вице-канцлера, а вторымъ присутствующимъ членомъ назначенъ Безбородко, съ оставленіемъ „при всѣхъ тѣхъ мѣстахъ и должностяхъ, кои на него по довѣренности возложены.“ При этомъ Безбородко произведенъ былъ изъ генералъ-маіора въ чинъ тайнаго совѣтника, „во уваженіе ревностной службы и многихъ трудовъ,“ какъ сказано въ именномъ указѣ, данномъ Сенату, 2 Февраля 1784 года [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, другимъ высочайшимъ указомъ, объявленнымъ въ тотъ же день, 2 Февраля, тайному совѣтнику Безбородкѣ пожалованы „въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Малороссіи деревни“ [2]), съ населеніемъ до 3.000 крестьянъ. И эта награда дарована „въ воздаяніе усердной службы и радѣтельныхъ трудовъ, на пользу государства подъятыхъ.“ Кромѣ того Безбородко награжденъ еще орденомъ св. Александра Невскаго [3]). Наконецъ, рескриптомъ, послѣдовавшимъ, 9 Апрѣля 1784 г., на имя князя Вяземскаго, повелѣно производить Безбородкѣ штатное жалованье „по 6000 руб. на годъ, да на столъ по 500 руб. на мѣсяцъ“ [4]).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что всѣми этими наградами не было удовлетворено желаніе Безбородки, какъ видно изъ письма его къ князю Потемкину, которому онъ чистосердечно высказывалъ желаніе относительно того, что̀ именно онъ хотѣлъ бы получить за свои труды. „По случаю благополучнаго окончанія всѣхъ нашихъ споровъ съ Турками“,—писалъ онъ,—„послѣ толь милостиваго отзыва, каковъ угодно было вашей свѣтлости относительно меня сдѣлать, мнѣ не оставалось бы, какъ жребій мой поручить единственно вашему благодѣтельному старанію; но поелику вы доброе ко мнѣ расположеніе до того распространяли, что восхотѣли узнать желанія мои, то, подчиняясь волѣ вашей, осмѣлюся сказать чистосердечно, что награжденіе меня недвижимымъ имѣніемъ, въ приложенной при семъ запискѣ означеннымъ [5]), составило бы все мое благополучіе и утвердило бы въ службѣ до тѣхъ поръ, пока силы дозволятъ и покуда ея величеству угодно. Казна потеряетъ тѣмъ только три тысячи доходу, а при томъ пожалованіе мнѣ и моему товарищу [6]) чиновъ, кои наши предмѣстники имѣли, то есть тайныхъ совѣтниковъ, послужило бы къ оказанію предъ свѣтомъ, что труды наши не оставлены безъ уваженія. Ваша свѣтлось всѣхъ лучше познать можете, не покажется ли мое желаніе, что̀ до деревень касается, излишнимъ; въ такомъ

---

[1]) Именные высочайшіе указы, хранящ. въ Архивѣ Прав. Сената, въ С.П.Б., за 1784 годъ, кн. № 155, ук. № 36, стр. 55.

[2]) Тамъ же, кн. № 155, ук. № 59, стр. 58.

[3]) О всѣхъ этихъ наградахъ было объявлено въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1784 г., 6 Февраля № 11, стр. 83): «генералъ-маіоръ А. А. Безбородко (награжденъ) тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, и пожалованы ему въ Малороссіи бывшія на урядѣ полковниковъ Гадяцкаго и Миргородскаго деревни, урядовыя полковыхъ Миргородскихъ старшинъ села Черевки и Аврамовка, да урядовыя генеральнаго судьи села Очкинъ и Суворовъ, съ принадлежащими къ нимъ землями и всякаго званія угодьями.»

[4]) Копія съ этого рескрипта, писанная собственноручно Безбородкою, хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

[5]) Записка эта не сохранилась.

[6]) Бакунинъ, Петръ Васильевичь, третій членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

случаѣ, на милость вашу совершенно полагаюсь. Я занимаю второе мѣсто между министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Нашъ первый, по смерти графа Панина, занялъ дѣломъ самимъ его мѣсто, получаетъ жалованье его и только одно имя вице-канцлера сохраняетъ. Онъ самъ и его предмѣстникъ князь Голицынъ [7]) были вице-канцлеры съ чинами тайныхъ совѣтниковъ. Пожалованіе меня симъ званіемъ было бы для меня знакомъ большой государской милости; а что̀ принадлежитъ до бытія моего при ея величествѣ, я за верхъ счастія моего сочту сохранить оное и всѣ лежащія на мнѣ внутреннія дѣла отправлять, какъ ея секретарь, тѣмъ паче, что старшій министръ всѣ иностранныя будетъ вѣдать по прежнему. Великодушіе и справедливость ваша, а съ моей стороны долгъ дружбы побуждаютъ меня сказать здѣсь и о моемъ товарищѣ, что онъ никогда не былъ награжденъ деревнями. Чинъ тайнаго совѣтника и тысяча душъ въ Бѣлоруссіи удовлетворятъ его совершенно" [8]).

На основаніи этого документа можно заключать, что Безбородко былъ не вполнѣ доволенъ наградами, пожалованными ему при назначеніи его вторымъ членомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Очевидно, что Безбородко желалъ, главнымъ образомъ, получить званіе вице-канцлера, по примѣру своихъ предшественниковъ, князя Голицына и графа Остермана. Но тѣмъ не менѣе письмо это показываетъ, что Безбородко находился въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ Потемкинымъ, и такія же, или, лучше сказать, дружескія отношенія существовали у него и съ П. В. Бакунинымъ, который занималъ въ это время мѣсто третьяго члена въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Дружба Безбородки съ Бакунинымъ не прерывалась до самой смерти послѣдняго [9]).

---

[7]) Голицынъ, князь Александръ Михайловичъ.

[8]) Графы Н. и П. Панины, П. Лебедева (Спб. 1863, стр. 318—320). Тутъ письмо это помѣчено: «1786 года, безъ числа», что̀ несправедливо. Оно написано было въ то время, когда Безбородкѣ уже извѣстно было назначеніе его въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, но онъ не получилъ еще оффиціальнаго или легальнаго опредѣленія. И вотъ въ письмѣ онъ откровенно и чистосердечно высказываетъ Потемкину, какъ человѣку, наиболѣе всѣхъ другихъ вліятельному при Дворѣ, свои мысли и соображенія относительно своихъ желаній и намѣреній; тѣмъ болѣе, что, какъ видно, Потемкинъ самъ желалъ этого. При такомъ предположеніи смыслъ письма станетъ, какъ мнѣ кажется, яснымъ. Если же отнести письмо это къ 1786 году (какъ оно напечатано у г. Лебедева), то оно становится совершенно непонятнымъ: какимъ образомъ Безбородко могъ просить Потемкина о награжденіи чиномъ тайнаго совѣтника, спустя два года по полученіи этого чина?

[9]) Есть, впрочемъ, свидѣтельство, изъ котораго можно вывести противуположное заключеніе. «За нѣсколько времени до отъѣзда Императрицы въ Крымъ (читаемъ въ извѣстномъ сочиненіи Масона), министръ иностранныхъ Дѣлъ, Бакунинъ, пользовавшійся сначала большою благосклонностію, получилъ приказъ удалиться за границу. Безбородко хотѣлъ дать Моркову должность въ Петербургѣ. Этого было достаточно для изгнанія Бакунина». Кастера Vie de Catherine II, Paris, an V de la république (1797), t. II, liv. XI, p. 132. Противъ этого мнѣнія и въ подтвержденіе сказаннаго объ отношеніяхъ Безбородки къ Бакунину можно указать, что въ духовномъ завѣщаніи Петра Бакунина, хранящемся въ Диканьскомъ архивѣ кн. С. В. Кочубея, есть, между прочимъ, статья, относящаяся до графа Безбородки, которому онъ завѣщалъ нѣкоторыя вещи, а именно: «малага въ полубутылкахъ его сіятельству графу Александру Андреевичу; ему же зеленая бочка.» За тѣмъ приведенный ниже документъ о назначеніи Моркова третьимъ членомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ показываетъ, что Морковъ опредѣленъ былъ въ означенную Коллегію лишь послѣ смерти Бакунина, слѣдовательно не по проискамъ и интригамъ Безбородки. «Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Морковъ (писала Екатерина въ рескриптѣ своемъ, отъ 19 Мая 1786 г.), назначивъ васъ къ занятію мѣста члена нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, учинившагося празднымъ по кончинѣ тайнаго совѣтника Бакунина, увѣрены мы, что вы сію новую должность исправлять будете съ таковыми же усердіемъ и радѣніемъ, каковыми отличался предмѣстникъ вашъ и каковыхъ вы сами подали намъ опыты по дѣламъ, на васъ возложеннымъ. Польза службы нашей требуетъ, чтобъ вы, до окончанія нынѣшняго сейма въ Швеціи, осталися тамъ, продолжая недреманное бдѣніе за интересами нашими и не

Награды, дарованныя Безбородкѣ при назначенiи его вторымъ членомъ въ Коллегiю Иностранныхъ Дѣлъ, достаточно свидѣтельствуютъ о щедрости Екатерины, и въ тоже время указываютъ на важное значенiе, которое имѣлъ онъ при дворѣ Государыни. Съ достовѣрностiю можно сказать, что уже въ это время Безбородко былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ императрицѣ лицъ, которыя, пользуясь ея довѣрiемъ, всегда имѣли къ ней доступъ. Это видно изъ письма Безбородки къ Потемкину, отъ 28 Iюля 1784 года.; письмо писано вскорѣ послѣ смерти генералъ-адъютанта Ланскаго, смерть котораго сильно поразила и опечалила Екатерину [10]). Безбородко, сообщая Потемкину о болѣзни Государыни, писалъ, что „вѣрнѣйшее къ истребленiю печали и всякаго душевнаго безпокойства намъ извѣстное есть средство — скорѣйшiй прiѣздъ вашей свѣтлости, прежде котораго не можемъ мы быть спокойны. Государыня меня спрашивала, увѣдомилъ ли я васъ о всемъ происшедшемъ, и всякiй день навѣдывается, сколь (скоро) ожидать васъ возможно. По сiю пору еще ея величество, кромѣ великаго князя, великой княгини, Николая Ивановича (въ послѣдствiи графа Салтыкова), графа (Андрея Петровича) Шувалова и меня, никого къ себѣ допускать не изволитъ; большею же частiю хочетъ все одна оставаться“ [11]).

12 Октября 1784 г. Екатерина писала своему довѣренному секретарю: „Труды и рвенiе привлекаютъ отличiе. Императоръ даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь comes! Не уменьшится усердiе мое къ тебѣ. Сiе говоритъ Императрица. Екатерина же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсивиться за симъ“ [12]).

Письмо это Безбородко перевелъ на Французскiй языкъ, какъ упоминаетъ объ этомъ Терещенко въ бiографiи Безбородки, но съ какою цѣлiю сдѣ-

---

упуская случаевъ, коими удобно воспользоваться безъ предосужденiя достоинству Двора нашего; а между тѣмъ, по окончанiи сейма, будутъ вамъ доставлены отзывныя грамоты.» (Дѣла Каб. Е. И. В., св. 442, ук. № 458).

[10]) Ланской погребенъ на Царскосельскомъ кладбищѣ, въ Софiи; надъ прахомъ его Императрица соорудила каменную церковь. Слѣдующая надпись вбита въ стѣну склепа, въ которомъ онъ погребенъ: «Ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ, отъ армiи генералъ-порутчикъ и кавалеръ градскаго корпуса и Смоленскаго драгунскаго полку шефъ, дѣйствит.-камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Александръ Дмитрiевичь Ланской, родился 8 Марта 1758, скончался 1783 года Iюня 25 дня. По случаю кончины его сооружена сiя церковь Екатериною Великой.» Въ церкви же, въ углубленiи праваго клироса, поставленъ памятникъ бѣлаго мрамора, съ его гербомъ. Внизу герба надпись, что здѣсь же «погребена сестра его, бывшая въ замужствѣ за Мацневымъ, урожд. Варвара Дмитрiевна Ланская.» Въ этой же церкви погребенъ и Владимiръ Яковлевичь Ланской, род. въ 1800, умершiй въ 1820 году. Кастера (Vie de Catherine II, Paris, 1797, t. II, liv. XI, p. 102) пишетъ, что «Екатерина воздвигла Ланскому прекрасный мавзолей, и, по прошествiи двухъ лѣтъ, придворные иногда замѣчали, что у этого памятника она заливалась слезами.» Слѣдуетъ замѣтить, что Ланской скончался не въ 1783 году, какъ гласитъ надпись надъ его могилой, а въ 1784 году. Въ 1783 г. онъ, въ эти самые дни, сопровождалъ Екатерину въ Фридрихсгамъ, для свиданiя съ Шведскимъ королемъ, о чемъ говорено выше.

---

[11]) Подлинное письмо это хранится въ Императорской публичной Библiотекѣ, и напечатано въ Русской Старинѣ, въ 1873, академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

[12]) 12 Октября 1784 г. Храповицкiй отмѣтилъ: «графство А(лександра) А(ндреевича) Б(езбородки)» (Дневникъ Храповицкаго съ бiогр. ст. и объясн. указ., сост. Н. П. Барсуковымъ, Спб. 1874 г., стр. 4.). Замѣтку эту Храповицкiй внесъ въ свой дневникъ по поводу написаннаго имъ рескрипта отъ Императрицы князю А. А. Вяземскому (Именные высоч. указы, хранящ. въ Архивѣ Прав. Сената за 1784 г., кн. № 156. ук. № 109, стр. 247). Письмо Екатерины къ Безбородкѣ напечатано въ слѣд. изданiяхъ: «Чтенiя, за 1863 г., кн. 3, стр. 162, ст. «Письма имп. Екатерины II къ разнымъ сановникамъ», сооб. А. Ѳ. Бычковымъ; «Анекдоты о имп. Екатеринѣ Великой», собран., П. Ш. «Москва» 1839 г., стр. 140, письмо 4-е, и «Москвитянинъ» за 1842, ч. XI, стр. 143—144.

ланъ переводъ—Терещенко не объясняетъ [13]).

12 Октября, препровождая матери своей и графу А. Р. Воронцову копіи съ письма Государыни, Безбородко писалъ первой, что „письмо для него лестнѣе и драгоцѣннѣе самаго сего графства и всякой почести или награды“ [14]). Воронцову онъ писалъ: „Письмо ея ко мнѣ есть всего выше, что̀ я изъ сей почести получить бы могъ.“

Въ Январѣ слѣдующаго 1785 г. былъ полученъ отъ императора дипломъ, помѣченный 3-мъ Декабря 1784 г., гдѣ, между прочимъ, говорилось, „что Безбородко во всѣхъ должностяхъ и чинахъ усердіемъ своимъ къ благу и славѣ отечества, къ исполненію намѣреній своея монархини, къ утвержденію добраго согласія съ державами, дружествомъ и союзами съ Россійскою Имперіею связанными, вѣрнымъ своимъ радѣніемъ и разными достославными подвигами получилъ многіе отличные знаки государевой милости и своими почетными свойствами украсилъ себя и родъ свой, а чрезъ то пріобрѣлъ себѣ и наше отмѣнное благоволеніе. Того ради мы не только ему, Александру Андреевичу Безбородку, но и младшему его брату, Иліи, бригадиру въ Россійской императорской службѣ, изъ собственнаго нашего побужденія явили отмѣнную нашу императорскую милость, не токмо присоединивъ ихъ купно со всѣми ихъ законными наслѣдниками, обоего пола, въ прямой линіи нисходящими потомками къ гражданству священной Римской имперіи, но и еще ихъ же съ законными наслѣдниками и потомками полною нашею императорскою властію въ высокую степень, честь и достоинство нашихъ и священныя Римской имперіи графовъ и графинь всемилостивѣйше возвели, удостоили, учредили, къ числу и обществу сего имянованія толь совершенно пріобщили, яко бы они уже отъ четвертаго колѣна съ отцовской и матерней стороны природные были графы и графини священныя Римской имперіи.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Безбородко получилъ и графскій гербъ, съ девизомъ „labore et zelo“ [15]), а 26 Января 1785 г. пожалованіе это было узаконено рескриптомъ императрицы на имя генералъ-прокурора князя Вяземскаго [16]).

Общественное мнѣніе недружелюбно посмотрѣло на новаго графа и не оставило безъ насмѣшекъ и зависти быстро возвышавшагося Безбородку. Энгельгардтъ, въ Запискахъ своихъ, разсказываетъ, что въ это время сочинена была на многихъ лицъ, а въ томъ числѣ и на вновь пожалованнаго графа, сатира въ рисункахъ, надѣлавшая много шуму и толковъ и окончившаяся весьма нешуточно. Онъ такъ описываетъ это событіе: „Фрейлина Эльмтъ [17]), Дивова [18]), братъ ея, флигель-адъютантъ князя Потемкина, графъ (Дмитрій Петровичь) Бутурлинъ и нѣкоторые другіе сдѣлали на многихъ знатныхъ людей сатиру въ рисункахъ, съ

[13]) Опытъ обозр. жизни санов., управляв. иностр. дѣлами въ Россіи. Соч. Терещенко, Спб. 1837 г., ч. II, стр. 174 и 191.

[14]) Москвитянинъ за 1842 годъ, ч. XI, стр. 143—144.

[15]) Т. е. трудомъ и рвеніемъ.

[16]) Подлинная грамота въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ, съ печатью въ золотомъ ковчегѣ, писана понѣмецки и хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина. Въ Архивѣ Департамента Герольдіи Прав. Сената находится и переводъ съ грамоты; тамъ-же и копія съ рескрипта князю Вяземскому (Именные высочайшіе указы за 1785 г., кн. № 257 ук. 26, стр. 71).

[17]) Баронесса Софья Ивановна Эльмтъ, фрейлина съ 11 Декабря 1781 г. («Русская Старина» 1871 г., т. IV, 393).

[18]) Дивова, Елизавета Петровна, жена тайнаго совѣтника Андріана Ивановича Дивова.

острыми, язвительными и оскорбительными надписями для многихъ лицъ, въ которой не пощажена и сама Императрица. Долго не находили сочинителей пасквиля, а въ удовлетвореніе болѣе потерпѣвшихъ безславіе, оный сожженъ былъ на эшафотѣ палачемъ; но по нѣкоторомъ времени парикмахеръ, убирая фрейлину Эльмтъ и имѣя надобность въ бумагахъ на папильоты, взглянулъ въ уголъ и, видя разорванные лоскутки бумаги, хотѣлъ оные употребить, но, взявши ихъ, увидѣлъ рисунки лицъ, подобралъ всѣ и представилъ оберъ-гофмаршалу, который узналъ ту сатиру, надписанную рукою фрейлины Эльмтъ, донесъ Императрицѣ, почему и открылись всѣ авторы. Фрейлину Эльмтъ, какъ говорили, оберъ-гофмейстерина высѣкла розгами, и отправлена она была къ ея отцу въ Лифляндію; Дивова съ мужемъ удалена изъ столицы; графъ Бутурлинъ отставленъ съ запрещеніемъ въѣзжать въ мѣстопребываніе Государыни. Всѣхъ острѣе изображенъ былъ Безбородко, недавно пожалованный графомъ; онъ держалъ книгу съ надписью: „Le comte nouveau relié en veau“ [19]). Если бы подобныя сему были всѣ насмѣшки и не касались обруганныхъ въ нравственности лицъ, то конечно поступлено бы было болѣе, нежели снисходительно“ [20]).

Теперь Безбородко имѣлъ полную возможность стать и во главѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, чему способствовали также нѣкоторыя другія обстоятельства, о которыхъ будетъ говорено ниже; здѣсь же, для хронологической связи, упомянемъ о путешествіи Екатерины въ Вышній Волочекъ.

Екатерина, держась мудрыхъ начинаній Петра Великаго, нашла и въ своемъ секретарѣ Безбородкѣ горячаго поклонника распоряженій великаго монарха. Извѣстно, что начало развитія искусственныхъ сообщеній въ Россіи относится ко времени Петра Великаго, который немало полагалъ заботъ о „канальномъ строеніи“ и о строеніи перспективныхъ дорогъ“. Наибольшее вниманіе монарха обращено было на Вышневолоцкую систему, которая, послѣ предварительныхъ работъ, произведенныхъ въ началѣ XVIII вѣка, отдана была въ 1719 году, съ разными привиллегіями, въ собственность купца Сердюкова [21]). Сердюковъ и привелъ въ исполненіе первоначальное искусственное учрежденіе системы. По смерти Сердюкова, Вышневолоцкій каналъ перешелъ къ его наслѣдникамъ, но они не захотѣли управлять имъ, и въ 1774 г. правительство пріобрѣло его въ казну за 170.000 р. со всѣми привиллегіями, данными Сердюкову [22]).

Съ этого времени начались значительныя усовершенствованія системы, а въ 1785 году работы были окончены, попеченіями Я. Е. Сиверса, и Государыня лично пожелала осмотрѣть ихъ.

Въ небольшомъ избранномъ обществѣ [23]) Императрица выѣхала изъ сто-

[19]) Новый графъ или новая повѣсть, переплетенная въ телячью кожу. Здѣсь непереводимая игра словами comte и conte.

[20]) Записки Л. Н. Энгельгардта, 1766—1836. Изд. Р. Архива, 1867 г., прим. 94, стр. 58.

[21]) 1-е Полн. Собр. Зак. № 3397 и 4018.

[22]) Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и публич. зданій 1858 г., т. XXVIII, отд. I, стр. 105 и 106.

[23]) Въ письмѣ къ Новгородскому намѣстнику Н. П. Архарову, 7 Мая 1785 г., Безбородко, сообщая ему о днѣ, назначенномъ для отъѣзда, въ тоже время извѣщалъ его, что кромѣ дежурныхъ чиновъ, состоящихъ при Государынѣ, «изъ прочихъ поѣдутъ: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, гр. Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, я и генералъ-маіоръ Левашовъ.» Въ концѣ письма Безбородко просилъ Архарова назначить для себя: «ежели не можно съ моею канцеляріею особое

лицы 24 Мая [24]) въ Вышній Волочекъ, а 30 Мая Безбородко писалъ къ графу Я. А. Брюсу [25]): „Сейчасъ, призвавъ меня, ея величество указала послать къ вашему сіятельству, что она изволитъ изъ обѣда на Черной Грязи пріѣхать ночевать въ Петровскій дворецъ, оттуда, во вторникъ, къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, а потомъ обѣдать въ Коломенское; въ среду, изъ Коломенскаго, послѣ обѣда, въ Екатерингофскій садъ. Тутъ позволяетъ ея величество всѣмъ желающимъ ее видѣть, съѣзжаться, буде время хорошо будетъ; но ежели дождь будетъ, то какъ ея величество намѣрена къ вамъ заѣхать по дорогѣ, въ такомъ случаѣ и собраніе можетъ быть у васъ. Государыня проситъ васъ извинить ее, что она не будетъ у васъ обѣдать“ [26]).

Изъ путешествія Екатерина возвратилась въ Петербургъ 19 Іюня [27]), а 1 Іюля отправилась въ Сестребекъ, гдѣ осматривала оружейный заводъ. На другой день, по возвращеніи въ Петербургъ, Безбородко, сопровождавшій и въ эту поѣздку Государыню, роздалъ, отъ имени Императрицы, чинамъ завода подарки, какъ сообщали о томъ современныя газеты [28]).

Черезъ недѣлю, именно 8 Іюля, въ письмѣ къ другу, графу А. Р. Воронцову, Безбородко высказывалъ свои наблюденія, которыя онъ вынесъ изъ путешествія, и взглядъ свой на политическое положеніе дѣлъ во всѣхъ тѣхъ государствахъ, которыя имѣли близкое или отдаленное отношеніе къ политическимъ интересамъ нашего отечества.

„Всѣ письма ваши, какъ во время путешествія (писалъ Безбородко), такъ и здѣсь, я получилъ исправно. Оставшися недолго въ Петергофѣ я по возвращеніи оттуда, сдѣлалъ новый вояжъ въ Систербекъ, да на силу теперь тутъ утвердивъ наше пребываніе, принялся я только съ прошедшей недѣли за дѣла, коихъ не мало накопилося. Къ графу Семену Романовичу 5 сего мѣсяца курьеръ отправленъ. Ваше сіятельство слышали еще здѣсь, что король Прусскій, возмущая князей Нѣмецкихъ противъ начальника ихъ, толкался и у короля Аглинскаго и до того успѣлъ, что сей послѣдній поколебанъ. Онъ и дѣйствительно, въ качествѣ курфирста Ганноверскаго, прислалъ въ Берлинъ одного изъ членовъ того правленія для заключенія лиги, который уже вступилъ въ конференціи съ Прусскимъ и Саксонскимъ министрами. Финкенштейнъ [29]) сдѣлалъ о сей негоціаціи партикулярное князю Долгорукову [30]) сообщеніе, увѣряя, что они тутъ не предпримутъ ни противъ кого ничего непріязненнаго, а соединяются только

судно, то по крайней мѣрѣ присоединя на оное развѣ г. Стрекалова и кабинетнаго расходчика.» (Дѣла Кабинета 1785 г., св. 448, № 254). Въ этомъ путешествіи, кромѣ вышеназванныхъ лицъ, по свидѣтельству Кастеры (Vie de Catherine II, Paris, an 1797, t. II, liv. X, p. 108) находились Потемкинъ, Ермоловъ и посланники Англіи и Франціи.

[24]) Въ исходящихъ книгахъ канцеляріи Безбородки, подъ 24 Мая 1785 г. отмѣчено: «24 Мая 1785 г. Въ сей день Е. И. В. изволила отбыть въ Вышній Волочекъ.» (Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 448, № 321).

[25]) Брюсъ, графъ Яковъ Александровичъ, въ это время былъ «генералъ-аншефъ, сенаторъ, главнокомандующій въ столичномъ г. Москвѣ и въ Московской губерніи и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подполковникъ.» (Мѣсяцосл. на 1775 г., стр. 5.).

[26]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 448, № 321.

[27]) Въ исходящихъ книгахъ канцеляріи Безбородко отмѣчено: «19 Іюня. Въ сей день послѣдовало высочайшее возвращеніе изъ путешествія.» Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 448, № 334.

[28]) С.ПБургскія Вѣдомости 1785 г., № 55, стр. 563.

[29]) Финкенштейнъ, графъ, Прусскій министръ.

[30]) Въ это время, т. е. въ 1785 г., князь Владиміръ Сергѣевичъ Долгоруковъ занималъ мѣсто «чрезвычайнаго посланника» отъ нашего Двора въ Берлинѣ (Мѣсяцос. на 1785 г., стр. 43.)

для удобнѣйшаго охраненія конституціи Германской. По предварительнымъ о семъ извѣстіямъ, заготовлена была къ графу Семену Романовичу депеша, чтобъ онъ съ крайнею рѣшимостію объяснился съ министерствомъ Аглинскимъ, далъ имъ чувствовать несходство сихъ проступковъ съ сдѣланными не одинъ разъ увѣреніями, представилъ ненадобность сей лиги, когда глава Имперіи, а согласно тому и здѣшній Дворъ, вездѣ подали обнадеживанія, что нѣтъ ихъ намѣренія противъ той Имперіи, и ту для Англіи невыгоду, что она можетъ быть введена королемъ Прусскимъ въ безвременныя хлопоты и въ остуду съ здѣшнимъ Дворомъ; что не только отдалится эпоха соединенія нашего давно ими желаемаго, но что легко мы можемъ поставлены быть въ необходимость, противъ желанія нашего, вступить, вопреки подобнымъ замысламъ, въ связь имъ противную. Сдѣланы имъ сильныя увѣщанія, какъ бы имъ оставаться слѣдовало, а притомъ учинены и обнадеживанія охранять ихъ отъ дальныхъ покушеній. Съ симъ же курьеромъ писалъ я къ графу Семену Романовичу, сообщая ему не токмо что̀ до его поста касалося, но вообще наши политическія обстоятельства, разныя разныхъ людей по онымъ мысли, и все, что̀ только любопытства его достойно. Между тѣмъ, наканунѣ отъѣзда нашего курьера, прискакалъ отъ него курьеромъ старшій Бакунинъ съ донесеніями, что онъ большею частію упредилъ наши предписанія. Какимъ образомъ онъ объяснился съ Кармартеномъ и что̀ [31]) по тому произошло, увидите изъ копіи, при семъ прилагаемой [32]). Государыня весьма довольна была графомъ Семеномъ Романовичемъ, но хотя князь Григорій Александровичь и вице-канцлеръ, принявъ сіе за поводъ, настояли на совершеніе извѣстной ихъ системы, ея величество на это не согласилась, объявивъ волю свою: 1), снестись съ императоромъ, сообща ему, что̀ прилично, и склоняя его, чтобъ онъ болѣе ласки Лондонскому Двору оказывалъ и нѣкія общія по крайней мѣрѣ сдѣлалъ имъ увѣренія; 2), отложить всякое дѣйствіе, касающееся до союза, покуда кончатся Голландское и Турецкое дѣла, и тогда поступить въ томъ съ размышленіемъ и не инако какъ убѣдившися, что то уже необходимо; 3), Англіи вновь подать обнадеживанія, что здѣшній Дворъ не подается ни на чьи противъ нея виды, если только она не встрѣтится противъ насъ. Фицгербертъ [33]), вчера только у меня будучи, о семъ вызвался весьма кратко и призналъ самъ, что по окончаніи дѣла Голландскаго, болѣе удобности настанетъ установить систему, у нихъ желаемую. Говоря о лигѣ, отзывался онъ о дѣлѣ Баварскомъ, какъ о такомъ, которое вошло въ существо оной лиги; но тутъ же молвилъ, что король, по мѣрѣ преклонности къ нему императора, и самъ въ его интересахъ будетъ размѣрять свое поведеніе. Вслѣдъ за симъ собираемся мы отправить новаго курьера къ графу Семену Романовичу. Ваше сіятельство въ его депешѣ ко мнѣ познаете, что г. Гарисъ таковъ всегда, каковъ былъ, и что на него, кажется, и теперь немного надежды имѣть можно. Князь Потемкинъ, въ дорогѣ говоря со мною о немъ, изъяснялся, какъ о человѣкѣ коварномъ,

[31]) Кармантенъ, лордъ, Англійскій статсъ-секретарь.

[32]) Копія эта не сохранилась.

[33]) Фицгербертъ занималъ при нашемъ Дворѣ постъ «чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра» отъ Великобританскаго Двора (Мѣсяцос. на 1785 г., 46).

лживомъ и весьма непохвальныхъ качествъ".

„Князь Голицынъ [34]) изъ Вѣны пишетъ, что Кауницъ вновь предъ нимъ похвалами превозносилъ союзъ свой съ Франціею и ея услуги по спорамъ съ Голландіею и Турками, жаловался на Англію и, признавая, что наше циркулярное письмо составлено гораздо яснѣе ихъ, удобнѣе еще успокоило духи въ Германіи, для чего и онъ намѣренъ паки такое жъ точно послать. Вы знаете, что это самое то письмо, о коемъ я сомнѣвался, чтобъ оно имъ понравилося, ибо въ немъ сказано много о Тешенскомъ мирѣ и разрывѣ дѣла Баварскаго. Они имъ очень довольны напротивъ того, имѣя видно нужду кончить хлопоты свои, кои весьма не къ мѣсту и неискусно затѣяли. Ваше сіятельство меня извините, что я по сію пору не могу привыкнуть къ Французамъ, да и не привыкну, покуда необходимость нѣкая ихъ къ намъ не сближитъ. Г. Сегюръ то только и твердитъ, что мы и они должны всю силу употреблять къ сохраненію въ Европѣ равновѣсія и покоя. Объ императорѣ только съ большимъ учтивствомъ, въ такомъ однакожъ содержаніи изъясняется, какъ товарищъ его г. Шоазель Гуффіе [35]), явно намъ говоритъ, что они Турковъ учатъ и укрѣпляютъ къ оборонѣ, а не къ нападенію, аки старыхъ друзей своихъ, обѣщая намъ милостиво не допускать ихъ начать войну. Дай Богъ, чтобъ положеніе таковое лучше объяснилось и чтобъ намъ не надолго въ ихъ опеку попасться. Я всегда думалъ, что всякое дѣло лучше самимъ дѣлать, когда есть только голова и руки".

„Онъ подалъ теперь ноту о торговомъ трактатѣ, въ копіи прилагаемую [36]). У насъ положено войти серіозно съ нимъ въ переговоры и, буде можно, заключить договоръ. Князь Григорій Александровичъ мнитъ, что, дозволя имъ свободу отъ ефимковъ, сдѣлавъ малую сбавку на ихъ вйна, не равняя однакожъ съ Венгерскимъ, Греческимъ и Гишпанскимъ и давъ извѣстную уступку въ Черноморскомъ торгу, мы очень ихъ поласкаемъ, и при томъ и для своего торгу получить можемъ нѣкоторыя выгоды. Сему министру будетъ теперь сдѣланъ краткій отвѣтъ о здѣшней готовности, а между тѣмъ Ея Величеству угодно, чтобъ ваше сіятельство по сей матеріи потрудилися заготовлять нужныя постановленія. Въ коммиссію не пошлемъ мы сего дѣла, удовольствуяся вашимъ однимъ мнѣніемъ".

„Китайскія наши дѣла дошли почти до разрыва. Они намъ прислали два бранные листа, затворили ворота и пресѣченіе торгу ознаменили пушечнымъ выстрѣломъ. Думаютъ, что то значитъ нѣкоторое объявленіе войны. У насъ приняты мѣры къ оборонѣ по возможности, и есть надежда, что по крайней мѣрѣ теперь оставятъ тамъ столько войска и доведутъ укрѣпленія до такой степени, что безпечны сдѣлаются границы. Въ трибуналъ Китайскій посылается листъ, при семъ въ копіи прилагаемый [37]). Государыня рѣшилася, если Китайцы не отрекутся, послать васъ съ полною мочью и властію, придавъ вамъ якобы и Соймонова [38])

[34]) Голицынъ, князь Дмитрій Михайловичъ, дѣйствит. камергеръ, находился въ это время «чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ» въ Вѣнѣ (Мѣсяцосл. на 1785 г., 41).

[35]) Шуазель-Гуффье, графъ, былъ въ это время посланникомъ въ Турціи отъ Французскаго Двора (Архивъ Госуд. Совѣта, I, 460).

[36]) Копія эта не сохранилась.

[37]) Копія эта не сохранилась.

[38]) Соймоновъ, Петръ Александровичъ, генералъ-маіоръ, занималъ должность кабинетъ-секретаря императрицы «у принятія челобитенъ», и въ его вѣ-

и для переводовъ Леонтьева [39]) для негоціаціи съ ними, считая, что вы не только предуспѣете успокоить нынѣшнія дѣла, но и до того доведете, что можно будетъ обослаться взаимными посольствами, дабы они увидѣли, что мы не тѣ, коихъ знали они лѣтъ за 50. Сверхъ того почитаютъ, что вы, обозря край тотъ, много ему добра доставить можете, и можетъ быть не въ одномъ мѣстѣ откроете торгъ съ сосѣдами для выгодъ жителей. Ея величество весьма желаетъ, чтобъ ваше сіятельство поспѣшили осмотромъ и возвращеніемъ сюда. Впрочемъ, ежели вы въ Сентябрѣ къ намъ будете, то конечно не опоздаете.“

„Увѣдомивъ васъ о всемъ, что̀ до нашей политики и сосѣдства принадлежитъ, теперь дамъ отчетъ вамъ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Въ пути нашемъ видѣли мы, что города, разумѣя тѣ, кои по резону и надобности сдѣланы, строеніемъ и въ другихъ частяхъ становятся получше, но при томъ ощутимо, что не могутъ они подняться безъ нѣкоего пособія. Опыты намъ доказали, что десять или двадцать тысячь ссуды довольно индѣ было для приведенія лѣтъ менѣе десяти городка въ пристойное по меньшей мѣрѣ состояніе. Обстоятельства таковыя иоткровенное мое съ г. Архаровымъ [40]) и другими изъясненіе дали мнѣ поводъ представить способы къ нѣкоему городовъ поправленію. Графъ Андрей Петровичь (Шуваловъ) согласился, и мы теперь ожидаемъ отъ него подробныхъ распоряженій. Средства наши суть слѣдующія:“

„1) Банкъ Ассигнаціонный назначитъ сумму отъ 5 до 6 милліоновъ для пособія городамъ.

„2) Пособіе сіе должно заключаться въ заведеніи каждому городу банка, изъ коего раздавать деньги желающимъ строить каменные до̀ма или лавки на пять лѣтъ безъ процентовъ, а другіе пять съ пятью процентами.“

„3) Изъ процентовъ Банкъ Ассигнаціонный присвоитъ себѣ три процента, а два остальные дать въ доходъ городу на его нужныя и полезныя заведенія.“

„4) Тремъ или четыремъ назначаемымъ особамъ разобрать города по ихъ состоянію и назначить по надобности сумму для каждаго, исключа тѣ, кои имѣютъ великіе доходы или богатыхъ гражданъ и безъ того знатный торгъ, или же кои и званія сего недостойны.“

„5) Всѣ нынѣшнія ссудныя суммы, городамъ розданныя, росписать въ ихъ пользу, разумѣя кабинетныя и изъ казначейства, и оныхъ изъ городовъ не взыскивать, а обратить въ вѣчный доходъ городамъ.“

„6) Для приведенія городовъ въ состояніе по планамъ скорѣе выстроиться, поелику нужно неимущихъ переселить на предмѣстья или кварталы (гдѣ дозволено и деревянное строеніе или мазанки, но хорошаго виду) на каждый городъ, смотря по препорціи, дать дачу, обыкновенно отъ Ея Величества въ проѣздахъ жалуемую, отъ двухъ до шести тысячь на каждый, пожаловавъ всю сію сумму изъ Кабинета или казначейства лѣтъ въ пять, ибо тутъ не менѣе милліона потребно.“

„Я увѣренъ, что сими средствами въ десять лѣтъ весьма застроятся города, поспѣютъ многія заведенія, и еще

дѣніи находились всѣ дѣла, касающіяся до управленія Колыванскими горными заводами. (Мѣсяцосл. на 1785 г., 10.)

[39]) Леонтьевъ, Алексѣй Леонтьевичь, въ 1785 г. занималъ должность «канцеляріи Коллегіи Иностр. Дѣлъ совѣтника при переводахъ» (Мѣсяцосл. на 1785 г., 40).

[40]) Графъ А. Р. Воронцовъ ревизовалъ въ это время нѣкоторыя губерніи.

жители получатъ ободреніе и пособіе въ ихъ торгѣ и промыслѣ. Для разбора городовъ въ коммисію приличнѣе всего было бы назначить васъ, графа Андрея Петровича, меня и еще одного изъ намѣстниковъ, а всего лучше Репнина [41]) или Кречетникова [42]). Ваше сіятельство много меня обяжете, сообща ваши по сей матеріи мнѣнія на досугѣ."

„Не смотря на мой собственный интересъ, я всегда того мнѣнія, что водяныя коммуникаціи здѣшней столицы съ низовыми мѣстами и города Архангельска съ Сибирью болѣе достойны вниманія, нежели соединеніе Днѣпра съ Двиною *); а и несравненно паче извѣстнаго намѣренія обратить ходъ Бѣлорусцевъ вмѣсто Риги къ Петербургу. Сіе заставило меня стараться о приведеніи въ исполненіе двухъ проэктовъ Петра Великаго, и именно: 1) о сдѣланіи водяной коммуникаціи чрезъ Вытегру, гдѣ струги, по перегрузкѣ, внизъ возратятся, а галіоты также оба пути удобно свершать могутъ, 2) о соединеніи двухъ рѣкъ въ Устюжской области для водяной связи въ Сибири, о чемъ вы слышали отъ Мельгунова [43]). Первое взялъ на себя генералъ-прокуроръ, и наряжаетъ туда своихъ гидравликовъ, а для послѣдняго посылаются инженеры: подполковникъ фанъ-Сухтеленъ и маіоръ Князевъ."

„Живемъ мы впрочемъ весело и спокойно. Въ самый день еще отъѣзда нашего въ походъ, меня Государыня спрашивала, для чего я не хожу къ ней на приватныя вечернія общества. Возвратившись, она меня пригласила однажды навсегда какъ здѣсь, такъ и въ городѣ".

„Листки изъ Записной книжки Русской Старины" (1874 года, т. X, 772 и 773) дополняютъ сообщеніе графа Безбородки о роли его въ эрмитажныхъ собраніяхъ; но вѣрить имъ едвали возможно, какъ объ этомъ сей часъ будетъ сказано. „Записная книжка Русской Старины" разсказываетъ, что „въ эрмитажныхъ собраніяхъ при императрицѣ Екатеринѣ, нѣкоторое время, заведенъ былъ ящикъ для вклада штрафныхъ денегъ за вранье. Всякой провинившійся обязанъ былъ опускать въ него 10 коп. мѣдью. При ящикѣ назначенъ былъ казначеемъ графъ А. А. Безбородко, который собранныя деньги послѣ раздавалъ бѣднымъ. Между другими, въ эрмитажныя собранія являлся одинъ придворный, который, бывало, что́ не скажетъ, все не впопадъ, или солжетъ. Неуклюжій казначей безпрестанно подходилъ къ нему съ ящикомъ, и этотъ враль почти одинъ наполнялъ ящикъ деньгами. Разъ, по разъѣздѣ гостей, когда при Императрицѣ остались немногіе, самые приближенные, Безбородко сказалъ:

---

[41]) Репнинъ, князь Николай Васильевичъ, въ 1785 г. былъ генералъ-аншефъ, сенаторъ, Смоленскаго и Псковскаго намѣстничествъ генералъ-губернаторъ. (Мѣсяцосл. на 1785 г., стр. 5.)

[42]) Кречетниковъ, Михаилъ Никитичъ, въ это время былъ генералъ-поручикъ, сенаторъ и правящій должность генералъ-губернатора Калужскаго и Тульскаго (Мѣсяцосл. на 1785 г., стр. 165).

*) Нельзя обойти молчаніемъ, что Безбородко принималъ участіе и въ сооруженіи Сѣверо-Екатериненскаго канала, который долженъ былъ соединить Двину съ системой рѣкъ Камско-Волжскаго бассейна. Трефолевъ въ статьѣ «Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала» (Русскій Архивъ, 1865 годъ) говоритъ, что Мельгуновъ донесенія свои Императрицѣ по сооруженію канала писалъ чрезъ графа Безбородку и, между прочимъ, просилъ его исходатайствовать на строеніе канала по 35,000 руб. ежегодно; но по случаю Турецкой войны и финансовыхъ затрудненій въ просьбѣ Мильгунову было Совѣтомъ отказано (Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. II, столб. 683).

[43]) Мельгуновъ, Алексѣй Петровичъ, сенаторъ и Ярославскій и Вологодскій генералъ-губернаторъ (Мѣсяцосл. на 1785 г., стр. 16 и 180).

„Матушка-государыня, этого господина не надобно бы пускать въ эрмитажъ, а то онъ скоро совсѣмъ раззорится".

—„Пусть пріѣзжаетъ, возразила Императрица, мнѣ дороги такіе люди; послѣ твоихъ докладовъ и послѣ докладовъ твоихъ товарищей, я имѣю надобность въ отдыхѣ; мнѣ пріятно изрѣдка послушать и вранье."

—„ О, матушка-императрица, сказалъ Безбородко, если тебѣ это пріятно, то пожалуй къ намъ въ первый департаментъ Правительствующаго Сената: тамъ то-ли ты услышишь"!....

Не касаясь дальнѣйшаго совершенно вымышленнаго, разсказа „Записной книжки" о вольности обращенія въ собраніяхъ подданныхъ съ императрицею Екатериною, не могу не упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что графъ А. А. Безбородко, въ царствованіе Екатерины Великой, не служилъ въ Сенатѣ, а потому и не могъ употребить фразы: „то пожалуй *къ намъ* въ первый департаментъ." Званіе сенатора, какъ будетъ говорено ниже, ему пожаловано Павломъ, 19 Января 1797 года, съ льготою присутствовать, „когда онъ отъ прочихъ возложенныхъ на него дѣлъ время имѣть будетъ." Безбородко вполнѣ воспользовался этимъ правомъ и никогда не присутствовалъ въ Сенатѣ.

Продолжаемъ выписку изъ письма Безбородки къ А. Р. Воронцову:

„Вамъ можетъ быть извѣстно, что сопутники наши иностранные вели себя отмѣнно хорошо, податливы были на всѣ рѣзвости и забавы, умѣли всѣмъ понравиться и были всегда отмѣнно приняты. Сегюръ весьма много имѣетъ въ себѣ пріятнаго, при отличныхъ знаніяхъ и способностяхъ. Онъ признался, что Герцъ [44]) всѣ силы употреблялъ его развратить и насказать объ насъ, какъ о сущихъ демонахъ Европы. По всему можно видѣть, что Франція, усмиривъ императора, хочетъ надолго сохранить съ нами свой союзъ. Верженъ [45]) паки началъ казать наружную склонность къ интересамъ Австрійскимъ. Онъ, сказываютъ, примирился съ королевою, и утверждаютъ, что Бретель [46]) и Каспери весь кредитъ потеряли. Извѣстная свадьба внучки перваго съ сыномъ дюшессы Полиньянъ разрушилася."

„Г. Ермоловъ [47]) не пожалованъ вновь еще ничѣмъ. Онъ человѣкъ весьма изрядный, благонравный, незаносчивый, развѣ избалуется, и ко мнѣ весьма вѣжливый. Онъ радъ искать знакомство и обхожденіе съ людьми серіозными и знающими. Я боюсь только, чтобъ тихой его нравъ, отвращеніе отъ рѣзвости и нѣсколько строгое наблюденіе декорумъ, а притомъ подозрѣваемая въ немъ ревность, — свойства отчасти сходныя съ свойствами нашего друга [48]), не сократили фаворъ его. Публика здѣшняя, видя, что онъ себя не слишкомъ впередъ выдвигаетъ и не лжетъ ни на кого, говоритъ,

---

[44]) Герцъ, графъ, Прусскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ (Мѣсяцосл. на 1785 г., 46).

[45]) Верженъ (Vergennes), графъ, съ 1774 года, управлялъ иностранными дѣлами Франціи послѣ смерти дюка д'Егильона. Умеръ Верженъ въ 1787 году.

[46]) Бретель (Breteuil), баронъ, съ 1760 года посланникъ Франціи въ Россіи, гдѣ заслужилъ вниманіе и довѣренность Екатерины II, съ 1769 г.—въ Швеціи, а потомъ въ Вѣнѣ. Въ 1783 году назначенъ министромъ королевскаго дворца. Скончался въ 1807 году (Архивъ Госуд. Совѣта I, ч. 1.).

[47]) Ермоловъ, Александръ Петровичъ, ея императорскаго величества флигель-адъютантъ, генералъмаіоръ. «Во времени» былъ съ начала 1785 г. по Іюнь слѣдующаго года, въ которомъ былъ уволенъ на три года за границу и надѣленъ значительнымъ капиталомъ (Р. Архивъ 1872 г., стр. 2131., 2145 и 2146).

[48]) Графъ П. В. Заводовскій.

что онъ *при дворѣ неловокъ*; но мнѣ кажется, его за сіе хвалить должно. Моя ему хвала меньше всѣхъ пристрастна, ибо я конечно въ немъ нужды не имѣю. Левашову [49]) при Дворѣ хорошо, но онъ также еще не испортился, да я думаю, что наша братья, моты и роскошные люди, не такъ скоро дѣлаются злыми людьми, какъ серьезные."

Это письмо показываетъ, что Безбородко глубоко понималъ какъ политическія обстоятельства государствъ, такъ и направленіе дипломатіи того времени, и что онъ занималъ исключительное положеніе въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Хотя, по видимому, въ Коллегіи первенствовалъ графъ И. А. Остерманъ, но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Приверженный къ старымъ обычаямъ, болѣе осторожный, чѣмъ искательный, важный по наружности, вице-канцлеръ былъ въ это время уже 60-ти лѣтнимъ старикомъ, а потому легко поддавался вліянію людей, чѣмъ и не преминулъ воспользоваться Безбородко. Всѣ важнѣйшія и секретнѣйшія дѣла по Коллегіи шли исключительно чрезъ руки Безбородки, который, впрочемъ, оставилъ Остерману всю ту внѣшнюю, такъ сказать, обрядовую сторону его первенства, которая проявлялась въ формальностяхъ [50]).

Преимущественному вліянію Безбородки на дѣла немало способствовало также и то, что онъ, занимая должность кабинетъ-секретаря, ближе и ранѣе могъ знать о существѣ дѣлъ, нежели Остерманъ, и прежде послѣдняго могъ слышать о нихъ мнѣнія Государыни. Перевѣсъ его надъ вице-канцлеромъ былъ такъ замѣтенъ, что сдѣлался извѣстенъ самой Екатеринѣ, которая и изъявляла потому не разъ свое неудовольствіе, но все таки не отдаляла отъ себя Безбородку, какъ способнѣйшаго и преданнаго ей дипломата.

Въ этомъ послѣднемъ мнѣніи сходились, по видимому, и всѣ близко знакомыя съ дипломатическими дѣлами того времени лица. Графъ Сегюръ, Французскій посланникъ при нашемъ Дворѣ, съ 1785 по 1789 годъ, пишетъ,

---

[49]) Левашовъ, Василій Ивановичъ, генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка преміеръ маіоръ (Мѣсяцосл. на 1785, стр. 6 и 14).

[50]) Интересный разсказъ о значеніи въ Коллегіи Остермана и Безбородки находимъ въ «автобіографіи графа С. П. Румянцова», когда онъ прогнѣвалъ Екатерину отказомъ своимъ быть посланникомъ при курфирстѣ Баварскомъ. Румянцевъ разсказываетъ объ этомъ такъ: «Хотя сей Дворъ и привлекалъ тогда вниманіе Европы, признаюсь, однакожъ, что не счелъ я для себя его столь лестнымъ. Просилъ я Императрицу письмомъ освободить меня отъ онаго назначенія, представляя, что тѣмъ отдалюсь я отъ отечества на долгое время, проводивъ уже и такъ нѣсколько лѣтъ внѣ онаго. Для подачи сего письма избралъ я секретаря Пастухова, какъ такого, съ которымъ Императрица ни связи со мной, ни происковъ подозрѣвать не могла. Отъ Пастухова отвѣтъ мнѣ былъ сдѣланъ, что Государыня приказала мнѣ объявить, что подданныхъ своихъ употребляетъ она какъ ей угодно и какъ польза Имперіи того требуетъ. Когда желалъ я отъ него слышать, что произошло при подачѣ самого письма, то онъ ввѣрилъ мнѣ, что Императрица очень разгнѣвалась, письмо мое разодрала и сей отвѣтъ приказала мнѣ сдѣлать, а когда уже онъ изъ комнатъ ея вышелъ, то камердинеръ его воротилъ, и Государыня ему сказала, чтобъ онъ въ письмѣ своемъ никакого выраженія не внесъ, которое бы меня опечалило. Могъ бы я еще продлить нѣсколько сіе свое непріятное положеніе, высматривая случая; однакожъ рѣшился я тотчасъ повиноваться, увѣренъ будучи, что при благоволительныхъ расположеніяхъ Императрицы ничто такъ въ пользу мою не подѣйствуетъ. Просилъ я вице-канцлера представить меня, какъ назначеннаго посланника, для принесенія Государынѣ благодарности, и когда цѣловалъ я руку Императрицы, то она съ улыбкою весьма милостиво и свое удовольствіе изъявила. Графъ Безбородко, зная все, что происходило, сказалъ мнѣ, что причины печалиться я имѣть не долженъ, давая мнѣ знать, что между тѣмъ, какъ я съѣзжу проститься съ отцомъ своимъ, можетъ послѣдовать и перемѣна. Въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь уже въ Петербургъ, получилъ я въ Москвѣ эстафету, извѣщающую меня о назначеніи новомъ—въ Берлинъ (Р. Архивъ 1869 г., стр. 851 и 852).

что „политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки.“ Разсказывая за тѣмъ о томъ, что Екатерина, „диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, обращала ихъ въ простыхъ секретарей,“ говоритъ, между прочимъ, о Безбородкѣ, что „онъ скрывалъ тонкій умъ подъ тяжелою наружностью“ и болѣе другихъ пользовался довѣріемъ Императрицы“ [51]). Еще точнѣе отозвался о графѣ Безбородкѣ „Сардинскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ маркизъ де Парело“, который находился при Дворѣ Екатерины, съ конца 1783 по 1789 годъ. Въ донесеніяхъ своему Двору онъ писалъ, что и относительно дѣлъ важныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, все состоитъ въ зависимости отъ трехъ и много четырехъ лицъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ монархини, именно: отъ князя Потемкина, графа Безбородки, князя Вяземскаго и Бакунина.“ Описывая за тѣмъ каждаго изъ этихъ лицъ, дипломатъ замѣчаетъ, „что эти господа недоступны для иностранца, и слѣдовательно нѣтъ иной возможности составить ихъ характеристику кромѣ извлеченія ея, съ нѣкоторымъ разборомъ, изъ слуховъ, распространенныхъ въ публикѣ“. Окончивъ разсказъ о князѣ Потемкинѣ, маркизъ сравниваетъ его съ графомъ Безбородкою, и при этомъ говоритъ: „Вслѣдъ за княз. Потемкинымъ, по этому порядку вещей, слѣдуетъ говорить о графѣ Безбородкѣ, который ровностью своего характера, кротостью и даже, можетъ быть, застѣнчивостью, какъ и небрежною простотою костюма, представляетъ странный контрастъ съ пышностью, самоувѣренностью и горделивою осанкою упомянутаго министра. Судя по наружности, можно бы подумать, что графъ пользуется второстепеннымъ кредитомъ при Дворѣ и играетъ роль подчиненнаго, но если всмотрѣться поглубже, нельзя не замѣтить тотъ часъ, что онъ стоитъ выше во мнѣніи Государыни, чѣмъ первый, вся сила котораго зависитъ единственно отъ убѣжденія ея въ томъ, что онъ необходимъ“.

„Изъ всѣхъ однакожъ лицъ, находящихся въ составѣ министерства, я гораздо больше вѣрую въ его честность, чѣмъ всякаго инаго, и если бы у меня было какое либо важное дѣло, мнѣ кажется, лучше всего было бы обратиться къ нему. Онъ умѣетъ цѣнить такое доказательство довѣрія, и это средство помогло уже многимъ, имъ пользовавшимся“ *).

Почти то же самое повторяетъ и Англійскій посланникъ, бывшій, съ 1779 года по 1783 годъ, при нашемъ Дворѣ, Джемсъ Гаррисъ, въ послѣдствіи лордъ Мальмсбюри, который въ донесеніяхъ своему правительству писалъ, что „Безбородко былъ первымъ лицемъ по вліянію своему на внутреннія и внѣшнія дѣла.“

Историческое безпристрастіе требуетъ сказать, что всѣ эти мнѣнія о Безбородкѣ близки были къ истинѣ.

---

[51]) Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1865 г., стр. 17, 178 и 267.

*) Съ копіи Французской рукописи, хранящейся въ архивѣ города Турина, имѣющей заглавіе: Relation et Tableau caracteristique de personnes qui jouent les premiers et principaux rôles à la Cour de St. Pétersbourg и обязательно доставленной мнѣ генеральнымъ нашимъ консуломъ въ Генуѣ, Романомъ Ивановичемъ Бахерахтомъ, которому она переслана была, по его просьбѣ, главнымъ директоромъ Туринскаго архива Никомедомъ Біанки. Рукопись завѣрена подписью самого Біанки. О важномъ значеніи этой рукописи говоритъ профессоръ Харьковскаго университета Д. Каченовскій въ своемъ отчетѣ о путешествіи по Западной Европѣ въ 1858 и 1859 годахъ (Актъ въ Харьковскомъ универ., 30 Августа 1860 г., Харьковъ, 1860 г., стр. 38 и 47).

При основательномъ знаніи политическихъ обстоятельствъ времени и при довѣріи Императрицы, Безбородко, естественно, принималъ не только дѣятельное, но и, по большей части, главное участіе въ дипломатическихъ дѣлахъ. Когда возникъ въ это время вопросъ о торговомъ трактатѣ между Россіей и и Франціей, графъ Сегюръ „всю свою надежду полагалъ на одного только графа Безбородко.“ „Умный, ловкій и уступчивый (пишетъ Сегюръ), но отчасти слабый, онъ нѣсколько помогалъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ съ тѣхъ поръ, какъ ему показалось, что Императрица желаетъ ихъ успѣха“ [52]). Сегюръ подалъ кн. Потемкину „конфиденціальную ноту“ о заключеніи упомянутаго договора между Россіей и Франціей во вредъ Англіи и, не смотря на увѣреніе князя, что нота понравилась Государынѣ, дѣло не подвигалось впередъ. „Разъ (разсказываетъ Сегюръ) я ѣздилъ въ Петергофъ; здѣсь на маскарадѣ графъ Безбородко сказалъ мнѣ на ухо, что ему приказано немедленно вступить въ переговоры со мною.“ Результатомъ этихъ переговоровъ, въ которыхъ участвовали, впрочемъ, кромѣ Безбородки, Остерманъ, Воронцовъ и Бакунинъ, было заключеніе торговаго договора съ Франціей, въ концѣ слѣдующаго 1786 года, 31 Декабря. Трактатъ этотъ былъ 7-й, въ которомъ принималъ участіе графъ Безбородко [53]). За труды свои Безбородко получилъ отъ короля 40.000 франковъ и портретъ его величества, осыпанный брилліантами, стоившій почти столько же [54]).

[52]) Записки гр. Сегюра, стр. 112.

[53]) Въ 1-мъ Полн. Собр. Зак. (№ 16. 489) документъ этотъ озаглавленъ такъ: «Трактатъ между Россіею и Франціею о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи».

[54]) Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1865 г.

Въ дѣлахъ съ Портою, какъ увидимъ ниже, Безбородко является главнымъ дѣятелемъ; таковою же дѣятельность его была и по другимъ дипломатическимъ вопросамъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что не было почти ни одного вопроса иностранной политики Россіи, въ которомъ не выразилось бы серіозно предпочтительное вліяніе Безбородки. Храповицкій въ Запискахъ своихъ замѣчаетъ, что до Безбородки „всякій часъ дѣло,“ а самъ Безбородко одинъ разъ сказалъ Храповицкому: „никто ничего не дѣлаетъ“, и что „не ему одному за всѣхъ писать“ [55]). Между тѣмъ, личность вице-канцлера отодвигалась болѣе и болѣе на второй планъ. Однажды Императрица выразилась о Безбородкѣ, что „онъ повадился рѣшать дѣла съ Морковымъ безъ вице-канцлера“ [56]). Въ другой разъ Храповицкій записалъ: „Донесъ о разсужденіи вице-канцлера. Онъ euдуракъ, а другой не любитъ того, что̀ не самъ выдумалъ“ [57]). Такъ же точно описываетъ вице-канцлера и Сардинскій посланникъ, маркизъ де Парело, который въ своихъ „реляціяхъ“ пишетъ: „Остерманъ, вице-канцеръ министерства иностранныхъ дѣлъ, исправляетъ лишь по наружности, а не существенно свою высокую миссію. Въ сущности, онъ тутъ ради представительства. Онъ аккуратно назначаетъ каждую недѣлю дни для совѣщаній; но каждый изъ министровъ избираетъ, судя по личнымъ связямъ, или сообразно съ дѣломъ, которое ведетъ, путь наиболѣе надежный, для достиженія своего интереса, и лишь формы ради сообщаетъ

[55]) Дневникъ А. В. Храповицкаго съ біогр. ст. и объясн. указ., сост. Н. П. Барсуковымъ, Спб. 1874, стр. 102 и 124.

[56]) Тамъ же, стр. 122.

[57]) Тамъ же, стр. 241.

графу о своей просьбѣ, когда дѣло почти достигло вѣроятности. Тогда графъ Остермамъ даетъ машинально отвѣты, продиктованные ему графомъ Безбородко или Бакунинымъ. Потому Безбородко, уже въ разсматриваемый періодъ времени, съ полной справедливостью, могъ сказать о себѣ въ своей автобіографической запискѣ: „Труды мои по внутреннимъ дѣламъ извѣстны столько же, сколько и по иностраннымъ; въ сихъ послѣднихъ, я только именемъ вторымъ, а дѣломъ былъ первымъ исполнителемъ воли государевой. Всѣ ея повелѣнія мною на письмѣ изображаются, и г. вице-канцлеръ ничего еще не сказалъ, что̀ бы не мною написано было, ни о какомъ дѣлѣ не представилъ, не посовѣтовавъ со мною. Мое мнѣніе было всегда первое“ [58]).

(*Продолженіе будетъ*).

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МАКСИМОВИЧЪ.

(*Прочтено въ публичномъ Засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 23-го Марта 1874 года, посвященномъ памяти Максимовича*).

Мы стоимъ подлѣ обросшей только что свѣжею травкою могилы; и, точно около старыхъ кургановъ вѣетъ прохладный, южный, утренній благоуханный вѣтерокъ, такъ вьется и надъ нею цѣлый сонмъ дорогихъ Русскому воспоминаній. Митрополитъ Евгеній, Иннокентій, Мерзляковъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Языковъ, Шевыревъ, Даль, Кирѣевскіе, Аксаковы, Хомяковъ, Одоевскій...... Славныя тѣни ихъ носятся надъ могилою, а внизу тихо плещетъ въ берега тысячелѣтнею волною Днѣпръ, вдали раскидываясь заводями по зеленому простору. На томъ берегу, старый, дремучій боръ шумитъ, нашептывая незапамятную быль о князѣ-красномъ солнышкѣ, о Мономахѣ, Ѳеодосіи Печерскомъ, о Межигорьѣ, о Запорожьѣ, о всей старой живописной Украинѣ. Неподалеку могила другаго пѣвца, роднаго сына той же матери Украйны. А сверху синій небосклонъ южнаго неба, словно Божья безграничная любовь, объялъ все,—и просторное ложе Днѣпра-Словутича, и старый боръ, и утопающая въ зелени вербъ, черемухъ и березъ, опустѣвшая хата мыслителя, и обѣ одинокія, но незабвенныя могилы. Чья же эта вѣщая, зеленая, недавняя? Это могила Максимовича.

Я не буду разсказывать всей его жизни, но постараюсь нарисовать его духовный, нравственный ликъ, и приведу лишь нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для посильнаго выполненія моей задачи. Оговариваюсь: пусть не ждутъ мастерскаго портрета; я счастливъ буду, если мой очеркъ найдутъ похожимъ на спѣшный карандашъ любителя, который, все таки, двумя-тремя удачными чертами, напоминаетъ еще живо-памятный многимъ образъ.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ родился въ 1804-мъ году, въ Украинской степи, неподалеку отъ Золотоноши, на хуторѣ Тимковщинѣ, славномъ славными именами Тимковскихъ. Мать М. А. была родная сестра ихъ. Максимовичи были потомки бѣдныхъ, но старинныхъ Малороссійскихъ дворянъ; дѣдъ М—а А—ча по отцѣ былъ живая лѣтопись: онъ служилъ въ знаменитой Бубновской сотнѣ и прозванъ былъ сосѣдями „старымъ маіоромъ.“ Окончивъ курсъ въ гимназіи, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Максимовичъ поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета. Бѣдные родители, врядъ ли бы могли его собрать и отправить въ Москву, если бы не помогъ одинъ изъ Тимковскихъ, принимавшій живое участіе въ юномъ племянникѣ. Въ Москвѣ и тогда жизнь была дороже, чѣмъ въ губерніяхъ; хоть и говоритъ одинъ изъ тогдаш-

[58]) Подлинная записка хранится въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея.

нихъ студентовъ: „въ одеждѣ намъ благопріятствовалъ фризъ“. Но и фризовую шинель надо купить; надо пить, ѣсть, и мы видимъ, что Максимовичъ во дни студенчества нерѣдко боролся съ сильною нуждою. Читая жизнеописанія замѣчательныхъ людей, право, приходитъ въ голову ужъ не правъ ли поэтъ въ своемъ извѣстномъ изрѣченіи: „бѣдность рождаетъ искусство“. Два года пробывъ на словесномъ факультетѣ, „восхищаясь обаятельнымъ словомъ Мерзлякова,“ котораго называетъ „соловію стараго времени“, Максимовичъ перешелъ въ отдѣленіе физико-математическое. Звѣздою этого отдѣленія былъ тогда М. Г. Павловъ, даровитѣйшій ученикъ Шеллинга, только что вернувшійся изъ за границы въ Москву на каѳедру сельскаго хозяйства. Его лекціи о природѣ, „въ духѣ натуральной философіи, вѣяли новою жизнью и зазывали студентовъ,“ говоритъ біографъ Максимовича. Въ 1823 году М. А. кончилъ курсъ кандидатомъ и началъ свою службу при Московскомъ университетѣ. Слѣдовало бы торопиться въ магистры, но кандидатъ, не смотря на необходимость заработывать кусокъ хлѣба, записывается въ медицинское отдѣленіе, на лекціи славныхъ тогда Лодера, Мухина и другихъ, объясняя товарищамъ, что это необходимо для естествознанія. Эти занятія не мѣшаютъ ему, однакожъ, слушать лекціи Давыдова въ отдѣленіи словесномъ; на послѣднихъ лекціяхъ онъ познакомился съ Шевыревымъ. Знавшіе Максимовича говорятъ, что онъ былъ лѣнивъ и работалъ мало, но необыкновенно скоро, какъ всѣ даровитые люди. Нужно замѣтить, что видимое бездѣйствіе подобныхъ людей часто важнѣе для успѣха мысли, чѣмъ продолжительное корпѣнье и писанье иного трудолюбца. Однако лѣнивый ученый пишетъ въ это время магистерское сочиненіе: „о системахъ растительнаго царства,“ издаетъ Малороссійскія пѣсни, читаетъ лекціи естественной исторіи, сотрудничаетъ въ журналѣ: „Новый Магазинъ“, издаваемомъ профессоромъ ботаники Гофманомъ, бродитъ по окрестностямъ Москвы, изучая мѣстную растительность и еще успѣваетъ, по порученію начальства, въ лѣтнее время изъяснять посѣтителямъ живыя растенія въ университетскомъ ботаническомъ саду, а зимою гербарій или травникъ университетской коллекціи. Черезъ три года М. А. былъ магистромъ физико-математическаго факультета, не покинувъ словесности и сдѣлавшись извѣстнымъ уже, напримѣръ, Пушкину, который, встрѣтивъ его у графа Уварова, сказалъ: „Мы давно знаемъ васъ, Максимовичъ, и считаемъ литераторомъ. Вы подарили насъ Малороссійскими пѣснями“. Князь В. Ѳ. Одоевскій давно уже ходитъ въ кандидатскіе номера бесѣдовать съ молодымъ ученымъ и приглашаетъ его на „философскіе вечера“ свои. Въ годъ полученія магистерства М. А. ѣздилъ не надолго въ Малороссію, потомъ занялъ безмездно каѳедру ботаники и принялъ на себя завѣдываніе ботаническимъ садомъ, гдѣ и жилъ въ теченіи четырехъ лѣтъ слишкомъ. Увлекшись профессорствомъ, онъ отказался отъ путешествія вокругъ свѣта. Успѣхъ безплатныхъ лекцій и безвозмездныхъ же статей въ журналѣ бывшаго профессора и занятія словесностью „окрыляли его“. Въ домахъ Аксаковыхъ, Елагиныхъ, встрѣтилъ онъ первый привѣтъ и сочувствіе и помнилъ объ этомъ до конца дней. Вскорѣ же по полученіи ученой степени, М. А. напечаталъ первую часть „Основаній Ботаники“, содержащую органологію растеній. „Книга имѣла такой успѣхъ, что знаменитый Берлинскій профессоръ Линкъ заимствовалъ изъ нея опредѣленіе растеній въ своемъ сочиненіи „Elementa philosophiae botanicae“. Это говоритъ много въ пользу сочиненія, если вспомнимъ пренебреженіе, съ которымъ относятся къ Русскимъ ученымъ, даже до сегодня, заграничныя даже незнаменитости.

Пять лѣтъ читая безмездно ботанику, Максимовичъ, въ награду, былъ наконецъ представленъ въ экстраординарные профессора сверхъ комплекта; но министръ народнаго просвѣщенія, князь Ливенъ не утвердилъ Максимовича „поелику штатное число экстраординарныхъ профессоровъ было наполнено“, какъ будто дѣло шло о какомъ нибудь вагонѣ, ту-

го набитомъ пассажирами. Попечитель университета, князь С. М. Голицынъ былъ внимательнѣе къ даровитому магистру: онъ уволилъ его, по представленію ректора, на Кавказъ для собиранія растеній и для поправленія разстроеннаго здоровья, съ назначеніемъ двухъ тысячь ассигнаціями изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Съ Мая по Сентябрь 1832 года пробылъ на Кавказѣ Максимовичъ. Двѣ тысячи, положимъ на ассигнаціи, въ дырявомъ карманѣ бѣдняка-магистра, читавшаго пять лѣтъ безъ жалованья! Максимовичъ говоритъ, что онъ блаженствовалъ на Кавказѣ, отдохнулъ, ожилъ. „Я завтра слушаю вашу лекцію,“ сказалъ товарищъ министра Максимовичу въ самый день возвращенія его съ Кавказа. Лекцій Максимовичъ не писалъ; написанная лекція стѣсняла его, связывала, сбивала; онъ приготовлялъ только содержаніе, а изложеніе обдумывалъ, ѣдучи на ванькѣ отъ Сухаревой башни на Моховую. Лекція ожила, разогрѣтая свѣжими впечатлѣніями Кавказа. Товарищъ министра былъ очарованъ и пригласилъ адъюнкта, прямо съ лекціи, обѣдать къ себѣ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, бывшимъ въ то время въ Москвѣ. „Такой ботаники,“ говоритъ біографъ, „не ожидалъ товарищъ министра отъ Московскаго, безвѣстнаго адъюнкта.“ Какова была эта ботаника, мы нѣсколько можемъ судить по „Размышленіямъ о природѣ“, еще съ 1827 года печатавшимся въ Московскомъ Вѣстникѣ, Сѣверныхъ Цвѣтахъ, Литературной Газетѣ и наконецъ въ Библіотекѣ для Чтенія. „Это были цвѣты науки, поэзія естествознанія“, говоритъ одинъ изъ современниковъ Максимовича. Размышленія изданы въ 1833 году отдѣльною книжкою; мы подѣлимся нѣсколькими строками изъ этого, позабытаго всѣми почти, труда. „Въ природѣ, гдѣ каждый предметъ есть и мысль творца, и вмѣстѣ явленіе оной—все жизнь. Потому и познаніе природы должно быть живое, объемлющее каждый предметъ цѣльнымъ, такимъ какъ онъ есть, въ обоихъ его значеніяхъ, совмѣстныхъ, равно-значительныхъ. Оно покорно, преданно слѣдуетъ природѣ; потому оно естественное и простое. Оно бываетъ опытное по своимъ начинаніямъ и умозрительное по продолженію; строго аналитическое и осторожно-синтетическое и потому положительное. Оно должно быть чуждо той искусственной и насильственной произвольности, въ какую впадаютъ безтѣлесная отвлеченность идеализма и бездушная матеріальность мелочнаго эмпиризма. Оба сіи односторонніе способа познанія въ томъ живомъ знаніи перестаютъ быть противниками и соединяются въ новую жизнь, какъ въ жизни человѣка—тѣлесное и духовное бытія его.“ Вотъ вѣское мнѣніе, высказанное въ привѣтственномъ письмѣ на юбилей Максимовичу, знаменитымъ его товарищемъ и сотрудникомъ, Г. Е. Щуровскимъ: „Ботаника явилась, благодаря вамъ, въ первый разъ на Руси въ своемъ современномъ состояніи, со всѣми изслѣдованіями тогдашнихъ представителей науки, Декандоля, Линка, Мирбеля и другихъ. Въ тоже время она заговорила изящнымъ Русскимъ языкомъ. Вмѣсто прежнихъ насильственно - составленныхъ терминовъ, мы услышали тутъ коренныя Русскія названія, которыя до того были удачны, что тотчасъ же вошли во всеобщее употребленіе. И можно ли не принять такихъ названій какъ напримѣръ: пологъ (perigonium) распуколка, станъ, подвѣнечникъ, завитки и проч. и проч? Всѣхъ названій, введенныхъ вами въ науку, пересчитать невозможно. Я укажу еще на одно, употребляемое нынѣ всѣми, названіе особь (individuum), которымъ вы замѣнили прежнія весьма неблагозвучныя названія: недѣлимое, индивидуумъ, индивидуй и т. п. Но многіе ли изъ нынѣшнихъ ботаниковъ и зоологовъ знаютъ, что этимъ названіемъ они обязаны вамъ? Въ одной изъ самыхъ недавнихъ диссертацій на степень доктора зоологіи было напечатано: „Русское слово особь несравненно лучше выражаетъ понятіе индивидуальности, чѣмъ индивидуумъ; не знаемъ, кѣмъ введено оно, но трудно найдти болѣе счастливое слово.“

Далѣе тотъ же заслуженный ученый говоритъ: „Дорогой другъ, сочиненія ваши по есте-

ственнымъ наукамъ были моими настольными книгами, когда я читалъ медикамъ ботанику и зоологію и служили мнѣ образцомъ при изданіи моей органологіи. Онѣ же припоминаютъ мнѣ время студенчества, бесѣдъ съ вами; въ этихъ бесѣдахъ мы воспитали ту горячую любовь къ наукѣ, которая донынѣ не остыла въ насъ и сдѣлалась самою существенною потребностью нашей жизни."

Я не буду приводить многочисленныхъ сочиненій, рѣчей, изданій, разборовъ не только статей, а напримѣръ цѣлой системы зоологической Готгельфа Фишера, Физики Павлова; скажу только, что дѣятельность молодаго, безпечнаго магистра была изумительна. Но не могу не упомянуть о изданной имъ въ 1833 году „Книгѣ Наума о Божьемъ мірѣ." Денисъ Васильевичъ Давыдовъ писалъ о ней Максимовичу: „Книга Наума заслужила отъ меня большое уваженіе; она не маякъ, освѣщающій горные предѣлы, а смиренная лучина, вспыхнувшая въ курной избѣ поселянина." Врядъ ли лучше можно опредѣлить и больше похвалить книгу, изданную для народа. Достоинство книги и было оцѣнено народомъ: она разошлась въ 12000 экземплярахъ, выдержала одиннадцать изданій и доселѣ читается съ наслажденіемъ. Къ этому же времени относится изданіе Украинскихъ пѣсенъ; мелодіи записаны съ народнаго голоса и приведены въ порядокъ знаменитымъ Алябьевымъ. Вотъ мнѣніе Максимовича о Великорусскихъ и Малороссійскихъ напѣвахъ, сохраненное Гоголемъ въ статьѣ его о Малороссійскихъ пѣсняхъ: „Русская заунывная музыка выражаетъ забвеніе жизни; она стремится уходить отъ нея и заглушить вседневныя нужды и заботы; въ Малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнію;—звуки ея такъ живы, что, кажется, не звучатъ, а говорятъ; говорятъ словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ въ душу."

Въ 1833-мъ году Максимовичъ почувствовалъ тоску по родной Украинѣ, а въ 1834 былъ назначенъ профессоромъ словесности и вскорѣ ректоромъ открывавшагося въ Кіевѣ университета Св. Владиміра. Къ Московскому университету онъ вынесъ вотъ какое вѣчное чувство: „Благодареніе тебѣ, alma mater; каждый годъ, 12-го Генваря, я вспоминаю, думаю о тебѣ съ любовью, гдѣ бы я ни былъ и никогда тебя не забуду." Ботаникъ, естественникъ дѣлается профессоромъ Русской словесности! Но, даже помимо изданій народныхъ пѣсенъ, помимо того, что М. А. не покидалъ занятій словесностью, это можетъ удивить только незнакомаго вовсе съ его произведеніями по естественной исторіи. Глубоко ученый въ нихъ не раздѣленъ съ словесникомъ, поэтомъ. Жалѣю, что размѣръ очерка вынуждаетъ меня ограничиться нѣсколькими строками изъ его „Размышленій о природѣ", этой поэмы о природѣ, заключающей (напомню) ученыя свѣдѣнія, высоко оцѣненныя не въ одной Россіи, но и за границею. „Тайна сія (цвѣтеніе) есть любовь. Періодъ цвѣтенія для растенія есть та пора жизни, когда оно готово жертвовать бытіемъ своимъ для другихъ, ему подобныхъ, существъ, когда оно устремляетъ къ сей цѣли всѣ силы свои, сбирающіяся въ цвѣткѣ. И никогда жизнь растенія не бываетъ такъ дѣятельна, пламенна и роскошна, какъ здѣсь, гдѣ достигаетъ она высшей степени своего развитія, образованія и совершенства. Цвѣтеніе есть брачное торжество жизни растенія; а цвѣтокъ есть тотъ чертогъ, гдѣ торжествуется любовь его такъ прекрасно и открыто предъ лицомъ солнца.... Большая часть цвѣтковъ источаютъ изъ сока своего сладкій нектаръ, для коего у многихъ есть особые сосуды или нектарники, у другихъ же самъ вѣнчикъ становится пиршественнымъ фіаломъ. На праздникъ цвѣтенія прилетаютъ разноцвѣтные мотыльки любоваться своимъ подобіемъ, слетаются и другіе крылатые гости „мошки, жучки—молодую поздравить, пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта!" Домовитыя пчелы возвращаются съ сего пира въ свои ульи съ сладкимъ запасомъ для душиетыхъ сотовъ."

Не можемъ не привести еще слѣдующаго поэтическаго сравненія. „Натуралистъ раз-

сматриваетъ сіи развалины, слои земли, вопрошаетъ сіи безмолвныя преданія природы о судьбѣ царствъ ея, разгадываетъ языкъ ея по оставшимся іероглифамъ и начертываетъ ея бытописаніе. А жизнь природы, обреченная подобно Сатурну поглощать свои рожденія, оплакиваетъ ихъ алмазами и перлами, хочетъ могилу ихъ украсить цвѣтами—и на гранитномъ корнѣ земли расцвѣтаютъ драгоцѣнные каменья и металлы."

Въ Маѣ 1834 года Максимовичъ отправился въ Кіевъ на жительство, по дорогѣ заѣхалъ къ отцу, еще бывшему въ живыхъ и на могилу матери. Вотъ какъ описываетъ онъ одинъ изъ своихъ переѣздовъ чрезъ Днѣпръ въ письмѣ къ одному изъ Московскихъ друзей М. П. Погодину. „Ночевавши въ Броварахъ, я рано утромъ пріѣхалъ къ Днѣпру. Онъ былъ тогда въ полномъ разливѣ, а на паромахъ переправляли цѣлую дивизію, и мнѣ приходилось дожидаться до слѣдующаго дня". Трое казаковъ предложили ему переѣхать съ ними въ лодкѣ. „Солнце свѣтило ярко, но вѣтеръ былъ сильный, и волны на Днѣпрѣ клубились барашками, а лодка была крошечная, душегубка. Кое-какъ усѣлся я въ ней между двухъ казаковъ. Жутко было мнѣ пока отплывали отъ берега. „Онъ глотаетъ людей какъ мухъ", говоритъ Гоголь о взволновавшемся Днѣпрѣ. Но когда мы уже очутились надъ самою глубиною Днѣпра, мнѣ стало необычайно легко и безпечно. Живо мнѣ тогда воображались и твои Варяги, и мои Запорожцы, нѣкогда сновавшіе по здѣшнимъ волнамъ. А эти горы—ненаглядныя Кіевскія горы!"

13-го Іюля былъ М. А. въ Кіевѣ, а 15-го присутствовалъ при открытіи университета Св. Владиміра. „Въ качествѣ новопріѣзжаго изъ Москвы ректора, сидѣлъ я у каѳедры, съ которой звучала Латинская рѣчь профессора Якубовича de pulchro Platonico; а сидѣвшій возлѣ меня графъ Протасовъ нашептывалъ мнѣ изрѣдка свои замѣчанія о ней, чѣмъ доказывалось, что Латинскій языкъ ему извѣстенъ. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на многочисленную, парадную публику, изъ четырехъ губерній собранную. Во главѣ ея былъ митрополитъ Евгеній, благословившій открытіе новаго всеучилища. Какъ онъ прекрасенъ былъ въ своей величавой простотѣ! Объ руку съ нимъ красовался ближайшій другъ его въ Кіевѣ, престарѣлый герой двѣнадцатаго года, фельдмаршалъ Сакенъ. Имъ обоимъ подносилъ я дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ новорожденнаго университета. Но меня особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ; мнѣ хотѣлось угадать въ немъ знаменитаго ректора академіи, и я угадалъ его! По окончаніи акта я успѣлъ подойти къ нему; и его первое, теплое слово мнѣ и рукожатье были залогомъ той пріязни, которою скрашена была моя семилѣтняя, служебная жизнь въ Кіевѣ. Особенно въ первый годъ, когда послѣ разлуки съ моими Московскими друзьями и товарищами одолѣвала меня сильная тоска въ моемъ здѣшнемъ университетскомъ одиночествѣ, сдруженіе съ Иннокентіемъ было благотворною опорою для души моей. Незабвенны мнѣ тогдашнія его бесѣды со мною по вечерамъ; и его длинная келья въ Братскомъ монастырѣ, вся заваленная книгами и газетными листами; и выходная дверь изъ нея въ небольшой садъ, отдѣленный отъ міра каменною стѣною и ушпигованный (по выраженію Гоголя) устремленными къ небу тополями. Сколько разъ я приходилъ туда истомленный служебными дѣлами, кипѣвшими тогда подъ барабанною скоропоспѣшностью фонъ-Брадке, и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душою и мыслію." М. А. былъ не разлученъ съ Иннокентіемъ до его отъѣзда въ Вологду. Вотъ мнѣніе Иннокентія о вступительной лекціи М. А. „О значеніи и происхожденіи человѣческаго слова": „Возвращаю отрывокъ будущаго прекраснаго зданія и благодарю за удовольствіе видѣть его прежде другихъ. Самъ Св. Владиміръ не усумнился бы одобрить его къ изданію въ свѣтъ."

Для того, чтобы познакомить читателя съ необыковенною ясностью, точностью и краткостью изложенія, приведу начало этой лекціи.

„Душа человѣческая имѣетъ три главные способа выражать свою внутреннюю, личную жизнь. Она выражаетъ себя въ образахъ; образы сіи двухъ родовъ: или тѣлесные (пластическіе) наполняющіе пространство веществомъ своимъ (по подобію бытія тѣлесно-земнаго), опредѣляемые выпуклостями и впадинами, ощутимые для зрѣнія и осязанія; таковы произведенія искусствъ, называемыхъ ваяніемъ (скульптура) и зодчествомъ (архитектура). Или же образы бываютъ безтѣлесные (оптическіе) только видимые въ пространствѣ, въ которыхъ (по подобію эфирнаго бытія) вмѣсто тяжелой, вещественной массы свѣтъ, тѣни да цвѣта; таковы картинныя произведенія живописи."

„Другой способъ выраженія души, болѣе таинственный, происходящій въ пространствѣ только невидимымъ движеніемъ воздуха, болѣе совершающійся во времени, ощущаемый слухомъ; это звуки, коими владѣетъ музыка."

„Слово есть третій, полнѣйшій и, можно сказать, собственнѣйшій и ближайшій душѣ способъ ея выраженія, въ которомъ нѣтъ односторонности ни образа, ни звука, но въ которомъ и тотъ и другой слиты въ совершенно-первородное единство и цѣлость. Оно живописуетъ звуками. Сліяніе звука и образа въ словѣ я уподобляю сліянію свѣта и теплоты въ огнѣ. И какъ огонь грѣетъ и свѣтитъ вмѣстѣ, такъ слово способно выражать теплоту чувства и свѣтъ мысли, возбуждать ихъ въ другомъ и такимъ образомъ быть истиннымъ пламенникомъ убѣжденія."

„Слово въ началѣ было у Бога; все произошло черезъ него, и безъ него не произошло ничего въ мірѣ. Посему слово было первымъ воплощеніемъ его мыслей, переходящихъ въ явленія міра."

Въ одной изъ рѣчей своихъ „о Русскомъ просвѣщеніи" для разъясненія самобытности творчества духа народнаго Максимовичъ дѣлаетъ такое, удачнѣйшее, сравненіе:

„Такъ въ природѣ. Бытіе составляется изъ постороннихъ стихій, кои, пробудя жизнь врожденную тѣлу, питаютъ ее, и она, усвояя оныя, созидаетъ изъ нихъ собственное, особое бытіе. Но тамъ, гдѣ сіи постороннія стихіи подавляютъ и поглощаютъ собою силы жизни, тамъ она не возникаетъ, и потому тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія."

Но.... „самыя полныя, искреннія записки," говоритъ князь Вяземскій въ предисловіи къ письмамъ Карамзина, „не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда проговаривающеюся рукою. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея."

Поэтому я возвращаюсь къ письмамъ. Вотъ что̀ пишетъ М. А. о первомъ времени своей Кіевской жизни.

„Въ исходѣ Іюня я посѣтилъ родные мнѣ предѣлы Переяслава и Золотоноши и первые три дня Іюля провелъ въ Тимковщинѣ, надъ рѣчкою Згарью, гдѣ впервыя увидѣлъ я свѣтъ жизни и гдѣ не былъ я съ самаго дѣтства.

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе
На родинѣ моей».

„О 1835 годѣ," пишетъ далѣе М. А. „я вспоминаю какъ о лучшемъ и пріятнѣйшемъ въ моей Кіевской жизни. Не вотще было благожеланіе, выраженное въ слѣдующихъ строкахъ: „Съ новымъ годомъ, М. А. Да будетъ онъ для васъ тѣмъ новымъ лѣтомъ пріятнымъ, для нареченія коего на бѣдной землѣ нашей пришелъ Тотъ, въ рукахъ Коего земля и небо, время и вѣчность. Это усерднѣйшая молитва вашего собрата о Христѣ Иннокентія. Генваря 1-го 1835 года."

„И какая божественная весна была въ томъ году," продолжаетъ Максимовичъ. „Гоголь, съ которымъ мы сбирались вдвоемъ переселиться въ Кіевъ, чуялъ ту Украинскую весну на берегахъ Невскихъ и писалъ мнѣ о ней съ тоскою отъ 22-го Марта: „Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастье? Знаешь ли

ты его? Ты свидѣтель ея рожденія; впиваешь ее, дышешь ею"... А встрѣчалъ я ту весну въ вербную субботу и на страстной недѣлѣ въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ я говѣлъ и причащался изъ рукъ Иннокентія и впервыя слышалъ его слово предъ плащаницею; съ нимъ же былъ и мой первый выѣздъ за городъ—въ Выдубицкій монастырь, въ день С. Георгія. Иннокентій былъ великій любитель природы; да и во мнѣ, кажется, полюбилъ онъ прежняго естествоиспытателя и сочинителя „Размышленій о природѣ."

Вотъ какъ поздравилъ Иннокентій М. А. въ этомъ, знаменательномъ году со днемъ его ангела: „Со днемъ Архангела, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичь! Да хранитъ онъ васъ своимъ пламеннымъ оружіемъ и да отражаетъ отъ васъ всѣ силы вражія. Иные ищутъ для себя девизовъ; у васъ въ самомъ имени наилучшій девизъ. Кто яко Богъ? Да будетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ девизомъ вашей жизни. Предметомъ умственной дѣятельности вашей доселѣ были и теперь суть цвѣты и вертограды; но и подъ цвѣтами нерѣдко сокрываются змѣи, и въ раѣ былъ врагъ, и самая смерть послѣдовала отъ плода. Слѣдовательно, и на полѣ вашей дѣятельности есть мѣсто брани, побужденіе и случай къ подвигу за истину, драгоцѣнная возможность являть въ дѣйствіяхъ своихъ: кто яко Богъ? Продолжайте быть служителемъ слова не человѣческаго и преходящаго въ воздухѣ, а божественнаго, вѣчнаго; поражайте всѣ кривые призраки изящнаго; гоните байронизмъ въ ту бездну, изъ коей онъ возникъ; стойте твердо за святыню слова—и вы будете Михаиломъ для самихъ небожителей и, переходя на небо, вамъ не нужно будетъ принимать новаго имени: ибо ваше будетъ совершенно выражать васъ. Всего сего усерднѣйше желаетъ вамъ вашъ Иннокентій."

„Давно уже нѣтъ на Печерскѣ," вспоминаетъ М. А. въ одномъ изъ писемъ о томъ же 1835 годѣ, „того Кортова дома, гдѣ помѣщался первоначально университетъ, гдѣ было кратковременно и мое первое пристанище въ Кіевѣ.—Яко же духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего.—Но уцѣлѣлъ еще отъ сломки на Никольской улицѣ тотъ, знакомый тебѣ, Катериничевъ домикъ, въ который перемѣстился я къ веснѣ 1835 года, перезимовавши въ старомъ Кіевѣ, во дворѣ отца Кирилла Ботвиновскаго. Тотъ Катериничевъ домикъ стоитъ нынѣ на тычку, первый съ правой руки, при въѣздѣ въ новозданную Печерскую крѣпость, возлѣ лаврскаго дома. Тамъ, прежде всѣхъ гостившихъ у меня друзей, былъ Гоголь, нарочно пріѣзжавшій ко мнѣ въ концѣ Іюля, возвращаясь изъ своей Полтавской Васильевки или Яновщины въ Петербургъ. Онъ пробылъ у меня пять дней, или лучше сказать пять ночей, ибо въ ту пору все мое дневное время было занято въ университетѣ, а Гоголь уѣзжалъ съ утра къ своимъ Нѣжинскимъ, лицейскимъ знакомцамъ и съ ними странствовалъ по Кіеву. Возвращался онъ вечеромъ, и только тогда зачиналась наша бесѣда. Нельзя было мнѣ не замѣтить перемѣны въ его рѣчахъ и настроеніи духа; онъ каждый разъ возвращался неожиданно степеннымъ и даже задумчивымъ. Ни крѣпкаго словца, ни грязнаго анекдотца не послышалось отъ него ни разу. Онъ, между прочимъ, сознавался откровенно о своемъ небреженіи, о лекціяхъ въ Петербургскомъ университетѣ и жалѣлъ очень, что его не принялъ фонъ-Брадке въ университетъ Кіевскій. Я думаю, что именно въ то лѣто начался въ немъ крутой переворотъ въ мысляхъ—подъ впечатлѣніемъ древне-русской святыни Кіева, который у Малороссіянъ XVII вѣка назывался Русскимъ Іерусалимомъ (У святителя Димитрія, гетмана Самойловича и друг.)"

„Вмѣстѣ съ Гоголемъ удалось только на другой день его пріѣзда побывать у Андрея Первозваннаго; тамъ я оставилъ его на сѣверозападномъ углѣ балкона, отлучась по дѣламъ къ попечителю, жившему тогда своимъ гостепріимнымъ домомъ возлѣ Михайловскаго монастыря; а когда вернулся, я нашелъ его возлежащимъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Я помню, что изъ представляющейся оттуда обширной панорамы Кіева тебѣ и А. И. Тургеневу

и другимъ, съ которыми я бывалъ тамъ, всего болѣе нравился видъ на Подолъ и Днѣпръ. Но Жуковскій (въ Октябрѣ 1837 года) пристальнѣе всего вглядывался въ ту сторону, гдѣ Вышгородъ, градъ Ольгинъ и срисовалъ себѣ тотъ видъ; а Гоголю особенно полюбился видъ на Кожемяцкое удолье и Кудрявецъ. Когда же мы снова обходили съ нимъ вокругъ той высоты, любуясь ненаглядною красотою Кіевскихъ видовъ, стояла недвижно Малороссійская молодица, въ бѣлой свитѣ и намиткѣ, опершись на балконъ и глазѣя на Днѣпръ и Заднѣпровье. „Чого ты глядишь тамъ, голубко"? спросили мы.—„Бо гарно дивиться", отвѣчала она, не перемѣняя своего положенія, и Гоголь былъ очень доволенъ этимъ выраженіемъ эстетическаго чувства въ нашей землячкѣ. Мы разстались въ Кіевѣ надолго, до нашего свиданія въ Октябрѣ 1849 года въ Москвѣ."

„Гоголь завершилъ мнѣ собою въ Кіевѣ то лѣто пріятное," продолжаетъ М. А. „1835-й годъ была у насъ пора самая горячая: готовились къ закладкѣ университета и ожидали царскаго пріѣзда. И было уже все готово, были присланы изъ Петербурга и большая платиновая медаль, и всѣ Русскія монеты, чеканенныя въ томъ году. Попечитель съ инспекторомъ Люце, своимъ шуриномъ, озаботились выучить студентовъ даже церемоніальному маршу."

Добросовѣстный во всемъ и всегда, требовательный больше всего къ себѣ, М. А. въ Декабрѣ того же 1835 года отказался отъ ректорства. „Мнѣ стало не въ моготу тянуть двойную лямку—ректора и профессора. Я видѣлъ, что ректорство, начатое мною въ новомъ университетѣ, можно было продолжать всякому, и было уже кому продолжать; а мнѣ оно было помѣхою въ дѣлѣ доставшейся на мою долю науки, нескончаемой въ своемъ требованіи и усовершеніи, какъ всякая наука. И мнѣ надо было посвятить ей всѣ мои силы и труды, тѣмъ болѣе, что попечитель не хотѣлъ принять мнѣ въ адъюнкты желанныхъ мною людей, ни Чистякова, ни Тарновскаго. Оба они были извѣстные мнѣ кандидаты Московскаго университета."

Оставленіемъ должности ректора и кончился знаменательный 1835-й годъ.

А былъ онъ точно знаменателенъ, этотъ годъ. Гоголь, Иннокентій, Максимовичъ, вмѣстѣ въ Кіевѣ! Какимъ урожаемъ для слова вѣетъ даже отъ одного воспоминанія объ этомъ лѣтѣ пріятномъ. И какъ слышится въ этомъ сближеніи великихъ силъ нѣчто важное для судебъ роднаго искусства, почти знаменіе. Предъ нами будто совершаются, установленные отъ вѣка, непреложные завѣты слова. Гоголь задумался, молчаливъ; Жуковскій глядитъ на темно-синюю даль, гдѣ былъ когда-то Вышгородъ, градъ Ольгинъ. Такъ и видишь, какъ зиждется, спѣетъ внутренній міръ души художника, для того, чтобы созрѣвъ явиться намъ въ прозрачномъ, какъ кристаллъ, могучемъ словѣ, явиться цѣлымъ уже, стройнымъ и ненаглядно-прекраснымъ, будто Украина, будто ея небо, иль та задумчивая даль, на которую задивовалась молодица.

Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, такъ; но при чемъ же тутъ, спросятъ можетъ быть, Максимовичъ? А вотъ, между прочимъ, при чемъ. Еще въ 1827-мъ году, въ предисловіи къ сборнику пѣсенъ, М. А. пишетъ: „Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно-русская. Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только берутъ средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась. Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность; это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная."

Это было сказано, повторяю, въ 1827-мъ году; вотъ о чемъ толковалъ, можетъ быть,

ночи Максимовичъ съ Гоголемъ. Въ одно изъ посѣщеній Пушкина, Максимовичъ засталъ его надъ сборникомъ своихъ пѣсенъ.—„А я обираю ваши пѣсни", сказалъ Пушкинъ, встрѣчая гостя. Онъ писалъ въ это время Полтаву; первый отрывокъ Бориса Годунова появился въ „Украинцѣ" Максимовича. Въ 1833-мъ году Гоголь задумалъ писать исторію Украйны; вотъ отрывокъ изъ его письма этого времени къ Максимовичу: „Я порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчкѣ, между стѣнами убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью Жида, считающаго червонцы. Моя радость, жизнь моя пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями."

Но сама черствая лѣтопись оживала у Максимовича. Мы нѣсколько видѣли его отношеніе къ природѣ, отношеніе чисто-русскаго мыслителя; такою любовью можетъ проникнуться только рѣчь того, кто относится къ предмету не однимъ разумомъ, но и сердцемъ, всѣми органами познаванія, какими Богъ надѣлилъ человѣка. Также точно относился М. А. и къ родному прошедшему; ученость и тутъ не помѣшала ему остаться живымъ человѣкомъ, художникомъ; въ самомъ сухомъ трудѣ у него, какъ онъ говорилъ самъ, всегда обрѣталась „хмелинка поэзіи."

„Вотъ я въ Межигорьѣ. Величавый Преображенскій храмъ, воздвигнутый послѣднимъ Всероссійскимъ патріархомъ Іоакимомъ и Петропавловская церковь, поставленная послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи Петромъ Кальнишевскимъ, красуются и теперь, какъ бы только что построенные для Межигорской братіи, на умноженіе хвалы Божіей. На востокъ отъ нихъ, на Пекарницкой горѣ, раскрыта вновь давняя, Межигорская пещера съ бывшею въ ней подземною церковью во имя С. Онуфрія. Въ другой сторонѣ отъ нихъ бьетъ, попрежнему, подгорный, свѣтловодный ключъ, называемый „Звонками." И зеленѣютъ по горамъ еще въ полной силѣ огромные, многовѣковые дубы. Безотвѣтные они свидѣтели долгой жизни монастыря; но подъ ихъ сѣнью, подъ шумомъ ихъ листьевъ живѣе воображается почти забытая старина этого достопамятнаго мѣста."

Такъ оживаетъ предъ нимъ родная быль въ живописномъ, надднѣпровскомъ удольѣ, подъ вѣтвистыми дубами въ Межигорьѣ. Шепчутъ старые дубы; но мечтатель-художникъ, развернувъ стараго лѣтописца, Густынскую лѣтопись, не слушаетъ ихъ; позабывъ о своемъ творческомъ дарѣ, онъ отдается весь, какъ страстный любитель науки, возстановленію истины, указываетъ другимъ неточности, ошибки, указываетъ безъ упрека, съ любовію, безъ щегольства, думая, подобно древнему лѣтописцу, не о себѣ, а лишь о томъ, какъ бы вѣрнѣе, кѣмъ бы то ни было, возстановлялся и передавался будущему образъ роднаго прошлаго.

А между тѣмъ эти драгоцѣнныя, мимолетныя строки, гдѣ отдается онъ мечтамъ о старинѣ, напоминаютъ, безъ преувеличенія, ту золотую пыль, которая слетѣвъ, какъ бы случайно, съ распустившагося цвѣтка, оплодотворяетъ сотни другихъ, родственныхъ растеній. Перейдя отъ природы къ археологіи, и для послѣдней старый естествоиспытатель нашелъ въ душѣ своей живую воду: тысячелѣтняя старина являлась ему не голою, нѣмою развалиной, а вся разодѣтая въ благоуханную зелень широкоствольныхъ дубовъ, осокорей, черемухъ и березокъ; камни, ручьи заговорили, завороженные чудною силою сердца и воображенія. Короткіе разсказы Максимовича о стародавнихъ людяхъ похожи на воспоминанія внука о маститомъ дѣдѣ, живо памятномъ еще ему и крѣпко-крѣпко любимомъ. Даже коротенькимъ извѣстіемъ о найденной пещерѣ, въ поэтическомъ мракѣ которой онъ бродилъ съ другомъ-Иннокентіемъ, онъ вліялъ и вліяетъ на художника „какъ тѣ молящіеся въ церквахъ простолюдины, которые", по слову Гоголя, „даютъ крылья вашей молитвѣ, вашему размышленію."

Но Максимовичъ не создалъ ничего цѣлаго, не написалъ ни одной большой картины, возразятъ мнѣ. Что же помѣшало ему, что заставило остаться всю жизнь при даровитѣйшихъ, положимъ, эскизахъ и наброскахъ? Ему помѣшало строгое требованіе правды отъ самого себя, помѣшало глубокое проникновеніе стариною при возраставшемъ въ немъ, не по днямъ, а по часамъ, капиталѣ свѣдѣній; ему помѣшалъ самый Кіевъ со своимъ множествомъ наслоеній древне-русской жизни: сегодня открывается еще пещера, на другой день народное преданіе указываетъ Олегову могилу; митрополитъ Евгеній присылаетъ лѣтопись съ неопровержимыми доводами на поляхъ, что она поддѣльная; въ лаврскихъ неразобранныхъ рукописяхъ Иннокентій находитъ неизвѣстный списокъ перевода Экзархомъ Болгарскимъ Дамаскиновой грамматики.... Какъ сохранить при этой тревожной, знаменательной раскопкѣ, устойчивость образовъ древности? Какъ возсоздать эту Помпею, когда новыя, ежедневныя открытія мѣняютъ образъ города, украшаютъ его новыми обелисками и статуями, разбиваютъ созданное воображеніемъ безпощадною правдою жизни, обнажающейся, не днями, а часами, изъ подъ неутомимаго заступа разыскателя? А языкъ, являвшій, въ то первое время изданія народныхъ пѣсенъ, то и дѣло, новыя, яркія и сочныя краски? А эта высота пониманія изящнаго, этотъ идеалъ красоты, воспитанный долговременнымъ созерцаніемъ природы?

Мы не будемъ говорить о Максимовичѣ какъ объ ученомъ, археологѣ, филологѣ. Это и не было моею задачею; я напомню только вѣскіе отзывы о трудахъ его на этомъ поприщѣ такихъ людей какъ М. П. Погодинъ, В. И. Даль, С. М. Соловьевъ. Вотъ что говоритъ послѣдній о Кіевлянинѣ, вышедшемъ въ 1840 и 41 годахъ съ эпиграфомъ,—да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной прошедшую судьбу: „Предъ нами только двѣ книги, но уже столько относящагося къ бытію Кіева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершено соединенными усиліями только одного ученаго. Сколько рѣшится неудоборѣшимыхъ вопросовъ, сколько уясниться темныхъ мѣстъ въ отечественной исторіи, если по примѣру Кіевлянина появится и Смольянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Рязанецъ и т. д. Но за матерью городовъ Русскихъ останется навсегда честь и слава благаго начинанія!“

Вотъ отзывъ покойнаго В. И. Даля: „Почти все что М. А. Максимовичъ говоритъ о распредѣленіи нарѣчій вѣрно; онъ владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила.“ М. П. Погодинъ благосклонно обѣщалъ Обществу Любителей Словесности въ одномъ изъ засѣданій поговорить о филологическихъ трудахъ Михаила Александровича.

Не могу не привести весьма мѣткой мысли, высказанной въ некрологѣ Максимовича, помѣщенномъ въ Вѣстникѣ Европы: „Въ Кіевъ М. А. явился, приготовивъ сборникъ Украинскихъ пѣсенъ 1834 г. Если мы посмотримъ на эпиграфы этого сборника, на примѣчанія къ нему, то увидимъ, что руководящею идеею въ немъ была идея о близости Малороссійской народной поэзіи съ памятниками литтературы удѣльнаго періода, особенно съ „Словомъ о полку Игоревѣ.“ Эта мысль, которую потомъ развилъ Бѣлинскій въ статьѣ о Русскихъ народныхъ пѣсняхъ и учено Ѳ. И. Буслаевъ въ статьѣ: „объ эпическихъ выраженіяхъ Украинской народной поэзіи,“ эта мысль побудила потомъ Максимовича перевести обломокъ поэзіи старокіевской Руси на языкъ теперешнихъ крестьянъ этой Руси. Всякому, кто знакомъ съ исторіею югозападной Руси и съ ея положеніемъ, кажется, понятно будетъ, какое огромное практическое, государственное значеніе имѣетъ мысль, что рѣчь, поэзія, чувства хлопа въ югозападной Руси — прямые потомки рѣчи, поэзіи, чувствъ князей древне-кіевской земли.“

Въ дополненіе я прибавлю, позабытую составителемъ некролога, здравицу изъ Галичины, переданную Лопатинскимъ на юбилеѣ Максимовичу: „Вы почитаетесь создателемъ нашей Галицко-русской литературы; вашъ сборникъ южно-русскихъ пѣсенъ побудилъ въ первый разъ нашихъ людей къ литературной дѣятельности; а ваше южно-русское правописаніе установилось въ Галичинѣ. Вотъ почему вы считаетесь патріархомъ нашей народной, Галицко-русской письменности. Во имя Червонной Руси я приношу вамъ, М. А., какъ нашему батьку, привѣтъ и возглашаю Галицко-русское: многа-лѣта.“

Не даромъ пишетъ А. С. Хомяковъ Максимовичу: „Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ,—а Кіевъ можетъ дѣйствовать, во многихъ отношеніяхъ, сильнѣе Питера и Москвы.“

Я не думаю, чтобы Максимовичъ, издавая сборникъ, задавался какою либо преднамѣренною мыслію о сближеніи въ смыслѣ государственномъ; онъ просто угадывалъ эту прямую потомственность новой, югозападной, народной поэзіи отъ поэзіи древней Руси художественнымъ чутьемъ своимъ; но такова счастливая доля истинной науки и искусства, мирно и неуклонно шествуя по своему собственному пути, озарять многое, освѣщать и другія, иногда даже не сосѣднія, дороги.

Въ 1838-мъ году, на имянинахъ у Иннокентія Максимовичъ услыхалъ страшную новость. „Знаете ли какія вѣсти изъ Петербурга?“ спросилъ его Иннокентій. „Тамъ идетъ уже рѣчь о закрытіи университета.“

„Взволновало меня это извѣстіе“, разсказываетъ Максимовичъ, „хотя я уже думалъ и ожидалъ, что безъ того не обойдется. Еще въ прошедшемъ году С. С. Уваровъ, въ прощальной рѣчи своей къ студентамъ, говорилъ такъ: „Университетъ С. Владиміра мое созданіе; но я первый наложу на него руку, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства“.

Краснорѣчивый министръ объявилъ, что университетъ въ Кіевѣ учрежденъ для распространенія Русскаго образованія и Русской народности въ ополяченномъ краю западной Россіи. Не могло и быть иначе! А между тѣмъ въ началѣ этого университета положена была Польская закваска лицея Кременецкаго; и на второй же годъ своего существованія онъ отлученъ былъ отъ прямаго и непосредственнаго дѣйствія на Кіевскій учебный округъ — уничтоженіемъ училищнаго комитета. Вслѣдъ за тѣмъ и вліяніе университета на своихъ студентовъ ограничено было только лекціями, да экзаменами; внѣ аудиторіи они ввѣрены были особому инспекторскому вѣдомству, отстраненному отъ университета и подчиненному попечительской власти также непосредственно, какъ и весь учебный округъ. И ходятъ вереницею по университету распространители Русской народности: попечитель фонъ-Брадке *); за нимъ — помощникъ его Гинцель; за нимъ инспекторъ студентовъ Гинглингъ, а за нимъ помощникъ его Руттенбергъ.

—Знаете ли что̀, сказалъ мнѣ Иннокентій, напишите вы для меня мысли ваши объ университетѣ, а я постараюсь дать имъ дальнѣйшій ходъ.

„Я не могъ отказаться отъ этого и черезъ день составилъ и отдалъ записку.“

Но университетъ все-таки былъ закрытъ въ пятый годъ своего бытія. „Лекціи прекратились, аудиторіи опустѣли, настала безвременная, долгая вакація,“ съ грустью говоритъ ректоръ-воспріемникъ юнаго университета. „Его паденіе,“ говоритъ онъ въ запискѣ своей, „есть паденіе младенца, когда онъ становится на ноги и не означаетъ еще упадка въ немъ жизни.“ Между прочимъ въ запискѣ своей онъ жалуется на невозможность сближенія профессоровъ къ студентамъ. Вспомните, что даже позднѣе, даже въ Москвѣ, въ 40 и 50-хъ годахъ смотрѣли подозрительно на профессора, у котораго сходились

*) Е. Ѳ. фонъ Брадке однако любилъ и цѣнилъ Максимовича, отъ котораго намъ случалось слышать о немъ сочувственные отзывы. *П. Б.*

студенты, и запрещали такія сходки; вспомните, что Максимовичу не дали выбранныхъ имъ адъюнктовъ, его учениковъ, Русскихъ, кандидатовъ Московскаго университета; большинство профессоровъ были Поляки или Лифляндцы, воспитанники Дерптскаго университета, и вы поймете одиночество М. А. и безсиліе Русскаго вліянія на юношество. „Хотя Польскіе преподаватели,“ говоритъ безпристрастный, честный всегда Максимовичъ, „своимъ безпорочнымъ поведеніемъ и безвреднымъ преподаваніемъ не давали студентамъ ничего что̀ бы возжигало и питало въ нихъ напрасныя Польскія мечты; но уже своимъ пребываніемъ они препятствовали распространенію и развитію Русскаго духа и успѣхамъ чистаго языка Русскаго; при томъ же и въ отношеніи ученомъ большая часть ихъ была не университетскаго, запоздалаго достоинства....“

„Явленіе ложнаго духа между студентами случилось въ университетѣ независимо отъ него самого и не должно быть принимаемо за уклоненіе всего университета отъ предназначенной цѣли. Открытіе этого духа также относилось не ко всему университету, но къ вѣдомству инспекторскому, которое непосредственно подлежитъ мѣстному начальству округа. И такъ на явленіе сіе должно смотрѣть какъ на частное и временное событіе при началѣ новаго и труднаго дѣла, каково образованіе университета Кіевскаго.“

Университетъ повелѣно было открыть въ началѣ 1839 года.

Въ 1837 году Максимовичъ похоронилъ митрополита Евгенія, которому, какъ говоритъ самъ: „въ особенности чувствую себя одолженнымъ, вспоминая тогдашнее занятіе мое исторіею Русской словесности.....“ „Поступивъ въ 1834 году на каѳедру Русской словесности,“ говоритъ Максимовичъ „я имѣлъ счастіе пользоваться бесѣдами многознающаго Евгенія и видѣлъ его любовь къ распространенію знанія. Въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для моихъ лекцій, я находилъ у него немедленно пособіе.“

Вспоминая свои частыя вечернія бесѣды съ ученымъ митрополитомъ, М. А. заключаетъ свое теплое слово о немъ такъ: „И къ нему можно по справедливости приложить сказанное нѣкогда о первомъ лѣтописцѣ нашемъ, преподобномъ Несторѣ: поживе труждаяся въ дѣлахъ лѣтописанія, поминая лѣта вѣчная.“

Въ 1841-му пришла мысль Максимовичу съ Иннокентіемъ объ основаніи „Кіевскаго Общества исторіи и древностей Словено-русскихъ.“ Въ день перваго же разговора, вечеромъ, былъ набросанъ уставъ съ заглавіемъ, написаннымъ рукою Иннокентія. „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.“ Дѣятельнѣйшаго члена, митрополита Евгенія, уже не было на свѣтѣ.

Перехожу къ ненапечатанной нигдѣ перепискѣ М. А., обязательно сообщенной намъ одною изъ близкихъ друзей его, женщиною. Въ этихъ письмахъ снова встрѣтимъ мы и поэта, и естествоиспытателя, и мыслителя, и вѣрнаго друга. Избранный кругъ близкихъ, съ которымъ переписывался М. А. особенно часто въ послѣдніе года, удалясь въ свою одинокую, надднѣпровскую хату, на Михайловской горѣ, не одинъ пользовался этимъ его, непечатнымъ, словомъ. Не знаю какъ, кѣмъ, но прекрасный соръ нерѣдко выносился изъ дружеской избы; никогда не видавъ, не знавши лично Максимовича, я слыхалъ, и не разъ, его ненапечатанныя замѣтки о новой диссертаціи, статьѣ, о новомъ дѣятелѣ, его добродушную остроту, анекдотъ о Пушкинѣ, Гоголѣ, его стихотвореніе. Владѣя даже половиною капитала однѣхъ воспоминаній, другой на его мѣстѣ непремѣнно бы переплелъ ихъ въ сафьянъ, не безъ гордости озаглавивъ: „мое прошедшее, встрѣчи, изъ моей записной книжки“ и т. п.; но не въ природѣ Максимовича было рисоваться, выставлять себя на первый планъ; онъ отправлялъ всѣ эти драгоцѣнности, завертывая въ безъискуственную рѣчь дружеской бесѣды, вмѣстѣ съ какою нибудь шуткою, или въ задушевную повѣсть старца, на досугѣ вспоминающаго о невозвратныхъ годахъ золотой юности. „Я окру-

женъ,“ пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ, „чуднымъ сонмомъ милыхъ мнѣ ликовъ, въ моей нагорной, убогой хаткѣ, и этимъ восполняется моя настоящая жизнь, и для меня, по общему людскому жребію, во многомъ неудовлетворительная.“

Ненапечатанныя письма принадлежатъ къ послѣднему десятилѣтію семидесятилѣтней жизни М. А. Онъ былъ въ это время одинокъ на своей Михайловой горѣ; другъ его Иннокентій въ 1844 году былъ переведенъ въ Вологду. Письма эти, какъ я сказалъ, писаны къ женщинѣ. И прежде всего невольно обращаешь вниманіе на разлитое по нимъ чувство уваженія, любованья, можно сказать, благоговѣнія къ женщинѣ. Максимовичъ, какъ всѣ изящныя натуры, ставилъ ее высоко, зная, что только въ чистомъ воздухѣ, на солнцѣ, женщина хорошѣетъ, цвѣтетъ, издаетъ душевное благоуханіе. Отправляя свой переводъ плача Ярославны на Малороссійскій языкъ одной молодой пріятельницѣ за границу, гдѣ она пользовалась водами, М. А. пишетъ:

«Къ водамъ прохладнымъ и горячимъ,
Къ врачующимъ ее водамъ,
Лети листокъ мой съ этимъ плачемъ;
Привѣтно встрѣченъ будешь тамъ.
Тебя въ странѣ поэтовъ славныхъ
Съ одушевленіемъ прочтутъ,
И рѣчи древней Ярославны
Въ устахъ прекрасныхъ оживутъ.»

Здѣсь къ мѣсту упомянуть объ отношеніяхъ его къ ученицамъ. Онъ лелѣялъ ихъ, по разсказамъ, какъ цвѣты на Михайловой горѣ своей. Его любимою ученицею была, между прочимъ, извѣстная наша писательница „Евгенія Туръ.“ Размышленія о природѣ посвящены ея матери.

„Странное состояніе души испытываешь“, пишетъ М. А. „въ новый годъ, когда думаешь свести итогъ прошедшихъ годовъ съ бюджетомъ предназначенной твоей будущности. А я и съ молоду не былъ мастеромъ сводить концы; давался мнѣ болѣе починъ дѣлу. И много такихъ добрыхъ починовъ набирается; да какъ завершать придется, вотъ тутъ и недочетъ.“

Эти слова стараго работника мысли звучатъ завѣщаніемъ молодому поколѣнію дѣятелей вести къ окончанію даровитые почины. Люди подобные Максимовичу являлись и являются всегда до начала разработки частностей; они запѣвалы, угадывающіе сразу, чутьемъ, главный тонъ, доминанту пѣсни, но угадывающіе, тѣмъ не менѣе вѣрнѣе, чѣмъ иные долговременнымъ, усиленнымъ изслѣдованіемъ. Но помимо даже этого значенія трудовъ М. А., цѣлую толпу дѣятелей приходится созвать лишь для того, чтобы разобрать, прочесть какъ слѣдуетъ, разнообразнѣйшіе пункты завѣщанія. Начиная съ философовъ, тутъ понадобятся и натуралисты, и филологи, историки, археологи, поэты, издатели народной поэзіи, и почтенные, скромные труженики великаго дѣла народнаго образованія. Замѣтьте, что въ иныхъ изъ этихъ починовъ, отгаданное талантомъ, провѣрено изученіемъ, обдумано, избрано послѣ упорной, тяжкой борьбы съ односторонними направленіями, опредѣлено много-трудившеюся мыслію, по прекрасному выраженію И. В. Кирѣевскаго, „мыслью, прошедшею сквозь всѣ затрудненія оторвавшейся отъ Неба науки.“

Михайлову гору облюбовалъ М. А. въ 1841 году. Сначала онъ жилъ тамъ только лѣтомъ; потомъ, оставивъ деканство и профессорство, поселился совсѣмъ съ семьею, которою обзавелся лѣтъ за пятнадцать до своей кончины. Но и среди тишины семейной жизни, онъ не покидалъ науки и, въ числѣ другихъ историческихъ трудовъ, готовилъ „Описаніе Кіева.“ Изъ маленькой, бѣдной, потонувшей въ зелени и цвѣтахъ, насажденныхъ рукою стараго ботаника, хаты, открывался широкій кругозоръ на заднѣпровье; но одиночество часто гнело теплую душу М. А. Его зазывало въ Москву, къ людямъ, съ которыми связаны были всѣ его лучшія воспоминанія; тѣсныя стѣны хаты не мѣшали ему видѣть картину умственнаго современнаго движенія, радоваться успѣхамъ мысли, сострадать ея тяжкимъ стра-

даніямъ. „У насъ крещенскіе морозы“, пишетъ онъ, „до двадцати градусовъ, а моя хатка не нагрѣвалась никакъ больше восьми и девяти; моя нога страшно болитъ отъ ревматизма, ударившаго съ плеча на ножную кость. А вотъ, получилъ изъ Москвы приглашеніе на съѣздъ археологическій. Будь онъ не въ Мартѣ, а въ Маѣ, какъ весело я помчался бы въ бѣлокаменную. Завтра буду писать отвѣтъ о моемъ неприбытіи и о чемъ нибудь еще по части археологической, въ которую и самъ уже готовъ всею моею особою поступить, зане весьма изветшалъ въ послѣднее время“. Онъ и прислалъ на съѣздъ изслѣдованіе о найденныхъ около Кіева стрѣлахъ.

Взглядъ старца-Максимовича на настоящее былъ шире и отраднѣе взгляда тѣхъ многочисленныхъ, узкихъ, ревнителей истины, которые видятъ въ современномъ положеніи мысли нѣчто безвыходно-худое. „А сколько прекраснаго,“ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ-думъ, „благаго въ этомъ нашемъ времени! Чудная борьба добра и зла, тьмы и свѣта!“ Въ этомъ изрѣченіи слышится не простой, разсѣянно-холодный наблюдатель событій, а мыслитель, воспитанный долгимъ созерцаніемъ природы и судебъ человѣчества. Это говоритъ очевидецъ великой, поддонной возни вулканическихъ силъ въ нѣдрахъ земли, возни, необходимой для того, чтобы изметнуть потомъ изъ этихъ же самыхъ нѣдръ роскошнѣйшую, полную здоровыхъ соковъ и силъ растительность.

И эта неодолимая вѣра въ побѣду свѣта и разума сохранена старцемъ, бившимся съ нуждою, обреченнымъ на старости заработывать сухимъ и тяжкимъ трудомъ кусокъ насущнаго хлѣба, съ женою, тоже труженицею, и двумя малолѣтками. Но....... „анализировать до тла“ (совѣтуетъ онъ самъ) „и разбирать по ниточкѣ ткань жизней нашихъ не для чего; ибо всѣ наши здѣшнія жизни только подготовка, только перепутье къ жизни будущей.“ Состояніе прекрасной, непобѣдимой души его въ это время видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ стиховъ:

Я къ горѣ моей прикованъ
Словно цѣпію двойной,
И тоска-печаль, какъ воронъ,
Сердце мнѣ клюетъ порой.
Но и здѣсь еще мелькаетъ
Милый призракъ лучшихъ дней,
И мнѣ радость напѣваетъ
Сладкопѣвецъ-соловей.

„Соловей..... но о немъ въ слѣдующемъ письмѣ.“ Вотъ это, „слѣдующее,“ письмо: „О какъ прекрасно бываетъ здѣсь въ лѣтнія, полномѣсячныя ночи, когда мой родимый Днѣпръ красуется отраженіемъ тихаго полнолуннаго свѣта, и прохладный вѣтеръ качаетъ вѣтвями моихъ навѣсистыхъ березъ и лепечетъ листами, насажденныхъ мною, осокорей! Но я спѣшу вамъ досказать о соловьѣ, меня порадовавшемъ въ послѣдніе годы. Я писалъ вамъ когда-то о прилетѣ на гору соловья, лѣтъ на десять имъ покинутую; какъ онъ услаждалъ меня своимъ пѣніемъ, сидючи надъ самымъ окномъ моей хаты, на цвѣтущей подъ окномъ черемухѣ. Прошлое лѣто, когда я послѣ Владимірова дня, проведеннаго мною въ Кіевѣ, въѣзжалъ на свою Михайлову гору, меня неожиданнымъ пѣніемъ порадовалъ соловей у воротъ моихъ — и на другой день уже не было слышно этого пѣнія. Въ нынѣшнемъ году, въ послѣдній день Мая, когда я, также вернувшись изъ Кіева, ѣхалъ съ Алексійкомъ своимъ (сыномъ, теперь двѣнадцатилѣтнимъ, крестникомъ А. С. Хомякова и О. Ѳ. Кошелевой) по песчаному взводу, на гору, на приворотныхъ вербахъ, мною насаженныхъ, соловей заливался пѣніемъ необычайно-радостнымъ, и на другой же день уже не было его слышно..... Какъ будто именно для меня и въ нынѣшнемъ году задерживалъ онъ въ своемъ горлышкѣ свое послѣднее, столь радостное для души моей пѣснопѣніе.“

Бѣлыя куры, цвѣты, два ручныхъ чижика были тоже предметомъ нѣжныхъ заботъ маститаго ученаго. „Пишу вамъ эти строки, а въ окно видно мнѣ, какъ Алексійко пробѣгаетъ по аллеѣ, и Маруся проходитъ изъ домика въ кухню, уже собирая къ обѣду; и мои бѣлыя, чубатыя куры пощипываютъ въ травкѣ подъ

окномъ, а вдали зеркальныя полосы Днѣпра и темно-синія заднѣпровскія горы. Благодареніе Господу! Хорошо мнѣ пока и тутъ. Дай Господи, чтобы и вамъ вездѣ было хорошо."

Утомленный подчасъ „черствыми" (какъ онъ называлъ самъ) „отвѣтами сухой, допрашивающей о прошедшемъ, любознательности," онъ уходилъ отдыхать къ природѣ, къ своему естествознанію. Невольно припоминаются здѣсь слова Гумбольдта: „Тотъ, кто ищетъ спокойствія душѣ въ этой неугомонной враждѣ направленій и народовъ, тотъ охотно обращаетъ свой взоръ на тихую жизнь растеній, на мирную работу тихо, но неустанно, зиждущихъ силъ земныхъ; или же, отдаваясь этому прирожденному стремленію, не потухающему въ груди человѣка, поднимаетъ очи свои ввысь, къ свѣтиламъ небеснымъ, совершающимъ въ нерушимомъ согласіи свое вѣковое теченіе."

Какъ бы въ подтвержденіе догадки о значеніи этихъ бесѣдъ съ природою, привожу гимнъ Орфея, написанный Максимовичемъ:

О всехудожная матерь, благая богиня природа,
Первенецъ вѣчности вѣчной, мать славная славныхъ издревле,
Мирно текущая въ присномъ безмолвіи тихой стопою.
И въ благодатный сей часъ тебя я молю, о богиня,
Здравіе, миръ и преспѣянье ниспосылать намъ обильно.

Исключая переводовъ псалмовъ въ „Украинцѣ" и двухъ-трехъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Письмахъ о Кіевѣ," стиховъ своихъ М. А. никогда не печаталъ. „У меня нѣтъ даже списковъ съ нихъ," говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ;" о нихъ можно сказать Эдиповскимъ стихомъ: „и вѣтеръ ихъ разнесъ." Онъ не придавалъ имъ ни малѣйшаго значенія; это была его забава, отдыхъ......... Нѣтъ, потребность; иначе бы они не благоухали мѣстами такою задушевностью, свѣжестью, искренностью; онъ пѣлъ потому, какъ самъ говоритъ:

Чтобъ за жизнь была безъ пѣсенъ,
Безъ поэзіи святой!
Міръ просторный былъ бы тѣсенъ,
И печаленъ трудъ земной.
Пѣсня—даръ небесъ великій
Намъ на жизненныхъ путяхъ;
Пѣсней ангельскіе лики
Славятъ Бога въ небесахъ.

Присылалъ ли старый другъ книгу сочиненій своихъ, писала пріятельница отшельнику, ученикъ, влюбленный въ стараго учителя, — отшельникъ отвѣчалъ пріятельницѣ, другу, ученику стихами.

Старому товарищу. (М. П. Погодину).

Тебя влечетъ еще стремленье
Всемірной суеты,
Широкошумное движенье,
Какъ прежде, любишь ты;
Тебя еще не притомила
Житейская печаль,
И ты готовъ, товарищъ милый,
Еще стремиться вдаль.....
А я, свернувъ съ большой дороги,
Отшельникомъ ужъ сталъ,
И унялись въ душѣ тревоги,
Которыми страдалъ.
Воспоминаніемъ богатый,
О мірѣ я забылъ,
И въ тишинѣ убогой хаты
Творца благословилъ.

Князю П. А. Вяземскому (по прочтеніи его новыхъ стихотвореній).

Все тажъ душа и краска въ нихъ,
Тѣжъ грустно-веселые
Отзвуки мыслей, чувствъ живыхъ.....
Вашъ нестарѣющійся стихъ
Мнѣ вспомнилъ дни былые,
Когда я васъ цвѣтущимъ зналъ
Въ Москвѣ золотоглавой,
И съ вами сонмъ пѣвцовъ сіялъ,
И дольній міръ намъ озарялъ
Своей блестящей славой.
Отъ нихъ оставшійся въ завѣтъ
Для новаго вы свѣта,
Ему даете прежній свѣтъ......
О соловей минувшихъ лѣтъ,
Дай Богъ вамъ многи лѣта!

А вотъ напутствіе сыну, при отправленіи его въ гимназію. Я привожу только послѣдніе два куплета:

Молю Бога, щобъ и въ тый часъ,
Якъ станешь великимъ,
Звався въ людяхъ ты разумнымъ,
Честнымъ чоловикомъ.
Щобъ не лихомъ помянула
И меня за сына
Моя мати старѣнькая
Мати Украина.

На могилѣ Т. Г. Шевченко. *

Прощай, Тарасе, брате милый!
Отсе мы в тебе побулы
И роковины, крій могилы,
Якъ подобае отбулы:
Мы помолились и впились,
Якъ упивався ты колысь,
Горілкою впивався дуже.
Не хай тобі земля перомъ!
А наповалъ ты, славный друже,
Сладкоспівучимъ насъ виномъ.
Твій хміль задавсь на много літъ,
А слава стала на весь світъ.
Пріймы жь, кобзарю нашъ единый,
Ище поклонъ тобі з Дніпра;
Прощай, любимче Украины!
Прощай, Чернечая гора!
Гей Дніпро батьку, приспішай,
Несы нашъ човенъ, колыхай!

Вотъ шутка въ отвѣтъ на какую-то задачу, предложенную пріятельницею:

Изъ Германіи ученой
Вы мнѣ задали вопросъ,
Близкій сердцу, но мудреной,
Такъ что я, какъ полусонной,
Сталъ предъ нимъ, повѣся носъ.
Домышляясь объясненья,
Наконецъ я такъ рѣшилъ:
Тайна смерти и рожденья
Не видна для умозрѣнья,
Богъ ея намъ не открылъ.

Вотъ отвѣтъ той же пріятельницѣ на упрекъ за долгое молчаніе:

Къ вамъ часто порываюсь
Тоскующей душой,
Да что-то опасаюсь
Наскучить вамъ собой.
Въ уединеньѣ скучномъ
Проходитъ день за днемъ,
Въ трудѣ моемъ научномъ
Хладѣю я умомъ.
Не разъ уже усталый
Подумалъ я о васъ:
На что ей запоздалый
Твой о себѣ разсказъ?
И вслѣдъ за тѣмъ я снова
Хотѣлъ бы вамъ сказать
Душевныхъ два-три слова
И снова замолчать.

Максимовичь былъ нѣкоторое время секретаремъ Общества Любителей Россійской словесности; ему мы обязаны, между многимъ прочимъ, тѣмъ, что въ столѣтнихъ стѣнахъ Университета снова раздается слово нашего Общества.

„Общество мною съ Хомяковымъ въ 1858 году (говоритъ М. А. въ одномъ дружескомъ письмѣ) и пробуждено было отъ долговременнаго сна. Это памятный листъ въ терново-лавровомъ вѣнкѣ моей труженической жизни.....“ „Я подписывалъ съ Хомяковымъ дипломы Шафарику, Ганкѣ и многимъ другимъ.“

М. А. присутствовалъ въ Кіевѣ на юбилеѣ Карамзина, а въ 1871 году, въ Кіевѣ же, отпразднованъ былъ его пятидесятилѣтній юбилей *).

Я не буду приводить рѣчей, привѣтственныхъ писемъ славныхъ товарищей, учениковъ М. А., адресовъ Университетовъ, Обществъ; это все напечатано въ описаніи юбилея; но напомню одно глубоко вѣрное слово М. А. о взглядахъ на Россію и Русскую исторію: „У васъ (въ Великороссіи) многіе смотрятъ на всю Русскую землю съ Москворѣцкой высоты Ивана Великаго; здѣсь (въ Малороссіи) иные глядятъ на нее съ Запорожской, поэтической, Саворъ-могилы; моя точка зрѣнія на всю единую Русскую землю надъ Днѣпромъ, съ высоты старо-Кіевской, съ холма Св. Андрея Первозваннаго“. Этотъ взглядъ шириною своею напоминаетъ необъятный видъ, открывающійся оттуда.

Отрадно вспомнить его теплый, одинокораздавшийся зовъ къ любви, къ братству, въ пылу послѣдняго, кровавого разгара въ Польшѣ:

Да на що та рѣзанына?
На що новы бѣды
Лучше, Ляше, обоймимось,
Якъ браты, акъ браты?.

* Это стихотвореніе произнесено Максимовичемъ на могилѣ Шевченка 11 Мая 1863 года, въ день годовщины погребенія поэта; оно нигдѣ ненапечатано и обязательно сообщено мнѣ Васильемъ Павловичемъ Масловымъ.

*) Первая мысль о необходимости почтить юбилейнымъ празднествомъ заслуги Максимовича принадлежитъ Н. П. Барсукову (издателю Писемъ о Кіевѣ и Дневника Храповицкаго). *П. Б.*

Изъ множества разнообразныхъ мыслей, раскиданныхъ по одной послѣдней перепискѣ, я взялъ ли десятую долю, боясь утомить ваше вниманіе? А между тѣмъ и въ этомъ немногомъ, какъ много есть такого, надъ чѣмъ стóитъ крѣпко задуматься. Повторяю, что приведенныя мною, непечатныя письма писаны въ послѣдніе годы жизни маститаго ученаго, боровшагося съ тяжкою нуждою семьянина. Сколько же требуется богатырскихъ силъ, чтобъ послѣ всѣхъ жизненныхъ, умственныхъ, тревогъ, очутившись въ нуждѣ, въ бѣдной, холодной хатѣ, больному старцу сохранить такую юношескую свѣжесть души, такое свѣтлое и теплое міросозерцаніе? Откуда же, подумаешь, въ душѣ человѣка такая роскошнѣйшая растительность въ морозную, суровѣйшую, жизненную зиму? Для этого мало одного внутренняго, вулканическаго огня; нужно что-то другое, нужно солнце, благодатные дожди, тепло и влага, ниспосылаемыя свыше. Такое долговѣчіе силъ умственныхъ, силъ сердца, дается однимъ вѣрующимъ. Это вѣра, какъ незаходимое солнце, грѣетъ человѣка; это ею живится, зиждется, свѣтлѣетъ душа, храня священнотайнѣ, въ равновѣсіи и стройномъ единствѣ, все дивное разнообразіе великихъ даровъ своихъ.

Въ бѣлой смушковой шапкѣ, въ такомъ же поношенномъ тулупѣ, на берегу родимаго Днѣпра, въ хатѣ Михайловой горы, окончилъ мирно славные дни свои, слишкомъ полувѣковый, неутомимый борецъ ученой палестры, маститый ректоръ, въ бѣдности, но богачемъ дарами духа, неколебимо честнымъ и пламенно-любящимъ все: Божій міръ, юность, красоту, науку, слово.

О такихъ людяхъ, о такихъ желанныхъ, незабвенныхъ спутникахъ, которые по слову поэта,

свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,—
Не говори съ тоской: «ихъ нѣтъ»,
Но съ благодарностію: «были.»

Н. Чаевъ.

13 Марта 1874.
Москва.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ СВѢДѢНІЙ О ЖИЗНИ ПУШКИНА.

Въ Русской Старинѣ (Августъ, 1874 г.) напечатана статья, подъ заглавіемъ: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ". Статья эта есть произведеніе одного „умершаго", какъ сказано въ введеніи, „старика тайнаго совѣтника", которую сообщилъ въ Русскую Старину также покойный, П. А. Мухановъ. Для людей, знавшихъ Павла Александровича Муханова, понятно, что эта статья не могла появиться въ печати при его жизни: покойный предсѣдатель Археологической Коммиссіи дорожилъ памятью нашихъ великихъ писателей и съ примѣрною осторожностью и добросовѣстностью относился къ историческимъ источникамъ, требуя отъ нихъ чуть не математической точности; между тѣмъ послѣднимъ качествомъ не отличается помянутая статья, хотя и сказано во введеніи къ ней, что авторъ былъ современникомъ Пушкина и хорошо его зналъ. Что онъ былъ современникомъ Пушкина, это быть можетъ; но что онъ хорошо его зналъ, это подлежитъ сомнѣнію.

Имѣвъ счастливый случай провѣрить сообщаемые въ этой статьѣ факты съ свидѣтельствами лицъ, *дѣйствительно* близко знавшихъ какъ Пушкина, такъ и обстановку его жизни, я считаю долгомъ сообщить мою провѣрку біографамъ нашего знаменитаго писателя.

Разсказъ автора (стр. 685) объ эпиграммѣ Пушкина на Жуковскаго „Бѣдный пѣвецъ", сначала до конца не вѣренъ. Пушкинъ не могъ видѣть, какъ Жуковскій, выходя изъ дворца, пожалъ руку камеръ-лакею, ибо Пушкинъ въ то время во дворцѣ не бывалъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ видѣть того, чего не было. Къ тому же эта эпиграмма, приписываемая Пушкину, на-

писана не имъ, а Александромъ Бестужевымъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ въ своихъ Запискахъ М. А. Бестужевъ: „Братъ Александръ, при шумѣ возгла„совъ и хохота, редижировалъ извѣст„ную эпиграмму (на Жуковскаго), при„писанную впослѣдствіи А. Пушкину“ *). При тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между Жуковскимъ и Пушкинымъ, подобная эпиграмма, имъ написанная, была бы поступкомъ предосудительнымъ: Пушкинъ, не менѣе другихъ близкихъ къ Жуковскому людей, зналъ все благородство и чистоту души его.

Анекдотъ о подписи Пушкина на дверяхъ Жуковскаго: „Здѣсь живетъ гробовой мастеръ!“ (стр. 686) также сомнителенъ и по крайней мѣрѣ ни одному изъ пріятелей Пушкина неизвѣстенъ. Что-то похожее на это было, но въ Москвѣ, при появленіи первыхъ балладъ Жуковскаго. Друзья его, князь П. А. Вяземскій и Батюшковъ, зная, что его нѣтъ дома, заѣхали къ нему и оставили у него маленькій дѣтскій гробъ, нарочно купленный въ ближней гробовой лавкѣ. Возвратившись домой, человѣкъ Жуковскаго испугался при видѣ этого неожиданнаго гостинца, побѣжалъ отыскивать своего барина у всѣхъ его знакомыхъ и, отыскавъ его, сказалъ: „У насъ въ домѣ случилось большое несчастіе“. Разумѣется, узнавъ, въ чемъ дѣло, Жуковскій расхохотался и потомъ журилъ молодыхъ пріятелей своихъ за эту шутку.

Другой анекдотъ, будто случившійся не задолго передъ смертью Пушкина (стр. 686), въ Александринскомъ театрѣ, также весьма сомнителенъ. Мудрено, чтобы два молодые человѣка, будто не знавшіе Пушкина, котораго зналъ весь Петербургъ, громко назвали его дуракомъ.

Далѣе говорится объ эпиграммахъ его на Московскихъ сенаторовъ Мороза и Башилова, которыя, по словамъ автора, „сдѣлали бы честь развѣ Баркову, а не Пушкину“. И это не вѣрно. Башиловъ, сколько извѣстно пріятелямъ Пушкина, никогда не былъ предметомъ эпиграммъ его, да и вообще по своимъ любезнымъ свойствамъ и миролюбивому положенію въ обществѣ вовсе не укладывался подъ эпиграмму. А эпиграмма на Мороза, ходившая по Москвѣ, написана была Неѣловымъ, извѣстнымъ мастеромъ по этой части.

На той же (686) страницѣ встрѣчается: „Пушкинъ писалъ эти стихотворе„нія отъ того...... что преступныя мы„сли, къ несчастію, округляются кра„сиво и блестятъ сильнѣе мыслей пра„вильныхъ“. Пушкинъ могъ иногда имѣть мысли предосудительныя, но *преступныя* мысли питать въ себѣ онъ не былъ способенъ. Да и къ чему вообще осуждать писателей благонамѣренныхъ и благонравныхъ на затрудненіе красиво округлять свои правильныя мысли? Что же послѣ такого опредѣленія (если признать его справедливымъ) сдѣлалось бы съ бѣдною литтературою, осужденною *округлять преступныя мысли*?

Разсказъ о томъ (стр. 691), какъ Пушкинъ, вызванный изъ деревенской ссылки своей, въ кабинетѣ Императора Николая I, „приперся къ столу, кото„рый былъ позади его и почти сѣлъ на „этотъ столъ“, рѣшительно не правдоподобенъ, а равно и то, что Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ: „съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ“. И то и другое вѣроятно поклепъ на память Государя и поэта.

На стр. 702 сказано: „съ Пушкина „началась мода презирать оды, похва„лы, посвященія книгъ или стиховъ „важнымъ лицамъ“ и т. п. Ни Карамзинъ, ни Дмитріевъ, ни Жуковскій, ни Батюшковъ, ни многіе другіе не посвящали книгъ своихъ важнымъ лицамъ еще задолго до Пушкина; а если и были исключенія, то очень рѣдкія и въ особенныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ Карамзинъ посвятилъ Исторію Госу-

*) «Русская Старина» 1870 года I, 521.

дарства Россійскаго Императору Александру I, который далъ ему возможность заниматься историческимъ трудомъ и далъ ему средства напечатать его безъ цензуры. Жуковскій и Батюшковъ и до Пушкина не писали одъ, въ томъ значеніи, какое имѣли они въ прежнее время; а Дмитріевъ, въ сатирѣ своей „*Чужой толкъ*", еще до Жуковскаго и другихъ поэтовъ, осмѣялъ тѣхъ, которые *пиндарили*:

Чтò за диковинка? Лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ.

На стр. 709 говорится: „Пушкинъ не „отказался ни отъ свѣта, ни отъ картъ, „ни отъ разгула; гордый древностью „своего рода, онъ лѣзъ въ аристократическія общества и былъ очень доволенъ, достигнувъ камеръ-юнкерства". За послѣдніе годы Пушкина несправедливо было бы упрекать его въ разгулѣ жизни. Если онъ и гордился древностію рода своего, то нечего было ему „лѣзть" въ аристократическія общества, потому что онъ былъ самъ прирожденнымъ членомъ этого общества. Нельзя также сказать, что онъ былъ очень доволенъ своимъ камеръ-юнкерствомъ. Признательный къ Государю за милостивое вниманіе къ нему, онъ часто говаривалъ пріятелямъ своимъ, что камеръ-юнкерство не къ лицу ему и что оно слишкомъ его молодитъ *).

„О комъ разъ протрубила дурная слава", пишетъ нашъ авторъ (стр. 687), „тому уже трудно пріобрѣсть себѣ доброе имя, и Пушкина, до конца жизни его, „не иначе разумѣли, какъ будущимъ „возмутителемъ". Сколько намъ извѣстно, Пушкина никто и никогда не разумѣлъ „будущимъ возмутителемъ", тѣмъ болѣе, что онъ, находясь въ пріятельскихъ сношеніяхъ со многими лицами, дѣйствовавшими и въ возмущеніяхъ на югѣ и 14 Декабря въ Петербургѣ, *никогда* не принадлежалъ ни къ какому тайному обществу. Правительство могло иногда строго взыскивать съ него за его необдуманныя рѣчи и поэтическія выходки, но всегда болѣе или менѣе уважало въ немъ человѣка съ возвышенными дарованіями. Все долговременное обращеніе съ нимъ Императора Николая I служитъ тому доказательствомъ. Въ самой статьѣ встрѣчаются подтвержденія этому мнѣнію. Такъ на стр. 695 „Его Величество" (говоритъ Пушкину Бенкендорфъ) совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите „отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего Отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя „ваше. Въ сей увѣренности, Его И. В. „благоугодно, чтобы вы занялись предметами о *воспитаніи юношества*". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 696) слова того же Бенкендорфа: „мнѣ крайне лестно и „пріятно служить отголоскомъ всемилостиваго вниманія Его Величества къ „отличнымъ дарованіямъ вашимъ".

Стр. 689: „Пушкинъ былъ дѣйствительно великъ въ мелкихъ и въ сшивныхъ сочиненіяхъ. Онъ не могъ по „таланту своему составить ни плавной „и текучей поэмы, ни драмы по правиламъ сценическаго искусства". Если авторъ подъ выраженіемъ сценическаго искусства понимаетъ Французскія трагедіи, писанныя по извѣстнымъ и принятымъ условіямъ, то можно отвѣчать ему, что Пушкинъ не то, что не могъ, а не хотѣлъ писать трагедій по такимъ сколкамъ. Полтава и Онѣгинъ въ своемъ родѣ вовсе „не безсвязныя поэмы", какъ называетъ ихъ нашъ критикъ.

Стр. 703. Неизвѣстно, кѣмъ доставлено было Бенкендорфу „довольно вѣрное изображеніе Пушкина" (какъ выражается авторъ статьи); но во всякомъ случаѣ нельзя ручаться, какъ ручается авторъ, что „путешествіе Пушкина на

*) Извѣстенъ отвѣтъ Пушкина Великому Князю Михаилу Павловичу, который поздравилъ его съ пожалованіемъ въ камеръ-юнкеры: «Ваше Высочество одни меня поздравляете, всѣ надо мною смѣются». *П. Б.*

„Кавказъ устроено было игроками, у „коихъ онъ въ тискахъ", и такое ручательство очень легкомысленно. Пушкинъ любилъ играть въ карты, но предполагать, что возникъ противъ него заговоръ, устроенный игроками, обѣщавшими ему „золотыя горы на Кавказѣ", есть предположеніе слишкомъ невѣроятное и забавное. Пушкинъ никогда не былъ игрокомъ по ремеслу и разсчету, а только по увлеченію.

Стр. 703. „Въ то время начиналась „Турецкая война. Пушкинъ и князь П. „А. Вяземскій просили опредѣлить ихъ „въ дѣйствующую армію". Выраженіе не совсѣмъ вѣрное, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ князю Вяземскому. По собственному его отзыву, нами отъ него слышанному, князь Вяземскій никого не просилъ о принятіи его въ военную службу, но по вызову пріятеля своего генералъ-адъютанта Киселева (въ послѣдствіи графа) князь Вяземскій выразилъ желаніе принять на себя должность въ его походной канцеляріи. По этому поводу Киселевъ написалъ для князя Вяземскаго и письмо къ графу Бенкендорфу. Въ Остафьевскомъ Архивѣ хранится письмо графа Бенкендорфа къ князю Вяземскому отъ 20 Апрѣля 1828, за № 1602, слѣдующаго содержанія: „Въ слѣдствіе доклада моего Государю Императору о изъявленномъ мнѣ „вашимъ сіятельствомъ желаніи содѣйствовать въ открывающейся противъ „Оттоманской Порты войнѣ, Его Императорское Величество, обративъ особенно благосклонное свое вниманіе на „готовность вашу, м. г., посвятить старанія ваши службѣ его, Высочайше „повелѣть мнѣ соизволилъ увѣдомить „васъ, что онъ не можетъ опредѣлить „васъ въ дѣйствующей противъ Турокъ „арміи по той причинѣ, что отнюдь всѣ „мѣста въ оной заняты. Ежедневно „являются желающіе участвовать въ сей „войнѣ и получаютъ отказы. Но Его Величество не забудетъ васъ, и сколь „скоро представится къ тому возможность, онъ употребитъ отличныя ваши „дарованія для пользы Отечества. Съ „совершеннымъ почтеніемъ и пр".

Въ той же книжкѣ Русской Старины (на стр. 786) сказано, что сновидѣніе Булгакова подало Пушкину мысль написать поэму „Мѣдный Всадникъ". Это не имѣетъ никакого ни основанія, ни правдоподобія. Довольно сказать, что Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ не былъ въ 1812 г. почтъ-директоромъ въ Петербургѣ, а назначенъ въ эту должность многіе годы позднѣе; служа по дипломатической части, онъ вѣроятно не былъ въ это время и въ Петербургѣ. Къ тому же извѣстно изъ разсказовъ П. С. Молчанова (Русскій Архивъ 1873, стр. 1026), что ему, а не князю Голицыну было поручено, въ случаѣ надобности, вывезти памятникъ Петра Великаго изъ Петербурга. Кромѣ того опроверженіемъ этой басни о сновидѣніи можетъ служить предисловіе къ „Мѣдному Всаднику", гдѣ сказано: „Происшествіе, „описанное въ сей повѣсти, основано на „истинѣ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. Н. „Берхомъ".

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что о такомъ писателѣ какъ Пушкинъ и о періодѣ времени еще не столь отдаленномъ отъ насъ, доставляемыя въ печать свѣдѣнія могутъ и должны быть тщательно и строго провѣряемы; а безъ этого, при желаніи ближе ознакомить читателей съ лицемъ знаменитымъ и собрать о немъ всѣ возможные толки и разсказы, на повѣрку выходитъ, что читатели вводятся въ заблужденіе: вмѣсто того, чтобы выразить сочувствіе и уваженіе къ памяти знаменитаго лица, оказывается ей худая услуга и даже нѣкоторое пренебреженіе.

Николай Барсуковъ.

18-го Августа 1874.
Гомбургъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ, УМЕРШИХЪ ВЪ 1872 ГОДУ *).

(ИЗЪ СПРАВОЧНАГО СЛОВАРЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ, СОСТАВЛЯЕМАГО Г. Н. ГЕННАДИ).

Анатолій (Августинъ *Мартыновскій*), уроженецъ Подольской губ. Послѣ семинарскаго курса былъ священникомъ, овдовѣвъ постригся и въ Кіевской Академіи окончилъ курсъ магистромъ въ 1825 г. и послѣ оставался въ ней учителемъ. Съ 1829 былъ ректоромъ Курской семинаріи и въ томъ же году перемѣщенъ въ Новгородскую. Въ 1840 г. Авг. 4-го назначенъ епископомъ Екатеринбургскимъ, викаріемъ Пермскимъ, въ 1841 Іюня 1-го епископомъ Острожскимъ, викаріемъ Волынской епархіи; въ 1844 Ноября 22 епископомъ Могилевскимъ и Мстиславскимъ. Съ 1860 г. жилъ на покоѣ въ Гербовецкой обители, Кишеневской епархіи, гдѣ скончался 8 Авг. 1872 г. 82 лѣтъ.

— Объ иконописаніи М. 1845. 8° (Безъ имени).

— Покаянныя воздыханія для говѣющихъ *А. Е. О.* Кіевъ, 1841 и Кишеневъ, 1861. 12°.

— Возношеніе мыслей и сердца къ Богу въ различныхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ жизни человѣческой. Кіевъ 1845, 8° и 1849. 12° Вильно, 1852. 16°.

— Бесѣды говоренныя во время обозрѣнія церквей въ Могил. епархіи въ 1846 г. Кіевъ, 1846. 8°.

— Слово гов. по случаю переведенія въ новоустроенный домъ и въ началѣ ученія дѣвицъ дух. званія, воспитан. въ Буйничскомъ монастырѣ, близъ Могилева, 27 Сент. 1847. Кіевъ, 1847.

— Слово въ недѣлю 27-ю по пятидесятницѣ (Изъ Воскреснаго Чтенія). Кіевъ, 1848. 8°.

— Вѣра, Надежда и Любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній. Кіевъ, 1848, 12°; 2-е изд. 2 ч. П. 1853 — 1854. 12° 3-е П. 1862. 12°; 5-е 2 ч. П. 1867. Съ 10 картинками.

— Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, наше оправданіе или покаянное воспоминаніе уничиженія и крестныхъ страданій Спасителя. Кіевъ, 1848. 12°.

— Слова, бесѣды и рѣчи на воскресные дни и по особымъ случаямъ. 5 ч. П. 1853—1866. 12°.

— Слово въ день успенія пресв. Богородицы. П. 1862 8° (Изъ Странника).

— Наставленіе приходскаго священника пріемлющимъ святыя таинства. П. 1864. 16°.

— Скорби и утѣшенія Богоматери. П. 1868. 8°.

*) Свѣдѣнія о писателяхъ, умершихъ въ 1857 г. напечатаны въ Библіографич. Запискахъ, т. I-й (1858, № 12); въ 1858—тамъ же, т. II-й (1859, № 2); въ 1859—тамъ же, т. III, (1861, № 4); въ 1860 — 1871 годахъ въ Русскомъ Архивѣ 1864—1872 годовъ. *П. Б.*

— Досуги преосв. Анатолія. II. 1868. 8º. Съ портретомъ. (Здѣсь и брошюра его объ иконописаніи, изд. вторично въ 1867 году).

— Письмо къ требовавшему хотя краткаго наставленія о томъ, какъ узнавать и опредѣлять пророческій смыслъ Священнаго Писанія. 1869. 8º.

Некр-гъ *А. Уарова* въ Странникѣ 1872, III, № 9, хроника, стр. 208—211.

Анке, Николай Богдановичь, т. сов., заслуженный профессоръ. Сынъ Моск. купца, р. въ Москвѣ 6 Дек. 1803 г.; начавъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, окончилъ его въ Дерптскомъ (1827) и въ 1832 получилъ степень доктора медицины. Съ 1835 онъ опредѣленъ былъ въ Моск. университетъ адъюнктомъ для преподаванія фармакологіи и общей терапіи, въ 1838 утвержденъ экстр. и въ 1845 орд. профессоромъ и занималъ каѳедру до 1863. Въ 1840—1843 онъ преподавалъ фармакологію и токсикологію въ бывшей Моск. медико-хирургич. академіи. Кромѣ того былъ 14 л. деканомъ медиц. факультета, исправлялъ разныя порученія по медиц. части и служилъ въ больницахъ и инспекторомъ Московскихъ учрежденій И. Маріи Ѳеодоровны. Весною 1872 онъ оставилъ службу по болѣзни, которая свела его въ могилу 17 Дек. 1872 (Н. въ Моск. Вѣдом. № 323).

— Ueber die Nachkrankheiten der Cholera (Protocollextracte der Aertzte in Riga). 1831.

— De vitiis nonnullis rarioribus cordis observationes quaedam. Diss. Dorpati. 1832.

— Beiträge zur Lehre von der Blutbewegung in den Venen, dem Venenpulse und der Abdominalpulsation. Moscau. 1835.

— De Cornelio Celso quaestiones quaedam. Oratio. M. 1835.

— Ueber Blausäure und ihre Verbindung. St. Petersb. 1844.

— Philologisch-medicinische Bemerkungen. M. 1846.

— De Hippocratis praeceptis nostra aetate valentibus. Oratio. M. 1847.

— О различіи между ломотной лихорадкой и острымъ ревматизмомъ, со вступительнымъ обзоромъ ломоты и ревматизмовъ вообще. М. 1850.

— Замѣчанія объ эпидемической дифтерической жабѣ. 1853 (Моск. Врач. Журналъ).

— Вмѣстѣ съ Блюменталемъ и Левестамомъ издалъ: Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde. Leipzig. 1845, гдѣ есть и его одна статья.

— Diei festi atque solennis, quo Alexander II... diadema Caesarum induit, gratulatio... 1856. (Изъ Моск. Врач. Журнала).

Біогр. Словарь профес. Моск. унив. I, 9—12. Некрологъ (гдѣ говорится о заслугахъ его какъ декана и профессора) въ Моск. Мед. Газетѣ 1873, № 2.

Виттъ, Н. И. профессоръ технологическаго института. † 1872.

— О производствѣ свѣтильнаго газа и газовомъ освщеніи. СПб. 1847. 8º.

— Промышленная химія, 2 т. СПб. 1847—1848. — Собраніе чертежей промышленной химіи, съ подробными описаніями. СПб. 1847.—Перечень содержанія и описанія чертежей. 1848. 8º.

— О воздухѣ, горѣніи, водѣ и химическихъ элементахъ (Изъ 1-й части Промышленной химіи). СПб. 1847.

— Химія органическая. СПб. 1849. 8º съ атласомъ въ л.

— О новомъ топливѣ. СПб. 1850. 8º (О каменномъ углѣ).

— Руководство къ печному производству. СПб. 1851. Съ 8 листами чертежей.

— Руководство къ сахарному производству, съ 23 чертежами. 3 т. СПб. 1854. 8º.

— Пиво и его приготовленіе. 1863. 8º.

Врангель, баронъ Бернардъ Васильевичь, адмиралъ, командиръ Ревельскаго

порта. Р. 6 Янв. 1797†25 Апр. 1872. Его ученая дѣятельность была посвящена астрономическо-тригонометрическимъ измѣреніямъ въ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ. Въ 1822—1828 онъ участвовалъ въ измѣреніяхъ дуги меридіана, произведенныхъ астрономомъ Струве. Въ 1828 былъ начальникомъ эскадры, описавшей берега Балтійскаго моря и построилъ обсерваторію въ Ревелѣ. Съ 1855 былъ директоромъ Балтійскихъ маяковъ, съ 1860 командиромъ Ревельскаго порта.

Некр-гъ въ Бирж. Вѣдомости 1872, № 125.

Гильфердингъ, Александръ Өедоровичь, историкъ, славянистъ, р. 2 Іюля 1831. Юность онъ провелъ въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его былъ директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ. Изъ филологическаго факультета Московскаго университета, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1852 первымъ кандидатомъ, онъ вынесъ основательныя знанія языковъ древнихъ и новыхъ и въ слѣдующемъ году получилъ степень магистра. Въ Москвѣ, въ кругу Хомякова и его друзей, онъ пристрастился къ изученію исторіи и быта Славянъ, которымъ въ послѣдствіи посвящены были его ученыя занятія.—Поступивъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ съ 1856 г. прослужилъ три года консуломъ въ Босніи и изучилъ Славяно-турецкія области. Въ 1861 онъ опредѣлился въ госуд. канцелярію и занимался въ деп-тѣ госуд. экономіи. По назначеніи Милютина въ Варшаву въ 1863, Гильфердингъ перешелъ туда же и, состоя въ комитетахъ по дѣламъ царства и объ устройствѣ сельскаго состоянія, кромѣ участія въ законоположеніяхъ о крестьянахъ, по народному образованію, по устройству судебной части и проч., оказалъ услугу обществу нѣсколькими дѣльными статьями по Польскому вопросу (въ Рус. Инвалидѣ и въ Днѣ). Послѣдняя его служба была въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, помощникомъ статсъ-секретаря. — Съ 1868 онъ былъ предсѣдателемъ Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго общества, также предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла географическаго общества и помѣстилъ нѣск. обширныхъ статей въ изданіяхъ общества. Въ 1871 г. онъ совершилъ поѣздку по Олонецкому краю для собранія народныхъ былинъ. Въ Іюнѣ 1872 онъ отправился туда снова, но во время плаванія по Вытегрѣ заболѣлъ и въ Каргополѣ скончался отъ тифа, 20 Іюня 1872 г.

Кромѣ многихъ статей, напечатанныхъ въ журналахъ съ 1852 по 1872 и изъ коихъ нѣкоторыя главнѣйшія вошли въ собраніе его сочиненій, изданное М. Семевскимъ, послѣ Г. осталось начало обширнаго труда: Исторія Славянъ, изъ котораго отрывокъ былъ въ Вѣстникѣ Европы.

— О сродствѣ языка Славянскаго съ Санскритскимъ. СПб. 1853. (Извѣстія Академіи).

— Объ отношеніи языка Славянскаго къ языкамъ родственнымъ. М. 1853. (Магистерская диссертація).

— Исторія Балтійскихъ Славянъ, т. I. М. 1855 (Изъ Москвитянина).

— Неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ святомъ и Болеславѣ Храбромъ. М. 1856. 8º (Изъ Русск. Бесѣды, кн. I).

— Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи. М. 1856. 8º (Изъ Рус. Бесѣды, кн. I).

— Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ. СПб. 1856 (Изъ Памятниковъ при Извѣстіяхъ Академіи, т. V). Die sprachlichen Denkmäler der Drewlaner, Glinjaner u. Elbslaven im Lüneburger Wendlande. Aus d. russ. von I. Schmaler. Bautzen, 1857.

— Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ, 2 кн. М. 1856—1859. (Прежде въ Моск. Вѣдом. и Русской Бесѣдѣ). Geschichte der Serben u. Bulgaren. I. Bautzen, 1856. 8º.

— Les slaves occidentaux. Paris, 1858. 8º (Анонимно).

— Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. СПб. 1859.

— Борьба Славянъ съ Нѣмцами въ Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка. СПб. 1861. 8º.

— Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. СПб. 1862.

— Les causes de la lutte entre la Russie et la Pologne. Bruxelles, 1863. 8º.

— Собраніе сочиненій. 2 т. СПб. 1868.

— Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ Славянскихъ нарѣчій. СПб. 1870.

— Гусъ. Его отношенія къ православной церкви. СПб. 1871.

— Онежскія былины. СПб. 1873. Съ портретами рапсодовъ и напѣвами. 2 тома. (Окончено подъ редакціею П. Гильдебрандта).

Некрологи: СПб. Вѣдом. 1872, № 168.— Die Presse, № 191. — Моск. Вѣдом. № 295.—Отчетъ по II отд. Академіи наукъ за 1872 г. *А. Никитенко.*—Отчетъ Геогр. Общества за 1872, сост. графомъ *К. Литке*, стр. 6.—Вѣстникъ Европы 1872, кн. 8, т. IV, хроника, 902—907, статья *А. П.*

Г. какъ историкъ, *К. Н. Бестужева-Рюмина*, Голосъ, № 54, 1873 г.—Біогр. статья *М. Семевскаго*, съ письмомъ о его кончинѣ, съ описаніемъ поминокъ по немъ въ Карлсбадѣ и описаніемъ его похоронъ въ Петербургѣ, въ Русс. Старинѣ, т. VI, (1872, № 10), стр. 452—470.—Надгробное слово ему архим. *Хрисанфа*, въ Моск. Епарх. Вѣдом. 1872, № 33 и некрологъ № 28.

Голицинъ, князь Юрій Николаевичь, извѣстный музыкантъ, образовавшій хоръ пѣвцовъ ,которые давали концерты національнаго пѣнія въ обѣихъ столицахъ. О его пребываніи въ Лондонѣ сохранился живо написанный разсказъ Герцена (Посмертныя Соч.) Онъ самъ описалъ свою молодость, женитьбу и нѣкоторые эпизоды своей юности и артистической карьеры въ мемуарахъ, помѣщенныхъ въ Отеч. Запискахъ и вышедшихъ отдѣльно: Прошедшее и настоящее. Спб. 1870. 8º.

Кромѣ того извѣстна мнѣ небольшая брошюрка его: Отрывокъ изъ Записокъ князя Ю. Н. Голицына по поводу брошюры А. Н. Муравьева о Т. Б. Потемкиной. СПб. 1869. 8º. Скончался 2-го Сент. 1872 г. въ Петербургѣ.

Н. въ Голосѣ № 130 и 150 (письмо его брата).—Біогр. очеркъ, съ портретомъ, во Всем. Иллюстраціи 1870, № 92.

Даль, Владиміръ Ивановичь. Род. 10 Ноября 1801 въ Лугани, Екатериносл. губ., гдѣ отецъ его, родомъ Датчанинъ *), былъ докторомъ на заводѣ.—Отъ мѣста рожденія происходитъ его псевдонимъ: „Казакъ Луганскій", съ которымъ онъ выступилъ въ литературѣ. — Его служебная и авторская карьера была очень разнообразна и, при талантѣ наблюдательности и разсказа, дала ему возможность высказать и передать то богатство свѣдѣній о Русскомъ бытѣ и языкѣ, которыя находимъ въ его трудахъ. Окончивъ курсъ въ морскомъ корпусѣ, онъ поступилъ на службу въ Черноморскомъ флотѣ. Оставивъ ее вскорѣ, онъ въ Январѣ 1826 поступилъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ получилъ степень доктора медицины, за тѣмъ опредѣлился въ армію и участвовалъ въ походахъ на Дунаѣ и въ Польшѣ. Воротясь въ Петербургъ и поступивъ ординаторомъ въ военный госпиталь, онъ издалъ свои „Русскія Сказки", которыя были запрещены тотчасъ по выходѣ ихъ. Познакомившись у Жуковскаго съ В. А. Перовскимъ, онъ поступилъ къ нему на службу въ Оренбургъ, гдѣ служа, въ теченіи семи лѣтъ, изучилъ край и собралъ много свѣдѣній. Его живыя письма о Хивинскомъ походѣ напечатаны были въ Русс. Архивѣ 1867 г. Въ 1841 онъ перешелъ на службу въ Петербургъ и состоялъ при министрѣ вн. дѣлъ. Въ 1849 — 1859 онъ управлялъ удѣльною

*) См. Замѣтку его въ опроверженіе Allgemeine Zeitung, обозвавшей его Нѣмцемъ,—въ Голосѣ 1867, № 257.

конторою въ Нижнемъ-Новгородѣ. Потомъ онъ жилъ на покоѣ въ Москвѣ и усердно занимался окончаніемъ и изданіемъ своего громаднаго словаря. Сконч. 22 Сентября 1872.

Первыя статьи Даля по медицинѣ, появились на Нѣмецкомъ яз. въ Dorpater Jahrbücher; потомъ онъ печаталъ въ Сѣв. Пчелѣ (1833 — 1835), въ Энц. Лексиконѣ Плюшара (до 30 статей), въ Библіотекѣ для Чтенія, въ Современникѣ, Отеч. Запискахъ и проч. и въ нѣсколькихъ Сборникахъ (Рус. Бесѣда и Новоселье Смирдина, „Наши" Исакова, Сельское Чтеніе, Молодикъ). Кромѣ семи томовъ его сочиненій, много мелкихъ статей его въ газетахъ и въ Москвитянинѣ, Литерат. Газетѣ, Иллюстраціи, Морскомъ Сборникѣ, Московской Медицинск. Газетѣ и пр.

— De terebratione cranii et de venarum exularatione occulta. Dorpati, 1829. 8º (Докторская диссертація).

— Русскія сказки изъ преданія народнаго, изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому принаровленныя и поговорками ходячими разукрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ. Пятокъ первый. СПб. 1832. 12º.

— Описаніе моста, наведеннаго на рѣкѣ Вислѣ для перехода отряда генералъ - лейтенанта Ридигера. СПб. 1833. 8º.

— Были и небылицы казака Вл. Луганскаго, 4 ч. СПб. 1833—1839. Съ фронтисписомъ и двумя картинками.—Новое изданіе 1843.

— Объ омеопатіи. Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому. СПб. 1838. 8º (Изъ Современника № 12). *)

— Естественная исторія Оренбургскаго Края. Соч. *Э. Эверсмана.* ч. I. Оренбургъ. 1840. Переводъ.

*) Даль является здѣсь поборникомъ гомеопатіи, на которую прежде нападалъ въ Сѣв. Пчелѣ 1834 и 1835 и въ Сынѣ Отечества 1833 (№ 13—15).

— Солдатскіе досуги. СПб. 1843. 8º.

— Похожденія Христіана Христіановича Віольдамура и его Аршеты. Повѣсть, съ рисунками Сапожникова (4º); при Библіотекѣ для Чтенія, т. 62 (1844).

— Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго. 4 ч. СПб. 1846.

— Гдѣ потеряешь не чаешь, гдѣ найдешь не знаешь. М. 1846. 8º (Моск. ученый и лит. Сборникъ).

— Сочиненія казака Луганскаго. 4 ч. СПб. 1846, въ 24 д. л. Изд. А. Смирдина.

— Ботаника В. Даля, сост. на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ военно-уч. заведеній. СПб. 1849. 8º. Съ политипажами. — Изд. 2-е 1851.

— Матросскіе досуги. СПб. 1853. 12º.

— Мичманъ Поцѣлуевъ (Изъ Библіотеки для дачь) СПб. 1855, въ 24 д. л.

— Контузіи. СПб. 1856. 8º.

— Смерть Пушкина. М. 8º (Изъ Моск. Медиц. Газеты 1860. № 49).

— Сочиненія. Новое полное изданіе М. Вольфа. 7 ч. Спб. 1861. 12º. Изъ этого изданія отпечатано особо: Повѣсти, разсказы и сказки; Картины изъ Русскаго быта, 2 т.; Два сорока бывальщинокъ для крестьянъ, 2 т. съ картинками.

— Пословицы Русскаго народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, рѣчей, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч. М. 1862. 8º (Изъ Чтеній въ Моск. обществѣ ист. и древностей).

— Толковый словарь живаго Великорусскаго языка. Изд. общества любителей Росс. словесности, а томы II—IV на счетъ всемилостивѣйше пожалованныхъ средствъ. 4 ч. М. 1863—1866. 4º. (Первый выпускъ вышелъ въ 1861 г.)

— Памятная книжка для казачьихъ войскъ. Изданіе Военнаго Штаба.

— Въ справочномъ Энц. Словарѣ Края ч. IV, 426 указана неизвѣстная мнѣ его брошюра: Bemerkungen über Zimmer-

man's Entwurf des Kriegstheaters Russlands gegen Chiva, Orenburg. 1840.

Тамъ же указано участіе Даля въ Областномъ Словарѣ, изданномъ Академіею наукъ.

Во Всем. Иллюстраціи 1872 года, стр. 207 и въ статьѣ П. И. Мельникова сказано, что Даль, служа въ Мин. Н. Просв., напечаталъ брошюры (или доклады), о скопческой ереси 1844 и объ убіеніи Евреями христіанскихъ младенцевъ (сохранившіяся въ Чертковской библіотекѣ). Они были напечатаны въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, да и тѣ почти всѣ сожжены.

Изъ переводовъ его сочиненій мнѣ извѣстно только: Bikej og Mauleana... Efter det Russiske ved E. M. Thorson. Kjobenhavn, 1855. 12º.

Біографія его (по матеріаламъ С. В. Максимова), съ указаніемъ его статей, въ Справочномъ Энц. словарѣ Краяя, IV, стр. 425—427.—Біог. съ портретомъ во Всем. Иллюстраціи т. VIII, стр. 394.—Н. въ Голосѣ, № 150.—Біогр. очеркъ въ отчетѣ II отд. Академіи наукъ, въ Запискахъ Академіи и СПб. Вѣдом. 1873, № 63).—Моск. Вѣдом. 1872. № 267.—Самую подробную біографію находимъ въ Рус. Вѣстникѣ т. 104, (1873, № 3), въ «Воспоминаніяхъ» о немъ *П. И. Мельникова*, знавшаго его въ Нижнемъ Новгородѣ.—Краткая біографія въ Рус. Архивѣ 1872, № 10, *П. Бартенева.*

Егоровъ, Петръ Прохоровичъ, почтмейстеръ (съ 1859) въ г. Касимовѣ, гдѣ сконч. 29 Ноября 58 лѣтъ. Онъ сообщалъ въ столичныя газеты корреспонденціи изъ Касимова и послѣ службы на Кавказѣ печаталъ „Кавказскія Записки" въ Русс. Инвалидѣ и Современникѣ.

Иллюстр. Газета 1873, № 1.

Жоховъ, А. Ѳ., публицистъ, ум. 21 Мая 1872 отъ раны, полученной на дуэли. (Всем. Иллюстрація, т. VII, стр. 359).

Зайцевъ, Николай Лазаревичъ, бывшій экстр. профессоръ Кіевской духовной академіи, сконч. въ началѣ 1872.—(См. Всем. Иллюстрацію, т. VII, стр. 199).

Каченовскій, Дмитрій Ивановичъ. По окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ въ 1847, онъ былъ приглашенъ для приготовленія къ профессорскому званію, въ 1849 утвержденъ магистромъ международнаго права и вскорѣ опредѣленъ адъюнктомъ. Въ 1855 онъ получилъ въ Москвѣ степень доктора политическихъ наукъ. Въ 1858 и 1859 путешествовалъ за границею и потомъ, въ 1860 г., издалъ отчетъ о своихъ занятіяхъ. Нѣкоторыя статьи его, напеч. за границею, заслужили лестные отзывы Европейскихъ ученыхъ. Его докторская диссертація и первые два выпуска международнаго права переведены Праттомъ на Англійскій языкъ — Во время послѣднихъ своихъ поѣздокъ за границу онъ усердно занимался исторіею искусства. Его изслѣдованіе о Микель-Анджело осталось ненапечатаннымъ вмѣстѣ съ лекціями по международному праву и по госуд. праву Европейскихъ державъ.—Ум. 12 Дек. 1872 г.

— О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. М. 1855. 8º (Prize-lau, particularly with reference the duties and obligations of bellgerentes and neutrals. Transl. by I. Th. Pratt. London 1867).

— Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ. М. 1859 (Печаталось въ Рус. Вѣстникѣ).

— О современномъ состояніи политическихъ наукъ въ Западной Европѣ и Россіи. Харьковъ. 1862.

— Курсъ международнаго права, 2 ч. Харьковъ. 1863—1866.

— Статьи его преимущественно въ Русс. Вѣстникѣ съ 1856 и въ Рус. Рѣчи 1861.

Н. въ Голосѣ 1873. № 3.—СПб. Вѣдом. 1873, № 31. Некрологъ для акта Харьк. унив. сост. *А Стояновымъ.* Рус. Міръ 1872, № 338 и 339.

Кельсіевъ, Василій Ивановичъ. Петербургскій уроженецъ (р. 1835), воспитанникъ коммерческаго училища, въ 1855 отправился на службу Росс. американской компаніи, но, случайно оставшись въ Плимутѣ, далѣе не поѣхалъ и въ Лондонѣ вошелъ въ кружокъ Рус-

скихъ эмигрантовъ, издателей Колокола. Герценъ поручилъ ему переводъ на Русскій языкъ Библіи, который начатъ былъ печатаніемъ, потомъ изданіе Сборника правительств. свѣдѣній о раскольникахъ, 4 книги 1861—1862 и Собранія постановленій по части раскола 2 книги, 1863.—Кромѣ того, предпринявъ революціонную агитацію чрезъ раскольниковъ, они издавали для нихъ особый періодическій листокъ при Колоколѣ. Кельсіевъ съѣздилъ въ Москву и къ Прусскимъ старообрядцамъ, потомъ жилъ въ 1862—1865 въ Турціи среди Некрасовцовъ и въ Тульчѣ *) сдѣлалъ неудачную попытку устройства коммуны. Разочарованіе, неудачи и семейное горе привели его къ отреченію отъ его заблужденій и теорій. Въ 1866 онъ въ Вѣнѣ явился Славянофиломъ и посылалъ въ Русскіе журналы этнографическія статьи съ подписью: *Ивановъ-Желудковъ*. — Весною 1867 года онъ самъ явился въ Скулянскую таможню, предоставивъ рѣшеніе своей участи Русскому правительству, и написалъ свою автобіографію. Онъ былъ прощенъ, жилъ потомъ въ Петербургѣ и занимался литературою. Ум. 5 Окт. 1872.

— Пережитое и передуманное. Воспоминанія. СПб. 1862. 12.

— Галичина и Молдавія. Путевыя письма. СПб. 1868.

— Москва и Тверь. Историч. повѣсть. СПб. 1871.

— „При Петрѣ". Историч. повѣсть. Съ картинками. СПб. 1871.

О возвращеніи К. въ Россію см. Моск. Вѣдомости 1867 № 212, Голосъ № 273, Бирж. Вѣдомости № 269 и Соврем. Листокъ № 82.

Лашкевичъ, Степанъ Ивановичъ, кол. сов., ум. въ Дек. 1872 въ Новозыбковскомъ у., Черниг. губ. Онъ сообщалъ статьи въ газеты, въ Русскій Архивъ, въ Чтенія Общ. Ист. и др.

Львовъ, Николай Михайловичъ, драматическій писатель, р. въ Петербургѣ 19 Февр. 1821, воспитывался въ Казанскомъ университетѣ, ум. 12 Апр. 1872.

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Комедія въ 3 д. СПб. 1857. (Въ Отеч. Запискахъ, Мартъ).

— Предубѣжденіе, или не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Ком. въ 2 д. СПб. 1858.

Портретъ и краткое извѣстіе о немъ въ Худож. Листкѣ Тимма 1858, № 7.

Миллеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, инспекторъ 5-й Моск. гимназіи, воспит. Моск. университета, отличный преподаватель Географіи въ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, издавшій хорошую карту Россіи, ум. 26 Марта 1872. (См. СПб. Вѣдом. № 88).

Милютинъ, Николай Алексѣевичъ, членъ госуд. совѣта, статсъ-секретарь Его И. Величества. Родился въ Москвѣ 6 Іюня 1818, воспитывался въ Моск. унив. пансіонѣ и 17 лѣтъ поступилъ въ мин-во внутреннихъ дѣлъ, которому посвятилъ лучшіе года своей дѣятельности, былъ директоромъ деп-та и исправлялъ должность товарища министра (съ 1861). Между прочимъ его служба здѣсь памятна услугами, оказанными статистикѣ Русской и составленіемъ городоваго положенія для С. Петербурга. Послѣдующая его дѣятельность по преобразованію кредитной части, устройству земскихъ учрежденій, улучшенію быта крестьянъ и преобразованіямъ въ Царствѣ Польскомъ принадлежатъ исторіи нынѣшняго царствованія.—Онъ скончался 26 Января 1872 въ Москвѣ, гдѣ жилъ больной, послѣ поразившаго его шесть лѣтъ до кончины апоплексическаго удара.

Имя Милютина принадлежитъ юридической литературѣ по массѣ административныхъ работъ, напечатанныхъ въ правительственныхъ изданіяхъ. Онъ значительно двинулъ правительственную статистику Россіи, участвовалъ въ трудахъ Географич. общества и въ его

*) Объ агенствѣ въ Тульчѣ см. Моск. Вѣдомости 1865 № 183 и 241 и Голосъ 1865, № 233.

Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній. Въ молодости онъ занимался про себя литературою и писалъ стихи.

Н. въ СПб. Вѣдом. № 28; Голосѣ № 28, 30, 36; Новое Время № 54; Гражданинъ № 5, Вѣстникъ Европы. № 3. — Всѣ некрологическія статьи собраны въ брошюрѣ: На кончину Н. А. Милютина († 26 Января 1872). М. 1872. 8º, 91 стр.

Невоструевъ, Капитонъ Ивановичь, археологъ, уроженецъ Вятской губ. По окончаніи курса въ Моск. дух. академіи, былъ преподавателемъ Симбирской семинаріи и отсюда вызванъ въ Москву и опредѣленъ профессоромъ семинаріи. Онъ долго и усердно трудился надъ разборомъ и описью рукописей синод. библіотеки. Сконч. 30 Ноября 1872. (Н-логъ *Н. Г-ва*, въ Моск. Вѣдом. 1872).

— Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки. Отд. I. Священное Писаніе. М. 1855. 8º (Сост. съ А. Горскимъ). Отд. II. Писанія св. отцевъ, 3 ч. М. 1857, 1859 и 1862. 8º.

— Разсмотрѣніе рецензій, явившихся на описаніе рукописей Синод. Библіотеки. СПб. 1870. 8º (Изъ Сборника статей, читан. въ Отд. Рус. языка и слов.).

Некрологъ и надгробное слово свящ. *Дм. Кастальскаго*, Моск. Епарх. Вѣдом. 1872, № 22; Отчетъ II отд. Академіи Наукъ за 1872 г. (СПб. Вѣд. 1873, № 66). — Статья о немъ *Е. Барсова* и опровerженіе ея въ Рус. Архивѣ 1873 года.

Никольскій, Владиміръ Николаевичь, экстр. профессоръ Ярославскаго лицея, потомъ (съ 1858) Моск. университета по каѳедрѣ Русс. гражд. законовъ. Род. въ 1821, ум. съ 6-го на 7 Фев. 1872.

— Обзоръ преобразованій Петра Великаго въ области личнаго семейнаго права. М. 1845.

— О началахъ наслѣдованія по закону съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи. М. 1859.

См. *Толля* Словарь, II, 336.

Палаузовъ, Спиридонъ Николаевичь, по происхожденію Болгаринъ, р. въ Одессѣ 16 Іюля 1818, учился въ Одесскомъ лицеѣ и въ Нѣмецкихъ университетахъ и былъ докторомъ политико-экономическихъ наукъ Мюнхенскаго университета и магистромъ Славянской словесности СПб. университета (1852). Онъ зналъ много языковъ и особенно изучилъ этнографію и исторію Славянскихъ областей Турціи и Византійскую исторію. Въ Крымскую войну онъ былъ прикомандированъ къ князю Горчакову, командовавшему 3, 4 и 5 пѣхотными корпусами и въ послѣдствіи участвовалъ въ устройствѣ переселенія Болгаръ (послѣ снятія осады Силистріи). Онъ служилъ по министерству финансовъ и послѣдніе годы въ археогр. комиссіи и редактировалъ Лѣтопись по Ипатьевскому списку (1871). — Ум. 14 Авг. 1872 г. Кромѣ многихъ журнальныхъ статей имъ изданы:

— Ростиславъ Михайловичь, Русскій удѣльный князь на Дунаѣ въ XIII в. СПб. 1851.

— Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона. СПб. 1852.

— Румынскія господарства, Молдавія и Валахія, въ историко-политич. отношеніи. СПб. 1859.

— Австрія со времени революціи 1848. СПб. 1860.

— Реформа и католическая реакція въ Венгріи. СПб. 1860. 8º.

— Янъ Гуніади. Историческая характеристика. СПб. 1860.

— Венгрія въ современныхъ ея отношеніяхъ къ Австріи. СПб. 1861.

— Политическое и этнографическое состояніе народностей въ Австріи. СПб. 1861.

Нек-гъ *А. Воронова*, въ Рус. Старинѣ т. VI № (1872, № 10), 471—473 стр.

Пановскій, Николай Михайловичь (другъ Льва Пушкина) долго бывшій фельетонистомъ Московск. Вѣдомостей, сконч. 9 Сент. (Моск. Вѣдом. 1872, № 226). Онъ началъ печатать на 60-мъ году жизни въ Москвитянинѣ, а скончался 75 лѣтъ,

Пекарскій, Петръ Петровичь, академикъ. Р. въ Оренбургѣ 19 Мая 1827 г. Окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, онъ служилъ въ Оренбургѣ и въ Самарѣ, а съ 1851 въ Петербургѣ, въ канцеляріи министра финансовъ. Занятія исторіею Россіи и ея литературы привлекли его къ себѣ съ самаго начала его литературнаго поприща, и вмѣстѣ съ тѣмъ образовалась его богатая историческая библіотека, весьма тщательно составленная. Первыя статьи его появились въ Современникѣ; замѣтимъ изъ нихъ: Русскіе мемуары XVIII вѣка (1855, т. 50—52) Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1858, т. 67), Кондратовичь (1858, т. 59), Петербургская Старина (1860, т. 81—83) и статью о баронѣ Гюйссейнѣ въ Отечествен. Запискахъ 1860, т. 129; тамъ же, т. 140—141, рядъ очерковъ о Кіевскихъ ученыхъ XVII вѣка. Будучи членомъ археологическаго общества, онъ сообщалъ статьи въ его Извѣстія, участвовалъ въ Библіографич. Запискахъ и другихъ журналахъ и далъ до 18, частію значительныхъ, статей въ Энциклопедическій Словарь. Не мало труда и времени положилъ онъ на капитальный трудъ свой о литературѣ временъ Петра Великаго. Труды эти, отличающіеся тщательнымъ изученіемъ и критикою источниковъ, привлекли на него вниманіе Академіи Наукъ, которая избрала его въ 1863 адъюнктомъ, съ 1864 онъ былъ экстр., а съ 1872—ординарнымъ академикомъ. Онъ дѣятельно участвовалъ въ Запискахъ Академіи и занялся исторіею Академіи; этотъ обширный трудъ былъ прерванъ его кончиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, состоя съ 1862 г. въ госуд. архивѣ, онъ въ послѣдніе годы напечаталъ въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества бумаги импер. Екатерины II. Болѣзнь въ 1870 заставила его сдѣлать поѣздки на кумысъ и за границу. Къ 1872 онъ достаточно оправился и занимался печатаніемъ II-го тома Исторіи Академіи и II тома бумагъ Екатерины II; но слишкомъ усердное продолженіе этихъ трудовъ ослабило его, и онъ не могъ перенести болѣзни, сложившей его въ могилу 12 Іюля 1872, въ Павловскѣ.

Всѣ статьи его указаны въ Рус. Старинѣ т. VI, стр. 686—693. Укажемъ здѣсь отдѣльно изданные труды и оттиски.

1. Планъ и образцы библіографическаго обозрѣнія Русскихъ книгъ Петровскаго времени 1855. 8° (Извѣстія Академіи IV).

2. Мистеріи и старинный театръ въ Россіи 1857 (изъ Современника).

3. Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. 1862. 8°

4. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. 2 т. Спб. 1862. (Въ I томѣ исторія просвѣщенія Россіи въ это время, а во 2-мъ подробное описаніе книгъ и типографій 1698—1725 г.).

5. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. 1863 (Записки Ак. наукъ, т. III).

6. Новыя извѣстія о В. Татищевѣ. Съ портретомъ и факсимиле 1864. (Записки, т. IV).

7. Путешествіе академика Делиля въ Березовъ въ 1740 г. Со снимками видовъ Березова, рисованныхъ въ 1740 г. (Записки, т. VI). 1865.

8. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. 1865 (Записки, т. VIII).

9. Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—1864 г. по составленію Исторіи Академіи наукъ. 1865. (Записки, т. VII).

10. Письма Карамзина къ Дмитріеву. СПб. 1866. 8° (Издано совмѣстно съ Я. К. Гротомъ).

11. Жизнь и лит. переписка П. И. Рычкова. 1867. Съ портретомъ и факсимиле (Сборникъ статей II-го отд., т. II, № 1).

12. Редакторъ, сотрудники и цензура въ Русскомъ журналѣ 1755 — 1764 г. (Записки, т. XII).

13. Дополненія къ исторіи масонства XVIII столѣтія. (Сборникъ статей, т. VII, № 4).

14. Архивныя разысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго Rhytina borealis (со снимкомъ) 1869. Записки, т. XV.

15. Исторія И. Академіи Наукъ въ Петербургѣ т. I. СПб. 1870; т. II. (отпечатанъ послѣ его смерти, 1873).

16. Бумаги И. Екатерины II, хранящіяся въ Госуд. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ т. I (1744—1764). 1871. Изъ VII тома Сборника Ист. Общ.; т. II—1872.

17. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Съ портретомъ 1872.

Н-гъ *Я. Грота.* СПб. Вѣдом. 1872, № 208 и 301.—Некрологъ и списокъ его трудовъ помѣщенъ *М. Семевскимъ* въ Русс. Старинѣ т. VI, 1872, № 12, стр. 684—693.—Біогр. съ портретомъ въ Всем. Иллюстраціи т. VIII (1872, № 207), стр. 395.—Записка объ уч. и лит. трудахъ Пекарскаго, въ Отчетахъ И. Акад. наукъ по отд. Рус. яз. и слов. за 1852—1865, стр. 438—440.—Некрологъ *А. Н.* въ Вѣстникѣ Европы 1872, т. V, № 9, хроника, стр. 471—477.

Редеръ, Александръ Христофоровичь, заслуженный профессоръ начертательнаго исскуства въ институтѣ путей сообщенія, скончь. въ Ноябрѣ 1872 (СПб. Вѣдом. № 331, письмо *Ѳ. Б*).

Кромѣ статей въ журналѣ путей сообщенія онъ издалъ нѣсколько руководствъ, между прочими „Руководство къ теоріи тѣней“.

Рождественскій, Николай Ѳедоровичь, д. с. с. По окончаніи курса въ СПб. университетѣ кандидатомъ въ 1823, опредѣленъ въ немъ преподавателемъ логики (по Баумейстеру). Потомъ читалъ съ 1826 г. психологію (по Вольфу), съ 1827 исторію философіи (по Теннеманну), съ 1832 дѣйствующее въ Россіи гражданское право (по Своду) и наконецъ съ 1836 законы благоустройства и благочинія. Въ 1839 получилъ степень доктора правъ и въ 1842 утвержденъ экстр. профессоромъ. Кромѣ своего предмета онъ излагалъ Русскіе гражданскіе и уголовные законы студентамъ философскаго факультета съ 1838 по 1841 г. Послѣ 30-лѣтней службы университету, онъ въ 1853 былъ уволенъ; скончь. 27 Янв. 1872.

— Разсужденіе о мѣрахъ правительства къ сохраненію жизни и здравія народа. СПб. 1836.

— Руководство къ логикѣ съ предварительнымъ изложеніемъ краткихъ психологическихъ свѣдѣній. СПб. 1826, 1836 и 3-е испр. изданіе 1838. 8°.

— Хронологическая таблица древней исторіи философіи. 1830, въ л.

— Римское гражданское право по *Маккельдею.* 2 ч. 1829—1830. 8°

— Историческое изложеніе Русскаго законодательства о наслѣдствѣ. Разсужденіе. СПб. 1839. 8°

— Основанія государств. благоустройства съ примѣненіемъ къ Росс. законамъ. СПб. 1840. 8°.

— Разсужденіе о вліяніи Греко-римскаго права на Россійскіе гражд. законы, рѣчь. 1843.

— Законы госуд. благоустройства и благочинія, лекціи литогр. 1847—1848. 4°.

— Программа законовъ государст. благоустройства и благочинія. 4° (1847?)

— Руководство къ Россійскимъ законамъ. 1848. Изд. 2-е доп. 1849; 3-е 1850; 4-е 1851; 5-е 1854. 8°.

— Обозрѣніе внѣшней исторіи Русскаго законодательства. Спб. 1848.

— Руководство къ военнымъ законамъ. 1853.

— Энциклопедія законовѣдѣнія. СПб. 1863.

Объ немъ въ Исторіи СПб. Унив. *В. Григорьева.*

Ростовская, Марія Ѳедоровна, рожденная Львова, писала для дѣтей. Скончь. въ Іюнѣ 1872. (Гражданинъ 1873, № 3, стр. 79).

— Приключеніе Пони, Эмскаго осла. Съ 12 карт. СПб. 1852.

— Сельцо Лебяжье. 2 т. Казань, 1856.

— Жучка, повѣсть для дѣтей. Съ 4 карт. СПб. 1857.

— Четыре времени года. Съ 12 карт. СПб. 1858.

— Веньяминъ Франклинъ. Разсказъ для юношества. СПб. 1862. 16°.

— Дѣти. Разсказы для перваго возраста. СПб. 1862. 16°. Съ 4 раскраш. картинками.

— Поѣздка на Сергіевскія минеральныя воды. Разсказъ для дѣтей. Съ карт. 1863. 8°.

— Повѣсти. СПб. 8°. Съ картинками.

— Крестьянская школа. Спб. 1866. 4°. Съ картинками.

Издавала съ 1864 года „Семейные Вечера“, дѣтскій и юношескій журналъ, въ двухъ отдѣлахъ: для младшаго и для старшаго возраста, въ каждомъ по 12 книжекъ въ годъ.

Рыжовъ, Алексѣй Ивановичь, ст. сов., литераторъ. Онъ долго служилъ въ комитетѣ иностранной цензуры, а въ послѣднее время по мин-ву госуд. имуществъ и былъ членомъ юридической комиссіи при учредительномъ комитетѣ Царства Польскаго. Онъ погибъ насильственною смертью отъ руки убійцы 29 Янв. 1872 въ Петербургѣ, 43 лѣтъ.

Онъ участвовалъ критическими и юридическими статьями въ Библіотекѣ для Чтенія, въ Отеч. Запискахъ, въ Голосѣ, большею частію неподписанными, а иногда съ псевдонимомъ: „*О. Коллдинъ*“. Въ переводахъ, изданныхъ Н. Гербелемъ, есть его переводъ Тита Андроника Шекспира. Отдѣльно издана безъ его имени, составленная имъ

— Жизнь ген. лейт. князя Мадатова. 2-е изд. СПб. 1863. 8°. Съ портретомъ.

Нек-гъ въ Голосѣ 1872, № 32 и 33. Дѣло объ убійствѣ Рыжова въ Моск. Вѣдом. № 60 и въ другихъ газетахъ за Мартъ 1872 г.

Скрыльниковъ, Иванъ Марковичь, писавшій корресподенціи изъ Екатеринославля и напечатавшій нѣсколько брошюръ о народномъ образованіи и проч. ум. 26 Дек. 1872. (См. Новое Время 1873, № 19 „изъ Екатеринославля“).

Собольщиковъ, Василій Ивановичь, библіотекарь и архитекторъ Имп. Пуб. Библіотеки. Сынъ купца-старообрядца, р. въ Витебскѣ 13 Янв. 1813 г. Пройдя гимназич. курсъ въ Витебскѣ, онъ съ 1830 г. служилъ въ Петербургѣ. Желая образовать себя и изучить иностранные языки, онъ поступилъ въ 1831 на службу въ И. Публичную Библіотеку, которой посвятилъ свою дѣятельность. Изучивъ архитектуру, онъ приложилъ знанія свои къ улучшеніямъ въ зданіи Библіотеки и устроилъ новую читальную залу. Въ десятилѣтнее управленіе Библіотекою графа М. А. Корфа онъ явился усерднымъ помощникомъ предпринятыхъ имъ преобразованій и устроилъ отдѣленіе иноязычныхъ книгъ о Россіи, въ которомъ ввелъ усовершенствованный имъ способъ размѣщенія книгъ. Этотъ періодъ своей службы онъ описалъ въ книгѣ, напечатанной Библіотекою въ *двухъ экземплярахъ* къ юбилею бывшаго директора ея (1866 г.), также въ статьѣ Журнала Мин. н. просв. 1863. г. 120-я „И. Пуб. Б-ка въ эпоху перехода ея въ вѣдомство мин. народн. просв“. Какъ архитекторъ, онъ замѣчателенъ нововведеніями въ печномъ искусствѣ и вентиляціи, о коихъ писалъ въ газетахъ и брошюрахъ. Скonч. 19 Октября 1872, не доживъ до открытія построеннаго имъ зданія Римско-католической консисторіи.

— Объ устройствѣ общественныхъ библіотекъ и составленіи каталоговъ. СПб. 1859. 8° (Изъ Журнала Мин. Н. Пр. 1858, № 11).

— Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques. Paris, 1859. 12 (Неполный переводъ предъидущаго).

— Обзоръ большихъ библіотекъ Европы въ началѣ 1859. СПб. 1860.

— Простѣйшіе способы вентиляціи. СПб. 1863. Печное мастерство. 1865.

— Какъ слѣдуетъ дѣлать комнатныя печи. 12°.

— Выжиганіе дымовыхъ трубъ. 12° (Двѣ брошюрки изъ Сѣв. Почты).

— Что надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и духоты. Съ 40 рис. Спб. 1870.

Нек-гъ въ Моск. Вѣдом. № 269.—Зодчій (журналъ) 1873, некрологъ, писанный *П. Петровымъ*.

Соколовъ, Иванъ Матвѣевичь, хирургъ. Изъ Рязанской семинаріи вступивъ въ 1838 г. въ Моск. университетъ, онъ посвятилъ себя медицинѣ и служилъ университету прозекторомъ по каѳедрѣ анатоміи (которую занималъ съ 1844), въ 1850 утвержденъ докторомъ медицины и хирургіи, а съ 1853 по 1869 профессоромъ анатоміи. Онъ славился искусствомъ анатомическихъ препаратовъ и бальзамированія и совершилъ много трудныхъ операцій. Онъ былъ три года (1850—1853) врачемъ больницы чернорабочихъ, а въ 1858 назначенъ былъ операторомъ въ Голицынскую больницу. Послѣдніе годы состоялъ въ военно-медиц. вѣдомствѣ. Скончаля 22 Февраля 1872.

Нек-гъ въ Моск. Вѣдом. № 50.—Моск. Епарх. Вѣдомости № 10.—Воспоминаніе объ И. М. Соколовѣ *Н. В. Орлова*. 12°, 36 стр. (Изъ Саратовскаго Справочнаго Листка 1873, съ приложеніемъ писемъ его).

Тебеньковъ, Михаилъ Дмитріевичь, контръ-адмиралъ, гидрографъ. Онъ провелъ 15 лѣтъ своей жизни на службѣ въ бывшихъ нашихъ Американскихъ колоніяхъ съ 1825 по 1835 г. командиромъ разныхъ судовъ, а съ 1845—1850 главнымъ правителемъ колоній и въ 1852 издалъ огромный Атласъ сѣверо-западнаго берега Америки и острововъ Алеутскихъ, съ 38 листами картъ, съ видами и съ гидрографическими примѣчаніями, за что и получилъ Демидовскую премію. Ум. въ 1872.

См. Отчетъ Имп. Геогр. Общества, сост. графомъ К. Литке, за 1872 г., стр. 8.

Тюринъ, Александръ Ѳедоровичь, сенаторъ, служившій во II отд. собств. Его И. Величества канцеляріи. Изъ трудовъ его замѣтимъ Изслѣдованія источниковъ Русскаго гражданскаго права и по редакціи X тома свода законовъ. Ум. 24 Окт. 1872 г.

— Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Спб. 1850. 8° (Библ. для Чтенія 1849, № 11 и 1850 № 1 и 2).

Нек-гъ въ Рус. Мірѣ № 4 и 23.

Утинъ, Борисъ Исаковичь, публицистъ, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ судебной реформы, служилъ въ госуд. канцеляріи, потомъ былъ членомъ Петерб. окружнаго суда и наконецъ судебной палаты. Получивъ степень магистра правъ въ Дерптскомъ университетѣ въ 1857 и окончивъ свое образованіе за границею, онъ занялъ въ 1860 въ СПб. университетѣ каѳедру сравнительной исторіи законодательства, а потомъ государственнаго права въ училищѣ правовѣдѣнія. Ум. отъ чахотки въ Цюрихѣ, 13 Іюня 1872, на 40 году.

— Ueber die Ehrenverletzung nach russischem Rechte, seit dem XVII Jahrhundert. Dorpat. 1857. (Диссертація).

Кромѣ нѣсколькихъ политическихъ и критическихъ статей въ журналахъ, съ 1866 года исключительно въ Вѣстникѣ Европы и руководящихъ статей въ СПб. Вѣдомостяхъ, онъ съ К. Д. Кавелинымъ перевелъ съ Нѣмецкаго сборникъ Гакстгаузена: Конституціонное начало, его историческое развитіе и его взаимодѣйствіе съ политическимъ и общественнымъ бытомъ государствъ и народовъ. СПб. 1866. Изъ статей его отпечатана брошюрою, изъ Журнала гражд. и торговаго права: Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ предъ частными лицами СПб. 1872.

Нек-гъ въ СПб. Вѣдом. 1872, № 163. Вѣстникъ Европы т. 36, (1872, № 7), хроника, стр. 469—474, статья *М. Стасюлевича*; здѣсь исчислены статьи Утина.

Фортунатовъ, Ѳедоръ Николаевичь, бывшій инспекторъ Вологодской гимназіи, потомъ директоръ Петрозаводской, опытный и ревностный педагогъ и горячій другъ просвѣщенія, сотрудникъ Вологодскихъ Вѣдомостей и Рус. Архива, въ которомъ между прочимъ помѣстилъ: Воспоминанія о С. Петербургскомъ Уни-

верситетѣ за 1830—1833 годы. М. 1869. 8⁰. Его неоконченная брошюра: Воспоминаніе Вологжанина о преосв. архіепископѣ Иринеѣ, изъ Вологодскихъ Епарх. Вѣдомостей 1868 г., прервана мѣстною духовною цензурою на 12-ой страницѣ. Скончал. въ Москвѣ 18 Ноября (Моск. Вѣдом. 1872, № 294).

Шипулинскій, Павелъ Дмитріевичь, д. с. с., профессоръ медикохирургич. академіи, ум. 4 Іюля 1872 въ Парижѣ (СПб. Вѣдом. № 190).

Въ 1831 г. онъ занялъ въ должности адъюнкта каѳедру терапевтической клиники, въ 1837 командированъ за границу, въ 1844 переведенъ на каѳедру патологіи и терапіи, а съ 1848 снова читалъ терапевтическую клинику, въ послѣдствіи частную терапію и психіатрію.

— Dissertatio medico-chirurgica de structura uretrae, Petrop. 1835.

— Есть его статьи въ Военно-медиц. журналѣ.

См. *Прозорова*: Матеріалы для Исторіи И. Медико-хир. академіи 1850, стр. 256, 303, 334, 335 и проч.

Шнейдеръ, Василій Васильевичь, т. сов., заслуженный профессоръ СПб. университета. Род. въ Ревелѣ, въ 1793, окончилъ курсъ въ Моск. университетѣ, былъ учителемъ въ Моск. благородномъ пансіонѣ и съ 1822 преподавалъ Римское право въ СПб. университетѣ. Онъ читалъ исторію Римскаго права по Швеппе, а гражданское право по Макельдею и своимъ запискамъ. Въ 1861 онъ оставилъ университетъ. Скончал. 27 Ноября 1872 (Русскій Міръ, № 318).

— De cognatione quae inter antiquitatis studia et juris disciplinam ad historiae normam constitutam et firmatam intercedet, рѣчь, 1847.

— О значеніи Римскаго права въ отношеніи къ новѣйшему праву, рѣчь, 1857.

См. Исторію СПб. Университета *В. Григорьева*, стр. 39 и 154.

Штейнманъ, Иванъ Богдановичь, т. сов. Уроженецъ Петербурга (р. 1819), кандидатъ философскаго факультета СПб. университета (1840). Окончивъ образованіе свое въ Германскихъ университетахъ, онъ въ 1845 получилъ въ Петербургѣ степень магистра Греческой и Римской словесности, а въ 1851 г. степень доктора философіи и древней филологіи *). Съ 1845 онъ служилъ учителемъ Латинскаго языка въ Ларинской гимназіи, съ 1846 во 2-й СПб. гимназіи и съ 1847 доцентомъ въ СПб. университетѣ для преподаванія Греческихъ и Римскихъ древностей. Въ 1848, оставивъ Ларинскую гимназію, поступилъ адъюнктомъ въ педагогическій институтъ для преподаванія Греческой и Римской словесности; въ 1851 онъ былъ утвержденъ экстр. профессоромъ, въ 1853 г. орд. профессоромъ Греческой словесности и древностей, и съ 1859, по случаю упраздненія института, ему присвоено это званіе въ университетѣ. Кромѣ того онъ былъ съ 1857 г. въ продолженіи 10 лѣтъ, директоромъ главнаго Нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и участвовалъ членомъ въ разныхъ учебныхъ комитетахъ и комиссіяхъ. Въ 1867 онъ былъ назначенъ директоромъ новоучрежденнаго историко-филологическаго института, при которомъ онъ же учредилъ гимназію Скончал. 28 Марта 1872, въ Висбаденѣ.

— Antiquitatis Graecae loca quaedam ex Russorum moribus illustrata. 1847.

— О значеніи древней филологіи и мѣстѣ, которое она занимаетъ въ кругу наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ. СПб. 1851.

— De munere praeceptoris. Рѣчь для акта педагогич. института. 1851.

— Рѣчи Иперида за Эвксиппа. 1856. 8⁰. (Текстъ съ переводомъ).

Нек-гъ въ Журналѣ Мин. Н. Пр. т. 160 (1872, № 4), отд. IV, стр. 164—166. Ист. СПб. Университета *В. Григорьева*, стр. 230.

---

*) Диссертаціи его: Plutarchi Symosiacarum quaestionum ultimam IX, 15 interpretatus est, 1845 и Quaestiones de derivatione vocabulorum Graecorum, 1851.

Хмыровъ, Михаилъ Дмитріевичь. Р. 1 Сент. 1830, ум. 27 Ноября 1872 г. Онъ служилъ въ Измаиловскомъ полку до 1861 г., когда посвятилъ себя исключительно литературно - историческимъ занятіямъ. Нѣкоторые серьезные труды его, какъ то пополненіе біографическихъ сборниковъ Бантыша-Каменскаго и Амвросія, родословій кн. П. Долгорукова и исторія горнаго дѣла въ Россіи, остались неоконченными. Онъ собиралъ свѣдѣнія для Русской энциклопедіи, планъ которой сообщенъ С. Шубинскимъ въ Рус. Старинѣ 1873, № 2. Для этого онъ собралъ значительную библіотеку и статьи о Россіи, вырѣзанныя изъ журналовъ. Они поступили въ Музей имени Государя Наслѣдника Цесаревича, въ Москвѣ.

Изъ множества историческихъ статей Хмырова, отмѣтимъ статьи въ Разсвѣтѣ: о писательницахъ Буниной и Поспѣловой 1861, т. XII, и о Ксеніи Годуновой, т. XIV и XV; рядъ очерковъ изъ Русской исторіи въ Сѣв. Сіяніи 1862—1864; много біографій для Портретной Галлереи Мюнстера (II тома); біографіи начальниковъ Русской артиллеріи—въ Артилл. Журналѣ; статьи въ Энц. Словарѣ, въ Рус. Архивѣ, въ Рус. Старинѣ. Всѣ они поименованы при некрологѣ его въ Бирж. Вѣдомостяхъ 1872 № 329. Отдѣльно изданы:

— Графиня Е. И. Головкина и ея время (1700—1791). Историч. очеркъ. СПб. 1867 (Прежде въ Разсвѣтѣ 1860).

— Алфавитно-справочный перечень государей Русскихъ и другихъ особъ царской крови. 1869. (Изъ календаря изд. Генкелемъ).

— Такой же перечень удѣльныхъ князей 1870. (Вышла только первая часть).

Н-гъ К. Бестужева-Рюмина въ Голосѣ 1872, № 213. Биржевыя Вѣдомости № 329. Голосъ № 212 (извѣстіе о смерти) и № 217 (говорится о его библіотекѣ въ передовой статьѣ). Біографія, съ портретомъ *С. Шубинскаго*, во Всемірной Иллюстраціи, № 208. №. *П. Ефремова* въ Русс. Архивѣ 1873, № 1. Рус. Старина 1873, № 1.

Эвеніусъ, Александръ Егоровичь, докторъ мед. Род. въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ отецъ его былъ аптекарь, въ 1795 г. Іюня 19. Начавъ въ Моск. университетѣ курсъ медиц. наукъ, прерванный событіями 1812 г., онъ окончилъ его въ Моск. отдѣленіи медико-хирургич. академіи и въ 1815, выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ опредѣленъ на службу въ военное вѣдомство. 1819—1822 годы онъ провелъ въ занятіяхъ медициною въ Германіи, Франціи и Англіи. Возвратившись въ Москву, онъ 15 Фев. 1823 опредѣленъ въ Моск. университетъ адъюнктомъ для преподаванія офталмологіи, впослѣдствіи и десмургіи до 1846. Въ 1828 утв. въ званіи экстр., а въ 1836 орд. профессора; съ 1842 по 1846 былъ деканомъ медицинск. факультета. Онъ завѣдывалъ Московскою городскою больницею съ основанія ея въ 1833 г. Въ 1850 назначенъ инспекторомъ по медиц. части въ учрежденіяхъ И. Маріи. Съ 1848 по 1867 онъ былъ президентомъ физико-медиц. общества и съ 1846 по 1850 редакторомъ Моск. Врач. Журнала, въ которомъ нѣсколько его статей. Скончалъ 9 Февраля 1872.

— De scrophularum natura. 1818.

— De ophtalmologiae praestantia. Рѣчь. 1824.

Его исторія ученія объ искривленіяхъ человѣческаго тѣла помѣщена въ Врач. Запискахъ Маркуса и въ Abhandlungen practischer Aertzte.

Н-гъ въ Моск. Вѣдом. 1872, № 40, Біогр. Словарь Моск. професс. II, 657—666 стр.

Якушкинъ, Павелъ Ивановичь, усердный изслѣдователь народнаго быта, для изученія котораго ходилъ и жилъ среди народа, собиралъ пѣсни, записывалъ преданія и передалъ свои впечатлѣнія о видѣнномъ и слышанномъ въ нѣсколькихъ живыхъ разсказахъ, помѣщенныхъ преимущественно въ Современникѣ. Онъ уроженецъ Малоархангельскаго уѣзда, Орловск. губ. Скончалъ 8 Янв. 1872 въ Самарѣ, 52 лѣтъ (См. Голосъ, № 18).

— Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній. СПб. 1860. 8°.

— Народныя Русскія пѣсни изъ собранія П. Якушкина. СПб. 1865. (Изд. при Отеч. Запискахъ).

— Бывалое и небывальщина. СПб. 1867. 16° (съ портретомъ на обертке).

Въ 1859 году онъ, въ крестьянской по обыкновенію своему одеждѣ и по порученію редакціи Рус. Бесѣды, для этнографическихъ изслѣдованій находился во Псковѣ, былъ задержанъ Псковскимъ полицмейстеромъ Гемпелемъ и просидѣлъ 10 дней подъ арестомъ. По этому случаю онъ напечаталъ въ Р. Бесѣдѣ 1859, № 5 письмо, послужившее поводомъ къ долгой полемикѣ. Сюда относятся слѣд. статьи:

— Отвѣтъ на статью г. Якушкина. В. Гемпель. С.-Петербургскія Вѣдомости. 1859. № 239 и Московскія Вѣдомости. 1859 № 239.

— Отвѣтъ г. Псковскому полиціймейстеру. П. Якушкинъ. Московскія Вѣдомости. 1859. № 266. Тоже, С.-Петербургскія Вѣдомости. 1859. № 250. Тоже, Русскій Міръ. 1859. № 63 и 66. Тоже, Иллюстрація. 1859. № 95.

— Послѣдняя страница въ дѣлѣ г. Якушкина съ Псковской полиціей. Отъ редакціи. Русская Бесѣда. 1859. № 6; стр. 101—136.

— Разсказъ о приключеніи съ г. Якушкинымъ. Г. Гемпель передъ судомъ гласности. Русскій Вѣстникъ. 1859. № 17 и 20; стр. 92—103 и 385—402. Тоже, Русская Газета. 1859. № 40. Тоже, С.-Петербургскія Вѣдомости. 1859. № 239. Тоже, Московскія Вѣдомости. 1859. № 133.

— Г. Якушкинъ и Псковская губернская полиція. П. Лебедевъ 3-й. Русскій Инвалидъ. 1859. № 239. Оффиціальное описаніе дѣла, со всѣми подлинными документами.

— Строгость законовъ и великодушное самоуправство чиновниковъ. Г. Унковскій. Московскія Вѣдомости. 1859. № 261. Русскій Міръ. 1859. № 70. Г. Унковскій разсматриваетъ дѣйствія П. Якушкина и Гемпеля съ точки зрѣнія строго-юридической.

— Дополнительная замѣтка. А. Унковскій. Московскія Вѣдомости. 1859. № 270.

— Статья о Якушкинѣ съ портретомъ въ Иллюстриров. Газетѣ 1867 № 49. Отеч. Записки т. 200, (1872) отд. II, стр. 284—293· *В. Португалова*, Недѣля, № 3, 1872, стр. 108. (Извѣстіе врача о его кончинѣ).

Янишъ, Карлъ Андреевичъ, математикъ, извѣстный знатокъ шахматной игры и первый въ мірѣ теоретикъ ея. Онъ р. въ 1813, воспитывался въ институтѣ корпуса путей сообщенія, въ которомъ потомъ былъ профессоромъ механики; въ послѣдствіи служилъ въ министерствѣ финансовъ. Ум. въ отставкѣ, въ Мартѣ 1872. Онъ участвовалъ во многихъ шахматныхъ журналахъ, сдѣлалъ немало открытій въ этой спеціальности и собралъ о ней замѣчательную библіотеку.

— Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des échecs 2 v. 1842—1843, Dresde et St. Pétersbourg. 8°.—Découvertes sur le Cavalier du jeu des échecs. —Traité des applications de l'analyse mathématique.

Нек-гъ въ СПб. Вѣдом. 1872, № 82.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Какъ ни бѣсилося злорѣчье,
Какъ ни трудилося надъ ней,
Но этихъ глазъ чистосердечье,—
Оно всѣхъ демоновъ сильнѣй.

*

Все въ ней такъ искренно и мило,
Такъ всѣ движенья хороши:
Ничто лазури не смутило
Ея безоблачной души.

*

Къ ней и пылинка не пристала
Отъ глупыхъ сплетней, злыхъ рѣчей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелкъ ея кудрей.

ПО КАКОЙ ПРИЧИНѢ ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ ПЕРЕМѢЩЕНЪ ИЗЪ ХОЛМОГОРЪ ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

Въ Октябрской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1874 г. напечатана статья А. Брикнера *„Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники“* (1741—1807) г.*)

*) Г-ну Брикнеру принадлежатъ слѣдующія

Пересчитывая источники своего труда, г. Брикнеръ говоритъ: „Считаемъ не лишнимъ сдѣлать сводъ *всѣмъ* вообще изданнымъ, а въ особенности *въ послѣднее время* публикованнымъ даннымъ по этому вопросу". И далѣе, называя статью г. Семевскаго объ Іоаннѣ Антоновичѣ, г. Брикнеръ прибавляетъ: „Автору извѣстна литература по этому предмету; однако нельзя назвать его трудъ *полною разработкою* доступныхъ ему матерьяловъ." Слова г. Брикнера о г. Семевскомъ примѣняются и къ нему самому.

Говоря о такомъ крупномъ событіи въ жизни императора Ивана Третьяго, какъ нежданное перемѣщеніе его, на 17 году его жизни, изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургскую крѣпость (гдѣ онъ потомъ черезъ семь лѣтъ и погибъ), г. Брикнеръ замѣчаетъ: „*Намъ неизвѣстно*, что́ могло побудить императрицу Елизавету къ такому распоряженію? Вѣроятно, Елизавета знала, что въ публикѣ ходили слухи о пребываніи Іоанна Антоновича въ Холмогорахъ. Она, быть можетъ, ожидала какой-либо попытки освобожденія изъ этого мѣста бывшаго императора" и пр.

Въ „Сборникѣ И. Академіи Наукъ, по 2-му отдѣленію" въ томѣ IX (1872), на стр. 375—408, и затѣмъ въ „Исторіи И. Академіи Наукъ" академика Пекарскаго, въ томѣ II, на стр. 488—492, сомнѣніе г. Брикнера разъясняется на основаніи положительныхъ свѣдѣній изъ подлинныхъ, офиціальныхъ документовъ, найденныхъ въ бумагахъ академика Арсеньева. Изъ этихъ бумагъ оказывается, что въ 1755 г. былъ пойманъ шпіонъ Прусскаго короля, нѣкто Тобольскій купецъ-раскольникъ Иванъ Зубаревъ. Сначала на допросѣ въ Тайной Канцеляріи, 22 Января 1755 г., а потомъ на духу священнику, передъ смертью (въ той-же канцеляріи, гдѣ онъ и умеръ) 22 Ноября 1757 г., Зубаревъ сдѣлалъ признаніе, что король Фридрихъ, которому онъ былъ представленъ Манштейномъ, произвелъ его въ свои полковники и далъ ему порученіе — ѣхать въ Архангельскъ и тамъ, приготовивъ все къ побѣгу принца Іоанна, тайно похитить его и перевезти съ его семействомъ на корабль, который для того долженъ былъ явиться въ Бѣломъ морѣ. Вслѣдъ за первыми признаніями Зубарева, былъ посланъ изъ Петербурга въ Холмогоры капитанъ гвардіи Савинъ, который и перевезъ Ивана Антоновича въ Шлиссельбургъ.

Г. Брикнеръ, приводя ссылки напр. на книжку (1814 года) Яковлева, упускаетъ изъ виду труды по этому предмету гг. Вейдемейера и Бантышъ-Каменскаго. При статьѣ перваго („Жизнеописаніе семейства Антона Ульриха, со времени заключенія онаго"), заключающей въ себѣ много несомнѣнныхъ и любопытныхъ по времени свѣдѣній, приведенъ цѣлый рядъ Русскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ источниковъ, не упоминаемыхъ г. Брикнеромъ. Въ книгѣ втораго („Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ" и пр. 4 части, 1840 г.) помѣщено жизнеописаніе Антона Ульриха и *портретъ* его. Также у г. Брикнера невѣрно сосчитаны дни царствованія императора Іоанна Антоновича. Россія управлялась отъ имени этого государя (со времени смерти Анны Іоанновны 17 Октября 1740 г. до восшествія Елизаветы Петровны 25 Ноября 1741 года) не годъ и 16 дней, а годъ и 39 дней.

Октября 20-го дня 1874.

Г. Данилевскій.

сочиненія: «Мѣдныя деньги въ Россіи» (1864 г.), представлено для полученія степени магистра исторіи, «Война Россіи съ Швеціей 1788—1790 г.» (1869 г.) и нѣсколько рецензій, въ томъ числѣ на изданіе «Архивъ Князя Воронцова» въ Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія, 1872, № 9.

О БУМАГАХЪ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА.

Въ числѣ сподвижниковъ Петра Великаго одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ. Его жизнь и труды заслуживаютъ благодарной памяти потомства; но они до сихъ поръ не изслѣдованы и не изображены въ надлежащей точности, какъ и вообще вѣкъ Петра Великаго еще недостаточно разработанъ въ нашей исторической печати и, сравнительно съ другими эпохами XVIII вѣка, является покамѣстъ въ полусвѣтѣ; книги, относящіяся до того времени, у насъ рѣдки и малодоступны; а многія архивныя бумаги Петровскихъ лѣтъ не только не обнародованы, но едва разобраны, а нѣкоторыя и совсѣмъ не прочтены.

Праправнукъ фельдмаршала графа Шереметева, графъ Сергѣй Дмитріевичь Шереметевъ, имѣя въ виду полное жизнеописаніе своего предка, предпринялъ собрать по возможности всѣ письменные памятники его дѣятельности. Бумаги семейнаго Шереметевскаго архива уже приводятся въ порядокъ; равнымъ образомъ начаты розысканія въ правительственныхъ архивахъ Петербурга и Москвы; но нѣтъ сомнѣнія, что многія письма и бумаги, относящіяся до разнообразной военной и правительственной дѣятельности фельдмаршала графа Шереметева, хранятся въ частныхъ рукахъ, у потомковъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ служебныхъ и личныхъ сношеніяхъ. Такія бумаги могутъ находиться также въ архивахъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Для полноты предпринятаго исторіографическаго дѣла желательно, чтобы подобные письменные памятники присоединялись къ начатому уже собранію. Они могутъ быть доставляемы въ Петербургъ на имя графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева (на Фонтанкѣ, въ собственномъ домѣ), отъ котораго, по снятіи вѣрныхъ списковъ, будутъ возвращаемы во всей цѣлости обратно тѣмъ лицамъ и мѣстамъ, которыя ихъ сообщатъ. Доставители получатъ со временемъ по экземпляру „Сборника бумагъ графа Б. П. Шереметева“; а кому угодно будетъ уступить къ собственность и самые подлинники, тѣ благоволятъ заявлять свои условія.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1874 ГОДА *).

*) Буква *Т.*, находящаяся при нѣкоторыхъ цыфрахъ, означаетъ біографію Тютчева, которая напечатана въ этой книгѣ Русскаго Архива съ особымъ счетомъ страницъ. *П. Б.*

*

О ПОДПИСКѢ

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875 ГОДА.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1875 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ прежнія двѣнадцать лѣтъ сего изданія.

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ. — КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА РУССКІЙ АРХИВЪ 1875 ГОДА.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*. Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается в книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ въ годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р для Франціи и Англіи — **3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к.

Годовое изданіе Русскаго Архива 1874 года можно получать въ двух большихъ книгахъ, съ гравированными на стали портретами при каждомъ томѣ, по 4 рубля за книг (съ пересылкою).

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1875 год

ТРИ БОЛЬШІЯ КНИГИ.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.
